ОП

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО ТЕАТРА,

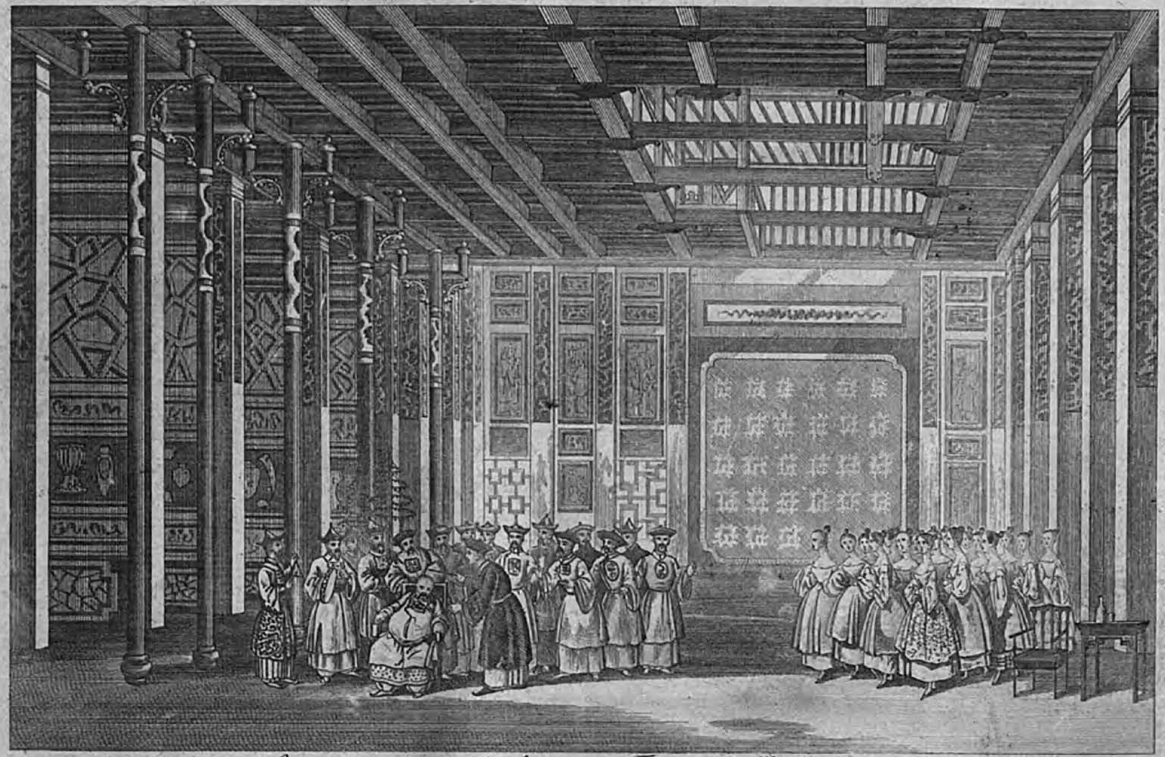
ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ПЕСОЦКИМЪ,

НА 1840 ГОДЪ.

ТОМЪ 1-Й.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Плюшара.
1840.



Сцена изъ 2го дѣйствія оперы Бронзовой Конь.

ЛЕВЪ ГУРЫЧЬ

СИНИЧКИНЪ,

ИЛИ

ПРОВИНЦІЯЛЬНАЯ ДЕБЮТАНТКА,

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ПЕРЕДѢЛАННЫЙ ИЗЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ПІЕСЫ: *Le père de la débutante*,

Дмитріемъ Ленскимъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ

НАДЕЖДѢ ВАСИЛЬЕВНѢ РѢПИНОЙ.

«Кто въ дарованьи ей откажетъ?
«Злой самый критикъ и педантъ,
«И тотъ объ ней невольно скажетъ:
«Она дѣйствительный талантъ!»

Ленскій.

ДѢЙСТВІЕ I.

ПИСЬМО.

Театръ представляетъ бѣдную комнату на постояломъ дворѣ; въ серединѣ дверь, и двѣ двери по сторонамъ. Простая старая мебель: два стула, столъ направо отъ актера и комодъ въ глубинѣ сцены.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Вѣтринскій, отставной корнетъ, богатый помѣщикъ..... *Г. Ленскій.*
Левъ Гурычь Синичкинъ, провинціяльный актеръ..... *Г. Живокини.*
Лиза, дочь его..... *Гжа И. Рѣпина.*
Раиса Мишишина Сурмилова, провинціяльная актриса..... *Гжа Орлова.*

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Вѣтринскій (*), Синичкинъ, въ комнатѣ съ правой стороны отъ зрителей; Лиза, въ комнатѣ съ лѣвой стороны.

ВѢТРИНСКІЙ, входя въ середнія двери.

Что за лѣстница! Самъ чортъ ногу переломитъ! Да и квартира хороша, нечего сказать. Вѣдь есть-же охотники жить на грязномъ постояломъ дворѣ, въ третьемъ этажѣ!... А живутъ открыто: всѣ двери настежь, — хоть все повыбери. Но воръ сюда не пойдетъ.... Здѣсь ничего нѣтъ интереснаго, кромѣ одного соблазнительнаго личика, которое совершенно вскружило мнѣ голову.... И сумасшедшій ея отецъ, старый провинціяльный скоморохъ, хочетъ и ее также сдѣлать странствующею комедіянткой!...

(*) Актеры должны занимать мѣста точно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они здѣсь означены въ началѣ каждаго явленія, полагая всегда съ лѣвой стороны отъ зрителей. Перемѣна мѣстъ во время дѣйствія показана внизу страницы.

СИНИЧКИНЪ, изъ своей комнаты.

Лиза!...

ВѢТРИНСКІЙ.

Кажется, его голосъ.

СИНИЧКИНЪ, клича.

Лизанька!

ВѢТРИНСКІЙ.

Это онъ.

СИНИЧКИНЪ, еще громче.

Лизокъ!

ЛИЗА, у себя въ комнатѣ, отвѣчая.

Чего изволите, тятенька?

ВѢТРИНСКІЙ.

А! вотъ и она.

СИНИЧКИНЪ.

Проснулась ты, иль нѣтъ?

ВѢТРИНСКІЙ

Хорошъ вопросъ!

ЛИЗА.

Проснулась, тятенька!..

ВѢТРИНСКІЙ.

Я думалъ, она скажетъ: нѣтъ.

СИНИЧКИНЪ.

Не помнишь ли ты, Лизочикъ, куда я дѣвалъ свой парикъ?

ЛИЗА.

Онъ у васъ тамъ на графинѣ виситъ, тятенька.

ВѢТРИНСКІЙ.

Чортъ возьми! Покамѣстъ тятенька накрываетъ свою лысину парикомъ, не пробраться ли мнѣ дефилеями направо, къ дочкѣ?.. Да! начну атаку быстро и рѣшительно, и если она согласится, сейчасъ же увезу ее къ ссбѣ въ Разгуляево.

СИНИЧКИНЪ.

Лиза!..

ЛИЗА, вбѣгая.

Вотъ и я!.. (*Съ безпечностію бросается къ Вѣтринскому на шею*). Здравствуйте, тятенька! Съ добрымъ утромъ!

ВѢТРИНСКІЙ.

И тебя также, мой ангелъ!

ЛИЗА, увидя свою ошибку, вскрикиваетъ.

Ахъ!...

ВѢТРИНСКІЙ.

Какъ мила!..

ЛИЗА.

Но позвольте, сударь! . Къ дѣвицамъ такъ безъ спроса не входятъ.

ВѢТРИНСКІЙ.

А зачѣмъ-же дѣвицы дверей не запираютъ?

ЛИЗА.

Это вѣрно кухарка запереть забыла.

ВѢТРИНСКІЙ.

Ну, такъ не я виноватъ, а кухарка!

ЛИЗА.

Постойте... я васъ узнала... вѣдь вы князь Вѣтринскій?.. Я часто видала васъ у Раисы Минишны Сурмиловой: вы ея обожатель.

ВѢТРИНСКІЙ.

А теперь, моя прелесть, я вамъ принадлежу!...

ЛИЗА.

Какъ мнѣ?

ВѢТРИНСКІЙ.

Послушайте, мой другъ, надобно вамъ сказать... мы разошлись съ Сурмиловой... я съ ней поссорился.

ЛИЗА.

Неужели?.. А она васъ такъ любила!

ВѢТРИНСКІЙ.

Она и до сихъ поръ все еще меня любитъ, да мнѣ-то ея любовь ужъ наскучила; притомъ же ей, какъ актрисѣ, нельзя отлучаться отъ своего театра, а я хочу, чтобъ та, которую я люблю, могла всегда и вездѣ быть со мною... Чрезъ два дня я поѣду въ свою Харьковскую деревню, и намѣренъ васъ похитить.

ЛИЗА.

Меня похитить?... Но вѣдь сперва надобно, чтобъ я на это согласилась!

ВѢТРИНСКІЙ.

Да если бъ вы согласились, я бы васъ не похитилъ.

ЛИЗА.

А мои дебюты, князь?

ВѢТРИНСКІЙ.

Охъ, ужъ вы мнѣ съ своими дебютами!... Это конечно, все вашъ знаменитый тятенька такъ пристрастилъ васъ къ театру?

ЛИЗА.

Ахъ! что жъ можетъ быть лучше театра?

ВѢТРИНСКІЙ.

Здѣсь, въ провинціи? Э! полноте!

Здѣсь карьеръ вашъ театральный
Развѣ можно сдѣлать вамъ?
Нашъ театръ провинціяльный
Смѣхъ и горе, стыдъ и срамъ!
Что за зданье, что за зала!
Какъ въ ней зрители сидятъ?
Масло постное и сало
Все лице вамъ закоптятъ!
Декораціи, машины
И костюмы-чудеса!
А артисты, какъ мужчины,
Такъ и женщины — краса!
Тутъ къ вамъ лѣзетъ, любовникъ,
И въ мундирѣ... о злодѣй!
По піесѣ онъ полковникъ,
По пріемамъ — брадобрей!
При усахъ, забывъ о шпорахъ,
Онъ быть ловкимъ норовитъ,
И съ княгиней въ разговорахъ
Каблуками все стучитъ...
Закулисная жъ княгиня,
Нарумянясь черезъ-чуръ,
Какъ ворона, ротъ разиня,
Вдругъ отпуститъ вамъ: «*банжуръ!*»
А въ трагедіяхъ — потѣха!
Это вонъ ужъ изъ границъ!
Средства нѣтъ смотрѣть безъ смѣха
На героевъ и царицъ!
На распѣвъ стихи читаютъ,
И безсмыслицу всегда,
Руки къ верху задираютъ
То туда, а то сюда!...
А въ какомъ-то изъ журналовъ
Появилась кутерьма,
Что здѣсь гдѣ-то есть Мочаловъ,
Каратыгинъ... и Тальма!!!
Но въ провинціи актеры,
Какъ ни плохи, — все везутъ,
И у насъ антрепренеры
Что угодно вамъ дадутъ...
Имъ и оперы подъ силу,
И, пожалуй, хоть сей-часъ
Вамъ *Аскольдову Могилу*
Отхватаютъ на-заказъ...
Если бъ Бантышевъ съ Лавровымъ
Здѣсь послушали пѣвцовъ,
Отъ души вѣнкомъ лавровымъ
Наградили бъ молодцовъ!...
А какіе здѣсь балеты
Я въ провинціяхъ видалъ!
Какъ сюжеты разодѣты!...
Вплоть до слезъ я хохоталъ!
Безъ пасмѣшки, безъ обиды,
Вотъ костюмъ ихъ, въ двухъ словахъ:
Въ красныхъ спензерахъ Сильфиды —
И зефиры въ сапогахъ!...
Здѣсь карьеръ вашъ театральный
Невозможно сдѣлать вамъ:
Нашъ театръ провинціальный
Смѣхъ и горе, стыдъ и срамъ!

ЛИЗА

Я сама знаю, что Петербургскій и Московскій театръ не идетъ въ сравненіе съ нашими провинціальными; я со временемъ и надѣюсь тамъ опредѣлиться; но теперь еще не смѣю прямо туда ѣхать, покамѣстъ здѣсь себя не попробую.

ВѢТРИНСКІЙ.

Да что вамъ за охота пробовать себя на театрѣ? Къ чему онъ вамъ?

ЛИЗА.

Я хочу быть актрисой, нажить себѣ славу, состояніе...

ВѢТРИНСКІЙ.

Подите! Театральная слава вздоръ; а что до состоянія, такъ я васъ обезпечу: лишь полюбите меня!

ЛИЗА.

Я люблю театръ, ваше сіятельство!

ВѢТРИНСКІЙ.

А я терпѣть его не могу съ тѣхъ поръ, какъ меня въ Петербургѣ сначала за кулисы ввели, потомъ за кулисами провели, и наконецъ изъ-за кулисъ вывели. Актрисы самый непостоянный народъ... Вотъ и Сурмилова, провинціялка, а тоже, говорятъ, дружна еще и съ графомъ Зефировымъ, потому что тотъ пропасть денегъ даетъ взаймы здѣшнему антрепренеру Пустославцеву, и рѣшительно всѣмъ въ театрѣ у него распоряжается, даже во всѣхъ піесахъ самъ роли раздаетъ. — Однимъ словомъ, если вы выйдете на сцену, я соберу кабаль — и васъ обшикаютъ.

ЛИЗА.

Какъ это будетъ мило съ вашей стороны!

ВѢТРИНСКІЙ.

Совѣтую вамъ лучше ѣхать со мною ко мнѣ въ деревню. Завтра же чѣмъ свѣтъ мы сядемъ въ коляску, — и я клянусь сдѣлать васъ счастливою!

СИНИЧКИНЪ, кличетъ.

Лиза!...

ЛИЗА.

Тятенька кличетъ!... Уйдите, князь, — ради Бога уйдите!... Ну, если онъ васъ здѣсь увидитъ!...

ВѢТРИНСКІЙ.

А что жъ такое?

ЛИЗА

Какъ что! Дочь его наединѣ съ молодымъ мужчиною, да еще и съ княземъ!

ВѢТРИНСКІЙ.

А! стало онъ этого не любитъ?

ЛИЗА.

Да и я не привыкла...

ВѢТРИНСКІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? *(Цѣлуетъ ее.)* Виноватъ, извините!...

ЛИЗА.

Онъ идетъ.... теперь мнѣ достанется.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе; Синичкинъ, въ халатѣ.

СИНИЧКИНЪ, декламируя, идетъ прямо къ комнатѣ Лизы.

«О ты, дочь нѣжная преступнаго отца!
«Опора слабая несчастнаго...»

ВѢТРИНСКІЙ, спрятавшись за Лизою.

«Глупца!»...

СИНИЧКИНЪ.

Послушай, Лизочикъ, я хочу сходить къ Раисѣ Минишнѣ: она обѣщалась за насъ похлопотать (*).

ЛИЗА.

Хорошо-съ, тятенька.

СИНИЧКИНЪ, оборачиваясь.

А! да ты вотъ гдѣ! .. а я, съ позволенія сказать, думалъ, ты у себя въ комнатѣ.

ЛИЗА, тихо князю.

Да уйдите же, говорятъ вамъ!

ВѢТРИНСКІЙ.

Мнѣ и здѣсь хорошо.

СИНИЧКИНЪ.

Раиса Минишна очень много значитъ, и навѣрное выпроситъ тебѣ дебютъ. *(Увидя князя).* Ба! незнакомый!... (**)

ВѢТРИНСКІЙ.

Здравствуйте! Здоровы ли вы?

СИНИЧКИНЪ.

Мое почтеніе.... слава Богу.... *(Тихо Лизѣ).* Кто это?

ЛИЗА, смѣшавшись.

Это.... одинъ пріѣзжій.... онъ.... вотъ видите....

ВѢТРИНСКІЙ.

Я артистъ, сударь... артистъ... точно такъ-же какъ вы и ваша дочь.

СИНИЧКИНЪ.

А!.. вы, съ позволенія сказать, актеръ?

ВѢТРИНСКІЙ.

Изъ Харькова... играю любовниковъ.

СИНИЧКИНЪ.

Очень радъ; вашу руку, товарищъ! Просимъ быть съ нами попросту. — Такъ вы изъ труппы *Людвига Юрьича Малатковскаго?*

ВѢТРИНСКІЙ.

Точно такъ.

СИНИЧКИНЪ.

Знаю! прекрасный человѣкъ. Съ позволенія сказать, я самъ года два тому назадъ игралъ у него Огелло. *(Декламируетъ).* «О! крови, крови жажду я!.. » *(Своимъ тономъ).* Здоровъ ли онъ?

ВѢТРИНСКІЙ.

Не совсѣмъ... все головой жалуется.

ЛИЗА, въ сторону.

Какъ лжетъ!

СИНИЧКИНЪ.

Жаль; а впрочемъ голова у него свое дѣло смыслитъ. Вы обѣдаете съ нами?

ЛИЗА, тихо отцу.

У насъ, кромѣ щей, ничего нѣтъ, тятенька.

СИНИЧКИНЪ, тоже.

Тѣмъ лучше: онъ въ трактиръ пошлетъ.

ВѢТРИНСКІЙ, глядя пристально на Лизу.

Я пріѣхалъ собственно затѣмъ, чтобъ ангажировать вашу дочь—и завтра-же увезти ее съ собою.

СИНИЧКИНЪ.

Къ *Малатковскому?*... Ни за что! Онъ ей не дастъ ни какого ходу....

ВѢТРИНСКІЙ.

Почему жъ вы такъ думаете?

СИНИЧКИНЪ.

Ужъ я знаю: у него жена всегда первыя роли играетъ. Не спорю, у нея, съ позволенія сказать, есть кой-какой талантъ; но куда же ей до моей дочери, Лизочки!... Далека пѣсня!..

Она повыше *Малатковской;*
Ей, съ позволенія сказать,
Не Харьковскій театръ — Московскій
Судьба судила украшать.
Ей стоитъ только поучиться,
Я вамъ ручаюсь головой:.

(*) Синичкинъ, Лиза, Вѣтринскій.
(**) Лиза, Синичкинъ, Вѣтринскій.

Она на сценѣ отличится
Не хуже *Рѣпиной* самой!

ЛИЗА.

О нѣтъ, тятенька, вы ужъ слишкомъ къ Рѣпиной пристрастны.

СПИЧКИНЪ.

Съ позволенія сказать, я вижу, чѣмъ природа по милости моей тебя наградила. Ты вся въ отца и въ покойную мать Акулину Никитишну: та же душа, та же манера, та же, съ позволенія сказать, теплота!... Я хочу, чтобъ ты здѣсь дебютировала для того только, чтобъ развились твои способности, а тамъ я непремѣнно отправлю тебя въ Москву, или Петербургъ. Что здѣсь въ провинціи можно выиграть? Вотъ ужъ я, съ позволенія сказать, тридцать семь лѣтъ рыскаю съ мѣста на мѣсто: игралъ *(говоритъ очень скоро)*: въ Тулѣ, въ Калугѣ, въ Рязани, въ Орлѣ, въ Тамбовѣ, въ Курскѣ, въ Ярославлѣ, въ Кіевѣ, въ Нижнемъ, въ Саратовѣ, въ Одессѣ, въ Таганрогѣ, въ Харьковѣ, въ Костромѣ. (Теперь я изъ Костромы)... Отличался въ любовникахъ, геройхъ, тиранахъ... пѣлъ теноровыя партіи въ операхъ: *(поетъ)*. «Приди на вѣкъ владѣть душею... приди...» *(говоритъ)*. Что я себѣ, съ позволенія сказать, нажилъ? Ни гроша... т. е. ровно ни копѣйки!.. еще вездѣ остался долженъ... тогда какъ въ Москвѣ я бы теперь въ трагедіяхъ, съ позволенія сказать, былъ бы не хуже... *(Шепчетъ князю на ухо)*, да... а въ комедіяхъ даже можетъ быть почище... *(шепчетъ опять)*. Да! да!.. повѣрьте мнѣ, я бы получалъ четыре тысячи пенсіи, четыре тысячи жалованья, пятьдесятъ рублей за представленіе и полный бенефисъ въ лучшее время... а?.. было бы на что пообѣдать!

ЛИЗА, съ душею.

Я дебютирую, тятенька, непремѣнно дебютирую! Я знаю, что буду любимою актрисою: мнѣ мое сердце говоритъ!

Театръ отецъ, театръ мнѣ мать!
Театръ мое предназначенье!..

СПИЧКИНЪ, съ энтузіасмомъ.

О! съ позволенія сказать,
Мое дитя, мое рожденье!
Священный огнь въ твоей груди!..

ВѢТРИНСКІЙ, въ сторону.

Ахъ старый шутъ! какъ онъ забавенъ!

СПИЧКИНЪ.

Тебя ждетъ слава впереди —
И твой отецъ тобою славенъ!
Предчувствую судьбу твою...
О всемогущая природа!
Я отъ восторга слезы лью...
Достань платокъ мнѣ изъ комода!

(Лиза идетъ за платкомъ).

Фу! я воображаю, какъ она, съ позволенія сказать, хороша будетъ принцессой!

ВѢТРИНСКІЙ.

Принцессой?..

СПИЧКИНЪ.

Да, принцессой!.. Что жъ тутъ удивительнаго?.. Отецъ-то у ней, съ позволенія сказать, тридцать семь лѣтъ царей на сценѣ представлялъ, а мать играла Дидону, какъ никто... *(съ чувствомъ)* Эхъ, Акулина Никитишна! Если бъ ты была жива, ужъ какъ-бы я теперь съ тобою отхваталъ Ярба!... *(Декламируя)*.

«Дидону я убилъ, Энею отомщу..»

(Своимъ тономъ). Совралъ!... не такъ...

(Декламируя):

«Энея я убилъ, Дидонѣ отомщу,
«И брачныя свѣщи въ надгробны превращу!...

ВѢТРИНСКІЙ.

Удивляюсь, какъ это вы были почти на всѣхъ провинціяльныхъ театрахъ, а до сихъ поръ ни на одномъ изъ нихъ не могли доставить дебюта своей дочери?

СПИЧКИНЪ.

Зависть, сударь, зависть проклятая! Куда ни пріѣду, сыграю: «Нѣтъ, — говорятъ, — если и дочка-то по батюшкѣ пошла, такъ мы, съ позволенія сказать, на мель сѣли: насъ послѣ смотрѣть не станутъ!...»

ВѢТРИНСКІЙ.

Ну, а если вашу дочь здѣсь обшикаютъ? А вѣдь я навѣрное знаю, что ее обшикаютъ.

ЛИЗА, испугавшись.

Это было-бы варварство!

СПИЧКИНЪ.

Ничего... мнѣ тридцать семь лѣтъ срамушикаютъ.

ВѢТРИНСКІЙ.

И вы не умерли съ отчаянія?

СИНИЧКИНЪ.

Привычка... я ужъ на это вниманія не обращаю... Только вотъ, съ позволенія сказать, къ моченымъ яблокамъ все еще не могу приноровиться *(Лиза подаетъ ему платокъ)*. Спасибо, Лизокъ! Но ты не бойся, мой ангелъ, тебѣ всѣ будутъ аплодировать, и такъ, что театръ затрещитъ; каждый разъ — разъ по десяти вызовутъ!.. Тебя станутъ на рукахъ носить... мы разбогатѣемъ, заведемъ карету... ты будешь получать въ годъ до двадцати тысячъ... *(Развертываетъ платокъ весь въ дыркахъ; Вѣтринскій смотритъ и смѣется)*. Да, да!... четыре тысячи жалованья, зимній бенефисъ, и сверхъ всего этого, съ позволенія сказать, по сту рублей тебѣ за разъ дадутъ!

ВѢТРИНСКІЙ.

Очень вѣроятно.

СИНИЧКИНЪ.

Разумѣется!... Что вы смотрите на мой платокъ? У меня ихъ полдюжины... четыре, съ позволенія сказать, никуда ужъ не годятся... Впрочемъ она какъ-то играла однажды, и съ большимъ успѣхомъ.

ВѢТРИНСКІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ?.. Гдѣ же это?

ЛИЗА.

На домашнемъ театрѣ, въ деревнѣ, у Фарсинскихъ.

СИНИЧКИНЪ.

У Фарсинскихъ Лизокъ представляла жену какого-то Титулярнаго Совѣтника... еще у ней тутъ платье разорвано... отлично!

ЛИЗА.

Какая была публика!

СИНИЧКИНЪ.

Упадешь! Все, съ позволенія сказать, егеря — и Малороссійскіе помѣщики!... А какая піеса!...

ЛИЗА.

И мороженое въ антрактахъ было!

СИНИЧКИНЪ.

Чудо!

ВѢТРИНСКІЙ.

Піеса?

СИНИЧКИНЪ.

Морожное... я съѣлъ десять блюдичковъ... Всѣ были въ восторгѣ отъ моей дочери... у ней, съ позволенія сказать, такая пріятная манера... столько души, теплоты!.. и притомъ память удивительная!... Повѣрите ли, господинъ... господинъ... съ позволенія сказать, ваша фамилія?

ВѢТРИНСКІЙ.

Ленскій.

СИНИЧКИНЪ.

Ленскій?.. какъ! вы тотъ самый водевильный перевочикъ, котораго часто въ журналахъ критикуютъ?

ВѢТРИНСКІЙ.

О нѣтъ... вѣдь насъ много.

ЛИЗА.

Тотъ, тятенька, при Московскомъ Театрѣ служитъ.

СИНИЧКИНЪ.

Да, я ошибся... а ужъ какъ его несчастнаго, съ позволенія сказать, во всѣхъ статьяхъ отдѣлываютъ! Особливо какой-то писатель покоя ему не даетъ! Ленскій вѣрно на него ужасно сердится.

ЛИЗА.

Не думаю, тятенька.

Онъ не для славы, говорятъ,
А для товарищей трудится;
Когда за дѣло побранятъ,
Смѣшно-бы Ленскому сердиться;
Когда-же стан пачкуновъ
По пустякамъ браниться станутъ,
Онъ помнитъ что сказалъ Крыловъ:
«Полаютъ, да отстанутъ!»

СИНИЧКИНЪ.

Согласенъ, согласенъ, Лизочикъ... вотъ и мнѣ точно также пошикаютъ, пошикаютъ, да и устанутъ!... Однако жъ, съ позволенія сказать, о чемъ бишь мы говорили?.. Да! О твоей памяти... Какъ вамъ покажется, Г. Ленскій: Раиса Миншна просила Лизу, чтобъ она прослушала, твердали у ней роль Коры въ этой новой піесѣ, что сегодня въ первый разъ играютъ; Лиза прослушала—и теперь сама всю роль Сурмиловой читаетъ наизусть изъ слова въ слово!

ВѢТРИНСКІЙ.

Роль Раисы Миншны?

СИНИЧКИНЪ.

Да-съ, съ позволенія сказать, Сурмиловой... А вы ее знаете?

ЛИЗА, улыбаясь.

Надѣюсь, тятенька!.. они другъ съ другомъ знакомы немножко.

СИНИЧКИНЪ.

Мы здѣсь одни, насъ никто не слышитъ... Эта Раиса... съ позволенія сказать, передъ Лизой... дрянь актриса!

ЛИЗА.

Конечно, тятенька, у меня больше таланта, чѣмъ у ней... ну да все-таки она моя хорошая пріятельница.

СИНИЧКИНЪ.

О! я и не думалъ ее унижать... напротивъ, я, съ позволенія сказать, отъ души ее уважаю... она здѣсь первая любовница, получаетъ славное жалованье: шесть сотъ рублей, квартиру, дрова и свѣчи, и два бенефиса на ярмаркѣ... она доставитъ тебѣ дебютъ, да и меня, по ея милости, примутъ на сцену...

ВѢТРЕНСКІЙ.

Какъ на сцену? Неужели вы все еще хотите актёрствовать?

СИНИЧКИНЪ.

Вотъ прекрасно! Да я, съ позволенія сказать, не дальше какъ вчера здѣсь игралъ... Развѣ вы не видали?

ВѢТРЕНСКІЙ.

Нѣтъ, не имѣлъ удовольствія: я не былъ въ спектаклѣ.

СИНИЧКИНЪ.

Спросите-ка, какъ я отличился!...

ЛИЗА, прислушиваясь.

Тятенька! кто-то идетъ по лѣстницѣ!.. Кажется, Раиса Минишна.

ВѢТРЕНСКІЙ, въ сторону.

Сурмилова!.. Хорошъ я!

СИНИЧКИНЪ.

Раиса Минишна!.. наша добрая пріятельница, покровительница, благодѣтельница!.. Побѣгу къ ней на встрѣчу!.. Чортъ возьми! съ позволенія сказать — первая любовница!.. *(Уходитъ).*

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛИЗА, ВѢТРЕНСКІЙ.

ВѢТРЕНСКІЙ.

Если она меня здѣсь увидитъ, я пропалъ!

ЛИЗА.

Но вѣдь вы съ ней разсорились?

ВѢТРЕНСКІЙ.

Именно изъ за этого!.. Она все еще въ меня влюблена и ревнуетъ безъ памяти!.. Если я у васъ попадусь къ ней на глаза, она какъ разъ мнѣ глаза выцарапаетъ, да и вамъ достанется!.. Убѣгу!

ЛИЗА.

Она ужъ взошла на лѣстницу.

ВѢТРЕНСКІЙ.

Давай Богъ ноги!.. Но гдѣ пройти?. А! въ эту дверь (*).

ЛИЗА.

Но тутъ моя комната.

ВѢТРЕНСКІЙ.

Тѣмъ лучше.

ЛИЗА.

Тамъ есть выходъ въ сѣни.

ВѢТРЕНСКІЙ.

Мнѣ онъ ненуженъ: я просижу здѣсь до вечера.

ЛИЗА.

Вотъ прекрасно!.. *(Вѣтренскій ее цѣлуетъ и бросается къ ней въ комнату).* Чуть-чуть не застали!..

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛИЗА, СУРМИЛОВА, СИНИЧКИНЪ.

СИНИЧКИНЪ.

Милости просимъ, Раиса Минишна! Добро пожаловать, дорогая гостья! . Съ позволенія сказать... *(поетъ)*. «Прелести здѣсь обитаютъ!...» *(говоритъ)* какъ-скоро вы у насъ бываете.

СУРМИЛОВА.

Благодарю, Синичкинъ.

СИНИЧКИНЪ.

Осмѣлюсь ли вамъ рекомендовать *(оглядывался кругомъ)*. Да куда-же онъ дѣвался?

ЛИЗА.

Ушелъ, тятенька. *(Идетъ къ Сурмиловой)*. Ахъ, какъ я вамъ благодарна, Раиса Минишна, что вы насъ посѣтили! Какія вы добрыя!

СУРМИЛОВА.

Здравствуй, мой ангелъ. *(Цѣлуетъ Лизу)*. Я дала слово, и ты могла быть увѣре-

(*) Вѣтренскій, Лиза.

на; ужъ если я кому дамъ честное слово, всегда сдержу его.

СИНИЧКИНЪ.

Да, что бы тамъ ни болтали, а честное слово ужъ если Раиса Минишна кому дастъ, такъ всегда сдержитъ!.. Надобно только, съ позволенія сказать, просить у ней съ толкомъ.

СУРМИЛОВА.

Это правда; а то иногда просятъ невозможнаго, и потомъ за всю твою любовь и привязанность еще тебя же и обманутъ.— Такъ вы здѣсь живете? Комнаты тѣсненьки... а врочемъ довольно миленькія.

ЛИЗА.

Конечно, у васъ гораздо просторнѣе и богаче... Ну, да куда жъ намъ за вами угоняться!

СУРМИЛОВА.

Не завидуй, душенька; вспомни пѣсенку: «И чрезъ золото рѣкою слезы льются иногда!»

СИНИЧКИНЪ.

А развѣ у васъ, съ позволенія сказать, сеть тоска на сердцѣ?

СУРМИЛОВА.

Ахъ! ужъ и очень есть!.. Чудовище, которому я всѣмъ пожертвовала—и увы!—рада опять всѣмъ пожертвовать!..

СИНИЧКИНЪ.

А! Это, т. е., съ позволенія сказать, выходитъ: «Чѣмъ тебя я огорчила?»

СУРМИЛОВА.

Единственное созданіе, что я такъ пламенно обожала... *(Лизѣ)*. Знаешь, князь Вѣтринскій?.. Измѣнилъ, жестокій!

СИНИЧКИНЪ.

Еще бы вы съ князьями завели знакомство! Вѣдь ихъ сіятельства, съ позволенія сказать, не свой братъ, Раиса Минишна!.. О! если бы за Лизой какой-нибудь сіятельный сталъ ухаживать, я бы счелъ ее погибшею!

ЛИЗА, въ сторону.

Добрый тятенька! А если-бы ты зналъ... *(Сурмиловой)*. Но неужели вы все еще любите князя?

СУРМИЛОВА.

Могу ли я не любить вѣроломнаго!... Я съ нимъ познакомилась, когда онъ еще былъ въ гусарскомъ мундирѣ... Ахъ!.. а ты не знаешь, какъ гусарскій мундиръ сильно надъ нами дѣйствуетъ!... Представь себѣ: ловкій, стройный мужчина... и тридцать тысячь дохода!..

СИНИЧКИНЪ.

Ну, противъ этого, съ позволенія сказать, и говорить нечего!.. Однако жъ, я слышалъ, будто бы еще какой-то пожилой графъ къ вамъ ѣздитъ?

СУРМИЛОВА.

Да... бываетъ.... Мнѣ такъ скучно сегодня!.. Въ 11 часовъ у меня репетиція, ввечеру я играю... мнѣ необходимо было разсѣяніе... думаю: «Поѣду къ бѣднымъ Синичкинымъ (*). *(Садится съ правой стороны)*.

ЛИЗА, въ сторону.

Къ бѣднымъ Синичкинымъ!..

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Какую пыль въ глаза пускаетъ, съ позволенія сказать, эта графская княгиня!

СУРМИЛОВА.

Ну, какъ васъ Богъ хранитъ? Чѣмъ вы перебиваетесь? О какой помощи вы меня просить хотѣли?

СИНИЧКИНЪ.

Мы ждемъ отъ васъ большаго одолженія... Вы, съ позволенія сказать, обѣщали при театрѣ свое покровительство моей дочери, моей ненаглядной Лизочкѣ.

СУРМИЛОВА.

Хорошо.... я помѣщу ее въ фигурантки.

ЛИЗА и СИНИЧКИНЪ.

Въ фигурантки!

СУРМИЛОВА.

А васъ, Левъ Гурычь, при раздачѣ билетовъ

СИНИЧКИНЪ.

Меня, Костромскаго благороднаго отца, при раздачѣ билетовъ!...

СУРМИЛОВА.

А куда же васъ прикажете?

СИНИЧКИНЪ.

Извините, Раиса Минишна!.. Ошиблись!.. Я, съ позволенія сказать, такой-же

(*) Лиза, Синичкинъ, Сурмилова

артистъ, какъ и вы!.. и умру артистомъ, на сценѣ, или у себя дома, ничего не дѣлавши!.. Я и безъ того буду имѣть кусокъ хлѣба, когда дочь моя сдѣлается любимою актрисою.

СУРМИЛОВА.

Любимою актрисою?.. а гдѣ это?

ЛИЗА.

Какъ гдѣ? Да на здѣшнемъ же театрѣ... на однѣхъ доскахъ съ вами.

СУРМИЛОВА, вставая.

Что?.. на однѣхъ доскахъ со мною?.. Ха! ха!.. вотъ какія претензіи!..

ЛИЗА.

Что жъ тутъ удивительнаго? Вѣдь вы играете же, и вамъ тоже аплодируютъ, Раиса Минишна!

СУРМИЛОВА.

Я, большая разница: я талантъ!

СИНИЧКИНЪ.

Да, точно, съ позволенія сказать, вы можете похвастаться и талантомъ и скромностію!.. Но кто же, чортъ возьми, вамъ сказалъ, что и Лиза-то у меня также не талантъ?.. Кто, съ позволенія сказать, вамъ сказалъ?...

ЛИЗА.

Тятенька! полноте!..

СУРМИЛОВА.

Вотъ ваша дочь, Левъ Гурычъ, гораздо васъ разсудительнѣе: она меня понимаетъ. Слава, также какъ любовь, очень непостоянна!.. Гораздо лучше заняться ремесломъ, выйти замужъ; конечно, это не такъ благородно, за то въ тысячу разъ прочнѣе.

СИНИЧКИНЪ.

Одно, сударыня, не мѣшаетъ другому: дѣвушка можетъ выйти замужъ и дебютировать: иныя даже, съ позволенія сказать, и до свадьбы дебютъ выдержали!

СУРМИЛОВА.

Эхъ, какъ вы несносны съ вашими спорами, Левъ Гурычъ!... Ну, если ужъ вы непремѣнно хотите сдѣлать изъ нее актрису, такъ пошлите ее сперва въ Москву, или Петербургъ, въ Театральную Школу: тамъ по крайней мѣрѣ выучатъ ее держаться попрямѣе, выправятъ ей руки и ноги...

СИНИЧКИНЪ.

Да что жъ вы, съ позволенія сказать, такъ важничаете? Вамъ-то самимъ гдѣ ноги выправляли?.. Моя дочь здѣсь почище васъ будетъ!

СУРМИЛОВА.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? А вотъ сперва посмотримъ еще, примутъ ли ее на сцену!..

СИНИЧКИНЪ.

Вѣрьте, примутъ, и къ тому же
Я пари держу сейчасъ,
Что она никакъ не хуже,
А получше будетъ васъ!

СУРМИЛОВА.

Вы прекрасное сравненье
Между ей и мной нашли!
Мой отвѣтъ одно — презрѣнье!
Вы совсѣмъ съ ума сошли.

ЛИЗА.

Что жъ вы такъ собой гордитесь?
Я могу вамъ доказать...

СУРМИЛОВА.

Перестаньте, вы годитесь
Башмаки мнѣ подавать!

ЛИЗА, плача.

Ахъ! такое униженье
Я не въ силахъ перенесть...
Это гордое творенье
Оскорбляетъ нашу честь!

СИНИЧКИНЪ, Сурмиловой.

Нѣтъ! ужъ это оскорбленье
Я не въ силахъ перенесть!
Не смотря на уваженье:
Вотъ вамъ дверь, — имѣю честь!

СУРМИЛОВА, Синичкину.

Я достану позволенье,
Хоть съ трудомъ, но какъ ни есть,
Ваше жалкое творенье
Въ фигурантки произвесть!

Ха! ха! ха! сумасшедшіе!.. *(Уходитъ).*

Вместе.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛИЗА, СИНИЧКИНЪ.

СИНИЧКИНЪ.

Грубіянка!.. Какъ она носъ кверху задираетъ!.. *(Декламируя).*

«Ордынецъ дерзостный!..»

ЛИЗА.

Она отъ того такъ гордится, тятенька, что у нея въ самомъ дѣлѣ большой талантъ!

СИНИЧКИНЪ.

Поди ты! Весь ея талантъ, съ позволенія

сказать, въ сѣдомъ графѣ Зефировѣ, который ей протежируетъ!.. Только бы тебѣ на сцену-то показаться, а то ты отобьешь у нея всѣхъ первыхъ любовницъ!..

ЛИЗА.

Я сейчасъ могла бы даже отбить у нея и перваго любовника, тятенька.

СИНИЧКИНЪ.

Какъ такъ?

ЛИЗА.

Да... князя Вѣтринскаго!... Онъ признавался мнѣ въ любви, хотѣлъ меня увезти.

СИНИЧКИНЪ, обхвативъ ее руками.

Увезти? тебя? дочь мою, мое рожденіе, мое единственное сокровище!.. увезти тебя отъ твоего старика-отца?.. Нѣтъ, съ позволенія сказать, пускай-ко попробуетъ его сіятельство!

ЛИЗА.

Не бойтесь, тятенька: я не люблю его... онъ совсѣмъ не прошеный сейчасъ къ намъ пріѣзжалъ.

СИНИЧКИНЪ.

Какъ сейчасъ? Неужели этотъ молодой человѣкъ, г. Ленскій....

ЛИЗА.

Былъ онъ!.. Я его прогнала.

СИНИЧКИНЪ.

Но гдѣ же онъ прошелъ?.. я не видалъ его на лѣстницѣ.

ЛИЗА, указывая на свою комнату.

Онъ туда бросился.

СИНИЧКИНЪ.

Въ твою комнату?.. Такъ эдакъ-то ты, съ позволенія сказать, прогонялешь отъ себя любовниковъ! *(Быстро идетъ налѣво).*

ЛИЗА.

Тятенька! ради Бога!.. Ну, если онъ его тамъ найдетъ!..

СИНИЧКИНЪ, возвращаясь съ тетрадью въ рукахъ (*).

Онъ ушелъ чрезъ отпертую дверь въ сѣни.— Разбойникъ! Счастье его, что онъ задобра-ума убрался отсюда... Онъ что-то написалъ на тетради, которая тамъ на столѣ лежала.

(*) Синичкинъ, Лиза.

ЛИЗА, смотря на тетрадь.

Какъ будто письмо какое.

СИНИЧКИНЪ.

И къ кому? неизвѣстно... Впрочемъ, разумѣется, ужъ къ тебѣ, когда у тебя въ комнатѣ оставлено.

ЛИЗА.

Прочтите-ка, тятенька.

СИНИЧКИНЪ, читаетъ.

«Рѣшительно я по тебѣ съ ума схожу. «Откажись отъ театра, и располагай мною.. «(Ба! ба....) и моимъ состояніемъ. (А! «гмъ!...) Пріѣзжай въ сумерки къ городской заставѣ, тамъ буду я ждать тебя въ «своей коляскѣ, и мы отправимся ко мнѣ «обѣдать въ Разгуляево.... кромѣ насъ ни«кого тамъ не будетъ. Если ты не пріѣдешь, я соберу противъ тебя жестокую «кабаль — и тебя безъ пощады обшикаютъ.»

«Князь Вѣтринскій.»

ЛИЗА.

Какая дерзость!

СИНИЧКИНЪ.

И мерзость! Вотъ каковы эти матушкины сынки съ усиками; съ позволенія сказать, они все себѣ позволяютъ!

ЛИЗА.

Божусь, что я никогда не подавала ему ни какого повода, тятенька!...

СИНИЧКИНЪ.

Развѣ я тебя не знаю, дочь моя! Я тебя насквозь понимаю.... Однако жъ, послушай.... я не хочу тебя принуждать.... съ позволенія сказать, скажи ты мнѣ откровенно, чувствуешь ли ты непреодолимую страсть къ театру?

ЛИЗА.

И сплю и вижу быть актрисой!

СИНИЧКИНЪ.

О! въ такомъ случаѣ.... *(Хочетъ разорвать бумагу.)* Ба! что было я надѣлалъ?... Постой!... Мнѣ пришла мысль!... Нѣтъ!... а впрочемъ, почему-жъ? вѣдь къ кому письмо, имени не выставлено.....

ЛИЗА.

Что жъ вы хотите дѣлать?

(Музыка до конца.)

СИНИЧКИНЪ.

Не знаю! А можетъ быть!... она насъ

унизила, оскорбила; такъ вотъ я же, съ позволенія сказать, ей докажу!....

ЛИЗА.

Ахъ, тятенька! я вамъ не совѣтую....

СИНИЧКИНЪ, подходитъ къ столу и садится.

Сдѣлаю конвертъ и надпишу....

ЛИЗА.

Къ кому-же?

СИНИЧКИНЪ, тодравъ писанную четвертку, дѣлаетъ изъ другой конвертъ.

Тсъ!... молчи, Лизокъ! молчи!... Левъ пробуждается для защиты своего дѣтища!.. (*Вкладываетъ писанную четвертку въ конвертъ, запечатываетъ облаткой и надписываетъ.*) Какъ смѣть мою дочь въ фигурантки, а меня при раздачѣ билетовъ!... (*Встаетъ*). Подай мнѣ фракъ..... самый лучшій.

ЛИЗА.

Да у васъ всего только одинъ и есть, тятенька.

СИНИЧКИНЪ.

Ну, его подай... А ты, съ позволенія сказать, во всемъ мила... (*Декламируя*). «Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша!» Поцѣлуй меня — и пойдемъ! (*Надѣваетъ фракъ*).

ЛИЗА, надѣваетъ шляпку.

Да какое-жъ ваше намѣреніе?

СИНИЧКИНЪ.

Пустить тебя на сцену.

ЛИЗА.

Когда?

СИНИЧКИНЪ.

Нынѣшнимъ-же вечеромъ.

ЛИЗА.

Въ какой роли?

СИНИЧКИНЪ.

Въ роли Сурмиловой.

ЛИЗА.

Но какъ?

СИНИЧКИНЪ.

Смѣлѣй! Ужъ это мое дѣло! Я не боюсь Раисы.

Смѣлѣй! себя, отца и мать
Своимъ талантомъ ты прославишь,
И, съ позволенія сказать,
Раису въ дребезги раздавишь!

ЛИЗА.

Вмѣстѣ

Смѣлѣй! коль тятенька сказалъ,
Что не боится онъ Раисы,
Ужъ кто-бъ другой мнѣ не мѣшалъ,
Я вѣрно попаду въ актрисы!

СИНИЧКИНЪ.

Смѣлѣй! ужъ я тебѣ сказалъ,
Что не боюся я Раисы,
И кто-бъ другой намъ не мѣшалъ
Ты вѣрно попадешь въ актрисы!

(Уходятъ)

ДѢЙСТВІЕ II.

РЕПЕТИЦІЯ.

Театръ представляетъ сцену въ безпорядкѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Левъ Гурычъ Синичкинъ..... *Г. Живокини.*
Лиза, дочь его..... *Г-жа П. Рѣпина.*
Раиса Мишишна Сурмилова... *Г-жа Орлова.*
Петръ Петровичъ Пустославцевъ, содержатель провинціальнаго театра..... *Г. Щепкинъ.*
Напойкинъ, актеръ..... *Г. Румяновъ.*
Налимовъ, режиссеръ..... *Г. Никифоровъ.*
Дирижеръ..... *Г. Поляковъ.*
Ѳедоръ Семеновичъ Борзиковъ, драматическій писатель..... *Г. Самаринъ.*
Трифонъ, разсыльный при труппѣ. *Г. Ермоловъ.*
Митька, старшій плотникъ при театрѣ..... *Г. Шуберт.*
Актеры и фигуранты.
Музыканты.
Театральные плотники и ламповщики.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАЛИМОВЪ, НАПОЙКИНЪ, АКТЕРЫ И ФИГУРАНТЫ, сидятъ въ глубинѣ театра; нѣкоторые играютъ въ шашки и въ карты, другіе смотрятъ.

НАЛИМОВЪ, съ часами въ рукахъ на авансценѣ.

Перваго половина, а репетиція все еще не начиналась... Піеса новая, идетъ сегодня въ первый разъ. (*Развертываетъ афишу.*) «*Пизарро въ Перу съ Испанцами, драма съ пѣніемъ и танцами, соч. Ѳ. С. Борзикова*». Какое славное названіе!.. То-то, чай, сборовъ-то, не оберешься!.. А! вотъ и самъ Петръ Петровичъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ, ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, обращаясь къ кулисамъ

Молчи, стой, слушай!... Скажи, братецъ, своему барину, что не могу... убей Богъ мою душу, не могу! Всѣ до одного розданы... убей Богъ мою душу, розданы!... Кланяйся его высокоблагородію. *(Подходитъ къ авансценѣ; актеры въ глубинѣ театра встаютъ и кланяются Пустославцеву.)* Каково! ни одного кресла не осталось! — Налимовъ! Ѳедоръ Семеновичъ Борзиковъ пріѣхалъ?

НАЛИМОВЪ.

Онъ былъ, да уѣхалъ за Раисой Миншной, которой мы до-сихъ-поръ все дожидаемся.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, нюхнувъ большую щепоть табаку.

Хорошо.... Между-тѣмъ, ставьте декорацію.

НАЛИМОВЪ, кричитъ.

Митька!... декорацію! *(Обращаясь къ актерамъ и фигурантамъ.)* А вы, господа, покуда извольте съ шапками-то итти въ уборную; очистите сцену.

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ АКТЕРОВЪ, Пустославцеву.

Намъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ ужъ мочи.
Что-жъ, долго ль намъ еще терпѣть?

ДРУГІЕ.

Съ утра и до глубокой ночи
Насъ заставляютъ здѣсь сидѣть!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Прошу молчать и не шумѣть!

НАПОЙКИНЪ.

Въ одиннадцать, сказали, проба,
А вѣдь теперь почти ужъ часъ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Ты что за важная особа?

НАПОЙКИНЪ.

На мнѣ четырнадцатый классъ,
И я ничѣмъ не хуже васъ?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Вотъ я васъ всѣхъ молчать заставлю,
Мою Богъ душу накажи.
Сейчасъ въ полицію отправлю,
Лишь только слово кто скажи?

АКТЕРЫ И ФИГУРАНТЫ, въ полголоса.

Мы замолчимъ; но нѣтъ ужъ мочи,
И долго ль будетъ намъ терпѣть?
Съ утра и до глубокой ночи
Насъ заставляютъ здѣсь сидѣть.

(Уходятъ.)

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Лѣнивцы! плати имъ жалованье, корми ихъ, да еще не смѣй поморить часа два лишнихъ на репетиціи! Убей Богъ мою душу — бѣдовый народъ!

МИТЬКА, кричитъ на верхъ.

Прошка! что-жъ тамъ по-сю пору море то не спускаешь?

ПЛОТНИКЪ, съ верху.

Сейчасъ! зацѣпилось!...

МИТЬКА.

У тебя вездѣ зацѣпа. *(Къ другимъ плотникамъ.)* Ну, вы скорѣе, портикабли! *(Налимову.)* Волны не дѣйствуютъ: надо смазать, пожалуйте на сало.

НАЛИМОВЪ, Пустославцеву.

Какъ прикажете?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Ничего; вѣдь въ піесѣ грому не будетъ, такъ море можетъ остаться безъ движенія.

НАЛИМОВЪ.

Слушаю-съ. *(Митькѣ.)* Волнъ не трогать!

МИТЬКА.

Да вонъ тамъ еще дыра въ облакахъ пребольшая.

НАЛИМОВЪ.

Вставить старой холстины и подмалевать.

(Плотники продолжаютъ ставить декорацію.)

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Убей Богъ мою душу, какъ много хлопотъ съ новыми піесами! Того нѣтъ, другаго не достаетъ!... давай на то, на се!... а особливо балеты... съ одними башмаками безъ сапогъ находишься... Ну вотъ, декорація на мѣстѣ: всѣ ли музыканты на своихъ мѣстахъ?

МУЗЫКАНТЪ, изъ оркестра.

Литавры въ полпивной.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Послать за нимъ поскорѣе!... Эка пьяница! *(Къ оркестру.)* Пожалуста, господа, играйте потише; особливо контрабасъ... убей Богъ мою душу — ничего словъ не слышно!

ДИРИЖЕРЪ.

Большая потеря для публики!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Молчи, стой, слушай!... Конечно, оно не важность. . . вѣдь автора здѣсь нѣтъ, такъ что жъ не сказать правду?... Ну, да все таки не слишкомъ громко надувайтесь.... Къ дѣлу, господа, къ дѣлу! . . . Декорація готова.... а гдѣ суфлеръ?

НАЛИМОВЪ.

А вонъ онъ: лѣзетъ изъ подъ сцены въ свою конурку.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, суфлеру.

Что это, братецъ? Ты долженъ быть прежде всѣхъ на своемъ мѣстѣ: ты вѣдь главное, даромъ, что невидное, лице въ піесѣ,—особливо, когда за скоростью никто не знаетъ... Подавай погромче комику: онъ ни въ зубъ толкнуть не смыслитъ. (*Налимову*). А любовникъ не бывалъ?

НАЛИМОВЪ.

Нѣтъ еще.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Штрафъ вычесть!

НАЛИМОВЪ.

Старухи также нѣтъ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Штрафъ!

НАЛИМОВЪ.

И съ Раисы Минишны Сурмиловой тоже прикажете?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Штрафъ, штрафъ!.. (*спохватясь*) О нѣтъ, нѣтъ!... Молчи, стой, слушай!... Какъ это можно штрафъ съ первой, лучшей артистки!... она еще, пожалуй, того-гляди, поссоритъ меня съ графомъ Зефировымъ... (*За кулисами шумъ.*) Кто тамъ? ужъ не Раиса ли Минишна пріѣхала!

НАЛИМОВЪ, со смѣхомъ.

Нѣтъ.... вчерашній дебютантъ васъ спрашиваетъ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Ну его къ чорту!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, СИНИЧКИНЪ, ЛИЗА (*).

СИНИЧКИНЪ, съ уклончивостію.

Петру Петровичу, съ позволенія сказать, мое нижайшее почтеніе, и усердное желаніе всякаго въ дѣлахъ успѣха и благополучія.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Хорошо... хорошо... извините, мнѣ теперь нѣкогда съ вами. . . . .

СИНИЧКИНЪ.

Каковъ я вамъ показался вчера въ моей роли?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Вы мнѣ не годитесь.

СИНИЧКИНЪ.

Какъ не гожусь? Почему не гожусь? Кажется, я, Петръ Петровичъ, вчера, съ позволенія сказать, сорвалъ не одинъ аплодисментъ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Подите, подите, не мѣшайте мнѣ; вы мнѣ не нужны!

СИНИЧКИНЪ.

Не объ этомъ рѣчь. Позвольте, по крайности, представить вамъ, съ позволенія сказать, мою дочь.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, взглянувъ на Лизу.

Миленькая!

СИНИЧКИНЪ.

Крестница его превосходительства, губернатора здѣшней губерніи.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Право?

ЛИЗА, тихо отцу.

Что вы, тятенька?

СИНИЧКИНЪ, тихо Лизѣ

Молчи! (*Пустославцеву*).

Его превосходительство
Зоветъ ее своей,
И даже покровительство
Оказываетъ ей.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, Лизѣ.

Пріятно познакомиться!
Угодно ли вамъ стулъ?
(Лиза приседаетъ, но не садится)

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

А! дерево-то ломится,
Какъ я его нагнулъ!
Теперь мое оратарство
Должно его прельстить...
Что значитъ губернаторство
Умѣста подпустить!
(Пустославцеву).
Его превосходительство, и проч.

(*) Лиза, Синичк. Пустослав. Налимовъ.

Какой талантъ, Петръ Петровичъ! Играетъ все, что вамъ угодно!..

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Право?

СИНИЧКИНЪ, Лизѣ, подводя ее.

Присѣдай-же, Лизочикъ! Знаешь ли ты, что въ цѣлой Россіи, съ позволенія сказать, нѣтъ другаго Петра Петровича!...

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, съ самодовольствіемъ.

О!..

ЛИЗА.

Я очень много хорошаго слышала объ нихъ..

СИНИЧКИНЪ.

Крестный ея тятенька, его превосходительство губернаторъ здѣшней губерніи, часто ей говаривалъ, что Петръ Петровичъ Пустославцевъ со временемъ перещеголяетъ всѣ театры въ Европѣ, если только будетъ стараться укомплектовать свою труппу отличными артистами; а я, съ позволенія сказать, такъ ее приготовилъ, что она ни какой роли не испортитъ.

ЛИЗА.

Я не смѣю собою хвалиться; но вы можете дать мнѣ служанку въ водевилѣ, принцессу въ трагедіи: я выполню ихъ съ одинакимъ стараніемъ; а стараніе нерѣдко замѣняетъ талантъ... публика вѣрно на первый разъ будетъ ко мнѣ снисходительна.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Я бы очень радъ; но убей Богъ мою душу...

СИНИЧКИНЪ.

Впрочемъ, съ позволенія сказать, я вѣдь, Петръ Петровичъ, даю вамъ не ученицу, а готовую актрису... съ душею, съ теплотою!.. Она поетъ, танцуетъ: а ужъ какая у ней походка.... т. е., съ позволенія сказать, совершенно графская!.. Пройдись-ка немножко, Лизанька... *(Лиза ходитъ по сценѣ.)* Каково?.. А жалованья я прошу всего только двѣ тысячи и бенефисъ на ярмаркѣ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Я бы очень радъ, любезный Синичкинъ; но убей Богъ мою душу, я ужъ не имѣю надобности въ женщинахъ: у меня даже многія даромъ служатъ.

СИНИЧКИНЪ.

У васъ, можетъ быть, есть такія, которыя, съ позволенія сказать, еще вамъ самимъ платятъ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Но... послушъ...

СИНИЧКИНЪ.

Немудрено!.. Впрочемъ, если вамъ угодно, изъ уваженія къ вамъ, Петръ Петровичъ, я возьму и подешевле... потому, ей хочется у васъ быть въ труппѣ... Не правда ли, Лизочикъ, ты вѣдь хочешь опредѣлиться къ Петру Петровичу?

ЛИЗА.

Да, тятенька...: его театръ всѣ такъ любятъ...

СИНИЧКИНЪ.

Съ ума сходятъ! *(Пустославцеву)*. Его превосходительство, губернаторъ здѣшней губерніи и крестной ея тятенька, самъ ей совѣтывалъ у васъ дебютировать.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Я бы очень радъ; но, убей Богъ мою душу...

СИНИЧКИНЪ.

Вы, Петръ Петровичъ, съ позволенія сказать, всегда были страстный любитель и покровитель всѣхъ актеровъ и актрисъ!.. Что я говорю—покровитель? Вы ихъ отецъ родной! Піесы въ ихъ бенефисы вы всегда обставляете какъ нельзя лучше, на декораціи и костюмы ничего не жалѣете, жалованья не задерживаете, штрафовъ не берете... О удивительный... *(еще сильнѣе.)* удивительный человѣкъ!... *(Перемѣнивъ тонъ.)* Угодно, она съ позволенія сказать, пойдетъ къ вамъ за тысячу и за бенефисъ!.. Пойдешь, Лизокъ?

ЛИЗА, Пустославцеву.

Я отъ души готова повиноваться тятенькѣ... и надѣюсь, что съ моей любовью къ искусству, съ моимъ усердіемъ...

СИНИЧКИНЪ, тихо Пустославцеву.

И съ невинностію... что, съ позволенія сказать, при театрѣ тоже большая рѣдкость—и нравится кресламъ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, съ досадою.

Я вамъ повторяю, что я бы очень радъ; но убей Богъ мою душу — не могу.

СИНИЧКИНЪ.

Позвольте!.. я вижу, вамъ угодно, чтобъ счетъ былъ ровной — по сту рублей въ мѣсяцъ безъ бенефиса?.. ходитъ! Этого, конечно, мало для дѣвушки, которая имѣетъ талантъ, красоту... сами посудите!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, выведенный изъ терпѣнія.

Э! полноте, вы мнѣ надоѣли!.. *(въ сторону)*. Проклятый болтунъ!.. Убей Богъ мою душу!...

НАЛИМОВЪ, подходя къ Пустославцеву.

Пріѣхали.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Кто?

НАЛИМОВЪ.

Раиса Минишна съ авторомъ.

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Чортъ возьми!.. Дѣло не удалось: вѣрно, она не получила письма Вѣтрипскаго.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, Синичкину.

Подите, подите со сцены, и не мѣшайте!.. *(Налимову)*. Зовите дѣйствующихъ.

СИНИЧКИНЪ.

Пойдемъ, Лизокъ, не грусти! у тебя осталось еще два отца: родной и крестный,—его превосходи... *(Хочетъ уйти)*.

ТРИФОНЪ, прибѣгая.

Литавровъ нѣтъ въ полпивной: во всѣхъ харчевняхъ искали — не нашли!

ПУСТАСЛАВЦЕВЪ.

Какъ придетъ — на съѣзжу!

СИНИЧКИНЪ, поспѣшно возвращаясь.

Позвольте!.. Вамъ нуженъ литаврщикъ?.. Я къ вашимъ услугамъ.

ПУСТАСЛАВЦЕВЪ.

Развѣ ты умѣешь?

СИНИЧКИНЪ.

Съ позволенія сказать, такъ вамъ отбарабаню, что любо-дорого!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Ступай же въ оркестръ поскорѣе.

СИНИЧКИНЪ, спускаясь въ оркестръ.

Дочь моя, однако жъ, съ позволенія сказать, должна быть подлѣ меня: я ни на шагъ ее отъ себя не отпускаю... поведеніе... О! поведеніе, даже и въ театрѣ, дороже всего!... Сходи жъ, Лизочикъ!.. смѣлѣй, подавай руку!.. не оступись, душечка!

ЛИЗА, вздохнувъ.

Сурмилова играетъ, тятенька!...

СИНИЧКИНЪ, въ оркестрѣ.

Послушайте, Петръ Петровичъ!.. Съ позволенія сказать, пожалуйте ко мнѣ на одну минутку!.. *(Пустославцевъ наклоняется къ нему со сцены)*. Угодно вамъ шесть сотъ рублей, дрова и свѣчи?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, отходя.

Э! полно, братецъ!.. Убей Богъ мою душу — пребѣдовый!

(Всѣ собираются на сцену съ разныхъ сторонъ).

ХОРЪ АКТЕРОВЪ И ФИГУРАНТОВЪ.

Наспу оба прикатили;
Глянь, теперь ужъ два часа, —
И дома щи у насъ простыли...
Какой порядокъ — чудеса!...

(Всѣ занимаютъ свои мѣста. Синичкинъ становится въ оркестрѣ за литавры, а Лиза подлѣ него садится на стулъ).

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ, СУРМИЛОВА И БОРЗИКОВЪ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Э! Помилуйте, матушка Раиса Минишна! Вѣдь посмотрите, убей Богъ мою душу — вы цѣлыхъ полчаса опоздали!

СУРМИЛОВА.

Не хотите ли вы съ меня штрафъ вычесть?

БОРЗИКОВЪ, тихо.

Поосторожнѣе, Петръ Петровичъ: она теперь ужасно не въ духѣ... Любовникъ ей измѣнилъ (*).

(*) Борзиковъ, Сурмилова, Пустославцевъ. Фигуранты вдали, въ глубинѣ сцены.

СУРМИЛОВА, Пустославцеву.

Для чего вы еще генеральную репетицію назначили въ тотъ день, когда піеса идетъ? Ужъ и такъ она у насъ выучена и переучена.... три мѣсяца сряду мы ее пилимъ; эти авторы никогда не довольны.

СПИЧКИНЪ, сквозь зубы.

Шипи, змѣя, шипи!

БОРЗИКОВЪ.

Такъ что жъ такое? Я еще покуда имѣю право взять и назадъ свою піесу.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Молчи, стой, слушай!... Убей Богъ мою душу — грѣшно вамъ ссориться: оба таланты!.. Начнемте!

СУРМИЛОВА.

Я вамъ напередъ говорю, что я на репетиціи арій пѣть не стану.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

На что жъ это похоже? помилуйте!

СУРМИЛОВА.

Мнѣ къ вечеру надо поберечь свой голосъ.

БОРЗИКОВЪ.

Ну, полноте! оставимъ споры... Начнемте!.. Гдѣ же первый любовникъ?

ПАЛИМОВЪ и ТРИФОНЪ, кличa поочередно.

Г. Чахоткинъ! г. Чахоткинъ! Тирсисъ Ивановичъ! Тирсисъ Ивановичъ!

ПАЛИМОВЪ.

Вотъ онъ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, Чахоткину.

Помилуй, братецъ! тебя не дозовешься!

ПАЛИМОВЪ, кричитъ.

Митька! спускай переднюю занавѣсь, начинаютъ!

(Передняя занавѣсь опускается; Пустославцевъ и Борзиковъ остаются на авансценѣ.)

БОРЗИКОВЪ, встаетъ со стула и оглядываетъ залу.

Славный театръ! Я бы желалъ на свой счетъ такой выстроить.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, тоже.

Сколько зрителей собралось на пробу! Убей Богъ мою душу, я бы очень радъ и въ настоящіе то спектакли хоть раза три въ недѣлю такіе сборы дѣлать.

БОРЗИКОВЪ.

Это все мои пріятели пришли на репетицію.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

О! да у васъ ихъ довольно, Ѳедоръ Семеновичъ.

БОРЗИКОВЪ

Нельзя же иначе.

(Слышенъ ударъ молотка.)

БОРЗИКОВЪ, смотря на сцену сквозь дырочку на занавѣси.

Г. Чахоткинъ! сдѣлайте милость, не кашляйте въ то время, какъ вамъ пѣть надобно; послѣ пѣнія можете откашляться.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, тоже.

Или ужъ прежде откашляйтесь, что ли!

БОРЗИКОВЪ, тоже.

Чтобъ статисты по морю не ходили, яко по суху!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, тоже.

Налимовъ! чтобъ ничего въ волнахъ не видно было!

БОРЗИКОВЪ, тоже.

Хоры, не отставать отъ оркестра!

СПИЧКИНЪ, въ оркестрѣ.

Да, это легко сказать; они все съ площади и получаютъ отъ регента по пятиалтынному за вечеръ.

(Увертюра начинается.)

ЛИЗА.

Она будетъ играть, тятенька!

СПИЧКИНЪ.

Понять не могу, какъ это дѣлается!

(Поднимается занавѣсь; Сурмилова выходитъ на сцену (*).

БОРЗИКОВЪ.

Идите поживѣе, Раиса Минишна... вы вообще тихо ходите!

СПИЧКИНЪ, про себя.

Гдѣ жъ ей взять вашихъ ногъ, г. Борзиковъ? Она вѣдь, съ позволенія сказать, косолапая!

СУРМИЛОВА, репетируетъ.

РЕЧИТАТИВЪ.

«Нѣтъ, нѣтъ, я не страшусь любови ощущенья,
«На службу солнцу я себя ужъ обрекла —
«И буду дѣвой вѣкъ!....

СПИЧКИНЪ, говоритъ.

Оно на то и похоже!

СУРМИЛОВА.

«Я противъ обольщенья
«Себѣ храмъ солнца избрала.»

(*) Борзиковъ, Пустославцевъ.

СИНИЧКИНЪ.

Въ пору спохватилась!

СУРМИЛОВА, продолжая репетировать.

АРІЯ.

«Любовь, о сладко упоенье!
«О возмущающая страсть!
«Моя невинность безъ сомнѣнья
«Тебѣ не дастъ...

ТРИФОНЪ, подходя къ Сурмиловой.

Письмо къ вамъ.

СУРМИЛОВА, взявъ письмо.

Ко мнѣ?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, вставая съ креселъ.

Убей Богъ мою душу, ты, братецъ, Трифонъ, преглупое животное! Ну какъ же ты смѣешь подавать письма въ то время, какъ репетируютъ?

ТРИФОНЪ.

Тутъ сказано: «вручить не медля.»

СИНИЧКИНЪ, про себя.

Точно, я такъ и надписалъ: это мое письмо!

СУРМИЛОВА, распечатываетъ и говоритъ въ сторону.

Ахъ, Боже мой! Отъ князя!... *(Пустославцеву)*. А развѣ теперь нельзя ужъ пробѣжать письма?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ

Разумѣется, неловко, Раиса Минишна; письма всегда у себя дома читаются.

БОРЗИКОВЪ.

Ничего... бѣда не велика... Начнемъ прозу.

СУРМИЛОВА, въ сторону.

Онъ опять мой! Онъ меня любитъ по прежнему!...

ЛИЗА, отцу.

Она будетъ репетировать, тятенька!

СИНИЧКИНЪ, дочери.

А вотъ постой, увидимъ!

СУРМИЛОВА, репетируя.

«Я сама своими робкими руками сплела «вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, символъ чисто-«ты и невинности, необходимый при семъ «торжественномъ празднествѣ!... вѣнокъ «сей должна я сама своими несмѣлыми «перстами возложить на главу солнца...» «*(Читаетъ письмо)*. Онъ ждетъ меня сегодня въ сумерки у городской заставы!..

ЛИЗА, отцу.

Слышите, тятенька? Репетируетъ!

СИНИЧКИНЪ.

Дай срокъ, увидимъ!

СУРМИЛОВА, репетируя.

«О! Я еще достойна совершить сей об-«рядъ великій, и всегда въ душѣ своей бу-«ду достойна онаго; ибо я поклялась остать-«ся непорочной!..» *(Тихо.)* Но я сегодня играю, какъ быть! — *(Репетируя.)* «Поспѣшу въ храмъ: меня ожидаетъ о-«бѣтъ!...»

СИНИЧКИНЪ, сквозь зубы.

На двѣ персоны, въ Разгуляевѣ!

ЛИЗА, тихо отцу.

Она репетируетъ!

СИНИЧКИНЪ.

Молчи, увидимъ!

СУРМИЛОВА, репетируя.

«Ахъ!.. кто сей неизвѣстный юноша, «сидящій подлѣ домика моего родителя?»

БОРЗИКОВЪ.

Не домика, а хижины!...

СУРМИЛОВА.

Домикъ, или хижина—это все равно, кажется.

БОРЗИКОВЪ.

Извините!.. хижина въ характерѣ слога;—а домикъ,—тривіально!...

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Притомъ-же мы здѣсь теперь въ Перу, дикіе Африканцы!..

СУРМИЛОВА, оглядывая декораціи.

Ахъ, оставьте пожалуста! И вся піеса-то ваша дичь!

СИНИЧКИНЪ, въ оркестрѣ про себя.

Славно!

СУРМИЛОВА.

Своими замѣчаніями и придирками вы, того гляди, разстроите мое здоровье!

БОРЗИКОВЪ, вспыхнувъ.

Да что жъ такое, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ!...

(Съ этими словами всѣ актеры постепенно, одинъ за другимъ, выходятъ на сцену и принимаютъ участіе въ дѣйствіи.)

СИНИЧКИНЪ, въ оркестрѣ.

Браво! Порохъ вспыхнулъ!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Этого лишь не доставало!

СУРМИЛОВА.

Ахъ! даже и теперь ужь я чувствую... сердце стѣснилось... въ глазахъ темнѣетъ... Ахъ!... дурно... дурно!...

БОРЗИКОВЪ.

Ахъ, Боже мой!

ЛИЗА, тихо.

Она больна... какъ я рада!

СИНИЧКИНЪ, тихо.

Она также больна, какъ и ты.. но все равно... молчи!..

БОРЗИКОВЪ.

Раиса Миниѣна!.. сдѣлайте милость!...

СУРМИЛОВА.

Подите вы!... Своей хижиной и запрещеніемъ читать письмо вы раздражили мои нервы!...

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Ну! полноте, полноте капризиться!

СУРМИЛОВА, съ гнѣвомъ.

Я капризюсь?.. Съ чего вы это взяли!...

СИНИЧКИНЪ.

Пошла перепалка!

СУРМИЛОВА.

Ахъ! я лишаюсь чувствъ!... Все вижу, будто бы въ туманѣ... Ахъ, сердце!... со мной обморокъ!..

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Раиса Миниѣна, ради Бога!...

НАЛИМОВЪ.

Стулъ, стулъ поскорѣе!

(Подаютъ стулъ и сажаютъ Сурмилову.)

БОРЗИКОВЪ.

Воды, одеколонь, спирту!..

НАЛИМОВЪ, суетясь.

Англійской соли не прикажете ли?...

СИНИЧКИНЪ.

Вѣрно она не въ мѣру покушала.

БОРЗИКОВЪ, къ зрителямъ.

Нѣтъ ли здѣсь межъ вами доктора?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

У ней должна быть стклянка въ ридикюлѣ.

(Подаютъ ридикюль: Сурмилова прячетъ въ него письмо).

СИНИЧКИНЪ, замѣтивъ это.

Она письмо спрятала.

СУРМИЛОВА, вскакивая со стула.

Не хочу играть сегодня!

ВСѢ.

Какъ!

ХОРЪ.

Она больной сказаться хочетъ;
Но только обморокъ ее
Ужъ насъ никакъ не обморочитъ:
Она капризна—вотъ и все!

СУРМИЛОВА.

Мою коляску поскорѣе!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Послушайте!...

СУРМИЛОВА.

Подите прочь!
Я все слабѣе и слабѣе...
И не хотятъ мнѣ здѣсь помочь!

БОРЗИКОВЪ.

Вы бьете въ лобъ меня долѣномъ!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

А публика-то скажетъ что жъ?

СУРМИЛОВА.

Она привыкла къ перемѣнамъ:
Ее обманываютъ сплошь.

БОРЗИКОВЪ.

О нѣтъ! такой обиды, сраму
Ужъ ни за что я не снесу:
Мою лирическую драму
Сейчасъ съ собою унесу!

(Беретъ тетрадь отъ суфлера.)

(Сурмилова непріятно уходитъ. Борзиковъ, не взирая на всѣ просьбы, уноситъ піесу. Актеры составляютъ разныя группы.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, НАЛИМОВЪ, СИНИЧКИНЪ, ЛИЗА, АКТЕРЫ И ФИГУРАНТЫ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Удрали!.. Убей Богъ мою душу — оба удрали!.. Что мнѣ дѣлать теперь? Пол-

ный сборъ . . . . билеты всѣ назадъ отдадутъ . . . я погибъ, просто погибъ!

СИНИЧКИНЪ, въ оркестрѣ.

Ахъ, нѣтъ! я васъ спасу, Петръ Петровичъ!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Молчи, стой, слушай!... Кто тамъ говоритъ?

СИНИЧКИНЪ, бьетъ сильную дробь на литаврахъ.

Сюда! направо обернитесь! . .

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Синичкинъ!

СИНИЧКИНЪ, опять бьетъ дробь.

Я васъ выручу, Петръ Петровичъ!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Какимъ образомъ?

СИНИЧКИНЪ.

Я вамъ докладывалъ, что мой Лизокъ, съ позволенія сказать, всю роль знаетъ изъ слова—въ слово . . . . Сурмилова играть не хочетъ, — такъ дочь моя сыграетъ! Этотъ ангелъ небесный готовъ спуститься внизъ, для вашего спасенія . . . Лизокъ, поднимайся на сцену.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Поди, братецъ, ты съ ума сходишь!

СИНИЧКИНЪ.

Ничуть не бывало,—я на театръ всхожу! (*Всходитъ на сцену съ Лизою.*) (*). Я васъ увѣряю, что она роль выучила, какъ нельзя лучше, и готова, съ позволенія сказать, хоть сію же минуту репетировать . . . даже безъ репетиціи прямо вамъ отхватаетъ: я за нее отвѣчаю! . . . Она всѣхъ увлечетъ, поразитъ, восхититъ . . . . Піеса будетъ имѣть успѣхъ необыкновенный, а вы, съ позволенія сказать, получите полный сборъ и чудную актрису . . . . Не правда ли, Лизокъ, ты сыграешь?

ЛИЗА.

Извольте, — я готова!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Хорошо! я согласенъ, — убей Богъ мою душу, согласенъ! Эта смѣлость изобличаетъ дарованіе: я разверну его! (*Всѣмъ окружающимъ.*) Господа, вотъ эта дѣвица сегодня играетъ!... Но прежде надо получить согласіе автора и піесу....

СИНИЧКИНЪ.

За этимъ дѣло не станетъ! Мы сейчасъ къ нему побѣжимъ! . . . Я его, съ позволенія сказать, уломаю! . . . и приведу сюда.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Но вѣдь Борзиковъ упрямое созданіе, я тебя предупреждаю.

СИНИЧКИНЪ, съ увлеченіемъ.

Лизокъ укротитъ Борзикова.

ЛИЗА.

Я трону его душу! . . .

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Ступайте жъ поскорѣе!

СИНИЧКИНЪ.

Пойдемъ, дочь моя! - Вы, съ позволенія сказать, Петръ Петровичъ, въ контрафишкахъ то напечатайте, что де-скать «за бо«лѣзнію г-жи Сурмиловой, въ ея роли вы«ступитъ на сцену, въ первый разъ, молодая «дебютантка, дѣвица Синичкина ..(*Жести«кюлируя, бьетъ по афишѣ и раздираетъ «ее.*) Дѣвица Синичкина, имѣющая отъ ро«ду шестнадцать лѣтъ и три мѣсяца....» Ей, съ позволенія сказать, немножко побольше будетъ. . . ну, да нѣтъ нужды.

ЛИЗА.

Боже! Наконецъ я выйду передъ публику!... Ахъ! сама не постигаю, что со мною дѣлается!... Противъ воли я чувствую въ себѣ какую-то робость.... какое-то волненіе!....

СИНИЧКИНЪ.

Ничего, Лизокъ! Петръ Петровичъ подсадитъ кой-кого. . . . не правда ли, Петръ Петровичъ? . . . съ позволенія сказать, все поддержать надо! . . . Какъ можно побольше въ раекъ билетовъ раздайте. . . . тамъ орутъ и стучатъ всегда на пропалую... (*Къ зрителямъ.*) Милостивые государи, и вы, милостивыя государыни! Это, съ позволенія сказать, дочь моя! Это мое сокровище!.. Рекомендую мое дитя всѣмъ добрымъ матерямъ семейства. . . . похлопайте ей!... Ужо я и самъ приду къ вамъ на подмогу.... какъ быть! (*Декламируя.*)

(*) Палимовъ, Пустославцевъ, Синичкинъ, Лиза; другіе на второмъ планѣ.

«Отецъ есть хлопальщикъ, дарованный природой!»

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Ступайте, ступайте, пора! Убей Богъ мою душу - пора!

ВСѢ.

Скорѣе! Мы васъ ждемъ!

СИНИЧКИНЪ.

Спектакль спасенъ!.... (*Къ музыкантамъ.*) Катай. «*Желанья наши совершились!....*»

(Всѣ провожаютъ Синичкина и Лизу.)

ДѢЙСТВІЕ III.

АЙ!...

Комната съ библіотекой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Левъ Гурычъ Синичкинъ..... *Г. Живокини.*
Лиза, дочь его..... *Г-жа И. Рѣзина.*
Князь Ветринскій..... *Г. Ленскій.*
Ѳедоръ Семеновичъ Борзиковъ..... *Г. Самаринъ.*
Семенъ, слуга Борзикова..... *Г. В. Степановъ.*

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕМЕНЪ, ОДИНЪ, И ПОТОМЪ ВѢТРИНСКІЙ.

СЕМЕНЪ.

Долго же барина нѣтъ; пора бы, кажись, репетиціи кончиться. — Вотъ и голодай до вечерень: нельзя въ трактиръ отлучиться... Охъ, ужъ эти сочинители! Плохое у нихъ слугамъ житье! Дома стола не держутъ, да и жалованье то туго платятъ. А ужъ сколько хлопотъ и бѣготни!.. (*Слышенъ звонокъ въ другой комнатѣ, за дверью.*) Сейчасъ!... Пріѣхалъ, слава Богу!

ВѢТРИНСКІЙ, ВХОДЯ.

У себя Ѳедоръ Семеновичъ?

СЕМЕНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство: онъ на репетиціи. Сегодня какую то новую піесу его играютъ.

ВѢТРИНСКІЙ.

Знаю... Онъ вѣрно скоро будетъ... я подожду его. (*Садится на правой сторонѣ сцены.*)

СЕМЕНЪ.

Не прикажете ли сигарочку, ваше сіятельство?

ВѢТРИНСКІЙ.

Нѣтъ, благодарю.

СЕМЕНЪ.

Должно полагать, ваше сіятельство, сегодня тма будетъ публики въ театрѣ-съ... Станутъ хлопать въ ладоши и барина вызовутъ-съ.

ВѢТРИНСКІЙ.

Почему жъ ты такъ думаешь?

СЕМЕНЪ.

Помилуйте! Вѣдь ужъ не въ первый разъ намъ эти дѣла то обдѣлывать.

Цѣлыхъ три дня по знакомымъ
Я билеты разносилъ;
Хоть на водку ни полушки
Ни съ кого не получилъ.
Это даже и обидно
Такъ ходить безъ барыша:
Будто барская піеса
Ужъ не стоитъ ни гроша!

(*Опять звонокъ за дверью.*) Сейчасъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ, БОРЗИКОВЪ.

БОРЗИКОВЪ, ВЪ СИЛЬНОМЪ РАЗСТРОЙСТВѢ.

Что ты, чортъ тебя возьми, такъ долго не отпираешь?

СЕМЕНЪ.

Помилуйте, сударь, Ѳедоръ Семеновичъ! Я, ражись, въ ту же минуту отперъ.

БОРЗИКОВЪ, бросая піесу на столъ.

Будь проклятъ этотъ театръ, и тѣ несчастные, которые для него пишутъ!

ВѢТРИНСКІЙ.

Что это съ вами сдѣлалось, Ѳедоръ Семеновичъ?

БОРЗИКОВЪ.

А! Здраствуйте, князь!... Извините, я васъ и не видалъ (*Семену.*) Ну что ты торчишь, болванъ? Пошелъ въ свое мѣсто!

СЕМЕНЪ.

Пожалуйте мнѣ хоть гривенничекъ на обѣдъ.

БОРЗИКОВЪ.

Еще успѣешь нажраться. Пошелъ!

СЕМЕНЪ.

Билеты, сударь, я всѣ разнесъ.

БОРЗИКОВЪ.

Убирайся ты къ чорту съ своими билетами!... Пошелъ вонъ!... Кто ни придетъ, всѣмъ отказывай...

(Семенъ уходитъ въ среднюю дверь.)

ЯВЛЕНІЕ III.

БОРЗИКОВЪ, ВѢТРИНСКІЙ.

БОРЗИКОВЪ.

Что доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ у себя видѣть, князь?

ВѢТРИНСКІЙ.

Я пріѣхалъ возвратить ложу, которую вы вчера привезли: я никакъ не могу быть сегодня въ спектаклѣ.... у меня назначено свиданіе!... понимаете?

БОРЗИКОВЪ.

Какъ вы счастливы, что только этимъ и занимаетесь.

ВѢТРИНСКІЙ.

Всякому свое счастіе, mon cher: вотъ и васъ нынче ожидаетъ успѣхъ на сценѣ.

БОРЗИКОВЪ.

Какъ же! огромный успѣхъ! . . . Все шло прекрасно — и надобно, чтобъ какая нибудь глупая, капризная тварь все не портила.

ВѢТРИНСКІЙ.

Что вы говорите?

БОРЗИКОВЪ.

Піеса моя не идетъ сегодня!....

ВѢТРИНСКІЙ.

Неужели!....

БОРЗИКОВЪ.

Всѣ эти актеры, антрепренеры — народъ самый неблагодарный!

Мы спокойствія не знаемъ,
Напролетъ ночей не спимъ,
Переводимъ, сочиняемъ,
Чтобы сборъ доставить имъ;
А они, лишь взяли деньги,
Глядь, - ужъ имъ не нужны мы:
Какъ поношенныя кеньги
Насъ бросаютъ до зимы!
Хоть бы цѣны-то платили
Не такія намъ за трудъ,
А то наши водевили
Чуть лишь даромъ не берутъ.
Посудите, ради Бога:
Не хотятъ, чтобъ вышла гиль,
А заплатятъ много, много,
Сто рублей за водевиль!
Сверхъ того еще артисты
Роли выучатъ кой - какъ,
И въ добавокъ журналисты
Скажутъ автору: «дуракъ»
А когда придешь на пробу,
Восхищайся иль молчи,
И ужъ дамскую особу
Ни въ словечкѣ не учи;
Если жъ скажешь замѣчанье,
Раскапризятся какъ - разъ....
Вотъ вамъ наше состоянье,
Вотъ что авторы у насъ!.....

ВѢТРИНСКІЙ.

Признаться, незавидное состояніе!. . . Впрочемъ, въ одномъ изъ журналовъ ваши водевили всегда очень хвалятъ.

БОРЗИКОВЪ.

Да, хвалятъ. (*Въ сторону*). Эти похвалы то я самъ себѣ пишу. — (*Въ слухъ.*) А вообразите, кто всему причиною, что моя піеса не идетъ . . . Сурмилова играть отказалась!

ВѢТРИНСКІЙ.

Сурмилова? Отъ нея все станется; я ее знаю.

БОРЗИКОВЪ.

Вы съ ней дружны, князь?...

ВѢТРИНСКІЙ.

Мы рассорились.

БОРЗИКОВЪ.

Уговорите ее, чтобъ она выздоровѣла.

ВѢТРИНСКІЙ.

Вотъ мило! Я и видѣть-то ее не хочу... мнѣ другая теперь нравится... прелесть дѣвочка, которая тоже собиралась на театръ, да я увезу ее съ собою въ деревню.

БОРЗИКОВЪ.

Ну, полноте, оставьте!...

ВѢТРИНСКІЙ.

О, нѣтъ, ни за что! Я влюбленъ—по уши, и прямо отсюда поскачу на мѣсто свиданія.

СЕМЕНЪ, за дверьми.

Нѣтъ дома!... Ахъ ты, Господи! вѣдь говорятъ вамъ: дома нѣтъ!

СИНИЧКИНЪ, кричитъ.

Пусти, братецъ, — я режиссеръ изъ театра!

БОРЗИКОВЪ, громко.

Режиссеръ?.. Войдите!

ВѢТРИНСКІЙ, смѣясь про себя.

Это Синичкинъ. *(Будто бы разсматриваетъ на стѣнахъ гравюры.)*

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, СИНИЧКИНЪ, ЛИЗА (*).

СИНИЧКИНЪ, входя.

Ѳедору Семеновичу, съ позволенія сказать, мое низменное высокопочитаніе!

БОРЗИКОВЪ, смотря на него.

Я думалъ, — режиссеръ Налимовъ... а васъ-я не знаю...

СИНИЧКИНЪ.

Я Левъ Гурьевъ сынъ Синичкинъ, благородный отецъ изъ Костромы.

БОРЗИКОВЪ.

Что жъ вамъ отъ меня угодно?

ВѢТРИНСКІЙ, въ сторону, оставаясь вдали.

Зачѣмъ они прискакали?

СИНИЧКИНЪ.

Я пришелъ... О нѣтъ, не могу!.. позвольте мнѣ прежде притти въ себя... Мнѣ кажется, что я, съ позволенія сказать, въ святилищѣ генія!.. *(Декламируя)*. «Приближься, дочь моя — и поклонись ему!...» Знаешь ли ты, что въ цѣлой Россіи нѣтъ другаго Ѳедора Семеновича!.. *(Борзикову.)* Видите: она вся дрожитъ!...

ЛИЗА.

Ахъ, да-съ! я очень оробѣла... я еще такъ молода...

СИНИЧКИНЪ.

Шестнадцать лѣтъ и три мѣсяца,—сами посудите!

ВѢТРИНСКІЙ, въ сторону.

Что за штуки затѣваетъ Костромской благородный отецъ? Послушаемъ.

ЛИЗА.

Ахъ, да-съ!... шестнадцать лѣтъ и три мѣсяца-съ!.. Я еще сроду въ первый разъ вижу такого извѣстнаго-съ... такого... Я не знаю, какъ сказать-съ!...

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Совсѣмъ сбрендила!

БОРЗИКОВЪ.

Но чего же вы отъ меня хотите?

СИНИЧКИНЪ.

Съ позволенія сказать—величайшаго одолженія!

БОРЗИКОВЪ, въ сторону съ досадою.

Вѣрно на приданое проситъ!

СИНИЧКИНЪ.

Одолженія, отъ котораго, съ позволенія сказать, зависитъ ваша слава,—вашъ новый вѣнокъ, наслажденіе публики и сборы здѣшняго содержателя театра, Петра Петровича Пустославцева!..

ВѢТРИНСКІЙ, въ сторону, смѣясь.

Ну, пошелъ городить!...

БОРЗИКОВЪ.

Объяснитесь.

СИНИЧКИНЪ.

Нѣтъ, — съ позволенія сказать, не я, — дочь моя будетъ съ вами объясняться... она вамъ разскажетъ, въ чемъ дѣло...

(*) Лиза, Синичкинъ, Борзиковъ, Вѣтринскій въ глубинѣ театра смотритъ на гравюры.

(Лизѣ.) Умѣръ свой стрѣхъ при видѣ знаменитаго драматическаго писателя! Ѳедоръ Семеновичъ Борзиковъ, съ позволенія сказать, такой-же человѣкъ, душенька... *(Борзикову.)* Она къ вамъ еще не приглядѣлась... *(Лизѣ).* Ѳедоръ Семеновичъ вѣрно исполнитъ твое желаніе... Я вижу это изъ его очей, блистающихъ лучами безсмертнаго генія!

ВѢТРИНСКІЙ, въ сторону, смѣясь.

Старый шутъ!

БОРЗИКОВЪ, въ сторону.

Онъ очень хорошо изъясняется.

ЛИЗА, тихо отцу.

Какой онъ гадкой собою, тятенька!

СИНИЧКИНЪ, тихо Лизѣ.

Тсъ! гепіи всѣ уроды... *(Въ слухъ.)* Говори-же, дочь моя... подойди къ Ѳедору Семеновичу... *(Подводитъ ее къ Борзикову.)* (*) Не бойся... ободрись... онъ, съ позволенія сказать, тебя не укуситъ... Смѣлѣй объясняйся... *(Тихо.)* Да не завирайся!

ЛИЗА, Борзикову.

Тятенька нѣсколько разъ давалъ мнѣ читать ваши водевили...

СИНИЧКИНЪ.

Они всѣ до одного у меня хранятся за стеклушкомъ... драгоцѣнныя, съ позволенія сказать, сочиненія!.. Продолжай, Лизокъ.

ЛИЗА

Тятенька такъ уважаетъ вашъ талантъ...

СИНИЧКИНЪ, суфлируя Лизѣ.

Вашу душу...

ЛИЗА.

Вашу душу! и я за особенное счастіе считаю познакомиться съ такимъ извѣстнымъ...

СИНИЧКИНЪ, тоже.

Знаменитымъ...

ЛИЗА.

Знаменитымъ...

СИНИЧКИНЪ, тоже.

Съ позволенія сказать, по уму...

(*) Синичкинъ, Лизѣ, Борзиковъ; Вѣтринскій все вдали.

ЛИЗА.

По уму...

СИНИЧКИНЪ, тоже.

И по куплетамъ...

ЛИЗА.

И по куплетамъ...

СИНИЧКИНЪ, тоже.

Драматическимъ цисателемъ...

ЛИЗА.

Драматическимъ писателемъ...

СИНИЧКИНЪ, тоже.

И критикомъ...

ЛИЗА.

И критикомъ...

СИНИЧКИНЪ, тоже.

Прекрасно, Лизокъ! *(Въ слухъ.)* Видите, я ее не учу!. Съ позволенія сказать, у самой выливается!

БОРЗИКОВЪ.

Очень вамъ благодаренъ... Но въ чемъ же дѣло?

ВѢТРИНСКІЙ, съ сторону.

Хоть убей, не пойму!

ЛИЗА.

Я, къ несчастію, узнала:
Ваша драма не идетъ...

БОРЗИКОВЪ.

Да, актриса захворала.

ЛИЗА.

Жаль, что трудъ вашъ пропадетъ...
За нее, когда угодно,
Я берусь вамъ сыграть...

БОРЗИКОВЪ, говоритъ.

Вы?

СИНИЧКИНЪ, съ жаромъ

И сыграетъ превосходно,
Съ позволенія сказать!

ВѢТРИНСКІЙ, подходя (*).

Какъ это можно, помилуйте!

ЛИЗА, увидя его.

Ахъ!!!..

СИНИЧКИНЪ

Что такое?..

ЛИЗА, тихо отцу.

Давишній гость, князь Вѣтринскій!..

(*) Синичкинъ, Лиза, Вѣтринскій, Борзиковъ

СИНИЧКИНЪ, тихо Лизѣ.

А!.. тсъ! будь осторожнѣе... онъ ничего не знаетъ.

БОРЗИКОВЪ, князю.

Вы знакомы съ нею?

ВѢТРИНСКІЙ.

Кажется.

СИНИЧКИНЪ.

Ба!... Да это, съ позволенія сказать, г. Ленскій, Харьковскій любовникъ отъ Малатковскаго!

БОРЗИКОВЪ, удивясь.

Что? что?

ВѢТРИНСКІЙ.

Молчите! *(Тихо Лизѣ)*. Вы не прочли моего письма?

СИНИЧКИНЪ, становясь между ними (*).

Какое письмо?

БОРЗИКОВЪ, князю.

Какое письмо?

ВѢТРИНСКІЙ, Борзикову.

Тсъ! послѣ скажу (**).

СИНИЧКИНЪ, тихо Лизѣ

А ты продолжай свое.

ЛИЗА, Борзикову

Раиса Миншна меня любитъ... я часто у нее бываю... она нѣсколько разъ заставляла меня прослушивать свою роль изъ нынѣшней піесы, — и я всю наизусть ее выучила... Чудесная роль!

ВѢТРИНСКІЙ

Какъ! Роль Сурмиловой!...

СИНИЧКИНЪ, Борзикову.

Во снѣ и на яву бредитъ вашей прозой! А ужъ, съ позволенія сказать, про стихи и говорить нечего!..

БОРЗИКОВЪ, князю.

Бѣдняжка!.. Мнѣ жаль ее... но въ такой трудной роли...

ВѢТРИНСКІЙ.

И притомъ написанной для первой актрисы!...

ЛИЗА.

Но вѣдь ваша первая актриса больна..... и даже, сказываютъ, очень больна: мѣсяца три пролежитъ въ постели!... Вотъ я и говорю тятенькѣ: «за что жъ, тятенька, такая превосходная піеса, которую всѣ здѣсь ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ цѣлыхъ три мѣсяца, не будетъ играться?.... Теперь она слажена, срепетирована.... а тамъ, пожалуй, актеры опять свои роли забудутъ.»

СИНИЧКИНЪ.

Именно, она мнѣ все это говорила!...

ЛИЗА.

Я сказала тятенькѣ! «тятенька! я сыграю за Раису Миншну.»

БОРЗИКОВЪ.

Какъ! Въ самомъ дѣлѣ вы сыграете?

ВѢТРИНСКІЙ.

Что за вздоръ! помилуйте!

(Въ продолженіе слѣдующаго монолога Вѣтринскій переходитъ на лѣвую сторону и нашептываетъ Лизѣ)

СИНИЧКИНЪ.

Дерзкое предпріятіе, слова нѣтъ... но ужъ если дитя молчитъ, то, съ позволенія сказать, кровь отца заговорила!... Моя Лиза меньше ростомъ Раисы Миншны, но выше ея талантомъ! Притомъ, съ позволенія сказать, взгляните на эти черные глаза, которые гораздо больше идутъ къ дикаркѣ, въ роли, которая можетъ почесться вашимъ лучшимъ созданіемъ.... а эта скромность, Ѳедоръ Семеновичъ, эта, съ позволенія сказать, невинность!.... Да! смѣло поручусь всѣмъ и каждому, не потому, чтобъ я былъ ея отецъ....

«Ея душа чиста, какъ небо въ ясный день....»

Не помню, гдѣ я это читалъ; но этотъ стихъ именно къ ней относится.... «Ея душа чиста....» съ позволенія сказать... *(Быстро переходитъ въ середину между княземъ и лизою, чтобъ ихъ развести. Про себя.)* Чортъ побери его сіятельство..... *(Переходитъ опять къ Борзикову.)* И такъ вы должны согласиться на счастіе моей дочери и свое торжество!.... должны, удивительный человѣкъ!... *(Съ большею силою.)* Человѣкъ удивительный!.... Ѳедоръ Семеновичъ безсмертный! Не отвергайте нашихъ просьбъ!.. Тронитесь нашими мольбами.... *(Декламируя.)*

(*) Лиза, Синичкинъ, Вѣтринскій, Борзиковъ.
(**) Лиза, Синичкинъ, Борзиковъ, Вѣтринскій.

«Эдипъ! почувствуй состраданье —

(Срывая съ себя парикъ.)

«И зри мою главу, лишенную волосъ!...

(*Тихо Лизѣ.*) Плачь!... (*Борзикову.*)

«Зри слезы тѣ сія!...»

Посмотрите, великій Ѳедоръ Семеновичъ.... Лизокъ мой плачетъ!... Она какъ рѣка льется!

ВѢТРИНСКІЙ, Борзикову (*).

Не соглашайтесь, вы погубите свою лучшую піесу!

СИНИЧКИНЪ, князю.

Г. Ленскій!

ЛИЗА, тоже.

Какъ вамъ это не совѣстно, сударь, мѣшать моему счастію?... Я душей люблю театръ!

СИНИЧКИНЪ.

Она душей любитъ театръ и Борзикова, человѣка съ необыкновеннымъ дарованіемъ; а васъ, съ позволенія сказать, волокитъ, терпѣть не можетъ!... Да, г. Ленскій.... или ваше сіятельство, Вѣтринскій!.... я знаю, что вы Харьковскій любовникъ, только не тотъ, которымъ называетесь! Узнайте, Ѳедоръ Семеновичъ: его сіятельство старается пристроить къ себѣ мою Лизу, лишить меня дочери, театръ актрисы, а васъ блестящаго успѣха и безсмертной славы!.... (*Князю.*) Да, да!... нечего плечами пожимать, ваше сіятельство!... Я не льщу, а говорю сущую правду.

ВѢТРИНСКІЙ.

Но я и не думалъ плечами пожимать.

СИНИЧКИНЪ.

Я видѣлъ!... и это ужъ, съ позволенія сказать, не въ первый разъ вы дѣлаете, какъ скоро начнутъ отдавать должную справедливость таланту Ѳедора Семеновича.

ВѢТРИНСКІЙ.

Съ чего вы это взяли?

СИНИЧКИНЪ.

Въ послѣднее первое представленіе его водевиля.... какъ бишь онъ?.... Я видѣлъ, какъ вы, въ первомъ ряду креселъ, въ 5 нумеръ, съ правой стороны, все зѣвали изъ за вашихъ желтыхъ — то перчатокъ... съ позволенія сказать, вотъ именно такимъ манеромъ. (*Показываетъ жестами.*).... дурно, ваше сіятельство!...

БОРЗИКОВЪ.

Не грѣшно ли, князь?.. А я еще самъ привезъ вамъ билетъ и проспалъ....

ВѢТРИНСКІЙ.

Eh! non.... je vous assure....

СИНИЧКИНЪ.

И вы, ваше сіятельство, хотите помѣшать дебюту моей дочери!... Вы!... вы!... Нѣтъ, съ позволенія сказать, вамъ этого и во снѣ не приснится!... Самъ авторъ мой... (*Борзикову.*) Извините, я васъ толкнулъ, Ѳедоръ Семеновичъ!... Да, да; вы мой авторъ!.. (*Князю.*) Самъ авторъ мой, который ужъ, съ позволенія сказать, умѣетъ разбирать игру актеровъ и актрисъ, вдоль и поперегъ... самъ любимый мой авторъ сейчасъ же увидитъ своими глазами и услышитъ своими ушами... Ну ка, Лизокъ, отхватай что нибудь изъ новой піесы Ѳедора Семеновича!

ВѢТРИНСКІЙ.

Напрасный трудъ: Пустославцевъ не согласится.

СИНИЧКИНЪ.

Извините: Петръ Петровичъ даже и теперь насъ ждетъ на сценѣ.

БОРЗИКОВЪ.

Вы съ нимъ видѣлись?

СИНИЧКИНЪ.

Разумѣется!

Мы говорили съ нимъ сейчасъ,
И онъ отъ Лизы въ восхищеньи.
Но что въ немъ! Дорого для насъ
Одно лишь ваше одобренье.
Онъ развѣ можетъ разсуждать?
Онъ только что собой гордится,
А съ позволенія сказать —
Актеръ ни къ чорту не годится.

Начинай, Лизокъ, — начинай сначала.

ВѢТРИНСКІЙ.

Начало не можетъ быть такъ интересно..

БОРЗИКОВЪ.

Конецъ по мнѣ спляшетъ...

(*) Лиза, Синичкинъ, Борзиковъ, Вѣтринскій.

СИНИЧКИНЪ.

Съ позволенія сказать, и ей конецъ то больше всего нравится. (*Князю.*) Да, да, смѣйтесь: конецъ давно нанисанъ.

ВѢТРИНСКІЙ.

Кто съ вами спорить? Я совсѣмъ другому смѣялся... (*въ сторону.*) А тотъ чудакъ отъ души ему вѣритъ!

СИНИЧКИНЪ.

Съ позволенія сказать, Ѳедоръ Семеновичъ, смѣю ли попросить у васъ на минутку вашей рукописи?...

БОРЗИКОВЪ.

Вотъ она на столѣ.

СИНИЧКИНЪ, взявъ рукопись (*).

О манна небеспая! едва дерзаю до тебя коснуться! — Сажай, Лизокъ, этотъ превосходный, этотъ чудеспый монологъ, когда, съ позволенія сказать, младая Дѣва Солнца умоляетъ Испанскаго юношу бѣжать и покинуть ее. — Не забудь показать Ѳедору Семеновичу, какъ ты хороша въ ту минуту, когда, съ позволенія сказать, съ тобой дурно дѣлается.

ВѢТРИНСКІЙ.

Любопытно посмотрѣть, есть ли въ ней хоть тѣнь таланта. (*Садится.*)

БОРЗИКОВЪ, тоже садится.

Увидимъ!... можетъ быть, я и рѣшусь.

СИНИЧКИНЪ, Борзикову.

Вы знаете положеніе дѣйствующихъ лицъ?

БОРЗИКОВЪ.

Кому же и знать, если не мнѣ, когда я самъ авторъ піесы!

СИНИЧКИНЪ.

Извините.... съ позволенія сказать, — иногда бываетъ, что авторы сами не знаютъ содержанія своихъ сочиненій... Вамъ, Ѳедоръ Семеновичъ, это можно сказать... Вы это не примете... Начинай, Лиза, смѣлѣе!.. (*Князю.*) Вашему сіятельству угодно тоже послушать?.. такъ я буду говорить предрѣчіе. (*Декламируетъ.*) «Кора! о Кора! мольбы твои тщетны, слезы безполезны!... если ты не хочешь бѣжать со мною, я ни съ «мѣста!..» Удивительное мѣсто! Авторъ обыкновенный сказалъ бы: «Я остаюсь!» А Ѳедоръ Семеновичъ, талантъ: (*Декламируя.*) «Ни съ мѣста!»

ЛИЗА.

«Алонзо! милый Алонзо!.. Неужели ты желаешь лишить
«Кору плода ужасной жертвы, принесенной ею для твоего спасенія!..
«О!.. верхъ заблужденія!... »

(Борзиковъ оказываетъ неудовольствіе при послѣднихъ словахъ.)

СИНИЧКИНЪ, замѣтивъ движеніе Борзикова.

Слишкомъ слабо: «верхъ заблужденія!.. повыше поднимись на «верхъ заблужденія!»

ЛИЗА.

«О верхъ заблужденія! Неужели ты не «постигаешь всего величія въ самоотверженіи бѣдной дѣвушки, которая, чтобы «спасти друга сердца... супруга, избранного ею предъ лицемъ самаго неба....

СИНИЧКИНЪ.

Правой рукой на него укажи!...

ЛИЗА, продолжая.

«согласилась соединить судьбу свою на«вѣки съ симъ алчнымъ тигромъ, упитанным кровію Испанцевъ...»

(Синичкинъ вздыхаетъ комически; Лиза подражаетъ ему.)

СИНИЧКИНЪ.

Какой слогъ!

ВѢТРИНСКІЙ, тихо Борзикову.

Слабо, mon cher..... са n'-ira pas!

ЛИЗА.

«Знай же, Алонзо!.. Чтобы тебя спасти, «я нарочно предстала его взору.... прельстила его своею красотою... бросилась въ «его объятія!... Робкая, невинная дѣва, я «согласилась раздѣлить съ нимъ его подушку, на которой покоятся его безобразныя, «свирѣпыя черты... я знала, что подъ сей «брачной подушкой лежалъ ключъ отъ твоей «темницы!»

БОРЗИКОВЪ.

Сильнѣй иныя слова.

СИНИЧКИНЪ.

Я тоже всегда ей говорю... сильнѣй упирай на «подушку!»

(*) Синичкинъ, Лиза, Борзиковъ, Вѣтрипскій.

БОРЗИКОВЪ.

Не на *подушку*, а на *ключъ*... въ немъ вся сила.

СИНИЧКИНЪ.

А такъ какъ ключъ лежитъ подъ подушкою, то ужъ само по себѣ разумѣется, если станешь упирать на подушку, вмѣстѣ и на ключъ упрешь.... Вообще, съ позволенія сказать, я совѣтую ей выказывать всегда тѣ мѣста... которыя у ней... съ позволенія сказать... я не умѣю выразиться.... но посмотрите, что за мысль!.. Дѣвушка отдаетъ руку злодѣю, съ позволенія сказать, разбойнику, единственно затѣмъ, чтобъ украсть ключъ отъ темницы своего возлюбленнаго!.. Ахъ ты, Господи Боже мой! Ѳедоръ Семеновичъ! что это у васъ за голова такая!

ВѢТРЯНСКІЙ, въ сторону.

Ужъ именно хоть въ кунсткамеру!

СИНИЧКИНЪ, Лизѣ.

Катай!

ЛИЗА.

«За ключъ сей я заплатила моей стра-«стію, моимъ счастіемъ... для тебя пожерт-«вовала всѣмъ своимъ существованіемъ... и «теперь, когда темница для тебя уже отверз-«та... ты рѣшаешься ожидать смерти!... О «другъ мой! О Алонзо! О! бѣги, бѣги, я «тебя заклинаю!.. не жди своихъ палачей!»

СИНИЧКИНЪ, читая съ декламаціей.

«Нѣтъ. нѣтъ!.. ты тщетно меня умоля-«ешь!.. бѣги со мною вмѣстѣ, или я ос-«таюсь!» — Обыкновенный писатель тутъ сказалъ бы: «Я ни съ мѣста!», а Ѳедоръ Семеновичъ, талантъ, написалъ: «Я остаюсь!»

ЛИЗА.

«Но я тебя ужъ недостойна!»

СИНИЧКИНЪ.

«Недостойна! Ты достойнѣе теперь, не-«жели прежде, нежели когда либо... и во «всю жизнь...» (*Топнувъ ногою.*) Памъ!...

ВѢТРЯНСКІЙ, смѣясь

А это что такое?

СИНИЧКИНЪ.

Пушка заревала.

ЛИЗА.

«Слышишь! слышишь!.. Они плывутъ... «Бѣги! бѣги! бѣги!.. бѣги!.. бѣги!...»

БОРЗИКОВЪ.

Хорошо, хорошо, прекрасно!

СИНИЧКИНЪ, топнувъ ногою въ другой разъ.

Памъ!...

ЛИЗА.

«Ахъ!.. уже поздно!...» (*Падаетъ на стулъ.*)

БОРЗИКОВЪ.

Эхъ!.. это не то!...

ВѢТРЯНСКІЙ.

Совсѣмъ не то!..

СИНИЧКИНЪ.

Вамъ не нравится, Ѳедоръ Семеновичъ?

БОРЗИКОВЪ.

Есть душа, огонь... но въ ту минуту, какъ ей дурно... дурно!

ВѢТРЯНСКІЙ.

Даже ужъ и слишкомъ дурно!

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Этотъ князь Фунта два во мнѣ крови испортитъ!.. (*Лизѣ*) Начни съизнова... Я тебя не узнаю: что съ тобою?.. (*Борзикову.*) Съ позволенія сказать, вы себѣ представить не можете, какъ у насъ дома дурно хорошо выходитъ... а здѣсь,—я согласенъ съ вами.. въ ту минуту, какъ ей дурно... дурно!....

Повторимъ это мѣсто... О!..мы сладимъ!.. мы, съ позволенія сказать, сладимъ!..(*Лизѣ*) Пожалуйста, гдѣ дурно, чтобъ было хорошо.

ЛИЗА, повторяя.

«Ахъ!... уже поздно!... (*Падаетъ на стулъ.*)

БОРЗИКОВЪ.

Все не то!...

ВѢТРЯНСКІЙ.

Это смѣхъ надѣлаетъ!...

СИНИЧКИНЪ.

Неправда...

ВѢТРЯНСКІЙ.

Ужъ я увѣрю!

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Проклятый подлипало!... (*Лизѣ.*) Повтори еще!

ВѢТРИНСКІЙ, вставая.

Да что жъ, намъ до завтра, что ли, здѣсь сидѣть прикажете?

СИНИЧКИНЪ.

Постойте, постойте, присядьте!... (*Въ сторону.*) Вотъ я ее!... (*Сильно ущипнувъ Лизу.*) Дура!

ЛИЗА.

Ай!... (*Падаетъ на стулъ.*)

БОРЗИКОВЪ, вставая.

Браво! Вотъ это натура!

СИНИЧКИНЪ.

Надѣюсь!

БОРЗИКОВЪ.

Скорѣй на репетицію... пойдетъ, пойдетъ!

ВѢТРИНСКІЙ.

На репетицію?... А если Сурмилова сама играть станетъ?...

СИНИЧКИНЪ.

Она больнымъ-больнехонька!

ВѢТРИНСКІЙ.

Смотрите, mon cher Борзиковъ, будьте поосторожнѣе... Графъ Зефировъ за нее заступится; а онъ имѣетъ большой вѣсъ при театрѣ!

БОРЗИКОВЪ.

Ахъ, чортъ возьми! Я и забылъ, въ самомъ дѣлѣ!... Я же ему пропасть долженъ... и почти каждый день у него обѣдаю!...

ВѢТРИНСКІЙ.

Графъ слишкомъ неравнодушенъ къ Сурмиловой; у него сильныя связи; онъ даже и по службѣ можетъ вамъ помѣшать...

БОРЗИКОВЪ.

Чего добраго! Пожалуй еще и въ тюрьму упрячетъ. (*Хочетъ взять свою рукопись отъ Синичкина.*) Подайте-ка назадъ піесу!...

СИНИЧКИНЪ.

Полно-те, Ѳедоръ Семеновичъ! Я графа въ глаза не знаю, а слышалъ, что онъ не такой души человѣкъ: онъ любитъ искусство и, съ позволенія сказать, всегда поощряетъ молоденькихъ актрисъ... Мы сію же минуту къ нему отправимся...

БОРЗИКОВЪ (*).

Хорошо; и то дѣло... Я съ вами вмѣстѣ: мнѣ же надобно поздравить его съ днемъ ангела, хоть я ужъ и послалъ карточку...

ВѢТРИНСКІЙ, въ сторону.

А я поѣду къ Раисѣ... и вотъ мы посмотримъ, что будетъ?

Вмѣстѣ.

БОРЗИКОВЪ, СИНИЧКИНЪ и ЛИЗА.

Поскорѣй на дрожки сядемъ,
Прямо къ графу! — Маршъ, впередъ!
Все устроимъ, все уладимъ —
И спектакль у насъ пойдетъ.

ВѢТРИНСКІЙ, въ сторону.

Поскорѣй въ коляску сядемъ,
И къ Раисѣ — маршъ, впередъ,
Все разстроимъ, все разладимъ,
Все вверхъ дномъ у насъ пойдетъ!

СИНИЧКИНЪ.

Графъ, противиться не станетъ,
Съ позволенія сказать,
Онъ на Лизу только взглянетъ —
Самъ ей станетъ помогать!

Вмѣстѣ.

БОРЗИКОВЪ, СИНИЧКИНЪ и ЛИЗА.

Поскорѣй на дрожки сядемъ, и проч.

ВѢТРИНСКІЙ, въ сторону.

Поскорѣй въ коляску сядемъ, и проч.

(Борзиковъ уходитъ съ Лизою; Синичкинъ за ними же.)

(Занавѣсъ опускается.)

(*) Лиза, Вѣтринскій, Синичкинъ, Борзиковъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ССОРА.

Театръ представляетъ будуаръ въ готическомъ вкусѣ; мраморъ, бронза, золото, картины, бюро. Вся мебель готическая.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Зефировъ..... *Г. П. Степановъ.*
Князь Ветрицкій..... *Г. Ленскій.*
Левъ Гурычъ Спичкинъ.... *Г. Живокини.*
Лиза..... *Г-жа И. Рѣпина.*
Раиса Минишна Сурмилова. *Г-жа Орлова.*
Ѳедоръ Семеновичъ Борзиковъ..... *Г. Самаринъ.*

Надя } танцовщицы. ..... *Г-жа Груберть.*
Катя } ..... *Г-жа Златопольская 2.*
Варя } актрисы. ..... *Г-жа Михайлова.*
Маша } ..... *Г-жа Щедрина.*
Камердинеръ графа Зефирова..... *Г. Кочетовскій.*

ЯВЛЕНІЕ I.

НАДЯ, ВАРЯ, КАТЯ, МАША, одѣтыя въ лучшія свои платья.

ВСѢ, осматривая комнату.

Какія пышныя убранства!
Какъ милъ, привѣтливъ добрый графъ!
Въ немъ нѣтъ ни гордости, ни чванства:
Всегда веселый, кроткій правъ . . . .
Да здравствуетъ нашъ милый графъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ И ГРАФЪ ЗЕФИРОВЪ, въ богатомъ утреннемъ неглиже, выходитъ изъ боковыхъ дверей.

ГРАФЪ.

А! это вы, мои пулярки! . . .

ВСѢ, составляя около него кружокъ и приседая съ граціозностію.

Спѣшила каждая изъ васъ
Съ днемъ ангела поздравить васъ!

ГРАФЪ.

Благодарю, мои пулярки! . . .
А это что у васъ?.. подарки?...

ВСѢ.

Они не очень хороши...
Но это трудъ нашъ отъ души!

ВАРЯ.

Я вамъ связала кошелечекъ.

ГРАФЪ, беретъ и цѣлуетъ ее.

Спасибо, миленькій дружочекъ!

НАДЯ.

Вамъ перышко снизала я.

ГРАФЪ, тоже.

Спасибо, кошечка моя!

КАТЯ.

Бумажникъ въ малепькомъ калибрѣ...

ГРАФЪ, тоже.

Mercі, mercі, моя колибри!

МАША.

Подчасникъ шитый, съ бахрамой.

ГРАФЪ, тоже.

Благодарю, тюльпанчикъ мой!...

ВСѢ.

Вотъ наши бѣдные подарки!
Насъ графъ конечно извинитъ:
Они на взглядъ не слишкомъ ярки,
Но въ нихъ признательность блеститъ!

ГРАФЪ.

Благодарю, мои пулярки,
Моя душа вамъ говоритъ!
За ваши милые подарки
Вашъ другъ и самъ васъ подаритъ.

ГРАФЪ.

Ну, здоровы ли вы, мои райскія птички? Что у васъ новаго въ театрѣ дѣлается? Я вчера не былъ въ спектаклѣ, и сегодня не успѣлъ заѣхать на рецетицію.

ВАРЯ.

Ахъ, графъ! вы не знаете: пышная піеса отмѣняется!

ГРАФЪ.

Вотъ!... Почему?

НАДЯ.

Раиса Минишна не здорова.

ГРАФЪ.

Неужели! Что это вдругъ съ ней сдѣлалось? Я вчера часа до третьяго ночи у ней сидѣлъ, и ничего не замѣтилъ.

ВАРЯ.

Давича на пробѣ у нихъ вышло что-то такое съ авторомъ.

ГРАФЪ.

Съ Борзиковымъ? Есть на кого сердиться; а впрочемъ очень жаль, что они поссорились: піеса сама по себѣ хоть и глупа, а въ Раисочкиной роли есть мѣста эфектныя... Да за что жъ у нихъ стало?

ВАРЯ.

Насъ съ Машей на репетиціи не было: мы въ піесѣ не заняты.

НАДЯ.

А мы съ Катей тогда у себя въ уборной батманы дѣлали; но, говорятъ, что тамъ во время пѣнія, или монолога Раисы Минишны, отъ кого-то письмо ей принесли... она остановилась, стала читать не роль, а письмо.... Петръ Петровичъ съ Борзиковымъ стали ей говорить....

ГРАФЪ.

Ну, и такъ далѣе... все глупости! (*Звонитъ.*) А вотъ я сейчасъ къ ней съѣзжу. (*Вошедшему лакею*). Коляску заложить.

НАДЯ.

А ту, въ которой мы теперь къ вамъ пріѣхали, позвольте, ваше сіятельство, намъ на цѣлый день у себя оставить; намъ покататься хочется.

ГРАФЪ.

Хорошо, хорошо, мои пулярки.... да побывайте у Леду и у Трише: вотъ вамъ на конфекты и на булавки. (*Вынимаетъ изъ бюро пукъ ассигнацій и даетъ имъ.*)

ВСѢ, бросаются его цѣловать, говоря.

Ахъ, графъ! душечка графъ?

ГРАФЪ.

Только вы у меня смотрите, мои райскія птички, со сцены не слишкомъ переглядывайтесь съ гусарскими офицерами въ креслахъ; а то вы глазъ съ нихъ не сводите: это нехорошо; я вамъ говорю изъ любви къ искусству.

ВСѢ.

Вы, графъ, напрасно говорите,
Что мы съ гусаръ не сводимъ глазъ;
Впередъ вы сами посмотрите:
Мы будемъ все смотрѣть на васъ!

ГРАФЪ, цѣлуя ихъ.

Ну, это кончено, подите;
Я, право, не сержусь на васъ.
Ступайте съ Богомъ, накупите
Себѣ различныхъ безендрясъ.

(Варя, Надя, Маша и Катя уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ГРАФЪ, ОДИНЪ.

Какъ милы эти драматическія пулярочки и балетныя кошечки! И какъ всѣ онѣ меня любятъ!... Но я любопытенъ узнать, что за исторія вышла у Раисы съ Борзиковымъ и Пустославцевымъ? Она заносчива и капризна, а тѣ самолюбивы и глупы... (*Звонитъ.*)

КАМЕРДИНЕРЪ, ВХОДИТЪ.

Письмо къ вашему сіятельству.

ГРАФЪ.

Карету заложить... (*Камердинеръ уходитъ.*) А! отъ Раисы!... (*Распечатываетъ, садится на софу и читаетъ.*)

«Ваше сіятельство, ангелъ вы мой! Честь «имѣю поздравить васъ съ ангеломъ и по«желать вамъ всего, чего вамъ самимъ же«лается. Я сегодня не играю: у меня нер«вы разстроены и голова болитъ. Вы ко«мнѣ не пріѣзжайте; я собралась дня на «три въ деревню къ теткѣ управительни«цѣ, подышать чистымъ осеннимъ воздуxомъ; я сама пріѣду къ вамъ проститься. «Если Пустославцевъ будетъ вамъ жало«ваться, что будто я изъ каприза не играю, «плюньте на него: у меня есть докторское «свидѣтельство....»

Что мудренаго! Доктора, пожалуй, за деньги дадутъ билетъ на погребеніе... Но что за идея больной въ октябрѣ лечиться деревенскимъ воздухомъ?

КАМЕРДИНЕРЪ, входя.

Ѳедоръ Семеновичъ Борзиковъ.

ГРАФЪ.

Проси.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГРАФЪ, БОРЗИКОВЪ И ЛИЗА.

БОРЗИКОВЪ, вводя Лизу.

Честь имѣю, ваше сіятельство, поздравить васъ съ днемъ ангела и представить вамъ юную дебютантку, которая страстно любитъ театръ и нетерпѣливо желаетъ удостоиться вашего знакомства.

ГРАФЪ, въ сторону.

Какая хорошенькая пулярочка! *(Лизѣ).* Очень пріятно пріобрѣсти такую прелестную артистку.

ЛИЗА, сконфузясь и присѣдая.

Ваше сіятельство! я не знаю какъ благодарить... конечно... я... ваше сіятельство... (*въ сторону*). Безъ тятеньки я пропала!

ГРАФЪ.

Я ужъ, кажется, имѣлъ удовольствіе васъ видѣть на сценѣ?

ЛИЗА.

Нѣтъ, ваше сіятельство, я еще всего одинъ разъ въ жизни играла, и то на домашнемъ театрѣ, въ деревнѣ... Вы встрѣчались со мною у Раисы Минишны Сурмиловой.

ГРАФЪ.

Да, да!... точно такъ, теперь я вспомнилъ.

БОРЗИКОВЪ.

Вы, графъ, слышали: Раиса Миниша сегодня не играетъ.

ГРАФЪ.

Но что жъ дѣлать, если она и въ самомъ дѣлѣ больна!

БОРЗИКОВЪ.

Положимъ даже — въ постелѣ лежитъ, да Петру-то Петровичу Пустославцеву отъ того не поздоровится: онъ истратилъ много денегъ на обстановку, и не хотѣлъ бы лишиться полныхъ сборовъ.

ГРАФЪ.

У васъ, господъ авторовъ, есть похвальная скромность предсказывать своимъ піесамъ полные сборы на нѣсколько представленій сряду.

Вы объявляете продажу
На нѣсколько спектаклей вдругъ;
Всѣ рвутся къ креслямъ къ бельэтажу,
Билеты съ бою рвутъ изъ рукъ...
А тамъ, глядишь, о удивленье!
Кто на два раза взялъ билетъ,—
Ужъ на второе представленье
Прислалъ продать его чуть свѣтъ!

БОРЗИКОВЪ.

Вы правы, ваше сіятельство, это случается; но если моя нынѣшняя піеса больше одного полнаго сбора сдѣлать не можетъ, то не еще ли больнѣе содержателю его лишиться? Мы съ Петромъ Петровичемъ нашли способъ... только намъ надобно напередъ согласіе вашего сіятельства, потому что, ставятъ ли въ театрѣ новую піесу, приготовляютъ ли въ честь кому торжественный праздникъ,—никогда и ничего не дѣлается безъ вашего сіятельства: всѣмъ извѣстенъ вашъ вкусъ и ваша любовь къ искусству.

ГРАФЪ.

Благодарю васъ; да, признаюсь вамъ, я готовъ всѣмъ жертвовать изъ любви къ искусству... Но въ чемъ же дѣло?

БОРЗИКОВЪ.

Спектакль нашъ не отмѣнится, если вамъ угодно. (*Указывая на Лизу.*) Юная дебютантка сыграетъ за Раису Миниша.

ГРАФЪ, вставая.

Какъ! за Сурмилову?

ЛИЗА, присѣдая.

У меня роль тверда, ваше сіятельство!

БОРЗИКОВЪ.

Я самъ прослушивалъ, и...

ГРАФЪ.

Полноте!... ну какъ же это можно?.. Вы, monsiuer Борзиковъ, съ ума сошли!..

БОРЗИКОВЪ.

Но позвольте, графъ...

ЛИЗА, въ сторону.

Ахъ, Боже мой! онъ разсердился!...

ГРАФЪ.

Помилуйте!.. Это сущая нелѣпость!.. Пожалуй, вы можете отдавать вашу роль кому угодно; но я, изъ любви къ искусству, не позволю оскорбить актрису заслуженную и съ необыкновеннымъ талантомъ... Я скажу Пустославцеву...

ЛИЗА.

Но если за болѣзнію, ваше сіятельство ..

БОРЗИКОВЪ.

Если за болѣзнію...

ГРАФЪ.

Все равно... я не позволю!

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ И СИНИЧКИНЪ.

СИНИЧКИНЪ, за дверями.

Пустите! Здѣсь моя дочь, мой Лизокъ!

ЛИЗА.

Ахъ! это онъ.

ГРАФЪ.

Кто такой?

ЛИЗА, бѣжитъ къ вошедшему отцу.

Тятенька!

СИНИЧКИНЪ.

Лизокъ!... (*)

БОРЗИКОВЪ, графу.

Это ея отецъ... добрый старичокъ.

СИНИЧКИНЪ.

Съ позволенія сказать, Ѳедоръ Семеновичъ, я бѣжалъ за вами со всѣхъ ногъ, и все не могъ никакъ догнать ваши дрожки, а другаго извощика, какъ на зло, не попалось... Не то, чтобъ я опасался чего нибудь... о! нѣтъ, клянусь Богомъ, нѣтъ! я знаю мою дочь, я понимаю моего автора!... Но, съ позволенія сказать, вѣдь я теперь нахожусь...

БОРЗИКОВЪ.

У его сіятельства, графа Зефирова...

СИНИЧКИНЪ, съ глубокимъ почтеніемъ.

Ахъ! я дубина!.. Простите дураку, ваше сіятельство!.. Лизокъ!.. (*Декламируя*). «Приближься, дочь моя, и поклонись ему!..» Знаешь ли ты, что въ цѣлой Россіи другаго нѣтъ его сіятельства!

БОРЗИКОВЪ.

Вотъ сами теперь просите... Графъ не соглашается (*).

СИНИЧКИНЪ.

Не соглашается?

ЛИЗА.

Да, тятенька: его сіятельство не позволяетъ мнѣ играть.

СИНИЧКИНЪ.

Не позволяетъ!... Позвольте!.. Съ позволенія сказать, я этого не понимаю!.. Какъ, ваше сіятельство! съ вашимъ Европейскимъ умомъ и вкусомъ!.. Да! кому не извѣстенъ вкусъ его сіятельства, графа Зефирова? Вкусъ, даже, съ позволенія сказать, въ самыхъ пустячкахъ какихъ-нибудь?.. О удивительный человѣкъ (*Еще сильнѣе.*) Человѣкъ удивительный!...

ГРАФЪ.

Рѣчь не обо мнѣ, а о томъ, что ваша дочь сегодня въ роли Сурмиловой дебютировать и не можетъ и не будетъ; изъ любви къ искусству и по чистой совѣсти, я обязанъ этому помѣшать. (*Садится.*)

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Постой... вотъ я тебѣ дамъ совѣсть!...

БОРЗИКОВЪ, Лизѣ.

Ну! если такъ, дѣлать нечего.... извините

ЛИЗА.

Какъ, Ѳедоръ Семеновичъ?

СИНИЧКИНЪ.

Жаль, очень жаль! Всѣ было согласились... и авторъ и антрепренёръ, и даже сама Раиса Минишна....

ВСѢ.

Раиса Минишна!

СИНИЧКИНЪ.

Что за ангелъ эта Раиса Минишна! Какъ она любитъ Лизаньку!.. Да, ваше сіятельство, она учитъ мою дочь, и сама бы даже за нее просить васъ пріѣхала, да ей время нѣтъ, она куда-то за городъ отправилась.

(*) Графъ, Борзиковъ, Синичкинъ, Лиза.

(*) Графъ, Синичкинъ, Лиза, Борзиковъ.

ГРАФЪ.

Она больна, такъ хочетъ подышать чистымъ воздухомъ.

СПИЧКИНЪ.

О! ужасно больна: это я сейчасъ-же замѣтилъ, по ея блѣдному лицу, ваше сіятельство: она съ такою очаровательною томностію опиралась на руку молодаго человѣка, который, съ позволенія сказать, сѣлъ съ нею въ карету.

ГРАФЪ, быстро вставая.

Молодой человѣкъ!...

СПИЧКИНЪ.

Съ черными усиками, средняго роста... красавчикъ!.. новомодная карета на плоскихъ рессорахъ...

ГРАФЪ, съ живостію.

Карета князя Вѣтринскаго... это былъ князь Вѣтринскій!

БОРЗИКОВЪ, въ сторону.

Что такое онъ ему болтаетъ?...

СПИЧКИНЪ.

Князь Вѣтринскій?... Не знаю, можетъ статься, и онъ; только они, должно полагать, живутъ въ большомъ ладу между собою... они куда какъ нѣжно другъ на друга посматривали... съ позволенія сказать... вотъ точнехонько такъ... ахъ!..

БОРЗИКОВЪ, въ сторону.

Пустомеля!

ГРАФЪ.

Это ужасно!

СПИЧКИНЪ, продолжая.

И тутъ она мнѣ сказала, съ позволенія сказать, такъ умильно... «Левъ Гурычъ!— говоритъ—» я согласна!...» Молодой баринъ что-то шепнулъ лакею, а лакей, съ позволенія сказать, закричалъ кучеру во все горло: «Пошелъ въ Разгуляево!»

ГРАФЪ, въ волненіи, расхаживая по комнатѣ.

Въ Разгуляево!.. такъ точно!.. Это его загородная деревня!... О женщины, женщины! Ужъ для тебя ли я не жертвовалъ любовью къ искусству, коварная Раиса!

СПИЧКИНЪ, ходя за графомъ.

Его сіятельство съ нею знакомъ?

БОРЗИКОВЪ (*).

Ну, да... глупецъ!

СПИЧКИНЪ, глядя на Борзикова.

О, съ позволенія сказать, дурачина!.. (*Графу*). Простите, ваше сіятельство?. Если бъ я зналъ...

ГРАФЪ.

Ничего, мой другъ, я на тебя не сержусь; напротивъ, еще очень благодаренъ тебѣ за твою услугу.

СПИЧКИНЪ.

Неужели, ваше сіятельство?... А вѣдь я, съ позволенія сказать, право, совсѣмъ безъ намѣренія....

ГРАФЪ.

Вѣрно, и въ доказательство - твоя дочь сегодня дебютируетъ.

БОРЗИКОВЪ.

Вы согласны, графъ!

СПИЧКИНЪ, тихо Лизѣ.

Каково?

ЛИЗА.

Ахъ, тятенька!...

ГРАФЪ, Спичкину.

Клянусь жизнію моей,
Что уничтожу я Раису,
Займуся дочерью твоей —
И сдѣлаю изъ ней актрису!
Да, я клянуся доказать,
Какъ я цѣню талантъ по чувству!

СПИЧКИНЪ.

Вотъ, съ позволенія сказать,
Примѣрная любовь къ искусству!

БОРЗИКОВЪ.

Пустомлавцевъ насъ дожидается.

ЛИЗА.

Такъ мы поѣдемъ, ваше сіятельство, и отъ вашего имени ему скажемъ....

ГРАФЪ.

Я самъ съ вами поѣду, моя душечка. (*Звонитъ*). Карету! сюртукъ!

КАМЕРДИНЕРЪ, входя.

Его сіятельство князь Вѣтринскій. (*Уходитъ*).

СПИЧКИНЪ, въ сторону.

Ахъ, чортъ возьми!

(*) Лиза, Борзиковъ, Спичкинъ, Графъ.

ГРАФЪ, надѣвая сюртукъ.

Вѣтринскій!...

БОРЗИКОВЪ, въ сторону.

Пойдетъ потѣха!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ, ВѢТРИНСКІЙ (*).

ВѢТРИНСКІЙ.

Ну, такъ! я напередъ былъ увѣренъ, что найду здѣсь чудака Синичкина съ дочерью.

ЛИЗА, въ сторону.

Я дрожу!

ВѢТРИНСКІЙ.

Здравствуйте, графъ; я сейчасъ отъ Сурмиловой; не засталъ ее дома. Вспомнивъ, что вы нѣкоторымъ образомъ принимаете въ ней участіе, я пріѣхалъ вамъ сказать....

ГРАФЪ.

Я знаю все, сударь.

СИНИЧКИНЪ.

Его сіятельство знаетъ все, ваше сіятельство!

ВѢТРИНСКІЙ.

Да что жъ такое онъ знаетъ?

ГРАФЪ.

Je sais que vous êtes un fat, monsieur!

ВѢТРИНСКІЙ.

Et vous, un vieux séducteur, monsieur!

БОРЗИКОВЪ.

Monsieur, monsieur!

ВѢТРИНСКІЙ.

Et vous un sot, monsieur!

БОРЗИКОВЪ.

Je suis de la neuvième classe, monsieur! (**).

ЛИЗА, въ ужасномъ безпокойствѣ.

Ахъ, Боже мой!

ГРАФЪ.

Cela ne se passera pas ainsi!

ВѢТРИНСКІЙ.

Mais je l'espère bien, et vous m'expliquerez....

СИНИЧКИНЪ, входя къ нимъ въ середину.

Атанде-съ, ваше сіятельство! ради Бога атанде-съ!... Я, съ позволенія сказать, немножко кампрене кеске-ву-парле!... О, мой авторъ, о, дочь моя! помогите мнѣ увлечь моего благороднаго покровителя!

ЛИЗА, графу.

Графъ! ваше сіятельство... поѣдемте!

ВѢТРИНСКІЙ, графу.

Mais si fait, morbleu vous m'expliquerez...

СИНИЧКИНЪ, князю.

Ваше сіятельство! у васъ послѣ морбле будетъ! Его сіятельство графъ, съ позволенія сказать, прежде намъ далъ слово.... (*Въ сторону*). Ура! наша взяла! (*Вслухъ.*) Поѣдемте.

ВСѢ.

Поѣдемте!

КАМЕРДИНЕРЪ, входя.

Раиса Минишна Сурмилова.

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Бѣда за бѣдою!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ, СУРМИЛОВА (*).

ГРАФЪ, Сурмиловой.

Это вы.... возможно ли! Она не въ Разгуляевѣ!...

ВѢТРИНСКІЙ.

А! кстати пріѣхала... Вотъ мы увидимъ.

ГРАФЪ, Сурмиловой.

Неужели меня хотѣли обмануть?.... Но нѣтъ.... нѣтъ, вы знали, что князь здѣсь...

СУРМИЛОВА, въ сторону.

Князь здѣсь.... Что это значитъ?

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Мы попались, какъ воробьи на мякинѣ!

СУРМИЛОВА.

Зачѣмъ сюда пришелъ этотъ народъ?... Г. Борзиковъ съ ними!... Такъ мнѣ не даромъ сказали!... Они собираются у меня роль отнять!

(*) Борзиковъ, Вѣтр., графъ.

(**) Вѣтр., графъ, Синичкинъ, Лиза, Борзиковъ.

(*) Вѣтринскій, графъ, Сурмилова, Синичкинъ, Лиза, Борзиковъ.

БОРЗИКОВЪ.

Однако жъ, позвольте, сударыня....

СУРМИЛОВА.

Интриганы!

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Меня точно обухомъ по лбу съездили!

ЛИЗА, тихо.

Какое несчастіе! Все было такъ хорошо.

ВѢТРИНСКІЙ.

Да, да... тутъ есть адская интрига.

ГРАФЪ.

А!... интрига....

СУРМИЛОВА.

Только она не удастся. Графъ, прикажите сказать Пустославцеву, что мнѣ гораздо лучше, и я сегодня играю.

ГРАФЪ.

Нѣтъ, сударыня, зачѣмъ же вамъ безпокоиться? Я вамъ совѣтую лучше возвратиться съ княземъ въ Разгуляево(*).

СУРМИЛОВА, въ сторону.

Отъ кого онъ узналъ?

ВѢТРИНСКІЙ.

Какъ, въ Разгуляево?.. Это неправда.

СУРМИЛОВА, тихо князю

Знаю.. хорошо!..

ВѢТРИНСКІЙ, въ сторону.

Чтоона говоритъ? (*Въ слухъ.*) Я тутъ ничего не понимаю.

БОРЗИКОВЪ.

И я также.

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Славно!.. Всѣ, съ позволенія сказать, ничего не понимаютъ!... Какъ бы еще побольше ихъ запутать?.. Ахъ! если бъ мое письмо и теперь еще было у ней въ ридикюлѣ!...

ГРАФЪ, князю.

Я требую удовлетворенія!

СУРМИЛОВА.

Дуэль!

СИНИЧКИНЪ, тихо Лизѣ.

Упади въ обморокъ!

ВѢТРИНСКІЙ

Когда вамъ угодно, графъ!

(*) Вѣтринскій, Сурмилова, графъ, Синичкинъ, Лиза, Борзиковъ.

БОРЗИКОВЪ.

Графъ! полноте!.. Князь! перестаньте!..

ЛИЗА.

Ахъ! они хотятъ стрѣляться... Ахъ! я умираю!..

СИНИЧКИНЪ.

Дочь моя!.. съ ней дурно!..

БОРЗИКОВЪ, поддерживая ее на своихъ рукахъ.

Сударыня! сударыня!

ГРАФЪ.

Ахъ, Боже мой! какъ жаль!

СУРМИЛОВА.

Да! важная особа!... Впрочемъ, вы же виноваты.

СИНИЧКИНЪ

Лиза, Лизочикъ!.. спирту, ради Бога, спирту!.. Ахъ, да, съ позволенія сказать, вотъ у васъ въ ридикюлѣ, Ранса Минина!..(*). (*Шаритъ сію же минуту въ ридикюлѣ и роняетъ оттуда платокъ, флаконъ и письмо.*)

СУРМИЛОВА, Синичкину.

Позвольте, позвольте... что вы дѣлаете? Оставьте, говорятъ вамъ!

ГРАФЪ, нагибаясь.

Письмо!

СИНИЧКИНЪ, въ сторону.

Это мое!.. Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ (**)!

БОРЗИКОВЪ.

Она въ себя приходитъ! Она опомнилась!

СИНИЧКИНЪ, тихо Борзикову.

Что, съ позволенія сказать, съ ней дурно... дурно?

ГРАФЪ, прочитавъ письмо.

Какъ! Что я вижу!..

СУРМИЛОВА.

Что такое?

ГРАФЪ, подавая ей письмо.

Возьмите!

СУРМИЛОВА, смотря на князя.

Ахъ!... ваше письмо, князь...

(*) Вѣтринскій, Сурмилова, Синичкинъ, графъ, Лиза, Борзиковъ.

(**) Вѣтринскій, Сурмилова, графъ, Синичкинъ, Лиза, Борзиковъ.

ВѢТРИНСКІЙ, въ удивленіи

Мое письмо!...

ГРАФЪ.

Князь! я еще съ вами увижусь... (*Сурмиловой.*) А съ вами никогда!... Безъ объясненій!

ВѢТРИНСКІЙ.

Однако жъ!...

СИНИЧКИНЪ, становясь въ средину.

Нѣтъ, ваше сіятельство! Его сіятельство изволилъ сказать, безъ объясненій, такъ ужъ безъ объясненій: вы эдакъ, съ позволенія сказать, можете застрѣлить другъ друга, а великіе люди отечеству нужны!

ЛИЗА, БОРЗИКОВЪ и СИНИЧКИНЪ.

Поѣдемте! поѣдемте!

СУРМИЛОВА и ВѢТРИНСКІЙ.

Послушайте, графъ...

ГРАФЪ.

Оставьте меня!

ГРАФЪ.

Я слишкомъ оскорбился,
Страдаетъ честь моя....
Я съ нею распростился,
Мы больше не друзья!

СУРМИЛОВА.

Графъ слишкомъ оскорбился;
Къ тому же, вижу я,
Что въ Лизу онъ влюбился...
Ахти! бѣда моя!

ВѢТРИНСКІЙ.

Графъ слишкомъ оскорбился;
Къ тому же, вижу я,
Что въ Лизу онъ влюбился....
Но все она моя!

СИНИЧКИНЪ.

Графъ слишкомъ оскорбился;
Къ тому же, вижу я,
Что въ Лизу онъ влюбился...
Побѣда, дочь моя!

ЛИЗА.

Графъ слишкомъ оскорбился;
Къ тому же, вижу я,
Что онъ въ меня влюбился....
Такъ будетъ роль моя!

БОРЗИКОВЪ.

Графъ слишкомъ оскорбился;
Къ тому же, вижу я,
Что въ Лизу онъ влюбился —
Такъ кончена статья.

Всѣ вмѣстѣ.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Вѣтринскаго и Сурмиловой. Музыка до конца.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВѢТРИНСКІЙ, СУРМИЛОВА.

ВѢТРИНСКІЙ.

Чортъ ихъ возьми всѣхъ!

СУРМИЛОВА.

А все этотъ старый плутъ, Синичкинъ.

СИНИЧКИНЪ, показываясь въ дверяхъ.

Который ужъ не будетъ при раздачѣ билетовъ, съ позволенія сказать, г-жа графская княгиня! (*Уходитъ.*)

СУРМИЛОВА.

Онъ нарочно уронилъ мое письмо изъ ридикюля...

ВѢТРИНСКІЙ.

Но какое письмо, я у васъ спрашиваю!..

СУРМИЛОВА.

А эти безцѣнныя строки, которыя слишкомъ вознаграждаютъ меня за всѣ мученія.. Я собралась было къ заставѣ, чтобъ ѣхать въ Разгуляево... какъ вдругъ узнаю.

ВѢТРИНСКІЙ, взявъ письмо.

Какая дьявольская измѣна!

СУРМИЛОВА.

Что такое?..

ВѢТРИНСКІЙ.

Это письмо было къ Лизѣ написано!..

СУРМИЛОВА.

Неужели!.. Творецъ!.. — О неблагодарный!

ВѢТРИНСКІЙ.

Ну, извини, прости меня, Раиса! Теперь намъ нѣкогда ссориться; насъ обоихъ одурачили... Это письмо онъ къ тебѣ прислалъ...

СУРМИЛОВА.

Для того, чтобъ...

ВѢТРИНСКІЙ.

Для того, чтобъ ты отказалась отъ своей роли...

СУРМИЛОВА.

И дала средство дебютировать его дочери.

ВѢТРИНСКІЙ,

А я остался съ носомъ!...

СУРМИЛОВА.

О! я задыхаюсь отъ злости... Полечу къ Пустославцеву!

ВѢТРИНСКІЙ.

А я все графу разскажу...

СУРМИЛОВА.

Роль опять будетъ моею!...

ВѢТРИНСКІЙ.

Браво!.. исторіи!.. шумъ!.. сплетни!... спектакль сегодня чудесный будетъ!...

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ V.

ДВѢ АКТРИСЫ.

Театръ представляетъ сцену съ боковой сторовы; кулисы на второмъ планѣ идутъ въ два ряда поперегъ театра. Передній занавѣсь налѣво отъ зрителей: ее не видно за декораціей на первомъ планѣ, представляющей ходъ въ оркестръ; направо отъ зрителей сходъ на сцену, котораго также не видно за декораціей на первомъ планѣ, представляющей ходъ со сцены въ кресла.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Левъ Гурычъ Спичкинъ..... *Г. Живокини.*
Лиза..... *Г-жа П. Рѣпина.*
Раиса Минишна Сурмилова... *Г-жа Орлова.*
Князь Вѣтринскій..... *Г. Аспскій.*
Графъ Зефировъ..... *Г. П. Степановъ.*
Ѳедоръ Семеновичъ Борзиковъ. *Г. Самаринъ.*
Петръ Петровичъ Пустославцевъ..... *Г. Щепкинъ.*
Налимовъ..... *Г. Никифоровъ.*
Шкалъ, слуга изъ театральной кофейной..... *Г. Шуберть.*
Митька, старшій плотникъ при театрѣ..... *Г. Смольяниновъ.*
Актеры и фигуранты.
Плотники и ламповщики.

ЯВЛЕНІЕ I.

При поднятіи занавѣси, вечеровые ставятъ декораціи, ламповщики освѣщаютъ кулисы. Актеры и фигуранты ходятъ по сценѣ: одни въ костюмахъ, другіе въ своихъ платьяхъ.

МИТЬКА, ШКАЛЪ, ВЕЧЕРОВЫЕ И ЛАМПОЩИКИ.

МИТЬКА, вечеровымъ.

Проворнѣй, ребята, проворнѣй!... Скоро будутъ начинать. —

ШКАЛЪ, выходя на цыпочкахъ и оглядываясь кругомъ.

Дмитрій! контрафишки розданы... за болѣзнію г-жи Сурмиловой, слышь ты, будетъ играть въ первый разъ какая то дѣвица Спичкина... Хороша ли она?

МИТЬКА.

Не видалъ.

ШКАЛЪ.

А піеса то какова?

МИТЬКА.

А кто ее знаетъ! для насъ хороша: декорацій всего одна, стало и ломки мало.

ШКАЛЪ.

Ну, какъ не понравится?..... Бѣда, да и только!

МИТЬКА.

А тебѣ что?

ШКАЛЪ.

Какъ что? пропасть билетовъ я нахваталъ на второе представленіе... того и гляди, на бобахъ останешься.

МИТЬКА.

Эка охота барышничать билетами; еще поймаютъ, да въ полицію отправятъ; либо деньги то истратишь, а билеты съ рукъ не пойдутъ.

ШКАЛЪ.

Эхъ, голова съ мозгомъ! Чѣмъ же копѣйку то зашибить? Я вонъ, отъ одной Аскольдовой Могилы жить пошелъ... Съ трубками то въ кофейной бѣгаешь, бѣгаешь, грошна водку не получишь, а иной еще затянется, да и такъ тягу дастъ... Конечно, есть два

три добрыхъ барина — изъ купечества... лишь только ихъ подозрю въ кофейной, хотятъ, не хотятъ, а ужъ всегда имъ шампанскаго подамъ... выкушаютъ суленчику, сунутъ рыжычикъ, и сдачи никогда не возьмутъ! ..

МИТЬКА.

Что жъ! хорошо. Чай, ты здакъ денегъ то тму тмущую накопилъ?

ШКАЛЪ.

Нѣтъ, братъ, вотъ на семъ мѣстѣ провалиться: гроша нѣтъ за душою!

МИТЬКА.

Да куда жъ ты ихъ тратишь?

ШКАЛЪ.

Хи!.. любовницѣ подъ сохраненіе отдаю. *(Увидя входящаго Синичкина).* Кто это?

МИТЬКА.

Отецъ новой актрисы *(Уходитъ направо).*

=

ЯВЛЕНІЕ II.

СИНИЧКИНЪ, ШКАЛЪ, ВЕЧЕРОВЫЕ И ЛАМПОВЩИКИ.

СИНИЧКИНЪ, съ торжествующимъ видомъ.

Слава Богу!... На силу все уладилось!... Уфъ!.. Съ позволенія сказать — потъ градомъ льется!... *(Обращаясь къ Шкалу.)* Послушай, любезный... есть здѣсь буфетъ при театрѣ?

ШКАЛЪ.

Какъ же-съ; даже и кофейная есть; я изъ кофейной... что прикажете?

СИНИЧКИНЪ.

Жарко очень... съ позволенія сказать — прохладиться хочется.

ШКАЛЪ.

Лимонаду или аршаду угодно?

СИНИЧКИНЪ.

Да... принеси ты мнѣ, братецъ... рюмку желудочной, и сочини еще бутылку питья изъ бѣлаго вина съ водой и сахаромъ.

ШКАЛЪ.

Слушаю-съ... сейчасъ... *(Уходитъ.)*

СИНИЧКИНЪ, утирая лобъ.

Мочи нѣтъ, усталъ!... Вотъ что называется, съ позволенія сказать, взять дебютъ приступомъ! Въ афишахъ теперь ужъ поставлена моя дочь, а публика все таки такъ и ломитъ въ театръ... О добрая, почтеннѣйшая публика! Сейчасъ смотрѣлъ я на нее сквозь дырочку на передней занавѣси... всѣ ложи и креслы, съ позволенія сказать, биткомъ набиты... какъ это весело, когда театръ полонъ, и все за деньги!.. *(Къ Налимову.)* А гдѣ Петръ Петровичъ? Неужели еще не приходилъ?

НАЛИМОВЪ.

Нѣтъ, онъ давно здѣсь; но заперся тамъ у себя въ комнатѣ съ авторомъ, да еще съ другимъ какимъ то господиномъ, котораго я въ лицо не замѣтилъ.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЕ И ЛИЗА, въ костюмѣ Дѣвы Солнца.

ЛИЗА (*).

Вотъ я и готова, тятенька!

СИНИЧКИНЪ.

Лизокъ! какъ ты мила!...

ЛИЗА.

Хорошо ли я одѣта?

СИНИЧКИНЪ.

Чудо! живопись!.. удивительное дѣло, какъ къ полненькой дѣвушкѣ идетъ костюмъ дикарки. Постой.. ты, съ позволенія сказать, лѣвую щеку мало нарумянила. *(Вынимаетъ изъ кармана горшочекъ съ румянами и подрумяниваетъ ее.)* Бездна публики!... Сколько дамъ въ ложахъ! — въ пухъ расфранчены!.. — Подбородокъ слишкомъ набѣленъ. — *(Вынимаетъ свой платокъ въ дырахъ и стираетъ бѣлила.)* Теперь ровно, кажется... Шиньонъ хорошо ли приколотъ?

ЛИЗА.

Хорошо, тятенька.

СИНИЧКИНЪ, держа ее за руку.

Ты вся дрожишь, Лизокъ!.. *(тихо.)* Не робѣй, повѣрь, Петръ Петровичъ на себя охулки не положитъ... Человѣкъ съ полтораста посажено... тебя вызовутъ.

ЛИЗА.

Что ни говорите, тятенька, — а въ первый разъ все какъ то страшно....

(*) Синичкинъ, Лиза; актеры, актрисы и принадлежащіе къ театру ходятъ вдали по сценѣ.

СПИЧКИНЪ.

Полно... я тебѣ ручаюсь за такой успѣхъ, какого еще, съ позволенія сказать, со временъ царя гороха не слыхали!.. Смѣлѣй, дочь моя; смѣлѣй, кровь мол! (*Декламируя.*)

«Великій даръ всегда защитниковъ найдетъ!»

Ступай въ храмъ славы!.. (*Съ чувствомъ.*) Да, съ позволенія сказать, отца то вытащи за собою!

Жаль одного, что мать твоя скончалась,
И въ этотъ разъ ее здѣсь съ нами нѣтъ;
Она бъ теперь тобой полюбовалась
И радостно взглянула бы на свѣтъ!...
О тѣ пьесы! съ небесъ мнѣ улыбнися.
Исполнилъ я завѣтъ предсмертный твой:
Смотри, смотри — вотъ дочь твоя актриса....
Никитишна, довольна ли ты мной?...

(Звонокъ.)

НАЛИМОВЪ, на сценѣ, отдѣленной кулисами.

Господа, пожалуйте со сцены! Сейчасъ начнутъ... Митька! посмотри, суфлеръ на мѣстѣ.

МИТЬКА, изъ за сцены, съ лѣвой стороны отъ передней занавѣси.

Сидитъ.

НАЛИМОВЪ, осматривая дѣйствующихъ.

Всѣ ли готовы? Пизарро?.. Старуха?.. Алонзо?..

СПИЧКИНЪ.

Всѣ!.. всѣ!.. торжественная минута, съ позволенія сказать!

НАЛИМОВЪ, подходя къ авансценѣ, т. е. за кулисы, гдѣ Лиза.

А Кора?

СПИЧКИНЪ, указывая на свою дочь.

Вотъ она.

ЛИЗА, съ радостнымъ лицомъ.

Я здѣсь!

СУРМИЛОВА, входя съ княземъ Ветрискимъ (*).

Я здѣсь!

ВѢТРИНСКІЙ,

И я здѣсь!

всѣ, въ удивленіи.

Раиса Минишна!

(*) Сурмилова тоже въ костюмѣ *Дѣвы Солнца*.

СПИЧКИНЪ.

Это лѣшій выскочилъ!

ХОРЪ.

Сурмилова! какое чудо!
Она рѣшилася играть!
А впрочемъ, это не худо,
По чистой совѣсти сказать.

СПИЧКИНЪ и ЛИЗА.

Сурмилова! какое чудо!
Она рѣшилась роль отнять!
Но мы однако жъ ей покуда
Никакъ не будемъ уступать!

ВѢТРИНСКІЙ.

Вдругъ двѣ актрисы здѣсь сошлися....
А въ пьесѣ роль всего одна!...

СПИЧКИНЪ, указывая на свою дочь.

Вотъ настоящая актриса!

ВѢТРИНСКІЙ, указывая на Сурмилову.

О нѣтъ, почтенный, вотъ она!

(Повтореніе хора.)

ВѢТРИНСКІЙ.

Кажется, мы въ самую пору поспѣли.

СУРМИЛОВА, Спичкину и Лизѣ.

Очень жалѣю, что вамъ не удалось — и я опять сама играю мою роль.

СПИЧКИНЪ.

Вашу роль?.. Ну, да еще, съ позволенія сказать, посмотримъ, какъ-то вы ее сыграете!

ВѢТРИНСКІЙ (*).

Ужъ разумѣется, отлично.

СУРМИЛОВА, улыбаясь.

Надѣюсь, получше вашей дочери.

СПИЧКИНЪ.

Не то, что получше, а вы, съ позволенія сказать, совсѣмъ ее играть не будете!

ЛИЗА.

Вамъ ее не дадутъ!

СУРМИЛОВА, хладнокровно.

А вотъ увидимъ! Все объяснилось теперь, старый обманщикъ!

ВѢТРИНСКІЙ.

Старый клеветникъ!.. Да, теперь ужъ не любовь, а мщеніе одно меня занимаетъ!.. А! вы оба смѣялись надо мною, отдали мое письмо... Такъ я вамъ себя докажу!...

(*) Всѣ стоявшіе на сценѣ, подходятъ и слушаютъ.

СИНИЧКИНЪ, не могши перебить словъ князя.

Какъ! послѣ всѣхъ трудовъ, хлопотъ, бѣготни... въ то время, какъ, съ позволенія сказать, моя дочь ужъ совсѣмъ приготовилась, надѣла костюмъ... когда мое отцовское ретивое готово было выскочить... афишку напечатали...

СУРМИЛОВА.

Режиссёръ выйдетъ аннонсировать.

ВѢТРИНСКІЙ.

Именно... Г. режиссёръ!.. Гдѣ режиссёръ?

СИНИЧКИНЪ, тихо Лизѣ.

Не бойся... я не пущу режиссёра (*Митькѣ.*) Нѣтъ ли гдѣ здѣсь люка?

МИТЬКА.

Есть... (*Указывая.*) Вонъ тамъ приготовленъ къ завтрашнему спектаклю.

СЛИНИЧКИНЪ.

Хорошо... Слушай. (*Шепчетъ ему на ухо*).

ВѢТРИНСКІЙ.

А! да вотъ и Пустославцевъ, съ графомъ и съ авторомъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, БОРЗИКОВЪ, ГРАФЪ (*).

ЛИЗА, бѣжитъ къ Пустославцеву.

Ахъ! Петръ Петровичъ!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Молчи, стой и слушай!.. Какъ, вы все еще здѣсь?

СИНИЧКИНЪ.

Да мы таки, съ позволенія сказать, и не пойдемъ отсюда!

ЛИЗА.

Я должна дебютировать!...

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Извините, нельзя! Убей Богъ мою душу, нельзя!

БОРЗИКОВЪ.

Никакъ нельзя!.. для публики надо!...

СИНИЧКИНЪ.

Но вѣдь вы, Ѳедоръ Семеновичъ, были довольны...

БОРЗИКОВЪ.

Все таки ужъ заслуженная актрпса, согласитесь!...

ЛИЗА, бѣжитъ къ графу.

Ваше сіятельство! на васъ вся моя надежда! Заступитесь!

ГРАФЪ.

Не могу.

ЛИЗА.

Вы мнѣ обѣщали...

ГРАФЪ.

Изъ любви къ искусству, не могу!...

(*Лиза возвращается къ отцу*).

СИНИЧКИНЪ, въ сторону сколь зубы.

И этотъ сѣдой грѣшникъ еще толкуетъ о любви къ искусству!

СУРМИЛОВА.

И такъ вы видите, Левъ Гурычъ и Лизавета Львовна, что вы затѣвали все попустому!

ВѢТРИНСКІЙ.

Дурачьте тѣхъ, почтенный Гурычъ, кто васъ глупѣе.—Идите-ка вонъ отсюда!

СИНИЧКИНЪ.

Какъ вонъ?.. Да знаете ли, что это, съ позволенія сказать, убьетъ и меня и мою дочь!

ЛИЗА.

О! Я первая умру съ печали!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ (*).

Молчи, стой и слушай!... Ступайте, ступайте! Не станемъ заставлять публику дожидаться... Палимовъ, объяви, что Раиса Минишна сама играетъ свою роль.

СИНИЧКИНЪ, умоляя.

Постойте! я васъ прошу ради Бога! Съ позволенія сказать—на колѣнки упаду!...

СУРМИЛОВА.

Лучше уйдите безъ хлопотъ.

ПАЛИМОВЪ.

Пожалуйте со сцены(**)! Митька! занавѣсь!

МИТЬКА.

Сейчасъ!

(*) Синичкинъ, Лиза, Борзиковъ, Пустославцевъ, графъ, Вѣтринскій, Сурмилова.

(*) Синичкинъ, Лиза, Палимовъ, Пустославцевъ, Борзиковъ, Сурмилова, Вѣтринскій, графъ.

(**) Всѣ становятся въ кулисы.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Синичкинъ! ступай-же отсюда, или убей Богъ мою душу, прикажу вечеровымъ подъ руки вывести!

СИНИЧКИНЪ, въ бѣшенствѣ.

Такъ вотъ нѣтъ-же! Не пойду!.. Когда вы не чувствуете ни просьбъ, ни слезъ моихъ—я съ мѣста не тронусь... съ позволенія сказать—уцѣплюсь руками и ногами за первую кулису!.. хоть за полиціей пошлите, и ее не испугаюсь!.. Если надо будетъ, самъ съ моей Лизочкой передъ публику выйду и скажу: «Почтеннѣйшая публика! съ позволенія сказать, позволь!..» Не знаю, что я ей скажу, а ужъ скажу!... скажу!.. Ко мнѣ, Лизокъ, ты будешь дебютировать.

ВѢТРЕНСКІЙ.

Вотъ упрямое созданіе!

СУРМИЛОВА.

Нѣтъ, ужъ она не будетъ дебютировать!

СИНИЧКИНЪ.

Анъ будетъ!

ЛИЗА.

Навѣрно буду!

СУРМИЛОВА.

Ужъ нѣтъ!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Убей Богъ мою душу, слушать надоѣло! Мѣсто режиссёру! Налимовъ, выходи!

СИНИЧКИНЪ, удерживая Налимова.

Не пущу!

ЛИЗА.

Не пускайте, тятенька: крѣпче держите!

ВСѢ.

Прочь отъ режиссёра!

НАЛИМОВЪ.

Пусти же меня!

СИНИЧКИНЪ, схвативъ его за фалду.

Не пущу!

ВСѢ.

Выходи, Налимовъ!

НАЛИМОВЪ.

Пустите, говорятъ вамъ: занавѣсъ поднята!

СИНИЧКИНЪ.

Поднята? (*Одною рукою держитъ Налимова, а другою выталкиваетъ Лизу на сцену.*) Катай! начинай роль! (*Лиза выходитъ на сцену.*) Пошла битка въ конъ (*)!

(Слышны аплодисменты).

СУРМИЛОВА.

Она вышла!.. и я выйду!...

ВѢТРЕНСКІЙ.

И прекрасно! выходите!.. будетъ славная исторія!

БОРЗИКОВЪ, подбѣгая къ Сурмиловой.

Позвольте!.. позвольте! а моя піеса-то?.. (*Держитъ ее за руку*).

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, слушая піесу.

Тсъ!... молчи, стой и слушай!

СУРМИЛОВА, Пустославцеву.

Она мою роль играетъ!

ГРАФЪ.

Ба! начали!.. пойду поскорѣй въ ложу. (*Убѣгаетъ*).

СУРМИЛОВА, Пустославцеву.

И вы меня не хотите поддержать!...

ВѢТРЕНСКІЙ.

Это вопіющая неблагодарность!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Убей Богъ мою душу—я не виноватъ!

(Уходитъ въ кулису слушать).

СИНИЧКИНЪ, радостно.

Не шумите! Лизокъ ведетъ сцену!.. Славно!.. славно!.. А! я сказалъ, что она будетъ дебютировать! (*Идетъ опять въ кулисы и слушаетъ піесу*).

СУРМИЛОВА, въ бѣшенствѣ.

О! я отомщу за себя... я за себя отомщу!.. Начать съ того, что ужъ вы на меня больше не надѣйтесь!... нога моя не будетъ у васъ на сценѣ!.. Я плюю на Пустославцевыхъ, на васъ, на Борзикова — и на всѣхъ театральныхъ животныхъ! Провалиться бы вамъ всѣмъ на мѣстѣ!... (*Срываетъ съ головы вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ и бросаетъ на полъ*).

(*) Синичкинъ, Налимовъ, Пустославцевъ, Борзиковъ, Сурмилова, Вѣтренскій, графъ.

СИНИЧКИНЪ.

Спасибо: это мнѣ пригодится. (*Поднимаетъ вѣнокъ.*)

БОРЗИКОВЪ.

Ахъ, Боже мой!.. Алонзо забылъ свой выходъ!.. (*Бѣготня Налимова, Борзикова и Пустославцева.*) Нѣтъ, нѣтъ... вышелъ, слава Богу!

СУРМИЛОВА, вслѣдъ Борзикову.

Ужъ вотъ посмотри, что твоя дичь шлепнется!

ВѢТРЯНСКІЙ

Я за это отвѣчаю!

СУРМИЛОВА.

А вы, князь, еще поклялись мнѣ, что она играть не будетъ, и вы возьмете мою сторону!..

ВѢТРЯНСКІЙ.

Я и теперь клянусь...

СУРМИЛОВА.

Обшикайте же ее!

ВѢТРЯНСКІЙ.

Ужъ будьте увѣрены... въ другой разъ она и носу на сцену не покажетъ.

СИНИЧКИНЪ, подходя къ нимъ потихоньку.

Что это такое они тутъ говорятъ?

СУРМИЛОВА.

Ступайте же сію минуту, или мы во всю жизнь не увидимся! (*Уходитъ направо.*)

ВѢТРЯНСКІЙ.

Бѣгу!

СИНИЧКИНЪ, перегоняетъ его и заслоняетъ ему дорогу.

Куда?

ВѢТРЯНСКІЙ.

Въ кресла.

СИНИЧКИНЪ

Аплодировать!

ВѢТРЯНСКІЙ.

Шикать!

СИНИЧКИНЪ, схвативъ его за руку.

Шикать!.. Кому? Моей дочери! Моему сокровищу!... Этому не бывать!

ВѢТРЯНСКІЙ.

Вотъ вздоръ!

СИНИЧКИНЪ.

Не бывать!

ВѢТРЯНСКІЙ

А кто мнѣ запретитъ?

СИНИЧКИНЪ.

Съ позволенія сказать —я!

ВѢТРЯНСКІЙ.

Поди ты, братецъ! (*Вырываетъ руку.*)

СИНИЧКИНЪ, въ изступ. лепихватаетъ его за платье.

Ваше сіятельство! Не пущу!

ВѢТРЯНСКІЙ, бьетъ его по рукѣ.

Какая дерзость!

СИНИЧКИНЪ, не выпускаетъ и тащитъ его на люкъ.

Не пущу, не пущу, какъ вамъ угодно! (*Топаетъ ногою.*)

ВѢТРЯНСКІЙ, быстро опускается подъ полъ.

Что это? Что это? Ай! ай!.. я провалился!...

СИНИЧКИНЪ.

Туда тебѣ и дорога, Цампа проклятый!.. (*Декламируя*)

«Иди душа во адъ — и буди вѣчно плѣша!»

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, выходя изъ за кулисъ.

Убей Богъ мою душу! Синичкинъ, ты все шумишь!.... Молчи, стой и слушай! (*Идетъ въ кулисы.*)

СИНИЧКИНЪ.

Слушаю, слушаю, Петръ Петровичъ.... Дѣло идетъ на славу.... Лизокъ сажаетъ!... Публика въ восхищеніи!.. (*Идетъ въ кулису.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ, ШКАЛЪ, входя съ рюмкой водки на тарелкѣ и бутылкою питья въ рукѣ.

ШКАЛЪ.

(*Синичкину.*) Извольте, сударь, принесъ.

СИНИЧКИНЪ, возвращаясь.

Давай, братецъ, на радости! (*Выпиваетъ рюмку, а бутылку въ карманъ.*)

ШКАЛЪ.

Полтора рубля съ питьемъ: бокалъ сотерну пошло-съ.

СИНИЧКИНЪ, уходя за кулисы.

Хорошо, братецъ, послѣ....

ШКАЛЪ

Слушаю-съ, — Павелъ Иванычъ запишетъ (*Уходитъ.*)

ЛИЗА, показываясь на сценѣ у кулисъ и декламируя свою роль.

«Прощай.... я люблю тебя.... и всякій «разъ, какъ только дни твои будутъ въ опас«ности, ты найдешь меня готовою умереть «вмѣстѣ съ тобою!» (*Входитъ за кулисы.*)

СИНИЧКИНЪ, въ восторгѣ.

Браво, браво, фора!.. Ты, съ позволенія сказать, себя превзошла!

ЛИЗА, своимъ тономъ.

Ахъ, какъ горло сѣло!.... говорить не могу!

СИНИЧКИНЪ, вынимая бутылку изъ кармана.

На, мой другъ, на!... промочи дыханіе, освѣжи себя немножко!

Лиза пьетъ (*).

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, подбѣгая.

Браво! Убей Богъ мою душу, браво! отлично!.. Бѣдовая актриса!... Ну, теперь послѣднюю-то сцену, — знаете, еще жару подбавьте...

Вѣнчаетъ дѣло все конецъ!

СИНИЧКИНЪ.

Предайся чувству на раздольѣ!
Тебя лавровый ждетъ вѣнецъ,
А всѣхъ враговъ твоихъ — подполье!
Старайся жъ, другъ мой, доказать,
Что чувствъ полны у насъ карманы....
Да, съ позволенія сказать
Сперва сотри свои румяны!....

ЛИЗА.

Надобно растрепать волосы, чтобъ они были въ совершенномъ безпорядкѣ.

СИНИЧКИНЪ, разбирая ей волосы.

Постой.. я сейчасъ тебѣ расправлю. (*Пустославцеву.*) Какова коса-то!.. и еще, съ позволенія сказать, своя собственная!

(Пустославцевъ уходитъ къ кулисамъ.)

ЛИЗА.

Тише, не отшпильте, тятенька!

СИНИЧКИНЪ.

Знаю.... будь покойна... (*Взявъ вѣнокъ Сурмиловой.*) Я вѣнокъ на тебя надѣну.

ПАЛИМОВЪ, подбѣгая.

Вамъ выходить! Вы свой выходъ пропустили!

(*) Пустославцевъ, Лиза, Синичкинъ.

ЛИЗА, входя на сцену.

«Милый другъ! пойдемъ со мною.. оставь свою темницу!»

СИНИЧКИНЪ (*).

А милый то другъ съ той стороны вышелъ!...

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

СИНИЧКИНЪ, ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, БОРЗИКОВЪ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, подбѣгая.

Шикнули! убей Богъ мою душу, шикнули!

СИНИЧКИНЪ, живо.

Это автору!... это Борзикову!.. вотъ и онъ... весь поблѣднѣлъ!..

БОРЗИКОВЪ, подбѣгая.

Что такое (**)?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Шикаютъ.

БОРЗИКОВЪ.

Вѣрно актеры отъ себя что нибудь прибавили

Слышны аплодисменты.

СИНИЧКИНЪ.

Слышите, слышите, какой громъ! Лизокъ вышла — и опять все ожило въ піесѣ!.. (*Борзикову.*) Это та самая сцена, гдѣ съ ней дурно то дѣлается....

БОРЗИКОВЪ, опираясь на кулису, слушаетъ.

Право?...

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, отводя Синичкина.

Левъ Гурычъ! Молчи, стой и слушай!.. Поговоримъ съ глазу — на глазъ... Я согласенъ принять твою дочь.

СИНИЧКИНЪ.

Надѣюсь!.. Не мудрено!.. У васъ, съ позволенія сказать, губа-то не дура, Петръ Петровичъ!.. Какова, батюшка!.. ась?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Молчи, стой и слушай... Давича ты просилъ... шесть сотъ рублей?

СИНИЧКИНЪ.

Двѣ тысячи и бенефисъ на ярмаркѣ.... (*Въ сторону.*) Нѣтъ, душечка! теперь ты въ моихъ рукахъ!

(*) Пустославцевъ, Синичкинъ.
(**) Пустославцевъ, Синичкинъ, Борзиковъ.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Убей Богъ мою душу, ты кончилъ на шести стахъ!

СИНИЧКИНЪ.

Кончилъ то я на шести стахъ; да, съ позволенія сказать, началъ двумя тысячами.— (*Раздаются аплодисменты.*) Слышите?.. Я плачу отъ радости! (*Идетъ къ кулисамъ слушать.*)

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, удерживая его за руку.

Молчи, стой и слушай!.. Даю двѣ тысячи, безъ бенефиса.

СИНИЧКИНЪ.

Двѣ тысячи, квартира, дрова, свѣчи — и два бенефиса: одинъ на ярмаркѣ и другой на мѣстѣ, — такъ я, съ позволенія сказать, подумаю...

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Да, ты бѣдовый! Убей Богъ мою душу — бѣдовый!

СИНИЧКИНЪ.

И бенефисъ на ярмаркѣ, долженъ быть въ Нижнемъ: вы тамъ, говорятъ, театръ спяли... (*Аплодисменты еще громче.*) Браво!.... театръ трещитъ!.... Что значитъ истинный талантъ!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Молчи, стой и слушай!.. Двѣ тысячи — и одинъ бенефисъ на мѣстѣ!

СИНИЧКИНЪ.

Ничего меньше. (*Аплодисменты все громче и громче.*) Ходитъ, что ли?.. а не то, вѣдь я, съ позволенія сказать, четыре бенефиса запрошу! (*Аплодисменты продолжаются.*)

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Ходитъ! Двѣ тысячи, квартира, дрова, свѣчи и два бенефиса: одинъ на ярмаркѣ и другой на мѣстѣ.

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ И ВѢТРИНСКІЙ (*), ВЫХОДЯ ПО МУЗЫКАНТСКОЙ ЛѢСТНИЦѢ.

ВѢТРИНСКІЙ.

На силу выкарабкался!

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Что съ вами, князь?

ВѢТРИНСКІЙ, отряхая пыль.

Это варварство! Это ни на что не похоже... спустили меня подъ сцену... откуда я не зналъ какъ выбраться.

СИНИЧКИНЪ.

Тамъ бы вы и сидѣли, ваше сіятельство.

ВѢТРИНСКІЙ.

О! Однако жъ, не думай, что ты ужъ бѣды избавился... еще есть время — и я бѣгу шикать!

(Борзиковъ слышитъ послѣднія слова князя, выскакиваетъ изъ кулисы и хватаетъ его за платье, желая удержать.)

СИНИЧКИНЪ.

Бѣгите, куда вамъ угодно!... Слышите!.. (*Аплодисменты*).

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, въ восторгѣ.

Піеса кончилась! Сейчасъ занавѣсь будутъ опускать!

ВѢТРИНСКІЙ.

Возможно ли!

БОРЗИКОВЪ.

Успѣхъ! Полный успѣхъ!

СИНИЧКИНЪ, прыгая отъ радости.

Браво! браво! Чортъ возьми! съ позволенія сказать!...

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРЕЖНІЕ, ЛИЗА, И ПОТОМЪ ГРАФЪ, АКТЕРЫ И ФИГУРАНТЫ.

СИНИЧКИНЪ, съ распростертыми объятіями.

Дочь моя!..

ЛИЗА, бросаясь къ нему.

Тятенька!

СИНИЧКИНЪ, прижимая ее къ сердцу и цѣлуя ей лобъ, глаза, руки.

Лизокъ!... Сокровище!.. Душка моя!...

(Всѣ актеры и фигуранты окружаютъ ихъ и поютъ слѣдующій хоръ.)

ХОРЪ.

Браво! истинно прекрасно!
Вы актриса — брилліантъ!
Признаемъ единогласно
Превосходный вашъ талантъ!

(*) Синичкинъ, Пустославцевъ, Вѣтринскій.

ВѢТРИНСКІЙ, въ сторону

Чтобъ не быть смѣшнымъ, лучше самому смѣяться.

БОРЗИКОВЪ, Лизѣ (*).

Сударыня! Я отъ души васъ поздравляю: вы неожиданно счастливо раздѣлили со мной успѣхъ піесы... Смѣю-ли?

(Цѣлуетъ ее въ лобъ.)

СИНИЧКИНЪ.

Да ужъ смѣло можете ей сказать спасибо, Ѳедоръ Семеновичъ; съ позволенія сказать, не ее Борзиковъ, а она Борзикова вывезла!...

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, цѣлуя Лизу.

Убей Богъ мою душу—бѣдовая актриса!

СИНИЧКИНЪ.

То-то же! А вы еще, Петръ Петровичъ, со мной торговались!

ГРАФЪ, подходя къ Лизѣ съ лѣвой стороны.

Прекрасно! безподобно! очаровательно!.. я вашъ! вы меня приковали къ своей побѣдной колесницѣ... Позвольте, изъ любви къ искусству... (*Цѣлуетъ ее и говоритъ въ полголоса*). Навѣстите меня.

(Шукъ въ театръ.)

БОРЗИКОВЪ.

Кричатъ: автора! Меня вызываютъ!... Позвольте, позвольте пройти въ ложу!...

(Въ театрѣ кричатъ: Синичкину! Синичкину!)

СИНИЧКИНЪ, возвращаясь.

Да! какъ не автора! Съ позволенія сказать, большая имъ нужда до автора!... Мою дочь, Синичкину вызываютъ!.. Прикажите поскорѣй поднять занавѣсь! Гдѣ режиссёръ?

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Сейчасъ. (*Уходитъ.*)

СИНИЧКИНЪ, Лизѣ.

Я самъ тебя выведу... Постой, дай подрумяниться.

(Вынимаетъ румяны изъ кармана и румянится.)

ВѢТРИНСКІЙ, тихо Лизѣ.

Я добрый малой; мы помиримся, надѣюсь.

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ, возвращаясь.

Скорѣй! кричатъ... убей Богъ мою душу, палками стучатъ!

СИНИЧКИНЪ, декламируя.

«Приди, о дочь моя! приди, мое рожде«нье! Да будетъ надъ тобой...» (*Своимъ тономъ.*) Позвольте пройти!...

ПУСТОСЛАВЦЕВЪ.

Поднимай занавѣсь!

ВСѢ.

Пойдемъ, посмотримъ! (*Бросаются смотрѣть изъ за кулисъ.*)

(Синичкинъ выходитъ съ Лизой на сцену.)

(Раздаются громкіе аплодисменты и браво; они умолкаютъ въ ту минуту, когда Синичкинъ возвращается послѣ поклоновъ за кулисами и почтительно представляетъ дочь свою уже настоящей публикѣ.)

СИНИЧКИНЪ (*).

Теперь я съ дочерью моею
Являюсь къ вамъ на строгій судъ,
И, признаюсь, въ душѣ робѣю
За первый Лизанькинъ дебютъ.
Что будетъ съ нею, не извѣстно.
Я въ страхѣ растерялся весь:
Тамъ хвалятъ ее чудесно,
Но каково-то примутъ здѣсь!...
А, впрочемъ, надобно признаться,
Что, съ позволенія сказать,
Грѣшно за дочь мою бояться:
Ее нельзя вамъ не принять!
Кто въ дарованьи ей откажетъ?
Злой самой критикъ и педантъ,
И тотъ объ ней невольно скажетъ:
Она дѣйствительный талантъ!
Въ роляхъ принцессы и крестьянки
Я за нее ручаюсь вамъ,
И ужъ подобной дебютантки
Не скоро здѣсь дождаться намъ!
Иной не такъ, быть можетъ, судитъ
И говоритъ противъ нее,
А тамъ, когда ее не будетъ,
Вздохнетъ и скажетъ: пѣтъ ее!
Пускай какой нибудь Тряпичкинъ
Въ статьѣ кольнетъ ее словцомъ:
Старикъ Левъ, Гурьевъ сынъ, Синичкинъ
Гордится быть ея отцомъ!
Позвольте кстати тѣмъ не менѣ
И за себя вамъ спѣть куплетъ.
За что мнѣ хвалятъ на сценѣ
Теперь невѣстино сорокъ лѣтъ?

(*) Пустославцевъ, Синичкинъ, Лиза, Борзиковъ, Вѣтринскій.

(*) Если актриса, играющая роль Лизы, еще не пріобрѣла репутаціи большаго таланта, то можно кончить куплетъ на первыхъ восьми стихахъ.

Ужли къ актерству дарованій
На столько даже нѣтъ во мнѣ,
Что всѣ плоды моихъ стараній
Мочены яблоки одни?....
Божусь, ни на что не похоже
Мнѣ въ дарованьи отказать:
Я самъ талантъ прекрасный тоже....
Да! .. Съ позволенія сказать.

ВСѢ.

И всѣ мы здѣсь таланты тоже...
Но.... съ позволенія сказать!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ:

НѢВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

Общая комната въ кондитерской. Нѣсколько столовъ съ журналами, у которыхъ сидятъ посѣтители. У окна сидятъ ЗАПРУДИНЪ и ВИТУШКИНЪ; МЫШКИНЪ выходитъ изъ кондитерской лавки; за нимъ мальчикъ несетъ ликеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МЫШКИНЪ, Запрудину.

Три дня не видѣлись мы сряду!
Послушай-ка, mon cher, есть новость для тебя:
Ликеръ чудеснѣйшій!...

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, у другаго стола.

Эй!... чашку шоколаду!

ЗАПРУДИНЪ.

Ахъ, братецъ, угощай себя!
Не всѣмъ же быть героями ликера,
Какъ ты....

МЫШКИНЪ, обращаясь къ Витушкину.

Не хочешь ли?

ВИТУШКИНЪ.

Избавь отъ сладенькаго вздора!

МЫШКИНЪ.

Совсѣмъ не вздоръ.... Куда же вы годитесь?
Съ журналами сидятъ — стыдитесь!
Поздравь!

ЗАПРУДИНЪ.

Кого, и съ чѣмъ?

МЫШКИНЪ.

Пришла моя судьба:
Женюсь навѣрное.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, обращаясь къ офицеру.

Позвольте Les Débats.

ВИТУШКИНЪ, Мышкину.

Въ который это разъ? ты сватался недавно?

МЫШКИНЪ.

Для три назадъ, да только неисправно:
Я, просто, отказалъ, а это на-вѣрнякъ.

ЗАПРУДИНЪ.

Не думаю, чтобъ такъ:
Невѣстъ ты перебралъ безъ счету;
Чуть встрѣтишься «женюсь», а свадьбы нѣтъ, какъ нѣтъ.

МЫШКИНЪ.

Такой женихъ, какъ я, повѣрь, что всѣмъ въ охоту:
Чинъ есть на мнѣ: я отставной корнетъ;
Чтобъ жить безъ горя, затрудненья,
Есть подмосковное имѣнье;
Онѣ всѣ плакали, я самъ не захотѣлъ....
Ликерцу хочешь ли?

ЗАПРУДИНЪ.

Не стану, говорятъ!

МЫШКИНЪ, оглядываясь.

Да не кричи: здѣсь лишніе сидятъ!
Тебя я иначе до сихъ поръ разумѣлъ.

ВИТУШКИНЪ.

Что онъ не женится, готовъ держать пари;
Однако, дай узнать, въ кого ты нынче мѣтишь?
Но только уговоръ: хоть разикъ не соври.

МЫШКИНЪ.

На свадьбѣ Шалиной ты самъ ее замѣтишь!
А кстати, Витушкинъ, ты будешь вѣдь у нихъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И МИШЕЛЬ.

МИШЕЛЬ.

Bonjour, messieurs! я всѣхъ нашелъ тронхъ,
Послушайте: здѣсь явится богиня,

Провинціяльный пышный цвѣтъ.
Пріѣзжій есть одинъ, по дому намъ сосѣдъ,
Супруга — Харьковская дыня,
А дочка — Крымскій абрикосъ.
Съ отцомъ давно я подружился....

мышкинъ.

Такъ что же онъ....

мишель, перебивая

Предлинный посъ!
Я двѣ недѣли волочился....
Они здѣсь ищутъ женишковъ,
Да это все по тетушкиной части.
Мой образъ дѣйствій не таковъ,
Вѣдь я валетъ не этой масти....

витушкинъ, перебивая.

Что тетушка?

мишель.

Вчера опять исторія была.
Пріѣхалъ вечеромъ Запрудинъ,
Ты знаешь, къ ней пріемъ бываетъ труденъ,
Его, однако жъ, приняла.
О томъ, о семъ, и завязался споръ,
Какого цвѣта шить ливрею?
Вотъ я вмѣшался въ разговоръ,
И посовѣтовалъ ей Фаддею
Сшить красную. Она
Была до-нельзя взбѣшена:
Зеленый цвѣтъ ее прельщаетъ,
Но тутъ Запрудинъ перебилъ
И ей пріятно вразумилъ,
Что зелень знакъ *надежды* означаетъ,
А что у ней надеждъ на свѣтѣ нѣтъ;
Къ тому жъ Фаддей брюнетъ,
Ему бы красное пошло!
Ma tante жестоко покраснѣла,
Къ окну съ дивана пересѣла,
Схватилась за очки, и въ дребезги стекло.
Я въ минъ за тетушку вступился:
«Запрудинъ! можно ли!... ты, милый мой, забылся;
Да тетушка надеждъ не перечтетъ,
И вотъ теперь Надежду ей везетъ
Приказчикъ изъ Твери для горячнаго дѣла.»
Варвара Павловна ужасно заревѣла,
Кричитъ: «Вонъ дерзкаго! скорѣе съ глазъ долой!»
Запрудинъ поскорѣй за шляпу, да домой,
А я былъ выгнанъ, съ приказаньемъ
Не пріѣзжать, пока, подъ наказаньемъ.

мышкинъ, во время разсказа выбиралъ ликеры.

На рюмочку ликера!

мишель.

Какой?

мышкинъ.

Э, пей, другъ, безъ разбора:
Я не попотчую дурнымъ....

мишель, Витушкину и Долину, заглядывая въ журналъ.

Да полно, зачитались!
Двадцатаго числа — все это ужъ старо!

мышкинъ.

Ну, пусть бы съ Русскимъ чѣмъ связались,
А то съ Берлинскимъ Фигаро.

витушкинъ, Мишелю.

Ты слышалъ? — Женится!

мишель.

Какъ, спова?
Браво, браво!... я такъ и ожидалъ.
На комъ?

мышкинъ, Витушкину.

На комъ.... да развѣ я не разсказалъ?
Вотъ, видишь ли, обнова....

мишель, смотря въ окно.

Ха, ха, ха! Messieurs! скорѣй сюда!
Три граціи; да ну же, господа.

мышкинъ, высовываясь въ окно.

А! такъ и есть! встрѣчался я на балѣ;
Ихъ три сестры; всѣ каждый разъ въ Возстаніи въ Сералѣ.

мишель, перебивая.

Въ четвертомъ ярусѣ?

мышкинъ.

Нѣтъ, во второмъ всегда:
Вѣдь это барышня чиновнаго гнѣзда!

витушкинъ, у другаго окна зоветъ Мышкина.

Петръ Львовичъ! Ecoutez....
Madame Nanette.

мышкинъ, бросаясь къ окну

Гдѣ, гдѣ?... Мишель, позволь лорнетъ!

(Смотрятъ въ окно; входятъ нѣсколько новыхъ лицъ; знакомые раскланиваются).

ДѢДУШКА И ВНУЧЕКЪ.

ДРАМА-ВОДЕВИЛЬ, ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. А. Коровкинымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дѣдушка, Филиппъ Степановичъ Гриневъ, 80-ти лѣтъ. *Г. Сосницкій.*
Павелъ Николаевичъ Раевъ, его зять. *Г. Каратыгинъ 2.*
Маша, 17-ти лѣтъ } дѣти Раева. *Г-жа Асенкова.*
Петя, 8-ми лѣтъ } дѣти Раева. *Г. Песоцкій.*
Александръ Сергѣевичъ Юлинъ. *Г. Григорьевъ 1.*
Алексѣй Васильевичъ Камскій, двоюродный его братъ. *Г. Максимовъ 1.*
Хамовъ, хожатый по дѣламъ. *Г. Мартыновъ.*

ДѢЙСТВІЕ I.

Бѣдная комната, съ окномъ на дворъ; въ срединѣ и по бокамъ двери.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Маша сидитъ у стола; Петя держитъ у нее на колѣняхъ книгу.

МАША.

Что же ты остановился? Продолжай!... Петя, я тебѣ говорю.... Ну, сначала *(Читая.)*

«Предлинной хворостиной...:

ПЕТЯ, читая безъ вниманія.

«Хворостиной....
«Мужикъ гусей гналъ....

Сестрица! Вѣдь это нагонитъ скуку.... цѣлый часъ читать!...

МАША.

Если ты не прочтешь хорошенько цѣлой страницы, я разсержусь!

ПЕТЯ.

Вонъ и дѣдушка говоритъ, что много учиться не здорово.... Я пожалуюсь дѣдушкѣ....

МАША.

А я скажу ему, что ты шалунъ, лѣнивецъ: ничего не хочешь дѣлать.....

ПЕТЯ, перебивая.

Пожалуй себѣ говорите.... дѣдушка не повѣритъ. *(Беретъ веревку и начинаетъ скакать.)*

МАША, хочетъ у него отнять; онъ бѣгаетъ по комнатѣ.

Это что? Оставь сей часъ!... Отдай мнѣ веревку!... Петя!...

ПЕТЯ, убѣгаетъ въ среднюю дверь.

Прежде поймайте!...

МАША, одна.

Прошу съ нимъ справиться!... А папенька всегда сердится на меня, зачѣмъ я его не останавливаю.....

=

ЯВЛЕНІЕ II.

МАША И КАМСКІЙ.

КАМСКІЙ.

Здравствуйте, Марья Павловна, какъ вы въ своемъ здоровьѣ?

МАША, сконфузясь.

Ахъ, здравствуйте.... Покорно васъ благодарю.... Слава Богу!....

КАМСКІЙ.

А папенька?

МАША.

Здоровъ; но ужасно грустенъ.

КАМСКІЙ.

Какъ, и нынче? Стало съ нимъ нельзя поговорить?

МАША.

Почему же?

КАМСКІЙ.

Нѣтъ-съ, поговорить о томъ... Еще вы сами хотѣли ему сказать.... Можетъ, вы ужъ и сказали?...

МАША.

Признаюсь вамъ, я вчера было и рѣшилась, хотѣла сказать, но такъ оробѣла.... А вы говорили съ вашимъ братцемъ?

КАМСКІЙ.

Какъ же! Я говорилъ... то есть, я хотѣлъ говорить: совсѣмъ-было рѣшился... Но вдругъ такая робость напала, что я не могъ и начать. Онъ всѣ эти дни былъ здоровъ, вотъ какъ захвораетъ — это съ нимъ часто случается—я ужъ непремѣнно скажу; онъ больной бываетъ добрѣе....

МАША.

Ахъ, Алексѣй Васильевичъ! Вѣрно намъ суждено быть несчастными; вы боитесь, я боюсь... этакъ никогда не кончится. ..

КАМСКІЙ.

Нѣтъ-съ, отъ чего же? Вѣдь вся бѣда въ томъ, что на меня нашла какая-то глупая нерѣшительность, или, лучше сказать, рѣшительная глупость! Въ такомъ случаѣ и надо вамъ рѣшиться прежде; а когда вы скажете своему папенькѣ, за мной дѣло не станетъ.....

МАША.

Но какъ папенька приметъ ваше предложеніе? Онъ говоритъ, что я должна избирать человѣка съ состояніемъ....

КАМСКІЙ, перебивая.

Да нельзя ли вамъ сказать объ этомъ дѣдушкѣ: онъ не разсердится; и вѣрно вступится въ наше горе. Вотъ человѣкъ-золото....

МАША.

Дѣдушка съ нѣкотораго времени, тоже, кажется, разстроенъ: часто задумывается, сидитъ одинъ.... Мы всячески стараемся скрыть отъ него наше положеніе, тѣмъ болѣе, что доброта его и была причиною нашихъ несчастій....

КАМСКІЙ.

Возможно ли? Что же онъ сдѣлалъ?

МАША.

Папенька не любитъ говорить объ этомъ. Я слышала только, что дѣдушка принялъ къ себѣ въ домъ бѣднаго сироту, воспиталъ его и любилъ, какъ сына; нашелъ ему хорошее мѣсто; но онъ его оставилъ и бросился въ торговые обороты, которые были неудачны и разорили его. Онъ пришелъ къ дѣдушкѣ, разсказалъ ему свое положеніе; дѣдушка расплакался, тотчасъ же занялъ для него денегъ, а потомъ заложилъ все свое состояніе; но его не достало на уплату долга....

КАМСКІЙ

Боже мой? Неужели же онъ.....

МАША.

Когда къ нему съ униженьемъ,
Пришли напомнить обо всемъ,
Онъ отвѣчалъ съ однимъ презрѣньемъ:
Что съ нами не былъ и знакомъ!
Съ тѣхъ поръ, онъ насъ совсѣмъ [illegible]ъ,
Довольный, счастливый судьбой,
Богатствомъ, роскошью блистаетъ,
А мы покрыты нищетой!

Это такъ огорчило папеньку, что онъ рѣшился лучше терпѣть нужду, нежели очернить неблагодарнаго....

КАМСКІЙ.

Вы мнѣ внушили такія подозрѣнія... Нѣтъ; я этого не вынесу! Сейчасъ же пойду къ Павлу Николаевичу, откроюсь ему во всемъ, и....

МАША.

Поѣзжайте лучше къ вашему брату, и узнайте его отвѣтъ....

КАМСКІЙ, уходя.

Сію же минуту. *(Въ сторону).* Теперь-то я рѣшился.....

МАША.

Прощайте, Алексѣй Васильевичъ! *(Садится къ столу и беретъ книгу.)*

=

ЯВЛЕНІЕ III.

МАША, ДѢДУШКА тащитъ коляску, ПЕТЯ идетъ за нимъ и его погоняетъ.

ДѢДУШКА.

Перестань!... Петя! Довольно! Слышишь!

ПЕТЯ, погоняя.

Ну, ну!... Пошелъ!

ДѢДУШКА.

Если ты не отстанешь, я не повезу дальше.... Маша! распряги меня!.... Да поймай мнѣ его!... Непремѣнно поймай!... Поди-ка сюда!... Я тебя.... постой!... *(Петя бѣгаетъ кругомъ стола.)* А, какъ же ты обѣщалъ быть послушнымъ!...

ПЕТЯ.

Я обѣщалъ только до понедѣльника.

ДѢДУШКА.

А игрушки, которыя мы видѣли въ лавкѣ? Что? Небось, хочется?...

ПЕТЯ.

Какія игрушки? Казака съ пикой, да шоколадную барыню?

МАША.

Неужели же вы, дѣдушка, еще купите этому шалуну?

ДѢДУШКА.

Ну, да когда ему хочется съѣсть шеколадную барыню и подраться съ деревяннымъ казакомъ!.... Не могу же я ему отказать. Разумѣется, съ условіемъ.... *(Вынимаетъ и протираетъ очки.)* Если онъ прилежно займется урокомъ чистописанія.

ПЕТЯ.

Такъ ужъ лучше не надо игрушекъ....

ДѢДУШКА.

Я не забылъ твое, дружекъ, желанье;
Ты знаешь самъ, какъ я тебя люблю.
Ну, Петя! Сядь.... возьми чистописанье:
Я казака и барыню куплю....

ПЕТЯ.

Все читать, да писать!
Не дадутъ поиграть.

ДѢДУШКА.

Я, смотри, не шучу!

ПЕТЯ.

Не хочу!... не хочу!

ДѢДУШКА.

Эй, смотри, не лѣнись!
Полчаса позаймись
Хорошенько письмомъ,
Будешь ты съ казакомъ!

ПЕТЯ.

Все твердитъ объ одномъ:
Занимайся письмомъ, —
Ахъ, обманщикъ мой дѣдъ!
Казака нѣтъ, какъ нѣтъ!

ДѢДУШКА.

Перестань же капризничать... Кажется, мы довольно сегодня играли: тебѣ хотѣлось запречь меня въ коляску — я позволилъ; вздумалось сѣсть на меня верхомъ—согласился; захотѣлось бить стекла—два стекла въ залѣ разбили; на сегодня довольно; чего жъ тебѣ? *(Петя въ это время беретъ и надѣваетъ на себя очки.)* Куда же я дѣвалъ очки? Маша, ты не видала?

МАША, осматривая на столѣ.

Нѣтъ, дѣдушка!

ДѢДУШКА, увидя очки на Петѣ

Ахъ, ты шалунъ! Подай сюда! *(Топая ногою, говоритъ строгимъ тономъ.)* Петруша!

ПЕТЯ, дѣлая то же.

Дѣдушка!

ДѢДУШКА, хохочетъ.

Ха, ха, ха! *(Закашливается.)* Маша, взгляни на него!

МАША, въ полголоса.

Не смѣйтесь, дѣдушка! Вы все ему позволяете....

ДѢДУШКА.

Да когда не могу! Чего же ты хочешь? А спросить бы меня, что я былъ въ его годы: бывало, скажи только объ ученьи — все полетитъ къ чорту!

МАША.

Да какъ же можно говорить при немъ?

ДѢДУШКА.

Правда, правда, не совсѣмъ хорошо! *(Серьезно.)* Смотри, я, братъ, оставлю тебя безъ казака?

ПЕТЯ.

Какъ же не такъ! Нѣтъ, купите!

ДѢДУШКА.

А? Какъ онъ меня знаетъ! *(Машѣ.)* Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, куплю. *(Петѣ.)* Ну, поди же ко мнѣ, мой дружечикъ! *(Петя вскакиваетъ ему на колѣни и цѣлуетъ.)* На чемъ же мы вчера остановились?

ПЕТЯ, надѣваетъ дѣдушкѣ очки.

Въ тетрадѣ написано до К.

ДѢДУШКА.

Такъ ступай же, принеси прописи. *(Петя идетъ и вынимаетъ изъ ящика игрушки, барабанъ, скрипку и волчокъ.)* Я тебѣ приказалъ подать прописи.... Ты, вѣрно, хочешь меня разсердить!...

МАША.

Я говорю вамъ, что это лѣнивецъ, который ничѣмъ не хочетъ заняться.

ДѢДУШКА.

Именно: лѣнивецъ!... Не такъ, совсѣмъ не такъ! Закрути больше... Еще... еще.... *(Беретъ у него волчокъ.)* Смотри сюда: надо взять его въ лѣвую руку, навертѣть веревочку, да и спустить.... смотри! *(Спускаетъ волчокъ.)* Видишь, какъ онъ пошелъ! *(Перемѣняя тонъ.)* Надо учиться прилежно. Что ты думаешь, что твой отецъ очень богатъ? Мнѣ де-молъ, не надо учиться, и такъ проживу!.. Такъ знай же, что папенька твой ничего тебѣ не оставитъ; ты долженъ будешь самъ доставать себѣ хлѣбъ! *(Машѣ.)* Не мѣшаетъ его пострашать.... *(Петѣ.)* Если бы твой отецъ съ молоду лѣнился, какъ ты.... Знаешь ли ты Русскую пословицу: Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

ПЕТЯ, барабаня.

Знаю.

ДѢДУШКА.

Надо думать о будущемъ....

ПЕТЯ.

Я думаю.

ДѢДУШКА.

Лжешь! Не думаешь, а барабанишь! Ну, что ты безъ толку-то колотишь? Того и смотри, кожу прорвешь.... Надо осторожнѣе, и барабанить съ чувствомъ! Подай-ка сюда!... *(Надѣваетъ на себя барабанъ.)* Слышишь, какъ у меня равно выходитъ?

ГОЛОСЪ РАЕВА, за сценой.

Говорю вамъ, завтра!

ДѢДУШКА, проворно снимаетъ барабанъ и прибираетъ съ Машей игрушки.

Петруша! Петруша! Возьми поскорѣе книгу!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И РАЕВЪ.

РАЕВЪ, дѣдушкѣ.

Здравствуйте, батюшка? Каково вы почивали? *(Осматривая комнату.)* Что это за безпорядокъ?

ДѢДУШКА.

Какой же безпорядокъ? Это игрушки.

РАЕВЪ.

Но почему онъ до сихъ поръ не за урокомъ?

ДѢДУШКА.

Онъ не виноватъ; видишь ли, онъ давно пристаетъ ко мнѣ, хочетъ заняться, да я поздно всталъ, время подошло къ завтраку. Время бѣжитъ такъ скоро.... А то бы онъ давно.... Ты не можешь себѣ представить, до какой степени этотъ ребенокъ любитъ книги! До безумія! Не правда ли, Петя?

ПЕТЯ.

Нѣтъ-съ, неправда!

ДѢДУШКА, тихо Петѣ.

Молчи!

РАЕВЪ.

Вы слышали, что онъ сказалъ?

ДѢДУШКА.

Да; но онъ не понялъ моего вопроса. (*Тихо Петѣ.*) Ступай отсюда! Ступай, пока не разбранили.

(Петя убѣгаетъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ПЕТИ.

РАЕВЪ.

Какъ вамъ не стыдно такъ баловать ребенка?

ДѢДУШКА, въ сторону.

Бранись теперь, сколько угодно.

РАЕВЪ.

Покупать ему всякій день разнаго вздора... Этакъ не станетъ и 20,000-го дохода.

ДѢДУШКА.

Сдѣлай милость, не говори мнѣ этого. Игрушки я покупаю на свой счетъ. — Это, кажется, тебя ни сколько ни разстраиваетъ. Ты все думаешь, что онъ лѣнивъ-пустяки! Я увѣренъ, что онъ и теперь сидитъ за книгою. (*Въ это время мячикъ пробиваетъ окно.* (*Въ сторону*). Ого! это ужъ третье нынче.

РАЕВЪ.

Вотъ какъ онъ учится? (*Хочетъ итти.*)

ДѢДУШКА.

Не ходи, останься; я самъ. Постой! Экой шалунъ! Хорошо же! Я тебя! Подождн! (*Уходитъ.*)

МАША, послѣ ухода дѣдушки, обнимаетъ Раева.

Папенька! Вы опять грустите!

РАЕВЪ.

Ахъ, другъ мой! Дѣла очень дурны; одна надежда осталась на ростовщика; если онъ не поможетъ, что будетъ съ вами?

МАША.

Онъ вѣрно не откажетъ.

РАЕВЪ.

Да; но за одинъ день просрочки готовъ описать послѣднее имущество... Ты плачешь, Маша? Перестань и не разстроивай меня еще болѣе.... (*Цѣлуетъ ее.*))Я буду еще просить, а тамъ пусть будетъ, что Богу угодно. (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАША И КАМСКІЙ.

КАМСКІЙ, вбѣгаетъ скоро.

Марья Павловна! Марья Павловна!

МАША.

Ну, что вашъ братецъ?

КАМСКІЙ.

Братецъ? Я рѣшился ему сказать, и скажу непремѣнно.

МАША.

Такъ вы еще не говорили?

КАМСКІЙ.

Я ужъ былъ у самаго его дома, какъ вдругъ мнѣ пришла пресчастливая мысль, я и вернулся. Я вспомнилъ, что вашъ батюшка беретъ деньги у Хамова, а онъ получаетъ ихъ отъ моего брата, такъ почему бы, кажется, вашему папенькѣ не адресоваться прямо къ моему брату, не правда ли? Удивительное дѣло! Когда я разгорячусь и бѣгу большою рысью, ко мнѣ бѣгутъ мысли, самъ не знаю, откуда!

МАША.

И въ самомъ дѣлѣ?...

КАМСКІЙ.

Папенька вашъ извѣстенъ своею честностію; братъ вѣрно ему повѣритъ какую угодно сумму; онъ пуститъ ее въ оборотъ, разбогатѣетъ—и тогда...

Тогда онъ, устроивъ свое состоянье,
По чувству позволитъ вамъ друга избрать.
Мечты и надежды и сердца желанье
Ужъ мы, не мечтая, начнемъ постигать;
И свадьбу мы тотчасъ устроимъ на славу,
Съ бокалами станутъ намъ счастья желать,
А я, не робѣя, по данному праву,
Начну эту ручку вотъ такъ цѣловать!

(Цѣлуетъ нѣсколько разъ руку Маши. Дѣдушка входитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ДѢДУШКА.

ДѢДУШКА, ВХОДЯ.

А! а! хорошо!... прекрасно!

МАША.

Дѣдушка!

ДѢДУШКА.

Я за тобой этого не зналъ!... Я думалъ, что ты... Врочемъ, и то сказать: этому нынче учить не нужно; самоучкой доходятъ. *(Кланялсь Камскому)* Здравствуйте, милостивый государь! Какъ! Это вы, Алексѣй Васильевичъ?

МАША.

Да, дѣдушка!

КАМСКІЙ.

Да-съ, это я!

ДѢДУШКА.

Да-съ, это-вы? Только, позвольте васъ спросить, съ чьего позволенія изволите?....

КАМСКІЙ.

Позволенія?... Съ... Я только что сбирался просить...

ДѢДУШКА.

Вы сами не знаете, что говорите....

КАМСКІЙ.

Филиппъ Степановичъ! Извините насъ .. Я давно рѣшаюсь объяснить вамъ свои намѣренія... но не смѣю... Я хочу просить руки Маріи Павловны: мы давно любимъ другъ друга.

МАША.

Точно такъ, дѣдушка.

ДѢДУШКА, ВЪ ВОЛНЕНІИ.

Неужели я дожилъ до такой радости!... Дѣти мои! Друзья мои!... Обнимите старика дѣдушку... онъ васъ благословляетъ! Дайте жъ мнѣ на васъ налюбоваться. Поцѣлуйтесь скорѣе! скорѣе! *(Камскій цѣлуетъ руку у Маши.)* Что ты! не такъ!... Въ губки ее! въ губки!...

МАША.

Ахъ, дѣдушка! какъ это можно?

ДѢДУШКА.

Вотъ вздоръ какой! Невѣстѣ нельзя поцѣловать жениха!. Ужъ этотъ влюбленный народъ себя не помнитъ съ радости... Да что я говорю! Будто самъ не испыталъ...

МАША.

А вы любили, дѣдушка?

ДѢДУШКА.

Любилъ ли? Хе! хе! хе! Нѣтъ, не любилъ,. Гдѣ намъ влюбляться! Хе! хе! хе! Мы были почище васъ, нынѣшнихъ... Что ты на меня смотришь? — Пожилъ я на своемъ вѣку!...

МАША.

Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось тогда взглянуть на васъ!...

ДѢДУШКА, СМѢЯСЬ.

Малой былъ тово... Хе! хе! хе! Первый кавалеръ съ дамами.

Съ хорошенькими не робѣлъ,
И самъ хорошенькимъ считался,
И куры строить я умѣлъ,
И франтомъ модянымъ наряжался!
И мадригалы сочинялъ,
Какъ должно ловкому мужчинѣ,
2 { И матрадуры танцовалъ...
{ При матушкѣ Екатеринѣ!

Такъ дайте мнѣ вспомнить старое, глядя на васъ.

КАМСКІЙ.

Но что скажетъ еще Павелъ Николаевичъ?

ДѢДУШКА.

Именно; а мы ему сдѣлаемъ сюрпризъ... Сегодня я даю вечеръ, сзываю всѣхъ знакомыхъ.... *(Смотря въ окно.)* Маша, поди сюда, посмотри; это, кажется, Маремьяна Андреевна!

МАША.

Да-съ, она!

ДѢДУШКА, ОТВОРИВЪ ФОРТОЧКУ.

Маремьяна Андреевна! Не слышитъ! Маремьяна Андреевна! Милости просимъ къ намъ на вечеръ!... Что?... Машенька замужъ выходитъ! Да! да! за Алексѣя Васильевича Камскаго!

МАША И КАМСКІЙ.

Помилуйте! Что вы дѣлаете?

ДѢДУШКА.

Отстаньте! *(Кричитъ.)* Разсказывайте всѣмъ, кого встрѣтите!... Ну, чего вы ис-

пугались; я знаю, что дѣлаю! Вечеръ даю на свой счетъ! Я предчувствую, что получу сегодня деньги, заплачу долги, а на остальное—кучу!... Хочу кутить!... шестьдесятъ лѣтъ не кутилъ!

КАМСКІЙ, Машѣ.

Что съ нимъ сдѣлалось? Бѣда, если узнаетъ вашъ папенька!... Я никакъ не рѣшусь ему показаться. (*Въ слухъ.*) Дѣдушка! Вы составили наше счастье; но позвольте мнѣ теперь уйти: я долженъ сказать своимъ роднымъ!...

ДѢДУШКА.

Всѣмъ, всѣмъ разсказывай...

КАМСКІЙ, въ сторону.

Ужасно боюсь Павла Николаевича! (*Машѣ.*) Постарайтесь уговорить папеньку.

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАША И ДѢДУШКА.

ДѢДУШКА.

Такъ-то, сударыня, вы выдодите замужъ! Да что ты серьезничаешь, точно, будто не рада, плутовка... Вотъ ужъ это точно по нашему: въ наше время невѣста безъ слезъ—не невѣста; иная хрѣну проказница панюхается, только, что бъ подъ вѣнцомъ поплакать. Маша! полно прикидываться: засмѣйся! Сейчасъ засмѣйся!

МАША.

Чему же я стану радоваться, дѣдушка: это дѣло еще не рѣшено.

ДѢДУШКА.

Какъ не рѣшено, когда я рѣшилъ? Если отецъ твой заскупиться, я дѣлаю свадьбу на свой счетъ.

МАША

Развѣ это шутка?

ДѢДУШКА.

Вы, кажется, всѣ вообразили, что у меня нѣтъ денегъ? Вздоръ!... У меня есть... то есть, нѣтъ денегъ, а есть должники — это все равно! Хамовъ обѣщалъ мнѣ непремѣнно выхлопотать по одному векселю.

МАША.

Это такъ невѣрно: получили ль вы что нибудь съ того человѣка, который вамъ всѣмъ обязанъ?

ДѢДУШКА, зажимая ей ротъ.

Тсъ! Замолчи, замолчи! Несчастный! Какъ я любилъ его! Зачѣмъ ты мнѣ говорила?...

МАША.

Я не знала, дѣдушка, что это можетъ васъ такъ разстроить.

ДѢДУШКА.

Неблагодарный, котораго я... Нѣтъ! Я ему никогда не прощу!... Скорѣй я соглашусь просить милостыню, нежели... Зачѣмъ ты мнѣ говорила?

МАША.

Простите меня!

ДѢДУШКА.

Ну, ну, ничего! Посмотримъ лучше, что дѣлаетъ мой арестантъ? Ты знаешь? Я посадилъ его подъ арестъ за шалость; но чтобъ ему не такъ было скучно, выстроилъ карточный домикъ... (*Отворяетъ дверь направо.*) Вотъ онъ. (*Кричитъ.*) Осторожнѣй! Развалится, я другаго не выстрою...

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И РАЕВЪ.

РАЕВЪ, Машѣ.

Ну, Маша, я успѣлъ: Хамовъ обѣщалъ мнѣ тысячу рублей. Правду сказать, чего это ему стоило... Онъ сейчасъ долженъ принести деньги...

ДѢДУШКА, услыша послѣднія слова.

Терентій Авдѣевичъ принесетъ деньги?...

РАЕВЪ.

Да, батюшка.

ДѢДУШКА.

Что, Маша, не правду я говорилъ?

РАЕВЪ.

А что?

МАША, тихо отцу.

Ничего, папенька...

ДѢДУШКА.

Предчувствія меня никогда не обманываютъ.

РАЕВЪ.

А у васъ есть предчувствія? Только эти деньги.... *(Останавливается по знаку Маши.)*

ДѢДУШКА.

Какъ! Это не тѣ деньги, которыя... *(Задумывается:)*

РАЕВЪ.

Маша! Останься здѣсь. *(Говоритъ ей тихо.)*

ДѢДУШКА.

О чемъ они шепчутся?... Павелъ! Постой!... Послушай, эти деньги... Ты меня безпокоишь!

РАЕВЪ.

Ничего, ничего, батюшка, будьте совершенно покойны. Продолжайте вашъ день по обыкновенію: сходите погулять, потомъ отдохните. Не безпокойтесь... *(Маш.)* Ты мнѣ скажешь, когда онъ пріѣдетъ. *(Уходитъ).*

=

ЯВЛЕНІЕ X.

МАША И ДѢДУШКА.

ДѢДУШКА.

Маша, поди ко мнѣ... Посмотри на меня... Богъ не допускаетъ обмановъ!... Особенно обмануть старика, который не можетъ самъ доискиваться правды, очень грѣшно! Говори мнѣ все: эти деньги...

МАША.

Ахъ, дѣдушка! Вы только и думаете о деньгахъ.

ДѢДУШКА.

Скажи мнѣ, я догадываюсь; вы въ нуждѣ?

МАША, притворно.

Мы?... Помилуйте!

ДѢДУШКА.

Точно? Смотри, я тебѣ вѣрю! Я знаю тебя: ты не стала бы меня обманывать!

МАША.

О, никогда, никогда! *(Въ сторону.)* Богъ проститъ мнѣ этотъ обманъ... *(Увидя Хамова).* А! Терентій Авдѣевичъ!

ДѢДУШКА.

И съ компаніей. Милости просимъ! Добро пожаловать... *(Въ сторону.)* Теперь я опять при деньгахъ мѣсяца на три, даже и на четыре...

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И ХАМОВЪ.

ХАМОВЪ.

Мое почтеніе-съ!

МАША, бѣжитъ и говоритъ ему тихо.

Не сказывайте дѣдушкѣ.

ДѢДУШКА.

Получили должокъ?

ХАМОВЪ.

Да-съ. *(Маш.)* Вотъ ровно тысяча рублей, государственными ассигнаціями. Гдѣ же вашъ батюшка?

МАША, кладетъ деньги въ конторку.

Онъ сейчасъ будетъ.

ДѢДУШКА, идетъ къ конторкѣ.

Тысяча рублей... Выходитъ... *(Кладетъ на счетахъ).*

ХАМОВЪ.

Сударыня! Позвольте просить васъ слова на два. *(Отходятъ на сторону.)* Вѣрите ли вы, отдалъ послѣднія; самъ ни причемъ остался... Скажите вашему папенькѣ, что между честными людьми достаточно одного слова; можетъ отдать, когда будетъ угодно, пусть не спѣшитъ: къ чему безпокоиться? Если я и возьму съ васъ маленькіе проценты, такъ это, знаете, болѣе для порядка. За одинъ мѣсяцъ по двадцати на сто, а за просроку по десяти копѣекъ лишнихъ. Только пусть не спѣшитъ отдавать; къ чему безпокоиться?

МАША.

Папенька согласенъ!

ХАМОВЪ.

Знаю, знаю! Я ему вѣрю на слово, а между прочимъ, попросите его подписать векселъ, да вычесть изъ оной суммы за вексельную бумагу, да за написаніе векселя писарю. *(Говоритъ тихо.)*

МАША, въ сторону.

Это его рука... Ну, да Богъ съ нимъ.

ДѢДУШКА, самъ съ собою.

Въ игрушечную лавку долженъ сто двадцать рублей, въ кандитерскую тридцать шесть рублей восемьдесятъ копѣекъ... Портному за Петю... Ну, ничего! Хватитъ на все... *(беретъ шляпу.)*

МАША, замѣчая.

Вы уходите, дѣдушка?

ДѢДУШКА.

Я сейчасъ ворочусь. . . Прохожусь немножко... а тебѣ, кажется, очень любопытно знать, куда я иду... а? Сказать? Да нѣтъ, не скажу; прощай. *(Уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ХАМОВЪ И МАША, а потомъ РАЕВЪ.

ХАМОВЪ.

Хорошо, что ушелъ! Вѣрите ли, сударыня, не могу видѣть человѣческаго несчастія! Готовъ самъ безъ куска хлѣба остаться, чтобы оказать вспомоществованіе, вѣрьте Богу, не изъ выгодъ: какія у меня выгоды? Не забудьте сказать папенькѣ, что проценты обязанъ внести мнѣ то же ассигнаціями. Знаете, чтобъ мелочныхъ счетовъ избавиться: они только обезпокоятъ васъ; на этотъ случай я и росписочку подготовилъ, знаете, не для того, чтобы я не вѣрилъ, а болѣе для аккуратности.

МАША.

Хорошо, я скажу.

ХАМОВЪ.

Не повѣрите, какое ощущаетъ человѣкъ христіанское счастіе, когда можетъ оказать добро, натурально, по силѣ своего состоянія, а для вашего семейства вѣчный слуга до гроба! Я вамъ, кажется, говорилъ о уплатѣ писарю за написаніе векселя, то само по себѣ, а за написаніе росписки нужно особо; это пустяковъ стоитъ, всего.... Да вотъ у меня счетецъ подготовленъ: память плоха; извольте... А можетъ, вашъ папенька и отъ себя что нибудь прибавитъ; знаете, это народъ бѣдный, обремененный семействомъ; имъ должно помогать; не забудьте, сударыня.... Извините, что я такъ хлопочу за нихъ. У насъ вся порода такая: — благотворительность въ крови.

Любовь къ ближнему и благость,
Вотъ цѣль всѣхъ жизненныхъ заботъ.
Моя единственная радость.
Питать убогихъ и

И вѣрьте, не ищу ни какого возмездія за свои благодѣянія. Здѣшняя жизнь суета и прахъ.

Но тамъ за гробовой доскою,
Гдѣ правосудный есть Судья,
Со всей душевной красотою
Предстанетъ Хамова семья!

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И РАЕВЪ.

РАЕВЪ.

А! здравствуйте, Терентій Авдѣевичъ. Вы меня чувствительно обязали!

ХАМОВЪ.

Помилуйте! Я васъ долженъ благодарить, что не отказали принять пособіе, добытое потомъ смиреннаго труда; а между прочимъ, не благоволите ль подписать?

РАЕВЪ.

Какъ же, непремѣнно! Маша, подай бумаги.

ХАМОВЪ.

Не безпокойтесь, у меня все заготовлено. Говорить объ условіяхъ я полагаю между честными людьми неприлично! Дочкѣ вашей извѣстно:... Хоть не трудитесь считать—1005 рублей ассигнаціями!...

МАША.

Я получила ровно 1000.

РАЕВЪ.

Можетъ быть, обочлась какъ нибудь.

ХАМОВЪ.

Никакъ нѣтъ-съ, тутъ точно 1000.... А вамъ извѣстно, у меня въ домѣ такой суммы быть не можетъ: долженъ былъ просить у людей; вѣрите ли, изъ конца въ конецъ.... измучился, принужденъ былъ нанять извощика....

РАЕВЪ.

А, понимаю... *(Тихо.)* Это люди!...

МАША, въ то же время въ сторону.

Бѣдный папенька!

РАЕВЪ.

Очень хорошо, Терентій Авдѣевичъ. Не угодно ли вамъ пройти ко мнѣ; знаете, лучше поговорить аккуратнѣе. Нѣтъ ли еще чего?

ХАМОВЪ, уходя за нимъ.

Нѣтъ-съ, ничего.... Впрочемъ, позвольте вспомнить.....

РАЕВЪ.

Маша, принеси ко мнѣ деньги. (*Уходитъ.*)

МАША.

Сію минуту, папенька! (*Ищетъ въ конторкѣ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

МАША, потомъ ДѢДУШКА, съ разными игрушками.

МАША.

Боже мой! Гдѣ же они? Дѣдушка!

ДѢДУШКА.

Я здѣсь, мой дружечикъ!

МАША.

Куда вы спрятали деньги?

ДѢДУШКА.

Деньги? Вотъ онѣ! (*Показывая на игрушки*).

МАША.

Вы всѣ издержали?

ДѢДУШКА.

За то, какія вещицы. Посмотри на эти сережки! Что? Нравятся? Это тебѣ къ свадьбѣ.....

МАША, упадая въ кресла.

Дѣдушка! что вы сдѣлали?

ДѢДУШКА.

Что съ тобою, мой дружочикъ?

ГОЛОСЪ РАЕВА.

Машенька!

МАША, въ сторону.

Что я скажу!

ДѢДУШКА.

Да скажи мнѣ на милость, чего ты такъ испугалась? Ты плачешь?... Голубушка моя, скажи!... (*Кричитъ.*) Павелъ!

МАША.

Не зовите его, прошу васъ!....

ДѢДУШКА.

Послушай, ежели ты не хочешь, чтобъ я позвалъ отца.... говори мнѣ.... я хочу непремѣнно знать!...

МАША, удерживая его.

Не ходите къ нему!... Останьтесь... Я сама пойду его приготовить....

РАЕВЪ, за сценой.

Машенька!

МАША.

Сейчасъ иду, папенька!...

ДѢДУШКА.

Я пойду съ тобою.

МАША.

Ради Бога, останьтесь.... Надо его успокоить: онъ спроситъ о своихъ деньгахъ.

ДѢДУШКА.

Какъ о своихъ?

МАША.

Эти деньги были послѣднее наше средство.

ДѢДУШКА.

Ну.....

МАША.

И заняты на ужасные проценты....

ДѢДУШКА, потерянный.

Заняты!?

МАША.

Вы все узнаете. (*Уходитъ въ кабинетъ отца.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

ДѢДУШКА, одинъ. (Музыка.)

Заняты!... Ихъ послѣднее средство! Послѣднее... стало, я разорилъ ихъ!... Они меня обманывали.... Скрывали свои несчастія... А я.. Боже мой! Боже мой!... Они что то говорятъ...: (*Слушаетъ.*) Онъ ее спрашиваетъ....

РАЕВЪ.

Я разоренъ!

ДѢДУШКА.

Разоренъ!

РАЕВЪ.

Я не хочу его болѣе видѣть!

ДѢДУШКА, вскрикивая.

Что онъ сказалъ!... Не можетъ быть; вѣрно мнѣ такъ послышалось... Онъ не можетъ этого сказать: это было бы ужасно... Боже! прости ему! Онъ былъ добрый сынъ... это голосъ отчаянія!... Я не допущу тебя до такого преступленія: я самъ уйду... я ничего не слыхалъ. (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается.*) Уйти, не простясь съ ними... я не въ состояніи... Они разорены... я имъ въ тягость!... Что бы я отнялъ у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба... я буду... подлецъ!... Я долженъ уйти... Господи! дай мнѣ силы!... (*Увидя Петю, который прибѣгаетъ.*) Петя!... Другъ мой! Петя!...

ПЕТЯ.

Что съ тобой сдѣлалось, дѣдушка?

ДѢДУШКА, стараясь смѣяться.

Ничего, ничего!...

ПЕТЯ.

Какъ, ничего: ты плачешь, дѣдушка.... Этакъ и я заплачу...

ДѢДУШКА.

Плачу!... да... Вотъ видишь ли... я тебѣ скажу... Мнѣ нужно съѣздить... Можетъ быть, я не увижу васъ нѣсколько дней... Прощай, мой дружечикъ... поцѣлуй своего старичка дѣдушку... (*Рыдая.*) Онъ любилъ тебя... Ты его не забудешь?... Да, Петя?... Вспомнишь когда нибудь... (*Петя плачетъ.*) Полно же, перестань?... Смотри, я перестанъ плакать... Я воротясь... Скажи своему папенькѣ и сестрицѣ, что я... поцѣлуй ихъ... Вотъ такъ... (*Цѣлуетъ его.*) Скажи, что мы еще увидимся.

ПЕТЯ.

Непремѣнно?

ДѢДУШКА.

Да, да, непремѣнно!... (*Въ сторону.*) Увидимся тамъ (*Въ слухъ.*) Не плачь... Вотъ тебѣ платокъ, вытри свои глазенки! (*Въ сторону.*) Какъ мнѣ его покинуть... (*Въ слухъ.*) Взгляни-ка... взгляня, что я тебѣ принесъ.

ПЕТЯ, съ радостію.

Это все мнѣ?

ДѢДУШКА.

Все, все тебѣ.

ПЕТЯ, прыгая.

Голубчикъ, дѣдушка! (*Садится на полъ и разсматриваетъ.*)

ДѢДУШКА, въ глубинѣ самъ съ собою.

Пора! Прости, Маша! Прощай, мой милой Павелъ... Я не сержусь на тебя! Петя... Дитя мое.... другъ мой! Богъ не оставитъ васъ! (*Идетъ къ дверямъ, и останавливается, смотритъ на Петю и говоритъ рыдая.*) Прощай, Петя. (*Рыданія не даютъ ему договорить.*)

ПЕТЯ, не обращая на него вниманія.

А казака все таки не купилъ! Экой какой!

(Завѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ II.

Богатая столовая въ домѣ Юлина; въ срединѣ главныя двери; по бокамъ по двери на каждомъ планѣ. Столъ, большія кресла, и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЮЛИНЪ, въ креслахъ, КАМСКІЙ, передъ нимъ.

ЮЛИНЪ, въ сторону.

Онъ никакъ не хочетъ сказать, что былъ у Раева; но Хамовъ меня не обманетъ! (*Въ слухъ.*) Послушай! вчера ты не былъ у...

КАМСКІЙ.

У кого-съ?

ЮЛИНЪ, сердито.

У кого? Я тебя спрашиваю, не былъ ли ты вчера за городомъ у... одного Раева?

КАМСКІЙ.

А вы его знаете?

ЮЛИНЪ

Отвѣчай на мой вопросъ?

КАМСКІЙ.

Какъ же, братецъ, я заходилъ къ нему.

ЮЛИНЪ.

Хорошо.

КАМСКІЙ, въ сторону.

Да онъ нынче совсѣмъ не сердится; въ эту минуту, я полагаю, можно съ нимъ объясниться.

ЮЛИНЪ.

А зачѣмъ ты былъ у него?

КАМСКІЙ.

Такъ-съ! Я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ навѣщаю это почтенное семейство. Это рѣдкіе люди, братецъ!

ЮЛИНЪ.

Да!

КАМСКІЙ.

Что за доброта! Кто ни приди, обласкаютъ каждаго... Особенно старикъ Филиппъ Степановичъ. (*Движеніе Юлина.*) Если бы я желалъ сдѣлаться богатымъ, такъ это для того, чтобы помогать этому бѣдному семейству....

ЮЛИНЪ, нетерпѣливо.

Хорошо! Довольно!

КАМСКІЙ.

Страшно подумать: честный старикъ, который всю жизнь свою посвятилъ для добродѣтели, и теперь лишенъ почти всего... И кто же разорилъ его? Негодяй, котораго онъ облагодѣтельствовалъ... (*Юлинъ оборачивается и гнѣвно на него смотритъ; Камскій, испугавшись, говоритъ сквозь зубы.*) Чудовище!

ЮЛИНЪ, громко.

Замолчишь ли ты?

КАМСКІЙ, потерявшись.

Конечно, братецъ, если разобрать... Но если бы вы увидѣли только его внучку, вы бы сами....

ЮЛИНЪ.

Ни слова болѣе!...

КАМСКІЙ

Я ничего-съ! (*Въ сторону.*) Нѣтъ, эта минута не хороша для объясненія; надо выбрать другую....

ЮЛИНЪ, про себя.

Онъ ничего отъ меня не получитъ.... Я не забуду ему этого разговора. (*Въ слухъ.*) Сходи къ Хамову, скажи, что я немедленно хочу его видѣть.

КАМСКІЙ.

Но еще рано; онъ вѣрно не вставалъ...

ЮЛИНЪ.

Ступайте, куда вамъ говорятъ!

КАМСКІЙ.

Сію минуту! (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ЮЛИНЪ, одинъ

Негодяй!... Чудовище!... И это говоритъ мнѣ братъ мой!... Съ этой минуты я потерялъ и послѣдній покой!... Нѣтъ болѣе счастія!... Бояться даже близкихъ своихъ.... И жить съ однимъ вѣчнымъ презрѣніемъ. Ужасно!... Зачѣмъ судьба бросила меня къ этому старику... О, я его не навижу!... Я сжалился надъ несчастнымъ положеніемъ двухъ единственныхъ моихъ родственниковъ, принялъ въ домъ сестру и племянника моей матери, хотѣлъ отдать имъ часть моего состоянія.... И они.... неблагодарные! .. Кончено! Нѣтъ болѣе жалости: я ихъ выгоню! Пусть таскаются по міру, и тогда узнаютъ, кого они потеряли!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ЮЛИНЪ И КАМСКІЙ.

КАМСКІЙ, выглядывая въ дверь.

Онъ еще здѣсь!... (*Говоритъ за дверь.*) Подождите немного! (*Входя.*) Терентій Авдѣевичъ сейчасъ къ вамъ будетъ, братецъ; онъ не хотѣлъ было вставать; но узнавъ, что я пришелъ отъ васъ....

ЮЛИНЪ, про себя.

По крайней мѣрѣ есть еще человѣкъ, который ко мнѣ привязанъ.... Есть сердце, на которое я могу положиться... (*Камскому.*) Когда онъ придетъ, приди мнѣ сказать. (*Уходитъ.*)

КАМСКІЙ.

Слушаю, братецъ! (*Ѣдетъ къ средней двери, и отворивъ ее, говоритъ.*) Войдите, пожалуйте!

ДѢДУШКА, входитъ, дрожа отъ стужи.

Бррру!!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

КАМСКІЙ и ДѢДУШКА, топаетъ ногами, желая согрѣться; Камскій съ безпокойствомъ осматривается.

КАМСКІЙ.

Извините, что я заставилъ васъ дожидаться. (*Въ сторону.*) Онъ такъ шумитъ, того и жду, что услышатъ. (*Въ слухъ.*) Садитесь, Филиппъ Степановичъ, вы устали.

ДѢДУШКА.

Нѣтъ, ничего, только бы вотъ согрѣться. (*Дуетъ себѣ въ пальцы и продолжаетъ топать ногами.*) Нашъ Русскій морозъ шутить не любитъ.

КАМСКІЙ.

Такъ вотъ присядьте къ камельку.

ДѢДУШКА.

А развѣ у васъ топится?.. А, каминъ! Отъ него нельзя отказаться. (*Потирая руками у камина.*) Славная вещь каминъ! Ахъ, хорошо!

КАМСКІЙ.

Напрасно вы выходили въ такой холодъ. развѣ вашъ зять не могъ бы....

ДѢДУШКА.

Зять!... А... да... онъ хотѣлъ.... точно, но у него такъ много занятій! (*Въ сторону.*) Онъ не узнаетъ, что у меня нѣтъ уже зятя!... Его слова умрутъ со мною вмѣстѣ!... .

КАМСКІЙ.

Въ такомъ случаѣ надо вамъ было подождать, а между тѣмъ, къ полудню бы и пообогрѣло.

ДѢДУШКА.

Да, пообождать, конечно! (*Опомнясь.*) Но нельзя было ждать-то... одно нужное дѣло... ну, я и пошелъ, а морозъ со мной не церемонился.... Къ тому же я такъ давно не былъ въ городѣ.... Да такое пасмурное время, я и запутался въ улицахъ....

КАМСКІЙ.

Я, право, сначала никакъ не могъ повѣрить, чтобы это были вы. Смотрю, сидитъ старикъ, точно вы, ваше платье.... А между тѣмъ, думаю себѣ, не можетъ быть; зачѣмъ вамъ сидѣть на улицѣ. Удивительно, какъ я не прошелъ мимо.

ДѢДУШКА.

Да, у меня такъ прозябли ноги, что я просто не могъ итти... присѣлъ... Но впрочемъ; все прошло, что говорить объ этомъ! Я славно отогрѣлся. (*Опирается на ручку кресель и въ слабости падаетъ въ нихъ.*)

КАМСКІЙ.

Позвольте, я сейчасъ принесу вина и чего нибудь позавтракать: это подкрѣпитъ ваши силы...

ДѢДУШКА.

Нѣтъ, спасибо, спасибо! Мнѣ нѣкогда!

КАМСКІЙ.

Я въ минуту.

ДѢДУШКА.

Ну, такъ поскорѣе... Да, нѣтъ, не нужно!

КАМСКІЙ.

Что вы, что вы! Сейчасъ! (*Убѣгаетъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ДѢДУШКА.

Добрый молодой человѣкъ! Нынче такіе рѣдки! Если бы я съ нимъ не встрѣтился, можетъ быть, отчаяніе привело бы меня.... Но Богъ удержалъ меня! Въ свѣтѣ Богъ знаетъ, что бы стали говорить: свѣтъ такъ золъ и несправедливъ. Люди были бы въ состояніи приписать мою смерть моему семейству!... И тогда вѣчное пятно покрыло бы и безъ того несчастныхъ сиротъ!... Я раззорилъ ихъ, и потомъ еще очернить.... Нѣтъ, нѣтъ!... Богъ меня удержалъ отъ этого. Бѣдныя дѣти! Что то они теперь подѣлываютъ? Маша вѣрно сидитъ съ отцомъ, а Петя еще спитъ; но онъ скоро проснется, закричитъ: Дѣдушка, Дѣдушка! Что жъ ты меня не будишь? Спи, спи, Петя, еще рано!... Я бы поцѣловалъ его, а чрезъ нѣсколько времени пошелъ бы будить, а те-

перь... (*Рыдая.*) Не придетъ къ тебѣ дѣдушка!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДѢДУШКА И КАМСКІЙ, несетъ тарелку съ завтракомъ и бутылку вина.

ДѢДУШКА.

Что это? Мнѣ этого много! Одну рюмку вина—и я подкрѣплю себя. (*Камскій наливаетъ.*) А себѣ-то, что же?

КАМСКІЙ.

Не правда ли, славное вино! Я удивляюсь, ей Богу, какъ это мой братъ все хвораетъ, когда у него на погребѣ такое вино.

ДѢДУШКА.

А онъ боленъ! Ну, такъ выпьемъ же за его здоровье!... Ты долженъ выпить!

КАМСКІЙ.

О, съ удовольствіемъ!

ДѢДУШКА, подноситъ свою рюмку, что бы чокнутся.

Вотъ такъ!

КАМСКІЙ.

За здоровье моего любезнаго братца, Александра Сергѣевича Юлина!

ДѢДУШКА, остановясь.

Что ты сказалъ?

КАМСКІЙ.

Вы сами предложили тостъ за его здоровье!

ДѢДУШКА, пораженный.

Мы у Юлина!... Онъ твой братъ! Нѣтъ, никогда!... Оставьте меня!... Привести, не сказавъ... Вы меня обманули! Я не ожидалъ отъ васъ!...

КАМСКІЙ.

Я могу обмануть васъ? Васъ, будущаго моего дѣдушку!...

ДѢДУШКА.

Прощайте!

КАМСКІЙ.

Помилуйте, да я васъ никакъ одного не отпущу. Что скажетъ, когда узнаетъ Марья Павловна? Я иду съ вами!

ДѢДУШКА.

Куда, куда вы пойдете?

КАМСКІЙ.

Куда вы, туда и я...

ДѢДУШКА, въ сторону.

Впрочемъ, если я у него! Все равно, я думалъ итти къ нему... Мнѣ болѣе ничего не осталось... (*Въ слухъ.*) Я остаюсь здѣсь. Прости меня, что я такъ съ тобой обошелся!... Я хочу видѣться съ твоимъ братомъ. Поди, скажи ему... Онъ не посмѣетъ выгнать своего благодѣтеля!...

КАМСКІЙ.

Своего благодѣтеля! Что вы говорите?... Стало, этотъ человѣкъ, который...

ДѢДУШКА, не даетъ ему договорить.

Молчи!... Этотъ человѣкъ братъ твой!

КАМСКІЙ.

Боже мой! Что я узналъ! Нѣтъ, въ такомъ случаѣ, я и самъ попрошу васъ выйти отсюда, и подождать, пока братъ останется одинъ, потому что если узнаетъ тетушка, что вы были... Мы всѣ пропадемъ! Это все обрушится на меня!...

ДѢДУШКА.

Когда такъ, я не доведу тебя до непріятности!... Я пойду.... Но ты придешь за мной?

КАМСКІЙ.

Непремѣнно; будьте покойны! (*Дѣдушка уходитъ направо.*) Братъ, мой братъ! Надо не имѣть сердца человѣческаго, чтобы такъ жестоко поступить!...

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

КАМСКІЙ, ХАМОВЪ, ПОТОМЪ ЮЛИНЪ.

ХАМОВЪ, который войдя, услышалъ послѣднія слова, съ сторону.

Хорошо, что поспѣлъ во время! (*Въ слухъ.*) Доложите вашему братцу, что я по его приказанію явился!...

(Камскій уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ХАМОВЪ, одинъ.

Скажите, кто бы могъ подумать. И это благодарность, — а?... И это родные, — а?... И онъ ему хочетъ дать часть своего состоянія. Нѣтъ, долгъ благодарности и человѣчества не позволяетъ мнѣ скрывать это.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ХАМОВЪ И ЮЛІНЪ.

ЮЛІНЪ.

Здравствуйте. Я васъ давно ожидаю.

ХАМОВЪ.

Вѣрители, Александръ Сергѣевичъ, бѣжалъ со всѣхъ ногъ.

ЮЛІНЪ.

Вы были у Раева; мнѣ говорили братъ и тетка, что онъ въ ужасномъ положеніи.

ХАМОВЪ, иронически.

Они вамъ говорили? Гмъ!

ЮЛІНЪ.

Что чначитъ этотъ тонъ?

ХАМОВЪ.

Они, кажется, объ немъ больше пекутся, нежели объ васъ. Только, я думаю, и ждутъ, чтобъ прибрать отъ васъ что нибудь, да и...

ЮЛІНЪ.

Что вы говорите?

ХАМОВЪ.

Вамъ извѣстна, Александръ Сергѣевичъ, преданность и чистота души моей. Вѣрите ли Богу, кровію обливается мое сердце, когда я только взгляну на эти корыстолюбивыя души, которыхъ вы пріютили, какъ отецъ, по врожденному вамъ благочестію и человѣколюбію... Они васъ не иначе называютъ, какъ...

ЮЛІНЪ.

Не договаривайте!... А!... Еще сегодня утромъ мой братъ осмѣлился... Да... это должна быть правда... Вонъ ихъ! Вонъ, и сегодня же!... Послушайте, я вамъ поручилъ составить бумагу, на счетъ наслѣдства, которое я хотѣлъ раздѣлить между ими двумя и вами. Я уничтожаю ее! Можете написать всю часть на свое имя!...

ХАМОВЪ, униженно кланяется.

Благодѣтель! Отецъ! За что изволите жаловать. Не имѣлъ и въ помышленіи такихъ милостей, служилъ вамъ всею душею, токмо изъ одной невыразимой привязанности къ высокимъ добродѣтелямъ.

ЮЛІНЪ.

Оставьте это, — я прошу васъ! Если вы не хотите принять, я найду другаго...

ХАМОВЪ, скоро.

Нѣтъ, помилуйте! Зачѣмъ же вамъ еще безпокоиться — искать достойнаго человѣка..

ЮЛІНЪ.

Ну, такъ ступайте и не теряйте времени!

ХАМОВЪ.

Не замедлю явиться для подписанія.

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ЮЛІНЪ И ДѢДУШКА.

ДѢДУШКА, про себя.

Онъ хотѣлъ зайти за мной! (*Увидя его.*) А! (*Всматривался.*) Это точно онъ!... Вотъ тотъ, кто звалъ меня отцомъ своимъ.

ЮЛІНЪ.

Всѣ меня оставили, и даже братъ... (*Сердито.*) Что касается до Гринева...

ДѢДУШКА.

Онъ вспоминаетъ меня...

ЮЛІНЪ.

Да, я хорошо сдѣлалъ, что выгналъ ихъ...

ДѢДУШКА.

Выгналъ? Какъ! Бѣдныхъ родныхъ своихъ!? Выгнать за то, что они сжалились надъ старикомъ! А я еще сожалѣлъ его. Не хорошо, Александръ!...

ЮЛІНЪ.

Жить одному, умереть одному! О, проклятый старикъ!... Но я сыщу человѣка, который отмститъ ему за меня...

ДѢДУШКА, подходитъ къ нему.

Ты можешь самъ это сдѣлать.

ЮЛІНЪ, съ ужасомъ оборотясь на креслѣ.

Это вы?

ДѢДУШКА.

Чего же ты боишься? Мы одни! Ты хотѣлъ мстить? Исполняй!

ЮЛІНЪ.

Зачѣмъ вы здѣсь? Что вамъ надо?

ДѢДУШКА.

Ты выгналъ изъ дому сестру своей матери и брата...

ЮЛІНЪ.

За неблагодарность! — Я принялъ ихъ въ свой домъ, содержалъ, и за обманы...

ДѢДУШКА.

Они никогда тебя не обманывали... Подумай, хорошо ли ты поступилъ?

ЮЛІНЪ.

Милостивый государь! По какому праву вы приходите читать мнѣ нравоученія? Я васъ спрашиваю...

ДѢДУШКА.

Александръ!

ЮЛІНЪ.

Оставьте меня!

ДѢДУШКА.

Тебя тяготитъ присутствіе старика, котораго ты такъ неблагодарно оставилъ, котораго довелъ до несчастія!...

ЮЛІНЪ, въ ужасномъ гнѣвѣ.

Молчать!

ДѢДУШКА.

Ты меня выслушаешь! Богъ свидѣтель, что я шелъ къ тебѣ не съ упреками. Ты обманулъ меня, Александръ, ты разорилъ: теперь я ничего не имѣю... Богъ съ тобой!... Было время, когда я любилъ тебя, какъ сына, уважалъ, какъ добраго и честнаго человѣка...

ЮЛІНЪ, хочетъ уйти.

Если вамъ нужно денегъ... Я вамъ дамъ, что могу, только увольте меня отъ своихъ посѣщеній...

ДѢДУШКА.

Какъ! и ты смѣешь думать!

ЮЛІНЪ.

Мнѣ нѣтъ времени толковать съ вами!.. Если вамъ ихъ ненадо... Прощайте!

(Уходитъ).

ДѢДУШКА, одинъ.

Денегъ!.. Твоихъ денегъ!.. Прочь, прочь отъ меня, презрѣнная тварь!

Не зналъ еще я выше этой муки!
Когда бъ я былъ и точно безъ куска,
Скорѣй свои дряхлѣющія руки
Я протяну къ порогу бѣдняка!
Но предъ тобой чтобъ могъ я преклониться,
Гдѣ вѣры нѣтъ и совѣсти нѣтъ въ комъ?
И нищему позволено гордиться
Передъ такимъ несчастнымъ богачемъ!

Я пойду къ такому же нищему, какъ я, и... (*въ сильномъ чувствѣ.*) стану просить не для себя... для дѣтей моихъ... И надо мной сжалятся... (*За сценой слышенъ шумъ.*) Этотъ голосъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

ДѢДУШКА и МАША, вбѣгаетъ и съ воплемъ кидается къ нему на шею.

МАША.

Дѣдушка! Что вы съ нами сдѣлали? Вы забыли, что еще мы у васъ!

ДѢДУШКА.

Ну, что твой отецъ? А Петя?... Что дѣлаетъ Петя?

МАША.

Онъ сейчасъ будетъ....

ДѢДУШКА.

Бѣдныя дѣти! Кажется, будто годъ я не видалъ васъ!... Но уйдемъ отсюда, мой дружечикъ; я не могу оставаться въ этомъ домѣ.

МАША.

Да, да, дѣдушка, пойдемте къ намъ... (*Со вздохомъ.*) Къ намъ.

ДѢДУШКА.

Что ты такъ вздохнула? Ну, что, что такое?

МАША.

У насъ хотятъ описать послѣднее.

ДѢДУШКА.

Описать?... Что же будетъ съ вами?

МАША.

Богъ знаетъ!

ДѢДУШКА.

Нищіе, нищіе! Я погубилъ дѣтей моихъ!

МАША.

Не плачьте, дѣдушка! Мы не погибнемъ: я стану работать, не спать ночей...

ДѢДУШКА.

Нѣтъ, этого не будетъ, я не позволю! У васъ будутъ деньги, будутъ! *(Про себя.)* Безумецъ! Я отвергъ человѣка, который подавалъ мнѣ руку помощи, а теперь.... Теперь я готовъ на колѣнахъ просить его!.. Да; сейчасъ. Подожди меня!...

МАША.

Что вы хотите дѣлать?

ДѢДУШКА, силится отворить дверь.

Александръ! пусти меня! Алексан.... онъ меня не слушаетъ!.. *(Маша останавливаетъ его.)* Пусти, пусти меня! Александръ!... *(Съ отчаяніемъ отталкиваетъ дверь и бросается назадъ.)*

МАША.

Боже мой! *(Бѣжитъ, чтобъ поддержать его.)*

ДѢДУШКА.

Ничего, ничего!... Оставь меня! *(Забываясь.)* Скажите ему, что я...

МАША.

Успокойтесь!

ДѢДУШКА.

А? Что вамъ нужно? Развѣ вы не слыхали? не ужели вы хотите, чтобы они умерли съ голода?

МАША.

Боже мой! Онъ не узнаетъ меня! Дѣдушка! это я!....

ДѢДУШКА, отталкивая ее отъ себя.

За чѣмъ ты здѣсь? дай умереть спокойно;
Онъ борется съ преступною душой....
(Какъ будто слушая Машу.)
Я ихъ убилъ!... Молчи, молчи, довольно...
(Съ ужасомъ.)
Я ихъ убилъ! Не смѣйся надо мной!

МАША, въ отчаяніи.

Онъ лишился разсудка!

ДѢДУШКА.

Смотри, смотри.... Еще.... еще немного
И ихъ ужь нѣтъ! Да гдѣ жъ твоя рука?
(Съ воплемъ.)
Дай хлѣба имъ! Подай во имя Бога,
Или убей на мѣстѣ старика!

МАША, въ отчаяніи бѣжитъ на встрѣчу Юлину.

Сжальтесь надъ нимъ! Спасите его!

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И ЮЛИНЪ.

ЮЛИНЪ.

Кто здѣсь? Гриневъ! *(Помогаетъ Машѣ посадить его въ кресла.)* Эй! кто нибудь! Помогите! помогите!

ДѢДУШКА.

Слышите!... Кто-то проситъ помощи!
(Хочетъ встать).

МАША.

Онъ ничего не помнитъ!

ДѢДУШКА.

Тсъ!... тише!... Отворите ему, отворите скорѣй!... Стучатся!... Бѣдный ребенокъ! Онъ озлбъ!.. Впустите его!... Поди, поди сюда! Сядь ко мнѣ на колѣна! Александръ! *(Движеніе Юлина)*. Тебя зовутъ Александромъ?

ЮЛИНЪ.

Что онъ говоритъ?

ДѢДУШКА, не слушая.

Какъ! одинъ въ цѣломъ мірѣ? Сирота, безъ родныхъ?!

ЮЛИНЪ, тронутый.

Какое воспоминаніе!

ДѢДУШКА.

У тебя нѣтъ отца? Не огорчайся, не плачь: я буду твоимъ отцомъ! Останься здѣсь съ моими дѣтьми, я тебя буду любить такъ же, какъ я ихъ люблю, а ты будешь любить и почитать меня, какъ отца своего, а не то, трепещи суда Божія.... Онъ наказываетъ неблагодарныхъ дѣтей.....

ЮЛИНЪ, въ сильномъ волненіи падаетъ къ ногамъ Гринева.

Умилосердитесь!

ДѢДУШКА, приходя въ себя.

Кто? кто проситъ у меня милосердія?!

ЮЛИНЪ, рыдая.

Несчастный вашъ Александръ!

ДѢДУШКА, успокоиваясь.

Александръ! (*Какъ будто стараясь припомнить*). Позволь!... Александръ! Я помню это имя, но это было очень давно!....

ЮЛИНЪ.

Отецъ мой! простите меня!

ДѢДУШКА.

Твой отецъ! (*Беретъ его за голову и смотритъ ему въ глаза.*) Ты назвалъ меня.... Въ слезахъ.... У ногъ моихъ.... Онъ, онъ! я узнаю его!....

ЮЛИНЪ.

Сжальтесь надъ неблагодарнымъ извергомъ! Умилосердитесь!

ДѢДУШКА, зажимая ему ротъ.

Молчи, молчи! Я простилъ тебя! Дай мня твою руку.... Встань, встань! Ты чувствуешь свои заблужденія — забудь объ нихъ! Я забылъ! И будемъ родными по прежнему.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и ХАМОВЪ, съ портфелемъ.

ХАМОВЪ.

Александръ Сергѣевичъ! (*Въ сторону.*) Ба, ба, ба! чтобы это означало?!

ЮЛИНЪ.

Что, это?

ХАМОВЪ.

Пожалуйте сюда! (*Отводитъ его.*) Вотъ заготовилъ, все обозначено!

ЮЛИНЪ, беретъ бумагу и показываетъ ее Гришеву.

Это все ваше.

ХАМОВЪ, вскрикивая.

Все, что тамъ обозначено!?

ЮЛИНЪ.

Я все это утвержу форменнымъ образомъ. Г-нъ Хамовъ, какъ искусный дѣлецъ, составитъ всѣ нужныя бумаги! Не правдали?

ХАМОВЪ.

Съ достодолжнымъ удовольствіемъ! (*Въ сторону.*) Чтобъ имъ съ дьяволомъ цѣловаться! А я еще нанялъ сюда извощика.

ДѢДУШКА, которому Юлинъ говоритъ тихо.

Состояніе! стало теперь.... (*Беретъ Машу за руку.*) Но зять мой! мой бѣдный Павелъ?...

ЮЛИНЪ.

Что, что такое?

ДѢДУШКА.

У него описываютъ послѣднее имущество.

ХАМОВЪ.

Дѣйствительно! Еще рано по утру было обозначено въ предписаніи Полиціи....

ЮЛИНЪ, въ нетерпѣніи.

Ступайте, бѣгите! Остановите ихъ! Скажите, что нынче же всѣ долги господина Раева будутъ уплочены.

ХАМОВЪ.

Да чѣмъ, — позвольте спросить?

ЮЛИНЪ.

У нихъ больше состоянія нежели вы думаете.

ХАМОВЪ.

Неужели-съ? (*Кланясь Гришеву.*) Имѣю честь поздравить! Осмѣлюсь надѣяться, что вы не лишите вашего благорасположеннаго вниманія преданнѣйшаго и уважающаго....

ЮЛИНЪ.

Бѣгите, я вамъ сказалъ!...

ХАМОВЪ.

Прикажете взять извощика?

ЮЛИНЪ.

Все, что хотите, только ступайте!

ХАМОВЪ.

Исполню неминуемо!

ДѢДУШКА.

Пойдемъ и мы, Маша!

ЮЛИНЪ.

Останьтесь, прошу васъ! (*Слышенъ шумъ у дверей.*) Что это?

МАША.

Это Алексѣй Васильевичъ съ Петей!

ПЕТЯ, за дверью.

Дѣдушка, дѣдушка!

ДѢДУШКА.

Петя, Петя! зовите его!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢЖЕ, КАМСКІЙ И ПЕТЯ.

ДѢДУШКА, хочетъ бѣжать на встрѣчу, но чувствуя, что силы его не позволяютъ, падаетъ въ кресла.

Петя! (*Протягиваетъ къ нему руки.*)

ПЕТЯ, вскочивъ на колѣна.

Это я, дѣдушка!

ДѢДУШКА.

Бѣдняжка! (*Плачетъ отъ радости.*) А я ужъ думалъ, что никогда его не увижу.

ПЕТЯ.

Не плачь, дѣдушка! я вѣдь здѣсь! А безъ тебя я все молился Богу.... Вотъ и увидѣлъ тебя!... Богъ никогда не оставляетъ, кто ему молится! (*Показывая игрушку.*) Видишь, я еще не изломалъ ее....

ДѢДУШКА, играя съ нимъ.

Хорошо, хорошо.... Вотъ бѣда, еслибъ и изломалъ! Хе, хе, хе! Что ихъ беречь! Другія будутъ! Сейчасъ же пойдемъ въ лавки, выберемъ все, что намъ надо! Всего тебѣ накуплю!... Что *я*... Ты самъ себѣ купишь: да! у тебя съ сестрой есть теперь деньги!

ЮЛИНЪ.

А вамъ развѣ онѣ не нужны?

ДѢДУШКА.

А на что онѣ мнѣ?

ПЕТЯ.

Ну, такъ пойдемъ скорѣе, дѣдушка! Я тамъ видѣлъ казака на лошади, ты мнѣ купи его.

ДѢДУШКА, въ восторгѣ.

Куплю, куплю!

ПЕТЯ.

Да еще фарфоровую собачку.

ДѢДУШКА.

Все куплю! — Маша, я вѣдь тебя не забылъ, что ты тамъ прячешься! (*Указывая на Камскаго.*) Тебѣ я думаю не того надо? А! (*Юлину указывая на нихъ.*) Александръ! какъ ты думаешь?

ЮЛИНЪ.

О, я вполнѣ раздѣляю ихъ счастіе!

ДѢДУШКА.

Слышите, влюбленные! хе, хе, хе! Поди-тека сюда, я вамъ что то скажу. (*Они подходятъ; онъ беретъ ихъ за руки и вдругъ сталкиваетъ, чтобъ они поцѣловались,*) Ха, ха, ха! Небойсь, вкусно!

ПЕТЯ.

А помнишь, дѣдушка, вѣдь ты и живую собачку обѣщалъ?..

ДѢДУШКА.

И живую куплю!

ПЕТЯ, тащитъ дѣдушку къ публикѣ.

Вотъ какой у меня дѣдушка!

ДѢДУШКА, къ публикѣ.

Пѣсъ жить, или въ могилу?
Одно изъ двухъ, конечно, ждетъ....

(Закашливаясь.)

Нѣтъ! видно, пѣть мнѣ не подъ силу:
Пусть лучше Петя пропоетъ!

ПЕТЯ, публикѣ.

Когда довольны совершенно,
Когда вы не могли заснуть,
То дайте слово, непремѣнно
Еще на Дѣдушку взглянуть.
Рѣшать вамъ это такъ не ново —
Не затруднитесь никогда:
Ну, что жъ, даете ли мнѣ слово?
Не церемоньтесь, господа!

БІОГРАФІЯ

ВАСИЛЬЯ ИВАНОВИЧА

РЯЗАНЦЕВА.

Русскій Театръ, существующій еще такъ недавно, но богатый уже многими талантами во всѣхъ родахъ сценическаго искусства, не имѣлъ до сихъ поръ историка, и мы знаемъ только по именамъ тѣхъ артистовъ, которые нѣкогда составляли его украшеніе и дарованіями своими дѣйствовали на цѣлую массу публики. Имена Волкова, Шумскаго, Дмитревскаго, Троепольской, Плавильщикова, Шушерина, Воробьева, Сандуновой, Злова, Даниловой, Яковлева, Колосовой, Семеновыхъ и многихъ другихъ, живутъ еще въ памяти настоящаго поколѣнія; но намъ не извѣстны ни подробности ихъ жизни, ни то, какимъ образомъ они попали къ театру, и какъ велико было вліяніе ихъ на развитіе сценическихъ искусствъ въ Россіи. Свѣдѣнія эти могли бы быть однакоже интересны; и вотъ почему мы рѣшились передать читателямъ жизнеописанія нѣкоторыхъ изъ названныхъ нами выше артистовъ, въ ожиданіи, чтобъ перо болѣе искусное познакомило насъ ближе съ исторіею нашего Театра, а слѣдовательно и съ тѣми, которые составили, такъ сказать, его душу, дѣйствовали наиболѣе на его усовершенствованіе и довели сценическое искусство до того состоянія, въ какомъ оно находится нынѣ. Слѣдя постоянно и давно уже за успѣхами нашихъ театровъ, мы старались собрать свѣдѣнія объ артистахъ, отличавшихся наиболѣе своими талантами, и намъ удалось составить довольно богатый запасъ біографическихъ подробностей, которыми мы намѣрены подѣлиться съ читателями, надѣясь, что они примутъ снисходительно наши біографическіе очерки, въ достовѣрности коихъ мы можемъ смѣло ручаться. Въ 1837 году, мы уже напечатали біографію балетмейстера Карла Дидло, которая была написана вскорѣ послѣ его смерти. Нынѣ представимъ читателямъ краткую, но довольно полную, біографію Рязанцева, артиста, который еще недавно былъ однимъ изъ любимцевъ публики, и который талантомъ своимъ украшалъ нашу драматическую труппу.

Василій Ивановичъ Рязанцевъ родился въ Москвѣ въ 1800 году. Отецъ его принадлежалъ помѣщикамъ, гг. Усачевымъ, и получивъ отпускную, приписался къ мѣщанскому сословію. Первыя лѣта дѣтства Рязанцевъ провелъ въ отеческомъ домѣ, и на 18 году поступилъ въ приходское Никитское Училище, гдѣ, не смотря на свой живой, рѣзвой характеръ и на шалости, неразлучныя съ юношескимъ возрастомъ, учился довольно прилежно. Въ этомъ самомъ училищѣ былъ въ то время также и сынъ актера Куликова, занимающій теперь мѣсто режиссера нашей дра-

матической труппы. Рязанцевъ подружился съ Куликовымъ, хотя былъ старѣе его нѣсколькими годами, и защищалъ его часто отъ обидъ другихъ учениковъ. Куликовъ, въ благодарность за это, водилъ его иногда въ Театръ Любителей, бывшій въ то время на большой Никитской улицѣ, въ домѣ князя Юсупова, гдѣ отецъ его распоряжался всѣми спектаклями. Рязанцевъ скоро пристрастился къ этому, совершенно новому для него, удовольствію, и безпрестанно бредя о театрѣ, всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, въ который могъ посмотрѣть на актеровъ-аматеровъ; но онъ не долго могъ наслаждаться этимъ удовольствіемъ. Отецъ взялъ его изъ Никитскаго Училища и опредѣлилъ въ гимназію, гдѣ онъ не имѣлъ уже товарища, который бы водилъ его даромъ въ театръ, а не имѣя денегъ, не могъ даже въ воскресные дни покупать себѣ билета въ раекъ. Пробывъ въ гимназіи около двухъ лѣтъ, Рязанцевъ долженъ былъ оставить ее и опредѣлился сидѣльцемъ въ одномъ изъ магазиновъ Кузнецкаго Моста. Тамъ, не смотря на ежедневныя занятія свои по торговлѣ, онъ имѣлъ однако же довольно свободнаго времени, которымъ могъ располагать по своему произволу. Помня еще, какое удовольствіе доставляли ему театральныя представленія, въ которыя водилъ его Куликовъ, онъ познакомился съ однимъ изъ актеровъ вольнаго театра, дававшаго свои представленія за Москвою рѣкою, близъ Калужскихъ воротъ, и сталъ ходить туда, не пропуская ни одного спектакля. Скоро всѣ члены этой труппы любителей, состоявшей изъ сидѣльцевъ и купцевъ, сдѣлались пріятелями Рязанцева, и пригласили его участвовать въ ихъ спектакляхъ. Рязанцевъ былъ внѣ себя отъ радости, справился довольно удачно съ первою ролью, которая была назначена ему ареопагомъ артистовъ-любителей, и потомъ сталъ довольно часто являться въ комедіяхъ, драмахъ и трагедіяхъ, играя безъ разбора всѣ роли, какія ему попадались.

Такъ прошелъ годъ. Около этого времени, не знаемъ по какому случаю, одинъ изъ главныхъ чиновниковъ Московской Театральной Дирекціи, г. Сухаруцкій, узналъ Рязанцева. Стараніями его, юный любитель театра былъ помѣщенъ въ Театральную Школу и, кромѣ того, ему было назначено по 100 руб. въ годъ жалованья. Рязанцевъ, имѣвшій довольно порядочный голосъ, сталъ прилежно учиться пѣнію и дѣлалъ въ немъ хорошіе успѣхи; между тѣмъ, его, какъ и всѣхъ другихъ воспитанниковъ, посылали довольно часто въ театръ на выходъ*; это придало ему развязность и пріучило къ сценѣ, по которой онъ могъ наконецъ ходить свободно, что совсѣмъ не такъ легко, какъ многіе полагаютъ; надобно долго и много разгуливать по сценѣ, чтобъ пріучить ноги къ ея косому полу, который отъ передней рампы постепенно возвышается до послѣднихъ кулисъ и составляетъ съ нею уголъ почти до 25 градусовъ. Но обратимся къ Рязанцеву: до сихъ поръ всѣ сценическіе его подвиги ограничивались только тѣмъ, что онъ подавалъ иногда письма, переставлялъ стулья, или являлся въ толпѣ хористовъ. Въ 1820 году, въ первый разъ, дали ему роль вѣстника въ драмѣ: Густавъ Ваза; вся эта роль состояла въ трехъ словахъ: «Датскіе драгуны приближаются!» Но Рязанцевъ сказалъ ихъ такъ удачно и вышелъ на сцену такъ смѣло, что публика проводила его громкими рукоплесканіями.

Послѣ этого перваго дебюта, Шведскій вѣстникъ, такъ удачно провозгласившій о приближеніи Датскихъ драгунъ, долго отдыхалъ на лаврахъ, приготовляясь, между тѣмъ, къ роли Тарабара въ операѣ Русалка, и училъ мазуркѣ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ знакомыхъ сидѣльцевъ, платившихъ ему за это яблоками и другими лакомствами. Здѣсь не мѣсто разсказывать всѣ тѣ уморительныя шутки и проказы, которыя позволялъ себѣ Рязанцевъ надъ этими бѣдными тружениками танцовальнаго искусства; довольно будетъ, если мы замѣтимъ, что Рязанцевъ всегда отличался веселостью характера и, не смотря на шалости, былъ любимъ своими начальниками и товарищами.

Но приближалось время, когда Рязанцевъ долженъ былъ показать, чего могъ ожидать отъ него Театръ. Въ 1823 году пріѣхала въ Москву знаменитая паша пѣвица Сандунова;

---

* Техническое театральное слово: быть на выходѣ, значитъ, не занимая ни какой роли, являться на сцену въ числѣ гостей, слугъ и проч.

для перваго спектакля, въ коемъ она хотѣла выйти на сцену, избрала она извѣстную оперу Cosa-Rara, Рѣдкая вещь; но Дирекція затруднялась въ ея постановкѣ, не имѣя артиста для исполненія партіи Тита. Сандунова отправилась въ Театральную Школу, чтобъ посмотрѣть, не найдетъ ли въ числѣ воспитанниковъ кого нибудь, кто бы могъ справиться съ этою партіею. Услышавъ Рязанцева, она остановила его на первыхъ нотахъ и сказала: «Вотъ мой Титъ; лучшаго мнѣ не надобно.» Рязанцевъ въ нѣсколько дней приготовилъ партію, ему назначенную, и исполнилъ, какъ ее, такъ и самую роль, къ совершенному удовольствію многочисленной публики, собравшейся въ этотъ день въ театръ.

Съ этой минуты начались постоянные успѣхи Рязанцева, которыми онъ не переставалъ пользоваться во все продолженіе своего сценическаго поприща. Въ 1824 году, былъ онъ выпущенъ изъ школы, съ обязанностію прослужить при Московскомъ Театрѣ не менѣе пяти лѣтъ, и съ этого времени почти каждый день сталъ являться на сценѣ, которая пріобрѣла въ немъ дѣятельнаго и талантливаго артиста. Кромѣ оперъ, игралъ онъ довольно часто въ комедіяхъ и водевиляхъ, роли принадлежавшія къ совершенно-различнымъ амплуа и всегда исполнялъ ихъ отчетливо и умно; въ игрѣ его было много натуральности и простоты; онъ обладалъ искусствомъ смѣшить и, прибѣгая къ фарсамъ, умѣлъ придавать каждому слову настоящее его значеніе, и съ удивительною способностію усвоивалъ себѣ всѣ качества представляемаго имъ лица. И это дѣлало его отличнымъ комическимъ актеромъ, и съ каждымъ днемъ вниманіе къ нему публики усиливалось, такъ, что онъ скоро сдѣлался однимъ изъ ея любимцевъ.

Талантъ этого артиста, достойно оцѣненный въ Москвѣ, сдѣлался извѣстенъ и въ Петербургѣ. Пять лѣтъ, которыя онъ долженъ былъ прослужить при Московскомъ Театрѣ, подходили къ концу, и Рязанцевымъ овладѣло сильное желаніе перейти на Петербургскую сцену, славившуюся многими отличными талантами и представлявшую сценическому его поприщу несравненно большій объемъ. Желаніе это поддерживалъ въ немъ знаменитый нашъ артистъ, И. И. Сосницкій, который, въ неоднократные пріѣзды свои въ Москву, имѣлъ возможность оцѣнить вполнѣ Рязанцева, какъ актера, и познакомясь съ нимъ короче, полюбилъ его, какъ человѣка. Много предстояло препятствій къ переходу съ одного Императорскаго Театра на другой; Москва не хотѣла уступить Петербургу своего любимца; ей было жаль разстаться съ тѣмъ, кто доставлялъ ей такъ часто и такъ много пріятныхъ минутъ; но не смотря на это, желаніе Рязанцева исполнилось; комитетъ, управлявшій въ то время С. Петербургскими Императорскими Театрами, ангажировалъ его къ Петербургскому Театру на три года, съ жалованьемъ по 4000 руб. и однимъ бенефисомъ въ годъ.

Въ концѣ февраля 1828 года, Рязанцевъ прибылъ въ Петербургъ. Въ продолженіе Великаго поста приготовлялся онъ къ дебютамъ, и въ апрѣлѣ явился въ первый разъ на Петербургской сценѣ, въ комедіи *Ошибка* и въ водевилѣ *Сужепаго конемъ не обьѣдешь;* въ первой занималъ онъ роль *Балобанова*, во второмъ роль гусара *Бранта*. Дебютъ этотъ, и послѣдующіе за нимъ, были очень блистательны. Рязанцевъ исполнилъ всѣ роли, избранныя имъ, какъ нельзя лучше, и публика приняла его съ восторгомъ. По окончаніи трехъ дебютовъ, Рязанцевъ сталъ постоянно играть въ операхъ, комедіяхъ и водевиляхъ. Роли *Богатонова*, въ комедіи этого имени, *Шумскаго* въ дебютѣ Троепольской — въ Благородномъ Театрѣ, *садовника* Антоніо въ Свадьбѣ Фигаро, *Битермана* въ Двухъ запискахъ, *Тарабара* въ Русалкѣ, *слуги* въ Мужѣ и любовникѣ, *Фамусова* въ Горе отъ ума, и множество другихъ, которыя всѣ были сыграны съ отличнымъ искусствомъ, упрочили славу Рязанцева и сдѣлали его любимцемъ Петербургской публики, видѣвшей въ немъ артиста, одареннаго истиннымъ талантомъ, и расточавшей ему похвалы и рукоплесканія.

Тихо и спокойно жилъ Рязанцевъ въ Петербургѣ, ласкаемый публикой, счастливый своими успѣхами и любимый товарищами, которые видѣли въ немъ человѣка добраго, простодушнаго, прямаго, и съ удовольствіемъ принимали въ свой небольшой кругъ. Такъ

насталъ 1831 годъ, годъ бѣдствія и плача для Петербурга и цѣлой Россіи; годъ, въ который ужасная язва должна была похитить столько жертвъ, разрушить столько надеждъ и доставить смерти такой богатый пиръ. Холера обнаружилась въ Петербургѣ съ ужасною силою; всѣ публичныя увеселенія прекратились, паконецъ и театры были закрыты. Бо́льшая часть жителей, пораженные страхомъ, заперлись въ домахъ своихъ, показываясь на улицахъ опустѣвшаго города только въ случаѣ крайней необходимости. Но были и такіе, которые, не вѣря опасности, угрожавшей всѣмъ и каждому, или пренебрегая ею, смѣялись надъ предосторожностями, предписанными опытомъ и знаніемъ, и придерживаясь пословицы «здоровому все здорово,» не хотѣли ни въ чемъ отступить отъ своихъ обыкновенныхъ привычекъ. Къ числу этихъ людей принадлежалъ, по несчастію, и Рязанцевъ; свободный отъ занятій по Театру, онъ хотѣлъ вполнѣ воспользоваться чудеснымъ лѣтомъ, которое въ этотъ роковой годъ досталось на долю Петербургу, и проводилъ цѣлые дни за городомъ на дачахъ у своихъ знакомыхъ. Тамъ, въ дружескихъ бесѣдахъ, онъ часто смѣялся надъ ужасной язвой, поражавшей тысячи жертвъ, и увѣрялъ, что ей не подъ силу справиться съ такимъ здоровякомъ, какъ онъ, не наблюдалъ должной осторожности въ пищѣ и питьѣ; но, напротивъ, по какому-то пагубному заблужденію, дѣлалъ все, что могло развить въ немъ страшную болѣзнь. Іюня 27 отправился онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей въ Екатерингофъ, пробылъ тамъ цѣлый день, былъ веселъ, шутливъ, забавенъ, какъ всегда, и поздно вечеромъ возвратился въ городъ. Въ ночь почувствовалъ онъ себя сильно нездоровымъ, и скоро обнаружились въ немъ всѣ признаки самой жестокой холеры. По первому объ этомъ извѣстію, И. И. Сосницкій, любившій Рязанцева, какъ брата, прибѣжалъ къ нему; но всѣ попеченія дружбы, всѣ пособія искусства остались напрасны; смерть обрекла его уже себѣ въ жертву, и онъ, послѣ ужаснѣйшихъ мученій, продолжавшихся около сутокъ, скончался 28 іюня, на 31 году отъ рожденія.

Въ В. И. Рязанцевѣ Русскій Театръ нашъ понесъ невозвратимую потерю: до сихъ поръ еще никто не могъ замѣнить его, и многія піесы, въ коихъ онъ былъ превосходенъ, не являются уже на сценѣ со времени его смерти. Какъ артистъ, онъ былъ неподражаемъ въ роляхъ комическихъ, умѣлъ обрисовывать ихъ совершенно по своему, зналъ тайну придавать интересъ положеніямъ самымъ обыкновеннымъ, и часто одно его слово заставляло смѣяться до слезъ. Какъ человѣкъ, онъ былъ добръ, прямодушенъ, и хотя, какъ всѣ смертные, имѣлъ слабости, но всегда отличался честностью, помнилъ добро, ему оказанное, не заботился о пріобрѣтеніи состоянія, и лучшимъ богатствомъ почиталъ нѣсколькихъ друзей, любившихъ его истинно. Рязанцевъ похороненъ на Холерномъ кладбищѣ за Нарвскими воротами, куда, не смотря на ужасную эпоху, въ которую онъ умеръ, проводили его всѣ друзья его и многіе изъ тѣхъ, которые любили и почитали его, какъ артиста.

Н. МУНДЪ.

ХРОНИКА

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

СЪ 15 НОЯБРЯ ПО 15 ДЕКАБРЯ 1839 ГОДА.

1. БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ г-жи Тальони, 28 ноября.

Тѣнь, большой балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ, вновь сочиненный балетмейстеромъ г. Тальони; музыка капельмейстера г. Маурера; новыя декораціи гг. Федорова, Сѣркова, Шеніана и Роллера; всѣ машины изобрѣтенія г. Роллера; новые костюмы г. Матье. *(Въ первый разъ).*

Кавалеръ Лоредапъ, вельможа двора герцога Гаэтано, какого-то владѣтельнаго князя, любилъ графиню Анжелу и взаимно былъ любимъ ею; счастіе имъ улыбалось; не доставало только согласія герцога на ихъ бракъ. Лоредапъ явился къ Гаэтано, и готовился уже высказать ему свои намѣренія, но предупрежденъ былъ предложеніемъ самого герцога. Дочь его, герцогиня Евдоксія, влюбленная въ Лоредана, призналась герцогу въ своей страсти, и нѣжный отецъ, покорный желаніямъ Евдоксіи, далъ обѣщаніе соединить ее съ кавалеромъ. Какъ же былъ онъ удивленъ, когда въ сердцѣ подданнаго встрѣтилъ препятствіе въ своихъ намѣреніяхъ. Онъ поклялся погубить графиню Анжелу. Давъ Лоредану притворное согласіе на бракъ съ Анжелой, онъ приказалъ дочери, во время свадебнаго пира, вручить невѣстѣ букетъ цвѣтовъ, отравленный ядомъ. Приказаніе герцога было исполнено. Анжела, во время танцевъ, упоенная запахомъ букета, вдохнула въ себя ядъ, и умерла.

Вотъ вступленіе въ сюжетъ балета *Тѣнь*. При началѣ его Анжелы уже не существуетъ. Смерть ея поразила Лоредана, разстроила его здоровье, лишила его покоя и радостей; однако жъ онъ не подозрѣваетъ въ герцогѣ и Евдоксіи виновниковъ смерти своей невѣсты. Герцогъ по прежнему съ нимъ ласковъ и милостивъ; герцогиня заботится о его здоровьѣ, старается развлечь его печаль, окружаетъ его удовольствіями, прельщаетъ его красотой и любезностью. Лоредапъ готовъ уже измѣнить памяти первой своей невѣсты, но предъ нимъ является тѣнь Анжелы, и предостерегаетъ его отъ обольщеній недостойной герцогини. Лоредапъ, принявъ цѣлебное питье изъ рукъ Евдоксіи, засыпаетъ и видитъ сонъ. Этотъ сонъ представляетъ ему все случившееся на яву: приготовленіе Анжелы къ вѣнцу, свиданіе его съ герцогомъ, притворное согласіе Гаэтано на бракъ его съ Анжелой, свадебный пиръ и наконецъ отравленіе его невѣсты. Съ

пробужденіемъ Лоредана, возбуждается въ немъ жестокое подозрѣніе въ дѣйствительности видѣннаго имъ сна: герцогъ и Евдоксія дѣлаются ему ненавистны. Напрасно уже герцогини хлопочетъ о празднествахъ: Лоредана ничто не радуетъ; одна радость его — тѣнь Анжелы, которая нигдѣ его не покидаетъ, всюду за нимъ слѣдуетъ, не допускаетъ до измѣны его сердце. Онъ разсказываетъ Евдоксіи ужасный свой сонъ — Евдоксія старается разсѣять его сомнѣнія; но тѣнь Анжелы является предъ Лореданомъ и снова предостерегаетъ его отъ обмана. Онъ садится подлѣ Евдоксіи, которая работаетъ за самопрялкою, и хочетъ подать ей розу, — тѣнь является на колесѣ самопрялки и вырываетъ цвѣтокъ изъ рукъ Лоредана. Онъ остается одинъ въ саду, — тѣнь порхаетъ по цвѣтамъ, обвиваетъ его станъ руками, выражаетъ ему любовь свою; тщетно Лоредано старается поймать ее: она неуловима, она перелетаетъ къ озеру, скользитъ по быстрому потоку; то спорхнетъ опять на цвѣты, то появится снова на шумной волнѣ. Звукъ трубъ даетъ знакъ Лоредану о началѣ праздника, назначеннаго по случаю его выздоровленія; съ горестью онъ идетъ переодѣться. Тѣнь Анжелы показывается на озерѣ и плачетъ объ утратѣ Лоредана; но повелитель воздушныхъ геніевъ является предъ нею, утѣшаетъ ее счастливой будущностью, и улетаетъ съ нею въ колесницѣ.

Торжество начинается. Музыканты, стражи, пажи, знаменосцы, вельможи, придворныя дамы являются въ великолѣпную залу герцогскаго дворца. Герцогъ на тронѣ; подлѣ него Лоредано и Евдоксія. Тѣнь Анжелы и тутъ представляется взорамъ кавалера, желая отвратить его отъ пагубныхъ намѣреній герцога. Гаэтано объявляетъ, послѣ танцевъ, что празднество это назначено имъ для названія Лоредана супругомъ его дочери и наслѣдникомъ трона. Герцогъ и Лоредано подписываютъ актъ наслѣдства. Евдоксія беретъ перо, чтобъ подписать свадебный актъ, вдругъ тѣнь, спускаясь надъ столомъ, вырываетъ изъ ея руки перо... Евдоксія съ ужасомъ удаляется отъ стола, но ободренная отцомъ, снова беретъ перо и приближается къ столу. Въ эту минуту тѣнь, уже видимая Евдоксіею, является и становится подлѣ нея, держа въ рукѣ тотъ самый букетъ цвѣтовъ, которымъ была отравлена. Она подаетъ его Евдоксіи, и та, вдохнувъ въ себя запахъ букета, падаетъ въ объятія герцога, и умираетъ. Землетрясеніе сокрушаетъ замокъ, и подъ развалинами его погибаютъ Гаэтано и Евдоксія. Внезапно развалины замка превращаются въ великолѣпный садъ повелителя геніевъ; тѣнь, содѣлавшаяся опять графинею Анжело, украшенная букетомъ и вѣнкомъ новобрачной, невидимой силой несется съ Лореданомъ къ тропу своего покровителя. Они упадаютъ къ ногамъ его. Геній ихъ поднимаетъ и соединяетъ.

Обстановка балета *Тѣни* великолѣпна до невѣроятности. Представить себѣ этой роскоши невозможно. Надобно видѣть этотъ балетъ, чтобъ постигнуть высокое искусство нашихъ декораторовъ, машинистовъ и костюмеровъ, чтобъ имѣть понятіе о поэзіи танцевъ и мимикѣ г-жи Тальони, чтобъ узнать все достоинство таланта ея отца. Дирекція С. Петербургскихъ Театровъ, не щадящая ни трудовъ, ни денегъ для славы Императорскаго Театра, поставила теперь балетъ нашъ на степень совершенства; равныхъ ей средствъ, равнаго ей богатства нельзя найти ни на одномъ изъ первыхъ Европейскихъ театровъ. Все хорошо въ балетѣ *Тѣни*: гг. Роллеръ, Федоровъ, Сѣрковъ и Шепіани являются предъ вами истинными художниками; музыка г. Маурера плѣняетъ вашъ слухъ усладительными мотивами и мелодической оркестровкою; живописныя группы кор-де-балета, мимическая прекрасная игра г. Гольца (въ роли Лоредана), граціозные танцы г. Гредлю и г-жъ Смирновой, Андріановой 2-й и воспит. Шлефохтъ — прельщаютъ, занимаютъ васъ; но все это помрачается, упадаетъ предъ г-жею Тальони. Межъ всѣми талантами — она красота, межъ всѣми сокровищами — она безцѣнный бриллиантъ. Она восхищала васъ въ Сильфидѣ, въ Дѣвѣ Дуная, въ Хитанѣ, всегда и во всемъ удивляла васъ, и оставляла вамъ пріятнѣйшія воспоминанія о своемъ чистомъ, поэтическомъ искусствѣ; но если вы не видали ее въ *Тѣни*, вы еще не знаете всей силы таланта г-жи Тальони. Въ *Тѣни* она васъ изумитъ, очаруетъ, доставитъ вамъ истинное наслажденіе.

Ступайте же смотрѣть *Тѣнь*, ступайте любоваться перломъ этого балета — г-жею Тальони, и богатствомъ его обстановки; только запасайтесь заранѣе билетомъ, — не то, никогда вамъ не видать *Тѣни*, никогда во всемъ другомъ не видать вамъ и тѣни этой *Тѣни*.

Спектакли дирекции 26 ноября.

Водовозъ, или *двухъ-дневное приключеніе*, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго; музыка, соч. г. Херубини. *(Въ первый разъ по возобновленіи).*

Наши дѣды и отцы всегда съ восторгомъ говорили объ оперѣ *Водовозъ*: они восхищались и прекраснымъ ея сюжетомъ, и превосходной музыкой, и игрою бывшихъ знаменитыхъ Русскихъ артистовъ: Злова, Самойлова, Климовскаго, Сандуповой и Семеновой. Дѣйствительно, у насъ мало на сценѣ такихъ оперъ, которыя имѣли бы такой занимательный драматическій сюжетъ, какъ *Водовозъ*, въ которыхъ музыка, какъ въ немъ, соотвѣтствовала бы тексту и такъ бы была свѣжа и пріятна: она не состарѣлась въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ, и восхищаетъ насъ до-нынѣ. Мы не помнимъ уже игры Злова въ ролѣ Водовоза; старики говорятъ, что онъ въ ней былъ совершенепъ. Намъ привелось, однако жъ, видѣть въ этой роли покойнаго В. М. Самойлова; онъ былъ также чрезвычайно хорошъ: пѣніе его западало въ душу; игра его соотвѣтствовала характеру добраго Микели, согрѣта была чувствомъ, украшена натурою. Въ роли графа Арманда мы видѣли прежде гг. Бѣшенцова и Рамазанова; въ роли Констанціи, Шелихову 1-ю; всѣ они, какъ говорятъ наши старички, были гораздо ниже Климовскаго и Сандуповой. — При настоящемъ возобновленіи *Водовоза*, въ первый разъ играли роли: Микели г. Петровъ, графа г. Леоновъ; прочіе роли исполнены были артистами, уже появлявшимися до сего въ этой оперѣ: г-жа Шелихова 1-я играла Констанцію, г. Байковъ Данінла, г. Шемаевъ Антоніо, г-жа Марсель Маркелину, г. Громовъ Симона, г-жа Сосновская Ангелику, и проч., и проч. — Мы съ любопытствомъ посматривали, во время представленія оперы, на старичковъ, которыхъ въ этотъ разъ собралось много въ театрѣ: они частенько покачивали головами, дѣлали недовольныя мины, вздыхали, шептали: не то, не такъ... и по нашему мнѣнію, въ пынѣшній разъ не такъ-то ладно шла эта опера. Г. Петровъ пѣлъ хорошо, съ душею, но игра его была нѣсколько натянута, не совсѣмъ натуральна для характера простаго водовоза Микели. У г. Леонова также прошло пѣніе довольно исправно, а игра неудовлетворительно. Только г-жа Шелихова 1, и особенно г. Шемаевъ, были на своихъ мѣстахъ, такими, какъ должны быть Констанція и Антоніо; прочія за тѣмъ роли были исполнены ниже посредственности; хоры, однако жъ, спѣты очень хорошо, и опера все таки имѣла успѣхъ. Языкъ въ ней слишкомъ ужъ устарѣлъ; не мѣшало бы его поисправить; за то музыка г. Херубини такъ пріятна, такъ чудно-оркестрована, такъ глубока идеями, что будетъ нравиться и правнукамъ нашимъ, точно такъ же, какъ дѣдамъ нашимъ и отцамъ.

---

2. АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ г-жи Валберховой, 15 ноября.

Герцогская корона, или *Любовь и честолюбіе*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго П. И. Валберхомъ. — *Каспаръ Гаузеръ*, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго П. И. Валберхомъ. — *Новички въ любви*, оригинальная комедія-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, соч. И. А. Коровкина. *(Всѣ три въ первый разъ).*

Французскій водевиль: *Duchesse*, переначенный по Русски въ комедію съ длиннымъ названіемъ: *Герцогская корона*, или *Любовь и честолюбіе*, не имѣетъ ни новой завязки, ни вѣрныхъ характеровъ. Дѣло въ томъ, что г-жѣ Герво, женщинѣ съ глупымъ честолюбіемъ, чрезвычайно хочется произвесть свою дочь, Каролину, въ герцогини, тогда какъ Каролина влюблена просто въ Евгенія де Морни, и взаимно имъ любима. Г-жа Герво ловитъ всевозможными, даже непозволительными для порядочной женщины, средствами себѣ въ зятья стараго герцога д'Еркура, почти достигаетъ цѣли, и готова сдѣлать

дочь свою несчастною; но все кончается благополучно: открывается, что Евгеній де Морни побочный сынъ герцога, который дѣлаетъ его наслѣдникомъ своихъ богатствъ и титловъ, и соединяетъ его съ Каролиной.

Піеса эта, при исчисленныхъ выше недостаткахъ, еще растянута и суха; она имѣла весьма малый успѣхъ, не смотря на отчетливую прекрасную въ ней игру г-жъ Валберховой и Асенковой и гг. Григорьева 1-го, Самойлова и Каратыгина 2-го.

— *Каспаръ Гаузеръ*, драма съ преуродливымъ сюжетомъ, состряпанная въ кухнѣ Французской литературы гг. Буржуа и Деннери. Разсказывали когда-то, что въ Германіи отысканъ былъ мальчикъ, который заключенъ былъ съ самаго рожденія въ тюрьму, и проживъ въ ней, съ помощью добраго человѣка, доставлявшаго ему пищу, восемнадцать лѣтъ, не слыхалъ людскаго голоса. Лице это интересно; явись мастеръ своего дѣла, развей исторію Каспара, составь для драмы дѣльные характеры—піеса вышла бы занимательна и эффектна; но гг. Буржуа и Деннери рѣшительно изуродовали бѣднаго Каспара, выучили его не совсѣмъ красно говорить, окружили его такими злодѣями, какихъ не можетъ существовать въ мірѣ, такими помощниками, которые смѣшатъ своею серьозностью. Не мудрено же, что *Каспаръ Гаузеръ* не имѣлъ успѣха; этому еще помогъ и г. Леонидовъ исполненіемъ роли Каспара. Всѣ прочіе артисты, участвовавшіе въ драмѣ, играли какъ-то не хотя, даже г. Каратыгинъ 1-й не слишкомъ былъ твердъ въ роли Шварца. Признаться, жаль было и видѣть нашего перваго трагика въ этой неестественной роли. Жаль намъ было и П. И. Валберха, который, переведя двѣ піесы: комедію въ двухъ актахъ и драму въ четырехъ, употребилъ напрасно для этого труда безцѣнное время.

— За двѣ скучныя, длинныя піесы, публика наконецъ вознаграждена была въ бенефисъ г-жи Валберховой водевилемъ Н. А. Коровкина: *Новички въ любви*.

Завидовъ воспиталъ въ своемъ домѣ двухъ сиротокъ-сестеръ, дочерей пріятеля своего, Полиньку и Варинькy. Дѣвушки жили всегда въ деревнѣ Завидова, и выросли, не видя почти свѣта, не встрѣчая порядочныхъ людей. Сдѣлавшись уже невѣстами, онѣ не измѣнили своихъ характеровъ и остались совершенными дѣтьми. Въ отсутствіе Завидова, уѣзжавшаго по дѣламъ изъ деревни, дѣвушки оставались дома, подъ наблюденіемъ сестры Завидова, и въ первый разъ увидали молодаго человѣка, Незабудкина, кончившаго курсъ въ университетѣ и прибывшаго погулять въ деревню. Онъ явился въ домъ Завидова, какъ сынъ его сосѣда и пріятеля, увидалъ дѣвушекъ, сталъ ѣздить къ нимъ чаще, занималъ ихъ играми, разсказами, и влюбился по уши въ Варинькy. Первая любовь сдѣлала его такимъ робкимъ, что онъ не только не осмѣливался открыться въ любви предмету своей страсти, но не смѣлъ даже произнесть ея имени, краснѣлъ въ ея присутствіи и даже при ея имени, и сталъ показывать по наружности болѣе расположенія къ Полинькѣ. — Завидовъ пріѣзжаетъ домой; дѣвушки безпрерывно говорятъ ему о Незабудкинѣ. Завидовъ не подозрѣваетъ ничего. Надобно сказать вамъ, что этотъ человѣкъ, въ продолженіе своей жизни, десять разъ сбирался жениться и отъ всѣхъ невѣстъ получалъ отказы. Страсть его къ женитьбѣ не остыла даже съ появленіемъ сѣдыхъ волосъ; чтобъ попапрасну не рыскать по свѣту и искать невѣстъ, онъ задумалъ выбрать себѣ жену изъ своихъ воспитанницъ. Которую же? Обѣ хороши, милы, любезны... давай, женимся на старшей. Завидовъ дѣлаетъ предложеніе Полинькѣ; она въ восторгѣ: у нея будетъ мужъ, и кто же, папа? Завидовъ дивится успѣху своего намѣренія; наконецъ онъ будетъ женатъ. Полинька, всегда трунящая надъ сестрою, хвастается теперь предъ нею, что она выходитъ замужъ, не говоря, однако жъ, по условію съ Завидовымъ, за кого. Въ это время горничная, Даша, приноситъ отъ Незабудкина записку въ стихахъ; эту записочку онъ велѣлъ отдать ея барышнѣ, а которой, не сказалъ. Полинька, по привычкѣ, принимаетъ записку на свой счетъ; въ ней Незабудкинъ открывается въ любви. Полинька въ восторгѣ отъ любви молоденькаго, хорошенькаго мужчины, и преплавно разсказываетъ все Завидову. Того какъ обухомъ по головѣ! Еще потерянная невѣста! Онъ грозитъ мщеніемъ Незабудкину; но, облумавъ хорошенько, находитъ, что

Полинька ему и не пара, она слишкомъ ветрена. При встрѣчѣ съ Незабудкинымъ, онъ соглашается на бракъ съ предметомъ его страсти; выходитъ Полинька, и Завидовъ называетъ ее невѣстой Незабудкина. И этого какъ обухомъ по головѣ! Отказаться совѣстно, да и не достаетъ духу. Оставшись одинъ, онъ не знаетъ, на что рѣшиться, какъ вдругъ является Варинька; слово за слово и, послѣ ужасныхъ усилій, онъ осмѣливается наконецъ сказать ей, что онъ любитъ ее; выходитъ, что къ ней писана была записка. Варинька не знаетъ, что дѣлать отъ радости, и сбирается въ свою очередь подсмѣяться надъ сестрою. Является Завидовъ; увидя Варинькуодну, онъ готовъ уже сдѣлать ей предложеніе, какъ вдругъ узнаетъ, что и она уже занята Незабудкинымъ. Еще потеря невѣсты! Двѣнадцатая! Да это ужасъ! Это явный разбой! Шалунъ, просто мальчишка, объясняется въ одно время въ любви двумъ сестрамъ и отбиваетъ невѣстъ у почтеннаго человѣка! Завидовъ клянется вытолкать изъ своего дома этого безнравственнаго повѣсу! Грозно встрѣчаетъ онъ Незабудкина, но узнаетъ, что онъ и не думалъ вовсе любить Полиньки; идолъ его сердца — другая; одна робость помѣшала ему открыться прежде въ этомъ Завидову. Дѣло слажено: теперь Незабудкинъ женихъ Варинькн. Прибѣгаетъ Полинька и, какъ невѣста, уже адресуется къ Незабудкину. О, стыдъ! о, униженіе! Сестра ея предпочтена! Полинька не намѣрена отставать отъ сестры, и непремѣнно хочетъ сама выйти замужъ. Прежнее предложеніе Завидова кстати; она готова быть его женою, но прежде хочетъ сравнить его съ Незабудкинымъ; посмотрѣвъ на того и на другаго, она находитъ, что Завидовъ старъ, не хорошъ, тогда какъ женихъ Варинькн молодъ, прекрасенъ! Полинька не хочетъ ужъ быть женой Завидова, и бѣдный женихъ получаетъ отказъ отъ тринадцатой невѣсты!

Вообще водевиль: *Новички въ любви* очень забавенъ, новъ по вымыслу, игривъ съ начала до конца, и можетъ служить новымъ доказательствомъ истиннаго таланта автора этой піесы, И. А. Коровкина. Нѣкоторые люди находятъ, что характеры Полиньки, Варинькн и Незабудкина нѣсколько утрированы; что шестнадцатилѣтнія дѣвушки не могутъ быть дѣтьми, не могутъ заниматься дѣтскими играми; что робость Незабудкина вовсе неестественна. Пустыя придирки. Дѣвушки, воспитанныя въ деревнѣ, подъ надзоромъ няни, не видавшія свѣтскихъ примѣровъ, не научившіяся отъ опытныхъ подругъ всѣмъ тонкостямъ женскаго кокетства, непремѣнно должны остаться съ дѣтскими манерами и со вступленіемъ въ возрастъ невѣстъ. Молодой человѣкъ, только-что кончившій ученье, узнавшій въ первый разъ чувство любви, и безъ того уже по характеру скромный, по всей вѣроятности, въ присутствіи любимаго предмета и даже при разговорахъ о немъ, будетъ и краснѣть, и мѣшаться въ словахъ. Посмотрите этотъ водевиль, и вы, вѣрно, согласитесь съ нами, что авторъ исполнилъ свое дѣло прекрасно. Развѣ скорѣй въ томъ только можно его обвинить, что онъ женитъ студента, еще нигдѣ не служившаго; но въ свѣтѣ бывали и такіе примѣры.

Роли Полиньки и Варинькн совершенно равносильны. Первую изъ нихъ занимала г-жа Асенкова, вторую г-жа Самойлова 2-я. Отдавая полную справедливость таланту г-жи Самойловой 2-й, которая очень мило выполнила свою роль, мы должны сказать откровенно, что въ этомъ водевилѣ талантъ г-жи Асенковой показалъ преимущество предъ г-жею Самойловой. По настоящему, оно и должно быть такъ: г-жа Асенкова давно на сценѣ, слѣдовательно, уже ознакомилась со всѣми условіями театра; малѣйшее отступленіе г-жи Асенковой отъ роли, малѣйшая невнимательность ея къ своему искусству, должны строже взыскиваться публикой, нежели съ другой артистки, еще недавно поступившей на сцену.

Впрочемъ, отдавая преимущество г-жѣ Асенковой, въ роли Полиньки, мы вовсе не хотимъ унизить дарованія г-жи Самойловой. Г-жа Самойлова имѣетъ неподдѣльный талантъ; появленіе ея на сценѣ Александрійскаго Театра приноситъ несомнѣнную пользу Дирекціи, истинное удовольствіе публикѣ, но г-жа Самойлова еще молода, еще не свыклась съ требованіями сцены; у ней есть нѣкоторыя, не совсѣмъ пріятныя, привычки, нѣкоторые недостатки, напримѣръ, при пѣніи

куплетовъ, она безпрестанно качаетъ головой, нерѣдко горбится, часто дѣлаетъ неумѣстные скачки, въ веселыхъ разсказахъ всегда почти серьозна. Отъ этихъ недостатковъ избавиться ей легко, если она будетъ прилежнѣе, внимательнѣе къ своему искусству. Это совершенство пріобрѣтается, однако же, не иначе, какъ опытностью, и слѣдовательно, г-жа Асенкова должна имѣть предъ нею сценическое преимущество. Въ этомъ-то преимуществѣ мы удостовѣрились въ водевилѣ *Новички*, гдѣ авторъ, какъ нарочно, слѣлалъ двѣ равносильныя роли.

Посмотрите, съ какимъ дѣтскимъ простосердечіемъ г-жа Асенкова восхищается, что выйдетъ замужъ прежде сестры! Съ какою наивностью она поетъ куплетъ, что Варинька съ досады пойдетъ и побранится съ нянькой!

Странное дѣло, однако жъ: съ недавняго времени, *нѣкоторые* театральные рецензенты начали находить недостатки въ талантѣ г-жи Асенковой, придираться почти къ каждой ея ролѣ и упрекать за то, что она часто является въ мужскихъ роляхъ; какъ будто выборъ ролей отъ нее зависитъ! По нашему мнѣнію, мужеской костюмъ нисколько не унижаетъ ея таланта: она въ немъ такъ же прекрасна, какъ и въ женскомъ. Публика принимаетъ ее, и въ томъ и въ другомъ, съ одинаковымъ восторгомъ. Талантъ г-жи Асенковой разнообразенъ; она хороша и въ драмѣ, и въ комедіи, и въ водевилѣ. Истину этого подтвердятъ сыгранныя ею роли, которыя она выполнила, какъ художница своего дѣла, напримѣръ, въ драмахъ: *Мальвина, Эсмеральда, Велизарій, Гамлетъ, Уголино*; въ комедіяхъ: *Три султанши, Адольфъ* и *Клара, Влюбленный братъ, Деревенская простота*; въ водевиляхъ: *Отецъ, какихъ мало, Русскіе въ Баденѣ, Жена, какихъ много, Полковникъ старыхъ временъ, Тереза* и проч., и проч. Эти роли утвердили славу г-жи Асенковой, и достоинства ея не могутъ унизить ни зависть, ни критика.

Но мы забыли, что говоримъ о водевилѣ, въ которомъ играли также г-да Григорьевъ и Самойловъ, первый роль *Завидова*, второй *Незабудкина*. Роли ихъ были выполнены отчетливо, умно. Вообще водевиль шелъ согласно, твердо и, по окончаніи піесы, какъ авторъ, такъ и всѣ артисты, въ немъ участвовавшіе, были вызваны единодушно.

Бенефисъ г. Борецкаго, 29 ноября.

Ненависть къ людямъ и раскаяніе, драма въ пяти дѣйствіяхъ, переведенная съ Нѣмецкаго. — *Король и пастухъ*, или *Сумасшедшій въ умѣ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго княземъ А. А. Шаховскимъ. *(Объ въ первый разъ по возобновленіи)*.

Г. Борецкій, кажется, большой врагъ новыхъ спектаклей. Два или три года сряду онъ угощаетъ публику, въ свои бенефисы, старыми новостями. Возьметъ какія нибудь, нѣсколько времени непгранныя піесы, напишетъ надъ ними, на афишѣ: *въ первый разъ по возобновленіи* — и бенефисъ сложенъ. Спасибо, по крайней мѣрѣ, за то, что въ нынѣшній разъ г. бенефиціантъ возобновилъ драму и водевиль, которые всегда любила публика, и теперь ей нравятся: Разсказывать ихъ содержаніе дѣло лишнее; эти піесы извѣстны всѣмъ. Говорить о достоинствѣ ихъ, также нечего. Коцебу своими драматическими трудами доказалъ, что онъ зналъ сердце человѣческое, умѣлъ показать и хорошія, и дурныя стороны людей, заставлялъ и непритворно плакать, и смѣяться зрителей. Произведенія его, говорятъ многіе, устарѣли для сцены, а между тѣмъ, ихъ немилосердно общипываютъ новички-писатели, особенно Французской школы, и подъ другими названіями выпускаютъ на сцену. — *Ненависть къ людямъ и раскаяніе* было и будетъ, по мнѣнію всѣхъ образованныхъ людей, лучшею драмою Коцебу. Для Русской сцены не мѣшало бы перевесть ее снова: прежній переводъ дѣйствительно устарѣлъ; языкъ тяжелъ и наполненъ *сими* и *оными*. — Старый водевиль *Король и пастухъ*, веселъ и интересенъ, какъ весьма немногіе изъ новыхъ Французскихъ водевилей. Переводъ ветерана Русскаго Театра, князя А. А. Шаховскаго, прекрасенъ; нѣкоторые куплеты его очень остры.

Объ піесы имѣли успѣхъ. Много способствовали тому и артисты. Лучшимъ украшеніемъ драмы были г. Каратыгинъ 1-й, въ ро-

ли неизвѣстнаго, и г-жа Каратыгина 1-я, въ роли г-жи Миллеръ; они вѣрно передали характеры представляемыхъ ими лицъ, и послѣднюю, главную, сцену примиренія, исполнили съ необыкновеннымъ чувствомъ. Г. Сосницкій былъ чрезвычайно смѣшонъ и оригиналенъ въ ролѣ Биттермана. — Въ водевилѣ особенно хороши были: г-жи Самойлова 2-я и Асенкова, въ ролях Эрмазины и Педро, и г. Мартыновъ, въ роли донъ Игнадора. Г. бенефиціантъ, въ драмѣ, съ душею сыгралъ небольшую роль старика; въ водевилѣ же былъ не на мѣстѣ.

Бенефисъ г. Сосницкаго, 8 декабря.

Ужасный незнакомецъ, или *У страха глаза велики*, оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. П. А. Полеваго. — *Дѣдушка и внучекъ*, драма-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, взятая съ Французскаго. П. А. Коровкинымъ. — *Такъ, да не такъ*, оригинальная комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. П. А. Коровкина. — *Послѣдній день Помпеи*, оригинальная шутка, въ двухъ декораціяхъ, съ куплетами, изъ провинціальнаго быта. *(Всѣ четыре піесы въ первый разъ)*.

Вотъ, г. Сосницкій, не чета г. Борецкому. пригласилъ публику, въ свой бенефисъ, посмотрѣть на четыре новыя піесы, изъ которыхъ еще три оригинальныя, да и четвертая передѣлана съ Французскаго въ Русскіе нравы; однако жъ, нынѣшній бенефисъ г. Сосницкаго какъ-то былъ несчастливъ, по пріему піесъ публикою; въ этотъ бенефисъ оправдалась пословица: на всякаго мудреца довольно простоты.

Спектакль начался драмою - водевилемъ: *Дѣдушка и внучекъ*. Содержаніе этой піесы мы считаемъ разсказывать лишнимъ: она помѣщена въ этой книжкѣ Репертуара. Скажемъ только то, что въ немъ есть нѣкоторыя несообразности въ сюжетѣ, но эти недостатки выкупаются многими, истинно драматическими, сценами и характеромъ старика Гринева. Піеса имѣла успѣхъ. Г. Сосницкій былъ превосходенъ въ ролѣ Гринева; только послѣдній монологъ перваго акта прошелъ у него нѣсколько слабо. Воспитанникъ Театральнаго Училища, Песоцкій, чрезвычайно мило выполнилъ роль внучка, Пети. Публика единодушно вызвала Песоцкаго, и заставила его повторить послѣдній куплетъ. Г-жа Асенкова сыграла съ чувствомъ роль Маши. Гг. Каратыгинъ 2-й, Григорьевъ 1-й, Максимовъ 1-й и Мартыновъ, въ роляхъ Раева, Юлина, Камскаго и Хомова, способствовали успѣху піесы.

Новая музыка этой драмы-водевиля, написанная г. Лядовымъ, воспитанникомъ Театральнаго Училища, очень пріятна и оркестрована съ умѣньемъ.

— За драмой шла комедія П. А. Полеваго: *Ужасный незнакомецъ*. Она взята, кажется, изъ повѣсти, которая была, нѣкогда, напечатана въ *Московскомъ Телеграфѣ*, подъ названіемъ: *Много шуму изъ пустяковъ*. Дѣло въ томъ, что бургъ-мейстеръ Штульвагенъ, получивъ предписаніе начальства задержать, въ случаѣ пребыванія въ управляемомъ имъ городѣ, какого-то человѣка, по описаннымъ примѣтамъ, остановилъ на станціи проѣзжавшаго, инкогнито, чрезъ этотъ городъ министра, и узналъ свою ошибку тогда только, когда увидалъ г. министра прибывшій въ городъ ландманъ провинціи. Піеса эта, очерчивая Нѣмецкіе нравы, заключаетъ сначала очень смѣшныя сцены, когда идутъ между бургъ-мейстеромъ и городовымъ судьею совѣщанія о полученномъ предписаніи; но послѣ, длинные разговоры, по бѣдности сюжета весьма однообразные, дѣлаются уже не забавными, а утомительными. Комедія, не смотря на прекрасную, отчетливую игру гг. Сосницкаго, въ роли бургъ-мейстера, и Каратыгина 2-го, въ роли судьи, не имѣла успѣха.

— Василій Павловичъ Нерадовъ, маіоръ гусарскаго полка, ужасный вѣтренникъ, чуть гдѣ увидитъ хорошенькую женщину, сейчасъ начнетъ за нею ухаживать. Женѣ его, Надеждѣ Павловнѣ, очень не нравятся такія привычки Нерадова; она боится пригласить къ себѣ молоденькую даму или дѣвицу. На бѣду, собирается пріѣхать къ Надеждѣ Павловнѣ пріятельница ея, Катерина Ѳедоровна Славина, съ женихомъ своимъ, Владиміромъ Сергѣевичемъ Холмскимъ. Нерадова, для предосторожности отъ волокитства мужа,

проситъ Славину, чрезъ письмо, чтобъ она пріѣхала къ ней въ мужскомъ костюмѣ, а Холмскій въ женскомъ. Письмо это не дошло къ Славиной. Между тѣмъ, любопытный супругъ, Василій Павловичъ, заглянувъ въ кабинетъ своей супруги, нашелъ на столѣ черновое ея письмо, и заранѣе распорядился пріемомъ гостей. Пріѣзжаютъ Славина и Холмскій. Нерадовъ любезничаетъ съ мужчиной и грубитъ дѣвушкѣ; жена его, видя гостей въ своихъ костюмахъ, не можетъ понять, что дѣлается съ ея вѣтренникомъ. Подъ конецъ водевиля, когда Нерадовъ застаетъ супругу свою съ Славиной въ нѣжныхъ изъясненіяхъ, и видитъ, что онѣ цѣлуются, онъ выходитъ изъ себя, укоряетъ жену въ измѣнѣ, и показываетъ ей черновое ея письмо. Это письмо переходитъ въ руки Славиной и Холмскаго, и жена, и гости начинаютъ хохотать надъ странной ошибкой недогадливаго маіора.

Вотъ содержаніе водевиля: *Такъ, да не такъ;* онъ забавенъ, имѣетъ хорошіе куплеты, но сюжетъ его натянутъ. Невозможно, чтобъ такой человѣкъ, какъ Нерадовъ, цѣлые полчаса могъ принимать женщину за мужчину, а мужчину за женщину. Піеса имѣла, однако жъ, нѣкоторый успѣхъ, и разыграна очень мило г-ми Асенковой и Самойловой 2-й и гг. Сосницкимъ и Куликовымъ.

Оригинальная шутка: *Послѣдній день Помпеи*, не понравилась публикѣ.

Новые дебютанты.

На сценѣ Александринскаго театра явились два дебютанта, гг. Александровъ и Самойловъ младшій, сынъ покойнаго опернаго артиста, В. М. Самойлова.

Г. Александровъ дебютировалъ, въ первый разъ, 14 ноября, въ роли Задорина, въ водевилѣ *Чиновникъ по особымъ порученіямъ*, во второй, въ роли Питера Гродекера, въ исторической были *Дѣдушка Русскаго флота*. Обѣ роли исполнены имъ неудовлетворительно: въ игрѣ его мало жизни; чтеніе его, однако же, не совсѣмъ дурно. Вообще, талантъ г. Александрова незначителенъ, и надежды, къ улучшенію его, мало.

Вотъ г. Самойловъ младшій, дѣло другое. Этотъ дебютантъ подаетъ утѣшительныя надежды. Въ первый разъ онъ дебютовалъ, 4 декабря, въ роли Фрица, въ драмѣ *Сынъ любви*, и показалъ замѣчательныя достоинства своего таланта. Въ игрѣ его много души, дикція его правильна, жестировка натуральна. Онъ имѣетъ хорошую фигуру и довольно ловокъ на сценѣ. Вторымъ дебютомъ своимъ, 10 декабря, въ роли Романа Бобра, въ драмѣ *Двумужница*, г. Самойловъ подкрѣпилъ мнѣніе наше о своихъ достоинствахъ. Публика, видимо обрадованная появленіемъ драматическаго дебютанта, который такъ необходимъ теперь для нашей сцены, въ обѣихъ роляхъ наградила его нѣсколькими вызовами.

Смѣсь.

— Бенефисъ г. балетмейстера Тальони, 4 декабря, составленъ былъ изъ третьяго дѣйствія Нѣмецкой оперы *Фенелла*, первыхъ явленій втораго дѣйствія балета *Возстаніе въ сералѣ* и маскарадъ изъ послѣдняго дѣйствія балета *Гитана*. Публика осталась очень довольна разнообразіемъ этого бенефиса, и съ восторгомъ принимала г-жу Тальони, которая, кромѣ pas de Diane, въ *Мирандѣ*, и solo, въ *Возстаніи въ сералѣ*, танцовала, въ первый разъ, въ *Фенеллѣ*, Неаполитанскій танецъ, и въ *Гитанѣ*, мазурку. Г-жа Тальони была прелестна, очаровательна! Да иною она и не можетъ быть.

ХРОНИКА

МОСКОВСКАГО ТЕАТРА,

СЪ 1 НОЯБРЯ ПО 10 ДЕКАБРЯ 1839 ГОДА.

Отчетъ нашъ за ноябрь мѣсяцъ мы откроемъ бенефисомъ г-жи танцовщицы Воропиной-Ивановой, бывшимъ 3 ноября и оставившимъ въ памяти зрителей самое пріятное воспоминаніе прекрасной піесой, передѣланной г. Лепскимъ изъ Французскаго водевиля: Le père de la débutante, подъ названіемъ: *Левъ Гурычъ Синичкинъ*, или *Провинціяльная дебютантка*.. Мы не помнимъ, чтобы на Московской сценѣ какая нибудь піеса имѣла такой колоссальный успѣхъ, какъ *Левъ Гурычъ*. Мастерская передѣлка, прекрасный разговоръ, живое участіе къ лицамъ, происходящее отъ ихъ положенія, острые и *благопристойные* куплеты, однимъ словомъ, все —

Приводитъ зрителя въ восторгъ и умиленье!

Многія піесы г. Лепскаго доказали уже прежде, что у него талантъ на водевильныя произведенія, талантъ неоспоримый, талантъ, которому въ настоящее время рѣшительно нѣтъ соперника въ современной нашей водевильной литературѣ. Но *Левъ Гурычъ* одинъ могъ бы составить имя автору водевилей: *Хороша и дурна*, *Стряпчій подъ столомъ*, и прочихъ иныхъ. За эту новую, презанимательную піесу, приносимъ переводчику искреннюю благодарность отъ лица всѣхъ любителей изящнаго, въ какомъ бы оно родѣ ни было. Въ водевилѣ: *Левъ Гурычъ Синичкинъ*, главными дѣйствующими лицами являются: князь Вѣтринскій, отставной корнетъ, богатый помѣщикъ (г. Лепскій), Левъ Гурычъ Синичкинъ, провинціяльный актеръ (г. Живокини), Лиза, дочь его (г-жа Рѣпина), и Раиса Минишна Сурмилова, провинціяльная актриса (г-жа Орлова). Каждое изъ этихъ лицъ, есть лице совершенное, типическое. Князь Вѣтринскій, есть представитель того рода молодыхъ людей, которые, прослуживъ безъ года недѣлю и не имѣя особенной склонности ни къ какому роду занятій, берутъ подъ свое покровительство театръ со всѣми его принадлежностями; онъ наслаждается полотняными небесами, живетъ запахомъ ламповаго масла, знакомъ со всѣмъ театральнымъ міромъ; ему кланяется факторъ, снимаетъ шляпу суфлеръ, съ нимъ перешептывается фигурантка, и танцовщица дѣлаетъ ему глазки. За кулисами, онъ какъ дома: ему извѣстны всѣ сценическія тайны, какъ моральныя, такъ и физическія, то есть, отъ секрета пись-

ма, полученнаго актрисой, до секрета люка, въ который она проваливается. При всемъ этомъ, онъ, какъ султанъ, имѣетъ одну, избранную предметомъ обожанія; въ лицѣ ея онъ посвящаетъ себя совершенно на служеніе извѣстному роду искусства: ежели она драматическая актриса, онъ бредитъ Шекспиромъ и Шиллеромъ; ежели она танцовщица, онъ безъ ума отъ балета, и называетъ все прочее техническимъ выраженіемъ дичи; если она оперная пѣвица, онъ готовъ горой стоять за Обера и Мейербера, и ругать Шекспира и Дидло. Вотъ вамъ князь Вѣтрипскій, съ его холстинпымъ горизонтомъ и понятіями объ искусствѣ, котораго покровителемъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ не премипетъ назвать себя. Левъ Гурычъ, съ своей Лизой, суть типы провинціяльной пашвпости: Левъ Гурычъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые ни за что не рѣшатся какую нибудь неудачу приписать своей личности: они во всѣхъ своихъ неуспѣхахъ видятъ дѣло зависти и партій. Левъ Гурычъ не можетъ понять, почему въ него кидаютъ мочепыя яблоки, почему его освистываютъ при каждомъ появленіи на сцену, хотя, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, провинціяльная публика ему другихъ привѣтствій не дѣлала. Лиза его, съ перваго дебюта, берется заткпуть за поясъ даже Рапсу Минишпу, первую артистку провинціяльнаго театра: она такъ убѣждена въ своемъ талантѣ, съ такою простодушною увѣренностію говоритъ о своихъ силахъ, что не знаетъ, какой бы содержатель театра, вмѣстѣ съ Петромъ Петровичемъ Пустославцевымъ, не увлекся ея словами. А Раиса Минишна? Это воплощенная надменность провинціяльной актрисы первыхъ ролей. Съ какимъ убійственнымъ презрѣніемъ она является къ бѣднымъ Спиичкинымъ, какимъ покровительственнымъ тономъ она обѣщаетъ Лизѣ мѣсто фигурантки въ своемъ бепефисѣ, а Льву Гурычу— этому *артисту*, игравшему Магомета и Фингала, она предлагаетъ — присутствовать при раздачѣ билетовъ! Характеръ Раисы схваченъ прекрасно, и вы еще тѣмъ живѣе понимаете его, что многія сцены превосходно его выражаютъ: самое дѣйствіе вполнѣ развиваетъ его передъ вами. Разсказывать содержаніе Спиичкина, мы считаемъ лишнимъ; эта піеса помѣщена въ пынѣшнемъ нумерѣ Репертуара.

Нельзя не замѣтить, какъ счастливо составлена она: всѣ ея роли какъ будто нарочно написаны для Московскихъ артистовъ. Гг. Живокини и Щепкинъ, Рѣпина и Орлова, Лепскій и Степановъ, были безъ всякаго ограниченія прекрасны; съ начала до конца піеса шла безподобно. Не должно забыть упомянуть о куплетахъ въ Спиичкинѣ; эти куплеты одна изъ причинъ его успѣха. Да судятъ паши читатели, — хорощаго хвалить не нужно.

Передъ *Львомъ Гурычемъ* данъ былъ водевиль въ одномъ дѣйств.: *Сцѣпленіе ужасовъ*, который вѣрно никто бы не сталъ смотрѣть, ежели бы его дали послѣ Спиичкина. Г-жа Амидонъ (г-жа Данилова) прежде чѣмъ вышла замужъ за г. Амидона (г. Садовскій) была замужемъ чуть ли не за цѣлой дюжиной мужей. Всѣ эти мужья умирали таинственной смертью, и кухарка г. Амидона пророчитъ ему ту же участь отъ блюда грибовъ, которое приказала приготовить къ обѣду г-жа Амидонъ.... Но, ей богу, мочи нѣтъ разсказывать такія глупости. Позвольте лучше сказать нѣсколько словъ о дѣвицѣ А. Воропиной-Ивановой, 10-тилѣтъ, игравшей на форте-піано рондо Риса на тему Русской пѣсни: *При долинушкѣ стояла*. Десятилѣтняя виртуозка удивила твердостью и быстротою своей игры; упражненіе уже изломало ея маленькіе пальчики и сдѣлало ихъ гибкими и послушными всѣмъ капризамъ музыки Риса, Калькбреннера и Тальберга. Дѣв. Иванова прекрасно съиграла свое рондо, и странно было видѣть, какъ изъ подъ этихъ еще необразовавшихся ручекъ вылетали звуки стройные и гармоническіе.

Изъ танцевъ мы замѣтили живую сальтареллу, прекрасно исполненную г-жею Воропиной-Ивановой и Карасевымъ, и болеро, о которомъ мы упоминали уже въ бенефисѣ г-жи Рѣпиной, и которое теперь показалось намъ лучше.

10 Ноября, въ бенефисъ г. Живокини, давали три новыя піесы, и одну по возобновленіи. Спектакль начался водевилемъ въ одномъ дѣйствіи, подъ названіемъ: *Мужъ-красавецъ*, піесой, слишкомъ мало представляющей для игры актеровъ, и безъ ролей, гдѣ бы можно показать талантъ свой. Дѣло вотъ въ чемъ:

Шабане (г. Живокини) женился на Эрнестинѣ (г-жа Сабурова 2-ая), слѣпой отъ рожденія.—Шабане, какъ человѣкъ очень умный, но съ весьма непріятной физіономіей, потому только женился на ней, что она слѣпа, и что онъ, если не въ глазахъ ея, то по крайней мѣрѣ въ ея воображеніи можетъ быть красавцемъ. Расчетъ прекрасный, какъ вы видите. Но подобно же случиться такому несчастію, что во время одной отлучки Шабане, г-жа Дюмулень (г-жа Сабурова 1-я) вздумала вылечить отъ слѣпоты дочь свою, и Эрнестина прозрѣла. Мужъ пріѣхалъ, но Эрнестина его еще не видала: она застаетъ мать свою съ портретомъ какого-то очень хорошенькаго юноши, и не сомнѣвансь, что это портретъ Шабане, она вырываетъ портретъ изъ рукъ Дюмулень, и не давъ матери объясниться, убѣгаетъ съ нимъ. На бѣду, этотъ портретъ былъ Рауля д'Орселя (г. Самаринъ), племянника г-жи Дюмулень, влюбленнаго въ одну пріятельницу Эрнестины, г-жу де Монтрель (г-жа Степанова). При первой встрѣчѣ съ Раулемъ, Эрнестина бросается къ нему на шею и называетъ его милымъ, добрымъ своимъ мужемъ. Рауль, какъ смѣтливый молодой человѣкъ, ни за что на свѣтѣ не захотѣлъ бы упустить этой bonne fortune, и принимается разыгрывать роль свою. Онъ вступаетъ въ права свои тѣмъ, что отправляется гулять съ Эрнестиной. Въ это время является Шабане, и бѣдная г-жа Дюмулень принуждена высказать ему всю истину. Представьте себѣ горе этого Шабане, котораго только слѣпота жены дѣлала счастливымъ? Шабане рѣшается предоставить времени исправленіе этой ошибки, а между тѣмъ онъ представится женѣ своей, какъ человѣкъ посторонній. Молодая жена возвращается съ прогулки: Эрнестина сердита; она находитъ, что у ея мужа слишкомъ много знакомыхъ дамъ; она уже начинаетъ досадовать, что у нея мужъ красавецъ. За обѣдомъ терпѣніе ея исчезаетъ; ея мужъ рѣшительно не обращаетъ на нее вниманія и безстыдно волочится за г-жею де Монтрель. Бѣдная Эрнестина избираетъ въ повѣренные Шабане, въ которому она съ перваго взгляда почувствовала какое то уваженіе. Она ему разсказываетъ свои несчастія — невѣрность мужа и безсовѣстность пріятельницы. Шабане доказываетъ ей, какъ невыгодно быть женою красавца, и берется все уладить. Вечеромъ Шабане и Рауль сходятся въ компатѣ передъ спальней Эрнестины; тутъ происходитъ между ними объясненіе, изъ котораго Рауль узналъ, что онъ свѣлъ въ сани Шабане, и что пришла пора возвратить каждому свое. Шабане соглашается простить ему, только съ тѣмъ условіемъ, что Рауль совершенно разочаруетъ Эрнестину, готовую уже совѣмъ отказаться отъ такого мужа. Рауль представляется пьянымъ, и наговоривъ ей кучу ужасовъ, до того доводитъ ее, что она требуетъ развода. Тутъ является и Шабане, объявляетъ, кто онъ — и имѣетъ удовольствіе чувствовать, какъ Эрнестина бросается къ нему на шею, и прижимаетъ къ груди своей. Рауль, получивъ порядочный нагоняй отъ тетушки, женится на г-жѣ де Монтрель.

Эта піеса, не слишкомъ замысловатая по содержанію своему, представляетъ нѣсколько хорошенькихъ сценъ. Г. Живокини былъ особенно хорошъ въ той сценѣ, гдѣ онъ ревнуетъ жену свою къ Раулю; его комическое безпокойство и нетерпѣніе — видѣть конецъ нѣжностямъ дяжемужа его жены, выражены очень хорошо. Г. Самаринъ, въ роли Рауля, вообще хорошъ; но особенно искусно сыграна имъ та сцена, гдѣ онъ долженъ вывести изъ терпѣнія Эрнестину. Полу-пьяный *фатъ*, для котораго *crément rosé* есть первое условіе блаженства въ жизни, представленъ имъ очень удачно.

За онымъ послѣдовалъ водевиль: *Обусъ, публичный писецъ*, который извѣстенъ читателямъ Репертуара (См. Кн. XI). Мы скажемъ только, что въ роли Обуса Живокини былъ смѣшонъ до необыкновенной степени, хотя нѣсколько и форсировалъ ее. Моле игралъ Г. Щепкинъ; роль незначительная, а актеръ прекрасный; что жъ вышло? Искусство актера страдало, а роль была не лучше.

Водевиль: *Графъ-литографъ или Честолюбивая штопальщица*, слѣдовавшій за Обусомъ, есть также новое, неудачное произведеніе Г. Ленскаго. Не смотря на то, что Графъ-литографъ переводъ, этотъ переводъ есть почти подлинникъ, если взять куплеты, которые обыкновенно въ водевиляхъ

суть условіе первой необходимости, ибо на нихъ лежитъ обязанность оживлять, пополнять и украшать драматическій интересъ водевиля. Куплеты въ *Графѣ-литографѣ* прекрасны и презабавны. Содержаніе само собою очень занимательно: вы находитесь въ сферѣ гризетокъ, штопающихъ недостатки чужаго платья, и ремесленниковъ, увѣковѣчивающихъ чужія произведенія золотыми рамками. Двѣ гризетки: одна Гіацинта (г-жа Орлова), швея, другая Роза (г-жа П. Рѣпина) штопальщица, живутъ въ одномъ домѣ съ литографомъ Фредерикомъ (г. Лепскій) и съ золотильщикомъ по дереву Маглуаромъ (г. Живокини). Какъ водится, и Фредерикъ и Маглуаръ влюблены, первый въ Гіацинту, второй въ Розу. — Гіацинта въ полномъ смыслѣ гризетка: она простодушная дѣвушка, которая вѣритъ въ предчувствія и сочувствія, въ любовь сердца, въ счастіе быть любимой. Роза, напротивъ, рождена съ невѣроятными претензіями и ужаснымъ эгоизмомъ; она рѣшилась бы всѣмъ пожертвовать, чтобъ быть викоптессой или дюшессой; она грезитъ богатствомъ и роскошью, амбре и розовой водой, шелковыми и вфирными платьями, однимъ словомъ, одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя думаютъ, что онѣ рождены быть по крайней мѣрѣ десятью степенями выше, нежели что онѣ есть, и гонялись за пустыми призраками, лишаются дѣйствительнаго счастія жизни. Гіацинта любитъ Фредерика и любима имъ; Розу любитъ безпадежно Маглуаръ. Однажды, когда Гіацинта нечаянно вошла въ комнату Фредерика, она увидѣла тѣ самыя вещи, которыя крайне искушали ее, хотя Парижская гризетка вообще существо не робкаго десятка. Она увидѣла черный фракъ, съ орденской ленточной въ петлицѣ. Ясно, что этотъ фракъ или не Фредериковъ, или Фредерикъ не простой литографъ. Бѣдная Гіацинта трепещетъ за свою любовь. Между тѣмъ, Фредерикъ, узнавъ о нѣкоторыхъ долгахъ Гіацинты, кладетъ въ ея столикъ ассигнацію въ 1000 франковъ. Роза, которой понадобился клочекъ бумаги для записки въ магазинъ, требовавшій уплаты долговъ, беретъ эту ассигнацію за простую писчую бумагу, и написавъ на ней записку, посылаетъ Маглуара въ магазинъ. Въ это время Гіацинта поднимаетъ тревогу, объявивъ о своемъ открытіи Розѣ; Роза внѣ себя отъ досады, что Фредерикъ не ея обожатель, осыпаетъ его жесточайшими упреками. Фредерикъ, чтобъ избавиться отъ крика, увѣряетъ ихъ, что этотъ фракъ принадлежитъ Маглуару, и что этотъ Маглуаръ есть знатный баринъ, живущій съ ними инкогнито. Роза торжествуетъ — ея мечты осуществились: Маглуаръ по крайности перъ Франціи. Въ это время возвращается и золотильщикъ. Роза не знаетъ, гдѣ усадить его, беретъ его шляпу и палку, обтираетъ потъ съ лица его, сдуваетъ съ него каждую пылинку, такъ что Маглуаръ удивляется. Вслѣдъ за Маглуаромъ является модистка, которая приноситъ сдачу съ тысячи франковъ, присланныхъ отъ г-жи Розы. Тутъ открывается ошибка: ассигнація найдена въ столикѣ Гіацинты, и Маглуаромъ туда положена быть не могла: Фредерикъ открывается — Роза хочетъ упасть въ обморокъ, но одумывается, и разбранивши всѣхъ, уходитъ ждать другаго пера. Гіацинта не принимаетъ любви графа Фредерика; она понимаетъ различіе рожденія и состоянія, и рѣшительно отказывается отъ руки Фредерика. Между тѣмъ, стрянчій Фаяръ (г. Никифоровъ), которому Гіацинта должна порядочную сумму денегъ, не желая далѣе откладывать полученія ихъ, является и объявляетъ Гіацинтѣ, что онъ рѣшился все ея имѣніе продать съ молотка, а имѣніе ея заключалось въ нѣсколькихъ домашнихъ вещахъ, да трехъ или четырехъ негодныхъ картинахъ. Графъ тотчасъ смекнулъ дѣломъ; онъ велитъ Фаяру какъ можно болѣе набивать цѣну на всѣ эти вещи. Имѣніе уносятъ; и въ то время, какъ Гіацинта горько плачетъ объ утратѣ своего достоянія, графъ радуется объ успѣшной продажѣ, что еще болѣе усиливаетъ горесть бѣдной дѣвушки. Наконецъ прибѣгаетъ Фаяръ, и приноситъ за дряпной скарбъ 40,000 франковъ. Теперь, когда состоянія уровнялись, графъ уже могъ жениться на Гіацинтѣ, которая сама болѣе не противилась.

Главная роль по игрѣ есть роль Розы. Эта роль прекрасно выполнена г-жею П. Рѣпиной; глупое честолюбіе штопальщицы, ея низкое раболѣпіе передъ деньгами, наконецъ

ея гордый, безчувственный характеръ схвачены г-жею Рѣпиной весьма искусно и переданы, какъ нельзя удачнѣе. У г-жи Рѣпиной иногда самыя обыкновенныя вещи получаютъ особенную цѣну; она умѣетъ самому простому слову придать такое выраженіе, которое заставитъ его замѣтить. Г-жа Орлова въ роли Гіацинты была очень мила: скромная швейка, съ благороднымъ характеромъ и возвышенными чувствами, съ любовью и самоотверженіемъ, была выражена ею отчетливо и естественно; обѣ артистки, какъ будто нарочно встрѣчающіяся съ нѣкотораго времени на однѣхъ доскахъ, чтобъ лучше было видно достоинство каждой, были вызваны и награждены рукоплесканіями.

По возобновленіи, данъ былъ извѣстный водевиль: *Студентъ артистъ, хористъ и аффериста*, переведенный съ Нѣмецкаго, Кони. Содержаніе извѣстно читателямъ Репертуара; мы скажемъ только, что роль Макара Губкина выполнена г-мъ Живокини прекрасно; только одно помѣшало успѣху полному, безукоризненному — это недостатокъ пѣвія въ игрѣ: Живокини пѣть вовсе не можетъ; онъ не имѣетъ ни голоса, ни знанія музыки, а въ *Студентѣ* это первое и главное условіе хорошаго выполненія. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ пѣть аріи изъ Роберта, изъ Фенеллы и другихъ трудныхъ операъ, не имѣя голоса? Отъ этого недостатка піеса утратила много своей красоты, потому именно, что пѣніе есть ея главная стихія, основаніе, на которомъ зиждется занимательность ея. Интрига сама по себѣ не представляетъ большаго интереса; но частности, но пѣніе и танецъ Губкина, вотъ въ чемъ заключается большая часть ея прелести, и вотъ почему не имѣла она у насъ такого успѣха, какой на Нѣмецкихъ театрахъ, разъигранная артистами, имѣвшими голосъ и знаніе музыки. Впрочемъ, какъ бы то ни было, это такая піеса, которая независимо отъ приведенныхъ нами недостатковъ, принесла намъ большое удовольствіе, потому что въ ней участвовали: Щепкинъ, г-жа Н. Рѣпина и Живокини. Этого уже довольно для того, чтобъ она имѣла успѣхъ.

Въ заключеніе спектакля данъ былъ дивертисментъ, въ коемъ дѣв. Софья Иванова, ученица г-на Соколова, играла на форте-піано фантазіи и варіяціи на маршъ изъ Отелло, соч. Герца. Дѣв. Софьѣ Ивановой только 12 лѣтъ; игра ея много обѣщаетъ. Семейство Ивановыхъ — художественное семейство, которое въ будущемъ ожидаетъ много лавровыхъ вѣнковъ.

За тѣмъ танцовали по-казацки и по-цыгански.

17 ноября, въ Бенефисъ г-жи Сабуровой 1-й, даны были: *Русскій человѣкъ добро помнитъ*, драматическая быль въ одномъ дѣйств., соч. Н. А. Полеваго; потомъ *Марія, или Безнадежная любовь*, опера въ 3 дѣйств., перевед. съ Нѣмецкаго г-номъ Лепскимъ; за тѣмъ *Вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, или Продажа дешевыхъ товаровъ*, Московская картина въ одномъ дѣйств., соч. Н. С. С....а., наконецъ дивертисементъ.

Содержаніе Русскаго человѣка извѣстно читателямъ Репертуара. Мы скажемъ только то, что она разъиграна была прекрасно, и мы тутъ должны опять благодарить Н. А. Полеваго, доставляющаго, съ каждымъ новымъ произведеніемъ, такія роли артистамъ, въ которыхъ, кажется, можно даже и посредственному актеру быть хорошимъ. —

Вслѣдъ за этимъ шла опера: *Марія*. Музыка сочиненія Геролья, автора Цампы. Конечно, эта музыка не можетъ сравниться съ той, которою восхищаемся мы въ Цампѣ; здѣсь нѣтъ увлекательныхъ арій, могущественныхъ и полныхъ хоровъ, какъ въ Цампѣ; но ежели можно назвать хорошею музыку легкую, гармоническую, пріятно ласкающую слухъ, то музыка Маріи въ полной мѣрѣ заслуживаетъ названія хорошей. Мы особенно замѣтили въ 1-мъ актѣ дуэтъ Маріи (г-жа Рѣпина) съ Адольфомъ (г. С. Сахаровъ); во второмъ дѣйствіи торжественный маршъ и дуэтъ мельника Луки (Живокини) съ Сюзеттой (г-жа Михайлова); въ третьемъ, комическую арію Луки, когда онъ обтесываетъ камень.

Баронъ (г. П. Степановъ) и баронесса (г-жа Сабурова 1-я): имени и отчества ихъ не имѣемъ удовольствія знать, имѣютъ дочь Эмилію (г-жа Савицкая), которая помолвлена за Адольфа, одного кавалерійскаго офицера. Кромѣ дочери, у баронессы есть еще воспи-

танница, Марія, не имѣющая ни роду, ни племени. Въ день свадьбы Эмиліи съ Адольфомъ, Марія грустна до чрезвычайности; изъ аріи, которую она поетъ, при сей вѣрной оказіи, видно, что она имѣетъ друга дѣтства, котораго любитъ не по-дѣтски. Этотъ другъ — Адольфъ. Адольфъ застаетъ ее одну; клянется ей въ любви, и обѣщаетъ разорвать предполагаемый его бракъ. Марія противится. Старый инвалидъ Георгъ (г. Лавровъ), имѣющій, не извѣстно почему, на нея отцовскія права, разгадываетъ ее; она признается въ любви къ Адольфу; но старый инвалидъ по-солдатски упрекаетъ ее за неблагодарность къ баронессѣ, за разрушеніе ея семейнаго счастія; называетъ ее несчастной, недостойной, и оставляетъ ее въ самомъ черномъ отчаяніи. Бѣдная Марія, не видя спасенія, хочетъ броситься въ рѣку; но силы ей измѣняютъ; она падаетъ у берега и топчетъ свою шляпку. Между тѣмъ, она рѣшилась оставить замокъ барона. Лодка Луки у берега; Марія садится въ нее и тщетно старается отпереть замокъ, которымъ заперта цѣпь, привязывающая ее къ берегу. Въ то время, какъ она хлопочетъ около цѣпи, является Лука съ Сюзеттой; имъ надоѣло ждать свадебной церемоніи, и они хотятъ до начинающейся бури убраться домой. Марія прячется въ кибиточку лодки; Лука и Сюзетта садятся въ лодку, и отплываютъ безъ вѣдома Маріи. Между тѣмъ, отсутствіе ея замѣчено; народъ съ факелами выбѣгаетъ при блескѣ молніи отыскивать ее; по шляпкѣ, найденной у берега, не оставляетъ сомнѣнія: Марія утопула. Тотчасъ снаряжается лодка искать ее. Марія, пріѣхавъ на мельницу, объявляетъ Лукѣ, что она остается у него жить. Но Адольфъ, отказавшійся отъ руки Эмиліи, какъ то узналъ убѣжище Маріи; баронъ и баронесса со всѣмъ причтомъ нагряпули къ Лукѣ. Произошло объясненіе, изъ котораго открылось, что Марія дочь баронессы, по законнаи, потому что баронесса вышла за барона вдовой, а такъ какъ онъ хотѣлъ жениться не иначе, какъ на бездѣтной, то баронесса выдала Марію за воспитанницу свою. Барону дѣлать нечего; онъ прощаетъ обманъ и отдаетъ руку Маріи Адольфу; а Эмилія выходитъ замужъ за Генриха (г. Бантышевъ), брата Адольфа.

Въ этой операѣ мы съ большимъ удовольствіемъ видѣли г-жу Михайлову, въ роли Сюзетты. Г-жа Михайлова беретъ не однимъ хорошенькимъ личикомъ; она обладаетъ прекраснымъ большимъ голосомъ, который не испортилъ бы даже большой аріи въ важной операѣ. Игра г-жи Михайловой проста, но не совсѣмъ еще ловка; это отъ недостатка привычки. Мы бы весьма желали ее видать чаще, и въ роляхъ серьезныхъ; мы увѣрены, что она всегда будетъ имѣть успѣхъ; только, желая искренне добра молодой артисткѣ, мы бы совѣтывали ей заниматься пѣніемъ болѣе и болѣе, потому что совершенство въ этомъ искусствѣ, какъ и во всякомъ другомъ, достигается только упражненіемъ и трудомъ.

О г-жѣ Рѣпиной говорить нечего; она была очень хороша. Весьма удачно сыгранъ инвалидъ г-мъ Лавровымъ; онъ прекрасно спѣлъ арію свою въ 2-мъ актѣ. Говоря о г-нѣ Живокини, мы снова пожалѣемъ, что у него нѣтъ голоса. Ежели бы къ его игрѣ былъ хорошій голосъ, онъ былъ бы превосходнымъ комическимъ лицемъ для операъ и операъ водевилей.

Г. Ленскій, въ бенефисъ свой, 1 декабря, снова обрадовалъ насъ своимъ *Сапожникомъ* и прекраснымъ произведеніемъ г на Кукольника: *Иванъ Рябовъ, рыбакъ Архангелогородскій,* драматическій анекдотъ въ 2 дѣйствіяхъ.

Мы уже давно читали *Ивана Рябова* въ Библ. для Чтенія. Его простонародный языкъ, безъ пошлой тривіяльности, его Русское чувство, безъ напыщеннаго патріотизма, его прекрасные характеры, безъ хвастливаго самохвальства, съ перваго раза поправились намъ и заставили насъ пожелать — видѣть Рябова на сценѣ. Долго это желаніе не исполнялось; наконецъ, г. Ленскій, выбравъ его для своего бенефиса, подарилъ насъ еще новою, прекрасною піесою. Піеса эта и-въ самомъ дѣлѣ, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ: въ ней вѣрнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь досель, выраженъ характеръ Русскаго крестьянина. Несправедливо думаютъ многіе, что будто въ характерѣ Русскаго мужика — лѣзть на опасность, не обдумавъ средствъ къ успѣху. Напрасно заставляютъ нѣкоторые авторы нашихъ мужиковъ безсовѣстно хвастать своимъ мужествомъ, говорить, что съ кулакомъ

да съ топоромъ готовъ итти на медвѣдя, и тому подобныя глупыя выходки. У г-на. Кукольника вы видите Русскаго мужика съ истинной точки зрѣнія; онъ обдумалъ свой замыселъ, но исполненіе его, но успѣхъ поручаетъ Богу, и смотритъ на себя, какъ на орудіе высшей силы, и потому никогда не приписываетъ себѣ всей славы успѣха; при удачѣ онъ говоритъ: Богъ помогъ. У г-на Кукольника Рябовъ ни разу не хвастаетъ; а характеръ Дмитрія горожанина прекрасно выражаетъ то, о чемъ ты сейчасъ говорили: что Русскій человѣкъ не скоро рѣшается на какое нибудь дѣло; но ежели разъ рѣшится, то сдѣлаетъ его по крайнему разумѣнію. Дѣйствіе въ *Рябовѣ* не совсѣмъ живо, не совсѣмъ увлекательно; за то всѣ частности, всѣ подробности, всѣ разговоры интересны въ высшей степени. Какъ лучшія мѣста драмы, мы назовемъ въ 1-мъ актѣ ту сцену, когда Иванъ Рябовъ уговариваетъ Дмитрія горожанина ѣхать съ нимъ на трудный подвигъ противъ Шведовъ; какъ вѣрно выражена тутъ нерѣшимость Дмитрія! Какъ интересна борьба между чувствомъ самосохраненія и любовью къ другу; и потомъ, съ какимъ радостнымъ порывомъ выражается согласіе этого бѣднаго Дмитрія, который не устоялъ противъ искушенія, противъ словъ друга, вызывавшаго его на трудъ славы, и пошелъ на смерть, какъ на пиръ. Эта сцена эффектна необыкновенно: разыгранная Мочаловымъ (Иванъ Рябовъ) и Самаринымъ (Дмитрій), она была превосходна. Чувство, съ которымъ въ этотъ разъ игралъ Мочаловъ, величіе и сила, которыя онъ умѣлъ придать характеру Ивана, до того были увлекательны своею вѣрностью, до того были близки и понятны намъ, что въ это время мы рѣшительно забыли все окружающее: мы видѣли одного Мочалова, съ его лицемъ, полнымъ страсти и одушевленія; мы слышали одинъ голосъ Мочалова, этотъ голосъ, который такъ неотразимо убѣдителенъ, который такъ способенъ выразить всѣ оттѣнки человѣческой страсти. Не думайте, чтобъ въ словахъ этихъ было преувеличеніе: посмотрите эту сцену въ Иванъ Рябовѣ, посмотрите въ ней Мочалова, и ежели вы сами не сознаетесь, что эта игра соединяетъ въ себѣ верхъ искусства съ необъятною силою чувства, ежели вы не будете увлечены тѣми порывами, которые такъ могущественно проявляются въ выраженіи лица его, въ его глазахъ, въ его движеніяхъ, мы готовы отказаться отъ своего мнѣнія, хотя оно очень дорого намъ. Второе мѣсто, замѣченное нами, другаго рода: это разсказъ Ивана Шубника (г. Лепскій) во 2 актѣ. Шубникъ только что возвратился съ мѣста дѣйствія, и разсказываетъ про чудныя дѣла Рябова на Шведскомъ кораблѣ. Этотъ разсказъ есть образецъ простонароднаго разсказа: сколько въ немъ жизни, движенія, поэзіи! Какъ живописно уризанъ онъ простыми Русскими выраженіями, проявляющими намъ самородный умъ, сравненіями, такъ удачно схваченными изъ окружающей природы и обличающими умъ наблюдательный и игривый! Признаемся, что мы до сихъ поръ ничего подобнаго не слыхали: этотъ разсказъ поразительно хорошъ. Г. Лепскій исполнилъ его совершенно удовлетворительно; онъ самъ увлекался красотами своего монолога, и ни разу не впадалъ въ неумѣстное маханіе руками или въ смѣшныя измѣненія голоса, съ которыми обыкновенно у насъ представляютъ мужиковъ. Г. П. Степановъ, въ роли Омелька рыбака, оканчивая разсказъ Шубника, показалъ намъ, игрою своею, что одно и то же лице можно выразить прекрасно разными способами: Иванъ Шубникъ и Омелька, по характеру своему, лица совершенно однаковыя: но г. П. Степановъ совсѣмъ не такъ разыгралъ Омельку, какъ г. Лепскій Шубника. Шубникъ придавалъ себѣ какую то важность тѣмъ, что видѣлъ и разсказываетъ замѣчательный подвигъ, хотя и чужой; Омелька, какъ человѣкъ, который только издали дивился этимъ подвигомъ, замѣняетъ эту важность, въ своемъ родѣ комическую, какимъ то балагурствомъ, которое, не придавая большаго вѣса его собственнымъ дѣламъ, придаетъ цѣну разсказу въ томъ смыслѣ, что открываетъ новую его сторону, сторону смѣшныхъ моментовъ событія, которое, по лицу, участвующему въ немъ, становится любопытнымъ со всѣхъ сторонъ. Изъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ мы назовемъ г-жу Лепскую, въ роли Настасьи. Г-жа Лепская, слишкомъ рѣдко являющаяся на сценѣ, тѣмъ сильнѣе возбуждаетъ участіе

зрителя, что она сама глубоко чувствуетъ все то, что хочетъ выразить; для нея, играющей только нѣсколько разъ въ продолженіе года, выраженія грусти и страданія, слезы и отчаяніе, не сдѣлались пошлыми, истертыми фразами, которыми другія привыкли выражаться раза три въ недѣлю: для нея они имѣютъ еще всю силу истины, и по этому-то мы нѣсколько разъ замѣчали настоящія слезы въ глазахъ ея, и отъ души аплодировали ей въ Рябовѣ, а за нѣсколько дней до этого, въ роли Лупзы, въ драмѣ: Коварство и любовь. Очень жаль только то, что голосъ ея слишкомъ слабъ, и что она иногда вскрикиваетъ, желая придать ему болѣе силы.

Скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе *Ивана Рябова*. Въ 1701 г., на островѣ Новая Двинка, въ 15 поприщахъ отъ Архангельска, вдругъ разнеслись слухи, что Шведы хотятъ овладѣть Архангельскомъ. Народъ смутился, и тотчасъ увидѣлъ, что стражи, разставленной по приказанію Петра, было недостаточно для охраненія роднаго города. Одинъ изъ рыбаковъ, Иванъ Рябовъ, берется обманомъ прогнать Шведовъ; онъ полговариваетъ одного изъ друзей своихъ, Дмитрія горожанина, ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и поцѣловавъ въ послѣдній разъ невѣсту свою, Настастью, отправляется. Успѣхъ увѣнчиваетъ его предпріятіе, но онъ возвращается съ трупомъ своего друга — Дмитрія, погибшаго въ отчаянной борьбѣ.

За драмою Кукольника данъ былъ, во второй разъ: Левъ Гурычъ Синичкинъ, о которомъ мы больше ничего новаго сказать не можемъ, кромѣ того только, что въ этотъ разъ роль Пустославцева, вмѣсто Щепкина, игралъ г. Садовскій. — Переводчикъ былъ опять вызванъ.

Въ концѣ спектакля мы видѣли прелестное болеро, исполненное г-жею В. Миняевой и г-номъ Ришардомъ. Это болеро, протанцованное подъ музыку изъ Нѣмой въ Портичи, напомнило намъ то время, когда мы восхищались Фенеллою. Г-жа В. Миняева была прекрасна; ее вызывали.

Ноября 8, бенефисъ капельмейстера Московскихъ Театровъ, г. Фельцмана. Какъ музыкантъ, г. Фельцманъ въ бенефисъ свой далъ оперу, и выборъ его былъ такъ счастливъ, что опера *Пивоваръ* понравилась всѣмъ. Опера *Пивоваръ* переведена съ Французскаго *Le brasseur de Preston*, г-мъ Горскимъ, и очень не дурно. Музыка Адольфа Адама: въ ней безпрестанно проглядываетъ авторъ Дѣвы Дуная; нѣкоторые мотивы, кажется, даже не измѣнены.

Вся интрига этой оперы основывается на сходствѣ и на ошибкѣ. Пивоваръ Даніель Робинсонъ (г. Бантышевъ) съ малолѣтства очень терпѣлъ отъ сходства съ братомъ своимъ Эдуардомъ (г. Ярцевъ). Рожденный съ самымъ миролюбивымъ характеромъ, онъ часто долженъ былъ платиться за проказы Эдуарда, который былъ первый сорвиголова въ Престонѣ. Это сходство заставляетъ его бояться даже за будущее благосостояніе его брачной жизни. Онъ сбирается жениться на хорошенькой Маріи (г-жа Савицкая), которую онъ предупреждаетъ объ этомъ сходствѣ для того, чтобъ она иногда по ошибкѣ не принимала Эдуарда за Даніеля. Все готовится къ свадьбѣ; новое пиво уже бродитъ, чаны наполняются и гости созваны. Посреди приготовленій является сержантъ Тоби (г. Лавровъ), который приноситъ ужасное извѣстіе: Эдуардъ, служащій въ арміи короля Англійскаго, пропалъ безъ вѣсти; законы военные осуждаютъ его на разстрѣляніе черезъ три дня, и вотъ уже два дня, какъ его нѣтъ. Тоби въ отчаяніи; ему дороже всего честь Эдуарда, который гдѣ то имѣлъ случай спасти ему жизнь. Бѣдный Даніель, не смотря на всѣ непріятности, которымъ подвергалъ его Эдуардъ, также всполошился; онъ рѣшается искать брата и итти просить отсрочки военнаго суда у лорда Мюльграва, генералъ-адъютанта короля (г. Ѳ. Сахаровъ). Онъ является въ лагерь; но прежде нежели успѣлъ повидаться съ лордомъ Мюльгравомъ, его принимаютъ за Эдуарда, и поздравляютъ съ возвращеніемъ. Тоби непремѣнно требуетъ, чтобъ онъ воспользовался этой ошибкой, и спасъ честь и жизнь брата. Даніель соглашается, и надѣваетъ красный мундиръ. Но вотъ что его безпокоитъ: братъ его извѣстенъ своею храбростью; онъ удачно воевалъ съ горцами, которые еще шевелятся; Даніель долженъ занять его мѣсто въ дѣйствующей арміи. Каково пивовару драться? Но вотъ обстоятель-

ство, которое во время спасаетъ его: ему объявленъ арестъ и шпага его отнята. Между тѣмъ является новое лице: Сиръ Оливье Дженкинсъ, корабельный капитанъ (г. Щепкинъ), который приходитъ требовать у Эдуарда сатисфакціи за сестру свою, обольщенную имъ. Даніель и тутъ долженъ отвѣчать за брата. Онъ отговаривается тѣмъ, что находится подъ арестомъ и лишенъ шпаги; Сиръ Оливье соглашается уже ждать, когда Тоби возвращается со всепрощеніемъ и шпагой. Между тѣмъ назначено сраженіе; армія выступаетъ и Пивоваръ слѣдуетъ за полкомъ. Сраженіе кончается благополучно; Пивоваръ увѣнчанъ славою; его требуютъ къ королю. Король очень доволенъ имъ; но Сиръ Оливье жаловался, и король требуетъ, чтобы мнимый Эдуардъ женился на Миссъ Дженкинсъ. Съ отчаянія Даніель соглашается. Въ то же время, король даетъ ему порученіе — усмирить взволнованную Ирландію. Презанимательная сцена, когда Даніель толкуетъ съ Лордомъ Мюльгравомъ о позиціи арміи и планѣ кампаніи. Но всѣ эти продѣлки доводятъ Пивовара до того, что онъ рѣшается бѣжать изъ замка Виндзорскаго въ Престонъ. Онъ надѣваетъ свой плащъ, шляпу и камзолъ, и уже на пути къ бѣгству, когда возвращеніе брата даетъ ему законное право на возвращеніе къ своимъ пенатамъ. Бракъ Эдуарда совершается въ тотъ же вечеръ.

Что сказать о музыкѣ Пивовара! Скромная увертюра, безъ мѣдныхъ тазовъ и безъ колокольнаго звона, три четыре аріи безъ особенныхъ претензій, вотъ что можно замѣтить въ ней. Замѣтимъ еще то, что г. Бантышевъ очень удачно съигралъ Пивовара, а г-жа Савицкая пѣла такъ, что ее можно было слушать съ удовольствіемъ.

Потомъ видѣли мы переводъ водевиля Скриба: Эстелла, или Отецъ и дочь, г-на Аничкова. Не знаемъ, почему *Эстелла* называется водевилемъ; завязка самая мрачная, трагическая, положенія всѣ плачевныя? Развѣ потому только, что все кончается благополучно, бракомъ! Достаточная причина. Но какъ бы то ни было, мы съ большимъ удовольствіемъ видѣли Щепкина въ роли Солиньи. Онъ одинъ одушевлялъ эту піесу; всѣ прочія лица скучны и пусты. Минуты ревности къ женѣ за прошедшую измѣну, внезапная ненависть къ дочери выражены прекрасно г. Щепкинымъ, и напряженное состояніе его души при видѣ дочери, которую онъ такъ любилъ и которую теперь не можетъ назвать своею, выдержано сначала до конца г. Щепкинымъ ровно и отчетливо. Вотъ содержаніе піесы: у г. Солиньи есть дочь Марія (г-жа Н. Рѣпина), которая должна выйти замужъ за Раймонда Бюссьера (г. Самаринъ), сына одного изъ старыхъ друзей Солиньи, морскаго офицера, въ нея влюбленнаго. Г Солиньи, роясь въ бумагахъ покойной жены своей, нашелъ письмо, въ которомъ онъ увидѣлъ измѣну жены, и что еще ужаснѣе, его дочь Эстелла — дочь Бюссьера. Въ бѣшенствѣ своемъ Солиньи отрѣшаетъ ее отъ наслѣдства и отказываетъ Раймонду. Но другое письмо совершенно разувѣряетъ его, и онъ снова называетъ Эстеллу своей дочерью и снова отдаетъ ее Раймонду. Но, отрѣшивъ дочь отъ наслѣдства, онъ отдалъ все свое имѣніе сыну потаріуса Фюлишона (г. Потанчиковъ). Но Фюлишонъ, не желая воспользоваться опрометчивымъ поступкомъ минуты гнѣва, раздираетъ донацію, и Эстелла съ Раймондомъ блаженствуютъ.

Въ пространствѣ времени, отъ 1 ноября до 10 декабря, было спектакей . . . . . , 28,

въ которые новыхъ піесъ . . .	12
изъ коихъ оперъ	2
драмъ	2
водевилей	8

Изъ прежнихъ дано было:

оперъ	8
трагедій	4
драмъ	3
комедій	1
балетовъ	3
водевилей	23

ТЕАТРАЛЬНЫЯ АНЕКДОТЫ

И

СМѢСЬ.

МАСЛЯНИЦА.

Однажды, на масляницѣ, въ самый развалъ спектаклей, которые шли и утромъ и вечеромъ по два и по три, одинъ изъ капельдинеровъ подгулялъ на праздникѣ. Режиссеръ говорилъ ему: «Нашелъ же ты время, негодяй, когда гулять — на масляницѣ, когда ты нуженъ на безпрестанныя посылки.» Капельдинеръ, какъ правый, отвѣчалъ съ чувствомъ: «Помилуйте, сударь, когда же пить? Неужеля въ Великій постъ?»

СТУДЕНТЪ ВЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ.

Въ Шиллеровой трагедіи *Разбойники*, актеръ, игравшій Швейцера, былъ лѣтъ подъ пятьдесятъ. Одинъ изъ зрителей громко замѣтилъ, что неужели были такъ стары студенты. «Почему же вы думаете, что Швейцеръ студентъ,» замѣтилъ его сосѣдъ, «можетъ быть, это въ университетѣ швейцаръ.»

ЖАЛКІЙ ОТЕЦЪ.

Одинъ авторъ, въ кругу актеровъ, хваля свое новое сочиненіе, говорилъ: «Повѣрите ли, друзья мои, что читая свою драму, самъ не могу удержаться отъ слезъ... я... я отецъ ее — и плачу.» — «Ахъ, мой другъ!» замѣтилъ одинъ изъ слушателей, «да отъ дурныхъ-то дѣтей и плачутъ отцы.»

СВОЯ СЕМЬЯ.

На домашнемъ театрѣ, въ комедіи *Своя семья*, роль *Наташи* взяла на себя одна дама дурной наружности. Одинъ изъ аматеровъ замѣтилъ, что напрасно она беретъ такую роль, которая требуетъ непремѣнно красоты. «Ничего,» сказалъ другой, «это по-половицѣ: въ семьѣ не безъ урода.»

ДЕБЮТАНТКА.

Одну безобразную дебютантку спрашивали: боится ли она появиться въ первый разъ на сценѣ? Она съ самоувѣренностію отвѣчала: «нисколько.» Да и нечего; ей надо бояться только, чтобъ не испугать собой зрителей.

АВТОРЪ НА РЕПЕТИЦІИ.

Авторъ одного скучнаго водевиля самъ читалъ, на репетиціи, свою піесу. Актеры, зѣвая, сидѣли вокругъ стола и повѣряли свои роли. Мало по-малу кругъ слушателей началъ рѣдѣть. Уходя, одинъ за другимъ, каждый просилъ сосѣда слѣдовать свою роль; наконецъ остался одинъ помощникъ режиссера, и такъ какъ одному невозможно смотрѣть во всѣ роли, то и онъ отправился домой. Авторъ, не смотря ни на что, и не замѣчая отсутствія актеровъ, продолжалъ усердно читать. Въ заключеніе остался въ залѣ

одинъ сторожъ, желудокъ котораго былъ въ то время едва ли не пустѣе новаго водевиля. «Ваше благородіе,» сказалъ бѣдняга, «мнѣ пора обѣдать; я ключи повѣшу на стѣнку; потрудитесь запереть залу, какъ изволите кончить.»

ПАДЕНІЕ ПІЕСЫ.

Г. N., авторъ новой драмы, уронилъ, на послѣдней репетиціи, свой манускриптъ; актеръ, игравшій первую роль въ его піесѣ, поднялъ драму и подалъ ее автору. «Покорно благодарю; я увѣренъ, что вы и вечеромъ ее поднимите.»—«Это было бы такъ же легко,» отвѣчалъ актеръ, «если бъ у насъ было утро вечера мудренѣе.»

РОЛЬ ВЪ КАРМАНѢ.

Мальчикъ, игравшій въ одной драмѣ, плохо зналъ свою роль; когда онъ сошелъ со сцены, режиссеръ началъ бранить его: «Вѣрно, ты сегодня не прочелъ своей роли или вовсе ее потерялъ.» — «Какъ можно-съ,» отвѣчалъ будущій актеръ, «да вотъ она здѣсь у меня въ карманѣ.» — «То-то ты туда и лазилъ за каждымъ словомъ.»

ТРАГИКЪ И КОМИКЪ.

Драматическій актеръ однажды заспорилъ съ водевильнымъ товарищемъ. «Ты служишь пришѣвочки; дураковъ-то играть легко,» сказалъ первый. — «Я согласенъ, тебѣ точно не подъ силу представлять умныхъ и образованныхъ людей,» отвѣчалъ послѣдній.

ЗАКУЛИСНЫЯ ЛАМПЫ.

У N. N. былъ домашній спектакль. Между двумя водевилями, давали сцены изъ Шиллеровой трагедіи *Коварство и любовь*, для одного любителя, прославленнаго необыкновеннымъ талантомъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали появленія лица, для котораго съѣхалась большая часть посѣтителей. Наконецъ торжественная минута настала. Не смотря на то, что вмѣсто новаго, ловкаго Фердинанда, явилась малорослая фигура, съ отпечаткомъ пятидесяти лѣтъ, что красный мундиръ замѣтно былъ сшитъ на человѣка рослаго, а красный носъ былъ забѣленъ весьма не искусно, глубокая тишина воцарилась въ залѣ. Истинные любители откашлялись, привстали съ своихъ креселъ; дамы приготовили для грядущихъ слезъ носовые платки. Фердинандъ началъ. Въ самой срединѣ монолога, когда знаменитый актеръ вошелъ, какъ говорится, въ пассію, нѣсколько лампъ на авансценѣ лопнули въ одно время. Фердинандъ смѣшался, артистъ вскочилъ съ своего мѣста и говоритъ: «Что это значитъ: пять лампъ лопнуло въ одно время?» — «Со смѣху!» отвѣчалъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.

ПЛАТОКЪ.

На одномъ провинціяльномъ театрѣ давали Шекспирова *Отелло*. Въ сценѣ Отелло съ Яго, актеры пропустили монологъ о платкѣ. Что дѣлать? Отелло и говоритъ: «Иванъ Сергѣичъ, мы пропустили!» Яго отвѣчаетъ: «Да, Ѳома Ильичъ, пропустили!» Отелло: «Я бы и началъ, да не помню; начни ты.» Яго: «Да я и самъ всю роль знаю, только вотъ и не знаю о платкѣ.» Отелло, ни мало не потерявшись, шепчетъ суфлеру: «Платокъ, платокъ!» Публика въ недоумѣніи ждетъ, чѣмъ это кончится. Суфлеръ, который, вѣроятно, не былъ одаренъ догадкой и ничего не видя дальше своего носа, вмѣсто того, чтобъ подать пропущенный монологъ о платкѣ, очень наивно подалъ свой носовой табачный платокъ. Хохотъ раздается въ театрѣ, и рука почтеннаго суфлера скрывается въ свою обитель, подъ громомъ единодушнаго аплодисмана.

АКТЕРЪ СЪ НЕУМЫШЛЕННОЙ ЖАЛОБОЙ КЪ ПУБЛИКѢ НА СОДЕРЖАТЕЛЯ ТЕАТРА.

Въ городѣ Р***, на ярмаркѣ, пріѣзжая труппа странствующихъ дѣтей Аполлона вздумала разыграть *Кина*. Содержатель этой труппы, Иванъ Ѳедоровичъ, былъ человѣкъ ужасный: онъ не посмотритъ ни на кого; ему все равно! Въ четвертомъ актѣ, когда Кинъ помѣшался и Соломонъ выбѣгаетъ и кричитъ: «Господа! театральнаго доктора!» Артистъ, игравшій Соломона, дѣйствительно выбѣжалъ неподражаемо, и чрезвычайно натураль-

но закричалъ: «Господа! квартальнаго надзирателя: Иванъ Ѳедоровичъ дерется!»

ТЕАТРАЛЬНЫЙ НАРОДЪ.

Во время репетиціи какой-то новой піесы, режиссеръ обращается къ актрисамъ, составлявшимъ придворную свиту, и говоритъ: «Придворныя дамы, послѣ третьяго акта, могутъ ѣхать домой.» — «Что же ты, Аннушка, не сбираешься?» говоритъ одна изъ актрисъ, «вѣдь ты, кажется, придворная дама?» — «Нѣтъ, я народъ!» отвѣчаетъ Аннушка.

ЛЕТА И ЛѢТО.

Содержатель провинціяльнаго театра получаетъ отъ автора новый водевиль. Не надѣясь на большой успѣхъ этой піесы, онъ пишетъ къ старшему актеру, завѣдывавшему, по случаю болѣзни содержателя, управленіемъ труппы, чтобы онъ занялся постановкою водевиля, хотя онъ и полагаетъ, что онъ долженъ пойти въ Лету. Актеръ, получа эту записку, бѣжитъ къ содержателю и говоритъ: «Помилуйте, какъ вамъ угодно, а онъ по лѣту у насъ птти не можетъ; много ли осталось лѣта — у насъ августъ.»

МЕЛОМАНЪ.

Во время представленія оперы *Робертъ*, одинъ меломанъ, поклонникъ геніяльнаго Мейербера, бывъ выведенъ изъ терпѣнія своимъ сосѣдомъ, который напѣвалъ вслѣдъ за актеромъ всѣ лучшія мѣста оперы, закричалъ: «Экой невѣжда! мѣшаетъ только слушать!» Обиженный сосѣдъ, ни сколько не медля, потребовалъ объясненія. «Милостивый государь! что вы осмѣлились сказать?» Меломанъ ни сколько не сконфузился и отвѣчалъ, указывая на актера: «Я говорю, что этотъ невѣжда мѣшаетъ мнѣ васъ слушать!»

ЛЮБИТЕЛЬ ТЕАТРА ИЗЪ МУЧНАГО МАГАЗИНА, СЪ ОХТЫ.

Въ Твери сѣлъ ко мнѣ въ дилижансъ купеческій прикащикъ. Замѣти любовь его къ театру, мнѣ хотѣлось послушать его сужденій. Онъ давно живетъ въ Петербургѣ, свободное время проводитъ постоянно въ Русскихъ спектакляхъ, и помнитъ хорошо прежнее поколѣніе нашихъ артистовъ. Я его поджогъ, и онъ началъ: «Семенова... Ахъ! королева! какъ запрокламируетъ, когда, то есть, случится романтическое, ну ужъ подаритъ!» — «Ну, а каковъ былъ Яковлевъ?» спросилъ я. — «Яковлевъ игралъ величественнаго и отчаяннаго, какъ вотъ теперь, примѣрно сказать, Каратыгинъ.» — «Кто же изъ нихъ былъ лучше?» — «Ужъ и не знаю! Яковлеву было, то есть, трудностей больше: подмоги не было.» — «Ну, а что вы скажете про Дюра?» — «Дюръ! то есть, я вамъ вотъ какъ доложу: случится хозяинъ побранитъ, али съ женою что выдетъ, пойдешь въ театръ, выдетъ «Здравствуй, кумъ любезный,» али про секретаря споетъ, какое нинаесть горестное на душѣ, какъ рукой сниметъ!»

Много есть водевилей, которые не могутъ быть помѣщены въ Репертуарѣ, или потому, что они не имѣли успѣха, или по своей давности не играются на Театрѣ. Мы находимъ не лишнимъ, выбирая куплеты, печатать ихъ въ Репертуарѣ.

На первый разъ представляемъ слѣдующіе:

МНѢНІЕ СТАРАГО СЛУГИ О НЫНѢШНИХЪ МОДАХЪ.

(Изъ водевиля П. С. Ѳедорова: Школьный другъ.)

Вѣдь нынче все перемудряютъ,
Все измѣняютъ съ каждымъ днемъ,
Теперь всѣ франты щеголяютъ,
Какъ будто въ платьѣ не своемъ:
Одинъ себѣ, по модѣ новой,
Какой-то балахонъ сошьетъ,
Другой, въ шинелѣ трехъэрпковой,
Какъ цапля длинная идетъ!
Иной, кажись, крещеный Русскій,
А самъ въ шерсти, какъ звѣрь какой,
Иль фракъ такой надѣнетъ узкій,
Какъ будто онъ на немъ чужой!
Портные моды измѣняютъ,
Чтобъ наводить на всѣхъ дурманъ,
Кармановъ тму вамъ нашиваютъ,
А набиваютъ свой карманъ.

ОПРАВДАНІЕ СТАРИКА, КОТОРАГО УКОРЯЮТЪ ВЪ НАСМѢШЛИВОСТИ.

(Изъ водевиля П. С. Ѳедорова: Жена всему вина.)

Я вамъ каюся, какъ грѣшникъ,
Какъ прямой степнякъ-чудакъ,

Я, ей Богу, не насмѣшникъ,
Я лишь только весельчакъ.
Если веселъ — я смѣюся,
Какъ дитя скачу, пою,
Но ужъ, честію клянуся,
Никого не осмѣю.

Ужъ куда мнѣ насмѣхаться,
Съ головой моей сѣдой,
Ужъ куда же мнѣ тягаться
Съ молодежью удалой.
Нынче много расплодилось
Жесткихъ, длинныхъ языковъ,
Нынче много появилось
Свѣтскихъ, колкихъ остряковъ.

Нынче мода въ нашемъ свѣтѣ:
На смѣшки всѣхъ подымать,
Нынче рады даже дѣти
Осмѣять отца и мать.
Нынче старости почтенье
Очень рѣдко отдаютъ,
Нынче даже уваженье
По аршинамъ продаютъ.

Нынче кто болтать умѣетъ, —
Тотъ любезенъ и уменъ,
Кто жъ отъ глупостей краснѣетъ,
Кто молчитъ — такъ тотъ смѣшонъ...
А я каюсь вамъ какъ грѣшникъ,
Какъ прямой степнякъ-чудакъ,
Я, ей Богу, не насмѣшникъ,
Я лишь только весельчакъ.

ЖЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

(Изъ водевиля П. С. Ѳедорова: Узкіе башмаки.)

Какъ ни дѣйствуй осторожно,
Какъ за ними ни смотри,
Но узнать ихъ невозможно
Даже года въ два и три.
На словахъ онѣ ласкаютъ,
И прекрасны по лицу:
Что жъ въ душѣ своей скрываютъ,
Не узнать и мудрецу!

Стоитъ имъ вамъ приглянуться,
Такъ поддѣнутъ многомъ васъ,
И въ любви вамъ поклянутся,
И съ ума сведутъ какъ разъ.
Ихъ любить — избави Боже!
Клятвы всѣ — игрушки имъ,
Скажутъ вамъ: люблю, да то же
Завтра скажутъ и другимъ.

МНѢНІЕ ПРОВИНЦІЯЛА О ТЕАТРАХЪ.

(Изъ водевиля: Провинціяльный балъ.)

Вѣрно есть отъ танцевъ прибыль:
Да зачѣмъ бы безъ причинъ
Мучить ноги и въ погибель
Вѣ ть и женщинъ и мужчинъ?
Танцы двигаютъ всѣмъ ноги
И ведутъ, безъ дальнихъ словъ,
Прямо къ свадебной дорогѣ
Всѣхъ возможныхъ женихонъ:
Бѣдняковъ, дураковъ
И богатыхъ стариковъ.

Въ танцахъ дама стыдъ откинетъ
И мужчина, безъ затѣй,
Схватитъ дѣвушку, обниметъ,
Да и ну вертѣться съ ней;
Вертитъ плутъ, а самъ вздыхаетъ,
То какъ будто ей мигнетъ,
То косынку поправляетъ,
То косынку ей пожметъ.
То вздрогнетъ, то вздохнетъ,
Да какъ муха къ ней прильнетъ.

И потомъ, какъ оттанцуетъ,
Разрумянитъ ей лицо:
Всякихъ вздоровъ наплететъ,
Да и выпроситъ кольцо.
А ужъ шутки тутъ не къ мѣсту,
Какъ коснется до колецъ....
Къ мѣсту тотчасъ же невѣсту
Отправляетъ самъ отецъ:
Подъ вѣнецъ, подъ вѣнецъ,
Да и къ мужу наконецъ.

Недавно давали подъ названіемъ «оригинальной шутки, въ двухъ декораціяхъ, съ куплетами,» Послѣдній день Помпеи. Какъ долго проживетъ превосходная картина Брюлова, подавшая мысль этой шуткѣ, такъ мало жила вышереченная піеса. Съ какимъ единодушнымъ восторгомъ привѣтствованъ творецъ картины, съ такимъ единодушіемъ ошиканъ творецъ піесы. Но вотъ одинъ куплетъ, который выскочилъ изъ среды своихъ собратій и удостоенъ одобренія публики.

ДОСТОИНСТВО ОБРАЗОВАННОСТИ УѢЗДНАГО ГОРОДА.

Пшеницынъ, помѣщикъ, узнавъ, что проѣзжій ремонтеръ критикуетъ ихъ городъ, поетъ, обращаясь къ своимъ гостямъ:

Городъ городу не ровенъ.
Что за выѣзжій знатокъ!
Уваженія достоинъ
Нашъ уѣздный городокъ.
Есть у насъ съ почтомъ лица,
Люди съ вѣсомъ и умомъ,
И бывалые въ столицахъ,
И съ понятьемъ обо всемъ.
Вашъ сынокъ въ извѣстной славѣ:
Всѣхъ ученьемъ удивилъ;
Изъ гимназіи въ Полтавѣ
Листъ похвальный получилъ.
Чухломинъ изобрѣтатель,
Про плуги его кричатъ;
Секретарь и засѣдатель
По-Французски говорятъ.
Дочки что, чего не знаютъ?
И чего не переймутъ?
И на флигелѣ сыграютъ,
И по нотѣ пропоютъ.
Стало, есть же просвѣщенье,
Не медвѣдями живемъ —.
Библіотеку для Чтенья
Получаемъ въ семеромъ!

АПЛОДИСМАНЫ.

Аплодисманомъ (applaudissement) называютъ радостное восклицаніе, рукоплесканіе, веселый шумъ, громкій крикъ и всякое другое изъявленіе восторга. Но какъ во всякомъ благоустроенномъ обществѣ неумѣстныя восклицанія, крики и шумъ въ театрахъ не допускаются, то подъ словомъ *аплодисманъ* должно разумѣть одобреніе, которое публика оказываетъ автору или актеру однимъ рукоплесканіемъ, а иногда присовокупляетъ къ нему слово «браво!»

Аплодисманы можно раздѣлить на *условленные, подражательные* и *истинные*.

Условленные аплодисманы бываютъ подготовляемы пріятелями автора или актера до начала представленія. Подражательные дѣлаются безо всякаго умысла, не по ложному убѣжденію, а такъ, потому что другіе хлопаютъ. Этотъ опытъ можете повѣрить, когда угодно. Начните хлопать въ самомъ скучномъ мѣстѣ, или плохому актеру, и всегда найдете нѣсколько рукъ, готовыхъ съ вами согласиться.

Одинъ авторъ, предчувствуя паденіе своего дѣтища, вздумалъ самъ себѣ аплодировать. Когда нѣсколько подражателей отвѣтило ему тѣмъ же, онъ закричалъ «браво!» а по окончаніи началъ вызывать *автора*. Нѣсколько неумышленныхъ голосовъ его поддержало и онъ явился къ публикѣ благодарить за лестное ея одобреніе. Нельзя не замѣтить, что многіе вызываютъ автора изъ одного любопытства взглянуть на него.

Истинный аплодисманъ всѣмъ отличается отъ условленнаго или подражательнаго. Онъ зарождается неожиданно, мгновенно, во всѣхъ концахъ залы, и отзывается въ вашихъ чувствахъ голосомъ истины.

Актеръ безъ души похожъ на автомата: чувства его въ постоянномъ усыпленіи; привычка и память единственныя пружины, которыя его двигаютъ.

На какомъ-то театрѣ декорація изображала городъ. Одинъ острякъ замѣтилъ, что этотъ городъ долженъ быть очень древенъ, ибо сквозь стѣны его все можно было видѣть.

17-го числа, въ Михайловскомъ театрѣ между прочими піесами играли водевиль: *Бабушка и внучка*, въ которомъ играла воспитанница Театральнаго Училища, г-жа Гриневa. Публика съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтила юный талантъ, и по окончаніи піесы, вызвала г-жу Гриневу.

На Большомъ театрѣ, для бенефиса г-жи Тальони, монтируется новый балетъ: *Пиратъ*, въ 2 хъ дѣйствіяхъ.

На Александрійскомъ театрѣ скоро пойдетъ піеса г. Ленскаго: *Левъ Гурычъ Синичкинъ*, или *Провинціяльная дебютантка*, водевиль въ 5 ти дѣйствіяхъ. Піеса эта въ Москвѣ имѣла колоссальный успѣхъ.

РЕПЕРТУАРЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ

РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

съ 1 по 31 декабря 1839 года.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1. *Александ. театр.* Барышня крестьянка, вод. въ 2 д.; Воспитанникъ любви, ком.-вод. въ 4 д.; Гусарская столѣка, вод. въ 1 д.
3. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, оп. въ 2 д.; Дезертеръ, бал. въ 4 д.
   Ал. т. Ненависть къ людямъ и раскаяніе, др. въ 5 д.; Его превосходительство, ком.-вод. въ 1 д.; Царство женщинъ, вод. въ 2 д.
4. *Бол. т.* Третіе дѣйс. оп. Фенеллы. Охота изъ балета Миранда. Сцены изъ бал. Возстаніе въ сералѣ. Маскарадъ изъ бал. Гитана. (Бенефисъ г-на Тальони).
   Ал. т. Сынъ любви, др. въ 5 д. (Первый дебютъ г. Самойлова младшаго); Фебусъ, публичный писецъ, ком.-вод. въ 2 д.
5. *Ал. т.* Велизарій, др. въ 5 д.
6. *Бол. т.* Тѣнь, балетъ въ 3 д.
   Ал. т. Дѣдушка Русскаго флота, Ист. б въ 1 д.; Гимнъ, *Боже Царя храни*, пѣтый гг. артистами Россійской труппы. Король и пастухъ, вод. въ 1 д.; Новички въ любви, ком.-вод. въ 1 д.
7. *Ал. т.* Велизарій, др. въ 5 д.; Женихъ на расхватъ, вод. въ 1 д.
8. *Бол. т.* Тѣнь, балетъ въ 3 д.
   Ал. т. Дѣдушка и внучекъ, др. вод. въ 2 д.; Ужасный незнакомецъ, ком. въ 1 д.; Такъ да не такъ, ком. вод. въ 1 д.; Послѣдній день Помпеи, шут. въ 2 декорац. (Бенефисъ г. Сосницкаго).
10. *Бол. т.* Робертъ, оп. въ 5 д.
    Ал. т. Двумужница, др. въ 5 сутк. (2-й дебютъ г. Самойлова младш.); Король и пастухъ, вод. въ 1 д.
11. *Бол. т.* Тѣнь балетъ въ 3 д.
    Ал. т. Ужасный незнакомецъ, ком. въ 1 д.; Дѣдушка и внучекъ, др.-вод. въ 2 д.; Такъ да не такъ, ком.-вод. въ 1 д.; Послѣдній день Помпеи, шут. въ 2 декораціяхъ.
12. *Ал. т.* Уголино, др. въ 5 д.
13. *Бол. т.* 1 е дѣйс. оп. Фенелла. Сцены изъ бал. Возстаніе въ сералѣ. Маскарадъ изъ бал. Гитана.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

26. Ноября, *Больш. театр.* Коварство и Любовь, тр. въ 5 д.; Дивертисементъ.
27. *Больш. театр.* Барышня крестьянка, вод. въ 2 д.; Баядерка, оп. въ 2 д.
28. *Больш. театр.* Жена артиста, др. въ 2 д.; Искуство платить долги, вод. въ 1 д.; Гусарская столѣка. вод. въ 1 д.; Фоминъ вторникъ, инт. въ 1 д.
30. *Больш. театр.* Фра-діаволо, оп. въ 3 д.; Узкіе башмаки, вод. въ 1 д.; Дивертисементъ.
1. Декабря, *Больш. театр.* Иванъ рябовъ. др. въ 2 д.; Левъ Гурычъ Синичкинъ, вод. въ 5 д.; Дивертисементъ. (Бенефисъ Г. Ленскаго.)
3. *Больш. театр.* Благородный театръ, к. въ 4 д.; Полковникъ старыхъ временъ, вод. въ 1 д.; Татьяна прекрасная, интермед.
4. *Больш. театр.* Волшебный стрѣлокъ оп. въ 3 д.; Маскарадъ въ клубѣ, вод. въ 1 д.
5. *Больш. театр.* Смерть или честь! др. въ 5 д.
7. *Больш. театр.* Женщина лунатикъ бал. въ 3 д.
8. *Больш театр.* Пивоваръ, оп. въ 3 д.; Эстелла, вод. въ 1 д.; Дивертисементъ. (Бенефисъ Г. Фельцмана.)
10. *Больш. театр.* Графъ литографъ, вод. въ 1 д.; Русской человѣкъ, др. въ 1 д.; Дивертисементъ.
11. *Больш. театр.* Пивоваръ, оп. въ 3 д.; Дивертисементъ.
12. *Больш. театр.* Левъ Гурычъ Синичкинъ, вод. въ 5 д.; Женихъ на расхватъ, вод. въ 1 д. Пріѣздъ жениха, инт. съ танцами.
14. *Бол. театр.* Эстелла, вод. въ 1 д.; Женщина лунатикъ, бал. въ 3 д.
15. *Бол. театр.* Сцены въ Москвѣ, др. въ 2 д.; Жена за столомъ, вод. въ 1 д.; Русскій инвалидъ на Бородинскомъ полѣ, др. въ 1 д.; Дивертисементъ. (Бенефисъ Г-жи Львовой Синецкой.
17. *Бол. т.* Благородный театръ, к. въ 4 д.; Мужъ красавецъ, вод. въ 1 д.
18. *Бол. т.* Марія, оп. въ 3 д.; 1-е представленіе Мельника, ком. въ 1 д.

Ал. т. Дѣдушка и внучекъ, др.-вод. въ 2 д.; Такъ да нетакъ, ком. въ 1 д.; Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 2 д.; Ложа 1-го яруса, ан.-вод въ 2 д.

14. *Ал. т* Заколдованный домъ, тр. въ 5 д ; Чего на свѣтѣ не бываетъ, вод. въ 1 д.

15. *Бол. т.* Тѣнь, балетъ въ 3 д.
Мих. т. Двѣ женщины противъ одного мужчины, вод. въ 1 д.; Отецъ какихъ мало, вод. въ 1 д.; Дѣвица отшельница, ком.-вод. въ 1 д.; Фебусъ публичный писецъ, ком.-вод. въ 2 д.

17. *Бол. т.* Водовозъ, оп. въ 3 д.; 1-е д. оп. Влюбленная баядерка, Мелишки, бал. въ 2 д.
Мих. т. 1-е отдѣл. Иголкинъ, ист. быль. Дѣдушка и внучекъ, др.-вод. въ д.; Бабушка и внучка, ком.-вод. въ 1 д.; Жена какихъ много, ком.-вод. въ 1 д.

18. *Бол. т.* Тѣнь, балетъ въ 3 д.
Ал. т. Гамлетъ принцъ Датскій, др. въ 5 д.

19. *Ал. т.* Такъ да нетакъ, ком.-вод. въ 1 д.; Женщина стряпчій, ком.-вод. въ 1 д.; Голубой токъ, ком. въ 1 д.; Новички въ любви, ком.-вод. въ 1 д.; Поѣздка въ Царское село, вод. въ 2 карт.

20. *Бол. т.* Гитана, балетъ въ 3 д.

21. *Бол. т.* Робертъ, оп. въ 5 д.
Ал. т. Велизарій, др. въ 5 д.; Покойникъ мужъ, вод. въ 1 д.

26. *Бол. т.* Жизнь за царя, оп. въ 4 д.
Ал. т. Домъ на Петерб. сторонѣ, вод. въ 1 д.; Деревенская простота, ком. въ 4 д.; Невозможный бракъ, ком. вод. въ 1 д.; Новички въ любви, ком. вод. въ 1 д.

27. *Бол. т.* Тѣнь, балетъ въ 3 д..
Ал. т. Рука Всевышняго Отечество спасла, тр. въ 5 д.; Поѣздка въ Царское село, вод. въ 2 д.

28. *Ал. т.* Мальвина, ком. въ 2 д.; Жена кавалериста, ком. водев. въ 1 д.; Ремонтеры, ком. въ 2 д.

29. *Бол. т.* Велисарій, оп. въ 3 д.; Дезертеръ, бал. въ 4 д.
Ал. т. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій, др. въ 5 д.; Филатка и Мирошка, вод. въ 1 д.

30. *Бол. т.* Тѣнь, балетъ въ 3 д.
Ал. т. Молодая мачиха, вод. въ 1 д.; Женихъ на расхватъ, вод. въ 1 д.; Влюбленный рекрутъ, вод. въ 1 д.; 1-е Іюля въ Петергофѣ, шут.-вод. въ 1 д.; Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 д.

31. *Бол. т.* Жизнь за Царя, оп. въ 4 д.
Ал. т. Заемный мужъ, вод, въ 1 д.; Ремонтеры, ком.-вод. въ 2 д.; Дѣвица отшельница, ком. вод. въ 1 д.

19. *Бол. т.* Король Лиръ, тр. въ 5 д.; Честный воръ, вод. въ 1 д.

21. *Бол. т.* Робертъ, оп. въ 5 д.

22. *Бол. т.* Ричардъ III, тр. въ 5 д.

26. *Бол. т.* Кремневъ др. предс. въ 3 д. Стряпчій подъ столомъ, вод въ 2 д.

27. *Бол. т.* Аскольдова могила, рол. оп. въ 4 д.

28. *Бол. т.* Иванъ Рябовъ др. въ 2 д. хороша, и дурна, вод. въ 1 д.; Удача отъ не удачи; или приключ. въ жидовс. корчмѣ, вод. въ 1 д.

29. *Бол. т.* Подложный кладъ, ком. въ 1 д.; Левъ Гурычъ Синичкинъ вод. въ 5 д.; Имянины благ. помѣщика, инт. въ 1 д.; съ танц.

30. *Бол. т.* Фра-Діавало, оп. въ 3 д.; домъ на Петерб. сторонѣ, вод. въ 1 д.

31. *Бол. т.* Иголкинъ ист. был. въ 2 отд.; Мирандолина, ком. въ 3 д.; Имянины секретаря, моск. карт. въ 1 д.; съ танц.

КАРАТЫГИНЪ, СОСНИЦКІЙ, АСЕНКОВА.

ВЪ МЕЛОДРАМѢ

ПАРАША СИБИРЯЧКА.

Образецъ политипажа русскаго художника Г. Дмитріева.

ПАРАША СИБИРЯЧКА.

РУССКАЯ БЫЛЬ, ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

СОЧ. Н. А. ПОЛЕВАГО.

ПОСВЯЩЕНІЕ ДОБРОЙ СЕСТРѢ МОЕЙ, КАТ. АЛЕКС. АВ — ОЙ.

Сестра, сестра! и въ жизни есть мгновенья,
Когда за скорбь, за слезы, за мечты,
Погибшія въ тоскѣ, безъ раздѣленья,
За все, за все, въ обитель суеты
Слетаетъ къ намъ посланникъ Провидѣнья;
Онъ голосъ сердцу, рѣчь даетъ устамъ;
Онъ, какъ младенцу, тихо шепчетъ намъ...

И рѣчи тѣ сердцамъ людей понятны:
Искуства нѣтъ — душа въ нихъ говоритъ;
Они поймутъ тѣ рѣчи благодатны,
И съ ними насъ слеза ихъ примиритъ,
И сладостью и тихи, и отрадны.
Блаженъ, кто ихъ сердцамъ людей внушалъ —
Не даромъ онъ и жилъ здѣсь и страдалъ!

Когда моей Сибири отдалённой
Изображалъ раздолье и степей,
Лѣса, пустыни, дѣвы вдохновенной
Святую мысль и подвигъ — и Царей
Любовь и благость... И Тебя, Благословенный...
О, голосъ мой не тщетно слышенъ былъ —
Въ сердцахъ другихъ онъ отзывъ находилъ.

Я видѣлъ: Дочь Владыки полусвѣта,
Прекрасная, какъ Божья благодать,
Какъ свѣтлая, святая мысль поэта,
Явилась намъ страданью сострадать,
И плакала, какъ чистый Ангелъ свѣта...
Въ тотъ свѣтлый мигъ, какъ я благоговѣлъ —
Я говорить не могъ и — не умѣлъ...

Тѣ слезы, даръ святаго Провидѣнья,
Душа моя, какъ чистый перлъ, хранитъ;
Ихъ не отнимутъ люди и волненья,
И скорби — и ничто, ничто не истребитъ...
Сестра, сестра! и въ жизни есть мгновенья
Прекрасныя — кто на землѣ ихъ зналъ,
Не даромъ тотъ и жилъ здѣсь и страдалъ!

Н. Полевой.

17 Января, 1840.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВЪ ПЕРВОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Неизвѣстный, ссыльный въ Сибирь..... *Г. Каратыгинъ 1.*
Жена его..... *Г-жа Валберхова.*
Параша, дочь ихъ, родившаяся въ Сибири..... *Г-жа Асенкова.*
Прохожій..... *Г. Сосницкій.*
Нѣсколько Тунгусовъ.

ВО ВТОРОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Ѳекла Ѳедосѣевна, чиновница, вдова, живущая въ Москвѣ.. *Г-жа Гусева.*
Танюша, дочь ея..... *Г-жа Волкова.*
Ѳедоръ Григорьевичъ Писулькинъ, отставной секретарь. *Г. Каратыгинъ 2.*
Ѳедя ..... *Г. Рамазановъ 2.*
Митя ..... *Несоцкій* (вп.)
Маша ..... *Прихунова* (вп.)
Соня ..... *Сергѣева* (вп.)
дѣти Ѳеклы Ѳедосѣевны.
Григорій Петровичъ Добровъ, помѣщикъ, пріѣхавшій въ Москву..... *Г. Дубровинъ.*
Леонидъ, молодой помѣщикъ, сосѣдъ его..... *Г. Горшенковъ.*
Прохожій..... *Г. Сосницкій.*
Параша..... *Г-жа Асенкова.*
Слѣпая старуха..... *Г-жа Сибирякова.*
Внукъ ея..... *Асенковъ* (вп.)
1 ..... *Г. Іевлевъ.*
2 ..... *Г. Васильевъ.*
3 ..... *Г. Чайскій.*
говорящіе изъ народа.
Одинъ изъ народа..... *Г. Аѳанасьевъ.*
Солдаты и народъ.

ВЪ ЭПИЛОГѢ.

Неизвѣстный..... *Г. Каратыгинъ 1.*
Жена его..... *Г-жа Валберхова.*
Параша, дочь ихъ..... *Г-жа Асенкова.*
Леонидъ..... *Г. Горшенковъ.*
Капитанъ-исправникъ..... *Г. Третьяковъ*

Первое дѣйствіе происходитъ въ Сибири; второе въ Москвѣ, въ 1801 году; эпилогъ въ Сибири.

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ г-жи Асенковой, 17-го января 1840 года.

ПАРАША СИБИРЯЧКА.

ДѢЙСТВІЕ I.

Мрачный лѣсъ. Свѣтъ на деревьяхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Нѣсколько тунгусовъ сходятся на сцену, съ рогатинами и дубьемъ.

ПЕРВЫЙ, кличетъ.

Эй! эй!

ВТОРОЙ, отзывается.

О! о!

ПЕРВЫЙ.

Ну, что, тоёнъ? Пойдемъ — гдѣ Русскій?

ВТОРОЙ.

Онъ придетъ. Труби! *(Трубятъ въ рогъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ II.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, идетъ изъ лѣса, съ ружьемъ.

ПЕРВЫЙ ТУНГУСЪ.

А, бачка! здорова, здорова!

ВТОРОЙ.

Мы готовы. Пойдемъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Хорошо ли вы знаете дорогу?

ПЕРВЫЙ.

О, какъ же! Руками возьмемъ... Только, смотри — не сробѣй, бачка!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А что?

ПЕРВЫЙ.

Видишь: миша ужь такой... О, такой большой тоёнъ — мы ужъ того — знаешь... поставили бурхану большую подачку...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Такъ стало медвѣдь великъ?

ПЕРВЫЙ.

Да, кажется, такого еще мы и не видывали! Какъ зареветъ, такъ вотъ жилки, бачка, дрожатъ... Нашъ Хочька не пойдетъ съ нами...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Что? Струсилъ? Этакой удалецъ?

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, не струсилъ, а что-то понезлоровилось ему — такъ схватило... *(Смѣется)* Лежитъ въ юртѣ, да охаетъ... Не сробѣй, бачка, смотри!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Не бойся — мы и безъ Хочьки управимся...

ПЕРВЫЙ.

О, про тебя что и говорить! Твоя винтовка еще никогда не давала промаха, да ужь и кто не дивится тебѣ! И откуда у тебя удаль берется? Ты настоящій старинный Тунгусскій богатырь — тебѣ, кажется, смерть родная тетка, такъ не боишься ты ее... что вотъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Полно болтать! Идите; я за вами! Вѣдь сюда идти, налѣво?

ПЕРВЫЙ.

Вонъ туда; тамъ черезъ чащу, да въ долину... а тамъ большая падь...

(Неизвѣстный стоитъ задумавшись, опершись на ружье. Тунгусы уходятъ.)

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Смерть тетка... Нѣтъ! она мнѣ мачиха, что до сихъ поръ я жду и не дождусь ее... пейдетъ, проклятая! А, кажется, я ищу ее такъ давно, и такъ прилежно... Смерть!... Тунгусскій богатырь!... Ха! ха, ха! Бѣдняки не понимаютъ, что тотъ, кто не боится смерти, разумѣется, не струситъ идти на медвѣдя...

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРОХОЖІЙ, выходитъ и останавливается, опираясь на костыль.

Какая дикая пустыня! Куда это я зашелъ? Тутъ нѣтъ и слуха человѣческаго жилища! Кажется, надобно было идти съ перекрестка влѣво? Или я ошибся отъ того перелѣска въ мятель... Лѣсъ, снѣгъ, ни пути, ни дороги... Но, вотъ, кажется, слѣды человѣческіе. Сохрани, Господь, уповающихъ на Тебя! Силы мои истощились — голодъ и жажда мучатъ меня — съ самаго разсвѣта блужу я по сугробамъ...

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРОХОЖІЙ И ПАРАША.

ПАРАША, идетъ, напѣвая пѣсню, и несетъ ведро на коромыслѣ.

Заря, зоренька,
Сестра солнышка!
Ты румяная раскрасавица,
По поднебесью зарумянилась!

ПРОХОЖІЙ.

Что это? Русская пѣсня! Кто эта дѣвушка... Она уходитъ! Стало, здѣсь есть гдѣ нибудь близко жилье? — Эй, послушай, милая, красная дѣвица!

ПАРАША.

Что это за старичекъ?

ПРОХОЖІЙ.

Помогай Богъ, милая!

ПАРАША.

Благодарю. Откуда ты, дѣдушка?

ПРОХОЖІЙ.

Прохожій странникъ, милая. Что ты глядишь на меня? Неужели боишься? Я не злой человѣкъ и христіанинъ!

ПАРАША.

Я и не боюсь тебя; да мнѣ чудно, какъ ты сюда зашелъ?

ПРОХОЖІЙ.

Сбился съ дороги. Сегодня утромъ, помнишь, поднялась было такая мятель, что я думалъ запропаду въ вашихъ лѣсахъ.

ПАРАША.

А куда же ты идешь, дѣдушка?

ПРОХОЖІЙ.

Идти мнѣ еще далеко, а иду я на свою сторону.

ПАРАША.

Далеко ли твоя сторона?

ПРОХОЖІЙ.

Слыхала ли ты о городѣ Кіевѣ.

ПАРАША.

О Кіевѣ? Гдѣ Печерская обитель, гдѣ рѣка Днѣпръ, и князь Владиміръ крестилъ Русь?... Ахъ! какъ не слыхать!

ПРОХОЖІЙ, про себя.

Она знаетъ Кіевъ! *(Въ слухъ.)* А кто же тебѣ разсказывалъ, милая, о моемъ Кіевѣ, моей родинѣ?

ПАРАША.

Матушка сказывала мнѣ, и о Кіевѣ, и о Москвѣ, въ которой сорокъ сороковъ церквей православныхъ.

ПРОХОЖІЙ.

Стало, твоя матушка тамъ бывала? А кто твоя матушка?

ПАРАША.

Зовутъ ее Павла Павловна, а батюшку Александръ Григорьевичъ.

ПРОХОЖІЙ.

Такъ видно здѣсь есть селеніе? Вы здѣсь и живете? Въ этомъ лѣсу?

ПАРАША.

Селенія нѣтъ, а мы здѣсь живемъ — вотъ, тутъ, за лѣсомъ, наша избушка. Не хочешь ли ты отдохнуть? Мы тебѣ будемъ рады — у насъ рѣдко гости бываютъ.

ПРОХОЖІЙ, тихо.

Вѣрно, какой нибудь несчастный ссыльный! *(Въ слухъ.)* А Тобольская дорога близко отъ васъ?

ПАРАША.

Недалеко.

ПРОХОЖІЙ.

И вы живете здѣсь одни?

ПАРАША.

Нѣтъ! подлѣ насъ, вотъ тамъ, живутъ еще Тунгусы, а тамъ вонъ Остяцкая деревня — Пойдемъ, дѣдушка, я проведу тебя; ты отдохни, а тамъ батюшка укажетъ тебѣ дорогу, и проводитъ тебя...

ПРОХОЖІЙ.

Благослови тебя Господь! *(Они уходятъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Бѣдная хижина, скамейка, столикъ. Въ сторонѣ занавѣска отдѣляетъ часть хижины.

ЖЕНА НЕИЗВѢСТНАГО И ПАРАША.

ЖЕНА, входя.

Смеркается, а отецъ твой все еще не воротился... Боже мой! гдѣ-то онъ теперь!

ПАРАША.

Богъ сохранитъ его, милая матушка... Онъ сказалъ, что пойдетъ на охоту съ добрыми нашими знакомыми, Тунгусами. Они вчера приходили къ нему, и долго что-то съ нимъ говорили.

ЖЕНА.

Этого-то я и боюсь. Ужь, вѣрно, не на добро они его уговаривали... Охота! Полно, опять не за медвѣдемъ-ли они отправились!...

ПАРАША.

Ахъ! матушка, ты пугаешь меня! Да, что же, если и за медвѣдемъ — чего бояться? Батюшка такой молодецъ...

ЖЕНА.

Ахъ! Параша!

ПАРАША.

Ты опять станешь плакать, милая матушка! Полно — мнѣ и самой становится грустно... Ты было такъ развеселилась, слушая разсказы этого старичка...

ЖЕНА.

Развеселилась! Я и теперь весела, мой другъ, а какъ послушала, что онъ говорилъ, и вспомнила, какъ молода бывала...

ПАРАША.

Ты и теперь еще моя молодая, красавица матушка! Я какъ на тебя погляжу, такъ мнѣ весело и радостно становится! Да, и о чемъ намъ печалиться? Все у насъ есть; ты, слава Богу, теперь здорова, и батюшка сталъ отъ того повеселѣе. А вотъ опять придетъ весна — Богъ опять украситъ цвѣтами луга и долины; мы опять пойдемъ въ лѣсъ собирать ягоды, да грибы — и намъ будетъ такъ весело — я стану пѣть тебѣ любимыя твои пѣсенки... Полно, не грусти, матушка!

ЖЕНА.

Добрая моя Параша!... А что нашъ гость?

ПАРАША.

Онъ теперь отдыхаетъ. Ахъ! матушка! какой онъ добрый и ласковый, и какъ онъ хорошо говоритъ!... Послушай, матушка: вѣдь я почти людей не вижу, кромѣ того, какъ проѣзжаетъ здѣсь нашъ исправникъ, Игнатій Ѳерапонтовичъ, когда сбираетъ казенный ясакъ. Вотъ и онъ такой добрый, какъ этотъ старичекъ: стало, матушка, вѣрно, всѣ люди добры, которыхъ Богъ создалъ?

ЖЕНА.

Да... всѣ люди добры, милая...

ПАРАША.

Такъ, послушай, матушка — для чего же не живемъ мы съ другими людьми? Для чего живемъ мы одни въ этомъ лѣсу?

ЖЕНА.

Развѣ тебѣ здѣсь скучно?

ПАРАША.

Нѣтъ — оно не то, что скучно... съ тобой и съ батюшкой мнѣ скучно не будетъ, а... иногда мнѣ думается... что тамъ, съ людьми — также не скучно... а особливо, когда слышу я о большихъ городахъ, о Кіевѣ, о Москвѣ?... Мнѣ хотѣлось бы поглядѣть на тамошніе высокіе домы, на тамошнихъ дѣвушекъ...

ЖЕНА.

Можетъ быть, Богъ дастъ, ты и будешь тамъ.

ПАРАША.

Да, вѣдь только съ тобой, и съ батюшкой, милая — безъ васъ я не поѣду туда — лучше

останусь здѣсь, въ нашемъ лѣсу; не правда ли; что и ты поѣдешь со мною туда?

ЖЕНА.

Я? Туда? *(Тихо)* Боже мой! она терзаетъ мое сердце!

ПАРАША.

Ахъ! какъ будетъ это весело и хорошо! Мы тамъ увидимъ столько диковинокъ, столько людей — столько подругъ найду я...

ЖЕНА.

Полно, полно!... Поди-ка, позаботься объ ужинѣ... Отецъ скоро долженъ воротиться...

ПАРАША.

Постой — я спрошу у него: когда поѣдемъ мы въ Москву?

ЖЕНА.

Параша—другъ мой! Что ты говоришь!... *(Слышны голоса.)* Ахъ! вотъ и отецъ твой!..

ПАРАША.

Батюшка! *(Бросается къ нему.)*

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ И НЕИЗВѢСТНЫЙ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, тащитъ шкуру медвѣдя.

Постой, постой, Параша! Вотъ я принесъ тебѣ подарокъ на шубу...

ПАРАША.

Ахъ! какой славной мишка! А, разбойникъ, даромъ, что силенъ былъ, да попался... Ну, милый батюшка, благодарю, благодарю... Да, ты я думаю, усталъ? Сними съ себя даху, положи ружье... Мы тебя ждали, ждали...

НЕИЗВѢСТНЫЙ, садится.

Ждали?

ПАРАША.

Да! Не хочешь ли ты выпить, съѣсть чего нибудь?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Нѣтъ! Я думаю и до ужина недалеко. А поди-ка поднеси по чаркѣ вина моимъ товарищамъ — они мнѣ славно помогали!

ПАРАША.

Сей-часъ! Я вѣдь ихъ знаю; поздороваюсь съ ними по Тунгусски — салымъ алыхъ, тоёнъ... *(Бѣжитъ вонъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

НЕИЗВѢСТНЫЙ И ЖЕНА ЕГО.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Милая Параша!.. *(Женѣ)* Ты опять плакала?

ЖЕНА.

Нѣтъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я вижу по глазамъ. Что, развѣ еще что-нибудь сдѣлалось?

ЖЕНА.

Ничего. *(Молчаніе.)* Ты еще ходилъ за медвѣдемъ... Ты не слушаешь меня... Видно, жизнь тебѣ не дорога, и мои просьбы потеряли въ твоихъ глазахъ всю цѣну...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Видишь — я воротился здоровъ...

(Онъ встаетъ и ходитъ.)

ЖЕНА.

Ты не подумаешь...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Полно! Я хотѣлъ бы совсѣмъ разучиться думать, и прошу тебя избавить меня отъ упрековъ и слезъ! Не былъ ли кто у насъ изъ сосѣдей?

ЖЕНА.

Я и забыла тебѣ сказать, что у насъ теперь гость.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Какой гость? Человѣкъ?

ЖЕНА.

Конечно, не медвѣдь.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Кто такой? Зачѣмъ зашелъ онъ къ намъ?

ЖЕНА.

Прохожій странникъ. Онъ, по обѣщанію, пѣшкомъ ходилъ въ Мангазею, въ тамошній монастырь.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Какой нибудь бродяга!

ЖЕНА.

И теперь возвращается на родину, въ Кіевъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

На *родину!*... У него есть родина? Онъ *возвращается* туда?

ЖЕНА.

Что съ тобой сдѣлалось?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ничего, ничего!... Да, за чѣмъ зашелъ онъ къ намъ? Развѣ мимо насъ дорога?

ЖЕНА.

Онъ сбился съ пути во время мятели, утромъ, и Параша встрѣтила его въ лѣсу, когда пошла за водою.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Не замерзъ, не бось, въ лѣсу!

ЖЕНА.

Такой добрый, почтенный старичекъ. Какъ онъ благодарилъ насъ, сколько намъ разсказывалъ—и о Кіевѣ, и о Москвѣ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И при Парашѣ?...

ЖЕНА.

Да, мы объ его заслушались. Онъ такъ хорошо говоритъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ты могла слушать его болтовню, какъ тебѣ угодно, да за чѣмъ позволяла ты дочери слушать его глупые разсказы—ей, когда ей жить и умирать здѣсь, въ Тунгусскихъ лѣсахъ?... *(Смягчаясь, ласково.)* Ну, полно, полно! Это глупо сдѣлано, да я не сержусь... Дай руку... Гдѣ этотъ старикъ? Вѣдь онъ старикъ, сказала ты?

ЖЕНА.

Да, онъ старичекъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

То есть, старый дуракъ, или старый плутъ—но все равно—я радъ ему! Зовите его сюда...

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И ПАРАША.

ПАРАША.

А ты не знаешь, батюшка, что къ намъ гость безъ тебя пришелъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Слышалъ, милая, и — очень радъ.

ПАРАША.

Такой онъ добрый! Распросилъ теперь, какъ тебя зовутъ и матушку; и говорилъ со мной такъ хорошо, какъ я должна любить и утѣшать васъ, и молиться за васъ Богу.....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Утѣшать!... Молиться!... Что же? Готово ли ужинать?

ПАРАША.

Я тамъ ужь накрыла столъ.

ЖЕНА.

Пойду взглянуть сама. Параша! пойдемъ; отецъ тотчасъ придетъ за нами....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Да, да, идите—я приду. *(Жена его и Параша идутъ, но Параша возвращается.)* Я опять увижу *человѣка* — не полу-звѣря, Остяка или Тунгуса — опять долженъ говорить съ нимъ, припоминать, какъ говорятъ по человѣчески.... *(Параша подходитъ тихо)*. А! Что тебѣ надобно, другъ мой?

ПАРАША.

Ты сегодня опять такой сердитый, а то я было хотѣла спросить тебя.....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Что такое?

ПАРАША.

Зачѣмъ это не ѣдемъ мы съ тобой въ ту сторону, откуда пришелъ этотъ старичекъ? Зачѣмъ живемъ мы всегда въ лѣсу? Развѣ ты никогда не будешь въ Москвѣ? Развѣ тебѣ не хочется туда ѣхать, жить тамъ, съ людьми?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, тихо.

Сердце мое!... *(Въ слухъ)* А тебѣ развѣ хочется туда — къ людямъ?

ПАРАША, обнимая его.

Ахъ! милый батюшка! Такъ бы и полетѣла — хоть бы разъ взглянула, какъ тамъ живутъ, какъ тамъ церкви Божьи съ золотыми головами, и терема Царскіе, и людей, говорятъ, такое множество.....

НЕИЗВѢСТНЫЙ, содрагаясь.

Несчастная!.. *(Парашѣ)* А что же? Вѣрно, тебѣ этотъ старикъ наговорилъ, какъ тамъ хорошо, какъ тамъ весело?

ПАРАША.

Ахъ! я давно ужь и сама о томъ думала; мнѣ иногда становится здѣсь такъ скучно, такъ скучно....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ну, что же? Поѣзжай туда—я тебя отпущу! Поѣзжай съ Богомъ!

ПАРАША.

Безъ тебя и безъ матушки? А ты развѣ не поѣдешь со мною?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я?

ПАРАША.

Да, ты. Мнѣ всегда хотѣлось тебя о томъ спросить, а сегодня, когда нашъ старичекъ разговорился съ нами — мнѣ все такъ живо опять представилось.... Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя нянька, моя добрая старая Агаѳья, я кромѣ тебя и матушки никого не вижу, и мнѣ поговорить не съ кѣмъ.....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А наши добрые сосѣди, Тунгусы?

ПАРАША.

Ахъ! да они какіе-то не люди — они такіе смѣшные.....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Они люди, они болѣе достойны имени человѣка, нежели тѣ, кого ты такъ желаешь видѣть... (*тихо.*) Но что я дѣлаю? Что я говорю? Бѣдное, бѣдное дитя!... Какой проклятый случай завелъ сюда этого бродягу, который вдавилъ въ душу мою новое, ядовитое жало скорби... О, я готовъ удавить его моими руками....

ПАРАША.

А, вотъ и гость нашъ, батюшка!

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ПРОХОЖІЙ.

ПРОХОЖІЙ.

Миръ хозяину дома и Божіе благословеніе!

НЕИЗВѢСТНЫЙ, тихо.

Скрѣплюсь — притворюсь: вѣдь онъ человѣкъ, а съ людьми должно скрываться и лукавить.... (*Оборачивается къ прохожему.*) Великій Боже!

ПРОХОЖІЙ, въ изумленіи.

Если не ошибаюсь... (*Костыль падаетъ у него изъ рукъ.*)

ПАРАША, съ изумленіемъ смотритъ на нихъ.

Что это такое? Развѣ онъ знаетъ его?

ПРОХОЖІЙ.

Вѣрить ли глазамъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, удерживаясь.

Здравствуй, здравствуй, добрый старичекъ, добро пожаловать.... Параша! иди къ матери — мы тотчасъ придемъ...

ПАРАША, тихо.

Что съ ними сдѣлалось? Я и боюсь и радуюсь... Мнѣ хотѣлось бы послушать ихъ... Спрячусь здѣсь... (*Въ слухъ*). Хорошо, батюшка — мы дожидаемся васъ....

(Она идетъ, хлопаетъ дверью и тихонько крадется за занавѣску.)

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ѳедоръ! не обманываютъ ли меня глаза мои? Ты ли это?

ПРОХОЖІЙ.

Александръ! тебя ли я вижу?

(Бросаются въ объятія другъ къ другу.)

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ты здѣсь? Въ Сибири? Въ нашихъ лѣсахъ, гдѣ я не думалъ болѣе видѣть человѣческаго образа?

ПРОХОЖІЙ.

Черезъ 20 лѣтъ я встрѣчаю тебя здѣсь, добрый, старый другъ, товарищъ! Помнишь ли, гдѣ мы разстались? Въ лагерѣ подъ Очаковомъ, когда Князь Григорій Александровичъ послалъ тебя въ Петербургъ курьеромъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А ты прощался со мною, и обѣщалъ, что къ пріѣзду моему будешь маіоромъ!

ПРОХОЖІЙ.

Великій Боже!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я страшусь спросить тебя... Ты въ Сибири, ты здѣсь — нищимъ старикомъ!

ПРОХОЖІЙ.

Воля Божія! Но я возвращаюсь на родину, а ты.... ты, мой другъ и товарищъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ, въ смущеніи.

Скажи... что было съ тобой послѣ того... я помню....

ПРОХОЖІЙ.

Господь смирилъ меня! Тяжка была жизнь моя, но разсказывать ее недолго. Я хотѣлъ сдержать свое обѣщаніе, не жалѣлъ себя, и напрашивался на опасность — молодъ, здоровъ я былъ тогда, и голова моя горѣла безумiемъ почестей! Мы перешли съ Княземъ Румянцовымъ за Дунай, и наканунѣ Мачинской битвы — плѣнъ и страданіе были моимъ удѣломъ! Варвары изувѣчили, увлекли меня, и 15 лѣтъ плѣна въ степяхъ Курдовъ и горахъ Друзовъ сдѣлали изъ молодаго храбраго офицера — видишь, дряхлаго, бѣднаго старика... Я увидѣлъ наконецъ родину, и — никто не привѣтилъ меня... мать моя давно умерла... родныхъ не было у сироты, а моя сабля составляла все мое богатство... Въ горахъ Сиріи... далъ я обѣтъ идти пѣшкомъ къ святынѣ Мангазейской, если Богъ освободитъ меня изъ варварскаго плѣна; теперь исполнилъ я мой обѣтъ и возвращаюсь умереть на родинѣ; посвящу Богу жизнь, которую сохранилъ онъ мнѣ донынѣ... А ты, ты другъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И ты не гнушаешься называть другомъ преступника, который заклейменъ позоромъ въ глазахъ людей, имя котораго — *несчастный*, жизнь котораго — казнь и пытка!

ПРОХОЖІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! вездѣ и всегда — ты для меня прежній Александръ. И Господь не отвергаетъ грѣшника; даже и люди прощаютъ преступленіе...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А самъ себѣ, развѣ проститъ онъ?... Развѣ... А! ты не испыталъ, ты не знаешь того страшнаго наказанія, какое испытываетъ злодѣй, преслѣдуемый совѣстью, Каинъ проклятый Богомъ — если и люди и Богъ его прощаютъ!

ПРОХОЖІЙ.

Александръ! я знаю, я слышалъ, что излишняя пылкость твоя увлекла тебя въ тяжкое преступленіе...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Увлекла! Зачѣмъ хочешь ты смягчить словами ужасный поступокъ мой? Оправдываютъ ли причины и обстоятельства злодѣйство? Шестнадцать лѣтъ страданія, не только не задушили змѣи, грызущей душу мою — нѣтъ! она разрослась здѣсь, въ груди моей — она сосетъ кровь изъ моего сердца — она лишаетъ меня покоя здѣсь, и — надежды тамъ... Напрасно укрылся я отъ людей, напрасно ушелъ отъ нихъ, чтобы и самый видъ ихъ не напоминалъ мнѣ, что есть еще кромѣ меня кто нибудь на свѣтѣ... чтобы и имя мое было ими забыто — его никто здѣсь не знаетъ, кромѣ жены моей, исправника, и — есть еще, Кто знаетъ его, къ ужасу моему...

ПРОХОЖІЙ.

Другъ! неужели ни разу святая надежда...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Надежда? Мнѣ?

ПРОХОЖІЙ.

И раскаяніе передъ Богомъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я не могу молиться!

ПРОХОЖІЙ.

Другъ! ты ужасаешь меня! Нѣтъ такого несчастія, которое лишило бы насъ надежды на милосердіе Божіе...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Есть оно, есть, и оно называется — преступленіе. Оно то ужасное сознаніе, что мы погубили жизнь свою, счастье свое, милыхъ намъ людей, надежду за гробомъ — погубили все, все... (*Останавливается*) А! въ 16 лѣтъ въ первый разъ вдругъ два полярка судьбы... Тебя вижу я, и вотъ — посмотри! Вѣдь это, кажется, слезы — слезы благодатныя!... Другъ! я начинаю думать, что Богъ милуетъ меня!... Я вижу тебя и — плачу!

ПРОХОЖІЙ.

Плачь — слезы спасительны...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ты долженъ узнать все — сердце мое хочетъ высказаться тебѣ — суди меня, осуждай, потомъ презри — возненавидь! Молодъ, бѣшенъ страстями, полонъ надеждами разсталъся я съ тобою; всѣ роды обольщеній, всѣ роды счастья встрѣтили меня въ Петербургѣ и на родинѣ — богатство, чины, добрая мать, дружба, любовь... она увлекла меня, для нея забылъ я все, и повелъ къ алтарю мою подругу, отказался отъ службы, уѣхалъ въ мои богатыя помѣстья... Но кровь моя страшно кипѣла страстями. Рано было уедине-

ніе; мнѣ скоро наскучило оно; скоро не взмилились ласки жены, малютки сына — низкія страсти увлекли меня. Карты, проклятыя карты... Я пилъ, игралъ, увлеченный развратными друзьями, раззорялся, не смотрѣлъ на слезы матери и жены... Въ шумной, буйной бесѣдѣ, я увидѣлъ низкій обманъ друзей, и — рука моя обагрилась въ нечистой крови ихъ... Едва совершилось преступленіе, я узналъ всю глубину бездны, въ какую упалъ...

ПРОХОЖІЙ.

Несчастный другъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Мать моя умерла, когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ — въ острогѣ... Честное имя мое сдѣлалось добычей палача — люди презрѣли, отвергли меня, и самое сожалѣніе, самая любовь ихъ стали моимъ мученіемъ!... О, еслибы юноша, тревожимый несчастными страстями, могъ видѣть теперь меня, могъ пережить со мною эти 16 лѣтъ ссылки и позора, могъ заглянуть въ душу мою — онъ жизнью купилъ бы возвратъ на дорогу добродѣтели...

ПРОХОЖІЙ.

Но неужели и любовь жены твоей, доброй жены твоей, которая добровольно, охотно поѣхала за тобою, оставила все, раздѣлила съ тобой позоръ и бѣдствіе — не была для тебя счастьемъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

О, зачѣмъ она это сдѣлала! Зачѣмъ я согласился... Другъ безчеловѣчный! ты трогаешь самое страшное, самое больное мѣсто души моей, заглядываешь въ самый темный уголъ сердца моего!... Да, да! Но чувство, что я погубилъ бытіе драгоцѣннаго мнѣ сердца... И — ежели я видѣлъ потомъ — потомъ, когда прошелъ порывъ безумнаго ея великодушія — я видѣлъ... и слезу, отъ меня скрываемую, и взоръ укоризны, невольно являвшійся... О, не раскрывай сердца человѣческаго — въ немъ есть такія бездны, куда не долженъ заглядывать человѣкъ... Ты видѣлъ дочь мою, а знаешь ли, что она — она самое ужасное наказаніе въ жизни моей, какое ниспослалъ мнѣ Богъ!

ПАРАША, ТИХО.

О Боже мой! Что онъ говоритъ?

ПРОХОЖІЙ.

Сумасшедшій! Она такая добрая, милая, благочестивая...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А кто она? — Дочь ссыльнаго! Что ждетъ ее? Позоръ, безславіе съ колыбели! Она не знаетъ, а я знаю, что ея сердцу надобны дружба, и любовь, и радости; она не знаетъ, рожденная подъ кровомъ ссыльнаго, въ дикомъ лѣсу, что есть міръ Божій, міръ прекрасный, есть люди, есть радости... И что же, если она явится къ нимъ? Они отвергнутъ ее, прогонятъ, уничтожатъ!... И къ чему родилась она, моя милая, цвѣтущая красотою, съ такой душой, съ такимъ сердцемъ — къ чему?... Что съ ней будетъ, когда умру я, умретъ мать ея?... Нищая — можетъ быть, проклятая людьми — она умретъ, проклиная отца и мать!... И знать, что я, я одинъ всему причиной...

ПРОХОЖІЙ.

Александръ! что ты говоришь? Да, развѣ отсюда нѣтъ возврата? Развѣ страданіе не изглаживаетъ преступленіе... Дай мнѣ — я иду туда; я стану просить за тебя; за мой плѣнъ, за мою кровь я потребую только тебѣ прощенія, свободы, возврата... Юный Государь услышитъ мою просьбу, проститъ тебя...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Какой юный Государь?

ПРОХОЖІЙ.

Развѣ ты не знаешь? Вѣдь теперь воцарился Императоръ Александръ Павловичъ. Его ждутъ лѣтомъ въ Москву для коронованія. Святая надежда Россіи, да будетъ и твоею надеждою.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Нѣтъ! Это невозможно — мнѣ, отсюда — нѣтъ возврата... Простятъ!... Да, зачѣмъ явлюсь я туда? Скрываться отъ людей, или читать мой стыдъ въ ихъ каждомъ взорѣ, въ каждомъ словѣ ихъ?

ПРОХОЖІЙ, послѣ нѣкотораго молчанія.

У тебя тамъ остался сынъ. Ты сказалъ, что у тебя былъ сынъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, холодно.

Вѣроятно, онъ умеръ, сирота безпріютный, и слава Богу, если умеръ...

ПРОХОЖІЙ.

А если онъ еще живъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Живъ?... Да, ты развѣ объ немъ слышалъ что нибудь?...

ПРОХОЖІЙ.

Нѣтъ! но я все узнаю — буду въ Москвѣ, испрошу тебѣ прощеніе; ты увидишь сына своего — милосердіе Монарха и многолѣтнее страданіе очистятъ имя твое отъ позора; дочь твоя останется въ объятіяхъ брата, и кости твои успокоятся тамъ, на родинѣ, подлѣ могилъ отца и матери — и другъ будетъ подлѣ тебя: я не разлучусь съ тобою, Александръ... У меня нѣтъ никого въ мірѣ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Искуситель! что ты говоришь? Зачѣмъ ты изображаешь рай небесный грѣшнику въ адскомъ пламени?... Мнѣ туда? Мнѣ прощеніе? — Увидѣть сына — увидѣть родину — могилу отца и матери — плакать надъ ними — передать мою Парашу брату... Онъ вѣрно живъ, — не правда ли: онъ живъ?... Онъ вѣрно добръ?...

ПРОХОЖІЙ.

И вѣрно съ честью служитъ отечеству. Ты знаешь, что въ нашемъ благословенномъ Русскомъ царствѣ преступленіе отца не безславитъ сына, что ему остаются и имя и имѣніе отцовское, и путь къ заслугѣ не заграждень...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И, можетъ быть, онъ счастливъ! — Онъ почти не зналъ меня, забылъ — а я напомню ему, что отецъ его преступникъ...

ПРОХОЖІЙ.

А дочь твоя? А ея судьба?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Дочь!... О, муки ада! Что же вы такое, если это не адскія мученія?... *(Бѣжитъ вонъ).*

ПРОХОЖІЙ.

Постой, остановись, Александръ!... Иду за нимъ — успокою сердце его, отогрѣю его на моемъ сердцѣ... Боже! услышь молитву мою; даруй словамъ моимъ силу убѣжденія; продли еще жизнь мою, пока я успѣю возвратить его родинѣ, сыну, спасти бѣдную дочь его... Въ милосердіе Русскаго Царя и вѣрю, какъ въ милосердіе Божіе!...

(Уходитъ поспѣшно.)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ПАРАША, выходитъ изъ-за завѣски, блѣдная, едва держась на ногахъ.

Боже великій! Что я узнала, что я услышала?... Отецъ мой! Добрый, несчастный мой отецъ!... О, еслибы жизнью моею могла я искупить тебѣ хоть минуту счастія, могла спасти тебя... мать мою! Такъ, у меня есть также родина? есть братъ?... «Царь милосердъ, какъ Богъ» — говорилъ онъ... Ахъ! зачѣмъ я не птичка Божья, не ласточка — я перелетѣла бы туда, туда, гдѣ тронъ Царя милосердаго — я сѣла бы подлѣ него, у ногъ его, прощебетала бы ему: «Государь добрый! когда всѣ радуются — есть одинъ страдалецъ въ царствѣ твоемъ! Дочь проситъ тебя за отца! Я перелетѣла изъ Сибири далекой — Государь! прости отца моего! *(Падаетъ на колѣни)* Прости, и вся жизнь моя на молитву за тебя»... *(Вскакиваетъ)* Боже всемогущій! Какая мысль! Не Ты ли послалъ мнѣ ее, отецъ милосердый? Не тобой ли она внушена мнѣ?... Я пойду туда, въ Москву, далеко, далеко... Простите, лѣса дремучіе, простите, отецъ и мать! Послѣ того, что я узнала, услышала, мнѣ не жить съ вами — не ваша я — Божья! Если не увижу васъ счастливыхъ — не видать вамъ меня... «Дочь ссыльнаго! Они отвергнутъ ее!..» Да, есть мѣста, гдѣ никого не отвергаютъ, есть святыя обители, гдѣ самъ Господь пріемлетъ, не спрашивая ссыльнаго или вельможи дочь пришла, стучится у дверей и проситъ пристанища!... И Тотъ, Кто птичкѣ указываетъ путь въ теплыя стороны, Кто движетъ по небесамъ облачко перелетное, Кто питаетъ росою цвѣтокъ пустыни — Тотъ поведетъ и доведетъ меня!... Всемогущій! ука-

жи мнѣ путь мой, пошли мнѣ Твоего Ангела Хранителя!...

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПАРАША и ПРОХОЖІЙ.

ПАРАША, увидѣвъ его.

Вотъ онъ — вотъ Ангелъ Хранитель мой!

ПРОХОЖІЙ.

Дочь моя! что съ тобою? Что ты?

ПАРАША.

Дѣдушка милый! ты возьмешь меня съ собою?

ПРОХОЖІЙ.

Что такое? Куда взять?

ПАРАША.

Туда, туда — не знаю куда, куда идешь ты, туда, гдѣ я увижу Государя, и гдѣ выпрошу прощеніе отцу моему....

ПРОХОЖІЙ.

Какъ?

ПАРАША,

Да, я все слышала, я все знаю! Я не останусь здѣсь — я пойду съ тобою! Вѣдь ты хотѣлъ просить Царя за отца моего? Но что слова твои противъ моихъ словъ, твои слезы противъ слезъ дочери... О, мнѣ, мнѣ испросить ему прощеніе!...

ПРОХОЖІЙ,

Какъ? Ты хочешь идти со мною, пѣшкомъ? Да, знаешь ли ты, какъ далеко отсюда Москва?

ПАРАША.

Не дальше рая небеснаго, куда Господь ведетъ насъ черезъ гробъ и могилу! Дѣдушка милый! я недавно узнала тебя, но я полюбила тебя — я пойду съ тобою — возьми меня! Я поведу тебя, когда ты устанешь, я буду утѣшать тебя, когда ты запечалишься, ходить за тобою, когда ты сдѣлаешься боленъ.... Возьми меня! Умоляю тебя, дѣдушка! *(Падаетъ къ ногамъ его.)*

ПРОХОЖІЙ.

Господь всесильный, умудряющій младенцовъ! не Твою ли волю слышу, не Твой ли голосъ внимаю я?... Предпріятіе трудно, тяжко... Бѣдная! а что, если сердца людей затворятся мольбѣ твоей?... А твой отецъ? Что будетъ съ нимъ безъ тебя!

ПАРАША, вставая.

Отецъ мой? На что ему я, если видъ мой теперь не радость ему, а скорбь и мученье! Не говорилъ ли онъ, что рожденіе мое позоръ мой, что я погибну, когда его не будетъ, и жизнь не въ жизнь ему... Если ты не возьмешь меня.... я не могу теперь жить болѣе: все, все погибло для меня.... Не свѣтить болѣе красному солнцу, не жить болѣе Парашѣ.... Старикъ! кровь моя на твою сѣдую голову!

ПРОХОЖІЙ.

Постой, постой, дочь моя!... Боже! да будетъ воля Твоя!... Параша! отнынѣ ты моя дочь — я беру тебя съ собою!

ПАРАША.

Дѣдушка! если отецъ мой отвергаетъ меня — ты заступишь мнѣ его мѣсто, ты удѣлишь мнѣ уголокъ въ сердцѣ твоемъ — ты не отвергнешь меня?

ПРОХОЖІЙ.

Нѣтъ! Не мнѣ, слабому старику, лелѣять надежды твои: сиротамъ, страждущимъ и обремененнымъ есть общій Отецъ — Ему молись, дитя несчастія!

ПАРАША.

Мы уйдемъ съ тобою сегодня же — теперь — ночью.

ПРОХОЖІЙ.

Но я обѣщалъ отцу твоему прожить у него три дня...

ПАРАША.

Три дня!... Да, переживу ли я эти три дня? Нѣтъ, нѣтъ! теперь — или я уйду одна: буду спрашивать дорогу у добрыхъ людей, буду просить у нихъ милостыни... Они не откажутъ мнѣ; я скажу имъ: «Я иду просить у Государя прощенія отцу моему; у васъ есть отцы, у васъ есть дѣти!» Они не откажутъ мнѣ...

ПРОХОЖІЙ.

Дочь моя! молись Богу — мы идемъ немедленно... Я отдохнулъ отъ моего пути...

ПАРАША.

Я пойду и скажу отцу и матери, что я нездорова, не буду ужинать, лягу спать; онъ сегодня утомился на охотѣ и заснетъ крѣпко.

А когда онъ проснется... О, видъ мой не будетъ уже упрекать его; у него уже не будетъ дочери!... Легче ли будетъ ему безъ меня!...

(Она закрываетъ глаза руками и медленно уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПРОХОЖІЙ, одинъ.

Судьбы неисповѣдимыя! Что воля, что желанія смертнаго, если онъ видитъ перстъ Божій, указующій ему путь! «Да будетъ воля Твоя!»... Бѣдный другъ!... Что съ тобою будетъ?... Но, можетъ быть, это послѣднее твое горе... Послѣднее — если только не первая радость ему могила, не первый вѣстникъ радости — смерть!... *(Уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ПАРАША, входитъ, осматривается во всѣ стороны, и долго безмолвствуетъ.

Простите, мои родные!... Завтра, когда вы проснетесь, Параша не придетъ поздравить васъ съ добрымъ утромъ, не скажетъ вамъ: «здравствуй!» не попроситъ вашего благословенія... Далеко, далеко будетъ она, и каждый шагъ будетъ раздѣлять насъ, раздѣлять любовь вашу отъ меня...

Нѣтъ, нѣтъ! Любовь не знаетъ разлуки — съ вами она будетъ, съ вами молитва дочери...

Здѣсь (*вынимаетъ письмо*), здѣсь вы все узнаете, и когда будете читать — благословите меня...

Что тамъ увижу я? Листокъ, сорванный бурей съ роднаго дерева, куда полечу я — сирота безпріютная!...

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ПАРАША, НЕИЗВѢСТНЫЙ, ЖЕНА ЕГО И ПРОХОЖІЙ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Другъ! твое появленіе показало мнѣ, что милосердіе Божіе не оставляетъ человѣка никогда... Давно — давно не былъ я такъ веселъ.... Мнѣ кажется, если только въ будущемъ остаются мнѣ радости — вотъ первый счастливый день мой!... Но, что ты-то загрустился, кажется?

ЖЕНА.

Ты забываешь, что добрый другъ нашъ усталъ сегодня; ему надобно отдохнуть...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Правда, правда!... Параша! что ты здѣсь дѣлаешь?

ПАРАША.

Я... я хотѣла проститься съ вами...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Вотъ, дурочка, какъ будто въ дальнюю дорогу отправляешься!

ПАРАША.

Ахъ! кто знаетъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я тебѣ напередъ скажу, что ты завтра проснешься весела и здорова...

ПАРАША.

Завтра!... Простите, батюшка! (*Она обнимаетъ его.*) Благословите, благословите меня!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Поди, усни спокойно. А завтра, знаешь ли что? Мнѣ обѣщали принести пару живыхъ зайчиковъ — вотъ тебѣ будутъ радости!

ПАРАША.

Матушка! простите!...

ЖЕНА.

Что это, Параша? Ты плачешь?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Плачетъ?

ПАРАША.

Нѣтъ, нѣтъ! я не плачу — я весела — я счастлива...

ЖЕНА.

Право, мнѣ показалось, будто у тебя канула слеза...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Тебѣ все слезы кажутся!

ЖЕНА, тихо.

Ахъ! я потеряла имъ счетъ!

(Параша уходитъ.)

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ну, до свиданія, другъ Ѳедоръ! Тебѣ вотъ здѣсь приготовлена постеля — не взыщи, не мягкая — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Завтра покажу я тебѣ все мое хозяйство, познакомлю тебя съ Тунгусами, и ты навѣрно ихъ полюбишь!... А тамъ, забудемъ, хоть на время, горе, и поговоримъ о бываломъ, предоставляя будущее Богу!

ПРОХОЖІЙ.

Да, Ему, Ему наше будущее! — До свиданья — до завтра!

(Неизвѣстный и жена его уходятъ.)

МЕЛОДРАМА.

Звуки музыки. Прохожій провожаетъ Неизвѣстнаго взорами и остается въ задумчивости. Параша выходитъ, одѣтая по дорожному, и знаками показываетъ, что она готова. Прохожій благословляетъ, обнимаетъ ее и идетъ. Параша идетъ за нимъ медленно, обращаясь къ двери, куда ушли отецъ и мать.

Вдругъ, она не выдерживаетъ своего чувства и бросается къ нимъ. Прохожій останавливаетъ ее. Параша выражаетъ, что она хочетъ проститься съ ними.

Онъ показываетъ, что тогда все предпріятіе ихъ разрушится.

Параша въ отчаяніи. Прохожій указываетъ ей на небо и велитъ молиться.

Она падаетъ на колѣни. Прохожій поднимаетъ руки надъ ея головою и молится.

Поспѣшно вскакиваетъ Параша, и влечетъ Прохожаго за собою.

ДѢЙСТВІЕ II.

Неопрятная комната, убранная по мѣщански. Ѳекла Ѳедосѣевна сидитъ у столика и пьетъ. Танюша въ сторонѣ за работою. Ѳедя, Митя, Маша, Соня играютъ и шалятъ въ углу.

ЯВЛЕНІЕ I.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА, ТАНЮША, И ДѢТИ.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Да, да, дѣтки, не всегда васъ Господь наградитъ! Проситъ, проситъ васъ у Бога, а какъ съ дожину васъ накопится, такъ ужь и прибери васъ, Господи! — Тсъ, вы, бѣсенята, расшумѣлись! Слова сказать не дадите!... Танюшка! а что бишь сказалъ Ѳедоръ Григорьевичъ? Когда онъ обѣщалъ придти?

ТАНЮША.

Да, сегодня, маменька.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Сегодня, да когда? Вѣдь они люди дѣловые — ихъ заставить дожидаться нельзя. А у меня дѣла полны руки. Къ теткѣ Акулинѣ Сидоровнѣ надобно сходить — старушка что-то недомогаетъ. А тамъ на Арбатъ, къ благодѣтелю нашему — надо Митюшку-то въ Корпусъ, либо куда нибудь.... Вотъ, что вамъ! Мать гдѣ ни бери, а васъ корми, да пой, да воспитывай!... Цыцъ, Сонька!... Шутка ли, изъ Рогожской да на Арбатъ; а тамъ еще къ благодѣтельницѣ, Ея Сіятельству, что въ пользу бѣдныхъ играла — авось не выпрошу ли на бѣдность, съ сиротами... Вѣдь нынче.... Охъ, хо, хо! время, время такое....

ТАНЮША.

Да вѣдь, маменька, что-же? Есть насъ бѣднѣе. У насъ таки и пенсія, и отъ батюшки осталось...

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Ахъ! ты негодная! Да, какъ ты смѣешь говорить? Да, гдѣ ты этакихъ мыслей набралась? Ахъ! ты, дѣвчонка гадкая! Да, какая у насъ пенсія? Да что у насъ осталось?... Домишко-то? Да, онъ весь развалился!... Да, если бы не горячими слезами вымаливала, такъ вы съ голоду бы давно передохли! Видишь — богатая выѣхала, барышня бѣлоручка! Этакъ ты другимъ говорить станешь!... Ужь не эта ли нищая Сибирячка тебѣ наговорила?

ТАНЮША.

Ахъ! нѣтъ, маменька! Она почти ничего не говоритъ. Она все плачетъ только, да молится!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Плачетъ!... Видно, слезки-то дешевы; молится!... Видно, лучше-то дѣлать нечего!... А все, вотъ моя доброта — навязала себѣ на шею дѣвку, и Богъ знаетъ кто такая, зачѣмъ?

ТАНЮША.

Маменька! вѣдь вы говорили, что старичекъ, который съ ней пришелъ, былъ благодѣтель моему отцу, и, что гдѣ онъ живетъ, на томъ домѣ благословенье Божіе.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Дура ты! Мало ли что говорится! Конечно, благословеніе было бы, еслибы онъ умѣлъ брать все, что дадутъ благочестивые люди... а онъ, поди-ко, и не думаетъ... Ходитъ себѣ по судамъ за справками, да къ знатнымъ — Да, знатнымъ-то до того ли имъ? Эвося выѣхать! Теперь готовятся пиры, да балы...

ТАНЮША

Неужели никто не пожалѣетъ о бѣдной дочери, которая пришла пѣшкомъ просить прощенія отцу своему?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Такъ, какъ же она проситъ? То больша сдѣлалась — нѣженка! Вишь, устала, изъ Сибири пѣшкомъ пришла — изъ Сибири — пришла, а кто знаетъ? Можетъ и пріѣхала!... А тутъ сидитъ, да плачетъ! Этакъ развѣ просятъ? Вотъ я, какъ о пенсіи хлопотала, такъ, бывало, пороги обобьешь, да слугѣ-то въ ножки — «Доложи барину!» — А секретарю-то и пообѣдать не дашь — онъ за кусокъ, а ты, бывало, ужь и тутъ, да и въ ноги — «батюшка! спаси сироту горе горькую! Не пусти по міру съ дѣтьми!»... Такъ, вотъ, какъ дѣла-то дѣлаютъ, а не этакъ, что изъ Сибири пріѣхать, да плакать, да молиться, да другихъ сиротъ объѣдать, которыя изъ милости уголъ дали, себя стѣснили...

ТАНЮША.

Маменька! вѣдь они намъ за квартиру заплатили!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Заплатили! Заплатили! А тебѣ съ чего толковать? Этакъ ты другимъ скажешь, да и дѣвкѣ-то все дѣло испортишь. Скажутъ — «богата-дескать!...» Заплатили! Да, такъ мнѣ откуда бы взять кормить-то ихъ? А? Да, развѣ я не хлопочу за нее? То же на ея имя и отъ благодѣтелей собираю, хоть старику и не говорю; все отдамъ, не воспользуюсь, не покорыстуюсь — да, сохрани меня, Господи! Да, вотъ и Ѳедора Григорьевича сегодня пригласила, посовѣтоваться съ нимъ о дѣлѣ нашей Сибирячки — вѣдь его надобно угостить — все расходы... Вотъ и онъ, кажется? (*Смотритъ въ окно.*) Пожалуйте, пожалуйте, отецъ родной! — Поди, зови нашу плаксу Сибирячку, а я приготовлю закусить, да водочки!... (*Танюша уходитъ. Дѣти бѣгутъ за нею.*) Тише вы, бѣсенята! Нелегкая васъ поберя!

ЯВЛЕНІЕ II.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА И ПИСУЛЬКИНЪ.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Мое почтеніе, матушка, Ѳекла Ѳедосѣевна!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Батюшка, Ѳедоръ Григорьевичъ! Пожалуйте, отецъ родной! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Охъ! заботы одолѣли, матушка! Дѣло наше приказное — день бѣгаешь, ночь сидишь; судьи нынѣче стали не прежніе, не нашего времени — вѣдь дѣла сами читаютъ... Охо, хо! Такъ пишетъ прозебку, да, знаете — за ухомъ почесываешь! Охо, хо! Утрудился дальнимъ путемъ!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Да, не угодно ли, батюшка, водочки? Извини на сиротскихъ недостаткахъ...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Благое дѣло! Здоровья и долгоденствія? (*Пьетъ и пьетъ.*) Ну, матушка, какъ поживаете?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Худо, отецъ родной — дѣло сиротское... Вотъ дѣвка на возрастѣ — вотъ сынишка надо опредѣлить...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ что же? Сынку мѣстечко сыщется, только бы по батюшкѣ пошелъ! Вашъ супругъ, Ѳекла Ѳедосѣевна, былъ человѣкъ — вотъ ужъ можно сказать — человѣкъ онъ былъ!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Что ты, отецъ мой? Да, чей же онъ человѣкъ былъ? Вѣдь отецъ его былъ въ воеводской канцеляріи подьячимъ...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Вы не поняли, то есть, Ѳекла Ѳедосѣевна, видите, не поняли: я аллегорически говорю, что человѣкъ онъ былъ... Да, впрочемъ, признаться — время мнѣ дорого; вотъ еще тутъ къ сосѣду вашему забѣжать — прозебку ему; а отъ него въ Таганку — въ конкурсъ; а тамъ въ Палату надо поспѣть... Такъ, что такое? чѣмъ могу служить?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Да, не о себѣ хочу трудить, а о той Сибирячкѣ, что призрѣла Христа ради...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Помню, помню, хоть и не вслушался хорошенько. Вы, знаете, таково скоро говорили.. Объясните же, матушка...

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

А вотъ она сама вамъ объяснитъ.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ПАРАША.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Вотъ, батюшка, рекомендую вамъ сиротку, которая покорнѣйше проситъ васъ... Кланяйтесь, сударыня, кланяйтесь: это вашъ благодѣтель, Ѳедоръ Григорьевичъ Писулькинъ...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Если имѣю случай быть полезнымъ, позвольте мнѣ... (*Ѳекл.*) Да, что же она ничего не говоритъ?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Ну, дѣло сиротское, отецъ ты мой, и дочь такого человѣка, что.... Проси, сударыня, проси, кланяйся!

ПАРАША.

Я не знаю г. Писулькина; не знаю, о чемъ мнѣ и просить его.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Какъ о чемъ?... Вотъ, все хлопочи за васъ... Видите, батюшка, то есть, ея батюшка въ несчастіи, въ Сибири; такъ она пріѣхала похлопотать за него; такъ не откажись, родной, научить уму разуму...

ПИСУЛЬКИНЪ.

А позвольте, сударыня — имени вашего знать чести не имѣю — вы меня извините — просить васъ сѣсть, и разсказать мнѣ о дѣлѣ... Вы изъ Сибири?

ПАРАША.

Да.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Холодная сторона! Говорятъ, тамъ ѣздятъ на медвѣдяхъ и оленяхъ... Такъ-съ, знаемъ!... Вашъ батюшка, вѣроятно, чиновникъ былъ?

ПАРАША.

Я не знаю.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ-съ. А сущность дѣла его вамъ, конечно, извѣстна, то есть, сущность... Вѣроятно, онъ вамъ объяснилъ...

ПАРАША.

Я ничего не знаю.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ, вѣроятно, у васъ есть бумаги, гдѣ можно видѣть...

ПАРАША

У меня нѣтъ никакихъ бумагъ.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ-съ. Но имя ваше?

ПАРАША.

Меня зовутъ Парашей.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Хмъ! Хе, хе, хе! Ну, а батюшку вашего?

ПАРАША.

Александръ Григорьевичъ.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ, Прасковья Александровна; но — фамилія родителя вашего и бывшее званіе его...

ПАРАША.

Я васъ не понимаю.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Ѳекла Ѳедосѣевна! что же, я тутъ ничего сдѣлать не могу. — Нельзя ли мнѣ растолковать поясните!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Охъ! не сердитесь, отецъ мой! Ее дѣло сиротское...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Да, что жъ — сиротское! Мнѣ потребно знать сущность дѣла, и средства, и способы... (*Параш.*) Вашъ родитель, вѣроятно, васъ рекомендовалъ своимъ благодѣтелямъ...

ПАРАША.

У меня одинъ благодѣтель — Богъ!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Умно; но однако жъ — вѣдь вы пріѣхали въ Москву...

ПАРАША.

Я пѣшкомъ сюда пришла.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Пѣшкомъ? Какъ?... Но, какъ же пѣшкомъ могли вы принести... такъ... то есть, деньжонки, напримѣръ, или что нибудь...

ПАРАША.

У меня не было денегъ.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Ну, да вѣдь Сибирь земля богатая — собольки тамъ, говорятъ, по улицамъ бѣгаютъ... Иногда и парочка ихъ стоитъ чего нибудь... Вѣдь и на дорогу вамъ надобно было что нибудь...

ПАРАША.

Наоъ везлѣ добрые люди даромъ кормили, и на дорогу намъ давали...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ вы милостыней питались?

ПАРАША.

Они говорили, что даютъ не мнѣ, но Богу!

ПИСУЛЬКИНЪ, отводя Өеклу Ѳедосѣевну.

Послушайте, Өекла Ѳедосѣевна: тутъ что-то странное! Она, либо дура, либо — плутовка!

ӨЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Что вы, отецъ мой!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Да, какъ же? Нынѣ времена мудреныя — что это такое? Морочитъ, что ли она насъ! Изъ Сибири, пѣшкомъ, ни съ чѣмъ, ни къ кому, сама не знаетъ за чѣмъ! Смотрите!

ӨЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Охъ! батюшка! не пугайте вы меня!

ПИСУЛЬКИНЪ, гордо.

А позволь, милая, спросить: у тебя есть видъ какой? паспортъ, то есть?

ПАРАША.

Я васъ не понимаю.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ, неужели вы, Өекла Ѳедосѣевна, держите у себя неизвѣстную вамъ дѣвушку, безпаспортную?

ӨЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Что ты, что ты, родной! Да, вѣдь съ ней пришелъ старикъ богомолецъ, мнѣ знакомый... старый такой...

ПИСУЛЬКИНЪ.

А имя его извѣстно ли вамъ?

ӨЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Вотъ ужъ этого-то ты и не спрашивай. Наше дѣло женское.

ПИСУЛЬКИНЪ.

То-то, сударыня Өекла Ѳедосѣевна, видно, на всякаго мудрена бываетъ довольно простоты, хоть къ вамъ, кажется, и нельзя примѣнить пословицы, что у женщины волосъ дологъ, да умъ коротокъ! У реченнаго старца богомольца имѣется ли законный видъ? Во оном видѣ означена ли сія дѣвица Парасковія? Записали ль вы видъ ихъ, гдѣ слѣдуетъ? Дѣло женское, дѣло женское...

ӨЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Ахти, батюшка! не погуби!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Дѣло женское... А если дѣвица оная вида не имѣетъ, занеможетъ, кончитъ животъ — пособитъ ли вамъ дѣло женское?

ӨЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Охъ! не сердись, родной! Винюки, выслушай!..

ПИСУЛЬКИНЪ.

Я и то виняю! (*Пьетъ водку и пстъ.*) Хорошо, хорошо!... Послушай, моя милая — то есть, вашъ... твой батюшка неужели ничего не говорилъ (*наливаетъ рюмку и держитъ ее въ рукѣ*), когда отпускалъ васъ... тьфу... тебя...

ПАРАША.

Я тихонько ушла отъ него, скрылась, убѣжала — онъ не отпустилъ бы меня...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Какъ? (*Рюмка падаетъ у него изъ рукъ.*)

ПАРАША.

Съ надеждой на Бога и на Государя, пришла я сюда...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Государя? Что это значитъ?

ПАРАША.

Я у него буду просить прощенія отцу моему; я скажу ему, что я пришла изъ Сибири... Онъ милосердъ — онъ отецъ нашъ — мы всѣ дѣти Его...

ПИСУЛЬКИНЪ, схватывая шляпу.

Прощайте, Ѳекла Ѳедосѣевна!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА, держитъ его

Отецъ мой! Батюшка! Благодѣтель!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Тутъ какое-то казусное дѣло... Ей идти къ Государю? Это что? Да какъ? Да, съ чего?... Безъ паспорта... Сдѣлайте милость, увольте... Прошу и не сказывать, что я тутъ вмѣшивался — свидѣтелей, спасибо, не было... Я совѣтую тебѣ, голубушка, если ты обманщица и плутовка, вспомнить...

ПАРАША.

Обманщица!

ПИСУЛЬКИНЪ

Что въ Москвѣ есть полиція, и отъ нее глупостью, да незнаніемъ не отговоришься... Ты къ Государю? Да, кто тебя пуститъ? Да какъ ты смѣешь? Прощайте, Ѳекла Ѳедосѣевна! Не ожидалъ я отъ васъ, не ожидалъ...

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Кормилецъ, отецъ, благодѣтель! (*Параш*ѣ) А съ тобой, сударыня, я справлюсь — сегодня же съ двора долой!... Видишь: изъ Сибири этакая барышня выѣхала... (*Бѣжитъ за Писулькинымъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПАРАША, одна.

Что я имъ сдѣлала? За что они разбранили меня?... Обманщица!... Меня не пустятъ къ Государю!... Съ двора долой!... Боже Великій!... И мой благодѣтель такой грустный... Когда я спрашивала его вчера, онъ сказалъ мнѣ: «Погоди, дочь моя! Молись Богу, Параша! Не на людей мы надѣялись, а на Бога и Царя!» Погодить... А если каждая минута медленія убиваетъ моего отца — если онъ изнываетъ теперь въ ожиданіи — если я выпрошу ему милость и принесу ему на могилу его!... Неужели Господь провелъ меня черезъ тысячи верстъ лѣсовъ и пустынь, и теперь отвергнетъ меня... Нѣтъ! Нѣтъ!

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАРАША И ТАНЮША.

ТАНЮША.

Параша, Параша! слышала ли ты новость?

ПАРАША.

Новость? Что такое?

ТАНЮША.

Государь пріѣхалъ!

ПАРАША.

Государь!

ТАНЮША.

Да, сегодня въ ночь, и сегодня въ первый разъ явится онъ намъ всѣмъ въ Кремлѣ, когда изъ Дворца пойдетъ молиться въ Успенскій Соборъ.

ПАРАША, трепеща.

Развѣ всѣ его могутъ видѣть?

ТАНЮША.

Вотъ еще! Дѣтямъ запретить видѣть отца своего! Вѣдь онъ нашъ отецъ!

ПАРАША.

И отъ него не гонятъ никого? Къ нему всѣ могутъ подойдти?

ТАНЮША.

Вотъ хорошо! Да, ты посмотрѣла бы, какъ нашего Государя окружаетъ толпа народа, какъ всякій тѣснится къ нему, цѣлуетъ его руку, смотритъ на него... Да, когда же намъ на него и наглядѣться? Царь наше солнышко свѣтлое — на кого онъ взглянетъ, тотъ становится веселъ и счастливъ!

ПАРАША.

Веселъ и счастливъ!... Боже! Туда?... Но они сказали, что меня не пустятъ!...

Отецъ милосердый! Но переживу ли я? Дойду ли я?... Могу ли говорить?... Напишу! Танюша! дай мнѣ бумаги, перо!

ТАНЮША.

Что съ тобой? Ты дрожишь? Что ты пишешь? (*Читаетъ изъ за пера*) «Государь милосердый! Я пришла изъ Сибири, просить прощенія отцу моему — Государь! прости его! Господь благословитъ тебя, а я стану за Тебя молиться!»

ПАРАША.

Ни слова больше! (*Въ восторгѣ*) Танюша! прощай! Если ты меня еще увидишь, я уже буду счастлива... Если не приду сегодня... не жди меня никогда!

ТАНЮША.

Что ты говоришь? Куда ты идешь?

ПАРАША.

Въ Кремль — туда, къ Царю, къ отцу нашему!

ТАНЮША.

Ты не знаешь дороги.

ПАРАША.

Я спрошу у перваго: куда идти? гдѣ живетъ Государь? Я буду смотрѣть на золотую голову Ивана Великаго — я спрошу у сердца моего, у земли Русской: она отвѣтитъ мнѣ, скажетъ, гдѣ живетъ милосердый Государь!... Боже! благослови! (*Бѣжитъ вонъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТАНЮША, и потомъ ПРОХОЖІЙ.

ТАНЮША.

Ахъ! Боже мой! Что это она дѣлаетъ! Что скажетъ маменька?

ПРОХОЖІЙ, входитъ задумчивый.

И опять холодный отказъ! И три человѣка, на которыхъ я надѣялся, три богача, три временщика отказали мнѣ. Одинъ — не пустилъ меня къ себѣ — тотъ, которому нѣкогда въ битвѣ спасъ я жизнь! Другой, бывшій другъ мой, едва узналъ въ старикѣ бывшаго капитана своего... Онъ теперь силенъ и великъ, а я бѣденъ, нищій, калѣка. А третій — коварный себялюбецъ... совѣтовалъ мнѣ не мѣшаться въ дѣло... И эта барыня, которая плакала о смерти своей собачки, презрительно улыбнулась, когда разсказалъ я, что дочь пришла изъ Сибири, пѣшкомъ... А та — та, которая давала концертъ для бѣдныхъ... Ей, правда, нѣкогда было — она примѣривала новое платье... Люди, люди! неужели только нищета и несчастіе научаютъ васъ быть людьми! Горе вамъ, сильные земли! если вы не думаете, что Богъ потребуетъ отчета, что сдѣлали вы изъ вашей силы и богатства!... Но, гдѣ Параша?

ТАНЮША.

Я боюсь вамъ сказать...

ПРОХОЖІЙ.

Что такое? Ради Бога...

ТАНЮША.

Она ушла въ Кремль.

ПРОХОЖІЙ.

Одна?

ТАНЮША.

Когда услышала она, что Государь пріѣхалъ, и сегодня пойдетъ въ Успенскій Соборъ, какъ безумная бросилась она...

ПРОХОЖІЙ.

Боже мой! Ее тамъ задавятъ, сомнутъ — тысячи народа бѣгутъ туда... Она, вѣрно, хочетъ увидѣть Государя; но она не знаетъ, что нельзя, невозможно... Но, нѣтъ, нѣтъ! у насъ возможно! (*Съ радостнымъ восторгомъ.*) Милосердію Бога нѣтъ границъ — нѣтъ ихъ и милосердію Русскаго Царя! Въ храмъ Божій всегда отверзты двери — и къ Царю всюду доступъ его дѣтямъ!... Я размышлялъ, сомнѣвался, а она рѣшила и исполняетъ? Съ дѣтскимъ чувствомъ любви, съ надеждою и вѣрою, приступаетъ она прямо къ трону Владыки Русскаго... Богъ не отвергалъ младенцовъ — Царь, подобіе Бога на землѣ — не отвергнетъ ихъ... Иду туда, и полнъ нея поставлю мою сѣдую голову... Чего не скажутъ ея слезы, то договорятъ слова мои! Господь! веди меня!

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТАНЮША И ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Насилу-то уговорила, чтобы не гнѣвался Ѳедоръ Григорьевичъ!.. Вотъ, сударики мои, дѣлай этакъ добро... Но говорятъ, Государь пріѣхалъ... Танюшка! одѣвайся; пойдемъ въ Кремль — туда вся Москва идетъ, а мы развѣ не люди, а мы развѣ не хотимъ Государя видѣть...

(Уходитъ съ Танюшей.)

=

Кремлевская площадь. Звонъ на Иванъ Великомъ. Толпа народа ходитъ по площади; слышны говоръ и шумъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЕРВАЯ ТОЛПА.

Сюда, сюда! Здѣсь виднѣе!

ВТОРАЯ ТОЛПА.

Пріѣхалъ, пріѣхалъ!

ПЕРВАЯ ТОЛПА.

Скоро выйдетъ!

ПАРАША, ВЫХОДИТЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Такъ это-то царскій Кремль, это Иванъ Великій, это соборы православные? Но гдѣ же дворецъ царскій? Куда мнѣ идти? Гдѣ стать на ту святую землю, на которую ступитъ нога Государя, и гдѣ онъ явится мнѣ ангеломъ милосердія? Спрошу... у кого?

(Старушка, слѣпая; ее ведетъ мальчикъ.)

ПАРАША.

Бабушка! позволь тебя спросить...

СТАРУШКА.

Что, родимая?

ПАРАША.

Гдѣ мнѣ увидѣть Государя?

СТАРУШКА.

Будто ты не знаешь!

ПАРАША.

Не знаю, бабушка. Я недавно въ Москвѣ, и не здѣшняя.

СТАРУШКА.

Ну, и не диво. Вѣстимо, Царь пойдетъ съ Краснаго крыльца въ соборъ. Тутъ и надобно стать, на Царской площади, гдѣ сукно разстелятъ. Да, пойдемъ со мною; я тебѣ покажу...

ПАРАША.

Ахъ! бабушка! какъ ты одолжишь меня!

СТАРУШКА.

И, родимая! Да, кому же батюшку нашего видѣть не хочется? — Веди, Ванюша, а ты не отставай, милая!

ПАРАША.

Бабушка! да, развѣ ты сама не видишь?

СТАРУШКА.

Вотъ ужъ десятый годъ, какъ наказалъ Господь!

ПАРАША.

Да, какъ же ты увидишь Государя?

СТАРУШКА.

А развѣ у души моей нѣтъ очей? Развѣ я меньше счастлива буду, если услышу, какъ пойдетъ онъ? А можетъ, Господь со мной и чудо сдѣлаетъ — просвѣтитъ мнѣ очи мои на то мгновеніе!

ПАРАША.

О, кого такъ любятъ — тотъ милосердъ и не отвергнетъ меня! Пойдемъ, пойдемъ скорѣе!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА И ТАНЮША.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Ну, ужь затолкали, да и только! Какіе невѣжды! Никакой амбиціи нѣтъ! Пустите! Дайте пройдти!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПИСУЛЬКИНЪ, ПОДХОДИТЪ КЪ НЕЙ.

Что, матушка, и вы сюда пожаловали?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Да, вотъ пробиться не могу! Такіе грубіяны — не пускаютъ меня, какъ будто я какая мѣщанка! Пособи, родимый, проведи насъ! Тебѣ, чиновной особѣ, дадутъ проходъ....

ПИСУЛЬКИНЪ.

Нѣтъ, матушка! Тутъ вѣдь самъ Государь, такъ къ нему всѣмъ свободный доступъ — не

то что въ судѣ у насъ! Тутъ толкни-ка кого нибудь, такъ такъ натолкаютъ... Господа! посторонитесь — дамѣ мѣсто!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРОХОЖІЙ, ВХОДИТЪ.

Нѣтъ! я не могъ ее встрѣтить! И гдѣ увидѣть ее между тысячами? Москва вся въ Кремлѣ, вся двинулась на встрѣчу великому Гостю своему! Попытаюсь еще — позвольте пройти, господа! Дайте старику не умереть, не видавши Государя!

НАРОДЪ.

Ступай, ступай, дѣдушка! *(Пропускаютъ его.)*

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Вотъ, какого-то старичишка пропустили, а меня, чиновницу... *(Звонъ усиливается.)*

НАРОДЪ.

Государь! Государь! — Идетъ, идетъ! Шапки долой! Ура, Ура! *(Всѣ бѣгутъ въ одну сторону. Сцена почти пуста.)*

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА, которую толкаютъ.

Тише, батюшка, тише! Охъ! пустите душу на покаяніе!

(Слышны за сценою крики: Ура! Ура! Народъ опять толпою бѣжитъ на сцену).

НАРОДЪ.

Видѣли, видѣли!

ПЕРВЫЙ.

Онъ кланялся всѣмъ!

ВТОРОЙ.

Какой красавецъ!

ТРЕТІЙ.

Какой милостивый!

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАРАША, безъ чувствъ; ее несутъ на рукахъ. Народъ тѣснится кругомъ.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Что это такое? Ѳекла Ѳедосѣевна — вѣдь это ваша Сибирячка!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Ахти, и точно она!

ТАНЮША, бросается къ Парашѣ.

Милая Параша! Помогите ей!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Что сдѣлалось!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Она подала просьбу Государю.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Ахти! бѣда! Да, какъ она прошла, какъ осмѣлилась?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Я стоялъ подлѣ самаго сукна, а подлѣ меня стала слѣпенькая старушка, съ мальчикомъ, да, эта дѣвушка; а сама, вся такъ и дрожитъ, и слышу, молитву творитъ. Ну, да, знаешь, не до того... А какъ вышелъ паша падежа па Красное крыльцо, да какъ глянулъ орлинымъ взглядомъ, да какъ поклонился, такъ ужь отъ слезъ-то я и свѣта не взвидѣлъ. Кричу: Ура! забылъ все — сердце такъ-бы вотъ па дорогу ему выложилъ—а вотъ скажи онъ — такъ и па тысячу бы одинъ пошелъ... А онъ-то, соколъ пашъ, и пошелъ, и идетъ, и кланяется — а какъ поравнялся съ нами, дѣвушка-то и упала ему въ ноги, да руками-то ухватилась и рыдаетъ, и говоритъ: «Государь, Государь! помилуй, помилуй! прости отца моего! Я изъ Сибири пришла пѣшкомъ — помилуй его, Государь!»

НАРОДЪ.

Изъ Сибири! Пѣшкомъ!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

А онъ остановился — взялъ у нея изъ рукъ какое-то письмо, и говоритъ: «Встань, встань, мой другъ!» — и самъ ее поднимаетъ...

НАРОДЪ.

Онъ съ ней говорилъ! Онъ самъ поднималъ ее!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Тутъ всѣмъ, кто стоялъ, какъ будто Господь слово далъ, всѣ за одинъ голосъ: «Надежа Государь! помилуй!» А кто на колѣни, кто ему въ ноги! «За твоего отца всѣ просятъ — я прощаю его!» сказалъ Государь... Братцы, други, Русскіе люди! О, если бы въ ту минуту могли вы видѣть лицо его, слышать его... Она, какъ услышала: «Прощаю!» такъ и покатилась, а Государю и проходу не даютъ! — «Дайте,» говорятъ

один — «пустите его: онъ за насъ молиться идетъ!» Тутъ генералъ отъ Государя подошелъ и началъ говорить съ какимъ-то старикомъ, что подлѣ дѣвушки стоялъ, а мы подхватили ее, сердечную, да вынесли сюда... Не умерла ли, полно?... Эхъ! какая молодая, а видно спознала горе...

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДОБРОВЪ, ЛЕОНИДЪ, ПРОХОЖІЙ.

ДОБРОВЪ.

Пустите, братцы, пустите! Гдѣ та дѣвушка, что Государю просьбу подала?

НАРОДЪ.

Здѣсь! Здѣсь!

(Параша опомнилась, глядитъ кругомъ, протираетъ глаза. Леонидъ съ трепетомъ стоитъ въ отдаленіи.)

ПАРАША.

Мнѣ казалось... Въ раю была я, или сонъ то былъ?...

ДОБРОВЪ.

Не сонъ... Государь простилъ отца твоего!

ПАРАША, вскакиваетъ.

Не обманывай меня... Скажи!...

ПРОХОЖІЙ.

Параша! опомнись: твой отецъ прощенъ— онъ опять получилъ честное имя, честь свою...

ДОБРОВЪ.

И Государь велѣлъ благодарить тебя, что ты дала ему случай на доброе дѣло... А этого молодца знаешь ли ты? Онъ мой сосѣдъ, на рукахъ моихъ воспитанъ и выросъ, а — имя его... онъ — братъ твой!

ЛЕОНИДЪ.

Сестра!

ПАРАША, бросается къ нему.

Братъ мой!... (*Бросается на колѣни*) Боже! возьми жизнь мою и благослови милосердаго Государя!

(Народъ кричитъ: Ура! — Прохожій, за Парашею, подъемлетъ руки къ небу въ безмолвіи. Занавѣсъ опускается.)

ЭПИЛОГЪ.

Декорація перваго дѣйствія. Внутренность хижины Неизвѣстнаго. Онъ лежитъ на бѣдной постелѣ; жена сидитъ подлѣ него.

ЯВЛЕНІЕ I.

НЕИЗВѢСТНЫЙ И ЖЕНА ЕГО.

ОНА.

Ты проснулся?

ОНЪ.

Да, и чувствую, что сонъ подкрѣпилъ меня. Мнѣ лучше, другъ мой!

ОНА.

Слава Богу!

ОНЪ.

Ты благодаришь Бога? Добрая подруга моя! Я не зналъ тебѣ цѣны прежде — прости меня!

ОНА.

О другъ мой!

ОНЪ.

Да, гордость и свирѣпость владѣли моимъ сердцемъ, и несчастіе не смиряло меня. Съ какимъ ужасомъ думаю теперь, что смерть могла застать меня въ грѣхѣ ожесточенія! Я искалъ смерти, и — страшился ея... Онъ пріемлетъ только смиреніе; Онъ прощаетъ только кроткимъ...

ОНА.

Тебѣ вредно говорить!

ОНЪ.

Нѣтъ! Что же, если смерть и кончитъ бытіе мое — я готовъ теперь, а вѣдь ты недолго переживешь меня? Только не умирай прежде — а если и ты оставишь меня... Да, я думалъ, что вся мѣра бѣдствій истощена надо мною, но разлука съ Парашею показала мнѣ, что еще былъ для меня участокъ счастія на землѣ.

ОНА.

Полно, мой другъ!

ОНЪ.

Не бойся, не бойся — я роптать не стану... Благословляю Создателя такъ же за бѣдствіе, какъ за счастье... А знаешь ли? Мнѣ... мнѣ хотѣлось бы опять прочитать письмо Параши... Дай мнѣ его... Сегодня мы еще его не читали... (*Она подаетъ ему письмо.*) Да, это оно!... (*Цѣлуетъ его и плачетъ надъ нимъ.*)

ОНА.

Другъ мой!...

ОНЪ.

Не бойся — это слезы почти радости. Знаешь ли, что сегодня, въ первый разъ послѣ разлуки съ нею — я видѣлъ ее во снѣ?...

ОНА, падаетъ на скамью.

О Боже мой!

ОНЪ, поднимаясь на постелѣ и оживляясь постепенно.

Да, да, я ее видѣлъ — она, казалось мнѣ, слетѣла откуда-то — у нея были золотыя крылья... Да, да, я видѣлъ... Тутъ была и ты... Она обняла насъ обоихъ... Ничего не сказала — и полетѣла куда-то, полетѣла... и все манила насъ рукой! И все улыбалась намъ! (*Онъ встаетъ, забывшись.*)... Да, да, улыбалась, и мы шли за нею... и кто-то пѣлъ, такъ сладко, такъ хорошо... и сердце мое усладилось, какъ будто я напилакался вдоволь...

ОНА.

Ахъ! не смерть ли ея предвѣщаетъ твой сонъ!.. Гдѣ ты, моя Параша?

ОНЪ.

Гдѣ? Можетъ быть, тамъ — дома... О, не плачь — благослови ее... Хотѣлъ бы я только видѣть ея могилу, лечь подлѣ нея. (*Останавливается*)... Мнѣ кажется, тамъ что-то шумятъ, говорятъ? Слышишь? Кто бы это?

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ИСПРАВНИКЪ.

ИСПРАВНИКЪ.

А, здравствуй, Александръ Григорьевичъ! Поздравляю, братъ, поздравляю...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Съ чѣмъ?

ИСПРАВНИКЪ.

Да, видишь: ты молодецъ молодцомъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Да, мнѣ теперь лучше...

ИСПРАВНИКЪ.

Садись-ка, садись — поговоримъ! Вотъ, видишь... (*тихо*) Какъ начать?...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Вы что-то смущены, Игнатій Ѳерапонтовичъ? Скажите: не случилось ли несчастія?

ИСПРАВНИКЪ, ходитъ по хижинѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! Такъ, братецъ!... Что ты все о несчастіяхъ говоришь... Думай, что Богъ иногда и счастье намъ посылаетъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Его ли щедроты истощатся на человѣка!

ИСПРАВНИКЪ.

Ну, то-то же! Вотъ тебѣ, развѣ нельзя еще ожидать счастья? А?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, улыбаясь.

Мнѣ?

ИСПРАВНИКЪ.

Ну, что ты смѣешься? Вотъ, напримѣръ, если бы ты получилъ извѣстіе о твоей дочери.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, подымаясь.

Дочери?

ЖЕНА, приближается.

О Парашѣ?

ОБА, съ двухъ сторонъ.

Развѣ есть письмо отъ нея?

ИСПРАВНИКЪ.

Нѣтъ, я такъ говорю — что еслибы...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А! такъ! На что вы шутите вы такими рѣчами!...

(Жена подводитъ его опять къ скамейкѣ и поддерживаетъ; двери немного отворяются — видны Леонидъ и Параша.)

ИСПРАВНИКЪ, замѣтя ихъ, дѣлаетъ знаки, чтобы они не выходили.

Вотъ другая бѣда — и тѣхъ не удержишь! Спрячьтесь, спрячьтесь!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Что вы говорите, Игнатій Ѳерапонтовичъ?

ИСПРАВНИКЪ.

Такъ... про себя...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Вы добрый человѣкъ, а чуть было не убили меня.

ИСПРАВНИКЪ.

Да, что ты, братецъ, въ самомъ дѣлѣ — не убили!... Вѣдь этакъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ пришло отъ дочери твоей письмо, такъ чтобы съ тобой дѣлать? Если у меня точно есть письмо?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, вскакивая.

Письмо! Отъ Параши!

ЖЕНА.

Отъ нея письмо! Жива ли она? Здорова ли?...

ИСПРАВНИКЪ.

И если еще она пишетъ, что и просьбу ея услышали....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Письмо! Отдай мнѣ письмо—ради Бога!

(Онъ падаетъ передъ нимъ на колѣни.)

ИСПРАВНИКЪ.

Ну, была не была!... Умирай же отъ радости: ты прощенъ — дочь твоя видѣла Государя — она ѣдетъ сюда!

(Неизвѣстный начинаетъ хохотать дикимъ хохотомъ.

Ну, старый дуралей! Надѣлалъ я дѣла! — Такъ знай же, что она ужъ здѣсь — и сынъ твой съ нею!

ГОЛОСЪ ПАРАШИ.

Пустите меня! Батюшка! Матушка!

НЕИЗВѢСТНЫЙ, бросается къ дверямъ и вышибаетъ ихъ.

Параша!

(Она бросается въ его объятія безъ чувствъ. Леонидъ на колѣняхъ.)

Мертвая!

ИСПРАВНИКЪ.

Живая, братецъ, живая! Кто отъ радости умираетъ!... А этотъ молодецъ? Вѣдь это сынъ твой... О, тьфу пропасть!

(Отходитъ въ сторону и плачетъ.)

ПАРАША.

Батюшка! Ты прощенъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ, въ объятіяхъ сына и дочери.

Благословенный! да встрѣтятъ тебя Ангелы такою радостью, когда ты будешь *нашъ ангелъ на небесахъ!*

НОЖКА,

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДѢЛАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. А. Каратыгинымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эдуардъ Дальбертъ, драгунскій капитанъ..... *Г. Максимовъ 1.*
Роде, сапожный и башмачный мастеръ..... *Г. Каратыгинъ 2.*
Лиза, его жена..... *Г-жа Асенкова.*
Бернардъ, деньщикъ капитана. *Г. Григорьевъ 1.*
Викторъ, молодой башмачникъ. *Г. Марковецкій.*

Театръ представляетъ порядочную комнату, столъ, стулья, окно съ занавѣской.

ЯВЛЕНІЕ I.

БЕРНАРДЪ, дремлетъ верхомъ на стулѣ, ВИКТОРЪ, входитъ.

ВИКТОРЪ, выглядываетъ изъ дверей.

Куда онъ дѣвался?... А здѣсь... спитъ... по кавалерійски. (*Подходитъ къ нему.*) Непріятель! На лошадей!

БЕРНАРДЪ, берется за спинку стула.

Готовъ!... А! пріятель! это ты? Брръ! Кажется, я задремалъ, во ожиданіи капитана...

ВИКТОРЪ.

Такъ его дома нѣтъ?...

БЕРНАРДЪ.

Со вчерашняго вечера.

ВИКТОРЪ.

Стало быть, онъ въ карауллѣ?

БЕРНАРДЪ.

Да за другаго, по своей охотѣ.

ВИКТОРЪ.

Понимаю, понимаю: вашъ капитанъ молодецъ... Мнѣ разсказывала моя двоюродная сестрица, горничная г-жи Стофель, которая живетъ здѣсь на верху... Скажите, правда ли, что...

БЕРНАРДЪ.

Смирно!... Мы не должны знать, что тамъ дѣлается. (*Показывая на верхъ.*) Ты, братъ, еще молодъ, а много будешь знать — скоро состарѣешься. Про моего капитана я не позволю никому рта разинуть: онъ сынъ нашего стараго полковника, я первый выучилъ его ѣздить верхомъ; такъ, стало быть, тутъ ужъ больше нечего говорить.

ВИКТОРЪ.

Однако жъ вы сами-то не да. некоуѣхали.

БЕРНАРДЪ.

Э, братъ, я не честолюбивъ... у всякаго свой конекъ; но если бъ я, отслужа 20 лѣтъ, остался во фронтѣ, такъ, можетъ быть, те-

перь самъ бы имѣлъ въ услуженіи такаго пустомелю, какъ ты. Были бы у меня вино и трубка, все прочее дымъ...

ВИКТОРЪ.

Такъ не угодно ли, я вамъ сейчасъ доставлю это удовольствіе: трактиръ здѣсь подъ бокомъ.

БЕРНАРДЪ, встаетъ.

Пойдемъ... пойдемъ въ другой разъ... а теперь я жду капитана.

ВИКТОРЪ.

Но мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами о моемъ дѣлѣ... Помните, вы обѣщали замолвить обо мнѣ г. капитану...

БЕРНАРДЪ.

А!... да, чтобъ тебя приняли въ нашъ полкъ?.. Хорошо, хорошо; только надо сперва знать, умѣешь ли ты ѣздить верхомъ?

ВИКТОРЪ.

Эге! Мой отецъ былъ въ свое время отличный—сапожникъ; онъ обувалъ всю труппу наѣздниковъ Франкони, я ходилъ къ нимъ за кулисы, и надо вамъ сказать... тамъ была одна блондинка, которая до того обворожила меня при первомъ выѣздѣ, что я не пошелъ даже на условное свиданіе съ другой, хорошенькой брюнеткой... которую очень давно любилъ... Она была дочь купца, человѣка очень строгаго, а блондинка моя была круглая сирота и свободна, какъ птичка... Я все оставилъ, полетѣлъ за нею въ провинцію, опредѣлился въ ихъ труппу, выучился мастерски ѣздить верхомъ... мы съ ней прежде веселились, скакали, скакали... но послѣ и скука начала проскакивать, и наконецъ мы принуждены были съ ней разъѣхаться. Здѣсь я встрѣтилъ мою первую любовь, т. е. брюнетку, которая безъ меня утѣшилась, и вышла за одного нѣмца — г. Роде.

БЕРНАРДЪ.

Какъ, Роде, башмачникъ?

ВИКТОРЪ.

Да, именно. Такъ стало, вы его знаете?

БЕРНАРДЪ.

Какъ же! Мы его сегодня ждемъ сюда. Капитанъ хочетъ съ нимъ потолковать о поставкѣ сапоговъ для нашего эскадрона. Такъ ты былъ влюбленъ въ его жену?

ВИКТОРЪ.

Нѣтъ, онъ женился на моей невѣстѣ. Но чтобъ хорошенько его проучить, я принелъ было заниматься къ нему въ ученики; но у этихъ мужей собачье чутье: онъ вѣрно все пронюхалъ... облаялъ меня и вытолкалъ безъ церемоніи.

БЕРНАРДЪ.

Стало, онъ ревнивъ?

ВИКТОРЪ.

Какъ сапожникъ. Я хотѣлъ опредѣлиться къ другимъ мастерамъ; но онъ, чтобъ выжить нашего брата изъ города, подговорилъ всѣхъ своихъ товарищей не принимать меня... И такъ дѣло кончено! Я оставляю сапожное ремесло, и хочу поставить себя на военную ногу — чтобъ на зло ему, остаться здѣсь... и потревожить его супружеское счастіе!... У меня здѣсь въ карманѣ штукъ пять ея писемъ ко мнѣ... я уже успѣлъ уговорить г-жу Роде придти за ними сегодня въ маскерадъ.

БЕРНАРДЪ.

Неужели?

ВИКТОРЪ.

Да сударь; знай нашихъ!

Я знаю женщинъ: всѣ плутовки!
Хоть я башмачникъ, а знатокъ;
Имъ долго ли вскружить головки,
А мужу приклеить носокъ!
Мужъ, берегися... мщенье близко —
Чтобы жены не прозѣвать!
Ей возвратится переписка,
А тамъ опять пошла писать!

БЕРНАРДЪ.

А, да вотъ и капитанъ... Э! да я не ошибаюсь — съ нимъ г. Роде.

ВИКТОРЪ.

Неужели? Такъ до свиданія... я не хочу съ нимъ встрѣчаться.

БЕРНАРДЪ.

Ага! онъ вѣрно не свой братъ.

ВИКТОРЪ.

Да; и потому-то я пойду, пока, къ своей сестрѣ, которая живетъ здѣсь на верху.

БЕРНАРДЪ.

Хорошо, хорошо! я прикрою твою ретираду... Пройди здѣсь, по маленькой лѣстницѣ.

ВИКТОРЪ.

До свиданія. *(Убѣгаетъ.)*

БЕРНАРДЪ.

Ха, ха! Прямой сапожникъ! Женъ держитъ въ рукахъ, а отъ мужей давай Богъ ноги.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

БЕРНАРДЪ, ДАЛЬБЕРТЪ И РОДЕ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Войдите, г. Роде, войдите.

РОДЕ, у порога

Позвольте ноги вытереть.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Безъ церемоніи. Я здѣсь почти на бивакахъ.

РОДЕ.

О! намъ очень пріятно, г. капитанъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ну, что же? беретесь ли вы сдѣлать въ 3 дня 30 паръ сапоговъ для моего эскадрона. Въ среду мы выступаемъ въ Парижъ.

РОДЕ.

Возможно ли? Со всѣмъ эскадрономъ, черезъ три дня?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Кажется, это васъ очень радуетъ?

РОДЕ.

Напротивъ, капитанъ, я уважаю военныхъ людей... Ваши драгуны доставляли мнѣ пропасть работы. — Многіе изъ нихъ пропаркали не одну подошву, ходя разъ 20 въ день мимо моихъ окошекъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Вотъ хорошо, развѣ только и свѣта, что у васъ въ окошкахъ и развѣ вы можете имъ заказать?

РОДЕ.

Напротивъ, они безпрестанно мнѣ заказывали... И правду сказать (чести вашей не трогая), есть преуморительные драгунчики въ вашемъ эскадронѣ... Они мнѣ уши прозвенѣли своими шпорами; иные воображаютъ, что если волочиться за ними сабля, такъ и всякая замужняя женщина...

БЕРНАРДЪ.

Нашъ братъ на всякую то и самъ не глядитъ.

РОДЕ.

Повѣрите ли, г. капитанъ, цѣлый день шила не дадутъ въ руки взять; мое дѣло останавливается, а они, то и дѣло, ко мнѣ жалуютъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

За что же вы ихъ не жалуете?

БЕРНАРДЕ.

Не мудрено, капитанъ, если пожилой человѣкъ женится на молоденькой, такъ онъ на всѣхъ чортомъ глядитъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

А, такъ вы женаты, г. Роде?

РОДЕ.

Да-съ,—такъ, немножко.

БЕРНАРДЕ.

И надо сказать правду, жена у него красавица.

РОДЕ.

Ну, что за красавица!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Разумѣется, г. Роде не женился бы на уродѣ. Жаль же, что я этого прежде не зналъ, а то, вмѣсто того, чтобъ васъ сюда звать, я бы самъ къ вамъ пришелъ...

РОДЕ.

Зачѣмъ напрасно безпокоиться, г. капитанъ?

Такого гостя дорогаго
Принять бы я душой готовъ,
Да жаль, жена не такъ здорова.

БЕРНАРДЕ, въ сторону.

А онъ, напротивъ, врать здоровъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Это, другими словами, значитъ, что вы боитесь военныхъ людей?

РОДЕ.

Грѣшный человѣкъ.

Вы штатскаго опаснѣй вдвое:
Вы всѣ военною рукой
Привыкли часто брать чужое —
Такъ съ вами мужъ, какъ самъ не свой.

ДАЛЬБЕРТЪ.

А, такъ вы не на шутку ревнивы?

РОДЕ.

Помилуйте, напротивъ того; я очень радъ принять на себя поставку сапоговъ, только мнѣ надо прежде сходить домой, посмотрѣть, довольно ли у меня товару.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Я надѣюсь, что до нашего отъѣзда вы мнѣ доставите случай полюбоваться вашей женой?...

РОДЕ.

Такъ вамъ надо 30 паръ?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Я увѣренъ, что у нее премиленькая ножка...

РОДЕ.

И черезъ три дня вы выступаете?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ну, ну, хорошо! и вы ступайте: я васъ не задерживаю.

РОДЕ.

До свиданія, г. капитанъ. — Сію минуту я возвращусь къ вамъ съ отвѣтомъ.

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

БЕРНАРДЪ И ДАЛЬБЕРТЪ.

БЕРНАРДЪ.

Ха, ха, ха! Вы сбили съ ногъ бѣднаго сапожника... Онъ совсѣмъ потерялъ голову. Ништо, впередъ не смѣйся надъ драгунами.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Я увѣренъ, что онъ побѣжалъ домой посмотрѣть—дома ли его жена?

БЕРНАРДЪ.

Я бы очень желалъ, капитанъ, чтобъ вы ее увидѣли.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Развѣ въ самомъ дѣлѣ она такъ хороша?

БЕРНАРДЪ.

Вашей невѣстѣ она бы не понравилась.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Какой вздоръ; теперь не прежняя пора — пора остепениться. — Подай халатъ... Черезъ мѣсяцъ наша свадьба; стало быть, эта башмачница не опасна моей будущей.

БЕРНАРДЪ.

Будущее не извѣстно, а она настоящая красотка.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ты почемъ ее знаешь, старой грѣховодникъ?

БЕРНАРДЪ.

Грѣшно бы было ее не знать... Она еще дѣвушкой жила напротивъ нашихъ казармъ...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ага! напротивъ?

БЕРНАРДЪ.

Да, капитанъ, напротивъ, не думайте объ ней ничего дурнаго: она сводила всѣхъ съ ума, но вела себя такъ умно, что не позволяла съ собой никакой глупости. У нее одинъ только порокъ—болтовня, а впрочемъ она поставила себя на такую ногу, что хоть бы не башмачницѣ такъ въ пору.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Чортъ возьми! Ты мнѣ расхвалилъ ее съ ногъ до головы... давай ее сюда!

БЕРНАРДЪ, глядя въ окно.

Постойте... Да чуть ли это не она... Такъ и есть...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Нсужли... вотъ легка на поминѣ.

БЕРНАРДЪ.

Ужъ какъ легка!... Вонъ, порхнула на лѣстницу.—Ну! птичка сама летитъ въ западню, а капитанъ опытный охотникъ, не дастъ промаха.

ЛИЗА, за кулисами.

Дверь направо... покорно васъ благодарю.

БЕРНАРДЪ.

Вотъ она ужъ у нашихъ дверей... Каковъ голосокъ?

ДАЛЬБЕРТЪ, отворяя дверь.

Тсъ, молчи!—Кто тамъ?

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ЛИЗА, съ башмаками въ рукахъ.

ЛИЗА.

Извините, господа, здѣсь живетъ г. Стофель, королевскій прокуроръ?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Здѣсь, здѣсь—войдите, моя красавица.

ЛИЗА.

Я думала, что ошиблась этажемъ, увидя военнаго господина...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Это проситель... Хорошо, братецъ, хорошо... теперь я вижу, что ты меня не обманулъ. Но что же вамъ угодно?

ЛИЗА.

Я принесла башмаки вашей супругѣ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

А! женѣ моей... хорошо, хорошо! Ее нѣтъ дома... Садитесь, моя милая!

ЛИЗА.

Покорно васъ благодарю: я ихъ оставлю, и приду въ другой разъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Неужели вы не можете подождать одной минуты? Надо же узнать: будутъ ли они въ пору моей женѣ?

ЛИЗА.

Но можетъ быть, ваша супруга еще не скоро пріѣдетъ?

ДАЛЬБЕРТЪ.

О нѣтъ... я не думаю. Останьтесь пожалуста; я увѣренъ, что она очень разсердится, если я васъ отпущу... а я былъ бы въ отчаяніи...

ЛИЗА.

Въ отчаяніи, отъ такой бездѣлицы? Такъ ваша супруга должна быть очень счастлива... Вотъ мой мужъ, такъ напротивъ...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Неужели?

ЛИЗА.

Да онъ всегда мнѣ дѣлаетъ напротивъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Это очень дурно съ его стороны.

ЛИЗА.

Чего бы я у него ни попросила, все одинъ отвѣтъ; «Лиза, я этого не могу... Это невозможно, этого нельзя...» Повѣрите ли, ему всегда нельзя.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Этому нельзя повѣрить.

ЛИЗА.

Что жъ дѣлать? Вѣрно у нихъ такое обыкновеніе... Надо вамъ сказать, что онъ не изъ здѣшнихъ: онъ нѣмецъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Нѣтъ, онъ варваръ. Такъ васъ зовутъ Лизой... Ахъ, какое милое имя!... Вы сами вѣрно не изъ здѣшнихъ?...

ЛИЗА.

Нѣтъ-съ, я изъ Парижа.

ДАЛЬБЕРТЪ.

А! Теперь я не удивляюсь... Тамъ только родятся такія красавицы... оттуда только выходятъ такія чудныя ножки, какъ ваша... Зачѣмъ же вы ее спрятали. О! какъ счастливъ этотъ Роде... Вѣдь, кажется, такъ зовутъ вашего мужа? Если бъ я былъ на его мѣстѣ, то малѣйшее ваше желаніе было бы для меня приказомъ.

БЕРНАРДЕ, въ сторону.

Ну, пойдетъ приказъ по арміи.

ЛИЗА.

Какъ долго ваша супруга не ѣдетъ. Я оставлю башмаки.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Куда же вы такъ торопитесь?

ЛИЗА.

У меня пропасть работы для нынѣшняго маскарада: говорятъ, онъ будетъ самый блестящій.

ДАЛЬБЕРТЪ.

О, я увѣренъ, если вы тамъ будете. Вы вѣрно туда пойдете?

ЛИЗА.

Ахъ, нѣтъ, сударь, я было собиралась туда, и даже приготовила себѣ прекрасный Шотландскій костюмъ... Если бъ вы видѣли, какъ это платье ко мнѣ пристало. Чудо!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Чудо бы было, если бъ къ вамъ что нибудь не пристало.

БЕРНАРДЪ, въ сторону.

Да и онъ чудесно къ ней пристаетъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Но зачѣмъ же дѣло стало?

ЛИЗА.

За бездѣлицей: мужъ не позволяетъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Не позволяетъ? О! это очень дурно.

БЕРНАРДЪ.

Непозволительно дурно!

ЛИЗА.

По что еще хуже: сначала онъ мнѣ позволилъ, а потомъ...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Да, всѣ мужья хороши спачала, а потомъ...

ЛИЗА.

Правду сказать, онъ совсѣмъ не злой человѣкъ... но иногда бываетъ ужъ черезъ-чуръ ревнивъ... Скажите пожалуйста, могу ли я запретить молодымъ людямъ ходить мимо и останавливаться у нашихъ окошекъ...

ДАЛЬБЕРТЪ.

А г. Роде запрещаетъ вамъ смотрѣть въ окошки?...

ЛИЗА

Да-съ; я всегда шью у окна, потому что тутъ свѣтлѣе, не правда ли?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Разумѣется... это ясно, какъ солнце.

ЛИЗА.

Ну, вотъ видите... а онъ такъ ни на что не смотритъ.

Мужъ мой страшный такой,
Онъ ревнивецъ большой,
Онъ не слѣдуетъ нынѣшнимъ модамъ;
Цѣлый день стережетъ;
Чуть кто мимо пройдетъ,
Чуть въ окошко взгляну мимоходомъ...
Вотъ тотчасъ и бѣда,
Что глядѣла туда,
Пыль подниметъ — и штору опуститъ.
Попрошусь погулять, —
Нѣтъ, изволь работать;
Моргенъ-фри, ни за что не отпуститъ!
Никуда не ходи,
Все съ иголкой сиди,
Будь довольна своею судьбою;
Если жъ вмѣстѣ пойдемъ,
Въ воскресенье, вдвоемъ,
Точно самъ на иголкахъ со мною.
Изъ чего мужъ иной
Все слѣдитъ за женой,
Такъ усердно, напрасно хлопочетъ?
Какъ за ней не гляди,
Глазъ съ нее не своди,
А въ глазахъ проведетъ, какъ захочетъ.

Наконецъ я вышла изъ себя, и сказала ему, что если онъ будетъ такъ продолжать, я уѣду къ батюшкѣ въ Парижъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Въ Парижъ? Прекрасно и нашъ полкъ выходитъ туда черезъ три дня.

ЛИЗА.

Вашъ полкъ?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Да, то есть полкъ, который стоитъ здѣсь, въ городѣ... Ну, что же онъ на это отвѣчалъ?

ЛИЗА.

Это его испугало, и чтобъ доказать мнѣ, что онъ болѣе не ревнуетъ, позволилъ мнѣ ѣхать сегодня въ маскарадъ... и даже сдѣлалъ мнѣ премиленькіе шотландскіе сапожки.

ДАЛЬБЕРТЪ.

А, это хорошо... онъ поступилъ, какъ настоящій французъ.

ЛИЗА.

Да, какъ бы не такъ... вчера, когда меня не было дома, онъ ихъ продалъ!...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Продалъ! Ну это вонъ изъ рукъ. Это слишкомъ по нѣмецки.

ЛИЗА.

Онъ увѣрилъ меня, что ему такъ дорого дали за нихъ, что онъ никакъ не могъ отказать... Это мнѣ показалось такъ смѣшно, что я даже заплакала; но онъ, чтобъ утѣшить меня, обѣщалъ мнѣ сдѣлать другіе завтра... Завтра!... а маскарадъ то сегодня!.. А вы согласитесь, что безъ сапоговъ нельзя же идти въ маскарадъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Да, это неловко... У жены сапожника нѣтъ сапоговъ!

ЛИЗА.

Какъ весело было туда мнѣ собираться,
Людей посмотрѣть и себя показать.
Теперь отъ веселья должна отказаться,
Придется весь вечеръ мнѣ дома скучать!
Сердиться и плакать нѣтъ пользы, я знаю,
Да мало отрады все съ мужемъ сидѣть.
Хоть я не кокетка, прельщать не желаю,
А нравиться также нельзя не хотѣть.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Стало быть, вамъ очень хочется быть въ маскарадѣ?

ЛИЗА.

Ахъ, сударь, если бъ вы знали, какія важныя причины.... Если я тамъ не буду, Богъ знаетъ, что случится.

ДАЛЬБЕРТЪ.

О, это ужъ не шутки?

ЛИЗА.

Какія шутки... можетъ быть, отъ этого зависитъ мое спокойствіе...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Если такъ, не безпокойтесь; вы тамъ будете, даю вамъ честное слово. Я уговарю вашего мужа; я его сію минуту жду къ себѣ.

ЛИЗА.

Моего мужа?...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Звонятъ; это вѣрно онъ.

ЛИЗА.

Возможно ли? Ахъ г. прокуроръ, скажите ему, что вы сами заставили меня дожидаться вашу супругу...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ну, онъ этому не повѣритъ.

ЛИЗА.

Отъ чего же?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Отъ того, что я не женатъ.

ЛИЗА.

Какъ же это?... Стало быть, г-жа Стофель еще не замужемъ?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Нѣтъ, замужемъ, только не за мной.

ЛИЗА.

Ахъ, Боже мой! Кто же вы?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Эдуардъ Дальбергъ, драгунскій капитанъ.

ЛИЗА.

Капитанъ!! Ахъ, я несчастная! Что вы со мной сдѣлали!

БЕРНАРДЪ.

Но мы невинноваты; дворникъ говоритъ вамъ направо, а вы идете налѣво.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Тсъ! тише... онъ входитъ на лѣстницу.

ЛИЗА.

Я пропала, если онъ застанетъ меня здѣсь: онъ запретилъ мнѣ говорить съ офицерами...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Такъ мы васъ спрячемъ.

БЕРНАРДЪ.

Сюда, сюда въ комнату капитана.

ЛИЗА.

Въ комнату капитана; нѣтъ нѣтъ, ни за что!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Такъ за эту занавѣску! Скорѣе, скорѣе!

(Лиза прячется за занавѣску.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ. И РОДЕ.

РОДЕ.

Вотъ и я, г. капитанъ... Кажется, я не заставилъ долго дожидаться.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Да вы пришли даже слишкомъ скоро, *(въ сторону)*, и очень не кстати... *(Бернарду.)* Башмаки на столъ.

(Бернардъ тихонько передаетъ ихъ за занавѣску.)

РОДЕ.

Товару у меня довольно, и я могу принять вашъ заказъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Признайтесь, г. Родe, что вы съ умысломъ поторопились придти ко мнѣ съ отвѣтомъ.

РОДЕ.

Отъ чего же?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Вы вѣрно боялись, чтобъ я самъ не пришелъ къ вамъ за нимъ, и не увидѣлъ вашей дражайшей половины?

РОДЕ.

О! на этотъ счетъ я спокоенъ: она добрая жена, хорошая хозяйка; но что касается до красоты, то слишкомъ далека отъ этого.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Напротивъ, очень близко.

РОДЕ.

Вотъ хорошо! Кому же знать ближе, какъ не мнѣ? Во-первыхъ, она немножко косовата, одно плечо выше другаго... Ножки, которыя вы, кажется, очень любите, изъ рукъ вонъ дурны... Я на своемъ вѣку видѣлъ много хорошенькихъ женщинъ, и могу сказать, что по этой части я знатокъ и человѣкъ со вкусомъ.

БЕРНАРДЪ, въ сторону.

Хорошо, хорошо, набалтывай на свою голову.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ага! г. Роде, вотъ какъ! Ну если пошло дѣло на правду... будьте откровенны; я бьюсь объ закладъ... что вы и теперь еще...

РОДЕ.

Что жъ дѣлать, г. капитанъ, мое ремесло такъ часто заставляетъ меня быть у ногъ прекрасныхъ женщинъ... а всѣ мужья на одну колодку.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Такъ сбились вы съ супружеской дорожки?
Васъ надо бы женѣ въ рукахъ держать.

РОДЕ.

Я самъ держу въ рукахъ такія ножки,
Что противъ нихъ не въ силахъ устоять.
Чужое насъ невольно привлекаетъ,
Какъ лакомый и запрещенный плодъ.

БЕРНАРДЪ, въ сторону.

Когда ужъ такъ сапожникъ разсуждаетъ,
Чего же ждать придется отъ господъ?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Хорошо... стало быть, вы свою работу не всегда продаете на чистыя деньги.

РОДЕ.

О! я хоть человѣкъ чистыхъ правилъ, но нѣтъ правила безъ исключенія.

ДАЛЬБЕРТЪ.

А что, если бъ объ этомъ узнала ваша жена?...

РОДЕ.

Вотъ дурака нашли... у насъ все шито, да крыто.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ну, а если она такъ же отъ васъ скрывается.

РОДЕ.

Отъ такого мужа, какъ я, никогда не скроется.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ну, это дѣло закрытое.

РОДЕ.

Я насквозь вижу.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ха, ха, ха! Это и видно.

РОДЕ.

Впрочемъ, она для этого слишкомъ невинна... даже глупа.

ЛИЗА, за занавѣской.

Какъ бы не такъ.

РОДЕ.

Что-съ? — Что вы говорите?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ничего...

РОДЕ.

Мнѣ послышалось: «какъ бы не такъ.»

ДАЛЬБЕРТЪ.

Нѣтъ, это-такъ... И такъ, г. Роде, вы очень увѣрены въ своей женѣ?

РОДЕ.

Помилуйте; безъ меня она нигдѣ не бываетъ: на гуляньи со мной, въ театрѣ со мной, въ маскарадѣ со мной... однимъ словомъ, вышедъ за меня замужъ, ей не придетъ въ голову больше никакая глупость.

ДАЛЬБЕРТЪ.

О! я увѣренъ!.. *(Въ сторону.)* Глупѣе этого она ничего не могла придумать.

РОДЕ.

Вотъ, напримѣръ, сегодня она хотѣла идти въ маскарадъ... и я бы ей позволилъ, если бъ былъ увѣренъ, что она не встрѣтится тамъ съ однимъ негодяемъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Вотъ хорошо; вы хотите невозможнаго: тамъ бы она, вѣроятно, встрѣтилась и не съ однимъ.

РОДЕ.

Мнѣ страшенъ только одинъ. . пашъ братъ башмачникъ... нѣкто Викторъ, смазливый мальчишка... который крѣпко за ней ухаживаетъ и даже приходилъ ко мнѣ нанимать... да меня не проведешь, и я его порядкомъ выпроводилъ... но чтобъ не подавать повода женѣ, я даже и не говорилъ ей о его посѣщеніи.

ДАЛЬБЕРТЪ.

И вы воображаете, что она не узнаетъ?

РОДЕ.

Я, капитанъ, увѣренъ въ вашей скромности.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Разумѣется, тѣмъ болѣе, что я самъ имѣю нужду въ вашей.

РОДЕ.

Въ самомъ дѣлѣ?... Я весь къ вашимъ услугамъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Вы мастеръ своего дѣла?

РОДЕ.

Могу похвастать... у меня отличный вкусъ и необыкновенный взглядъ... Человѣку довольно пройти мимо меня по улицѣ, чтобъ угадать его мѣрку.

ДАЛЬБЕРТЪ.

И такъ вы сію же минуту должны снять мѣрку—полусапожекъ.

РОДЕ, смотря на его ноги.

Извольте: три, десять, четыте и семь... Довольно—завтра будутъ готовы.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Благодарю васъ; это не для меня.

РОДЕ, смотря на ноги Бернарда.

А! такъ для него? Ну это побольше; 27 и 33, 46...

БЕРНАРДЪ.

Ошиблись въ расчетѣ. Это также не для меня.

РОДЕ.

Для кого же?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Для третьяго лица, но котораго вы не увидите... Вы по своему ремеслу должны смотрѣть на людей съ ногъ до головы.

РОДЕ.

Понимаю, понимаю; но кто же это, мужчина или женщина?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Разумѣется, женщина.

РОДЕ.

Гдѣ же она?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Здѣсь, за занавѣской.

РОДЕ.

Возможно ли? Она все время была тамъ, и вы меня не предупредили... Не сказалъ ли я чего лишняго?...

БЕРНАРДЪ.

Что было, то прошло, а что будетъ, то увидимъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Не подумайте, однако жъ, чего-нибудь...

РОДЕ.

Ничего, ничего, помилуйте, какъ можно! Эта добродѣтель... у драгунскаго капитана..

ДАЛЬБЕРТЪ.

Это премиленькая Нѣмочка... Мужъ ее человѣкъ извѣстный...

РОДЕ, въ сторону.

Такъ она замужняя?... Прекрасно!

ДАЛЬБЕРТЪ.

И при томъ очень добрый.

РОДЕ.

О! въ этомъ я не сомнѣваюсь... Онъ очень хорошо за ней смотритъ... Нельзя не похвалить его за глаза... Ха, ха, ха! Бѣдняжка! Ему, я думаю, теперь не такъ то весело? Ха, ха, ха!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Напротивъ, онъ очень доволенъ... Самъ смѣется надъ этимъ...

РОДЕ.

Самъ? Неужли? Ну, такъ онъ послѣ этого...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Мы объ немъ послѣ поговоримъ, а теперь займемся его женой.

РОДЕ, вынимая мѣрку.

Я готовъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Постойте, постойте; я не хочу, чтобъ вы ее видѣли.

РОДЕ.

Но какъ же снять мѣрку?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Что жъ; вѣдь для этого вамъ нужна одна только ножка.

РОДЕ.

О! конечно; но я ни одной не вижу.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ну, такъ попросите ее объ этомъ... Это по вашей части.

РОДЕ, подходитъ къ занавѣскѣ.

Мое почтеніе, сударыня.

Позвольте васъ обезпокоить —
И не на долго задержать:
На полминуты удостоить,
Мнѣ вашу ножку показать! —
Она молчитъ?... что жъ это значитъ?

ДАЛЬБЕРТЪ, въ сторону.

Отгадка тутъ немудрена:
Жену кто отъ другаго прячетъ,
Отъ мужа спрячется жена.

РОДЕ.

Она, какъ кладъ, мнѣ не дается.

БЕРНАРДЪ, у занавѣски.

Васъ этотъ кладъ введетъ въ накладъ.

РОДЕ, хочетъ открыть занавѣску.

Начать осаду остается...

БЕРНАРДЪ.

Извольте осадить назадъ.

РОДЕ.

Я васъ прошу оставить шутки;
Носочикъ протянуть сюда.

БЕРНАРДЪ, въ сторону.

Когда душа уходитъ въ пятки,
Носокъ не вытянешь тогда.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Не бойтесь, сударыня, вы видите, что взяты всѣ предосторожности.

РОДЕ.

Пожалуйте же ножку, сударыня. — Нѣтъ отвѣта; стало быть, вамъ не угодно... А! наконецъ...

БЕРНАРДЕ.

Вотъ она настоящая!

(Ножка показывается изъ за занавѣски).

РОДЕ.

О! о! о! Я увѣренъ, что другой такой ножки нѣтъ... т. е. другая есть, разумѣется, но третьей не отыщется. Признаюсь, капитанъ, я въ жизнь мою не зналъ ничего выше этого.

БЕРНАРДЪ, капитану.

Вотъ какъ мы его завертѣли... своихъ не узнаетъ...

РОДЕ, снимая мѣрку.

Какой подъемъ... какой носокъ —
«И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ.»

ДАЛЬБЕРТЪ.

Развѣ у вашей жены не такая же ножка?

РОДЕ.

О! какое сравненіе!... Какъ можно ихъ поставить на одну доску.

ДАЛЬБЕРТЪ.

А мнѣ такъ кажется, очень можно.

БЕРНАРДЪ, въ сторону.

Да онѣ и теперь на одной, пустомеля!

РОДЕ.

Довольно, сударыня, покорно васъ благодарю. Когда жъ сопожки должны быть готовы?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Сегодня вечеромъ.

РОДЕ.

О! это невозможно.

ДАЛЬБЕРТЪ, отдаетъ ему деньги.

Я вамъ плачу впередъ.

РОДЕ.

Но разсудите сами.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Эта дама сегодня играетъ на домашнемъ театрѣ роль Женни въ Бѣлинѣ, и потому ей надо Шотландскіе сапожки.

РОДЕ, съ радостью.

Шотландскіе!... Позвольте... *(Вынимаетъ другую мѣрку.)* Вотъ хорошо, одно и то же, это чудесно!... Признайтесь, капитанъ, ужъ полно, это не актриса ли какая нибудь?

ДАЛЬБЕРТЪ, улыбаясь.

Да, очень миленькая и любимая актриса.

РОДЕ.

О! любимая, я въ этомъ не сомнѣваюсь. Какіе же прикажете сдѣлать? Вѣролтно, шелковые?... Какого цвѣту?... Хорошо ли будетъ малиновые съ зелеными клѣтками?... не отвѣчаетъ... я слышу молчаніе.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Это знакъ-согласія.

РОДЕ.

Не прикажите ли общить зеленой бахромкой?...

ЛИЗА.

Ja!

РОДЕ.

Ja! Ахъ, какъ пріятно услышать родной языкъ... Отъ этого Ja... я въ восхищеніи! Ja! ja! Не правда ли, капитанъ, какъ хорошъ нашъ языкъ... Можетъ ли быть что нибудь лучше, какъ примѣръ, Ja! О! послѣ этого я...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Вы приготовите ихъ къ вечеру?

РОДЕ.

Они ужъ готовы!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ого! Такъ скоро?

РОДЕ.

Видите, г. капитанъ... по какому то счастливому случаю, у меня дома есть точно такіе Шотландскіе сапожки... и на эту самую мѣрку.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Неужели? Какой странный случай!

РОДЕ.

И сказать правду, я еще буду очень радъ сбыть ихъ съ рукъ... а они точно на нее сдѣланы.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

РОДЕ.

Вотъ вы увидите.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ступайте же скорѣе, я васъ ожидаю...

РОДЕ.

Бѣгу, бѣгу, г. капитанъ! До свиданія.

(Уходитъ.)

ДАЛЬБЕРТЪ.

Теперь вы можете выдти.

БЕРНАРДЪ, который провожалъ его.

Берегитесь... назадъ... назадъ!

РОДЕ, въ дверяхъ.

А мы забыли съ вами поговорить о нашемъ дѣлѣ...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Э! о сапогахъ послѣ; теперь давайте сапожки.

РОДЕ.

Сію минуту.

(Уходитъ.)

ДАЛЬБЕРТЪ, Бернарду.

Смотри, чтобъ онъ опять не воротился. Выходите...

ЛИЗА, выходя.

Ахъ, онъ чудовище! Онъ смѣлъ меня обманывать: сказалъ, что продалъ мои сапожки... да еще въ этакія лѣта изволитъ волочиться!... Я насилу могла удержаться, чтобъ не выцарапать ему глаза... Ему сорокъ лѣтъ, и онъ смѣетъ... тогда какъ мнѣ пять и половины...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Да, я порукой что вы самая лучшая его половина.

ЛИЗА.

Вы смѣетесь... а я съ досады чуть не плачу.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Напротивъ, вы сегодня въ волю повеселитесь въ маскарадѣ... Я заставлю его подарить вамъ эти сапожки... Видите, какъ я великодушенъ... Я знаю, что вы туда идете для другаго, а хлопочу, какъ о себѣ.

ЛИЗА.

Что вы это, г. капитанъ? Ради Бога, не подумайте дурнаго...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Я увѣренъ, что вы дурнаго не выберете.

ЛИЗА.

Опять!... Я вамъ говорю, что собираюсь въ маскарадъ съ похвальнымъ намѣреніемъ.

ДАЛЬБЕРТЪ

Во, первыхъ, потанцовать.

ЛИЗА.

Нѣтъ-съ, это во-вторыхъ... а во-первыхъ, вамъ надо знать: что годъ назадъ, когда я была въ Парижѣ и въ дѣвушкахъ, одинъ молодой человѣкъ...

ДАЛЬБЕРТЪ.

А, молодой человѣкъ былъ во-первыхъ?...

ЛИЗА.

Я сама тогда еще была очень молода и неопытна, онъ мнѣ нравился... Мы были съ нимъ въ перепискѣ, и вотъ въ одинъ вечеръ, когда батюшки не было дома...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Злодѣй... онъ пришелъ?.

ЛИЗА.

Напротивъ... онъ обѣщалъ придти и уѣхалъ изъ города съ другой... О! батюшка былъ правъ, что не соглашался на нашу свадьбу... Потомъ... началъ свататься г. Роде...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ну и этотъ хорошъ въ своемъ родѣ.

ЛИЗА.

О! всѣ мужчины обманщики. И вообразите, возвратясь сюда, Викторъ вздумалъ оправдываться, и снова увѣрять меня въ своей любви.

ДАЛЬБЕРТЪ.

И что жъ вы?

ЛИЗА, съ достоинствомъ.

Я?...

Хоть дѣвушку часто любовь ослѣпляетъ,
Хоть голову можно легко ей вскружить;
Но женщина новый свой долгъ понимаетъ,
И прежняго долго не можетъ простить.
Кто наше вниманье одинъ разъ утратитъ,
Напрасно хлопочетъ-понравиться вновь:
Когда за любовь намъ-презрѣньемъ заплатятъ,
Такъ надо презрѣньемъ платить за любовь.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Разумѣется, долгъ красенъ платежемъ.

ЛИЗА.

Нѣсколько дней тому назадъ, онъ имѣлъ дерзость придти наняться въ помощники къ моему мужу.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Хорошъ помощникъ!

ЛИЗА.

Я отдала ему всѣ его письма, и умоляла, чтобъ онъ возвратилъ мнѣ мои; но онъ отказалъ; и вдругъ, третьяго дня, я получаю отъ него письмо, гдѣ онъ пишетъ, что если я буду нынче въ маскарадѣ, онъ тамъ отдастъ всю мою переписку; если жъ нѣтъ, онъ отошлетъ ее мужу.

ДАЛЬБЕРТЪ.

О! такъ онъ записной негодяй.

ЛИЗА.

Вотъ отъ чего.... г. Капитанъ, я такъ хотѣла ѣхать въ маскарадъ; и когда мой мужъ мнѣ отказалъ, я вспомнила, что Викторъ ходитъ часто сюда въ домъ къ своей сестрѣ, которая живетъ у г-жи Стофель.. У насъ были готовы для нее башмаки и я рѣшилась идти сюда, не смотря на запрещеніе мужа. Но, Боже мой! Я опять заговорилась, а если онъ воротится...

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ВИКТОРЪ

ВИКТОРЪ.

Ба! ба! Что я вижу!

ЛИЗА, вскрикиваетъ и убѣгаетъ.

Ахъ! я пропала!

ВИКТОРЪ.

Славно! Да ужъ и она не хочетъ ли записаться въ драгуны...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Кто это такой? Чго ему надо?

БЕРНАРДЪ, тихо

Это тотъ самый Викторъ, о которомъ она сейчасъ говорила...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Въ самомъ дѣлѣ... очень радъ! Я его проучу.

БЕРНАРДЪ.

Онъ хочетъ опредѣлится въ нашъ полкъ.

ВИКТОРЪ.

А, г-жа Родс, даромъ, что вы ушли, но это вамъ не пройдетъ даромъ...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Подойди сюда.—Такъ ты хочешь быть солдатомъ...

ВИКТОРЪ.

Драгуномъ, капитанъ!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Доброе дѣло... Но умѣешь ли ты ѣздить на лошади?...

ВИКТОРЪ.

На ногахъ... на головѣ... на чемъ угодно.

БЕРНАРДЪ.

То есть, онъ учился у Франкони.

ВИКТОРЪ.

Вотъ мое свидѣтельство о рожденіи.

ДАЛЬБЕРТЪ, въ сторону

Знаю... ты родился большимъ негодяемъ.

ВИКТОРЪ.

Нѣтъ, это не то...

ДАЛЬБЕРТЪ, въ сторону.

А! это вѣрно ея письма... Если бъ мнѣ удалось...

ВИКТОРЪ.

Вотъ оно...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Хорошо... Бернардъ проводитъ тебя въ полковую канцелярію.

ВИКТОРЪ.

Слушаю-сь.

ДАЛЬБЕРТЪ, даетъ ему денегъ.

На, выпей за здоровье своего капитана.

ВИКТОРЪ.

Десять франковъ разопью все до капли.

БЕРНАРДЪ.

Съ друзьями... разумѣется... Ну, направо кругомъ, и маршъ. Больше говорить нечего.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Постой, Бернардъ! Мнѣ нужно съ тобой поговорить. Иди впередъ, любезный; онъ тебя догонитъ. *(Шепчетъ Бернарду на ухо.)*

БЕРНАРДЪ.

Подожди меня на улицѣ.

ВИКТОРЪ.

Нѣтъ, я лучше подожду въ трактирѣ. А! г-жа Родс, вы ходите къ драгунамъ, а корчите смиренницу, такъ, что водой не замутишь: я васъ выведу на свѣжую воду; а теперь пойду напьюсь съ горя.

ДАЛЬБЕРТЪ, тихо.

Понялъ?

БЕРНАРДЪ.

Все, какъ слѣдуетъ... Чрезъ четверть часа онъ будетъ безъ заднихъ ногъ, а переписка въ нашихъ рукахъ. Ну-ка, молодецъ, покажи мнѣ свою рысь... Кто кого изъ насъ обгонитъ на бутылкахъ... я за себя постою... а посмотримъ, устоишь ли ты..

(Уходятъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДАЛЬБЕРТЪ, одинъ.

Прекрасно! Бернардъ его лихо отпотчуетъ, и Лиза спасена... Чортъ возьми! Если бъ у меня не было невѣсты. . Досталась же этакая жена сапожнику... и что она нашла хорошаго въ этомъ уродѣ?

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ДАЛЬБЕРТЪ и РОДЕ.

РОДЕ.

Вотъ и я!...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Милости просимъ.

РОДЕ, глядя на открытую занавѣску.

Ага! Птичка улетѣла... Та, та, та, и слѣдовъ не найдешь. Ну, г. капитанъ, вы отличный птицеловъ; вы мастеръ своего дѣла... да, не даете спуску и чужому.

ДАЛЬБЕРТЪ.

На ловца звѣрь бѣжитъ, г. Роде.

РОДЕ.

Понимаю, понимаю! Это красный звѣрекъ... Но какимъ-то звѣремъ глядитъ мужъ?

ДАЛЬБЕРТЪ.

О! какой же мужъ углядитъ за женой.

РОДЕ.

Кромѣ меня.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Разумѣется, вы такъ же мастеръ своего дѣла; но гдѣ же ваши сапожки?

РОДЕ.

Вотъ они... Каковы?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Прелестны!.. Но тутъ чего то не достаетъ?

РОДЕ.

Да-съ, бахромки. Это минутное дѣло: жена какъ разъ обошьетъ... Но не знаю, куда она запропастилась съ самаго утра... Ей нужно было сходить въ одинъ домъ... но она попала въ другой: я узналъ, что она была здѣсь... у г-жи Стофель... тогда какъ я совсѣмъ объ этомъ ее не просилъ; напротивъ...

ЛИЗА, за кулисами.

Точно такіе же... Слушаю-съ, сударыня.

РОДЕ.

Это ея голосъ... Она по сіе время еще была тамъ...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ваша жена?.. Какъ это кстати. Мнѣ нужно отослать эти сапожки сію минуту... слышите, сію же минуту, или я ихъ вовсе не беру. У вашей жены вѣрно есть съ собой иголка и нитки: нельзя ли ей здѣсь ихъ кончить?

РОДЕ, въ сторону.

Вотъ еще выдумалъ! Здѣсь?... при васъ?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Пожалуй, я уйду.

РОДЕ.

Ну, это дѣло другое.

ДАЛЬБЕРТЪ.

И прекрасно! А я пока одѣнусь... Когда будутъ готовы, придите ко мнѣ, и мы поговоримъ объ нашемъ дѣлѣ.

РОДЕ.

Слушаю, г. капитанъ, слушаю!

(Дальбертъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

РОДЕ и ЛИЗА.

РОДЕ, въ дверяхъ.

Лиза! Лиза!

ЛИЗА, за кулисами.

А? Кто меня зоветъ?

РОДЕ.

Какая глупая! не узнаетъ мужнина голоса! Это я.. сюда—сюда! спустись пониже... да иди же скорѣе...

ЛИЗА, входитъ.

А! это ты?

РОДЕ.

Поди-ко, поди-ко сюда... Зачѣмъ ты здѣсь?

ЛИЗА.

Да вѣдь ты же меня звалъ...

РОДЕ.

Нѣтъ, не теперь; а зачѣмъ ты здѣсь была безъ меня?..

ЛИЗА, въ сторону.

Ахъ! Боже мой! Онъ вѣрно все знаетъ... Я здѣсь... съ чего ты берешь?...

РОДЕ.

Какъ съ чего? Да не съ верху ли ты сошла... Это, сударыня, низко... надо слушаться мужа, я вамъ именно запретилъ...

ЛИЗА.

Онъ ничего не знаетъ?.. Вотъ прекрасно; башмаки были очень нужны.

РОДЕ.

Да и тебѣ очень нужно было такъ долго сидѣть у г-жи Стофель.

ЛИЗА.

Ее не было дома, и мнѣ велѣли дожидаться.

РОДЕ.

Что ты безпрестанно обертываешься?...

ЛИЗА.

Ничего, это отъ лѣстницы.

РОДЕ.

Отъ лѣстницы завертѣлась голова... ты устала... такъ садись за работу.—На вотъ, пришей бахромку къ сапожкамъ, осторожнѣе; тутъ шелкъ и иголка...

ЛИЗА.

Ахъ, Боже мой!

РОДЕ.

Что, укололась?

ЛИЗА.

Нѣтъ... нѣтъ... а вѣдь это мои сапожки?

РОДЕ.

Ну да, конечно, вѣдь я говорилъ, что они проданы, и ты видишь, что я тебя необманулъ.

ЛИЗА.

Кому ты ихъ продалъ?

РОДЕ.

Одному драгуну.

ЛИЗА.

Развѣ они ему въ пору?

РОДЕ

Нѣтъ, это его женѣ.

ЛИЗА.

Такъ стало, она здѣсь и живетъ?

РОДЕ.

Ну да, да... она жена безобразнаго, стараго капитана; да впрочемъ это не твое дѣло... шей поскорѣе... Но ты что-то не въ духѣ... ты бы вѣрно хотѣла оставить ихъ для себя.

ЛИЗА.

Разумѣется, хотѣла. Развѣ ты не могъ ей сшить другіе?...

РОДЕ.

Не могъ, потому что ей ихъ надо сегодня вечеромъ.

ЛИЗА.

И мнѣ тоже.

РОДЕ.

Но я...

ЛИЗА.

Да, вы промѣняли меня Богъ знаетъ на кого...

РОДЕ.

Я совсѣмъ немѣнялъ, а продалъ ихъ очень выгодно. — Посмотри-ко...

ЛИЗА.

Двадцать франковъ! Ну, это хорошо! А то ты свою работу продаешь не всегда на чистыя деньги.

РОДЕ.

Кто тебѣ сказалъ?

ЛИЗА.

Никто; я знаю, что ты слишкомъ добръ съ женщинами... «хоть ты и честныхъ правилъ, а нѣтъ правила безъ исключенія.»

РОДЕ.

Какъ это можно...

ЛИЗА.

Что жъ мудренаго: твое ремесло заставляетъ быть тебя у ногъ прекрасныхъ женщинъ...

РОДЕ.

Ну, да, чтобъ снять мѣрку... надо же согнуться...

ЛИЗА.

Конечно... противъ иныхъ ножекъ нельзя устоять...

РОДЕ, въ сторону.

Чортъ возьми... Отъ чего она это знаетъ: пересказать ей вѣрно еще не успѣли. Перестань, мой дружечикъ... Ты тоже въ свою очередь начинаешь меня ревновать... но утѣшься... Я чаще ухожу отъ женщинъ, не видавши ихъ въ лицо.

ЛИЗА.

Да, напримѣръ — сегодня...

РОДЕ.

Именно ты отгадала... я видѣлъ только ножку.

ЛИЗА.

Неужели?

РОДЕ.

Право... Ха, ха! Это приключеніе довольно смѣшно...

ЛИЗА.

Очень! — Ха! ха! ха!

РОДЕ.

Я былъ тутъ... она тамъ, за занавѣской... Капитанъ здѣсь... а драгунъ на карауль... не доставало только мужа.

ЛИЗА.

Да... Ха, ха, ха! Этого только не доставало.

РОДЕ.

Хорошъ мужъ, отъ котораго прячется жена; да хороша и жена, которая...

ЛИЗА.

Ну, такъ! Сейчасъ что нибудь дурное — Ты ошибаешься... можетъ быть, она зашла безъ намѣренія.

РОДЕ.

О! да ошиблась дверями.

ЛИЗА.

Конечно... это очень вѣроятно. — Ты не видалъ этой женщины въ лицо... а смѣешься...

РОДЕ.

Я видѣлъ только на какой ногѣ она знакома съ капитаномъ.

ЛИЗА.

Какъ по наружности судить?
Мнѣ за нее обидно вчужѣ.

РОДЕ.

Конечно, что и говорить,
Вы просто ангелы снаружи;
Да жаль, внутри злой духъ сидитъ —
И вѣрно никогда не выйдетъ.
За вами мужъ не углядитъ.

ЛИЗА.

Глядитъ. — да ничего не видитъ.

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И ДАЛЬБЕРТЪ, ПОДХОДИТЪ ТИХОНЬКО.

ЛИЗА, не видя его.

Я увѣрена, что это женщина не виновата, тѣмъ болѣе, что капитанъ, какъ ты говоришь, старъ и очень дуренъ собой.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Вы еще здѣсь, г. Роде?

РОДЕ.

Ай! Я пропалъ!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Это вѣрно ваша супруга... Познакомьте же меня съ ней... Мое почтеніе, сударыня!

РОДЕ.

Зачѣмъ ты присѣдаешь? сиди на своемъ мѣстѣ?

ЛИЗА.

Что жъ ты мнѣ налгалъ?... Онъ молодъ и очень милъ.

РОДЕ.

Вотъ попался!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Что же вы мнѣ давича наговорили: она прелестна.

РОДЕ.

Мнѣ дурно!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Зачѣмъ же вы солгали мнѣ?

РОДЕ

Ай, ай! драгунъ къ ней подъѣзжаетъ!
Я весь горю, какъ на огнѣ,
А потъ холодный прошибаетъ.
Ахъ, какъ онъ смотритъ на нее!
Охъ, не къ добру такія ласки!
Онъ сглазитъ счастіе мое; —
Ири мужъ дѣлаетъ ей глазки!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Съ чего вы взяли, что она косовата?

РОДЕ.

Что ты на него косишь?... Отвернись.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Будто одно плечо выше другаго?

РОДЕ.

Зачѣмъ ты сегодня безъ косынки?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Чѣмъ же дурна у ней ножка.

РОДЕ.

Къ чему ты ее протянула? — Охъ! Кажется я самъ скоро ноги протяну.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Ручки очень милы.

РОДЕ.

Кто же этакъ подымаетъ руку, когда шьетъ? Вотъ какъ надо..

ДАЛЬБЕРТЪ.

Вы хорошо шьете, а мнѣ порядочно напороли.

РОДЕ.

Этому конца не будетъ — Ну, довольно; ты, кажется, кончила?

ЛИЗА.

Нѣтъ еще...

РОДЕ

Все равно — подай сюда. Извольте, капитанъ: только что съ иголочки.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Благодарю васъ. Позвольте жъ предложить эти сапожки вашей женѣ. Вы давиче такъ жалѣли, что принуждены были ихъ продать...

ЛИЗА.

Въ самомъ дѣлѣ, ты это говорилъ?

РОДЕ.

Совсѣмъ нѣтъ.

ЛИЗА.

Какъ нѣтъ?

РОДЕ.

То есть: да!... Да, я говорилъ... Самъ не знаю, что говорю.

ЛИЗА.

Впрочемъ, можетъ быть, ты точно назначалъ ихъ въ подарокъ. только пе мнѣ...

РОДЕ.

Какъ ты считаешь меня способнымъ...

ЛИЗА.

Обмануть меня... Почему же? Это очень легко... Я такъ невинна...

РОДЕ.

Какой вздоръ...

ЛИЗА.

То есть, такъ глупа...

РОДЕ.

Какія пустяки! Ахъ, злодѣйка: она все знаетъ; онъ хочетъ меня съ ней поссорить, да не удастся. Ну, Лиза, коли пошло дѣло на правду, такъ я точно тебя обманывалъ...

ЛИЗА.

Обманывалъ?!... И ты признаешься!

РОДЕ.

Постой, постой, выслушай прежде: я нарочно ихъ спряталъ для того, чтобы сдѣлать тебѣ сюрпризъ, и хотѣлъ отдать ихъ передъ самымъ маскарадомъ. (*Въ сторону.*) Ну, славно вывернулся.

ЛИЗА.

Неужели? Полно, правда ли?

РОДЕ.

Если я лгу, то не вѣрь мнѣ больше...

ЛИЗА.

Такъ я поѣду въ маскарадъ?

РОДЕ.

Да, да, (*Въ сторону.*) Уфъ! вытерпѣлъ я пытку; но у меня есть еще средство: пойду и оболью масломъ ея платье.

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И ВИКТОРЪ, ВЪ ПОЛ-ПЬЯНО.

ВИКТОРЪ.

Здравія желаю всей честной компанін.

ВМѢСТѢ.

ЛИЗА.

Ахъ, Боже мой!

РОДЕ.

Что я вижу? Викторъ!

ВИКТОРЪ.

Извините, капитанъ, что я слишкомъ часто шатаюсь. Мое почтеніе, г-жа Роде... молодая жёна и старая невѣста...

РОДЕ.

Какъ ты сюда попалъ?

ВИКТОРЪ.

Да кое-какъ... г. Роде...

РОДЕ.

Посмотрите, онъ едва стоитъ...

ВИКТОРЪ.

Я усндѣлъ двѣ бутылки, а все таки хочу поставить на своемъ.

РОДЕ.

Пойдемъ домой. —

ВИКТОРЪ.

Нѣтъ, постойте.

ДАЛЬБЕРТЪ.

Зачѣмъ ты сюда пришелъ, негодяй? Что тебѣ надобно?

ВИКТОРЪ.

Извините г. капитанъ, мнѣ нужно отдать кой-какія бумаги г-жѣ Роде.

ЛИЗА, ВЪ СТОРОНУ.

Мои письма!... (*Въ слухъ.*) Что жъ ты остановился... Пойдемъ домой.

РОДЕ.

Нѣтъ, теперь я не пойду.. я хочу знать. Говори...

ВИКТОРЪ, ища въ карманѣ.

Сейчасъ... я въ карманъ за словомъ не пойду... Куда онѣ дѣвались.

ЛИЗА.

Я пропала!!

ДАЛЬБЕРТЪ, тихо ей.

Успокойтесь, ихъ нѣтъ...

РОДЕ.

Ну что же эти бумаги?...

ВИКТОРЪ.

Странно.... они были у меня давича, когда я встрѣтилъ здѣсь вашу жену.

РОДЕ.

Что, что, такое? Моя жена у драгуновъ?

ДАЛЬБЕРТЪ.

Позвольте? г. Роде, я вамъ разтолкую...

РОДЕ.

Ничего не хочу слушать! она была здѣсь зачѣмъ, почему, для чего?—Пойдемъ домой!

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И БЕРНАРДЪ.

БЕРНАРДЪ.

Что за шумъ? А мой рекрутъ здѣсь! я его велъ въ полковую канцелярію, а онъ смѣлъ убѣжать и явиться къ капитану въ нетрезвомъ видѣ.

ВИКТОРЪ.

Помилуйте, вы пили вмѣстѣ со мной.

БЕРНАРДЪ.

А ты безъ меня буянишь? Ты мараешь нашъ мундиръ.

ВИКТОРЪ.

Да я его еще не надѣвалъ.

БЕРНАРДЪ.

Все равно, это такъ говорится. Ты записанъ въ нашъ полкъ — и смѣлъ, безъ-спросу убѣжать.... О! тебя за это разтрѣляютъ, какъ дезертера.

ВИКТОРЪ.

Помилуйте.... я...

БЕРНАРДЪ.

Смирно! Нашъ эскадронъ черезъ полчаса выступаетъ, а ты еще не обмундированъ... Маршъ! въ казармы...

ВИКТОРЪ, ищетъ въ карманѣ.

Да я хочу...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Что? ты смѣешь не слушаться начальства.

ВИКТОРЪ.

Выслушайте меня...

БЕРНАРДЪ.

Слушай команду... Поворотъ на право и скачи черезъ двѣ ступеньки.

Скачи въ галопъ, когда велятъ,
А разсуждать не смѣй!
Начальства слушайся солдатъ
И исполняй скорѣй!

ВИКТОРЪ.

Позвольте слово мнѣ сказать.

БЕРНАРДЪ.

Маршъ, маршъ, безъ объясненій.
У насъ словесныхъ принимать
Не велѣно прошеній.

ВСѢ.

Ступай въ галопъ когда велятъ, и проч.

(Бернаръ выталкиваетъ его въ двери.)

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ВИКТОРА.

РОДЕ.

Чтобъ тебѣ шею сломать мошеннику! Ну слава Богу, однимъ меньше что же касается до другаго...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Другаго вамъ нечего бояться.

РОДЕ.

Какъ нечего?... Этотъ мальчишка говоритъ, что видѣлъ мою жену здѣсь...

ДАЛЬБЕРТЪ.

Да, она зашла къ намъ ошибкой, и только что хотѣла бѣжать отсюда, какъ услышала вашъ голосъ.... и въ испугѣ принуждена была спрятаться.

РОДЕ.

Въ вашей комнатѣ? Мнѣ дурно!

ДАЛЬБЕРТЪ.

Нѣтъ тутъ. —

БЕРНАРДЪ.

Тамъ! —

РОДЕ.

Здѣсь!... За этой занавѣской. О! завѣса спала съ моихъ глазъ и я теперь все вижу ясно! Такъ — эта ножка? эта женщина была?

ЛИЗА.

Ja!

БЕРНАРДЪ.

Вотъ вамъ, и голосокъ, и носокъ! *(Тихо капитану:)* А вотъ ея письма.

РОДЕ.

Это была моя жена!.. Ахъ, я дуракъ!

БЕРНАРДЪ.

Точно такъ, — ваша половина. *(Всѣ хохочутъ.)*

РОДЕ.

Ну, нечего дѣлать: гдѣ всѣ хохочутъ тамъ одному сердиться не приходится.

ЛИЗА.

Да и не за что..

РОДЕ.

Какъ не за что?... А зачѣмъ ты сюда приходила? Ты забываешь свои обязанности... Я твой мужъ...

ЛИЗА.

Довольно, довольно, я не хочу вспоминать стараго и слишкомъ помню свой долгъ... Я отъ тебя пряталась, а ты былъ довольно откровенъ: я все вѣдь слышала!... Вспомни-ко, какъ ты отзывался обо мнѣ? Что ты говорилъ о своемъ ремеслѣ... А? .. Даромъ что ты старъ, а за тобой надо глаза да и глаза...

РОДЕ.

Ну, ну довольно; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ; а чтобъ доказать тебѣ, что я все забываю... пойду съ тобой вмѣстѣ въ маскарадъ...

ЛИЗА.

Неужели? О! ты стоишь, чтобъ тебя за это расцѣловать... Извините, капитанъ.

ДАЛЬБЕРТЪ.

О! сколько угодно; я вамъ не мѣшаю. Теперь вамъ необходимы эти сапожки, и вы вѣрно примете ихъ отъ меня. *(Прячетъ письма въ сапожки.)*

ЛИЗА.

Если мужъ позволитъ...

РОДЕ.

Разумѣется... въ этомъ подаркѣ не можетъ быть ничего дурнаго.

ДАЛЬБЕРТЪ, значительно.

Напротивъ, тутъ все, чего желала ваша жена. *(Отдаетъ ей сапожки и тихо)* Письма внутри.

РОДЕ.

Вотъ этакія вещи я позволяю при себѣ отдавать моей женѣ.

ЛИЗА.

Ахъ! капитанъ, какъ васъ благодарить.

От стараго обыкновенья
Мы не хотѣли отступить;

И этой *Ножкѣ* снисхожденья
Должны у зрителей просить.
Быть можетъ, что суха немножко;
Войдетъ ли въ театральный кругъ?
Чтобъ удержалась наша *Ножка*,
Не пожалѣйте вашихъ рукъ.

ИСТОРІЯ

РУССКАГО ТЕАТРА.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О РУССКОМЪ ТЕАТРѢ И РУССКОЙ ДРАМАТУРГІИ.

(Письма къ Ѳ. В. Булгарину.)

I.

Ваши воспоминанія о театрѣ и знакомствѣ съ нимъ, любезнѣйшій Ѳ. В., возбудили и во мнѣ *память былаго*. Богъ знаетъ: отъ того ли, что приближаешься къ старости (старикомъ-то вполнѣ назвать себя все еще мнѣ не хочется), или отъ того, что я вижу пользу подобныхъ замѣтокъ, но вообще я люблю записки о прошедшемъ. Польза тутъ явная. Изъ такихъ замѣтокъ составляется *лѣтописьминувшаго*, и она можетъ иногда пригодиться для Исторіи. Изъ маленькихъ кирпичей строятся огромныя зданія. Если и не историкъ, такъ романистъ, либо описатель нравовъ, загляпутъ потомъ въ замѣтки отцовъ своихъ,— хоть какому нибудь наблюдателю XXI вѣка—можетъ быть, для журнальной статейки, пригодятся наши старинные разсказы. Все таки они къ чему нибудь, да пригодятся, кромѣ собственнаго нашего удовольствія «поговорить о старинѣ.» Вы догадываетесь, конечно, что мое предисловіе ведетъ васъ къ чему нибудь похожему на вашъ увлекательный разсказъ, который прочиталъ я въ 1-й книжкѣ *Пантеона*. Вы не ошиблись, любезнѣйшій Ѳ. В.: и мнѣ также вздумалось, по примѣру вашему, *вспомнить былое*, и разсказать, что придетъ на память, изъ того, что видалъ и замѣтилъ я въ современномъ мнѣ театрѣ Русскомъ и драматургіи Русской. Вѣдь и я также *старожилъ* Русскаго партера, зазнавши Русскую сцену лѣтъ почти за тридцать. Жаль, что у меня нѣтъ вашего умѣнья разсказывать; но примите мой разсказъ, какъ усердную, хоть и недостаточную плату, за удовольствіе, доставленное мнѣ вашими остроумными воспоминаніями.

Мнѣ кажется, что *драма* и *театръ* ближе къ человѣку всѣхъ другихъ родовъ литературы и всѣхъ общественныхъ увеселеній. Тутъ всякому и всѣмъ есть свои доля, когда лирика, эпопея, музыка, танцы предполагаютъ только ограниченное число участвующихъ. Вѣрю живымъ впечатлѣніямъ чтенія Иродотова и пѣнія Пиндарова на Грековъ, но для насъ прошли вѣка Эллады, и имъ не возобновиться уже никогда. Какое же уединенное чтеніе можно сравнить съ живымъ, увлекающимъ наслажденіемъ *сценическаго* зрѣлища? И если приложить къ театру и старинную пословицу: ridendo castigat mores, чьи уроки могутъ сильнѣе сценическихъ дѣйствовать на душу и сердце? Тутъ обмѣнъ идей и мыслей идетъ на виду; бой открытый и рѣшительный, и надобно сознаться, что громъ рукоплесканій и слезы или смѣхъ зрителей суть нѣчто такое, къ чему никогда не сдѣлаешься равнодушнымъ, и что можно сравнить, развѣ только — вспомните молодость—съ улыбкой и слезой, какими награждаются въ юности наши литературныя ра-

боты, когда съ такимъ восторгомъ повторяемъ мы:

Глаза прекрасные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста прелестныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои

За то, и какая критика можетъ быть страшнѣе *свиста* и *шиканья*, которыми три тысячи ртовъ гонятъ иногда въ Лету несчастнаго *пиитy* и *авктора*... Такъ, правда, но чѣмъ выше паслажденіе, тѣмъ тяжеле за него расплата... Ужъ такъ ведется на бѣломъ свѣтѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Трагедію освободили отъ ея *козлинаго* происхожденія, а съ начала комедіи смыли Ѳесписовы *дрожжи*, мы убѣдились, что *драма* и *сцена* современны первымъ идеямъ человѣка, и едва ли не старше и не всеобщнѣе онѣ эпопеи. Человѣкъ актеръ отъ природы; жизнь наша комедія всегда: дитя хочетъ представить собою взрослаго; взрослый передразниваетъ своего собрата. Кто не родился сильнымъ и великимъ, хочетъ вообразить себя хоть на время тѣмъ и другимъ; горе дразнитъ радость, а радости иногда весело бываетъ представить горе. Драму найдете и у нашихъ Тунгусовъ и Якутовъ; и въ старой Индіи, и въ окаменѣломъ Китаѣ, у свирѣпаго Малайца и у Африканскаго Негра, вездѣ знали и знаютъ драму.

Не удивительно, что въ извѣстные годы особенно, мы бываемъ страстно влюблены въ театръ и драму. Кто изъ молодежи иногда не завидовалъ даже герою сцены и не готовъ былъ промѣнять всего на его кинжалъ и котурны? По крайней мѣрѣ, скажу о себѣ, что театръ и драма съ самаго дѣтства были моею страстью, и волновали меня самыми первыми и живыми впечатлѣніями юности; тѣмъ сильнѣе и ярче, можетъ быть, были мои впечатлѣнія, что до 15 лѣтъ живя въ Сибири, я зналъ театръ только по книгамъ и по разсказамъ. Въ Иркутскѣ, гдѣ я родился и жилъ до 1811 года, не было тогда театра, не заводили и благороднихъ домашнихъ спектаклей. — Чуть помню я, что когда былъ тамъ Генералъ-Губернаторомъ почтенный старикъ Лецціано. Суворовскій сослуживецъ, человѣкъ отлично образованный и умный, какой-то ссыльный актеръ заводилъ тамъ театръ, игралъ самъ и составивъ труппу изъ приказныхъ. Помню, что меня съ братомъ возили тогда два, три раза въ театръ. Однажды играли *Мельника*, и намъ очень понравилось, какъ старикъ бранился со старухою; въ другой разъ играли какую-то комедію, гдѣ мужика обижалъ какой-то управитель, и мнѣ было страхъ какъ жаль бѣднаго. Но *какая* это была комедія—не знаю, и не могъ я потомъ доискаться. Театръ замѣняли для насъ *вертепы*. Знаете ли, что это такое?

Кажется, что такой родъ увеселеній перешелъ въ Сибирь изъ Кіева, но когда и какъ, не знаю, ибо въ другихъ городахъ ничего не слыхивалъ я о вертепахъ. Вѣроятно, какой нибудь школяръ Кіевскій, переведенный въ Иркутскъ, образовалъ ихъ тамъ. Вертепъ кукольная комедія, родъ духовной мистеріи. Устроивается родъ подвижнаго шкафа, раздѣленнаго на два этажа; куклы водятся невидимо руками представителей; грубый хоръ поетъ псальмы, нарочно для того сочиненные; иногда присовокупляется къ нимъ скрыпка; иногда импровизируются разговоры. Содержаніе вертепной комедіи всегда бывало одинаково: представляли мистерію Рождества; въ верхнемъ этажѣ устроивали для того вертепъ и ясли; въ нижнемъ тронъ Ирода. Куклы одѣты бывали царями, барынями, генералами, и вертепы важивали и нашивали семинаристы и приказные по улицамъ въ святочные вечера, ибо только о Святкахъ позволялось такое увеселеніе. Боже мой! Съ какимъ бывало нетерпѣніемъ ждемъ мы *Святокъ* и *вертепа!* Съ наступленіемъ вечера, когда рѣшено *пустить вертепъ*, мы, бывало, сидимъ у окошка и кричимъ отъ восторга, чуть только въ ставень застучатъ, и на вопросъ нашъ: «кто тамъ?» намъ отвѣчаютъ: «Пустите съ вертепомъ!» Начинаются переговоры: «Сколько у васъ куколъ? Что возмете?» Представители отвѣчаютъ, что куколъ 50, 60, одинъ чертей четыре, и что у нихъ есть скрыпка, а послѣ вертепа будетъ комедія. Мы трепещемъ, что переговоры кончатся несогласіемъ, покажется дорого... Но, нѣтъ! все слажено... И вотъ несутъ вертепъ, ставятъ по-

лукругомъ стулья; на скамейкахъ утверждается самый вертепъ; раскрываются двери его — мишура, фольга, краски блестятъ, пестрѣютъ; является первая кукла — *пономарь;* онъ зажигаетъ маленькія восковыя свѣчки; выбѣгаетъ *трапезникъ*, съ кузовомъ, и проситъ на свѣчку. Одинъ изъ насъ, съ трепетомъ, подходитъ и кладетъ въ кузовъ копѣйку. Пономарь требуетъ дѣлежа; сыплются шутки, начинается драка, и мы предвкушаемъ всю прелесть ожидающаго насъ наслажденія. И вотъ — заскрыпѣла скрыпка, раздались голоса — являются ангелы, и преклоняются передъ яслями, при пѣніи:

Народился нашъ Спаситель,
Всего міра Искупитель
Пойте, воспойте
Лики, во вѣки
Торжествуйте, ликуйте,
Воспѣвайте, играйте!
Отецъ будущаго вѣка
Пришелъ спасти человѣка!

Нѣтъ! ни Каталани, ни Зонтагъ, ни Реквіемъ, ни Донъ Жуанъ не производили потомъ на меня такихъ впечатлѣній, какое производило вертепное пѣніе! Думаю, что и теперь я на половину еще припомню всѣ вертепные псальмы. И какихъ потрясеній тутъ мы не испытывали: плачемъ, бывало, когда Иродъ велитъ избить младенцовъ; задумываемся, когда смерть идетъ наконецъ къ нему, при пѣніи: «Кто же можетъ убѣжати въ смертный часъ?» и ужасаемся, когда открывается адъ; черные, красные черти выбѣгаютъ, пляшутъ надъ Иродомъ, подъ пѣсню: «О, коль наше на семъ свѣтѣ житіе плачевно!» и хохочемъ, когда вдова Ирода, послѣ горькихъ слезъ надъ покойникомъ, тотчасъ утѣшается съ молодымъ генераломъ, и пляшетъ, при громкомъ хорѣ: «По мосту, мосту, по калинову мосту!» Комедія послѣ вертепа составлялась обыкновенно изъ пантомимы самыхъ вертепщиковъ: тутъ являлся родъ Скапена-слуги, родъ Оргона — барина, Нѣмецъ, да подьячій; разговоръ состоялъ изъ грубыхъ шутокъ, импровизировался, и обыкновенно слуга, бывало, всѣхъ обманываетъ, бьетъ Нѣмца и дурачитъ подьячаго...

Простите, что память дѣтства увлекла меня, любезнѣйшій — Ѳ. В. — Поэтъ Батюшковъ недаромъ сказалъ:

О память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной!

Съ какимъ наслажденіемъ читалъ я потомъ въ Гётевомъ *Вильгельмѣ Мейстерѣ* разсказъ о кукольной комедіи, которою такъ утѣшался великій поэтъ въ дѣтствѣ. Не *великій*, какъ Гете, я *человѣкъ*, какъ онъ, homo sum, и какъ говорится далѣе, nihil me humanum alieno puto..:

Впрочемъ, имѣя темное понятіе о *сценѣ* и *театрѣ*, скоро познакомился я теоретически съ *драмою*, и даже самъ началъ писать трагедіи и комедіи. Мнѣ попались въ руки тома два сочиненій Сумарокова, тома два Княжнина, но полную побѣду одержалъ надо мною Херасковъ: *двѣнадцать* томовъ его *твореній*, гдѣ нѣсколько томовъ занято драмами, увлекли меня. Давай читать, давай самому писать. Казалось мнѣ иногда, читая *Хорева* и *Мартезію и Фалестру*, или *Ярополка* и *Борислава*, будто все это немного скучновато; но я старался убѣдить себя, что недостатокъ вкуса былъ причиною моей скуки. И диво ли? Тогда вся Европа такъ думала и старалась въ томъ себя увѣрить. Мнѣ нравились однакожъ постоянно у Сумарокова *Димитрій Самозванецъ*, а у Хераскова *Освобожденная Москва* и *Юліанъ Отступникъ*. Вотъ я нашелъ во *Всемірномъ Путешественникѣ*, Аббата дела-Порта, исторію Петра Жестокаго и Маріи Падиллы, и изъ нея придумалъ скропать трагедію *Бланка Бурбонская*. Прочитавши двѣ піесы: *Россы въ Италіи* и *Россы въ Архипелагѣ*, да двѣ книженки: *Суворовъ и Казаки въ Италіи*, и *Беннингсенъ и Бонапарте въ арміяхъ*, я смастерилъ цѣлую драму: *Герои Русскіе въ Пруссіи*, гдѣ вывелъ на сцену Наполеона и Беннингсена, изображая Наполеона почти разбойничьимъ атаманомъ — тогда всѣ мы такъ думали, и *Русскій Вѣстникъ*, любимое мое чтеніе, подкрѣплялъ во мнѣ такое мнѣніе. Душа отрока мягкій воскъ: что хотите, то изъ нея и вылѣпите; жаль, что не всѣ лѣпщики бываютъ искусны, и немногіе умѣютъ пользоваться матеріяломъ. Помню еще мое твореніе: *Царская свадьба;* содержаніе взялъ я изъ Дополненій къ Дѣяніямъ Петра Великаго, изображая свадьбу Царя Алексія

Михайловича съ Наталіею Кириловною. Между тѣмъ, знатоки, люди бывалые, восхищали меня своими разсказами о театрахъ Петербургскомъ и Московскомъ; о томъ, какъ они видали тамъ *Недоросля*, и какъ хороши и уморительны въ немъ Скотининъ и Кутейкинъ. О *Русалкѣ* говорили мнѣ, какъ о чемъ-то чудесномъ, и видя, какъ при одномъ воспоминаніи о Кифарѣ и Тарабарѣ хохочутъ разскащики, я задумывался, и думалъ про себя: «что же это такое? Еслибы я самъ все это увидѣлъ: и то, какъ у Кифара выростаетъ огромное брюхо; и какъ мѣшки пляшутъ съ Тарабаромъ; и какъ его вертятъ на мѣльницѣ, и какъ мечъ его превращается въ лисій хвостъ съ побрякушками, и какъ онъ летитъ на воздухъ?» — Еслибы кто нибудь сказалъ тогда мнѣ, ребенку, что нѣкогда и я буду въ числѣ тѣхъ *великихъ*, которые творятъ чудеса на сценѣ театра? Я не иначе думалъ о драматическихъ писателяхъ, какъ объ избранникахъ рода человѣческаго, и, конечно, одурѣлъ бы отъ радости — да, просто, скорѣе повѣрилъ бы, что сдѣлаюсь Японскимъ Императоромъ, нежели творцомъ чего нибудь въ родѣ безсмертныхъ творевій Хераскова и Сумарокова! Когда попался мнѣ *Димитрій Донской* Озерова, и когда случайно дали мнѣ тома три *Театра Коцебу*, мнѣ показалось однако жъ, что я открылъ новый свѣтъ. Сто разъ перечитывалъ я въ Письмахъ Русскаго путешественника то мѣсто, гдѣ Карамзинъ описываетъ представленіе Ненависти къ людямъ и раскаянія на Берлинскомъ театрѣ, и помню также живое впечатлѣніе, когда прочиталъ я въ Вѣстникѣ Европы отрывокъ изъ Эврипидовой *Гекубы*, переводъ Мерзлякова. Сумарокова и Хераскова пересталъ я послѣ того читать, и десять разъ перечитывалъ въ Баттё разборъ древнихъ Греческихъ трагиковъ, особливо Софоклова Эдипа, и становился на колѣни, и всѣ мои теоріи были послѣ того сбиты съ толку. Какъ хотѣлось мнѣ тогда читать Шекспира! Но взять его было негдѣ, и — все, что разсказалъ я вамъ, передумалъ и перечувствовалъ я, когда мнѣ не было еще и 15-ти полныхъ лѣтъ, и за городскую черту Иркутска не переступалъ я ни шагу...

Но вотъ — прощай, Иркутскъ! Маленькій кандидатъ въ великіе драматическіе писатели отправился на святую Русь, и лежа въ повозкѣ, сколько разъ мечталъ я, что увижу то-то и то-то — увижу и *театръ*; живые люди пойдутъ передо мною царями и героями; Тарабаръ поѣдетъ верхомъ на ракѣ, и Ричарда будетъ перемѣняться по пяти разъ въ глазахъ моихъ... Въ Іюлѣ 1811 года, пріѣхалъ я на знаменитую ярмарку, которая тогда была еще въ Макарьевѣ, и здѣсь-то, когда пошли мы въ первый разъ по безконечнымъ рядамъ и балаганамъ ярмарочнымъ, вообразите мое восхищеніе, при видѣ какого-то огромнаго, отдѣльнаго, страннаго зданія; то былъ театръ! Бросаюсь къ афишкѣ, прилѣпленной у входа — даютъ *Гусситовъ подъ Наумбургомъ*, Коцебу. Добрый спутникъ мой смѣялся моему восторгу, и обѣщалъ вечеромъ идти со мною въ театръ... Въ тотъ день я почти ничего не ѣлъ отъ радости. Идемъ... Какъ все это чудно, какъ все изумительно... И новый міръ кулисъ и сцены, таинственно закрытый занавѣсомъ, и толпа народа, собравшагося слушать, видѣть, чувствовать, плакать, смѣяться по волѣ волшебника, который невидимо дѣйствуетъ, заставляетъ являться и уходить, счастливить и несчастливить насъ, какъ судьба — и все это при волшебномъ свѣтѣ лампъ, въ какомъ-то фантастическомъ мірѣ...

Театръ Макарьевскій, сколько могу повѣрять тогдашнія впечатлѣнія, былъ очень порядочный, если сообразить время и средства. На немъ играла труппа, помнится, Нижегородскаго помѣщика, Князя Шаховскаго. Давали драмы, оперы, комедіи. Я видѣлъ тогда *Гусситовъ подъ Наумбургомъ*, *Эпиграмму* и *Дѣву Солнца*, Коцебу, и *Рѣдкую вещь*, да двѣ, три маленькія пьески. Напрасно хотѣлъ бы я разсказать вамъ, что чувствовалъ я, сидя въ креслахъ, въ первый разъ отъ роду, въ театрѣ, когда, весь превратившись въ слухъ и вниманіе, я ловилъ каждое слово актеровъ... Вы упоминаете въ своихъ *воспоминаніяхъ* о Коцебу. Много надобно бы толковать, чтобы рѣшить объ немъ вопросъ. Его теперь сбили въ грязь и сбросили съ высокаго пьедестала, на которомъ онъ стоялъ; надъ нимъ смѣются, и *кто* еще смѣется!... Моя посылка тутъ будетъ самая простая:

кто двадцать лѣтъ владѣлъ общимъ вниманіемъ публики Германской, Французской, Англійской, Русской, тотъ, Скрибъ ли онъ, или Коцебу, не можетъ не имѣть какихъ нибудь достоинствъ, и, по крайней мѣрѣ, онъ угадалъ тайну увлекать свой вѣкъ. И какъ хотите мнѣ кричите о Кальдеронѣ и Шекспирѣ, но если отъ нихъ нѣкоторыхъ драмъ мы дремлемъ въ театрѣ, слѣдовательно, не все же и въ нихъ, безотчетно и безъ исключенія велико: и у нихъ есть пятна, не омоченныя въ Стиксѣ... Но, по крайней мѣрѣ, въ 1811 году Коцебу, а съ нимъ и *Нѣмецкая драма*, что называется Schauspiel, царствовали на Русской сценѣ. Сумарокова и Хераскова уже не играли тогда; иногда давались плохіе переводы Французскихъ классиковъ, отъ которыхъ мы почтительно скучали бывало, любуясь только игрою извѣстныхъ актеровъ и поставляя обязанностью, по *преданію* (par tradition), восхищаться въ извѣстныхъ мѣстахъ, но никогда не плакивали отъ сердца и души. — Въ томъ, что говорите вы о Коцебу и его Гусситахъ, любезнѣйшій Ѳ. В., я почти согласенъ съ вами, съ нѣкоторыми только оговорками, о которыхъ поговоримъ когда нибудь подробнѣе; но именно, то мѣсто въ сей пьесѣ, гдѣ Вольфъ предлагаетъ женѣ оставить одного изъ сыновей — превосходно; сцена Бургомистра и Герольда; сцена Вольфа передъ Бургомистромъ; звукъ трубы, прерывающій разговоръ его съ женою; сцена, когда дѣти падаютъ передъ Прокопіемъ на колѣни, когда потомъ приходятъ матери — все это очерки мастера своего дѣла, и вообразите, что долженъ былъ я чувствовать, въ первый разъ отроду пришедши въ театръ, и видя Гусситовъ! Я заливался слезами, и — право, вышелъ изъ театра добрѣе, нежели вошелъ въ него, а на другой день мои понятія такъ перепугались, что и *Наумбургъ* и *Макарьевъ*, и *Гусситы* и *ярмарка* составили въ головѣ моей что-то такое пестрое, соединеніе чего-то дѣйствительнаго съ фантастическимъ...

Случай приготовилъ мнѣ не менѣе сильное впечатлѣніе и въ Московскомъ Театрѣ, гдѣ въ первый разъ пришедши въ спектакль, я видѣлъ Самойловыхъ. Онъ и она пріѣхали тогда въ Москву, и въ первый разъ увидѣлъ я ихъ въ *Павлѣ и Виргиніи*, и, помнится, въ *Оборотняхъ*, гдѣ и мужъ и жена были превосходны. Волосы стали у меня дыбомъ, когда Павла разлучали съ Виргиніею, а когда Павелъ бросается въ море, и потомъ на сценѣ бѣготня, смятеніе, и ихъ вытаскиваютъ безъ чувства — я едва дышалъ. Помню, что и музыка въ операхъ премилая (помнится, Боальдье?), а *Оборотней* считаю я однимъ изъ самыхъ умныхъ водевильчиковъ Русской сцены. Кстати о сочинителѣ, или передѣлывателѣ (ибо они переведены съ Французскаго) Оборотней: это былъ нѣкто *Кобяковъ*, молодой сочинитель, передѣлавшій нѣсколько пьесокъ для театра; но знаете ли, что ему одолжены мы нашимъ патріотическимъ гимномъ: «Защитника Петрова града», который пѣла вся Россія, и мотивъ котораго всегда останется прекраснымъ? Д. П. Кашинъ, рѣшась дать въ концертѣ гимнъ, соотвѣтственный тогдашнимъ великимъ событіямъ, просилъ написать стихи Милонова; тотъ обѣщалъ, не сдѣлалъ ничего, и Кашинъ, наканунѣ концерта, въ отчаяніи встрѣтившись Злову въ магазинѣ В. А. Плавильщикова, открылъ ему свое горе. Тутъ случился Кобяковъ. Зловъ зналъ его, свелъ тотчасъ съ Кашинымъ, и гимнъ былъ тутъ же написанъ; въ ночь Кашинъ положилъ его на музыку, а на другой день весь Петербургъ съ восторгомъ напѣвалъ: «Хвала, хвала тебѣ, герой, что градъ Петровъ спасенъ тобой!» И самое вступленіе въ Парижъ было потомъ возглашено на тотъ же мотивъ: «Въ побѣдахъ Славянинъ возросъ — ликуй, Москва: въ Парижѣ Россъ! «И стѣны дрожали отъ *ура!* и рукоплесканій... Какое чудное было тогда время!..

Впрочемъ, живость всѣхъ нашихъ первыхъ впечатлѣній проходитъ, и, къ сожалѣнію, ихъ заступаетъ нерѣдко самое несносное и несчастное расположеніе: мы хотимъ судить, соображать; не освободившись еще отъ мимолетныхъ, временныхъ отношеній, не достигнувши хладнокровія касательно прошедшаго; въ такое время бываемъ мы плохими судьями, и всего чаще сбиваемся съ толку, если не приготовлены къ дѣлу пред-

варительнымъ изученіемъ, размышленіемъ и (важное условіе!) опытомъ. Тогда настаетъ для насъ время полузнанія, односторонняго чувства, полуученаго критицизма полузнатоковъ. И я попалъ тогда въ такую категорію, и тѣмъ замѣнилъ безотчетную, дѣтскую живость чувствъ и впечатлѣній. Но сперва разскажу вамъ разныя подробности мѣстныя.

Театръ былъ тогда въ Москвѣ одинъ, очень хорошо выстроенный, хоть и деревянный. Онъ занималъ средину площади на валу Бѣлаго Города, тамъ, гдѣ кончится Пречистенскій бульваръ, между домомъ Апраксина (что нынѣ Александринскій Институтъ) и Арбатскими воротами. Онъ сгорѣлъ до основанія въ 1812 году, и Французскіе актеры играли, во время занятія Москвы Наполеономъ, на театрѣ Позднякова, на Никитской (что нынѣ домъ Князя Юсупова). Будучи страстнымъ охотникомъ до театра, Позняковъ жилъ по барски, и имѣлъ свою труппу, изъ которой вышли многіе актеры съ дарованіемъ. Директоромъ Московскаго Театра былъ тогда А. А. Майковъ (родственникъ сочинителя басень, трагедій и нѣкогда знаменитыхъ поэмъ: *Елисей* и *Игрокъ ломбера*.) Цѣны за входъ были небольшія: за кресла платили, помнится, 2 р. 50 к., но мы, знатоки, особенно сходились въ партеръ (нынѣшнія мѣста за креслами), гдѣ цѣна была *рубль*.

Играли тогда всего болѣе драмы, но давали и трагедіи, комедіи, оперы и оперетки; водевилей не знали. Выше всего ставили мы *Эдипа*, *Димитрія* и *Фингала* Озеровскихъ. Объ нихъ никто не смѣлъ и судить. Не знаю почему, Эдипа напечатано было немного экземпляровъ, и за экземпляръ его платили по 25 рублей. Боже! какъ все зашумѣло, когда Мерзляковъ разбиралъ его *Эдипа* и *Гекубу*! «Педантъ! Варваръ!» кричали мы, и даже въ преданіи осталось будто критики убили Озерова.—Изъ переведенныхъ трагедій помню: Танкреда, *Меропу* и *Магомета* Вольтеровыхъ; *Андромаху*, въ переводѣ Графа Д. П. Хвостова; я видѣлъ еще *Дидону* Княжнина, и *Сумбеку* С. Н. Глинки, имѣвшую большой успѣхъ. Въ числѣ любимыхъ драмъ считались: *Отецъ семейства*, передѣланный Сандуновымъ изъ Дидеротовой драмы, по Нѣмецкой передѣлкѣ Геммингена; *Беверлей*, ужасная Англійская драма; *Коварство и любовь* Шиллерова; *Ненависть къ людямъ*, *Клеветники*, *Сынъ любви* Коцебу; *Желѣзная Маска*, переводъ Краснопольскаго; *Графъ Вальтронъ*, преслезливая драма Нѣмецкая; *Наталья боярская дочь*, передѣланная изъ повѣсти Карамзина С. Н. Глинкою; драмы Ильина: *Рекрутскій наборъ* и *Лиза, или торжество благодарности*; В. М. Ѳедорова: *Лиза, или слѣдствія гордости и обольщенія*, передѣлка «Бѣдной Лизы» Карамзина; Ѳ. Ѳ. Иванова: *Семейство Старичковыхъ*, и его же *Робертъ* (передѣлка *Разбойниковъ* Шиллера); Дюсисовскіе: *Отелло* и *Леаръ* (въ прозѣ) и *Гамлетъ* (въ стихахъ, С. И. Висковатаго). Переводовъ г. Лобанова и пьесъ Шаховскаго и Хмельницкаго еще не было.

Главнымъ персонажемъ драматической сцены считался *П. А. Плавильщиковъ*, братъ извѣстнаго книгопродавца. Онъ переставалъ уже тогда играть Росславовъ и Орестовъ, но былъ превосходенъ въ старикахъ. Когда игралъ отъ Эдипа, театръ бывалъ полонъ. Въ Старнѣ онъ былъ очень хорошъ, если только не горячился и не начиналъ кричать. Въ Москвѣ вообще его предпочитали Яковлеву, и говорили, что однажды онъ хотѣлъ доказать свое превосходство надъ Яковлевымъ, взялъ роль Зопира въ Магометѣ, и убилъ Яковлева однимъ чтеніемъ стиховъ, обязавшись не присовокуплять ни одного жеста къ рѣчамъ. Въ Отцѣ семейства всѣ плакали отъ его игры. Роста онъ былъ высокаго, не смотря на старость, строенъ, и лицо его оживлялось благородною мимикою.—*Щушеринъ* пріѣзжалъ тогда въ Москву послѣ отставки, и игралъ Эдипа, Леара и Ярба (въ *Дидонѣ*); но онъ былъ уже очень старъ, и Москва рукоплескала ему, только какъ памяти прежняго дарованія.—*Колпаковъ* игрывалъ простолюдиновъ стариковъ, но очень монотонно, и съ какимъ-то страннымъ удареніемъ на словахъ; лучшія роли его были: *Миллера* (Коварство и любовь) и *живописца* (Отецъ Семейства). — *Мочаловъ* (отецъ)

былъ любимцомъ Москвы—высокій мужчина, съ благороднымъ лицомъ, и ему прощали, что онъ иногда закрикивался, и выражая ужасъ, разѣвалъ ужасно ротъ, стучалъ въ тактъ каблуками, и часто не зналъ ролей: *Фингала*, *Графъ Вальтронъ*, *Сынъ любви*, *Алексѣй* (Семейство Старичковыхъ), были его торжествомъ. — Злодѣевъ драмы игралъ *Прусаковъ*, котораго Москвичи не любили за то, что онъ ужасно махивалъ правою рукою и колотилъ себя ею по ногѣ; но онъ ловко игралъ *Аллъбранда* (Клеветники) и *Вурма* (Коварство и любовь); лучшая роль его была однакожь въ Гусситахъ, *Вольфа*.—*Злова* не переходилъ еще тогда въ оперу, и игралъ *Тезея* (Эдипъ) *Луаа* (Желѣзная Маска), и добрыхъ героевъ, величаво и гордѣливо. Трагическихъ актрисъ въ Москвѣ рѣшительно не было: *Барановеву*, некрасивую и неловкую, не любили; *Карановичева* тогда была уже стара. Любимицей публики была драматистка *Воробьева*, съ пріятнымъ голосомъ, иногда слишкомъ плаксивая, но превосходная въ Гусситахъ, Вальтронѣ, Отцѣ Семейства. — О *Померанцовѣ* слышалъ я только восторгъ и сожалѣніе тѣхъ, кто его видалъ; говорили, что съ нимъ никто не могъ сравниться въ Эмиліи Галотти, Отцѣ Семейства и Оптимистѣ (Фабръ д'Эглантена). *К. С. Семенову* видѣлъ я въ Меропѣ, но плохо, ибо театръ былъ полонъ до такой степени, что въ партерѣ мы задыхались, набитые, какъ сельди въ бочонкѣ. Возвращаясь изъ театра холодною ночью, я жестоко простудился, пролежалъ мѣсяцъ въ горячкѣ, а Семенова между тѣмъ уѣхала изъ Москвы. Въ Танкредѣ она такъ восхитила тогда Нелединскаго-Мелецкаго, что онъ написалъ экспромтомъ стихи, и ихъ прочиталъ на сценѣ, при рукоплесканіяхъ зрителей. Поэтъ воспользовался стихомъ:

Они предстанутъ здѣсь — страшись въ томъ сомнѣваться!

и обратилъ его въ тему мадригала, увѣряя, что всѣ заступятся, еслибы кто вздумалъ осуждать ихъ божественную Аменанду. Старики бывали вѣжливы и учтивы. Такъ по Москвѣ ходило четверостишіе въ честь М. И. Валберховой, которая восхитила Москву ролею Дидоны:

Валберхова Дидона
Достойна трона.

Остальные два стиха обращались на какого-то *Биркина*, плохаго актера, игравшаго Энея: «А Биркинъ Эней»... Догадаетесь о четвертомъ стихѣ, съ рифмою на *Эней*. Въ комедіи отличались: Плавильщиковъ (Ботъ, роль Негра въ Попугаѣ Коцебу), Колпаковъ (Честонъ въ Хвастунѣ, Лентягинъ въ Чудакахъ), Зловъ (роли гордецовъ и знатныхъ баръ), Мочаловъ (роли любовниковъ). — *Лисицынъ* былъ любимымъ буффомъ и смѣшилъ Филаткою и ролею дурака въ Бобылѣ Плавильщикова. — *Кавалеровъ* ловко игрывалъ слугъ, плутовъ, Нѣмцовъ (Хвастунъ, Модная лавка, И. А. Крылова и его же Урокъ дочкамъ, Смѣхъ и горе Клушина, роль Высенюса въ Чудакахъ, роль Англомана въ Женихахъ Ѳ. Ѳ. Иванова). — *Украсову* отданы были роли вѣтренниковъ и шалуновъ-офицеровъ, но его ухватки называли мы лакейскими. — Безподобныя актрисы были: для вздорливыхъ старухъ, спорщицъ и Русскихъ барынь *Лисицына*, да двѣ миленькія сестры *Лобановы* — *Ольга*, прелестная блондинка, игравшая роли барышень, а *Прасковья*, брюнетка, субретокъ; обѣ онѣ умерли въ юныхъ лѣтахъ. — Старикъ *Зубовъ* былъ очень хорошъ въ роляхъ глупыхъ стариковъ (Простолумъ въ Чудакахъ, и т. п.), хоть собственно онъ принадлежалъ къ оперѣ, гдѣ уморительно игрывалъ Манифико въ *Деревенскихъ Пѣвцахъ*, Фіораванте, и другія роли. — *Сандунова* я уже не засталъ. За годъ прежде, онъ разсердился на вѣтренность публики, поклялся не играть и сдержалъ слово: назначили играть какую-то пьесу, отмѣнили ее, и когда Сандуновъ явился въ игранной вмѣсто нея пьесѣ, Семейство Старичковыхъ, кто-то вздумалъ, что по его интригѣ отмѣнили пьесу; партеръ зашикалъ и засвисталъ. Сандуновъ изумился, подошелъ къ краю сцены, началъ говорить, оправдывался, изъявлялъ горесть, что его, за столько лѣтъ труда, обвиняютъ несправедливо и безславятъ, и сказалъ, что онъ не будетъ никогда болѣе являться на сценѣ. Громкія рукоплесканія

загремѣли въ отвѣтъ. Сандуновъ началъ играть, игралъ прекрасно, но уже ни какія просьбы не перемѣнили его рѣшенія. Онъ разстался даже съ женою, когда она не отказалась отъ сцены. Мнѣ сказывали, что въ роляхъ подьячихъ и плутовъ Сандуновъ не имѣлъ себѣ соперниковъ. *Скапиновы обманы* и *Ябеда* были торжествомъ его. *Недоросля* фонъ-Визинова при мнѣ считали уже старою пьесою; *Чудаки* и *Хвастунъ* Княжнина были въ большомъ ходу; но *Сбитенщика* его играли только на масляницѣ, какъ равно и Аблеспмовскаго *Мельника;* а изъ трагедій Княжнина рѣдко давали только *Дидону*. Комедія *Бобыль* Плавпльщикова, *Ошибки* (не знаю чья), *Школа Злословія* Шеридана, перед. И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ; *Ботъ* Англійскій купецъ, комедіи Крылова и Клушина, *Лебедянская ярмарка,* Копьева, *Неслыханное диво*, Струговщикова, *Братомъ проданная сестра*, Ефимьева, весьма часто являлись на сценѣ.

Изъ оперъ засталъ я еще: *Діанино Древо* (Мартини), и тогда были еще, забытыя нынѣ, *Русскія* оперы: *Иванъ Царевичъ, Князь Невидимка, Илья Богатырь, Ѳедулъ съ дѣтьми*. Русалка совершенно владѣла сценою, и «Придп въ чертогъ ко мнѣ златой — Вы къ намъ вѣрность никогда — Мужчины на свѣтѣ, какъ мухи къ намъ льнутъ — Кто бѣднымъ милости творитъ — Чурпяка дѣтника», пѣвали тогда премпленькія дѣвушки, не думая надъ ними смѣяться, а театръ бывалъ полонъ, когда въ Русалкѣ играли: Лисицына (Ратима), Зубовъ (Останъ), Лисицынъ (Кифаръ), Касаткинъ — пѣвецъ съ замѣтнымъ дарованіемъ (Тарабаръ), О. Лобанова (Милослава) и несравненная *Сандукова* (Леста). Я засталъ ее уже на концѣ ея сценическаго, поприща, но она все еще восхищала насъ всѣхъ, и воля ваша, м. м. гг., а Сандунова была артистка высокой степени, пѣвица съ необыкновеннымъ голосомъ и актриса съ мимикою превосходною. Я помню ее въ Деревенскихъ Пѣвицахъ, Русалкѣ, Старинныхъ Святкахъ, Камиллѣ (кажется, Далейрака), Рѣдкой Вещи, Водовозѣ. Лицо ея было и въ 1811 г., на сценѣ, прекрасное, умное, выразительное, глаза живые и яркіе; не удивлялись тогда, слыша, что съ молоду Сандунова сводила съ ума многихъ, даромъ, что хоть была маленькаго роста и, какъ говорили, немножко хрома, хоть умѣла скрыть на сценѣ такой недостатокъ. Изъ оперетокъ въ модѣ были тогда: *Ночь въ лѣсу, Калифъ Багдадскій, Три горбуна*, и проч.

Балетъ тогдашній отличался тѣмъ, что состоялъ въ *пантомимѣ*, а не въ *прыжкахъ*; въ него вводились характерныя пляски, сраженія, и требовалась *драма*. Машины были плохи, но амуры летали однакожъ по воздуху, и костюмы были довольно живописны. Я засталъ старика *Лефевра* — огромнаго мужчину, отличавшагося въ роляхъ Марса и Геркулеса, и видѣлъ дебютъ *Ивановой*, которая вышла потомъ за танцора *Глушковскаго*. Въ нее-то страстно былъ влюбленъ Денисъ Давыдовъ, писалъ къ ней свои элегіи, и черезъ двадцать лѣтъ говорилъ мнѣ: «Этакихъ глазъ я ужь потомъ не видывалъ — голубыхъ, чудныхъ, небесныхъ!» Деревенская героиня, Школа Піерро, Дафнисъ и Хлоя, Дезертеръ, игрались тогда съ большимъ успѣхомъ. Но мнѣ сказывали, однакожь, что противъ прежняго балетъ былъ въ большомъ упадкѣ.

Таковъ былъ Театръ Московскій въ 1811 году. До половины 1812-го, я былъ привычнымъ его посѣтителемъ. Товарищами моими были двоюродный братъ, молодой купецъ, его друзья и товарищи, и университетскіе студенты; всѣ мы хаживали въ партеръ, безъ афишки угадывали лица, считали себя большими знатоками, хлопали до усталости, судили, рядили, имѣли своихъ любимцовъ и любимицъ, и конца не было нашимъ спорамъ за пьесы и артистовъ.— Мысль писать для сцены меня не оставляла, и я скропалъ потихоньку цѣлую трагедію изъ ослѣпленія Василька, но самъ чувствовалъ, что она никуда не годится, и сжегъ ее.—Университетскіе студенты завели тогда театръ у себя, и дѣло шло у нихъ превосходно, подъ руководствомъ Сандуновыхъ, отставнаго актера, и брата его, профессора, большаго оригинала, который страстно любилъ театръ, перевелъ Шиллеровыхъ Разбойниковъ, передѣлалъ Отца семейства, и писалъ нарочно пьесы для театра студентовъ.

Когда наступила страшная война 1812 года, Театръ Московскій нерѣдко былъ свидѣтелемъ патріотическихъ порывовъ. Помню, когда давали небольшую пьесу: *Мининъ*, сочиненіе С. Н. Глинки, и зрители хлопали съ восторгомъ каждому стиху, имѣвшему отношеніе къ тому, что происходило на великомъ театрѣ отечественной брани. Когда Мининъ говорилъ:

Богъ силъ! предшествуй намъ, правь нашими рядами;
Дай всѣмъ намъ умереть отечества сынами!

стѣны потрясались отъ *ура!* и рукоплесканій. Въ послѣдній разъ былъ я въ театрѣ, въ іюлѣ 1812 года, если не ошибаюсь. Играли *Старинныя Святки* (любимую пьесу, сочиненіе почтеннаго нынѣшняго начальника Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, А. Ѳ. Малиновскаго, который съ Немировымъ и Титовымъ переводилъ первыя 16-ть частей *Театра Коцебу*. Мы любили эту оперу, особливо арію Настасьи Прекрасной: «Слава Богу на небѣ, слава!» Вообразите нашъ восторгъ, когда Сандунова вдругъ остановилась послѣ того— все смолкло и мы услышали:

Слава храброму графу Витгенштейну,
Поразившему силы вражескія!
Славу храброму генералу Тормасову
Поразившему силы вражескія!

Ура! и вопли, клики, рукоплесканія были отвѣтомъ. Пѣвица еще разъ остановилась, голосъ ея задрожалъ, и она трогательно запѣла:

Слава храброму генералу Кульневу,
Положившему животъ за отечество!

Все, что было въ театрѣ, залилось слезами; пѣвица сама заплакала и не могла повторить стиховъ, когда зрители зарѣвѣли и застучали, при кликахъ: *фора!* Восторгъ былъ неописанный. Такъ принимались всѣ относившіяся къ современности стихи Димитрія Донскаго, Пожарскаго, а когда въ Модной лавкѣ, въ Урокѣ дочкахъ являлись каррикатуры Французовъ, смѣху не было конца. Я помню еще восторгъ зрителей, когда давали Фингала, и Мочаловъ произнесъ:

Могила храбраго отечеству священна
И старцы на нее должны сыновъ водить,
Чтобъ въ юныхъ ихъ сердцахъ геройство возбудить!

Увы! всѣ переносились тогда чувствами на тѣ грозныя поля, гдѣ земля холмилась могилами храбрыхъ... Вскорѣ замолкла Москва; враги стояли близко. Загремѣли Бородинскіе громы. Талія и Мельпомена бѣжали испуганныя, и мы, дѣти Москвы и пришельцы подъ ея гостепріимный кровъ, укрылись, кто куда попало... Въ ноябрѣ проѣзжалъ черезъ Москву, съ горестью видѣлъ я огарки и груды снѣга на мѣстѣ милаго нашего Арбатскаго Театра, а гдѣ тогда были наши очаровательни, наши очаровательницы, Фингалы, Эдипы, Моины, Зефиры и Флоры!..

Проѣздомъ черезъ Москву въ 1815-мъ и въ 1816 году, забѣгалъ я въ театръ. Онъ помѣщался тогда въ домѣ Позднякова, на Никитской, а потомъ перешелъ во флигель Пашкова дома на Моховой (купленный нынѣ для Университета). Большой Петровскій театръ нынѣшній начали возобновлять въ 1820 году. Когда былъ я въ Москвѣ въ 1811 г., его обгорѣлый остовъ стоялъ привидѣніемъ уже нѣсколько лѣтъ, но прежде онъ былъ гораздо меньше. Перестроивая, его гораздо увеличили. Малый нынѣшній Театръ, въ бывшемъ домѣ Варгина, учредился уже гораздо въ послѣдствіи. — Я увидѣлъ снова Эдипа, и въ первый разъ молодаго *Мочалова* въ ролѣ Полиника, гдѣ прежде несносно крикивалъ Прусаковъ; но Эдипъ былъ однакожъ жалкій: старикъ Колшаковъ игралъ его. Плавильщиковъ былъ уже въ могилѣ. Мочаловъ отецъ, смертельно больной, также сошелъ тогда со сцены. За то Москву плѣняла дѣвица *Мочалова*, молодая, прелестная собою, хоть и не великая артистка. За нее спорили въ журналахъ; ей писали стихи. Я видѣлъ ее въ пьесѣ, которою восхищалась тогда Москва — угадайте, въ какой? Въ комедіи Б. М. Ѳедорова: *Страшныя встрѣчи, или суматоха въ маскерадѣ*. Знатоки повторяли объ этой комедіи слова И. И. Греча, что «въ ней много *страшныхъ встрѣчъ*, и большая *суматоха*»; но ее давали однакожъ въ Москвѣ сря-

ду разъ двадцать, и театръ бывалъ полонъ.

Здѣсь, до 1820 года, прерываются мои театральныя воспоминанія. Я совершенно разстался съ Москвою, жилъ въ Курскѣ, на Дону. — Проѣзжая черезъ Орелъ, видѣлъ я тамъ театръ Графа С. М. Каменскаго, который не щадилъ издержекъ на него и образовалъ свою прекрасную труппу, даже оперу и балетъ. Примѣры такихъ провинціяльныхъ барскихъ театровъ нынѣ перевелись, но прежде они не были рѣдкостью, и случалось, что истративши на труппы свои огромныя суммы, хозяева обращали ихъ потомъ въ средство дохода. Я лично зналъ въ Москвѣ охотника до театровъ, котораго заклеймилъ Грибоѣдовъ въ своемъ *Горѣ отъ ума* (Дѣйств. II, явленіе 5, нов. изд. стр. 66):

Или вонъ тотъ еще, который для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ,
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей,
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ,
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ —
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ...

Въ Москвѣ, въ 1811 г., живо еще помнили великолѣпные Останковскій и Кусковскій театры двухъ Шереметевыхъ, жившихъ въ Москвѣ старинными, открытыми боярскими домами: Графъ Петръ Борисовичъ въ Кусковѣ, Графъ Николай Петровичъ, сынъ его, основатель Шереметевской въ Москвѣ больницы, въ Останковѣ, которое Херасковъ называлъ *новыми Аѳинами*, и гдѣ такъ роскошно угощалъ хозяинъ Принца Генриха Прусскаго, Короля Польскаго Станислава Августа и Императора Павла. По воскресеньямъ вся Москва собиралась нѣкогда къ Шереметевымъ, и была радушно принимаема въ щегольскихъ садахъ, гдѣ росли вѣковые лавры и мирты, даромъ раздавали посѣтителямъ фрукты, мороженое, чай, пуншъ, вины, и безденежно публика допускаема была въ домашній театръ. Въ 1811 году и Кусково и Останково стояли уже осиротѣлыми и опустѣлыми, и обширные пруды ихъ зарастали и тинѣвѣли. И тогда уже только великолѣпная мебель, статуи, роскошь полинялыхъ комнатъ и залъ, и запущенные сады напоминали о минувшихъ весельяхъ, о томъ времени, когда Орловы, Разумовскіе, Шереметевы, Куракины, Остерманы, Дмитріевы-Мамоновы, Долгорукіе, богачи, вельможи, любимцы и баловни счастья и роскоши, жили въ Москвѣ и доживали старый Екатерининскій вѣкъ... Мы едва застали послѣдній вздохъ этого великолѣпнаго и уже чуждаго намъ вѣка. — Но я упомянулъ о частныхъ театрахъ. И въ Курскѣ былъ также театръ, заведенный тамошнимъ помѣщикомъ, богачемъ Айненковымъ, но я не видалъ его, и у Айненкова засталъ только два хора музыки. Изъ его труппы вышелъ *Щепкинъ*, а другіе остатки ея встрѣчалъ я еще на ярмарочномъ театрѣ въ Коренной. Помню, что трагическій актеръ Айненкова игралъ тамъ *Димитрія Самозванца* Сумарокова, и кричалъ ужасно. Кстати упомянуть здѣсь о хорошенькой труппѣ кочующихъ актеровъ, которыхъ нечаянно видѣлъ я въ Липецкѣ, жившихъ тамъ лѣтомъ въ 1824 году. Не знаю откуда она явилась. Мы пошли посмѣяться, но насъ утѣшилъ Буффъ, который при большей образованности могъ бы быть отличнымъ актеромъ; онъ игралъ въ *Любовной почтѣ*, въ *Цырюльникѣ Шанселѣ*. За то умора была Липецкая трагедія: играли какихъ-то, помнится, *Разбойниковъ Муромскихъ лѣсовъ;* актеры жестоко рѣзались, рубились, и Ансело и Сулье могли бы позавидовать ужасамъ драмы, а о представленіи можно было сказать, что на хорошаго ловца добрый звѣрь бѣжитъ.— Въ Казани и Харьковѣ были также прежде театры, но мнѣ не удалось ихъ видѣть..

Что, если сообразить и сличить теперь состояніе театровъ Россіи, судя по тому, что видалъ я за 30-ть лѣтъ въ Москвѣ, и что видимъ мы нынѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ? Мнѣ кажется, любезнѣйшій Ѳ. В., что писавши о театральной старинѣ, вы немножко увлекались «доброю стариною», и сильно расхвалили все, что было, не отдавая полной справедливости тому, что есть. Мнѣ кажется, разрѣшеніе задачи заключается въ стихахъ Сковороды:

Всякому вѣку свой нравъ и права;
Всякая имѣетъ свой умъ голова.

Бывало и въ старину хорошее, есть и теперь хорошее, да жаль одного, что стараго хорошаго воротить бываетъ невозможно. Выше я говорилъ о Коцебу, и *отчасти* согласенъ съ вами, но въ томъ, что вы говорите, напримѣръ, объ *Озеровѣ*, согласиться нельзя. Безспорно, что нынѣ сцена наша находится въ состояніи литтературнаго броженія и безначалія, но, помилуйте, когда же бывала у насъ *Русская трагедія*, и какой *Русскій трагикъ* Озеровъ, подражатель подражателямъ? Въ томъ-то и вся сила, любезнѣйшій Ѳ. В., что Русская драма и Русскій театръ никогда самобытными не бывали, выросли изъ чужихъ сѣмянъ и сначала заросли крапивою классицизма; выпололи поле, и оно опять заглохло подъ полынью романтическою. Теперь его опять полютъ и снова пашутъ. О вашемъ приговорѣ современнымъ драматическимъ писателямъ сказать ничего не смѣю, и когда вы, сердитый Ѳ. В., строгій Ѳ. В., называли наши милые ямбы

рубленою, надутою прозою —

Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивились вы стиховъ,
Смутился, и не зналъ, что отвѣчать мнѣ должно...

По моему мнѣнію, въ театрѣ и драмѣ мы ищемъ теперь разрѣшенія задачи о современной намъ драмѣ и сценѣ, бьемъ въ камертонъ, строимъ инструменты, и все еще не можемъ ихъ настроить. Не скажете ли вы намъ, Русскимъ современнымъ драматическимъ писакамъ, какъ въ *Квартетѣ* Крылова:

Да, вы, друзья, какъ ни садитесь,
А въ музыканты не годитесь...

«Можетъ быть» — отвѣтимъ мы вамъ; да то однакожь неоспоримо, что наша современная драма участвуетъ въ общемъ движеніи драмы во всей Европѣ, отстала отъ стараго, а къ новому пристать не можетъ, и тѣмъ объясняю я и всеобщій, не у однихъ насъ, недостатокъ великихъ и замѣчательныхъ дѣлателей. Великіе умы принимались за драму: Байронъ, В. Скоттъ, Гете, В. Гюго, но вѣкъ отвергаетъ ихъ творенія. Шекспира цѣликомъ уволили и въ самой Англіи. Отъ Расиновъ и Корнелей отказались и въ самой Франціи. И вотъ — въ Германіи являются Раупахъ, Гальмъ, Зейдлицъ, во Франціи Скрибъ, Сулье, Дюма, въ Англіи Бульверъ, Ноульсъ — такіе дѣлатели, что при нихъ и Русскимъ драматикамъ краснѣть нечего. А слѣдствіемъ всего, какой выводъ прикажете поставить? Галилеевское: «А все таки она движется!— Иначе и быть нельзя...

Впрочемъ, я не пишу здѣсь ученой диссертаціи о драмѣ, и мимоходомъ касаюсь огромнаго вопроса. Обращусь опять къ тому, что *стараго воротить нельзя;* да, что хотите, а не такъ же было и хорошо старое, какъ намъ *тогда* казалось! Много, слишкомъ много вмѣшивались въ бывалое наша личность, наше юное Я. За тридцать лѣтъ, старики мнѣ также говаривали со вздохами и сожалѣніемъ о театрѣ *Медокса* (незабвеннаго въ лѣтописяхъ нашей сцены основаніемъ Московскаго Театра, наряду съ *Волковымъ*, патріархомъ Театра Петербургскаго), о Померанцовѣ, Синявской, Ожогинѣ, о натянутой Эмиліи Галотти, о варварскихъ переводахъ Корнелей и Расиновъ. Да вотъ, ходить не далеко: не угодно ли вамъ теперь послушать когда нибудь *Пожарскаго, Димитріи Донскаго, Ненависть къ людямъ?* Вы изумитесь, и скажете:

Перемѣнились сами мы,
Иль годы насъ перемѣнили...

Но вы сами себѣ не повѣрите, и съ изумленіемъ станете спрашивать: «Неужели это то? Неужели этимъ я прежде восхищался?»—Наконецъ, прочтите статьи Карамзина о Русскомъ театрѣ въ *Московскомъ Журналѣ*, и вы невольно задумаетесь. Я не теоріи вывожу, а говорю фактами. Безспорно, что Плавильщиковы, Яковлевы, Семенова были великіе художники. Но, простите меня — я видѣлъ К. С. Семенову, помнится, въ 1831 году, въ благородномъ спектаклѣ, который давали въ пользу бѣдныхъ, и... не смѣю ничего сказать!.. Отнюдь не согласенъ я съ тѣми односторонними критиками, которые готовы восхищаться ошибками Шекспира, фарсъ Гого-

ля ставятъ выше всѣхъ комедій въ мірѣ, въ *гусакѣ* Ивана Никифоровича видятъ что-то высокое, и отвергаютъ великія достоинства Расина и Корнеля; но вѣдь и тооднакожь, правда, что намъ трудно разставаться съ нашими вѣковыми заблужденіями, съ тѣмъ, что мило и дорого намъ по нашимъ личнымъ воспоминаніямъ. Когда въ первый разъ Мерзляковъ осмѣлился сказать, что трагедіи Сумарокова нелѣпы, прочитайте, что тогда отвѣчалъ ему въ *Духѣ Журналовъ* одинъ изъ старыхъ, умныхъ и почтенныхъ нашихъ литераторовъ. Пусть меня бранятъ, но я скажу, что въ такихъ-то случаяхъ и важенъ *высшій взглядъ*, критика и сужденіе повыше *жартованья* Гоголевскаго и *гусака* Ивана Никифоровича. — Но объ всемъ этомъ поговоримъ когда нибудь подробнѣе и отдѣльно. Положимъ себѣ только за непремѣнное правило, что никогда не должно увлекаться *прежними впечатлѣніями*, когда рѣчь идетъ объ общихъ, не временныхъ, преходящихъ истинахъ; никогда не будемъ напоавлъ *осуждать настоящаго*, и будемъ вѣрить, что безуміе никогда не бываетъ задачею никакого вѣка. То, что кажется намъ отступленіемъ и безпорядкомъ, ведетъ на прямую дорогу и къ болѣе совершенному порядку. Нелѣпая мистерія Среднихъ Вѣковъ родила Кальдерона и Испанскій театръ; Испанскій театръ родилъ Корнелей и Расиновъ. Изъ сказки о чернокнижникѣ докторѣ Фаустѣ развилось великое созданіе Гете; легенда о Донъ-Жуанѣ была зерномъ созданій Моцарта и Байрона, и неужели, любезнѣйшій Ѳ. В., вы почитаете совершенною нелѣпостью даже современную Французскую литтературу, когда въ ней есть Шатобріанъ, Барантъ, В. Гюго, Ламартинъ, Сенъ-Бевъ, Ф. Шаль, Авг. Тьерри, Карлъ Нодье, Альфредъ де-Виньи, и даже самые Скрибъ и Ж. Жанень? Всему свое время, всему свой череда, и помните, какъ хорошо сказалъ Шиллеръ:

Das Alte stürzt; es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben blüht aus den Ruinen...

Но я заговорился, и позабылъ, что пишу только *воспоминанія* о томъ, что было, а не *сужденія о прошедшемъ*, и тѣмъ менѣе *мечтанія о будущемъ*. Обращаясь къ тому, что безспорно можно замѣтить въ прошедшемъ, означу здѣсь въ заключеніе, какъ замѣчательныя черты разностей прежняго съ нынѣшнимъ:

Первое — тогдашнее однообразіе репертуара и привычку зрителей къ однообразію идей и всего сценическаго. Понять невозможно, какъ доставало у насъ терпѣнія — десять, двадцать разъ смотрѣть на одно и то же! *Новая пьеса* была тогда истинною *новостью*; въ бенефисы брали старыя пьесы и зрители являлись. Такое же однообразіе бывало и въ самой игрѣ: *традиціи*, или преданія, постоянно переходили отъ одного поколѣнія къ другому.

Всѣ актеры, и хорошіе и худые, постоянно тогда *пили* и *читали*, а *не говорили*. У хорошихъ выходило лучше, у худыхъ хуже, но *манера* былъ у всѣхъ общая и одинаковая, да и стихи и проза тогдашніе не позволяли отъ нея отступленій.

Наконецъ, костюмировка и обстановка піесъ тогдашнихъ не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ нынѣшними. Мы жалуемся иногда на бѣдность нынѣшнихъ декорацій, но смѣшно даже вспомнить старинныя машины, декораціи и одежды. Герои всѣ являлись тогда въ какихъ-то однообразныхъ балахонахъ; знаменитыя превращенія Русалки — дѣтская игрушка съ нынѣшними сценическими чудесами; и самые балеты Дидло — ихъ и подумать невозможно сравнивать, по декораціямъ и костюмамъ, съ тѣмъ, что видимъ въ нынѣшнихъ балетахъ, хоть и не спорю, что тогдашнее направленіе балетамиъ кажется, было выше нынѣшняго. Но почему оно измѣнилось? Опять вопросъ, какъ все вопросъ, что насъ окружаетъ, и какъ мы сами важный и любопытный вопросъ, по словамъ, помнится, Попе. Но — пора кончить, и, если только вамъ нескучно слушать мои разсказы, проститься *до втораго* письма. Вѣрьте, любезнѣйшій Ѳ. В., истинной преданности, съ какою есть и буду, вашъ, и проч.

Н. ПОЛЕВОЙ.

ХРОНИКА

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1839 ПО 18 ЯНВАРЯ 1840 Г.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Спектакль 28-го декабря.

Ремонтеры, или сцены на ярмаркѣ, оригинальная комедія — водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. В. П. Мирошевскаго. *(Въ первый разъ)*. — Первый дебютъ г-жи Малиновской, въ роли Александры Васильевны, въ водевилѣ: *Жена кавалериста*.

Еще за недѣлю до 28 декабря возвѣщено было на театральной афишѣ, что въ непродолжительномъ времени дана будетъ въ первый разъ: *Ремонтеры, или сцены на ярмаркѣ*, оригинальная комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. В. П. Мирошевскаго. Ремонтеры! Сцены на ярмаркѣ! Оригинальная комедія-водевиль! Новый авторъ, не скрывающій своего имени!... Все это подстрекнуло любопытство публики, и она съ нетерпѣніемъ ожидала дня представленія новой піесы.

Наконецъ настало 28 декабря, и для сюрприза публики, объявлено было въ афишѣ, что въ этотъ же вечеръ роль Александры Васильевны Бетской, въ водевилѣ Жена кавалериста, будетъ играть, для перваго дебюта, г-жа Малиновская.

Любопытство публики возросло, и почти ни одного мѣста не осталось пустымъ въ Александринскомъ Театрѣ. Въ началѣ спектакля давали извѣстную комедію: *Мальвина, или Урокъ богатымъ невѣстамъ*, піесу, прекрасно переведенную съ Французскаго, стихами, Д. Т. Ленскимъ, съ прекраснымъ сюжетомъ и всегда прекрасно исполняемую Русскими артистами. Не смотря на все это, публика какъ-то не хотя восхищалась игрою г. Сосницкаго и г-жи Асенковой; она ждала новой дебютантки, новой оригинальной піесы.

Начали водевиль *Жена кавалериста*, и вотъ выходитъ г-жа Малиновская... Но что это? Неужели это дебютантка? Публика смотритъ, слушаетъ — и не вѣритъ своимъ глазамъ и ушамъ. Хохотъ, аплодисманы, шиканье не умолкаютъ... Г-жа Малиновская не робѣетъ и продолжаетъ роль... Споетъ куплетъ — ей фора! Повторитъ — шикаютъ!... Смѣшенъ г. Мартыновъ въ этомъ водевилѣ въ комической роли Наумыча, очень смѣшенъ; но и онъ не возбуждалъ никогда такого смѣха, какъ г-жа Малиновская, въ роли вовсе не комической... Кончилось тѣмъ, что публика смѣялась, смѣялась и ошикала новую дебютантку. Кажется, послѣ такого пріема трудно будетъ г-жѣ Малиновской снова появиться на сценѣ; да вѣроятно и Дирекція не позволитъ ей въ другой разъ шутить такъ съ публикой. Не говоря уже о ничтожности таланта г-жи Малиновской, для котораго не

существуетъ и критики, мы удивляемся, какъ она рѣшилась дебютировать въ роли Александры Васильевны, не имѣя даже необходимыхъ наружныхъ средствъ для амплуа молодыхъ ламъ и дѣвицъ. Да послужитъ дебютъ г-жи Малиновской урокомъ всѣмъ будущимъ дебютантамъ и дебютанткамъ!

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ!

— Послѣ дебюта г-жи Малиновской, за обманутыя ожиданія публика думала вознаградить себя новымъ оригинальнымъ произведеніемъ В. П. Мирошевскаго. — Но, увы! снова обманулась.

Вотъ содержаніе его піесы. Бѣловцовъ и Руновскій, офицеры — ремонтеры, пріѣзжаютъ на какую-то ярмарку въ Малороссіи. Оба они влюблены: Бѣловцовъ въ Людвигу, дочь Малороссійскаго помѣщика Зголынскаго, а Руновскій въ Юзефу, дочь Малороссійскаго же помѣщика Любовскаго. Эти гг. помѣщики прочатъ своихъ дочерей за богатаго помѣщика пана Асмодѣйку Хохлинскаго; но пріѣзжіе офицеры подымаются на хитрости, увозятъ дѣвушекъ, женятся на нихъ и являются на балъ къ Хохлинскому. Помѣщики сначала бѣсятся, потомъ мирятся съ молодыми супругами.

Не такъ легко, однако жъ, помирилась публика съ авторомъ оригинальной комедіи-водевиля: *Ремонтеры*. Въ этой піесѣ были и помѣщики, и офицеры, и невѣсты, и жиды, и фокусникъ, и купецъ-букинистъ, и Выжигинъ, и Сзалозубъ, и какой-то баронъ, и слопъ, и ярмарка, и балъ; не было только интереса, характеровъ, острыхъ куплетовъ, словомъ, всего того, что доставляетъ успѣхъ піесѣ, что обличаетъ дарованіе автора. Въ продолженіе всей комедіи былъ одинъ небольшой аплодисманъ за первый куплетъ, въ которомъ есть какой-какая, хотя и устарѣлая, мысль; за тѣмъ все прочее принималось весьма неблагосклонно зрителями. Артисты наши не могли скрасить піесы, и въ заключеніе, публика общимъ голосомъ присудила ей смерть.

Бенефисъ г. Каратыгина 1-го. 10-го января.

Моцартъ и Сальери, драматическія сцены, соч. А. С. Пушкина. (*Въ первый разъ по возобновленіи*) *Алхимикъ*, или *Средство дѣлать золото*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. Дюма, переводъ съ Французскаго; *Похищенный драгунъ*, или *Дуэль черезъ окно*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго. (*Объ піесы въ первый разъ*).

— *Моцартъ и Сальери*, драматическія сцены А. С. Пушкина, исполненныя поэзіи, назначены имъ были вовсе не для театра. Эти сцены прекрасны въ чтеніи, а не на театрѣ, и потому, какъ при первомъ представленіи ихъ, такъ и нынѣ, по возобновленіи, онѣ не могли имѣть и не имѣли замѣчательнаго успѣха. Не смотря на то, гармоническіе, превосходные стихи А. С. Пушкина, довольно хорошо прочитанные гг. Брянскимъ и Максимовымъ 1-мъ, принесли душевное наслажденіе всѣмъ любителямъ изящнаго, и заставили ихъ не разъ вздохнуть о ранней потерѣ геніальнаго поэта!

— *Алхимикъ*, или *Средство дѣлать золото*, вѣрнѣе можно назвать не драмою, а драматическимъ винигретомъ, состряпаннымъ Г. А. Дюма изъ старыхъ остатковъ юпой Французской словесности, приправленнымъ всевозможными театральными эффектами.

Извольте сами судить о достоинствахъ этой драмы, а мы разскажемъ вамъ содержаніе каждаго ея дѣйствія. Въ Русскомъ переводѣ, всѣ пять дѣйствій ея имѣютъ свои названія.

Дѣйствіе 1, *Взрывъ*. — Бенволіо, брилліантщикъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ и пакопецъ Алхимикъ, живетъ не богато, но довольно счастливо, съ женой своей Францеской, которая любитъ его безъ ума. Онъ усердно трудится въ своей лабораторіи, надъ изысканіями *средства дѣлать золото*. Между тѣмъ, Франческа, наблюдая за всѣми дѣйствіями мужа, замѣтила, что онъ занимается не однимъ золотомъ, а ухаживаетъ подъ-часъ за какой-то Магдалиной. Франческа имѣетъ также обожателя, Полесту, который немило-

сердно волочится за нею: но Бенволіо смотритъ на это сквозь пальцы, и знать не хочетъ господина Подесты. Сперва, въ лавку Бенволіо является Подеста будто за покупкою кубка, и наговоря нѣжностей Франческѣ, уходитъ. Потомъ приходятъ графъ Леліо и Магдалина. Бенволіо смотритъ не равнодушно на Магдалину, и предлагаетъ ей лучшіе уборы; Магдалина кокетничаетъ съ Бенволіо; Франческа недовольна ея посѣщеніемъ; графъ Леліо глядитъ на все равнодушно, платитъ деньги за головной уборъ, выбранный Магдалиною, и уходитъ вмѣстѣ съ нею изъ лавки. Въ это время изъ подполья, гдѣ находится лабораторія Бенволіо, показывается дымъ, который пробрался даже къ сосѣду Алхимика, старому скрягѣ дону-Гримальди; скряга, боясь пожара, въ страхѣ прибѣгаетъ къ Бенволіо, чтобъ узнать, отъ чего происходитъ такой дымъ; вдругъ дѣлается взрывъ лабораторіи: Котелъ, въ которомъ приготовлялъ Бенволіо золото, лопнулъ; всѣ надежды, всѣ труды Алхимика исчезли!... Вотъ что значитъ *взрывъ!*

Дѣйствіе 2-е, *Кладъ*. — Взрывъ этотъ отбилъ штукатурку на стѣнѣ въ лабораторіи и открылъ дверь, ведущую въ смежное съ нею подземелье. Любопытство подстрекнуло Бенволіо открыть дверь, и онъ очутился въ кладовой дону-Гримальди, который въ это время занимался разсматриваніемъ своихъ сокровищъ, накопленныхъ имъ безмѣрною скупостью и безчестными средствами. Бенволіо, спрятавшись въ углу кладовой, глядитъ съ любопытствомъ на дону-Гримальди и не говоритъ ни слова. Входитъ графъ Леліо, племянникъ скряги, и проситъ у него въ займы денегъ, для заплаты проигранной имъ въ карты суммы. Дядя, ограбившій графа Леліо во время его малолѣтства, отказываетъ въ просьбѣ племянника. Графъ принимается за угрозы; скряга бѣжитъ отъ ожесточеннаго племянника, который преслѣдуетъ дядю въ бѣшенствѣ, и наконецъ убиваетъ его. Вдругъ является предъ графомъ Бенволіо, свидѣтель этого убійства; графъ требуетъ честнаго слова съ Алхимика: молчать о его преступленіи, беретъ часть денегъ, отнятую у него дядею, и отдавая остальныя сокровища въ распоряженіе Бенволіо, уходитъ. Между тѣмъ Франческа ищетъ мужа, входитъ въ кладовую, и видитъ Бенволіо, а предъ нимъ груду золота. Они рѣшаются воспользоваться сокровищемъ — и вотъ вамъ *кладъ!*

Дѣйствіе 3-е, *Балъ*. — Этотъ балъ у Бенволіо. Онъ теперь богатъ, переѣхалъ въ большой домъ, даетъ пиры, и всѣ думаютъ, что онъ открылъ наконецъ средство дѣлать золото. На балъ къ Бенволіо являются разные гости и, между прочимъ, Подеста, графъ Леліо и Магдалина. Подеста по прежнему ухаживаетъ за Франческой, а Магдалина любезничаетъ съ Бенволіо. Графъ повѣряетъ ему, что онъ усыпляетъ угрызенія совѣсти игрою въ карты, въ которыя спустилъ уже много денегъ; съ проигрышемъ же послѣдняго червонца онъ готовъ умереть. При этомъ случаѣ графъ очень равнодушно уступаетъ Алхимику Магдалину, которая, какъ видно, наскучила графу. Магдалина собирается домой, и проситъ Бенволіо быть ея провожатымъ, что онъ съ удовольствіемъ и исполняетъ; Франческа приходитъ въ отчаяніе отъ ревности, и посылаетъ Подесту для наблюденій за мужемъ. — Это *балъ*.

Дѣйствіе 4-е, *Подземелье*. Франческа приходитъ въ забытую лабораторію мужа. Она въ горести; богатство ей въ тягость. Въ бѣдности она была любима мужемъ, а теперь онъ забываетъ свою Франческу. Подеста не оставляетъ предмета своей страсти, является также въ лабораторію, и объясняетъ Франческѣ, что мужъ ея, проводя Магдалину до дому, вошелъ въ ея комнаты. Франческа въ ужасѣ! Не знаетъ, что дѣлать! Только однимъ средствомъ надѣется она еще возвратить любовь мужа: лишить его богатства. Она открываетъ Подестѣ, какимъ образомъ разбогатѣлъ Бенволіо, и отправляетъ его въ кладовую дону-Гримальди. Подеста, увидя тамъ трупъ стараго скряги, котораго считалъ пропавшимъ безъ-вѣсти, объявляетъ Франческѣ, что мужъ ея долженъ быть убійцею дону-Гримальди. Посланная Подестой стража приводитъ Бенволіо; ему дѣлаются допросы. Бенволіо проситъ показать ему обвинителя; Подеста указываетъ на его жену и уходитъ объявить о его преступленіи. Бенволіо упрекаетъ Франческу; та въ отчаяніи спрашиваетъ: неужели онъ точно убійца дону-Гримальди? Бенволіо, по честному слову, да-

ному графу Леліо, не можетъ открыть истины. Тутъ начинаются терзанія Франчески, прощаніе мужа съ женою, слезы, рыданія!... Стража уводитъ преступника въ темницу; Франческа падаетъ безъ чувствъ!... Вотъ *подземелье!*

Дѣйствіе 5, *Жизнь за жизнь.* День казни Бенволіо насталъ; Франческа ищетъ средствъ помочь мужу; но Подеста для спасенія его требуетъ любви Франчески, а Магдалина и знать уже не хочетъ ни ея, ни Бенволіо. Франческа, желая по крайней мѣрѣ облегчить участь своего мужа, рѣшается дать ему ядъ. Стража ведетъ преступника на казнь; Франческа прощается съ мужемъ, и Бенволіо готовъ уже выпить ядъ, какъ вдругъ является графъ Леліо, проигравшій послѣдній свой червонецъ, и объявляетъ, что онъ убійца донъ-Гримальди. Взявъ у Бенволіо бутылочку съ ядомъ, графъ выпиваетъ отраву, и уходитъ съ стражею. — Бенволіо свободенъ, невиненъ! И онъ и Франческа снова счастливы! Этимъ кончается *жизнь за жизнь*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся драма: *Алхимикъ*.

Эта безконечная піеса переведена не дурно. Мѣстами проскакиваютъ голицизмы, есть странные и тяжелые обороты въ слогѣ,— но все это простительно въ сравненіи съ содержаніемъ драмы и характерами дѣйствующихъ. — Піеса, однако жъ, имѣла успѣхъ, но успѣхомъ своимъ единственно обязана г. Каратыгину 1-му, игравшему роль Бенволіо, и Каратыгиной 1-й, занимавшей роль Франчески. Этимъ ролямъ они умѣли даже придать характеры, вырывали невольные апплодисманы у зрителей, словомъ, скрасили всю драму, которая безъ помощи этихъ прекрасныхъ артистовъ, навѣрное бы погибла въ первое свое представленіе.

Удивительно, впрочемъ, для чего у насъ переводятъ такія піесы, какъ Алхимикъ! Труда много, а пользы очень мало!

Водевиль: *Похищенный драгунъ, или Дуэль черезъ окно,* имѣетъ нѣсколько забавныхъ сценъ, но переведенъ не совсѣмъ хорошо: слогъ тяжелъ, куплеты водянисты.

Сюжетъ этого водевиля заключается въ слѣдующемъ: Элиза Мильберъ, молодая вдова, узнавъ, что двоюродный братъ ея, Юлій Доверни, долженъ драться на дуэли съ драгунскимъ капитаномъ Эдуардомъ Гранвилемъ, пріѣзжаетъ къ своей пріятельницѣ маркизѣ де Верманъ, и посылаетъ слугу ея Гаспара на мѣсто дуэли, похитить своего братца. На слѣдующій день Юлій долженъ былъ куда-то уѣхать, и Элиза хотѣла до того времени продержать его въ домѣ маркизы и тѣмъ разстроить его дуэль. Вмѣсто Юлія, Гаспаръ привозитъ, по ошибкѣ, Эдуарда, который не знаетъ Элизы, тогда какъ говоря о ней дурно, именно за честь ея и получилъ отъ Юлія вызовъ. Изъ этой ошибки выходятъ забавныя сцены. Наконецъ является и Юлій, за которымъ снова посылала Элиза. Она старается, чтобъ не встрѣтились соперники; запираетъ Юлія въ комнатѣ, а Эдуарда выпускаетъ изъ дому. Юлій, однако же, желая отмстить за честь сестры, замѣчаетъ, въ окно изъ своей комнаты, драгунскаго капитана въ саду, и стрѣляется съ нимъ черезъ окно. Кончается тѣмъ, что Эдуардъ оправдывается предъ Элизой, которая рѣшается даже выйти за него замужъ.

Водевиль довольно хорошъ, хоть и не совсѣмъ твердо разъигранъ г-жею Асенковой и Гг. Григорьевымъ 1-мъ, Максимовымъ 1-мъ и Мартыновымъ.

Бенефисъ г-жи Асенковой.
17-го января.

Графъ литографъ, или *Честолюбивая штопальщица,* водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго Д. Т. Ленскимъ. — *Параша Сибирячка,* Русская быль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, соч. Н. А. Полеваго, съ новой увертюрой и мелодрамой соч. г. Болле, и съ новыми декораціями гг. Ѳедорова и Сабата. — *Ножка,* водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго П. А. Каратыгинымъ 2-мъ. — *Фальшивая тревога,* оригинальная комедія — водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. П. А. Коровкина. (Всѣ четыре піесы въ первый разъ.)

Мы давно уже не запомнимъ такого пріятнаго, разнообразнаго бенефиса, какъ бене-

фисъ г-жи Асенковой. Лучшіе наши драматическіе писатели приняли участіе въ праздникѣ любимой публикою артистки; всѣ четыре піесы имѣли успѣхъ. Рукоплесканіямъ и вызовамъ не было конца! — Театръ, не смотря на дороговизну мѣстъ, былъ полонъ зрителями.

Разсказывать содержаніе первыхъ трехъ піесъ мы считаемъ излишнимъ. О сюжетѣ и достоинствѣ водевиля: *Графъ литографъ* говорено уже было въ Хроникѣ Московскаго Театра, въ январской книжкѣ Репертуара; другія же двѣ піесы: *Параша Сибирячка* и *Ножка*, представляются читателямъ напечатанными въ этой книжкѣ.

Графъ литографъ разыгранъ былъ не слишкомъ твердо, а хороши въ немъ только были г. Мартыновъ, въ роли Маслуара, и въ особенности г-жа Самойлова 2-я, въ роли Розы, питомицы. Водевиль этотъ давался для съѣзда публики; его почти не слушали; многимъ куплетамъ, однако же, и послѣднему аплодировали. Дай этотъ водевиль въ серединѣ, или въ концѣ спектакля,— онъ имѣлъ бы большій успѣхъ.

— Такого блестящаго пріема піесамъ на Александринскомъ Театрѣ давно уже не было, какъ *Параши Сибирячки*. Авторъ ея, Н. А. Полевой, былъ три раза вызванъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ и крикахъ браво. Новое произведеніе нашего любимаго литератора исполнено занимательности, неподдѣльныхъ чувствъ и вѣрныхъ характеровъ; дѣйствующія лица въ этой піесѣ списаны съ натуры; одни изъ нихъ заставляютъ невольно плакать, другіе возбуждаютъ непритворный смѣхъ. Многіе монологи приводили публику въ восторгъ! —

Піеса и разыграна была прекрасно. Бенефиціантка исполнила очень мило роль Параши: простота, наивность, чувства — были въ ней неподдѣльны. Въ первомъ дѣйствіи, въ монологѣ о птичкѣ, и потомъ, въ сценѣ прощанія Параши съ отцемъ и матерью, рѣчи ея выливались изъ души; это было уже не искусство, а чистая натура.—Г. Каратыгинъ 1-й, въ роли Неизвѣстнаго, былъ верхъ совершенства! Тоска преступника, угрызеніе совѣсти, раскаяніе, любовь отца, выражались на его лицѣ, въ его голосѣ; слова его западали въ сердце зрителя! Но главное торжество его было въ эпилогѣ. Посмотрите: онъ точно болѣнъ, и тѣло и душа его страдаютъ. Неизвѣстность объ участи дочери, ушедшей пѣшкомъ изъ Сибири въ Москву вымросить прощеніе отцу у милосерднаго Монарха, — убиваетъ его! И вдругъ ему говорятъ о письмѣ отъ дочери! Онъ ожилъ, восторгъ его невыразимъ!—Но что происходитъ въ его душѣ, когда сама Параша является предъ нимъ, когда приноситъ ему прощеніе Государя — того описать невозможно: надобно видѣть Каратыгина 1-го въ эту минуту, чтобъ постигнуть силу его таланта!—Г-жа Валберхова была вѣрна лицу несчастной жены Неизвѣстнаго. — Г-нъ Сосницкій, занимавшій роль прохожаго старика, сдѣлалъ изъ нея, что было можно. Надобно признаться, что оттѣняя болѣе другіе характеры піесы, авторъ явно пожертвовалъ имъ характеромъ Прохожаго. Живописность костюма и положеній, которую придалъ роли своей г-нъ Сосницкій, и нѣкоторыя мѣста, гдѣ дарованіе его могло выказаться (какъ-то: его вопросъ Неизвѣстному: «а сынъ твой?» и горькая насмѣшка, съ какою разсказываетъ онъ о безплодныхъ стараніяхъ своихъ, по приходѣ въ Москву), были прекрасны, и придали теплоту и жизнь холодной роли, принадлежащей къ разрядамъ, которыя въ старое время называли ролями *резонеровъ*. Г-жа Гусева, въ роли Оксы Ѳедосѣевны, и г. Каратыгинъ 2-й, въ роли отставнаго секретаря Писулькина, были чрезвычайно забавны. Въ первой выказывалась чистая болтунья вдова — чиновница; второй былъ совершеннымъ подъячимъ. — Всѣ эти артисты были вызваны публикою.

Увертюра и мелодрама, написанныя для *Параши Сибирячки* г. Болле, обличаютъ мастера своего дѣла. Онѣ понравятся и любителю музыки и знатоку.

— Прочтите водевиль *Ножка*, и вы вѣрно посмѣетесь отъ души. Сюжетъ его не богатъ, но очень искусно веденъ. Переводъ водевиля прекрасенъ; разговоры и куплеты наполнены остротами. Г. Каратыгинъ 2-й, сначала былъ единогласно вызванъ, какъ переводчикъ, а потомъ, на вызовъ публики, явился снова уже, какъ артистъ, вмѣстѣ съ г-жею Асен-

ковой, и гг. Максимовымъ 1-мъ и Григорьевымъ 1-мъ, участвовавшими въ этомъ водевилѣ. Вообще водевиль былъ и отлично срепетованъ и весьма хорошо разыгранъ. Въ особенности въ немъ чрезвычайно была мила бенефиціантка. Въ заключеніе шелъ водевиль Фальшивая тревога, сочиненіе И. А. Коровкина. —

— Иванъ Михайловичъ Елецкій, штабсъ-ротмистръ, женившись, въ Казани, на Натальѣ Алексѣевнѣ Зорницыной, пріѣзжаетъ съ женою въ деревню, гдѣ стоитъ на квартирахъ полкъ, въ которомъ онъ служитъ, и привозитъ съ собою сестру своей жены, Марью Алексѣевну Зорницыну. До женидьбы Елецкаго ухаживалъ за Натальей Алексѣевной корнетъ Мотыльковъ, а поручикъ Ракетинъ влюбленъ въ Марью Алексѣевну, которая и его взаимно любитъ. По пріѣздѣ Елецкаго въ деревню, Ракетинъ, узнавъ о его женильбѣ, является рекомендоваться молодой супругѣ. Увидя въ комнатѣ Елецкаго предметъ своей страсти, Марью Алексѣевну, и полагая, что она жена штабсъ-ротмистра, несчастный поручикъ чуть не сходитъ съ ума. Дѣвушка обрадовалась, встрѣтивъ своего обожателя, а онъ говоритъ съ ней пресухо, такъ что оскорбляетъ Марью Алексѣевну. Она уходитъ въ досадѣ, въ горести. Ракетинъ спѣшитъ объясниться съ Елецкимъ; онъ рѣшился просить перевода въ другой полкъ. Елецкій его уговариваетъ, но поручикъ и слышать ничего не хочетъ; онъ рѣшается сказать ему, что къ этому понуждаетъ его безпалежная любовь къ супругѣ штабсъ-ротмистра. Елецкій не знаетъ, что дѣлать, не знаетъ, что говорить Ракетину; онъ берется все уладить, и зоветъ поручика къ обѣду. Ракетинъ за дверь, а Мотыльковъ въ дверь. Мотыльковъ узналъ отъ Ракетина, что Елецкій женился, что съ нимъ пріѣхала сестра его жены Зорницына. Мотыльковъ увѣренъ, что эта дѣвушка его идеалъ: Онъ явился объявить о своей любви Елецкому и просить руки его свояченицы. Штабсъ-ротмистръ берется все уладить и поговорить съ своей сестрицей. Онъ поручаетъ эту коммиссію женѣ, которая объясняется съ Марьей Алексѣевной, и улаживаетъ дѣло. Являются Елецкій, Ракетинъ и Мотыльковъ. Елецкій представляетъ своихъ товарищей женѣ, и тутъ объясняются ошибки: предметъ страсти Ракетина не замужемъ, а идеалъ Мотылькова жена штабсъ-ротмистра. Ракетинъ женится на Марьѣ Алексѣевнѣ, а Мотыльковъ остается съ носомъ; но ему все равно: онъ вѣтренникъ, волокита и намѣренъ составить себѣ другой идеалъ. Елецкій успокоивается: корнетъ ему не опасенъ и Наталья Алексѣевна почти его не знаетъ. Такимъ образомъ утихаетъ фальшивая тревога, — водевиль кончается, публика аплодируетъ и кричитъ браво.

Водевиль очень милъ, веселъ и игривъ. Характеры штабсъ-ротмистра, поручика и корнета написаны вѣрно. Въ нихъ вы вполнѣ увидите людей военныхъ, связанныхъ дружбою, открытыхъ душею. Въ особенности хорошъ Мотыльковъ. Это веселый, милый малый, но вѣтренный до нельзя, готовый влюбиться во всякую дѣвушку. Наталья Алексѣевна и Марья Алексѣевна, водевильныя героини, какихъ вы встрѣтите много въ свѣтѣ.

Г-жа Асенкова мило выполнила роль Марьи Алексѣевны, но уже слабѣе, нежели въ первыхъ двухъ піесахъ. Причина естественная: сыгравши двѣ большія роли, трудно сдѣлать что нибудь изъ третьей. Г. Максимовъ былъ очень забавенъ и вѣренъ лицу Мотылькова. — И г-жа Асенкова и Максимовъ 1-й, были вызваны публикою. Прочія роли въ этомъ водевилѣ не были какъ-то поняты артистами.

Третій дебютъ г. Самойлова 2, 14 января, въ роли Іоанна, въ драмѣ: Іоаннъ Герцогъ Финляндскій.

Въ послѣдней Хроникѣ нашей, за декабрь мѣсяцъ, помѣщенной въ первой книжкѣ Репертуара на 1840 годъ, мы кратко упомянули о первыхъ двухъ дебютахъ г. Самойлова 2, (въ роляхъ: Фрица, въ драмѣ *Сынъ любви*, и Романа Бобра, въ драмѣ *Двумужницы*), и привѣтствовали замѣтное его дарованіе. Теперь, послѣ третьяго дебюта, мы подробнѣе взглянемъ на игру г. Самойлова 2, и выскажемъ о ней наше мнѣніе откровенно, голосомъ истины, съ чистымъ желаніемъ добра и

успѣховъ этому артисту на новомъ его поприщѣ.

Роль Фрица выполнена г. Самойловымъ 2, для дебютанта, появившагося въ первый разъ на сценѣ, очень хорошо. Сцены съ матерью, въ первомъ дѣйствіи, ведены имъ весьма удовлетворительно, но много потерпѣли отъ того, что проговорены тихо. (Впрочемъ нельзя не извинить робости молодаго артиста.) Монологъ съ Нейгофомъ прочитанъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ и награжденъ справедливо единодушнымъ одобреніемъ. Сцена въ тюрьмѣ, когда Фрицъ узнаетъ отъ Амаліи, что поднялъ руку на своего отца, — сыграна превосходно. Продолжительное браво и вызовъ г. Самойлова 2 на сцену были выраженіемъ восторга публики. Мы жалѣли, что въ этотъ спектакль было ея немного.

Роль Романа Бобра, въ *Двухмужницѣ*, заключается въ двухъ монологахъ, и они прочитаны дебютантомъ прекрасно. Второй монологъ, въ срединѣ, былъ прерванъ общимъ аплодисментомъ, а по окончаніи г. Самойловъ 2 награжденъ вызовомъ.

Объ эти роли показали достаточно дарованіе г. Самойлова: онъ былъ вѣренъ характерамъ обоихъ лицъ, игралъ съ душою, даже показалъ знаніе сцены: — достоинство рѣдкое въ дебютантѣ.

Въ третій свой дебютъ, г. Самойловъ 2, въ роли Іоанна, въ драмѣ *Іоаннъ Герцогъ Финляндскій*, былъ несравненно слабѣе. Для артиста не достаточно еще хорошо *прочитать* свою роль: онъ долженъ содѣйствовать ходу цѣлаго, войти совершенно въ положеніе представляемаго лица, хорошо изучить всю піесу. Публика идетъ въ театръ не для того только, чтобъ слышать чтеніе артиста, который, какъ на экзаменѣ, на заученную реплику продекламируетъ монологъ и, получивъ одобреніе, ждетъ слѣдующаго.

Содержанія драмы пересказывать нечего: она всѣмъ извѣстна и всегда доставляла наслажденіе публикѣ. Кого не трогала чистая душа Маріи, этого идеала добродѣтели! Маріи, стремящейся спасти невиннаго герцога, возвратить счастіе его супругѣ и сыну, поддержать честь имени своего супруга — короля; готовой очернится неправосудіемъ! И всѣ эти высокія чувства возбуждены участью страдальца Іоанна. — Кто не увлекался родными порывомъ юношескаго сердца Рихарда, готоваго жертвовать собственною жизнію для спасенія жизни того же Іоанна! Если всѣ эти лица приковали васъ къ себѣ, если всѣ эти чувства стремятся къ Іоанну, въ немъ одномъ сосредоточиваются, — какое же участіе должно волновать васъ при видѣ главнаго ихъ двигателя! — Но въ этотъ разъ его не было. Мы слышали только хорошо прочитанные два, три монолога, какъ будто отъ лица Іоанна, но самого Іоанна не видали. — Въ третьемъ дѣйствіи драмы и первомъ появленіи на сцену Іоанна, г. Самойловъ 2 очень хорошо прочелъ большой монологъ, и особенно заключительные его стихи:

«Возьми весь міръ — оставь темницу мнѣ!»

выражены прекрасно и дебютантъ увѣнчанъ аплодисментомъ. Остальныя сцены пропали. — Когда Катерина, забывъ всѣ страданія, весь міръ, приноситъ всю себя въ жертву любви супружеской, когда самый зритель не можетъ оставаться равнодушнымъ, — г. Самойловъ 2 (Іоаннъ) былъ также холоденъ, столько же принялъ участія въ этихъ поражающихъ чувствахъ Екатерины, какъ тюремщикъ (г. Сосновскій), у котораго на мѣстѣ сердца ржавый замокъ безъ ключа. Но публика не забыла еще западшаго въ душу:

«Возьми весь міръ — оставь темницу мнѣ!»

и вызвала дебютанта. — Далѣе, въ 4-мъ дѣйствіи, когда Іоаннъ призванъ предъ верховное судилище, г. Самойловъ 2 былъ замѣтно не увѣренъ въ себѣ, а монологъ къ графу Гардепу опять прочитанъ хорошо, и опять послѣднія строфы:

«Прости! на сей землѣ мятежной,
Гдѣ я страдалъ въ судьбинѣ безпадежной,
Я не увижуся съ тобой!»

были проникнуты истиннымъ чувствомъ. — Въ 5-мъ дѣйствіи, роль Іоанна въ нѣсколькихъ словахъ — и они были холодны.

Изъ всего этого мы заключаемъ, что роль Іоанна была не совсѣмъ хорошо приготовлена г. Самойловымъ 2, что онъ обращалъ все свое вниманіе на главные монологи роли и пренебрегъ остальными. Напримѣръ, всѣ

прекрасные отвѣты Іоанна предъ судомъ проиграли, и потому единственно, что каждый изъ нихъ заключается въ нѣсколькихъ словахъ. Г. Самойловъ 2, въ продолженіе всей драмы, какъ будто думалъ только о томъ, чтобъ не пропустить реплики и прочесть хорошо большой монологъ. Этого, однакожъ, еще не достаточно. Проговоривъ свою рѣчь, онъ лѣлался лицемъ, какъ будто посторонним, и чрезъ это зритель слушалъ съ удовольствіемъ одни хорошо читанные стихи, а если и раждалось участіе къ лицу Іоанна, возбужденное другими персонажами, такъ оно разрушалось самимъ Іоанномъ..

Мы не можемъ умолчать о прекрасной игрѣ въ этой драмѣ г. Каратыгина (Ричардъ), г. Брянскаго (Эрикъ), г-жи Валберховой (Марія) и г-жи Брянской во многихъ мѣстахъ роли Екатерины. Всѣ они были вызваны и осыпаны рукоплесканіями, а г. Самойловъ 2 вызванъ четыре раза. Вотъ новое доказательство того, какъ паша публика радуется блеснувшей надеждѣ. Что же станется, если г. Самойловъ 2 (самолюбіе артистовъ велико) будетъ основываться на пріемахъ публики, благосклонныхъ часто по причинамъ? Чего должно ожидать въ послѣдствіи, если никто хотя на ушко не шепнетъ ему безпристрастнаго приговора и не подастъ совѣта? — Ложный путь легче найти, чѣмъ истинный; и мы, не руководствуясь недостойными критика личностями, съ добрымъ намѣреніемъ рѣшились высказать г. Самойлову 2 правду. Если бъ не видно было въ немъ дарованія, — мы не стали бы о немъ и говорить.

Вмѣстѣ со всѣми любителями изящнаго искусства, мы радуемся появленію г. Самойлова 2 на родной сценѣ, бѣдной драматическими талантами, и просимъ его принять наши совѣты: не оскорбляться замѣчаніями благонамѣренной критики; трудясь добросовѣстно, пріобрѣтать опытность; не увлекаться шумными пріемами публики, иногда слишкомъ снисходительной; имѣть въ виду не настоящее, а будущее, не удовлетвореніе самолюбія, но пользу. Съ этими правилами благородный артистъ можетъ шагать исполински и несомнѣнно достигнетъ своей цѣли.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ АНЕКДОТЫ

И

СМѢСЬ.

НЕУДОБСТВО БОЛЬШАГО ТЕАТРА.

Одна пожилая барыня, прожившая весь свой вѣкъ въ деревнѣ, пріѣхала въ Петербургъ, для опредѣленія своихъ дѣтей въ учебныя заведенія. Наслышавшись чудесъ о г-жѣ Тальони, она рѣшилась потѣшить себя съ семействомъ, взяла ложу въ 4-мъ ярусѣ Большаго Театра на извѣстный балетъ *Тѣнь*, и забралась въ нее, когда еще не зажигали и ламповъ. По окончаніи спектакля, спросилъ ее какой-то родственникъ: понравился ли ей балетъ? — «Какъ же не понравиться,» отвѣчала барыня, «комедія безподобная, чрезвычайно понравилась. Ну, ужъ ваша Тальони, просто, чудо! Подивилась я на нее! То выскокнетъ изъ-подъ пола, то повиснетъ на стѣнѣ, то по водѣ прогуливается! Потѣшила, голубушка! Какъ почнетъ плясать, такъ мурашки по спинѣ! А ужъ лучше всего мнѣ показалось, когда она встала на самопрялку! Колесо-то вертится, батюшка, а она, родная, подпрыгиваетъ на немъ на одной ногѣ! Чудеса, истинныя чудеса!... Хороши и другіе-то ахтеры, какъ заплясали — уморили со смѣху!... Одно только не хорошо, театръ маленько великонекъ: видѣла я, батюшка, какъ они и ротъ разевали, и руками махали, а что ужъ говорили, ни словечка, родной, не слыхала!...»

ЛЮБИТЕЛЬ И ЗНАТОКЪ МУЗЫКИ.

Молодой человѣкъ В., любитель театра, спросилъ одного знатока и строгаго судью въ музыкѣ, какого онъ мнѣнія о пѣвцѣ П., и присовокупилъ, что онъ всегда приходитъ въ восторгъ, когда этотъ артистъ поетъ трудныя вещи. — «А я,» отвѣчалъ строгій судья, «при такихъ трудныхъ вещахъ всегда жалѣю, что онѣ не совершенно невозможны для г. Н.»

МЕДИКЪ И КРИТИКЪ.

Молодая актриса Н, одаренная отъ природы красотою и необыкновеннымъ талантомъ, часто, для угожденія вкусу нѣкоторой части публики, прибѣгала на сценѣ къ бездарнымъ средствамъ. Одинъ весьма умный литераторъ и театральный критикъ Л. дѣлалъ всегда въ такихъ случаяхъ строгія замѣчанія на ея игру; но хорошенькая актриса не только не слѣдовала его совѣтамъ, даже бранила вездѣ справедливаго критика.

Однажды она сдѣлалась очень больна, и какъ нарочно, послѣ рецензіи г. Л. — Докторъ ея, приписывая начало этой болѣзни разстройству нервъ отъ строгихъ замѣчаній критика, при встрѣчѣ съ нимъ и на вопросъ его о состояніи здоровья г-жи Н., сказалъ: «Ваши рецензіи, милостивый государь, причиною жестокой болѣзни моей паціентки; но если она будетъ слушаться моихъ совѣтовъ, такъ

я надѣюсь еще спасти ее отъ смерти.» — «Придетъ смерть — вы ее не оживите,» отвѣчалъ Л. «Вотъ, если бъ она слѣдовала моимъ совѣтамъ, тогда, хоть бы вы и уморили ее своими лекарствами, я навѣрное бы сдѣлалъ ее *безсмертною!*»

ПЕРВЫЕ АКТЕРЫ.

Знаменитому артисту К. сказалъ одинъ плохой актеръ, подававшій на сценѣ письма и стулья: «Намъ съ вами не должно бояться соперниковъ: мы первые актеры!» — «Первые?» спросилъ К. — «Да-съ,» отвѣчалъ бездарный артистъ, «вы первые съ начала, а я первый съ конца!»

НЕРОВНЫЙ ПОЛЪ.

Нѣкто спросилъ одного актера: ловко ли играть на неровномъ полу на сценѣ? — «Очень неловко!» отвѣчалъ актеръ. — «Почему жъ вамъ не сдѣлаютъ гладкаго?» — «Какой ли сдѣлайте полъ на сценѣ,» сказалъ актеръ, «паша братья все-таки будетъ на немъ и частенько спотыкаться и падать!»

СИНИЧКИНЪ.

Въ кабинетѣ молодаго человѣка Н. сидѣли сослуживецъ его и одинъ провинціялъ. Между тѣмъ, какъ Н. разговаривалъ съ своимъ товарищемъ о весьма серьезномъ дѣлѣ, провинціялъ взялъ со стола первую книжку Репертуара и превнимательно сталъ читать помѣщенный въ ней водевиль г. Лепскаго: *Левъ Гурычъ Синичкинъ*. Наконецъ сослуживецъ г-на Н. ушелъ, и хозяинъ, желая чѣмъ нибудь начать разговоръ съ оставшимся гостемъ, спросилъ: какъ ему нравится *Синичкинъ*? — «Должно быть прекрасный человѣкъ,» отвѣчалъ провинціялъ, «такое лицо выразительное и разсуждаетъ съ такимъ умомъ!» — «Да вы о комъ говорите?» возразилъ г. Н. — «Да вотъ о томъ-съ чиновникѣ, который изволитъ служить съ вами въ департаментѣ и сію минуту былъ у васъ; я полагалъ, что ихъ фамилія г. Синичкинъ!» Хозяинъ расхохотался. — «Я не о немъ васъ спрашивалъ,» сказалъ Н., «я говорю о томъ *Синичкинѣ*, который въ Репертуарѣ.» — «Нѣтъ-съ, я съ ними не имѣю чести быть знакомымъ, никогда ихъ не видалъ, да признаюсь, до сихъ поръ и не зналъ, что существуетъ служебное мѣсто — *Репертуаръ!*»

Водевильные куплеты:

ВЫГОДА И НЕВЫГОДА ОТЪ ЖЕНИТЬБЫ.

(Изъ водевиля П. А. Каратыгина: Домъ на Петербургской сторонѣ.)

КОПѢЙКИНЪ.

Я вамъ пророчу напередъ,
Что здѣсь вы заживете лихо:
За васъ дворяночка пойдетъ
Иль первой гильдіи купчиха;
Какъ холостьба понадоѣстъ,
Такъ надо для утѣхи жизни
Искать вамъ дорогихъ невѣстъ
При нынѣшней дороговизнѣ.

СУББОТИНЪ.

Бѣда съ богатою женой!
На Невскомъ видимъ за-частую
Супруга ѣздитъ четверней,
А мужъ шлифуетъ мостовую.

КОПѢЙКИНЪ.

Наука вѣдь не мудрена
Съ женою, ваше благородье:
Тогда артачится жена —
Какъ мужъ опуститъ ей поводья.

УДОБНАЯ КВАРТИРА.

(Изъ водевиля П. А. Каратыгина: Домъ на Петербургской сторонѣ.)

Здѣсь въ нашей лавкѣ молочной:
Хлѣбъ, сахаръ, свѣчи и помада;
Напротивъ мастеръ гробовой
И все, что человѣку надо;
Живи себѣ, какъ господинъ.
Есть подъ бокомъ для наслажденья
И погребъ иностранныхъ винъ
Россійскаго произведенья.

ВСЕ ПОЙДЕТЪ НАОБОРОТЪ.

(Изъ водевиля И. С. Ѳедорова: Маркизъ по неволѣ).

Съ счастіемъ, съ деньгами на свѣтѣ
Завсегда пойдешь впередъ,
Но не будетъ ихъ въ предметѣ —
Все пойдетъ наоборотъ!

Чуть фортуна улыбнется,
Закутятъ игрокъ и мотъ,
А спиною обернется —
Все пойдетъ наоборотъ!

Сынъ въ долгахъ, нѣтъ жизни средства,
Хоть въ тюрьму ступай; но вотъ
Смерть отца даетъ наслѣдство,
Все пойдетъ наоборотъ!

Чахнетъ въ дѣвушкахъ бѣдняжка,
Ни одинъ женихъ не идетъ;
А приданое примажъ-ка,
Все пойдетъ наоборотъ!

За кокеткою мужчины
Такъ и вьются взадъ, впередъ,
А явились морщины, —
Все пойдетъ наоборотъ!

Подъ судомъ судья въ отставкѣ,
Виноватъ кругомъ, какъ чортъ;
Но пришли-ка денегъ къ справкѣ —
Все пойдетъ наоборотъ!

Со вдовою добродѣтель,
Въ скукѣ, въ бѣдности живетъ;
А найдется благодѣтель —
Все пойдетъ наоборотъ!

У купца дѣлишки круты,
Въ барышахъ дурной расчетъ;
Но запишется въ банкроты —
Все пойдетъ наоборотъ!

Словомъ, съ счастьемъ все на свѣтѣ,
Все проходитъ безъ хлопотъ;
Но не будь его въ предметѣ —
Все пойдетъ наоборотъ!

Даже авторъ при несчастьѣ,
И безъ связи пропадетъ;
Приметъ въ немъ Зоилъ участье —
Все пойдетъ наоборотъ (*).

(*) Безъ подписчиковъ мнѣ будетъ
Тьма съ изданіемъ хлопотъ;
А три тысячи прибудетъ —
Все пойдетъ наоборотъ.

Изд.

ФРАКЪ.

(*Слова Д. Т. Ленскаго*; на голосъ Tu souviens tu, и пр.)

Будь вѣренъ мнѣ, пріятель мой короткой,
Мой старый фракъ — другаго не сошью...
Ужъ десять лѣтъ, то вѣничкомъ, то щеткой,
Я каждый день сбиваю пыль твою;
Пускай судьба смѣется надъ тобою,
Твое сукно съѣдая день отъ дня...
Будь твердъ, какъ я, не падай предъ судьбою...
Мой старый другъ! не покидай меня!

Я помню день утѣхъ и восхищенья,
Какъ въ первый разъ тебя я обновилъ:
День этотъ былъ — день моего рожденья,
И хоръ друзей здоровье наше пилъ;
Ты весь истертъ, но, не смотря на это,
Друзья у насъ все прежніе друзья...
Ихъ не стыдитъ истертый фракъ поэта...
Мой старый другъ! не покидай меня!

Твои края изодрались немного:
Смотря на нихъ, люблю я вспоминать,
Какъ вечеркомъ однажды у порога,
Она меня хотѣла удержать;
Невѣрная тѣмъ гнѣвъ мой усмирила
И я гостилъ у ней еще два дня...
Она тебя заштопала, зашила...
Мой старый другъ! не покидай меня!

Мой другъ, тебя духами я не прыскалъ,
Въ тебѣ глупца и плута не казалъ,
По лѣстницамъ сіятельныхъ не рыскалъ,
Передъ звѣздой спины не изгибалъ...
Пускай иной хлопочетъ для отличья
Взять орденокъ — за нимъ не лѣзу я:
Два-три цвѣтка блестятъ въ твоей петличкѣ...
Мой старый другъ! не покидай меня!

Хоть мы съ тобой и много пострадали,
Но кто жъ не зналъ судьбы переворотъ?
У всѣхъ свои есть радости, печали,
То вдругъ гроза, то солнышко взойдетъ,
Но, можетъ быть, что скоро въ ящикъ гроба,
Съ моей души одежду сброшу я...
Такъ подожди, мы въ землю ляжемъ оба...
Мой старый другъ! не покидай меня!

ВѢКЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.

(Изъ водевиля А. И. Писарева: Пять лѣтъ въ два часа, или Какъ дороги утки!)

Лошадьми, водой, парами,
Свютъ, жнутъ, куютъ, прядутъ,
Скоро думать не умами,
А машинами начнутъ!

Все колеса да пружины,
Только знай ихъ заводить,
А не вздумаютъ машины,
Чтобъ работниковъ кормить.

ХРАБРЫЙ НА СЛОВАХЪ.

(*Изъ водевиля: И. И. Хмельницкаго: Новая шалость.*)

Я былъ въ военной службѣ самъ,
И съ честью занимался фрунтомъ,
И такъ былъ храбръ, что по ночамъ
Ходилъ я главнымъ рунтомъ,
И аттестатъ мой подтвердилъ,
Что я, какъ значится по справкѣ:
Во время мирное служилъ,
И былъ въ военное въ отставкѣ.

ТЮРЬМА.

(*Изъ вод. Д. Т. Ленскаго: Баронъ фонъ Трикъ.*)

Въ нашъ вѣкъ узнать ужасно трудно,
Кто бѣденъ, или кто богатъ;
Иной живетъ чрезмѣрно скудно,
А деньги у него лежатъ;
Другой въ каретѣ разъѣзжаетъ,
По тысячамъ даетъ въ займы,
И за долги въ тюрьму сажаетъ...
А самъ такъ близокъ отъ тюрьмы!

Нельзя, ей Богу, не смѣяться,
Какъ мелочь-авторы начнутъ
Въ журналахъ перьями сражаться —
Чего они тамъ не наврутъ!
Сажать въ тюрьму ихъ всѣхъ бы должно
Для избѣжанья кутерьмы. —
Да жаль, что выстроить не можно
Такой огромнѣйшей тюрьмы!

ОПЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(*Изъ водевиля А. П. Писарева: Волшебный носъ.*)

Я на слова не полагаюсь,
А по дѣламъ сужу всегда,
И кто мнѣ скажетъ: *постараюсь*!
Тому не вѣрю никогда.
Я не могу терпѣть старанья,
И живши въ свѣтѣ, испыталъ,
Что векселя и обѣщанья
Зарытый въ землю капиталъ.

ВЫГОДА БОЛЬШИХЪ ГОРОДОВЪ ДЛЯ МУЖЕЙ.

(*Изъ водевиля П. А. Коровкина: Два способа.*)

Бѣда жить въ малыхъ городахъ:
Что ни случится — тотчасъ знаютъ,
Кричатъ на улицахъ, въ домахъ
И мужа пальцемъ провожаютъ.
Чудесно въ городѣ большомъ:
Все остается межъ своими;
Хоть мужъ и выйдетъ дуракомъ, —
Въ толпѣ теряется съ своими!...

Смѣсь.

— Г-жа Петрова, любимица Петербургской публики, наша первая оперная артистка и пѣвица, появилась снова, послѣ довольно продолжительной болѣзни, на сценѣ Большаго Театра. Выходъ ея былъ 26 декабря, въ роли Вани, въ операѣ *Жизнь за Царя*. Публика приняла ее съ восторгомъ, и теперь опять восхищается ея талантомъ. Голосъ г-жи Петровой ни сколько не потерпѣлъ: въ немъ та же сила, та же душа!

— При С. Петербургской Театральной Дирекціи, какъ видно изъ Отчета г. Оберъ-Полиціймейстера, состояло, въ 1839 году: актеровъ 238 человѣкъ, актрисъ 213, воспитанниковъ и воспитанницъ Театральнаго Училища 316, музыкантовъ и служителей 534; всего 1301 человѣкъ.—Такого огромнаго числа артистовъ вѣроятно не найдется ни на одномъ изъ Европейскихъ театровъ. Давайте, гг. сочинители, только піесъ, а ужъ играть есть кому; напишите драму съ дѣйствующими лицами хоть на трехъ страницахъ—всѣ роли будутъ розданы! — Напишите оперу хоть на три оркестра—все будетъ сыграно! —Вымышляйте балетъ съ какой угодно обстановкой, и съ рыцарями, и съ дамами, и съ пажами, и съ геніями, и съ амурами, и съ войскомъ, — вся сцена наполнится народомъ! Всего этого не занимать-стать. Не мудрено же, что иностранцы такъ удивляются богатству нашего театра. Но гдѣ же и быть ему, какъ не на Руси!

— Директоръ музыки Болле, завѣдывающій музыкальною частію Репертуара Русскаго Театра, желая доставить матеріялы люби-

Рисовалъ В. Самойловъ *Гравировалъ Эльвелл.*

Сцена изъ ДѢДУШКИ РУССКАГО ФЛОТА, явленіе VII.

телямъ легкаго пѣнья, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить затрудненія, встрѣчающіяся при наборѣ водевильной музыки для домашнихъ спектаклей, возпамѣрился съ сего 1840 года издавать продолженіе *Музыкальнаго Альбома водевильныхъ куплетовъ*, начатаго покойнымъ Н. О. Дюромъ.—Составленіе сего *Альбома* принялъ нынѣ на себя сотрудникъ Репертуара П. С. Ѳедоровъ, извѣстный уже публикѣ по водевильнымъ куплетамъ и музыкальнымъ номерамъ, помѣщеннымъ въ прежнихъ *Альбомахъ*. — Изданіе *Альбома* на 1840-й годъ предпринимается по подпискѣ. Оно раздѣлится на четыре тетради, изъ коихъ каждая будетъ заключать въ себѣ по четыре номера любимой публикою музыки изъ новыхъ Русскихъ водевилей, и выходить чрезъ три мѣсяца. Шестнадцать номеровъ должны составить полный *Музыкальный Альбомъ* на 1840-й годъ, но, смотря по успѣху подписки, число ихъ можетъ увеличиться до двадцати. Альбомъ будетъ печататься на лучшей бумагѣ, чистыми, ясными нотами, вырѣзанными на оловѣ, и цѣлая тетрадь его будетъ выдаваться въ отлично литографированной оберткѣ. Подписная цѣна, за годовое изданіе *Альбома*, состоящаго изъ четырехъ тетрадей, съ доставкою въ Петербургѣ 5 р. серебромъ, для иногородныхъ 6 р. серебромъ; за каждую же тетрадь особенно, здѣсь, въ Петербургѣ 1 р. 50 к. серебромъ, для иногородныхъ 1 р. 75 к. серебромъ. Первая тетрадь выйдетъ 15-го будущаго февраля, и только до этого времени принимается подписка; по выходѣ въ свѣтъ первой тетради, цѣна *Альбома* возвысится до 6 р. серебромъ. Въ первой тетради будутъ помѣщены слѣдующіе номера: 1, *Швейцарская пѣсня*, изъ водевиля *Дочь бургомистра*, слова и музыка П. С. Ѳедорова; 2, *Три сорта любви*, изъ водевиля *Новички въ любви*, слова Н. А. Коровкина, музыка П. С. Ѳедорова; 3, *Пустой человѣкъ*, изъ водевиля *Полюбовная сдѣлка*, слова и музыка П. И. Григорьева; 4, *Вѣрные друзья*, изъ водевиля *Дочь бургомистра*, слова П. С. Ѳедорова, музыка К. П. Лядова.—Подписка принимается исключительно въ конторѣ Репертуара Русскаго Театра, на Невскомъ проспектѣ, противъ Градской Думы, въ домѣ Рогова, куда благоволятъ адресоваться и иногородныя особы.

— Въ сей книжкѣ обѣщали мы статью Н. А. Полеваго: *Вечеръ на масляницѣ*. Но, получивъ отъ почтеннаго автора новую статью: *Мои воспоминанія о Русскомъ театрѣ*, мы спѣшимъ помѣстить ее, желая придать болѣе разнообразія нашему «Репертуару.» Авторъ обѣщалъ намъ продолженіе своихъ *воспоминаній*. «*Вечеръ на масляницѣ*» непремѣнно помѣстится въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего изданія.

— Помѣщенную въ сей книжкѣ *Исторію Русскаго Театра*, соч. Н. А. Полеваго, не слѣдуетъ смѣшивать съ *Исторіею Театра*, соч. Князя А. А. Шаховскаго. Статья Н. А. Полеваго заключаетъ только нѣкоторыя воспоминанія его о различныхъ явленіяхъ Русской сцены; а *Исторія* Князя А. А. Шаховскаго будетъ подробнымъ, послѣдовательнымъ изложеніемъ всего хода, всѣхъ замѣчательныхъ событій отечественнаго театра. Послѣдняя будетъ помѣщаема въ Репертуарѣ по частямъ, но полученія оригинала отъ автора.

При сей книжкѣ приложена картинка изъ др. Н. А. Полеваго *Дѣдушка Русскаго Флота*, рисов. В. В. *Самойловымъ* и гравированная г. *Эльвалемъ*.

Вглядитесь въ эту картинку, и вѣроятно вы вспомните ту сцену, когда приходятъ стрѣльцы спрашивать Питера Гродекера, оружейнаго мастера.

Сцена была исполнена нашими Петербургскими артистами превосходно. Если вы видѣли или читали піесу, то можете вообразить, каково должно быть положеніе артистовъ: бѣднаго Питера укоряютъ въ похищеніи ружья, того ружья, на которомъ онъ основывалъ свою славу, свое достояніе! Онъ представилъ его Царю, надѣясь получить названіе *Царскаго мастера*, и вдругъ, не зная за что и какъ, его вяжутъ и берутъ по приказанію начальства. — Ошибка вышла очень простая: Стрѣлецкій голова, не разобравъ предписанія начальства, и найдя Питера, исполняетъ свой долгъ. Соперникъ, Ѳома Гросмдумъ, радуясь этому случаю, наговариваетъ головѣ,

чтобъ скорѣй увести Питера, желая такимъ образомъ достигнуть цѣли своей: онъ сватается на Корнеліи.

Весь этотъ моментъ мастерски схваченъ и нарисованъ г. Самойловымъ. Взгляните на жалость Брандта, отчаяніе Корнеліи, на удовольствіе Ѳомы Гроомдума, на досаду и страхъ за ложное обвиненіе Питера Гродекера, на простоту и точное выполненіе приказанія начальства Стрѣлецкаго головы; взгляните, и вѣроятно вы скажете, что картина есть необходимое дополненіе къ чтенію самой піесы, особенно для тѣхъ, кто не могъ видѣть ее на сценѣ.

Не всѣ подписчики нынѣшняго года имѣютъ *Репертуаръ* за прошлый годъ; между тѣмъ все изданіе разошлось, и я вновь его печатать не намѣренъ; потому не излишнимъ считаю перепечатать здѣсь ту сцену изъ *Дѣдушки*, которая служитъ къ объясненію картинки.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА, СЪ НѢСКОЛЬКИМИ СТРѢЛЬЦАМИ.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Эй, вы! Что вы тутъ расшумѣлись, Нѣмцы! Кто изъ васъ поумнѣе — поди сюда!

БРАНДТЪ.

Что тебѣ надобно?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Не знаетъ ли кто нибудь изъ васъ — какъ бишь зовутъ — эту нехристь! *(Вынимаетъ бумагу) Ни... Ни... тер...* Слышишь: Питеръ! Кто изъ васъ Питеръ?

БРАНДТЪ.

Мало ли Питеровъ на свѣтѣ — какого тебѣ надобно?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Да, вотъ тутъ еще написано, да бѣсъ его разберетъ... *Гро... Гру... Гро...*

ПИТЕРЪ.

Гродекеръ?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Да, да, Грудеверъ! Гдѣ онъ?

ПИТЕРЪ.

Это я.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Ты? Ребята, берите-ка молодца!

ВСѢ.

Что это значитъ? Что такое?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

А видно то значитъ, что надѣлалъ проказъ, такъ тебя велѣно, гдѣ только найдутъ, схватить и тащить къ самому Царю. Онъ здѣсь на полѣ, тѣшится ученьемъ... Берите, вяжите его!

ВМѢСТѢ.

КОРНЕЛІЯ.

Его вязать?

БРАНДТЪ.

Какъ? Что такое?

ѲОМА.

А, попался молодецъ!

ПИТЕРЪ.

Я не виноватъ ни въ чемъ!

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Тамъ вины разсудятъ — бери его!

ПИТЕРЪ.

Но, г-нъ голова, ей Богу... я ничего не сдѣлалъ... Тутъ въ бумагѣ написано...

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

На, читай!

ПИТЕРЪ.

Я не умѣю читать по Русски. Прочти намъ.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Да, легко прочитать эти крючки подьяческіе — вѣдь это не печатное — я разбиралъ, разбиралъ... Что-то объ ружьѣ... Ты укралъ, что ли, ружье?

ВСѢ.

Укралъ ружье?

ѲОМА.

Именно, и мнѣ сказывали, что укралъ.

ПИТЕРЪ.

Неправда! Я сдѣлалъ ружье и представилъ его Царю, такъ за это наградить меня надобно — ружье диковинное, за которое стоитъ меня сдѣлать Царскимъ мастеромъ!

ѲОМА.

Ха, ха, ха! Царскимъ мастеромъ!.. Ружье оказалось прескверное — его разорвало — убило двухъ человѣкъ... Не правда ли, г-нъ голова?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Да, да!

ѲОМА.

Царь разгнѣвался, и велѣлъ сыскать этого мерзавца, кто сдѣлалъ ружье, и повѣсить его, *(Даетъ денегъ головѣ)*—Не правда ли, г-нъ голова? *(тихо)* Крути его крѣпче...

КОРНЕЛІЯ.

О Боже мой! Питеръ!

ПИТЕРЪ.

Нѣтъ, Корнелія, неправда! Развѣ мое ружье подмѣнили, развѣ... развѣ... Пусть его вплоть пулями набьютъ, и тутъ не разорветъ—а отдѣлка, а ложа какая... Если оно было нехорошо, такъ пусть зарядятъ его пулей и всадятъ мнѣ эту пулю въ сердце — я и безъ того не переживу... Пойдемъ—прости, мистеръ Брандтъ—Корнелія!

КОРНЕЛІЯ, бросаясь къ нему.

Питеръ!

БРАНДТЪ и ѲОМА, схватываютъ ее.

Что ты? что ты?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Вяжи его, ребята!... А она что льнетъ? Видно, любъ былъ... Подумаешь, Господи! кажись, Нѣмцы — а то же любятъ другъ друга, и плачутъ... А дѣвочка-то не дурна — сухопарована маленько, не то, что наши Русскія...

БРАНДТЪ.

Питеръ! послушай: чиста ли душа твоя?

ПИТЕРЪ.

Ахъ! мистеръ Брандтъ! хоть передъ Богомъ стать сію минуту!

БРАНДТЪ.

Ты не погибнешь! Уповай на Бога и Царя. Поди сюда, обними меня.. Ты... сынъ человѣка, который... Боже! благослови тебя.. А если ты грѣшенъ — прости его, Господи, за молодость...

ПИТЕРЪ.

Ахъ! мистеръ Брандтъ... Корнелія!..

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА и ѲОМА.

Веди его!... Ступай, ступай! Тутъ не далеко...

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БРАНДТЪ, ГРООМЗУМЪ, КОРНЕЛІЯ.

КОРНЕЛІЯ.

Неужели, дѣдушка, съ нимъ худо будетъ?

ѲОМА.

А когда же худое добромъ кончится?

КОРНЕЛІЯ.

И неужели его...

ѲОМА.

Повѣсятъ? Непремѣнно! О, изъ польяческихъ рукъ и невиннаго трудно выпутаться, а этакой плутъ...

КОРНЕЛІЯ.

Замолчите, сударь! Я съ вами говорить не хочу! Вы его оклеветали — вы злой человѣкъ — радуетесь чужой бѣдѣ!... О Пресвятая Богородица! спаси Питера! Дѣдушка! поднте, попросите за него, пока я побѣгу помолюсь, со слезами, усердно...

(Уходитъ.)

РЕПЕРТУАРЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ

РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

съ 1 по 31 января 1840 года.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1. *Бол. т.* Тѣнь, балетъ въ 3 д.
   Ал. т. Меръ по выбору, ком.-вод. въ 1 д.; Почему? вод. въ 1 д.; Жена, какихъ много, ком.-вод. въ 1 д.; Матушкина дочка, вод. въ 2 д.
2. *Бол. т.* Капулетти и Монтеки, оп. въ 4 д.
   Ал. т. Воспитанникъ любви, ком.-вод. въ 4 д.; Хороша и дурна, вод. въ 1 д.; Новички въ любви; ком.-вод. въ 1 д.
3. *Бол. т.* Тѣнь, балетъ въ 3 д.
   Ал. т. Велизарій, др. въ 5 д.; Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 1 д.
4. *Ал. т.* Козьма Рощинъ, др. въ 3 д.; Жена кавалериста, ком.-вод. въ 1 д.; Полковн. стар. временъ, ком.-вод. въ 1 д.
6. *Бол. т.* Тѣнь, балетъ въ 3 д.
   Ал. т. Тридцать лѣтъ, др. въ 3 д.; Пажъ арестантъ, вод. въ 1 д.
7. *Бол. т.* Танкредъ, оп. въ 2 д.
   Ал. т. Поѣздка въ Царское Село, вод. въ 2 д.; Его превосходительство, ком.-вод. въ 2 д.; 1-е іюля въ Петергофѣ, вод. въ 1 д.; Отецъ, какихъ мало, ком.-вод. въ 1 д.; Ложа 1 яруса, вод. въ 2 д.
8. *Бол. т.* Тѣнь, балетъ въ 3 д.
   Ал. т. Сынъ любви, др. въ 5 д.; Студентъ; артистъ, оперет. въ 2 д.
9. *Ал. т.* Кремневъ, др. предст. въ 3 д.; Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 2 д.
10. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д.
    Ал. т. Моцартъ и Сальери, драм. сцены; Алхимикъ, др. въ 5 д., въ первый разъ.; Похищенный драгунъ, вод. въ 1 д. (Бенефисъ г. Каратыгина 1-го.)
11. *Ал. т.* Велизарій, др. въ 5 д.; Первая любовь, ком.-вод. въ 1 д.
12. *Бол. т.* Танкредъ, оп. въ 2 д.; Дезертеръ, бал. въ 4
    Ал. т. Тридцать лѣтъ, др. въ 5 д.
    Бол. т. Жизнь за Царя, оп. въ 4 д.
    Ал. т. Іоаннъ Герц. Финляндскій, др. въ 5 д.; Титулярные совѣтники, вод. въ 1 д.
15. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д.
    Ал. т. Алый башмачекъ, прологъ. Эсмеральда, др. въ 5 д.; Архипаріусъ, вод. въ 1 д.
16. *Ал. т.* Алхимикъ, др. въ 5 д.; Жена кавалериста, ком.-вод. въ 1 д.
17. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

1. *Больш. теат.* Двумужница, др. въ 5 д.; Волшебная флейта, бал. въ 1 д.
2. *Больш. теат.* Тоска по родинѣ, оп. въ 3 д.
3. *Больш. теат.* Ричардъ III, тр. въ 5 д.
4. *Больш. теат.* Матушкина дочка, вод. въ 2 д.; Балдерка, оп. въ 2 д.
7. *Больш. теат.* Иванъ Рябовъ, др. въ 2 д.; Часъ въ тюрьмѣ, вод. въ 1 д.; Фомпнъ вторникъ, интермед.
8. *Больш. теат.* Невѣста лунатикъ, оп. въ 3 д.; Дивертисементъ.
9. *Больш. теат.* Мельникъ, ком. въ 1 д.; Спичкинъ, вод. въ 5 д.; Дивертисементъ.
10. *Больш. теат.* Разбойники, тр. въ 5 д.; Трусъ, вод. въ 1 д.
11. *Больш. теат.* Сильфида, бал. въ 2 д.; Эстелла, вод. въ 1 д.
12. *Больш. теат.* Луиза де Линьфоль, др. въ 5 д.; Его превосходительство, вод. въ 1 д.; Дивертисементъ. (Бенефисъ г. Мочалова.)
14. *Бол. т.* Гамлетъ, тр. въ 5 д.; Дивертисементъ.
15. *Бол. т.* Фра-Діаволо, оп. въ 3 д.; Жена за столомъ, вод. въ 1 д.; Дивертисементъ.
16. *Бол. т.* Благородный театръ, ком. въ 4 д.; Мужъ красавецъ, вод. въ 1 д.
17. *Бол. т.* Два Дуная, бал. въ 2 д.

Ал. т. Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д. съ эпилог. Графъ литографъ, вод. въ 1 д.; Ножка, вод. въ 1 д.; Фальшивая тревога, ком.-вод. въ 1 д. Всѣ 4-ре въ 1-й разъ. (Бенефисъ г-жи Асенковой.)

18. *Бол. т.* Шотландскіе Пуритане, оп. въ 3 д.; Дивертисементъ.
Ал. т. Велизарій, др. въ 5 д.; Покойникъ мужъ, вод. въ 1 д.

19. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д.
Ал. т. Параша Сибирячка, Русск. быль въ 2 д., съ эп. Первая любовь, ком.-вод. въ 1 д.; Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 д.

21. *Бол. т.* Велисарій, оп. въ 3 д.
Ал. т. Меръ по выбору, ком.-водев. въ 1 д.; Мирандолина, ком. въ 3 д.; Барышня-крестьянка, вод. въ 2 д.; Новички въ любви, ком.-вод. въ 1 д.

22. *Бол. т.* Двѣ Дуная, бал. въ 3 д.
Ал. т. Параша Сибирячка, Русск. быль въ 2 д. съ эп. Кеттли, оп.-вод. въ 1 д.; Его превосходительство, ком.-вод. въ 1 д.

23. *Бол. теат.* Шотландскіе Пуритане, оп. въ 3 д.; Дивертисементъ.
Ал. т. Графъ литографъ, вод. въ 1 д.; Ножка, вод. въ 1 д.; Артистъ, ком.-вод. въ 1 д.; Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 д.

24. *Ал. т.* Велизарій, др. въ 5 д.; Таинственный гость, вод. въ 1 д.
Мих. т. Русскій человѣкъ, др. б. въ 1 д. Первая любовь, ком.-вод. въ 1 д.; Архиваріусъ, вод. въ 2 д.; Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 2 д.;

25. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 2 д.; 2-е д. оп. Водовоза. 2-е д. бал. Кіа-Кингъ.
Ал. т. Параша Сибирячка, Русск. быль въ 2 д. съ эп. 1-е іюля въ Петергофѣ, вод. въ 1 д.; Хороша и дурна, вод. въ 1 д.

26. *Бол. теат.* Тѣнь, бал. въ 3 д.
Ал. т. Филиппъ II, Король Испанс., тр. въ 3 д.; Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д.; Покойная ночь, вод. въ 1 д; Всѣ три въ 1-й разъ. (Бенефисъ Г. Брянскаго.)

27. *Ал. т.* Параша Сибирячка, Р. б. въ 2 д. съ эп. Двѣ женщины пр. 1-го мужчины, вод. въ 1 д.; Полюбовная сдѣлка, ком.-вод. въ 1 д.

28. *Больш. теат.* Шотландскіе Пуритане, оп. въ 3 д.
Ал. т. Смерть или честь, др. въ 5 д. Покойная ночь, вод. въ 1 д.

29. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
Ал. т. Филиппъ II, тр. въ 3 д.; Покойная ночь, вод. въ 1 д.

30. *Больш. теат.* Жизнь за Царя, оп. въ 4 д.
Ал. т. Кинъ, ком. въ 5 д.; Архиваріусъ, вод. въ 1 д.

31. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д.
Ал. т. Маріана, др. въ 3 д., въ первый разъ; Параша Сибирячка, Р. б. въ 2 д. съ эп.; Русскій Инвалидъ на Бородинскомъ полѣ, др. предс. въ 1 д., въ 1-й разъ. (Бенефисъ Г-жи Каратыгиной.)

18. *Бол. т.* Луиза Линьфоль, др. въ 5 д.; Трусъ, вод. въ 1 д.

19. *Бол. т.* Велизарій, оп. въ 3 д.; Ѣхалъ да не доѣхалъ, вод. въ 1 д.; Дивертисементъ.

21. *Бол. т.* Тридцать лѣтъ, др. въ 3 д.; Вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, Мос. карт. въ 1 д.

22. Велизарій, др. въ 3 д.; Дивертисементъ.

23. *Бол. т.* Въ тихомъ омутѣ черти водятся, вод. въ 1 д.; Мужъ красавецъ, вод. въ 1 д.; Скряги въ тискахъ, вод. въ 1 д.

24. *Бол. т.* Смерть или честь! др. въ 5 д.

25. *Бол. т.* Двѣ Дуная, бал. въ 2 д.; Хоть тресни, а женись, ком. въ 1 д.

26. *Бол. т.* 2-е д. оп. Вадимъ. 3-е д. оп. Аскольдовой могилы, въ 1-й разъ Харьковскій женихъ или домъ на двѣ улицы, вод. въ 2 д. Дивертис. (Бенефисъ г. Бантышева, послѣдній предъ окончаніемъ его службы.

Серпю Полторацкому,
доброму другу, о которомъ могу повторить слова великаго Шекспира:
He is man, take him for all in all
I shall not look upon his like again.

ГАМЛЕТЪ,

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ, ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Вилліама Шекспира.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Н. А. ПОЛЕВАГО.

Москва. 1837 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клавдій, Король Датскій	*Г. Брянскій.*
Гертруда, его супруга	*Г-жа Брянская.*
Гамлетъ, сынъ ея отъ перваго брака съ братомъ Клавдія	*Г. Каратыгинъ 1.*
Полоній, знатный чиновникъ при Дворѣ	*Г. Сосницкій.*
Лаэртъ, сынъ его	*Г. Толченовъ 2.*
Офелія, дочь его	*Г-жа Асенкова.*
Горацію, другъ Гамлета	*Г. Леонидовъ.*
Волтиманд, Корнелій, Розенкранцъ, Гильденштернъ, Осрикъ — придворные	*Г. Васильевъ, Г. Серовъ, Г. Петровъ 2, Г. Михайловъ, Г. Радинъ.*
Морцелло, Бернардо, Франциско — офицеры королевской гвардіи	*Г. Сосновскій, Г. Горшенковъ, Г. Чайскій.*
Рейнольдо, служитель Полонія	*Г. Сосновской.*
Тѣнь отца Гамлета	*Г. Ахалинъ.*
1, 2 — могильщики	*Г. Афанасьевъ, Г. Фальевъ.*
1, 2 — актеры	*Г. Калининъ, Г. Іевлевъ.*
Актриса	*Г-жа Борисотова.*

Придворные и придворныя, офицеры, солдаты, актеры, послы Норвежскіе, могильщики, народъ.

Дѣйствіе въ Эльсинорѣ, столицѣ Датскаго королевства.

Картина 1-я

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Терраса передъ дворцомъ.)

ФРАНЦИСКО на стражѣ, БЕРНАРДО входитъ.

БЕРНАРДО.

Кто здѣсь?

ФРАНЦИСКО.

Стой! Отвѣчай мнѣ:
Кто идетъ?

БЕРНАРДО.

Да здравствуетъ Король!

ФРАНЦИСКО.

Бернардо?

БЕРНАРДО.

Я.

ФРАНЦИСКО.

Какъ ты пришелъ исправно къ смѣнѣ.

БЕРНАРДО.

Полночь било — ступай и спать ложись.

ФРАНЦИСКО.

За то спасибо. Холодъ рѣзкій.
Я нездоровъ.

БЕРНАРДО.

Спокойно ль все?

ФРАНЦИСКО.

И мышь не пробѣжала.

БЕРНАРДО.

Хорошо. Ночь добрая!
Когда увидишь Горація, Марцелло,
Моихъ товарищей, поторопи ихъ.

(Горація и Марцелло.)

ФРАНЦИСКО.

Вотъ, кажется, они! Стой! Кто идетъ?

ГОРАЦІО.

Друзья отечества.

МАРЦЕЛЛО.

И подданные Короля.

ФРАНЦИСКО.

Ну, добра ночь!

МАРЦЕЛЛО.

Послушай-ка, товарищъ!
А кто сменилъ тебя?

ФРАНЦИСКО.

Бернардо.
Добра ночь!

(Уходитъ.)

МАРЦЕЛЛО.

Эй, другъ Бернардо!

БЕРНАРДО.

Отвѣчай:
Горацiо?

ГОРАЦІО.

Я за него.

БЕРНАРДО.

Добро пожаловать, Горацiо, Марцелло!

ГОРАЦІО.

Ну, что: являлся ли опять онъ въ эту ночь?

БЕРНАРДО.

Я не видалъ здѣсь ничего.

МАРЦЕЛЛО.

Горацiо не вѣритъ; говоритъ, что все мечта,
Не вѣритъ ничему, что говорилъ я
Объ этомъ странномъ привидѣньи.
Вотъ для чего я пригласилъ его сюда;
Пусть онъ, когда опять мертвецъ придетъ,
Увидитъ самъ и говоритъ съ нимъ.

ГОРАЦІО.

Вздоръ! не придетъ онъ!

БЕРНАРДО.

Сядемъ, и опять я разскажу,
Чтобы ты понялъ хорошенько, и повѣрилъ,
Что мы не бредимъ — видѣли два раза!

ГОРАЦІО.

Пожалуй, сядемъ — разскажи, Бернардо.

БЕРНАРДО.

Въ послѣднюю изъ этихъ ночь,
Когда вонъ та звѣзда, что тамъ восходитъ,
Стояла здѣсь, гдѣ и теперь, на этой части неба,
Я и Марцелло — полночь било....

(Бьетъ двѣнадцать часовъ.)

МАРЦЕЛЛО.

Тише, посмотри — вотъ онъ....

(Входитъ Тѣнь.)

БЕРНАРДО.

Онъ самъ — Король покойный нашъ!

МАРЦЕЛЛО.

Ты ученый, Горацiо — поговори съ нимъ.

БЕРНАРДО.

Смотри — ну, не похожъ ли онъ? Вглядись!

ГОРАЦІО.

Да, я дрожу отъ удивленія и страха!

БЕРНАРДО.

Поговори съ нимъ —

МАРЦЕЛЛО.

Говори, Горацiо!

ГОРАЦІО.

Кто бъ ни былъ ты, пришлецъ ночей,
Ты, въ гордой, величавой той осанкѣ,
Какою отличался нашъ Король покойный,
Ты, приходящій къ намъ,—тебя я заклинаю—говори.

МАРЦЕЛЛО.

Онъ оскорбился!

БЕРНАРДО.

Онъ уходитъ — смотри!

ГОРАЦІО.

Стой, говори, я заклинаю — стой и говори!

(Тѣнь уходитъ.)

МАРЦЕЛЛО.

Онъ ушелъ — онъ не хотѣлъ намъ отвѣчать!

БЕРНАРДО.

Что съ тобой, Горацiо? Дрожишь ты, блѣденъ —
Что, выдумка ли привидѣнье, или мечта?
Что скажешь ты?

ГОРАЦІО.

Я не повѣрилъ бы разсказу,
Когда бы въ собственныхъ моихъ глазахъ
Онъ не явился!

МАРЦЕЛЛО.

Но похожъ ли онъ на Короля?

ГОРАЦІО.

Какъ на себя походишь ты. Онъ такъ былъ грозенъ,
Когда въ доспѣхъ брановомъ, въ битвѣ, межъ врагами,
Водилъ къ побѣдѣ, царства покорялъ —
Непостижимо!

МАРЦЕЛЛО.

Вотъ уже вторично,
Съ такимъ же грознымъ видомъ онъ являлся намъ.

ГОРАЦІО.

Что это значитъ — я не постигаю —
Но — горе предвѣщаетъ намъ мертвецъ!

МАРЦЕЛЛО.

Да, не войну ли предвѣщаетъ онъ?
Скажи: къ чему вездѣ разставлены полки,
И пушки льютъ, готовятся запасы,
И корабли поспѣшно созидаютъ,
И день и ночь вездѣ работа?

ГОРАЦІО.

Слышно,
Что нашъ Король покойный — тѣнь его
Мы видѣли теперь — вы знать должны

Всѣ обстоятельства войны послѣдней,
Когда на гордый вызовъ Фортинбраса,
Норвежскаго властителя, отвѣтомъ
Былъ громъ оружія, и Фортинбрасъ
Палъ въ битвѣ. Предварительнымъ условьемъ было,
Что побѣдитель завладѣетъ царствомъ
Того, кто будетъ побѣжденъ, и нашъ Король
Послѣ побѣды взялъ Норвегію себѣ.
Теперь, какъ будто смертью Короля
На подвиги и битвы ободренный,
Сынъ Фортинбраса, юный Принцъ Норвежскій,
Толпу собралъ отважныхъ удальцовъ
И намъ грозитъ отмщеньемъ и войною.
Вотъ, говорятъ, причина, почему
Нашъ нынѣшній Король готовитъ войско
И поспѣшаетъ заготовить корабли.

БЕРНАРДО.

Вотъ это, вѣроятно, и причина,
Зачѣмъ изъ гроба грозный всталъ воитель:
Онъ предвѣщаетъ битвы и войну.

ГОРАЦІО.

Но зачѣмъ тревожитъ насъ явленьемъ?
Когда во славѣ былъ великій Римъ
И Цезарю готовилась кончина,
Ужасныя видѣнья возмущали міръ —
По городамъ бродили мертвецы,
Кометы съ пламеннымъ хвостомъ являлись,
Кровавый капалъ дождь, и тмилось солнце,
И звѣзды падали съ небесъ. Ужели
И въ наши дни подобныя явленья
Насъ возмутятъ, и, бѣдствія предвѣстья
Кровавыми дѣлами отзовутся?

(Тѣнь входитъ и идетъ медленно).

Онъ снова! Онъ идетъ! Пусть уничтожитъ
Онъ меня — я смѣло стану, я спрошу его!
Стой, привидѣнье! Если ты имѣешь голосъ,
Когда ты можешь говорить, то говори —
Скажи:
Иль страждущей душѣ твоей поможетъ
Благое дѣло — я готовъ исполнить.
Скажи:
Иль вѣдаешь отчизны гибель,
И упредить ее стремишься — говори,
О, говори!
И если ты сокровища зарылъ,
И бродишь стражемъ ихъ, пока отважный
Не сыщется и не откроетъ ихъ —
Скажи, скажи мнѣ, отвѣчай!
Марцелло!
Загороди ему дорогу!

МАРЦЕЛЛО.

Стой!

ГОРАЦІО.

Коли его, когда онъ отвѣчать не хочетъ!

БЕРНАРДО.

Стой, стой!

ГОРАЦІО.

Сюда, сюда!

МАРЦЕЛЛО.

Ушелъ!

(Тѣнь уходитъ.)

Мы оскорбили царственную тѣнь;
Его величественный прахъ смутился!
И что могли мы сдѣлать — невредимы!
Отъ нашихъ копьевъ и мечей онъ былъ!

ГОРАЦІО.

Да, оскорбили мы его безумствомъ!
Но, вотъ ужъ вѣетъ утренней прохладой
И небо заалѣло на востокѣ —
Друзья! на смѣну къ намъ идутъ.
Сюда, и посовѣтуемъ о томъ: не должно ль
Намъ все сказать Гамлету? Можетъ быть,
Онъ съ сыномъ станетъ говорить,
Ему откроетъ тайну появленья?
А между тѣмъ — храните тайну.
Пусть сокровеннымъ между нами будетъ
Явленье царственнаго мертвеца.

МАРЦЕЛЛО.

Согласны.
Мы тайну сохранимъ, но скажемъ
Объ ней Гамлету — пусть разсудитъ онъ,
Что дѣлать и что думать должно намъ.
Не медлите — я знаю, гдѣ его найдти,
И разсказать о томъ, что насъ тревожитъ.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

(Зала въ королевскомъ дворцѣ.)

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГАМЛЕТЪ, ПОЛОНІЙ, ЛАЕРТЪ, ВОЛТЕМАНДЪ, КОРНЕЛІЙ, придворные.

КОРОЛЬ.

Сколь намъ ни драгоцѣнна память брата,
Похищеннаго смертью, и прилично бъ было
Предаться скорби объ его потерѣ,
Но благо общее и мудрость ваша
Заставили насъ поступать иначе,
И скорбь и радость вмѣстѣ съединить.
Единымъ окомъ проливая слезы,
Другой къ веселью обратили мы:
Обрядъ печальный похоронъ едва свершился,
Какъ мы торжествовали новый бракъ
Съ женою брата, вашей Королевой,
Возлюбленной теперь супругой нашей,
И съ нею раздѣляемъ нашу власть
Надъ Датскою великою землею.
Вашъ мудрый мы исполнили совѣтъ —
Примите благодарность нашу и привѣтъ.
Къ другому обратимся мы предмету.
Извѣстно вамъ, что смѣлый Фортинбрасъ,
Не уважая силы нашей, можетъ быть,
Помысливъ, что кончина брата, Короля,
Дастъ ему права быть дерзкимъ,
Прислалъ посольство къ намъ, и смѣетъ
Обратно требовать отца наслѣдство,
Пріобрѣтенное войны закономъ. Мы
Собрали васъ и предлагаемъ вамъ,
Чтобъ объявить рѣшенье наше:
Писали мы къ Норвежскому владыкѣ,
Младаго Фортинбраса дядѣ, Королю,
И требовали, чтобы его племянъемъ были
Прекращены всѣ замыслы вражды
И всѣ приготовленья Фортинбраса.
Васъ избираемъ мы, Корнелій, Волтиманд:
Идите къ старому Норвежскому владыкѣ,
Привѣтствіе ему отъ насъ, и если мы

Вамъ не даемъ довѣренности нашей
Окончить дѣло, тѣмъ не меньше будемъ
Надѣяться на мудрость вашу въ дѣлѣ.
Идите, и поспѣшностью своей
Намъ докажите вѣрность вашу.

КОРНЕЛІЙ.

Смѣемъ
Увѣрить васъ, что долгъ исполнить мы
Приложимъ все старанье.

КОРОЛЬ.

Вѣримъ;
Идите, и сердечное желаніе успѣха
Сопровождаетъ васъ въ пути и въ дѣлѣ.

(Корнелій и Вольтимандъ уходятъ.)

Къ тебѣ мы обращаемъ рѣчь, Лаертъ.
Мы слышали, что у тебя есть просьба къ намъ.
Скажи, чего желаешь ты? Мы поспѣшимъ
Исполнить, доказать тебѣ желая,
Что такъ, какъ голова послушна сердцу,
И какъ рука служитъ готова рту,
Готовы мы исполнить всѣ желанья
Полонія сына, друга и слуги
Намъ вѣрнаго

ЛАЕРТЪ.

Позвольте, Государь,
Отправиться во Францію мнѣ снова;
Я поспѣшилъ сюда, желая доказать
Усердіе при вашемъ торжествѣ
Восшествія на отческій престолъ;
Теперь опять туда стремлюсь желаньемъ.

КОРОЛЬ.

Но позволяетъ ли Полоній, твой родитель?

ПОЛОНІЙ.

Онъ надоѣлъ мнѣ, Государь, и я охотно
Печать къ его прошенью приложилъ,
То есть, позволилъ; но безъ вашей воли
Ему не ѣхать.

КОРОЛЬ.

Если только воля
Моя потребна — я охотно позволяю:
Когда тебѣ угодно, можешь ѣхать,
Лаертъ. — Къ тебѣ теперь я обращаю рѣчь,
Мой братъ и мой любезный сынъ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ, въ сторону.

Немного больше брата, меньше сына —

КОРОЛЬ.

Зачѣмъ такія облака печали на лицѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Такъ близко къ солнцу радости — могу ли
Одѣть себя печали облаками, Государь!

КОРОЛЕВА.

Оставь печаль, нашъ добрый Гамлетъ; обрати
Взоръ дружескій на Короля; зачѣмъ
Ты взоры потупляешь въ землю, будто ищешь
Во прахѣ твоего покойнаго отца!
Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ — умирать.

ГАМЛЕТЪ.

Да, Королева, всѣмъ живущимъ умирать —
Таковъ нашъ жребій.

КОРОЛЕВА.

Если такъ,
Зачѣмъ же смерть отца тебя печалитъ,
Какъ будто тѣмъ законъ природы измѣненъ?
Такъ кажется, смотря на грусть твою.

ГАМЛЕТЪ.

Не кажется, но точно такъ я мыслю.
Ни черная одежда и ни вздохи,
Ни слезы и ни грусть, ни скорбь,
Ничто не выразитъ души смятенной чувствъ,
Какими горестно терзаюсь я — простите!

КОРОЛЬ.

Мы видимъ доброе въ твоей печали, Гамлетъ,
И нѣжное въ любви сыновней сердце;
Но время есть всему — печали время,
И безразсудство, грѣхъ великій даже,
Противъ судьбы роптанье, непокорство,
Хула противъ природы вѣчнаго закона,
Когда печаль мы продолжимъ, и будемъ
Вѣкъ плакать объ умершихъ. Отложи
Печаль свою. Во мнѣ отца ты видишь,
Наслѣдникъ нашъ и нѣжный сынъ. Увѣрься,
Что мы любовью замѣнимъ тебѣ потерю.
Но на желаніе отъѣзда въ чуждый край,
Для продолженія наукъ, мы несогласны;
Останься съ нами, будь утѣхой намъ,
Нашъ добрый братъ и сынъ нашъ добрый, Гамлетъ!

КОРОЛЕВА.

Не тщетны будутъ просьбы матери; надѣюсь,
Ты согласишься здѣсь остаться, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Во всемъ повиноваться вамъ — мой долгъ.

КОРОЛЬ.

Такой отвѣтъ мнѣ сердце веселитъ.
Будь равенъ намъ, развеселись, утѣшься!
Согласье Гамлета остаться съ нами
Наполнило мнѣ радостью всѣ чувства,
И я хочу, чтобы въ весельи сердца,
При порѣ вышѣшемъ, заздравный кубокъ
Пальбою пушечной сопровождаемъ былъ
За каждое здоровье. Громко будетъ
Возвѣщена утѣха наша свѣту,
И громъ земли подъ небесами грянетъ!
Пойдемте, Королева!

(Всѣ уходятъ.)

ГАМЛЕТЪ, одинъ.

Для чего
Ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ —
О для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!
И если бы Всесильный намъ не запретилъ
Самоубійства.... Боже мой, великій Боже!
Какъ гнусны, безполезны, какъ ничтожны
Дѣянья человѣка на землѣ!
Жизнь! что ты? Садъ заглохшій
Подъ дикими, безплодными травами....
Едва лишь шесть недѣль прошло, какъ нѣтъ его,
Его, властителя, героя — полубога
Предъ этимъ — повелителемъ ничтожнымъ,
Предъ этимъ мужемъ матери моей —
Его, любившаго ее любовью
Столь пламенною — небо и земля!
Могу ль забыть?.. Она, столь страстная супруга...
Одинъ лишь мѣсяцъ — я не смѣю мыслить....
О, женщины! ничтожество вамъ имя!

Какъ? Мѣсяцъ.... Башмаковъ она еще не износила,
Въ которыхъ шла за гробомъ мужа,
Какъ бѣдная вдова, въ слезахъ.... и вотъ — она,
Она.... О, Боже! звѣрь безъ разума и чувства
Грустилъ бы болѣе — она супруга дяди,
Который такъ походитъ на отца,
Великаго Гамлета, Короля, какъ я на Геркулеса —
И мѣсяцъ только! Слезъ ея коварныхъ
Слѣды не высохли — она жена другаго!
Проклятая поспѣшность! Провидѣнье
Такого брака не могло благословить —
Быть худу, быть бѣдамъ... Но, сокрушайся, сердце,
Когда языкъ мой говорить не смѣетъ!..

=

ГОРАЦІО, БЕРНАРДО, МАРЦЕЛЛО.

ГОРАЦІО.

Привѣтъ нашъ Принцу!

ГАМЛЕТЪ.

Радъ васъ видѣть, господа,
Но, что это? Не ошибаюсь ли? Горацію?

ГОРАЦІО.

Я самъ
Къ услугамъ вашимъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Къ чему тутъ Принца!
Добрый другъ — вотъ имя общее тебѣ и мнѣ.
Но что жъ — зачѣмъ вы здѣсь, Горацію, Марцелло?

МАРЦЕЛЛО.

Принцъ....

ГАМЛЕТЪ.

Радъ васъ видѣть — этому повѣрьте;
Но зачѣмъ вы бросили ученье, говорите?

ГОРАЦІО.

Отъ лѣности, мой добрый Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Неправда —
Этого и врагъ твой о тебѣ не скажетъ.
Я знаю, ты лѣниться не охотникъ, Горацію.
Нѣтъ! что нибудь другое васъ влекло сюда....
Или вы пьянствовать хотите научиться здѣсь —
Пожалуй! мы научимъ васъ — и скоро.

ГОРАЦІО.

Принцъ! я хотѣлъ отдать послѣдній долгъ: пріѣхалъ
На погребенье вашего отца.

ГАМЛЕТЪ.

Не смѣйся
Надо мной, товарищъ — говори: спѣшилъ пріѣхать
На свадьбу вашей матери.

ГОРАЦІО.

Да, правда, Принцъ,
Одно послѣ другаго не замедлило.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ что жъ?
Хозяйственное здѣсь распоряженье было:
Отъ похоронъ осталось много блюдъ,
Такъ ихъ на свадьбѣ поспѣшили съѣсть....
О если бъ въ адъ велѣли мнѣ идти,
Къ врагу лютѣйшему — легче бы мнѣ было,
Чѣмъ видѣть этотъ день проклятый!... Другъ!
Мнѣ кажется, еще отца я вижу....

ГОРАЦІО.

Гдѣ,
Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ очахъ души моей, Горацію!

ГОРАЦІО.

Я зналъ
Его, видалъ — Король великій былъ онъ.

ГАМЛЕТЪ.

Человѣкъ онъ былъ.... язъ всѣхъ людей,
Мнѣ не видать уже такого человѣка!

ГОРАЦІО.

Мнѣ кажется, его я видѣлъ въ эту ночь.

ГАМЛЕТЪ.

Видѣлъ? Кого?

ГОРАЦІО.

Мой Принцъ!
Я видѣлъ Короля, родителя Гамлетова.

ГАМЛЕТЪ.

Отца моего видѣлъ?

ГОРАЦІО.

Нетерпѣнье
Утишьте, Принцъ, и чудо разскажу я вамъ,
И вотъ они свидѣтелями будутъ.

ГАМЛЕТЪ.

О, ради Бога, говори.

ГОРАЦІО.

Вотъ, по двѣ ночи,
Бернардо и Марцеллъ, на стражѣ стоя,
Въ завѣтный часъ полуночи, видали: кто-то,
На вашего родителя похожій, съ ногъ до головы
Вооруженный, по три раза каждой ночью
Торжественно и тихо, величавый,
На разстояніи копья, не дальше,
Шелъ мимо ихъ. Они, въ испугѣ,
Облитые холоднымъ потомъ, рѣчь
Начать не смѣли, трепеща отъ страха.
Они открыли тайну мнѣ, и въ третью ночь
Я съ ними былъ на стражѣ. Въ часъ завѣтный,
И въ томъ же видѣ, какъ являлося прежде,
Явилось привидѣнье — я его узналъ —
То былъ родитель вашъ, и сходство
Разительное было между нимъ и тѣнью.

ГАМЛЕТЪ.

Гдѣ это было?

МАРЦЕЛЛО.

На террасѣ, гдѣ мы стражу держимъ.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ съ вами говорилъ?

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, Принцъ, ни слова.
Я рѣчь къ нему осмѣлился начать,
И онъ хотѣлъ какъ будто говорить,
Но утра часъ мгновенно наступилъ,
И смутное исчезло привидѣнье.

ГАМЛЕТЪ.

Странно.

ГОРАЦІО.

Но въ вѣрности разсказа я ручаюсь,
И долгомъ мы поставили донесть
Вамъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю, благодарю, друзья!
Но я встревоженъ вѣстью вашей..., Нынѣ
Вы будете ль на стражѣ?

ВСѢ.

Будемъ, Принцъ,

ГАМЛЕТЪ.

Вооруженные?

ВСѢ.

Да, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вполнѣ?

ВСѢ.

Отъ головы до ногъ.

ГАМЛЕТЪ.

Но видно ль было
Вамъ привидѣнія лицо?

ГОРАЦІО.

Наличникъ шлема
Былъ поднятъ, и мы видѣли его.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ былъ угрюмъ?

ГОРАЦІО.

Печаленъ больше, а не гнѣвенъ.

ГАМЛЕТЪ.

И блѣденъ?

ГОРАЦІО.

Страшно блѣденъ!

ГАМЛЕТЪ.

Пристально ль смотрѣлъ
На васъ онъ?

ГОРАЦІО.

Очень пристально.

ГАМЛЕТЪ.

Зачѣмъ
Я не былъ съ вами!

ГОРАЦІО.

Вы бъ изумились, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Да, да — но долго ль былъ онъ съ вами?

ГОРАЦІО.

Врядъ ли сотню
Успѣешь насчитать, считая тихо.

МАРЦЕЛЛО И БЕРНАРДО.

Дольше!

ГОРАЦІО.

По крайней мѣрѣ, въ этотъ разъ,
Когда я былъ — не дольше.

ГАМЛЕТЪ.

Въ эту ночь
На стражѣ съ вами самъ я стану. Можетъ быть,
Онъ вновь придетъ....

ГОРАЦІО.

Повѣрьте, Принцъ, придетъ.

ГАМЛЕТЪ.

И если я увижу образъ
Почтенный родителя, мнѣ драгоцѣнный видъ,
Я стану говорить съ нимъ — хоть бы адъ,
Развернувъ челюсти, мнѣ воспрещалъ! Прошу васъ,
Когда вы скрыли тайну привидѣнья,
Хранить ее, хранить свое молчанье,
И что бы ни случилось въ эту ночь —
Все видѣть — языку не вѣрить ничего.
Любовь моя васъ наградитъ. Простите.
Мы тамъ, на мѣстѣ, свидимся опять,
Между двѣнадцати часовъ и полуночи,
Мы свидимся.

ВСѢ.

Почтенье наше, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

И дружба вамъ моя. Прощайте!

(Они уходятъ.)

Тѣнь моего отца — въ оружіи — Бѣдами
Грозитъ она — открытіемъ злодѣйства....
О если бъ поскорѣе ночь настала!
До тѣхъ поръ — спи, моя душа!
Злодѣйство встанетъ на бѣду себѣ,
И если ты его землей закроешь цѣлой,
Оно стряхнетъ ее и явится на свѣтъ!

(Уходитъ.)

ЛАЕРТЪ И ОФЕЛІЯ, входятъ.

ЛАЕРТЪ.

Ужъ все мое на кораблѣ. — Прощай,
Сестра! попутный вѣтеръ вѣетъ,
И путь мой будетъ недалекъ. Смотри же,
Не полѣнись писать мнѣ!

ОФЕЛІЯ.

Буду.

ЛАЕРТЪ.

А о Гамлетѣ и его любви
Забудь. Повѣрь, что это все мечта,
Игрушка дѣтская, цвѣтокъ весенній,
Который пропадетъ, какъ тѣнь,
Не болѣе.

ОФЕЛІЯ.

Не болѣе?

ЛАЕРТЪ.

Повѣрь же брату.
Не спорю, что Гамлетъ, быть можетъ,
Одушевленъ къ тебѣ любовью чистой;
Но онъ не властенъ въ жребіи своемъ,
Онъ долженъ жертвовать собой отчизнѣ
И ты ему подругой быть не можешь.
Подумай: что жъ тебѣ въ его любовной пѣснѣ,
Въ мечтѣ опасной? Если чувство сердца
Ты дашь замѣтить Принцу, кто порука,
Что онъ не увлечетъ тебя въ погибель?
Свѣтъ такъ безсмысленъ, люди такъ коварны...
И если клевета найдетъ причину,
Злословіе тебя погубитъ. Вѣрь,
Что опасенье лучшая преграда
Отъ пылкой страсти и алорѣчья свѣта.

ОФЕЛІЯ.

Совѣтъ хорошъ, я вѣрю; но, любезный братъ,
Скажи: ты не походишь ли на тѣхъ,
Кто любитъ путь указывать къ добру,
А самъ идетъ дорогою окольной?

ЛАЕРТЪ.

Нѣтъ! вѣрь усердью брата и его любви!
Но вотъ идетъ отецъ нашъ. Мой родитель,
Мы съ вами ужъ простились, по случайно
Опять встрѣчаемся.

ПОЛОНІЙ.

Да, что жъ ты медлишь,
Способный вѣтеръ вѣтеръ — добрый путь!
Ну, кстати, я тебя еще благословлю,
И вновь тебѣ благіе дамъ совѣты,
Запечатлѣй ихъ въ памяти, Лаертъ:
«Не все то говори, что знаешь;
Подумай прежде, а потомъ исполни;
Будь ласковъ, но дружись подумавъ;
Съ кѣмъ подружился, вѣрнымъ другомъ будь,
Но всякому не довѣряйся въ дружбѣ;
Не ссорься, а поссорившись, будь твердъ;
Все слушай, да не все болтай, что слышишь;
Всѣхъ мнѣнія узнать старайся,
Но самъ соображай, что думать должно;
Не будь скупцомъ, но не мотай безъ толку;
По платью насъ встрѣчаютъ, потому
Въ одеждѣ не показывайся скрягой,
Но роскоши остерегайся также;
Самъ не проси въ займы и не давай другимъ:
Ссудить, занять — повѣрь, то и другое
Ведетъ къ разрыву дружбы. Вотъ
Что я хотѣлъ тебѣ сказать. Довольно!
Ну, Богъ тебя благослови, мой сынъ!

ЛАЕРТЪ.

Простите, мой почтеннѣйшій родитель!

ПОЛОНІЙ.

Тебя вѣдь ждутъ — что медлишь? Съ Богомъ!

ЛАЕРТЪ.

Прощай, Офелія, и помни мой совѣтъ.

ОФЕЛІЯ.

Я заперла его на сердцѣ — ключъ
Возьми съ собой, Лаертъ.

ЛАЕРТЪ.

Простите!

(Уходитъ.)

ПОЛОНІЙ.

Какой совѣтъ, Офелія? Что это значитъ?

ОФЕЛІЯ.

О Принцѣ Гамлетѣ онъ говорилъ.

ПОЛОНІЙ.

Да, кстати!
Вотъ слышалъ я, что будто Гамлетъ
Съ тобою ласковъ, и что будто ты сама
Съ нимъ что-то ласкова? Послушай:
Когда все это правда — знаешь —
Я, какъ отецъ и честный человѣкъ,
Скажу тебѣ.... Признайся откровенно,
Что поводъ подаетъ къ такимъ рѣчамъ?

ОФЕЛІЯ.

Не знаю, мой родитель. Принцъ
Мнѣ говорилъ, что онъ.... что онъ...
Ко мнѣ питаетъ чувство уваженья...

ПОЛОНІЙ.

Ужъ эти уваженья мнѣ.... И ты могла,
Какъ глупая дѣвчонка, вѣрить вздорамъ?

ОФЕЛІЯ.

Что думать мнѣ — сама не знаю я.

ПОЛОНІЙ.

Такъ я тебѣ скажу, что ты глупа
И за наличную берешь монету
Слова пустыя. Уваженье! Можетъ быть,
Ты уменьшаешь смыслъ.... Пожалуй —
Онъ скажетъ, что влюбленъ, что любитъ,
Что обожаетъ, что не можетъ жить!

ОФЕЛІЯ.

Онъ о любви мнѣ говорилъ, но такъ
Былъ нѣженъ, такъ почтителенъ и робокъ....

ПОЛОНІЙ.

Такъ что жъ еще? Да какъ же говорить?
Поди — ты безтолковая дѣвчонка!

ОФЕЛІЯ.

Онъ клялся мнѣ въ любви своей!

ПОЛОНІЙ.

Вотъ-на!
Ну, Гамлетъ ловко ловитъ дичь!
Положимъ, если онъ и точно любитъ,
И страстью увлеченъ къ тебѣ, мой другъ,
Такъ это просто — свѣтитъ, да не грѣетъ,
И не огонь, а молнія, и только.
Впередъ старайся съ нимъ не говорить,
А особливо о любви, и потихоньку.
Принцъ молодъ, и ему, какъ Принцу,
Простительно — тебѣ никакъ, Офелія!
И коротко, да ясно: ничему не вѣрь.
Знай: этотъ молодой народъ обманщикъ,
Прикинется такимъ, что будто чудо....
А въ самомъ дѣлѣ.... Ты не понимаешь,
Но я тебѣ однажды навсегда,
Ни говорить самой, ни слушать рѣчи Принца
Объ этакихъ вещахъ не позволю — слышишь?
Прошу припомнить и не забывать.

ОФЕЛІЯ.

Всегда
Повиноваться вамъ мой первый долгъ.

Картина 4-я

ЯВЛЕНІЕ III.

(Декорація перваго явленія.)

ГАМЛЕТЪ, ГОРАЦІО, МАРЦЕЛЛО.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ холодно! Какой же рѣзкій вѣтеръ!

ГОРАЦІО.

Да, холодно и вѣтръ пронзительный.

ГАМЛЕТЪ.

А часъ который?

ГОРАЦІО.

Полночь скоро.

МАРЦЕЛЛО.

Полночь было.

ГОРАЦІО.

А, такъ скоро часъ настанетъ,
Когда мертвецъ сюда приходитъ.

(Отдаленные звуки трубъ.)

Что это такое?

ГАМЛЕТЪ.

Что? Веселый пиръ
Великаго властителя, и каждый разъ,
Какъ онъ стаканъ вина подноситъ ко рту,
Звукъ трубный возвѣщаетъ свѣту подвигъ
Героя-Короля.

ГОРАЦІО.

Таковъ обычай.

ГАМЛЕТЪ.

И не спорю,
Да зачѣмъ не кинуть намъ такой дурной обычай?
Онъ сдѣлалъ насъ посмѣшищемъ другихъ.
Пусть онъ ошибка, пусть привычка будетъ,
Зачѣмъ безславить намъ себя,
И малое пятно не постараться смыть,
Чтобы оно намъ чести не губило?

ГОРАЦІО.

Смотрите, Принцъ — вотъ онъ идетъ!

(Входитъ Тѣнь.)

ГАМЛЕТЪ.

О защитите насъ, святые духи неба!
Тѣнь праведная, иль мертвецъ проклятый,
Несешь ли ты намъ счастье, или гибель,
Дыханье неба, или адскій смрадъ!
Ты намъ предсталъ въ такомъ великомъ видѣ —
Я долженъ говорить тебѣ — отвѣтствуй,
Гамлетъ, мой Король, отецъ мой!
Не дай погибнуть мнѣ въ незнаніи — скажи,
Зачѣмъ твои воздвиглись кости изъ гробницы?
Зачѣмъ ты разорвалъ гробовый саванъ?
Ты, трупъ безъ-жизни, вновь въ стальной бронѣ,
Здѣсь бродишь въ мѣсячномъ сіяньи,
Страшаешь насъ, безумцевъ, и тревожишь
Такими мыслями, что бѣдный разумъ
Невольникомъ становится безумства!
Зачѣмъ ты здѣсь? Скажи, что дѣлать намъ?

ГОРАЦІО

Принцъ! онъ васъ манитъ, онъ васъ зоветъ,
Какъ будто тайну хочетъ вамъ открыть
Наединѣ...

МАРЦЕЛЛО.

Смотри, какъ дружески и тихо
Онъ васъ зоветъ съ собой — но, ради Бога,
Принцъ! не ходите!

ГОРАЦІО.

Не ходите, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ здѣсь не говоритъ и я иду за нимъ!

ГОРАЦІО

Нѣтъ, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Чего бояться?
Мнѣ жизнь моя ничтожна, а душѣ
Что дѣлать можетъ онъ, душѣ безсмертной?
Смотрите — онъ зоветъ — иду, иду!

ГОРАЦІО.

А если онъ васъ заведетъ въ пучину моря,
Иль на скалу, что тамъ стоитъ
На берегу морскомъ, склонясь на волны,
И въ страшномъ видѣ тамъ предстанетъ онъ,
И разумъ вашъ безумствомъ замѣнитъ?
Ужасенъ видъ одинъ ревущихъ волнъ
Подъ дикою скалой утеса...

ГАМЛЕТЪ.

Снова манитъ онъ — иди, я слѣдую!

МАРЦЕЛЛО.

Вы не пойдете, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Прочь отъ меня!

ГОРАЦІО.

Опомнитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Судьба зоветъ меня,
И въ каждой жилѣ чувствую я крѣпость
Могучихъ львиныхъ силъ — онъ вновь зоветъ!
Прочь отъ меня, прочь — я клянусь вамъ небомъ,
Что будетъ мертвецомъ, кто смѣетъ
Остановить меня — клянусь — иди, я слѣдую!

(Онъ идетъ за Тѣнью.)

ГОРАЦІО.

Онъ помѣшался, обезумѣлъ онъ!

МАРЦЕЛЛО.

Пойдемъ за нимъ — намъ долгъ велитъ идти!

ГОРАЦІО.

Пойдемъ! Но что послѣдуетъ за тѣмъ!

МАРЦЕЛЛО.

Я бѣдствія отечества предвижу!

ГОРАЦІО.

Да сохранитъ насъ небо!

МАРЦЕЛЛО.

Поспѣшимъ!

(Они уходятъ.)

ТѢНЬ, ГАМЛЕТЪ, слѣдуетъ за нею.

ГАМЛЕТЪ.

Куда ведешь ты? Говори! Я далѣе нейду!

ТѢНЬ.

Внимай мнѣ!

ГАМЛЕТЪ.

Говори!

ТѢНЬ.

Ужь скоро часъ ударитъ,
Когда мнѣ должно возвратиться въ тѣ мѣста,
При имени которыхъ грѣшникъ содрогнется.

ГАМЛЕТЪ.

Увы, отецъ мой!

ТѢНЬ

Не жалѣй о мнѣ — внимай, что буду
Я говорить — внимай!

ГАМЛЕТЪ.

Вниманье долгъ мой.

ТѢНЬ.

И мщенье за меня твой неизмѣнный долгъ!

ГАМЛЕТЪ.

Что слышу!

ТѢНЬ.

Голосъ твоего отца,
Сужденнаго бродить во тмѣ ночей,
И мучиться, пока грѣхи мои сгорятъ
Средь пламени терзаній адскихъ.
О если бъ могъ я разсказать тебѣ —
Отъ одного бы слова кровь застыла,
И очи выпали бы со слезами,
И каждый волосъ на главѣ твоей сталъ дыбомъ!
Но вѣчное молчанье печатлѣетъ мнѣ уста...
Внимай, внимай, внимай! Любилъ ты меня?

ГАМЛЕТЪ.

О небо!

ТѢНЬ.

Отмсти же смерть мою, убійство!

ГАМЛЕТЪ.

Какъ? Убійство!

ТѢНЬ.

Да, безчеловѣчное, свирѣпое убійство,
Злодѣйство, безъ числа, и мѣры, и предѣловъ!

ГАМЛЕТЪ.

Скажи мнѣ — будто мысль, иль помыслы любви,
Я полечу къ отмщенью!

ТѢНЬ.

Ты готовъ,
И если бъ ты подобенъ былъ травѣ изгнившей,
Ты долженъ быть готовъ. Внимай мнѣ, Гамлетъ!
Распространился слухъ, что сонный я
Ужаленъ былъ змѣею ядовитой.
Такъ говорили, но узнай, мой юный сынъ:
Что змій, ужалившій меня и погубившій,
Теперь вѣнецъ мой носитъ!

ГАМЛЕТЪ.

Дядя мой!
О ты, души моей предчувствіе, сбылось!

ТѢНЬ.

Чудовище разврата и порока,
Волшебствомъ разума и лестью нѣги
Умѣлъ прельстить мою супругу, Королеву,
О Гамлетъ! понялъ ли позоръ и стыдъ мой?
Она повергласъ въ пропасти разврата
И обольститель восторжествовалъ!
Но, слышу, вѣетъ утренней прохладой —
Мнѣ должно сократить разсказъ — въ саду
Я отдыхалъ, и съ чашей яду подкрался онъ
И сонному мнѣ ухо влилъ ужасный ядъ,
Ядъ, отъ котораго кровь стынетъ
И тѣло падаетъ согнившимъ трупомъ.
И въ мигъ одинъ, рукою брата,
Я былъ лишенъ супруги, и вѣнца и жизни,
Погибъ во тмѣ грѣха, безъ покаянья.
О, ужасъ, ужасъ, ужасъ! Забудь природы голосъ,
Избавь позора честь мою и тронъ.
Страшись вознесть на матерь руку,
Оставь ее терзаньямъ горести и скорби,
Отмсти убійцѣ!... Червь свѣтящій меркнетъ
И утра часъ мнѣ тяжкій возвѣщаетъ —
Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!

(Исчезаетъ.)

ГАМЛЕТЪ, одинъ.

О небо! и земля! и что еще?
Или и самый адъ призвать я долженъ!
Не бейся, сердце! не старѣй, тѣло!
И укрѣпитесь въ новыхъ силахъ!
Помнить о тебѣ.... Отецъ несчастный!
Я буду помнить, пока память будетъ!
Помнить о тебѣ... Да, и я изгоняю
Изъ памяти моей все, что я помнилъ,
Всѣ мысли, чувства, всѣ мечты, всю жизнь,
И запишу на ней твои слова,
Твои велѣнья, и ничто во вѣки
Не съединится съ ними! Небо и земля!
О мать моя! чудовище порока....
Гдѣ мои замѣтки? Я запишу на нихъ:
«Улыбка и злодѣйство вмѣстѣ могутъ быть.»
И что еще? Я запишу его слова:
«Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!»
Клянусь: я помню!

ГОРАЦІО, за сценою.

Принцъ, Принцъ!

МАРЦЕЛЛО, за сценою.

Принцъ Гамлетъ!

ГОРАЦІО, за сценою.

Сохрани васъ небо!

ГАМЛЕТЪ.

Да, я помню

МАРЦЕЛЛО.

Принцъ! гдѣ, гдѣ вы?

ГАМЛЕТЪ.

Здѣсь, малютка! Сюда сюда, я здѣсь!

=

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

МАРЦЕЛЛО.

Что съ вами, Принцъ?

ГОРАЦІО.

Что новаго?

ГАМЛЕТЪ.

О! чудеса!

ГОРАЦІО.

Скажите, Принцъ, скажите!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ!
Ты всѣмъ разскажешь.

ГОРАЦІО.

Нѣтъ! Клянемся!

ГАМЛЕТЪ.

Что говоришь ты: я повѣрю людямъ?
Ты все откроешь!

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

Нѣтъ! Клянемся небомъ!

ГАМЛЕТЪ.

Такъ знайте жъ: въ Даніи бездѣльникъ каждый
Есть въ то же время плутъ негодный. Да!

ГОРАЦІО.

Чтобъ эту новость разсказать,
Не стопло вставать изъ гроба,...

ГАМЛЕТЪ.

Истинная правда, и потому что правда, поскорѣе
Давайте руки и разстанемся друзьями.
Идите вы, куда влекутъ желанья и дѣла —
У всякаго есть дѣло, есть желанье —
А я пойду, куда велитъ мой жалкій жребій.
Пойду — молиться....

ГОРАЦІО.

Принцъ! что за слова
Разстройства и смущенья!

ГАМЛЕТЪ.

Жаль мнѣ, очень жаль,
Что оскорбляю васъ словами — право, жаль.

ГОРАЦІО.

Тутъ оскорбленья нѣтъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, есть, Горацію,
И оскорбленіе большое! А объ этой тѣни,
Я самъ скажу, что тѣнь почтенная, поэрьте.
О томъ же, что желали бы вы знать,
Что между нами было — постарайтесь,
Какъ можно укротить желанье ваше.
Теперь, друзья мои, товарищи, позвольте
Къ вамъ маленькую просьбу.

ГОРАЦІО.

Говорите, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Ни слова, никому, что было въ эту ночь!

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

Принцъ! никому.

ГАМЛЕТЪ

Клянитесь!

ГОРАЦІО.

За себя,
Клянусь!

МАРЦЕЛЛО.

Я за себя, клянусь!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! клятву на мечѣ моемъ!

МАРЦЕЛЛО.

Мы вамъ клялись.

ГАМЛЕТЪ.

Что нужды! На мечѣ!

ТѢНЬ, подъ землю.

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

А! онъ здѣсь, пріятель, здѣсь — что жъ выходи!
Вы слышали его: «Клянитесь!»

ГОРАЦІО.

Повторяемъ клятву!

ГАМЛЕТЪ.

Чтобъ никогда не говорить, что было здѣсь —
Мечемъ моимъ, мечемъ клянетесь ли?

ТѢНЬ, подъ землею.

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ здѣсь и тамъ! Мы перемѣнимъ мѣсто.
Сюда, друзья!
Кладите руки ваши здѣсь, на мечъ мой,
Мечемъ моимъ клянитесь,
Чтобъ никогда не говорить, что было здѣсь!

ТѢНЬ, подъ землею.

Мечемъ его клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо, подземный кротъ! ты роешь славно,
И подъ землею такъ и бѣгаешь! Сюда,
Подальше отъ него, друзья! Сюда,

ГОРАЦІО.

Клянусь — невѣдомое чудо совершилось!

ГАМЛЕТЪ.

И постарайтесь, чтобъ оно невѣдомо осталось.
Горацію, есть многое и на землѣ и въ небѣ,
О чемъ мечтать не смѣетъ наша мудрость.
Къ дѣлу!
И здѣсь, и тамъ, всегда, да будетъ Богъ свидѣтель,
Какъ странны ни казались бы мои поступки,
Быть можетъ, вздумается мнѣ, съ чего нибудь,
Прикинуться безумцемъ —
Вы, что бъ ни дѣлалъ я, вы никогда
Не сложите вотъ этакъ рукъ, и головою
Не покачаете вотъ такъ, и слова
Двусмысленнаго не произнесете — напримѣръ:
«Да, да, мы знаемъ,» или «мы могли бъ, когда бъ хотѣли,»
Иль — «если бъ говорить,» иль — «можно бы узнать....»
Словомъ — ни одно и ни какое слово,
И никакой намекъ, что вамъ извѣстно что нибудь. —
Клянитесь мнѣ — и сохрани васъ Боже
Нарушить клятву мнѣ!

ТѢНЬ, подъ землею.

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

О успокойся, страждущая тѣнь! — Друзья,
Со всей любовью остаюсь я къ вамъ,
И какъ Гамлетъ ни бѣденъ жребіемъ своимъ,
Онъ дружбу и любовь свою докажетъ вамъ,
При Божьей помощи. Пойдемте вмѣстѣ
И палецъ на губы и навсегда, прошу васъ.
Событіе внѣ всякаго другаго! Преступленье
Проклятое! зачѣмъ рожденъ я наказать тебя!
Но — въ путь, друзья мои! Пойдемте вмѣстѣ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Королевскій дворецъ.)

ПОЛОНІЙ И РЕЙНОЛЬДО.

ПОЛОНІЙ.

Ну, понялъ ли? Вотъ деньги и бумаги.

РЕЙНОЛЬДО.

Исполню твой приказъ.

ПОЛОНІЙ.

Но, прежде,
Какъ говорилъ я, подъ рукой развѣдать
Ты долженъ обо всемъ — ну, понимаешь?

РЕЙНОЛЬДО.

Да.

ПОЛОНІЙ.

Люблю какъ понимаютъ. Вотъ и начни,
Издалека: кто земляки твои,
Какъ поживаютъ и что дѣлаютъ въ Парижѣ,
Гдѣ кто живетъ, съ кѣмъ водится,
А тамъ, какъ будто ненарочно,
И объ Лаертѣ, но искусно, поведешь ты слово.
Сперва скажи, что ты его не знаешь вовсе,
Или вотъ такъ: «Отца его я знаю,
Такъ, немного, и родню немного» — понимаешь?

РЕЙНОЛЬДО.

Да.

ПОЛОНІЙ.

«Ну, и его немного», а потомъ:
«Не тотъ ли это шалунъ, такой, слякой» —
И можешь многое сказать — лишь не дурное,
Боже сохрани — нѣтъ, нѣтъ, а знаешь,
Всякій вздоръ, что молодежи не грѣшно
И извинительно... Вотъ, вотъ...

РЕЙНОЛЬДО.

Ну, карты, напримѣръ?

ПОЛОНІЙ.

Пожалуй — карты, вино, драчливость, ссоры,
Волокитство...

РЕЙНОЛЬДО.

Да не пороки ль это?

ПОЛОНІЙ.

Пороки! Все зависитъ отъ того,
Какъ станешь говорить. Не называя прямо,
Что онъ игрокъ, буянъ, представь его
На волѣ юношей, съ горячей кровью
И съ вольной головой... Тутъ надо, такъ, искусно...
Ужли не понимаешь?

РЕЙНОЛЬДО.

Но, къ чему же это?

ПОЛОНІЙ.

То есть, къ чему все это поведетъ?

РЕЙНОЛЬДО.

Да, я хотѣлъ бы
Знать ваши мысли.

ПОЛОНІЙ.

А вотъ видишь
Какой тутъ планъ — онъ, кажется, не дуренъ,
Хитеръ довольно. Когда ты набросаешь
Твои намѣки, примѣчай прилежно,
Что скажетъ съ кѣмъ ты говоришь.
Будь увѣренъ, если только мало-мало
Есть основаніе всему, что ты сказалъ,
Твой собесѣдникъ такъ заговоритъ:
«Да, милостивый государь», или «Да, другъ», или
«Да, господинъ честной...» то есть, смотря,
Какъ говорится тамъ у нихъ...

РЕЙНОЛЬДО.

Положимъ,
Что говорится какъ нибудь — онъ скажетъ....

ПОЛОНІЙ.

Да, онъ скажетъ.... скажетъ.... Что бишь,
О чемъ шла рѣчь? Ты съ толку сбилъ меня!
Я что-то говорилъ....

РЕЙНОЛЬДО.

Да, «Онъ заговоритъ,»
Сказали вы....

ПОЛОНІЙ.

Ну, да! вотъ онъ заговоритъ:»
«Я видѣлъ точно, этотъ господинъ
Вчера былъ тамъ, сегодня былъ онъ здѣсь;
Онъ здѣсь былъ хмѣленъ — тамъ онъ проигрался —
Тамъ онъ подрался—тамъ онъ былъ»... Ты видишь,
Что твой намѣкъ былъ удочкой, и ты
Успѣешь правду поймать на эту уду.
Такъ, милый мой, мудрецъ и ловкій человѣкъ
Сторонкой, да обходомъ, да уловкой,
Идти умѣетъ прямо къ вѣрной цѣли,
И такъ поступишь ты и въ этомъ дѣлѣ,
И правду мнѣ развѣдаешь о сынѣ.
Понятно ли?

РЕЙНОЛЬДО.

Понятно.

ПОЛОНІЙ.

Хорошо!
Путь добрый, отправляйся съ Богомъ въ путь.

РЕЙНОЛЬДО.

Прощенья просимъ.

ПОЛОНІЙ.

Между тѣмъ ты не забудешь
И самъ замѣтить?

РЕЙНОЛЬДО.

Да, конечно.

ПОЛОНІЙ.

Между тѣмъ
Ему замѣтить не давай!

РЕЙНОЛЬДО.

Мое почтенье!

(Уходитъ.)

ПОЛОНІЙ.

Съ Богомъ!

(Входитъ Офелія.)

Ну! что, Офелія, что новаго?

ОФЕЛІЯ.

Ахъ! Боже мой! я вся дрожу отъ страха!

ПОЛОНІЙ.

Что, что такое сдѣлалось? Скажи скорѣе!

ОФЕЛІЯ.

Я въ комнатѣ своей сидѣла за шитьемъ,
Принцъ Гамлетъ вдругъ вошелъ ко мнѣ,
Безъ шляпы, весь растрепанъ, блѣденъ,
Дрожитъ, и видъ его былъ такъ ужасенъ,
Какъ будто адскую узналъ онъ тайну....

ПОЛОНІЙ.

Рехнулся отъ любви къ тебѣ!

ОФЕЛІЯ.

Не знаю,
Но, кажется, онъ помѣшался.

ПОЛОНІЙ.

Что такое
Онъ говорилъ?

ОФЕЛІЯ.

Онъ за руку схватилъ меня,
И крѣпко руку мнѣ пожалъ; другой рукою
Закрылъ глаза, вотъ такъ — и долго
Смотрѣлъ въ лицо мнѣ, и потомъ вздохнулъ,
Такъ тяжко, будто съ этимъ вздохомъ
Душа его хотѣла улетѣть. Потомъ
Онъ покачалъ три раза головой,
И вонъ пошелъ, но не спуская глазъ съ меня,
Не думая, куда идетъ....

ПОЛОНІЙ.

Довольно!
Скорѣе къ Королю. Безумство это
Любовное безумство — понимаю!
Любовь всего скорѣй съ ума насъ сводитъ.
Жаль, очень жаль мнѣ Принца! Вѣрно,
Ты грубо отвѣчала на его любовь?

ОФЕЛІЯ

Нѣтъ, только слѣдуя приказу,
Я писемъ отъ него не принимала больше,
И запретила видѣться со мною.

ПОЛОНІЙ.

Вотъ онъ и одурѣлъ отъ этого! Какъ жаль,
Что поступилъ я слишкомъ скоро, строго;
Да вѣдь я думалъ, что онъ шутитъ! Могъ ли
Предвидѣть слѣдствія — поторопился — глупо!
Все недовѣрчивость проклятая причиной —
Мы старики упрямы. Поспѣшимъ.
Скорѣе къ Королю и все разскажемъ.
Его не столько оскорбитъ любовь Гамлета,
Какъ то, когда мы истины не скажемъ.

(Уходитъ.)

=

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ, ПРИДВОРНЫЕ.

КОРОЛЬ.

Добро пожаловать, любезный Розенкранцъ
И Гильденштернъ. Мы рады видѣть васъ,
И кромѣ этого желанья, поспѣшили,
Послать за вами потому, что мы
Надѣемся отъ васъ услуги важной.
Вы слышали о перемѣнѣ этой,
Какую въ Гамлетѣ всѣ видятъ нынѣ?
Говорю: «о перемѣнѣ,» потому что онъ
Самъ на себя сталъ не похожъ.
Отца ли смерть причиною тому?
Не понимаю, и обоихъ васъ прошу,
Васъ, какъ товарищей его, друзей,
Остаться съ нами, постараться какъ нибудь
Развлечь Гамлета; между тѣмъ прилежно
Наблюдать и разгадать причину перемѣны
Въ его характерѣ, умѣ, поступкахъ.
Узнавши чѣмъ онъ болепъ, намъ легко
Сыскать лекарство.

КОРОЛЕВА.

Онъ всегда объ васъ
Такъ говорилъ, какъ о друзьяхъ своихъ,
И если вы остаться съ нами согласитесь
На время, намъ помочь въ несчастіи нашемъ,
Повѣрьте, что наградой вашей будетъ
Моя и Короля признательность.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Не смѣемъ,
Королева, мы преслушать васъ —
Вы не просить — приказывать извольте!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы оба счастіемъ почтемъ услугу,
И вашей королевской власти предаемъ
Всѣ наши средства, силы и желанья.

КОРОЛЬ.

Благодаримъ васъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ!

КОРОЛЕВА.

И я благодарю васъ, и прошу скорѣе
Идти къ несчастному Гамлету. Кто нибудь
Изъ васъ проводитъ ихъ туда, гдѣ онъ теперь.

КОРОЛЬ.

И дай Богъ, чтобы это въ пользу послужило,
И намъ и вамъ.

КОРОЛЕВА.

Ахъ! дай Богъ, дай Богъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ, въ сопровожденіи одного изъ придворныхъ.)

ПОЛОНІЙ.

Послы, которыхъ вы въ Норвегію послали,
Пріѣхали, и — съ добрыми вѣстями!

КОРОЛЬ.

Ты былъ всегда отцомъ вѣстей пріятныхъ.

ПОЛОНІЙ.

Вы думаете такъ. Король? Повѣрьте,
Всемилостивѣйшій властитель мой, что я
Вамъ, послѣ Бога, вамъ все посвящаю,
И душу, и мои способности, и если
На сей разъ мнѣ догадка не измѣнитъ,

Какъ прежде мнѣ не измѣнила — и
Сыскалъ причину Принцева разстройства.

КОРОЛЬ.

Такъ говори же поскорѣе, говори!

ПОЛОНІЙ.

Угодно ль вамъ сперваословъ увидѣть;
А важное открытіе мое
Пусть будетъ вамъ закуской послѣ нихъ.

КОРОЛЬ.

Введи ихъ поскорѣе къ намъ, сюда.

(Полоній уходитъ.)

Онъ говоритъ, Гертруда, что нашелъ
Причину помѣшательства Гамлета.

КОРОЛЕВА.

Какой причинѣ быть иной,
Какъ смерть отца и нашъ поспѣшный бракъ!

КОРОЛЬ.

Мы всѣ узнаемъ.

(Къ Волтиманду и Корнелію, которыхъ вводитъ Полоній),

Нашъ привѣтъ вамъ, господа!
Что, Волтиманъ, вы привезли
Отъ брата нашего, Норвежскаго владыки?

ВОЛТИМАНДЪ.

Возвратъ привѣтствій дружбы и союза.
Едва мы прибыли въ Норвегію, не медля
Онъ прекратилъ всѣ замыслы вражды,
Какіе составилъ его племянникъ:
Онъ увѣрялъ, что будто противъ Польши
Сбираетъ войско и грозитъ войною.
По замыслъ тайный мы открыли Королю;
Онъ оскорбился, что племянникъ смѣлъ
Во зло употребить его терпѣнье;
Онъ строго говорилъ съ нимъ, и послушный
Велѣнью дяди, юный Фортинбрасъ
Далъ клятву сохранить къ вамъ миръ и дружбу;
За то Король ему позволилъ согласился
Отправиться на битву съ Польшей, войско,
Имъ собранное, въ Польшу повести.
Вотъ грамота, гдѣ онъ проситъ васъ смѣетъ,
Чтобъ вы позволили чрезъ Датскія владѣнія
Племяннику его пройдти на Польшу:
Онъ вамъ ручается за безопасность вашу,
И объясняетъ всѣ условія, какія
Почелъ онъ важными, при вашей волѣ,
На просьбу Фортинбраса соглашаясь.

КОРОЛЬ.

Пріятно намъ все это слышать, и отвѣтомъ,
По здравомъ размышленьи, доказать,
Что дружбу Короля вводитъ мы цѣнимъ.
Благодаримъ васъ за труды. Идите
Спокойно отдохнуть, и въ этотъ вечеръ
Мы просимъ васъ веселье раздѣлить.

(Волтиманъ и Гильденштернъ уходятъ.)

ПОЛОНІЙ.

Ну! это кончено прекрасно, хорошо.
Король и Королева! говорить о томъ,
Что есть величество, что преданность,
Что день есть день, что ночь есть ночь, и время — время,
Все это значитъ потерять и день, и ночь, и время.
И такъ, какъ краткость есть душа ума,
А многословіе его одежда, тѣло —
Я буду кратокъ. Сынъ вашъ сумасшедшій,
Онъ то есть то, что говорится — сумасшедшій,
Но это въ сторону —

КОРОЛЕВА.

Да, меньше словъ и больше толку.

ПОЛОНІЙ.

Королева! я клянусь, что мыслю лишь объ этомъ!
Онъ сумасшедшій — правда; жаль,
А потому и жаль, что правда — глупая фигура,
Да Богъ съ ней, потому, что дѣло въ дѣлѣ!
Онъ сумасшедшій — мы согласны — вотъ и остается
Найдти причину таковыхъ послѣдствій,
Иль лучше таковыхъ безслѣдствій,
Ибо слѣдствіе есть то, что слѣдъ пропалъ отъ дѣла.
Такъ, кончено, и такъ подъидемъ къ концу —
Вниманія, Король и Королева!
Я дочь имѣю, ибо эта дочь моя,
Которая, изъ послушанія и долга, мнѣ
Передала бумагу, и — прошу послушать:

«*Небесной, идолу души моей, прекраснѣйшей Офеліи.*

«Прекраснѣйшей!» — пустая, вздорная фраза, но извольте выслушать. И такъ:

«*На близкѣ твоей прелестной груди,*» и прочее...

КОРОЛЕВА.

И это Гамлетъ написалъ къ ней?

ПОЛОНІЙ.

Вниманья, Государыня, покажетъ дѣло.

Сомнѣвайся, что огонь въ звѣздахъ пылаетъ,
Сомнѣвайся въ солнечномъ движеньи,
Въ томъ, что правда въ истинѣ бываетъ,
Но въ любви моей отбрось сомнѣнье.

«Милая Офелія! эти строчки умножили мою грусть. Я не умѣю красиво пересказать мои вздохи, но я люблю тебя, очень люблю. Прости. Твой навсегда, обожаемая дѣва, пока духъ мой держится въ тѣлѣ —

Гамлетъ.

Мнѣ повинуясь, дочь мнѣ это показала;
Пересказала все, что говорилъ онъ ей,
Манеръ рѣчей, и мѣсто, время —
Все мнѣ объяснила.

КОРОЛЬ.

Но любовь Гамлета
Какъ принята?

ПОЛОНІЙ.

А чѣмъ вы почитаете меня?

КОРОЛЬ.

Почтеннымъ, вѣрнымъ человѣкомъ.

ПОЛОНІЙ.

Я это докажу. Но что бъ могли вы думать,
Когда бъ любовь я ту приялъ
(Я предугадывалъ ее и прежде
Рѣчей дочернихъ), что бъ могли вы думать,

Король, и вы, владычица моя и Королева,
Когда бы дѣло это я оставилъ
Такъ, какъ вещь ничтожную, пустую,
Или хладнокровно слушалъ я объ этомъ —
Что бъ могли вы думать? Нѣтъ! я прямо,
Вотъ этакъ началъ дочери мои слова:
«Принцъ Гамлетъ не тебѣ чета,
И это вздоръ.» и далъ ей наставленье
Не подавать его любви потворства,
Не брать подарковъ, письма отсылать.
Она исполнила все свято, и — плоды
Ея поступковъ были (сокращаю рѣчь)...
Онъ былъ отверженъ, сдѣлался печаленъ,
Потомъ сталъ мучиться, не спать, слабѣть,
Дурѣть, шалѣть, и, наконецъ съ ума сошелъ,
И всѣхъ насъ опечалилъ.

КОРОЛЬ.

Неужели точно?

КОРОЛЕВА.

Да, это можетъ быть легко.

ПОЛОНІЙ.

Да было ли хоть разъ — прошу васъ уличить —
Когда бы я сказалъ, что это *такъ*,
А вышло — *нѣтъ*?

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, сколько я припомню.

ПОЛОНІЙ, указывая на голову и плечи.

Снимите же съ меня вотъ это, если
И теперь не такъ. И только бы немного
Вы помогли, я истину найду,
Хоть въ землю закопайте!

КОРОЛЬ.

Но какія жъ средства?

ПОЛОНІЙ.

Вы знаете, что иногда часа четыре
Онъ здѣсь гуляетъ въ галлереѣ —.

КОРОЛЕВА.

Точно такъ.

ПОЛОНІЙ.

Вотъ въ это время я дочь и выпущу.
Мы спрячемся затѣсь, за коврами,
Подслушаемъ, и если онъ ее не любитъ,
И если не она его ума лишила —
Не будь я больше тайный вашъ совѣтникъ.
Пусть буду конюхъ, скотопасъ...

КОРОЛЬ.

Что жъ? я согласенъ.

(Гамлетъ входитъ, читая).

КОРОЛЕВА.

Посмотрите: вотъ онъ идетъ, читаетъ что-то — какъ унылъ!

ПОЛОНІЙ.

Такъ удалитесь же скорѣе, оба — я начну
Мои затѣи — о позвольте только...

(Король и Королева уходятъ.)

ПОЛОНІЙ.

Какъ поживаете, любезный Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Слава Богу! хорошо.

ПОЛОНІЙ.

Да знаете ли вы меня, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Очень знаю: ты рыбакъ.

ПОЛОНІЙ.

Нѣтъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, если не такъ, то я желаю, чтобъ ты былъ такъ же честенъ.

ПОЛОНІЙ.

Такъ же честенъ, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, быть честнымъ на этомъ свѣтѣ, значитъ быть выбраннымъ изъ десяти тысячъ.

ПОЛОНІЙ.

Точная правда, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И если самое солнце зараждаетъ червей въ дохлой собакѣ... Да, есть ли у тебя дочь?

ПОЛОНІЙ.

Есть, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не вели ей ходить на солнцѣ, потому что хоть плодородіе значитъ благословеніе, но если это коснется твоей дочери — береги ее, пріятель!

ПОЛОНІЙ.

Что вы хотите сказать, Принцъ! (*Въ сторону.*) А все о моей дочери! Сначала онъ не узналъ меня — сказалъ, что я рыбакъ. Такая дичь! Въ молодости я самъ влюблялся на-смерть, почти былъ такимъ же дуракомъ. Поговоримъ еще. (*Громко.*) Что вы читаете, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Слова, слова, слова!

ПОЛОНІЙ.

Да въ чемъ состоитъ дѣло, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Тутъ нѣтъ дѣла.

ПОЛОНІЙ.

Я говорю, то есть, въ чёмъ дѣло въ словахъ этой книги?

ГАМЛЕТЪ.

Клеветы! Проклятый насмѣшникъ сочинитель говоритъ, что у стариковъ волосы сѣдые, а лицо въ морщинахъ, глаза худо видятъ, а въ головѣ столько же безсилія, сколько и въ ногахъ. Все это правда, да писать этого не надобно, потому что, посуди самъ: ты можешь сдѣлаться такимъ-же старикомъ, какъ я теперь, если по раковому манеру станешь пятиться задомъ на пути жизни.

ПОЛОНІЙ, въ сторону.

Глупыя рѣчи, но въ нихъ есть что то методическое. (*Въ слухъ*) Не пойдете ли куда нибудь прогуляться, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Куда? Въ могилу?

ПОЛОНІЙ.

Ну, это уже будетъ въ самомъ дѣлѣ прогулка. (*Въ сторону.*) Какъ онъ ловко перебиваетъ рѣчь! Сумасшедшіе иногда наудачу говорятъ такъ ловко, что и умный не придумаетъ. Оставимъ его и пойдемъ уладить встрѣчу его съ моею дочерью. (*Въ слухъ.*) Свѣтлѣйшій Принцъ! позвольте взять смѣлость проститься въ вами.

ГАМЛЕТЪ.

Изъ всего, что вы можете взять у меня, ничего не уступлю я вамъ такъ охотно, какъ жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою!

ПОЛОНІЙ.

Прощайте, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Старый, глупый болтунъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ.)

ПОЛОНІЙ.

Вамъ угодно видѣть Принца? Вотъ онъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Благодаримъ.

(Полоній уходитъ.)

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Почтеннѣйшій...

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Любезнѣйшій...

ГАМЛЕТЪ.

Милѣйшіе друзья! Каковъ ты, Гильденштернъ? Что, милый Розенкранцъ? Ну, какъ васъ Богъ милуетъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Что намъ дѣлается, Принцъ, ничтожнымъ людямъ!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Счастливымъ ужъ и потому, что мы не думаемъ о большомъ счастіи.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ, что если счастье даетъ вамъ щелчки, и то ладно?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Ну, это несовсѣмъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ вы добиваетесь средины вещей? И очень хорошо, но Фортуна баба негодная — да, что новаго, господа?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Ничего, кромѣ того, Принцъ, что свѣтъ становится лучше.

ГАМЛЕТЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Да что же онъ, развѣ съ ума сошелъ? Кстати, скажите: чѣмъ вы досадили Фортунѣ, что она отправила васъ въ тюрьму?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Въ тюрьму, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да. Вѣдь Данія тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Стало быть, и цѣлый свѣтъ тюрьма?

ГАМЛЕТЪ.

Разумѣется, свѣтъ просто тюрьма, съ разными перегородками и отдѣленіями. Данія самое гадкое отдѣленіе

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Съ этимъ трудно согласиться, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Можетъ быть, для васъ не такъ; всякій думаетъ добро и худо по своему; по моему— свѣтъ тюрьма!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Можетъ быть, свѣтъ тѣсенъ для великой души вашей, и потому кажется тюрьмою.

ГАМЛЕТЪ.

О Боже мой! моя великая душа помѣстилась бы въ орѣховой скорлупѣ, и я считалъ бы себя владыкою безпредѣльнаго пространства; но мнѣ снятся дурные сны, такіе дурные сны....

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Безъ сомнѣнія, это сны честолюбія, потому что честолюбецъ гоняется за мечтою сна.

ГАМЛЕТЪ.

Да вѣдь сонъ мечта?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Безъ сомнѣнія, и потому мнѣ кажется, что честолюбецъ гоняется за мечтою.

ГАМЛЕТЪ.

Право? Стало быть, наши лѣнивые мѣщане живутъ въ дѣйствительности, а великіе люди въ мечтаньи? Я что то глупъ сегодня— не пойдти ли намъ къ Королю?

РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы охотно будемъ вашими товарищами.

ГАМЛЕТЪ.

Въ глупости? О, нѣтъ, господа! И безъ того у меня такая толпа товарищей, и даже услужниковъ. По чести говоря, глупость дешевая монета при нашемъ Дворѣ. Но зачѣмъ вы въ Эльсинорѣ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Хотѣли видѣть васъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я бѣднякъ на спасибо, нищій, но благодарю васъ, друзья мои, и разумѣется, благодарность моя стоитъ, по крайней мѣрѣ, грошъ! Что, васъ послали ко мнѣ? Или вы сами пришли, добровольно? Говорите искренно, говорите!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Что прикажете, Принцъ

ГАМЛЕТЪ.

Все, что вамъ угодно, только не отвѣтъ на мой вопросъ. Мнѣ будетъ стыдно за васъ. Вы глядите такъ, а станете говорить иначе. Я знаю — добрый Король и Королева послали васъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Для чего же, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Это вы должны знать. Но я заклинаю васъ нашимъ товариществомъ, дружбою нашей юности, постоянною нашею любовью, и всѣмъ, что только риторика можетъ придумать лучшаго, скажите откровенно: вы присланы ко мнѣ? Да, или нѣтъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ, Гильденштерну.

Что сказать ему?

ГАМЛЕТЪ, въ сторону.

Я насквозь вижу васъ! (*Громко*) Если вы меня любите, не лгите.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Принцъ! мы присланы къ вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

А я скажу вамъ зачѣмъ. Мое изъясненіе избавитъ васъ отъ признанія, и ни на одинъ волосъ не сдѣлаетъ васъ болтунами. Недавно, не знаю отъ чего, пропала вся моя веселость. Я бросилъ всѣ мои занятія, и мнѣ такъ грустно, что земля кажется мнѣ кускомъ грязи, а небо, это гордое величіе неба, съ его золотыми звѣздами — грудой заразительныхъ паровъ. Какое величіе являетъ собою человѣкъ! Какое благородство въ его умѣ, безконечность въ способностяхъ, прелесть въ формахъ — это духъ небесный, украшеніе свѣта, образчикъ остальной природы!... Ну, а для меня, что такое эта эссенція глины?... Я не люблю человѣка—женщинъ еще больше! что вы смѣетесь? Право, такъ!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Я не вѣрю, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что жъ тутъ смѣшнаго, если я не люблю человѣка?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Если не любите, то вы худо примете комедіянтовъ, которые попались намъ на дорогѣ. Они хотѣли предложить вамъ свои услуги.

ГАМЛЕТЪ.

Почему жъ не такъ. Играющій роль королей — добро пожаловать; я готовъ къ услугамъ, и странствующій рыцарь пусть явится съ своею шпагою; любовникъ не будетъ вздыхать даромъ; шуту свое мѣсто; дуракъ заставитъ умныхъ дурачиться, и княжна откровенно признается въ любви своей, въ стихахъ. Да какіе это комедіянты?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Тѣ самые, Принцъ, которые нѣкогда вамъ очень нравились, и будутъ очень довольны, если и теперь понравятся вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

Почему же не такъ? Тутъ еще не будетъ такихъ чудесъ, какія сдѣлались съ моимъ дядей, нынѣшнимъ Датскимъ Королемъ: тѣ, кто считалъ его ничтожнымъ при жизни моего отца, платятъ теперь 10, 20, 40 дукатовъ за маленькій портретъ его. Тутъ надобно бы философіи постараться открыть: отъ чего маленькіе человѣки становятся великими, когда великіе переводятся?

(Слышенъ звукъ трубъ.)

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Вотъ и комедіянты!

ГАМЛЕТЪ.

А, господа, добро пожаловать! Давайте руки — ну, ну! скорѣе! Ласковость начинается привѣтствіемъ. Дайте сперва съ вами научиться мнѣ принять комедіянтовъ, чтобъ не сказали потомъ, будто я былъ слишкомъ учтивъ къ такимъ людямъ, которые далеко уступаютъ вамъ, господа! Но — мой дядя-отецъ и моя мать-тетка очень ошибаются.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Въ чемъ, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Онъ и она не знаютъ, что я тогда только сумасшедшій, когда вѣтеръ дуетъ съ сѣверо-запада, а при южномъ вѣтрѣ я не приму свѣчки за солнце.

ПОЛОНІЙ, входитъ.

Здравія, господа!

ГАМЛЕТЪ.

Слушай, Гильденштернъ, и ты, Розенкранцъ — на всякое ухо по одному слушателю — этотъ взрослый ребенокъ, котораго вы видите, еще не вышелъ изъ люльки.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Можетъ быть, опять легъ въ нее; говорятъ, будто старость есть возвращеніе къ дѣтству.

ГАМЛЕТЪ.

Посмотрите, что онъ пришелъ извѣщать насъ о началѣ комедіи.... И такъ, это было, говорите вы, въ понедѣльникъ утромъ—

ПОЛОНІЙ.

Принцъ! я принесъ вамъ новости.

ГАМЛЕТЪ.

И я вамъ также могу разсказать много поваго. Когда въ Римѣ былъ великій актеръ Росціусъ.....

ПОЛОНІЙ.

Къ намъ пріѣхали комедіянты.

ГАМЛЕТЪ.

Будто?

ПОЛОНІЙ.

По чести, правда.

ГАМЛЕТЪ.

На ослахъ молодцы,
Ѣдутъ наши пѣвцы....

ПОЛОНІЙ.

Чудесные актеры! для трагедій, комедій, историческихъ пасторалей, комическихъ пасторалей, исторіи пасторальной, трагедіи исторической, трагикомедіи, драмы съ тремя единствами и поэмъ безъ всякаго единства. Нѣтъ ничего печальнаго у Сенеки, забавнаго у Плавта, въ родѣ правильномъ, въ родѣ безъ правилъ, чего бы они не представляли.

ГАМЛЕТЪ.

О чудное чудо
И дивное диво!
Какимъ сокровищемъ обладаешь ты!

ПОЛОНІЙ.

Какимъ сокровищемъ?

ГАМЛЕТЪ.

Какимъ?

Дочь прелестную имѣешь
И любить ее умѣешь!

ПОЛОНІЙ, въ сторону.

Все о моей дочери!

ГАМЛЕТЪ.

Не правда ли, диво дивное?

ПОЛОНІЙ.

Если вы меня изволите называть дивомъ, у меня точно есть дочь, которую я очень люблю.

ГАМЛЕТЪ.

Одного изъ другаго не слѣдуетъ.

ПОЛОНІЙ.

А что же слѣдуетъ, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что?

Человѣкъ предполагаетъ,
А судьба располагаетъ!

И потому, вѣдь ты самъ знаешь:

Чему быть,
Того не миновать.

А потомъ... да, вотъ, кстати — явилось окончаніе рѣчи само собой.

(Входятъ нѣсколько актеровъ.)

Добро пожаловать, добро пожаловать, господа; очень радъ васъ видѣть! Здравствуйте, друзья мои! Э, э, старый пріятель: у тебя бородка поотросла, съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались! А ты, дружище, у котораго голосъ походитъ на звонъ обрѣзаннаго червонца — здорово, и нечего мѣшкать — къ дѣлу, къ дѣлу! Какъ охотники, подстрѣлимъ первую дичь, какая попадется. Скорѣе — образчикъ вашего дарованія, какой нибудь страстный монологъ!

1-й актеръ.

Что прикажете, Принцъ?

гамлетъ.

Помнишь, ты читалъ — что-бишь это такое, игранное, или не игранное — еще не всѣмъ оно нравилось, но за то одни хвалили, другіе бранили. Одни говорили, что тутъ пустыя слова безъ смысла, а другіе находили черезъ чуръ много смысла; одни сказали, что это твореніе вкуса отличнаго, полное идей здравыхъ и вѣрныхъ, и пріятныхъ, и отличныхъ, а другіе.... Вотъ еще тутъ мнѣ особенно нравилось повѣствованіе Энея Дидонѣ, а всего болѣе, когда Эней разсказываетъ о смерти Пріама. Если помнишь, такъ начни съ этихъ стиховъ:

И Пирръ, рыкающій, какъ-бы Гирканскій левъ....

Кажется, не такъ, но точно начинается Пирромъ....

И Пирръ, рыкающій, въ доспѣхъ вороненомъ,
Скрывая черну мысль подъ темнымъ небосклономъ,
Исшедъ изъ нѣдръ коня, оружіемъ гремитъ.
Онъ теплой кровью несчастныхъ жертвъ облитъ;
На немъ дымится кровь женъ, матерей несчастныхъ,
Отцевъ, дѣтей, сыновъ и дщерей ихъ злосчастныхъ.
Не такъ пожара огнь Троянскаго блеститъ,
Какъ злобный взоръ его свирѣпостью горитъ.
Какъ адскій огнь, ко злу онъ быстро прилетаетъ
И смертью погубить Пріама обѣщаетъ....

Продолжай!

полоній.

Превосходно, Принцъ! прочитано мастерски, съ удареніемъ, съ чувствомъ.

актеръ, декламируетъ.

И се, онъ зритъ его, мечемъ своимъ дрожащимъ
Грозящія Эллинамъ, весь Иліонъ палящимъ;
Но тягостью своей изъ рукъ изторгся мечъ,
И на неравный бой стремится Пирръ потечь.
Отъ взмаха тяжкаго Пріамъ оспротѣлый
Палъ на землю, и — палъ съ нимъ Иліонъ всецѣлый.
Остановился Пирръ, свой укрощаетъ гнѣвъ
И смерти яростной претитъ развернуть зѣвъ.
Останавляетъ мечъ — такъ бури грозной силы,
Какъ будто пощадить хотятъ строенья хилы,
Мгновеніе одно — свой утишаютъ вой,
Чтобъ снова загремѣть погибельной грозой....
— Нѣтъ! никогда Эфесъ, свой подымая млатъ,
Такъ страшно не разилъ, какъ Пирра здѣсь булатъ
Разитъ несчастнаго Пріама.... О, Фортуна!
Зачѣмъ отъ Зевсова ты не падешь перуна,
Зачѣмъ и боги всѣ, собравшися толпой,
Тебя не свергнули въ мракъ сѣни гробовой
И колесо твое во тартаръ не скатили....

полоній.

Это очень длинно.

гамлетъ.

Цирюльникъ твой тожс говорилъ мнѣ о твоей бородѣ. Продолжай — вѣдь онъ скоро заснетъ.... Да — перейдемъ къ Гекубѣ.

актеръ, декламируетъ.

Но если бъ ты узрѣлъ растрепанну Гекубу....

гамлетъ.

Что: «растрепанну Гекубу?»

полоній.

Да, въ самомъ дѣлѣ — хорошо ли это? Да, да, вѣдь это говорится о растрепанныхъ волосахъ! Хорошо, прекрасно!

актеръ, декламируетъ.

Стенящу, плачущу, таящу скорбь сугубу,
Сказалъ бы ты, что слезъ ея кипящій токъ,
Весь Иліона огнь залить мгновенно могъ.
Корона нѣкогда чело то украшала,
На коемъ нынѣ зришь ты лоскутъ покрывала —
Только унижснъ Гекубы тяжкій рокъ!
Изъ устъ ея летитъ проклятія потокъ
На тяжку жребія и счастія измѣну,
На бѣдствій всѣхъ вину, коварную Елену.
О если бъ боги зрѣть могли тотъ страшный мигъ,
Какъ Пирра мечъ во грудь Пріамову проникъ —
Ихъ очи облекись бы горькими слезами,
Гекубы бѣдствія пресѣклись бы богами,
И жребія потокъ...

полоній.

Посмотрите, съ какимъ одушевленіемъ онъ читаетъ это! Слезы на глазахъ, лицо блѣдно... Довольно, довольно!

гамлетъ.

Хорошо. Ты договоришь мнѣ остальное потомъ. Любезный Полоній! нельзя ли угостить ихъ порядочно? Вѣдь они зеркало того, что мы дѣлаемъ, и, право, ихъ похвала при жизни стоитъ плохой эпитафіи, которую напишутъ на твоемъ гробѣ.

ПОЛОНІЙ.

Я угощу ихъ по достоинству, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

О, нѣтъ! лучше, лучше, нежели чего они стоятъ! Если всякаго угощать по достоинству, много ли останется на свѣтѣ такихъ, кому не стоило бы дать порядочной оплеухи? Нѣтъ, нѣтъ! угости ихъ по размѣру своего величія и своей щедрости.

ПОЛОНІЙ.

Пойдемте, господа.

ГАМЛЕТЪ.

Ступайте, друзья мои, и приготовьтесь играть комедію. Да, старый пріятель, можешь ли ты представить намъ смерть Гонзага?

АКТЕРЪ.

Можемъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо, такъ приготовьте эту комедію. А стишковъ десятокъ моихъ можно будетъ вставить?

АКТЕРЪ.

Можно, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Превосходно. Ступайте за этимъ господиномъ, да смотрите же, не смѣйтесь надъ нимъ! *(Полоній и актеры уходятъ.)* Ну, друзья мои, Розенкранцъ и Гильденштернъ! до свиданія! Радъ, что видѣлъ васъ въ Эльсинорѣ.

РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Простите, Принцъ.

(Уходятъ.)

ГАМЛЕТЪ, ОДИНЪ.

Богъ съ вами! Я одинъ теперь...
Какое я ничтожное созданье!
Комедіянтъ, наемникъ жалкій, и въ дурныхъ стихахъ,
Мнѣ выражая страсти, плачетъ и блѣднѣетъ,
Дрожитъ, трепещетъ... Отъ чего?
И что причина? Выдумка пустая,
Какая-то Гекуба!
Что жъ ему Гекуба?
Зачѣмъ онъ дѣлитъ слезы, чувства съ нею?
Что, если бъ страсти онъ имѣлъ причину,
Какую я имѣю? Залилъ бы слезами
Онъ весь театръ, и воплемъ растерзалъ бы слухъ,
И преступленье ужаснулъ, и въ жплахъ
У зрителей онъ заморозилъ кровь!
А я?
Ничтожный я, презрѣнный человѣкъ,
Безчувственный — молчу, молчу, когда я знаю,
Что преступленье погубило жизнь и царство
Великаго властителя — отца! Или я трусъ?
Кто смѣетъ словомъ оскорбить меня,
Или нанесть мнѣ оскорбленье, безъ того,
Чтобъ за обиду не вступился я,
Не растерзалъ обидчика, не кинулъ
На растерзанье вранамъ трупъ его? И что же?
Чудовище разврата и убійцу вижу я,
И самый адъ зоветъ меня къ отмщенью,
А я — безплодно изливаю гнѣвъ въ словахъ,
И онъ безвредень — онъ, когда я живъ,
Я, сынъ убитаго отца, свидѣтель
Безславья матери!... О Гамлетъ, Гамлетъ!
Позоръ и стыдъ тебѣ!... Размыслимъ:
Слыхалъ я, что порокъ и преступленье,
Увидѣвъ страшную себя картину
Въ игрѣ искуснаго художника, невольно
Высказывали стыдъ свой и позоръ
И сознавались въ преступленьяхъ. Да,
Безъ языка, безъ словъ все будетъ ясно.
Актеровъ этихъ я играть заставлю
Изображеніе ужаснаго убійства,
Подобнаго злодѣйству дяди,
И стану замѣчать — и если
Смутится онъ, я — знаю, что мнѣ дѣлать!
Быть можетъ, привидѣнье это было
Мечта, коварство духа тьмы?
Онъ можетъ въ разныхъ образахъ являться.
Онъ, можетъ быть, влечетъ меня на грѣхъ,
И духъ мой, подозрительный и слабый,
Употребляетъ сѣтью для погибели души?
Остерегусь, и хитрость пусть моя
Мнѣ выскажетъ всю совѣсть Короля!

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Королевскій дворецъ.)

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

КОРОЛЬ.

И не могли вы ловкимъ разговоромъ
Узнать причину этого разстройства,
И что такое мирный умъ его
Повергло въ тяжкое, опасное безумье?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ въ помѣшательствѣ своемъ сознался намъ,
Но ни за что намъ не сказалъ причины.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

И не хотѣлъ дать доступа къ душѣ.
Когда мы начинали рѣчь объ немъ,

Онъ ловко такъ умѣлъ свернуть
Дурачество на глупость...

КОРОЛЕВА.

Но пріемъ вашъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Былъ дружескій и благородный.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Но что-то принужденное въ поступкахъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скупъ на вопросы самъ, но ловко
Онъ отбивалъ вопросы наши.

КОРОЛЕВА.

Вы успѣли ль
Уговорить его развлечься?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Королева! намъ попались на пути
Актеры; мы ему о томъ сказали,
И, кажется, онъ очень былъ доволенъ,
Услышавъ это. Они здѣсь во дворцѣ,
И получили, если я не ошибаюсь,
Приказъ — представить вамъ комедію сегодня.

ПОЛОНІЙ.

Точно такъ. И Принцъ мнѣ поручилъ,
Просить васъ удостоить посѣщеньемъ.

КОРОЛЬ.

Я охотно буду. Очень радъ,
Что хоть на это есть еще его желанье.
Господа! прошу васъ постараться
Усилить склонность въ немъ къ такой забавѣ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Исполнить постараемся.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

КОРОЛЬ.

Теперь, Гертруда,
Оставь насъ. Мы Гамлета приведемъ сюда,
И будто случаемъ Офелію онъ встрѣтитъ.
Отецъ ея и я (обманъ позволенъ
Для добра) здѣсь спрячемся, и оба
Невидимые постараемся замѣтить,
И разсудить потомъ по разговору —
Любовь ли къ пей его свела съ ума,
Иль что другое.

КОРОЛЕВА.

Повинуюсь вамъ,
И, какъ-бы я, Офелія, желала,
Чтобъ красота твоя была причиной
Гамлетова безумства! Я надѣюсь,
Что качества твоей души прекрасной
Его легко тогда бы навели на умъ
Взаимнымъ счастьемъ.

ОФЕЛІЯ.

Если бъ я могла....

(Королева уходитъ.)

ПОЛОНІЙ.

Офелія! какъ будто ты гуляешь здѣсь...
А если Вашему Величеству угодно
Укрыться здѣсь.... Ты будто съ книгой,
И это будто-бы причина
Твоей прогулки... Что ни говори,
А вещь рѣшеная, что съ постной рожей
Прикинувшись смиреннымъ, даже чортъ
Обманетъ....

КОРОЛЬ, въ сторону.

О какая правда! И какъ эта рѣчь
Мою терзаетъ совѣсть! Женщины развратной
Лицо, покрытое поддѣльной краской,
Не столь ужасно, какъ мои дѣянья,
Прикрытыя цвѣтистыми словами!
О бремя тяжкое!

ПОЛОНІЙ.

Идетъ. Король! угодно ль,
Здѣсь мы укроемся — пожалуйте — сюда....

(Они скрываются. Офелія въ сторонѣ.)

ГАМЛЕТЪ, ВХОДИТЪ.

Быть иль не быть — вотъ въ чемъ вопросъ.
Что доблестнѣе для души: сносить
Удары оскорбительной судьбы,
Или вооружиться противъ моря золъ
И побѣдить его, исчерпавъ разомъ?
Умереть — уснуть — не больше, и окончить сномъ
Страданья сердца, тысячи мученій —
Наслѣдство тѣла — какъ не пожелать
Такого окончанья!... Умереть, уснуть —
Уснуть — быть можетъ, грезить? Вотъ и затрудненье!
Да, въ этомъ смертномъ снѣ какія сновидѣнья
Намъ будутъ, когда буря жизни пролетитъ?
Вотъ остановка, вотъ для чего хотимъ мы
Влачиться лучше въ долгой жизни —
И кто бы перенесъ обиды, злобу свѣта,
Тирановъ гордость, сильныхъ оскорбленья,
Любви отверженной тоску, тщету законовъ,
Судей безстыдство, и презрѣнье это
Заслуги терпѣливой за дѣянья чести,
Когда покоемъ подарить насъ можетъ
Одинъ ударъ! И кто понесъ бы это иго,
Съ проклятіемъ, слезами, тяжкой жизни....
Но страхъ: что будетъ *тамъ*? — Тамъ,
Въ той безвѣстной сторонѣ, откуда
Нѣтъ пришлецовъ ... Трепещетъ воля
И тяжко заставляетъ насъ страдать,
Но не бѣжать къ тому, что такъ безвѣстно.
Ужасное сознанье робкой думы!
И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенья
Блѣднѣетъ передъ мракомъ размышленья,
И смѣлость быстраго порыва гибнетъ,
И мысль не переходитъ въ дѣло.... Тише!
Милая Офелія!... О нимфа!
Помяни грѣхи мои въ молитвахъ!...

ОФЕЛІЯ.

Принцъ,
Здоровы ль вы?

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю покорно — здоровъ.

ОФЕЛІЯ.

Принцъ! я давно хотѣла возвратить вамъ,
Что вамъ угодно было мнѣ вручить
На память, и позвольте мнѣ....

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Тебѣ я ничего и никогда не подарилъ,
Офелія!

ОФЕЛІЯ.

Вы, вѣрно, позабыли, Принцъ,
И всѣ подарки ваши вы сопровождали
Такими милыми словами, что они
Мнѣ были дороги; перемѣнились вы —
Возьмите ихъ обратно — *для души и сердца*
Подарокъ драгоцѣненъ отъ души и сердца.
Вотъ, Принцъ, подарки ваши.

ГАМЛЕТЪ.

Ха, ха, ха! Ты честная дѣвушка, Офелія?

ОФЕЛІЯ.

Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

И красива?

ОФЕЛІЯ.

Что вамъ угодно сказать, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

То, что если ты честная и хорошенькая дѣвушка, то не заставляй красоты своей торговаться съ добродѣтелью.

ОФЕЛІЯ.

Но кто можетъ быть лучшимъ товарищемъ красотѣ, если не добродѣтель?

ГАМЛЕТЪ.

Правда, да только та бѣда, что скорѣе красота сдѣлаетъ добродѣтель плутовствомъ, нежели добродѣтель подкрѣпитъ красоту. Въ этомъ я сомнѣвался прежде — теперь не сомнѣваюсь. Я любилъ тебя прежде!

ОФЕЛІЯ.

Я вѣрила этому, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Напрасно, потому что добродѣтели не прививаютъ къ старому дереву — прошедшаго нѣтъ болѣе — я не любилъ тебя!

ОФЕЛІЯ.

Я ошибалась....

ГАМЛЕТЪ.

Удались отъ людей, Офелія! Къ чему умножать собою число грѣшниковъ? Вотъ я еще порядочный человѣкъ, а готовъ обвинить себя въ такихъ грѣхахъ, что лучше не родиться! Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ, готовъ на зло, и только воли у меня не достаетъ сдѣлать все злое, что могу придумать злаго. Что изъ этого человѣка, который ползетъ между небомъ и землею! Мы всѣ бездѣльники, всѣ — никому не вѣрь. Удались отъ людей! Гдѣ твой отецъ?

ОФЕЛІЯ.

Дома, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Запри за нимъ двери и не выпускай его — пусть онъ дурачится дома. Прощай!

ОФЕЛІЯ.

Милосердый Боже! помоги ему.

ГАМЛЕТЪ.

Если ты пойдешь замужъ, я дамъ тебѣ въ приданое вотъ какое проклятіе: будь бѣла, какъ снѣгъ, будь чиста, какъ ледъ — людская клевета очернитъ тебя. Удались отъ людей, либо выходи за дурака: умные слишкомъ хорошо знаютъ, какихъ чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете. Прочь отъ людей — поскорѣе! Прощай!

ОФЕЛІЯ.

Исцѣлите его, силы небесныя!

ГАМЛЕТЪ.

Я знаю, какъ вы себя раскрашиваете. Богъ даетъ вамъ лицо, а вы дѣлаете себѣ другое — вы пляшете, прыгаете, злословите, и будто все по незнанію. Прочь — ни слова болѣе — это свело меня съ ума! Никому не жениться болѣе; кто женился — пусть живутъ — кромѣ одного.... Удались отъ людей!

(Уходитъ.)

ОФЕЛІЯ, одна.

Какой погибъ великій человѣкъ,
Надежда царства, честь его, утѣха!
Погибъ, погибъ! И мнѣ судьба велѣла,
Мнѣ, пламенной любви его предмету,
Мнѣ видѣть обезумѣвшимъ его —
Что былъ онъ, и что сталъ, о Боже!

=

КОРОЛЬ И ПОЛОНІЙ, входятъ.

КОРОЛЬ.

Нѣтъ! это не любовь, и то, что говорилъ онъ,
Какъ ни было нескладно — не безумство!
Въ душѣ его таится что-то, и его печаль
Скрываетъ гибель; мы должны ее предупредить.
Такъ, рѣшено — онъ въ Англію поѣдетъ;
Тамъ дани требовать мы поручимъ ему,
И, можетъ быть, прогулка, развлеченье,
Разсѣютъ грусть его, умъ возвратятъ ему.
Какъ думаешь объ этомъ ты, Полоній?

ПОЛОНІЙ.

Мнѣ кажется, что вы придумали прекрасно.
Но все увѣренъ я — его безумству
Любовь была началомъ. Намъ не нужно,
Офелія, разсказывать, что было

Говорено Гамлетомъ — мы все слышали оттуда.
Извольте поступать, мой повелитель,
Какъ угодно будетъ — мой совѣтъ:
Послѣ комедіи звать Принца къ Королевѣ,
И пусть она его распроситъ. Между тѣмъ,
Когда позволите, я разговоръ услышу,
Я спрячусь тамъ, и если ничего
Мы не откроемъ, въ Англію тогда
Отправьте Принца, или заключите,
Куда почтетъ приличнымъ ваша мудрость.

КОРОЛЬ.

Да, мы увидимъ — надобно рѣшиться.
Безумцу сильному опасно дать свободу.

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

(Другая зала во дворцѣ.)

ГАМЛЕТЪ и нѣсколько актеровъ, входятъ.

ГАМЛЕТЪ.

Говори все это просто, свободно; руками не рубя воздуха, и въ самой страсти соблюдай мѣру и умѣренность, да и не пересластивай. Такъ дѣлай, чтобы слова соотвѣтствовали дѣйствію, а дѣйствіе словамъ. Будь вѣрнымъ зеркаломъ природы: представь добродѣтель въ ея истинныхъ чертахъ, а порокъ въ его безобразіи. Идите и будьте готовы.

(Актеры уходятъ.)

ГАМЛЕТЪ, Полонію, который входитъ съ Розенкранцомъ и Гильденштерномъ.

Ну, что? Угодно ли Королю быть въ комедіи?

ПОЛОНІЙ.

Да, и Королева, и вся свита ихъ будутъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ велите же имъ приготовиться поскорѣе.

(Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

ГАМЛЕТЪ, входящему Горація.

А, это ты, Горація!

ГОРАЦІО.

Меня вы звали.

ГАМЛЕТЪ.

Да, я хочу потребовать услуги,
И отъ тебя, Горація, да, отъ тебя.

ГОРАЦІО.

Любезный Принцъ!...

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! я не льщу тебѣ —
И изъ чего я стану льстить? Ты бѣденъ,
Не знатенъ ты. Предъ богачемъ и знатнымъ
Людей колѣна гнутся, съ языка
Медъ капаетъ — я за то тебя люблю,
Что ты терпѣть умѣешь. Въ счастьи,
Въ несчастіи равенъ ты, Горація!
Я въ сердцѣ дамъ пріютъ такому человѣку.
Но, довольно. — Здѣсь комедію представятъ;
Въ одномъ явленіи здѣсь изобразятъ,
Точь въ точь, смерть моего отца. Мой другъ!
Прошу тебя — когда явленье это будетъ,
Внимательно ты наблюди за дядей,
За Королемъ — внимательно, прошу.
Когда въ минуты эти онъ не обнаружитъ
Смятенья — призракъ былъ проклятый адскій духъ;
Онъ искушалъ меня; на преступленье
Меня онъ велъ! Внимательно, мой другъ!
Я глазъ моихъ не отведу отъ дяди,
И мы увидимъ —

ГОРАЦІО.

Ни одно движенье
Его не скроется отъ наблюденья моего.

ГАМЛЕТЪ.

Идутъ! Мнѣ беззаботнымъ должно показаться,
А ты, Горація, на стражу — ступай!

=

МАРШЪ. КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ, ПРИДВОРНЫЕ И ПРИДВОРНЫЯ.

КОРОЛЬ.

Здоровъ ли, любезный нашъ Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Превосходно! какъ хамелеонъ, я живу воздухомъ и толстѣю отъ обѣщаній. Вашихъ каплуны похудѣли бы отъ этого.

КОРОЛЬ.

Я не понимаю тебя, Гамлетъ. Это не мой языкъ.

ГАМЛЕТЪ.

И не мой. (*Полонію*) Кажется, Полоній, ты игрывалъ комедіи? Въ университетѣ?

ПОЛОНІЙ.

Да, Принцъ, и слылъ добрымъ актеромъ.

ГАМЛЕТЪ.

А что ты игралъ?

ПОЛОНІЙ.

Юлія Цезаря. Меня зарѣзалъ Брутъ въ Капитоліи.

ГАМЛЕТЪ.

Настоящій былъ онъ Брутъ, когда успѣлъ зарѣзать такого капитальнаго теленка! Ну, что наши актеры?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Они ждутъ повелѣнія начать.

КОРОЛЕВА.

Сядь подлѣ меня, любезный Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, маменька — тутъ есть магнитъ, который тянетъ меня къ себѣ.

ПОЛОНІЙ, Королю.

Замѣчайте!

ГАМЛЕТЪ, садится у ногъ Офеліи.

Можно ли прикоснуться къ вашимъ колѣнямъ?

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

То есть, головой только!

ОФЕЛІЯ.

Можно, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

А вы, ужъ Богъ знаетъ что подумали!

ОФЕЛІЯ.

Я ничего не думаю, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

А какое наслажденіе покоиться на колѣнахъ прелестной дѣвушки?

ОФЕЛІЯ.

Что вы хотите сказать?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего.

ОФЕЛІЯ.

Вы веселы, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Кто? я!

ОФЕЛІЯ.

Да, вы, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, я иду въ ваши шуты. Чего лучше, какъ не веселиться! Посмотрите на мать мою — какая она веселая. А отецъ мой умеръ за два часа —

ОФЕЛІЯ.

Развѣ за два мѣсяца.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ давно уже? Хорошо — я самъ пошу трауръ, потому что онъ мнѣ очень идетъ. Скажите! два мѣсяца и еще не забытъ! Стало быть, можно надѣяться на полгода людской памяти, а тамъ — все равно, что человѣкъ, что овечка —

Схоронили,
Позабыли!

(Трубы. Поднимается занавѣсъ внутри театра. Пантомима. Король и Королева входятъ; нѣжное прощанье: онъ ложится отдыхать; входитъ злодѣй, береть его корону и вливаетъ ему ядъ въ ухо. Является опять Королева; видитъ, что Король мертвъ; плачетъ. Злодѣй утѣшаетъ ее. Уносятъ тѣло Короля. Злодѣй предлагаетъ Королевѣ свою руку и корону. Она принимаетъ и то и другое; весело уходятъ. Трубы).

ОФЕЛІЯ.

Что это такое, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Чего отъ людей ждать! Какая нибудь мерзость!

ОФЕЛІЯ.

Но, вѣроятно, это показываетъ содержаніе комедіи?

(Входитъ актеръ.)

ГАМЛЕТЪ.

А вотъ этотъ молодецъ намъ разскажетъ. Вѣдь это *прологъ*.

АКТЕРЪ, зрителямъ.

Для нашего представленія
Просимъ вашего снисхожденія.
Не потеряйте терпѣнія.

(Кланяется и уходитъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Понятно ли?

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ! это очень коротко.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ женская любовь.

=

КОМЕДІЯ, КОТОРУЮ ИГРАЮТЪ АКТЕРЫ. Входятъ Король и Королева.

КОРОЛЬ.

Уже въ тридцатый разъ свершили кони Ѳеба
Свой круголѣтній бѣгъ въ поляхъ лазурныхъ неба,
И тридцать разъ звѣзда почей средь облаковъ
Собой означила двѣнадцать мѣсяцовъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ насъ союзъ Любви и Гименея
Сердцами съединилъ, какъ токи водъ Алфея
Со Аретузой въ одно съединены.

КОРОЛЕВА.

Да будутъ тридцать лѣтъ еще совершены,
Пока въ любви своей мы узримъ измѣненье.

Но душу грустное мрачитъ мнѣ подозрѣнье:
Съ печалью вижу я, смущенная душой,
Что скорбью тайною супругъ проникнутъ мой.
Слабѣешь ты — прости, что радость возмущаю —
Отъ сильныя любви сильнѣй я страхъ питаю,
И невниманіе могло бы показать,
Что сильный огнь любви перестаетъ пылать.
Я каждый мучусь день тревогой роковою,
И это горести и слезъ моихъ виною!

КОРОЛЬ.

Увы! что дѣлать мнѣ! Прости, дражайшій другъ!
Я чувствую въ крови дряхленія недугъ.
Разстаться должно намъ, и скоро — кто узнаетъ!
Переживи меня. Пусть радость обитаетъ
Съ тобой, и пусть тебя вторичная любовь
Счастливитъ....

КОРОЛЕВА.

Что ты рекъ! Застыла въ жилахъ кровь
Отъ словъ ужасныхъ сихъ! Пускай небесны громы
Казнятъ преступницу, злой фуріей несомы,
Когда въ другой любви я счастье обрѣту!
Убійство легче мнѣ....

ГАМЛЕТЪ, Офеліи.

Это кажется горьче полыни.

КОРОЛЕВА, на сценѣ.

Я казни не найду,
Которой бы отмстить за то довольно было,
Когда бъ вмѣсто тебя другаго я любила,
И все равно, когда бъ къ другому духъ пылалъ,
Что въ грудь твою вонзитъ блистающій кинжалъ..

КОРОЛЬ, на сценѣ.

Пріятна рѣчь твоя и искренна, я вѣрю;
Но кто исчислитъ намъ отъ времени потерю?
И замыслъ смертнаго и память — все мечта!
Сначала твердый столь, потомъ — о суета!
Плодъ зрѣлый падаетъ однимъ прикосновеньемъ,
И человѣкъ, увы! скрывается забвеньемъ.
Чѣмъ радость пламенѣй, сильнѣе тѣмъ печаль,
И слезы, падая на времени скрижаль,
Отъ дуновенія Сатурна исчезаютъ.
Чего супруги намъ, чего необѣщаютъ!
И ты, подруга дней счастливѣйшихъ моихъ,
Коль я умру....

КОРОЛЕВА, на сценѣ.

Пускай тогда лучей дневныхъ,
Мой не увидитъ взоръ, печальный и смятенный,
Пусть буду въ вѣкъ страдать, безславной и презрѣнной,
Пусть жизнь моя течетъ, какъ тинистый потокъ,
Пускай страданія сберетъ жестокій рокъ,
Всего лишитъ меня, и самыя надежды,
Когда печальныя покину я одежды,
И къ алтарю съ другимъ супругомъ подойду!

ГАМЛЕТЪ, Офеліи.

Что если она солжетъ!

КОРОЛЬ, на сценѣ.

Се клятвы страшныя! Страшись навлечь бѣду!
Но, чувствую, покой мнѣ сладокъ вожделѣнный,
И я здѣсь отдохну, дражайшій другъ, безцѣнный!

КОРОЛЕВА, на сценѣ.

Спокойся, мой супругъ, на подкрѣпленье силъ.
О если бъ никогда насъ рокъ не разлучилъ!

(Король ложится и засыпаетъ. Королева уходитъ.)

ГАМЛЕТЪ, Королевѣ.

Какъ вы находите комедію, Королева?

КОРОЛЕВА.

Мнѣ кажется, она слишкомъ много надавала обѣщаній.

ГАМЛЕТЪ.

О, да вѣдь она ихъ сдержитъ!

КОРОЛЬ.

Извѣстно ли тебѣ содержаніе комедіи? Нѣтъ ли тутъ чего нибудь оскорбительнаго?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего, ничего! Тутъ немножко отравляютъ, такъ, для шутки!

КОРОЛЬ.

А названіе какъ?

ГАМЛЕТЪ.

Мышеловка. Почему? спросите вы. Это риторическая фигура, метафора. Представляется убійство, которое было гдѣ-то въ Италіи. Старика зовутъ Гонзаго, а Королеву Баптиста. Вы тотчасъ увидите — самое гадкое дѣло, да что намъ до этого? У васъ и у меня совѣсть чиста, и до насъ дѣло не касается. Кричи тотъ, кого это щекочетъ.

(На сцену входитъ злодѣй.)

А, вотъ и молодецъ явился! Это Луціанъ, племянникъ стараго Короля,

ОФЕЛІЯ.

Вы, какъ суфлеръ, все знаете.

ГАМЛЕТЪ.

Хотите, я перескажу, какъ любовница обманываетъ своего любовника, будто мимоходомъ.

ОФЕЛІЯ.

Это колко, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Да вѣдь я только царапаю — другіе рѣжутъ.

ОФЕЛІЯ.

Ваши рѣчи загадка.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ выборъ мужей дѣвушками. Да что жъ злодѣй-то не начинаетъ?

И врана крикъ зловѣщій раздается,
И мщеніе злодѣю онъ зоветъ!

АКТЕРЪ, на сценѣ.

Благопріятный часъ, кипящій ядъ готовъ:
Изъ травъ зловредныхъ, самъ сбиралъ я средь луговъ,
Геката адская мнѣ зелья указала,
И на погибель ихъ измѣна заклинала.
Волшебный ядъ! спѣши докучну жизнь пресѣчь,
И порази его, какъ будто вражій мечъ!

(Вливаетъ ядъ въ ухо спящаго Короля).

ГАМЛЕТЪ.

Онъ отравляетъ его, пока тотъ спалъ въ саду, чтобы завладѣть его королевствомъ. Его зовутъ Гонзаго. Это былъ — я самъ читалъ ее по-Итальянски. Вы тотчасъ увидите, какъ убійца успѣетъ овладѣть сердцемъ вдовы отравленнаго Короля.

(Король встаетъ съ своего мѣста въ смущеніи. Общее смятеніе.)

ОФЕЛІЯ.

Король встаетъ съ своего мѣста!

ГАМЛЕТЪ.

Что онъ? Испугался чего нибудь!

КОРОЛЕВА.

Что съ тобою сдѣлалось, мой супругъ?

ПОЛОНІЙ.

Прекратите комедію!

(Занавѣсъ надъ сценою закрывается.)

КОРОЛЬ.

Посвѣтите мнѣ — пойдемъ?

ПОЛОНІЙ.

Огня, огня, огня!

(Всѣ въ безпорядкѣ уходятъ, кромѣ Гамлета и Горація).

ГАМЛЕТЪ, вскакивая.

Оленя ранили стрѣлой —
Тотъ охаетъ, другой смѣется;
Одинъ хохочетъ — плачь другой,
И такъ на свѣтѣ все ведется!

За эти стихи, стоитъ только одѣться въ платье комедіянта, меня примутъ въ лучшіе актеры!

ГОРАЦІО.

На половинное жалованье?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! на полное!

Былъ у насъ въ чести немалой
Левъ, да часъ его пришелъ —
Счастье львиное пропало,
И теперь въ чести.... пѣтухъ!

ГОРАЦІО.

Послѣднія риѳма не годится, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

О добрый Горацію! теперь слова привидѣнія я готовъ покупать на вѣсъ золота! Замѣтилъ ли ты?

ГОРАЦІО.

Очень замѣтилъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Только что дошло до отравленія...

ГОРАЦІО.

Это было слишкомъ явно!

ГАМЛЕТЪ.

Ха, ха, ха! Эй, музыкантовъ сюда, флейщиковъ!

Когда Король комедій не полюбитъ,
То онъ — да, просто, онъ комедіи не любитъ!

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ).

ГАМЛЕТЪ.

Эй, музыкантовъ сюда!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Позвольте, Принцъ, сказать вамъ нѣсколько словъ.

ГАМЛЕТЪ.

Извольте — хоть цѣлую исторію!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Король....

ГАМЛЕТЪ.

Ну, что Король?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Онъ удалился отсюда, и теперь —

ГАМЛЕТЪ.

Пьянъ!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Нѣтъ, Принцъ, разгнѣванъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ вы поступите умно, когда посовѣтуетесь съ его лекаремъ. Можетъ быть, если я примусь лечить его, ему еще хуже сдѣлается.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Прошу васъ, Принцъ, разговаривать порядкомъ, и не удаляться отъ дѣла.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо. Говорите.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Королева, родительница ваша, глубоко огорченная, послала меня къ вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, добро пожаловать!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Это привѣтствіе совсѣмъ не кстати, Принцъ. Если вамъ угодно отвѣчать мнѣ благоразумно, я исполню препорученіе вашей родительницы, а не то — извините — я уйду, и тѣмъ все кончится.

ГАМЛЕТЪ.

Но, видите, я не могу.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Чего не можете, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Отвѣчать вамъ благоразумно. Мой умъ боленъ. Но такой отвѣтъ, какой я могу, только прикажите — если вамъ, или матери моей угодно, къ услугамъ вашимъ. Да что до этого! Маменька моя, говорите вы —

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Она изволила сказать мнѣ, что ваше странное поведеніе изумляетъ и удивляетъ ее.

ГАМЛЕТЪ.

О, такъ я чудный сынъ, если могъ удивить мать свою! Но за ея удивленіемъ не было ли еще чего нибудь? Продолжайте.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Она желаетъ говорить съ вами, и проситъ васъ пожаловать къ ней.

ГАМЛЕТЪ.

Повинуюсь, такъ повинуюсь, какъ будто она десять разъ родила меня. Что еще вамъ отъ меня угодно?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Принцъ! прежде вы любили меня.

ГАМЛЕТЪ.

Бездѣльникъ буду, если и теперь не люблю.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Что жъ такое причиною вашего разстройства? Не довѣряя печали вашей дружбѣ, вы затворяете дверь вашему выздоровленію.

ГАМЛЕТЪ.

Видите: меня не пускаютъ впередъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Какъ такъ, Принцъ, когда вы наслѣдникъ послѣ вашего дяди!

ГАМЛЕТЪ.

Такъ, правда! Но, «пока травка подрастетъ, воды много утечетъ» — эта поговорка немного заплесневѣла...

(Входятъ музыканты.)

Ахъ! вотъ и флейщики! Подай мнѣ твою флейту. *(Гильденштерну)* Мнѣ кажется, будто вы слишкомъ гоняетесь за мною?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Повѣрьте, Принцъ, что всему причиною любовь моя къ вамъ и усердіе къ Королю.

ГАМЛЕТЪ.

Я что-то не совсѣмъ это понимаю. Сыграй мнѣ что нибудь. *(Подаетъ ему флейту.)*

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Не могу, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Сдѣлай одолженіе!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Право, не могу, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Ради Бога, сыграй!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Да я совсѣмъ не умѣю играть на флейтѣ.

ГАМЛЕТЪ.

А это такъ же легко, какъ лгать. Возьми флейту такъ, губы приложи сюда, пальцы туда — и заиграетъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Я вовсе не учился

ГАМЛЕТЪ.

Теперь суди самъ: за кого же ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душѣ моей, а вотъ, не умѣешь сыграть даже чего нибудь на этой дудкѣ. Развѣ я хуже, простѣе, нежели эта флейта? Считай меня, чѣмъ тебѣ угодно — ты можешь мучить меня, но не играть мною.

(Полоній входитъ.)

Мое глубокое почтеніе!

ПОЛОНІЙ.

Королевѣ угодно говорить съ вами, и немедленно.

ГАМЛЕТЪ, смотря къ верху.

Что это такое? Точно облако, и какъ похоже на верблюда!

ПОЛОНІЙ, глядитъ.

Да, Принцъ, и на верблюда ужасно походитъ!

ГАМЛЕТЪ.

Охъ! нѣтъ бишь — на хорька! Не правда ли?

ПОЛОНІЙ.

Позвольте. Въ самомъ дѣлѣ — точный хорекъ!

ГАМЛЕТЪ.

А я такъ думаю, что это китъ!

ПОЛОНІЙ.

Дайте разглядѣть. Ахти, и въ самомъ дѣлѣ — портретъ кита!

ГАМЛЕТЪ.

Скажите Королевѣ, что я тотчасъ приду. Уйдти отъ нихъ — съ ними задурачишься не шутя, въ самомъ дѣлѣ — иду, скажите Королевѣ.

ПОЛОНІЙ.

Исполню.

(Уходитъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Исполнишь! Да, легко сказать! — Друзья, простите!

(Идетъ. Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ. Гамлетъ возвращается.)

Теперь насталъ волшебный ночи часъ.
Съ кладбищей мертвецы въ разбродѣ. Адъ,
Адъ ужасами дышитъ — часъ насталъ упиться кровью,
И совершить дѣла, которыхъ день
И видѣть не посмѣетъ! — Тише — къ ней иду!
Сердце! напоминай мнѣ, что я сынъ —
Жестокимъ, но не извергомъ я буду —
Я уязвлю ее словами — мечъ мой — нѣтъ!
Не подыму руки моей на мать!
Что демонъ злобы ни шепчи —
Душа! не соглашайся рѣчь его исполнить!

(Уходитъ.)

=

КОРОЛЬ РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Входятъ.

КОРОЛЬ.

Нѣтъ! кончать должно, и безуміе его
Опасно намъ становится. Готовы будьте.
Я васъ немедленно отправлю съ нимъ,
И въ Англію его вы увезете.
Мнѣ долгъ владыки не позволитъ больше
Терпѣть его зловреднаго безумства,
Тапть змѣю за пазухой...

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы поспѣшимъ,
Мы долгомъ нашимъ почитаемъ — все на жертву
Принесть за Короля.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Простолюдинъ обязанъ защищаться,
Но съ жизнью Королей съединена
Жизнь государства, и мы жизнь положимъ
За безопасность вашу.

КОРОЛЬ.

Приготовьтесь
Скорѣй, я васъ прошу, къ отъѣзду — должно
Остановить грозящую опасность.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

ПОЛОНІЙ, входитъ.

Онъ къ матери придетъ, и за коврами
Я спрячусь тамъ, и разговоръ услышу.
Она его, конечно, побранитъ —
Но, какъ изволили сказать вы, и сказать премудро,
Тутъ посторонній долженъ быть, и слышать
— Мать, женщина, умѣетъ ли быть строгой! —
Слышать весь разговоръ. Потомъ почту я долгомъ
Вамъ обо всемъ подробно донести,
Все, что услышу, все —

КОРОЛЬ.

Благодарю.

(Полоній уходитъ.)

КОРОЛЬ, одинъ.

Злодѣйства паръ кровавый, страшнаго злодѣйства,
Достигъ небесъ. Ужасно преступленье,
Мной совершенное — первоначальный грѣхъ —
Злодѣйство Каина — убійство брата!
Я не могу молиться, хоть порывы
Раскаянья терзаютъ душу мнѣ —
Вина моя раскаянья превыше,
И будто человѣкъ двойнымъ обѣтомъ,
Я связанъ, раскаяньемъ, грѣхомъ — я связанъ,
И неподвиженъ, и не знаю, что начать!
Но если бы моя проклятая рука
И болѣе была покрыта кровью брата,
Уже ли нѣтъ омыть ее росы небесной
И убѣлить бѣлѣе снѣга? И прощенье для чего,
Когда оно въ борьбѣ съ грѣхомъ не будетъ?
И для чего молитва? Зло предупредить,
И — смыть его, когда оно свершилось!
Осмѣлимся — подымемъ взоры къ небу —
Грѣхъ совершенъ! Но какъ молиться мнѣ?
Какую Богъ вонметъ молитву? Какъ молиться:
Прости убійцѣ? — Нѣтъ! я обладаю всѣмъ,
Что принесло мнѣ страшное убійство —
Короной, почестями, Королевой...
Простится ль грѣхъ, когда я въ немъ коснѣю?
Передъ людьми, предъ ихъ судомъ ничтожнымъ,
Рукою позлащенной, преступленье
Остановить легко дерзаетъ судъ
И подкупить законъ — но *тамъ* не такъ!
Нѣтъ подкупа, и страшно преступленье
Передъ судомъ стоитъ обнажено!
Что жъ дѣлать мнѣ? Что остается мнѣ?
Что можетъ покаянье? Но — чего оно не можетъ?
Все, если можетъ человѣкъ покаяться...
О мысль спасенья! О совѣсть черная моя!
Душа преступная, въ болотѣ
Грѣховъ погрязнувшая, чѣмъ стремится больше

Изникнуть, тѣмъ страшнѣе тонетъ... Помогите
Мнѣ, ангелы! молитву вашу испытайте!
Гнитесь, колѣна непреклонныя! Ты, сердце,
Размягчись, какъ у едва рожденнаго младенца!
Богъ милосердъ.

(Онъ медленно склоняется на колѣни, и погружается въ задумчивость.)

ГАМЛЕТЪ, ВХОДИТЪ ТИХО.

Теперь его отправить — легко — онъ молится —
Теперь его отправить —

(Вынимаетъ кинжалъ.)

И съ молитвой
Погибнетъ онъ. Отмщенье ль это будетъ?
Остановись, подумай. Твоего отца
Зарѣзалъ онъ. Ты, сынъ, ты, мститель смерти,
Въ раскаянье заставъ его, и смерть теперь
Ему благодѣянье, но не мщенье будетъ —
Нѣтъ! не мщенье!
Онъ брата погубилъ въ грѣхахъ,
Въ безпечномъ усыпленьи чувства,
И тяжекъ былъ погибшему расчетъ.
Отмщу ли я, когда молитвой онъ
Готовъ на путь далекій, несозвратный?
Нѣтъ! нѣтъ!

(Влагаетъ кинжалъ въ ножны.)

Въ ножны, мститель! Твой ударъ ужасенъ будетъ,
Когда его застану пьянымъ, спящимъ, гнѣвнымъ,
И въ нечестивомъ пиршествѣ грѣха,
Въ игрѣ, въ бояхъ, въ такомъ души порывѣ,
Когда погибель за могилою вѣрна.
Тогда — ударъ его повергнетъ вверхъ пятами,
Чтобъ съ кровью черною душа его упала
Въ адъ, темный, какъ грѣхи его темны!
Мать ждетъ меня — живи, но безъ надежды,
Чтобъ жизнь твоя продлилась — ты мертвецъ!

(Уходитъ).

КОРОЛЬ.

Слова на небо — мысли на землѣ!
Безъ мысли слово недоступно къ Богу!

(Уходитъ поспѣшно).

=

ЯВЛЕНІЕ III.

(Комнаты Королевы).

КОРОЛЕВА И ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Онъ явится немедленно. Съ нимъ будьте строги;
Скажите, что его безуміе несносно;
Скажите, что одинъ лишь просьбы ваши
Гнѣвъ Короля утишили. Не смѣю больше
Совѣтовать, но твердость въ дѣлѣ этомъ
Необходима —

КОРОЛЕВА.

Положитесь на меня.
Я знаю, что мнѣ говорить — уйдите — это онъ!

(Полоній прячется за коверъ.)

ГАМЛЕТЪ, ВХОДИТЪ.

Что вамъ угодно, мать моя? Скажите.

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ! ты оскорбилъ меня жестоко.

ГАМЛЕТЪ.

Мать моя! отецъ мой вами оскорбленъ жестоко.

КОРОЛЕВА.

Ты говоришь со мной, какъ сумасшедшій.

ГАМЛЕТЪ.

А вы со мной, какъ злая мать.

КОРОЛЕВА.

Что говоришь ты, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что угодно вамъ?

КОРОЛЕВА.

Ты позабылъ, кто я?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! не забылъ, клянусь!
Вы Королева, вы супруга дяди,
И — о зачѣмъ мнѣ должно досказать! —
Вы — мать моя....

КОРОЛЕВА.

Я говорить съ тобой заставлю
Другихъ; они твое безумство укротятъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Сядь, и ни съ мѣста
Ты не сойдешь, пока тебѣ я не представлю
Такого зеркала, гдѣ всѣ души твоей изгибы
Наружъ будутъ!

КОРОЛЕВА.

Что ты дѣлаешь, мой сынъ!
Ты хочешь умертвить меня.... О! помогите,
Помогите!

ПОЛОНІЙ, за ковромъ.

Помогите!

ГАМЛЕТЪ.

Что тамъ? Мышь!

(Онъ ударяетъ шпагою въ коверъ.)

Убитъ! Червонецъ объ закладъ — убитъ!

ПОЛОНІЙ.

Охъ! умираю!

(Падаетъ).

КОРОЛЕВА.

Ахъ! что ты сдѣлалъ, сынъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Что? Не знаю!
Король?

(Подымаетъ коверъ и вытаскиваетъ трупъ Полонія.)

КОРОЛЕВА.

О, какой кровавый, сумасшедшій твой поступокъ!

ГАМЛЕТЪ.

Кровавый? — Чѣмъ же, маменька, онъ хуже
Того — убить супруга и съ убійцей обвѣнчаться?

КОРОЛЕВА.

Убить супруга!

ГАМЛЕТЪ.

Да, я говорю тебѣ — убить!
А ты, глупецъ, дуракъ, болванъ! Прости меня —
Я думалъ, что тутъ спрятался другой, умнѣе— обвиняй
Судьбу свою — ты видишь, что услуга
Другимъ не безъ опасности бываетъ...
Зачѣмъ ломать такъ руки? Успокойтесь, сядьте —
Я сердце ваше изломаю — я расшевелю его,
Когда оно еще не вовсе стало камнемъ,
И навыкомъ на зло не обратилось въ сталь,
Когда ему доступно хоть одно
Какое нибудь чувство....

КОРОЛЕВА.

Что я сдѣлала такое,
За что ты такъ жестокъ ко мнѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Такое дѣло,
Которымъ погубила скромность ты!
Изъ добродѣтели ты сдѣлала коварство—цвѣтъ любви
Ты облила смертельнымъ ядомъ — клятву,
Предъ алтаремъ тобою данную супругу,
Ты въ клятву игрока преобратила —
Ты погубила вѣру въ душу человѣка —
Ты посмѣялась святости закона,
И небо отъ твоихъ злодѣйствъ горитъ!
Да, видишь ли, какъ все печально и уныло,
Какъ будто наступаетъ страшный судъ!

КОРОЛЕВА.

Ахъ! что такое, говори? Что хочешь
Ты высказать въ безумномъ наступленьи?

ГАМЛЕТЪ.

А вотъ они, вотъ два портрета — посмотри:
Какое здѣсь величіе, краса и сила,
И мужество и умъ — таковъ орелъ,
Когда съ вершины горъ полетъ свой къ небу
Направитъ — совершенство Божьяго созданья —
Онъ былъ твой мужъ! — Но посмотри еще —
Ты видишь ли траву гнилую, зелье,
Сгубившее великаго — взгляни, гляди —
Или слѣпая ты была, когда
Въ болото смрадное разврата пала?
Говори: слѣпая ты была?
Не помнишь мнѣ о любви: въ твои лѣта
Любовь уму послушною бываетъ —
Гдѣ же былъ твой умъ? Гдѣ былъ разсудокъ?
Какой же адскій демонъ овладѣлъ
Тогда умомъ твоимъ и чувствомъ — зрѣньемъ просто?
Стыдъ женщины, супруги, матери забытъ....
Когда и старость падаетъ такъ страшно,
Что жъ юности осталось? Страшно,
За человѣка страшно мнѣ!...

КОРОЛЕВА.

Мой сынъ!
Ты очи обратилъ мнѣ внутрь души,
И я увидѣла ее въ такихъ кровавыхъ,
Въ такихъ смертельныхъ язвахъ — нѣтъ спасенья!

ГАМЛЕТЪ.

И для чего жъ ты поддалась пороку,
Любви искала въ безднѣ преступленья?

КОРОЛЕВА.

Ахъ! замолчи! Какъ острые ножи,
Слова твои мнѣ сердце растерзали!
Умолкни, Гамлетъ, милый сынъ!

ГАМЛЕТЪ.

Убійца,
Злодѣй, рабъ, шутъ въ коронѣ, воръ,
Укравшій жизнь, и братнюю корону
Тихонько утащившій подъ полой,
Бродяга....

КОРОЛЕВА.

Ахъ! ни слова больше, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

И злодѣю ты могла....

(Тѣнь отца входитъ.)

Спасите,
Крылами вашими меня закройте,
Вы, ангелы небесъ... Скажи, чего ты хочешь,
Страдалецъ?

КОРОЛЕВА.

Онъ съ ума сошелъ?

ГАМЛЕТЪ.

Или явился ты
Упреками осыпать сына
За медленность его въ отмщеньи? Говори!

(Молчаніе.)

Что съ вами, Королева?

КОРОЛЕВА.

Что съ тобой, Гамлетъ?
Зачѣмъ твой взоръ блуждаетъ въ пустотѣ?
Съ кѣмъ говоришь ты въ воздухѣ пустомъ?
И вся душа въ твои переселилась очи,
И дыбомъ волосы твои. Мой милый сынъ,
Утишь порывы чувствъ. Кого ты видишь?

ГАМЛЕТЪ.

Его, его! Смотри, какъ блѣденъ онъ!
Его ужасное явленье
И въ камень чувства передастъ!
Нѣтъ! не смотри такъ грустно и печально!
Поколебать мою рѣшимость можешь ты,
И я не кровью стану мстить — слезами!

КОРОЛЕВА.

Съ кѣмъ говоришь ты?

ГАМЛЕТЪ.

И ни ты не видишь?

КОРОЛЕВА.

Я никого не вижу, хоть и вижу все.

ГАМЛЕТЪ.

И ничего не слышишь?

КОРОЛЕВА.

Ничего.

ГАМЛЕТЪ.

Гляди, гляди — вотъ онъ, отецъ мой, онъ,
И какъ живой! Гляди — вотъ онъ уходитъ —
Ушелъ....

(Тѣнь уходитъ.)

КОРОЛЕВА.

Мечта воображенья, сынъ мой!
Ты забываешься и видишь привидѣнья!

ГАМЛЕТЪ.

Мечта?
Но пульсъ мой бьется такъ же
Какъ у тебя — я вижу, слышу — мой разсудокъ
Со мной — я разскажу тебѣ слова его,
А можетъ ли безумный разсказать
Въ порядкѣ, стройно? Это ли безумство?
Мать, мать моя! не погуби спасенья
Души твоей коварной лестью, будто
Здѣсь говоритъ безумье мое,
А не твои грѣхи и преступленья!
Ты сердца ранъ не исцѣлишь, ты скроешь
Ихъ въ глубину души, и страшно тамъ
Они сожгутъ ее мученьемъ ада!
Съ раскаяньемъ прибѣгни къ Богу — кайся,
Молись за прошлое, грядущаго страшись,
И ядъ безчувствія страшись считать отрадой!
Я умоляю, падаю къ ногамъ....
Въ развратный вѣкъ не преступленье,
Но добродѣтель, добродѣтель умолять должна
Прощенье въ томъ, что смѣетъ возносить
Молитвы голосъ за его спасенье!

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ, мой сынъ! ты растерзалъ мнѣ сердце!

ГАМЛЕТЪ.

Отбрось его гнилую часть, отбрось,
И съ чистой половиною останься!
Разстаться должно намъ.... Не оскверняй
Себя прикосновеньемъ дяди!
И если ты недобродѣтельна — притворствуй,
Притворись, что добродѣтель любишь.
Чудовище привычка, но добра губитель
Намъ ангеломъ спасителемъ быть можетъ,
И къ добродѣтели насъ можетъ пріучить.
Сегодня тяжко намъ бываетъ воздержанье,
Но на другой день легче, и по малу
Къ добру оно насъ можетъ пріучить!
Прощай — мать моя, прощай! и если хочешь
Благословенія небесъ, скажи мнѣ —
Приду къ тебѣ просить благословенья!

(обращается къ Полонію).

А ты, пріятель, извини — мнѣ жаль тебя.
Судьбѣ угодно было такъ, чтобъ ты
Былъ мной наказанъ, а тобою я.
За смерть твою я буду отвѣчать.
И разъ еще — о мать моя! Прости мнѣ —
Я былъ къ тебѣ жестокъ; безчеловѣченъ,
Но я хотѣлъ, я долженъ быть таковъ,
Чтобъ матери отдать вновь чувства человѣка...
Да, слова два....

КОРОЛЕВА.

Скажи, что дѣлать мнѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Что?... Ничего не дѣлай, и не вѣрь
Тому; что говорилъ я. Пусть Король
Опять тебя въ свои объятья приметъ;
Открой ему всю тайну; разскажи,
Что не безумецъ въ самомъ дѣлѣ Гамлетъ,
Но сумасшедшимъ только притворился —
И какъ же вамъ, прекрасной, умной, доброй,
Счастливой Королевѣ, не сказать
Летучей мыши этой, жабѣ,
Совѣ полуночной, какъ не сказать всего?
Такая вѣсть его обезопаситъ,
Порадуетъ — а тамъ, что нужды,
Когда сама себѣ ты шею повихнешь!

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ! я клянусь тебѣ, что скрою все,
Все, что ни говорилъ ты мнѣ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Извѣстно ль вамъ? Я въ Англію поѣду —

КОРОЛЕВА.

Ахъ! я забыла.... Это рѣшено.

ГАМЛЕТЪ.

Да, граматы уже готовы, и два друга,
Которымъ я какъ лицемѣрамъ вѣрю,
Сопровождать меня назначены въ пути
И довести до самой западни. Пускай —
Счастливый путь — поѣдемъ, поглядимъ,
Кто похитрѣй кого взорветъ на воздухъ —
Противъ подкопа поведу подкопъ,
И это утѣшаетъ, веселитъ меня,
Когда умы работаютъ людскіе
На гибель друга, будто лютый звѣрь!
А этого я спрячу молодца....
Спокойной ночи!
Что ты молчаливъ,
Такъ скроменъ, такъ угрюмъ, скажи, пріятель?
Ты, цѣлый вѣкъ болтавшій безъ умолку?
Пойдемъ — съ тобой что много толковать!

(Тащитъ Полонія.)

Спокойной ночи, Королева!

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Королевскій дворецъ.)

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

КОРОЛЬ.

Есть причина этой скорби, этихъ вздоховъ.
Я долженъ знать ее. Скажи мнѣ —
Гдѣ твой сынъ?

КОРОЛЕВА.

Оставьте насъ.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

Ахъ, Государь! ужасна эта ночь была!

КОРОЛЬ.

Что, Гертруда? Что сдѣлалъ Гамлетъ?

КОРОЛЕВА.

Безуменъ, бѣшенъ, будто буря въ спорѣ
Съ могучимъ океаномъ, и въ безуміи своемъ
Услышалъ онъ, что за ковромъ есть кто то,
Мечъ выхватилъ, вскричалъ: «Мышь, мышь!
И въ сумасшествіи ударилъ, и убилъ,
Безумецъ, нашего совѣтника и друга...

КОРОЛЬ.

Ужасно! Я могъ быть тамъ, я могъ погибнуть!
Ему свободу дать опасно, гибельно.
Тебѣ, мнѣ, всѣмъ опасенъ онъ.
Увы! кто отвѣчаетъ за эту кровь?
Мы — мы предвидѣть бы могли
И удалить должны бы отъ людей
Безумца, но любовь къ нему такъ велика,
Что мы забыли долгъ нашъ.
Такъ тяжкая болѣзнь кого терзаетъ,
Страшась послѣдствій, онъ ее таитъ
И гибнетъ. Гдѣ жъ теперь твой сынъ?

КОРОЛЕВА.

Онъ потащилъ убитаго Полонія.
Среди безумія, какъ искры злата
Средь грубой смѣси рудъ — сверкаютъ въ немъ
И умъ и сердце — онъ рыдаетъ — поздно!...

КОРОЛЬ.

Пойдемъ, Гертруда. Прежде чѣмъ лучи
Померкнутъ солнца на вершинахъ горъ,
Корабль къ его отъѣзду изготовятъ.
Его безумное убійство скроемъ мы.
Придумаемъ причины. — Гильденштернъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ.)

Мои друзья! возьмите стражу. Гамлетъ
Убилъ Полонія въ безумномъ изступленьи
И утащилъ его бездушный трупъ.
Подите, поговорите съ нимъ, сыщите тѣло
И честному предайте погребенью—
Спѣшите —

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

Я иду собрать совѣтъ,
Скажу, что сдѣлалось, спрошу, какъ должно
Теперь намъ поступить, чтобъ клевета,
Такъ быстро пролетающая свѣтъ,
Какъ выстрѣлъ пушечный летитъ до цѣли,
И отравляющая все въ пути, на насъ
Не излила бы ядовитой мести,
Разсѣялась, исчезла. — Поспѣшимъ —
Душа моя полна тревоги и сомнѣній!

(Уходятъ.)

ГАМЛЕТЪ, выбѣгаетъ.

Славно спрятанъ!

РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ, за сценою.

Гамлетъ! Принцъ Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Тише! Что за шумъ? На что вамъ Гамлета?
Они идутъ....

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ.)

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Что сдѣлали вы, Принцъ, съ тѣломъ Полонія?

ГАМЛЕТЪ.

Отдалъ его родпѣ — землѣ отдалъ я его.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Гдѣ же оно? надобно взять его и похоронить.

ГАМЛЕТЪ.

Не вѣрьте этому.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Чему не вѣрить?

ГАМЛЕТЪ.

Тому, что умѣя сохранять ваши тайны, я не умѣю сохранить моихъ тайнъ. Что будетъ отвѣчать сынъ Короля, если его спрашиваетъ губка?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Развѣ я губка, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, губка, которая впитываетъ въ себя милости, ласки и власть своего Короля. Но вы самые лучшіе слуги для Королей. Короли берегутъ васъ на закуску, какъ обезьяны лакомый кусочекъ. Чуть понадобится взять обратно то, чѣмъ вы напитались — васъ пожмутъ, и — вы сухи, какъ губка!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Я васъ не понимаю, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Очень радъ. У кого въ ухѣ спокойно спитъ насмѣшка, тотъ — дуракъ!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скажите, гдѣ положили вы тѣло, и потомъ пожалуйте къ Королю.

ГАМЛЕТЪ.

Тѣло бываетъ Королемъ, но Король не долженъ быть тѣломъ. Король есть нѣчто.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Нѣчто, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Или ничто. Пойдемъ къ Королю. Впередъ лисицы, а собака за ними.

(Уходятъ.)

=

КОРОЛЬ И ПРИДВОРНЫЕ.

КОРОЛЬ.

Я звать его велѣлъ и отыскать, гдѣ трупъ.
Какъ страшно оставлять ему свободу!

Но строгій съ нимъ поступокъ непричиненъ.
Любимъ онъ глупою толпой народа;
Она безумно судитъ то, что внидитъ,
И кто наказанъ, тотъ и правъ въ ея глазахъ,
Его вина забыта. Тихо, скромно все устроить
И отъѣздъ его внезапный показать
Необходимостью. Мы злу поможемъ зломъ,
Или ничѣмъ.

(Розенкранцъ входитъ.)

Ну, что такое, говорите?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Гдѣ тѣло скрылъ онъ, Государь,
Мы не могли узнать.

КОРОЛЬ.

Но гдѣ онъ самъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ здѣсь, подъ стражею — ждемъ вашего приказа.

КОРОЛЬ

Ввести его.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Введите, Гильденштернъ.

(Вводятъ Гамлета.)

КОРОЛЬ.

Ну, Гамлетъ — гдѣ же Полоній?

ГАМЛЕТЪ.

На ужинѣ.

КОРОЛЬ.

Какъ на ужинѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, гдѣ не онъ ѣстъ, а его ѣдятъ. Къ нему собралось множество премудрыхъ червяковъ. Вы знаете, что всѣ наши ужины дѣлаются для червяковъ: мы откармливаемъ животныхъ, чтобы откормить себя, а себя откармливаемъ, чтобы откормить червяковъ. Король и нищій — что это такое! Два разныя блюда для нихъ, и оба будутъ на одномъ столѣ — одинъ конецъ обоимъ!

КОРОЛЬ.

Великій Боже!

ГАМЛЕТЪ.

Человѣкъ ловитъ рыбу на червяка, который, можетъ быть, позавтракалъ Королемъ, и ѣстъ рыбу, которая позавтракала этимъ червякомъ.

КОРОЛЬ.

Что хочешь ты сказать этимъ?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего — я только хочу вамъ показать, что нищій можетъ съѣсть Короля.

КОРОЛЬ.

Гдѣ Полоній?

ГАМЛЕТЪ.

На небесахъ — пошлите справиться. Если не найдутъ тамъ, пошлите сыскать его въ другомъ мѣстѣ. А если не найдете его нигдѣ, то черезъ мѣсяцъ, онъ скажется вамъ благовоніемъ подъ лѣстницею галлереи.

КОРОЛЬ.

Поспѣшите туда.

ГАМЛЕТЪ.

Зачѣмъ спѣшить — онъ подождетъ.

(Нѣкоторые изъ придворныхъ уходятъ.)

Гамлетъ! послѣ твоего поступка,
Заботясь нѣжно о тебѣ, сколь намъ ни скорбно,
Но долженъ ты скорѣе удалиться. Будь готовъ.
Ужъ наряженъ корабль, готовься ѣхать
Въ Англію.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ! въ Англію?

КОРОЛЬ.

Да, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо.

КОРОЛЬ.

Теперь тебѣ извѣстны наши мысли.

ГАМЛЕТЪ.

Да, ихъ слышитъ ангелъ небесный — но такъ и быть: поѣдемъ въ Англію. Простите, милая маменька!

КОРОЛЬ.

Любящій тебя отецъ — хотѣлъ ты сказать, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Мать — говорю я: отецъ и мать — мужчина и женщина, но оба вмѣстѣ одно — мать, добрая мать — поѣдемъ въ Англію.

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ.

Послѣдуйте за нимъ; уговорите ѣхать;
Не медлите, чтобъ ночь васъ не застала здѣсь.
Путь добрый. Все готово, что до вашего отъѣзда
Касается. Прошу васъ поспѣшить.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

А ты, о Англія! когда цѣнить умѣешь
Мою пріязнь (ее ты оцѣнить могла,
Почувствовавъ глубокіе удары
Меча, которымъ ты была поражена,
И данью покупая нашу дружбу,)
Нехладнокровно ты услышишь просьбу

Мою, и грамоты, врученныя Гамлету,
Тебѣ покажутъ, что должна ты дѣлать —
Смерть Гамлету! Будь, Англія, послушна,
Избавь меня отъ этой тяжкой язвы —
Пока онъ живъ — нѣтъ счастья для меня!

(Уходитъ.)

=

ПОСЛЫ ФОРТИНБРАСА.

ПЕРВЫЙ ПОСОЛЪ.

Идите съ поздравленьемъ къ Королю.
Скажите, что его согласно волѣ,
Норвежскій Принцъ ждетъ съ войсками своими,
Что черезъ Данію ему пройдти позволятъ,
И ежели Его Величеству угодно
Назначить намъ свиданье — пусть укажетъ мѣсто,
Нашъ Принцъ придетъ воздать ему почтенье.

ВТОРОЙ ПОСОЛЪ.

Исполню.

ПЕРВЫЙ ПОСОЛЪ.

Миръ и тишину мы соблюдемъ.

=

ГАМЛЕТЪ, РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.
ВХОДЯТЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Что за народъ?

ПОСОЛЪ.

Послы Норвежскаго владыки.

ГАМЛЕТЪ.

Но что же вамъ угодно?

ПОСОЛЪ.

Мы на Польшу
Идемъ, и просимъ позволенья перейдти
Чрезъ ваши области.

ГАМЛЕТЪ.

А вашъ начальникъ?

ПОСОЛЪ.

Фортинбрасъ, Норвежскій Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что жъ? Всю ли Польшу воевать,
Иль такъ, клочекъ земшцы взять
Вы собрались?

ПОСОЛЪ.

Сказать по правдѣ,
Мы бьемся за клочекъ земли, который
Не стоитъ и пяти червонцевъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что жъ? Его вамъ бросятъ и безъ драки.

ПОСОЛЪ.

Напротивъ — Поляки рѣшились драться.

ГАМЛЕТЪ.

Въ двѣ тысячи людей, да въ двадцать тысячъ
Червонцевъ, вамъ клочекъ земли придется —
Поздравить можно васъ съ завоеваньемъ.

ПОСОЛЪ.

Желаемъ счастья вамъ.

(Уходятъ Послы.)

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Пойдемте, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Идите, я за вами не замедлю.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

Какъ все противъ меня возстало
За медленное мщенье!... Что ты, человѣкъ,
Когда ты только означаешь дни
Сномъ и обѣдомъ? Звѣрь, не больше, ты.
Да, Онъ, создавшій насъ съ такимъ умомъ, что мы
Прошедшее и будущее видимъ — Онъ не для того
Насъ одарилъ божественнымъ умомъ,
Чтобъ погубили мы его безплодно.
И если робкое сомнѣнье медлитъ дѣломъ
И гибнетъ въ нерѣшительной тревогѣ —
Три четверти здѣсь трусости постыдной
И только четверть мудрости святой.
Къ чему мнѣ жизнь? Твердить: я долженъ сдѣлать,
И медлить, если силы есть, и воля, и причины,
И средства исполненья! Вотъ примѣръ:
Здѣсь юный вождь ведетъ съ тобою войско,
Могучее и сильное; вождь смѣлый,
Онъ все приноситъ въ жертву чести, славѣ,
Все отдаетъ погибели и смерти.
И для чего? За что? Яичной скорлупы
Завоеванье не стоитъ. Честь не велика,
Не велика и слава жертвовать собою
Ничтожному дѣянію. Но на что причина?
Ее дѣянья наши оправдаютъ....
А я — отецъ убитъ, безславье матери удѣлъ —
Какъ кровь не кипитъ, уму не волноваться,
А я — бездѣйствую, когда на мой позоръ,
На смерть идетъ здѣсь двадцать тысячъ войска,
И многіе не знаютъ для чего идутъ,
И тысячи бѣгутъ за тѣнью славы,
И той земли, за что они погибнутъ —
На пхъ могилы мало!... Нѣтъ! отъ сей поры
Кровь будетъ мысль едина — иль вовсе
Во мнѣ не будетъ мысли ни единой!

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

(Комнаты Королевы.)

КОРОЛЕВА И ГОРАЦІО.

КОРОЛЕВА.

Я не хочу съ ней говорить!...

ГОРАЦІО.

Она васъ проситъ,
Она достойна сожалѣнья.

КОРОЛЕВА.

Что могу я?

ГОРАЦІО.

Все объ отцѣ твердитъ она, твердитъ, что люди
Обманщики, рыдаетъ и безумствуетъ она.
Безсмысленныя рѣчи произноситъ,
Но онѣ глубоко западаютъ въ душу,

Онъ невольно заставляютъ мыслить.
Ея печаль, ея движенья, взгляды,
Все увѣряетъ, что въ душѣ ея таятся
Тоска глубокая, безумная печаль.

КОРОЛЕВА.

Да, я должна съ ней говорить. Она
Опасныя возбудитъ подозрѣнья
И только злые — пусть войдетъ.

(Горацio выходитъ.)

О преступленье! малая причина
Тебя тревожитъ, предвѣщая горе,
И недовѣрчивость, сомнѣніе — невольно
Разоблачаютъ черную порока тайну.

ОФЕЛІЯ, вбѣгая.

Гдѣ, гдѣ она, прекрасная владычица?

КОРОЛЕВА.

Офелія! что, что съ тобою?

ОФЕЛІЯ, поетъ.

Моего вы знали ль друга?
Онъ былъ бравый молодецъ,
Въ бѣлыхъ перьяхъ, статный воинъ,
Первый Даніи боецъ.

КОРОЛЕВА.

Ахъ, бѣдная Офелія! что ты поешь?

ОФЕЛІЯ.

Что я пою? Послушайте, какая пѣсня —

Но далеко, за морями,
Въ страшной онъ лежитъ могилѣ;
Холмъ на немъ лежитъ тяжелый,
Ложе — хладная земля!

КОРОЛЕВА.

Милая Офелія....

ОФЕЛІЯ.

Да слушайте же пѣсню!

Бѣлымъ саваномъ обвили,
Гробъ усыпали цвѣтами,
И въ могилу опустили
Со слезами, со слезами.

КОРОЛЕВА, входящему Королю.

Пожалѣйте о бѣдняжкѣ, Государь; посмотрите —

КОРОЛЬ.

Что ты, Офелія?

ОФЕЛІЯ.

А что я? Ничего. Покорно благодарю. Знаете ли, что совушка была дѣвушка, а потомъ стала сова? Ты знаешь, что ты теперь, а не знаешь, чѣмъ ты будешь. Здравствуйте. Добро пожаловать!

КОРОЛЬ

Бѣдная! Она не можетъ забыть отца.

ОФЕЛІЯ

Отца? Вотъ какой вздоръ — совсѣмъ не отца, а видите что: она пришла на самомъ разсвѣтѣ Валентинова дня, и говоритъ:

Милый другъ! съ разсвѣтомъ яснымъ
Я пришла къ тебѣ тайкомъ.
Валентиномъ будь прекраснымъ,
Выглянь — здѣсь я, подъ окномъ!

Онъ поспѣшно одѣвался,
Тихо двери растворилъ,
Быть ей вѣрнымъ страшно клялся,
Обманулъ и — разлюбилъ!

КОРОЛЬ.

Полно, Офелія!

ОФЕЛІЯ.

Да, онъ ее обманулъ — это ничего; да зачѣмъ онъ клялся? Грѣшно ему!

Плохо съ совѣстью людскою
Друга сердцемъ полюбить —
Онъ смѣется надо мною,
Что мнѣ дѣлать? какъ мнѣ быть?

Другу дѣвица сказала:
«Ты всѣ клятвы измѣнилъ —
Я тебя не забывала —
Ты за что меня забылъ?»

Другъ съ усмѣшкой отвѣчаетъ:
«Клятвъ монхъ я не забылъ —
Развѣ дѣвица не знаетъ:
Я шутилъ — вѣдь я шутилъ!

КОРОЛЬ.

Давно ли это съ ней сдѣлалось?

ОФЕЛІЯ.

Все это будетъ ладно, повѣрьте — только потерпите — а все мнѣ хочется плакать, какъ подумаю, что его зарыли въ холодную землю! Братъ все это узнаетъ, а васъ благодарю за совѣтъ. Скорѣе карету! Доброй почи, моя милая, доброй почи!...

(Убѣгаетъ.)

КОРОЛЬ.

Идите за ней, поберегите ее.

(Горацio уходитъ.)

Печали ядъ ей душу отравилъ —
Отца погибель. Видишь ли, Гертруда,
Бѣды не ходятъ одиноко, но толпою:
Погибъ Полоній, сынъ твой удаленъ —
Безумiемъ онъ заслужилъ изгнанье —
И вотъ народъ волнуется, бунтуетъ,
Подозрѣваетъ смерть Полонія и ропщетъ.
Напрасно скрыли мы его причину смерти!
И вотъ Офелія теряетъ разумъ,
И что всего важнѣе — мнѣ извѣстно,
Что братъ ея сюда пріѣхалъ тайно.
Онъ злобой дышитъ, разсѣваетъ слухи,

И мстить за смерть Полонія рѣшился,
Насъ обвиняя въ гибели отца.
О милая Гертруда! тяжко сердцу
Противостать столь бѣдственнымъ событьямъ!

(Слышенъ шумъ.)

КОРОЛЕВА.

Но что такое? Шумъ, смятеніе народа!

КОРОЛЬ.

Кто здѣсь? Стражи! охраните входъ!

(Входитъ Горацio.)

Что за смятенье?

ГОРАЦIО.

Государь! простите —
Какъ волны моря разъяреннаго стремятся,
Такъ къ вамъ Лаертъ, съ толпой своихъ друзей,
Стремятся въ ярости, съ мечами, и за нимъ
Толпа безумная бѣжитъ, провозглашаетъ
Лаерта имя. Мщенья за отца
Онъ требуетъ, онъ молитъ у народа!

КОРОЛЕВА.

И на голову ихъ падетъ отмщенье!
Безумцы слѣдуютъ за нимъ....

ЛАЕРТЪ, за сценою.

Гдѣ онъ? Король?
Прочь, прочь съ дороги!

НАРОДЪ, за сценою.

Прочь! Гдѣ, гдѣ Король?

ЛАЕРТЪ, врывается въ дверп.

Отдай мнѣ моего отца!

КОРОЛЕВА.

Лаертъ!
Что это значитъ? Успокойся.

ЛАЕРТЪ.

Будь я проклятъ,
Пусть буду я безславенъ и безчестенъ,
Когда спокоенъ буду!

КОРОЛЬ.

Не безпокойся, Королева. Мнѣ не страшны
Угрозы безразсуднаго Лаерта.
Скажи, чего ты хочешь, безразсудный?

ЛАЕРТЪ.

Гдѣ мой отецъ?

КОРОЛЬ.

Онъ умеръ.

КОРОЛЕВА.

И въ его кончинѣ
Мы не виновны.

КОРОЛЬ.

Что же? Спрашивай, Лаертъ!
Я отвѣчаю.

ЛАЕРТЪ.

Нѣтъ! коварной рѣчью
Не обольстишь меня — скажи: онъ умеръ —
Кто былъ его убійца? Отвѣчай, иль страшно
Отмщенье сына будетъ!

КОРОЛЬ.

Но зачѣмъ же стало?

ЛАЕРТЪ.

Остатокъ чести, вѣрности отцовской,
Мой мечъ удержитъ, если ты мнѣ выдашь
Убійцу моего отца!

КОРОЛЬ.

И снова
Я узнаю Лаерта. Добрый сынъ
Бунтовщикомъ, измѣнникомъ не будетъ,
И мстить невинымъ не захочетъ — нѣтъ!
Онъ только отомститъ виновнымъ.

ЛАЕРТЪ.

Да, виновнымъ!

КОРОЛЬ.

Ты ихъ узнаешь.

ЛАЕРТЪ.

Пусть они погибнутъ,
И снова кровь моя и жизнь принадлежатъ
Отечеству и Королю!

КОРОЛЬ.

Довольно.
Виновенъ ли я въ смерти былъ отца,
Пусть сынъ разсудитъ, пусть увидитъ онъ.

НАРОДЪ, за сценою.

Впустить ее, впустить!

ЛАЕРТЪ.

Что слышу?

(Входитъ Офелія, странно убранная соломою и цвѣтами).

Изсохни, мозгъ мой, лейтесь, мои слезы!
Сестра моя! твое безумство будетъ
Заплачено злодѣю — другъ, сестра,
Офелія! Да, лучше быть безумнымъ,
Когда намъ все, что было драгоцѣнно,
Все измѣнило — счастье и любовь!

ОФЕЛІЯ, поетъ.

Схоронили его съ непокрытымъ лицомъ,
Собирались они надъ могильнымъ холмомъ,
И горючія слезы кипѣли ручьемъ,
Какъ прощались они съ старикомъ.

Прощай, голубчикъ!

ЛАЕРТЪ

Если бы въ полномъ умѣ ты побуждала меня мстить — я менѣе былъ бы подвигнутъ къ отмщенію, нежели теперь — сестра несчастная!

ОФЕЛІЯ.

Вы пойте между тѣмъ: «*Долой, злодѣй! На казнь, злодѣй!*» Славная пѣсенка! Вы знаете? Это о томъ пажѣ, который похитилъ дочь рыцаря.

ЛАЕРТЪ.

Ея безумiе лишаетъ меня ума!

ОФЕЛІЯ, перебирая цвѣты.

Вотъ розмаринъ — это воспоминаніе! Душечка, миленькій! вспомни обо мнѣ! А вотъ незабудка — не забудь меня!

ЛАЕРТЪ.

Память пережила умъ несчастной!

ОФЕЛІЯ.

Вотъ вамъ тминъ, вотъ поготки, вотъ рута, горькая травка — вамъ и мнѣ. Вы носите ее только по праздникамъ — горе праздникъ человѣку. Ахъ! вотъ и маргаритка — фіялокъ нѣтъ — извините — всѣ завяли, съ тѣхъ поръ, какъ отецъ мой умеръ! Да не бойтесь: вѣдь онъ умеръ спокойно —

Радость — душечка пропала,
Какъ мила друга не стало!

ЛАЕРТЪ.

Мечта и печаль, и страсть, и самое безуміе въ ней очаровательны!

ОФЕЛІЯ, поетъ.

Онъ не придетъ, онъ не придетъ,
Его мы больше не увидимъ.
Нѣтъ! умеръ онъ,
Похороненъ!
Его мы больше не увидимъ!

Вѣетъ вѣтеръ на могилѣ,
Гдѣ зарыли старика,
И три ивы, три березы посадили;
Онѣ плачутъ, какъ печаль моя, тоска!
Не плачьте, не плачьте, молитесь объ немъ.
Покой его, Боже мой! праведнымъ сномъ!

И души всѣхъ, кто умеръ... Молитесь за него и — Богъ съ вами!

(Уходитъ.)

ЛАЕРТЪ.

О Боже мой! ужели ей погибнуть?

КОРОЛЬ.

Лаертъ! твою печаль я раздѣляю,
И ты отдашь мнѣ справедливость — удалимся,
Мнѣ надобно съ тобою говорить.
Возьми съ собой друзей, когда боишься
Коварства — пусть они судьями будутъ
Между тобой и мной, и если обвинятъ.
Они меня — готовъ мою корону,
И жизнь, и все отдать тебѣ возмездьемъ.
Но если правъ я буду — согласись
Соединить тогда свои со мною силы
На мщенье нашему врагу.

ЛАЕРТЪ.

Да будетъ такъ!
Безвѣстная родителя кончина,
Его забвенный гробъ, его могила
Безъ украшеній, памяти достойной,
И погребеніе безъ почестей приличныхъ —
Все вопіетъ о мщеньи — небо и земля
Велятъ мнѣ требовать отчета!

КОРОЛЬ.

И отчетъ
Я дать тебѣ готовъ, и на главу
Виновнаго падетъ стѣкира казни!
Иди за мной.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Горація.)

ГОРАЦІО, одинъ.

Письмо отъ Гамлета! Посмотримъ,
Что пишетъ онъ — ко мнѣ и Королю.

«Когда ты получишь это письмо, Горацію, знай, что вскорѣ меня увидишь. Странное обстоятельство сдѣлало то, что я не поѣхалъ въ Англію, куда безъ меня отправились Розенкранцъ и Гильденштернъ. Прилагаемое письмо отдай Королю: Я разскажу тебѣ много чудесъ.

Гамлетъ.

Что это значитъ? Я не постигаю!

КОРОЛЬ и ЛАЕРТЪ, возвращаются.

Теперь, ты возвращаешь ли мнѣ дружбу,
Лаертъ? Ты понялъ ли, что мнѣ грозила
Такая же опасность, и я могъ
Погибнуть вмѣсто твоего отца?

ЛАЕРТЪ.

Я вижу, вѣрю, но еще не понимаю,
Какъ вы могли злодѣйству попустить
Быть не наказаннымъ, когда опасность вамъ
Грозила гибелью...

КОРОЛЬ.

Двѣ важныя причины
Я объяснялъ тебѣ, Лаертъ, и повторю:
Гамлета любитъ Королева; жизнь ея
Такъ связана съ сыновней жизнью,
Что смерть его была бъ ей приговоромъ.
Ничто ее не сильно удержать,
Ему пожертвовать другими. Онъ любимъ
Народомъ; безразсудная толпа
Могла возстать за Гамлета, и стрѣлы
Могли пронзить того, кто смѣлъ бы бросить
Ихъ въ наказаніе виновному.

ЛАЕРТЪ.

Отецъ!
И такъ твоя безславная кончина
Не будетъ отмщена! И ты, сестра моя,
Ты Божіе прекрасное созданье —
Погибла безъ отмщенья... Нѣтъ! ничто, ничто
Мой гнѣвъ не укротитъ — убійцу
Я отыщу за дальними морями...

ГОРАЦІО, приближается.

Король, позвольте мнѣ — письмо Гамлета.

КОРОЛЬ.

Письмо Гамлета? Кто принесъ его?

ГОРАЦІО.

Съ кѣмъ присланно, мнѣ это неизвѣстно.
Быть можетъ, Принцъ самъ это объяснитъ.

КОРОЛЬ.

Лаертъ! ты слышишь ли? — Горацію! ты можешь
Оставить насъ.

ГОРАЦІО.

Я поспѣшу на встрѣчу Принца.
(Уходитъ.)

КОРОЛЬ.

Онъ здѣсь! Но гдѣ же посланные съ нимъ?
Мнѣ непонятно — выслушай письмо:

«Нагой и одинокій возвращаюсь я въ королевство отца моего, ваше и матери моей королевство. Лично буду я имѣть честь разсказать вамъ всѣ обстоятельства моего страннаго возвращенія.»

ЛАЕРТЪ.

Его ли почеркъ это?

КОРОЛЬ.

Да, рука Гамлета.
Лаертъ! теперь совѣтуй, говори, скажи,
Что дѣлать мнѣ? Такъ — праведному мщенью
Судьбу Гамлета я готовъ отдать.

ЛАЕРТЪ.

Пусть онъ придетъ, пусть явится, и смѣло
Я стану передъ нимъ, скажу ему:
«Убійца!»

КОРОЛЬ.

Только?

ЛАЕРТЪ.

Жребій пусть рѣшитъ,
Кому изъ насъ погибнуть въ битвѣ!

КОРОЛЬ.

Жребій — слѣпецъ! Но мы ему поможемъ,
И мщенье вѣрное не промахнется,
Ударъ падетъ, куда назначенъ онъ.
Лаертъ! твоя довѣренность ко мнѣ
Необходима — замыселъ въ душѣ
Тайный — я тебѣ открою!

ЛАЕРТЪ.

Вѣрьте,
Что я слѣпымъ орудьемъ вашимъ буду!

КОРОЛЬ.

Ты согласишься — судъ и казнь Гамлета
Мнѣ невозможны. Средство есть одно:
Мы слышали, что ловкій ты боецъ,
Что въ самой Франціи не могъ ты встрѣтить
Соперника, достойнаго тебя.
Гамлетъ давно желалъ помѣряться съ тобой
Въ искусствѣ биться.

ЛАЕРТЪ.

Дайте мѣсто намъ,
И мечъ мой, вѣрный мой товарищъ, сыщетъ,
Гдѣ бьется сердце моего врага!

КОРОЛЬ.

Ты забываешь, что кровавый бой
Здѣсь невозможенъ — санъ и отношенья
Мнѣ не позволятъ вамъ согласья дать.

ЛАЕРТЪ.

Какъ?

КОРОЛЬ.

Если бъ я и могъ тебѣ дозволить,
Кто знаетъ, кто падетъ изъ васъ двоихъ?
И мщенье ль будетъ, казнь ли будетъ этотъ бой?
Любилъ ли ты отца, скажи, Лаертъ?
Убійцѣ казнь готовъ ли ты воздать?

ЛАЕРТЪ.

О! палачемъ его готовъ я быть!

КОРОЛЬ.

Довольно!
Скрой ненависть въ присутствіи другихъ;
Пусть возвратится Гамлетъ, я устрою
Возможность вамъ помѣряться въ бою,
Друзьями, какъ соперникамъ въ искусствѣ.
Я съ нимъ держу закладъ, противъ тебя,
И — онъ погибнетъ!

ЛАЕРТЪ.

Какъ погибнетъ?

КОРОЛЬ.

Да — въ смертельный ядъ
Я мечъ твой обмочу — довѣрчивый Гамлетъ
Проникнуть хитрости не можетъ, и прикосновеньемъ
Однимъ ты смерть Гамлету нанесешь...

ЛАЕРТЪ.

Убійство тайное!

КОРОЛЬ.

Нѣтъ! не убійство — месть
Преступнику, который внѣ закона!
И смерть отца ты отомстишь, Лаертъ,
И жизнь мою тогда обезопасишь,
И преступленью казнь ты совершишь!
Но, шумъ! Сюда идетъ поспѣшно Королева!
Она — мать Гамлета! Лаертъ — молчанье!
Что съ тобой, Гертруда?

КОРОЛЕВА.

Горе
За нами неотступно по слѣдамъ.
Лаертъ! твоя сестра погибла!

ЛАЕРТЪ.

Какъ? Погибла!

КОРОЛЕВА.

Погибла — утонула.

ЛАЕРТЪ.

Праведное небо!

КОРОЛЕВА.

Тамъ, гдѣ на воды ручья склонялась, ива
Стоитъ и отражается въ водахъ,
Офелія вѣнки плела и пѣла.
Вѣнки свои ей вздумалось развѣсить
На ивѣ — гибкій обломился сукъ,
И въ воду, бѣдная, упала, и въ водѣ,
Не чувствуя опасности и смерти,
Все пѣла и вѣнки свои плела,
Пока ея одежда не промокла,
И бѣдную не повлекло на дно...

ЛАЕРТЪ.

И утонула?

КОРОЛЕВА.

Утопула, утонула!

ЛАЕРТЪ.

О бѣдная Офелія, сестра! Не плачу я —
Боюсь, чтобы слезами не залить мнѣ

Той злобы, пламенемъ въ груди горящей...
Нѣтъ! слезы потекли изъ глазъ моихъ —
Я долженъ скрыть ихъ...

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ.

Поспѣшимъ, Гертруда!
Съ трудомъ я злобу укротилъ его.
Она возникнуть снова можетъ — поспѣшимъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Кладбище. Входятъ два могильщика, съ заступами. Одинъ начинаетъ рыть могилу)

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Да развѣ ее будутъ хоронить, какъ порядочнаго человѣка, когда она самовольно отправилась на тотъ свѣтъ?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Разумѣется — копай скорѣе могилу; судьи ужъ разсудили, что ее должно похоронить, какъ водится.

ПЕРВЫЙ.

Да какъ же это, когда она утопила тѣло свое добровольно?

ВТОРОЙ.

Открылось, что невольно.

ПЕРВЫЙ.

Да, ужъ все невольно. Вотъ въ чемъ причинность: если я топлю свое тѣло — такъ — дѣло, а дѣло дѣлаетъ — собственно дѣло, потомъ производство дѣла и исполненіе дѣла. Ну! какъ хочешь — она утопилась добровольно!

ВТОРОЙ.

Послушай-ка, товарищъ,

ПЕРВЫЙ.

Погоди! — Вотъ рѣка — такъ; тутъ человѣкъ — такъ; если человѣкъ пошелъ къ рѣкѣ и утонулъ — спорь онъ или не спорь — онъ пошелъ — видишь ли? Онъ, а не она. Вотъ если бы она пошла, такъ вышло бы, что она утопила, и выходитъ, что тотъ невиноватъ въ своей смерти, кто не покушался на смерть. А?

ВТОРОЙ.

Ну, а по закону?

ПЕРВЫЙ.

По закону? Ну — да, такъ и есть — я объ законѣ то и говорю.

ВТОРОЙ.

Апъ не такъ. Она была благородная, а потому и хоронится благородно.

ПЕРВЫЙ.

Какъ? Ну, да, то то и жаль, что кто посильнѣе, такъ ему и утопиться-то не плохо. Товарищъ-заступъ? за работу! Чортъ побери — нѣтъ никого на свѣтѣ старше по званію, какъ садовникъ, копачъ да могильщикъ — самое старинное ремесло, Адамово занятіе.

ВТОРОЙ.

А развѣ что старше, то и лучше?

ПЕРВЫЙ.

Разумѣется. — Экой безтолковой!

ВТОРОЙ.

Такъ стало, оселъ лучше меня, когда онъ старше меня?

ПЕРВЫЙ.

А вотъ я тебя спрошу — отвѣчай.

ВТОРОЙ.

Послушаемъ.

ПЕРВЫЙ.

Что всего прочнѣе на свѣтѣ строится?

ВТОРОЙ.

Что прочнѣе? Висѣлица — она переживаетъ всѣхъ своихъ жителей.

ПЕРВЫЙ.

За это стоило бы тебя самаго на висѣлицу. Видишь ты, умникъ: кто худо дѣлаетъ, тому хорошо идетъ висѣлица, а ты про худое говоришь хорошо, стало, тебѣ пало худо. Да отвѣчай-ка мнѣ на вопросъ.

ВТОРОЙ.

На вопросъ? То есть, что прочнѣе всего на свѣтѣ строится?

ПЕРВЫЙ.

Да, отвѣчай, и только.

ВТОРОЙ.

Изволь — знаю. ..

ПЕРВЫЙ.

Такъ говори.

ВТОРОЙ.

Пожалуй.... Право, братъ, не знаю — дай подумать.

(Входятъ Гамлетъ и Гораціо.)

ПЕРВЫЙ.

Не ломай головы по пустякамъ — лѣнивому ослу палкой не прибавить ходу. Когда тебя спросятъ, что всего прочнѣе строится на свѣтѣ, — отвѣчай: гробъ, потому, что его строятъ человѣку на жизнь вовѣки вѣковъ.— Ступай-ка, да принеси винца.

(Одинъ, могильщикъ уходитъ; другой остается роетъ могилу и поетъ.)

Лихой, удалый я бывалъ,
Любилъ играть и пѣть;
Теперь и старъ и хилъ я сталъ,
Пришлось не пѣть — кряхтѣть!

ГАМЛЕТЪ.

Понимаетъ ли этотъ болванъ, что онъ дѣлаетъ? Рыть могилу, и пѣть!

ГОРАЦІО.

Привычка сдѣлала его равнодушнымъ къ его занятію.

ГАМЛЕТЪ.

Правда. Когда руки заняты работою, о головѣ не думаютъ.

МОГИЛЬЩИКЪ, поетъ.

Брела хрычовка съ костылемъ.
Не радъ — иди встрѣчай,
И сталъ я старымъ дуракомъ,
А молодость, прощай!

(Выбрасываетъ черепъ.)

ГАМЛЕТЪ.

У этого черепа былъ языкъ, и онъ также пѣвалъ. Какъ бросилъ его этотъ негодяй, будто черепъ Каина, перваго убійцы! А можетъ быть, этотъ черепъ, который такъ легко швыряютъ теперь — составлялъ голову великаго политика, или человѣка, который думалъ править цѣлымъ міромъ — не правда ли?

ГОРАЦІО.

Можетъ быть, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Или придворнаго, который такъ мило, такъ ловко умѣлъ сказать: «Здравствуйте, М. Г., все ли вы въ добромъ здоровьѣ, М. Г.»— Можетъ быть, это былъ знатный баринъ, охотникъ до лошадей, и — до всего — можетъ быть?

ГОРАЦІО.

Да, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, конечно, да, и — вотъ теперь, добыча г-на червяка, беззубая, разбитая заступомъ дурака могильщика — вотъ она, эта великая голова! Славная перемѣна, достойная того, чтобы объ ней подумать! Неужели эти черепы ни на что болѣе негодятся, какъ для игры въ кегли? Отъ этого трещитъ мой черепъ!

МОГИЛЬЩИКЪ, поетъ.

Съ могилой люди споръ ведутъ —
Вотъ то то и оно!
Живи, живи, а умирать
Придется всѣмъ равно.

(Выкидываетъ черепъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Еще черепъ! Почему не можетъ быть это черепъ законовѣда. Гдѣ теперь его законы, выписки, розыски, дѣла и ябеды? Какъ терпитъ онъ теперь обиду отъ заступа этого негодяя и грубіяна? Что не подастъ на него жалобы? Ха, ха, ха! Можетъ быть, это былъ мастеръ пріобрѣтать большія имѣнія, чинить записи, вводы во владѣнія, обезпеченія на неустойку. И концъ всѣхъ пыльныхъ бумагъ его тотъ, что черепъ его набитъ пылью, и всѣ его записи ввели его во владѣніе земли не длиннѣе двухъ листовъ пергамена, на которыхъ онъ писывалъ ихъ, и изъ всѣхъ его владѣній ему не оставляютъ даже и гроба, и его не оставитъ онъ наслѣднику!... Увы!

ГОРАЦІО.

Общая участь.

ГАМЛЕТЪ.

Пергаменъ дѣлается вѣдь изъ бараньей кожи?

ГОРАЦІО.

Да, и изъ телячьей также.

ГАМЛЕТЪ.

Телята и бараны тѣ, кто полагается на прочность написаннаго на ихъ кожѣ! Мнѣ хочется поговорить съ этимъ могильщикомъ.— Эй, ты, луралей! Чья это могила?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Моя.

(Поетъ.)

Живи, живи, а умирать
Придется всѣмъ равно.

ГАМЛЕТЪ.

Разумѣется, твоя потому, что ты ее роешь. Да кто въ ней будетъ!

МОГИЛЬЩИКЪ.

Не вы, сударь, это вы видите, потому что вы не въ могилѣ, да и не я, хоть и въ могилѣ.

ГАМЛЕТЪ.

Не копай глупостей изъ могилы, пріятель!

МОГИЛЬЩИКЪ.

О, я не копаю, а закапываю ихъ.

ГАМЛЕТЪ.

Скажи, для какого человѣка эта могила!

МОГИЛЬЩИКЪ.

Не для человѣка, сударь, она.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, такъ для женщины?

МОГИЛЬЩИКЪ.

И не для женщины.

ГАМЛЕТЪ.

Да кого жъ схоронятъ тутъ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Того, кто была женщина, а теперь ни то, ни сё.

ГАМЛЕТЪ.

Каковъ удалецъ! Съ нимъ не скоро дорешься толку. Право, Гораціо, свѣтъ поумнѣлъ, такъ, что теперь мужикъ ступаетъ на ногу дворянину и извиняться не думаетъ! Давно ли ты могильщикомъ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ покойный Король нашъ побѣдилъ Фортинбраса.

ГАМЛЕТЪ.

А давно ли это было?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Будто вы не знаете? И дуракъ вамъ скажетъ, что въ тотъ годъ родился Принцъ Гамлетъ, вотъ, что теперь сдѣлался дуракомъ и посланъ въ Англію.

ГАМЛЕТЪ.

А для чего же его послали въ Англію?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Да чего? Для того, что онъ дуракъ, и тамъ поумнѣетъ, а если и не поумнѣетъ, такъ невелика бѣда.

ГАМЛЕТЪ.

Почему же?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Потому, что между дураками однимъ больше или меньше, все равно.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ же это онъ сдѣлался дуракомъ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Очень чудно, говорятъ.

ГАМЛЕТЪ.

Очень чудно?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Да, чудно. Потерялъ то, чего у него не было.

ГАМЛЕТЪ.

Но на чемъ же онъ помѣшался?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Вѣроятно, на землѣ, на которой мнѣ суждено рыть могилы, а ему быть дуракомъ.

ГАМЛЕТЪ.

Во сколько времени человѣкъ сгніетъ въ могилѣ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Если не подгнилъ немножко живой, такъ лѣтъ въ восемь, или девять. Кожевникъ, вѣрно, пролежитъ девять.

ГАМЛЕТЪ.

Почему же кожевникъ долѣе другихъ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Потому, что его кожа выдѣлывается заживо и не боится воды, а вода хуже всего портитъ этихъ дураковъ мертвыхъ. Вотъ черепъ, который пролежалъ въ землѣ лѣтъ двадцать.

ГАМЛЕТЪ.

А чей это?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Одного шалуна. Ну, чей бы, вы думали?

ГАМЛЕТЪ.

Право, не знаю.

МОГИЛЬЩИКЪ.

Чортъ его побери, негодяя! Онъ облилъ меня виномъ однажды. Это черепъ Іорика, бывшаго шута королевскаго.

ГАМЛЕТЪ.

Этотъ?

(Беретъ черепъ.)

МОГИЛЬЩИКЪ.

Да.

ГАМЛЕТЪ.

Ахъ! бѣдный Іорикъ! — Зналъ я его, Гораціо: это былъ весельчакъ и умница. Сколько разъ пашивалъ онъ меня на рукахъ, а теперь какой отвратительный видъ! Тутъ были губы, которыя цѣловали меня. Гдѣ теперь твои шуточки, твои остроты, твои пѣсенки, все, что такъ громко заставляло хохотать другихъ? Неужели не осталось ни одной, хоть посмѣяться надъ самимъ собою. Какую глупую рожу ты дѣлаешь? Ни слова? Что, не пойдешь ли ты расхвалить какую нибудь красавицу? Разсмѣшить ее? — Послушай Гораціо —

ГОРАЦІО.

Что угодно, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Неужели и голова Александра Македонскаго теперь такая же?

ГОРАЦІО.

Да, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И также пахнетъ могилой? Пфуй!

(Бросаетъ черепъ.)

ГОРАЦІО.

Также, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И до чего можемъ мы унизиться, Гораціо! И почему благородному праху Александра Македонскаго не быть замазкой какой нибудь хижины?

ГОРАЦІО.

Это, кажется, невѣроятно.

ГАМЛЕТЪ.

Что же тутъ невѣроятнаго? Почему не разсуждать такъ: онъ умеръ, онъ погребенъ, онъ сдѣлался прахомъ—прахъ земля — земля глина — глина употребляется на замазку стѣнъ.

Великолѣпный Цезарь нынѣ прахъ и тлѣнъ,
И на поправку онъ истраченъ стѣнъ,
Живая глина землю потрясала,
А мертвая замазкой печи стала!

Но, тише, тише! Вотъ Король!

Несутъ гробъ Офеліи. ЛАЕРТЪ, КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА И СВИТА КОРОЛЕВСКАЯ.

ГАМЛЕТЪ.

Король и Королева, Дворъ — что это значитъ?
Ласртъ, и такъ печаленъ?

(Гробъ опускаютъ въ могилу.)

ЛАЕРТЪ.

Миръ тебѣ, сестра!
Да расцвѣтутъ цвѣты, и да украсятъ
Твой холмъ могильный!

ГАМЛЕТЪ.

Какъ? Офелія? Что слышу!

КОРОЛЕВА.

Прости, Офелія! Мечтала прежде я,
Что счастье моему Гамлету ты составишь;
Тебѣ къ вѣнцу готовила цвѣты,
И ихъ на гробъ печальный твой бросаю!

ЛАЕРТЪ.

Проклятіе, проклятіе убійцѣ!
Не зарывайте гроба — дайте насмотрѣться —
Засыпьте и меня съ моей сестрою!

ГАМЛЕТЪ, приближается.

Кто хнычетъ тутъ? Кто смѣетъ плакать?

ЛАЕРТЪ, бросаясь на него.

Будь проклятъ ты, убійца!

ГАМЛЕТЪ.

Тише, тише!
Зачѣмъ за горло схватываешь меня?
Бороться не тебѣ со мной, пріятель!

КОРОЛЬ.

Остановите ихъ!

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ, мой сынъ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! я не уступлю ему, пока я живъ!
Онъ хочетъ удивить меня печалью —
Но я любилъ ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ
Любить не могутъ!

КОРОЛЕВА.

Онъ съ ума сошелъ!

ГАМЛЕТЪ.

Чего ты хочешь! Плакать, драться, умирать,
Быть съ ней въ одной могилѣ? Что за чудеса!
Да, я на все готовъ, на все —
Получше брата я ее любилъ....

(Онъ уходитъ поспѣшно.)

КОРОЛЬ.

Послѣдуйте за нимъ — онъ помѣшался.
Не плачь, Гертруда! — Мы еще увидимъ
Дни счастья.... Помнишь ли нашъ разговоръ, Лаертъ?
Теперь его исполнить время будетъ.

(Всѣ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

(Зала во дворцѣ.)

ГАМЛЕТЪ И ГОРАЦІО

ГАМЛЕТЪ.

Да, я ихъ обманулъ, Горацio, я отвратилъ погибель,
И обратилъ ее на голову злодѣевъ.
Безумцемъ притворяясь, было мнѣ легко
Похитить грамоты, ихъ прочитать, поддѣлать.
По счастью, у меня была печать
Отца покойнаго; печатью этой
Я запечаталъ — хочешь ли ты знать,
Что было въ грамотахъ?

ГОРАЦІО.

Принцъ, я желалъ бы....

ГАМЛЕТЪ.

Приказъ — казнить меня немедля! Не дивись,
Мой другъ! Въ подарокъ Розенкранцу съ Гильденштерномъ,
Я написалъ взаимно ихъ казнить,
Едва они достигнутъ Англійской земли.
Пускай они увидятъ, какъ опасно
Стать между двухъ мечей, когда свирѣпый
Бой начался межъ сильными людьми!

ГОРАЦІО.

Онъ не Король — злодѣй!

ГАМЛЕТЪ.

Съ нимъ рѣшено теперь —
Убійца моего отца, престола хищникъ
И матери моей безчестный соблазнитель,
Коварно умышлявшій погубить меня,
Погибнуть долженъ — совѣсть мнѣ велитъ
Казнить злодѣя — преступленье будетъ
Его оставить на позоръ земли.

ГОРАЦІО.

Онъ скоро разгадаетъ хитрость вашу.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ не успѣетъ разгадать — его минуты
Изочтены. — Но совѣстью теперь тревожусь я
За оскорбленіе Лаерта — я забылся,
Я долженъ былъ печаль его уважить —
Его судьба моей судьбѣ подобна....

ГОРАЦІО.

Сюда идутъ. Принцъ! Тише, ради Бога!

ОСРИКЪ, ВХОДИТЪ.

Свѣтлѣйшій Принцъ! мое нижайшее поздравленіе съ возвратомъ въ Данію.

ГАМЛЕТЪ.

Усердно благодарю. — Ты знаешь ли этого жука, Горацio?

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Тѣмъ лучше для тебя — стыдно знать его. Онъ богатъ, да пусть скотина владѣетъ скотами, и вмѣсто конюшни ходитъ за королевскій столъ — а между тѣмъ, у этого попугая много въ обладаніи грязи, что люди называютъ землею.

ОСРИКЪ.

Свѣтлѣйшій Принцъ! если имѣете досугъ выслушать, что я буду имѣть честь сообщить.

ГАМЛЕТЪ.

Со всевозможною охотою. Да употребите шляпу вашу для того, на что она сдѣлана — надѣньте его на голову.

ОСРИКЪ.

Всепокорнѣйше благодарю — тепло!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, очень холодно. Вѣтеръ онъ сѣвера.

ОСРИКЪ.

Да, Принцъ — ужасный холодъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, буря и жарко — мнѣ такъ кажется!

ОСРИКЪ.

Чрезвычайно, Принцъ — такой вѣтеръ, такой жаръ, что сказать нельзя! Принцъ — Король поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ —

ГАМЛЕТЪ.

Да надѣньте же вашу шляпу.

ОСРИКЪ.

Повѣрьте, Принцъ, что мнѣ такъ лучше, и вы слишкомъ добры. Вамъ, конечно, извѣстно должно быть, что Лаертъ возвратился изъ Франціи, и клянусь, что это совершенство молодыхъ людей, полнота отличнѣйшихъ качествъ, красавецъ, ловкій — истинно, говоря безъ лести, образецъ, компасъ юношамъ, потому, что находите въ немъ все, что только составляетъ совершенство молодыхъ господъ!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ ничего не теряетъ въ вашемъ изображеніи, хотя я увѣренъ, что никакой ариѳметики не достанетъ перечислить всѣ его достоинства. Безъ всякой лести сказать — только зеркало можетъ изобразить его похоже на него, а все другое выразитъ только тѣнь его!

ОСРИКЪ.

Вы говорите сущую правду, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Положимъ, что такъ. Но для чего же мы наряжаемъ его въ наши похвалы?

ОСРИКЪ.

То есть?

ГОРАЦІО.

То есть, нельзя ли какъ нибудь говорить иначе?

ГАМЛЕТЪ.

И объяснить, для чего мы говоримъ —

ОСРИКЪ.

О Лаертѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Да. Мнѣ очень извѣстно, что кошелекъ вашего краснорѣчія непстощимо набитъ червонцами, но размѣняйте ихъ на простую монету.

ОСРИКЪ.

Принцъ! вамъ, конечно, извѣстно должно быть....

ГАМЛЕТЪ.

Оставимъ — что мнѣ извѣстно, или неизвѣстно — въ чемъ дѣло?

ОСРИКЪ.

Вамъ, конечно, извѣстно должно быть, Принцъ, что Лаертъ превосходствуетъ....

ГАМЛЕТЪ.

Да почему мнѣ знать его превосходство, сдѣлайте милость?

ОСРИКЪ.

Я хотѣлъ только сказать, что онъ превосходствуетъ въ искусствѣ биться на шпагахъ и саблях.

ГАМЛЕТЪ.

Что жъ изъ этого?

ОСРИКЪ.

Королю угодно было удариться съ нимъ объ закладъ — шесть превосходныхъ коней со стороны Его Величества, и шесть чудныхъ, драгоцѣнныхъ кинжаловъ и шесть шпагъ со стороны Лаерта, что изъ двѣнадцати разъ онъ не дастъ вамъ трехъ ударовъ, а онъ бился, что изъ девяти дастъ вамъ три — Споръ такъ горячо начался, что Король прислалъ меня узнать: угодно ли, и когда вамъ угодно назначить время для испытанія?

ГАМЛЕТЪ, задумчиво.

А если я не соглашусь?

ОСРИКЪ.

Закладъ останется такъ.

ГАМЛЕТЪ,

Зачѣмъ ему такъ оставаться. Скажите Королю, что я согласенъ. Пусть принесутъ рапиры, и я постараюсь выиграть Его Величеству шесть шпагъ и шесть кинжаловъ.

ОСРИКЪ.

Такъ прикажете мнѣ сказать?

ГАМЛЕТЪ.

Да, разумѣется — только украсьте смыслъ цвѣтами вашего краснорѣчія.

ОСРИКЪ.

И вамъ угодно, Принцъ, приступить къ рѣшенію немедленно?

ГАМЛЕТЪ.

Хоть сію минуту.

ОСРИКЪ.

Король, Королева и весь Дворъ поспѣшатъ на зрѣлище — столь увлекательное.

ГАМЛЕТЪ.

Очень радъ.

ОСРИКЪ.

Ея Величество проситъ васъ, прежде всего, сказать Лаерту нѣсколько примирительныхъ словъ.

ГАМЛЕТЪ.

И это исполню.

ОСРИКЪ.

Препоручаю себя вашему вниманію.

(Уходитъ.)

ГОРАЦІО.

Принцъ! я боюсь — вы проиграете закладъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не думаю. Владѣть шпагою могу я порядочно. Но, Горацію... Ты не можешь себѣ вообразить... Мнѣ такъ грустно, такъ грустно... Да оставимъ это.

ГОРАЦІО.

Для чего же, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Это вздоръ. Только женщину могутъ пугать предчувствія.

ГОРАЦІО.

Если душа ваша что нибудь вамъ подсказываетъ, не презирайте этимъ увѣдомленіемъ

души. Я пойду извѣстить, что вы теперь не-расположены.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! это глупость. Презримъ всякія предчувствія. Безъ воли Провидѣнія и воробей не погибнетъ. Чему быть сегодня, того не будетъ потомъ. Чему быть потомъ, того не будетъ сегодня — не теперь тому быть, такъ послѣ. Быть всегда готову — вотъ все! Если никто не знаетъ того, что съ нимъ будетъ — оставимъ всему быть такъ, какъ ему быть назначено.

(Онъ задумывается.)

=

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ЛАЕРТЪ, ОСРИКЪ, ПРИДВОРНЫЕ, ПРИДВОРНЫЯ, СТРАЖА.

(Торжественный маршъ.)

КОРОЛЬ.

Гамлетъ! дай руку — я ее Лаерту передамъ.

(Онъ складываетъ руки Лаерта и Гамлета.)

ГАМЛЕТЪ.

Лаертъ! рука моя и просьба о прощеньи.
Не я, безуміе мое причиной было,
Что Гамлетъ оскорбилъ Лаерта. Все равно,
Какъ бы нечаянно стрѣлой сразилъ я друга,
Такъ оскорбилъ и я тебя...

ЛАЕРТЪ.

Довольно, Принцъ.
Пусть насъ разсудятъ, пусть рѣшатъ обиду,
Но я готовъ забыть ее, и здѣсь
Встрѣчаю я привѣтомъ дружбы и почтенья
Готовность вашу прекратить вражду.

ГАМЛЕТЪ.

Довольно. Дайте намъ рапиры — я готовъ.

ЛАЕРТЪ.

И я.

ГАМЛЕТЪ.

Я чучелой тебѣ согласенъ быть.
Моя неловкость, при твоемъ искусствѣ,
Побѣду вѣрную тебѣ даетъ.

ЛАЕРТЪ.

Вы насмѣхаетесь —

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ.

КОРОЛЬ.

Дайте имъ рапиры.
Заложъ тебѣ извѣстенъ, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ

Да.
Вы проиграете — и это мнѣ извѣстно.

(Они выбираютъ рапиры.)

КОРОЛЬ.

Гамлетъ! Я приказалъ, чтобы твою побѣду
Громъ пушекъ возвѣщалъ, и каждый разъ
Я буду пить твое здоровье. Кубки здѣсь
Поставьте. Въ каждый кубокъ я бросаю
Жемчужины, какихъ дороже нѣтъ у насъ
Въ сокровищницѣ королевской. Начинайте!

(Кубки ставятъ на столъ. Въ одинъ изъ нихъ Король сыплетъ ядъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Готово ли?

(Беретъ одну рапиру и обращается къ Королю. Лаертъ подмѣниваетъ другую рапиру,)

КОРОЛЬ.

Внимательнѣе наблюдайте за ударомъ,
И доносите мнѣ немедленно. Надежда
Насъ не обманетъ на успѣхъ.

(Гамлетъ и Лаертъ бьются.)

ГАМЛЕТЪ, останавливаясь.

Ударъ!

ЛАЕРТЪ.

Нѣтъ!

ГАМЛЕТЪ.

Судьи! говорите!

ОСРИКЪ И ДРУГІЕ.

Ударъ, ударъ безспорно!

ЛАЕРТЪ.

Пусть такъ будетъ — продолжимъ!

КОРОЛЬ.

Остановитесь!
Я пью здоровье Гамлета!

(Трубы и пушечные выстрѣлы.)

Бери свой кубокъ, Гамлетъ!

(Онъ подаетъ ему кубокъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! прежде кончимъ дѣло.

(Сражаются. Король ставитъ кубокъ на столъ.)

Ударъ еще!

ЛАЕРТЪ.

Признаюсь!

КОРОЛЬ.

Побѣда, Гамлетъ!

КОРОЛЕВА.

За твое здоровье,
Мой сынъ, я выпью!

(Беретъ кубокъ.)

КОРОЛЬ.

Нѣтъ! не пей, Гертруда!...

КОРОЛЕВА.

Здоровье Гамлета!

(Пьетъ.)

КОРОЛЬ, въ сторону.

Она погибла! Въ кубкѣ ядъ!

КОРОЛЕВА.

Раздѣлимъ кубокъ, сынъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! благодарю!

Сперва окончимъ споръ.

ЛАЕРТЪ.

Ударъ Гамлету!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ!

(бьется сильнѣе.)

Мнѣ кажется, ты шутишь,
Лаертъ — играешь, а не бьется!

ЛАЕРТЪ.

Я шучу?

Увидимъ!

(Онъ ранитъ Гамлета.)

ГОРАЦІО.

Что это? Принцъ раненъ!

(Гамлетъ выбиваетъ рапиру у Лаерта и бросаетъ свою. Лаертъ, въ бѣшенствѣ, схватываетъ его рапиру. Гамлетъ беретъ Лаертову. Бьются.

КОРОЛЬ.

Стойте!

Довольно — разнимите ихъ!

(Королева лишается чувствъ.)

ОСРИКЪ.

Что съ Королевой?

КОРОЛЬ.

Она конечно испугалась!

ЛАЕРТЪ.

Что это? Я раненъ —
Гамлетъ моей рапирой бился — я погибъ!

(Смятеніе. Лаертъ едва держится на ногахъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Мать моя! ты испугалась за меня!

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ! ядъ,
Ядъ въ кубкѣ былъ — ядъ — о мой милый сынъ!

(Умираетъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Злодѣйство! Заприте двери! Никого не выпускать,
Искать злодѣя!

ЛАЕРТЪ, падаетъ.

Онъ передъ тобою,
Гамлетъ! Ты раненъ на смерть —
Ядъ въ твоей крови — я умираю за измѣну —
Рапира — была — отравлена — въ твоихъ рукахъ
Орудіе погибели обоихъ —
Тебя и Королеву погубилъ —
Король — Король...

ГАМЛЕТЪ.

Ядъ! на работу!

(Колетъ Короля.)

КОРОЛЬ.

Помогите!

ОСРИКЪ И ДРУГІЕ.

Измѣна!

ГАМЛЕТЪ.

Что — скажи: каковъ мой кубокъ,
Убійца, отравитель? Пей мою погибель!

(Король падаетъ и умираетъ.)

ЛАЕРТЪ.

Онъ заслужилъ погибель — онъ насъ погубилъ!
Прости мнѣ, Гамлетъ, смерть твою, прости,
Какъ я тебѣ прощаю смерть отца!

(Умираетъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Усни спокойно! — Смерть! Такъ, вотъ она,
Горацію!... А вы, свидѣтели злодѣйства,
Вы, блѣдные, трепещущіе люди!
Когда бы смерть языкъ мой не вязала,
Я вамъ сказалъ бы... Смерть неумолима!
Горацію! ты оправдаешь предъ людьми меня...

ГОРАЦІО

Нѣтъ! въ кубкѣ есть остатокъ — онъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, Горацію, ты долженъ жить,
Ты долженъ оправдать Гамлета имя!
Ты имъ разскажешь страшныя дѣла,
Ты имя Гамлета спасешь отъ поношенья...

(Слышенъ маршъ.)

А! это возвращенье Фортинбраса —
Судьба ему передаетъ вѣнецъ —
Горацію! ты все ему разскажешь —

(Умираетъ.)

ГОРАЦІО.

И разорвалось доблестное сердце!
Примите, ангелы, въ блаженство ваше
Его, достойнаго блаженной жизни!

ФОРТИНБРАСЪ, ВХОДИТЪ.

Какое зрѣлище! Какой кровавый пиръ!
Смерть торжествуетъ страшную побѣду...

ГОРАЦІО.

Привѣтъ мой Принцу. Я отчетъ отдамъ тебѣ
Въ дѣлахъ неслыханныхъ, кровавыхъ, страшныхъ,

Въ погибели виновныхъ и невинныхъ,
Судьбы рѣшеніяхъ, для насъ непостижимыхъ,
И голосъ я передаю тебѣ Гамлета,
Которымъ онъ тебѣ вѣнецъ свой отдаетъ.

ФОРТИНБРАСЪ.

Прискорбный даръ умершаго пріемлю.
Слезами память Гамлета почтимъ,
И почесть воздадимъ умершимъ погребеньемъ.

(Слышна унылая музыка.)

БІОГРАФІЯ

КАРЛА-ЛУДОВИКА

ДИДЛО,

БЫВШАГО БАЛЕТМЕЙСТЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Карлъ Дидло родился въ Стокгольмѣ въ 1767-мъ году. Отецъ его, родомъ Французъ, былъ танцовщикомъ при королевско-Шведскомъ театрѣ. На второмъ году возраста, Дидло, находясь вмѣстѣ съ матерью въ Мецѣ, заболѣлъ оспою, которая, оставя замѣтные слѣды на его лицѣ, едва не лишила его зрѣнія. Страсть къ танцамъ, сдѣлавшаяся въ послѣдствіи настоящей мономаніей, развилась въ немъ рано. Возвратясь въ Швецію и будучи 6 лѣтъ, онъ часто, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ посѣщалъ репитиціи, и во время ихъ прыгалъ и танцовалъ за кулисами. Около этого времени приготовлялся при Дворѣ маскерадъ; Принцъ Фридерикъ, братъ Короля Густава III, распоряжавшій маскерадомъ, выбралъ для себя костюмъ Савояра и имѣлъ нужду въ маленькомъ мальчикѣ, который долженъ былъ представлять сурка. Изъ числа многихъ дѣтей, представленныхъ Принцу, онъ выбралъ Дидло, который отличался умомъ и смѣтливостью. Дидло выполнилъ свою роль какъ нельзя лучше, и за ужиномъ всѣ хотѣли видѣть ребенка, столь много забавлявшаго Дворъ. Принцъ Фридерикъ призвалъ своего сурка и пустилъ его гулять по столу. «Какъ онъ дуренъ!» закричали всѣ, увидя Дидло безъ маски; но это восклицаніе не смутило его, и онъ началъ дѣлать на столѣ тѣ же самые прыжки, которые такъ смѣшили гостей во время маскерада. — «Посмотрите на него,» сказалъ Принцъ: «онъ не красивъ, но въ немъ будетъ прокъ; я ручаюсь, что со временемъ талантъ скраситъ безобразіе:» Эти слова рѣшили будущую судьбу Дидло. Похвала Принца, милостивое вниманіе Короля, ласки гостей — все это одобрило маленькаго танцора, котораго прозвали суркомъ Принца Фридерика, и который такъ удачно совершилъ свой первый дебютъ.

Отецъ его, видя способность сына и желая дать ему хорошаго учителя, поручилъ его танцовщику Фроссару. Успѣхи Дидло были необыкновенны, и скоро Фроссаръ заставилъ его играть въ одномъ балетѣ роль амура. — Онъ такъ удачно выполнилъ эту роль, что въ послѣдствіи, для занятія маленькихъ ролей въ балетахъ, не выбирали уже никого, кромѣ его. Король Густавъ III, любившій театральныя представленія, видя въ Дидло такія способности и желая доставить ему случай усовершенствоваться, послалъ его въ Парижъ. Дидло едва не погибъ во время переѣзда изъ Швеціи во Францію; корабль, на которомъ онъ находился, вытерпѣвъ ужасную бурю близъ береговъ Норвегіи, потерявъ снасти и мачты, былъ занесенъ вѣтромъ въ

бухту близъ Христіанштадта и только тѣмъ избавился отъ совершенной гибели.

По прибытіи въ Парижъ, въ 1776 году, Дидло былъ порученъ извѣстному балетмейстеру д'Обервалю, который очень полюбилъ его, какъ бы предчувствуя, что этотъ ученикъ, присланный къ нему съ дальняго сѣвера, вознесетъ нѣкогда танцовальное искусство и балеты на самую высокую степень совершенства. Д'Оберваль ревностно занялся уроками, но разныя непріятности съ дирекціею Оперы заставили его взять отставку и удалиться въ свое помѣстье. Оставляя Парижъ, онъ не забылъ однако же своего ученика и поручилъ его попеченіямъ профессора Лани. Воксалъ Лани былъ тогда въ модѣ, его посѣщало самое отборное общество, а какъ Дидло не имѣлъ средствъ одѣваться щеголевато, то профессоръ скоро попросилъ его самымъ учтивымъ образомъ избавить его отъ своихъ посѣщеній. Зная однако жъ участіе, которое д'Оберваль принималъ въ Дидло, Лани отрекомендовалъ его Дегею, балетмейстеру при театрѣ Французской Комедіи и профессору танцованія въ школѣ, называвшейся тогда «Магазиномъ Большой Оперы» и переименованной въ послѣдствіи въ Консерваторію.

Поступивъ въ эту школу, Дидло нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ уже къ Большой Оперѣ, занимая часто въ балетахъ дѣтскія роли. Дегей, видя успѣхи ученика своего зная его недостаточное состояніе, рекомендовалъ его г-ну Удино, содержателю театра, посившаго тогда его имя (въ послѣдствіи (Théatre de l'Ambigue Comique). Удино ангажировалъ молодаго артистапа жалованье по 600 фр. въ годъ. Дидло былъ тогда 12 лѣтъ. Содержаніе, получаемое имъ, было слишкомъ недостаточно, и часто, проведя цѣлый день въ театрѣ, усталый, измученный, возвращался онъ домой, гдѣ его ожидала самая скудная пища. — Такъ прошло около года; финансовыя дѣла молодаго артиста становились все хуже и хуже, и наконецъ онъ былъ поверженъ въ самое бѣдственное состояніе. Къ счастію, мать его пріѣхала въ Парижъ, чтобъ повидаться съ сыномъ, котораго она почитала обезпеченнымъ, ибо поручила его родственникамъ; но эти родственники, вмѣсто того, чтобы помогать бѣдному мальчику, рѣшительно не хотѣли знать его, будучи заражены самымъ нелѣпымъ, но въ то время довольно общимъ, предразсудкомъ, что всѣ принадлежащіе къ театру не могутъ быть людьми порядочными. Стараніями матери, Дидло былъ снова помѣщенъ въ «*Магазинъ* Оперы» въ число воспитанниковъ. Тамъ могъ онъ безденежно пользоваться уроками лучшихъ учителей танцованія и музыки, и видѣть славнѣйшіе таланты, украшавшіе въ то время Французскую сцену.

Дидло недолго наслаждался присутствіемъ своей матери: внезапная болѣзнь скоро привела ее ко гробу, и бѣдный мальчикъ опять остался безъ помощи. Получая только 300 фран. жалованья, онъ долженъ былъ содержать себя этою ничтожною суммою. Скоро бѣдность со всѣми нуждами посѣтила жилище несчастнаго, и если бы не благодѣтельная помощь какого-то Бродекена, сыну котораго молодой артистъ давалъ уроки танцованья, то Дидло, можетъ быть, погибъ бы голодною смертью.

Около этого времени прибылъ въ Парижъ Густавъ III. На праздникѣ, данномъ въ честь этого Государя, былъ представленъ ему молодой Дидло. Густавъ принялъ его ласково, похвалилъ за успѣхи и объявилъ, что скоро ожидаетъ его обратно въ Швецію.

Чрезъ нѣсколько времени Баронъ Сталь, бывшій въ то время Шведскимъ посланникомъ при Французскомъ Дворѣ, прислалъ за Дидло и сказалъ, что беретъ его съ собою въ Стокгольмъ. Дидло очень не хотѣлось разстаться съ Парижемъ; любовьсама страстная привязывала его къ этому городу, любовь 14-лѣтняго мальчика, которую онъ почиталъ тогда вѣчною; но воля Короля была неизмѣнна, и Дидло долженъ былъ покориться ей. По пріѣздѣ на родину, онъ дебютировалъ съ успѣхомъ въ одномъ pas-de-deux, имъ самимъ сочиненномъ. Желаніе создавать свое начинало уже мучить эту пылкую душу — и скоро представился молодому артисту случай испытать свои силы на новомъ поприщѣ; въ оперѣ «Фрея», которую тогда монтировали, сочиненіе всѣхъ танцевъ и дивертисмана было поручено, по волѣ Короля, юному Дидло; совершенный успѣхъ увѣнчалъ этотъ

первый опытъ, и Король снова отправилъ своего любимца въ Парижъ.

Тамъ ожидалъ Дидло самый дружескій пріемъ. Знаменитый Огюстъ Вестрисъ, прозванный фениксомъ танцевъ, отправлялся, вмѣстѣ съ извѣстнымъ балетмейстеромъ Новеромъ, въ Лондонъ; ему нуженъ былъ другой танцовщикъ, который могъ бы явиться на сценѣ вмѣстѣ съ нимъ, и выборъ палъ на Дидло. Ангажированный, въ слѣдствіе этого, къ Лондонскому театру на одинъ карнавалъ за 400 фунт. стерлинговъ (10,000 р.), Дидло имѣлъ тамъ необыкновенный успѣхъ. Неподражаемый Вестрисъ, котораго необыкновенный талантъ былъ бы вреденъ всякому другому, кромѣ Дидло, радовался успѣхамъ своего товарища и скоро подружился съ нимъ. Новеръ и Вестрисъ должны были возвратиться назадъ въ Парижъ прежде окончанія карнавала. Режиссеръ Лондонскаго театра, видя благосклонность оказываемую публикой Дидло, и вниманіе къ нему Принца Валлійскаго, уговорилъ его еще остаться на нѣсколько времени, чтобъ поставить балетъ собственнаго своего сочиненія. Дидло согласился; въ самое короткое время балетъ. «Ричардъ львиное сердце» былъ сочиненъ и поставленъ на сцену; публика приняла благосклонно этотъ первый опытъ молодаго балетмейстера, и Дидло, сдѣлавъ прекрасный бенефисъ, возвратился въ Парижъ.

Въ то время было очень трудноодобиться дебютовъ на сценѣ Большой Оперы; однако жестаранія Новера, Вестриса и знаменитой танцовщицы Гимаръ, успѣли побѣдить всѣ препятствія. Гимаръ не ограничилась покровительствомъ, оказаннымъ ею молодому артисту; она сдѣлала болѣе: во всѣ три дебюта Дидло танцовала съ нимъ.

Успѣхи Дидло на сценѣ Парижской Большой Оперы дали ему знаменитость и Лондонъ снова ангажировалъ его на лѣтній карнавалъ за 600 ф. ст. Между тѣмъ д'Оберваль, занимавшій въ то время (въ 1788 г.) мѣсто балетмейстера при театрѣ въ Бордо, уговорилъ Дидло пріѣхать въ этотъ городъ и доставилъ ему ангажементъ съ весьма значительнымъ жалованьемъ. Дебюты его въ этомъ городѣ были весьма блистательны, но онъ не долго оставался тамъ. Д'Оберваль, ангажированный къ Лондонскому театру, взялъ съ собою и Дидло. Въ то время всѣ первые таланты Парижской Оперы были собраны въ Лондонѣ: оба Вестриса, Дегвиль, Новеръ, д'Оберваль, Вигано, Дидло; танцовщицы: Делиньи, Вигано, д'Оберваль, жена балетмейстера, Гелисбергъ, двѣ сестры Симонети и многіе другіе артисты, раздѣленные на двѣ труппы: одна при Королевскомъ театрѣ, гдѣ Вестрисъ, отецъ, былъ балетмейстеромъ, другая при Пантеонѣ, подъ управленіемъ д'Обервала, приводили въ восхищеніе всю Лондонскую аристократію, и этотъ карнавалъ былъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ, которые Англія когда-либо видѣла.

Въ 1791-мъ году, по возвращеніи всѣхъ этихъ артистовъ въ Парижъ, дирекція Большой Оперы сама предложила Дидло дебюты, и д'Оберваль выбралъ для этого балетъ «Первый мореплаватель». Дидло явился въ немъ, вмѣстѣ съ дѣвицею Миллеръ, въ послѣдствіи знаменитою г-жею Гардель, и былъ принятъ съ восторгомъ.

Къ этому времени должно отнести женитьбу Дидло на воспитанницѣ знаменитаго Вестриса, танцовщицѣ съ отличнымъ талантомъ, раздѣлявшей съ мужемъ своимъ рукоплесканія публики.

Но вотъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвиговъ Дидло. Въ ту эпоху балетные танцовщики являлись на сцену въ пудреныхъ парикахъ, во Французскихъ кафтанахъ и въ башмакахъ съ большими пряжками: танцовщицы не разставались съ своими фижмами, шиньонами и мушками. Дидло чувствовалъ, какъ много такой костюмъ отнималъ у танцевъ граціи и прелести, и рѣшился сдѣлать для балета то, что сдѣлали Лекень и Тальма для трагедіи. Скоро представился къ тому случай. Опера монтировала новый балетъ «Аріадна и Бахусъ». Дидло, оставя пудреный паликъ, Французскій кафтанъ и всѣ принадлежности обыкновеннаго наряда, явился въ костюмѣ, приличномъ сюжету балета. Трико тѣлеснаго цвѣта, легкая барсовая кожа, перекинутая черезъ одно плечо, виноградные листья въ волосахъ, Бахусовъ жезлъ въ

рукѣ (*) — все это было необыкновенною новостью для зрителей, которые, почувствовавъ все превосходство этого костюма предъ прежнимъ, осыпали изобрѣтателя громкими, восторженными рукоплесканіями.

Въ другой разъ, въ операѣ «Коризанда», въ которой Дидло долженъ былъ танцовать Сильфа, явился онъ въ легкой газовой тюникѣ; скоро примѣру его послѣдовали всѣ первые таланты и стали являться на сцену въ тюникахъ, тогахъ, сандаліяхъ и проч., смотря по сюжету балетовъ, наконецъ и весь кор-де-балетъ оставилъ прежній свой нарядъ. Это преобразованіе въ костюмахъ рѣшительно принадлежитъ Дидло, которому въ этомъ случаѣ много помогала г-жа Шавиньи, танцовщица съ отличнымъ талантомъ, не боявшаяся явиться вмѣстѣ съ нимъ въ костюмѣ вакханки, когда всѣ другія танцовщицы были одѣты въ фижмы.

Около этого времени Дидло и многіе другіе отличные таланты едва не сдѣлались жертвою ненависти и злобы. Нѣкто Невиль и дѣвица Монтансье получили позволеніе открыть новую залу для спектаклей. Выстроивъ свой театръ, они старались украсить его хорошею балетною труппой. Многіе артисты Большой Оперы — и въ томъ числѣ Дидло съ женою, — будучи недовольны дирекціей, заключили весьма выгодные контракты съ г-жею Монтансье, дѣла которой шли какъ нельзя лучше, отвлекая зрителей отъ Оперы. Это возбудило всю ненависть дирекціи Большой Оперы, и она рѣшилась погубить соперничествовавшую съ нею труппу. Тогда управлялъ Франціею Робеспьеръ. Въ одинъ день, совершенно неожиданно, всѣ артисты труппы Монтансье были схвачены и заключены въ темницы. Всѣмъ извѣстно, что въ эпоху терроризма отъ темницы до эшафота былъ только одинъ шагъ; узники каждую минуту ждали смерти; къ счастію, стараніе многочисленныхъ покровителей и друзей дѣвицы Монтансье и вліяніе ихъ на Робеспьера отвратили ударъ, и невинные страдальцы были наконецъ освобождены.

Это происшествіе было однако же пагубно новому театру, тѣмъ болѣе, что гоненія на него безпрестанно возобновлялись, и наконецъ онъ совершенно рушился. Вся драматическая его труппа была присоединена къ театру республики, а всѣ балетные сюжеты разошлись по разнымъ провинціальнымъ театрамъ. Дидло, вмѣстѣ съ женою и балетмейстеромъ Куанде, отправился въ Ліонъ. Тамъ сочинилъ онъ балетъ «La Metamorphose», посвятивъ его учителю своему, д'Обервалю. Въ этомъ балетѣ таился первый зародышъ того славнаго «Зефира», который въ послѣдствіи испыталъ столько измѣненій, и который всюду, гдѣ только являлся, былъ принимаемъ съ восторгомъ, упрочивая славу своего автора. Дидло не могъ дать «Зефира» на Ліонскомъ театрѣ по слишкомъ малому объему сцены и несовершенству машинъ, хотя программа этого балета была уже готова.

Изъ Ліона Дидло отправился въ Лондонъ, въ качествѣ балетмейстера, и въ 1796 году поставилъ въ первый разъ «Зефира и Флору», лучшій свой балетъ, исполненный необыкновенной граціи, прелести и поэзіи. Въ этомъ балетѣ въ первый разъ явились полеты, о которыхъ до того времени не имѣли понятія. Дидло еще въ дѣтствѣ, видя летающихъ амуровъ на картинахъ, думалъ уже о томъ, какъ бы заставить ихъ летать и по сценѣ. Мысль эту осуществилъ онъ въ своемъ «Зефирѣ». Въ самый день представленія балета, никто изъ участвовавшихъ въ немъ не зналъ ничего о полетахъ, ибо все устроено было въ тайнѣ самимъ Дидло вмѣстѣ съ машинистомъ. Невозможно описать удивленія публики и всѣхъ танцовавшихъ въ балетѣ, когда они увидѣли Зефира, поднявшагося на воздухъ; рукоплесканія не умолкали, и всеобщій, единодушный восторгъ былъ наградою славному артисту. Послѣ этого перваго опыта, полеты распространились по всѣмъ театрамъ; они были въ послѣдствіи усовершенствованы многими отличными машинистами, и въ томъ числѣ гг. Тибо, Шрелеромъ и Бюри; послѣдній изъ нихъ, находясь при Петербургскомъ театрѣ, успѣлъ придать крыльямъ Зефира движеніе.

(*) Прежде Дидло не имѣли понятія о томъ, что такое трико; онъ первый придумалъ, какъ его сдѣлать. Чулочный мастеръ, которому онъ поручилъ связать эту часть одежды, сдѣлавшуюся нынѣ необходимою принадлежностію балетовъ, назывался г. Трико, и отъ него то эта вязаная одежда получила свое имя.

Здѣсь почитаемъ мы неизлишнимъ замѣтить, что въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», въ словѣ Балетъ, вѣроятно, по ошибкѣ сказано, будто бы первый полетъ былъ произведенъ въ 1803 году, при представленіи балета «Андромела», и вывезенъ изъ Парижа балетмейстеромъ Валберхомъ, тогда, какъ онъ былъ исполненъ въ Лондонѣ въ 1796 году, подъ руководствомъ самаго Дидло. Тамъ же, въ числѣ балетовъ Дидло, помѣщенъ «Сандрильона», котораго онъ никогда не сочинялъ.

Кромѣ «Зефира» Дидло сочинилъ и поставилъ въ Лондонѣ слѣдующіе балеты: «Отмщенная любовь», «Сафо», «Хензи и Тао», «Алонзо храбрый», «Счастливое кораблекрушеніе», «Шотландскія колдуньи», «Любовь Пеги» и «Аписъ и Галатея».

Слава Дидло съ каждымъ днемъ возрастала все болѣе и болѣе. Императорская С. Петербургская Театральная Дирекція, состоявшая въ то время подъ управленіемъ Князя Н. Б. Юсупова, ангажировала Дидло въ качествѣ балетмейстера, и онъ прибылъ въ Петербургъ прямо изъ Лондона, въ сентябрѣ 1801 года.

Дидло дебютировалъ въ Петербургѣ балетомъ «Аполлонъ и Дафна», даннымъ въ апрѣлѣ 1802 года; четыре дня послѣ представленія этого балета на городскомъ театрѣ, онъ былъ данъ въ Эрмитажѣ. Успѣхъ былъ самый блистательный. По случаю перестройки Большаго Театра, спектакли были переведены на Малый, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается Александринскій; онъ въ то время назывался театромъ Казасси, который построилъ его для Италіянской труппы, имъ содержимой. На этомъ театрѣ Дидло поставилъ, одинъ за другимъ, слѣдующіе балеты: «Фавнъ и Гамадріада», «Зефиръ и Флора», коего программа была измѣнена и исправлена, и «Роландъ»; послѣдніе два балета имѣли успѣхъ необыкновенный. По случаю прибытія въ Петербургъ ихъ Величествъ Короля и Королевы Прусскихъ, Дидло, по волѣ покойнаго Императора Александра 1-го, монтировалъ балетъ «Амуръ и Психея» который и былъ данъ въ первый разъ на Эрмитажномъ Театрѣ. Балетъ понравился и авторъ его удостоился получить отъ щедротъ Монаршихъ богатый подарокъ.

Въ то время въ Петербургѣ былъ извѣстный Дюпоръ, отличный танцовщикъ, о которомъ еще и теперь съ восхищеніемъ вспоминаютъ наши старинные любители театра; балетъ «Амуръ и Психея» былъ его торжествомъ; онъ игралъ въ немъ роль Амура, а роль Психеи исполняла Данилова, — Данилова, прекрасная, легкая, граціозная, обворожительная, подававшая такія блистательныя надежды и такъ рано увядшая. Эти два отличные таланта много способствовали необыкновенному успѣху балета, отъ котораго публика была въ восхищеніи и который приносилъ дирекціи огромные сборы.

Здѣсь считаемъ мы обязанностью опровергнуть клевету, которая, будучи порождаема черною завистью, не щадитъ истинныхъ талантовъ и старается хоть чѣмъ-нибудь помрачить ихъ славу. Дидло также не избѣжалъ ея ядовитыхъ стрѣлъ. Данилова, эта любимица публики, умерла, не достигнувъ 17-лѣтняго возраста. Много обстоятельствъ было причиною ея ранней смерти. Одаренная душою слишкомъ пламенною, слишкомъ мечтательною, она рано испытала горячку страстей; юное ея сердце не могло устоять противъ очарованій любви; любовь эта была безнадежна, и злая чахотка скоро приблизила несчастную къ могилѣ. Были еще и другія причины, ускорившія ея кончину; мы не можемъ назвать ихъ здѣсь; скажемъ только, что главными изъ нихъ были всякаго рода недостатки, нужды, и оскорбленное самолюбіе. Нашлись, однако же, люди, которые хотѣли сдѣлать Дидло виновникомъ смерти этой бѣдной дѣвушки, увѣряя, будто бы она получила чахотку отъ полетовъ; говорили даже, будто бы желѣзо отъ корсета такъ глубоко вдавилось ей въ грудь, что растерзало ее до крови. Это совершенная ложь (*). Извѣстно, что всѣ корсеты, употребляемые для полетовъ, устроены такъ, что не производятъ ни малѣйшаго давленія на грудь и не могутъ

(*) Корсетъ, посредствомъ котораго Данилова поддѣвалась по воздуху, имѣлъ крючекъ впереди, слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы давить грудь, онъ отдѣлялся отъ нея. Машинистъ, устроивавшій этотъ полетъ, еще живъ: это г. Тибо, и мы увѣрены, что онъ подтвердитъ наши слова.

ни въ какомъ случаѣ быть вредны. Въ этомъ можно сослаться на всѣхъ артистовъ, испытавшихъ на себѣ ихъ дѣйствіе. Къ тому же есть еще люди, которые знали Данилову и которымъ извѣстны настоящія причины ея болѣзни и преждевременной смерти.

Послѣ «Амура и Психеи» Дидло поставилъ балетъ «Лаура и Генрихъ»; кромѣ всего этого, онъ, по волѣ покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны, устроивалъ многіе праздники въ Павловскѣ и въ Смольномъ Монастырѣ; всѣ они удостоивались самаго лестнаго вниманія. Въ 1811 году, разныя обстоятельства заставили Дидло просить увольненія отъ Дирекціи С. Петербургскихъ Театровъ; получивъ увольненіе, онъ отправился въ Лондонъ, куда прибылъ послѣ самого тяжкаго путешествія, во время котораго лишился всѣхъ программъ своихъ балетовъ и музыки къ нимъ.

По прибытіи въ Лондонъ, Дидло монтировалъ балетъ «Деревянная нога», который, будучи сочиненъ въ Шотландскомъ родѣ, очень понравился Англійской публикѣ. Вслѣдъ за этимъ балетомъ были даны: «Зефиръ и Флора», снова передѣланный и съ новою музыкой, сочиненною капельмейстеромъ Вепуа, ибо ноты музыки Кавоса утонули со всѣми вещами Дидло при кораблекрушеніи во время переѣзда: и «Алина, королева Голкондская»; и тотъ и другой балеты имѣли успѣхъ неимовѣрный.

Ангажированный снова къ Императорскому Театру въ Петербургъ, Дидло хотѣлъ, прежде возвращенія въ Россію, посѣтить Парижъ. Прибывъ туда, онъ употреблялъ тщетныя усилія, чтобъ получить позволеніе поставить на сцену Большой Оперы своего «Зефира». Интриги тамошнихъ балетмейстеровъ, боявшихся такого опаснаго соперника, мѣшали успѣху его стараній. Наконецъ покровительство Великаго Князя Константина Павловича, бывшаго въ то время въ Парижѣ, помогло Дидло, и ему было дано позволеніе, столь долго и напрасно просимое. Начались репетиціи; все шло не такъ, какъ должно; безпорядкамъ не было конца; никто не хотѣлъ дѣлать того, чего требовалъ Дидло, — а между-тѣмъ день представленія приближался. Генеральная репетиція была не лучше обыкновенныхъ: первый актъ балета былъ прорепетованъ такъ, что Дидло самъ не узналъ его. Отчаяніе овладѣло имъ; онъ былъ уже готовъ отказаться, какъ вдругъ кто то подошелъ къ нему и шепнулъ на ухо: «Успокойтесь; въ день представленія все будетъ хорошо; только ради Бога, молчите теперь». Дидло скрѣпился, и во всю репетицію, которая шла ужасно, не сказалъ ни слова. Когда она кончилась, онъ хотѣлъ сказать что-то, но голосъ измѣнилъ ему, ни одинъ звукъ не могъ вылетѣть изъ его устъ: онъ сдѣлался совершенно нѣмъ. Сильное душевное волненіе, которому онъ былъ преданъ во все время репетиціи, отняло у него голосъ; судороги сжимали грудь, и это ужасное состояніе, сопровождаемое лихорадкой, продолжалось нѣсколько часовъ.

Наконецъ 12 декабря 1815 г: «Зефиръ и Флора» явились на сценѣ Большой Оперы. Можно себѣ представить, въ какомъ волненіи былъ несчастный Дидло; но слова незнакомца оправдались: балетъ прошелъ прекрасно и восторгъ публики былъ невыразимъ. Въ 11 представленіи балета, Король Людовикъ XVII удостоилъ его своимъ присутствіемъ, и былъ такъ имъ очарованъ, что призвалъ къ себѣ въ ложу Дидло, и въ виду всей публики, въ присутствіи Двора, изъявилъ ему свое удовольствіе. Послѣ такого вниманія Короля, Большая Опера стала дѣлать Дидло самыя блистательныя предложенія, чтобъ оставить его у себя балетмейстеромъ; но онъ далъ уже слово Петербургской Дирекціи, и никакія обѣщанія не могли склонить его остаться.

По возвращеніи Дидло въ Петербургъ, въ 1816 году, первый балетъ, поставленный имъ, былъ «Ацисъ и Галатея.» Въ немъ дебютировала въ первый разъ покойная г-жа Новицкая, ученица Дидло, который, будучи главнымъ балетмейстеромъ, былъ въ то же время и учителемъ танцованія въ Театральной Школѣ. За «Ацисомъ и Галатеею» слѣдовала «Молодая молочница», въ которомъ явились въ первый разъ г. Шелиховъ мл. и г-жа Зубова. Потомъ былъ данъ дивертисементъ «Вечеръ въ саду», въ которомъ дебютировалъ сынъ автора, Карлъ Дидло, тан-

довщикъ съ большимъ дарованіемъ, правившійся публикѣ, но не могшій остаться долго на театрѣ по болѣзни, которой онъ часто былъ подверженъ, и которая заставила его наконецъ оставить искусство, такъ много украшавшееся его прекраснымъ талантомъ.

Послѣ дивертиссемана «Вечеръ въ саду» быстро слѣдовали, одинъ за другимъ, слѣдующіе балеты: «Карлосъ и Розальба» «Тезей и Аріадна» и «Венгерская хижина»; этотъ послѣдній балетъ выдержалъ около 100 представленій; причиной такого успѣха былъ высокій драматическій интересъ самаго сочиненія и таланты г. Огюста и г-жи Колосовой, занимавшихъ въ немъ главныя роли.

Балетъ «Молодая Островитянка», сочиненный и поставленный въ три дня для бенефиса Антонина, перваго танцовщика балетной труппы, заслужилъ одобреніе публики. За этимъ балетомъ слѣдовалъ «Калифъ Багдадскій», бывшій торжествомъ Антонина. Небольшой балетъ «Приключеніе на охотѣ» данный на Эрмитажномъ Театрѣ, замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ въ началѣ втораго акта представлена Фламандская сцена съ картины Теньера, находящейся въ Эрмитажѣ (*).

Марта 5-го 1819 года, явился въ первый разъ знаменитый балетъ «Рауль-де-Креки», данный въ бенефисъ мимическаго танцовщика Огюста. Успѣхъ этого балета превзошелъ всѣ прежніе, и выдержалъ сряду 110 представленій, давая Дирекціи полные сборы. Въ немъ особенно отличались г-жа Колосова въ роли графини де-Креки, и г. Огюстъ въ роли Рауля. Интересъ дѣйствія, сцены, исполненныя высокаго драматизма, очаровательные танцы, прекрасныя группы, все это приводило въ восхищеніе зрителей, и каждый разъ, когда давали «Рауля», публика стремилась въ театръ толпами.

За «Раулемъ» слѣдовали: «Хензи и Тао», не имѣвшій успѣха при первомъ представленіи, отъ торопливости машиниста, который, при перемѣнѣ декорацій, ошибся и спутилъ не ту, какая должна была слѣдовать по сюжету; но въ послѣдствіи этотъ балетъ очень правился публикѣ; потомъ «Кора и Алонзо» или «Дѣва солнца», поставленный съ необыкновеннымъ въ то время великолѣпіемъ, былъ данъ 30 августа 1820 года и имѣлъ самый блистательный успѣхъ. За нимъ слѣдовали: «Эвтимій и Эвхариса», «Альцестра», «Роланъ и Моргана», «Деревянная нога» и «Кавказскій плѣнникъ», взятый изъ извѣстной поэмы Пушкина

Въ 1825 году явилась «Федра» балетъ, замѣчательный по искусству, съ какимъ было велено все дѣйствіе; по прекраснымъ, восхитительнымъ группамъ, по множеству полетовъ и наконецъ по таланту, съ какимъ главная роль была исполнена г-жею Азловою. За «Федрою» слѣдовала «Диана», постановка коей стоила весьма мало, ибо для нея написана только одна новая декорація извѣстнымъ Канони. Не смотря на это, балетъ имѣлъ большой успѣхъ.

Наконецъ послѣдній балетъ, поставленный Дидло, былъ «Разрушенный Кумиръ», который былъ данъ въ бенефисъ г-жи Истоминой и въ которомъ особенно отличалась г-жа Телешова мл.

Послѣ этого балета Дидло не монтировалъ ничего новаго, хотя у него были уже готовы двѣ программы балетовъ: «Эней и Лавинія» и «Упрямая голова и доброе сердце.» Скоро разныя обстоятельства заставили Дидло просить увольненія отъ службы, и 31 октября 1829 года, онъ оставилъ театръ, который въ продолженіе почти 30 лѣтъ украшалъ своими прекрасными созданіями, доставившими ему славу одного изъ первыхъ и отличнѣйшихъ балетмейстеровъ въ Европѣ. Бездѣйствіе, коему онъ былъ обреченъ, послѣ такой дѣятельной жизни, и разныя непріятности, постигшія его, разстроили его здоровье. Внутреннее сознаніе художника, что годы не ослабили въ немъ дара творчества, мучило эту пылкую душу, которая въ 70 лѣтъ сохранила еще весь жаръ молодости. Чтобъ разсѣяться и поправить въ тепломъ климатѣ свое слабѣющее здоровье, Дидло въ 1836 году отправился въ Кіевъ; но тамъ ожидала его смерть, и 7 ноября 1837 года этотъ славный художникъ кончилъ тамъ,

(*) Вообще весь этотъ небольшой балетъ отличается совершенствомъ сочиненія, и богатъ многими истинно прекрасными мимическими сценами.

послѣ 6 дневной болѣзни, земное свое поприще. Талантъ Дидло извѣстенъ цѣлой Европѣ. Будучи отличнымъ балетмейстеромъ, онъ въ то же время былъ и отличнымъ учителемъ. Всѣ наши лучшіе танцовщики и танцовщицы обязаны ему своимъ образованіемъ, и въ продолженіе многихъ лѣтъ всѣ балеты на Петербургской сценѣ были составлены единственно изъ учениковъ Дидло (за исключеніемъ только одного Антонина). Таланты Даниловой, Новицкой 1, Сен-Клеръ, Икониной, Истоминой, Лихутиной, Азловой, Телешевой мл., Азаревичевой 1, Зубовой, Глушковскаго, Стриганова 1-го, Шемаева 1-го, Гольца, Шелихова мл., Дидье, Спиридонова и многихъ другихъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ прекрасной методы Дидло и дарованій его, какъ учителя. Въ частной жизни, Дидло отличался кротостью, благотворительностью и необыкновенною добротою сердца. Любя страстно свое искусство, онъ былъ художникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ отецъ былъ привязанъ къ ученикамъ своимъ, помогалъ имъ въ ихъ нуждахъ, заботился о ихъ будущности и никогда, во всю жизнь свою, не сдѣлалъ никому вреда.

Н. МУНДТЪ.

ПАНОРАМИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ТЕАТРОВЪ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

ИЛИ

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПУБЛИКИ,

ДРАМАТИЧЕСКИХЪ АРТИСТОВЪ И ПИСАТЕЛЕЙ.

Вольтеръ говаривалъ: «Въ человѣческой образованности меня удивляютъ только два изобрѣтенія: стопушечный корабль и театръ». — Мы, отчасти, раздѣляемъ мнѣніе Вольтера.

Сколько надобно ума, талантовъ, художества и даже учености, чтобъ создать хорошій театръ, этотъ отдѣльный міръ въ мірѣ нравственномъ и физическомъ, въ которомъ искусство, похитивъ жезлъ власти у природы, дѣйствуетъ магически на душу, на умъ, на воображеніе, исторгаетъ слезы, возбуждаетъ смѣхъ и приводитъ въ кипѣніе страсти. Литературу можно уподобить вѣсамъ, на которыхъ взвѣшивается умственное сокровище народа, а театръ есть пробирный камень, осколъ, на которомъ опредѣляется качество народнаго ума и вкуса. Просвѣщеніе и образованность не одно и то же. Просвѣщеніе есть потребность, такъ сказать, насущный хлѣбъ человѣчества, а образованность (civilisation) есть роскошь ума, убранство его. Просвѣщеніе можно сравнить съ нивою, покрытою богатою жатвою, а образованность есть роскошный садъ, съ плодовыми деревьями, цвѣтниками, оранжереями и великолѣпнымъ паркомъ. Народъ умный можетъ жить безъ театра, но для народа образованнаго театръ есть необходимость.

И такъ, исторія литературы есть исторія просвѣщенія народа, а исторія театра есть вѣрная картина хода народной образованности. Театръ сдѣлался необходимостью Русскихъ столицъ только со второй половины царствованія Екатерины Великой, которая, довершая начатое Петромъ Великимъ просвѣщеніе, насадила на Русской почвѣ образованность и утонченность нравовъ, и развила въ народѣ изящный вкусъ. Древніе, все изящное олицетворяли въ видѣ женщинъ. Мужчинѣ предоставляли они только руководство. Музы и Граціи не были рабынями Аполлона, и Минерва владѣла даже умами глубокомысленныхъ мудрецовъ. Этотъ миѳъ есть самое вѣрное иносказательное изображеніе умственной природы человѣческой. Для водворенія образованности необходимы женщины. Востокъ до тѣхъ поръ будетъ утопать въ варварствѣ, пока женщины останутся въ неволѣ. Петръ Великій зналъ это, и началъ Русскую образованность сокрушеніемъ теремныхъ дверей и заведеніемъ публичныхъ баловъ или, такъ

названныхъ тогда, *ассамблеевъ*. Но для утвержденія образованности надобно было Великой Жены, Екатерины II, и въ ея блистательное царствованіе совершился тотъ переворотъ, къ которому стремился Петръ Великій. — Однимъ изъ надежнѣйшихъ и прочныхъ орудій къ утвержденію и развитію образованности послужилъ Екатеринѣ—театръ.

Мы не пишемъ исторій театра, слѣдовательно не обязаны говорить, что сдѣлано было Екатериною для драматическаго искусства. Довольно сказать, что въ царствованіе Екатерины II у насъ были театры Французскій, Нѣмецкій, Италіянскій и Русскій, что у насъ былъ уже свой Русскій репертуаръ, по образцу лучшаго, т. е. моднаго тогда въ цѣлой Европѣ, Французскаго репертуара, и что у насъ были свои великіе сценическіе таланты. Замѣтимъ, однако жъ, что сценическіе наши таланты были всегда выше драматическихъ, т. е. что актеры наши были всегда выше драматическихъ писателей. Дмитревскій былъ гораздо выше перваго тогдашняго драматическаго писателя Сумарокова, Яковлевъ былъ выше Озерова, и мы должны сказать, по справедливости, что ни одинъ изъ нашихъ современныхъ драматурговъ не возвысился до той степени, на которой стоятъ В. А. Каратыгинъ и И. И. Сосницкій, относительно своего искусства. — Причину этому мы увидимъ въ послѣдствіи.

Мы сказали выше, что театръ нашъ слѣдовалъ направленіямъ, даннымъ ему Французскою сценою, а въ статьѣ нашей, помѣщенной въ первой книжкѣ Пантеона, упомянули, что примѣръ хорошихъ иностранныхъ артистовъ сильно дѣйствовалъ на развитіе отечественныхъ дарованій. — Повторяемъ и теперь, что примѣры и образцы необходимо нужны для успѣха искусства. Отличные Парижскіе артисты ѣздятъ въ Лондонъ и въ Италію, а Англійскіе актеры и Италіянскіе пѣвцы пріѣзжаютъ въ Парижъ, не для того, однако жъ, чтобъ учиться и заимствовать, но, такъ сказать, чтобъ гранить (façoner) свой талантъ и сообщать ему новую полировку. Иногда одинъ жестъ, одна интонація, одно восклицаніе искуснаго артиста, откроетъ другому, равноспѣльному артисту, новые виды въ искусствѣ. Мы, литераторы, очитываемся чужими произведеніями не для того, чтобъ подражать имъ, но чтобъ возбудить таящіяся въ умѣ нашемъ собственныя наши идеи, и расшевелить собственное чувство. Душа и умъ заснутъ безъ внѣшнихъ впечатлѣній!

Французскій театръ, существовавшій у насъ, въ Петербургѣ, въ царствованіе Екатерины II, въ царствованіе Императора Павла и въ первые годы царствованія Императора Александра I, уничтоженъ былъ во время отечественной войны, и возстановленъ 4-го октября, 1819 г.

Французскій Театръ необходимъ въ Петербургѣ, по двумъ весьма важнымъ причинамъ. Петербургъ не только столица одной Россіи, но столица всего Сѣвера, и кромѣ того, городъ приморскій, торговый, звено, соединяющее Россію и лежащій за нею міръ Азіятскій, съ древнею Европою. Въ Петербургѣ находится постоянно дипломатическій корпусъ, Петербургъ посѣщаютъ иностранные принцы, и общій дипломатическій языкъ, языкъ Французскій, есть почти природный языкъ нашего высшаго общества. Самая физіономія города не Русская. Въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ для иностранцевъ есть Италіянская Опера, въ Берлинѣ и въ Петербургѣ Французскій Театръ, потому что Берлинъ имѣетъ *свою* оперу, а Италіянская опера никогда не можетъ удержаться въ Петербургѣ. Объ этомъ скажемъ послѣ. Въ отношеніи къ искусству, Французскій театръ чрезвычайно полезенъ, не взирая на всѣ возгласы красныхъ патріотовъ. Природа такъ устроила Французскій народъ, что всѣ они природные актеры, повара, фехтмейстеры и танцмейстеры, и въ этихъ искусствахъ были и будутъ всемірными учителями. Герои Наполеоновскіе, удивлявшіе міръ своими подвигами, при своихъ Ахиллесовскихъ доблестяхъ, были тѣ же Французы. Въ тяжкомъ плѣну на Англійскихъ понтонахъ, въ варварскомъ заточеніи въ Кадиксѣ, въ степяхъ Русскихъ, Французы играли комедіи, изъ бѣдной порціи плѣнника стряпали соусы и варили бульонъ, фехтовали на своихъ костыляхъ и

босые танцовали кадрили, выбивая антраша тощими ногами. Въ пылающей Москвѣ одна изъ важныхъ заботъ военной администраціи состояла въ заведеніи театра. Веселость и страсть къ увеселеніямъ составляютъ основаніе характера Французовъ. Непримиримые соперники Французовъ, Англичане, сознаются, что въ отношеніи къ изящному вкусу Французы превосходятъ всѣ народы Европы. Въ художествахъ, въ ремеслахъ, въ фабричныхъ издѣліяхъ, все Французское отличается новостью изобрѣтенія и изяществомъ. Въ литературѣ, хотя другіе народы, Англичане, Нѣмцы и Италіянцы, превосходятъ Французовъ глубокомысліемъ и точностію, но въ изложеніи никто не можетъ сравняться съ Французомъ. Никто такъ пріятно не разсказываетъ, какъ Французъ, ни какой языкъ такъ не выработанъ для легкаго разсказа и разговора, какъ Французскій, и потому ни на какомъ языкѣ нельзя такъ хорошо написать водевиля и комедіи, какъ на языкѣ Мольера и Скриба.

Этотъ врожденный изящный вкусъ и обработанность языка, эта природная живость характера, произвели то, что почти всѣ Французы, а особливо Француженки чрезвычайно ловки и развязны въ обхожденіи и смѣлы въ бесѣдѣ. Французская dame de comptoir (т. е. женщина, управляющая буфетомъ въ кофейномъ домѣ) въ пріемахъ и манерахъ равняется дюшессѣ; модныя торговки ни въ чемъ не уступаютъ знатнымъ барышнямъ, а Парижская служанка есть образецъ ловкости. Французскіе сидѣльцы, писаря и унтеръ-офицеры на публичныхъ балахъ, право, ловче многихъ такъ называемыхъ франтовъ. У насъ ловкость есть привилегированное качество образованнаго сословія, слѣдствіе танцмейстерской выправки и тренія въ большомъ свѣтѣ, а во Франціи это природное свойство народа. Самому неуклюжему Французику стоитъ только присмотрѣться, нѣсколько разъ, на ловкаго свѣтскаго человѣка, чтобъ перенять его манеру. Во Франціи только тотъ не ловокъ, кто не хочетъ быть ловкимъ; но даже въ грубыхъ пріемахъ низкаго рабочаго класса есть что-то эстетическое. Во Франціи есть особаго рода фанфаронство въ низкомъ классѣ: фанфаронство грубости. Это исключеніе изъ правила.

И такъ, не говоря объ искусствѣ, Французскій Театръ тѣмъ уже полезенъ у насъ, что наши Русскіе артисты могутъ видѣть на Французской сценѣ живые образчики свѣтскости. Не обижайтесь за правду, любезные соотечественники! Гдѣ наши артисты могутъ насмотрѣться и перенять манеры и пріемы высшаго общества? Гдѣ наша артистка найдетъ средство присвоить себѣ тонъ свѣтской дамы или дѣвицы высокой породы? Какъ перенять благородные и притомъ ловкіе, рѣзкіе пріемы военнаго человѣка или утонченную вѣжливость дипломата? Молодому артисту нашему не мудрено попасть въ общество офицеровъ и молодыхъ людей высшаго круга, но въ холостомъ обществѣ молодые люди лучшаго воспитанія, имѣютъ не тотъ тонъ и не тѣ манеры, какъ въ дамскомъ обществѣ. Давно уже сказано, что самое лучшее мужское общество есть не что иное, какъ утонченная кордегардія! Для нашихъ Русскихъ артистовъ высшее общество недоступно. Какъ же произвесть, на сценѣ, ефектъ вѣрностію характеровъ? Ужели вдохновеніемъ? Нѣтъ, вдохновеніе можетъ изобразить только порывъ страсти или различные оттѣнки душевныхъ ощущеній, но вдохновеніе не дастъ тона и манеры свѣтскаго человѣка. Тутъ непремѣнно нужны образцы, и въ этомъ-то отношеніи Французская труппа принесетъ намъ величайшую пользу.

Нынѣшняя Французская труппа есть чисто водевильная. Хотя у насъ разъигривались весьма изрядно драмы Дюма, но въ Мольеровыхъ піесахъ, и вообще въ высокой комедіи, здѣшняя труппа не удовлетворитъ вполнѣ знатока. Мелкія піесы второстепенныхъ Парижскихъ театровъ и водевили разъигриваются у насъ безподобно. Nec plus ultra нашего Французскаго репертуара — Скрибъ, этотъ геній мелочности, этотъ Мольеръ поверхностей, куплетный Бомарше! Скрибъ, отецъ мелкой комедіи и водевиля, есть солнце нынѣшнихъ Французскихъ водевилистовъ. Только тотъ водс-

виль хорошъ, только та мелкая комедія имѣетъ успѣхъ, которые вылиты въ форму Скриба. Въ этомъ же мелкомъ родѣ есть драмы, которымъ завязкою служитъ какой нибудь патетическій случай изъ частной жизни — но все вообще носитъ на себѣ Скрибовскій отпечатокъ. Обезьянство Шекспира, которому слѣдуетъ толпа юныхъ писателей, подражая Виктору Гюго, Дюма и Альфреду де Виньи—это Шекспировство не принадлежитъ вовсе къ репертуару, гдѣ царствуетъ Скрибъ. Скрибъ оригиналенъ, Французъ по превосходству и совершенъ въ своемъ родѣ, какъ Расинъ и Мольеръ въ своемъ. Рядъ піесъ Скриба есть картинная галерея современной жизни Французовъ, вѣрныя, живыя изображенія современныхъ характеровъ, изъ всѣхъ сословій общества. Подражаніе Скрибу есть тоже, что литографіи мастерскихъ произведеній, а иногда хорошія гравюры и даже удачныя копіи, но все вмѣстѣ, Скрибъ и его подражатели, составляютъ полную исторію нравовъ современныхъ, съ ихъ хорошею и смѣшною стороною, рѣзкій отпечатокъ тона и манеры различныхъ эпохъ общества, отъ временъ первой Французской революціи до нашего времени. Картина поучительная, любопытная для мыслителя, занимательная для всѣхъ. — Этого именно не достаетъ въ нашей драматической литературѣ!

И такъ, Французскія мелкія піесы нельзя назвать ничтожными и безполезными, не взирая на простоту завязки, которая, напротивъ, способствуетъ развитію комическаго таланта, требуя игры естественной и необыкновенной свѣтской ловкости. Актеръ не можетъ здѣсь импровизировать роли, потому что представляетъ лица не вымышленныя, но настоящую, ежедневную природу, современные характеры и причуды, которые тѣмъ труднѣе изображать, чѣмъ они кажутся обыкновеннѣе. Рѣзкія черты здѣсь не у мѣста. Здѣсь все основано на нѣжныхъ оттѣнкахъ (nuances).

Для этой-то современной жизни и современныхъ характеровъ общества, здѣшній Французскій театръ имѣетъ превосходную актрису, г-жу Аллань. Предъ замужествомъ своимъ, она, подъ именемъ дѣвицы Депрео (Despréaux), играла на первомъ парижскомъ театрѣ (Théâtre Français), на которомъ представляютъ высокую комедію, драму и трагедію, и снискала благосклонность строгой публики этого театра, своимъ необыкновеннымъ талантомъ. Вышедъ замужъ за г-на Аллана; она перешла на Театръ Гимназіи. (Théâtre du gymnase), на которомъ въ то время водевиль и малая комедія разъигрывались лучше, нежели на всѣхъ другихъ Парижскихъ театрахъ, и способствовала къ упроченію славы этого театра. Г-жа Аллань имѣетъ прекрасный свѣтскій тонъ, на сценѣ, и вникая въ малѣйшія подробности своихъ ролей, изслѣдывая мысль и намѣренія автора, создаетъ характеры, которыхъ вѣрность поражаетъ самаго строгаго наблюдателя. Актриса умная и отчетистая, г-жа Аллань постигла, вполнѣ, что величайшее искусство состоитъ въ томъ, чтобъ оно было скрыто подъ покровомъ естественности, и потому каждый взглядъ ея, каждое движеніе, каждая интонація голоса, соотвѣтствуетъ тому положенію, или той страсти, которую она изображаетъ. Г-жа Аллань исторгаетъ слезы въ сценахъ, гдѣ дѣйствуютъ сильныя чувства, и возбуждаетъ веселость въ сценахъ комическихъ. Мы не слыхали ни одной актрисы, умѣющей лучше г-жи Аллань спѣть куплеты, въ которыхъ Французское остроуміе кипитъ, какъ ихъ единственное въ мірѣ пѣнистое вино. Милый и нѣжный голосъ г-жи Аллань выражаетъ, со всѣми оттѣнками, содержаніе куплета, а взоръ, жесты, движенія и интонаціи поясняютъ мысль автора и возвышаютъ его замысловатость. Г-жа Аллань принадлежитъ къ числу лучшихъ актрисъ, какихъ когда либо имѣлъ Петербургъ. Г-жа Бурбье, до появленія на нашей сценѣ г-жи Аллань, занимала первое мѣсто въ драмѣ и комедіи, и должна была уступить первенство высшему таланту. Но мы вовсе не согласны съ тѣми, которые, восхищаясь игрою г-жи Аллань, унижаютъ достоинство г-жи Бурбье. Напрасно. Это умная актриса, которая особенно хороша въ драмѣ и высокой комедіи, представляя принцессъ и дамъ высшаго общества отъ XVI до половины XVIII

вѣка, т. е. г-жа Бурбье отлично хороша въ роляхъ, гдѣ надобно важности и условнаго тона (convenances) придворнаго этикета прошлаго времени. Это не маловажная задача, и для разрѣшенія ея надобно много практики и ученія! — Здѣсь должно замѣтить, что г-жа Бурбье одѣвается и костюмируется съ необыкновеннымъ вкусомъ; это также немаловажное достоинство въ актрисѣ! Театральная ея манера превосходная, хотя различествуетъ съ манерою г-жи Аллапъ. Игра г-жи Аллапъ заставляетъ васъ забывать, что вы въ театрѣ, а игра г-жи Бурбье напоминаетъ всегда хорошую актрису. Эти два разные рода игры, примѣненныя къ двумъ разнымъ родамъ драматическихъ сочиненій. Это современность и преданіе.—Г-жа Луиза весьма хороша въ роляхъ субретокъ и Французскихъ крестьянокъ. Она отлично передаетъ всѣ манеры и даже языкъ людей этого сословія. Игра г-жи Лунзы развязная и свободная, но она не можетъ замѣнить неоцѣненной г-жи Бра, въ роляхъ комическихъ старухъ и пожилыхъ благородныхъ матушекъ и тетушекъ, въ драмѣ и высокой комедіи.

Здѣшняя сцена лишилась много въ г-нѣ Женіесѣ, актерѣ чрезвычайно умномъ и даровитомъ. Онъ былъ превосходенъ въ благородной драмѣ и высокой комедіи. Величайшая похвала у Французовъ актеру играющему въ высокой комедіи, есть выраженіе: il sait porter l'épée (т. е. онъ умѣетъ носить шпагу). Это значитъ, что онъ умѣетъ играть Мольеровскія роли, въ кафтанѣ временъ Лудовика XIV. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего труднѣе, какъ умѣнье быть ловкимъ въ этомъ костюмѣ, прославленномъ образцами вѣжливости, ловкости и утонченности — Французскими маркизами XVIII вѣка! Женіесъ былъ хорошъ въ роляхъ, требующихъ этого костюма, и въ драмахъ рыцарскихъ, слѣдовательно это былъ актеръ высокой комедіи. Онъ не оставилъ послѣ себя преемника. Г-нъ Аллапъ превосходенъ въ водевилѣ и въ современной комедіи. Въ самомъ отечествѣ водевиля, въ Парижѣ, онъ былъ одинъ изъ первыхъ водевильныхъ актеровъ. Игра его удивительно гармонируетъ съ игрою жены его, и когда они вдвоемъ разыгриваютъ сцену веселую или патетическую когда поютъ куплеты, самый взыскательный критикъ забывается отъ удовольствія. Г-нъ Аллапъ постигаетъ свои роли съ удивительнымъ проницаніемъ, и исполняетъ съ величайшею точностью, отъ того игра его всегда натуральна, жива и разнообразна. Никто изъ мужчинъ не поетъ такъ прелестно куплетовъ, какъ г нъ Аллапъ. Онъ удивительно хорошъ въ роляхъ Наполеоновскихъ ловкихъ и храбрыхъ офицеровъ и свѣтскихъ людей, въ первомъ цвѣтѣ зрѣлаго возраста. Тонъ, манера, голосъ, игра физіономіи, все въ немъ прелестно. Г-нъ Брессанъ, молодой человѣкъ съ прекрасною наружностью и дарованіемъ, весьма хорошъ въ трудныхъ роляхъ молодыхъ любовниковъ и въ нѣкоторыхъ характерныхъ роляхъ, какъ напримѣръ въ Gamin de Paris. Мы назвали роль молодыхъ любовниковъ *трудною*, потому что надобно необыкновеннаго дарованья, чтобъ не наскучить зрителямъ приторными нѣжностями, которыми вообще наполнены рѣчи сценическихъ любовниковъ. Актеръ, который въ молодости своей занимаетъ это амплуа съ успѣхомъ, тѣмъ самимъ доказываетъ уже, что онъ имѣетъ талантъ и пойдетъ далѣе на поприщѣ искусства. Нашъ Французскій театръ имѣетъ двухъ отличныхъ комиковъ. Г-нъ Мине (Paul Mine) превосходенъ въ роляхъ комическихъ-наивныхъ, а г-нъ Верне въ роляхъ буфонскихъ, или фарсахъ. Оба они артисты умные и остроумные, знаютъ мастерски свое дѣло и заставляютъ зрителей хохотать до слезъ. Это два необходимые сюжета для Французскаго водевиля и современной малой комедіи, и намъ кажется, что лучшій выборъ трудно было сдѣлать. Въ самомъ Парижѣ они занимали бы почетное мѣсто въ каждой водевильной труппѣ. Г-нъ Дюфуръ, актеръ умный и отчетистый, отлично хорошъ въ роляхъ старыхъ Наполеоновскихъ солдатъ и добрыхъ грубіяновъ (bourru bienfaisant.) Талантъ его такъ разнообразенъ, что онъ весьма хорошо играетъ даже противоположныя роли: такъ, напримѣръ, онъ снискалъ всеобщее одобреніе въ роляхъ, которыхъ типомъ служитъ Фигаро, созданіе Бомарше.

О другихъ артисткахъ и артистахъ Французской труппы мы не станемъ говорить отдѣльно. Мы указали только на главныя опоры труппы, на лица, которыя выносятъ на своихъ плечахъ всю тяжесть отвѣтственности предъ публикою, даютъ направленіе представленіямъ и составляютъ, такъ сказать, сущность дѣла. Въ общей характеристикѣ, всѣхъ прочихъ артистовъ Французской труппы можно уподобить струнамъ хорошо настроеннаго инструмента. Они издаютъ вѣрные звуки, для акомпанимана отличныхъ солистовъ — и этого довольно!

Публику Французскаго Театра составляетъ лучшее Петербургское общество, дипломатическій корпусъ, здѣшняя Французская колонія, высшее иностранное купечество и путешественники. Въ ложахъ перваго яруса вы можете слѣдовать за всѣми измѣненіями дамскаго туалета. Изящный вкусъ и роскошь здѣсь выказываютъ свои образчики. Здѣсь вы точно, какъ въ Парижѣ, съ тою разницею, что здѣсь нѣтъ буйства и наглости Парижскаго партера, приводящихъ въ трепетъ и артистовъ и смиренныхъ зрителей. Французскіе повара, парикмахеры, башмачники и камердинеры, составляющіе Французскую Петербургскую чернь, скромны и тихи въ здѣшнемъ театрѣ. Неудовольствіе или неодобреніе игры актера обнаруживается у насъ молчаніемъ, въ противоположность вызовамъ и аплодиссементамъ, которыми награждается отличная игра. Какъ бы ни было выражено общее мнѣніе, но если только есть условные знаки для обнаруженія удовольствія и негодованія, то этого довольно для награды или наказанія артиста. Дикій свистъ Парижскаго партера, пенстовые вопли, бросаніе яблокъ на сцену, не исправятъ актера, и скромное молчаніе гораздо убійственнѣе для человѣка, который вступилъ на сцену для того, чтобъ заслужить рукоплесканія. У насъ не въ модѣ бѣготня изъ ложи въ ложу, какъ въ Парижѣ, и громкіе разговоры во время антрактовъ. Въ театрѣ у насъ сидятъ чинно и важно, какъ въ академическомъ засѣданіи, ведутъ себя, какъ на званомъ вечерѣ. Буфетъ Михайловскаго Театра не весьма озаботенъ требованіями, и всегда просторенъ.

Французскій Театръ наполняется только въ бенефисы, въ первыя представленія и при повторепіи нѣкоторыхъ любимыхъ піесъ, въ которыхъ играетъ г-жа Алланъ. Вообще г-жа Алланъ магнитъ здѣшняго театра, и въ самомъ дѣлѣ, игра ея притягиваетъ къ себѣ. Чѣмъ болѣе видите вы ее, тѣмъ болѣе привязываетесь къ ея игрѣ. Когда г-жа Алланъ играетъ съ своимъ мужемъ — это праздникъ для Французскаго театра. Въ прочіе дни, театръ бываетъ пустъ, на половину. У насъ нѣтъ того рода любителей, которыхъ во Франціи называютъ les habitués (привычные), т. е. людей, которые должны непремѣнно оканчивать день въ театрѣ, на любимомъ своемъ мѣстѣ. Мы во всемъ непостоянны и любимъ мѣнять наши наслажденія. Но во всякомъ случаѣ, Французскій театръ сдѣлался теперь необходимою потребностію нашего высшаго сословія и образованнаго класса, и, какъ кажется даже, этотъ театръ удерживаетъ многихъ отъ эмиграціи въ Парижъ. Есть надежда, что кругъ дѣйствій здѣшняго Французскаго театра распространится, и что, для разнообразія, водевиль и мелкая комедія будутъ смѣняться драмой и высокой комедіей, когда труппа укомплектуется артистами въ родѣ Женіеса.

Хотя Нѣмецкая драматическая литература образовалась только въ XVIII вѣкѣ, изъ стихій Испанской и Англійской драматургіи, но теперь Германія можетъ смѣло похвалиться оригинальностью, скажемъ болѣе: едва ли не одна Германія имѣетъ теперь свою собственную, оригинальную, національную драматическую литературу, приноровленную къ народному вкусу и характеру. Мы, чужеземцы, даже не вправѣ судить о ней по нашихъ понятіямъ. Великіе писатели Германіи создали изъ сокровищъ Кальдерона, Лопеса де Вега и Шекспира собственный, народный капиталъ. Чужеземное клеймо стерлось въ горнилѣ Нѣмецкой національности, и Нѣмецкія драматическія произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ Нѣмецкихъ нравовъ и обычаевъ и Нѣмецкаго характера, неподражаемыхъ и чуждыхъ всѣмъ другимъ Европейскимъ народамъ. Нѣмецкая трагедія есть цѣлая поэма,

а не эпизодъ какого нибудь событія; драма есть романъ, обнимающій цѣлую жизнь, со всѣми ея мелочами. Комедія есть вѣрная картина семейной частной жизни, со всѣми ея занятіями, отъ кухни до кабинета. Нѣмцы, молчаливые въ бесѣдѣ, любятъ высказываться на письмѣ до послѣдней мысли и до сокровеннѣйшаго чувства, и надобно быть Нѣмцемъ или записнымъ любителемъ Нѣмецкихъ нравовъ, чтобъ вполнѣ наслаждаться Нѣмецкою драматургіею. Всѣ Европейскіе народы, принимая Нѣмецкія піесы на свою сцену, передѣлываютъ ихъ, т. е. сокращаютъ то, что Нѣмцамъ кажется необходимымъ и превосходнымъ, а именно: длинныя разсужденія и безконечные монологи. Но за то Нѣмецкая драматургія изобилуетъ красотами перваго разряда, высокими мыслями и глубокимъ чувствомъ! Дѣйствуя болѣе въ области воображенія, нежели въ мірѣ существенномъ, Нѣмецкіе писатели, по большей части, увлекаются идеальностью. Но если ихъ высокимъ піитическимъ созданіямъ не достаетъ часто естественности, то, въ вознагражденіе, Нѣмецкіе идеалы такъ прелестны, что заставляютъ забывать отсутствіе натуры. Нѣмцы только въ такъ называемыхъ драмахъ и трагедіяхъ (bürgerliche) и въ семейственныхъ комедіяхъ (Familien-Gemählde) придерживаются натуры въ аксесуарахъ, идеализируя даже своихъ милыхъ горожанокъ и ихъ простодушныхъ любовниковъ. Въ высокой трагедіи и драмѣ, Нѣмцы парятъ надъ землею! До сихъ поръ они не могли создать характерной комедіи. Они видятъ у себя только рѣзкія странности и причуды, которыя на сценѣ превращаются въ фарсы, а изъ частной жизни берутъ для сцены только смѣшные случаи и рисуютъ одни карикатуры. Нѣмецкіе водевили — рабское подражаніе Французскимъ. Однимъ словомъ: Французы не имѣютъ Шиллера и Гете, а Нѣмцы не имѣютъ Мольера и Скриба; это слѣдствіе характера и свойства ума обоихъ народовъ.

Только тотъ чужеземецъ можетъ опредѣлить достоинство Нѣмецкихъ актеровъ, кто, зная хорошо Нѣмецкій языкъ и Нѣмецкую литературу, жилъ долгое время между Нѣмцами и изучилъ ихъ характеръ, нравы и обычаи. Тому, кто судитъ актеровъ по Французской мѣркѣ, игра Нѣмецкихъ артистовъ, самыхъ лучшихъ, покажется ненатуральною, натянутою и странною. Но эта натянутость и ненатуральность составляетъ именно настоящую Нѣмецкую натуру! Жесты, интонаціи, движенія, игра физіономіи у Нѣмцовъ, и даже у миленькихъ Нѣмочекъ, принимаютъ какую-то надутость, высокопарность, изысканность, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только онѣ выходятъ изъ круга ихъ обыкновенной жизни, такъ сказать, изъ семейной комнаты. Въ частной жизни, Нѣмцы и милыя Нѣмки тѣ же, что и на сценѣ. Французскую ловкость видимъ лишь у Нѣмцевъ высшаго круга, а Нѣмки ловки *по своему*, т. е. онѣ имѣютъ свои оригинальные пріемы, свои жесты и ухватки, которыя тогда только милы, когда глазъ къ нихъ привыченъ. Одно натуральное въ Нѣмкахъ — это наивность, т. е. простодушіе, и потому никто такъ не умѣетъ изображать, на сценѣ, наивности, какъ Нѣмки. Г-жи Гагенъ (v. Hagn) и Бауэръ, въ этомъ отношеніи, выше всѣхъ актрисъ въ мірѣ, выше даже г-жи Марсъ! Это наше мнѣніе, за которое мы готовы сражаться до упаду — на перьяхъ!

Но за то ужъ принцессъ и знатныхъ барынь Нѣмки представляютъ несносно! Da sind Sie steif, wie die Steifheit selbst! — Тутъ кстати припомнить стихъ Грибоѣдова, изъ Горе отъ ума:

«Словечка въ простотѣ не скажутъ; все съ ужимкой».

Не только какая нибудь княгиня или графиня, но и паперсница ея и служанки являются на сцену Клитемнестрами и Медеями, расхаживаютъ размѣренными шагами, рисуются въ каждой позѣ и нараспѣвъ просятъ подать *стаканъ воды*. Сценическіе герои еще страннѣе для непривычнаго глаза! Натуры ни на волосъ! Но мы уже сказали, что Нѣмцы и Нѣмки тѣ же въ частной жизни. Когда только они находятся въ большомъ и незнакомомъ имъ обществѣ — всѣ они театральны, т. е. всѣ въ котурнахъ,

à la Grecque или à la Romaine! Слѣдовательно, Нѣмецкихъ артистовъ нельзя осуждать *по нашимъ понятіямъ* о естественности игры, а надобно судить ихъ *по-Нѣмецки*. Гдѣ на сценѣ Нѣмецкіе граждане и гражданки, гдѣ семейная жизнь, домашній бытъ — тамъ они хороши и натуральны. Какъ только вы ввели ихъ въ княжескія палаты или вывели на городскую площадь — прощай, натура!

Мы не имѣемъ теперь въ Петербургѣ труппы для высокой трагедіи, для драмы и для благородной комедіи. Этими зрѣлищами наслаждаемся мы тогда только, когда къ намъ заѣзжаютъ гости изъ Германіи. У насъ труппа оперная, водевильная и мелкокомическая, т. е. для фарсовъ. Для оперы мы имѣемъ двухъ, если не первыхъ пѣвцовъ Германіи, то уже навѣрное первостепенныхъ, гг. Брейтинга и Ферзинга. Голосъ г. Брейтинга обширенъ — какъ океанъ! Это настоящій музыкальный Эолъ! Мы отъ роду не слыхивали подобнаго голоса. Онъ, въ полномъ смыслѣ слова, заглушаетъ нашъ многочисленный оркестръ, съ его тромбонами и контрабасами и барабанами! Басъ у г. Брейтинга грудной, а теноръ — фистула, т. е. не природный голосъ, а искусственная поддѣлка. Звуки пѣвучаго басса (basso-cantante) у него чрезвычайно пріятны, и онъ поетъ съ чувствомъ и съ жаромъ, но только въ серьозной операѣ. Для комической оперы — Брейтингъ не слуга! Знаменитый Мейерберъ писалъ къ г. Брейтингу, что онъ непремѣнно хочетъ послушать его въ *Робертѣ*. Въ этой операѣ и Жидовкѣ — Брейтингъ превосходенъ. Онъ хорошій актеръ въ тѣхъ только роляхъ, которыя ему нравятся и соотвѣтствуютъ его таланту. Во всякомъ случаѣ, это драгоцѣнный алмазъ для каждой оперной труппы! Г. Ферзингъ обладаетъ весьма пріятнымъ пѣвучимъ бассомъ (basso-cantante), впадающимъ въ теноръ, или если угодно, это теноръ, впадающій въ бассъ. Метода его чрезвычайно пріятна, но для драматической музыки онъ слишкомъ холоденъ. У г-на Ферзинга голосъ обширный и выработанный, и для ученой Нѣмецкой музыки врядъ ли можно найти другаго пѣвца, съ такими прекрасными средствами. Рѣдко хорошіе пѣвцы бываютъ отличными актерами, и въ этомъ отношеніи, г. Ферзингъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила.

Пѣвицъ, которыя бы талантомъ своимъ соотвѣтствовали дарованію гг. Брейтинга и Ферзинга — у насъ нѣтъ!. Г-жа Нейрейтеръ имѣетъ голосъ пріятный и выработанный, и знаетъ хорошо музыку, но она не имѣетъ довольно силъ, чтобъ выдержать длинную оперу, съ большими аріями, писанными для первыхъ пѣвицъ Европы. Г-жа Матисъ находится въ той же категоріи, хотя голосъ ея не столь выработанъ, какъ г-жи Нейрейтеръ. Въ небольшой операѣ, въ легкой музыкѣ, наши двѣ примадонны чрезвычайно хороши, особенно г-жа Нейрейтеръ, которая, напримѣръ, поетъ прекрасно партію *Розины* (въ Севильскомъ цирюльникѣ), *Доны Анны* въ Моцартовомъ Донъ-Жуанѣ, *Аннеты* въ Фрейшицѣ и т. п. И это уже много! Было бы несправедливо требовать отъ нашихъ артистокъ, чтобъ онѣ исполняли столь же превосходно трудную музыку, какъ Зонтагъ и Малибранъ, для которыхъ эта музыка писана! Г-на Голланда нельзя назвать пѣвцомъ. Голосъ его весьма не обширенъ, но этотъ недостатокъ онъ замѣняетъ искусствомъ и превосходною, живою, одушевленною игрою. Въ *Фигаро* (Россиніевскомъ), въ *Фра-Діаволо* (Обера) и даже въ роли *Фіорелло* (въ Нѣмой изъ Портичи или Фенелѣ) г-нъ Голландъ отлично хорошъ. Большихъ арій онъ не можетъ пѣть, но въ малой музыкѣ прекрасно отдѣлывается. Г-жа Миллеръ, прекрасная собою молодая артистка, играетъ любовницъ въ малыхъ операхъ съ отличнымъ искусствомъ, и особенно хороша въ роляхъ наивныхъ, простодушныхъ дѣвушекъ. Голосъ ея не обширенъ, но пріятенъ. Главное же въ Нѣмецкой нашей операѣ составляетъ *согласіе цѣлаго* (ensemble). Хоры идутъ всегда превосходно, всѣ второстепенные пѣвцы и пѣвицы стараются, по возможности, поддерживать ходъ піесы, и если не прелестью голоса, то познаніемъ музыки и соблюденіемъ точности сохраняютъ въ цѣломъ гармонію. О г-нѣ Шварцѣ мы умалчиваемъ изъ уваженія къ

его прежнимъ заслугамъ; былъ конь да изъѣздился. Безъ Нѣмецкой оперы мы бы не имѣли понятія о большихъ операхъ, восхищающихъ другія Европейскія столицы, которыя имѣютъ или Италіянскія труппы или первыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ Германіи. Постановка новыхъ оперъ, какъ напримѣръ, *Жидовки*, *Роберта*, у насъ богаче Парижской и Лондонской, относительно декорацій и костюмовъ; но самыя оперы — литографіи въ богатыхъ рамахъ!... Для тѣхъ, которымъ невозможно видѣть Рафаэлеву Мадону, хорошо имѣть хотя гравюру! Важный недостатокъ тотъ, что въ Нѣмецкой труппѣ нѣтъ буффо, съ пѣвучимъ бассомъ (basso cantante), и что кромѣ г. Голланда, нѣтъ пѣвца для веселыхъ ролей; г-да Брейтингъ и Ферзингъ вовсе неспособны къ этому.

Водевили у насъ разыгриваются, на Нѣмецкомъ театрѣ, очень мило. Г-жа Лангенгаунъ превосходная водевильная актриса, а г-нъ Голландъ просто неподражаемъ въ роляхъ веселыхъ и забавныхъ. Водевиль его настоящая сфера. Въ комедіяхъ отлично хороша г-жа Альбрехтъ, и въ фарсахъ одинъ г-нъ Моръ замѣняетъ собою цѣлый комплектъ. Онъ воскресилъ на нашей сценѣ Линденштейна. Кто хочетъ похохотать, милости просимъ побывать на представленіяхъ г. Мора. Весьма справедливо было сказано въ Сѣверной Пчелѣ: на бенефисахъ у Мора — всегда умора!

Нѣмецкая публика имѣетъ свой особый характеръ, совершенно оригинальный. Дамскій туалетъ здѣсь простъ, но милъ, потому что Нѣмки милы до крайности. Просимъ нижайше прощенія у прекраснаго пола, всѣхъ возможныхъ племенъ, за дерзость нашу; но мы должны сказать, по совѣсти, что въ массѣ Петербургскихъ красавицъ большинство составляютъ — Нѣмки. Въ Нѣмецкій театръ стоитъ ходить затѣмъ только, чтобъ любоваться на выраженіе добродушія и наивности на прелестныхъ личикахъ молодыхъ Нѣмочекъ, и радоваться ихъ наслажденію драматическими представленіями. Въ обыкновенныя представленія вы увидите ситцовыя платьица и простую домашнюю прическу, даже въ ложахъ перваго яруса. Это возвышаетъ болѣе свѣжесть и наивную прелесть! Матушки и тетушки пріѣзжаютъ въ театръ запросто, въ домашней одеждѣ. Богатый туалетъ въ Нѣмецкомъ театрѣ — рѣдкость, исключая необыкновенныхъ случаевъ, когда Русская публика является туда, съ своею подавляющею роскошью. Наша Русская аристократическая роскошь лишила уже Ревельскія морскія купальни всей прежней прелести, и угрожаетъ теперь Гельзингфорсу. Эта самая роскошь заставляетъ Нѣмецкую нашу публику наряжаться богато, въ чрезвычайныя представленія. Но общій, постоянный характеръ этой публики — простота нравовъ. Въ буфетѣ продаютъ не шампанское, а шнапсъ и бутербродъ.. Въ ложахъ еще не стыдятся лакомиться фруктами и конфектами, если учтивый кавалеръ вздумаетъ поподчивать дамъ, а иныя хозяйки запасаются, на всякій случай, лимонадомъ, потому что цѣлый графинъ хорошаго лимонада, сдѣланнаго у себя дома, стоитъ столько же, какъ одинъ стаканъ въ буфетѣ. Пріятно видѣть, какъ полны ложи въ необыкновенные спектакли. Здѣсь собирается цѣлая фаланга кузинъ и кузиновъ, иногда покупая ложу складчиною, а часто пользуясь только добродушнымъ приглашеніемъ. Нерѣдко, въ крайнемъ углу ложи увидите вы честную домоправительницу, ключницу или нянюшку, которымъ господа доставляютъ наслажденіе за ихъ вѣрную службу. Кресла занимаются негоціянтами, купцами и чиновниками. Нѣтъ ничего несноснѣе въ мірѣ, какъ Нѣмецкое фанфаронство! Нѣмецкіе фанфароны, въ противоположность Нѣмецкаго добродушія — истинно жалки! Тѣ изъ Нѣмцевъ, которые причисляютъ себя къ высшему сословію, къ beau monde, стыдятся посѣщать Нѣмецкій театръ въ обыкновенныя представленія, и являются туда вмѣстѣ съ Русскою публикою, тогда только, когда къ намъ пріѣзжаютъ первоклассные артисты изъ Германіи, или когда даютъ модныя оперы. Тогда Нѣмецкіе фанфароны истощаютъ свое тяжкое остроуміе на счетъ добрыхъ своихъ единоплеменниковъ, и желая представить ихъ въ смѣшномъ видѣ, сами становятся посмѣ-

шищемъ. Въ воскресные и праздничные дни, ложи наполняются семействами второстепенныхъ купцовъ и первостепенныхъ ремесленниковъ; кресла занимаются конторщиками и, такъ называемыми, гезелями, т. е. магазинными сидѣльцами; мѣста за креслами подмастерьями, а партеръ и галереи работниками и горничными. Честныя жены Нѣмецкихъ небогатыхъ купцовъ и ремесленниковъ не стыдятся занимать мѣста въ креслахъ, за креслами и на галереѣ. Въ это время патріархальная публика гораздо занимательнѣе самаго представленія, и не взирая на то, что въ буфетѣ производится сильный отпускъ шнапсу и пуншу за границу умѣренности, въ самомъ театрѣ все смирно и тихо, и только по иллюминованнымъ лицамъ подмастерьевъ замѣтно, что многіе изъ почтенныхъ посѣтителей партера возвратятся домой по правиламъ криволинѣйной тригонометріи.

Нѣмецкая публика вообще чрезвычайно снисходительна, и хотя въ образованномъ ея сословіи, особенно между прекраснымъ поломъ, находится много лицъ, понимающихъ хорошо музыку; но и они не слишкомъ взыскательны и прощаютъ недостатки, ради наслажденія, доставляемаго цѣлымъ. Удивительно, что Нѣмецкая публика не любитъ даже рѣзкой критики на Нѣмецкія представленія, появляющіяся, иногда, въ здѣшнихъ Нѣмецкихъ журналахъ. Добродушіе этой публики составляетъ главное основаніе благоденствія здѣшней Нѣмецкой труппы.

Наша Русская труппа разъигрываетъ піесы во всѣхъ родахъ: трагедіи, драмы, комедіи, оперы, водевили, фарсы и даже мелодрамы. Мы согласны съ строгими критиками въ томъ, что театръ нашъ не изобилуетъ новыми, замѣчательными оригинальными произведеніями драматической литературы, и что даже число хорошихъ переводныхъ піесъ не слишкомъ велико, по многимъ обстоятельствамъ; но, во всякомъ случаѣ, въ теченіе года появляется довольно хорошихъ піесъ для наполненія ими двѣнадцати книжекъ *Репертуара Русскаго Театра* и привлеченія многочисленной публики въ Александринскій Театръ, въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ и осени. Трагедіи Озерова нынѣ вовсе не играются, и кажется, что классическія формы трагедіи уже на всегда изгнаны съ нашей сцены. Мѣсто прежней классической трагедіи заступили, такъ называемыя, романтическія трагедіи и драмы. Мы для того употребляемъ здѣсь названіе *классицизма* и *романтизма*, чтобъ однимъ словомъ отличить родъ Расиновскій отъ Шекспировскаго или Шиллеровскаго, т. е. родъ сжатый въ тѣсныхъ рамахъ литературныхъ условій, окованный цѣпями единства мѣста и времени, съ родомъ свободнымъ, не знающимъ другихъ законовъ, кромѣ законовъ изящнаго вкуса, натуры и литературныхъ приличій. Въ этомъ родѣ, мы имѣемъ нѣсколько переводовъ Шекспировскихъ піесъ, нѣсколько Испанскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ. Въ числѣ отличныхъ переводчиковъ первоклассныхъ піесъ свободнаго или романтическаго рода, первое мѣсто занимаютъ Н. А. Полевой (Гамлетъ) и П. Г. Ободовскій, трудящійся преимущественно переводами съ Нѣмецкаго языка. Нѣсколько піесъ съ Французскаго переведены прекрасно, и даже передѣланы, В. А. Каратыгинымъ. Въ оригинальной драмѣ, въ высокомъ родѣ (т. е. въ родѣ Дюма и Виктора Гюга), важнѣйшіе дѣлатели суть: Н. А. Полевой, Н. В. Кукольникъ, Баронъ Е. Ѳ. Розенъ, Хомяковъ и Князь А. А. Шаховской. Сочиненій ихъ мы не смѣемъ назвать трагедіями, потому, что о трагедіи мы имѣемъ другія понятія, но называемъ эти произведенія высокими драмами. Драмы низшаго разряда, т. е., въ которыхъ событія впадаютъ въ условія частной жизни и не вмѣщаютъ въ себя героическихъ характеровъ, эти драмы, такъ сказать, втораго разряда, пишутъ Н. А. Полевой, Князь А. А. Шаховской, К. А. Бахтуринъ, а съ иностраннаго, въ этомъ родѣ, переводитъ Р. М. Зотовъ и нѣкоторые другіе.

Мы не намѣрены вовсе разбирать сочиненій и переводовъ упомянутыхъ здѣсь авторовъ, а хотимъ только дать характеристическій очеркъ ихъ дарованія.

Н. В. Кукольника создала природа поэтомъ, но таже природа вложила ему свое-

нравіе, которое заставляетъ его дарованіе итти уединенною стезею и не внимать искреннимъ совѣтамъ истинныхъ друзей автора и чтителей его таланта. Во всѣхъ піесахъ Н. В. Кукольника есть идея, есть чувство, есть жизнь, но въ нихъ нѣтъ сценическаго дѣйствія, нѣтъ того движенія, той жизни, безъ которыхъ піеса не можетъ держаться на сценѣ. Созданія піитическія, изящныя, приковывающія къ себѣ вниманіе образованнаго читателя въ тишинѣ кабинета, кажутся блѣдными въ кругу многочисленныхъ зрителей, которые не имѣютъ времени размышлять, разбирать отдѣльныя красоты творенія, но ждутъ электрическаго потрясенія, требуютъ, чтобъ дѣйствіе драмы и движеніе жизни увлекло ихъ къ сочувствію и, такъ сказать, вмѣшало въ дѣйствіе драмы. При краснорѣчивыхъ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ, зрители остаются хладнокровными, и піитическіе образы мертвы на сценѣ, когда на ней нѣтъ дѣйствія. Но что Н. В. Кукольникъ можетъ и умѣетъ создать настоящую драму, доказываютъ многія прекрасныя сцены въ драмахъ его: *Рука Всевышняго отечество спасла*, въ *Скопинѣ Шуйскомъ*, въ *Роксоланѣ*. Въ этихъ піесахъ есть сцены эфектныя и притомъ натуральныя. Мы увѣрены, что Н. В. Кукольнику стоитъ только захотѣть, чтобъ создать живую, сильную народную драму. Мечъ у него въ рукахъ, а онъ дѣйствуетъ тупымъ концемъ!...

Н. А. Полевой, напротивъ того, дѣйствуетъ даннымъ ему природою оружіемъ, т. е. талантомъ, какъ искусный боецъ, и потому одерживаетъ блистательныя побѣды. Гибкій умъ его постигнулъ быстро тайну искусства, недоступную даже для многихъ геніевъ—тайну двигать сердцами зрителей. Н. А. Полевой понялъ разницу между кабинетнымъ и сценическимъ литературнымъ произведеніемъ. Хотя Н. А. Полевой недавно сталъ писать для сцены, но мы ни какъ не назовемъ его неопытнымъ драматургомъ. Всѣ замѣчаемыя справедливою критикою недостатки, въ его піесахъ происходятъ единственно отъ поспѣшности, съ которою онъ работаетъ, а длиноватые, иногда, монологи и разсужденія, составляютъ характеристическую черту автора. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ любитъ разсуждать и излагать свой собственный образъ мыслей о предметѣ. Это самое перешло и въ драму. Оно не вредитъ драмѣ, но иногда замедляетъ ходъ ея. Характеристика драмъ Н. А. Полеваго: глубокое чувство народности, настоящій Русизмъ, патріотизмъ благородный и просвѣщенный, котораго средоточіемъ есть солнышко Русское, Царь Православный, безъ котораго святая Русь не можетъ жить и двигаться. Н. А. Полевой смотритъ на Россію съ настоящей точки зрѣнія, и убѣжденный въ томъ, что Русскій патріотизмъ не можетъ существовать безъ безпредѣльной любви Русскаго народа къ Царю, превосходно излагаетъ, въ дѣйствіи, эту идею и убѣждаетъ въ этомъ другихъ. Въ Н. А. Полевомъ нѣтъ того патріотизма, которое онъ же прозвалъ, въ шутку, *кваснымъ*, т. е. патріотизма, возбуждающаго глупую и безотчетную ненависть ко всему иностранному, не различая хорошаго отъ дурнаго. Нѣтъ, Н. А. Полевой истинный Русскій Патріотъ, патріотъ просвѣщенный. Въ *Иголкинѣ*, въ *Дѣдушкѣ Русскаго флота*, въ *Парашѣ Сибирячкѣ*, въ *Фелицѣ* — все благо проистекаетъ отъ сильной Царской власти, и вездѣ есть благородные, честные предстатели предъ престоломъ, для защиты таланта, заслуги, добродѣтели. — Мы, благодаря Бога, сыны того отечества, въ которомъ заслуга, умъ, честность, ведутъ къ высшимъ степенямъ въ государствѣ: мы живемъ въ отечествѣ Меншиковыхъ и имѣемъ на престолѣ потомство безсмертнаго Петра! Ужели подъячихъ, это крапивное сѣмя, и бездарныхъ интригантовъ, которыхъ и общество не терпитъ, должно щадить на сценѣ, потому только, что они пользуются четырнадцатымъ классомъ или принадлежатъ къ хорошей семьѣ? Судя такимъ образомъ, не должно требовать отъ авторовъ ни драмъ, ни комедій, ни романовъ, ни повѣстей, потому, что исключая изъ литературы истину и натуру, лишаютъ ея жизни! Гдѣ нѣтъ правды — тамъ мракъ и холодъ! Намъ кажется, что ви-

дя на сценѣ или въ книгѣ благородство, великодушіе, доблесть и возвышенное чувство, сердце наше скорѣе согрѣвается. При видѣ доблести и чести въ простолюдинѣ, мы въ патріотическомъ нашемъ упоеніи, тотчасъ дѣлаемъ себѣ вопросъ: а что бъ было, если бъ этотъ человѣкъ былъ образованъ и принадлежалъ къ высшему сословію? Этими мыслями питается благородная народная гордость и возбуждается соревнованіе.

Въ отношеніи къ искусству, драмы Н. А. Полеваго еще, такъ сказать, не осѣли на прочномъ основаніи. Умъ и всѣ способности его теперь въ работѣ, въ броженіи.—Н. А. Полевой, чувствуя недостатки прежнихъ формъ и прежняго изложенія въ Русской трагедіи и драмѣ, трудится теперь надъ пересозданіемъ ихъ, собираетъ во всѣхъ Русскихъ рудникахъ самоцвѣтные камни и благородные металлы, которыхъ мы видѣли уже образчики, и намѣревается создать изъ нихъ прочное зданіе. Судя по его *Уголино* (*) и по національнымъ Русскимъ драмамъ, мы съ надеждою ждемъ отъ него рѣшенія великой задачи, или, по крайней мѣрѣ, формулы для ея разрѣшенія.

Баронъ Е. Ѳ. Розенъ, по нашему мнѣнію, отличный лирическій поэтъ; но при всемъ своемъ дарованіи и при глубокомъ изученіи Нѣмецкой драматургіи, онъ, до сихъ поръ, не создалъ ничего истинно драматическаго, т. е. такого, что бы имѣло жизнь и движеніе на сценѣ. Намъ чрезвычайно непріятно высказывать горькія истины Барону Розену, котораго мы уважаемъ, какъ человѣка и писателя; но, скрѣпя сердце, должны сдѣлать это! Въ драмахъ его есть созданіе, т. е. завязка, потому что онъ поэтъ, т. е. человѣкъ съ воображеніемъ, но въ частностяхъ нѣтъ вовсе драмы. Это просто романы или повѣсти въ драматической оболочкѣ — и эти романы или повѣсти также не выдержаны. Баронъ Розенъ началъ поздно изучать Русскій языкъ, и онъ до сихъ поръ принимаетъ весьма многія слова и обороты въ иномъ, невѣрномъ значеніи, обманываясь созвучіемъ или не замѣчая въ фразѣ оттѣнковъ. Кажется, что онъ преимущественно любитъ слогъ Русскихъ лѣтописей, потому, что выбираетъ изъ нихъ безпрестанно устарѣлыя, неупотребительныя слова, и перемѣшиваетъ ихъ съ словами новыми или самодѣльными. Изъ этого выходитъ ужасная путаница въ слогѣ! — Языкъ и слогъ въ послѣдней его трагедіи: *Дочь Іоанна III*, (напечатанной во 2-й книжкѣ Пантеона Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ) таковы, что мы рѣшительно не понимаемъ болѣе половины. Какъ будто писано на какомъ нибудь вовсе неизвѣстномъ намъ языкѣ! Да и самыя истолкованія или наставленія актерамъ, какъ они должны дѣйствовать, написаны такъ, что ни одинъ артистъ въ мірѣ не пойметъ, чего отъ него требуютъ. Такъ напримѣръ, въ этой трагедіи, въ IV актѣ, въ 6-мъ явленіи, выходитъ Іоаннъ. Авторъ трагедіи заставляетъ его говорить съ дочерью, «*поборая умиленіе.*» — Ну, какъ изобразитъ актеръ это *побораніе умиленія?* — А стихи? — Ей богу, намъ совѣстно говорить объ этомъ, изъ уваженія къ почтенному человѣку! Боже мой, что это за несчастная страсть авторовъ и какъ она компромитируетъ почтенныхъ людей, заслоняя авторскимъ самолюбіемъ оборотъ медали! Баронъ Е. Ѳ. Розенъ занимаетъ почетное мѣсто между лирическими писателями, но не хочетъ довольствоваться этою завидною долею и.... но довольно! — Не наша вина, что отъ насъ требуютъ правды!

Г. Хомяковъ написалъ драмы: *Ермакъ* и *Дмитрій Самозванецъ*. Въ нихъ есть хорошія мѣста, но въ цѣломъ онѣ не могутъ выдержать критики. — Подражая г. Погодину въ просторѣчіи, г. Хомяковъ въ нѣкоторыхъ сценахъ дошелъ до высшей степени смѣшнаго (ridicule)! Г. Хомяковъ также показалъ прекрасный лирическій талантъ—но до сихъ поръ въ драматургіи онъ весьма далекъ отъ первенства!

К. А. Бахтуринъ переливаетъ въ драматическія формы повѣсти и эпизоды изъ романовъ или поэмъ Русскихъ писателей,

(*) Весьма замѣчательно, что противники Н. А. Полеваго, не зная, какъ унизить Уголино, стали утверждать, будто онъ почерпнулъ все изъ Нѣмецкой и Италіянской драмы! Укажите жъ, изъ которой! Сличите, разберите! Клевета и только!

украшая свои произведенія всѣми эффектами воскресныхъ спектаклей. Его нельзя назвать бездарнымъ писателемъ, но въ немъ нѣтъ ни высокихъ мыслей, ни глубокаго чувства, ни самородныхъ идей, составляющихъ высокую драму. Это писатель мелкихъ Парижскихъ театровъ. Но онъ пишетъ легкимъ стихомъ и умѣетъ придать своимъ драматическимъ піесамъ сценическую жизнь и движеніе.

Князь А. А. Шаховской писалъ во всѣхъ родахъ. Его классическія трагедіи и романтическія драмы мы поставляемъ, однако жъ, ниже его комедій и водевилей. Но многія изъ драмъ его, которыхъ содержаніе почерпнуто изъ извѣстныхъ романовъ и поэмъ, имѣютъ сценическое достоинство, т. е. исполнены движенія, потому, что никто изъ нашихъ драматическихъ писателей не знаетъ сцены лучше Князя Шаховскаго. Цѣня высоко заслуги его для Русскаго Театра, мы однако жъ главное его достоинство полагаемъ въ комедіи.

Лучшій, или правильнѣе сказать, единственный хорошій переводчикъ драматическихъ піесъ, П. Г. Ободовскій. Стихъ его легокъ, языкъ правиленъ, слогъ имѣетъ всегда приличный колоритъ и соотвѣтствуетъ сюжету, достоинства, которыхъ недостаетъ многимъ оригинальнымъ писателямъ. Впрочемъ, прекрасные переводы П. Г. Ободовскаго, составляя богатство нашей драматической литературы, даютъ ему право на почетное мѣсто въ ряду лучшихъ оригинальныхъ драматическихъ писателей.—Все, что сказано о П. Г. Ободовскомъ, принадлежитъ также А. А. Жандру. Но онъ уже давно отказался отъ литературы! — Р. М. Зотовъ переводитъ хорошо прозою.

Между комическими писателями первое мѣсто занимаетъ, безспорно, А. С. Грибоѣдовъ, по одной своей комедіи *Горе отъ ума*. Любя Грибоѣдова выше всего на свѣтѣ, или, лучше сказать, обожая его, мы говорили ему, однако жъ, при жизни, что безсмертное его созданіе выиграло бы много на сценѣ, если бъ въ комедіи было болѣе завязки и движенія. Но какъ вѣрная картина нравовъ и какъ живой снимокъ съ характеровъ — это совершенство! Тутъ, что лице, то характеръ, точно такъ же, какъ у Моліера. Всѣхъ лицемѣровъ мы называемъ *Тартюфами*, всѣхъ скупцовъ *Гарпагонами*, и т. п. У насъ теперь есть свои прозванія *Фамусова*, *Молчалина*, *Загорѣцкаго*, *Репетилова*, *Платона Михайловича!* Каждый стихъ Грибоѣдова вошелъ въ поговорку. Одинъ Грибоѣдовъ былъ въ состояніи создать народную высокую комедію. Ранняя смерть лишила насъ всѣхъ надеждъ!...

Князь А. А. Шаховской обладаетъ неподдѣльнымъ юморомъ и комизмомъ. Онъ великій мастеръ схватывать смѣшное, но въ изображеніи сильныхъ комическихъ характеровъ, онъ только представляетъ одни очерки, какъ будто сберегая краски Комедіи его, къ сожалѣнію, нынѣ играютъ мало; но всѣ онѣ имѣютъ относительное достоинство свое, а *Аристофанъ* истинно высокая піеса! Въ Исторіи Русскаго Театра Князь А. А. Шаховской занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

Піесы П. И. Хмѣльницкаго нынѣ также мало играютъ, хотя, кромѣ Грибоѣдова, никто не писалъ такимъ чистымъ, легкимъ стихомъ и такимъ прекраснымъ слогомъ, какъ Н. И. Хмѣльницкій. Почти всѣ его піесы или переведены или передѣланы съ Французскаго языка и приправлены къ Русскимъ нравамъ. Но въ этомъ приправленіи всегда видно иностранное клеймо. Н. И. Хмѣльницкій, такъ же какъ и А. А. Жандръ, отказался для службы отъ литературы.

М. Н. Загоскинъ комикъ отъ природы. Онъ чрезвычайно хорошъ въ изображеніи смѣшныхъ обычаевъ и странностей частной жизни, въ среднемъ дворянствѣ. Лица его забавны и натуральны, разговоръ живъ, завязка хотя простая, но возбуждаетъ дѣйствіе на сценѣ. Онъ по превосходству прозаикъ, и стихотворныя его произведенія уступаютъ прозаическимъ. То же самое качество отличаетъ и романы его, т. е. вѣрность въ очеркахъ современныхъ нравовъ, легкость разговора и драматическое дѣйствіе.

Г. Гоголь написалъ одну комедію про-

зою: *Ревизоръ*, за которую дружеская литературная партія превозноситъ его превыше, не только Грибоѣдова, но даже Моліера! Критики наши забыли, что *Ревизоръ* уступаетъ даже многимъ комедіямъ Князя Шаховскаго и Загоскина, которые вовсе не имѣли притязанія на сравненіе ихъ съ Моліеромъ! Въ *Ревизорѣ* нѣтъ, во-первыхъ, ни какого вымысла и завязки; во-вторыхъ, нѣтъ характеровъ; въ-третьихъ, нѣтъ натуры; въ-четвертыхъ; нѣтъ языка; въ-пятыхъ, нѣтъ ни идей, ни чувства, т. е. нѣтъ ничего, что составляетъ высокое созданіе! Сюжетъ избитый во всѣхъ Нѣмецкихъ и Французскихъ фарсахъ, тотъ же, что *Мнимая Каталани* (Die vermeinte Catalani), *Нѣмецкіе горожане* (Die deutschen Kleinstädter), *Ложная Тальони* (die falsche Taglioni), *Городишко*, соч. Пикара (la Petite ville) и т. п., съ тою разницею, что въ *Ревизорѣ* болѣе невѣроятностей. Дѣйствующія лица — рядъ преувеличенныхъ карикатуръ, небывалыхъ никогда въ Великороссіи! Это образчики какой-то нашей Малороссійской и Бѣлорусской шляхты, которыхъ намъ выдаютъ за Русскихъ помѣщиковъ. Всѣ дѣйствующія лица пошлые дураки или отъявленные плуты, которые хвастаютъ своимъ плутовствомъ. Одно превосходное комическое лицо здѣсь — лакей! Вотъ что мастерски, такъ мастерски! И за отдѣлку именно этого лица, мы признаемъ комическій талантъ въ г. Гоголѣ, и убѣждены, что если онъ захочетъ сдѣлать что нибудь порядочное, присядетъ за работу и зажметъ уши на пошлыя похвалы пріятелей, похвалы, которыя половина публики принимаетъ за насмѣшку надъ нимъ, то напишетъ не фарсъ, а настоящую комедію, потому, что мы видимъ въ немъ и юморъ и комическую замашку. Дарованіе видно въ самыхъ мелочахъ, и мы, почитая *Ревизора* піесою, недостойною того, чтобы на ней можно было основывать славу автора, признаемъ автора человѣкомъ даровитымъ, и съ нетерпѣніемъ ждемъ случая хвалить его за что нибудь достойное его таланта.

Князь А. А. Шаховской въ *Казакѣ стихотворцѣ*, въ *Ломоносовѣ*, далъ образцы народнаго водевиля, не упоминая уже о *Мельникѣ*, прототипѣ Русскаго водевиля. Всѣ нынѣшніе наши водевилисты, за исключеніемъ двухъ, трехъ — идутъ другимъ путемъ, т. е. или рабски подражаютъ Французскимъ водевилямъ въ такъ называемыхъ оригинальныхъ своихъ произведеніяхъ, или передѣлываютъ Французскіе водевили на Русскій ладъ, или просто переводятъ съ Французскаго. Характеръ всѣхъ нашихъ водевилей: или Французскій мелочной водевиль, или Нѣмецкій фарсъ, съ куплетами. До высоты Скриба никто еще у насъ не возносился, кромѣ Князя А. А. Шаховскаго, котораго нѣкоторые водевили истинно изящныя произведенія. Они имѣли бы полный успѣхъ и въ Парижѣ. Лучшіе наши водевилисты, во Французскомъ родѣ, суть покойные А. И. Писаревъ и Булгаковъ, и нынѣ дѣйствующіе П. А. Каратыгинъ, П. С. Ѳедоровъ, Ѳ. А. Кони, Д. Т. Ленскій, И. А. Коровкинъ, В. И. Орловъ и П. И. Григорьевъ 1-й. Фарсы пишутъ въ Петербургѣ П. И. Григорьевъ 2-й, а въ Москвѣ г. Соколовъ. Любимецъ публики П. А. Каратыгинъ, который превосходно умѣетъ пользоваться временнымъ интересомъ, смѣшитъ каламбурами, и изъ самой ничтожной завязки составляетъ занимательныя сцены. Многія піесы гг. Ѳедорова, Ленскаго и Кони имѣли успѣхъ и держатся на сценѣ, что уже говоритъ въ ихъ пользу. — Г. Коровкинъ, едва вступивъ на это поприще, уже написалъ много піесъ. Въ немъ есть водевильный талантъ, который тщетно старается затмить водевильное соперничество журнальныхъ сотрудниковъ строгими приговорами, и мы надѣемся, что г. Коровкинъ пойдетъ далѣе. Ленскій мастерски передѣлываетъ съ Французскаго, и въ особенности отличается острыми куплетами. Нѣкоторыя піесы гг. Орлова и Григорьева имѣли также успѣхъ. — У насъ только три народныя композитора музыки: М. И. Глинка, въ Петербургѣ, и гг. Верстовскій и Алябьевъ, въ Москвѣ. Первый написалъ музыку для оперы *Жизнь за Царя*, въ которой обнаружилъ высокое дарованіе и глубокія по-

знанія теорія. Опера эта не сходитъ со сцены. Теперь онъ пишетъ музыку для новой оперы: *Руслань и Людмила*. Мы слышали нѣсколько нумеровъ, и сознаемся, что эта опера станетъ рядомъ съ лучшими произведеніями Моцарта. Глинки суждено прославить имя Русское въ музыкальномъ мірѣ! О талантахъ гг. Верстовскаго и Алябьева мы знаемъ — но не слыхали на сценѣ ихъ произведеній.

Теперь взглянемъ на исполнителей произведеній Русскаго ума, т. е. на артистовъ, и не разбирая въ подробности ихъ игры, представимъ очеркъ ихъ дарованій. Обратимся къ звѣздамъ первой величины.

Первое мѣсто принадлежитъ у насъ, по особенной странности, не одному артисту, а двумъ: В. А. Каратыгину и И. И. Сосницкому, хотя таланты ихъ разнородные. Это тоже, что два царя, въ Спартѣ! Какъ раздѣлить Каратыгина съ Сосницкимъ, когда они оба единственные, каждый въ своемъ родѣ, оба неподражаемые, оба первоклассные артиста не только въ Россіи, но въ цѣлой Европѣ, въ цѣломъ образованномъ мірѣ? Начнемъ съ трагика.

Сама природа создала В. А Каратыгина трагическимъ актеромъ, давъ ему высокій ростъ, прекрасный станъ, ловкость въ пріемахъ, выразительныя черты лица, орлиный взглядъ и громкій, звонкій, пріятный голосъ, и Каратыгинъ умѣлъ воспользоваться этими дарами, подчинивъ ихъ чувству изящнаго и высокой піитической идеѣ. Имѣя умъ здравый и проницательный, образованный наукою, Каратыгинъ понялъ совершенно свое назначеніе. Всѣ свои роли онъ изслѣдываетъ съ тонкостью, изучаетъ прилежно характеръ драматическаго лица и его положеніе, и присвоивая себѣ мысль автора, является на сцену не актеромъ, но подлинникомъ, тѣмъ самымъ лицемъ, которое авторъ заставляетъ дѣйствовать. Если Каратыгинъ не во всѣхъ роляхъ одинаково хорошъ, вина не его, а авторовъ! Въ роляхъ, созданныхъ двумя безсмертными трагиками, Шекспиромъ и Шиллеромъ — Каратыгинъ безподобенъ! Въ этомъ отношеніи отдаютъ ему справедливость даже просвѣщенные иностранцы. Англичане, не зная по-Русски, ходятъ смотрѣть Каратыгина въ Гамлетѣ, и зная наизусть эту роль, восхищаются игрою Русскаго артиста, говоря, что они не видали никогда такой игры въ Лондонѣ. Французскіе драматическіе артисты видятъ въ Каратыгинѣ Тальму. По несчастію, трагическій репертуаръ Каратыгина весьма ограниченъ, потому, что на нашей сценѣ мало первоклассныхъ трагедій. Большая часть дѣятельности Каратыгина обращена нынѣ на драму. И въ драмѣ талантъ его является въ полномъ блескѣ, особенно въ сценахъ сильнаго, глубокаго чувства и въ изображеніи противоборства страстей, то есть тамъ, гдѣ требуется полнаго познанія сердца человѣческаго, науки и вдохновенія. Даже въ уродливой мелодрамѣ *Тридцать лѣтъ, или Жизнь игрока* — Каратыгинъ создалъ роль, которая возвысила эту піесу до изящнаго! — Мы, въ теченіе двадцати лѣтъ, слѣдовали за развитіемъ таланта Каратыгина, дѣлали ему, иногда, непріятныя замѣчанія, и наконецъ дожили до апогея его художественнаго созрѣнія! Теперь намъ остается только восхищаться имъ и радоваться его успѣхамъ!

Бывало, мы упрекали, иногда, Каратыгина за то, что онъ жертвуетъ изящнымъ для удовлетворенія требованіямъ толпы, восхищающейся крикомъ и неистовыми порывами. И въ этомъ случаѣ виновна была болѣе публика, нежели артистъ, которому тяжело было отказаться отъ рукоплесканій. Но Каратыгинъ, наконецъ, преодолѣлъ себя и даже преобразовалъ партеръ. Теперь требованія партера умѣреннѣе. Невозможно быть лучше, какъ Каратыгинъ въ драмѣ, въ сценахъ спокойныхъ, когда надобно изображать величіе души или глубокое чувство, предъ воспламененіемъ ихъ, и какъ великъ онъ въ внезапныхъ порывахъ страсти, въ вспышкахъ чувства! Можетъ ли быть что нибудь выше Каратыгина, въ первомъ дѣйствіи Шиллерова *Вильгельма Телля* и въ послѣднемъ дѣйствіи *Параши Сибирячки!* Мы видали Тальму, видали Яковлева, видали Каратыгина въ началѣ его поприща, переговорили и пересудили о немъ со многими иностранными

и отечественными знатоками драматическаго искусства, и рѣшительно утверждаемъ, что въ Европѣ нѣтъ нынѣ трагическаго актера выше Каратыгина. Играй онъ по-Французски и по-Англійски, онъ, подобно Тальмѣ, свелъ бы съ ума Парижъ и Лондонъ и надѣлалъ бы шуму въ цѣлой Европѣ! Съ Русскимъ языкомъ Каратыгинъ долженъ ограничиваться Россіею. Намъ возразятъ: есть пятна и въ солнцѣ, ужели одинъ Каратыгинъ непогрѣшимъ! Отвѣчаемъ: пятна не мѣшаютъ солнцу быть солнцемъ, и мы сожалѣемъ о людяхъ, которые, пользуясь благотворною его теплотою, размышляютъ о пятнахъ! Мы видимъ въ Каратыгинѣ перваго, единственнаго трагическаго у насъ артиста, и гордимся имъ...

И. И. Сосницкій другое удивительное явленіе на нашемъ драматическомъ поприщѣ. Не всѣ, можетъ быть, догадываются, что нѣтъ ничего труднѣе тѣхъ ролей, которые кажутся зрителю самыми легкими. То же самое примѣняется и къ авторскому ремеслу. Все, что зрителю или читателю кажется весьма легко, и что возбуждаетъ въ немъ увѣренность, будто ему стоитъ только захотѣть, чтобъ сдѣлать такъ же — все это верхъ искусства, все это побѣда надъ величайшими трудностями. Самая трудная роль — молодаго человѣка въ современномъ костюмѣ. Не вѣрите, спросите у всѣхъ опытныхъ актеровъ, у всѣхъ знатоковъ драматическаго искусства — и эти-то роли разыгрываетъ Сосницкій въ совершенствѣ. На сценѣ онъ кажется, какъ дома, въ своей комнатѣ или въ кругу пріятелей. Ничто его не женируетъ, ничто не смущаетъ, и онъ, въ роли своей, всегда тотъ самый человѣкъ, котораго представляетъ. Въ характерныхъ роляхъ, Сосницкій просто удивителенъ. Выберите какой угодно оригиналъ, представьте какія вамъ вздумается причуды, странности, поставьте лице въ какое бы ни было положеніе,—Сосницкій передастъ все это съ самыми тонкими оттѣнками и такъ естественно, что вамъ не хочется вѣрить, будто самъ онъ не такой же чудакъ или не тотъ же характеръ. Что можетъ быть ничтожнѣе роли городничаго въ *Ревизорѣ* — и изъ нея Сосницкій создалъ чудный характеръ! Читаете піесу и ничего не замѣчаете — смотрите на Сосницкаго и удивляетесь, какъ вы не замѣтили въ чтеніи такъ много забавнаго! Въ комедіи не можетъ быть актера выше Сосницкаго — то есть, искусство не можетъ болѣе возвыситься. Это уже nec plus ultra! Сосницкій геній, въ благородной комедіи. Теперь онъ играетъ стариковъ, и хотя въ этихъ роляхъ онъ также превосходенъ, но не можетъ такъ нравиться, какъ въ роляхъ болѣе естественныхъ. Трудно было вѣрить, чтобъ Сосницкій, благородный комикъ, по превосходству, могъ съ равнымъ успѣхомъ играть въ драмѣ. Однакожъ, въ роляхъ коварства, хитрости, интриги — онъ превосходенъ. Въ *Уголино*, Сосницій, въ роли коварнаго Италіянца — довелъ игру свою до совершенства. Мы помнимъ Сосницкаго съ перваго его дебюта, юношею, въ 1809 году, и съ тѣхъ поръ, до нынѣшняго дня, всегда были довольны его игрою, всегда восхищались имъ, и никогда не имѣли случая замѣтить, чтобъ онъ не постигнулъ вполнѣ своей роли и не передалъ ея въ совершенствѣ.

Г. Брянскій отличный актеръ, играющій въ трагедіи, въ драмѣ и благородной комедіи. Талантъ его весьма разнообразенъ, но онъ гораздо лучше въ роляхъ добрыхъ отцевъ, простодушныхъ людей, нежели въ тиранахъ и трагическихъ герояхъ. Брянскій превосходенъ въ роли музыканта Миллера (*Коварство и любовь*, Шиллера), въ ролѣ Моряка (въ *Юности Генриха VIII*) и подобныхъ роляхъ. Въ комедіи онъ весьма хорошъ въ роли благородныхъ помѣщиковъ, и т. п. Артистъ опытный, умный, старательный, онъ служитъ украшеніемъ Русской сценѣ, хотя и не имѣетъ геніяльности Каратыгина и Сосницкаго. Ужъ извините, а правда всего дороже!

Мартыновъ отлично хорошій буффо, т. е. комикъ, разыгрывающій не характерныя, но смѣшныя роли, карикатуры. Афанасьевъ составилъ себѣ славу въ роли лакея, въ *Ревизорѣ*. Но послѣ Сосницкаго первое мѣсто въ комедіи занимаетъ П. А. Каратыгинъ, который безподобенъ въ роляхъ,

занимающихъ средину между карикатурою и характерною ролею. Можно ли лучше представить подлячаго, какъ изобразилъ его П. А. Каратыгинъ, въ роли Писулькина (въ *Параше Сибирячке*)? — Мы видѣли постепенное развитіе и совершенствованіе таланта П. А. Каратыгина на нашей сценѣ, и должны отдать ему полную справедливость. Трудомъ и усиліемъ онъ наконецъ далъ своимъ природнымъ способностямъ настоящее направленіе. П. А. Каратыгинъ никогда не долженъ браться за роли нѣжныхъ любовниковъ, резонеровъ и т. п. Его дѣло—чистый комизмъ! Въ водевиляхъ отлично хорошъ г. Самойловъ, актеръ умный и образованный, съ необыкновенными способностями, которому только слабое здоровье препятствуетъ употребить свой талантъ на обширнѣйшемъ поприщѣ. Г. Григорьевъ 1-й играетъ съ успѣхомъ въ водевиляхъ. Гг. Максимовъ, Куликовъ и проч. принадлежатъ къ амплуа *первыхъ любовниковъ*. Это значитъ, что они артисты нужные въ труппѣ, для полноты цѣлаго, какъ солдаты для составленія карре. Г. Григорьевъ 2-й фарсеръ, т. е. буффонъ для мелкихъ піесъ; это Филатка или Мирошка, то же, что Италіянскій Арлекинъ на сценѣ. Но для этого надобно имѣть необыкновенный талантъ, и Григорьевъ 2-й имѣетъ его. Нельзя не хохотать отъ его фарсовъ!

У насъ одна только трагическая актриса—А. М. Каратыгина, урожденная Колосова. Съ необыкновеннымъ умомъ и высокою образованностью, А. М. Каратыгина соединяетъ высокое дарованіе. Она вездѣ хороша, но въ драмѣ она лучше, нежели въ трагедіи, а въ высокой комедіи гораздо лучше, нежели въ трагедіи и въ драмѣ. Мы знаемъ, что высказанное нами здѣсь будетъ непріятно уважаемой нами артисткѣ—но что жъ дѣлать! Таково наше убѣжденіе! Мы не говоримъ, чтобъ Александра Михайловна была дурна въ трагедіи и въ драмѣ — напротивъ, но она такъ превосходна, такъ геніяльна въ высокой комедіи — что это самое затмѣваетъ другія стороны ея таланта. Она имѣетъ тонъ и всѣ манеры знатной дамы, дѣло невиданное и неслыханное на нашей сценѣ! Она одна можетъ играть барынь высокаго круга. Какъ хорошо постигаетъ Александра Михайловна малѣйшіе оттѣнки роли своей въ высокой комедіи, какъ превосходно она передаетъ мысль автора! Въ маленькой объемомъ, но въ глубокой по идеѣ, роли Натальи Дмитріевны (въ *Горе отъ ума*), въ Валеріи — А. М. Каратыгина прелесть, заглядѣнье! Мы, не обинуясь, ставимъ А. М. Каратыгину рядомъ съ г-жею Марсъ, и если бъ она имѣла такой богатый репертуаръ, какъ г-жа Алланъ, то не знаемъ, кому бы досталась пальма первенства! Во всякомъ случаѣ, А. М. Каратыгина, по таланту, по образованности и по тону, занимаетъ первое мѣсто между артистками Русской труппы.

Г-жа Валберхова играетъ прекрасно благородныхъ старухъ въ драмѣ и высокой комедіи, а г-жа Брянская, благородныхъ матерей и вообще тѣ лица, которыя необходимы къ завязкѣ, не будучи первыми. Г-жа Брянская играетъ съ чувствомъ и отчетливостью.

Варвара Николаевна Асенкова играетъ трудныя роли любовницъ въ драмѣ, комедіи и водевилѣ. Прекрасная наружность, ловкость и развязность въ игрѣ, и отличное дарованіе сдѣлали ея любимицею публики, которая скучаетъ, не видя ея на сценѣ. Въ драмѣ, г-жа Асенкова прекрасно изображаетъ нѣжныя чувства любви, дѣтской привязанности, самоотверженія; въ комедіи и водевилѣ, она столь же искусно представляетъ наивность, какъ и кокетство. Въ роляхъ переодѣванія (roles de travestissemens) она удивительно ловка и мила своею игривостью. Г-жа Асенкова безпрерывно совершенствуетъ свой талантъ. Въ роли Параши Сибирячки она безподобна!

Недавно взошла новая звѣзда на нашемъ сценическомъ горизонтѣ, которая привлекаетъ участіе и вниманіе всѣхъ любителей искусства—мы говоримъ о дѣвицѣ Самойловой. Воспитанная подъ руководствомъ матери, бывшей въ свое время лучшимъ украшеніемъ нашей оперной и водевильной труппы, Надежда Васильевна Самойлова

съ перваго появленія на сцену обнаружила качества, которыя пріобрѣтаются другими артистками только долговременною опытностью. Водевиль — ея торжество; при милой наружности, она ловка, развязна, и имѣя прелестный голосъ, поетъ превосходно куплеты въ водевиляхъ и аріи въ небольшихъ операхъ. Г-жа Самойлова быстро совершенствуется, и мы надѣемся, что она вскорѣ станетъ на высшую степень и будетъ украшеніемъ нашей оперы. Таланта у нея бездна!

Воспитанница Гриневa, милая и граціозная, оказала необыкновенный талантъ въ роли Параши Сибирячки, и заслужила даже похвалы г-жи Алланъ. Мы полагаемъ большія надежды на развитіе этого прекраснаго таланта!

Всѣхъ прочихъ артистокъ и артистовъ, играющихъ въ драмѣ, комедіи и водевилѣ, мы причисляемъ къ разряду grandes utilités.

У насъ много толковъ объ основаніи въ Петербургѣ оперы и заведеніи Италіянскаго театра; но опыты доказали, что публика наша, которую потому только называютъ музыкальною, что не только у каждаго семейнаго чиновника, но даже у каждаго ремесленника дочки учатся играть на фортепіанѣ, что эта мнимо музыкальная публика не можетъ или не хочетъ поддержать Италіянской труппы, ни абонировкою, ни частымъ посѣщеніемъ театра. Въ концерты наши ѣздятъ — по обычаю, и потому, что вамъ навязываютъ въ домахъ билеты. Въ операхъ идутъ у насъ занимательнаго содержанія!!! Въ театръ ходятъ у насъ по большей части посмотрѣть новенькаго, и намъ кажется нестерпимымъ, что Италіянцы въ теченіе цѣлаго театральнаго года разыгрываютъ не болѣе шести оперъ! Мы бы хотѣли, чтобъ оперы такъ же смѣнялись часто, какъ водевили — а это дѣло физически невозможное. Поставить двѣ, три новыя оперы въ теченіе театральнаго года — и это уже много! А вѣдь первостепенный талантъ врядъ ли поѣдетъ къ намъ и за сто тысячъ рублей въ годъ жалованья, кромѣ бенефисовъ — и такихъ первостепенныхъ талантовъ надобно по крайней мѣрѣ *шесть!* т. е. бассъ, бассъ пѣвучій (basso cantante), теноръ, альтъ, контръ-альтъ и сопрано. Возьмите теперь дублюры, т. е. помощниковъ, хоры, и безъ милліона рублей въ годъ нельзя имѣть хорошей Италіянской оперы, не считая постановки піесъ, т. е. костюмовъ и декорацій. А будетъ ли нашъ театръ полонъ въ *десятое* представленіе одной и той же оперы? Вѣрно нѣтъ! Да и откуда взять высокихъ талантовъ? Они вездѣ рѣдки. Многіе думаютъ, что у насъ можно было бы завести хорошую Нѣмецкую оперу. Конечно, это было бы легче, хотя опера всегда была бы второстепенною, потому что безъ бархатнаго Италіянскаго горла не можетъ быть оперы; но, по тѣмъ же причинамъ, нѣтъ возможности устроить и Нѣмецкую оперу, а именно по нетерпѣнію нашей публики, которая безпрерывно требуетъ *новаго* и *блистательнаго!* При такомъ положеніи дѣлъ, мы должны довольствоваться нашею Русскою оперою, въ которой первое мѣсто занимаютъ г-нъ Петровъ (бассъ пѣвучій), г-жа Петрова (контръ-альто) и г-жи Степанова и Соловьева (сопрано). Г-нъ Петровъ обладаетъ превосходнымъ голосомъ, звонкимъ, чистымъ, пріятнымъ. Онъ поетъ съ чувствомъ, играетъ прекрасно, и ему не достаетъ только Италіянской выработанности въ оттѣнкахъ пѣнія. Впрочемъ, мы высоко цѣнимъ талантъ г. Петрова! Контръ-альто г-жи Петровой безподобенъ, и она владѣетъ имъ весьма искусно. Г-жа Степанова во многихъ операхъ поетъ чрезвычайно хорошо. Голосъ г-жи Соловьевой болѣе выработанъ, громче и гибче. Многія роли она выполняетъ превосходно. Г-нъ Леоновъ, хотя имѣетъ не обширный, но пріятный теноръ. Нѣкоторыя оперы идутъ у насъ прекрасно, и даже *Семирамида* Россиніевская разыгрывается такъ хорошо, что и прихотливые иностранцы, видавшіе лучшіе Европейскіе театры, бываютъ довольны. Разумѣется, что мы не хотимъ сравнивать нашихъ представленій съ тѣми, въ которыхъ пѣли или поютъ Малибранъ, Зонтагъ, Рубини, Лаблаша, Тамбурини и т. п.; но мы хвалимъ относительно къ нашимъ средствамъ.

Балетъ — торжество нашего театра! Въ этомъ отношеніи Петербургъ не уступаетъ Парижу, и выше Лондона и всѣхъ другихъ столицъ. У насъ единственная танцовщица въ мірѣ — Тальони, которая осуществила своими танцами все, что до сихъ поръ намъ казалось несбыточнымъ, вымысломъ поэтовъ (*). Ни до нея не было, ни послѣ ея не будетъ не только равной ей, но даже подобной! Люди, не любящіе вообще балета, прикованы къ нему танцами и игрою Тальони. Это геній танцевъ и мимики, выше нежели былъ геній Бейрона въ своемъ родѣ!

Не сравнивая никого съ несравненною Тальони, мы должны однако сказать, что имѣемъ превосходныхъ солистокъ, которыя прекрасно воспользовались высокимъ образцемъ. Г-жи Смирнова и Андрѣянова 2-я танцуютъ легко, нѣжно и граціозно. На всякомъ театрѣ онѣ были бы первыми сюжетами. Г-жа Шлефохтъ прекрасная танцовщица и мимическая актриса. Танцы ея, позы и всѣ движенія граціозны до крайней степени. Для мимики мы имѣемъ двухъ отличныхъ артистокъ, г-жъ Телешову и Дюрову. Коръ-де-бале, составленный почти исключительно изъ воспитанницъ Театральной Школы, отличается отличнымъ исполненіемъ танцевъ и группъ, граціозностью пріемовъ и ловкости каждой танцовщицы. Въ этомъ Калипсиномъ хорѣ нимфъ, сіяетъ между всѣми, какъ пышная роза въ цвѣтникѣ, Наталья Сергѣевна Аполлонская!

Танцоровъ, съ репутаціей Вестриса или Дюпора, мы не имѣемъ. Первоклассный танцоръ у насъ одинъ, г. Гредлю. Для мимики у насъ два превосходные артиста, гг. Гольцъ и Лашукъ. Въ мужской половинѣ коръ-де бале есть много ловкихъ юношей, которыхъ талантъ, можетъ быть, розовьется со временемъ.

Постановка балета и большой оперы у насъ доведена до совершенства. Г. Роллеръ, декораторъ и машинистъ, почитается въ Европѣ, по справедливости, однимъ изъ лучшихъ артистовъ въ этомъ родѣ. Помощники его, работающіе по его указанію, суть: гг. Сѣрковъ, Ѳедоровъ, Саббатъ и Шеніанъ; изъ нихъ г. Сѣрковъ одаренъ необыковеннымъ талантомъ и изящнымъ вкусомъ. Это доказываетъ его декорація 2-го акта въ *Бронзовомъ конѣ* и зеркало въ балетѣ *Тѣнь*. Костюмеры гг. Матье и Бальте отлично исполняютъ свое дѣло, если только имѣютъ просвѣщеннаго указателя.

Оркестръ у насъ также одинъ изъ первыхъ въ Европѣ. Трудно найти столько виртуозовъ вмѣстѣ, какъ у насъ. Нашъ первый концертистъ Бемъ — былъ бы первымъ въ каждомъ оркестрѣ. Гг. Семеновъ, Ромбергъ, Беръ, Гриммъ, Лядовъ и другіе скрипачи, люди искусные, опытные, знатоки своего дѣла. Молодой Мауреръ имѣетъ необыкновенный талантъ, и вѣроятно наслѣдуетъ Бема. Віолончелистовъ имѣемъ мы первоклассныхъ виртуозовъ, въ полномъ смыслѣ слова. Гг. Шубертъ, Гроссъ, Кнехтъ и Ципріянъ Ромбергъ могутъ давать, съ успѣхомъ, концерты въ каждой Европейской столицѣ. Гг. Суссманъ, Гилью и Вангенгеймъ отличные флейтисты; гг. Бендеры и Бродъ превосходные кларнетисты. Вообще трудно подобрать лучшій оркестръ, и мы жалѣемъ объ одномъ только, что въ числѣ первоклассныхъ виртуозовъ такъ мало Русскихъ, и что у насъ нѣтъ вовсе Русскихъ капельмейстеровъ! Директоръ музыки, заслуженный, почтенный и добрый Кавосъ, дирижируетъ иногда самъ Русскую оперу. Капельмейстерами Русскаго опернаго оркестра г. Мессъ, Нѣмецкой оперы г. Келлеръ, Французскаго водевиля г. Мауреръ.

Александринскій Театръ посвященъ исключительно Русскимъ представленіямъ. Публика этого театра раздѣляется на различные слои, какъ атмосфера, отъ тумана до эѳира. Въ воскресные спектакли и *обыкновенные*, ложи заняты Русскимъ купечествомъ, семействами чиновниковъ, изъ класса многорабочаго, которые иногда складываются, для доставленія разсѣянія своимъ добрымъ хозяюшкамъ, и дѣтьми богатыхъ

(*) Т. е. полувоздушныя, граціозныя женскія фигуры на древнихъ вазахъ и медаляхъ.

людей, съ гувернерами и гувернантками. Въ креслахъ и въ мѣстахъ за креслами вы увидите лица, съ которыми можете встрѣтиться только въ канцелярскихъ губерискихъ мѣстахъ, въ Русскихъ магазинахъ и въ гостиномъ дворѣ. И не взирая на то, что въ ложахъ разносятъ виноградъ и конфекты, а въ буфетѣ распиваютъ шампанское и курятъ табакъ по-Нѣмецки:

«Здѣсь Русскій духъ здѣсь Русью пахнетъ!»

(Руслань и Людмила, Пушкинъ.)

Четверокъ не видно на площади, но возки собраны здѣсь изъ цѣлаго города! Въ эти спектакли, бѣдный В. А. Каратыгинъ долженъ кричать и топать ногами изъ всей силы, чтобъ заслужить аплодисементы. Тутъ торжествуетъ г. Григорьевъ 2, со своими фарсами! Въ бенефисы, публика измѣняется, смотря по бенефиціанту и афишѣ. Русская бенефисная афиша должна быть, непремѣнно, въ полтора аршина длиною, съ особымъ заглавіемъ для каждой сцены; спектакль долженъ продолжаться позже обыкновеннаго, и піесы могутъ заключать въ себѣ ужасы или двусмысленности на счетъ женщинъ. Въ бенефисы В. А. Каратыгина и А. М. Каратыгиной, когда даются новыя драмы, равно какъ и въ бенефисы И. И. Сосницкаго и В. Н. Асенковой, П. А. Каратыгина и гг. Петровыхъ первыя мѣста въ креслахъ и ложи двухъ первыхъ ярусовъ занимаетъ просвѣщенная публика, т. е. чиновная аристократія, богатое купетство, литераторы и чиновники. Эта часть публики составляетъ обыкновенно третью, много четвертую часть цѣлаго. Когда Высочайшій Дворъ посѣщаетъ Русскіе спектакли, тогда собирается высшее общество, тогда театръ представляетъ иной видъ, иные нравы и обычаи. Н. А. Полевой пріобрѣлъ, своимъ талантомъ, завидное право привлекать высшее общество на представленіе своихъ піесъ. Н. В. Кукольникъ также пользовался, нѣсколько разъ, этимъ счастіемъ, и М. И. Глинка, своею оперою, заставилъ весь Петербургъ перебывать въ Русскомъ представленіи. Въ переводныя оперы высшая публика ѣздитъ или въ первое представленіе или при необыкновенныхъ случаяхъ. Русскую оперу посѣщаютъ семейства второкласснаго дворянства (гдѣ дочки музыкантши и пѣвицы), записные любители и люди, ищущіе какого бы ни было разсѣянія. — На балеты толпится весь городъ, и величайшая изъ трудностей столичной жизни состоитъ въ томъ, чтобъ достать ложу въ *первыя* представленія новаго балета, въ которомъ танцуетъ Тальони. Первыя представленія балетовъ привлекаютъ все, что въ Петербургѣ есть знатнаго и значительнаго. Дамскіе туалеты отличаются изысканностью и свѣжестью, ложи бель-этажа и перваго яруса сіяютъ, какъ звѣздное небо, первые ряды креселъ запяты вельможами. Изящный вкусъ, утонченность въ пріемахъ и обхожденіи, великолѣпіе, роскошь — все здѣсь соединено. Провинціялу стоитъ быть однажды въ театрѣ, въ бенефисъ Тальони, чтобъ получить понятіе о величіи сѣверной столицы, къ которой всѣ Русскіе города относятся, какъ ладьи къ стопушечному кораблю!

Въ началѣ этой статьи мы сказали, что театръ есть мѣрило народной образованности. Не только образованное наше сословіе, но и средніе слои общества, близкіе къ низшему слою — любятъ страстно театръ и готовы посѣщать его, что доказывается Александринскимъ Театромъ, котораго сборы превышаютъ, въ годовой сложности, всѣ другіе театры. Артисты у насъ есть превосходные — но мало писателей, которые бы оживляли сцену хорошими произведеніями. Артисты наши отъ того выше драматическихъ писателей, что артистъ посвящаетъ всю жизнь свою искусству, безпрерывно совершенствуется и пріобрѣтаетъ опытность, и если натура дала ему талантъ, то онъ непремѣнно разовьетъ его, до высокой степени, стараніемъ, ученіемъ и терпѣніемъ; напротивъ, у насъ нѣтъ вовсе особаго сословія литераторовъ, какъ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи. Почти всѣ наши литераторы пишутъ *на досугѣ* или въ промежутки между службою и сномъ и въ часы, остающіеся отъ *хлѣбной* работы, т. е. труда, которымъ надобно поддержи-

вать свое существованіе. Многіе люди съ высокимъ просвѣщеніемъ и съ дарованіемъ отказались вовсе отъ литературы, потому, что она, по устройству нашего общества, не только не доставляетъ тѣхъ выгодъ, какъ служба, но и уединяетъ писателя въ гражданскомъ быту. Не много у насъ писателей, посвятившихъ себя, исключительно, литературѣ, и отказавшихся вовсе отъ приманокъ честолюбія, а что еще хуже, большая часть изъ нихъ не хочетъ или боится писать для театра! Единственная подпора Русской сцены — Н. А. Полевой, а другой писатель, который имѣетъ отъ природы всѣ качества, чтобъ оживить сцену — Н. В. Кукольникъ.

Русскій театръ имѣетъ своихъ домашнихъ насѣкомыхъ, т. е. шикальщиковъ и хлопальщиковъ, которые хотя не такъ правильно устроены въ фаланги, какъ Парижскіе клакеры и свистуны, но столь же гнусны и гораздо глупѣе Парижанъ. Избѣгая надзора за собою и вниманія порядочныхъ людей, эти шикальщики, какъ сверчки, шипятъ сквозь зубы, по предварительному между собою условію, чтобъ уронить піесу или сдѣлать непріятность тѣмъ артистамъ, которые презираютъ ихъ предложеніе услугъ. Хлопанье этихъ театральныхъ насѣкомыхъ еще безтолковѣе! Вмѣсто того, чтобъ возвысить автора или артиста, они унижаютъ его безотчетнымъ шумомъ, хлопаньемъ и вызовами! Насѣкомыя эти извѣстны всѣмъ посѣтителямъ Александрипскаго Театра; на нихъ указываютъ пальцами, ихъ выводятъ за двери, обременяютъ презрѣніемъ, но это не помогаетъ! Глупость и безстыдство не исцѣлимые недуги!

Въ статьѣ нашей мы воздержпвались отъ всякой критики, и указали только на то, что достойно похвалы или по крайней мѣрѣ — вниманія. Оканчиваемъ статью усердпымъ желаніемъ, чтобъ одинъ изъ нашихъ даровитыхъ драматическихъ писателей, Н. А. Полевой, не слишкомъ торопился и прилежнѣе обрабатывалъ свои прекрасныя созданія, и чтобъ другой дароватый писатель, Н. В. Кукольникъ, пересталъ писать свои Нѣмецкія фантазіи, а писалъ бы Русскія драмы для сцены, а не для кабинета. Усердно молимъ девять чистыхъ сестеръ, чтобъ онѣ внушили другимъ дароватымъ писателямъ желаніе писать для сцены, и чтобъ вразумили журналистовъ быть умѣреннѣе въ театральной критикѣ и не позволять литературнымъ писакамъ переходить за порогъ критическаго ареопага! Наконецъ, искренно желаемъ, чтобъ *Репертуаръ Русскаго Театра*, изданіе, соотвѣтствующее цѣли распространенія любви къ театру и показаніи *современнаго* состоянія Русской сцены, чтобъ это благонамѣренное изданіе процвѣтало и пользовалось постояннымъ вниманіемъ публики!

ѲАДДЕЙ БУЛГАРИНЪ.

ХРОНИКА

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

СЪ 18 ЯНВАРЯ ПО 20 ФЕВРАЛЯ 1840 Г.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ г. Брянскаго, 26 января.

Филиппъ II, Король Испанскій, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Альфіери, переводъ съ Италіянскаго Е. В....а.— *Сиротка Сусанна*, комедія-водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ, переведенная съ Французскаго. — *Покойная ночь,* или *Сумятоха въ Щербаковомъ переулкѣ*, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго. (Всѣ три піесы въ первый разъ.)

Трагедія Альфіери новинка на нашей сценѣ и новинка пріятная. Еще впервые появилась у насъ Италіянская трагедія, и выборъ переводчика палъ на одно изъ лучшихъ произведеній Италіянскаго театра. Содержаніе *Филиппа II* не обширно: благородный пылкій Инфантъ Донъ-Карлосъ, сынъ Короля, подозрѣвается отцемъ въ преступной любви къ прекрасной Королевѣ Изабеллѣ, своей мачихѣ, идеалу добродѣтели и кротости. Мщеніе и ревность жестокаго Филиппа мучитъ невинныхъ страдальцевъ и доводитъ ихъ до самоубійства.— Вы не увидите въ твореніи Альфіери эффектныхъ, неистовыхъ сценъ, такъ часто встрѣчающихся въ уродливыхъ произведеніяхъ Французскаго драматическаго романтисма, но найдете въ немъ и поэтическія красоты, и прекрасныя мысли, и, главное, вѣрность въ характерахъ. *Филиппъ II* не имѣлъ, однако же, у насъ замѣчательнаго успѣха. Піесы, подобныя трагедіи Альфіери, требуютъ отчетливой, искусной игры артистовъ; только при ней могутъ онѣ производить впечатлѣніе на зрителей. Къ несчастію, поддержки этой для *Филиппа II* не было: роли Карлоса и Изабеллы занимали г. Леонидовъ и восп. Ѳедорова, молодые артисты, неопытные въ своемъ дѣлѣ, не имѣющіе даже достаточныхъ средствъ для драмы. Играй эти роли г. Каратыгинъ 1 и г-жа Каратыгина 1, или г-жа Брянская, трагедія получила бы другой видъ. Конечно, надобно отдать справедливость г. Брянскому: онъ былъ чрезвычайно хорошъ въ роли Филиппа, передалъ съ большимъ искусствомъ трудный его характеръ; должно сказать, что и г. Максимовъ 1, занимавшій небольшую роль Переса, прекрасно велъ свои сцены во 2-мъ актѣ, но увы! что могутъ сдѣлать для піесы два талантливые артиста, когда остальныя роли рѣшительно утратили свое достоинство отъ невѣрной, безотчетной игры неопытныхъ исполнителей сценическаго дѣла.

Филиппъ II переведенъ весьма не дурно г-мъ Е. В....мъ, какъ кажется, еще начинающимъ драматическое литературное поприще. Жаль, что трудъ его пошелъ не въ прокъ.

Сиротка Сусанна очень миленькій водевиль, интересный по сюжету и хорошо переведенный. — Вотъ вкратцѣ его содержаніе. — Монтеро, отставной полковникъ, пожилой холостякъ, воспиталъ съ юныхъ лѣтъ Сусанну, дочь своего друга и товарища по службѣ, погибшаго во время пожара. Сусанна была спасена полковникомъ изъ пламени, но въ то же время отъ испуга сдѣлалась нѣмою. Прекрасная сиротка выросла въ нѣгѣ, въ довольствѣ и любитъ сердцемъ своего благодѣтеля, который всѣ радости находитъ въ ея счастіи. Одно печалитъ его — нѣмота Сусанны; но онъ уже нашелъ доктора, который надѣется ее вылечить. Все шло хорошо въ домѣ Монтеро, какъ вдругъ пріѣздъ его двоюродной сестрицы г-жи Пишаръ, старой дѣвы—сплетницы, которая спитъ и видитъ выйти замужъ за своего братца, перемѣняетъ обстоятельства. Она начинаетъ ревновать полковника къ Сусаннѣ и клянется ей мщеніемъ. Разсказы горничной Женевьевы и злой языкъ г-жи Пишаръ заставляютъ полковника подозрѣвать свою воспитанницу въ любви къ Сенъ-Альфонсу, жалкому существу, безсмысленному франту и повѣсѣ, преслѣдующему всюду Сусанну, тогда какъ она почти его не знаетъ. Это подозрѣніе доводитъ Монтеро до дуэли съ Сенъ-Альфонсомъ, о которой узнаетъ Сусанна. Думая спасти своего благодѣтеля отъ угрожающей опасности, она рѣшается принять къ себѣ Сенъ-Альфонса и запираетъ его въ комнатѣ. Повѣса, не понимаетъ поступковъ Сусанны и не зная о ея нѣмотѣ, предполагаетъ, что она влюбилась въ него; онъ дозволяетъ себѣ съ нею нѣкоторыя вольности смущающія сиротку; но вспомнивъ о дуэлѣ, и не желая показаться трусомъ въ глазахъ полковника, требуетъ у Сусанны ключа отъ комнаты. Сусанна выбрасываетъ ключъ за окно и Сенъ-Альфонсу остается одно средство — выскочить самому въ окно. Новая опасность благодѣтелю приводитъ Сусанну въ ужасъ; она не въ состояніи удержать Сенъ-Альфонса; онъ уже за окномъ и внезапный, сильный испугъ возвращаетъ Сусаннѣ даръ слова; она кричитъ: *остановитесь*! Этимъ кончается первое отдѣленіе. Во второмъ, Сусанна уже говоритъ. Стеченіе обстоятельствъ и злой языкъ г-жи Пишаръ снова обвиняютъ ее; все заставляетъ подозрѣвать сиротку въ любви къ Сенъ-Альфонсу. Монтеро имѣлъ уже дуэль съ нимъ и легко его ранилъ. Теперь полковникъ въ отчаяніи отъ подозрѣній, отъ ревности; онъ долженъ разстаться съ Сусанной, долженъ отдать ее жалкому повѣсѣ! Тутъ только постигаетъ Монтеро, что не отеческая любовь обитаетъ въ его сердцѣ. Онъ готовъ уже уѣхать изъ Франціи, но спрятавшись за ширмы на очной ставкѣ Сусанны съ Сенъ-Альфонсомъ, узнаетъ свою ошибку. Въ заключеніе, Монтеро проситъ руки Сусанны, а старая г-жа Пишаръ, по милости своего богатства, выходитъ замужъ за Сенъ-Альфонса, который еще прежде обѣщалъ на ней жениться.

Водевиль этотъ имѣлъ большой успѣхъ и много обязанъ этимъ прекрасной игрѣ артистовъ, въ немъ участвовавшихъ. Пальму первенства надобно отдать г-жѣ Асенковой: она въ совершенствѣ передала роль Сусанны; пантомима ея въ первомъ дѣйствіи была граціозна, понятна всякому, а сцена отчаянія въ этомъ актѣ была сыграна съ необыкновеннымъ искусствомъ. Во второмъ дѣйствіи, гдѣ она уже начинаетъ говорить, игра ея не менѣе была замѣчательна. Веселость характера Сусанны, неопытной въ жизни, прекрасной по душѣ, и потомъ несправедливыя обвиненія, приводящія сиротку къ драматическимъ сценамъ, исполнены были г-жею Асенковой въ полной мѣрѣ отчетливо и мило (*). Г-жа Брянская очень забавно сыграла роль старой дѣвы Пишаръ. — Гг. Максимовъ 1 и Мартыновъ были уморительны, первый въ роли франта

(*) Недавно роль Сусанны играла г-жа Самойлова 2, и выполнила ее съ не меньшимъ успѣхомъ. Въ особенности она прекрасна была во 2-мъ дѣйствіи, и пѣла такъ, какъ не многіе поютъ и на оперной Русской сценѣ.

— повѣсы Сен-Альфонса, второй въ роли Антрепида, слуги полковника, труса и большаго охотника покушать. Г-жа Рамазанова 2 не испортила роли служанки Женевьевы. — Г. Григорьевъ 1 былъ вѣренъ лицу Монтеро. Заключительный куплетъ открылъ въ немъ переводчика *Сиротки Сусанны*, и по окончаніи водевиля, какъ переводчикъ, такъ и всѣ артисты, игравшіе въ этой піесѣ, были вызваны публикою.

Музыка для водевиля: *Сиротка Сусанна*, написана вновь вое. К. Лядовымъ и г. Григорьевымъ 1, а арія (съ эхомъ) въ началѣ 2-го дѣйствія, соч. А. Маурером. Всѣ номера, съ перваго до послѣдняго, очень милы, особенно же хорошъ финалъ втораго дѣйствія.

Покойная ночь; такая шутка-водевиль, которая не имѣетъ ни занимательности, ни большаго смысла, но уморитъ васъ со смѣху. Огаркину, скромному художнику, мѣшаетъ спать какой то милостивый государь, который безъ умолка стучитъ въ ворота противоположнаго дома. Огаркинъ рѣшается впустить его къ себѣ перепочевать; милостивый государь является и начинаетъ проказы: не даетъ ему покоя, кричитъ, топаетъ ногами, ломаетъ мебель, портитъ рисунки, одѣвается въ хозяйское платье. Наконецъ онъ убирается восволси и па уходѣ вмѣстѣ съ Огаркинымъ желаетъ публикѣ покойной ночи.

Гг. Мартыновъ (Огаркинъ) и Григорьевъ 1 (*милостивый государь*) чрезвычайны въ этомъ водевилѣ. Публика смѣялась до упаду.

Бенефисъ Г-жи Каратыгиной 1, 13 января.

Маріанна, или *Герцогиня и нищій*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣланная изъ Англійскаго, изъ соч. Шеридана Ноульса (the Wife) П. Г. Ободовскимъ (въ первый разъ). *Параша Сибирячка*, Русская быль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, соч. Н..А. Полеваго. — *Русскій Инвалидъ на Бородинскомъ полѣ*, драматическое представленіе въ одномъ дѣйствіи съ пѣснями, соч. С. Стромилова.

Маріанна служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ вредна для піесы слабая обстановка. Эта драма весьма сухо принята была у насъ публикой, тогда какъ на всѣхъ прочихъ театрахъ, гдѣ только она игралась, имѣла большой успѣхъ. Если бъ не участвовала въ ней г-жа Каратыгина 1 (Маріанна) и г. Каратыгинъ 1, исполнившій превосходно роль Юліана Сен-Пьера, тогда хоть не смотри драмы: ни одна изъ остальныхъ ролей не была не только понята, но даже сносно разъиграна. Между тѣмъ, Маріанна имѣетъ достоинства,—характеры дѣйствующихъ обрисованы вѣрно, содержаніе занимательно. Одно уже положеніе Маріанны должно привлечь вниманіе зрителя. Изъ простой поселянки она дѣлается супругою Герцога Монтуанскаго, и съ первыхъ минутъ новой блестящей своей жизни подвергается тяжкимъ испытаніямъ. Война разлучаетъ ее съ милымъ супругомъ, высокое званіе подчиняетъ ее тяжкому этикету: ей не позволяютъ мыслить по своему; злословіе и зависть клевещутъ на Маріанну; ее подозрѣваютъ уже въ измѣнѣ супругу. Главный обвинитель ея — врагъ и двоюродный братъ ея мужа Ферардо Гонзаго, добивающійся герцогской короны, а исполнитель его гнусныхъ замысловъ нищій Юліанъ Сен-Пьеръ, вовлеченный имъ силою золота и лестныхъ обѣщаній за преступленія. Сен-Пьеръ подосланъ къ Герцогинѣ; онъ долженъ помрачить ея честь и счастіе ея супруга, но чистая душа Маріанны побѣждаетъ Сен-Пьера, въ которомъ не истребились еще сѣмена добродѣтели; онъ оправдываетъ ее, находитъ въ ней сестру свою и обличаетъ злые замыслы Ферардо.

Не говоря о многихъ замѣчательныхъ сценахъ этой драмы, укажемъ на одну 3-го дѣйствія, въ которой Сен-Пьеръ заставляетъ коварнаго Ферардо подписать признаніе въ своихъ коварныхъ поступкахъ. Сцена эта чрезвычайно эффектна.

Маріанна переведена П. Г. Ободовскимъ. Прибавлять ничего, хорошо ли онъ исполнилъ свое дѣло. Публика давно уже оцѣнила его прекрасный талантъ.

Послѣ Маріанны дана была *Параша Сибирячка*, піеса Н. А. Полеваго, о кото-

рой мы уже говорили въ предъидущей книжкѣ Репертуара и которая въ ней уже и напечатана. Не смотря на то, что піесу эту играютъ у насъ два и три раза въ недѣлю, публика не можетъ насмотрѣться на *Парашу*; до сихъ поръ еще трудно достать билеты на ея представленіе. Вотъ лучшее доказательство ея достоинства! Въ бенефисѣ г-жи Каратыгиной 1, публика вызвала автора. Роль Параши въ этотъ разъ занимала восп. Гриневa Эта молодая артистка, еще начинающая сценическое поприще, исполнила свое дѣло прекрасно: играла отчетливо, съ душою — и въ продолженіе піесы была вызвана три раза. Но сравнивать ее съ г-жею Асенковою не должно — г-жа Асенкова совершенство въ этой роли; мы говоримъ это безъ всякаго пристрастія, основываясь на своихъ убѣжденіяхъ, и на участіи публики; развѣ одно можно замѣтить г-жѣ Асенковой; въ 1 дѣйствіи, встрѣча съ Прохожимъ исполнена ею не совсѣмъ отчетливо; какъ будто она его видитъ уже не въ первый разъ. Мы полагаемъ, что дѣвушка, жившая въ лѣсу, не видя никого, кромѣ Тунгусовъ, должна изумиться, встрѣтивши старика, такъ неожиданно. И встрѣча эта придаетъ ей какую то робость, даже, можно сказать, страхъ, что г-жею Гриневою очень мило было исполнено (*); Г. Каратыгинъ 1, въ роли Непзвѣстнаго, былъ неподражаемъ. Онъ смѣло можетъ сказать: теперь въ Европѣ нѣтъ равнаго мнѣ! Иностранцы, видѣвшіе г. Каратыгина, не понимая Русскаго языка, приходили отъ него въ восторгъ, и нѣкоторыя сцены, выполняемыя имъ, заставляли ихъ плакать. Примѣръ этому мы видѣли въ гг. Аланъ, здѣшнихъ Французскихъ артистахъ, которые, не знавши Русскаго языка, нарочно пріѣхали смотрѣть Парашу, и не могли удержаться отъ слезъ и восторга. Вотъ вѣрная оцѣнка таланта, нѣтъ-генія г. Каратыгина! Послѣ этого находятся же люди, которые имѣютъ дерзость говорить, что г. Каратыгинъ одностороненъ, не имѣетъ души. Подумаешь, какъ смѣшны и жалки эти судьи!

Драматическое представленіе *Русскій инвалидъ на Бородинскомъ полѣ* давалось уже за полночь, когда и публика и артисты думали о снѣ, и потому мы не рѣшились его смотрѣть въ первый разъ. Желая, однако же, отдать отчетъ нашимъ читателямъ въ піесѣ съ такимъ громкимъ названіемъ, мы намѣревались непремѣнно взглянуть на нее во второе представленіе, но, къ несчастію, не могли еще его дождаться. Впрочемъ объ этой піесѣ говорится въ Хроникѣ Московскаго Театра.

(*) Впрочемъ это небольшое отступленіе вовсе незамѣтно, и мы рѣшились сказать о немъ только потому, что всѣ остальныя сцены выполняются г-жею Асенковой, какъ художницей своего дѣла.

---

2. БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ балетмейстера Г. Титюса, 25 Января.

Сильфида, балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. балетмейстера г. Тальони. — 2-е дѣйствіе балета *Кіа-Кингъ*, соч. г. Титюса. — Второе дѣйствіе оперы *Водовозъ* или *Двухдневное приключеніе*, музыка соч. Херубини. — Въ бенефисѣ г. Титюса дана была *Сильфида*, съ нѣкоторыми перемѣнами; въ ней участвовали ученицы и ученики бенефиціанта. Г. Титюсъ хотѣлъ, по видимому, показать успѣхи своихъ воспитанниковъ, хотѣлъ, такъ сказать, отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ — и вполнѣ достигъ цѣли. Публика восхищалась юными артистами и видѣла въ нихъ отрадныя надежды для нашего балета, который теперь доведенъ до высшей степени искусства, и въ талантахъ, какіе совершенствуются подъ надзоромъ г. Титюса, будетъ имѣть значительную поддержку. Роль Сильфиды играла г-жа Смирнова, а Джемса Рюбена восп. Никитинъ. Сравнивать г-жу Смирнову съ г-жей Тальони невозможно, но вѣрно всякій согласится, что на сценѣ Петербургскаго Театра удовлетворительнѣе прочихъ можетъ выполнить эту трудную роль г-жа Смирнова. Конечно, въ пантомимѣ ея вы замѣтите еще недостатки, но за то въ тан-

цахъ г-жа Смирнова прелесть: граціозна, легка и отчетлива. Публика была въ восторгѣ отъ новой Сильфиды; громъ рукоплесканій и крики браво оканчивали каждое ея pas, а послѣ труднаго, очаровательнаго pas de deux, во 2 актѣ, и по окончаніи балета она была вызвана единогласно. Г. Никитинъ весьма недурно игралъ роль Рюбена. Онъ еще очень молодъ, для танцевъ не достаетъ еще ему силы, но талантъ въ немъ видѣнъ; г. Никитинъ предвѣщаетъ въ себѣ прекраснаго пантомимщика и танцора. Тоже можно сказать и о восп. Смирновѣ, танцовавшемъ pas de trois, въ 1 дѣйствіи, съ воспитанницами Шлефохтъ и Аполонской: дарованіе его несомнѣнно, но еще не созрѣло. Изъ послѣднихъ двухъ особенно мила г-жа Шлефохтъ. Г-жа Аполонская болѣе хороша въ пантомимѣ, чѣмъ въ танцахъ. — Главные корифеи балета, большею частію юныя ученицы г-на Титюса, исполняли свое дѣло какъ должно. Изъ нихъ замѣтнѣе прочихъ воспитанницы Данилова, Горина, Бѣлоутовцева и Костина.

— Второе дѣйствіе балета *Кіа-Кингъ* составлено все изъ танцевъ. Въ немъ очень хорошо исполнено было pas de onzes учениками же и ученицами г. Титюса, а въ комическомъ pas de cinq чрезвычайно былъ забавенъ г. Флери.

— Въ началѣ спектакля дано было 2-е дѣйствіе оперы *Водовозъ*. Очень жаль, что у насъ раздѣляются по актамъ оперы, подобныя *Водовозу*, гдѣ главную роль играетъ сюжетъ: что за удовольствіе смотрѣть на піесу безъ начала и конца? Дѣло другое Итальянская, особенно лирическая опера; ее раздробляйте, какъ угодно, хоть по сценамъ, все равно: это будетъ имѣть сходство съ концертомъ; въ Итальянской оперѣ главное музыка, а слова — хоть не слушай! — Впрочемъ *Водовоза* почти никто не замѣтилъ: онъ игрался во время съѣзда публики.

ХРОНИКА

МОСКОВСКАГО ТЕАТРА,

СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1839 ПО 15 ЯНВАРЯ 1840 Г.

Прошедшій 1839 годъ заключился бенефисомъ первой драматической артистки Московскаго Театра, г-жи Львовой-Синецкой. Спектакль былъ въ полной мѣрѣ патріотическій; мы видѣли на сценѣ XII годъ и воспоминанія о немъ. *Сцены въ Москвѣ въ 1812 году* И. И. Скобелева, перенесли насъ на самое мѣсто дѣйствія, а *Инвалидъ на Бородинскомъ полѣ*, С. И. Стромилова, показалъ намъ, какъ память этого незабвеннаго года сохранилась въ нашемъ воинствѣ. Спектакль заключился водевилемъ г. Ленскаго: *Жена за столомъ, а мужъ подъ поломъ*, переведеннымъ съ Французскаго.

Говоря о Кремневѣ, И. И. Скобелева, мы сказали, что онъ бѣденъ въ отношеніи къ драматическому вымыслу, но прекрасенъ, какъ выраженіе патріотическаго чувства, отвлеченнаго отъ цѣлаго народа и изображеннаго лицемъ Кремнева. То же должны мы сказать и о сценахъ XII года, но съ тою разностію, что новое произведеніе, какъ сцены и картины великаго событія, не имѣетъ никакой завязки, никакого хода. Авторъ въ этомъ отношеніи поставилъ себя внѣ притязаній критики, ибо, назвавъ свое сочиненіе — сценами, онъ самымъ названіемъ далъ знать, что тутъ не должно искать того, что составляетъ сущность комедіи правильной, построенной на законахъ драматическаго единства, соблюдающей всѣ условія произведенія, предназначеннаго для театра. Посему на новое сочиненіе И. Н. Скобелева слѣдуетъ смотрѣть, какъ на рядъ картинъ, гдѣ должна занимать группировка лицъ, выраженіе физіономій, аксессуары мѣстности. Доказательствомъ этому служитъ то, что въ піесѣ тридцать пять дѣйствующихъ лицъ, исключая слугъ, пѣсенниковъ и народа. Ежели бы каждое лице занимало хотя незначительное мѣсто въ развитіи драмы, то никакого бы вниманія не достало, чтобъ обнять такое необъятное дѣйствіе. Изъ самаго количества лицъ уже видно, что тутъ дѣйствіе не есть первое, главное дѣло, но что картинность и ефектность спектакля были главною цѣлью автора. Мы можемъ сказать, что авторъ достигъ ихъ, потому что есть картины прекрасныя, въ особенности изображеніе пылающей Москвы. Особенную прелесть имѣютъ въ этой піесѣ пѣтыя хоромъ двѣ Русскія пѣсни: *Ты слышишь ли, разумѣешь ли, мой сердечный другъ!* и другая: *Полоса ль моя, полосанька*. И музыка и исполненіе безподобныя!

Вы спросите, какова игра актеровъ? Мочаловъ также не хорошъ въ роли мундирной, какъ и въ роли фрачной; въ роли Пылаева онъ былъ точно также не на своемъ мѣстѣ, какъ въ роли полковника въ Кремневѣ. Во второмъ актѣ его рѣшительно нельзя было

слышать; онъ явился раненымъ и завязалъ себѣ платкомъ все лице, не исключая даже и рта. Для изображенія ранъ, лице его было исписано какими-то красными красками, что было, не во гнѣвъ ему сказать, просто отвратительно. Щепкинъ сдѣлалъ изъ своей роли все, что было можно, т. е. очень мало. Видно было, что онъ въ этой роли былъ какъ въ узкихъ сапогахъ.

Инвалидъ на Бородинскомъ полѣ, С. И. Стромилова, называется драматическимъ представленіемъ; а въ силу чего? спросимъ мы. Вѣроятно того, что тутъ есть разговоръ. Но разговора одного не достаточно; нужно, чтобъ разговоръ имѣлъ цѣль, чтобъ онъ къ чему нибудь велъ; разговоръ, соч. г. Стромилова рѣшительно ни къ чему не ведетъ, а развѣ выводитъ зрителя изъ терпѣнія. Разсказъ Инвалида, продолжающійся почти во все время представленія, утомителенъ и безцвѣтенъ; это не то, что разсказъ Шубинка въ Иванѣ Рябовѣ. И потомъ мы не видимъ, почему дѣйствіе происходитъ на Бородинскомъ полѣ; нѣтъ ничего такого въ самомъ дѣйствіи, что бы вамъ показывало, что вы въ Бородинѣ; разсказъ могъ случиться также точно и на поляхъ Тарутинскихъ и въ стѣнахъ Парижа. Одно обстоятельство, наводящее васъ на то, что дѣйствіе происходитъ при Бородинѣ, есть памятникъ Бородинскій, въ недавнее время поставленный на землѣ, прославленной битвою великановъ. Памятникъ очень хорошо скопированъ, и ежели кто не могъ видѣть его въ натурѣ, тому совѣтуемъ посмотрѣть его въ Инвалидѣ, если піеса еще будетъ дана. Памятникъ показался намъ лучшимъ мѣстомъ во всемъ драматическомъ представленіи; онъ одинъ, краснорѣчивѣе всѣхъ разсказовъ г. Стромилова, повѣствуетъ о славѣ Русскаго воинства и о незыблемой твердости Русской земли.

Но мы должны принести чувствительнѣйшую благодарность А. А. Алябьеву за музыку, написанную имъ къ *Инвалиду*. Въ небольшомъ его произведеніи видна вся прелесть, вся музыкальность Алябьевскаго манера. Есть мѣста очаровательныя; вѣроятно, нѣсколько номеровъ скоро поступятъ въ продажу.

Водевиль: *Жена за столомъ, а мужъ подъ поломъ*, довольно смѣшной фарсъ, прекрасно разъигранный гг. Живокини (Люстюкрю), Рѣпиной Пакерета, жена его, (Лепскимъ (Графъ Шамилли), Щепкинымъ (Морицъ Свитіонъ), Орловой (Клотильда Тюрепкъ); г-жа Орлова особенно была мила въ костюмѣ крестьянки, когда она переодѣлась изъ своего платья викоптессы; у ней препанвное, ребяческое выраженіе лица; свѣжесть и молодость ея никогда не разногласятъ съ ея ролями. Мы всегда радуемся на г-жу Рѣпину; такой естественности и простоты въ игрѣ мы еще ни въ комъ не встрѣчали. Живокини очень смѣшилъ, но не умственными гримасами и выходками, а истинно комическимъ выраженіемъ, которое придавалъ онъ словамъ своимъ. И такъ, съ этой стороны все обстояло благополучно. О піесѣ мы скажемъ, что и тутъ все, какъ надобно: Люстюкрю, содержатель гостиницы, ревнуетъ жену свою Пакерету къ одному волокитѣ, графу Шамилли. Чтобъ удалить ее отъ сѣтей обольщенія, онъ отсылаетъ ее къ теткѣ, не помнимъ куда. Графъ, провѣдавъ это, отправляетъ за ней человѣка, который привозитъ ее обратно. Графъ уговариваетъ ее молчать, и берется доказать ей, что мужъ ея только для того ее услалъ, чтобъ на свободѣ пробыть нѣсколько дней съ одной своей кузиной. Между тѣмъ, викоптесса Тюрепъ, остановившаяся проѣздомъ въ гостиницѣ Люстюкрю, узнаетъ въ графѣ Шамилли нареченнаго жениха своего, и рѣшается переодѣться въ платье Пакереты, чтобъ лучше наблюдать за нимъ. Жена Люстюкрю, увидя дѣвушку съ своемъ платьѣ, не сомнѣвается болѣе въ измѣнѣ мужа; она соглашается ужинать съ Шамилли. Сентіонъ, узнавшій въ крестьянкѣ викоптессу, въ которую онъ давно влюбленъ, присутствуетъ при этомъ ужинѣ вмѣстѣ съ нею. Пакерета начинаетъ уже разувѣряться въ истинѣ того, что разсказывалъ графъ о ея мужѣ, когда голова Люстюкрю высовывается изъ подъ пола. Жена узнаетъ, что онъ невиненъ, миръ заключенъ и Шамилли остается съ носомъ, потому что викоптесса не хочетъ итти замужъ за волокиту и отдаетъ свою руку Сентіону.

Куплеты не дурны; нѣкоторые повторены по желанію публики.

Въ дивертисементѣ Бантышевъ и Каплинская 1 пѣли романсъ: *Пловцы*, слова Тимофѣева, музыка Варламова. Признаемся откровенно, что одинъ этотъ романсъ доставилъ намъ больше удовольствія, нежели весь остальной спектакль. Чудесная музыка и прекрасное исполненіе вырвали громкіе браво изъ устъ слушателей, остающихся обыкновенно довольно хладнокровными къ такого рода красотамъ.

Мы привыкли ждать бенефиса Мочалова, какъ праздника искусства, какъ пира, гдѣ онъ обыкновенно радуетъ насъ представленіемъ какого нибудь геніальнаго произведенія. Онъ нѣсколько лѣтъ сряду дарилъ насъ такими піесами, гдѣ актеръ можетъ побороться съ самымъ авторомъ въ созданіи главной роли; онъ избаловалъ насъ *Гамлетомъ*, *Лиромъ*, *Уголино*. Бывало, когда приближалось время его бенефиса, охотники до прекраснаго съ любопытствомъ спрашивали: что-то дастъ Мочаловъ, чѣмъ-то обогатитъ онъ репертуаръ Московской сцены? И Мочаловъ не обманывалъ надеждъ нашихъ, и мы рукоплескали ему въ роляхъ Датскаго Принца-философа, Короля, погубленнаго коварной неблагодарностью, графа, мстителя грознаго, но съ сердцемъ, доступнымъ великодушному забвенію оскорбленій. И въ новый 1840 годъ, мы думали, что Мочаловъ по старому возьмется за Шекспира или Шиллера и дастъ намъ нѣсколько минутъ эстетическаго наслажденія. *Но на счастье прочно всякъ надежду кинь!* Съ недобрымъ предчувствіемъ прочли мы на афишѣ, что въ пятницу, 12 января, въ пользу актера г. Мочалова дана будетъ: *Луиза де Линьероль*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, неизвѣстно кѣмъ писанная и кѣмъ переведенная. Что такое Луиза Линьероль? Слыхали вы что нибудь объ этой драмѣ? Какова она? И никто не могъ придумать, какая причина побудила Мочалова отступить отъ похвальной, привычки, и выбрать Богъ знаетъ что. Конечно, эта драма могла бы итти съ успѣхомъ въ бенефисъ всякаго другаго актера, но не Мочалова, котораго мы привыкли видѣть не въ какой нибудь простой роли Французской драмы, но въ ролп творческаго произведенія Шекспира. При всемъ нашемъ уваженіи къ его таланту, мы не могли удержаться, чтобъ не сказать, какъ намъ жаль, что Мочаловъ тратитъ свое дарованіе на ничтожныя роли, не приносящія зрителю удовольствія и не доставляющія актеру славы.

Мы вамъ разскажемъ эту драму, судите сами, есть ли въ ней хотя одна искра, могущая зажечь вашу душу и воспламенить актера. Генрихъ Линьероль (Мочаловъ), мужъ Луизы (г-жа Орлова), влюбленъ въ Элину (Львова-Синецкая), жену графа Белькура (Г. Орловъ). Луиза узнаетъ про эту любовь и начинаетъ подсматривать за преступниками. Она застаетъ ихъ въ любовномъ объясненіи и подслушиваетъ условіе на rendez-vous, которое назначено у гроба ея матери. Она является на мѣсто свиданія и застаетъ мужа и Элину. Силою своего краснорѣчія она заставляетъ раскаяться любовниковъ. Элина проситъ у нея прощенія и обѣщаетъ никогда болѣе не видаться съ Генрихомъ. Генрихъ у ногъ Луизы вымаливаетъ себѣ пощаду и клянется посвятить жизнь свою Луизѣ. Проходитъ годъ; Луиза въ полной мѣрѣ счастлива и спокойна: она увѣрена въ вѣрности своего мужа. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ: связь Элины съ Генрихомъ продолжается. Во время отсутствія Луизы, Элина пріѣзжаетъ къ Генриху. Луиза возвращается, Элина прячется въ кабинетъ ея мужа. Отецъ Луизы и старая нянька ея видѣли въ кабинетѣ Генриха женскую фигуру; этого довольно; весь домъ поставленъ вверхъ дномъ. Генрихъ клянется, что у него никого нѣтъ и старается отдѣлаться отъ своей жены. Между тѣмъ является графъ Белькуръ, и требуетъ у Генриха жены своей. Генрихъ, разумѣется, не соглашается и вызываетъ его на дуель. Графъ предлагаетъ ему раздѣлаться иначе — онъ предлагаетъ ему прогуляться въ тюрьму или позволить осмотрѣть домъ. Въ такомъ критическомъ положеніи Генрихъ совершенно предался великодушію Луизы. Онъ тихонько отдаетъ ей ключъ отъ комнаты, гдѣ заперта Элина, и проситъ проводить ее изъ дому; самъ уходитъ вмѣстѣ съ графомъ и мирнымъ судьею обыскивать домъ. Луиза въ этомъ случаѣ является необыкновенной женщиной, она освобождаетъ Элину, но, какъ отъ змѣи, отскакиваетъ отъ ея прикосновенія; графъ возвращается, и вынимая пару пи-

столетовъ, вызываетъ Генриха на убійственную дуэль; Луиза не смѣетъ удерживать ихъ, но съ ужасомъ ожидаетъ, кто возвратится. Выстрѣлъ раздался, въ дверяхъ показывается графъ, Луиза вскрикиваетъ и падаетъ замертво. Занавѣсъ опускается.

Въ этой піесѣ мы можемъ похвалить только игру г-жи Орловой. Она прекрасна въ полной мѣрѣ, и удовлетворительновыполнила роль свою. Она была особенно хороша, въ 3 дѣйствіи, на гробницѣ матери, когда она представляетъ Генриху и Элизѣ всю порочность ихъ поведенія, и потомъ мирится съ мужемъ. Потомъ прекрасно сыграно то мѣсто, гдѣ она должна освободить Элизу по просьбѣ мужа. Все, что еще поддерживало и прежде, все то, во что она такъ свято вѣрила, — любовь и клятва мужа, теперь не существуетъ, она одна—бѣдная, слабая женщина, должна жертвовать собою, должна забыть собственное дѣло и стараться только возвратить къ жизни ее—эту соперницу, лишившую ея на всегда счастія, которымъ сама пользоваться не могла. На лицѣ, въ походкѣ, въ голосѣ г-жи Орловой, вы видите, какъ дорого стоило Луизѣ это великодушіе; она, кажется, со всякимъ шагомъ умираетъ, рѣзвяся ищетъ подпоры, нога скользитъ; чувства едва не оставляютъ ея, когда ключъ повертывается въ замкѣ; когда дверь отперта она быстро отходитъ и держится за столъ; послѣдняя жертва довершила ее. Элиза хочетъ благодарить ее, но Луиза не позволяетъ ей произнести ни слова; звукъ ея голоса оскорбляетъ ухо Луизы; прикосновеніе ея рукъ пугаетъ жену Генриха; по ея знаку, Элиза безмолвно выходитъ. Различныя чувства—горесть, презрѣніе, еще тлѣющая любовь къ мужу, выражены г-жею Орловой превосходно. Роль прекрасно идетъ ей, и она, кажется, поняла, что тутъ можетъ обнаружить свой талантъ, потому что исполнила ее съ особеннымъ тщаніемъ. Рукоплесканія и вызовы свидѣтельствовали объ удовольствіи публики.

Что же мы скажемъ о бенефиціантѣ? Давно извѣстно всѣмъ знающимъ Мочалова и изучавшимъ его, что роли фрачныя, роли, находящіяся въ сферѣ гостиныхъ и будуаровъ, роли, изображающія жизнь обыкновенную, ежедневную, съ страстями человѣка, какъ онѣ проявляются въ современномъ обществѣ, никогда и никакимъ образомъ не могутъ принадлежать Мочалову. Ужъ это было испытано и доказано много разъ: беремъ въ свидѣтели роли Чацкаго, Кина, Клермона; послѣдняя попытка въ Генрихѣ доказала то же. Не отыскивая дальнихъ причинъ, мы тотчасъ укажемъ вамъ, откуда происходятъ неудачи Мочалова въ этихъ ролях. Мочаловъ играетъ главныя роли въ Отелло, въ Лирѣ, въ Гамлетѣ, въ Уголино, въ Коварствѣ и любовь, въ Жизни игрока (впрочемъ хуже:), въ Смерть или честь, въ Ненависти къ людямъ, въ Разбойникахъ. Эти роли, за исключеніемъ весьма не многихъ, скроены по широкимъ размѣрамъ первокласснаго таланта. Разъ привыкнувъ къ такимъ ролямъ, полюбивъ ихъ, поняв жизнь этихъ героевъ и усвоивъ себѣ ихъ высоко - драматическія страсти, поставивъ себя, такъ сказать, въ уровень съ ними и настроивъ себя на ихъ ладъ, легко ли, возможно ли даже, измѣнивъ ихъ высокому духу, приняться съ успѣхомъ за роли ничтожныя, мелкія, ефектныя, въ которыхъ вся сила заключается въ словахъ и восклицаніяхъ! Очень естественно, что въ этихъ миніатюрахъ, сохраняя все величіе, всю силу порывовъ большой роли, актеръ впадаетъ въ декламацію и дѣлается смѣшнымъ. Когда въ большой роли актеръ прибѣгаетъ къ декламаціи, это не вредитъ успѣху, потому что тамъ самое дѣйствіе, самое выраженіе дѣйствія такъ велико, что требуетъ декламаціи, какъ необходимаго акомпанимента; въ маленькой роли, гдѣ выраженія только звучны, но пусты, декламація нелѣпа. Но, скажутъ: для чего не употреблять декламаціи въ большихъ и не бросать ее въ маленькихъ ролях? Это очень трудно, почти невозможно, потому что таланта нельзя по произволу уменьшать и съуживать, напротивъ, его гораздо легче совершенствовать и распространять, точно также, какъ гораздо легче вытянуть золотую проволоку, нежели смять ее въ комокъ. А декламація, какъ первый помощникъ таланта, должна быть непремѣнно въ его размѣрахъ, и слѣдовательно, измѣнять ее очень трудно. Изъ этого слѣдуетъ то, что роли Генриха и сей подобныя, Мочалову брать никогда не долж-

но, ежели онъ хочетъ сохранить свое имя и дорожитъ одобреніемъ своей публики.

Вообще піеса была принята очень холодно и успѣха почти не имѣла.

Послѣ нея данъ былъ водевиль П. А Коровкина: *Его Превосходительство* — или *Средства нравиться*. При нынѣшнемъ неурожаѣ на произведенія, даже и оригинальный водевиль какъ то радуетъ. Водевиль Коровкина очень миленькая піеса; довольно занимательна, тамъ и сямъ оживлена острыми куплетами; публика приняла ее очень хорошо, въ особенности послѣ скучной Лунзы Линьеродь. Любимые наши артисты: Щепкинъ, Рѣпина, и Живокини разъиграли водевиль прекрасно; г-жа Рѣпина, въ роли Аннеты, была по обыкновенію жива и рѣзва, какъ шестнадцатилѣтній ребенокъ; особенно мило съиграна сцена, когда Тюльпановъ (Щепкинъ) снимаетъ парикъ и надѣваетъ чепчикъ, изъ угожденія шалуньѣ, въ которую онъ влюбленъ. Ея наивная радость, ея дѣтскій смѣхъ, когда она бѣгаетъ вокругъ стола, хохочетъ и говоритъ: *сдѣлайте милость!* выражены безподобно; мы отъ души смѣялись этому превосходительству, добровольно *опростоволосившемуся* предъ ребенкомъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ АНЕКДОТЫ

И

СМѢСЬ.

АКТЕРЪ БЕЗЪ ДУШИ.

Между двумя купцами завязался въ театрѣ споръ объ извѣстномъ трагическомъ актерѣ. Онъ хорошій актеръ, сказалъ одинъ изъ нихъ, да жаль только, что безъ души играетъ.

— Что это значитъ, играетъ безъ души? спросилъ другой.

— Роль не твердо знаетъ, отвѣчалъ первый.

ХАМЕЛЕОПЪ.

— Экой ты хамелеопъ, сказалъ одинъ актеръ другому, укоряя его за перемѣнчивость въ мнѣніяхъ и характерѣ.

— А ты хмѣленъ, отвѣчалъ ему другой.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗУБЫ.

Одинъ трагическій актеръ, весьма любимый и уважаемый публикой, терпѣть не могъ репетицій на сценѣ, и изучивъ роль свою дома, являлся во время спектакля, какъ артистъ, создавшій характеръ роли въ душѣ своей, но нисколько не условившійся съ другими артистами въ исполненіи ея. Не желая являться на репетицію, онъ обыкновенно отговаривался тѣмъ, что ему вырвали зубъ, и при всякомъ случаѣ присылалъ къ режиссеру формальную объ этомъ записку. Режиссеръ, отличавшійся своею аккуратностію, тщательно собиралъ всѣ эти записки, и по истеченіи двухъ лѣтъ; представилъ ихъ содержателю театра: *по справкѣ оказалось, что у вышереченнаго артиста, въ теченіи двухъ лѣтъ, выдернуто девяносто зубовъ!!*

АЛЕКСАНДРІЙСКІЕ СТИХИ.

— Скажите, пожалуй-ста, что это значитъ: *Александрійскіе стихи?* спросилъ одинъ молодой человѣкъ, въ театрѣ, у своего сосѣда.

— Вѣроятно то, отвѣчалъ сосѣдъ, что эти стихи писаны для Александринскаго Театра.

ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА.

— Поѣдемъ въ театръ, сказалъ водевильный актеръ оперному пѣвцу: сегодня даютъ *Кина*.

— Отвяжись ты отъ меня, пожалуй-ста, отвѣчалъ пѣвецъ, я терпѣть не могу вашего *Шекспира*.

АКТЕРЪ, ВѢРНЫЙ СВОЕЙ РОЛИ.

— Помилуйте, да онъ совсѣмъ не такъ игралъ свою роль, сказалъ одинъ критикъ споришему съ нимъ актеру: вѣдь въ послѣднемъ явленіи онъ долженъ лежать *мертвый*.

— Я совершенно съ вами согласенъ, отвѣчалъ актеръ: и могу васъ увѣрить, что онъ былъ *еле живъ*.

АКТЕРЪ И РЕЖИССЕРЪ.

— Скажите, пожалуй-ста, хорошъ ли N. N., актеръ и режиссеръ злѣшняго театра? Какое амплуа занимаетъ онъ? спросилъ М. у Р.

— Онъ *плохой режиссеръ* и *отличный интриганъ*, отвѣчалъ Р.

ВЕЛИКОДУШНОЕ МЩЕНІЕ.

Актеръ Ж. вздумалъ разъ посмѣяться надъ однимъ отчаяннымъ франтомъ С., и скопировалъ его на сценѣ, что называется, отъ головы до пятокъ: точно такой же вычурный костюмъ, такой же парикъ, очки, такое же лицо, походка — однимъ словомъ, онъ былъ совершеннымъ двойникомъ С. — Благородный С., сидѣвшій въ первомъ ряду, нисколько не обидѣлся этою шуткою, и смѣялся, и аплодировалъ наравнѣ со всею публикою.

На другой день Ж. получилъ слѣдующее письмо отъ С.:

«Милостивый государь!

«Позвольте принести вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность за то, что вы, талантливый артистъ, обратили свое вниманіе на меня, и черезъ это придали мнѣ въ публикѣ важность, которой я не пріобрѣлъ бы, можетъ быть, самъ собою. Вы скопировали меня превосходно, — вы совершенно были похожи на меня, и только одного не доставало у васъ для полноты сходства — брилліантовыхъ запанокъ, которыя считаю за особенную честь доставить вамъ при семъ, въ знакъ благодарности и уваженія, съ коими имѣю честь быть,» и проч.

Дѣйствительно, въ приложенной при письмѣ коробкѣ находились три драгоцѣнныя брилліантовыя запанки.

ЛИТЕРАТОРЪ И АКТЕРЪ.

Одинъ литераторъ заспорилъ горячо съ актеромъ.

— Нѣтъ, м. г., говорилъ литераторъ: вы никакъ не должны смѣть сравнивать меня съ собою! Деньги, деньги и деньги — вотъ вашъ кумиръ, вотъ изъ чего вы бьетесь, для чего работаете, о чемъ хлопочете... Не слава, не честь...

— Положимъ, перебилъ актеръ, что я хлопочу изъ денегъ; да вы-то изъ чего хлопочете, съ своими статьями и статейками?

— Я, сударь? Изъ чести, изъ одной чести...

— Стало быть, мы оба бьемся изъ того, чего у насъ нѣтъ, отвѣчалъ актеръ.

Водевильные куплеты:

ЛАКЕЙСКОЕ ЖИТЬЕ (*).

Воля барская сильна,
Съ ней не всякій сладитъ;
Угождай ей — такъ она
По головкѣ гладитъ;
Но сплошай, иль полѣнись, —
Волѣ барской поклонись,
И лакея въ шею! —
Трудно жить лакею!

На запяткѣ я попалъ
Къ молодой графинѣ
И частенько съ ней бывалъ
Въ модномъ магазинѣ;
Вдругъ, узнай ея супругъ,
Что товаръ тамъ — милый другъ...
И лакея въ шею! —
Трудно жить лакею!

(*) Первые четыре куплета взяты изъ водевиля: *Маркизъ по неволѣ*.

Въ новомъ мѣстѣ, баринъ мой
Былъ въ связи короткой
И съ банкиршею рябой
И съ одной красоткой.
Разъ я какъ-то оплошалъ,
Письма къ нимъ перемѣшалъ...
И лакея въ шею! —
Трудно жить лакею!

У судьи — тамъ рай и адъ,
Горе для пріема:
Кто богатъ — тому онъ радъ,
А не то — нѣтъ дома!
Разъ къ судьѣ, не знаю какъ,
Въ кабинетъ прошелъ бѣднякъ...
И лакея въ шею! —
Трудно жить лакею!

У издателя газетъ
Всѣ меня любили,
Тамъ дѣльцы все въ кабинетъ
На поклонъ ходили;
Вдругъ я сталъ ихъ принимать,
Вздумалъ самъ оброкъ сбирать...
И лакея въ шею! —
Трудно жить лакею!

Тутъ къ актрисѣ я вступилъ
Въ сладкую обитель;
Съ ней всѣ роли проходилъ
Скромный сочинитель.
Къ горю, тайну я проникъ,
Что учитель — ученикъ...
И лакея въ шею! —
Трудно жить лакею!

Такъ я десять лѣтъ не въ прокъ
По мѣстамъ шатался,
Да вдругъ матушкинъ сынокъ
Въ бары мнѣ попался.
Въ годъ наслѣдство онъ спустилъ,
Я помогъ, карманъ набилъ,
И теперь къ лакею
Лѣзутъ всѣ на шею.

П. Федоровъ.

ПОРТРЕТЪ ЖЕНЫ, НАРИСОВАННЫЙ НА ТАБАКЕРКѢ.

(Изъ водев.: Хлопотунъ, слова А. И. Писарева.)

Жену сердечно обожая,
Велю съ нее портретъ списать;
Пусть табакерка золотая
Ее мнѣ будетъ вспоминать.
Оно и ловко и опрятно...
Притомъ же дома и въ гостяхъ,
Для мужа всякаго пріятно
Всегда жену держать въ рукахъ.

ТАЛАНТЪ СВОЕ ВОЗЬМЕТЪ.

(Изъ водевиля: Актриса, пѣвица и танцовщица, слова Д. Т. Ленскаго.)

Ей, ей, у всѣхъ артистовъ въ свѣтѣ
Почти одни и тѣ жъ сердца:
И въ драмѣ, въ операхъ, въ балетѣ —
У нихъ интригамъ нѣтъ конца.
Кто безъ протекціи, тотъ вѣчно
У нихъ далеко не пойдетъ;
Хоть истинный талантъ, конечно,
Всегда, вездѣ, свое возьметъ.

Бывало, судится богатый —
И судьи всѣ ему друзья;
А нынче ужъ всѣ мѣры взяты,
Чтобъ взятку взять не смѣлъ судья.
Но хоть смотри за этимъ вѣчно,
А взятки врядъ ли кто уйметъ...
И истинный талантъ, конечно,
Всегда, вездѣ, свое возьметъ.

КРАСОТА И ДЕНЬГИ.

(Изъ водевиля: Новый Парисъ, слова Н. И. Хмѣльницкаго.)

Я ждалъ ли глупости такой,
Давая умные совѣты!
И какъ съ пустою красотой
Сравнить существенность монеты?
И что за мысль, что за расчетъ,
Для красоты терять наслѣдство?
И мужу надобенъ доходъ,
А ужъ конечно не кокетство.

И что такое красота?
Одни пустые комплименты,
Когда отъ денегъ польза та,
Что можно получать проценты.
Я первый дерзостью почту,
И самымъ глупымъ заблужденьемъ,
Кто движимую красоту
Сравнитъ съ недвижимымъ имѣньемъ.

ПОМОЩНИКЪ ПРОКУРОРА.

(Изъ водевиля: Теобальдъ, слова Д. Т. Ленскаго.)

Чтобъ рѣчь моя была сильна,
Въ аудіенціяхъ блистала,
Мнѣ надо, чтобъ моя жена
Аудіенцій не давала.
Хочу одинъ моей женѣ
Быть покровитель и опора;
Помощники не нужны мнѣ:
Я самъ помощникъ прокурора.

СУДЕЙСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

(*Изъ водев. Новый Парисъ, слова Н. И. Хмѣльницкаго.*)

На свѣтѣ управляетъ сплошь
Людьми одно предубѣжденье,
И какъ судья ни будь хорошъ,
А все имѣютъ подозрѣнье!
А къ этому служить должно
Вотъ обстоятельство какое:
Что правда говоритъ одно,
А судьи говорятъ другое.

РОМАНСЪ: БОГЪ СЪ ВАМИ!

Я ваше выслушалъ признанье,
Мнѣ въ душу голосъ вашъ проникъ,
Исчезли всѣ мои мечтанья,
И оковалъ я свой языкъ.
И къ вамъ съ докучными мольбами
Теперь ужъ не прибѣгну вновь;
Я затаилъ свою любовь!
Богъ съ вами!

Разсудка голосу послушный,
Я голосъ сердца побѣдилъ,
И сердцемъ къ вамъ неравнодушный —
Въ словахъ я равнодушенъ былъ.
Разставшись съ сладкими мечтами,
За васъ молитву я творю,
И со слезами говорю:
Богъ съ вами!

Иду пустынною дорогой;
Мнѣ путь печальный предстоитъ:
На сердцѣ скорби много, много,
И сердце бѣдное болитъ!
Я обливаюся слезами,
И затаивъ печаль мою,
Самъ про себя я говорю:
Богъ съ вами!

Быть можетъ, счастье вы найдете,
Другаго станете любить,
Рука съ нимъ объ руку пойдете,
Все это — вѣрю — можетъ быть!
И если, счастливыя сами,
Вы позабудете меня —
Тогда скажу со вздохомъ я:
Богъ съ вами!

ФИЛОСОФСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СВѢТЪ.

(*Малороссійская пѣсня Сковороды, изъ оперы: Наталка Полтавка.*)

Всякому городу нравъ и права;
Всяка имѣетъ свой умъ голова.
Всякаго прихоти водять за нисъ;
Всякаго манить къ наживи свой бисъ.
Левъ раздираетъ тамъ вовка въ куски,
Тутъ же вовкъ цапа (*) скубе за виски;
Цапъ въ огороди капусту псуе (**):
Всякій зъ другаго бере за свое.
Всякій, хто вышче, то нижчого гне;
Дужій безсильнаго давить и жме;
Бидный богатого невный слуга,
Корчиться, гнеться предъ нимъ, якъ дуга.
Всякъ, кто не маже, то дуже скрипить;
Хто не лукавить, то зъ заду сидить.
Всякаго ротъ дере ложка суха;
Хто жъ есть на свитѣ, що бъ бувъ безъ гриха.

ДѢЛО МАСТЕРА БОИТСЯ.

(*Изъ водев.: Хлопотунъ, слова А. И. Писарева.*)

Мишурскій водевиль скропалъ;
Друзья вездѣ его хвалили;
Его съиграли — онъ упалъ,
Какъ могутъ падать водевили.
Скажу Мишурскимъ не во гнѣвъ,
Что мой совѣтъ: не торопиться,
Молчать и помнить мой припѣвъ —
Что дѣло мастера боится.

Воровъ на свѣтѣ не сочтешь;
Но ихъ по классамъ различаютъ:
Однихъ хватаютъ за грабежъ,
Другіе сами все хватаютъ.
Одинъ наказанъ... между тѣмъ
Другой изволитъ веселиться
И смѣло повторяетъ всѣмъ,
Что дѣло мастера боится.

Смѣсь.

НАДГРОБІЕ А. С. ЯКОВЛЕВУ,

написанное извѣстнымъ поэтомъ нашимъ, покойнымъ А. Д. Иличевскимъ, въ день полученія извѣстія о смерти сего артиста.

Оспротѣла Мельпомена:
Нѣтъ Яковлева, нѣтъ Россійскаго Лекена!
Разилъ онъ ужасомъ и жалостью сердца,
Духъ Русскій возвышалъ въ *Димитріѣ*, въ *Рославѣ*;
Почилъ подъ сѣнію лавроваго вѣнца,
Искусство взялъ съ собой, а имя отдалъ славѣ.

(*) Цапъ — козелъ.
(**) Псовати — портить.

— 9 февраля, въ бенефисъ г-жи Тальони, данъ былъ, на Большомъ Театрѣ, въ первый разъ, и имѣлъ большой успѣхъ новый балетъ г. Тальони: *Морской разбойникъ*. О немъ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующей книжкѣ Репертуара.

— 22 января появлялась еще новая дебютантка на сценѣ Александринскаго Театра, г-жа Семенова, въ роли Кеттли. Она играла съ грѣхомъ пополамъ. Все, что можно похвалить въ ней — это голосъ; но въ немъ показала г-жа Семенова столько же умѣнья, сколько и въ игрѣ своей. 1-го февраля играла эту же роль, въ первый разъ, г-жа Самойлова 2. Роль та же, но какая разница въ исполненіи! Это небо и земля!... Если вы не видали г-жи Самойловой 2 въ Кеттли, вы многаго не видали. При первомъ же представленіи этого водевиля, ступайте въ Александринскій Театръ: г-жа Самойлова 2 васъ очаруетъ!...

— Въ продолженіе всей масляницы, съ 18 по 26 февраля, на всѣхъ трехъ Петербургскихъ театрахъ было сорокъ пять спектаклей, заключавшихъ въ себѣ девяносто піесъ. Съ понедѣльника, 19 февраля, спектакли давались утромъ и вечеромъ — и театры были полнехоньки. На Большомъ Театрѣ, почти каждое утро, публика восхищалась прелестнымъ талантомъ г-жи Тальони, которая съ наступленіемъ поста уѣдетъ въ Вѣну; въ Михайловскомъ Театрѣ зрители наслаждались игрою несравненной г-жи Алланъ, а на Александринскій привлекала ихъ *Параша Сибирячка*. Эта піеса, со времени появленія на сценѣ, съ небольшимъ мѣсяцъ, сыграна 18 разъ и публика все еще на нее не наглядѣлась. Болѣе всѣхъ играли на масляницѣ г-жа Асенкова и г. Каратыгинъ 1. Первая участвовала въ девятнадцати и послѣдній въ двѣнадцати піесахъ.

— Въ сей книжкѣ *Репертуара* помѣщаемъ мы *Гамлета*, переводъ Н. А. Полеваго. Онъ былъ отдѣльно напечатанъ въ 1837 году, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, и экземпляры его теперь всѣ уже распроданы. Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ, что узнавши о намѣреніи переводчика приступить ко второму изданію, при чемъ хотѣлъ онъ приложить переволъ всѣхъ *исключенныхъ* и *перемѣненныхъ* имъ мѣстъ противъ Англійскаго подлинника, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отвѣтъ свой на рецензію его перевода, соч. И. Я. Кронеберга, помѣщенную въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, мы просили его напечатать *Гамлета* въ *Репертуарѣ*. Онъ остался на Русской сценѣ одною изъ любимыхъ публикою піесъ, и помѣщеніе его въ нашемъ изданіи придаетъ нашему изданію полноту, ибо мы желали бы соединить въ нашемъ Репертуарѣ все, что составляетъ основный репертуаръ Русской сцены. Варіанты, переводъ измѣненныхъ, или исключенныхъ для сцены мѣстъ Англійскаго подлинника, а равно и отвѣтъ г-на Полеваго г-ну Кронебергу помѣстятся въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ *Репертуара*. Такимъ образомъ, читатели получатъ, кромѣ сценическаго перевода, переводъ Шекспирова Гамлета и во всей полнотѣ его Англійскаго подлинника.

РЕПЕРТУАРЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ

РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

СЪ 1 ПО 25 ФЕВРАЛЯ 1840 ГОДА.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1. *Ал. т.* Разбойники, Тра. въ 5 д; Кеттли, оп. — вод. въ 1 д.
2. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 2 д. 2-е д. бал.; Кіа-Кипъ. 2 д.; оп. Водовозъ.
3. *Ал. т.* Женихъ на расхватъ, вод. въ 1 д.; Параша Сибирячка, Рус. был. въ 2 д.; Ложа 1-го Яруса, А. вод. 1 вод. въ 2 д.
4. *Ал. т.* Тридцать лѣтъ, дра. въ 3 д. Первая Любовь, ком. вод. въ 1 д.
5. *Бол. т.* Капулетти и Монтеки, оп. въ 2 д.
   Ал. т. Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д.; Кеттли, оп.-вод. въ 1 д.
6. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 2 д.; 2-е д. бал. Кіа-Кипъ. 2-е д. оп. Водовозъ.
   Ал. т. Маріанна, др. въ 3 д.; Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д.
7. *Бол. т.* Робертъ, оп. въ 5 д.
   Ал. т. Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д.; Студентъ Артистъ, шут. оп. въ 2 д.
   Мих. т. Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д. Ножка, вод. въ 1 д. Покойная ночь, ш.-оп. въ 1 д.
8. *Ал. т.* Параша Сибирячка, Рус. быль. въ 2 д. Катерина или золотой крестикъ ком.-вод. въ 1 д.;
9. *Бол. т.* Морской разбойникъ, бал. въ 1 д.; 1-е д. оп. Жени. (Бенефисъ г-жи Тальони.)
   Ал. т. Велизарій, др. 2 5 д.; Артистъ, ком.-вод. въ 1 д.;
10. *Ал. т.* Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д. Знакомые незнакомцы, вод. въ 1 д. Невозможный бракъ, ком.-вод. въ 1 д.
11. *Бол. т.* Жизнь за Царя, оп. въ 4 д.
    Ал. т. Фальшивая тревога, ком.-вод. въ 1 д. Похищенный драгунъ, вод. въ 1 д.; Покойная ночь, шут.-вод. въ 1 д. Чиновникъ, вод. въ 1 д.; Фиглатка, вод. въ 1 д.
12. *Бол. т.* Морской разбойникъ, бал. въ 2 д. 1-е д. оп. Жени,
    Ал. т. Параша Сибирячка, Русская быль въ 2 д. Любовное зелье, вод. въ 1 д.;

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

28. Янв. *Бол. т.* Кремневъ, др. въ 3 д.; Купеческая дочка, вод. въ 1 д.; Фиглатка и Миропка, инт. (съ г. Рамазановымъ).
29. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, оп. въ 3 д.; Первая любовь, вод. въ 1 д.
30. *Бол. т.* Велисарій, оп. въ 3 д.
31. *Бол. т.* Ричардъ III, тр. въ 5 д.
1. Февр. *Бол. т.* 2-й актъ оп. Вадимъ, Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д.; Дивертисементъ.
2. *Бол. т.* Русскій человѣкъ, др. въ 1 д. Сипичкинъ, вод. въ 5 д.; Дивертисементъ.
4. *Бол. т.* Дѣдушкаго Русскаго флота др. въ 1 д. Жена за соломъ, вод. въ 1 д.; Крестный отецъ, вод. въ 1 д. Семикъ, Дивертисементъ.
5. *Бол. т.* Тайный бракъ, оп. въ 3 д.; Дивертисементъ.
6. *Бол. т.* Узкіе башмаки, вод. въ 1 д.; Сильфида, бал. въ 2 д.;
7. *Бол. т.* Луиза де Линьероль, др. въ 5 д.; Хлопотунъ, вод. въ 1 д.

8. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.

9. *Бол. т.* Послѣднее прости, др. въ 2 д.; Украинская Невѣста, вод. въ 1 д.; Ѣхалъ да не доѣхалъ, вод. въ 1 д.; Москаль-Чарівникъ, оп. въ 1 д.; Дивертисементъ. (Бенефисъ г. Щепкина.)

11. *Бол. т.* Сипичкинъ, вод. въ 5 д.; Именины помѣщика, питер.

12. *Бол. т.* Пажъ старыхъ временъ, вод. въ 1 д.; Ѣхалъ да не доѣхалъ, вод. въ 1 д. Украинская невѣста, вод. въ 1 д.; Дивертисементъ.

13. *Ал. т.* Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д. Ложа 1-го Яруса, вод. въ 2 д. Ножка, вод. въ 1 д.; *Мих. т.* Заколдованный домъ, тра. въ 5 д. Первая любовь, ком.-вод. въ 1 д.	13. *Бол. т.* Гамлетъ, тр. въ 5 д.
14. *Бол. т.* Морской разбойникъ, бал. въ 2 д. *Ал. т.* Велизарій. др. въ 5 д. Женихъ на разхватъ, вод. въ 1 д. *Мих. т.* Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д. Жена кавалериста, ком.-вод. въ 1 д. Отецъ какихъ мало, ком-вод. въ 1 д.	14. *Бол. т.* Мужъ красавецъ, вод. въ 1 д.; Розальба, бал. въ 5 д.
15. *Ал. т.* Деревенская простота, ком. въ 4 д. Фальшивая тревога, ком.-вод. въ 1 д.; Покойная ночь, шут.-вод. въ 1 д. Дѣвица отшельница, ком.-вод. въ 1 д.;	15. *Бол. т.* Фра-Діаволо, оп. въ 3 д., Графъ-Литографъ, вод. въ 1 д.; Дивертисементъ.
16. *Бол. т.* Морской разбойникъ, бал. въ 2 д. 2.е д. оп. Водовозъ. *Ал. т.* Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д. Дезертеръ, оп. вод. во 1. д. *Мих. т.* Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д. Ножка, вод. въ 1 д. Новички въ любви, ком.-вод. въ 1 д.	16. *Бол. т.* Иголкинъ, др. въ 2 д.; Харьковскій женихъ, вод. въ 1 д.; Маскарадъ въ клубѣ, вод въ 1 д.
17. *Ал. т.* Король Лиръ, тр. въ 5 д. Первое Іюля, шут.-вод въ 1 д. Чего на свѣтѣ не бываетъ, вод. въ 1 д.	
18. *Бол. т.* Норма, оп. въ 2 д. *Ал. т.* Разбойники, траг. въ 5 д., Хороша и дурна, вод. въ 1 д.,	18. *Бол. т.* Иванъ Рябовъ, др.—Ан. въ 2ак. Заемныя жены, вод. въ 1 д.; Скряги въ тискахъ, вод. въ 1 д. Татьяна прекрасная, интер. въ 1 д.
19. *Бол. т.* (Утр. спек.) Тѣнь, бал. въ 3 д. *Ал. т.* Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д.; Катерина или зол. крестикъ, ком.-вод. въ 2 д.; *Бол. т.* (вечер. спе.) Робертъ, оп. въ 5 д. *Ал. т.* Ермакъ тр. въ 5 д. *Мих. т.* Дѣдушка Русскаго флот, и. б въ 1 д. Кеттли, оп.-вод. въ 1 д. Покойная ночь, шут. вод. въ 1 д. Полковникъ старыхъ временъ, ком.-вод. въ 1 д.	19. *Бол. т.* (Утр. спек.) Велизарій, лир. др. въ 3 д. (Вечери. спек.) Дѣдушка Русскаго Флота, Исто. быль, въ 1 д. Барышня-крестьянка, вод. въ 2 д.; Примодонна въ Кревенкилѣ, вод. въ 2 д.
20. *Бол. т.* (Утр. спе.) Тѣнь, бал. въ 3 д. *Ал. т.* Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д. Елена, ком.-вод. въ 1 д. *Бол. т.* (Вечер. спек.) Капулетти и Монтеки оп въ 4 д. *Ал. т.* Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д.; Ножка, вод. въ 1 д. Пятнадцатилѣтній король, ком. въ 2 д.	20. *Больш. т.* (Утр. спек.) Дѣва Дунай, бал. въ 2 д. Мужъ и Любовникъ, ком.-вод. въ 1 д. (Вечерн. спек.) Левъ Гурычь Синичкинъ, вод. въ 1 д. Пріѣздъ Жениха, карт. въ 1 д.
21. *Ал. т.* (Утр. спек.) Велизарій драма въ 1 д; *Бол. т.* (Вечер. спек.) Шотландскіе пуритане, оп. въ 3 д.; *Ал. т.* Живая покойница, др. въ 5 д. Поѣздка въ Царское село. вод. въ 2 д. *Мих. т.* Полюбовная сдѣлка, ком.-вод въ 1 д. Русской человѣкъ, др. въ 1 д. Царство женщинъ, вод. въ 2 д. Его Превосходительство, ком.-вод. въ 1 д.	21. *Бол. т.* (Утрен. спек.) Уголино дра. пр. въ 5 д. (Вечер. спек.) Влюбленная Баядерка, оп.-бал. въ 2 д. Ѣхалъ да не доѣхалъ, вод. въ 1 д.
22. *Ал. т.* (Утр. спек.) Уголино, др. въ 5 д. *Ал. т.* Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д.; Студентъ артистъ, шут. оп. въ 2 д. *Бол. т.* (Вечер. спек.) д.оп. Влюбленная Баядерка, 1 и 2 д. оп. Водовозъ, Мельники, бал. въ 2 д.	22. *Бол. т.* (Угрѣн. спек.) Ревизоръ, ком.-вод. въ 5 д. (Вечерн. спек.) Аскольдова могила, оп. въ 4 д.

Ал. т. Велизарій, др. въ 5 д. Таинственный гость, вод. въ 2 д.
Мих. т. Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д. Ложа 1-го Яруса. А.—вод. въ 2 д. Ножка, вод. въ 1 д.

24. *Бол. т.* (Утр. спек.) Морской разбойникъ, бал. въ 2 д.
Ал. т. Эсмеральда, др. въ 5 д.
Бол. т. (Вечер. спек.) Велизарій, оп. въ 3 д.
Ал. т. Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д. Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 2 д.
Мих. т. Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д. Кеттли, оп. вод. въ 1 д. Новички въ любви, ком.-вод. въ 1 д.

25. *Бол. т.* (Утр. спек.) Морской разбойникъ, бал. въ 2 д.
Ал. т. Параша Сибирячка, Рус. быль въ 2 д. Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д.
Бол. т. (Вечер. спек.) Жизнь за царя, опера въ 4 д.
Ал. т. Ревизоръ, ком. въ 5 д. Первое іюля, шут.-вод. въ 1 д. Двѣ женщины противъ одного Мужчины, вод. въ 1 д.
Мих. т Артистъ, ком.-вод. въ 1 д. Пятнадцатилѣтній король, ком.-вод. въ 1 д. Дѣвица отшельница, ком.-вод. въ 1 д. Покойная ночь шут.-вод. въ 1 д.

23. *Бол. т.* (Утрен. спек.) Велизарій, др. въ 3 д.; (Вечерн. спек.) Кремневъ, драм. пред. въ 3 д.; Примадонна, вод. въ 2 д.

24. *Бол. т.* (Утрен. спек.) Русскій человѣкъ, добро помнитъ, Рус. быль въ 1 д.; Купеческая дочка, вод въ 1 д.; Титулярныя совѣтники, вод. въ 1 д.
(Вечерн. спек.) Аскольдова могила, оп. въ 4 д.;

25. *Бол. т.* (Утрен. спек.) Смерть или честь! др. въ 5 д.
(Вечерн. спек.) Иголкинъ, ист. быль въ 2 д.; Заемный мужъ, вод. въ 1 д.; Маскарадъ въ лѣтнемъ клубѣ, въ 1 д.
Мал. т. Ябеда, ком. въ 1 д.; Домъ на Петербургской, вод. въ 1 д.

СИРОТКА СУСАННА.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ, ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ,

переведенная съ Французскаго;

НОВЫЕ НОМЕРА МУЗЫКИ СОЧИНЕНЫ Г. ГРИГОРЬЕВЫМЪ 1-МЪ, И НѢКОТОРЫЕ МОТИВЫ ВЗЯТЫ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ВОДЕВИЛЕЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Монтеро, отставной полковникъ. *Г. Григорьевъ 1.*
Г-жа Пишардъ, его двоюродная сестра..... *Г-жа Брянская.*
Сусанна, сирота, воспитанница полковника..... *Г-жа Асенкова.*
Сент-Альфонсъ, (Рафаэль.).... *Г. Максимовъ 1.*
Интрепидъ, слуга полковника.. *Г. Мартыновъ.*
Женевьева, его жена..... *Г-жа Сандунова.*
Баптистъ, жокей Альфонса.... *Г. Алекинъ.*

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОСТАНОВИТЕСЬ!

Театръ представляетъ маленькую гостиную. Направо отъ зрителей окно, заставленное цвѣтами. Налѣво комната Сусанны. Средніе двери ведутъ въ прихожую. Мебель небогатая — на лѣвой сторонѣ флигель, нѣсколько гравюръ на стѣнахъ, изображающихъ различныя сраженія.

ЯВЛЕНІЕ I.

ИНТРЕПИДЪ, сидитъ, растянувшись въ большихъ креслахъ, съ кускомъ ситнаго хлѣба, и ЖЕНЕВЬЕВА, въ глубинѣ сцены.

ИНТРЕПИДЪ.

О блаженство! Въ здѣшнемъ городкѣ такой здоровый воздухъ, что теперь только восемь часовъ, а ужъ я третій разъ завтракаю.

ЖЕНЕВЬЕВА, ударяя его по плечу.

Обжора!

ИНТРЕПИДЪ.

О-о-о-охъ! Мадамъ Интрепидъ!... Глупо такъ пугать своего милаго супруга.

ЖЕНЕВЬЕВА, смѣясь.

Ахъ, ты трусишка! Ну, кто повѣритъ, глядя на твою фигуру, что ты одинъ изъ остатковъ великой арміи.

ИНТРЕПИДЪ, съ нѣжностью.

Мадамъ Женевьева! Прошу не клеветать на эту большую, храбрую армію!.. Я никогда былъ и не думалъ быть въ числѣ ея остатковъ... но мой неугомонный папенька хотѣлъ, чтобъ я непремѣнно понюхалъ пороху, а я вовсе не имѣлъ пристрастія къ этому запаху, особливо, какъ мы пошли въ Россію... О!

Чрезъ всю Германію я смѣло
Шагалъ съ ружьемъ, подявши носъ!..
И только гдѣ начнется дѣло,
Я тотчасъ — маршъ скорѣй... въ обозъ!
Но, ужъ въ Россіи — и обозамъ,
И всѣмъ одинъ конецъ настанъ:
Картечью, порохомъ, морозомъ,
Брррръ!... угостили на повалъ!

ЖЕНЕВЬЕВА.

Да, и ты, голубчикъ мой, хвастай этимъ, да почаще.

ИНТРЕПИДЪ.

Нѣтъ, милашка, я вовсе не хвастаю; я знаю, что и въ древнія времена случались большія воинственныя исторіи... точно такъ, какъ случается видѣть, что есть и храбрецы и трусишки, и что у иныхъ также бываютъ носы орлиные, у другихъ курносые... стало быть, зачѣмъ мнѣ хвастать, что полковникъ Монтеро полюбилъ меня за храбрыя дѣла... моего отца... и сказалъ мнѣ: послушай, братъ Интрепидъ, я вижу, что ты просто не рожденъ быть солдатомъ, а лучше поди-ка, я возьму тебя въ денщики.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Да ты и этой-то должности не умѣешь исполнить; ты всегда стараешься и думаешь прежде о себѣ, а о своемъ господинѣ вспомнишь тогда, какъ ужъ вовсе нечего дѣлать. Стыдно! Онъ такой прекрасный человѣкъ, и долженъ самъ себѣ услуживать.

ИНТРЕПИДЪ.

Гмъ! Да если бъ онъ не услуживалъ самъ себѣ, такъ я бы не служилъ у него.

ЖЕНЕВЬЕВА, у окна.

Ай, ай! Что тамъ за собраніе?.. Какой шумъ! Браво! Знаешь ли, кто пріѣхалъ?-Кузина полковника...

ИНТРЕПИДЪ.

А! это та мадамъ Пишардъ, крикунья... У! Ее присутствіе заставляетъ меня дрожать.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Смотри, достанется тебѣ отъ нея, если не готовы комнаты для такой важной особы...

ИНТРЕПИДЪ.

Да, хоть она и двоюродная сестрица моего полковника, но я ее терпѣть не могу! Эта толстая кубышка хочетъ увѣрить всѣхъ, что ей только 28 лѣтъ, а со мной обходится, какъ съ лакеемъ. Я вѣдь не забылъ, что до войны мужъ ея былъ дворникъ, а ея милость была, просто, толстая торговка.

ЖЕНЕВЬЕВА.

За то теперь, какъ мужъ оставилъ ей капиталъ, да умеръ, она начала корчить барыню, и думаетъ, что весь свѣтъ въ нее влюбляется.

ИНТРЕПИДЪ.

Да, да, да, ей вотъ ужъ захотѣлось, видно, сдѣлаться баронессою; по этому она начала преслѣдовать моего бѣднаго полковника.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Что, если бъ онъ на ней женился?..

ИНТРЕПИДЪ.

У, бѣда моя! Онъ храбрый малый, а она—толстая крикунья; я у нихъ не уживусь, мадамъ Интрепидъ.

(Большой шумъ за кулисами.)

ЖЕНЕВЬЕВА.

Слышишь, слышишь, какого шуму надѣлала она своимъ пріѣздомъ? Что, трусишь? Приготовляйся къ пріему. Ха, ха, ха! Пойду взять ея вещи.

(Уходитъ.)

ИНТРЕПИДЪ.

Да, да, клянусь остатками.... моей храбрости, что она толстая мопса, попугай! А, идутъ... Чтобъ сохранить вполнѣ присутствіе духа... уйду отъ нея подышать чистымъ воздухомъ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Г-ЖА ПИШАРДЪ И ИНТРЕПИДЪ.

ПИШАРДЪ, въ дверяхъ.

Увѣдомьте о моемъ пріѣздѣ моего двоюроднаго братца!.. Дуракъ!... Чтоза гадкая карета! Что за дороги! Уфъ, я совсѣмъ измучилась!..

(Садится въ кресла.)

ИНТРЕПИДЪ, особо.

Слава Богу! У! да она кажется теперь старше всякой Египетской пирамиды!

(Разсматриваетъ ее.)

ПИШАРДЪ.

Интрепидъ? Что ты тутъ стоишь?

ПИТРЕПИДЪ, кланялсь.

Сударыня... да я бы и сѣлъ, но, въ вашемъ присутствіи, совѣстно...

ПИШАРДЪ, глядя на окно.

Благодарю.. но куда же дѣлась Женевьева? Гдѣ мои картоны, вещи?...

ПИТРЕПИДЪ.

Вѣроятно, въ старомъ садовомъ павильонѣ...

ПИШАРДЪ, показавъ налѣво.

А почему не въ той половинѣ, гдѣ я всегда помѣщаюсь?

ПИТРЕПИДЪ, особо.

Браво! Исторія начинаетъ завязываться. (*Ей*) Потому, мадамъ Пишардъ.... что безъ васъ эту половину мой полковникъ отдѣлалъ заново.

ПИШАРДЪ, съ довольной миной.

Какъ! Мои комнаты?..

ПИТРЕПИДЪ.

И какъ отдѣлалъ—чудо! Самъ даже выбиралъ обои и мебель...

ПИШАРДЪ.

О добрый братецъ! Какое нѣжное вниманіе!..

ПИТРЕПИДЪ.

О, да, и мамзель Сусанна была этимъ очень тронута.

ПИШАРДЪ.

Что? Что? Мамзель Сусанна!

ПИТРЕПИДЪ.

Да-съ, это все сдѣлано для нея, и теперь она тамъ живетъ... Чудныя комнаты! (*Особо.*) А! вотъ ужъ она и побагровѣла!...

ПИШАРДЪ.

Какъ! Отдать мои комнаты другой?

ПИТРЕПИДЪ, также.

Славно! Вотъ ужъ дѣлается и фіолетовая...

ПИШАРДЪ, язвительно.

Для другой, перемѣстить меня въ старое строеніе! И кто эта мамзель Сусанна? Родственница, или что нибудь въ родѣ служанки?.

ПИТРЕПИДЪ.

Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Она прелестнѣйшая дѣвица! Замѣтьте: прелестнѣйшая, добренькая, востренькая, или, просто, милашка, объяденье! (*Особо*), чудо! Она блѣднѣетъ... вотъ дѣлается трехцвѣтная!..

ПИШАРДЪ.

А, я понимаю: это какая нибудь искательница приключеній, которая ловкимъ обращеніемъ, сладкими словами, обворожила моего братца...

ПИТРЕПИДЪ.

Никакъ нѣтъ-съ! Она такъ скромна, что ни полковникъ, ни я, ни вы, словечка отъ нея не услышите... да-съ; въ этомъ случаѣ она вовсе не похожа на женщину.

ПИШАРДЪ.

Что это значитъ? О! Да... да... теперь я припоминаю... Эта Сусанна—нѣмая сиротка, съ которой на шестомъ году случилось несчастіе. Но вѣдь братъ мой ее воспитывалъ въ Бретани...

ПИТРЕПИДЪ.

Да-съ; а какъ вы уѣхали отсюда, то онъ взялъ ее къ себѣ для развлеченія... и точно, мадамъ Пишардъ, ея понятливость, доброе сердце и особливо быстрые глазки—чудо! Она намъ иногда дѣлаетъ такія милыя гримасы, что мы всѣ невольно понимаемъ. А ручки у нея... У! мои вовсе не имѣютъ такого таланта... (*Передразнивая Сусанну*), такъ вотъ и ходятъ, мадамъ Пишардъ... туда, сюда, вверхъ, внизъ, вотъ точь-въ-точь, какъ телеграфъ! Ваши ручки, мадамъ Пишардъ, тоже негодятся — куда! Мой полковникъ безъ ума отъ нея!

ПИШАРДЪ, особо.

Ахъ, какъ досадно, что я надолго уѣзжала отсюда... (*Ему.*) Гдѣ же братецъ? Мнѣ надо съ нимъ объясниться...

ПИТРЕПИДЪ.

Позвольте... кажется, это его походка... такъ точно... (*Особо.*) Она, голубушка, залыхается отъ злости... Смерть люблю, когда толстыя старухи задыхаются отъ злости!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ПОЛКОВНИКЪ МОНТЕРО.

ПОЛКОВНИКЪ.

А! любезная сестрица! Здравствуйте! Неужели всѣ шесть мѣсяцевъ вы прожили тамъ...

какъ это поется?... *въ странѣ Нормандіи счастливой?*

ПИШАРДЪ.

Ахъ, кузень! Вы не воображаете, что значитъ имѣть процессъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

И слава Богу! У меня всѣ процессы совершались подъ пушечными выстрѣлами! *(Смотря на нее.)* Но вы, кажется, устояли, кузина?

ПИШАРДЪ.

Да, да... я что то нездорова...

ПОЛКОВНИКЪ.

И не мудрено, если вы поѣхали сюда и не позавтракали; съ дороги вамъ бы хорошо выпить стаканчикъ чего нибудь...

ПИШАРДЪ.

Фи! Какъ это можно!

ПОЛКОВНИКЪ.

Эй! Интрепидъ! Приготовь завтракъ.

ИНТРЕПИДЪ.

Пожалуйте въ столовую... тамъ...

ПОЛКОВНИКЪ.

Нѣтъ; приготовь здѣсь.

ИНТРЕПИДЪ, переминаясь.

Да... въ столовой гораздо аппетитнѣе... тамъ жена моя ужъ и поставила два прибора.

ПОЛКОВНИКЪ, улыбаясь.

О лѣнтяй! Лишь бы избавиться отъ труда.

ПИШАРДЪ.

Вы очень добры; вы ему все спускаете... *(Важно.)* Морицъ! Ступай и сію минутузавтракъ подай сюда!

ИНТРЕПИДЪ, особо.

О, она мнѣ приказываетъ! Нѣтъ, изъ полковника я ничего не могу сдѣлать.

ПОЛКОВНИКЪ.

Ступай! Чтобъ до прихода Сусанны все было подано. Маршъ! *(Интрепидъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПОЛКОВНИКЪ И Г-ЖА ПИШАРДЪ.

ПИШАРДЪ, особо.

Опять эта Сусанна!.. *(Ему.)* Я очень рада, любезный братецъ, что мы остались наединѣ... Надѣюсь, вы не забыли еще то время, когда желали отъ души сблизить нашу родственную связь. . . теперь же мое имѣніе устроилось.

ПОЛКОВНИКЪ.

Да... помнится... были предположенія...

ПИШАРДЪ.

И какъ бы это было благоразумно! Вамъ 46... мнѣ только 28-мъ... не правда ли?

ПОЛКОВНИКЪ.

Конечно... вы ужъ мнѣ лѣтъ десять про это говорите.

ПИШАРДЪ.

Ахъ, не сомнѣваетесь ли вы?.. Не думаете ли, что во время моего путешествія... О! нѣтъ! я отвергла всѣхъ искателей моей руки; не давала даже взглянуть на себя.

ПОЛКОВНИКЪ.

Да, да, я увѣренъ... однако жъ говорили...

ПИШАРДЪ.

А! да! я васъ понимаю... но это былъ одинъ мой соперникъ по процессу, притомъ же и адвокатъ мой запрещалъ ссориться съ Альфонсомъ. . . Представьте себѣ, братецъ, этотъ негодный повѣса, чтобъ достигнуть своей цѣли, началъ за мной ухаживать, хотѣлъ жениться на мнѣ; чтобъ окончить тяжбу, далъ письменное обѣщаніе, не отходилъ отъ меня; я, разумѣется, повѣрила пламенной его любви, забыла о дѣлѣ, да и пропустила срокъ аппелляціи.

ПОЛКОВНИКЪ.

А! Вотъ молодецъ, чортъ возьми!

ПИШАРДЪ.

Разбойникъ! Заставилъ меня заплатить всѣ убытки, измѣнилъ клятвамъ и скрылся отъ меня навсегда.

ПОЛКОВНИКЪ, смѣясь.

Браво! Видно, этотъ молодецъ учился любить въ тискахъ юриспруденціи.

ПИШАРДЪ.

Но это вздоръ; я найду злодѣя и отмщу за себя! Однако оставимъ это... братецъ! Теперь вы должны оправдаться! У васъ живетъ молодая дѣвушка... О, неужели это моя соперница? Братецъ!!!

ПОЛКОВНИКЪ.

Сестрица!

ПИШАРДЪ.

Не увертывайтесь!.. Эта маленькая Сусанна...

ПОЛКОВНИКЪ.

Что жъ вы хотите сказать...

ПИШАРДЪ.

Вы ее любите?..

ПОЛКОВНИКЪ, вспыхнувъ.

Я?.. Люблю ли я ее?.. Чортъ побери!.. Какой же отецъ не любитъ своего дитяти?..

ПИШАРДЪ.

Та! та! та!.. Я не такъ глупа!.. Ваша отеческая привязанность совсѣмъ не въ томъ смыслѣ...

ПОЛКОВНИКЪ.

Такъ я!.. Да пусть пять сотъ тысячь дьяволовъ схватятъ меня за горло, если я влюбленъ!.. Развѣ я могъ когда нибудь влюбиться? Гмъ! Да я вовсе не понимаю этого чувства; потому то никогда именно и не женюсь на васъ.

ПИШАРДЪ, нѣжно.

Шу, такъ зачѣмъ же она будетъ мнѣ здѣсь причинять безпокойство?.. Вы можете эту бѣдняжку воспитывать въ какомъ нибудь богоугодномъ заведеніи...

ПОЛКОВНИКЪ, въ сильномъ гнѣвѣ.

Какъ! Въ богадѣльнѣ!.. Мою Сусанну!.. Проклятіе!!!

ПИШАРДЪ, испугавшись.

Полковникъ!..

ПОЛКОВНИКЪ.

Въ богадѣльню!.. *(Взявъ ее за руку и нѣсколько успокоясь.)* Но, я васъ прощаю за это варварское предложеніе... потому что вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ... Ну, такъ выслушайте меня... и послѣ увидимъ, что вы скажете. Когда я прибылъ въ армію и получилъ капитанскіи эполеты, у меня былъ другъ, славный, рѣдкій товарищъ... и... такой же... крестьянинъ, какъ и я! Доминикъ былъ преданъ мнѣ въ милліонъ разъ болѣе роднаго брата!.. любилъ меня не менѣе своей жены, дочери, которыхъ таскалъ во всѣ походы съ собою. Бѣдняга былъ храбръ, честенъ, имѣлъ раны, и, къ несчастію, былъ не болѣе, какъ сержантъ. Однажды Русскіе неожиданно аттаковали мѣсто нашего жительства; поднялась суматоха, завязалось страшное дѣло; пламя пожара охватило весь домъ, гдѣ жилъ Доминикъ съ семействомъ, и превратило его въ страшную развалину...

ПИШАРДЪ.

Боже мой!

ПОЛКОВНИКЪ.

Жена моего бѣднаго Доминика не могла спастись и задохлась отъ дыму и пламени! А онъ... о!.. я какъ теперь его вижу: стоитъ одинъ на обгорѣвшей балкѣ, почти висящей на воздухѣ, прижавъ къ груди свою малютку... Пламя, грозное пламя уничтожаетъ всѣ входы и выходы... глаза каждаго слѣдятъ за всѣми движеніями несчастнаго товарища!.. Я захотѣлъ броситься; бѣгу, спрашиваю лѣстницу — ее нѣтъ! Что дѣлать? Осталось одно отчаянное средство: съ помощію солдатъ, связали наскоро наши плащи; онъ увидалъ, понялъ насъ, и, не думая ни минуты, бросилъ къ намъ бѣднаго ребенка; общій крикъ радости огласилъ воздухъ; Доминикъ это слышитъ, и, въ свою очередь, дѣлаетъ шагъ, чтобъ броситься вслѣдъ за дочерью, какъ вдругъ-страшный трескъ!.. А!.. *(Закрываетъ лице руками, потомъ продолжаетъ сквозь слезы.)* Ужасно!.. Когда же я открылъ глаза, сердце мое сжалось!..

Онъ на плащѣ лежалъ передо мною;
Израненный, едва меня узналъ,
И только лишь дрожащею рукою
На дочь свою несчастный указалъ;
Онъ былъ готовъ на долгую разлуку;
Я дочь его къ груди своей прижалъ...
Съ улыбкою онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку...
И умеръ *такъ*, какъ самъ-бы я желалъ.

ПИШАРДЪ, тронутая.

Ахъ, какой ужасный случай!..

ПОЛКОВНИКЪ, утирая глаза.

Да; но это еще не все: на малютку Сусанну этотъ ужасный случай имѣлъ пагубное

вліяніе... она опѣмѣла, и голосъ ея не можетъ выразить ничего, кромѣ отчаянія! Такъ прошли десять лѣтъ.... Я воспиталъ ее, старался образовать ея сердце, умъ; она вполнѣ чувствуетъ все это, и во мнѣ одномъ видитъ свою опору, друга и отца.

ПИШАРДЪ.

Такъ прости же меня: я не знала этихъ подробностей.

ПОЛКОВНИКЪ, рѣшительно.

И такъ, г-жа Пишардъ, помните то, что я вамъ скажу теперь: я обѣщалъ когда-то и, пожалуй, женюсь на васъ—ужъ лучше на васъ, чѣмъ на другой, потому что вы отобьете у меня охоту волочиться... Но, женюсь не прежде, пока совсѣмъ устрою счастіе моей Сусанны. Да! И для этого я пожертвую моимъ богатствомъ, крестомъ, даже баронствомъ, которымъ ни мало не занимаюсь... Она можетъ выйти замужъ, за кого только пожелаетъ, слышите? Но, если тотъ, кого она выберетъ, не полюбитъ ее... о, чортъ побери—я или убью его, или насильно заставлю полюбить ее!

ПИШАРДЪ.

О, я вамъ вѣрю, мой другъ. Это бѣдное дитя теперь и меня интересуетъ столько же, сколько васъ... (*Повѣся голову.*) Но выдать ее замужъ, будетъ стоить большаго труда.

ПОЛКОВНИКЪ.

Не потому ли, что она не говоритъ? Гмъ? А иной мужъ радъ все отдать, чтобъ жена хоть на недѣлю опѣмѣла.... Впрочемъ, я еще вчера возилъ мою Сусанну къ одному славному Нѣмецкому доктору, который нынче пріѣхалъ въ Парижъ. О, про него разсказываютъ чудеса!

ПИШАРДЪ.

Неужели! Что же онъ вамъ сказалъ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Ничего... Онъ долго, внимательно смотрѣлъ ей въ глаза... съ трудомъ заставлялъ ее произносить нѣкоторые звуки, распрашивалъ о малѣйшихъ оттѣнкахъ ея характера, потомъ спросилъ мой адресъ и, провожая насъ, обѣщалъ прислать рѣшительный отвѣтъ.... Моя Сусанна... Молчите, я васъ отрекомендую ей... (*Вмѣстѣ съ рѣчью полковника начинается музыка, впадая потомъ въ куплетъ.*)

ПИШАРДЪ, особо.

Стало быть, мнѣ нечего отчаиваться... О! Я съумѣю это обдѣлать...

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, СУСАННА, ПОТОМЪ ПИТРЕНИДЪ И ЖЕНЕВЬЕВА, вноситъ столикъ, на которомъ приготовленъ завтракъ. СУСАННА, съ букетомъ цвѣтовъ, бѣжитъ и бросается на шею полковника.

ПОЛКОВНИКЪ.

Дитя мое!... откуда ты явилась?...
Ты вся въ поту... ахъ, береги себя!...
Я страхъ боюсь, чтобъ ты не простудилась!
Я разсержусь!... я разбраню тебя!...

(Отираетъ ей лицо своимъ платкомъ.)

(СУСАННА улыбается и какъ будто повторяетъ его слова: я разсержусь!..)

ПОЛКОВНИКЪ.

Вотъ такъ-то я всегда съ ней поступаю,
Когда она увидится со мной.
Я для того браниться начинаю,
Чтобъ все скорѣй окончить мировой!..

(СУСАННА ласкаетъ его взорами и руками: успокойся! перестань!...)

ПОЛКОВНИКЪ.

Но откуда ты пришла теперь?.. (*Сусанна подаетъ ему букетъ цвѣтовъ, который сорвала для него.*) А! постой, постой... вѣдь сегодня мое рожденье...

ПИШАРДЪ, особо.

Возможно ли! Ай! Ай!

ПОЛКОВНИКЪ.

Браво! Китайскіе розаны! Глупенькая, вѣдь ты могла испортить руки, срывая ихъ.

ПИШАРДЪ, также.

И ни одинъ дуракъ не предупредилъ меня! (*Суетится.*)

ПОЛКОВНИКЪ.

Благодарю тебя, моя добрая Сусанна!

ПИШАРДЪ, беретъ розу изъ цвѣтника и подаетъ полковнику.

Милый братецъ! Позвольте пожелать вамъ счастія и добраго здоровья...

ПОЛКОВНИКЪ.

Благодарю; спасибо, сестрица.

(Сусанна глядитъ съ удивленіемъ на г-жу Пишардъ.)

ПОЛКОВНИКЪ, Сусаннѣ.

Это г-жа Пишардъ, о которой я говорилъ тебѣ... (*Тихо г-жѣ Пишардъ.*) Ну, какъ вы ее находите?..

ПИШАРДЪ, принужденно.

Да... очень мила!...

(СУСАННА, особо, показываетъ, что она очень нехороша!)

ПОЛКОВНИКЪ, Сусаннѣ.

Это предобрая женщина; я ее душевно люблю!..

(СУСАННА подходитъ къ г-жѣ Пишардъ и крѣпко жметъ ей руку, показывая, что и она готова любить ее.)

ПИШАРДЪ.

Милая малютка!... (*Особо.*) Чертенокъ! Она чуть не вывернула мнѣ пальцы!

ЖЕНЕВЬЕВА.

Завтракъ готовъ, г-нъ полковникъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

А! Прошу покорно сѣсть... (*Сусаннѣ.*) Я думаю, у тебя послѣ такой прогулки славный аппетитъ? а?

(СУСАННА весело подтверждаетъ его вопросъ.)

ПИТРЕПИДЪ, особо.

Что мудренаго? Я вотъ и никуда не выхожу, а чуть-чуть не объѣдаюсь... (*Ѣстъ урывками большое яблоко, которое взялъ на тарелкѣ.*)

ПИШАРДЪ, сажая Сусанну подлѣ себя.

Сядь подлѣ меня, моя милочка!.. Вотъ, скоро придетъ время, когда я съ нѣжностью матери стану о тебѣ заботиться... Да... да... едва только полковникъ сдѣлается моимъ мужемъ.

(СУСАННА удивляется, показавъ на полковника: онъ?...)

ПИТРЕПИДЪ, особо.

Ея мужемъ! О! о!

ЖЕНЕВЬЕВА, особо.

Мужемъ! Э! э!

ПОЛКОВНИКЪ, тихо Пишардъ.

Ахъ, чортъ побери! На что ей это сказывать? Кто васъ проситъ?

ПИШАРДЪ, тихо ему.

Нѣтъ, нужно, чтобъ она знала объ этомъ. (*Подаетъ Сусаннѣ.*) На! Скушай немножко крему, мой котеночекъ!

(СУСАННА, сухо отталкивая тарелку: я не голодна.)

ПОЛКОВНИКЪ, удивляясь.

Что это значитъ? Ты не хочешь ѣсть? Отъ чего?...

(СУСАННА показываетъ на голову, будто не такъ здорова.)

ПИТРЕПИДЪ, особо.

Не хочетъ ѣсть? Этого я не понимаю!

ПОЛКОВНИКЪ, съ безпокойствомъ.

Ну, вотъ! Теперь, пожалуй, она, бѣдняжка, захвораетъ...

ПИШАРДЪ, приготовляя чай.

Не безпокойтесь!.. Это маленькій мигренъ. Одна чашка чаю, и все пройдетъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Эй! Морицъ! Чашку, скорѣе!

ПИТРЕПИДЪ, съ полнымъ ртомъ.

Извольте, извольте!... (*Стараясь проглотить, закашливается; чашка подаетъ и разбивается.*) Ого!..

ПОЛКОВНИКЪ.

О, мѣшокъ!.. Оселъ!.. Вѣчно все портитъ!

ПИТРЕПИДЪ.

Извините, полковникъ, блюдечко еще цѣло!

ПОЛКОВНИКЪ, взбѣшенный, встаетъ.

Прошу покорно! Это та самая чашка, которую рисовала Сусанна!.. Что это за дуракъ!

(Роняетъ на полъ салфетку.)

(СУСАННА бѣжитъ къ нему, показывая: это моя вина, я его толкнула... не сердитесь!...)

ПОЛКОВНИКЪ.

А! ты его толкнула?.. Ну, это другое дѣло! Ты имѣешь право перебить все; но этотъ увалень ужасно бѣситъ меня!.. Просто — не умѣетъ ничего сдѣлать.

(СУСАННА показываетъ Питрепиду подобрать черепки и уйти.)

ЖЕНЕВЬЕВА, тихо ей.

Добрая барышня!

ПИТРЕПИДЪ.

Серафимъ, достойный уваженія!.. (*Подобравъ черепки, уходитъ.*)

(сусанна, лаская полковника, показываетъ: я хочу, чтобъ вы были повеселѣе; я сыграю для васъ что нибудь... да?..)

полковникъ.

Ахъ! хорошо, хорошо, душа моя, ты хочешь сыграть мой любимый маршъ? О! я съ удовольствіемъ послушаю. (*Сусанна бѣжитъ къ флигелю и играетъ военный маршъ.*) Даже пою и тѣ куплеты, которые мы слышали въ комической оперѣ... Слова подходятъ... какъ бишь они... да! вспомнилъ!

(Бьетъ тактъ.)

сусанна, акомпанируетъ ему.

полковникъ, поетъ.

Молодая веселится,
Не боится!
А старушкѣ молодиться
Не годится!...

И прочее... (*Сусанна выказываетъ веселость.*)

пишардъ.

Довольно, довольно!.. Она играетъ не дурно, но слишкомъ холодно.

ЯВЛЕНІЕ VI.

тѣ же и питренидъ, съ письмомъ.

питренидъ.

Полковникъ! Вотъ письмо изъ Парижа!

полковникъ, смотритъ на адресъ.

Хорошо... Отъ кого же это? Рука вовсе незнакомая... развѣ отвѣтъ отъ нашего новаго доктора, у котораго мы были... посмотримъ...

(сусанна быстро вскакиваетъ, съ большею радостію спрашивая: для меня?.. потомъ продолжаетъ печально: это безполезно! Я никогда не выздоровѣю, я никогда не буду въ состояніи высказать то, что чувствую!)

пишардъ.

Что это она показываетъ руками? Я ничего не могу понять!

женевьева.

Она хочетъ объяснить, что ей невозможно вылечиться, и очень сожалѣетъ, что не можетъ ничего сказать.

пишардъ.

Да, молчать всегда—для женщины, просто, наказаніе! А особливо, если видно, что нѣтъ ни малѣйшей надежды..

полковникъ, прочитавъ письмо.

Ошибаетесь, сестрица! Надежда есть, и большая надежда!..

всѣ.

Возможно ли?!...

(Сусанна подбѣгаетъ въ восхищеніи.)

полковникъ.

Послушайте... послушайте!.. Впрочемъ, я прочелъ только начало письма... Гмъ... «Mein lieber herr!».. (*Г-жѣ Пишардъ.*) Это по-Нѣмецки.

пишардъ.

А развѣ это много обѣщаетъ?

полковникъ.

Разумѣется... Жаль, что вы не знаете по-Нѣмецки. Ну, да, я просто буду переводить вамъ... (*Читаетъ медленно, какъ будто переводя.*) «Милостивый государь! Я много соображалъ на счетъ молодой больной, которую вы ко мнѣ привозили... и почти увѣренъ, что вылечить ее не невозможно.»

(сусанна, съ радостію: Ахъ!)

полковникъ, ей.

Слышишь ли ты?

пишардъ.

Продолжайте!..

полковникъ, читая.

«Въ медицинѣ принято за правило: кто лишился языка отъ большаго страха,—и то въ ней тысячи примѣровъ доказываютъ, — тому и возвратить даръ слова еще возможно, если больной вторично почувствуетъ во всѣхъ органахъ внезапное сильнѣйшее потрясеніе, или печальный душевный страхъ, то...»

(сусанна, показываетъ большое нетерпѣніе).

полковникъ.

Погоди, дитя мое! Не торопи меня!... Вѣдь я не могу такъ скоро переводить... (*Продолжаетъ.*) «Однако, я предложу вамъ еще одно средство, въ которомъ я увѣренъ... и которое совершенно удалось мнѣ въ прошломъ году съ молодою графиней Дарнгеймъ... Это... это (*Остановясь и посмотрѣвъ на*

Сусанну, говоритъ особо.) Чортъ возьми!.. Вотъ это, однако жъ, странно!...

ВСѢ.

Что же! Продолжайте?

ПОЛКОВНИКЪ, въ замѣшательствѣ, смотря на Сусанну.

Эхъ, тутъ есть какія-то слова, которыхъ я не могу понять... Поди, моя милая, сыщи мой Нѣмецкій лексіонеръ; онъ, кажется, на моемъ бюро... (*Музыка начинаетъ ритурнель.*)

(Сусанна уходитъ, дѣлая знаки Женевьевѣ, чтобъ она слушала, что будутъ говорить. Женевьева издали показываетъ, что она поняла ее.)

ПОЛКОВНИКЪ.

Ну, иди же, будь въ покоѣ,
Послѣ можетъ все узнать. (*Особо.*)
Средство странное такое,
Что нельзя ей вдругъ сказать.

ПИТРЕНИДЪ И ЖЕНЕВЬЕВА.

Что за тайна? Что такое?
Какъ бы намъ узнать?
Видно средство не простое,
Если трудно разобрать...

(Оба на цыпочкахъ подходятъ.)

ПИШАРДЪ.

Какъ, неужели вы не можете понять?

ПОЛКОВНИКЪ, въ полголоса.

Напротивъ, я все понялъ... но не хотѣлъ сказать при Сусаннѣ.. Чортъ меня возьми, если я когда слышалъ о подобныхъ средствахъ! Послушайте... (*Читаетъ въ полголоса.*) «Это мнѣ совершенно удалось съ молодою графинею Даригеймъ, которая думала, что на всегда лишилась дара слова... напослѣдокъ, ея отецъ и мать по невольѣ приняли средство, которое я имъ предложилъ... вы вѣрно угадываете? Это средство: *замужество!* Отдайте вашу дочь тому, кого она любитъ, выдайте замужъ — и она будетъ говорить!..»

ЖЕНЕВЬЕВА, услышавъ.

А! вотъ что!

ПИТРЕНИДЪ, тоже.

Резонъ!

ПОЛКОВНИКЪ, оборачиваясь

Что тутъ такое?

ЖЕНЕВЬЕВА, наклонясь.

Ничего-съ.. Вы уронили ваши салфетки...

(Поднявъ, отходитъ.)

ПИТРЕНИДЪ, тоже.

Да-съ, салфетки... (*Унося салфетки, тоже уходитъ съ осторожностью.*)

ПОЛКОВНИКЪ, перечитывая.

«Выдайте замужъ вашу *дочь*—и она будетъ говорить!...

ПИШАРДЪ, смѣясь.

Вашу дочь! Онъ принялъ васъ за отца: это преобидно.

ПОЛКОВНИКЪ.

Что за вздоръ! Можно ли этимъ обижаться!.. Но что вы думаете о такомъ совѣтѣ?..

ПИШАРДЪ, особо.

Ахъ! вотъ случай избавиться отъ этой малютки.. (*Въ слухъ.*) Да, братецъ, и вы должны ее выдать замужъ.

ПОЛКОВНИКЪ, съ сердцемъ.

Да! Поторопиться и сдѣлать ее болѣе несчастною!

ПИШАРДЪ.

Но, можетъ быть, у нея есть кто нибудь на примѣтѣ... Я, пожалуй, возьмусь это устроить.

ПОЛКОВНИКЪ.

Э! Помилуйте! Что вы!... Можетъ ли быть, чтобъ въ ея положеніи?..

ПИШАРДЪ.

Послушайте, можно быть нѣмою — и нисколько не слѣпой... Между вашими сосѣдями, друзьями, весьма легко найдется какой нибудь молодой человѣкъ...

ПОЛКОВНИКЪ, почти съ крикомъ.

Да, да! Чортъ возьми! Я не хочу знать этихъ молодыхъ людей!.. Какой нибудь негодяй, глупецъ, который погубитъ ее...

ПИШАРДЪ.

Ну, такъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ найдется...

ПОЛКОВНИКЪ, съ запальчивостью.

Какъ? Что? Отдать ее старику или какому нибудь жалкому уроду?.. Боже сохрани!

ПИШАРДЪ.

Однако жъ надо рѣшиться, и выдать ее замужъ...

ПОЛКОВНИКЪ, увидя Сусанну.

Молчите! Вотъ она идетъ.. Ради Бога, ни слова при ней объ этомъ письмѣ.

ПИШАРДЪ.

Ахъ, братецъ, вы вѣчно считаете меня за ребенка!..

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ и СУСАННА, идетъ съ книгою мимо Женевьевы, и глазами спрашиваетъ ее: что было?

ПОЛКОВНИКЪ, Сусаннѣ, которая подаетъ ему книгу.

Благодарю тебя, душа моя... теперь не нужно... мы кое-какъ разобрали... и какъ только я переговорю съ докторомъ, то послѣ ты все узнаешь...

(СУСАННА смотритъ на Женевьеву, которая киваетъ ей головой.)

ЖЕНЕВЬЕВА, тихо.

Я вамъ послѣ разскажу все.

ПИШАРДЪ, подходитъ.

Милая малютка! Если бъ ты видѣла, какъ добрый полковникъ заботится о твоемъ счастіи. Но, вотъ, что онъ желалъ бы узнать...

ПОЛКОВНИКЪ, тихо Пишардъ.

Совсѣмъ нѣтъ, я ничего не хочу узнавать!..

ПИШАРДЪ, тихо ему.

Нѣтъ, я издалека намекну ей.. (*Въ слухъ.*) Онъ хочетъ узнать, не угодно ли вамъ выйти замужъ?

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

Проклятіе! Это у ней намекъ издалека!

ЖЕНЕВЬЕВА, видя, что Сусанна улыбается, подходитъ къ ней.

Ну, это такой вопросъ, на который молодыя дѣвицы всѣ отвѣчаютъ охотно.

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

Ну, вотъ и другая дура вмѣшалась! Ужъ это, просто, съ ножемъ къ горлу!

ПИШАРДЪ.

Что же, мой котеночекъ, нравится ли тебѣ слово замужство?

(СУСАННА показываетъ, что это ей нравится. Она надѣнетъ тогда прелестное бѣлое платье, цвѣты на голову, на грудь букетъ, и когда начнется балъ, она можетъ танцовать... (Она немного вальсируетъ, хочетъ взять полковника, но тотъ отворачивается.)

ПИШАРДЪ.

Ну, танцы — танцами, а какъ при нихъ необходимо имѣть мужа, то не знаешь ли ты кого, кто былъ бы достоинъ твоего выбора?

ПОЛКОВНИКЪ, тихо.

Нѣтъ! Ужъ это слишкомъ!

ПИШАРДЪ.

А! Она опустила глазки... Вѣрно есть счастливецъ! И такъ, душа моя, не бойтесь, говорите, кто онъ?

ЖЕНЕВЬЕВА, подталкивая ее.

Говорите, барышня... а не то, пожалуй, я вамъ помогу... Не тотъ ли это молодецъ, который ходитъ по дѣламъ къ полковнику?..

(СУСАННА, знаками: кто? этотъ надутый мальчишка (передразнивая его), у котораго столько прыщей на носу... всегда бумаги подъ мышкой, который болтаетъ, болтаетъ... а! Нѣтъ! Онъ мнѣ наговоритъ звѣзду!..)

ПОЛКОВНИКЪ, отдохнувъ, весело.

Да, да, это точно его портретъ!... Ха, ха, ха! Станетъ ли она думать объ этомъ уродѣ!.. (*Особо.*) Слава Богу! я спокоенъ: она не любитъ никого!..

ЖЕНЕВЬЕВА.

А! Вспомнила! Та, та, та! Ну, такъ не этотъ ли молодой человѣкъ, котораго вы видѣли въ оперѣ?

ПИШАРДЪ.

А, вы ее возили въ оперу?..

ПОЛКОВНИКЪ, тихо.

Да, всего одинъ разъ... но, въ самомъ дѣлѣ, тамъ, я помню, былъ одинъ франтикъ, который безпрестанно обращалъ лорнетъ на Сусанну... (*Ей.*) Неужели ты помнишь его? а?...

(СУСАННА, видя замѣшательство полковника, отвѣчаетъ лукаво. Гмъ! Онъ очень не дуренъ собой!.. съ маленькими усиками...)

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

Возможно ли?..

(СУСАННА, удерживая живо, полковнику: но я о немъ и не думаю вовсе!)

ПИШАРДЪ, грозя ей пальцемъ:

Э! Ты не откровенна, моя милая... Ты, просто, его любишь.

(СУСАННА: нѣтъ.)

ПИШАРДЪ.

Не правда, любишь.

(СУСАННА, стуча ногою: нѣтъ! совсѣмъ нѣтъ!)

ПИШАРДЪ.

Ну, если это не онъ, такъ назови же намъ, кто тотъ счастливецъ, который стоитъ твоей любви?..

ПОЛКОВНИКЪ.

Да, да, и я хочу его знать... кто онъ такой.

(СУСАННА, съ живостію бросается: о, извольте!.. потомъ вдругъ останавливается въ замѣшательствѣ, показывая, что она не смѣетъ назвать его; кладетъ руку на сердце, смотритъ на Пишардъ, и бросается въ свою комнату.)

ПОЛКОВНИКЪ.

Сусанна!

ЖЕНЕВЬЕВА, особо.

Неужели я отгадала?..

ПИШАРДЪ, быстро.

Видите, она при васъ не смѣетъ открыться... но я прозакладую голову, что это тотъ молодой человѣкъ, который видѣлъ ее въ операѣ. Я пойду и все открою...

ПОЛКОВНИКЪ.

Нѣтъ, это безполезно!

ПИШАРДЪ.

Полноте! Она мнѣ все скажетъ... и я принесу вамъ полный отчетъ о ея чувствахъ.

(Уходитъ въ комнату Сусанны; Женевьева въ среднія двери; полковникъ, оставшись одинъ, задумывается.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПОЛКОВНИКЪ, помолчавъ не много.

Да, чортъ возьми!.. Я точно замѣтилъ, что вчера, возвращаясь съ нею отъ доктора, этотъ франтъ ѣхалъ верхомъ на богатомъ скакунѣ, вертѣлся около нашей кареты, и безпрестанно поглядывалъ на Сусанну... Онъ, какъ видно, принялъ меня за ея мужа!... О, если бъ я былъ имъ, то не смотря на мои раны, я проучилъ бы его за эту дерзость!... Но все равно: я и теперь не долженъ позволять всякому дураку забываться передъ нею... Да! Я увѣренъ, что этотъ франтъ дуракъ, непремѣнно долженъ быть дуракъ! Потому что... нѣтъ! Я не хочу быть въ числѣ тѣхъ бездушныхъ отцевъ, которые за золото продаютъ счастіе бѣдныхъ дочерей своихъ... Нѣтъ; съ моей Сусанной этого не случится. Она должна выйти замужъ за того, за кого только я соглашусь отдать ее, а я... не соглашаюсь ее выдать ни за кого!.. Нѣтъ! И пусть хоть самъ дьяволъ!..

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПОЛКОВНИКЪ и ИНТРЕПИДЪ, войдя тихо.

ИНТРЕПИДЪ.

Полковникъ!

ПОЛКОВНИКЪ, отрывисто.

Что тебѣ надо?

ИНТРЕПИДЪ, таинственно осмотря всю комнату, подходитъ къ полковнику.

Вы одни?

ПОЛКОВНИКЪ.

О, глупецъ! Что тамъ еще?

ИНТРЕПИДЪ.

Исторія довольно страннаго содержанія... Вотъ видите: вы, я думаю, знаете Цюриха, кучера г-жи Шамбульянъ, нашей сосѣдки?.. Онъ теперь предложилъ мнѣ распить бутылку винца; я, разумѣется, согласился, потому что болѣе четверти часа прошло, какъ я, кажется, не пилъ...

ПОЛКОВНИКЪ.

Пожалуй-ста, безъ подробностей!..

ИНТРЕПИДЪ.

Хорошо-съ; извольте, можно и безъ подробностей... Вотъ, мы начали чокаться, какъ вдругъ входитъ молодой щеголь, высокаго полета, прекрасное тонкое бѣлье, желтыя перчатки, маленькіе усы...

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

А! Это онъ!

ИНТРЕПИДЪ.

Однимъ словомъ, молодецъ, которыхъ мы, военные люди, называемъ хорошо выправлен-

нымъ, а въ Парижѣ ихъ нынче называютъ: молодыми львами.

ПОЛКОВНИКЪ.

Что жъ еще?

ПИТРЕПИДЪ.

Онъ вертѣлся, дѣлалъ пируеты à la Taglioni... а по моему, просто—лансады... разпрашивалъ о молодой особѣ, о старикѣ, которые, видите, должны жить здѣсь.

ПОЛКОВНИКЪ.

А!

ПИТРЕПИДЪ.

И по описанію, какое онъ дѣлалъ о старичкѣ, называя его... Бар...титю....ло... я сейчасъ узналъ васъ... Бар... Бар...

ПОЛКОВНИКЪ.

Бартоло!

ПИТРЕПИДЪ.

Кажется, такъ-съ... Но я сейчасъ смекнулъ, что этотъ щеголь ошибается, да и сказалъ ему: извините-съ, мой господинъ храбрый полковникъ, его зовутъ Жанъ-Лун-Монтеро, а не Бартоло.

ПОЛКОВНИКЪ.

О, дуракъ!.. Ну, а потомъ?..

ПИТРЕПИДЪ.

Потомъ-съ, онъ проболтался, что нанялъ близко отъ насъ домикъ подъ No 3-мъ, назначилъ тамъ свою главную квартиру; что онъ, видите, ничего не боится; что откростъ, во что бы то ни стало, прелестную незнакомку, и что онъ смѣется надъ всѣми дядями, братьями, отцами, надъ всѣмъ этимъ сбродомъ; у него ужъ есть на готовѣ самое страстное письмо; онъ хочетъ обворожить малютку, получить свиданіе, а этому Бартоло онъ хочетъ... что бишь такое? да! наклеить носъ!

ПОЛКОВНИКЪ.

Тысячу ядеръ!

ПИТРЕПИДЪ.

Да! Тысячу ядеръ! Это и мнѣ, какъ старому герою, бросилось въ носъ!.. Я вскочилъ!.. и бросился... къ вамъ!..

ПОЛКОВНИКЪ.

А! Такъ онъ думаетъ, что я Бартоло!.. Онъ хочетъ имѣть свиданіе! Онъ его получитъ; но, чортъ возьми! Это свиданіе будетъ ему вовсе не по вкусу!

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И ПИШАРДЪ (*).

ПИШАРДЪ.

Побѣда! Побѣда!

ПОЛКОВНИКЪ.

Что такое?

ПИШАРДЪ, на ухо.

Она любитъ того молодаго человѣка, который видѣлъ васъ въ операѣ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Любитъ, говорите вы? А есть ли у васъ доказательства?

ПИШАРДЪ.

Вы сейчасъ это узнаете. Какъ я вошла, то она сидѣла у стола и разсматривала небольшой портретъ..,

ПОЛКОВНИКЪ.

Портретъ!

ПИШАРДЪ.

Да, миніатюрный портретъ, который вѣрно сама и нарисовала.

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

Это ужасно! Зачѣмъ учатъ ихъ этому проклятому искусству?

ПИШАРДЪ.

Я хотѣла взглянуть, но она живо спрятала, и я разсмотрѣла только маленькіе усы...

ПИТРЕПИДЪ, особо.

Тѣ же самые, какіе и я.

ПИШАРДЪ.

Потомъ вдругъ съ улицы летитъ большой камень и разбиваетъ стекло; даже чуть чуть не убилъ меня...

ПИТРЕПИДЪ, особо.

А это бы не дурно!

ПОЛКОВНИКЪ.

Возможно ли!

ПИШАРДЪ.

Но этотъ камень былъ завернутъ въ бумагу...

ПОЛКОВНИКЪ.

Письмо!

(*) Эта сцена должна играться быстро.

ИНТРЕПИДЪ, особо.

Которое тотъ называлъ страстнымъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

И этотъ презрѣнный осмѣлился!..

ПИШАРДЪ.

Потомъ я замѣтила молодаго человѣка между деревьями...

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

Это онъ!

ИНТРЕПИДЪ, также.

Изъ 3-го номера!

ПОЛКОВНИКЪ.

А гдѣ же письмо?

ПИШАРДЪ.

Сусанна, схвативъ его, пробѣжала и разорвала на мелкіе кусочки. А? каково все устроено?

ПОЛКОВНИКЪ.

Это ужъ слишкомъ дерзко! Онъ осмѣлился писать къ ней!... Къ Сусаннѣ! О, когда такъ... я найду его!.. *(Тихо Интрепиду.)* Ты преданъ мнѣ?

ИНТРЕПИДЪ, также.

О! да... да...

ПОЛКОВНИКЪ.

Ты храбръ?

ИНТРЕПИДЪ.

О! нѣтъ... нѣтъ!..

ПОЛКОВНИКЪ, жметъ ему руку.

Ну, такъ все равно! Иди со мной! И ни полслова! Или прощайся съ головой!

ИНТРЕПИДЪ, дрожа.

О, Творецъ мой! Озноб, лихорадка, горячка и смерть на носу!

ПОЛКОВНИКЪ.

Вмѣстѣ.

Кто бъ онъ ни былъ, но замѣтитъ,
Какъ легка моя рука!
И не Бартоло онъ встрѣтитъ,
А солдата — старика!

ИНТРЕПИДЪ.

Вмѣстѣ.

Пусть онъ васъ однихъ замѣтитъ
Мнѣ же скажетъ дурака,
Если вмѣсто шпаги встрѣтитъ
Два дрожащихъ кулака!...

ПОЛКОВНИКЪ.

Если дерзкою любовью
Онъ осмѣлился начать,
То обязанъ прежде кровью
Эту дерзость оправдать!!

Дасаро.

(ПОЛКОВНИКЪ уходитъ въ среднюю дверь, таща за собою ИНТРЕПИДА. СУСАННА входитъ въ концѣ куплета и взглядами спрашиваетъ г-жу ПИШАРДЪ: что все это значитъ?)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПИШАРДЪ и СУСАННА.

ПИШАРДЪ.

Ну, моя милашка, я успѣла во всемъ! Я сказала полковнику, что ты любишь этого молодаго человѣка, что ты безъ ума отъ него! И онъ почти согласенъ устроить вашу свадьбу!..

(СУСАННА, съ удивленіемъ и бѣшенствомъ подходитъ къ ПИШАРДЪ: какъ вы могли? Кто васъ просилъ?)

ПИШАРДЪ.

Что это? Что это? Мнѣ кажется, она хочетъ мнѣ выцарапать глаза?..

(СУСАННА, также живо: вы видите все на изнанку! Вы болтушка злая! Вамъ надо бы надѣть очки!)

ПИШАРДЪ, кричитъ.

Какъ, мнѣ надѣть очки?.. Сударыня! вы слишкомъ дерзки!

(СУСАННА, вы отъ старости съ ума сходите!)

ПИШАРДЪ.

А! это ужъ слишкомъ! Вы думаете, что я отъ старости схожу съ ума? Это ужасно! Нѣтъ, сударыня! Та еще вовсе не стара, кому двадцать восемь только лѣтъ!

(СУСАННА, пожавъ плечами, показываетъ пальцами, что ей вдвое больше! Что она старушенка!..)

ПИШАРДЪ, выходитъ изъ себя.

Пятьдесятъ шесть лѣтъ!.. Я старушенка?! Дерзкая дѣвченка! О! такъ моя нога не будетъ больше въ этомъ домѣ! Или вы опять отправитесь въ Бретань! Я бабушка! Кузень! Кузень!..

(СУСАННА, иронически смѣется надъ нею.)

ПИШАРДЪ.

О, Боже мой! И она еще смѣетъ продолжать смѣяться! Кузень! Братецъ! О! вы увидите, бабушка ли я! Мнѣ еще не одинъ мужчина не осмѣливался считать года, а вы... О! Я боюсь, что можно онѣмѣть отъ этой дерзости!.. *(Уходитъ въ средину.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

СУСАННА одна, потомъ ЖЕНЕВЬЕВА. (Пантомима), музыка.

(Она ушла.. тѣмъ лучше... Злая женщина! Она смѣла сказать, что я люблю этого молодаго человѣка, тогда, какъ только онъ одинъ на свѣтѣ, за котораго я готова отдать жизнь мою! (Оглядывается и вынимаетъ маленькій портретъ, разсматриваетъ и улыбается). Да, ты одно мое сокровище, мое божество! Ты слышишь и отвѣчаешь моимъ чувствамъ... (Оркестръ crescendo; она цѣлуетъ портретъ и быстро прячетъ его опять.) (*)

ЖЕНЕВЬЕВА, прибѣгаетъ испуганная.

Ахъ, барышня, я васъ искала!.. Ахъ!.. Вся кровь остановилась въ моихъ жилахъ... Бѣдный полковникъ! Бѣдный молодой человѣкъ!..

(СУСАННА, встревоженная. Что? Что случилось?)

ЖЕНЕВЬЕВА.

Я сейчасъ встрѣтила моего мужа съ огромными двумя шпагами!.. Блѣденъ, какъ смерть... трясется, какъ въ лихорадкѣ... (*Прерывающимся голосомъ.*) Да, благодѣтель вашъ искалъ молодаго человѣка, который васъ видѣлъ въ оперѣ; онъ съ нимъ поссорился, и черезъ часъ они будутъ драться въ концѣ большой дороги, что при въѣздѣ въ лѣсъ... Бѣдный полковникъ! Ему ли драться съ молодымъ человѣкомъ, когда у него на правой рукѣ нѣсколько ранъ...

(СУСАННА, разстроенная: Драться?.. Нѣтъ, я этого не допущу! Я пойду и брошусь къ его ногамъ!..)

ЖЕНЕВЬЕВА.

Нѣтъ, вы его не найдете... Онъ ушелъ въ Венинь искать секунданта, а если не найдетъ, то вѣрно заставитъ быть свидѣтелемъ моего бѣднаго мужа, а онъ ужъ и теперь чуть живъ...

(СУСАННА, болѣе приходя въ волненіе: Драться за меня?.. Ахъ, Боже мой! Онъ, онъ мой единственный другъ!.. Нѣтъ, надо этому воспрепятствовать...)

ЖЕНЕВЬЕВА.

Понимаю, вы хотите помѣшать имъ? Если бъ можно было ложнымъ согласіемъ обмануть, то есть, задержать его, или, просто, запереть гдѣ нибудь.

(*) Эта сцена должна играться быстро.

(СУСАННА, пораженная мыслію: задержать!.. запереть!..)

ЖЕНЕВЬЕВА, у окна.

Но это невозможно... Вотъ, вотъ онъ прогуливается подъ самымъ окномъ...

(СУСАННА, бросаясь къ окну: онъ!..)

ЖЕНЕВЬЕВА.

Да онъ не видитъ васъ..

(СУСАННА, кокетствуетъ, улыбается.)

ЖЕНЕВЬЕВА.

О, если этакъ, то онъ, разумѣется, сейчасъ васъ замѣтитъ... (*Сусанна роняетъ за окно горшокъ съ цвѣтами.*) Вотъ славно! Вы уронили ему на голову цвѣтной горшокъ... Смотрите, вотъ онъ подымаетъ носъ...

АЛЬФОНСЪ, за сценой подъ окномъ.

Что это за дьявольщина?.. Какая неосторожность!.. Ахъ, что я вижу!..

ЖЕНЕВЬЕВА, Сусаннѣ.

А! вотъ онъ и разнѣжился!..

(СУСАННА, у окна, жестами проситъ извиненія у него.)

АЛЬФОНСЪ, оттуда же.

О не безпокойтесь, сударыня... Я не ранепъ... Я такъ счастливъ!.. Я ужъ давно ищу случая узнать васъ поближе... и если бъ вы мнѣ позволили...

(СУСАННА, во время его рѣчи граціозно присѣдаетъ передъ нимъ, кокетничаетъ.)

ЖЕНЕВЬЕВА.

Бѣдняжка! Умоляетъ, чтобъ вы ему позволили...

(СУСАННА. Поди, поди, приведи его!)

ЖЕНЕВЬЕВА.

Привести его сюда? А, теперь я угадываю... (*Бѣжитъ къ окну.*) Я сейчасъ къ вамъ выйду, сударь... (*Особо.*) Эти барышни ничего не опасаются, не то, что мы, замужнія, мы всегда какъ-то трусимъ... (*Она уходитъ, разговаривая знаками съ Сусанной.*) Задержимъ молодца... задержимъ разбойника!..

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

(Сусанна, одна у окна: онъ дожидается... добрый знакъ... (аплодируетъ успѣху.) А! вотъ она проситъ его войти.. входятъ по лѣстницѣ... Я спрячусь гдѣ нибудь. (Прячется въ глубинѣ сцены.)

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЖЕНЕВЬЕВА И АЛЬФОНСЪ.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Потрудитесь войти, сударь... сюда... Не угодно ли вамъ стаканчикъ холодной воды?

АЛЬФОНСЪ, весело.

Нѣтъ, нѣтъ, моя милая; не торопись угощать меня; не нужно.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Да какъ же, послѣ такого приключенія.

АЛЬФОНСЪ, улыбаясь.

Пожалуй-ста, не безпокойся; твой стаканчикъ воды не поможетъ мнѣ... А свиданіе точно странное...

Я часто былъ въ пріятномъ ожиданьи,
Тайкомъ ловилъ счастливый жизни часъ,
Но что теперь случилось при свиданьи,
Рѣшительно случилось въ первый разъ!
Я получалъ премилыя награды,
Букетъ цвѣтовъ, портретъ или стишки;
Всѣ на меня свои бросали взгляды,
А здѣсь летятъ цвѣточные горшки!

Впрочемъ, это довольно оригинально... (*Женевьевѣ скоро.*) Но, скажи скорѣе, какъ имя твоей хорошенькой госпожи? Какъ зовутъ ея *тирана?* Вѣдь у нее вѣрно есть тиранъ, чудовище? А? Что она такое? Дѣвица, женщина, вдова или несчастная жертва глупаго мужа? А? Должно быть жертва мужа, не правда ли? Тѣмъ лучше... вѣрно, она получила мое письмо, читала его... но скажи, что она почувствовала?

ЖЕНЕВЬЕВА.

Я ничего не могу сказать вамъ, сударь... мнѣ запрещено...

АЛЬФОНСЪ.

Не можетъ быть... (*Беретъ ее за талію.*) Знаешь ли, милая, у тебя такіе глаза, которые довольно много обѣщаютъ... и какъ скоро знакомство наше сдѣлается покороче... (*Хочетъ ее поцѣловать.*)

ЖЕНЕВЬЕВА, отталкивая его.

Что ето вы, сударь!.. Мнѣ кажется, что вы не для меня сюда пожаловали...

АЛЬФОНСЪ.

Ахъ, да, да, отъ разсѣянности, эти ошибки часто со мной случаются... Что же не идетъ твоя госпожа? Я не люблю безъ пользы убивать драгоцѣнное время...

ЖЕНЕВЬЕВА, подаетъ ему стулъ и таинственно говоритъ.

Не угодно ли вамъ пока сѣсть и поуспокоиться... Я пойду ихъ увѣдомить... (*Дѣлаетъ знакъ, чтобъ онъ молчалъ, и къ концу послѣдующаго монологи показывается съ Сусанною.*)

АЛЬФОНСЪ, одинъ на авансценѣ.

Какая таинственность... Это премило!... Я бы хотѣлъ прежде дуэли вполнѣ заслужить мщеніе этого стараго Кастильца забіяки... Времени еще остается довольно... цѣлый часъ... О, въ какихъ онъ будетъ дуракахъ!. (*Смотря въ окно.*) Я поставилъ моего Баптиста на караулъ.. Онъ сейчасъ дастъ знать, какъ только появится мой несчастный противникъ... притомъ, я начинаю подозрѣвать, что со мною употребили маленькую хитрость... чортъ возьми! Не хотятъ ли этимъ средствомъ заставить меня молчать? О, онъ не на того напалъ! Какъ юный левъ, я его проучу по своей собственной методѣ!.. (*Оборачивается.*) Ахъ! это она!.. моя незнакомка!.. прелесть!.. прелесть!..

ЖЕНЕВЬЕВА, тихо Сусаннѣ.

Я буду тамъ. (*Показывая въ глубину.*) И ужъ какъ онъ ни хитеръ, а не ускользнетъ отъ насъ... (*Скрывается.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

АЛЬФОНСЪ И СУСАННА.

АЛЬФОНСЪ, особо (*).

Клянусь честію, обворожительная фигурка!.. И гораздо лучше вблизи, чѣмъ издали... Она отослала свою повѣренную — прекрасно!

(*) Въ этомъ монологѣ, составляющемъ цѣлую сцену, артистъ обязанъ соблюсти живость и разнообразіе.

Это показываетъ, что она женщина съ умомъ! О, счастливецъ Рафаэль! При этомъ свиданіи и полное блаженство — и сладостный, очаровательный разговоръ! (*Поправивъ галстукъ, кладетъ руку въ волоса и кланяется нѣсколько разъ; Сусанна въ это время подходитъ въ замѣшательствѣ.*) Прелестнѣйшая сиьора.., Я ни какъ не ожидалъ, даже не смѣлъ льстить себя надеждою... но, вѣроятно, васъ тронуло мое краснорѣчіе... не правда ли? Вы, убѣдились моимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ... (*Видя, что ему не отвѣчаютъ, особо.*) Что это? Она не хочетъ пособить мнѣ и заставляетъ путаться въ краснорѣчіи... Впрочемъ, она ужъ сдѣлала первый приступъ цвѣточнымъ горшкомъ; стало, теперь моя очередь; постараемся же... (*Вслухъ съ глупою миною.*) И такъ, это правда, прелестнѣйшая незнакомка... что вы... не обидѣлись моею смѣлостью?.. И есть пріятная надежда... (*Сусанна опускаетъ глаза и тихо смѣется.*) А отвѣта все нѣтъ, какъ нѣтъ!.. А! вѣрно она боится, чтобъ голосъ вдругъ не обнаружилъ ея пламеннаго чувства... (*Начинаетъ говорить съ жаромъ.*) О, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я счастливаго случая, чтобы вполнѣ описать вамъ любовь мою... любовь, которую пренятствія еще болѣе усилили въ пламенной душѣ моей!.. Любовь, которая превосходитъ всѣ, сколько бы ихъ ни было; которая можетъ уничтожить и малѣйшее сомнѣніе... О, эта любовь, которая... (*Смотря на нее.*) Все таки ни слова!.. А! я вижу теперь, въ чемъ дѣло! Она иностранка, вѣрно Англичаночка... О, я умѣлъ бы объясниться съ чувствомъ и по Англійски, если бъ зналъ хоть одну фразу... (*Въ слухъ.*) Скажите, сударыня, что значитъ это упорное молчаніе? Неужели, прекрасная островитянка, вамъ не нравится мое посѣщеніе?

(сусанна, живо показываетъ жестами: о, нѣтъ!)

альфонсъ, особо.

Если же она понимаетъ меня, то какъ же?.. Ахъ! что за выразительные глазки!.. Понимаю! Это вѣрно Испанка! Да, да... (*Ей.*) Такъ вамъ, по этому, угодно, чтобъ я остался? Отвѣчайте, отвѣчайте, прелестная обитательница Андалузіи, — остаться ли мнѣ?..

(сусанна, показываетъ: да, да, да!)

альфонсъ, особо.

Да, она очень хорошо меня понимаетъ... Ну, такъ это, просто, Француженка... (*Ей.*) Что же вы молчите? Произнесите мнѣ хоть слово, прелестная Парижанка!.. Одно очаровательное слово!...

(сусанна, знакомъ: нѣтъ! нѣтъ! Я никогда не заговорю!)

альфонсъ.

Какъ? Вы не хотите говорить? (*Особо.*) А! вѣрно есть какая нибудь значительная причина... Понимаю! Это или боязнь, или кокетство, или капризъ, чтобъ только вывесть меня изъ терпѣнія! — О! Такъ послѣ этого она будетъ жаловаться, если я порядкомъ разсержусь! (*Улыбаясь.*) Я хочу заставить ее заговорить непремѣнно; или, клянусь честію: кто ничего не отвѣчаетъ, тотъ, значитъ, согласенъ, на всякую жертву.

(сусанна показываетъ на кресло, проситъ сѣсть подлѣ нея: О чемъ вы думаете? Сядьте подлѣ меня... (Смотря на часы.) Лишь бы прошелъ этотъ часъ, чтобъ помѣшать дуэли... (Съ улыбкой оборачивается къ Альфонсу, снова приглашая сѣсть подлѣ себя.)

альфонсъ, особо.

Вотъ что! Понимаю! Это, просто, испытаніе... причуды... Очень оригинально, чортъ возьми!... Посмотримъ.. (*Идетъ къ ней и садится, какъ можно ближе, но по мѣрѣ, какъ онъ придвигается, Сусанна спѣшитъ отодвинуть свое кресло.*) Послушайте, если вы ищете счастія слышать васъ, такъ умоляю васъ, пусть эти огненные глазки съ любовію обратятся ко мнѣ!.. (*Сусанна не хочетъ взглянуть.*) Нѣтъ? Вы не хотите? Такъ я льстилъ себя пустою надеждою? Неужели мнѣ должно забыть васъ и удалиться?.. (*Сусанна бросаетъ взгляды на часы, потомъ, оборотясь къ Альфонсу, тихо смотритъ на него.*) Нѣтъ! нѣтъ! рѣшено: я вижу, что ей очень пріятно мое присутствіе... (*Въ слухъ.*) Такъ позвольте же мнѣ пожать эту миленькую ручку!... Вы отнимаете? А? Когда такъ, я вижу, что мнѣ надо отправиться отсюда... (*Онъ встаетъ, но она*

опять сажаетъ его и оставляетъ у него свою руку.) О прелесть моя! Я понимаю васъ!.. Это не кожица, а, просто, бархатъ!.. лучшій бархатъ!.. И вѣдь при томъ какая превосходная шутка... Эта милашка, просто, не въ состояніи мнѣ противиться... Чортъ возьми! Теперь я увѣренъ, что молчаніе — вѣрный знакъ согласія! *(Хочетъ ее поцѣловать, но Сусанна вскакиваетъ и оттолкнувъ его съ досадой, велитъ уйти.)* Какъ!.. Что значитъ этотъ гордый, повелительный взглядъ?.. *(Нисколько обидясь.)* Ахъ, такъ простите меня, сударыня, теперь очень ясно, что я обманулся... я повинуюсь вамъ, и ухожу... *(Онъ дѣлаетъ шагъ къ двери; Сусанна тоже бросается къ ней, запираетъ ее два раза и смотритъ на него съ торжествующимъ видомъ.)* Прошу покорно! Что это за странныя выходки?.. А! понимаю, понимаю! Послѣ этого надо быть дуракомъ, чтобъ не догадаться... *(Идетъ къ ней очень вольно, но въ эту минуту слышенъ за дверьми голосъ Баптиста: Послушайте! Отоприте!)* А! это голосъ моего Баптиста!...

БАПТИСТЪ, за кулисами.

Скорѣе, сударь! Вашъ противникъ давно ожидаетъ васъ! Скорѣе!

АЛЬФОНСЪ.

Какъ, онъ ждетъ меня! Назоветъ безчестнымъ!... *(Онъ хочетъ бѣжать въ дверь; Сусанна въ сильномъ испугѣ вынимаетъ ключъ, схватываетъ за руку Альфонса, и дѣлаетъ большое усиліе, чтобъ сказать ему хоть одно слово.)* Что это значитъ? Что дѣлаешь, моя милочка? Отдай, отдай мнѣ этотъ ключъ; мнѣ нужно; я пропалъ! *(Упрашивая ее.)* Я понимаю: ты боишься за меня, ты меня жалѣешь!.. Однако я долженъ идти непремѣнно... *(Сусанна, пораженная новою мыслію, бросаетъ ключъ за окно.)* О, какая дьявольская хитрость у этихъ женщинъ! Ужъ если влюбится — бѣда! Не знаешь, какъ и вырваться. Успокойся, мой ангелъ, я черезъ пять минутъ возвращусь къ тебѣ!... *(Особо.)* Впрочемъ, не мудрено: я такой мужчина, что трудно и не сойти съ ума. *(Ей.)* Но я такъ увѣренъ въ себѣ, что непремѣнно въ одну минуту убью моего противника! Пусти меня! *(Сусанна, шатаясь, облокачивается на ручку кресель.)*

БАПТИСТЪ, у дверей кричитъ.

Скорѣе, сударь, скорѣе!

АЛЬФОНСЪ, подбѣжавъ къ средней двери.

Но, чортъ возьми! Заперто на два раза!... *(Бѣжитъ къ окну.)* А! такъ и быть! Отсюда не высоко... Впередъ! *(Бросается въ окно.)*

(СУСАННА, въ большомъ испугѣ, тщетно дѣлаетъ усиліе закричать; бѣжитъ къ окну; наконецъ, отъ душевнаго движенія, испускаетъ страшные крики, потомъ произноситъ:

Остановитесь! Остановитесь!!

(Падаетъ на колѣни подлѣ окна.)

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ОЧНАЯ СТАВКА.

Театръ представляетъ внутренность небольшаго павильона въ Китайскомъ вкусѣ; прямо противъ зрителей стеклянная дверь; налѣво кабинетъ съ маленькимъ окномъ; направо тоже кабинетъ въ садъ; красивыя вазы, столы и стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

СУСАННА, одна вбѣгаетъ, запыхавшись, бросаетъ свою шляпку на стулъ и отдыхаетъ; во время ретурнеля слышно:

Ахъ! Какое счастіе! Какое наслажденіе!

Ахъ! я опять, опять заговорила!
Какъ это весело! какъ мило!
Какъ рада я!..
Я не шутя переродилась.
Теперь какъ будто измѣнилась
Вся жизнь моя!
Какъ рада я!

Для женщинъ нѣтъ ужъ больше наказанья,
Какъ слышать все и вѣкъ хранить молчанье!..
Но ужъ теперь нельзя мнѣ запретить,
Я стану цѣлый день и ночь премного говорить.
Да, я могу себя вознаградить,
И если буду спать, не перестану говорить!

Пріятно ль вамъ, позвольте мнѣ спросить,
Что стала нынче я при васъ и пѣть и говорить.

Наконецъ, судьба сжалилась надо мною! А мой благодѣтель, мой другъ и не знаетъ объ этомъ!.. Какъ досадно, что его нельзя видѣть!.. Сказать ему... самой сказать о своемъ счастіи... Ахъ, вчера я чуть не задохлась отъ радости.... Женевьева едва могла привести меня въ разсудокъ... Я еще не совсѣмъ привыкла, но она увѣряетъ, что я имѣю большія способности и очень далеко пойду!.. (*Съ довольною миной.*) Да, да.. и когда остаюсь одна, я говорю и сама себя слушаю, и сама отвѣчаю, даже умѣю произносить самыя нѣжныя слова... (*Нетерпѣливо.*) Но только досадно, что нѣкому говорить этихъ словъ! Какъ не стыдно этому полковнику, что онъ не идетъ поболтать со мною? Проснитесь же, сударь! Если бъ вы знали, что я *говорю* и даже, можетъ быть, *пою* для васъ!.. Ахъ! (*Пораженная мыслію.*) Постой!.. попробую... (*Пробуетъ съ болѣзнію.*)

А! а!..

О, Господи, какъ это гадко!

А! а!..

Фи! А это ни на что не похоже!.. (*Продолжаетъ.*)

А! а!..

А! вотъ это немножко получше!. (*Продолжаетъ.*)

А! а!..

Это такъ!...

(Эхо повторяетъ: это такъ!)

Добрый знакъ!...

(Эхо тоже.)

Вотъ счастье! Здѣсь эхо
Порукой успѣха!..
Оно дастъ отвѣтъ:
Фальшиво иль пѣть?..

ЭХО: пѣть.

СУСАННА.

Такъ я готова
Два нѣжныхъ слова
Все здѣсь твердить
И говорить:
«Люблю люблю, тебя!
«Любить вѣкъ буду я!..
Ахъ, я умѣю
Люблю — сказать; —
Хоть и не смѣю —
Доказать!...
Но кто же мнѣ будетъ отвѣчать!..
Я жду отвѣта
На мой привѣтъ..,
Пусть эхо это,
Мнѣ дастъ отвѣтъ...
Ахъ, дай мнѣ, дай скорѣй отвѣтъ:
А, а, а, а!.

ЭХО.

А, а, а, а!..

СУСАННА.

Люблю тебя!..

ЭХО.

Люблю тебя!

СУСАННА.

Ахъ, Боже мой, какой дуэтъ!

ЭХО.

Ахъ, Боже мой, какой дуэтъ!

СУСАННА.

Люблю тебя!..

ЭХО.

Люблю тебя!..

СУСАННА.

А! а! а! а!

ЭХО.

А! а! а! а!

СУСАННА.

Да это оперный дуэтъ!

ЭХО.

Да это оперный дуэтъ!

СУСАННА.

Любить себя!

ЭХО.

Любить тебя.

СУСАННА.

Вѣкъ буду я! (*эхо тоже*)

(Сусанна прыгаетъ отъ радости.)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

СУСАННА и ЖЕНЕВЬЕВА, показывается при концѣ аріи.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Браво, браво! Ай, да барышня!..

СУСАННА, бѣжитъ къ ней и говоритъ очень скоро.

Ахъ, это ты, Женевьева!.. Иди, иди скорѣе... Безъ тебя я боюсь разучиться говорить... Скажи мнѣ, знаютъ ли про эту пріят-

ную, неожиданную новость? Видѣла ли ты моего благодѣтеля? Увѣрена ли ты, что онъ не раненъ? Пріѣхала ли госпожа Пишардъ?.. Все ли по прежнему она злится на меня? Не сплела ли еще какой новой исторіи? Всѣхъ ли оглушаетъ своимъ крикомъ? Ну, да отвѣчай же, Женевьева! Неужели ты не умѣешь говорить?

ЖЕНЕВЬЕВА, потерявшись.

Ахъ, ты Господи! Чего-съ? Какъ? Ай, ай, ай! только этого не доставало! Что за языкъ!

СУСАННА.

То-то же! Я хочу вознаградить потерянное время.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Ну, если вы будете всегда такъ хорошо говорить, то уйдете далеко... Однако, чтобъ отрапортовать вамъ все по порядку, то знайте, что г-жа Пишардъ по сіе время, послѣ вашей ссоры, у г-жи Шамбульянъ; вашъ воспитатель цѣлъ и невредимъ, но о дуэли мы ничего не знаемъ; полковникъ послѣ сраженія былъ въ Парижѣ, возвратился ночью, и не ложась спать, проговорилъ до утра самъ съ собою.

СУСАННА.

А! Такъ же, какъ и я.

ЖЕНЕВЬЕВА.

И вы не спали?

СУСАННА.

Ни одной минуты, потому что мнѣ много кой-чего надо было разсказать самой себѣ... Ахъ, съ самаго восхожденія солнца я говорила съ цвѣтами, деревьями, болтала съ птицами, которыя, радуясь моему счастію, били себя крылышками, какъ будто вся природа восхищалась со мною! Я плакала отъ радости! (*Утирая глаза.*) Да, кажется, и теперь плачу, какъ ребенокъ!..

ЖЕНЕВЬЕВА.

Бѣдняжка!

СУСАННА.

Знаешь ли, Женевьева, какъ мы удивимъ моего благодѣтеля: я брошусь къ нему на шею и вдругъ скажу: съ добрымъ утромъ, сударь! Не угодно ли вамъ *поговорить* со мною? Извольте, съ удовольствіемъ!..

ЖЕНЕВЬЕВА, испугавшись.

Что вы! Что вы! Нѣтъ, берегитесь этого!

СУСАННА, удивясь.

Вотъ мило! А почему?

ЖЕНЕВЬЕВА, съ замѣшательствомъ.

Почему? (*Особо.*) О, проклятая докторская консультація!..

СУСАННА, смотря на нее.

Что съ тобой, Женевьева? Что значитъ это замѣшательство?

ЖЕНЕВЬЕВА,

Ахъ, барышня, это значитъ, что не смотря на вашу радость, вамъ надо воздержаться и замолчать.

СУСАННА, вскрикнувъ.

Какъ! Мнѣ замолчать!.. Чтобъ я стала опять молчать?.. О, нѣтъ! Это было бы варварство! ужасная несправедливость! Нѣтъ, я могу, я хочу и буду говорить! буду говорить, буду говорить и днемъ, и вечеромъ, и ночью, и всякій часъ, всякую минуту буду говорить.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Со мною, сколько вамъ угодно... Вы вѣдь не слыхали, что тамъ въ концѣ... докторскаго письма было сказано... видите... Всѣ теперь увѣрены... что когда вы выйдете замужъ, тогда только заговорите,

СУСАННА.

Но если я заговорила прежде моей свадьбы, такъ тѣмъ лучше для моего будущаго мужа.

ЖЕНЕВЬЕВА, запинаясь.

Совсѣмъ нѣтъ... (*Особо.*) Она ничего понять не можетъ... (*Ей*) Разумѣется, *я* знаю, что сильный испугъ и любовь ваша къ полковнику возвратили вамъ даръ слова.... Но всѣ другіе не обязаны отгадывать, такъ ли это было... напротивъ, ужъ г-жа Пишардъ постаралась разболтать кое-что... даже въ людскихъ и на кухняхъ дураки болтаютъ и то и се... Такъ если полковникъ васъ услышитъ, то бѣда!

Прошу васъ, онѣмѣйте снова,
Пока все сдѣлаютъ для васъ;
Но если скажете хоть слово,
Такъ васъ покинетъ онъ сейчасъ!

СУСАННА, топая ногами сердито.

Да это преобидно!

Я прежде всѣхъ васъ понимала,
Хоть не могла двухъ словъ сказать;
Когда же говорить я стала,
Такъ перестала понимать. (*Сердится.*)

ЖЕНЕВЬЕВА, слыша, что идутъ.

Тсъ! пожалуйста ни слова! Это необходимо! Кто-то идетъ... Послѣ я вамъ все разскажу подробно, но теперь онѣмѣйте...

СУСАННА.

Да я не могу!

ЖЕНЕВЬЕВА.

Хоть на нынѣшній день...

СУСАННА.

Нѣтъ, не могу! Я умру!..

ЖЕНЕВЬЕВА.

Ну, ну, хорошо, хоть только на одинъ часъ...

СУСАННА.

Не больше?

ЖЕНЕВЬЕВА.

Да, да, на одинъ часъ... Послѣ мы увидимъ: вѣдь изъ-за васъ же исторія... Молчите же! Иначе вы пропали на всегда!

СУСАННА.

Ахъ, ты пугаешь меня!.. На одинъ часъ... Ну, хорошо, я прикушу язычекъ... но, если дольше часу, я не ручаюсь за себя и дамъ полную свободу, чтобъ не отстать отъ другихъ.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Но теперь извольте говорить жестами.

СУСАННА, сердито топая ногами.

Да я не умѣю, не понимаю и перепутаюсь...

ЖЕНЕВЬЕВА, тихо.

Тсъ! Молчите! Это мой муженекъ.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ИНТРЕПИДЪ, въ глубинѣ.

ИНТРЕПИДЪ.

Гмъ!.. простите... или, т. е. извините меня... Полковникъ прислалъ узнать, встала ли барышня?

СУСАННА, въ полголоса.

О, давно!

ИНТРЕПИДЪ, приближаясь.

Гмъ!...

ЖЕНЕВЬЕВА, толкая Сусанну.

Вѣдь я тебѣ сказала, что давно... Да притомъ, кажется, ты и самъ это видишь.

ИНТРЕПИДЪ, поворачивается.

Вижу и пойду сказать ему, что давно!..

СУСАННА, тихо Женевьевѣ.

Разспроси его о дуэли; я вѣдь опять нѣмая, такъ ты по крайней мѣрѣ говори за меня.

ЖЕНЕВЬЕВА, тихо,

О, съ удовольствіемъ!.. (*Зоветъ его.*) Морицъ! — Постой...

ИНТРЕПИДЪ.

Ну, что тебѣ? Зачѣмъ ты заставляешь идти, и потомъ ворочаться? Берегиты, пожалуйста, ноги своего супруга.

ЖЕНЕВЬЕВА.

О, лѣнтяй! Да вотъ барышня хочешь знать, что случилось вчера съ полковникомъ и этимъ молодымъ человѣкомъ? Говори!

ИНТРЕПИДЪ.

Какъ бы не такъ! Полковникъ не велѣлъ.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Но барышня хочетъ знать... и я! я, твоя жена, тоже хочу, и приказываю тебѣ!

ИНТРЕПИДЪ.

Нельзя! полковникъ подъ самый носъ мнѣ сдѣлалъ пантомиму, вотъ эдакъ... (*показывая сжатый кулакъ.*) Понимаешь? Это значитъ: ни гу-гу!

ЖЕНЕВЬЕВА.

А я покажу вотъ эдакую пантомиму... (*показываетъ: что падаетъ пощечина*) если ты не скажешь. Понимаешь? Выбирай, что лучше

ИНТРЕПИДЪ, отступая въ сторону.

Гмъ! Выбирай! . Что правда, отъ полковника я увернусь, а отъ жены мудрено.... Я у нее всегда какъ-то подъ рукой.

СУСАННА, въ сторону.

Что же онъ?.. (*Идетъ скоро къ Интрепиду, показываетъ золотую монету и велитъ говорить.*

ИНТРЕПИДЪ, взявъ монету.

Э! только-то? Впрочемъ, отъ нѣмой много требовать нельзя... (*Сусанна выходитъ изъ*

терпѣніл.) Извольте, барышня, только развѣ для васъ... (*Женѣ.*) А ты, душка, вѣрно думаешь, что я тебя испугался? (*Сусаннѣ.*) Гмъ! Представьте себѣ, барышня, они пришли на мѣста, а я, чтобъ не скомфузить ихъ, отдалился на огромную дистанцію!.. Они взяли шпаги... и можете вообразить, какъ ужасно было положеніе свидѣтеля!

Ихъ шпаги страшно засверкали!
Со страхомъ я на бой взиралъ...
Тѣ другъ на друга наступали,
А я, со злости, отступалъ. —
Вдругъ, франтъ изволилъ промахнуться,
А мой старикъ кольнулъ его...
Вотъ такъ то люди бьются, бьются,
И чортъ ихъ знаетъ, изъ чего?..
Чтобъ оцарапать кой-кого.

Потомъ, оцарапаннаго франта мы проводили въ № 3-й, вотъ тутъ, близехонько... Полковникъ шепнулъ ему два слова на ушко и не пожалъ руки: а это худой знакъ. Въ арміи, бывало, сперва подерутся, да сейчасъ и за завтракъ, а здѣсь... просто, жить не умѣютъ.

СУСАННА, особо.

Ахъ! Отдыхаю!

ЖЕНЕВЬЕВА.

Замолчите! Полковникъ идетъ!..

ИНТРЕПИДЪ.

Тсъ! Не выдайте меня... не проболтайтесь...

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ПОЛКОВНИКЪ.

ПОЛКОВНИКЪ, смотря на Интрепида.

Кажется, мой передовой отрядъ попалъ въ засаду...

ИНТРЕПИДЪ.

Нѣтъ-съ... я шелъ къ вамъ...

ПОЛКОВНИКЪ, Сусаннѣ, которая бѣжитъ къ нему.

Здравствуй, дитя мое!.. Э, Боже мой! Къ чему эти удвоенныя нѣжности... Ну, ну, я очень радъ, что ты, какъ прежде, весела, здорова... и пришелъ кой-о чемъ поговорить съ тобою!..

СУСАННА, особо.

Что бы это значило?..

ПОЛКОВНИКЪ.

Морицъ! Пошелъ за свое дѣло...

ИНТРЕПИДЪ.

Бѣгу, полковникъ... (*Особо.*) Какъ будто отъ тысячи палокъ... Надо кончить мой завтракъ. (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

СУСАННА, ПОЛКОВНИКЪ И ЖЕНЕВЬЕВА.

ПОЛКОВНИКЪ, Женевьевѣ, которая хочетъ уйти.

Женевьева! Ты останься здѣсь... (*Особо.*) Легко случится, что она какъ нибудь мнѣ поможетъ, а я таки крѣпко въ этомъ нуждаюсь... (*Кашлая и окураживая себя.*) Сусанна... въ жизни нашей есть эпоха... когда человѣкъ... (*Особо.*) Чортъ меня возьми, если я знаю, какъ это говорится!

СУСАННА, тихо Женевьевѣ.

Что это значитъ? Не испугала ли я его! Я ему скажу...

ЖЕНЕВЬЕВА, останавливая.

Шшъ! Въ эту минуту больше чѣмъ когда нибудь молчите — и замѣчайте...

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

Ну, впередъ, старый рубака!.. Что за малодушіе!.. (*Ей.*) Сусанна... скажи мнѣ... какъ твоему истинному другу: любишь ли ты этого молодаго человѣка, котораго видѣла въ театрѣ?

СУСАННА, живо въ сторону.

Я!..

(Жестами ему: о, нѣтъ! нѣтъ! божусь вамъ!..)

ПОЛКОВНИКЪ, вздохнувъ, говоритъ особо.

А! начало мнѣ по сердцу!.. (*Вслухъ.*) Такъ это правда? Т. е. ты не любишь никого изъ молодыхъ людей? да?

СУСАННА, боясь проговориться, толкаетъ Женевьеву.

Да ну же! Отвѣчай за меня!..

ЖЕНЕВЬЕВА, полковнику.

Какъ! Чтобъ *мы* стали любить молодыхъ людей... Фи! Полковникъ! За кого вы *насъ* считаете?..

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

Уфъ! Какъ сто пудовъ тяжести отпало отъ моего сердца! (*Вслухъ.*) Ну, если такъ, то я хочу предложить тебѣ... т. е, нѣтъ.. я, вотъ видишь... знаю кой-кого... (*Особо.*) Ну, ужъ это черезъ чуръ ясно.

СУСАННА, особо.

Ай! ай! Онъ опять началъ сбиваться...

ПОЛКОВНИКЪ.

Знаю одного... который всегда чувствовалъ... но, вчера только убѣдился, что, просто, жить безъ тебя не можетъ!.. Даже, хоть это дурно и глупо, но вчера онъ ужъ былъ въ Парижѣ у своего нотаріуса, приготовилъ контрактъ, и такъ, на всякій случай, свадебную корзинку... не правда ли? Вѣдь это изъ рукъ вонъ глупо?..

СУСАННА, особо,

Возможно ли!.. Напротивъ: очень умно!

ПОЛКОВНИКЪ.

Но вотъ что, душа моя: онъ ужъ человѣкъ-то не молодой... Однако жъ и не старичишка какой нибудь.

СУСАННА, тихо Женевьевѣ.

Ахъ! Да что жъ онъ не скажетъ яснѣе?.. А еще умѣетъ говорить.

ПОЛКОВНИКЪ.

Однимъ словомъ, душа моя, это храбрый, честный малый, посредственнаго ума, но и не дуракъ... не очень привлекательной наружности, но и не хуже многихъ... а сверхъ того во всѣхъ случаяхъ, онъ позволитъ прежде искрошить себя на тысячу кусковъ, нежели причинитъ тебѣ хоть малѣйшее огорченіе!... Ахъ, Сусанна! Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, если отгадаете, кто это?

СУСАННА, тихо.

Ахъ, онъ, кажется, никогда не кончитъ!

ЖЕНЕВЬЕВА.

Къ чему тутъ лукавить, полковникъ? Я давно вижу, что это *вы!*

ПОЛКОВНИКЪ.

Ну, такъ. Да, чортъ возьми! Я! я!

СУСАННА, особо съ радостію.

Ахъ!..

(Бросается къ нему и цѣлуетъ его руки.)

ПОЛКОВНИКЪ.

Какъ! Мой ангелъ!.. Такъ это тебѣ противно? Ты въ состояніи хоть немного полюбить меня?...

СУСАННА, тихо Женевьевѣ.

Немного! Не сказать ли ему, что: очень! очень много!

ЖЕНЕВЬЕВА, тихо ей.

Боже васъ сохрани! Послѣ свадьбы скажете!

СУСАННА.

Ну, такъ теперь скажи хоть ты!

ПОЛКОВНИКЪ, удивляясь ихъ жестамъ.

Что же это у васъ тамъ? Неужли я обманулся?...

ЖЕНЕВЬЕВА, подталкивая Сусанну.

Что вы, полковникъ!... Барышня сама не своя... но не смѣетъ изъяснить вамъ... потому что ея чувства, или расположеніе...

СУСАННА, тихо ей.

У! Какъ ты скверно говоришь. (*Стучитъ ногой.*)

ПОЛКОВНИКЪ, смотря на Сусанну.

Молчи, молчи, Женевьева! Ея глаза лучше и яснѣе скажутъ, чѣмъ всѣ твои слова... (*Слѣдуя за жестами Сусанны.*) Да... да... Сусанна... Я тебя понимаю... и цѣною жизни готовъ купить это счастіе.

А чтобъ тебѣ же угодить,
Такъ я во всемъ хочу открыться:
Чрезъ эту свадьбу, можетъ быть,
Тебѣ даръ слова возвратится.
Вѣдь ты отъ этого не прочь? (*Особо.*)
И докторъ вѣрно удивится,
Что онъ, желая ей помочь,
Мнѣ далъ рецептъ на ней жениться.

СУСАННА, тихо Женевьевѣ.

Ахъ, Женевьева, я такъ счастлива, что не могу молчать...

ЖЕНЕВЬЕВА, также.

Нѣтъ! Нѣтъ! Я вамъ мигну, когда можно дать волю язычку...

СУСАННА.

Да я ему скажу о моей любви тихонько, на ушко.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ПИТРЕПИДЪ, ПОТОМЪ ПИШАРДЪ.

ПИТРЕПИДЪ, докладывая.

Мадамъ Пишардъ!

ЖЕНЕВЬЕВА, также Сусанна.

Берегитесь! Ни гу-гу!

СУСАННА, тихо.

О, я теперь ужъ не боюсь ее.

ПОЛКОВНИКЪ, весело.

Ну, мой другъ, теперь у насъ подымется грызня; тѣмъ лучше.

(Входитъ г-жа Пишардъ. Питрепидъ уходитъ.)

ПИШАРДЪ.

Простите меня, братецъ, хоть я и дала слово не быть никогда въ этомъ домѣ, но...

ПОЛКОВНИКЪ.

Но, получа ваше письмо, я вижу, что вы напрасно такъ разобидѣлись, сестрица.

ПИШАРДЪ.

Да... да... вы всѣ въ пріятной увѣренности, что мамзель Сусанна дѣвица скромная и разсудительная.

СУСАННА, тихо Женевьевѣ.

У! Какъ она не меня косится!..

ЖЕНЕВЬЕВА, также.

И это не къ добру.

ПИШАРДЪ.

Такъ только для ея пользы я и рѣшилась еще разъ придти сюда...

(СУСАННА, жестами. Для меня, сударыня? Благодарю васъ!)

ПОЛКОВНИКЪ.

Видите ли, какъ она благодаритъ васъ за вашу доброту...

(Сусанна съ иронической улыбкой приседаетъ передъ нею. Пишардъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же, но со злостію.)

ПИШАРДЪ.

Не за что, не за что, моя милая.

ПОЛКОВНИКЪ.

Ну, такъ что же, сестрица, какія новости? Нельзя ли узнать?

ПИШАРДЪ.

О, я не скрываю ничего, когда дѣло касается до чести фамиліи. Знайте же, эта дѣвушка не такъ проста, какъ вы всѣ думаете... она любитъ кого-то, и любитъ тайно.

ПОЛКОВНИКЪ, съ иронією.

Да! Кого-то? Въ самомъ дѣлѣ?

ПИШАРДЪ.

У г-жи Шамбульянъ только и толкуютъ, что объ этомъ.

СУСАННА, тихо Женевьевѣ.

Тамъ собраніе всѣхъ старыхъ сплетницъ.

ПОЛКОВНИКЪ, смѣясь.

Чортъ возьми! Такъ пусть же ваши пріятельницы толкуютъ и злятся хорошенько... Любовь Сусанны одобрена — мною... (*Беретъ подъ руку Сусанну.*) Поздравьте же скорѣе: я женюсь на ней.

ПИШАРДЪ.

Какъ! Что? Постойте; это вздоръ! Это невѣроятно.

ПОЛКОВНИКЪ.

Почему же? Это доказываетъ, что я не похожу на вашего Альфонса и не давалъ письменнаго обѣщанія жениться непремѣнно на васъ. Вы знаете, что я отдалъ на волю Сусанны выбирать кого ей угодно, и виноватъ ли, что выборъ ея палъ на меня? (*Сусанѣ съ нѣжностію.*) Не правда ли, мой ангелъ? Ты сама желаешь быть за мною!

(СУСАННА, жестами. Да, да! желаю быть за вами.)

ПИШАРДЪ.

Но разсудите, полковникъ...

ПОЛКОВНИКЪ, горячась.

Не хочу!

ПИШАРДЪ.

Вы дѣлаете глупость...

ПОЛКОВНИКЪ.

Тѣмъ лучше! Ужъ это наше дѣло.

ПИШАРДЪ.

Этой свадьбы не бывать!

ПОЛКОВНИКЪ.

Будетъ!

ПИШАРДЪ.

Никогда!

ПОЛКОВНИКЪ, выходя изъ себя.

Сегодня же!.. Эй! Женевьева! Принеси сюда подарки и свадебную корзинку, которую я привезъ изъ Парижа... Сказать, чтобъ сейчасъ пришелъ нотаріусъ! Г-жа Пишардъ будетъ свидѣтельницей. Скорѣй!... скорѣй!...

(Женевьева, уходя, дѣлаетъ знакъ Сусаннѣ, чтобъ она молчала.)

ПИШАРДЪ, особо.

Да онъ, просто, сумасшедшій!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ЖЕНЕВЬЕВЫ.

СУСАННА, особо.

Ахъ, какъ онъ милъ! Чудо!

ПОЛКОВНИКЪ, съ торжествомъ.

Вотъ теперь вы повѣрите всему.

ПИШАРДЪ, холодно.

Напротивъ, все вздоръ! Мнѣ стоитъ только сказать два слова, чтобъ остановить ваши затѣи.

ПОЛКОВНИКЪ.

Два слова?.. Сестрица!... (*Обнимая Сусанну.*) Нѣтъ, я не вѣрю... Не плачь, Сусанна... это ложь... бабьи сплетни... Успокойся... (*Къ Пишардъ.*) Прошу васъ доказать то, что вы сказали.

ПИШАРДЪ, улыбаясь.

О, это не трудно... Впрочемъ, странно, что человѣкъ вашихъ лѣтъ такъ простъ и неопытенъ.

Она, конечно, васъ ласкаетъ,
И обнимаетъ каждый разъ,
И даже очень уважаетъ...
Да только любитъ-то не васъ.
До нѣжной страсти гдѣ коснется,
Тутъ и расчетъ пойдетъ другой:
Старикъ — при старомъ остается,
А молодой — при молодой.

ПОЛКОВНИКЪ.

Г-жа Пишардъ!

ПИШАРДЪ.

Да, сударь! Какъ вчера вы уходили со двора, то молодой человѣкъ, который видѣлъ васъ въ театрѣ, былъ тайно проведенъ въ садовую калитку.

СУСАННА, особо.

А!

ПОЛКОВНИКЪ.

Это вздоръ! Ложь!

ПИШАРДЪ, обидѣвшись.

Такъ Цюрихъ, кучеръ г-жи Шамбульянъ, видѣлъ все! И этотъ молодецъ вошелъ въ калитку — а ушелъ изъ окна.

ПОЛКОВНИКЪ.

Изъ окна!

СУСАННА, особо.

О, злая женщина!..

ПОЛКОВНИКЪ, смотря на Сусанну.

Чортъ возьми! Если-бъ я смѣлъ подумать...

ПИШАРДЪ.

И представьте, что начали болтать вездѣ... даже нѣкоторые стали увѣрять, что этотъ визитъ былъ не первый...

СУСАННА, особо, въ большомъ волненіи.

О, Боже мой! Терпѣніе мое выходитъ изъ границъ! Я не могу молчать!

ПИШАРДЪ.

Да, да, и болтаютъ также, что какъ только вы уходите со двора, то онъ всегда успѣваетъ придти сюда тою же дорогою...

СУСАННА, выходя изъ себя, невольно произноситъ.

Ахъ! какой ужасъ!.. Это не правда! не правда! ложь! клевета!..

ПОЛКОВНИКЪ, въ изумленіи.

Что я слышу!..

ПИШАРДЪ, тоже.

Возможно ли!!.

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, ПИТРЕНИДЪ и ЖЕНЕВЬЕВА, неся корзинку.

ПИТРЕНИДЪ и ЖЕНЕВЬЕВА.

Она заговорила!!. (*Остаются неподвижными.*)

СУСАННА, съ колкостію г-жѣ Пишардъ.

Да! да! я всегда буду говорить, чтобъ уничтожить ваши клеветы! Всегда готова говорить, что у васъ скверный языкъ! Буду говорить, что вы злая болтунья, которая въ состояніи сплести всякій вздоръ! всякую глупость!

ПИШАРДЪ и ПОЛКОВНИКЪ.

Ахъ, Боже мой! Боже мой!

ПИТРЕНИДЪ.

Чудо, какъ срѣзала.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Ахъ! худо!

ПИШАРДЪ.

А! стало быть, доктора и васъ она обманула?..

(Полковникъ, отталкивая Сусанну, которая хочетъ ему что-то сказать.)

ПОЛКОВНИКЪ.

Несчастная! оставь меня!.. прочь!!

Ты обмануть меня рѣшилась,
Сочла за пошлаго глупца,
Такъ навсегда теперь лишилась
Во мнѣ и друга и отца!

СУСАННА, съ энергіей.

Ахъ! я должна была теперь проговориться,
Могла ли я молчать, внимая клеветѣ!
Когда за честь свою — нельзя мнѣ заступиться,
Такъ что жъ осталось мнѣ, безродной сиротѣ?..

ПОЛКОВНИКЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! тебя я оставляю!
И этой свадьбѣ не бывать!

(Бросая на полъ корзинку.)

Я эти вздоры проклинаю!..

(Женевьева и Интрепидъ хотятъ говорить.)

Молчать! Не смѣйте возражать!..

СУСАННА, удерживая за руку.

Ахъ, ради Бога! погодите...

ПОЛКОВНИКЪ, отдергивъ свою руку.

Нѣтъ, нѣтъ прочь съ глазъ моихъ, змѣя!...

СУСАННА, падая на колѣни.

Я плачу... плачу... посмотрите!..

ПОЛКОВНИКЪ, растроганный.

Ты плачешь?... (Опомнясь) Нѣтъ, не вѣрю я!

ПОЛКОВНИКЪ.

Ты обмануть меня рѣшилась,
Сочла за пошлаго глупца,
И навсегда теперь лишилась
Во мнѣ и друга и отца! (Уходитъ.)

СУСАННА.

Не знаю въ чемъ я провинилась?
Что за минуту до вѣнца
Я неожиданно лишилась
Въ васъ и супруга и отца!

ПИШАРДЪ, особо.

Я отъ соперницы отбилась,
На ней съ досады нѣтъ лица!..
Она навѣкъ его лишилась!
А я поймала молодца! (Уходитъ.)

ЖЕНЕВЬЕВА И ИНТРЕПИДЪ.

Кто ожидалъ, чтобъ такъ случилось?
Молчала бъ лучше до конца;
Но, вдругъ, на зло проговорилась,
И нѣтъ ни мужа, ни отца!

(Интрепидъ уходитъ за полковникомъ.)

Всѣ въ мигъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

СУСАННА И ЖЕНЕВЬЕВА.

СУСАННА, все на колѣняхъ, поддерживаемая Женевьевой.

Ахъ! Женевьева!... (*Всхлипывая.*) Что со мною будетъ?...

ЖЕНЕВЬЕВА, тоже со слезами.

Ободритесь, успокойтесь, сударыня...

СУСАННА.

Все погибло? Онъ ненавидитъ, презираетъ меня...

ЖЕНЕВЬЕВА.

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не такой человѣкъ!.. Тутъ замѣшалось глупое легковѣріе... но онъ все еще васъ любитъ... подите къ нему...

СУСАННА.

Какъ! Ты падѣешься?

ЖЕНЕВЬЕВА.

Да... да... и вы, я думаю, тоже...

СУСАННА.

Ахъ, это правда... хоть онъ и былъ въ большомъ гнѣвѣ, но я замѣтила, какъ показались крупныя слезы на лицѣ его... Онъ даже пожалъ мнѣ руку... Я не понимаю, зачѣмъ ему было такъ ужасно разсердиться?

ЖЕНЕВЬЕВА.

А зачѣмъ же вы прежде времени заговорили?

СУСАННА.

Ахъ! Боже мой! Что же за бѣда? Мадамъ Пишардъ во-сто разъ хуже и — больше моего говоритъ, и ее не бранятъ за это.

ЖЕНЕВЬЕВА.

Она и вы, большая разница... Мадамъ Пишардъ такъ ужъ родилась, чтобъ говорить больше всѣхъ. Но для васъ это гибельно... Ступайте же...

СУСАННА, въ нетерпѣніи.

Но въ чемъ я пойду оправдываться? Женевьева, ты хотѣла мнѣ объяснить все... говори, я требую! Что такое они обо мнѣ думаютъ?

ЖЕНЕВЬЕВА.

А вотъ то, сударыня, что этотъ молодой человѣкъ, просто, вашъ любовникъ.

СУСАННА.

Возможно ли!

ЖЕНЕВЬЕВА.

Что вы съ нимъ заодно всѣхъ здѣсь обманули, и проч. и проч:...

СУСАННА.

Какъ! Что ты сказала?... (*Рышительнымъ тономъ.*) О! такъ я хочу, я должна видѣть полковника! Я разскажу ему все... (*Увидя Интрепида.*) А! вотъ твой мужъ!..

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И ИНТРЕПИДЪ, ВХОДИТЪ СЪ БОТФОРТАМИ И ДОРОЖНЫМЪ ПЛАТЬЕМЪ.

ЖЕНЕВЬЕВА, МУЖУ.

Что это! Куда ты, голубчикъ?

ИНТРЕПИДЪ, печально, почти плачетъ.

Увы! Мадамъ Женевьева! я пришелъ съ тобой проститься!.. Мы сейчасъ ѣдемъ.

СУСАННА, испугавшись.

Ѣдете! Куда? Куда?

ИНТРЕПИДЪ.

Уфъ! Полковникъ сказалъ, что: на самый, конецъ свѣта... такъ, что даже безъ отдыха и перемѣны, чтобъ никто насъ догнать не могъ... Ужъ послалъ за лошадьми; на минуту только *мы* остановимся въ Бретани, чтобъ *намъ* жениться на мадамъ Пишардъ.

СУСАННА.

Жениться! На г-жѣ Пишардъ?

ИНТРЕПИДЪ.

Да-съ; *мы* теперь съ удовольствіемъ готовы на эту глупость! Онъ въ такомъ отчаяніи, что даже назвалъ мадамъ Пишаръ почтенной женщиной. Ахъ! барышня! барышня! вѣдь надо же, чтобъ вы, къ несчастію, такъ славно заговорили!

СУСАННА.

И онъ тоже! Морицъ! Поди, скажи полковнику, что я прошу его не уѣзжать, что я хочу говорить съ нимъ.

ИНТРЕПИДЪ.

Невозможно: онъ рѣшительно запретилъ,

СУСАННА.

Такъ я пойду сама...

ИНТРЕПИДЪ.

Нѣтъ! Онъ васъ не приметъ...

СУСАННА.

Почему же?..

ИНТРЕПИДЪ.

Онъ васъ и видѣть не хочетъ! Впрочемъ, теперь ужъ и безполезно. (*Смотря въ окно.*) Вотъ, запрягаютъ и лошадей.

СУСАННА, съ трепетомъ.

Ахъ, Боже мой!

ИНТРЕПИДЪ.

Жена! Я вспомнилъ, что у тебя ключи отъ чемодановъ; теперь они намъ необходимы...

СУСАННА, тихо Женевьевѣ.

Не отдавай ему, старайся всячески задержать...

ЖЕНЕВЬЕВА, ей;

Не безпокойтесь, не скоро найдетъ...

(За кулисами слышенъ громкій голосъ мадамъ Пишардъ) Морицъ! Морицъ!

ИНТРЕПИДЪ.

Ну, такъ и есть? Это контръ-альтъ мадамъ Пишардъ, будущей полковницы?—(*Слышенъ звонъ.*) А, это колокольчикъ полковника... (*Съ чувствомъ тихо женѣ.*) Душа моя! любезная половина моего сердца! не забудь, хоть какъ нибудь со мной проститься... и когда я буду на самомъ краю свѣта, прикуси язычекъ и не смотри на душегубцевъ! (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XI

СУСАННА И ЖЕНЕВЬЕВА.

СУСАННА, очень печально.

Ахъ! онъ ѣдетъ!... и нѣтъ ни какой надежды его разувѣрить!... Ахъ! постой!... можетъ быть, я еще успѣю хоть оправдаться... (*Бѣжитъ къ столу и пишетъ скоро.*) Да... я заставлю себя выслушать...

ЖЕНЕВЬЕВА.

Вотъ это такъ!... Напишите къ нему... да поскорѣе... постарайтесь разжалобить... (*Смотря изъ за плеча.*) Ай! ай! барышня! да къ кому это вы пишете.

СУСАННА, продолжая писать.

Къ этому молодому человѣку...

ЖЕНЕВЬЕВА.

Ахъ! Творецъ мой! Да вы никакъ обезумѣли.

СУСАННА.

Нѣтъ... это... приведетъ въ разумъ моего благодѣтеля.

ЖЕНЕВЬЕВА,

Да васъ и безъ того всѣ подозрѣваютъ...

СУСАННА, свертывая письмо.

Такъ надо же это кончить...

ЖЕНЕВЬЕВА.

Хоть убейте, ничего я не понимаю!

СУСАННА.

Да это и не нужно... (*Хочетъ запечатать и вдругъ останавливается.*) Нѣтъ! безъ печати и легче и скорѣй: № 3-й.—Женевьева, если ты хочешь спасти мнѣ жизнь, отнеси это письмо.

ЖЕНЕВЬЕВА, смотря на нее.

Неужели разсудокъ измѣняетъ вамъ?,..

СУСАННА, таинственно.

Но, слушай хорошенько... когда ты выйдешь отсюда, то постарайся попасть на глаза полковнику...

ЖЕНЕВЬЕВА, удивясь.

Полковнику!...

СУСАННА, смотря въ ту дверь, которая ведетъ въ садъ.

Ахъ! такъ и есть... вотъ онъ... прогуливается въ маленькой аллеѣ... Бѣги, бѣги, но сдѣлай такъ, какъ будто ты отъ него прячешься... Дай замѣтить ему, что хочешь скрыть отъ него это письмо... Понимаешь?

ЖЕНЕВЬЕВА.

Понимаю! спрятать письмо такъ, что бъ онъ увидѣлъ... Да что жъ это такое?... Ну, такъ и быть! Иду!.. тутъ, какъ видно, скрывается претонкая штука, потому что дѣло то не на шутку запуталось... (*Бѣглымъ шагомъ скрывается въ дверь съ правой стороны.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

СУСАННА, одна.

Пожалуйста, не мѣшкай, Женевьева!... (*Слѣдуетъ глазами за нею.*) Что, если отъ неловкости, она испортитъ или перепутаетъ все дѣло? Нѣтъ! хорошо! очень хорошо... вотъ бросилась сломя голову мимо его... и глупая, чуть чуть, не уронила его... чудесно! держитъ письмо почти на воздухѣ... Неужли она думаетъ, что это вовсе незамѣтно?... Ахъ, какая неловкая!... А! онъ схватилъ!... Чудо! чудо! Вотъ этого только я и желала! Хорошо! О, теперь я раздѣлаюсь съ вами, г-нъ полковникъ! (*Смотритъ въ дверь.*) Вотъ... вотъ... (*музыка играетъ ретурнель.*) Онъ идетъ сюда!... и какъ сердито смотритъ во всѣ стороны... Подите, подите сюда, негодный ревнивецъ...

(Отворяетъ въ-половину дверь на лѣвой сторонѣ, и замѣтивъ полковника, осторожно подходитъ къ двери, которая во второмъ планѣ съ правой стороны, и скрывается въ нее.

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

НИТРЕНИДЪ, потомъ ПОЛКОВНИКЪ.

НИТРЕНИДЪ, показываясь.

Нѣтъ никого!.. Можно...

ПОЛКОВНИКЪ.

Точно ли никого?

НИТРЕНИДЪ, входя.

Барышня, должно быть, ушла въ свою комнату...

ПОЛКОВНИКЪ, имѣетъ письмо въ рукахъ.

Какая дерзость!.. Я думалъ, что она убита горестью, раскаяніемъ — и что же?... Она осмѣлилась писать къ нему! (*Перечитываетъ отрывисто.*) «О, Боже мой! да я проклинаю день, въ который васъ увидѣла!» (*Интрепиду съ бѣшенствомъ.*) Понимаешь ли ты, что это значитъ?

НИТРЕНИДЪ.

Кажется... она, видите, проклинаетъ день...

ПОЛКОВНИКЪ.

Нѣтъ! Она считаетъ этотъ день лучшимъ въ своей жизни!... (*Продолжал.*) «Вы объ-

«щали еще разъ видѣться со мною, и не при«ходите!... Я умоляю васъ!.. ваше присут«ствіе для меня теперь необходимо!...» О, какое вѣроломство! Она смѣетъ назначать ему свиданіе!... она ждетъ его!.. Хорошо! Но, я этимъ не удовольствуюсь...

ПИТРЕПИДЪ.

Что же вы хотите сдѣлать?...

ПОЛКОВНИКЪ.

Теперь уже я не могу любить ее; но долгъ мнѣ велитъ спасти ее отъ обольстителя! Онъ долженъ жениться на ней. Ступай, отнеси къ нему это письмо; онъ живетъ въ третьемъ померѣ, ты знаешь?

ПИТРЕПИДЪ.

Какъ! къ этому молодому человѣку?

ПОЛКОВНИКЪ.

Да.

ПИТРЕПИДЪ.

Помилуйте! Да вѣдь эдакъ онъ придетъ сюда...

ПОЛКОВНИКЪ.

Тѣмъ лучше: я того-то и хочу.

ПИТРЕПИДЪ, съ сторону.

Ну, пошла потѣха... Кажется, всѣ рехнулись!.. (*Ему.*) Однако, вспомните, что лошади у подъѣзда, и мадамъ Пишардъ давно засѣла въ карету.

ПОЛКОВНИКЪ.

Я остаюсь! А ей скажи, чтобъ она ѣхала одна, что меня задержали неожиданныя обстоятельства; я, вѣрно, догоню ее на первой станціи. Скажи почталіону, чтобъ падѣлали при отъѣздѣ больше шуму; пусть всѣ подумаютъ, что я точно уѣхалъ.

ПИТРЕПИДЪ.

Но...

ПОЛКОВНИКЪ.

Ни слова! Или я прогоню тебя, — твою жену, всѣхъ васъ!.. маршъ!

ПИТРЕПИДЪ, особо.

А! да онъ и не шутя свихнулъ съ ума! Но все равно, лишь бы мадамъ Пишардъ провалилась сквозь землю!

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ПОЛКОВНИКЪ, одинъ.

Да! теперь ясно, что она безсовѣстно обманывала, соглашаясь отдать мнѣ свою руку... Хоть она и рада была выйдти замужъ, но въ это время думала о другомъ!... (*Утирая слезу.*) А ты, старый усачъ, хотѣлъ отдать за нее жизнь свою, и что же?.., О! по дѣломъ. Не дѣлай глупостей! Да! не надо было забывать, что я скорѣе отецъ ей, а не женихъ. (*Оглядываясь.*) Однако, даже и теперь... если меня здѣсь увидятъ, то опять выйдетъ глупость... Надо найти какое нибудь мѣстечко... (*увидя налѣвой сторонѣ въ половину отворенную дверь.*) А!... вотъ здѣсь, я думаю, лучше всего... (*Входитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

ПОЛКОВНИКЪ, въ кабинетѣ, СУСАННА, показывается съ правой стороны.

СУСАННА.

Очень, очень хорошо! Вотъ точно, какъ будто я сама привела его туда.

ПОЛКОВНИКЪ, отворивъ немного дверь.

Отсюда я могу все слышать...

СУСАННА, особо.

Да, да, я надѣюсь!... вы будете здѣсь на очной ставкѣ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Пусть эта коварная и не подозрѣваетъ, что я...

СУСАННА, улыбаясь.

Да, она за пять сотъ миль отъ васъ? (*Слышенъ стукъ отъѣзжающей кареты, хлопанье бича.*)

ПОЛКОВНИКЪ, слушая.

А! хорошо! карета уѣхала!... и всѣ думаютъ, что я тоже уѣхалъ!... Первый разъ въ жизни прибѣгнулъ я къ хитрости, и вижу, что она мнѣ удалась.

СУСАННА, слушая.

Скажите, пожалуйста, какая хитрость!... (*Грозя ему пальцемъ.*) Погодите же, мой хитрецъ, вы почувствуете сами, каково безъ вины быть виноватой... (*Переходитъ сцену,*

отворяетъ дверь съ правой стороны, показывая, что она сейчасъ вошла.)

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

А! это она!...

СУСАННА, громко вздыхаетъ.

Вотъ они и уѣхали!... О, нѣтъ, тотъ кого я такъ люблю, замѣнитъ мнѣ всѣхъ!... *(Бросаетъ взглядъ на кабинетъ.)* Да онъ близко, почти подлѣ меня...

ПОЛКОВНИКЪ.

Я бы сейчасъ хотѣлъ уйти отсюда... но я точно связанъ по рукамъ и по ногамъ.

СУСАННА, тихо.

Только поймётъ ли онъ меня? Въ состояніи ли мой голосъ тронуть его сердце?...

ПОЛКОВНИКЪ, растроганный.

О, она должна быть волшебница! Теперь только почувствовалъ я, какая особенная пріятность въ ея голосѣ... *(Слушая.)* А! вотъ, кажется, отворяютъ маленькую дверь въ садъ...

СУСАННА, особо.

О, у этихъ ревнивцевъ удивительный слухъ...

ПОЛКОВНИКЪ.

Да, да, это вѣрно онъ, негодяй!

СУСАННА.

Какъ бьется мое сердце!...

ПОЛКОВНИКЪ.

Вотъ онъ идетъ... и каждый шагъ
Мнѣ прямо въ сердце отдается...
Клянусь Творцемъ, что этотъ врагъ
Въ своихъ расчетахъ ошибется!...

СУСАННА, особо.

Ахъ, признаюсь, опасный шагъ...
Но если дѣвушка возьмется,
То молодой или старый врагъ
Съ оружьемъ часто въ плѣнъ сдается.

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ и АЛЬФОНСЪ, у стеклянной двери, которая ведетъ изъ сада; Сусанна нарочно не замѣчаетъ его появленія.

АЛЬФОНСЪ, стоя въ дверяхъ.

Препятствій я не нахожу,
Хоть и тайкомъ вхожу...
И время — какъ ни погляжу,
Чудесно провожу!...
Живу себѣ и не тужу,
Интрижки завожу:
Когда старухъ съ ума свожу
Собой я дорожу,
Когда жъ молоденькихъ кружу
И самъ съ ума схожу,
А какъ про всѣхъ про нихъ сужу
Я всякому скажу.....
Нѣтъ, извините, погожу,
Бѣда, какъ докажу:
Всѣхъ женщинъ я вооружу,
И больно разсержу.

Наконецъ, я опять васъ вижу! О счастіе! О купидончикъ мой!

СУСАННА, показывая удивленіе.

Какъ! вы осмѣлились придти сюда, несмотря на мое запрещеніе?...

ПОЛКОВНИКЪ, особо съ досадою.

О, притворщица!

АЛЬФОНСЪ.

Чтобъ только еще разъ увидѣться съ вами, я презрѣлъ всѣ опасности! Я былъ увѣренъ, что вы здѣсь одни... и притомъ прелестная записочка, которую, мнѣ кажется, я очень понялъ...

ПОЛКОВНИКЪ, особо отрывисто.

Да, развѣ только пошлый глупецъ не могъ бы...

СУСАННА.

Нѣтъ, нѣтъ; я вовсе не имѣла намѣренія... вы совершенно не поняли меня...

АЛЬФОНСЪ.

Пусть и такъ, но за то вы очень хорошо поняли меня. Я очень виноватъ, что не пришелъ ранѣе, какъ обѣщалъ вамъ... *(Смотря на свою руку.)* Впрочемъ, вы видите, что дѣло кончилось совсѣмъ не такъ, какъ я надѣялся...

СУСАННА, съ участіемъ.

Ахъ! Боже мой! Вы ранены!...

АЛЬФОНСЪ.

Такъ... немножко... *(Особо.)* Жаль, что я не обвязался чернымъ платкомъ: я бы показался ей въ новомъ интересѣ... *(Смѣло протягиваетъ руку.)* Однако жъ, эта рука еще въ состояніи всегда защищать васъ... *(Дѣлаетъ гримасу.)* Ай! ай!

СУСАННА.

Вы страдаете! Бѣдный молодой человѣкъ...

АЛЬФОНСЪ, нѣжно.

Ахъ! подлѣ васъ пріятно и страдать!...

ПОЛКОВНИКЪ, также.

О, душегубецъ!

СУСАННА, придвигая большія кресла.

Садитесь... садитесь...

ПОЛКОВНИКЪ.

Какъ она за нимъ ухаживаетъ... А я готовъ повѣсить его на первое дерево!

АЛЬФОНСЪ.

О! какъ бы я хотѣлъ теперь сабельнымъ ударомъ отмстить моему злодѣю!

СУСАННА.

Садитесь же... я требую, я прошу васъ... надо, чтобъ вы успокоились... Не дать ли вамъ подушку?.. *(Сажаетъ и обкладываетъ его подушками.)*

АЛЬФОНСЪ, желая освободиться.

Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ, мой ангелъ!...

СУСАННА.

Пожалуйста, слушайтесь меня! Для васъ теперь опасно всякое неосторожное движеніе... *(Кладетъ подушку ему подъ голову)* Вотъ... это поддержитъ вашу слабую голову...

АЛЬФОНСЪ, хочетъ взять ее руку...

Но, позвольте, душа моя...

СУСАННА.

А эту подушку положимъ подъ руку... и оставайтесь въ этомъ положеніи, не смѣйте даже пошевелиться. Съ этимъ только условіемъ я согласна васъ оставить у себя.

АЛЬФОНСЪ, дѣлаетъ движеніе встать.

Но позвольте мнѣ прежде высказать вамъ мои пламенныя...

СУСАННА, удерживаетъ его.

Боже васъ сохрани! Вы ранены; будьте какъ можно хладнокровнѣе... а не то, при малѣйшемъ движеніи — я уйду и спрячусь.

АЛЬФОНСЪ, особо.

Чортъ возьми! Преневыгодное положеніе для пламеннаго сердца!... Но, мы еще увидимъ...

СУСАННА, особо.

Какъ бы его заставить оправдать меня?...

АЛЬФОНСЪ, оглядывая кругомъ себя.

Да это прелесть!... этотъ павильонъ... просто, храмъ вкуса!... *(Улыбаясь.)* Теперь только недостаетъ намъ какого нибудь почтеннаго чародѣя!

СУСАННА, особо, смотря на кабинетъ.

А мнѣ кажется, что и въ этомъ здѣсь нѣтъ недостатка. *(Задумывается.)*

АЛЬФОНСЪ, показывая на кабинетъ, гдѣ полковникъ.

Неужели? Стало быть, онъ у васъ гдѣ нибудь скрывается? Ужъ не тамъ ли?...

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

Это что такое?

АЛЬФОНСЪ.

Но отъ чего жъ вы такъ задумчивы... даже немножко безпокойны?...

СУСАННА.

Ахъ! Я все думаю о вчерашнемъ нашемъ свиданіи... оно было такъ неожиданно...

АЛЬФОНСЪ, съ жаромъ.

О, клянусь вамъ, что эти сладостныя минуты никогда не изгладятся изъ моей памяти!

ПОЛКОВНИКЪ.

А! вотъ оно!

СУСАННА, особо.

Что это? Онъ совсѣмъ не то говоритъ, что нужно.

АЛЬФОНСЪ.

Не бойтесь же за меня, умоляю васъ! Надо быть величайшимъ негодяемъ, чтобъ такъ скоро забыть все это, или говорить хладнокровно о вашихъ ласкахъ...

СУСАННА, особо, кашляя.

Ну, если онъ будетъ все такъ говорить, то бѣда моя!

(Полковникъ безпокоится, перемѣняя ежеминутно мѣсто, гдѣ спрятанъ.

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

Никогда не стоялъ я на такихъ глупыхъ бивуакахъ! Негдѣ повернуться...

СУСАННА.

Послушайте: мнѣ, право, обидно, что вы.. какъ будто не хотите во мнѣ замѣтить ни какой перемѣны. Развѣ вы не слышите? Вѣдь я ужъ теперь говорю съ вами!

АЛЬФОНСЪ.

Ахъ! да! да! въ самомъ дѣлѣ! Но отчего жъ вы вчера лишили меня счастія слышать этотъ плѣнительный голосокъ?...

СУСАННА.

Оттого, что вчера я не могла говорить,—я была нѣма.

АЛЬФОНСЪ.

Нѣма!

СУСАННА.

Да, сударь, и съ давнихъ лѣтъ.

АЛЬФОНСЪ.

Серьезно?... *(Удивленный встаетъ.)* Такъ постой же, можетъ быть, я дѣлаю большую глупость...

СУСАННА.

Нѣтъ, напротивъ, вы поступили очень умно: вы возвратили мнѣ даръ слова.

АЛЬФОНСЪ, смѣясь.

Я?... Позвольте, я никогда не учился медицинѣ... какъ же это я?...

СУСАННА.

Ужъ я не знаю, только всѣ увѣряютъ, что вы... и я прошу васъ открыть мнѣ этотъ важный секретъ.

АЛЬФОНСЪ, смѣется болѣе.

Ха! ха! Если вы этого хотите... то чортъ меня возьми! я готовъ... *(Особо.)* солгать, что угодно.

(Полковникъ слушаетъ съ большимъ вниманіемъ.)

ПОЛКОВНИКЪ.

А! что же это значитъ!...

СУСАННА.

Да, да, я хочу знать, чѣмъ вы возвратили мнѣ даръ слова, и если вы угадаете причину, то я выйду за васъ замужъ.

АЛЬФОНСЪ.

За меня замужъ?

СУСАННА, смотритъ на кабинетъ.

Да-съ, здѣсь говорятъ, что это необходимо нужно, чтобъ умѣть говорить.

ПОЛКОВНИКЪ, особо.

Почему же она это знаетъ?...

АЛЬФОНСЪ, весело.

За меня замужъ!... Да вѣдь вы ужъ, кажется, замужемъ?

СУСАННА.

Съ чего вы это взяли?

АЛЬФОНСЪ.

Какъ! Такъ тотъ-то, стало быть, вовсепе... *(Особо.)* Такъ старикъ-то отецъ ея,—ну, это другой вопросъ... единственная дочь... понимаю... У нее славное имѣніе... все это теперь идетъ ко мнѣ—какъ нельзя лучше.

СУСАННА.

Что жъ?... Откройте мнѣ вашъ секретъ: я жду...

АЛЬФОНСЪ, улыбаясь.

А! погодите, это не такъ легко... знаете, возвратить даръ слова, особливо прелестной молодой дѣвушкѣ... *(Придумывая, что сказать.)* очень трудно! Даже, теперь ужъ я и не помню, какъ это я.... потому что у меня... есть на это разныя непостижимыя средства .. А! позвольте: вы заговорили въ ту минуту, какъ я шелъ мимо вашего окна, изъ котораго вдругъ мнѣ полетѣлъ въ голову цвѣтной горшокъ; вы за меня испугались, и....

СУСАННА, холодно.

Нѣтъ, не то.

АЛЬФОНСЪ.

Не то? А! такъ вотъ что: когда я вошелъ вчера къ вамъ, то моя завидная наружность вдругъ сдѣлала на васъ сильное впечатлѣніе...

СУСАННА.

Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ.

АЛЬФОНСЪ.

А! такъ и наружность въ сторону?—*(Почесывая лобъ.)* Ну, если я не найду этого креста, такъ опѣмѣю самъ, или прикушу языкъ.

ПОЛКОВНИКЪ, съ радостью, самъ съ собою.

Что я слышу! Неужели?...

АЛЬФОНСЪ, придумывая.

Ахъ! позвольте, вотъ что...

Когда хотѣлъ идти я драться,
Вы задрожали оттого...

СУСАННА.

Да, да, вотъ это можетъ статься,
Я такъ боялась за него... (*Смотря на кабинетъ.*)
И хоть обижена чрезмѣрно,
Но, не скрываюсь, пусть кричатъ...

(Посматривая лукаво на полковника.)

А кто скрывается, тотъ вѣрно
И явно выйдетъ виноватъ!
Тогда авось у насъ и пойдетъ на ладъ.

(Полковникъ выходитъ изъ кабинета.)

АЛЬФОНСЪ.

Какъ! Что вы говорите?... Могу ли я скрываться передъ вами?...

ПОЛКОВНИКЪ.

О, маленькая змѣя! Она выгнала меня изъ самой выгодной позиціи!... Какой стыдъ для національной гвардіи!

СУСАННА, посматривая на кабинетъ.

Да... да... повѣрьте, меня обвинятъ, тогда, какъ я для него только и рѣшилась на этотъ поступокъ.

АЛЬФОНСЪ, съ скромностію.

О, вы чрезвычайно добры!... Простите меня; хоть я не смѣлъ и думать обвинятъ васъ за это.

СУСАННА.

Ахъ, нѣтъ, если бъ онъ увѣрился въ своемъ несправедливомъ подозрѣніи, то не сталъ бы за мной шпіонить, а пришелъ бы и прямо сказалъ, что онъ кругомъ виноватъ и любитъ меня по прежнему...

АЛЬФОНСЪ.

О, простите, простите меня! (*Особо.*) Она, кажется, сбиваетъ меня съ толку (*Ей.*) Такъ вы это за меня такъ опасались? Какъ я счастливъ!

(Сусанна продолжаетъ обращаться украдкой къ полковнику.)

СУСАННА.

Разумѣется... когда я узнала, что жизнь моего друга въ опасности... то не могла понять, что со мною сдѣлалось? Я дрожала, хотѣла кричать... мнѣ казалось, что грудь моя разорвалась на части!... и вдругъ раздался голосъ... О, это былъ мой, мой голосъ... и закричала... я броспласъ на колѣни, и снова Господь услышалъ мою теплую молитву!

ПОЛКОВНИКЪ, приближаясь.

Милое дитя!

АЛЬФОНСЪ, въ восторгѣ.

О, какая нѣжность! какая любовь! Прелесть!

СУСАННА.

Увы! другой меня поблагодарилъ бы за эту нѣжность, а онъ... У! злой человѣкъ!

АЛЬФОНСЪ, приближаясь къ одной сторонѣ.

О, кляпусь вамъ, я готовъ! только простите меня!... (*Становится на колѣни.*)

ПОЛКОВНИКЪ, съ другой стороны, взявъ у нея портретъ.

И меня! и меня!... (*Становясь на колѣни, говоритъ съ сильнымъ чувствомъ.*) Если я не составлю твоего счастія, то пусть громъ разитъ меня на части!

(Сусанна понемногу отступаетъ, такъ что они остаются на колѣняхъ другъ противъ друга.)

АЛЬФОНСЪ, полковнику.

Ба! Это что такое? Что вы тутъ дѣлаете!...

ПОЛКОВНИКЪ.

Да то же, что и вы.

АЛЬФОНСЪ, вставая.

Но, я добиваюсь получить ея руку...

ПОЛКОВНИКЪ.

А я ужъ получилъ прощеніе... моей жены!

СУСАННА, съ крикомъ радости.

Его жена!... (*Цѣлуетъ его нѣсколько разъ.*) Я съ ума сойду!...

АЛЬФОНСЪ.

Его жена!! Такъ, стало быть вы не отецъ! Чортъ меня возьми!...

СУСАННА.

Нѣтъ, сударь, онъ будетъ моимъ мужемъ... Неужели вы такъ безтолковы!

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢЖЕ, ПИШАРДЪ, ЖЕНЕВЬЕВА ПЭНТРЕПИДЪ.

ПИШАРДЪ.

Ахъ, какое вѣроломство! Вы на ней женитесь, а меня заставили сидѣть два часа въ каретѣ, на солнцѣ! Это ужасно!

ПИТРЕПИДЪ, громко.

Браво, полковникъ!

ПОЛКОВНИКЪ.

Что дѣлать, мадамъ Пишардъ! Я хочу, чтобъ Сусанна истощила надо мной всевозможныя наказанія за мою опрометчивость.

СУСАННА, съ нѣжностію, взявъ его руку.

Любовь и вѣчная благодарность, вотъ вамъ мое лучшее наказаніе!

ПИШАРДЪ, поднявъ руки вверхъ.

Ахъ, за что я такъ унижена?...

ПИТРЕПИДЪ, еще громче.

Браво, полковникъ!!

АЛЬФОНСЪ, оправясь и приближась.

А! такъ меня хотѣли одурачить?... Нѣтъ! это такъ не пройдетъ!...

ПИШАРДЪ, узнавъ Альфонса, вскрикиваетъ.

Ахъ! Ты здѣсь, чудовище!... Мой Альфонсъ! Мой измѣнникъ! Ахъ, не могу! И радость и смерть!... *(Притворно падаетъ въ обморокъ ему на руки.)*

ПСЪ.

Какъ! Это онъ!

АЛЬФОНСЪ, особо.

Ай! ай! Это моя противница!... Проклятая судьба! За что ты меня такъ угнетаешь?... Господа, извините... мнѣ надо отдать кое-какія приказанія... Эй! человѣкъ! Поди сюда...

ПИТРЕПИДЪ, громко.

Браво, г. волокита!

АЛЬФОНСЪ.

Господа! вѣдь, право, это несносно!...

(Всѣ стараются посадить ее.)

СУСАННА.

Ахъ, бѣдная женщина!... Неужели, Альфонсъ, вы хотѣли обмануть ее?

ПОЛКОВНИКЪ.

Нѣтъ, мы не позволимъ вамъ такъ шутить надъ слабымъ поломъ.

АЛЬФОНСЪ.

Она то слабый полъ?

СУСАННА.

Да, вы такъ благородны, что, вѣрно, загладите свою вину.

АЛЬФОНСЪ.

Нѣтъ, позвольте... что вы! Вѣдь это просто ужасъ, что такое!...

ПИШАРДЪ, приходя въ себя, показываетъ бумагу, не вставая.

Нѣтъ, варваръ, ты будешь моимъ: у меня твое письменное обѣщаніе; а не то, мы опять будемъ судиться. *(Показываетъ бумагу.)*

ПОЛКОВНИКЪ, въ полголоса.

Смотрите, она васъ засудитъ и проглотитъ!

АЛЬФОНСЪ.

О, я этого не боюсь!

СУСАННА, тихо,

Вѣдь у нее, говорятъ, сорокъ тысячь ливровъ годоваго доходу!

АЛЬФОНСЪ, пораженный внезапно.

Неужли? Что вы сказали?... Сорокъ тысячь ливровъ!.. *(Съ нѣжностію подходя къ ней.)* Ахъ, прелесть моя! Такъ это васъ-то я искалъ такъ долго?...

ПИШАРДЪ, впадая въ тонъ.

Крокодилъ жестокосердый! Ты искалъ меня, бѣгая за другими!...

АЛЬФОНСЪ, трагически.

Неблагодарная! Неужли доселѣ ты такъ мало понимаешь человѣческое сердце!.. Но, успокойтесь, я оправдаюсь и... мы будемъ счастливы!... *(Особо.)* Нѣтъ, улечу отъ нея на край свѣта! *(Цѣлуетъ руку.)*

ПИШАРДЪ.

Братецъ! Посмотри!

ПОЛКОВНИКЪ.

Вижу, вижу! Ты взяла свое! *(Сусаннѣ.)* Поцѣлуй меня еще, душа моя.

ПИТРЕПИДЪ, кричитъ.

Полковникъ! браво! Мадамъ Женевьева! Поцѣлуй меня! Браво!.

ВСѢ.

Резолюція простая
Можетъ все теперь рѣшить:
Хорошо, пьѣсъ пѣть, нѣмая
Стала пѣть и говорить?
Что-то зрители намъ скажутъ,
Мы послушать ихъ хотимъ;
Если намъ молчать прикажутъ,
Мы, извольте, замолчимъ.

СУСАННА, публикѣ.

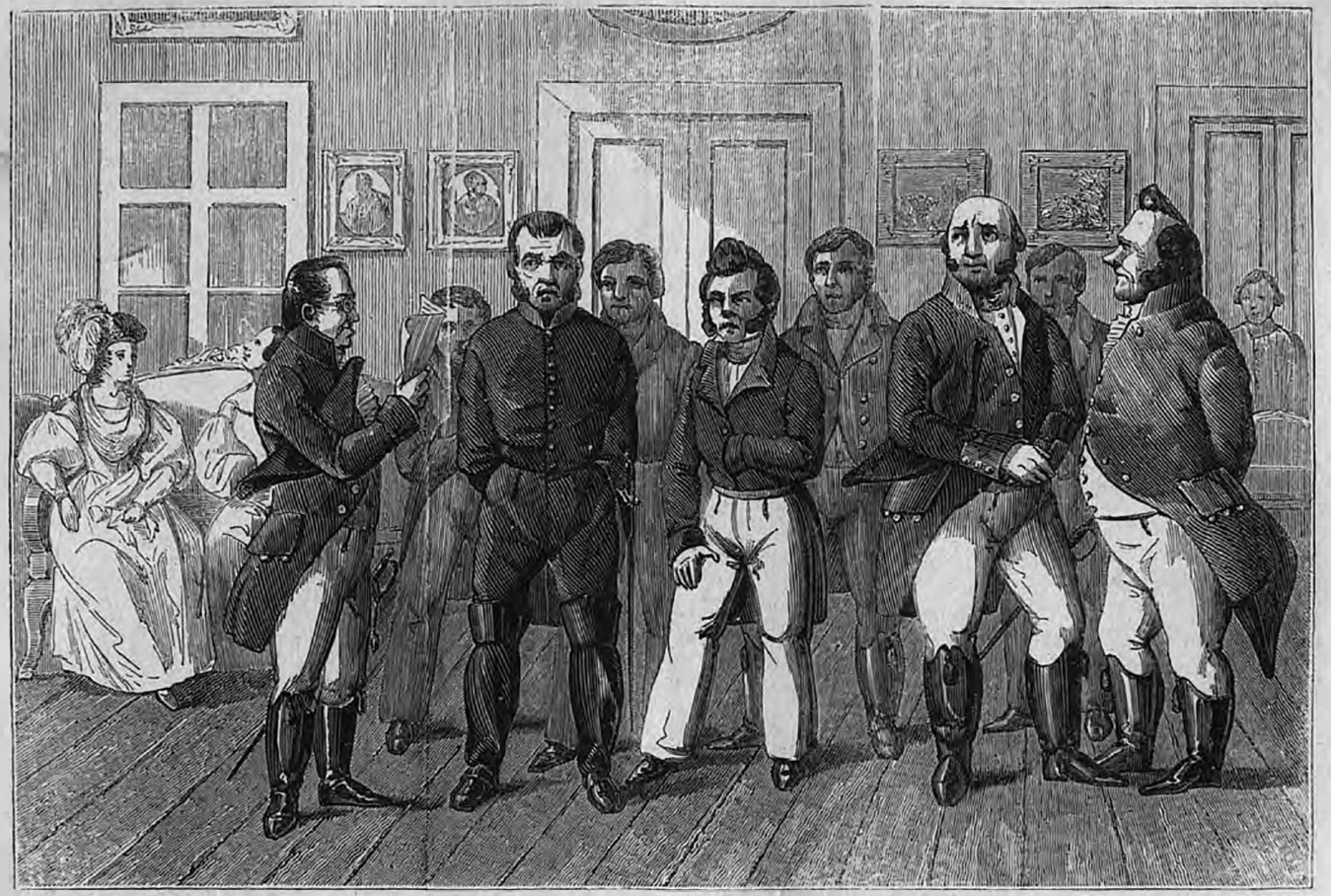
Право, рады бъ мы душевно
Васъ развлѣжить, разсмѣшить,
Но вѣдь трудно — ежедневно
Съ чувствомъ, съ толкомъ говорить.

ИНТРЕПИДЪ, тоже.

Иногда изъ доброй воли
Радъ бы васъ собой занять,
Но не знаешь твердо роли
И не знаешь, что сказать...

АЛЬФОНСЪ, также.

Пусть же зрители услышатъ,
Какъ подчасъ и правъ актеръ:
Иногда намъ такъ напишутъ,
Что и твердо мелешь—вздоръ!



Рисов алъ В. Сомойловъ. *Гравировалъ Эльвалъ.*

СЦЕНА ИЗЪ КОМ. РЕВИЗОРЪ, ДѢЙСТВІЕ V. ЯВЛЕНІЕ IX.

И МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

О

ТЕАТРѢ.

ПИСЬМО КЪ И. П. НЕСОЦКОМУ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Прочтя въ двухъ номерахъ вашего Репертуара и Пантеона прекрасныя статьи о театрѣ гг. Булгарина и Полеваго, мнѣ пришло на мысль собрать и мои воспоминанія о томъ же предметѣ, занимавшемъ меня *ex officio* двадцать пять лѣтъ сряду. Я вовсе не думаю, ни состязаться съ ними въ литературной славѣ, ни выдавать свои идеи за непреложныя. Сколько нападковъ ни испыталъ я отъ нихъ по литературнымъ моимъ занятіямъ, но авторское мое самолюбіе никогда не ослѣпляло меня до того, чтобъ не отдать полной справедливости отличнымъ ихъ дарованіямъ. — А потому я увѣренъ, что почтенные сочинители *театральныхъ воспоминаній* не обидятся, если и я напишу подобную же статью. — Наши обоюдныя точки зрѣнія совершенно различныя. Они смотрѣли на предметъ съ наружной оболочки, — я — съ внутренней; они до сихъ поръ въ полномъ очарованіи отъ своихъ впечатлѣній и воспоминаній, — я же!..» Кто не знаетъ анекдота: «Все куропатки, да куропатки!.. «Но приступимъ къ дѣлу. — Идея г. Полеваго мнѣ чрезвычайно понравилась. Мы, современники, обязаны собирать матеріялы, — потомство будетъ ими пользоваться; мы судимъ теперь о вещахъ каждый по своему разумѣнію, — будущее поколѣніе разберетъ по фактамъ: кто правъ.

Театръ!! — Какое привлекательное слово для всѣхъ сословій, возрастовъ, состояній и даже различныхъ степеней просвѣщенія! Это истинное наслажденіе для каждаго. — Особливо въ юношескіе года воображеніе придаетъ театру такія очаровательныя краски, что всѣ лица, принадлежащія къ этой отрасли художествъ, кажутся особенными, счастливыми, возвышенными существами, знакомство съ которыми дороже всего на свѣтѣ. О драматической литературѣ, о достоинствѣ спектаклей начинаемъ мы думать уже гораздо позже. Сначала мы живемъ — очарованіями, довольны — впечатлѣніями, счастливы — мечтами; только холодная опытность *судитъ* и рѣшаетъ. Всегда ли справедливо? Богъ вѣсть!

Можетъ быть, читатель былъ бы вправѣ требовать отъ меня подробной *исторіи* Русскаго театра, и я, какъ посвященный въ архивныя таинства управленія, могъ бы дать подробныя и хронологическія свѣдѣнія; но какъ *Репертуаръ* и *Пантеонъ* уже объявили, что знаменитый нашъ драматургъ Князь

А. А. Шаховской занимается симъ предметомъ, то, разумѣется, онъ имѣетъ гораздо болѣе авторитета и средствъ, чтобъ составить подобную книгу.—Я же ограничусь, подобно гг. Булгарину и Полевому, одними *воспоминаніями* и *личными* впечатлѣніями. Первое пристрастіе для меня прошло. Подлѣлываться мнѣ ни къ кому и ни для чего уже не нужно; а потому и разсказъ мой будетъ отъ искренняго сердца. Это будетъ отчетъ, исповѣдь самому себѣ въ двадцати пяти лѣтнихъ ощущеніяхъ, впечатлѣніяхъ и понятіяхъ. Можетъ быть, я во многомъ ошибался и ошибаюсь,—но пусть броситъ въ меня первый камень тотъ, кто никогда не погрѣшалъ.

Езопъ сказалъ, что не знаетъ, куда идетъ. И всякій человѣкъ не можетъ ли сказать того же? Кто напередъ угадаетъ судьбу свою? Кто предузнаетъ поприще, по которому ему итти придется?

Пріѣхавъ по восьмому году въ С. Петербургъ (это было въ 1802-мъ году), чтобъ получить домашнее воспитаніе въ кругу дѣтей Екатерининскихъ аристократовъ, думалъ ли я, что черезъ десять лѣтъ, сдѣлавшись круглымъ сиротою, жребій броситъ меня за кулисы?—Помню только, что на другой же день по пріѣздѣ моемъ въ столицу, былъ я уже въ Большомъ Театрѣ въ 1-мъ ярусѣ и видѣлъ *Дидону*. Помню, что эти ложи были обиты краснымъ бархатомъ и выдавались впередъ противу всѣхъ прочихъ ярусовъ. Помню, что зрителей было не много, и что я гораздо больше смотрѣлъ на нихъ, нежели на сцену. Помню, что какой-то *Черный царь* (Ярбъ) ужасно кричалъ, что ему часто хлопали, что его звали Шушерцемъ, что я и половины не понялъ изъ содержанія піесы, и что весь спектакль показался мнѣ очень скучнымъ, такъ что впечатлѣніе, имъ во мнѣ оставленное, было вовсе не заманчиво.—Въ послѣдствіе часто возили въ театръ другія дѣти, но я всякой разъ упрашивалъ, чтобъ меня не брали, и предпочиталъ домашнія, дѣтскія увеселенія крику Ярбовъ. Наконецъ разсказы о чудесахъ *Русалки* подстрекнули однако же мое любопытство, — и я отправился. — Что жъ вышло? До сихъ поръ не понимаю причинъ тогдашняго своего равнодушія. — И Русалка мнѣ не понравилась. Ни превращенія Лесты и Тарабара не удивляли меня, ни шутки Кифара не забавляли. — Конечно, *спектакли* были для меня не новостью. Я уже ихъ видѣлъ годъ тому назадъ, — и вотъ какимъ образомъ.

Родясь въ губернскомъ городѣ (Псковѣ), гдѣ и я прожилъ до семи лѣтняго возраста, и тамъ впервые видѣлъ театральныя представленія. Какая-то заѣзжая Нѣмецкая труппа играла тамъ цѣлую почти зиму, — и я, ни слова не понимая по Нѣмецки, всякій разъ былъ однако же въ спектаклѣ. Помню однако же, что это было вовсе не изъ привязанности къ театру, а по дѣтскому самолюбію (которое, увы! у многихъ остается и до старости). По званію отца моего и личной его дружбѣ съ губернаторомъ, я имѣлъ право ходить всякій день въ губернаторскую ложу, и вотъ что заставило меня посѣщать Нѣмецкія піесы. Я ихъ не понималъ, не смотрѣлъ почти на нихъ, но хотѣлъ, чтобъ *меня* видѣли.

Въ этихъ Нѣмецкихъ представленіяхъ видалъ я, правда, часто, что дѣйствующія лица проваливаются подъ полъ и быстро мѣняютъ платья въ виду зрителей; но тогда это меня не занимало, въ Петербургѣ же не удивляло, и когда всѣ другія дѣти были въ восторгѣ, я оставался хладнокровнымъ, придавая себѣ видъ знатока и разсказывая имъ, что я видѣлъ и не такія чудеса.—Вскорѣ послѣ того повезли насъ смотрѣть *Французскій* спектакль. Давали оперу: *Les voitures versées*, — и изъ всѣхъ спектаклей, которые я дотолѣ видѣлъ, этотъ наиболѣе обратилъ мое вниманіе. Я уже начиналъ понимать по Французски, и меня занимали вовсе не піеса и не музыка, а смыслъ Французскихъ фразъ, которыя я ловилъ на лету. — Болѣе $^9/_{10}$ я, разумѣется, не понималъ; но если мнѣ удавалось схватить хоть одну идею, я былъ въ восторгѣ.

Вотъ первыя сценическія впечатлѣнія ребенка, которому еще не было и восьми лѣтъ! Они вовсе не предвѣщали будущей моей страсти къ театру, для которой я потомъ пожертвовалъ всею моею жизнію, и которая, раскрывъ предо мною всѣ тайны закулисной жизни, столь очаровательныя вдали и столь

ничтожныя вблизи, не дала мнѣ въ замѣнъ ничего, кромѣ горькаго самосознанія, что *опытность* самая худая аттестація для человѣчества. — Но оставимъ это, потому что многіе скажутъ: какое намъ дѣло до біографіи автора! Виноватъ!..

Опера: *les voitures versées* была послѣднимъ впечатлѣніемъ *младенчества*. Съ тѣхъ поръ до періода юношества, я уже не видѣлъ театра. Въ судьбѣ моей сдѣлались неожиданные перевороты — къ худшему. Аристократическій домъ, въ которомъ я воспитывался, внезапно разрушился, — и я вдругъ очутился въ пансіонѣ у того же самаго учителя, который давалъ намъ прежде уроки. Оттуда вступилъ я въ гимназію (тогда была только одна), — и мое *важное* воспитаніе окончилось тѣмъ, что зная хорошо Французскій и Нѣмецкій языки, я долженъ былъ начать учиться по Русски, потому что даже съ трудомъ могъ на немъ объясняться. Къ счастію, попалъ я на отличныхъ учителей.

Первая Русская книга, которая воспламенила тогда весь мой юношескій восторгъ, былъ Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, переводъ Кострова. Тогда только вспомнилъ я о театрѣ, и тотчасъ же изъ повѣсти *Кушуллинъ* сдѣлалъ трагедію. 12-ти-лѣтній авторъ! Что можетъ быть восхитительнѣе въ этомъ возрастѣ! — Поэма Оссіана совершенно увлекла меня. Я бредилъ Фингаломъ, бардами, столѣтними дубами, златострунными арфами, тѣнями героевъ, носящимися на облакахъ, и единоборствомъ вождей. — И что жъ? Въ то же самое время явился Фингалъ *Озерова*. Меня нарочно послали смотрѣть его... И какъ описать мои ощущенія! Это было просто изступленіе! Стихи, музыка, игра актеровъ, великолѣпіе спектакля, всеобщій восторгъ — и сюжетъ изъ моего любимаго Оссіана! Какъ отуманенный ходилъ я нѣсколько дней послѣ этого спектакля — и онъ былъ зародышемъ страсти моей къ театру. Всѣ товарищи осыпали меня вопросами, какъ мнѣ понравился *Фингалъ*, я не отвѣчалъ ни слова. Я не могъ пересказать всего, что чувствовалъ. Въ это время учитель узналъ, что я сочинилъ трагедію, и потребовалъ ее. Она уже не существовала. На другое утро представленія Фингала-первый мой трудъ полетѣлъ въ печь — и я признался въ этомъ учителю, говоря, что мнѣ совѣстно и подумать о своей піесѣ послѣ той, которую я видѣлъ.

Съ тѣхъ поръ сталъ я часто посѣщать театръ — и, разумѣется, одни трагедіи. Озеровъ казался мнѣ чѣмъ то сверхъестественнымъ. Его Эдипъ въ Аѳинахъ удвоилъ мой восторгъ. Я бросился отыскивать прежнихъ Русскихъ авторовъ, и съ жадностію прочелъ, даже почти выучилъ наизусть, всего Сумарокова и Княжнина. Но какъ Французскій нашъ профессоръ сказалъ мнѣ, что всѣ эти творенія не что иное, какъ слабое подражаніе Расину и Корнелю, то я принялся и за нихъ. Вскорѣ и Расинъ былъ выученъ. — Все это, разумѣется, болѣе и болѣе воспламеняло мою страсть къ театру. Одно обстоятельство довершило эту склонность.

Изъ Турецкой арміи пришло самое печальное для меня извѣстіе. Я сдѣлался сиротою. Родныхъ никого въ Петербургѣ не было. Я бросился отыскивать прежнихъ знакомыхъ отца моего, полагая, что они *обязаны* обо мнѣ заботиться. И что жъ? Изъ множества нашелъ я только двухъ, которые съ искреннею добротою сердца приняли участіе въ судьбѣ моей. — Тогда мнѣ равнодушіе прочихъ показалось очень обидно; теперь я вполнѣ чувствую, что находка и двухъ добрыхъ людей дѣлала честь тогдашнему времени. При теперешнемъ эгоизмѣ врядъ ли бы я нашелъ и одного. — Оба теперь уже *тамъ*, гдѣ люди пожинаютъ вѣчное добро за нѣсколько семянъ, брошенныхъ въ жизни. Да наградитъ ихъ Богъ! Подобные примѣры день ото дня становятся рѣже.

Одинъ изъ этихъ благодѣтельныхъ людей принадлежалъ къ правительственнымъ лицамъ театра. Онъ объявилъ мнѣ, что по окончаніи курса наукъ возьметъ меня къ себѣ и опредѣлитъ, а до тѣхъ поръ приказалъ ходить къ нему во всякое время. Я ему разсказалъ о своей страсти къ авторству, къ театру, и онъ далъ мнѣ позволеніе ходить въ театры безденежно. — Счастливѣе меня вѣрно тогда не было человѣка. — Съ тѣхъ поръ я уже принадлежалъ къ театральной

сферѣ — и вскорѣ умѣлъ ознакомиться со всѣми труппами.

Это было въ 1809 году. Изъ писателей владычествовалъ одинъ Озеровъ. Князь Шаховской еще только начиналъ пускаться въ драматическое поприще, и первые труды его вовсе не обѣщали въ немъ автора Аристофана. Они упали, не смотря на снисходительность тогдашней критики и зрителей. Лукинскій переводилъ оперы, Краснопольскій драмы. Переводчикъ былъ въ то время значущимъ литературнымъ лицомъ; на него смотрѣли съ уваженіемъ,— и онъ очень спокойно всегда говорилъ: сегодня даютъ *мою* піесу. Блаженное было время для посредственности!

Впрочемъ, для лучшаго изложенія моихъ воспоминаній, я раздѣлю мое 25-ти лѣтіе на три періода. Первый съ 1809-го по 1812-й, второй съ 1814-го по 1820-й и послѣдній съ 1820-го до нашихъ временъ. Всѣ эти періоды ярко между собою оттѣняются. — Начнемъ съ перваго. Русскую труппу я засталъ въ довольно блистательномъ состояніи. Пальма первенства принадлежала Яковлеву. Этотъ артистъ былъ необыкновеннымъ явленіемъ на свое время. Безъ малѣйшаго образованія, онъ однимъ художническимъ чувствомъ успѣлъ возвыситься до прекраснѣйшихъ идеаловъ поэзіи. Онъ понималъ красоту драматическихъ творевій и своихъ ролей. Онъ выражалъ ихъ со всею энергіею истиннаго артиста. Онъ любилъ свое искусство, какъ великій художникъ; никогда не прибѣгалъ къ мелочнымъ средствамъ, чтобъ польстить грубому вкусу толпы и выпросить себѣ нѣсколько аплодисментовъ. Онъ игралъ, какъ чувствовалъ, — иногда лучше, иногда хуже,— но всегда съ чувствомъ собственнаго достоинства. Онъ не былъ ослѣпленъ непомѣрнымъ самолюбіемъ, составляющимъ главный порокъ актеровъ; онъ любилъ слушать замѣчанія на счетъ своей игры и разсуждалъ объ этомъ очень хладнокровно; особливо же любилъ, чтобъ ему разсказывали историческія подробности о его роляхъ. — Лучшими его ролями были тогда:

1) *Фингаль*. Въ этой роли нѣтъ ни страстей, ни драматической завязки. Тутъ одна поэзія, — но какая! Особливо въ то время стихи Озерова казались волшебными. Да, кажется, и теперь лучшихъ Александрійскихъ стиховъ надобно искать у него.— Яковлевъ былъ поэтъ въ душѣ и превосходно читалъ Фингала.

2) *Дмитрій Донской*. — Яковлевъ былъ влюбленъ въ эту роль, — и игралъ ее превосходно. Особливо вызовъ соперника во 2-мъ актѣ, мрачное отчаяніе въ 4-мъ и возвращеніе его съ поля битвы въ 5-мъ были всегда отлично выполнены. Никто послѣ его не былъ такъ сильно и глубоко проникнутъ ролью Димитрія. Тогда зрители не разсуждали о всѣхъ историческихъ несообразностяхъ этой піесы, а восхищались прекрасными стихами Озерова, согрѣтыми пламеннымъ чувствомъ любви къ отечеству.

3) Изъ Нѣмецкихъ драмъ принесли Яковлеву наиболѣе славы: Волшебница Силонія, Графъ Вальтронъ, Ненависть къ людямъ, Гусситы подъ Наумбургомъ и Сынъ любви. Казалось, Яковлевъ былъ созданъ для Нѣмецкихъ піесъ. Въ трагедіяхъ онъ читалъ стихи по инстинкту художника, но въ драмахъ, гдѣ все было ближе къ природѣ и обществу людей, онъ, какъ дитя природы, игралъ превосходно. Невольныя слезы были всегдашнею данью слушателей,— а это самый вѣрный барометръ искусства. Какъ бы высоко ни было оно, но покуда сердце холодно, не вѣрьте артисту: онъ обманываетъ васъ. Если жъ почувствуете, что рѣсницы ваши влажны, что грудь ваша стѣснится, что вы забыли на минуту *піесу* и *актера*, а видѣли самое происшествіе и дѣйствующее лицо, — тогда не слушайте пустыхъ аплодиссементовъ толпы, и скажите сами себѣ: Это превосходный актеръ!

Къ сожалѣнію, блистательный періодъ Яковлева не долго продолжался. Дурныя знакомства погубили его, сперва со стороны физической, а послѣ нравственной и художнической. Бѣдное человѣчество! Слабость и несовершенство всегда и во всемъ! Сколько славы и уваженія отъ современниковъ и потомковъ предстояло бы многимъ изъ художниковъ, если бъ не слабости и дурныя знакомства! Сколько дарованій погибло отъ этого, — а все таки потомки не умнѣе предковъ.

Впрочемъ 1810-й годъ былъ апогеемъ славы Яковлева. Съ нимъ занимала первыя драматическія роли Александра Дмитріевна Каратыгина.—Прекрасная наружность, много души, прелестный звучный голосъ и тщательная обработка ролей давали ей тогда безспорно званіе *первой* актрисы. — И дѣйствительно, были роли, которыя въ послѣдствіи лучше ея никто не выполнялъ. Въ *Эйлаліи*—была она единственна. (Знаменитая Семенова тогда еще начинала только свое блистательное поприще. Она принадлежитъ уже ко 2-му періоду моего 25-ти лѣтія, — и объ ней будетъ говорено ниже).

Послѣ Яковлева славился Шушеринъ. — Онъ могъ служить яснымъ доказательствомъ, что *славу* можно иногда *выкричать*. Этотъ артистъ не имѣлъ ни привлекательной наружности, ни пріятнаго голоса, ни драматическаго искусства; но онъ умѣлъ сильно кричать, еще сильнѣе махать руками, топать ногою, — и партеръ кричалъ *браво!* Чего же больше? Всѣ были довольны: и актеръ, и зрители.—А знатоки?.. Помилуйте! Гдѣ они? Кто они? Кто ихъ слушаетъ? Благоразумный человѣкъ молчитъ и пожимаетъ плечами.

Первыхъ любовниковъ занималъ *Щепиковъ*. — И онъ могъ служить доказательствомъ другой жизненной аксіомы. Сколько бы человѣкъ ни трудился, сколько бы ни усердствовалъ, но если природа не создала его Артистомъ, — всѣ усилія его будутъ безполезны. Никто не могъ сравниться съ Щепиковымъ въ трудолюбіи и привязанности къ своей профессіи, — и все таки онъ никогда не могъ выйти изъ золотой посредственности. Его интонація и круговращательные жесты производили часто смѣхъ. Уже во второмъ періодѣ оставилъ онъ наконецъ неблагодарное поприще и сдѣлался полезнымъ гражданиномъ и прекраснымъ семьяниномъ. Всѣ выиграли отъ этой перемѣны.

Молодыхъ любовниковъ игралъ *Биркинъ* (отецъ нынѣшней пѣвицы С. В. Каратыгиной.) При хорошемъ ростѣ и свободной игрѣ имѣлъ онъ довольно души и сценическаго познанія. Къ сожалѣнію, тонкій, непріятный голосъ и монотонная дикція производили на зрителей весьма непріятное впечатлѣніе.

Тиранова и главныхъ паперстниковъ игралъ Бобровъ. Тогда никто не воображалъ, что изъ плохаго трагика вскорѣ сдѣлается отличнѣйшій комикъ, — и мало обращали на него вниманія.

Вотъ главныя лица трагедіи и драмы. О прочихъ не стоитъ упоминать. Въ комедіи было гораздо болѣе значительныхъ талантовъ.

Первое мѣсто принадлежитъ *Рыкалову*. Это былъ замѣчательнѣйшій артистъ, какого Русскій театръ долго имѣть не будетъ. Разнообразіе таланта его было удивительное. Сегодня игралъ онъ *Эдипа въ Аѳинахъ*, и заставлялъ зрителей плакать; на другой день *Оргона* въ Скапиновыхъ обманахъ — и всѣ помирали со смѣху. То ужасалъ всѣхъ злодѣйствами *Дзавелы* въ *Сультанахъ*, то восхищалъ трогательнымъ простодушіемъ въ ролѣ *старосты* въ драмѣ: *Лиза* или *Торжество благодарности*. Однимъ словомъ, это было одно изъ тѣхъ рѣдкихъ явленій въ художническомъ мірѣ, которыя случаются только для того, чтобъ указать другимъ, до чего трудъ и дарованіе могутъ достигнуть. Напрасно сталъ бы я исчислять лучшія его роли. Надобно назвать всѣ піесы тогдашняго репертуара, въ которыхъ онъ участвовалъ, потому что онъ вездѣ былъ хорошъ. — Но пріятнѣе всего вспомнить, что кромѣ отличнаго таланта, какъ артистъ, Рыкаловъ имѣлъ много прекрасныхъ качествъ, какъ человѣкъ. — Тогдашніе авторы ходили къ нему для чтенія піесъ своихъ; онъ откровенно говорилъ каждому свое мнѣніе, давалъ совѣты молодымъ артистамъ, помогалъ часто неимущимъ, и вообще жилъ для пользы общества.

Крутицкій — былъ отличнѣйшій актеръ въ амплуа большой ливреи. Нынче нѣтъ уже репертуара тѣхъ піесъ, гдѣ слуги и служанки были главными пружинами завязки и развязки; но старая Французская комедія вся была основана на этомъ амплуа—и Крутицкій былъ въ немъ неподражаемъ. — Роль *Полиста* въ *Хвастунѣ* (Княжнина), и слуги въ *Чудакахъ* (того же автора) были торжествомъ его. Игра его была неподражаема. Всѣ, которые послѣ него занимали это амплуа, бѣгали, суетились, заставляли руки свои быть въ вѣчномъ движеніи, а Крутицкій, задѣвъ по лакейски руку между пуговицами

ми ливреи, игралъ всю свою роль такимъ образомъ. Славившійся въ то время во Французской труппѣ актеръ Гравиль, не пропускалъ ни одного разу, когда Крутицкій игралъ, и сознавался, что обязанъ ему многимъ. Когда Крутицкій игралъ первый нашъ національный водевиль: *Мельникъ*,—то вси почти Французская труппа приходила смотрѣть на неподражаемую его игру. — Въ описываемый мною періодъ онъ уже былъ старъ; но видѣвшіе его въ полной силѣ увѣряютъ, что онъ былъ просто *чудо*.

Пономаревъ — былъ отличный комикъ въ операхъ и комедіяхъ. Самыя лучшія его роли были: Подъячіе. Въ нихъ онъ былъ несравненно хорошъ. Климъ Гаврылычъ въ *Рекрутскомъ наборѣ*, Секретарь въ *Ябедѣ* — останутся на всегда незамѣнимы послѣ Пономарева. А также въ *Модной лавкѣ* и *Урокѣ дочкамъ* онъ могъ служить типомъ провинціяльнаго слуги. Физика его совершенно сходствовала съ занимаемыми ролями. Довольно было взглянуть на него, чтобъ разсмѣяться.

Рахмановъ хорошо игралъ нѣкоторыя шаржированныя роли, какъ то Бригадира, Скотинина, и т. п. Около этого періода онъ оставилъ сцену и сдѣлался главнымъ надзирателемъ Театральнаго Училища. Всѣ артисты, которые въ то время воспитывались, съ благодарностію вспоминаютъ тогдашній образъ жизни и занятій своихъ. Тогда, конечно, не было роскоши ни въ помѣщеніи, ни въ содержаніи, ни въ количествѣ учителей. Самъ Рахмановъ былъ человѣкъ необразованный, суроваго обращенія, — и средства, которыя онъ имѣлъ подъ рукою, были самыя недостаточныя, — а все таки множество талантовъ образовалось подъ его надзоромъ. Чему это приписать? ...

Рахманова, жена предъидущаго артиста, — была также однимъ изъ театральныхъ феноменовъ, которые рѣдко являются на сценѣ. Такой *комической старухи* долго не будетъ на нашей сценѣ. Она была неподражаема въ своемъ амплуа, а особливо въ національныхъ піесахъ. И все эти безъ крика, безъ жеманства: все такъ естественно и хорошо. — Только недавно видѣли мы на Французской сценѣ такую же актрису, разумѣется, съ другимъ сценическимъ колоритомъ: это была г-жа Бра, которая также не скоро найдетъ себѣ равную.

Болина занимала роли первыхъ любовницъ, и дарованіе ея, соединенное съ прекраснѣйшею наружностію, обѣщало въ ней рѣдкое явленіе на нашей сценѣ. — Къ сожалѣнію, театральные успѣхи ея были непродолжительны. Счастливое замужство похитило ее со сцены, — и зрители должны были утѣшиться другими сюжетами, которые замѣстивъ ее, не замѣнили ея.

Белье, въ этомъ же амплуа, имѣла въ послѣдствіи много успѣха. Въ ней было много живости и чувства. Лучшею ея ролью была *Гурли* въ *Индійцахъ въ Англіи*.

Вотъ главные персонажи Русской комедіи того времени. — Были и другія лица, но воспоминанія пишутся по впечатлѣніямъ, а не по *служебнымъ* спискамъ.

Русская опера была тогда еще въ зародышѣ. Тогда между Русскими зрителями мало еще было любителей и знатоковъ, которые теперь цѣлыми фалангами посѣщаютъ спектакли, къ истинному отчаянію артистовъ и музыкантовъ. Высшее общество занималось тогда Италіянскою музыкою, Французскою,— но въ Русскую оперу посылали только дѣтей съ нянюшками. Въ среднемъ классѣ не стыдились пѣть: *Приди въ чертогъ ты мой златой*, или: *Эту корзицку всю полну цвѣтовъ*. Однимъ словомъ на Русской оперной сценѣ владычествовала тогда *Русалка* со всѣми ея подраздѣленіями. Нерѣдко являлись и переводы съ Французскаго и Италіянскаго, но зрители были довольно равнодушны къ Далейраку, Гретри и даже Фіорованти. И когда явился въ С. Петербургѣ знаменитый Боельдье, чтобъ сочинять оперы, то нашелъ, что *наша публика любитъ болѣе легкое и блестящее, нежели ученое* (*). И хотя огромный успѣхъ его оперъ, играемыхъ тогда Французскою труппою, заставилъ нашихъ переводчиковъ трудиться надъ перенесеніемъ ихъ на Русскую сцену, — но эта прививка долго не принималась,—и по очень естественной причинѣ: любители могли видѣть эти

(*) Собственныя слова Боельдіе.

же самыя оперы въ лучшемъ видѣ на Французскомъ театрѣ. Для нелюбителей же гораздо пріятнѣе была Русалка. Главнымъ же требованіемъ *Русскихъ* зрителей было то, чтобъ опера была *Русская*. Напрасно высшій кругъ, увлекаясь духомъ времени, пристрастился ко всему Французскому, коренные посѣтители Русскаго театра и тогда побранивали иноземцевъ, апплодируя съ изступленіемъ всѣмъ выходкамъ противъ нихъ и восхищаясь всякою піесою, изображающею Русскій бытъ, хотя бы это была и услужливая передѣлка автора. Сіе-то благородное требованіе Русской *національности* породило на нашей сценѣ всю эту бездну драмъ и комедій, въ которыхъ всѣ переводчики, не вникая во всѣ несообразности, передѣлывали иностранныя піесы на *Русскіе нравы*, то есть давали дѣйствующимъ лицамъ одни только *Русскіе* имена, оставляя все прочее, какъ авторъ написалъ.— Очевидно было, что эти передѣлки были очень забавны. Всѣ почти піесы кончались свадьбами *par devant Notaire*, въ которыхъ очень серьозно контракты и нотаріусы производили развязку.—Но дѣлать было нечего. Зрители этого требовали, привыкли уже ко всѣмъ несообразностямъ передѣлокъ и довольны были, что играютъ не *Дораты*, а *Стрѣльскіе*, не *Фипеты*, а *Лизы* и *Маши*. Но невольно надобно было сообразоваться со вкусомъ и требованіемъ зрителей.

И по этой-то причинѣ ничтожная Нѣмецкая опера: das Donauweibchen, составленная изъ плохой рыцарской повѣсти и довольно слабой музыки, вдругъ по догадливости г. Краснопольскаго, явилась на Русской сценѣ Русскою *Днѣпровскою Русалкою*, съ Кіевскими, Черниговскими, Полоцкими князьями и всѣмъ ихъ причетомъ. Много было колоссальныхъ успѣховъ въ драмматическомъ мірѣ,—но подобнаго, какъ судьба даровала этой перекрещеной Русалкѣ —едва ли когда было. Восторгъ зрителей былъ похожъ на изступленіе. Что имъ было за дѣло, что это переводъ, передѣлка! Они видѣли въ этой піесѣ древніе свои миѳы, преданія, повѣрья. Сверхъестественность всегда увлекаетъ, очаровываетъ, — и добрые Русскіе посѣтители Русалки переносились мыслями въ сомнительныя времена своей миѳологіи при какихъ-то небывалыхъ въ туже самую эпоху удѣльныхъ князьяхъ.—Капельмейстеръ Давыдовъ, бывшій тогда учителемъ пѣнія въ Театральной Школѣ, вставилъ въ эту оперу нѣсколько прекрасныхъ покоровъ своего сочиненія и еще болѣе обрусилъ ее. Однимъ словомъ, появленіе Русалки было эпохою торжества Русской оперы и жажды національности въ зрителяхъ.

Самою сильною поддержкою *Русалки* — былъ первый буфъ *Воробьевъ*. — Поколѣніе нынѣшнихъ зрителей не можетъ составить себѣ идеи объ амплуа *Буфа*. Нынѣ Италіянская опера переродилась,—можетъ быть, къ лучшему; только намъ, старинымъ почитателямъ прежнихъ временъ, грустно уничтоженіе буфовъ. Еще недавно видѣли мы слабую тѣнь прежняго, прекраснѣйшаго буфа. Это былъ *Замбони*, въ нашей послѣдней Италіянской оперѣ. Играя устарѣвшія оперы, онъ самъ былъ гораздо древнѣе ихъ. Но въ свое время,—то есть около театральной той эпохи, которую я теперь описываю, Замбони былъ первымъ буфомъ въ Европѣ. Игра его была веселая, живая, умная, тонкая, безъ фарсовъ, — а все таки зрители отъ души хохотали, глядя на него. Отличное знаніе музыки и обработанный голосъ много содѣйствовали ему въ игрѣ, —и все таки казалось иногда, что онъ не поетъ, а говоркомъ высказываетъ свою роль.

По этому-то образцу сформировался *Воробьевъ*. Переимчивость Русскаго явилась тутъ съ самой выгодной стороны. И Воробьевъ зналъ очень хорошо музыку, былъ также одаренъ гибкимъ, твердымъ голосомъ, имѣлъ много врожденнаго юмора и всегда былъ на сценѣ, какъ дома. Мудрено ли ему было сдѣлаться любимцемъ Русской музыки? Неподдѣльная веселость идетъ всегда къ сердцу. Воробьевъ и прежде въ *Деревенскихъ птвицахъ* и *Князѣ Трубочистѣ* радовалъ нашу публику, но когда явилась Русалка, то *Тарабаръ* заставилъ забыть все. При появленіи его на сцену театръ гремѣлъ апплодисементами и криками браво! Онъ еще ни слова не говорилъ, а всѣ начинали смѣяться. Ему стоило только посмотрѣть нѣсколько времени на публику,

чтобъ всѣ расхохотались. Веселое было время, веселые люди, — скажутъ, можетъ быть, нынѣшніе философы-самоучки! Не знаю, чему приписать тогдашнее расположеніе зрителей, но воля ваша, господа! — Теперь, чтобъ разсмѣшить, надобно быть шутомъ, или говорить двусмысленности, отъ которыхъ и драгунскія уши краснѣютъ. Тонкой шутки теперь не пойметъ и десятая часть зрителей. Ей надобно *реальное, положительное*. — Ко всеобщему сожалѣнію, блистательное время Воробьева не долго продолжалось. — Несчастныя знакомства и образъ жизни тогдашняго времени погубили его здоровье и свели наконецъ во гробъ. — Со смертію его опера осиротѣла. Нѣсколько артистовъ бросились на его амплуа, но это была одна тѣнь прежняго любимца публики. Чудинъ и Гуляевъ раздѣлили его роли, — а въ послѣдствіи и воспитанникъ Долбиловъ игралъ это амплуа. Но всякій, глядя на нихъ, вздыхалъ, вспоминая *Воробьева*.

Въ Русалкѣ восхищала также публику роль *Кифара*. Ее игралъ *Пономаревъ*, о которомъ говорено выше. Голоса у него не было. Живости въ игрѣ тоже былъ большой недостатокъ, но роль Кифара шла къ неподдѣльному его, неповоротливому комизму, и счастливое соединеніе двухъ смѣхотворныхъ талантовъ радовало отъ души Русскихъ зрителей.

Пѣвицами была тогда Русская опера очень бѣдна. *Лесту* въ Русалкѣ играла Г-жа Воробьева, жена любимца публики, и по этому уже была всегда хорошо принята. Собственное достоинство входило тутъ только въ той мѣрѣ, какая была нужна, чтобъ спѣть и сыграть изрядно. Тогда отъ пѣвицъ не много требовали, — и это, право, опять было къ лучшему, потому что, кажется, съ увеличеніемъ претензій въ пѣніи и въ слушателяхъ, талантовъ сдѣлалось не больше, а недовольныхъ съ обѣихъ сторонъ до чрезвычайности увеличилось. — Разумѣется, въ Италіи я бы этого не сказалъ и не подумалъ. Тамъ все располагаетъ къ музыкѣ и пѣнію. Но подъ 60-мъ градусомъ сѣверной широты едва ли когда родится и сформируется Каталани и Зонтагъ. Со времени существованія русскаго театра опытъ доказалъ, что пѣвцы и пѣвицы не принадлежатъ къ нашему климату. — И придворная капелла набираетъ ихъ большею частію въ Малороссіи, — а для театральнаго пѣнія надобно еще болѣе гибкости. — Мнѣ кажется, что Русская сцена могла бы имѣть хорошихъ оперныхъ сюжетовъ, учредя въ южныхъ при-Днѣпровскихъ губерніяхъ музыкальный консерваторіумъ, въ которомъ воспитанники обоего пола образовались бы до тѣхъ поръ, пока могли бы явиться для дебюта, съ тѣмъ, чтобъ по выдержаніи сего испытанія, отправиться въ Италію, или въ Парижъ для окончательнаго музыкальнаго образованія. До тѣхъ поръ будемъ слушать нашихъ примадоннъ, которыя вовсе не виноваты, что родились и воспитывались такъ глубоко на сѣверѣ. Будемъ удивляться ихъ стараніямъ и восхищаться ихъ усердію, — за неимѣніемъ лучшихъ.

Въ то время начинала уже формироваться въ Театральной Школѣ дѣвица Черникова, которая въ послѣдствіи столько прославилась подъ именемъ г-жи Самойловой, — и вмѣстѣ съ нею г-жа Карайкина, въ послѣдствіи г-жа Лебедева. — Роль *Лесты* обнаружила вполнѣ прекрасный талантъ Черниковой. Прелестная наружность, пріятный и гибкій голосъ, соединенный съ живою, веселою и отчетливою игрою, дали ей съ перваго шага почетное мѣсто между артистами. Капельмейстеръ Давыдовъ, казалось, истощилъ для образованія ея методы все свое стараніе, — и новопоявившаяся пѣвица увлекла все.

На мѣсто перваго тенора вступилъ тогда Г. Самойловъ. Объ этомъ человѣкѣ надобно поговорить подробнѣе. Онъ составлялъ необыкновенное явленіе въ мірѣ Русской оперы. — Первое его появленіе на сценѣ вовсе не подавало тѣхъ блистательныхъ надеждъ, которыя онъ въ послѣдствіи осуществилъ. Кромѣ выгодной наружности и прекраснаго тенора, онъ ничего не имѣлъ. Игра его была сначала холодна, голосъ не гибкій, метода слабая. — И что жъ? Этотъ самый человѣкъ одною своею твердою волею и стараніемъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи

Европейскую славу. Заслужилъ ли онъ ее? спросятъ многіе, особливо тѣ, которые видѣли его въ послѣдніе годы театральнаго его поприща. — Не знаю. Я пишу не ученый разборъ драматическаго искусства и каждой роли, а одни воспоминанія, основанныя на личныхъ впечатлѣніяхъ. Мнѣ скажутъ, что впечатлѣніе часто обманываетъ, а особливо въ молодости. — Согласенъ и въ томъ, — но въ продолженіи 11-ти лѣтняго періода славы Самойлова неужели въ нѣсколькихъ тысячахъ зрителей, восхищавшихся его игрою и пѣніемъ, не было ни въ комъ здраваго разсудка? Если такъ, то я признаю себя въ общемъ числѣ этихъ безумцевъ. Я, по закулисному моему положенію, былъ ближе всѣхъ зрителей и часто имѣлъ случай видѣть многія невыгодныя стороны игры артистовъ, которыя для прочей публики незамѣтны, — а все таки я душевно восхищался дарованіемъ Самойлова, какъ пѣвца и какъ актера. — Конечно, Италіянское пѣніе и рулады были для него очень тягостны, — но и проклятая ихъ, онъ нерѣдко выходилъ побѣдителемъ изъ этой мучительной для него работы. Доказательствомъ тому можетъ послужить опера Чимароза: *Горація и Куріаціи*, гдѣ онъ пѣлъ Горація съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ. При томъ же метода и гибкость голоса пріобрѣтаются только раннимъ и продолжительнымъ ученіемъ, а онъ съ малолѣтства занимался однимъ церковнымъ пѣніемъ, которое очень хорошо образуетъ голосъ для выдержанія бѣлыхъ нотъ, — но во все не способствуетъ гибкости и руладамъ. Когда же Самойловъ вступилъ на театръ, то ужъ едва ли было не поздно учиться. Ежедневные скалы и солфеджированіе поддерживаютъ пріобрѣтенное ученіемъ искусство пѣнія, но не даютъ его, если его нѣтъ. За то во Французской музыкѣ не было равнаго Самойлову. Всѣ иностранцы, видѣвшіе множество Европейскихъ театровъ, откровенно признавались, что голосъ Самойлова единственный, а игра его, какъ оперная актера, превосходна. — Впрочемъ періодъ его славы принадлежитъ ко 2-й эпохѣ моихъ воспоминаній, и мы возвратимся къ подробностямъ репертуара Самойлова. Теперь я только долженъ былъ назвать его, какъ актера, занимавшаго амплуа перваго тенора. Онъ игралъ и пѣлъ тогда очень скромно. Далѣе мы увидимъ: чему наиболѣе онъ обязанъ былъ своимъ драматическимъ образованіемъ.

О Русской оперѣ тогдашняго времени больше и говорить бы было нечего, еслибъ въ горе Русскихъ зрителей не вступился человѣкъ, которому въ послѣдствіи она была обязана всею своею славою и даже существованіемъ. Это былъ молодой капельмейстеръ Кавосъ. Пріѣхавъ изъ Италіи со всею живостію южнаго воображенія, со всѣми впечатлѣніями музыкальнаго міра, со всею жаждою славы и познаній, онъ съ горестію увидѣлъ, что сѣверная опера находится на точкѣ замерзанія, что эта оледенѣлая почва не скоро еще растаетъ, и что на ней много пропадетъ трудовъ и сѣмянъ, прежде нежели произрастетъ какое-нибудь гармоническое быліе. Не смотря на эту безнадежность, онъ съ жаромъ отчаянія принялся за подвигъ Геркулеса, — и употребилъ всю свою жизнь, чтобъ создать Русскую оперу. — Вѣроятно, потомство отдастъ ему болѣе справедливости, чѣмъ современники. Трудовъ его не поняли, усердіе мало цѣнили, высокое музыкальное дарованіе скоро забыли. И однако же онъ полстолѣтія трудился для пользы и удовольствія Русской сцены, имѣлъ блистательные успѣхи, всегда заслуживалъ много благодарности, — и если не достигъ той цѣли, которую предполагалъ себѣ во всю жизнь, если не поставилъ Русской оперы на ту степень музыкальнаго искусства, до которой такъ пламенно и усердно хотѣлъ ее довести, — то вѣрно это была не его вина, не недостатокъ его доброй воли, или дарованія. — Но нельзя же и создать оперу безъ пѣвцовъ и пѣвицъ. А гдѣ ихъ взять, если сама природа нашей сѣверной столицы вооружается противъ музыкальнаго рожденія и образованія Русскихъ Рубини и Зонтагъ? Кавосъ дѣлалъ все, что трудолюбіе, неутомимость и пламенное желаніе добра могутъ произвесть, — но не въ его власти было пересоздать нашъ климатъ и дать нашимъ малолѣтнымъ артистамъ музыкальную натуру.

Злость и невѣжество часто вопіяли противъ Кавоса, что онъ портитъ голоса нашихъ пѣвцовъ и пѣвицъ дурнымъ способомъ ученія. Ничто не можетъ быть несправедливѣе. Я почти ежедневно присутствовалъ при его урокахъ, и слыша городскіе слухи, не зналъ, чему болѣе удивляться: невѣжеству ли разскащиковъ или непостижимому усердію учителя, пренебрегающаго подобными клеветами. — Методa ученія г. Кавоса была самая отличная. До него въ Театральной Школѣ учили по скрипкѣ, сперва ноты скалы, а потомъ партіи. О солфеджахъ и понятія не имѣли. Онъ ввелъ ученіе на фортопьяно и требовалъ, чтобъ его ученики и ученицы ежедневно солфеджировали; чтобъ каждый изъ нихъ имѣлъ на дому инструментъ; чтобъ каждый могъ самъ себѣ акомпанировать; чтобъ каждый разучивалъ свою партію сперва самъ у себя, и въ репетиціонную залу являлся бы съ подготовленною; словомъ, онъ хотѣлъ образовать настоящихъ оперныхъ артистовъ. Къ сожалѣнію успѣхъ, не всегда соотвѣтствовалъ благимъ намѣреніямъ и искреннему усердію. Много было хорошихъ *начала*, которыя никогда не созрѣвали. Спросятъ: почему? — Могу только отвѣчать, что не Кавосъ былъ виною. Онъ былъ прекрасный учитель, хорошій дирижеръ, отличный композиторъ, истинный артистъ и благородный человѣкъ. — Во второмъ періодѣ моего разсказа читатели увидятъ: кого именно онъ сформировалъ какія оперы поставилъ, до какой степени довелъ свою часть? Теперь же, для первой эпохи, должно упомянуть о немъ въ гораздо важнѣйшемъ отношеніи.

Онъ былъ основателемъ *національной* оперы. Онъ первый постигъ, что Россія должна имѣть все свое. Требованіе публики было очевидно: потребность національности сдѣлалась необходимостію. Неимовѣрный успѣхъ Русалки и передѣлка драмъ и комедій ежедневно подтверждали всеобщія требованія, — и Кавосъ со всѣмъ жаромъ усердія и благонамѣренности ухватился за исполненіе этой великой идеи. — Но съ перваго шага явилось затрудненіе въ *либретто*. У насъ не то, что въ Италіи. Тамъ каждый аббатъ напишетъ вамъ либретто для оперы на заданную тему и за самую ничтожную цѣну; наши же авторы видятъ въ этомъ огромный и неблагодарный трудъ. Никто не хотѣлъ, или не умѣлъ тогда составить для Кавоса національной піесы. Онъ бросился съ отчаянія въ систему передѣлокъ, и изъ первопопавшейся ему въ руки пустой французской драмы убѣдилъ одного переводчика скроить ему *Русскую* піесу. Сюжетъ былъ волшебный, запутанный, почти безъ здраваго смысла. Но тогда было нѣкогда строго разбирать, — и Кавосъ принялся за работу. Явился знаменитый *Князь Невидимка* — въ 6-ти актахъ съ хорами, балетами, превращеніями, сраженіями и великолѣпнымъ спектаклемъ. — Первое представленіе, начавшееся въ 6-ть часовъ, окончилось во 2-мъ по полуночи. Принуждены были урѣзать два акта. Но не смотря на эту длинноту, опера имѣла чрезвычайный успѣхъ. Красота музыки увлекла всѣхъ. Это было что-то небывалое, легкое, звучное, пріятное, однимъ словомъ, чудный отголосокъ роскошнаго юга на пустынномъ сѣверѣ. Это былъ еще первый трудъ, писанный въ Россіи для національной ея оперы.

И здѣсь пальму первенства имѣли Воробьевъ (*Личардо*) и Пономаревъ, (Цимбалло). Самойловъ игралъ Всеслава, и по партіи его можно судить о богатствѣ его голоса. Молодая Черникова-Самойлова обворожила всѣхъ своею игрою и пѣніемъ въ роли субретки; — роль же Принцессы была нарочно сдѣлана самою ничтожною на счетъ пѣнія, потому что двухъ хорошихъ пѣвицъ тогда у насъ не было.

Такимъ образомъ заложенъ былъ первый камень *Русской* оперы. Всѣ были въ восторгѣ, — но самъ Кавосъ чувствовалъ, что въ *князѣ Невидимкѣ* вовсе нѣтъ ничего Русскаго, а потому и сталъ пріискивать другой сюжетъ болѣе національный. — Судьба послала ему и автора и сюжетъ. Знаменитый нашъ баснописецъ Крыловъ рѣшился написать оперный либретто, и вскорѣ на Русской сценѣ явился *Илья богатырь*. — Тутъ ужъ все было Русское, — и слова, и преданія, и обычаи, и миѳологія. Сердца Русскихъ зрителей радовались. Наконецъ они видѣли свое родное: шутки, удальство,

повѣрья и даже слабости. Это была великая, торжественная минута! И вѣчная благодарность Русскихъ должна сохранить память Крылова и Кавоса, какъ основателей истинной національности на нашей оперной сценѣ.

По собственному ли желанію, или слѣдуя вкусу зрителей, авторы либретто и музыки поставили и тутъ на первомъ планѣ *Торопа* и *Сидыря* (Воробьева и Пономарева). Но это ужъ была не уродливая передѣлка чужихъ нравовъ и шутокъ на Русскій ладъ; это дышало роднымъ молодечествомъ и остроуміемъ. Прочія дѣйствующія лица были по положенію. Любовникъ Левсилъ—Самойловъ, котораго партія такъ высоко написана, что никто не могъ ее спѣть въ послѣдствіи, да и ему самому была она подъ конецъ тяжела. Болѣе всего въ роли его дѣлали ефектъ куплеты:

Побѣда! побѣда Русскому герою!
Врагамъ Россіи смерть и стыдъ! —

которые во время каждой войны и извѣстій о торжествѣ Русскаго оружія были непремѣнно требуемы публикою и принимаемы съ восторгомъ.

Любовница — Всемила — была уже здѣсь не такъ ничтожна, какъ въ Невидимкѣ, — а субретка—(Самойлова) еще болѣе прежняго оказала прекрасное свое дарованіе. — За то въ *Илья богатырь* явилось новое оперное амплуа, именно бравурная пѣвица въ ролѣ Зломеки. Къ сожалѣнію, Русская труппа была еще слишкомъ бѣдна для подобной новизны. Собственной бравурной пѣвицы она еще не имѣла и принуждена была прибѣгнуть къ заемнымъ средствамъ. Г-жа Пуччи, дочь иностранца, давно уже здѣсь проживавшаго; взявшаяся за роль Зломеки, — и исполня свою партію довольно хорошо, часто смѣшила зрителей своимъ выговоромъ,—такъ что слова ея: *мщеніе, друзья мои, мщеніе!* вошли въ театральную поговорку.

Явилась вскорѣ и другая бравурная пѣвица, молодая, прелестная собою и съ прекраснымъ, обширнѣйшимъ голосомъ: г-жа Фодоръ. Она тоже была изъ иностранокъ, поселившихся навсегда въ Россіи, и появленіе ея подавало большія надежды. Къ несчастію, Русскій выговоръ ея былъ не очень правиленъ, въ игрѣ ея было много холодности; и Русская публика, которая тогда вовсе не изъ дилетантовъ состояла, мало обращала на нее вниманія. Одни только знатоки удивлялись чрезвычайнымъ способностямъ молодой пѣвицы, которой діапазонъ простирался на три октавы до верхняго *fa*. Холодный ли пріемъ публики, или малое вниманіе къ ней самой Дирекціи,—только прекрасная сія пѣвица, выйдя замужъ за Французскаго актера Менвіеля, оставила Россію, — и съ тѣхъ поръ вѣчное раскаяніе преслѣдуетъ тѣхъ, которые могли бы удержать ее.—Европейская ея слава безпрестанно заставляла вздыхать насъ. — Впрочемъ, мы можемъ и тѣмъ утѣшиться, что едва ли голосъ г-жи Менвіель дошелъ бы до такого совершенства при Петербургскихъ средствахъ ученія и климатѣ.

О музыкальномъ достоинствѣ *Ильи богатыря* я не считаю нужнымъ распространяться. И теперь еще знатоки найдутъ въ немъ первоклассныя достоинства; тогда же это было прекрасное, отрадное явленіе. Каждый Русскій зритель могъ съ гордостію сказать: *и у насъ есть своя національная опера*. Имена Кавоса и Крылова должны остаться незабвенны. — Конечно, послѣдній изъ нихъ избралъ себѣ потомъ другое поприще, которое и обезсмертилъ; — но мнѣ кажется, что если бъ онъ посвятилъ себя театру, то сдѣлался бы равно великимъ и по этой части. *Модная лавка* и *Урокъ дочкамъ* могутъ и теперь считаться прекрасными національными піесами. — Ихъ не играютъ, а жаль! Онѣ могли бы и теперь служить украшеніемъ репертуара. Такія піесы не старѣютъ. Замѣтимъ только, что и Недоросля мы уже нѣсколько лѣтъ не видимъ на нашей сценѣ; не мѣшало бъ, однако же, хоть разъ въ годъ давать подобныя піесы.

Что еще сказать о тогдашней оперѣ. Это было еще дитя, но уже любимое и талантливое. Счастливо бы оно было, если бъ слѣдовало первоначальному своему направленію, то есть, держалось бы Русской національности. Къ сожалѣнію, многіе зна-

токи-диллетанты требовали *оперу, пѣвца*, не заботясь о народности, и вскорѣ Русская сцена была наводнена переводами иностранныхъ оперъ. Но это будетъ принадлежать ко второму періоду.

Къ пріятнѣйшимъ явленіямъ перваго періода принадлежала небольшая опера Кавоса: *Любовная почта*, либретто коей было сочинено Княземъ Шаховскимъ.—Едва ли есть одноактныя оперы съ такою милою и прелестною музыкою. Каждый номеръ носитъ на себѣ отпечатокъ геніяльнаго дарованія. Долго по гостинымъ раздавался романсъ:

«Ахъ, сердцу нѣжну
Можно ль не любить!»

Но Французы и Италіянцы вытѣснили изъ Русскихъ ушей всякую Русскую мелодію и отечественныхъ авторовъ. Подождемъ. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Геній Глинки не истощился же одною оперою. Онъ, или другіе будутъ же продолжать столь славно начатое дѣло, —и авось, наши милыя соотечественницы будутъ говорить нашимъ ушамъ и сердцамъ по *Русски*.

Остается сказать слова два о тогдашней монтировкѣ оперъ. — Нынѣ вошло въ правило, въ обыкновеніе говорить и печатать, что только современные спектакли блистаютъ сценическою роскошью, а что прежде не было ни богатыхъ костюмовъ, ни прекрасныхъ декорацій, ни искусныхъ машинъ. — Это жестокая и непростительная ошибка. Всякое время имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону, потому что совершенства на свѣтѣ нѣтъ и никогда не будетъ. За что же, во славу настоящаго, убивать все прошедшее? — Исполинъ-Россія развивается во всѣхъ отношеніяхъ такъ быстро и сильно, что лесть и угодливость не въ состояніи увеличить дѣйствительной ея славы. Но при всемъ своемъ теперешнемъ величіи, неужели мы сами себя унизимъ, если похвалимъ прошедшее? Мужъ-богатырь неужели не улыбнется съ удовольствіемъ, если ему приведутъ на память дѣла его юношества? Великой наукѣ и художеству не пріятно ли слѣдить за всѣми шагами своего поприща? Состояніе театровъ теперь блистательно, роскошно, изящно; но только одинъ незнающій, или злонамѣренный человѣкъ можетъ сказать, что въ прежнее время не было ничего хорошаго, а въ иныхъ отношеніяхъ даже лучшаго. — Наши нынѣшніе балеты и оперы могутъ похвалиться монтировкою, которой позавидуютъ всѣ богатѣйшіе театры Европы; но это не значитъ, чтобъ въ прежніе годы, и именно даже въ первый періодъ описываемыхъ мною воспоминаній, *все* было хуже. Напротивъ, монтировка *Князя Невидимки* и *Ильи богатыря* (обалетахъ поговоримъ далѣе) показалась бы и теперь *великолѣпною*. — Какъ ни прелестны теперь декораціи Роллера и Комп., но вѣрно всѣ нынѣшніе декораторы, при всевозможномъ человѣческомъ самолюбіи, откровенно сознаются, что они гораздо ниже Гонзаго и Корсини, которые имѣли Европейскую славу и авторитетъ. Спросите объ этомъ у нашихъ художниковъ-академистовъ, — они подтвердятъ вамъ мои слова. Люди, подобные Гонзаго, родятся вѣками, труды ихъ и слава незабвенны. — Конечно, театральное время разрушило всѣ работы этихъ великихъ артистовъ, декораціи ихъ существуютъ только въ памяти старожиловъ, но исторія художествъ все таки сохранитъ имена ихъ, тогда какъ слава многихъ современныхъ знаменитостей погибнетъ прежде ихъ самихъ.

Вспомнитъ ли напримѣръ кто нибудь изъ тогдашнихъ зрителей декорацію *Зимы* въ невидимкѣ (Корсини). Этотъ рыцарскій, очарованный замокъ въ дали; эти пламенные мечи чорныхъ рыцарей, теряющіеся потомъ въ отдаленіи сквозь окна замка, этотъ мостъ мгновенно разрушающійся при приближеніи Милолики? Вспомнитъ ли кто залу судилища (Гонзаго)? — Вотъ двѣ декораціи, которыя напрасно стали бы отыскивать себѣ подобныхъ въ числѣ нынѣшнихъ! —А въ *Ильѣ богатырѣ* первая декорація съ архитектурою галлереею (Гонзаго), зала подземнаго царства Злолеки (Гонзаго), не были ли образцовыми произведеніями?

Машины также мало уступали нынѣшнимъ. Вы не видали ли *слона* съ движущимся хоботомъ и глазами и со всѣми превращеніями Личарда на немъ; послѣдній Глуаръ съ храмомъ Гснія и съ группою лю-

дей, спускающійся сверху, и проч., принесли бы честь и Роллеру. (О балетныхъ машинахъ тоже будетъ говорено ниже).

Наконецъ костюмы. — Никто, конечно, не усомнится, что теперешнія монтировки оперъ и балетовъ превосходны, можетъ быть единственны; но и въ прежнія времена монтировка *нѣкоторыхъ* піесъ не уступала нынѣшнимъ въ богатствѣ и искусствѣ. *Невидимка* и *Илья богатырь* могутъ служить тому доказательствомъ. Тогда Французская изобрѣтательность не придумала еще столько средствъ къ введенію поддѣльнаго золота, серебра и бархата; тогда просто употребляли парчу, вышивали чистымъ золотомъ и серебромъ, одѣвались въ настоящій бархатъ. Это было довольно не искусно и не экономно, но прочно и дѣльно. — Конечно, не всѣ спектакли были такъ одѣты, какъ эти двѣ оперы; бывали часто и поистертыя платья, и старенькія декораціи и плохая мебель, но когда же не было, второстепенныхъ театровъ и піесъ? Если и теперь, послѣ великолѣпно-роскошныхъ спектаклей *Большаго Театра* явишься иногда въ Александровскій, — то найдешь на сценѣ много старыхъ знакомыхъ, которые давно ссорятся съ временемъ и роскошью.

Въ заключеніе скажемъ слово объ *оперномъ* оркестрѣ. — Вотъ предметъ, который рѣшительно уступалъ нынѣшнему въ общей массѣ. Были, конечно, отдѣльные таланты, равные теперешнимъ, — но всецѣлое нынѣ гораздо выше. — Г. Кавосъ дирижировалъ оркестромъ, и мнимые знатоки часто упрекали его въ неискусствѣ по этой части. — Что отвѣчать на подобное обвиненіе? Развѣ словами Крылова: *Избави Богъ отъ такихъ судей.* — Напротивъ, надобно было всегда удивляться искусству этого дирижера. — Легко управлять оркестромъ въ какой нибудь Парижской оперѣ, гдѣ всякій музыкантъ закрывши глаза проиграетъ свою партію и всякій пѣвецъ или пѣвица также твердо знаетъ свои *ritardando* и *accellerando*, какъ и самъ капельмейстеръ; но надобно ангельское терпѣніе и искусство свыше человѣческаго, чтобъ дирижировать тамъ, гдѣ музыканты, собравшись изъ всѣхъ частей свѣта, столько же различны между собою дарованіями и познаніями, сколько и языкомъ, и гдѣ пѣвцы и пѣвицы радуются послѣ оперы, если ни разу не сбились. Кавоса безпрестанно упрекали, что онъ слишкомъ растягиваетъ темпъ; но можно ли сохранить его съ астрономическою точностію, когда заранѣе знаешь, что артистъ не имѣетъ достаточной гибкости въ голосѣ и увѣренности въ самомъ себѣ, чтобъ исполнить пассажи? — Диллетанты бранили Кавоса, что онъ дозволяетъ себѣ передѣлки въ пассажахъ авторовъ; но не лучше ли измѣнить ихъ такимъ образомъ, чтобъ артистъ могъ ихъ спѣть съ нѣкоторымъ удовольствіемъ для публики, нежели принуждать его къ пассажамъ, которыхъ онъ не въ силахъ исполнить! — Сужденія свѣта всегда и во всемъ одинаковы. Всякій судитъ по наружности, по наслышкѣ, или по пристрастію, — а главное, что всякій хочетъ судить. Между тѣмъ ложные толки укореняются, и становясь всеобщими, переходятъ даже въ слѣдующее поколѣніе. Но будетъ время, когда отдадутъ полную справедливость великимъ заслугамъ Кавоса. Современники всегда неблагодарны.

Перейдемъ теперь къ балету.

Одна изъ вѣчныхъ аксіомъ нынѣшней журналистки состоитъ въ томъ, что теперешній балетъ выше всего. Конечно, кто не видалъ балетовъ Дидло въ блистательномъ ихъ состояніи, а судитъ объ этомъ только по роскоши и искусству нынѣшнихъ монтировокъ, тотъ правъ, тотъ можетъ усомниться въ *хорошемъ*, котораго не видѣлъ по *прекрасному*, которое теперь видитъ. — Но есть люди, которые до того пристрастны, что видѣвши даже *Амура и Психею* и тогдашнюю труппу, все таки увѣряютъ, что нынѣшній балетъ и по хореографическому достоинству превосходнѣе. Даже недавно одинъ журналистъ, котораго вѣрно никто не обвинитъ въ невѣжествѣ, выхваляя хореографическія творенія одного изъ нынѣшнихъ балетмейстеровъ, *проситъ у него извиненія, что онъ его сравниваетъ съ Дидло.* Это уже непостижимо. Положимъ, что всѣ мы на свѣтѣ пристрастны; иначе и быть не можетъ. Строгое безпристрастіе — одно пустое слово, расточаемое

только въ журналахъ, которые менѣе всего могутъ осуществить его. Я очень хорошо понимаю, что кто часто видитъ какую нибудь прелестную танцовщицу и принятъ даже ею въ кругъ домашняго знакомства, тотъ не можетъ сохранить безпристрастіе; что онъ долженъ быть въ восторгѣ, что онъ отъ всей души долженъ хвалить балеты отца ея. Все это естественно и справедливо; но зачѣмъ употреблять такія гиперболы? Зачѣмъ тревожить тѣнь великихъ артистовъ прошедшаго времени? Зачѣмъ не сохранить уваженія къ нимъ и къ самому себѣ?— Мы теперь восхищаемся, напримѣръ піесами Полеваго, потому, что онъ умѣлъ задѣть за живое сердца Русскихъ зрителей; но кто же захочетъ къ нему подслужиться и начавъ его хвалить станетъ вдругъ просить у него извиненія если сравнитъ его съ Шекспиромъ. Такая услужливость—хуже вражды. При описаніи нынѣшняго періода театровъ, мы въ подробности разсмотримъ хореграфическія достоинства балетмейстеровъ. Теперь возвратимся къ первой эпохѣ моихъ воспоминаній.—Тогда геній Дидло былъ еще въ восторженномъ состояніи молодости, и первымъ, едвали не лучшимъ его произведеніемъ, былъ балетъ *Амуръ и Психея*. Онъ былъ первоначально сдѣланъ не для публики. На другой годъ послѣ Тильзитской кампаніи, гдѣ Русскій орелъ кровью дѣтей своихъ сохранилъ дѣтей Пруссіи, прибыли въ С. Петербургъ знаменитые гости. Вѣнценосный супругъ съ прекраснѣйшею королевою посѣтили нашу сѣверную столицу и великолѣпныя празднества встрѣчали каждый ихъ шагъ въ царствѣ гостепріимства. Для нихъ-то поставленъ былъ балетъ *Амуръ и Психея* и данъ на Эрмитажномъ Театрѣ. Кто не знаетъ этого прекраснаго, истинно поэтическаго сюжета? Мудрено ли же, что человѣкъ съ геніемъ сдѣлалъ изъ него роскошнѣйшее произведеніе искусства? Еще легче понять и то, что балетъ былъ монтированъ съ *царскою* роскошью. Исполненъ же онъ былъ всѣми лучшими персонажами, какіе тогда были въ Европѣ.—Теперь нельзя себѣ составить истинной идеи о красотахъ этого балета, въ которомъ соединено было все, что искусство и роскошь придумать могли. Вспомнимъ только сцену появленія Венеры на воздушной колесницѣ, окруженной 50-ю живыми, бѣлоснѣжными голубями,—или драматическую минуту любопытства Психеи, чтобъ увидѣть спящаго амура,—или сцены въ адѣ, или, наконецъ, волшебное зрѣлище послѣдняго явленія, не знаешь: чему отдать преимущество! И глаза, и воображеніе, и эстетическое чувство — все удовлетворено и все въ восторгѣ.

Не прежде, какъ годъ спустя, дозволено было этотъ же самый балетъ дать для публики, и воспоминаніе о Дюпорѣ и Даниловой останется незабвеннымъ для всѣхъ, видѣвшихъ *Амура и Психею*.

(Недавно довелось мнѣ прочесть въ Пантеонѣ біографію Даниловой и воспоминанія о ней, писанныя двумя разными лицами,—и при всемъ моемъ уваженіи къ этимъ лицамъ, обязанъ я, однако же, сказать, что свѣдѣнія ихъ взяты по общимъ городскимъ слухамъ, а не изъ дѣйствительной театральной жизни этой артистки. Особливо же изъ ея смерти сдѣлали тогда люди романъ,— и онъ съ тѣхъ поръ пошелъ гулять по свѣту. Никто не опровергалъ его, потому что никому до этого не было нужды. Всѣ прочіе вѣрили, потому что романическая развязка всегда интересна.—Но во всемъ этомъ не было 25% правды. Почтенный писатель, такъ заманчиво сообщившій намъ свои воспоминанія о театрѣ, не обязанъ былъ знать закулисныхъ тайнъ, и слѣдовалъ тогдашней всеобщей молвѣ. Біографъ же Даниловой не могъ быть очевидцемъ тогдашнихъ происшествій, а долженъ былъ довольствоваться справками у старожиловъ.— Всѣ согласились сдѣлать Даниловну жертвою несчастной страсти. А въ самомъ-то дѣлѣ, все это было совсѣмъ не такъ.— Не много надобно быть знакомымъ съ закулисною жизнію для внутренняго убѣжденія, что танцовщицы всѣхъ на свѣтѣ театровъ довольно умны, чтобъ не умирать съ отчаянія, если *одинъ* обожатель ихъ оставитъ. Надобно быть большому несчастію и неурожаю въ волокитахъ, чтобъ не найти какого нибудь средства къ утѣшенію.—И Даниловна могла полюбить Дюпора, очень

могла ему понравиться, но чтобъ она въ это же самое время не обращала никакого вниманія и на другихъ обожателей: этого вѣрно никто не подумаетъ, кто хоть нѣсколько знаетъ сердце 17-ти лѣтней дѣвушки и танцорки,—Измѣна Амура могла, конечно, огорчить Психею; — но если бъ не случились другія, дѣйствительнѣйшія, причины, то всѣ знавшіе ее увѣрены что она бы пережила это несчастіе очень спокойно. Взаимная страсть этихъ лицъ вовсе не была развита въ такой сильной степени. Данилова была еще воспитанницею — и видѣла Дюпора только по *должности*; романическихъ объясненій между ними никогда не происходило, во-первыхъ, по всегдашнему присмотру за питомицами школы, а во-вторыхъ, по разности діалектовъ Амура и Психеи, изъ которыхъ каждый порознь не зналъ языка своей романической половины. Тутъ не могло произойти и первой главы романа, который добрые разскащики довели такъ хорошо до послѣдней. Если слушать всѣ сплетни и преданія, то были и другія склонности, которыя предвѣщали романъ съ благополучнѣйшимъ окончаніемъ; другіе же источники злословія разсказываютъ, напротивъ, что Даниловой подарена была смерть на Италіянскій манеръ, одною знатною соперницею, въ яблокѣ: но очень несправедливо, и даже неприлично вѣрить всѣмъ пустымъ слухамъ. А истинный фактъ, бывшій причиною ея кончины, состоитъ вотъ въ чемъ:

На одной изъ репетицій Амура и Психеи въ Эрмитажѣ, пробовала она полетъ 3-го акта, когда ее свергаютъ въ адъ. А такъ какъ Данилова и прежде жаловалась, что корсетъ, служащій для полета, ее жметъ, то на этотъ разъ сдѣлали ей новый. Она надѣла его; машину полета прицѣпили за крюкъ, и подняли ее къ софитамъ. Оттуда должна она опуститься съ чрезвычайною быстротою, чтобъ похоже было на дѣйствительное паденіе, а стоящія внизу группы демоновъ должны были принимать ее. Не извѣстно отъ чего, но въэтотъ разъ полетъ, не дойдя до низу, получилъ толчокъ, и такъ сильно стряхнулъ Данилову, висѣвшую на воздухѣ, что она произительно закричала. Тотчасъ же ее спустили и съ ужасомъ увидѣли, что она почти безъ чувствъ. Увели ее въ уборную, гдѣ она и пришла въ себя. Спросили: не болитъ ли у нее что? Она отвѣчала, что нѣтъ, — и тѣмъ кончилось. Однакоже въ тотъ самый день оказалось у ней кровохаркапье, и ввечеру она уже стала жаловаться, что чувствуетъ сильную боль въ груди. Подругамъ же своимъ разсказала, что въ минуту толчка машины ощутила она что-то странное и болѣзненное, какъ будто что порвалось во внутренности. Все это осталось въ то время безъ дальнѣйшаго изслѣдованія; она на другой же день танцовала Психею и продолжала заниматься танцами со всѣмъ жаромъ раждающагося дарованія. Эти усилія мало по малу истощили ея здоровье— и кровохарканье усилилось.—Начали было лечить, но ужъ было поздно. Она быстро приближалась къ гробу. Мать выпросила у А. Л. Нарышкина, чтобъ ее выпустили изъ школы, и прелестная жрица Терпсихоры умерла на зарѣ дней своихъ. Театръ и публика лишились въ ней наилучшаго своего украшенія. Но въ это время никто и не думалъ о Дюпорѣ. Это уже сочинили послѣ. Г. Біографъ даже ошибся шестью годами въ ея смерти: Даниловa умерла въ 1810, а не въ 1816 году.

Прошу добрыхъ моихъ читателей простить меня за это біографическое отступленіе; но мнѣ совѣстно было читать старыя сплетни, напечатанныя двумя почетными людьми. За что и для чего это сдѣлано? Недумая, чтобы выдумка была интереснѣе правды!)

Возвратимся къ состоянію балетной труппы. Я уже сказалъ, что по случаю высокихъ посѣтителей, вызваны были въ С. Петербургъ знаменитѣйшіе таланты Европы. Дюпоръ, Баптистъ, жена его, Дутакъ и г-жа Сень-Клеръ — были первокласные таланты для танцевъ. У насъ же была свол. Колосова и Огюстъ для пантомимы; которые могли служить по этой части образцами для иностранцевъ. И кажется, что въ этомъ состояніи тогдашняя труппа далеко превосходила нынѣшнюю. Дюпоръ сводилъ тогда съ ума всю Европу, также, какъ теперь

Тальони и Эльслеръ. И дѣйствительно, онъ не танцовалъ, а летал; сила и легкость его была непостижима; въ три прыжка онъ спускался изъ глубины театра до рампы. А пируэты его доходили до невѣроятности.

Баптистъ былъ первоклассный танцоръ въ благородномъ родѣ, — а жена его въ демихарактерномъ. Г-жа Сенъ-Клеръ оспоривала тогда пальму первенства у Даниловой. Колосова была еще тогда танцовщицею въ серьезномъ родѣ. Однимъ, словомъ вся Европа могла позавидовать тогда нашему балету.

О самомъ балетмейстерѣ Дидло въ этотъ періодъ нечего говорить. Онъ доказалъ превосходство своего генія балетомъ *Амуръ и Психея*. Выше этого никто и ничего еще не создавалъ. — Но хореграфическое его поприще не могло вполнѣ развиться въ тогдашнемъ періодѣ. Парижскимъ танцорамъ вовсе не нужны были балеты, а одни отдѣльные па. Для этого они требовали дивертисементовъ, или легонькихъ *балетцовъ*. Геній Дидло не хотѣлъ угождать подобнымъ требованіямъ; онъ хотѣлъ созидать для славы и потомства, а не истощать своего дарованія на эфемерные труды. Отъ этого столкновенія требованій произошли небольшія неудовольствія. Дюноръ сталъ самъ для себя сочинять балеты, и хотя это были творенія, которыхъ и названія давно уже забыты, однако же публика была чрезвычайно довольна, потому что всѣ ея балетные любимцы участвовали въ этихъ спектаклях и приносили ей удовольствіе. Люди съ геніемъ всегда отмщаютъ своимъ врагамъ тѣмъ, что созидаютъ новыя, превосходныя творенія. Дидло поставилъ *Зефира и Флору*, (для коей Кавосъ написалъ прекраснѣйшую музыку), и объ этомъ балетѣ можно только сказать, что это высочайшая лирическая поэзія, соединенная съ живописью Рафаэля. Зритель не имѣетъ времени опомниться отъ удовольствія во все продолженіе балета, и уноситъ съ собою на долго роскошнѣйшія впечатлѣнія. Тутъ нѣтъ драматическаго сюжета, какъ въ другихъ балетахъ Дидло, — тутъ одна поэзія любви, свѣтлая, чистая, обворожительная. Дай Богъ и нынѣшнимъ хореграфамъ сочинять подобные балеты, а машинистамъ не гордиться своимъ искусствомъ, вспомня о двойномъ полетѣ *Зефира и Флоры*, при послѣдней перемѣнѣ декораціи.

Что еще сказать о тогдашнемъ балетѣ? — Развѣ вспомнить ужасный окладъ Дюпора. Нынѣ экономисты ужасаются отъ содержанія, получаемаго Тальони; но оно ничтожно въ сравненіи съ платою, производимою тогда Дюпору. Тогда цѣны театра была вдвое дешевле, рубль серебромъ стоилъ 1 р. 35 к. и до 1½ ассигнаціями; полный сборъ Большаго Театра не превышалъ 2800, и Дюноръ получалъ поспектакельной платы, 1200 р. считая рубль въ три франка (такъ было сказано въ контрактѣ), то есть по 3600 франковъ за вечеръ. Каково же было кассѣ театра, когда сборы бывали по 900 р., а Дюпору надобно было все таки платить 1200 р. — Наконецъ заключили съ нимъ контрактъ, по которому, уничтожа поспектакельную плату, начали ему производить по 60 тыс. р. въ годъ, точно также, считая рубль въ три франка, слѣдственно 180,000 франковъ. Ужасная цѣна, особливо при тогдашнихъ средствахъ театра! — Изъ этого въ окончаніе можемъ сказать, что для всякаго въ свѣтѣ театра балетъ не что иное, какъ предметъ роскоши и роскоши самой разорительной. Въ экономическомъ отношеніи никогда балетъ не возвратитъ своихъ издержекъ, въ художническомъ и эстетическомъ, существуетъ только для глазъ и воображенія, въ національномъ же, находится онъ на низшей ступени твореній. Однимъ словомъ, это шутка, игрушка, пріятное препровожденіе времени. Что такое въ самомъ дѣлѣ танцы? Въ домашнемъ, въ общественномъ быту, это выраженіе веселости, способъ составлять знакомство и пріятно проводить вечера; но публичные, театральные танцы? Что такое всѣ эти прыжки, пируэты? Какую мысль могутъ они выразить? Какую цѣль могутъ имѣть?—Удовольствіе зрителей? — Но какого рода это удовольствіе? Зритель съ восхищеніемъ смотритъ, какъ бѣдный артистъ съ величайшимъ усиліемъ прыгаетъ, вертится, изгибается и, получивъ нѣсколько аплодиссементовъ, бѣжитъ за кулисы, гдѣ задыхается

до обморока и тысячекратно проклинаетъ свое ремесло. Но въ эту минуту его вызываютъ, и онъ, принявъ опять офиціально смѣющійся и довольный видъ, который составляетъ часть горькой его обязанности, выходитъ, чтобъ принять ничтожную благодарность нѣсколькихъ записныхъ вызывальщиковъ. Можетъ быть, не посвященные въ закулисную жизнь скажутъ мнѣ, что великіе таланты, подобные Тальони, танцуютъ безъ усилій и никогда не задыхаются. — Они жестоко ошибутся. И она подвержена тѣмъ же самымъ жестокимъ закулиснымъ одышкамъ, и танцы для нее точно также мучительны, какъ и для другихъ. — Но искусство состоитъ въ томъ, чтобъ скрывать это мучительное состояніе отъ зрителей: гдѣ же тутъ удовольствіе и въ чемъ оно состоитъ? Какое полезное впечатлѣніе уноситъ съ собою зритель? Какое чувство добра возбудили въ немъ всѣ эти *bas debourés*, *ronde jambes*, *entrechats ensix*, и проч. и пр.? какую пользу наукамъ, художеству и народной славѣ принесли Вестрисъ, Дюноръ. Поль? — Драматическій актеръ возвышаетъ мою душу, описывая великія, благородные подвиги моихъ предковъ; комическій научаетъ меня, представляя въ смѣшномъ видѣ пороки и слабости общества; даже оперный пѣвецъ, если и не приноситъ мнѣ никакой нравственной пользы, то по крайней мѣрѣ услаждаетъ слухъ мой очаровательными звуками гармоніи. Но балетъ? — Размахивая руками и перебирая ногами по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, какого рода удовольствіе доставляетъ онъ? —

Остается намъ бросить взглядъ на Французскую труппу тогдашняго времени. — Петербургъ удивительно счастливъ былъ во всѣ времена составомъ своихъ Французскихъ труппъ. Кромѣ Парижа, ни одна столица въ Европѣ никогда не имѣла такого множества отличныхъ артистовъ. Правда; что ни одинъ народъ и не освоился такъ съ Французскимъ языкомъ, какъ Русскій. — До сихъ поръ Французскій діалектъ составляетъ существенную принадлежность нашего высшаго общества, которое только съ должностными лицами употребляетъ Русскій языкъ. И сколько бѣдные писатели и журналисты ни хлопочутъ о чистотѣ и отдѣлкѣ роднаго діалекта, — но можно заранѣе предсказать, что всѣ труды ихъ будутъ до тѣхъ поръ безсильны, покуда прелестныя наши аристократки не заговорятъ между собою и съ окружающими ихъ планетами по Русски. Это время придетъ. — Сѣмена посѣяны. Плодъ созрѣетъ не скоро,—но тѣмъ пріятнѣе будетъ онъ для потомства нашего, которое, вѣрно, съ душевной благодарностію вспомнитъ о первоначальномъ виновникѣ посѣва національности.

Въ эпоху описываемыхъ мною воспоминаній Французская труппа въ С. Петербургѣ была самою богатою и талантами, и разнообразіемъ. Она имѣла и классическую трагедію, и большую оперу, и комическую оперу, и прекраснѣйшую комедію. Спектакли были посѣщаемы, какъ и нынѣ, отборнымъ Петербургскимъ обществомъ,— и сверхъ того Французская труппа очень часто играла при Высочайшемъ Дворѣ. Моатировка піесъ ихъ была богатѣйшая— и гардеробъ ихъ долго потомъ служилъ украшеніемъ слѣдующимъ театральнымъ поколѣніямъ.

Трагедія, разумѣется, была временною и вся сосредоточивалась въ лицѣ знаменитой Жоржъ.—Еще во время Эрфуртскаго конгресса приглашена она была въ Россію, и черезъ годъ потомъ явилась. Можно вообразить себѣ, какой успѣхъ имѣла эта великая артистка, будучи тогда во всей свѣжести лѣтъ и развитія своего дарованія. Природа рѣдко создавала прекраснѣйшія формы для трагической актрисы. Жоржъ была идеаломъ изящества. Талантъ ея былъ необыкновенный—а въ ту эпоху, когда вся Европа, увлеченная славою Наполеона, безусловно восхищалась всѣмъ Французскимъ произведеніемъ, истинный талантъ долженъ былъ довести восторгъ до изступленія. Какъ она играла Федру, Клитемнестру, Аменаиду! — Какъ тогда еще нравились піесы Расина и Вольтера! Мы были еще просты; вѣрили еще, что классицизмъ можетъ и долженъ существовать и что прекрасными Александрійскими стихами можно выражать и страсти и мысли,

Теперь намъ, конечно, доказали, что геній не долженъ быть связанъ никакою условною ролью, что пятистопный ямбъ безъ рифмъ ближе къ природѣ и что для нашего вѣка нужны потрясающія страсти, ужасныя катастрофы, а не древняя сентиментальность. Будемъ повиноваться вѣку: онъ всегда правъ. Не скроемъ, однако же, что впечатлѣнія былыхъ временъ пріятно отзываются въ воображеніи и сердцѣ. Виноваты! Намъ тогда нравились и стихи и піесы Расина. А особливо Жоржъ, съ ея великолѣпною игрою, прелестнымъ органомъ и очаровательною наружностію, увлекала насъ. — Fuit!

О прочихъ лицахъ трагедіи не много можно сказать. Они участвовали въ ней по усердію къ искусству и не портили своихъ ролей, — а это много значитъ. Г-жа Ксавіе была превосходная актриса на первомъ амплуа въ комедіи, — и принимала второстепенныя роли въ трагедіи (напримѣръ, Эрифилу). — Юлія — Эвра, играла въ комедіи молодыхъ любовницъ, и занимала въ трагедіи принцессъ. Деглиньи былъ прекрасный благородный отецъ. Вареннъ былъ тиранъ, а Менвіель (*) — посредственный любовникъ. — И все таки ensemble шелъ чудесно. Жоржъ одушевляла все и всѣхъ.

Кромѣ всѣхъ личныхъ заслугъ Жоржъ, заслуживаетъ она и національную благодарность. Ея таланту обязаны мы другимъ, блистательнымъ Русскимъ дарованіемъ. Первая наша трагическая актриса Семенова наиболѣе ей одолжена развитіемъ высокаго своего искусства. Игра г-жи Жоржъ сообщила ей тайну: въ чемъ состоитъ истинный драматическій даръ и какіе средства вѣрнѣе всего дѣйствуютъ на сердца зрителей; въ особенности же изучила она изящество театральныхъ позъ. Она не послѣдовала рабски за Жоржъ въ игрѣ ея и чтеніи, потому что истинный талантъ самъ прокладываетъ себѣ путь въ области искусства, но не видя Жоржъ, едва ли бы Семенова достигла совершенства во всѣхъ отношеніяхъ.

(*) Мужъ знаменитой пѣвицы Федоръ.

Французская *комедія* была единственная. Исключая знаменитой Марсъ, даже Парижскіе жители завидовали тогда необычайному стеченію талантовъ въ С. Петербургской труппѣ. Ларошъ и Деглиньи были благородные отцы, Дюкруаси же первый комикъ; Дюранъ-первое амплуа; Гравиль—большой ливрей; Фрожеръ—шаржированныя роли. Все это были первоклассные таланты, которыхъ ensemble былъ удивителенъ. Все такъ просто, естественно, умно, весело и живо, что зритель былъ вполнѣ очарованъ. Это уже была не комедія, а дѣйствительность.

Пальма же первенства въ комедіи безспорно принадлежала г-жѣ Туссенъ-Мезьеръ. Она играла амплуа первыхъ субретокъ, и была въ немъ превосходна, единственна. — Теперешній репертуаръ комедіи изгналъ это амплуа, но тогда безъ субретки не было ни завязки, ни развязки — и Туссенъ была украшеніемъ Французской комедіи.

(О молодой любовницѣ и благородной матери говорено выше.)

Скажемъ наконецъ нѣсколько словъ о Французской оперѣ.—Составъ ея былъ также самый счастливый. Довольно уже было бы и того, что *Боэльдье* былъ композиторомъ при ней. Всѣ первыя оперы, прославившія этого знаменитаго композитора, были сочинены здѣсь, — а великолѣпная постановка *Телемака*, съ танцами Дидло, изумила бы и нынѣшнихъ зрителей, привыкшихъ къ сценической роскоши. Оркестръ составленъ былъ весь почти изъ солистовъ. Дирижеромъ былъ Парисъ, — и этого имени довольно, чтобъ выразить всю блистательную эпоху сего оркестра. Самъ Боэльдье не рѣшался дирижировать своихъ оперъ, а предоставлялъ Парису, сообщая ему только свои идеи.

Что же касается до персонажей, то надобно перебрать по одиночкѣ всю труппу, чтобъ назвать отличнѣйшихъ, потому что все цѣлое составляло также рѣдкое явленіе совершенства.—Въ это время цѣль и направленіе оперы вообще были вовсе не тѣ, которымъ слѣдуютъ нынѣ. Тогда опера *украшалась* пѣніемъ, но все таки принадлежала къ драмѣ. Артисты пѣли свои пар-

тіи хорошо; но эта заслуга была второстепенною въ глазахъ зрителя. Онъ требовалъ болѣе всего, чтобъ оперный актеръ *игралъ* свою роль. Безъ этого условія первый въ мірѣ пѣвецъ не удовлетворилъ бы публику. Вотъ отъ чего всѣ старинныя Французскія оперы имѣютъ въ себѣ столько драматическаго интереса, — такъ что откинувъ изъ нихъ пѣніе, все таки будетъ хорошая піеса. Вотъ почему и тогдашняя Французская оперная труппа славилась. Она вся состояла изъ артистовъ, которые отлично *играли*.

И по пѣнію, и по игрѣ первенство принадлежало г-жѣ Филисъ-Андріё. Прекрасный, нѣжный, гибкій голосъ, ловкость, живость и прекрасная наружность, все это, соединенное съ глубокимъ знаніемъ сцены и истиннымъ неподдѣльнымъ чувствомъ, дѣлало г-жу Филисъ рѣдкою актрисою. Она была любимицею публики и вполнѣ заслуживала эту любовь. — Кто помнитъ ее въ *Алинѣ* и *Кези*, тотъ вѣрно признается, что лучшей актрисы не видѣлъ съ тѣхъ поръ.

Мужъ ея, Андріё, былъ первымъ оперным любовникомъ. Голосъ у него былъ самый посредственный,—но за то игра превосходная. Далѣе мы увидимъ, какою благодарностію обязаны ему по части Русской оперы. Во Французской же онъ былъ любимцемъ публики за прекрасную свою игру, богатый репертуаръ и разнообразіе ролей. — Какъ онъ хорошо игралъ съ женою миленькую піесу: *Les amans-protées!* Это былъ верхъ искусства! — Какъ превосходно шла у нихъ *Фаншона!* Какъ прелестенъ былъ *Калифъ Багдадскій!* Все это было такъ легко, весело, пріятно, что съ сожалѣніемъ вздохнешь о счастливыхъ временахъ, когда комическія оперы доставляли зрителямъ истинное наслажденіе. А теперь все идетъ въ гору. Публика требуетъ грандіозныхъ вещей, а бѣдные пѣвцы и пѣвицы должны крикомъ и завываніями пріобрѣтать себѣ славу и любовь партера.

Я уже сказалъ выше, что оперные артисты цѣнились тогда по *игрѣ*.—Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить пѣвецъ *Леблан*. Какой былъ прекрасный, чистый, звучный теноръ! Пріятнѣе голоса едва ли можно было найти, — а все таки его принимали довольно холодно, потому что онъ игралъ слабо въ сравненіи съ другими. Только тогда, когда пѣніе его приводило въ невольный восторгъ, его осыпали аплодисементами; когда же онъ начиналъ говорить, все опять было холодно.

Буржуа, первый серьозный пѣвецъ. — И у него былъ голосъ довольно посредственный; но онъ старался замѣнить этотъ недостатокъ благородною и энергическою игрою. Лучшею его ролью былъ *Лициній* въ Весталкѣ.

Былъ еще теноръ *Фейльдъ*, — но онъ только по болѣзни главныхъ персонажей занималъ значительныя роли; собственное же его амплуа было незначительно. —

Г-жа Бертенъ была первою серьезною пѣвицею. Голосъ ея былъ обширный, звучный, но не имѣлъ ни гибкости, ни пріятности г-жи Филисъ, — да и наружность ея не помогала очарованію зрителей. За то игра ея была исполнена благородства и души. — Роль *Юліи* (Весталка) была ея торжествомъ. Она выдерживала ее до конца съ удивительнымъ искусствомъ.

Вообще, говоря о Весталкѣ, нельзя не вспомнить великолѣпной монтировки этой оперы.—Декораціи были Гонзаго и Корсини; одного этого довольно бы уже было для очарованія. Храмъ Весты и послѣдняя декорація была образцомъ искусства, а ночной видъ Капитоліи — Корсини, надобно бы было вставить въ рамку, какъ превосходнѣйшую картину. — Даже позднѣйшія передѣлки не успѣли испортить этой прелестной декораціи. — Танцы въ 1-мъ актѣ были также отлично поставлены. Всѣ первые сюжеты балетной труппы танцовали въ коръ-де-балѣ.

Заключимъ обозрѣніе оперы первымъ басомъ: г. Месомъ. Онъ былъ отличный пѣвецъ и хорошій актеръ.— И его лучшею ролью можно почесть первосвященника въ Весталкѣ; его Финалъ 2-го акта приводилъ въ трепетъ зрителей, — а дуэтъ 3-го дѣйствія всегда былъ повторяемъ.—Въ Фаншонѣ онъ былъ превосходенъ въ ролѣ

Аббата. Это былъ истинный типъ тогдашнихъ аббатовъ.

Нужно ли говорить о прекрасныхъ костюмахъ? — Кажется, объ этомъ было говорено выше. Французская труппа тогда славилась богатствомъ и изяществомъ гардероба. Она часто играла на Эрмитажномъ и Комнатномъ Театрахъ,—и разумѣется, все должно было соотвѣтствовать величію и вкусу зрителей, передъ которыми она имѣла честь представлять.

Вотъ все, чѣмъ ограничиваются мои воспоминанія перваго театральнаго періода! Я не входилъ въ подробное сужденіе о репертуарѣ и игрѣ каждаго артиста, потому что самъ еще судилъ по словамъ другихъ. Мѣстныя театральныя познанія мои были еще слишкомъ молоды. А потому, если кто изъ гг. читателей — старожиловъ найдетъ въ моемъ разсказѣ несходное съ своими идеями, то пусть не обвиняетъ меня въ пристрастіи. Мой образъ мыслей никому не законъ. Увѣряю его только, что все предъидущее и послѣдующее, что онъ прочтетъ, будетъ *искреннимъ* повѣствованіемъ *моихъ* ощущеній, впечатлѣній и воспоминаній.

Настала наконецъ эпоха самой величественной драмы. Наступилъ знаменитый 1812-й годъ.—Русская народность, подавленная долгое время страстію ко всему иноземному, а особливо Французскому, вдругъ вспыхнула самымъ яркимъ и великолѣпнымъ огнемъ. Русскіе увидѣли противъ себя всю Европу съ оружіемъ въ рукахъ, и справедливое негодованіе возвратило ихъ къ чувствамъ національной силы, самосознанію и самобытности. Все взволновалось, закипѣло *Русскою* местью противу пришельцевъ,—и съ этой грозной минуты на родныхъ несчастій начинается новая эра Русской славы, величія и народности.

Страсти, волновавшія всѣ сердца, отразились и на сценѣ. — Французская труппа не могла уже оставаться въ С. Петербургѣ. Народная ненависть преслѣдовала даже артистовъ. Никто уже не смѣлъ показаться во Французскомъ спектаклѣ (*). На Русской же сценѣ публика требовала однихъ національныхъ піесъ. И какой восторгъ производило тогда каждое слово, говорящее сердцу Русскаго! — Это было какое-то великое, благородное изступленіе. Я помню, что въ драмѣ: *Всеобщее ополченіе,* когда всѣ дѣйствующія лица піесы приносятъ все свое достояніе на жертву отечеству, одинъ изъ зрителей бросивъ на сцену свой бумажникъ, закричалъ: *Возьмите и мои послѣдніе 75 рублей!* — И тогда подобный поступокъ никого не удивилъ, никому не показался неприличнымъ. — Какое великое, незабвенное время! Пройдутъ вѣка — и оно все таки будетъ блистать въ исторіи Русскаго народа, какъ великая эра Русской народности, славы и величія.

И я спѣшилъ въ ряды *защитниковъ Петрова града.* — Съ этой минуты мои театральныя воспоминанія слишкомъ на два года прекращаются. Другая драма занимала тогда всю Европу.

(*) Въ это самое время случился забавный анекдотъ. Издавна существовало обыкновеніе (и оно еще недавно прекратилось), чтобы между піесами анонсировать будущіе спектакли. — Французскіе артисты дѣлали это при поднятой завѣсѣ и послѣ троекратнаго поклона публикѣ. Анонсъ всегда начинался словами: *Messieurs!* Demain... nous aurons l'honneur de vous donner, etc.

При самомъ началѣ кампаніи 1812 года Французскій актеръ Дюранъ, выйдя однажды для анонса, и сдѣлавъ три обычные поклона, подошелъ къ рампѣ и началъ свое возглашеніе: *Messieurs!..* Но вдругъ окинувъ взоромъ залу, остановился. Въ креслахъ сидѣлъ всего *одинъ* зритель. Дюранъ не смутился однако же, и поклонясь три раза, сказалъ: *Monsieur!* Demain Mardi nous aurons l'honneur de vous donner и проч.

НЕКРОЛОГІЯ

АЛЕКСАНДРА МАТВѢЕВИЧА

САБУРОВА.

Александръ Матвѣевичъ Сабуровъ, одинъ изъ лучшихъ актеровъ Императорскаго Московскаго Театра, родился въ Орловской Губерніи въ 1800 году. Отецъ его, по пріѣздѣ въ Москву въ 1808 году, опредѣлилъ малолѣтнаго сына во вновь учрежденную Театральную Школу. Г. Сабуровъ, оказавшій большіе успѣхи въ наукахъ, вмѣстѣ съ другими отличнѣйшими воспитниками, былъ посылаемъ Дирекціею въ Московскій Университетъ на лекціи. Этимъ способомъ, онъ и немногіе изъ его товарищей получили образованіе, достаточное для сценическихъ артистовъ. Въ 1821 году, бывшій Директоромъ Императорскаго Московскаго Театра, А. А. Майковъ, посылалъ молодаго Сабурова въ С. Петербургъ, для ознакомленія его съ отличными талантами, донынѣ блистающими на театрахъ пышной столицы. Тамъ Сабуровъ узналъ несравненнаго Н. И. Сосницкаго, который и былъ первымъ его наставникомъ на новомъ поприщѣ. Въ Петербургѣ Сабуровъ явился въ первый разъ на сценѣ, въ роли Графа Альмавивы, въ комедіи: Севильскій цирюльникъ. Успѣхъ его былъ непомѣрный, и Дирекція Императорскихъ Театровъ хотѣла удержать его въ Петербургѣ, какъ артиста, подающаго самыя лестныя надежды. А. А. Майковъ не согласился на это, видя въ Сабуровѣ актера, необходимаго для Московскаго Театра, который въ то время какъ будто начиналъ перерождаться. Поѣздка въ Петербургъ была полезна для Сабурова. Тамъ онъ узналъ свои средства, и возвратившись въ Москву, былъ въ теченіе десяти лѣтъ украшеніемъ сцены. Онъ скончался 18-го Іюня 1831 года, отъ сильной воспалительной болѣзни въ правомъ боку, прекратившей жизнь его въ двое сутокъ. — Нынѣ, когда въ отечествѣ нашемъ начинаютъ обращать вниманіе на отличные таланты, къ какому бы сословію они ни принадлежали, званіе актера сдѣлалось уже не унизительнымъ, и, можетъ быть, замѣтнѣе нѣкоторыхъ, совершенно безполезныхъ. Теперь мы научились цѣнить артистовъ, дѣлающихъ честь успѣхамъ нашего просвѣщенія. По этому я надѣюсь, что краткое исчисленіе сценическихъ заслугъ Сабурова не будетъ сочтено излишнимъ. Духъ наблюденія, врожденная замысловатость и пріятная наружность были его природными способностями, коими онъ умѣлъ воспользоваться. Весьма порядочное знаніе отечественнаго и Французскаго языка, въ особенности же необыкновенная ловкость и искусство въ танцованіи, доставили ему входъ въ лучшіе домы столицы. Большой свѣтъ сдѣлался ему извѣстенъ посредствомъ преподаваемыхъ имъ танцовальныхъ уроковъ. Такимъ образомъ онъ узналъ тонъ высшаго общества, который такъ часто бываетъ камнемъ пре-

кновенія для актеровъ, одаренныхъ талантами, но неопытныхъ. Въ первой половинѣ истекшаго десятилѣтія репертуаръ Московскаго Театра обогатился только піесами, выписанными изъ Петербурга, и Сабуровъ обыкновенно занималъ тѣ роли которыя въ Петербургѣ были играны г-мъ Сосницкимъ.

Тѣмъ не менѣе онъ никогда не подражалъ этому знаменитому артисту, и пользовался собственными средствами. Когда покойный А. И. Писаревъ началъ обновлять Московскую сцену новыми піесами, почти въ каждой изъ нихъ Сабуровъ занималъ важныя роли, для выполненія коихъ онъ не имѣлъ образцовъ, и со всѣмъ тѣмъ разыгрывалъ ихъ съ искусствомъ, близкимъ къ совершенству. Такимъ образомъ *созданы* имъ роли: *Вытрона* въ комедіи Лукавинъ, *Посошкова* въ комедіи Благородный Театръ, *Дюка д'Элмара* въ комедіи Урокъ старикамъ, и много другихъ.

Но этимъ еще не ограничились успѣхи Сабурова. Ему предстояло другое торжество, представленіемъ труднѣйшаго лица, которое когда либо являлось на сценѣ. Я говорю о роли Фигаро въ комедіяхъ: Севильскій цирюльникъ и Фигарова женитьба. Въ тотъ самый годъ, когда въ Петербургѣ Г. Сосницкій приготовлялся показать свой талантъ во всемъ блескѣ, играя роль хитраго соперника сластолюбца Альмавивы, г. Сабуровъ изучалъ роль веселаго, замысловатаго, но бѣднаго цирюльника, готоваго къ услугамъ того самаго вельможи, который въ послѣдствіи будетъ отбивать у него невѣсту.

Переводчикомъ первой изъ этихъ пьесъ, роль Фигаро назначалась г. Рязанцову. За отбытіемъ его въ то время въ Петербургъ, Сабуровъ самъ вызвался испытать свои силы въ представленіи этого удивительнаго лица. Успѣхъ его превзошелъ всѣ ожиданія. Въ Россіи никто не игралъ, и вѣроятно никогда не сыграетъ роли Севильскаго цирюльника съ такимъ совершенствомъ, какъ Сабуровъ.

Послѣ такого успѣха, Сабуровъ выписалъ для своего бенефиса комедію: Женитьба Фигаро, и, по собственному признанію, осмѣлился играть роль управителя замка послѣ Г. Сосницкаго.

Весьма жаль, что любители театра не могли видѣть поочередно обоихъ артистовъ на одной сценѣ и въ одной роли! . . . Фигаро могъ бы показать, не преимущество одного актера предъ другимъ, а только различіе ихъ великихъ талантовъ, на счетъ другихъ ролей, игранныхъ гг: Сосницкимъ и Сабуровымъ.

Вотъ мнѣніе мое о томъ и о другомъ.

Первый, не взирая на свое искусство, никогда не можетъ удовлетворительно представлять лица, не принадлежащія къ высшему кругу общества.

Такъ напримѣръ, въ роляхъ удалаго армейскаго гусара, провинціяльнаго мота, повѣсы, г. Сосницкій болѣе или менѣе выказываетъ благовоспитаннаго гвардейскаго офицера, каммергера или маркиза. Его ловкій, благородный тонъ всегда выглядываетъ изъ подъ личины. У Сабурова было совсѣмъ противное. Напримѣръ, въ роли Графа Ольгина онъ болѣе былъ похожъ на Стрѣльскаго, изъ комедіи: Два брата, между тѣмъ какъ въ г. Сосницкомъ, занимающемъ роль меньшаго Стрѣльскаго, всегда бываетъ замѣтенъ Графъ Ольгинъ. Но это не доказываетъ, чтобы Г. Сабуровъ былъ чуждъ благородства на сценѣ. Напротивъ! У него только не было той утонченной любезности, которая восхищаетъ зрителя въ несравненномъ Сосницкомъ. Въ замѣнъ того, этотъ послѣдній не имѣетъ той комической замысловатости, которая въ случаѣ нужды оказывалась въ игрѣ Г. Сабурова. Въ роляхъ Жака Трише (водевиль Два учителя), Грифьяка (водевиль Фениксъ) и даже въ роли веселаго Тарабара, г. Сабуровъ являлся отличнымъ комикомъ, ни мало неуступающимъ Рязанцову и Воробьеву.

При этомъ разнообразіи таланта, г. Сабуровъ имѣлъ рѣдкій даръ сужденія. Онъ съ перваго взгляда оцѣнивалъ по достоинству цѣлыя піесы, и его предсказанія на счетъ блестящаго успѣха или паденія всегда были вѣрны. Разсуждая о характерахъ лицъ, имъ самимъ игранныхъ, онъ показывалъ не только опыт-

наго артиста, но даже ученаго критика. Г. Сабуровъ могъ быть еще по крайней мѣрѣ десять лѣтъ украшеніемъ нашего Театра, и можетъ быть, образователемъ другихъ сценическихъ талантовъ. Но судьба рѣшила иначе! Потеря такого таланта долгое время останется невознаградимою! Г. Сабуровъ игралъ въ послѣдній разъ 18-го Іюня (въ бенефисъ Г. Орлова) въ водевилѣ: Три десятки, который былъ сыгранъ однажды, 19-го Ноября 1825 года, въ бенефисъ г. Сабурова, и съ тѣхъ поръ не являлся на сценѣ до упомянутаго представленія. Послѣ этого незабвеннаго актера остались пятеро малолѣтныхъ дѣтей, и это обстоятельство дѣлаетъ еще горестнѣе его кончину.

Г. Сабуровъ, вмѣстѣ въ своею супругою, одною изъ первыхъ актрисъ Московскаго Театра, получалъ хорошее жалованье и имѣлъ очень выгодные бенефисы.

Съ такими средствами онъ жилъ довольно щедро, и даже роскошествовалъ на счетъ своего театральнаго гардероба, который былъ неоспоримо лучшій въ цѣлой труппѣ; но и при этихъ издержкахъ, г. Сабуровъ отложилъ въ сторону небольшой капиталъ, который намѣренъ былъ увеличить, и въ надлежащее время употребить вполнѣ на воспитаніе своихъ дѣтей. Г. Сабуровъ зналъ цѣну образованности! Можно было надѣяться, что при попечительности такого умнаго отца, дѣти его сдѣлались бы со временемъ полезными членами общества, какое бы званіе они себѣ ни избрали.

А. Р—Ъ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА ПЕТЕРБУРГА.

ОБОЗРѢНІЕ КОНЦЕРТОВЪ,

ДАННЫХЪ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ ВЕЛИКАГО ПОСТА 1840 ГОДА.

Въ теченіе нынѣшняго Великаго поста дано было въ Петербургѣ столько концертовъ, что публика едва успѣвала ихъ слушать. Не говоря уже о легкихъ *музыкальныхъ вечерахъ*, которые почти каждый день разыгрывались и распѣвались въ частныхъ небольшихъ залахъ нѣкоторыми изъ второстепенныхъ артистовъ,—концертовъ, объявленныхъ афишами во всеобщее свѣдѣніе, было 45, въ 33 музыкальные дня.— Бросимъ бѣглый взглядъ на эти концерты; обратимъ особенное вниманіе на пріѣзжихъ артистовъ, будучи увѣрены, что таланты артистовъ, живущихъ въ Петербургѣ, давно извѣстны всей образованной публикѣ и оцѣнены уже ею.—Изъ числа музыкальныхъ гостей давали въ нынѣшнемъ посту концерты: *скрипачи:* гг. Прюмъ, Вьётанъ и Реми; фортепіанисты: гг. Леопольдъ Мейеръ, Дрейшокъ, Нѣвица и фортепіанистка г-жа Эмилія Угла; *пѣвицы*: г-жи Гофманъ и Гессе, и *пѣвецъ* Г. Гофманъ.

Гг. Прюмъ, Вьётанъ и Реми — всѣ трое молодые люди съ замѣчательными талантами. Первое мѣсто изъ нихъ, какъ виртуозу и какъ композитору, принадлежитъ по справедливости Г. Вьётану, артисту, уже не въ первый разъ явившемуся предъ Петербургскою публикой, заслужившему по таланту и добродушію, ея довѣренность и любовь. Методу его игры нельзя назвать прямо *паганиніевскою;* его игра безъ вычуръ, полна граціозности, энергіи и небывалой нѣжности. Въ концертѣ своемъ (на Большомъ Театрѣ, 4 Марта) исполнилъ онъ solo въ первой своей симфоніи и новую фантазію своего сочиненія. Его произведенія изобилуютъ прекрасными идеями, мастерски оркестрованы и со стороны г. Вьётана были сыграны въ совершенствѣ. — Г. Прюмъ называетъ себя скрипачемъ Королевско-Бельгійской консерваторіи, а Реми, первымъ скрипачемъ Италіянской Оперы въ Лондонѣ. Методу ихъ игры можно скорѣе отнести къ *паганиніевской;* въ ней промелькиваютъ фокусъ покусы; независимо отъ того, въ игрѣ г. Прюма вы услышите необыкновенную чистоту; онъ преодолѣваетъ всѣ возможныя трудности: адажіо его исполнено нѣжности, аллегро пламенной быстроты, а верхъ искусства у него стокато.. Г. Реми увлечетъ, тронетъ душу вашу въ адажіо; но въ аллегро у него есть еще много недостатковъ.— Г. Прюмъ далъ три концерта (два на Большомъ Театрѣ, 3 и 8 Марта, и одинъ въ залѣ г-жи Энгельгардтъ, 1 Апрѣля) и игралъ въ нихъ большею частію піесы своего сочиненія, обличившія въ немъ замѣчательнаго композитора; сверхъ того онъ прекрасно исполнилъ концертъ Г. Беріо, а приводилъ въ восторгъ публику, во всѣхъ трехъ концертахъ, пастораломъ своимъ: *la melancolie*. Г. Реми далъ одинъ концертъ (на Большомъ Театрѣ, 15 Марта). Выборъ піесъ не

совсѣмъ былъ удаченъ. Лучшею изъ нихъ можно почесть, и по композиціи и по исполненію, варіаціи Г. Гиза.

Гг. Леопольдъ Мейеръ, изъ Вѣны, и Дрейшокъ, уроженецъ Богемскій, фортепіанисты, занимающіе почетное мѣсто между первоклассными виртуозами Европы. Первому изъ нихъ такъ полюбилась Россія, что онъ рѣшился поселиться въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, и наслѣдовать тамъ славу знаменитаго Фильда. Игра его чрезвычайно сходна съ манерою Тальберга; быстрота пальцевъ удивительна: вамъ не вѣрится, чтобъ онъ игралъ одинъ, тутъ невидимо работаетъ чья-то третья рука; и какая сила, какая душа въ его игрѣ! Въ концертѣ своемъ (въ залѣ г-жи Энгельгардтъ, утромъ 17 Марта) сыгралъ онъ въ совершенствѣ граціозную фантазію и этюды своего сочиненія; а въ заключеніе энергически исполнилъ хроматическій галопъ соч. Листа.—Г. Дрейшокъ новое чудо въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ безъ всякой рекомендаціи; иностранные журналы не кричали про него, а Русскіе и не подозрѣвали, что есть на свѣтѣ піанистъ Дрейшокъ. Онъ довелъ игру на фортепіано до такого искусства, выше котораго нельзя, кажется, и идти. Фортепіано подъ его пальцами одушевлено, ноты сливаются; вы слышите въ его игрѣ необыкновенное пѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ аккомпанеманъ полнаго оркестра. Г. Дрейшокъ въ концертахъ своихъ (въ залѣ г-жи Энгельгардтъ, по утрамъ 2 и 6 апрѣля) участвовалъ одинъ, сознавая свои силы, какъ мощный исполинъ, которому вовсе ненужны чужія пособія; по большей части игралъ свои сочиненія, замѣчательныя по своей оригинальности и граціозности. Всѣ піесы исполнены имъ были съ неподражаемымъ искусствомъ, и сыгранныя имъ варіаціи *одною лѣвою* рукою привели въ удивленіе всю публику.

Г-жа Эмилія Уггла прехорошенькая Шведка изъ Стокгольма, давала концертъ на Михайловскомъ Театрѣ, 16 марта. Она пѣла три аріи: изъ *Нормы*, *Пуританъ* и *Севильскаго цирюльника*, и дуэтъ съ младшею сестрою изъ *Нормы*; сверхъ того, играла она съ Г. Карломъ Мейеромъ на двухъ фортепіанахъ варіаціи и блистательное рондо соч. г. *Герца*. Пѣніе исполнено было ею и сестрою ея, конечно, не въ совершенствѣ, но довольно пріятно, съ душею и нѣжностью; а игра обличила въ ней искусную фортепіанистку.

Бывшіе артисты Петербургской Нѣмецкой оперной труппы, г. и г-жа Гофманъ, поселившіеся нынѣ въ Ригѣ, давали концертъ на Большомъ Театрѣ, 18 марта. Голосъ г-жи Гофманъ ни сколько не измѣнился, онъ даже пріобрѣлъ болѣе силы, гибкости и сладости. Пропѣтыя ею двѣ аріи изъ оперъ: *Аравитяне въ Галліи*, соч. Пачини, и *Инеса де Кастро*, соч. Персіани и дуэтъ съ мужемъ изъ оперы Доницетти: *Торкватто Тассо*, доставили публикѣ истинное наслажденіе. Съ тѣхъ поръ, какъ г-жа Гофманъ оставила Петербурскую сцену, Нѣмецкая оперная труппа не пріобрѣла еще пѣвицы, ей подобной. Недостатокъ ея въ этой труппѣ ощутителенъ. Г. Гофманъ не имѣетъ чистаго голоса тенора; онъ скорѣе баритонъ и то не отличный; зная основательно методу пѣнія, онъ очень пріятно и искусно пропѣлъ дуэтъ съ г-жею Гофманъ и каватину соч. Крейцера.

Иностранные журналы невѣсть что прокричали о г-жѣ Гессе, Дрезденской пѣвицѣ; даже писали, что она лучше знаменитой Каталани; но всѣ чужеземныя похвалы оказались просто журнальными пуфами. Въ концертѣ 12 марта, въ залѣ Энгельгардта г-жа Гессе пѣла варіаціи соч. Роде, три аріи соч. Россини, Мейербера и Лафона, и дуэтъ съ своей племянницею; исполненіемъ ихъ и голосомъ, который ужъ черезъ-чуръ поустарѣлъ, она не произвела рѣшительно никакого впечатлѣнія на слушателей; она также далека отъ Каталани, какъ какая нибудь хористка отъ г-жи Гофманъ. Забавно было смотрѣть на изумленіе посѣтителей: они ждали, повѣривъ журналамъ, соловья, а пришлось слушать кукушку. Прежде окончанія концерта, диллетанты разошлись мало по малу, и зала опустѣла. Племянница оказалась еще хуже тетушки, а г. Вейсъ, пѣвшій въ концертѣ г-жи Гессе каватину соч. Россини и арію соч. Пруха,

показалъ себя такимъ пѣвцомъ, какіе найдутся у насъ даже въ числѣ хористовъ Нѣмецкой Оперы.

Къ числу пріѣзжихъ артистовъ можно отнести также г на Бантышева, бывшаго пѣвца Московскаго Театра. Г. Бантышевъ обладаетъ не большимъ, но чрезвычайно пріятнымъ голосомъ тенора, западающимъ въ душу. У него нѣтъ чисто Италіянской методы и потому публика чрезвычайно жалѣла, что онъ выбралъ для своего концерта (на Михайловскомъ Театрѣ, 21 Марта) аріи Италіянскихъ композиторовъ, которыя у насъ слушаны и переслушаны. Правда, всѣ эти піесы исполнены были прекрасно Г. Бантышевымъ, но публика ожидала не того: ей хотѣлось послушать нашего Русскаго соловья въ родной музыкѣ; желаніе ея не сбылось. Мы слышали, что Бантышевъ весною уѣзжаетъ на родину пѣвцовъ, въ Италію, и пробудетъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Хоть и жаль намъ разстаться съ нимъ: такіе соловьи у насъ очень рѣдки,— но зато будемъ утѣшать себя надеждою, что нашъ сѣверный соловей воротится къ намъ съ роскошною пѣснію юга...

Изъ числа Петербургскихъ артистовъ, давали нынѣшнимъ постомъ концерты: гг. Суссманъ *(флейтистъ)*, Герке *(фортепіанистъ)*, Шубертъ, Гроссъ, Мейнгардъ Кнехтъ *(віолончелисты)*, Бемъ, Кюнъ *(скрипачи)* и братья Мауреры (одинъ *(скрипачъ* другой *віолончелистъ)*. Таланты ихъ пріобрѣли уже извѣстность и любовь публики; концерты ихъ были по большей части очень удачно составлены и изъ нихъ примѣчательнѣйшіе въ этомъ отношеніи гг. Бема, Герке, Шуберта и Кнехта. Изъ піесъ, съигранныхъ во всѣхъ означенныхъ концертахъ, болѣе прочихъ понравились публикѣ, и по составу и по исполненію: *варіаціи* соч. г. Суссмана на тему изъ оперы *Велизарій*, съигранныя на флейтахъ самимъ композиторомъ и г. Вагенгеймомъ; *анданте* и *стерцо*, соч. Тальберга, исполненныя на фортепіано г. Герке; *Интродукція* и *рондо* сочиненныя и исполненныя на віолончелѣ г. Шубертомъ; новыя *варіаціи* концертантъ, соч. для двухъ скрыпокъ г. Муарера, игранные г. Бемомъ съ сыномъ; исполненныя Кнехтомъ *варіаціи* соч. г. Мерка и *концертантъ* на тему изъ балета: *Тѣнь*, соч. для віолончеля и скрипки Г. Л. Мауреромъ, съигранный его сыновьями.— Сверхъ того давала еще концертъ дѣвица Ершова, и на чемъ же она играла? На скрипкѣ. Признаться, этотъ инструментъ вовсе нейдетъ къ прекрасному полу, г-жа Ершова однако же для женщины, играла весьма не дурно. Концертъ ея примѣчателенъ былъ тѣмъ, что въ немъ участвовали всѣ Русскіе артисты концертисты: г-жа Степанова, гг. Бантышевъ, Лядовъ и Лебедевъ. Мы не осмѣливаемся сравнить нашихъ артистовъ съ пріѣзжими: сравненіе было бы очень невыгодно *для нѣкоторыхъ*.

Филармоническое Общество дало въ пользу своихъ вдовъ и сиротъ два концерта (въ залѣ г-жи Энгельгардтъ, 6 и 27 Марта). Въ первомъ исполнены были: большая симфонія, соч. Прейера; псалмы 45 и 46, положенные на музыку г. Нейкомомъ; 7-я симфонія Бетговена и Свѣтлана, Баллада В. А. Жуковскаго, положенная на музыку П. М. Воротниковымъ, работавшимъ для конкурса, назначеннаго Филармоническимъ обществомъ и не кончившимъ прекраснаго труда своего къ назначенному сроку. Во второмъ концертѣ исполнена большая ораторія въ двухъ отдѣленіяхъ: Торжество Евангелія, соч. Іосифа Эльснера, Ректора Варшавской Консерваторіи. — Первое мѣсто принадлежитъ конечно 7-й симфоніи безсмертнаго Бетговена, въ совершенствѣ разъигранной огромнымъ оркестромъ, составленнымъ по большей части изъ лучшихъ музыкантовъ. Симфонія Прейера и сочиненіе Нейкома обличили въ композиторахъ мастеровъ своего дѣла; хоры въ послѣдней піесѣ исполнены были превосходно гг. Придворными пѣвчими, соло не совсѣмъ удачно г-жею Каратыгиной 2. Такъ же не удачно пропѣта была г. Леоновымъ баллада Свѣтлана. Ораторія Эльснера полна прекрасныхъ музыкальныхъ идей, соотвѣтствующихъ тексту, мастерски оркестрована и отлично была выполнена оркестромъ и гг. Придворными пѣвчими.

Дирекціею Императорскихъ Театровъ дано въ нынѣшнемъ посту 13 концертовъ

на Михайловскомъ Театрѣ. Они состояли, какъ и въ прошломъ году, изъ вокальной и инструментальной части и изъ живыхъ картинъ. Въ самыхъ концертахъ исполнялись лучшія увертюры и хоры изъ оперъ и участвовали почти всѣ артисты, о которыхъ говорено выше. Кромѣ ихъ, въ этихъ концертахъ являлись на судъ публики нѣсколько юныхъ талантовъ, именно: гг. Зелепковъ (*кларнетистъ*), ученикъ г. Бендера, Латышевъ и Фельдъ (*скрипачи*) и дѣвица Луиза Отто (*фортепіанистка*). Всѣ они принимаемы были публикою съ одобреніемъ, и изъ нихъ подаютъ большую надежду г. Фельдъ, ученикъ Ремерса, слѣдующій вполнѣ методѣ своего учителя, и дѣвица Отто, которая въ концертѣ 17 марта прекрасно сыграла варіаціи Герца и заслужила единодушную благосклонность публики. Она еще очень молода; ей не болѣе 13-ти лѣтъ, при усовершенствованіи своего таланта она пойдетъ далеко. Мы удерживаемся отъ всякихъ похвалъ, чтобы (какъ говорится) не захвалить ея, и служимъ только отголоскомъ той части публики, которая ее вызвала.

Живыя картины ставилъ въ нынѣшнемъ году молодой художникъ г. Сѣрковъ, декораціями котораго не однажды любовалась публика во многихъ балетахъ и операхъ. Выборъ картинъ былъ вообще очень удаченъ, а освѣщеніе ихъ дѣлалось съ большимъ умѣньемъ. Примѣчательнѣйшія картины были: *Прогулка по озеру*, *Вечерняя звѣзда*, *Діана Поатье предъ королевой Клавдіей*, *Матильда и Малекъ-Адель*, *Встрѣча*, *Праздникъ Розы*, *Прощеніе Пери*, *Просьба о помощи*, *Любопытство*, *Сейчасъ*, *Сцена изъ Фауста*, *Сцена изъ Корсара* и мн. др.

Кромѣ сихъ концертовъ Дирекціею данъ былъ еще одинъ на Большомъ Театрѣ, 19-го марта, *въ пользу инвалидовъ*. Въ этомъ концертѣ участвовали музыканты всѣхъ гвардейскихъ полковъ, гг. Придворные пѣвчіе и нѣкоторые полковые. Піесы, разыгранныя такимъ огромнымъ оркестромъ, были прекрасно выбраны, отлично аранжированы г. Гаазе и исполнены съ необыкновеннымъ согласіемъ. Придворные пѣвчіе пѣли гимнъ: *Боже, Царя храни!* а въ заключеніе были выполнены: г-ю Шелеховою 1, гг. Петровымъ, Лиханскимъ и Придворными же пѣвчими куплеты, нарочно сочиненные на незабвенный день 19 марта 1814 года, положенные на музыку г. Кавосомъ.

Намъ остается сказать теперь о концертѣ *любителей музыки*, данномъ 30 марта въ великолѣпной залѣ Дворянскаго Собранія, въ пользу частныхъ школъ Женскаго Патріотическаго Общества. Этотъ концертъ былъ выше всего, слышаннаго нами въ теченіе нынѣшняго Великаго поста. Это былъ музыкальный праздникъ, въ которомъ приняли участіе всѣ таланты изъ высшаго круга общества нашей столицы. Оркестръ былъ отлично сформированъ и исполнялъ свое дѣло, какъ никогда, съ истиннымъ совершенствомъ. Хоры шли какъ нельзя лучше. Соло исполнялись превосходно Графинею Росси, Графинею А. А. Бенкендорфъ, Баронессою А. Ѳ. Кридинеръ, П. Н. Бартеневою, К. Н. Полтавцовою, Княземъ Г. П. Волконскимъ, Графомъ М. Ю. Віельгорскимъ, Н. Н. и А. И. Пашковыми, И. И. Андреевымъ, Княземъ М. В. Кочубеемъ и Графомъ В. А. Сологубомъ; но межъ всѣми, какъ драгоцѣнный брилліантъ, сіялъ не обыкновенный талантъ Графини Росси. Сладостныя воспоминанія о концертѣ 30 марта останутся на долго, на долго!.... Къ удовольствію дилетантовъ, онъ повторится еще разъ, въ пользу Дѣтской Больницы. Мы услышимъ еще разъ Графиню Росси! Услышимъ еще разъ Князя Волконскаго!

Скоро артисты, посѣтившіе насъ по время поста, разлетятся, какъ птички весною, по разнымъ странамъ; но они будутъ жить въ Петербургѣ сладкими впечатлѣніями, которыя остались намъ отъ нихъ. Кто забудетъ несравненнаго Дрейшока, или талантливаго Прюма? Мы не говоримъ о Петербургскихъ артистахъ, потому что они остаются у насъ, въ нашемъ оркестрѣ, который мы будемъ постоянно слушать въ операхъ и балетѣ.

П. Ѳ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ АНЕКДОТЫ

И

СМѢСЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРАГЕДІИ.

Въ Лондонѣ играли Шекспирова *Короля Лира*. Главную роль занималъ Гаррикъ. Въ самую страшную, патетическую минуту — во время бури, Гаррикъ, лишь только подошелъ къ авансценѣ, вдругъ остановился, замолчалъ и разразился — громкимъ хохотомъ!... Толстый адвокатъ, въ рыжемъ парикѣ, привелъ съ собою въ театръ лягавую собаку и сѣлъ у самаго оркестра: ужъ собака стала на заднія лапы, передними оперлась на баррьеръ и съ удивленіемъ поглядывала на актеровъ. Въ театрѣ было множество зрителей: адвокату стало жарко — онъ снялъ съ себя свой рыжій парикъ и надѣлъ на собаку. — Эта картина, бросившаяся въ глаза Гаррику въ такую важную минуту его роли, не могла не разсмѣшить знаменитаго артиста.

КТО СТАРѢЕ?

Одинъ актеръ, уже весьма пожилой человѣкъ, отличался своею веселостію, и въ особенности своею любезностію въ дамскомъ обществѣ. Разъ на вечерѣ онъ успѣлъ привлечь къ себѣ общее вниманіе дамъ, и между прочимъ, одной молоденькой и хорошенькой дѣвушки, которая, заслушавшись его, забыла своего обожателя, 20-лѣтняго юношу. Такое невниманіе вывело изъ терпѣнія пламеннаго обожателя... Желая подтрунить надъ пожилымъ актеромъ, онъ вдругъ, съ насмѣшливой улыбкою обратился къ нему съ вопросомъ:

— Позвольте васъ спросить, который вамъ годъ?

— Не знаю, право, отвѣчалъ актеръ: знаю только, что 20-ти лѣтній оселъ старѣе 50-ти-лѣтняго человѣка.

УТѢШИТЕЛЬНЫЙ СОВѢТЪ.

Одинъ авторъ написалъ комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, актеры сократили ее и представили въ одномъ дѣйствіи. Онъ написалъ другую въ пяти дѣйствіяхъ, — актеры сократили ее въ три. Авторъ былъ въ отчаяніи.

— Послушай, другъ, сказалъ ему пріятель: напиши комедію въ одиннадцати дѣйствіяхъ, — актеры убавятъ *шесть*, а *пять* останутся.

ОСТРОУМНАЯ НАСМѢШКА.

На одномъ театрѣ плохой актеръ поссорился съ рецензентомъ, который окритиковалъ игру его; ссора кончилась тѣмъ, что послѣдній погрозилъ актеру сдѣлать то, чего съ нимъ никогда не случалось, и вышелъ изъ общества. Черезъ нѣсколько минутъ рецензентъ приказалъ слугѣ вызвать актера. Актеръ вышелъ къ нему, и спросилъ:

— Чего вы отъ меня хотите?

— Я хотѣлъ только сдержать свое слово, отвѣчалъ первый: и потому *вызвалъ* васъ, а этого съ вами никогда не случалось.

ФОРА!

Во время представленія новаго водевиля, одинъ актеръ пропѣлъ прекрасный романсъ, въ которомъ изъяснялъ любовь свою. Партеръ закричалъ: фора! Любовникъ обращается къ своей любовницѣ и говоритъ ей:

— Развѣ ты меня не слыхала?

— Я очень слышала, отвѣчала актриса; но ты знаешь, что намъ всегда пріятно, когда повторяютъ о любви.

И любовникъ начинаетъ снова свой романсъ.

БЕЗДЕНЕЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

На одномъ Нѣмецкомъ оперномъ театрѣ, по случаю герцогскаго бракосочетанія, впускали въ театръ безденежно. Нѣкто, пришедъ въ первый разъ въ театръ, слушалъ съ большимъ вниманіемъ оперу, и лишь только начали пѣть дуэтъ, то сказалъ своему сосѣду:

— Вотъ что значитъ безденежное представленіе: *поютъ оба вдругъ*, чтобы скорѣе кончить піесу.

ТЕАТРЪ БЕЗЪ ШИКАЛЬЩИКОВЪ.

Въ Римскихъ театрахъ зрители не имѣютъ права ни свистать, ни шикать, если представленіе имъ не нравится. Публика можетъ только закричать: «Колоколъ!» По этому слову является на аван-сцену режиссёръ, звонитъ въ колоколъ, и занавѣсъ опускается, не дожидаясь окончанія представляемой піесы.

Водевильные куплеты:

ХЛОПОТЫ ТАНЦОВАЛЬНАГО УЧИТЕЛЯ.

(Изъ водевиля: Актриса, пѣвица и танцовщица, слова Д. Т. Ленскаго.)

Я признаюсь, заѣхалъ къ вамъ случайно,
И потому что ѣхалъ мимо васъ:
Теперь весь день я занятъ чрезвычайно
И дорогъ мнѣ почти что каждый часъ.
Въ одиннадцать — мнѣ должно быть въ Совѣтѣ,
Въ двѣнадцать въ Школѣ Театральной классъ,
Въ часъ — должно быть на пробѣ, на балетѣ;
А въ три урокъ, три золотыхъ за разъ;
Въ четыре звань я на обѣдъ къ графинѣ;
Въ шесть — я учу богатый пансіонъ;
Въ семь — должно быть мнѣ на спектакль къ княгинѣ,
А тамъ на знатный балъ я приглашенъ.
Туда, сюда, я цѣлый день гоняю,
И отдыха мнѣ нѣтъ ни полчаса —
И я еще балеты сочиняю!...
Ужъ подлинно, что это чудеса!
Я признаюсь, заѣхалъ къ вамъ случайно,
И потому что ѣхалъ мимо васъ:
Вы видите — я занятъ чрезвычайно,
И дорогъ мнѣ почти что каждый часъ!

НЕВЫГОДА БЛИЗОРУКИХЪ.

(Изъ водевиля: Усы, слова Д. Т. Ленскаго.)

Бѣда тому, кто въ свѣтъ рожденъ,
Съ плохими, слабыми глазами!
Отъ слабыхъ глазъ онъ принужденъ
Бороться съ сильными врагами.
Вельможа въ гнѣвѣ на него,
Что онъ достоинствъ въ немъ не видитъ;
Кокетка злится на него,
Что красоты онъ въ ней не видитъ;
Писатель злится на него,
Что онъ таланта въ немъ не видитъ...
И словомъ, за глаза его
Душевно всякой ненавидитъ!

СТОЛИЧНЫЯ ЖЕНЫ.

(Изъ водевиля: Чертовъ колпачекъ.)

Кто виноватъ, когда не мы,
Что дамы-бросили занятья?
Ихъ всѣ направлены умы
На шляпки, чепчики и платья.
Нельзя всѣхъ прихотей ихъ счесть:
Имъ рай житье у насъ въ столицѣ;
Хоть не умѣютъ пріобрѣсть,
За то мотать ужъ мастерицы.

Къ мужьямъ ихъ дружба холодна,
Такой порядокъ принятъ нынѣ:
Что на верху живетъ жена,
А мужъ на нижней половинѣ.
Онъ занятъ дѣломъ, или въ вистъ
Играетъ въ клубѣ вечеръ цѣлый,
А у жены въ гостяхъ артистъ,—
Дуэтъ проходятъ изъ Фенеллы.

Ишакъ нельзя назвать дурнымъ
Такое въ скукѣ развлеченье,
Но какъ-то, безъ мужа, съ чужимъ,
Дуэтъ наводитъ подозрѣнье.
Я ни на чей не мѣчу счетъ,
Но впрочемъ, здѣсь замѣтить стоитъ:
Гдѣ модница-жена поетъ,
Тамъ мужъ навѣрно волкомъ воетъ.

МОДНЫЙ ДАМСКІЙ ДОКТОРЪ.

(*Изъ водевиля: Дамскій докторъ, слова Д. Т. Ленскаго.*)

Толпы красавицъ молодыхъ
Лечиться у него готовы;
А лечитъ онъ такихъ больныхъ,
Которыя совсѣмъ здоровы.
Онъ на цвѣтномъ листкѣ пять строкъ
Пропишетъ бузины, ромашки,
А тамъ за розовой листокъ
Беретъ по бѣленькой бумажкѣ.

БѢДА ОТЪ БАЛОВЪ.

(*Изъ водевиля: Свѣтская невѣста, слова П. И. Григорьева.*)

Балы ужасно какъ балуютъ
Почти весь женскій полъ у насъ;
Мужчины нынче такъ танцуютъ,
Что голову вскружатъ какъ разъ!
Тутъ всякій кое-чѣмъ рискуетъ,
Тутъ жди бѣду — и не одну:
Иная дочку протанцуетъ,
Иной пропляшетъ и жену!

ПОВИВАЛЬНАЯ БАБУШКА.

(*Изъ водевиля: Три отца въ магазинѣ, слова П. И. Григорьева.*)

Я свое ужъ дѣло знаю,
Все провѣдаю какъ разъ;
Я на практикѣ бываю
Всякій день и всякій часъ;
Я бываю на крестинахъ,
Знаю здѣшній весь народъ,
Чѣмъ торгуютъ въ магазинахъ,
Какъ и чѣмъ народъ живетъ.

Знаю я... *(но между нами)*,
Отчего и какъ мужья
И любимы — и съ рогами, —
Все, все это знаю я.
Я у всѣхъ перебываю,
Знаю каждаго жильца;
И нерѣдко доставляю
Даже крестнаго отца!

Я нигдѣ не опоздаю,
Я вѣдь такъ ужъ создана;
Даже то, подъ часъ, я знаю,
Чего знать бы не должна;
Такъ другія не мѣшайтесь,
Все одна устрою я,
Впрочемъ, вы не удивляйтесь:
Я вѣдь бабушка, друзья.

КЪ ***.

Я не люблю собраній шумныхъ,
Холодныхъ знати вечеровъ,
И юности пировъ безумныхъ,
И сходки буйныхъ игроковъ;
Но я люблю въ семьѣ радушной
Провесть веселый вечерокъ,
Куда спѣсь знатности бездушной
Не переходитъ чрезъ порогъ.
Семейный бытъ, семья простая —
Отецъ да мать — и въ той семьѣ
Ихъ радость, дочка молодая, —
Вотъ что плѣнляетъ сердце мнѣ.
Безъ фразъ надутыхъ и тяжелыхъ,
Безъ церемоній всѣхъ пустыхъ,
Но много пѣсней есть веселыхъ,
Но много есть рѣчей живыхъ. —
Туда стремлюся я душою,
Тамъ ей отрадно и легко, —
Съ такой радушною семьею
И грусть и горе далеко.
Какъ часто посреди волненій
Бездушной свѣтской суеты,
Въ пріютъ семейныхъ наслажденій
Меня влекли мои мечты!
Какою пѣснію святою
Была душа просвѣтлена,
Какъ съ вашей милою семьею
Внезапно встрѣтилась она!...
Молю, чтобъ ангелъ благодатной
Пріютъ вашъ мирный оберегъ
Отъ церемоній жизни знатной
И отъ пустыхъ ея тревогъ.

Л.

НЕ ВѢРЬ.

(*Романсъ.*)

Не вѣрь безумнымъ увѣреньямъ,
Не вѣрь восторженнымъ рѣчамъ,
Пѣвца слезамъ, его моленьямъ,
И гармоническимъ стихамъ.
Онъ чародѣй: его напѣвы
Глубоко въ душу западутъ,
И сердце пламенное дѣвы
Отравой страсти обольютъ.
Не вѣрь ему, онъ дивной силой
Тебя далеко занесетъ,
То тронетъ пѣснею унылой,
То вдругъ веселіе прольетъ.
Въ пылу нежданнаго волненья,
Колѣна склонитъ предъ тобой,
Какъ предъ богиней вдохновенья,
Какъ предъ любимою мечтой,
И увѣрять, и клясться станетъ
Стихомъ пылающимъ, живымъ,
Но ты не вѣрь ему: обманетъ!
Онъ тоже говоритъ другимъ!
И напоивъ тебя отравой
Любви и лести и похвалъ,
Займется онъ другой забавой:
Отыщетъ новый идеалъ!

В.

Смѣсь.

ПЕРЕЧЕНЬ РУССКИХЪ и БАЛЕТНЫХЪ СПЕКТАКЛЕЙ въ 1839 — 1840 ТЕАТРАЛЬНОМЪ ГОДУ.

Въ минувшемъ театральномъ году, со 2 Апрѣля 1839 по 26 Февраля 1840 на трехъ Петербургскихъ театрахъ, дано было Русскихъ и балетныхъ спектаклей:

На Большомъ Театрѣ	145
— Александрпнскомъ	233
— Михайловскомъ	16
Всего.	394

Въ томъ числѣ заключалось 36 бенефисовъ, а остальные 358 спектаклей даны въ пользу Дирекціи.

Новыхъ піесъ въ 1839—1840 году поставлено было—65.

Въ этомъ числѣ заключались:

а) *По балетной части:*

Хромой колдунъ, бал. 3 д. г. Титюса.
Тѣнь, бал. 3 д. г. Тальони.
Морской разбойникъ, бал. 2 д.. г. Тальони.

Два послѣдніе балета имѣли большой успѣхъ.

б) *По оперной части:*

Клятва, оп. 3 д. съ Франц., муз. Обера.
Танкредъ, оп. 2 д. съ Ит., муз. Россини.
Шотландскіе Пуритане, оп. 3 д., муз. Беллини.

Болѣе прочихъ понравилась публикѣ послѣдняя опера.

в) *По драматической части:*

Голубой токъ, ком. 1 д. съ Франц.
Роковая почта, вод. 1 д., ор. В. И. Орлова.
Первое Іюля въ Петергофѣ, вод. 1 д. ор., П. А. Каратыгина.
Кремневъ, Русскій солдатъ, нар. др. предст. 3 д. ор. И. И. Скобелева.
Городская почта. вод. 1 д. съ Франц.
Батый въ Рязани, тр. 4 д., ор. К. А. Бахтурина.
Русскій человѣкъ добро помнитъ, др. быль 1 д., ор. Н. А. Полеваго.
Барышня-крестьянка, вод. 2 д., ор. Н. А. Коровкина.
Любовь и ревность, ком. 1. д. съ Франц.
Мужъ въ бѣдѣ, ком. вод. 1 д., ор. И. Соколова.
Камоэнсъ, др. фант. 1 д. съ Нѣм. П. Г. Ободовскаго.
Чего на свѣтѣ не бываетъ, вод. 1 д. перед.
Пажъ арестантъ, вод. 1 д. перед.
Отецъ дебютантки, ком. 5 отд. съ Фр.
Будьте здоровы; вод. 1 д. съ Фр. Н. А. Коровкина.
Гугенотъ, ком. 3 д. съ Фр.
Школьный другъ, вод. 1 д. съ Фр. П. С. Ѳедорова.
Вотъ каковы корнеты, вод. 1 д., ор. Г. Дьячепко.
Сей и оный, шутка-экспр. 1 д., орпг.
Три свиданія, вод. 1 д., ор. Г. Филимонова.
Таинственный гость, вод. 1 д. съ Фр. П. С. Ѳедорова.

Двѣ станціи, вод., 2 д. ор. Н. А. Коровкина.

Сергѣй Ананьевичъ Пятаковъ, вод., 1 д. ор.

Юные романтики, анек.-вод., 1 д.

I-е представленіе Мельника и пр., ком. 1 л., ор. Н. А. Полеваго.

Ѳебусъ, ком. вод., 2 д. съ Фр. Н. А. Коровкина.

Мѣра по выбору, вод. 1 д. съ Фр. Н. А. Коровкина.

За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ, др. быль, 1 д., ор.

Молодая мачиха, шутка вод. 1 д., ор.

Сцены въ Москвѣ въ 1812 г., др. пред. 2 д. И. И. Скобелева.

Полюбовная сдѣлка, ком.-вод. 1 д. съ Фр. П. И. Григорьева 1.

Дочь Бургомистра, оп.-вод. 1 д. съ Фр. П. С. Ѳедорова.

Его превосходительство, ком.-вод. 1 д., ор. Н. А. Коровкина.

Стаканъ холодной воды, вод. 1 д. съ Фр.

Артуръ, др. 2 д. съ Фр.

Мудреное приключеніе. вод. 1 д. перед. съ Фр.

Велизарій, др. 5 д. въ стих. съ Нѣм. П. Г. Ободовскаго.

Герцогская корона, ком. 2 д. съ Фр. П. И. Валберха.

Каспаръ Гаузеръ, др. 4 д. съ Фр. П. И. Валберха.

Новички въ любви, ком.-вод. 1 д., ор. Н. А. Коровкина.

Дѣдушка и внучекъ, др. вод. 2 д. съ Фр. Н. А. Коровкина.

Ужасный незнакомецъ, ком. 1 д., ор. Н. А. Полеваго.

Такъ да не такъ, ком.-вод. 1 д., ор. Н. А. Коровкина.

Послѣдній день Помпеи, шутка 2 декор., ориг.

Алхимикъ, др. 5 д. съ Фр.

Похищенный драгунъ, вод. 1 д. съ Фр.

Параша Сибирячка, Русск. быль 2 д. съ эпил., ор. Н. А. Полеваго.

Графъ литографъ вод., 1 д. съ Фр. Д. Т. Ленскаго.

Ножка, вод. 1 д. съ Фр. П. А. Каратыгина.

Фальшивая тревога, ком.-вод. 1 д., ор. Н. А. Коровкина.

Филиппъ II, тр. 3 д. съ Итал. Е. Воронова.

Сиротка - Сусанна, ком.-вод. 2 д. съ Фр. П. И. Григорьева 1.

Покойная ночь, вод. 1 д. съ Фр.

Ремонтеры, ком.-вод. 2 д., ор. Б. П. Мирошевскаго.

Маріанна, др. 3 д. съ Англ. П. Г. Ободовскаго.

Русскій инвалидъ на Бородинскомъ полѣ, др. пред., ор. Г. Стромилова.

Болѣе всѣхъ трудились для Русской сцены въ 1839—1840 году Н. А. Коровкинъ и Н. А. Полевой; первый написалъ 10, а послѣдній 4 піесы. — Прочіе авторы написали: П. Г. Ободовскій и П. С. Ѳедоровъ по 3 піесы. И. И. Скобелевъ, П. А. Каратыгинъ, П. И. Григорьевъ 1 и П. И. Валберхъ по 2; Д. Т. Ленскій, Б. И Орловъ, К. А. Бахтуринъ, Н. Соколовъ, Г. Филимоновъ. Г. Дьяченко, Г. Стромиловъ, В. П. Мирошевскій и Е. Вороновъ по 1-й. Неизвѣстными авторами поставлено на сцену 19 драматическихъ піесъ.

Замѣчательнѣйшій успѣхъ изъ поименованныхъ піесъ имѣли: Драма *Велизарій*; драматическія представленія: *Параша Сибирячка* и *Кремневъ*, комедіи и водевили: *Барышня крестьянка*, *Сей и оный*, *Новички въ любви*, *Первое іюля въ Петергофѣ*, *Русскій человѣкъ добро помнитъ*, *1-е представленіе Мельника*, *Ножка*, *Сиротка Сусанна*, *Полюбовная сдѣлка*, *Ѳебусъ*, и *Таинственный гость*.. Блистательнѣе изъ нихъ принята была публикою *Параша Сибирячка*, соч. Н. А. Полеваго.

— Для сцены Петербургскихъ театровъ готовится много новостей. Между прочимъ ставится водевиль Д. Т. Ленскаго: *Левъ Гурычъ Синичкинъ*, напечатанный въ первой книжкѣ Репертуара за нынѣшній годъ. Водевиль этотъ вѣроятно будетъ имѣть въ Петербургѣ такой же блистательный успѣхъ, съ какимъ онъ игрался въ Москвѣ.

Въ текущемъ 1840 году будутъ выданы при *Репертуарѣ* портретъ г-жи Асенковой. Портретъ написанъ съ натуры

Русскимъ художникомъ г. Алексѣевымъ и отправленъ въ Лондонъ для гравированія. Г. Алексѣевъ извѣстенъ уже публикѣ по многимъ прекраснымъ произведеніямъ живописи, и между прочимъ по портрету г. Сосѣдкаго, розданному въпрошломъ году при Репертуарѣ, отличающемуся необыкновеннымъ сходствомъ. Такоеже сходство портрета г-жи Асѣнковой превосходная отдѣлка ставитъ г. Алексѣева въ рядъ лучшихъ художниковъ по части акварельной-портретной живописи.

При сей книжкѣ *Репертуара* прилагается картинка изъ комедіи *Ревизоръ*. Картинка эта интересна тѣмъ, что въ ней вы увидите всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ піесѣ, исключая самаго Ревизора и его слуги. Вѣроятно каждый любитель театра видѣлъ эту піссу; она играется на столичныхъ и на всѣхъ провинціяльныхъ театрахъ. По сему всякому пріятно будетъ вспомнить ту сцену, когда Почтмейстеръ является съ распечатаннымъ письмомъ Хлестакова, и несчастные чиновники узнаютъ, какъ они были имъ одурачены. Чтобъ болѣе ознакомить съ этой картинкой, здѣсь перепечатывается самая сцена.

ДѢЙСТВІЕ V. ЯВЛЕНІЕ IX.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Я, господа пришелъ объявить вамъ удивительное дѣло.

ГОРОДНИЧІЙ.

А напримѣръ, что такое? Послушаемъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Я и самъ не знаю, что сказать вамъ: такое странное обстоятельство, что я...

НѢКОТОРЫЕ.

Какое? что?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Прихожу я домой и застаю письмо этого чиновника, которому мы показывали всѣ заведенія. На пакетѣ было написано какому то Тряпичкину, въ С. Петербургъ, въ Почтамтскую улицу. И какъ прочиталъ я, что въ Почтамскую улицу, то въ ту же минуту такъ и обомлѣлъ. Вѣрно, думаю себѣ, это обо мнѣ писано. Можетъ быть какъ нибудь дошло до него, что и для своего удовольствія распечатывалъ иногда письма. И въ ту же самую минуту, такъ какъ будто какая нибудь непредвидимая сила понудила меня распечатать.

АМОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Какъ, и это самое письмо?

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ же вы это?.. (*Всѣ показываютъ ужасъ.*)

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Я и самъ испугался такой мысли, и въ ту же минуту положилъ письмо на столъ и уже хотѣлъ позвать почталіона, чтобъ отправить скорѣе съ вштафетой. Но только немножко отойду отъ стола, такъ вотъ опять и тянетъ, и тянетъ. Въ одномъ ухѣ кричитъ: распечатай, въ другомъ: не распечатывай! распечатай, не распечатывай! Съ этой стороны такъ, вотъ какъ бы подъ руку кто нибудь толкаетъ, а съ другой стороны — какъ будто бы невидимая сила говоритъ: оставь, пропадешь, какъ курица! Такъ что минутъ съ десять не зналъ, что дѣлать, наконецъ напропалую рѣшился распечатать.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ же вы смѣли распечатать?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Ей Богу распечаталъ! Со страхомъ такимъ какого еще никогда не помню. И ставни велѣлъ закрыть и собственноручно заткнулъ всѣ щелки. И какъ только придавилъ сургучъ, то огонь такъ по всему тѣлу и пробѣжалъ; а какъ разломалъ печать—морозъ, морозъ, такъ вотъ и чувствую что морозъ! а какъ вынулъ и развернулъ письмо-то, я уже не знаю гдѣ я въ то время былъ. Зубы и губы такъ тряслись, что цѣлый часъ не могъ одной строчки прочесть.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Въ томъ-то и штука, что онъ и не уполномочный, и не особа!

ГОРОДНИЧІЙ.

Что жъ онъ, по вашему, такое?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Ни се, ни то; чортъ знаетъ что такое.

ГОРОДНИЧІЙ, запальчиво.

Какъ вы смѣете это сказать? Знаете ли, что я велю васъ подъ арестъ взять.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Кто? вы?

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, я.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Коротки руки.

ГОРОДНИЧІЙ.

Знаете ли, что этотъ самый чиновникъ жепится на моей дочери? Я самъ скоро буду вельможа, и если захочу, то васъ въ Сибирь законопачу.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь, далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

ВСѢ.

Читайте, читайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, читаетъ.

«Мая такого-то числа и пр. и пр. и пр., Я уже писалъ къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, о томъ, какъ обыгралъ меня въ Пензѣ пѣхотный капитанъ. Трактирщикъ хотѣлъ даже потащить въ тюрьму. Къ батюшкѣ написалъ; недоволенъ тономъ. Все одно: розги да розги. Этимъ, при теперешнемъ образованіи, онъ ничего не возьметъ. Но вдругъ сцена перемѣнилась: я живу теперь у Городничаго въ домѣ, жирую, отпускаю bons mots. Жена и дочка его обѣ ко мнѣ неравнодушны. Не рѣшился, съ которой прежде начать; думаю, лучше съ матушки: къ дочкѣ можетъ быть труденъ доступъ, а матушка такая, что сію минуту готова влюбиться по уши. Самъ Городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивой меринъ!!!

ГОРОДНИЧІЙ.

Не можетъ быть! Тамъ нѣтъ этого.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, показываетъ письмо.

Читайте сами! —

ГОРОДНИЧІЙ, читаетъ.

Какъ сивой меринъ. Не можетъ быть, вы это сами написали.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Какъ же бы я сталъ писать?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Читайте!

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Читайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, продолжая читать.

Городничій преблагороднѣйшій человѣкъ съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивой меринъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

О чортъ возьми! Нужно еще повторять! Какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, продолжая читать

Но... хм. хм. хм. хм.... сивой меринъ Почтмейстеръ тоже доброй человѣкъ.... (*оставляетъ читать*) ну, тутъ обо мнѣ тоже онъ не прилично выразился.

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, читайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Да къ чему жъ?...

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать такъ читать. Читайте все!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Позвольте, я прочитаю. (*Надѣваетъ очки, читаетъ*) «Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ; чрезвычайно похожъ на департаментскаго сторожа Михѣева; должно быть тоже, подлецъ, пьетъ горькую.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, къ зрителямъ.

Ну, скверный мальчишка, котораго нужно посѣчь: больше нечего!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, продолжаетъ читать.

Кромѣ того надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ какой то и... и... и... (*заикается.*)

КОРОБКИНЪ.

А что жъ вы остановились?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Да нечеткое перо... впрочемъ видно, что негодяй.

КОРОБКИНЪ.

Дайте мнѣ! вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо.)*

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, недавая письма.

Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

КОРОБКИНЪ.

Да, позвольте ужь я знаю.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Прочитать я и самъ прочитаю; далѣе право все разборчиво.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

ВСѢ.

Отдайте, Артемій Филиповичъ! Отдайте письмо. *(Коробкину)* Читайте!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Сейчасъ. *(Отдаетъ письмо)* Вотъ позвольте я закрою пальцемъ *(закрываетъ пальцемъ;)* вотъ этого мѣста только нечитайте, а прочее все можно. *(Всѣ приступаютъ къ нему.)*

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Читайте! Читайте все!

КОРОБКИНЪ, читая.

«Кромѣ того надзиратель за богоугодным заведеніемъ какой-то Земленика: вообрази себѣ чухонскую свинью въ ермолкѣ, съ пребольшими ушами.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, къ зрителямъ.

И ни мало не остроумно! Богъ знаетъ что: свинья въ ермолкѣ! Совсѣмъ не правдоподобно; гдѣ жъ свинья въ ермолкѣ бываетъ?

КОРОБКИНЪ, продолжая читать.

«А отъ смотрителя училищъ страшно вопяетъ лукомъ.»

ЛУКА ЛУКИЧЪ, къ зрителямъ.

Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

АМОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ, въ сторону.

Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ.

КОРОБКИНЪ, читаетъ.

Кромѣ того какой то судья...

АМОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Вотъ тебѣ на! *(въ слухъ)* Господа, я думаю, что письмо дѣйствительно нѣсколько длинно. На первой разъ этого будетъ довольно.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Зачѣмъ же? Нѣтъ, мнѣ хочется все знать

КОРОБКИНЪ, продолжаетъ.

Какой то судья Ляпкинъ-Тяпкинъ, ужасный мове тонъ»... *(останавливаться)* Должно быть Французское слово.

АМОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

А чортъ его знаетъ, что оно значитъ? Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть, и того еще хуже.

КОРОБКИНЪ, продолжая читать.

Словомъ: лурачье страшное! По моей физіономіи, приняли меня за военнаго генералъ-губернатора. Я, съ своей стороны, подпустилъ имъ пыли порядочной. Ты пописываешь для Библіот. для Чтенія. Пожалуста, помѣсти ихъ въ свою литературу, и окритикуй хорошенько! Прощай, душа Тряпичкинъ! Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братецъ, такъ жить: ищешь пищи для души, свѣтская чернь тебя не понимаетъ. Хочешъ наконецъ чѣмъ нибудь эдакимъ высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую Губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ.)* Его благородію, милостивомугосударю Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ С. Петербургъ, въ Почтамтскую улицу «въдомѣ подъ №. 97, поворотя па дворъвъ 3этажѣ, направо.

ВЪ КОНТОРѢ

РЕПЕРТУАРА РУССКАГО ТЕАТРА.

Принимается исключительная подписка и выдаются вышедшіе Номера.

1.) Художественной Газеты, цѣна съ доставкою 7 руб. 75 к. сереб. 24 N.
2.) Листокъ для Свѣтскихъ людей, 8 руб. 65 к. сереб. 52 N.
3.) Шитья и Вышиванья, 10 руб. сереб. 12 тетрадей.

И поступили въ продажу.

1.) **СВЯЩЕННАЯ ИСТОРІЯ** вѣтхаго и новаго завѣта, украшенная 700 картинками. 1 томъ 8-ю долю листа. Цѣна 7 руб. серебромъ съ пересылкою 7 руб. 60 коп. серебромъ.

2.) Горе отъ ума, ком. Грибоѣдова, съ пересылкою 1 руб. 80 к. сереб.

3.) Очерки Русской Литературы. И. А. Полеваго 2 части съ перес. 5 руб. сереб.

4.) Общественная и Частная жизнь, соч. Гюльмана съ перес. 2 руб. 50 к. сереб.

5.) Три водевиля, Коровкина, съ перес. 1 руб. 50 к. сереб.

6.) Креолка и Европеецъ, съ перес. 1 руб, 50 к. сереб.

7.) Искатель сильныхъ ощущеній, соч. П. П. Каменскаго, 3 час. цѣна съ перес. 4 руб. сереб.

8.) Дѣтскій театръ, содержащій въ себѣ три поучительныя для дѣтей піэсы съ тремя гравированными картинками цѣна 25 к. сереб. съ перес. 40 к. сереб.

9.) Коллекція гримасъ Боальи, состоящая изъ тетради съ девятью литографированными рисунками цѣна 75 к. сереб. съ перес. 1 руб. сереб.

10.) Коллекція карикатуръ подъ названіемъ Современныя преращенія Les metamorphose du jour) состоящая изъ 22 гравированныхъ и раскрашенныхъ карикатуръ, цѣна 3 руб. 50 к. сереб. съ перес. 4 руб. сереб.

11.) Римскія Элегіи, соч. Гёте. цѣна 1 р. сереб. съ доставкой.

12.) Сей и Оный, шутка-водевиль, въ 1 дѣйствіи, съ доставкою 50 к. сереб.

13.) Мечты и звуки, стихотворенія соч. Н. Н. цѣна 1 руб. 50 коп. сереб. съ доставкой 2 руб. сереб.

14.) Игра въ вистъ, цѣна 60 коп. сереб. съ пересылкой 75 коп. сереб.

15.) Стихотворенія, Конст. Бахтурина, 1 часть, цѣна 1 р. сереб. съ доставкой 1 р. 40 коп. сереб.

16.) Липовникъ по особымъ порученіямъ, водевиль въ 1 дѣйствіи, съ достзвкой 1 руб. сереб.

17.) Маскарадъ въ лѣтнемъ клубѣ, водевиль въ 1 дѣйств. съ доставкой 50 коп. сереб.

18.) Репертуаръ, 1839 года 2 тома содержащій 23 піесы, 3 портрета и 7 номеровъ нотъ, въ сафьяномъ корѣшкѣ съ доставкой 5 р. 71 коп. сереб.

Такъ же принимается подписка. На 2-ю часть ста Литераторовъ, съ доставкою 8 руб. сереб.

2.) Другъ Веселья, сборникъ сочиненій для пѣнія и танцовъ, цѣна 5 руб. сереб. за пересылку 1 руб. 50 к. сереб.

3.) Изображеніе переворотовъ въ политической системѣ Европейткихъ Государствъ, соч. Ф. Ансильена, на 2-ю часть и 1-я выдается, цѣна за обѣ 3 руб. 50 к. сереб. съ доставкой, 4 р. сереб.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться, какъ за сими, такъ и другими книгами отъ разныхъ книгапродавцевъ публикуемыми.

Печатать позволяется. С. Петербургъ Апрѣля 11 дня 1840 года. *Цензоръ П. Корсаковъ.*

ХАРЬКОВСКІЙ ЖЕНИХЪ,

ИЛИ

ДОМЪ НА ДВѢ УЛИЦЫ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ПЕРЕДѢЛАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ДМИТРІЕМЪ ЛЁНСКИМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Григорій Сидорычъ Огурчиковъ..... *Г. Живокини.*
Софья, дочь его..... *Г-жа Орлова.*
Павелъ Дмитричъ Флоровъ.. *Г. Ленскій.*
Любочка, сестра его..... *Г-жа И. Рѣпина.*
Аполлинарій Ильичъ Чечеткинъ..... *Г. Бантышевъ.*
Аксинья, Любочкина кормилица, въ услуженіи у Огурчикова..... *Г-жа Сабурова 1.*

Дѣйствіе въ Москвѣ: первое на Шаболовкѣ, второе на Мясницкой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ садъ; въ глубинѣ сцены красивый заборъ, изъ-за котораго видны городскія строенія. Направо домъ съ дверью въ садъ. За домомъ рѣшетчатыя ворота. Налѣво павильонъ, съ окномъ противъ зрителей; въ окнѣ деревянныя шторы. Немного повыше, у двери павильона, горшки цвѣтовъ на полкахъ; садовые стулья и столъ. Подъ самымъ окномъ павильона скамейка.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛЮБОЧКА, ПОТОМЪ ОГУРЧИКОВЪ И СОФЬЯ (*).

(При поднятіи занавѣса Любочка въ павильонѣ, стоя у открытаго окна, разсматриваетъ шляпку.)

ЛЮБОЧКА, съ досадою.

Всѣ эти модныя торговки, ей-Богу, пренесносныя! Вотъ, напримѣръ, отъ мадамъ Трутру сейчасъ принесли мнѣ шляпку. На что она похожа? Никакого вида не имѣетъ. Когда бъ другія ленты, да еще бантикъ съ этой стороны, гораздо бъ лучше было. Братецъ до сихъ поръ ослѣпастъ меня, какъ папіоперку. *(Продолжая разсматривать шляпку.)* Прекрасно! Себѣ, не бойсь, онъ такую не закажетъ. *(У воротъ слышенъ колокольчикъ.)* Звонятъ! *(Кладетъ шляп-*

(*) Дѣйствующіе занимаютъ мѣста на сценѣ точно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они здѣсь названы въ началѣ каждаго явленія, полагая съ лѣвой стороны отъ зрителей. Перемѣны внизу страницъ.

ку.) Кто это такъ рано къ намъ пожаловалъ? Восьми часовъ еще нѣтъ. *(Выходитъ изъ павильона и бѣжитъ къ воротамъ; увидя Софью сквозь рѣшетку, вскрикиваетъ съ радостію.)* Софья! *(Отпираетъ ворота.)* Здравствуй, моя душечка! *(Цѣлуетъ ее.)* Здравствуйте, Григорій Сидорычъ! *(Присѣдаетъ Огурчикову.)* (*)

ОГУРЧИКОВЪ, кланялсь.

Любови Дмитріевнѣ, сирѣчь, имѣемъ честь паше пайглубочайшее.

ЛЮБОЧКА, Софьѣ.

Ужъ не случилось ли съ тобою какого несчастія?

СОФЬЯ.

Ни мало. А что?

ЛЮБОЧКА.

Да я дивлюсь, что ты ни свѣтъ ни заря съ Мясницкой пріѣхала къ намъ на Шаболовку!

СОФЬЯ.

У папеньки дѣло есть тутъ по сосѣдству, такъ я и воспользовалась этимъ случаемъ тебя навѣстить.

ОГУРЧИКОВЪ.

Да, точно такъ; Сонячка, сирѣчь, увѣрила меня, что у меня тутъ гдѣ-то дѣло есть по сосѣдству, такъ она, сирѣчь, и воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы имѣть честь вамъ наше пайглубочайшее.

ЛЮБОЧКА, Софьѣ.

Mercі, mercі, моя душечка! *(Цѣлуетъ ее.)* Это для меня самый пріятный сюрпризъ.

СОФЬЯ.

Почему же сюрпризъ? Мы съ тобою, кажется, пансіонскія подруги.

ЛЮБОЧКА.

Ты никогда у меня не бываешь, и я на тебя смотрю, какъ на красное солнышко. *(Съ таинственностію.)* Мнѣ нужно много съ тобою говорить!

СОФЬЯ.

Я у тебя посижу.

(*) Софья, Любочка, Огурчиковъ.

ОГУРЧИКОВЪ.

А я между тѣмъ съѣзжу за своимъ дѣломъ, сирѣчь... Куда-бишь, Сонячка, мнѣ съѣздить-то надобно? (*)

СОФЬЯ.

Но вы, я думаю, папенька, сами знаете.

ОГУРЧИКОВЪ.

Сирѣчь, понятія не имѣю, мой ангелъ... А!.. отсюда съ Шаболовки рукой подать на Конную: посмотрю, нѣтъ ли хорошихъ жеребчиковъ на мою руку, да сирѣчь, кстати, заверну къ Прыпиковымъ, у Серпуховскихъ воротъ, узнать... *(Глядя пристально на Софью.)* Не пріѣхалъ ли изъ Харькова молодой Чечеткинъ... Вотъ ужъ, сирѣчь, подѣли съ двѣ будетъ, какъ мы все ждемъ его съ часу на часъ; вѣрно отъ задержки на станціяхъ или отъ дурнаго пути онъ такъ долго не ѣдетъ... Ахъ! если бы, сирѣчь, у насъ всѣдѣ завели желѣзныя дороги, — куда бъ хорошо это было!

Я на паровой машинѣ,
Сирѣчь, сроду не взжалъ,
Но объ этой чертовщинѣ
Рѣчь отъ Питерцовъ слыхалъ.
Говорятъ, машину эту
До того ужъ довели,
Что ты чуть-лишь сѣлъ въ карету,
Глядь-тебя ужъ привезли!

ЛЮБОЧКА, улыбаясь.

Это, Григорій Сидорычъ, что-то ужъ слишкомъ невѣроятно.

ОГУРЧИКОВЪ, съ серьезнымъ видомъ.

Мнѣ и самому тоже кажется: Питерскіе вообще, сирѣчь, любятъ похвастать. Ты, однако жъ, не безпокойся, Сонячка; Чечеткинъ, рано или поздно, все-таки пріѣдетъ, и дѣло сладится. Ужъ я, сирѣчь, такъ положилъ.— Любовь Дмитревна, покамѣстъ наше вамъ пайглубочайшее!

СОФЬЯ.

Послушайте, папенька, вы скоро воротитесь?

ОГУРЧИКОВЪ.

Черезъ полчаса какихъ нибудь: вѣдь это, сирѣчь, близёхонько; я дрожки здѣсь остав-

(*) Софья, Огурчиковъ, Любочка.

лю, потомъ поѣду на Чистые пруды и завезу тебя домой на Мясницкую.

СОФЬЯ.

Зачѣмъ же вамъ заѣзжать на Мясницкую..? Я въ Кривомъ переулкѣ сойду.

ОГУРЧИКОВЪ.

Какъ, стрѣчь, въ Кривомъ переулкѣ? Мы живемъ на Мясницкой.

СОФЬЯ.

Да развѣ вы забыли, что нашъ домъ выходитъ на двѣ улицы? По Кривому переулку вы прямо подвезете меня къ нашему заднему подъѣзду.

ОГУРЧИКОВЪ.

Ахъ, да, да!.. Въ самомъ дѣлѣ!.. *(Любочкѣ).* Вѣдь мнѣ и въ голову не пришло, что у насъ домъ выходитъ, стрѣчь, на двѣ улицы: на Мясницкую и въ Кривой переулокъ!.. Старъ я сталъ, Любовь Дмитріевна: память вовсе отказывается... Наше вамъ пренизкое. *(Уходитъ въ ворота.)*

=

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФЬЯ И ЛЮБОЧКА.

СОФЬЯ.

Какъ я рада, милая Любочка, что застала тебя дома! Третьяго дня я къ тебѣ пріѣзжала, но мнѣ сказали, что ты въ Петровскомъ паркѣ гостишь на дачѣ у своей тетушки... Ужъ какъ мнѣ это было досадно!..

ЛЮБОЧКА, простодушно.

Вѣрно ты хочешь сказать мнѣ что нибудь очень нужное?

СОФЬЯ, нѣсколько смѣшавшись.

Я?.. О! нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ... Мнѣ хотѣлось только увидѣться съ тобою, — вотъ и все тутъ.

ЛЮБОЧКА, обнимая ее.

Добрая Софья! Тысячу разъ тебѣ спасибо за то, что ты обо мнѣ вспомнила. Я такъ тебя люблю, что твоя дружба для меня дороже всего на свѣтѣ!.. Въ пансіонѣ я была немножко... простовата; вѣрила всему, что, бывало, мнѣ ни скажутъ; но теперь... *(съ дѣтскою важностію)*, теперь ужъ мнѣ въ будущемъ году минетъ восемнадцать лѣтъ!.. Я теперь совсѣмъ не та, и кой-что понимать начинаю!

СОФЬЯ, улыбаясь.

Да, да, я это вижу. *(Въ сторону.)* Ея наивность мнѣ поможетъ.

ЛЮБОЧКА.

Теперь мы обѣ съ тобою ужъ не дѣвочки, а большія барышни, невѣсты!.. Невѣсты же, какъ скоро сойдутся, всегда тьму разныхъ вещицъ другъ другу по секрету разсказываютъ.

СОФЬЯ, съ притворствомъ.

О!..

ЛЮБОЧКА.

Обѣщай со мной быть откровенною... Я тебѣ скажу тайну... и очень важную тайну, которая у меня какъ гора лежитъ на сердцѣ... Ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ если не съ кѣмъ своею тайной подѣлиться!

СОФЬЯ.

Ну, говори... а потомъ я тебѣ скажу также въ свою очередь... Но пойдемъ лучше въ компату, а то насъ здѣсь могутъ услышать.

ЛЮБОЧКА.

Не безпокойся: я здѣсь у себя, и живу въ этомъ павильонѣ. — *(Смѣясь.)* Точно отшельница.

СОФЬЯ.

Для чего жъ это?

ЛЮБОЧКА.

Такъ братцу угодно... Онъ вздумалъ меня прятать, Сонечка... Ты не вѣришь? Ей-Богу!

СОФЬЯ.

Но я не пойму причины...

ЛЮБОЧКА.

Онъ мнѣ не говоритъ; но я, однако жъ, кажется, ее угадываю. Съ недѣлю тому назадъ къ нему пріѣхалъ пріятель изъ провинціи, такъ братецъ и не хочетъ, чтобъ онъ меня видѣлъ... *(Съ досадою.)* Поль очень меня обижаетъ; если онъ такъ всегда меня будетъ прятать, то никому и не придетъ на

умъ за меня посвататься, и я доживу до сѣдыхъ волосъ, а замужъ не выйду.

СОФЬЯ.

Какой ты ребенокъ!

ЛЮБОЧКА.

А тѣмъ еще досаднѣй, что этотъ пріѣзжій гость собою прехорошенькій.

СОФЬЯ.

Стало быть, ты его видѣла?

ЛЮБОЧКА, съ таинственностію.

Да... Но только самымъ чудеснымъ и романическимъ образомъ!.. *(Пройдя немножко въ глубину сцены, чтобы увѣриться, не подслушиваетъ ли кто.)* Вотъ какъ это случилось. Четвертаго дня былъ большой балъ въ Петровскомъ воксалѣ, а я съ братцемъ всего лишь одинъ разъ сроду и была на балѣ къ Купеческомъ собраніи. Вотъ я и стала просить тетеньку: «Тетенька! миленькая! поѣдемте въ воксалъ!» Она для меня и поѣхала. Представь себѣ, мой другъ, какъ тамъ весело! Огромная зала, великолѣпное освѣщеніе, бездна дамъ и кавалеровъ,— и все за-просто, по лѣтнему, безъ всякой пышности и принужденія. Я сижу въ уголку подлѣ тетиньки и съ завистью смотрю на танцующихъ... Братецъ терпѣть не можетъ, чтобъ я съ незнакомыми танцовала... Вдругъ подходитъ ко мнѣ молодой человѣкъ и приглашаетъ меня на Французскую кадриль... Я закраснѣлась, не знала, что отвѣчать и взглянула на тетеньку... тетенька улыбнулась, сдѣлала знакъ согласія—и вотъ мы становимся въ первой парѣ... Вообрази мое восхищеніе! Кавалеръ мнѣ попался премилый, прелюбезный! Какъ онъ вѣжливъ былъ со мною, какъ угодителенъ предъ тетенькой! (А вѣдь старушки вообще любятъ, чтобъ имъ угождали.) Тетинька потомъ позволила намъ протанцовать еще другую кадриль, а тамъ третью... И наконецъ ужъ я не помню, сколько разъ мы все съ нимъ вмѣстѣ танцовали; помню только, что я весь вечеръ провела въ полномъ удовольствіи... Онъ былъ такъ веселъ, говорилъ такъ умно... и сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ въ Москву на время и остановился у одного своего пріятеля, сенатскаго чиновника, Павла Дмитріевича Флорова.

СОФЬЯ, (удивясь.)

У твоего брата?...

ЛЮБОЧКА, (смѣясь.)

Ну, да!.. Незнакомый, отъ котораго меня такъ скрывали!... Вѣдь это пресмѣшно, не правда ли?... Ему хотѣлось узнать мою фамилію, и, чтобъ вызвать меня на откровенность, онъ первый сказалъ мнѣ, что его зовутъ Аполлинаріемъ.

СОФЬЯ.

Ну, и ты то же сказала ему свое имя?

ЛЮБОЧКА.

О! нѣтъ, я гораздо хитрѣе, чѣмъ ты думаешь!.. А еще знаешь ли что? При разставаньи со мною онъ подарилъ мнѣ золотое колечко; оно у меня лежитъ тамъ въ туалетѣ!

СОФЬЯ.

Ахъ, какая ты безразсудная, Любочка! Ну, можно ли брать кольцы отъ незнакомаго человѣка!...

ЛЮБОЧКА, (простодушно.)

А что жъ, развѣ въ этомъ есть что нибудь дурное?

СОФЬЯ, (въ сторону.)

Она ужъ такъ проста, что изъ рукъ вонъ! *(Въ слухъ.)* Старайся избѣгать встрѣчи съ г-мъ Аполлинаріемъ... слышишь-ли, Любочка!.. Иначе, онъ Богъ знаетъ что о тебѣ подумаетъ!

ЛЮБОЧКА.

Мнѣ свѣтскія условья не извѣстны;
Но нѣчего пріятней нѣтъ для насъ,
Какъ скажутъ намъ: вы милы, вы прелестны,—
И слышимъ мы объ этомъ въ первый разъ!
Хоть дѣвушка сама и понимаетъ,
Какой огонь въ глазахъ ея горитъ,
Хоть зеркало ей это повторяетъ...
Но зеркало душѣ не говоритъ!

Однако жъ я и забыла, что вѣдь и ты также что-то хотѣла мнѣ открыть по секрету... *(Вотрешно.)* Вѣрно то-же про молодаго человѣка?

СОФЬЯ, (вздохнувъ.)

Папенька хочетъ отдать меня замужъ.

ЛЮБОЧКА, (съ живостію.)

Неужели? Ахъ, какъ ты счастлива, Софья! А вотъ Поль, не бойсь, не позаботится мнѣ сыскать жениха!

СОФЬЯ.

Счастлива!... Ну, а если бы женихъ твой тебѣ не нравился?

ЛЮБОЧКА.

Ахъ, да!... Я объ этомъ и не подумала... Но все-таки на вѣкъ остаться дѣвушкой скучнѣе ничего быть не можетъ!... А за кого жъ тебя сватаютъ?

СОФЬЯ.

За сына какого-то Харьковскаго помѣщика, который когда-то былъ очень дружепъ съ папенькой; а фамилія моего жениха Чечеткинъ, и онъ теперь ѣдетъ сюда изъ Харькова собственно за тѣмъ, чтобы на мнѣ жениться.

ЛЮБОЧКА, (весело)

Такъ ты будешь г-жа Чечеткина?

СОФЬЯ.

Ахъ, страшно и подумать!

ЛЮБОЧКА.

Почему?

СОФЬЯ.

Да потому, что я его никогда не видала.

ЛЮБОЧКА.

А можетъ быть онъ тебѣ и понравится, когда ты его увидишь.

СОФЬЯ, (въ замѣшательствѣ.)

Сомнѣваюсь; мнѣ кажется... я влюблена въ другаго.

ЛЮБОЧКА, (съ живостію.)

Въ другаго? А въ кого-же?.. Я его знаю?

СОФЬЯ.

Сказать ли тебѣ, кто онъ?

ЛЮБОЧКА.

Ахъ, сдѣлай милость, душечка, Сопичка! Это страсть моя чужія тайны!

СОФЬЯ.

Онъ... братъ твой.

ЛЮБОЧКА, (въ восторгѣ.)

Поль!. Ахъ, Софья! Ахъ, мой ангельчикъ!.. *(Бросается къ ней на шею и цѣлуетъ ее въ глаза и въ губы.)* Ахъ! какъ я рада!.. Ты будешь моею сестрою!.. *(Прыгая отъ радости.)* Я Софью стану называть сестрицей!...

СОФЬЯ.

Вправѣ ли это сбудется? Послушай о моей горести: въ то самое время, какъ Павелъ Дмитричъ хотѣлъ ужъ сдѣлать предложеніе папенькѣ, я совсѣмъ несправедливо вздумала его приревновать, поссорилась съ нимъ... и онъ пересталъ ѣздить на вечера къ Зориной, у которой мы такъ часто видались... помнишь?

ЛЮБОЧКА.

Какъ-же! Премилая и препочтенная дама; еще иногда, бывало, мы у ней всѣ вмѣстѣ въ фанты играли!

СОФЬЯ.

А теперь ужъ я почти помолвлена за другаго... между-тѣмъ, какъ я знаю, что онъ въ душѣ меня все еще любитъ!.. Да, Любочка, Поль любитъ меня, я въ этомъ увѣрена... и ему не извѣстно, что у насъ въ домѣ свадьба затѣвается.. *(Плачетъ.)* Ахъ! Я умру съ печали!...

ЛЮБОЧКА, (съ сердцемъ, отойдя немного отъ Софьи.)

А! Такъ вы эдакъ-то, милостивый государь братецъ! Вы доводите до слезъ мою добрую Софью, и сами влюблены, а въ меня запрещаете влюбляться!... Видишь какой, въ самомъ дѣлѣ!.. *(Подходя къ Софьѣ.)* Вотъ я-жъ сочтусь съ нимъ, погоди! Я ему скажу, чтобъ онъ непремѣнно сдѣлалъ твое счастіе и на тебѣ женился. *(Ласково.)* Ты мнѣ позволишь, не правда ли?

СОФЬЯ, (въ сторону.)

Она скажетъ!.. Я успѣла! *(Въ слухъ.)* Милая Любочка! Какъ я рада, мой дружочикъ, что мнѣ удалось увидѣться съ тобою!.. Однако жъ, папеньки все еще нѣтъ, а мнѣ домой ужъ пора. *(Въ домъ съ правой стороны слышенъ голосъ Флорова:)* «Что-жъ ты? Стало быть, ты въ садъ не пойдешь?» Кто это тамъ?

ЛЮБОЧКА.

Братецъ, вѣрно, съ пріѣзжимъ гостемъ.

СОФЬЯ.

Ахъ, Боже мой! Я не хочу, чтобъ Павелъ Дмитричъ зналъ, что я здѣсь.

ЛЮБОЧКА.

Войдемъ ко мнѣ въ павильонъ; и я тоже не должна встрѣтиться съ моимъ кавалеромъ Петровскаго воксала.

ВМѢСТѢ.

Они сейчасъ къ намъ выйдутъ вонъ:
Войдемъ скорѣе въ павильонъ!
Покамѣстъ тамъ мы посидимъ
И имъ опять уйти дадимъ!

ЛЮБОЧКА, (Софьѣ.)

Повѣрь, мой другъ, что за тебя
Я Полю докажу себя!

СОФЬЯ, (въ сторону.)

Я въ ней увѣрена вполнѣ:
Она разскажетъ обо мнѣ.

ВМѢСТѢ.

Они сейчасъ къ намъ выйдутъ вонъ... и проч.

(Уходятъ въ павильонъ и затворяютъ дверь за собою.)

ЯВЛЕНІЕ III.

СОФЬЯ, ЛЮБОЧКА, (у окна въ павильонѣ.) ФЛОРОВЪ и потомъ ЧЕЧЕТКИНЪ, (выходятъ изъ дома съ правой стороны.)

ФЛОРОВЪ, (выходитъ прежде и осматривается съ безпокойствомъ.)

Она у себя въ павильонѣ... слава Богу!.. Пострѣленокъ! Ни къ селу ни къ городу воротилась съ дачи, совсѣмъ не прошеная!

(Любочка притворяетъ одну половину деревянной шторы со стороны Флорова, такъ, чтобъ онъ не могъ видѣть ихъ въ павильонѣ.)

ЧЕЧЕТКИНЪ, (входя.)

Послушай, Павелъ, куда ты убѣжалъ?... Я, братецъ, хочу пить съ тобою въ салъ, а ты отъ меня тягу!.. Развѣ я лѣшій, что ты бросаешься отъ меня сломя голову?

ФЛОРОВЪ.

О нѣтъ.. я такъ... безъ всякой причины...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

То-то же, смотри!.. О чемъ-бишь теперь у насъ была рѣчь?

ФЛОРОВЪ.

Я тебѣ говорилъ, и еще повторяю, что дурно не имѣть довѣренности къ другу.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

О, что до этого, я, конечно, имѣю къ тебѣ полную довѣренность и ты вполнѣ заслуживаешь *оную*; но у меня ужъ такой образъ мыслей: тайна не тайна, какъ-скоро ее другой знаетъ... и въ слѣдствіе *сего* я не рѣшался тебѣ открыть, зачѣмъ я изъ Харькова прикатилъ въ бѣлокаменную.

ФЛОРОВЪ.

Но ты и теперь все не рѣшаешься!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ну, слушай-же, Павелъ... я пріѣхалъ въ Москву жениться, на-слово; невѣсты никогда не видалъ; но говорятъ, она очень мила, и я вѣрю... то-же на-слово, разумѣется.. А такъ какъ мнѣ не хочется обидѣть почтенное семейство отказомъ.. (что, однакожъ, очень можетъ случиться..), то я и придумалъ сначала пожить здѣсь инкогнито, чтобъ самому, собственно своей персопой, справиться обо всемъ хорошенько. — Вотъ причина моихъ частыхъ отлучекъ, за которыя ты меня упрекаешь, не зная, въ чемъ дѣло —Ну! будетъ ли съ тебя? Довольнъ-ли ты?

ФЛОРОВЪ, (взявъ его за руку.)

Даже и слишкомъ!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

У меня говорить, такъ говорить... чтобъ душа на распашку!

ЛЮБОЧКА, (Софьѣ.)

Послушаемъ.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Я малой откровенный; а вотъ самъ-то ты, пріятель, язычокъ на привязи держишь. Ужели ты думаешь—я не замѣтилъ, что у тебя въ сердцѣ есть зазнобушка? *(Флоровъ вздыхаетъ.)* Вонъ какіе вздохи! Хоть сейчасъ пускай въ ходъ вѣтряную мельницу.

ЛЮБОЧКА, (Софьѣ.)

Это о тебѣ говорятъ.

ФЛОРОВЪ.

Ты угадалъ... я люблю!.. и страдаю по пустымъ подозрѣніямъ... Ужъ десять дней прошло, какъ я не видался съ нею... Но я тебѣ это разскажу послѣ твоей свадьбы.

ЧЕЧЕТКИНЪ, (шутя.)

Послѣ моей свадьбы! Да моя свадьба-то теперь остается впредь до рѣшенія высшей инстанціи! Два дня тому назадъ со мной случилось одно происшествіе...

СОФЬЯ, (Любочкѣ.)

Это о тебѣ говорятъ.

ЧЕЧЕТКИНЪ, (продолжая.)

Случай, братецъ, преудивительный, какого и въ Тысячи одной ночи не отыщешь!

СОФЬЯ, (Любочкѣ.)

Я теперь подъ арестомъ, а мнѣ надобно ѣхать... Ну, если папенька придетъ за мною?...

ФЛОРОВЪ.

Что жъ это такое съ тобой случилось?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Я опишу тебѣ со всѣми подробностями и коментаріями... Ты не шути Аполлинаріями!...

ЛЮБОЧКА.

Попалась я!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Четвертаго дня я зналъ, что ты весь вечеръ дома не будешь, и потому отправился въ Петровскій паркъ посмотрѣть на Щепкина въ *Ревизорѣ:* я ужасно люблю эту комедію, и здѣсь играютъ ее превосходно.., Щепкинъ и Потанчиковъ, просто, очарованіе!.. Я всѣ руки отхлопалъ!.. Послѣ спектакля, думаю: куда теперь направить путь?.. Погода прекрасная... проѣдусь по парку... сажусь на дрожки и вижу: воксалъ освѣщенъ и гремитъ музыка.

Такъ стало-быть, въ воксалѣ балъ?
И пять рублей цѣна билету?
Давай сюда билетъ въ воксалъ!
Хочу я прыгать до разсвѣту!
Мнѣ вашъ воксалъ милѣй всего,
Для всѣхъ тутъ есть своя забава —
И основателю его
Отнынѣ вѣкъ и честь и слава!

Народа на балѣ было множество, хорошенькихъ барышень не сочтешь! Но къ которой ни подойду: »pardon, monsieur, je suis engagée.« Ну, ни одной нѣтъ безпардонной, какъ на зло, т. е., рѣшительно ни одна съ незнакомымъ танцовать не хочетъ!

ФЛОРОВЪ, (смѣясь.)

Бѣдняжка! Вѣдь это предосадно, чортъ возьми!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Наконецъ, послѣ многихъ безполезныхъ попытокъ, замѣтилъ я — въ углу сидитъ почтенная старушка...

ЛЮБОЧКА, (испугавшись.)

Ай! Бѣда!

ФЛОРОВЪ, (смѣясь.)

Что-жъ, ты старушку пригласилъ?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Не старушку, а молоденькую, которая съ ней сидѣла... Ахъ, Павелъ! Прелесть, диво!... что твоя Венера Медиційская!... въ подметки ей не годится!

ФЛОРОВЪ, (смѣясь.)

Вѣрю, вѣры... ты, братецъ, человѣкъ со вкусомъ и въ Харьковскомъ университетѣ прошелъ со мною всю теорію изящнаго.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Да ты не смѣйся, а погоди что дальше-то будетъ! Я подхожу къ ней и, очень вѣжливо, стоя на третьей позиціи, дѣлаю ей пропозицію на французскомъ языкѣ и на французскую кадриль. Прелесть такъ вся и вспыхнула, взглянула на старушку... та кивнула ей головою... и она подала мнѣ свою нѣжную, полненькую ручку... Ахъ, что за ручка! Боже!...

СОФЬЯ, (Любочкѣ.)

Онъ твою исторію разсказываетъ.

ЛЮБОЧКА.

Знаю... но не знаю, какъ-бы ему помѣшать!

ФЛОРОВЪ.

Ну! ты дошелъ до ручки; а что-жъ дальше-то?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Однимъ словомъ, — мы почти цѣлый балъ все вмѣстѣ танцовали... и сколько я нашелъ въ ней ума, души, образованности!... Какъ мило она говорила со мною!... Какая въ рѣчахъ ея была небесная невинность!.. Она непремѣнно должна быть изъ знатной фамиліи — за это я головой ручаюсь... тѣмъ больше, что она никакъ не хотѣла мнѣ сказать своего имени... явное доказательство!

ЛЮБОЧКА.

Какой болтушка!

ФЛОРОВЪ, (смѣясь.)

Такъ ты думаешь, что это графиня или княжна какая-нибудь?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Непремѣнно. У меня же изъ этого просто, я сейчасъ сказалъ, что меня зовутъ Аполинарій, только фамиліи не сказалъ... А что у насъ было при прощаніи... ужь этого, братъ, ты никогда не узнаешь!

ФЛОРОВЪ.

Вотъ вздоръ! Что такое? Ну, сдѣлай милость!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ни подъ какимъ видомъ! Нельзя.

ФЛОРОВЪ.

Въ тебѣ не люблю я дурную замашку,
Что ты столько-жъ скрытенъ, какъ самъ Талейранъ!
Какой-же ты малой съ душой на распашку,
Когда, что ни слово, то прячешь въ карманъ?...
Зачѣмъ-же ты началъ читать свой романъ?...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Изволь, все скажу я... но, слушай братъ Павелъ,
Чтобъ это лишь было межъ мной да тобой:
Я ей на прощаньи на память оставилъ
Колечко съ сердечкомъ, пронзеннымъ стрѣлой...
Божусь (3) милый мой!

ФЛОРОВЪ.

Ха! ха! ха!... скоренько-же вы подружились! Ха! ха! ха! Хороша графиня!.. Ха! ха!..

ЛЮБОЧКА, (Софьѣ.)

Софья! ради Бога!.. ты можешь спасти и себя и меня!

СОФЬЯ.

Какимъ-же образомъ?

ЛЮБОЧКА.

Пойдемъ, я тебѣ скажу. (*Скрываются.*)

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ну вотъ, я зналъ, что ты будешь смѣяться, между тѣмъ, какъ тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго... Да! я по-уши влюбленъ въ этого ангела, хотя и понятія не имѣю, кто она такая... Я ей поклялся никому не сказывать о нашей встрѣчѣ... Она спросила, гдѣ я живу, и угрожала при малѣйшей нескромности возвратить мнѣ мое кольцо...

ФЛОРОВЪ.

Не бойся... оно у ней останется... Ха! ха! ха!..

ЛЮБОЧКА, (Софьѣ, показываясь въ окнѣ.)

Скорѣй! скорѣй! (*нагибаетъ ей вуаль на палатку.*) Тебя не узнаютъ — и мы спасены!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Разумѣется, я не боюсь.., потому что, къ моему несчастію, она ужъ вѣрно сюда и не заглянетъ... а въ такомъ случаѣ надо быть Сильфидой, чтобъ подслушать нашъ разговоръ... Однако жъ въ самомъ дѣлѣ вѣдь это пресмѣшно, какъ подумаешь про ея угрозу!..

ФЛОРОВЪ.

Натурально смѣшно... Ха! ха!...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Нашла, чѣмъ запугать нашего брата, бывшаго Харьковскаго студента!.. Ха! ха!.. ха!..

(Въ это время Софья быстро выходитъ изъ павильона, бросаетъ къ ногамъ Чечеткина свернутую бумажку—и убѣгаетъ въ ворота.) Ай!...

ФЛОРОВЪ.

Что такое?

ЧЕЧЕТКИНЪ, (развернувъ бумажку)

Боже!.. Мое кольцо!!! Женщина пробѣжала въ ворота!

(Спѣшитъ къ воротамъ и смотритъ ей вслѣдъ.)

ФЛОРОВЪ, (въ сторону.)

Она вышла изъ павильона... Какое подозрѣніе!

ЧЕЧЕТКИНЪ, (подходя къ Флорову.)

Это волшебство!.. Послушай, Павелъ, я пущусь ее догонять!...

ФЛОРОВЪ, (удерживая его.)

Постой!.. Опиши мнѣ ея наружность!...

ЧЕЧЕТКИНЪ, (вырываясь.)

Теперь нѣкогда!.. Это точно Сильфида!...

ЛЮБОЧКА, (все въ павильонѣ.)

Какъ гора съ плечъ свалилась!

ФЛОРОВЪ.

Аполинарій! Прошу тебя!..

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Пусти, брагецъ... она улетитъ!.. Но я хоть въ Камчатку за ней поскачу!... (*Убѣгаетъ въ ворота.*)

ФЛОРОВЪ, бѣжитъ за нимъ къ воротамъ и кричитъ.

Аполинарій! Постой! Чечеткинъ! Чечеткинъ!...

ЛЮБОЧКА, въ удивленіи.

Чечеткинъ!... Такъ это Харьковскій женихъ Софьи!..

ФЛОРОВЪ, возвращаясь на авансцену.

О! нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ сестра моя играла роль героини въ этомъ приключеніи!.. Однако жъ, почему знать?.. *(Кличетъ.)* Любочка! Любочка!.. *(Идетъ къ павильону.)*

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЮБОЧКА и ФЛОРОВЪ.

ЛЮБОЧКА, выходя изъ павильона, съ простосердечнымъ видомъ.

Чего изволите, братецъ?

ФЛОРОВЪ, въ сторону съ живостію.

О! Я съ ума сошелъ.

ЛЮБОЧКА, приближаясь къ нему.

Съ добрымъ утромъ... здоровы ли вы?

ФЛОРОВЪ, съ лаской и цѣлуя ее.

Здравствуй, Любочка! Здравствуй, другъ мой!.. *(Съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.)* Скажи мнѣ... къ тебѣ сегодня никто не пріѣзжалъ въ гости!

ЛЮБОЧКА, съ притворнымъ удивленіемъ.

Въ гости?

ФЛОРОВЪ.

Кажется, какая-то дама сейчасъ вышла отъ тебя изъ павильона?

ЛЮБОЧКА.

А!.. будто это дама!.. Это швея изъ моднаго магазина.

ФЛОРОВЪ,

Швея!.. *(Въ сторону, смѣясь.)* О! это безподобно!...

ЛЮБОЧКА, съ досадою.

Она привезла мнѣ шляпку... прелесть, нечего сказать! Любо-дорого посмотрѣть!

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Бѣдный Харьковецъ! Швею принялъ за дѣвицу знатной фамиліи, за небесную невинность!... *(Смѣется.)* Хороша невинность съ Кузнецкаго моста!..

ЛЮБОЧКА, съ хитростію.

Да чему же вы, братецъ, смѣетесь? Что жъ вы тутъ нашли такого забавнаго?

ФЛОРОВЪ.

Ничего... я такъ, совсѣмъ другому смѣялся... Несчастный Чечеткинъ!

ЛЮБОЧКА,

Чечеткинъ, вы говорите?.. Вѣдь это вашъ пріятель?

ФЛОРОВЪ.

А что?

ЛЮБОЧКА, съ замѣреніемъ.

То-то я иногда слыхала отъ васъ о какомъ-то Чечеткинѣ, изъ Саратова... еще у его отца богатая суконная фабрика...

ФЛОРОВЪ, съ досадою.

И! нѣтъ, ничуть не бывало! Аполлинарій Ильичъ Чечеткинъ не изъ Саратова, а изъ Харькова... и у отца его не суконная фабрика, а винные заводы...

ЛЮБОЧКА.

Да, да, точно! Теперь я вспомнила!... Это женихъ Софьи?... Какое открытіе!

ФЛОРОВЪ, про себя со смѣхомъ.

Пойду посмотрю изъ своего окна на улицу, успѣлъ-ли этотъ новый Гиппоменъ подцѣпить свою Аталанту, которая, впрочемъ, и сама у него въ долгу не останется... Ха! ха! ха!... *(Уходитъ въ домъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛЮБОЧКА, одна,

Какъ! Молодой человѣкъ, который подарилъ мнѣ кольцо и теперь гоститъ у насъ въ домѣ, есть не кто иной, какъ Харьковскій женихъ Софьи, Аполлинарій Ильичъ Чечеткинъ!!! Чечеткинъ, котораго она вовсе не знаетъ и между тѣмъ терпѣть не можетъ!!! Чечеткинъ, который теперь выходитъ соперникъ Поля, а я выхожу соперница Софьи!!! Боже мой! Какая путаница!... И никто изъ нихъ этого не подозрѣваетъ! А я, отъ которой всѣ скрываютъ, которой, какъ болтушки, всѣ опасаются, я держу у себя въ рукахъ всѣ нити этого происшествія!... Ахъ, у меня голова кружится... Вотъ если бъ я была такъ-

же смѣтлива и опытна, какъ они; а то... (*Приложивъ палецъ ко лбу.*) Однако жъ... постой!... я знаю, что дѣлать!... (*Ни минуту задумывается, потомъ идетъ къ цвѣтамъ и беретъ лейку.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛЮБОЧКА, ОГУРЧИКОВЪ, ФЛОРОВЪ.

ФЛОРОВЪ, выходя изъ дома

Я опоздалъ: они ужъ изъ виду пропали! (*Смѣясь.*) Счастливый путь! (*Замѣтивъ въ воротахъ Огурчикова.*) Григорій Сидорычъ! (*Съ появленіемъ Огурчикова, Любочка, увидя его, будто-бы не обращаетъ на него вниманія и поливаетъ цвѣты въ горшкахъ.*)

ОГУРЧИКОВЪ, войдя въ ворота, въ сторону.

Павелъ Дмитричъ!... А я думалъ, сирѣчь, его дома нѣтъ... досадно, что я оставилъ здѣсь Сопичку. (*Вслухъ.*) Павлу Дмитричу, сирѣчь, имѣемъ честь наше наиглубочайшее... (*Обращаясь къ Любочкѣ.*) Она, сирѣчь, вѣрно уѣхала?

ФЛОРОВЪ.

Кто уѣхала?

ОГУРЧИКОВЪ.

Сирѣчь, дочь моя.

ФЛОРОВЪ, съ безпокойствомъ.

Какъ! Софья Григорьевна?... Да она къ намъ и не пріѣзжала.

ОГУРЧИКОВЪ, смѣясь.

Вотъ, сирѣчь, повенькос! Я самъ ее привезъ давича: спросите у Любовь Дмитревны.

ЛЮБОЧКА, продолжая поливать цвѣты.

Это правда.

ФЛОРОВЪ.

А ты мнѣ не сказала.

ЛЮБОЧКА, тоже.

Да развѣ можноупомнить? Начать съ того, что вы меня обо всемъ объ этомъ и не спрашивали; а притомъ она посидѣла у меня всего минутъ съ пять какихъ нибудь.

ОГУРЧИКОВЪ.

Ахъ! Какая-жеона лура, сирѣчь! Ну можно ли быть такъ невѣжливой! Уѣхать какъ скоро отъ подруги и отпустить отца пѣшкомъ!... (*Въ сторону.*) А впрочемъ я, сирѣчь, очень радъ, что она отправилась отсюда.

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Это была Софья!!! (*Огурчикову.*) Скажите, Григорій Сидорычъ... Четвертаго дня вы были за городомъ?

ОГУРЧИКОВЪ,

Позвольте... Это, сирѣчь, во вторникъ?... былъ, — въ Петровскомъ.

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Ну, такъ и есть! Она бросила кольцо. (*Въ слухъ и съ безпокойствомъ.*) Сегодня на Софьѣ Григорьевнѣ была шляпка съ вуалемъ?

ОГУРЧИКОВЪ.

Нѣтъ, сирѣчь, безъ вуаля... Но что за охота вамъ меня объ этомъ распрашивать?

ФЛОРОВЪ.

Такъ... мнѣ показалось, что я какъ будтобы ее видѣлъ... (*Въ сторону.*) Это шведъ!

ОГУРЧИКОВЪ.

Сопичка уѣхала, стало. Позвольте вамъ наше наиглубочайшее. Извините, Любовь Дмитревна, дочь мою за ей, сирѣчь, неучтивость.

ЛЮБОЧКА, съ намѣреніемъ.

Помилуйте, Григорій Сидорычъ! Напрасно вы ее обвиняете: я знаю, что нѣкогда сидѣть въ гостяхъ невѣстамъ.

ФЛОРОВЪ, съ живостію.

Какъ невѣстамъ?

ЛЮБОЧКА, съ притворнымъ простодушіемъ.

Да она мнѣ сказала, что выходитъ замужъ... (*Огурчикову.*) за сына вашего стариннаго пріятеля.

ОГУРЧИКОВЪ, съ простодушіемъ и, нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

Справедливо... я, сирѣчь, еще не говорилъ вамъ объ этомъ, Павелъ Дмитричъ... потому что, сирѣчь, женихъ еще не пріѣхалъ... но ужъ это дѣло давнымъ-давно у насъ слажено... молодой человѣкъ очень хорошій, и родство, сирѣчь, прекрасное. Я даже откровенно вамъ скажу, что собственно лишь изъ за этого я съ нѣкоторыхъ поръ сталъ поржѣ

ѣздить съ Сонечкой къ Палагеѣ Ивановнѣ Зориной... Я зналъ, Павелъ Дмитричъ, что мы, сирѣчь, имѣли бы удовольствіемъ тамъ съ вами встрѣтиться,.. а потому мы, сирѣчь... и лишили себя... этой чести... Согласитесь сами, вѣдь нельзя же... отпу...

ФЛОРОВЪ, обидясь.

О! Конечно, Григорій Сидорычъ.

ОГУРЧИКОВЪ.

А впрочемъ, повѣрьте, мнѣ очень пріятно, сирѣчь, быть съ вами въ знакомствѣ... и надѣюсь, что вы на свадьбу пожалуете.

ФЛОРОВЪ, съ принужденіемъ.

Непремѣнно... За счастіе себѣ поставлю!

ОГУРЧИКОВЪ.

И Любовь Дмитревна также... какъ самая лучшая подруга Сонечкина.

ЛЮБОЧКА.

Разумѣется... мнѣ-то ужъ и грѣшно не быть.

ОГУРЧИКОВЪ, кланяясь.

Позвольте-жъ теперь, сирѣчь, вамъ наше наиглубочайшее!... Приготовленія къ свадьбѣ, ожиданіе зятя, покупки, заказы... все это, сирѣчь, меня съ ногъ сбило.

Бѣда, сирѣчь, какъ дочь невѣсту
Придется за мужъ отдавать!
Ужъ тутъ отецъ не знай присѣсту:
Извольдень цѣлый хлопотать!
Приготовленія къ сговору,
Къ дѣвишнику, къ тому, къ сему...
Тутъ шестерымъ отцамъ такъ впору,
А каково-же одному!...

Наше вамъ наиглубочайшее!... *(Уходитъ въ ворота.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛЮБОЧКА и ФЛОРОВЪ.

ФЛОРОВЪ, въ сильномъ волненіи.

Она замужъ выходитъ!... Она выходитъ замужъ!!! И мнѣ объ этомъ ни полслова не сказали!

ЛЮБОЧКА.

Что съ вами, братецъ? Чѣмъ это вы такъ встревожены?... Я все смотрю и ничего не понимаю... Никто не хочетъ быть со мной откровеннымъ... всѣ около меня тоскуютъ, а о чемъ—Богъ знаетъ. *(Съ намѣреніемъ.)* Вотъ и Софья тоже... такая печальная ко мнѣ пріѣхала!...

ФЛОРОВЪ, съ живостію.

Она печальна?

ЛЮБОЧКА,

Ужасно!.. И говоритъ, что вы ее огорчаете.

ФЛОРОВЪ, какъ будто противъ воли, съ досадой.

Я?

ЛЮБОЧКА.

Не сердись, пожалуста!... Можетъ статься, я не такъ поняла...

ФЛОРОВЪ.

Говори, говори... да говори-же!... Она тебѣ сказала...

ЛЮБОЧКА.

Она мнѣ сказала, что если бъ она могла увидѣться съ вами, вы бы съ нею условились.

ФЛОРОВЪ, съ радостію.

Въ самомъ дѣлѣ она тебѣ это сказала? *(Въ сторону.)* О! я увижусь съ нею сегодня же вечеромъ!... Непремѣнно увижусь!

ЛЮБОЧКА.

Я замѣтила, что ей женихъ ея вовсе не нравится.

ФЛОРОВЪ.

Неужели?

ЛЮБОЧКА.

Навѣрное не ручаюсь... По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось.

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

И я глупъ, что вздумалъ толковать объ этомъ съ ребенкомъ!... Но въ моемъ положеніи я готовъ совѣтоваться со стѣнами!

ЛЮБОЧКА, съ намѣреніемъ.

Еще она говорила что-то такъ несвязно... и какъ будто разсуждала сама съ собою... *(Копируя Софью, и сентиментальнымъ тономъ.)* «Не видаться десять дней!... допустить меня выйти за другаго!... Ахъ, видно онъ меня не любитъ!»

ФЛОРОВЪ.

Ты это слышала!... *(Въ сторону.)* Нѣтъ сомнѣнія, что не она взяла поларокъ отъ Чечеткина!... Не она, а швейка!

ЛЮБОЧКА, съ притворнымъ простодушіемъ.

Но о комъ она это говорила? Вотъ чего именно я и не знаю!

ФЛОРОВЪ.

О, какое счастіе!... Я не смѣю вѣрить!... Ахъ, Любочка!...

ЛЮБОЧКА.

Вы теперь вдругъ развеселились, братецъ. Скажите, отчего съ вами такая перемѣна?...

ФЛОРОВЪ.

Не твое дѣло... много будешь знать, скоро состаришься... Уйди къ себѣ въ павильонъ... кто-то пріѣхалъ, кажется... Если это Чечеткинъ, ты помнишь — я не хочу, чтобъ онъ тебя видѣлъ.

ЛЮБОЧКА, въ сторону.

Я и сама этого не желаю... Пойду лучше подслушивать.

(Убѣгаетъ въ павильонъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ФЛОРОВЪ, одинъ.

Да, Софья, ты меня любишь!... Я съ тобою увижусь — и, во что бы ни стало, разстрою эту свадьбу! (*Увидя Чечеткина.*) Анполинарій, сердечный! Какъ его надули!... Швейка съ Кузнецкаго моста!...

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ФЛОРОВЪ, ЧЕЧЕТКИНЪ и ЛЮБОЧКА, въ павильонѣ, закрывъ окно деревянными шторами.

ЧЕЧЕТКИНЪ, входитъ въ ворота очень скоро.

Павелъ! другъ! поздравь: счастливѣе меня никого нѣтъ на свѣтѣ!

ФЛОРОВЪ.

Что ты говоришь?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Удивительное, драгоцѣнное, братецъ, открытіе! Я задыхаюсь отъ радости.

ФЛОРОВЪ.

И отъ усталости?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

И это есть немножко... Мепя растрясло на проклятомъ калибрѣ... всѣ кости какъ въ мѣшкѣ!... Дай мнѣ сперва съ силами собраться. (*Садится на скамейку у окна павильона и ставитъ шляпу.*) Чудный анекдотъ, братецъ (*)!

ФЛОРОВЪ.

Что жъ это такое? А вотъ мы послушаемъ, да подивимся!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Пусть Архимедъ нашелъ чудесный винтъ,
Тезей узналъ Дедаловъ лабиринтъ;
Пусть Дженнеру для нашего здоровья
Пришло на мысль, что оспа есть коровья...

ФЛОРОВЪ.

Къ чему, скажи, все это пустословье?...

ЧЕЧЕТКИНЪ, вставая.

Пусть намъ Коломбъ Америку открылъ,
А Пармантьеръ картофель подарилъ,
Франклинъ отвелъ удары громовые,
Ваттъ изобрѣлъ машины паровыя:
Открытья ихъ передъ моимъ — пустыя!...

ФЛОРОВЪ.

Да что же это за открытіе?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Давича, какъ я бросился въ погоню за моей Сильфидой, за этимъ воздушнымъ существомъ, — я увидѣлъ, что она ужъ сѣла на дрожки...

ФЛОРОВЪ, смѣясь.

Сильфида на дрожкахъ... прекрасно!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ищу извощика... какъ на зло-нѣтъ ни одного!... Чтобъ не отстать, я пустился бѣгомъ — и пробѣжалъ до самыхъ Калужскихъ воротъ...

ФЛОРОВЪ.

Молодецъ!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Тутъ я вскочилъ на перваго ваньку, который мнѣ попался... далъ ему полтинникъ — и пошелъ и въ хвостъ и въ голову!

ФЛОРОВЪ.

И ванька не осрамился?

(*) Чечеткинъ, Флоровъ. — Любочка *въ павильонъ.*

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Отлично ѣхалъ, ларомъ что лошаденка была не больше крысы! Мы проскакали чрезъ Каменный мостъ, мимо университета, мимо театра, наконецъ чрезъ Кузнецкій мостъ.

ФЛОРОВЪ.

Чрезъ Кузнецкій?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Я ужъ былъ въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ моей волшебницы, какъ вдругъ вижу она останавливается у подъѣзда, слѣзаетъ съ дрожекъ... я бросаюсь къ ней; ова хлопъ дверью — и исчезла!

ФЛОРОВЪ, смѣясь.

Славно!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Я сначала остолбенѣлъ, растерялся; потомъ догоняю ея кучера, спрашиваю: «кто эта барыня, которую ты сейчасъ привезъ?—» «А почемъ я знаю» — говоритъ онъ — «вѣдь я извощикъ »

ФЛОРОВЪ.

Сильфида на извощикѣ!... Ха! ха! ха!... Это ужъ всего лучше!... Ха! ха! ха!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Что жъ тутъ забавнаго, братецъ? И чему ты хохочешь?

ФЛОРОВЪ.

Ахъ, ты душа моя! Бѣжалъ со всѣхъ ногъ до Калужскихъ воротъ... за швейкою изъ модиаго магазина!...

ЧЕЧЕТКИНЪ, остолбенѣвъ.

Какъ за швейкою?

ФЛОРОВЪ.

Ну да! Я узналъ, кто эта дивная фея, это неземное, воздушное существо, эта дѣвица знатной фамиліи: она, просто, шляпница отъ мадамъ Трутру!...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ну, полно, полно, братецъ!.. Быть не можетъ! Ты нарочно говоришь, чтобъ подшутить надо мною.

ФЛОРОВЪ.

Ни мало и не думалъ! Напротивъ, я тебѣ удивляюсь.

По улицѣ, и сажень съ десяти,
Бѣжать подобно рысакамъ —
Разсудку тутъ немного чести,
За то большая честь ногамъ!...
Ступай, братъ, на бѣгъ, тамъ собою
Ты усидишь, ручаюсь въ томъ:
Съ твоей силой, быстрою,
Ты будешь здѣсь вторымъ *Бычкомъ*!... (*).

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Острись, острись, братъ, потѣшайся!... А я все-таки достигъ своей цѣли: я узналъ, гдѣ обитаетъ моя прелестная незнакомка... Она, моя богиня, дышитъ воздухомъ Криваго переулка!

ФЛОРОВЪ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Она живетъ въ Кривомъ переулкѣ?...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Въ дикомъ домѣ на лѣвой рукѣ, недалеко отъ Меньщиковой башни; маленькая дверь съ улицы.

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Это заднее крыльцо Огурчиковыхъ! (*Въ слухъ.*) Ты хорошо замѣтилъ?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Топографическая часть у меня всегда отличалась необыкновенною точностію.

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Такъ это была Софья!!!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Вотъ, сударь, мы каковы? Знай нашихъ!

ЛЮБОЧКА, которая не задолго предъ этимъ открыла штору и подслушивала.

Софья въ опасности!... Другаго средства нѣтъ... такъ и быть: услуга за услугу! (*Беретъ листъ бумаги и пишетъ.*)

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Что же ты, братецъ, вдругъ такъ пахмурился? А! То-то-же!... Вѣрно завидно стало!

ФЛОРОВЪ.

Да! есть чему завидовать! (*Въ сторону.*) Кокетка! Позволяетъ за собою волочиться... Такъ вотъ для кого она сюда пріѣзжала (*Любочка, сложивъ свою записку, опускаетъ ее потихоньку въ шляпку Чечеткина, которая оставалась на скамейкѣ, — и закрываетъ штору.*)

(*) Знаменитый рысакъ, принадлежащій г-ну Голохвастову.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Да скажи, пожалуста, Павелъ, что съ тобою сдѣлалось? Ты точно Наполеонъ стоишь въ раздумьи, сложивши руки!

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Измѣнница!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ну, если ужъ ты рѣшился смотрѣть сентябремъ, такъ я лучше пойду къ себѣ въ комнату... Мнѣ же и отдохнуть не мѣшаетъ... Счастливо оставаться!...

(*Флоровъ съ досадою отворачивается. Чечеткинъ беретъ шляпу, находитъ въ ней Любочкину записку и говоритъ въ сторону.*) Что это такое? (*Поспѣшно развертываетъ записку и читаетъ.*) «Если «вы никому ни полслова не скажете про эту «записку... (*Отворачивается, чтобъ Флоровъ не увидалъ.*) то-та особа, съ которою «вы познакомились въ Петровскомъ воксалѣ, «будетъ ожидать васъ къ себѣ сегодня въ «восемь часовъ, — въ Кривомъ переулкѣ, въ «дикомъ домѣ, на лѣвой рукѣ, маленькая «дверь съ улицы, не далеко отъ Меницко«вой башни. — Постучитесь потихоньку три «раза, и вамъ сейчасъ отопрутъ.» — О счастіе!...

ФЛОРОВЪ, въ разсѣянiи.

Что такое?

ЧЕЧЕТКИНЪ, спрятавъ записку въ шляпу.

Такъ... ничего... (*Въ сторону.*) Но какимъ образомъ очутилось это у меня въ шляпѣ? Давно ли, кажется, я ее скинулъ?... Это не можетъ быть иначе, какъ оттуда. (*Указываетъ на павильонъ.*) Послушай, Павелъ... у тебя живетъ кто нибудь въ этомъ павильонѣ?

ФЛОРОВЪ, разсѣянно.

Никого нѣтъ... старикъ садовникъ.

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сторону.

Ну, такъ это колдовство... самъ дьяволъ проказитъ!... Все равно: я все таки поѣду... непремѣнно поѣду.

ЛЮБОЧКА, открывъ штору.

И я также. — Судьба! спаси меня!... Я сдѣлала глупость — и должна ее поправить!

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Нѣтъ!... я не переживу этой неизвѣстности... Сегодня же вечеромъ отправлюсь къ Софьѣ.

ВМѢСТѢ.

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сторону.

О драгоцѣнное посланье!
Отъ радости едва дышу —
И съ нетерпѣніемъ на свиданье
Къ моей Сильфидѣ поспѣшу!...

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Такъ! ввечеру къ ней на свиданье
Я непремѣнно поспѣшу...
О Софья! адское страданье
Я чрезъ тебя переношу!

ЛЮБОЧКА, въ павильонѣ у окна.

Сама себя я въ наказанье
Теперь на жертву приношу, —
И, вмѣсто Софьи, на свиданье
Въ условный часъ къ ней поспѣшу!

ЧЕЧЕТКИНЪ, одинъ, въ сторону, посматривая на записку въ шляпѣ.

Хоть страшно быть у чорта въ лапѣ,
И я робѣю, признаюсь...
Да все-равно, ужъ дѣло въ шляпѣ:
Такъ дѣлать нечего... пущусь!...

ВМѢСТѢ.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

О драгоцѣнное посланье!... и пр.

ФЛОРОВЪ

Такъ, ввечеру къ ней на свиданье... и проч.

ЛЮБОЧКА.

Сама себя я въ наказанье... и проч.

(*Любочка закрываетъ штору; Флоровъ и Чечеткинъ идутъ въ домъ направо.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ комнату въ домѣ Огурчикова; налѣво, на первомъ планѣ, трюмо; на второмъ входъ съ Мясницкой; на правой сторонѣ, напротивъ — входъ изъ Кривого переулка; на заднемъ занавѣсѣ, справа—дверь въ комнату Аксиньи, а слѣва—въ отдѣленіе Огурчикова и его дочери: пространство между этими дверями занято диваномъ и креслами. На стѣнѣ граниронанные портреты Щепкина и Сосницкаго, изданные при Репертуарѣ Русскаго Театра. На первомъ планѣ, съ правой стороны, домскій рабочій столикъ. Необходимо нужно, чтобъ двери постоянно затворялись въ продолженіе всего акта.

ЯВЛЕНІЕ I.

АКСИНЬЯ И СОФЬЯ.

(Аксинья стоитъ подлѣ Софьи, опершись на половую щетку, а Софья сидитъ за рабочимъ столикомъ и шьетъ по канвѣ.)

АКСИНЬЯ.

Напрасно, сударыня барышня, вашъ тятенька, дай Богъ ему здоровья, не продастъ этого дома. Оно, вѣстимо, Софья Григорьевна, значитъ, на то его воля; а ужъ намъ здѣсь не сдобровать!

СОФЬЯ.

Что за вздоръ ты мнѣ тутъ толкуешь, Аксиньюшка?

АКСИНЬЯ.

Какъ-пить не вздоръ, сударыня барышня! Нѣтъ, я сущее дѣло, значитъ, вамъ докладываю! Посмотрите-ка, гдѣ ни послышишь — все воровство да покражи.

Ужасть на меня находитъ,—
Какъ я вспомню, что нашъ домъ
На двѣ улицы выходитъ —
И ни будки нѣтъ кругомъ!
Тутъ не только въ самомъ дѣлѣ
Насъ какъ липку обдерутъ,
А того гляди съ постели
И меня-то унесутъ!

И вѣрно вы, сударыня барышня, дай Богъ вамъ здоровье, отъ того-то все такъ и пригорюнивается, что значитъ, боитесь, чтобъ меня не украли?

СОФЬЯ, разсѣянно.

О! нѣтъ, Аксиньюшка... Воры любятъ что полегче и получше.

АКСИНЬЯ.

Ну, такъ, значитъ, вы о другомъ тоскуете... ретивое сердечушко болитъ!.. Да, сударыня барышня, я ужъ-таки пожила на бѣломъ свѣту; шестерыхъ своихъ выходила и пятерыхъ чужихъ выкормила... Я смѣкнула, что вамъ Павелъ Дмитричъ приглянулся, а тятенька-то вашъ, дай Богъ ему здоровье, совсѣмъ не въ ту сторону мѣтитъ... Куда упрямъ Григорій Сидорычъ; не въ пропосъ будь сказано!.. Ну, да что жъ дѣлать! Вѣдь онъ каковъ ни на есть, а все отецъ значитъ... когда-же отецъ не пожелаетъ добра своему дѣтищу!.. Эхъ, дѣти, дѣти!.. Я сама шестерыхъ своихъ выходила и пятерыхъ чужихъ выкормила!.. Пойду, сотру пыль съ окошекъ.

(Уходитъ въ дверь налѣво.)

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФЬЯ, (одна); потомъ ЛЮБОЧКА.

СОФЬЯ, все сидя за работою.

Аксинья правду говоритъ: папенька въ самомъ дѣлѣ упрямъ немножко, и я боюсь, чтобъ онъ не принудилъ меня выйти за своего Харьковскаго жениха... *(Встаетъ.)* Еще если бъ я могла увидѣться съ Полемъ.. Любочка сказала-ли ему?.. Мучительная неизвѣстность!.. Поль теперь въ отчаяніи и должно-быть, ужасно на меня сердится,—и въ этомъ увѣрена... Любочка! другъ мой! ты ли это!..

(Любочка входитъ съ лѣвой стороны вмѣстѣ съ Аксиньей, которая, указавъ ей на Софью, сейчасъ-же уходитъ въ свою комнату, въ дверь на заднемъ занавѣсѣ съ правой стороны.)

ЛЮБОЧКА, вѣтренно (*).

Утромъ ты у меня, а вечеромъ я у тебя!

(*) Любочка, Софья.

(Любочка перемѣнила платье; при входѣ она снимаетъ шляпку, кладетъ ее на диванъ и бѣжитъ цѣловать Софью.)

СОФЬЯ, стараясь скрыть свое любопытство.

Мегсі, моя милочка!.. И, вѣрно, ты ко мнѣ съ добрыми вѣ... то есть хочешь мнѣ сказать что-нибудь?..

ЛЮБОЧКА.

Папаши дома нѣтъ?

СОФЬЯ.

Онъ поѣхалъ въ клубъ обѣдать и пробудетъ тамъ до девяти часовъ... ты знаешь его обыкновеніе?

ЛЮБОЧКА.

Знаю... Я такъ и думала.

СОФЬЯ, съ нетерпѣніемъ.

Стало, тебѣ нужно поговорить со мною?

ЛЮБОЧКА, весело.

И очень!.. Я разскажу тебѣ презабавныя новости... Давича онъ поскакалъ за тобою.

СОФЬЯ.

Поль?

ЛЮБОЧКА.

Аполлинарій.

СОФЬЯ.

Что я слышу!.. Но съ какимъ же намѣреніемъ?

ЛЮБОЧКА.

Онъ тебя прислалъ за меня! *(Смѣется.)*

СОФЬЯ.

Ахъ, Боже мой! Неужели?..

ЛЮБОЧКА.

Право!.. Но ты не бойся.

СОФЬЯ, съ упрекомъ.

Вотъ что надѣлало твое легкомысліе и это несчастное кольцо!.. Ну, если теперь твой братъ узнаетъ, что дѣвушка, о которой говорилъ ему Аполлинарій, живетъ именно здѣсь?

ЛЮБОЧКА, смѣясь.

Да ужъ онъ знаетъ! Аполлинарій ему сказалъ.

СОФЬЯ, въ отчаяніи.

Возможно ли!..

ЛЮБОЧКА.

А что всего смѣшнѣе, такъ это то, что Аполлинарій непремѣнно хочетъ съ тобою видѣться и притти сюда.

СОФЬЯ.

Сюда?

ЛЮБОЧКА, съ притворнымъ простодушіемъ.

Я знаю, что тебѣ это не понравится.

СОФЬЯ.

Любочка, ты своею вѣтреностію совершенно меня погубила! Братъ твой видѣлъ, какъ женщина вышла изъ павильона и бросила кольцо къ ногамъ его пріятеля; теперь, узнавши, гдѣ она живетъ, онъ безъ сомнѣнія думаетъ, что я отвѣчаю любви Аполлинарія.

ЛЮБОЧКА.

Вотъ въ этомъ-то ты и ошибаешься! Поль думаетъ, что женщина изъ павильона была модная швея, которая, по счастью, давича утромъ мнѣ новую шляпку привозила. Братецъ сказалъ своему гостю, что онъ гнался за магазинщицей... А притомъ ты была закрыта вуалемъ. Поль распрашивалъ у Григорья Сидорыча, который говорилъ, что на тебѣ не было вуаля... Теперь и Поль и Аполлинарій оба теряются въ догадкахъ — и не знаютъ, что имъ думать... бросаются, какъ угорѣлые изъ стороны въ сторону... Ахъ, если бъ ты на нихъ посмотрѣла... умора, да и только!

СОФЬЯ.

Ты всему смѣешься, Любочка... Ну, а какъ этотъ господинъ да сюда пожалуетъ, и въ такое время, когда его не ожидали?.. Ахъ, и вздумать страшно!

ЛЮБОЧКА, съ дѣтскою важностью.

Ты ужъ просто считаешь меня безсмысленнымъ ребенкомъ и судишь обо мнѣ, ни дать ни взять, какъ мой любезный братецъ!.. Вѣдь говорятъ, что тебѣ нечего бояться!

СОФЬЯ, успокоившись.

Понимаю... ты съ Аполлинаріемъ видѣлась, во всемъ ему призналась — и онъ сюда не будетъ.

ЛЮБОЧКА.

Я все это уладила, какъ нельзя лучше... Я нашла средство... *(Съ торжествующимъ видомъ.)* Удивительное, превосходное средство!

СОФЬЯ.

Какое же?

ЛЮБОЧКА, (смѣясь.)

Я къ нему записку написала!

СОФЬЯ, испугавшись.

Ты меня въ ужасъ приводишь!

ЛЮБОЧКА.

Я увѣдомила его, что барышня, съ которою онъ познакомился въ Петровскомъ воксалѣ, ожидаетъ его къ себѣ сегодня ввечеру въ восемь часовъ, въ Кривомъ переулкѣ, въ дикомъ домѣ, на лѣвой рукѣ, недалеко отъ Мѣщаниковой башни, маленькая дверь съ улицы.

СОФЬЯ.

Господи! И это ты называешь превосходнымъ средствомъ?

ЛЮБОЧКА, вѣтренно.

А что-жъ? И конечно!.. Пришедши, онъ три раза постучится.

СОФЬЯ.

Но это ужъ ни на что не похоже!

ЛЮБОЧКА.

Такъ неужели надобно было тебя оставить на произволъ судьбы?

СОФЬЯ.

Но ты съ ума сошла!.. Ты не подумала о слѣдствіяхъ.

ЛЮБОЧКА.

Извините-съ!.. Ужъ и очень подумала!.. Но я сказала самой себѣ: (*Съ притворною безпечностью.*) »Что-жъ такое! Не можетъ быть, чтобъ братецъ сталъ ревновать... онъ знаетъ, что его любятъ.«

СОФЬЯ, съ живостью.

А кто жъ ему сказалъ?

ЛЮБОЧКА.

Я! Въ то время, какъ рѣчь зашла о твоей свадьбѣ! (*Съ хитростію.*) Знаю, что ты хотѣла отъ него скрыть это, но я не утерпѣла, проболталась.

СОФЬЯ, съ радостію.

Ахъ, Любочка!.. Но что жъ онъ отвѣчалъ?

ЛЮБОЧКА.

Надобно было видѣть его отчаяніе! (*Подражая голосу Флорова.*) »Этому не бывать! Нѣтъ, не бывать!.. Я разстрою эту свадьбу!« (*Смѣясь.*) И тутъ онъ много, много еще наговорилъ!...

СОФЬЯ, въ восхищеніи.

Въ самомъ дѣлѣ!.. Любочка! Ты шалунья, вѣтреница... но ты премилая и предобрая!.. (*Цѣлуетъ ее.*) Ты мой истинный другъ!

ЛЮБОЧКА.

То-то-же!.. (*Съ хитростію.*) Я знала, чѣмъ тебѣ услужить!

(Слышенъ стукъ съ правой стороны, который повторяется три раза.)

СОФЬЯ, пугаясь съ каждымъ разомъ.

Боже!

ЛЮБОЧКА.

Это онъ! Теперь ужъ нельзя ему отказать.

СОФЬЯ, въ отчаяніи.

Но если папенька пріѣдетъ?...

ЛЮБОЧКА.

Онъ воротится не прежде девяти часовъ.

СОФЬЯ.

Этотъ господинъ разскажетъ своимъ знакомымъ.

ЛЮБОЧКА.

Онъ въ Москвѣ почти никого не знаетъ. Вашъ домъ на двѣ улицы... въ дверь изъ Кривого переулка у васъ никто не ходитъ, а онъ войдетъ именно оттуда... ужъ не безпокойся: я все предвидѣла!...

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛЮБОЧКА, СОФЬЯ, АКСИНЬЯ.

АКСИНЬЯ, въ испугѣ выходитъ изъ своей комнаты.

Кто-то стучится изъ Кривого переулка, сударыня барышня!

СОФЬЯ.

Боже мой! Что дѣлать!..

ЛЮБОЧКА.

Отпереть.

СОФЬЯ, въ сильномъ волненіи.

Аксиньюшка! Душечка! Ради Бога не упоминай про папеньку!

АКСИНЬЯ, удивясь.

Что-жъ за притча такая, прости Господи?.. Ахъ! значитъ — молодость, молодость!... (*Всплеснувъ руками, съ видомъ оскорблен-*

ной стыдливости, уходитъ въ дверь направо.)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЮБОЧКА, СОФЬЯ.

СОФЬЯ.

Я уйду... я никакъ не хочу мѣшаться въ эту исторію... Разувѣрь его, Любочка, и чтобъ ужъ онъ въ другой разъ не приходилъ.

ЛЮБОЧКА.

Пожалуста, не безпокойся!.. Я знаю, что дѣлаю... Не уходи далеко.

СОФЬЯ,

Но если твой братъ узнаетъ, что я помогала свиданію его сестры съ его пріятелемъ!.. Ахъ, Любочка! Любочка!.. Идутъ!..

(Убѣгаетъ въ дверь, что на заднемъ занавѣсѣ, съ лѣвой стороны.

ЛЮБОЧКА, ей вслѣдъ.

Побудь въ своей комнатѣ! — (*Одна.*) Она боится, чтобъ Поль не узналъ... Ну, а если онъ и въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь провѣдаетъ?.. (*Съ хитростію.*) Что жъ за бѣда! Можетъ быть, это еще мнѣ къ добру послужитъ!.. Но теперь рѣчь не обо мнѣ, а о его счастіи...

(Говоря это, она передъ зеркаломъ прихорашивается, поправляетъ свою прическу и платье.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛЮБОЧКА И АКСИНЬЯ.

АКСИНЬЯ, входя съ правой стороны съ видомъ удивленія.

Молодой баринъ спрашиваетъ какую-то барышню и говоритъ про какой-то *бокъ съ саломъ*!...

ЛЮБОЧКА, усмѣхнувшись съ таинственнымъ видомъ.

Это онъ меня спрашиваетъ.

АКСИНЬЯ, удивясь еще больше.

Васъ!...

ЛЮБОЧКА.

Тише!.. И, если кто прилетъ, сейчасъ скажи мнѣ...

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Я шестерыхъ своихъ выходила и пятерыхъ чужихъ выкормила, а такой марали, видитъ Богъ, еще не знавала!... (*Отворяетъ дверь съ правой стороны.*) Милости просимъ-съ! (*Уходитъ въ дверь на заднемъ занавѣсѣ, съ правой стороны.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛЮБОЧКА И ЧЕЧЕТКИНЪ.

ЧЕЧЕТКИНЪ, входя.

Это она! (*Съ радостію, приближаясь къ Любочкѣ.*) Наконецъ я опять имѣю счастіе васъ видѣть!.. (*Вынимаетъ часы.*) Девятаго пять минутъ!.. Самая докторская аккуратность: изволите видѣть.. (*Показываетъ ей часы.*) Девятаго пять минутъ — и я какъ тутъ! А у меня часы со Спасскими минута въ минуту.

ЛЮБОЧКА.

Вы никакъ не надѣялись меня видѣть, не правда-ли?

ЧЕЧЕТКИНЪ, весело.

Признаюсь... удивляюсь и восхищаюсь!

ЛЮБОЧКА, серьезно.

Позвольте! Я за тѣмъ васъ пригласила, чтобъ побранить хорошенько.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ЛЮБОЧКА.

Увѣряю.

Иначе я бы не рѣшилась
Теперь принять васъ.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Очень радъ!
Такъ это потому случилось,
Что я предъ вами виноватъ?
Вы въ наказанье мнѣ свиданье
Назначили?

ЛЮБОЧКА.

Да.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Очень радъ!
И вѣрьте это наказанье
Мнѣ драгоцѣннѣй всѣхъ наградъ!

(*Въ сторону.*) Порядочно! Ей-Богу порядочно!...

ЛЮБОЧКА.

Шутите, шутите! А все-таки вамъ не простительно, что вы, давши слово, его не сдержали!.. Давича утромъ вы начали разсказывать о нашей встрѣчѣ своему пріятелю, и, ни мало не заботясь о моемъ добромъ имени, хотѣли было продолжать...

ЧЕЧЕТКИНЪ, перебивая ее.

Какъ вдругъ роковое кольцо заградило мнѣ уста?...

ЛЮБОЧКА.

Одно средство оставалось!

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сторону.

Флоровъ правду говорилъ: это модная швейка! (*Вслухъ.*) Я виноватъ безъ оправданій; но такъ какъ я ужъ больше не надѣялся васъ встрѣтить... то между молодыми людьми... очень натурально...

ЛЮБОЧКА.

Очень натурально, что вы имѣете полную довѣренность къ Павлу Дмитричу Флорову.

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сторону, удивясь.

Она знаетъ его имя!

ЛЮБОЧКА.

Но я-то бы не хотѣла, чтобъ мои поступки были ему извѣстны.

ЧЕЧЕТКИНЪ, живо,

Однако жъ вѣдь я ему не сказалъ, кто вы?..

ЛЮБОЧКА, иронически.

А, въ этомъ точно что надо отдать вамъ справедливость!

ЧЕЧЕТКИНЪ, пріосаниваясь.

Конечно, надо отдать мнѣ...

ЛЮБОЧКА.

Тѣмъ болѣе, что вы и сами не знали, кто я... не правда ли?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Не смѣю спорить... я даже и до сихъ поръ еще не имѣю этой чести... Но объясните же мнѣ, ради Бога... вотъ ужъ три дня я брожу, какъ въ туманѣ... Это вы были въ павильонѣ?

ЛЮБОЧКА, сперва не много смѣшавшись, а потомъ съ притворнымъ удивленіемъ.

Въ какомъ павильонѣ?

ЧЕЧЕТКИНЪ, посмотрѣвъ на нее, въ сторону.

Нѣтъ, нѣтъ! И пойдетъ ли модная швейка въ павильонъ къ садовнику!.. Какой вздоръ! Быть не можетъ!

ЛЮБОЧКА, съ упрекомъ.

Вы и не подумали, что одно нескромное слово вашего друга могло погубить меня въ моемъ семействѣ?

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сторону.

У нея есть семейство!.. Она не швейка! (*Вслухъ.*) Грѣшный человѣкъ, не подумалъ!.. Вилите, до какой степени страсти лишаютъ насъ здраваго смысла!.. Но я вамъ клянусь впередъ быть умнѣе!

ЛЮБОЧКА, серьезно.

Смотрите же, г. Чечеткинъ!

ЧЕЧЕТКИНЪ, удивясь.

Вы и мою фамилію знаете?.. Но я вамъ объ ней не говорилъ!..

ЛЮБОЧКА.

Если бъ вы сказали, ничего бъ не было удивительнаго.

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сторону.

Что за дьявольщина!

ЛЮБОЧКА, серьезно.

Помните же свое обѣщаніе, какъ скоро хотите онять со мною видѣться...

ЧЕЧЕТКИНЪ, съ жаромъ.

Хочу ли я онять съ вами видѣться? Хочу, хочу, хочу — и лишь объ этомъ хлопочу!..

ЛЮБОЧКА.

Больше вы ужъ не будете разсказывать Павлу Дмитричу?

ЧЕЧЕТКИНЪ, восклицая.

Клянусь, ни полслова! О! если онъ теперь хоть что-нибудь отъ меня услышитъ!.. Нутка, злодѣй, попробуй, спроси меня!.. спроси-ка, спроси!..

ЛЮБОЧКА, значительно.

Впрочемъ теперь я ужъ и сама больше въ васъ увѣрена: вы никому не показали записки, которую я къ вамъ написала... я это знаю, и благодарю васъ за скромность.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Послушайте, да что жъ это такое?.. Стало быть, отъ васъ ничего нѣтъ скрытнаго?..

А! позвольте еще!.. По какому случаю записка ваша очутилась у меня въ шляпѣ, тогда какъ я навѣрное знаю, что оставилъ васъ у самаго вашего крыльца, послѣ утомительнаго и безполезнаго преслѣдованія ва проклятомъ калибрѣ?

ЛЮБОЧКА.

Это моя тайна.

ЧЕЧЕТКИНЪ, съ жаромъ.

Да вы, просто, волшебница, чародѣйка! Вы заставляете меня думать, что я живу лѣтъ триста тому назадъ, во времена магіи и чернокнижества!.. Я не понимаю, кто я, что я — и даже ужъ самъ себѣ не вѣрю!.. Чего жъ вы отъ меня хотите?

ЛЮБОЧКА.

Вашего счастія, можетъ-быть, г-нъ Чечеткинъ!.. Неужели вамъ такъ трудно отдать себя на мое попеченіе, и неужели ужъ я такой страшный руководитель?

ЧЕЧЕТКИНЪ, весело.

О! Совсѣмъ напротивъ... Вы прелестны, и сверхъ того чрезвычайно какъ умны!..

ЛЮБОЧКА, шутя, и съ скромнымъ видомъ.

Въ комъ же пынче нѣтъ ума?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Да во-первыхъ: дуракамъ Богъ его не далъ... да еще и многимъ умникамъ въ немъ отказалъ!.. (*Съ жаромъ.*) Но не объ этомъ дѣло... Вы желаете мнѣ счастія?... И такъ узнайте: мое счастіе... (*Остановясь, и вдругъ перемѣняя тонъ.*) Но къ чему-же я стану вамъ говорить, въ чемъ оно заключается? Вѣдь отъ васъ ничто не скрыто, и вы ужъ вѣрно сами догадались

ЛЮБОЧКА, съ хитростію.

Все таки скажите.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Вамъ угодно знать?..

Быть вами любимымъ, всѣ дни мои съ вами
Провесть неразлучно, дышать лишь для васъ,
И жизненный путь вашъ усыпать цвѣтами,
И пить наслажденье изъ ангельскихъ глазъ...

(Въ сторону.)

Куда я заѣхалъ? Ну вотъ тебѣ разъ!..
Едва лишь начну я свои сентименты,
И, смотришь, сейчасъ же прилипнетъ языкъ:
Кузнецкій, и шляпки, и блонды, и ленты,
Въ глазахъ замелькаютъ — и сталъ я втупикъ!
И сталъ (3) я втупикъ!..

ЛЮБОЧКА, съ хитростію.

Ну что-жъ вы остановились? Вы боитесь кончить?

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ замѣшательствѣ.

Но...

ЛЮБОЧКА, улыбаясь.

Я знаю, что васъ удерживаетъ... не стыдитесь, говорите прямо; вы думаете, что я ничтожная швея изъ модваго магазина, и изъ уваженія къ самому себѣ...

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сторону, съ возрастающимъ удивленіемъ.

Чудеса!..

ЛЮБОЧКА,

А, право, очень жаль, что вы замолчали... вашъ пламенный восторгъ былъ такъ забавенъ!...

ЧЕЧЕТКИНЪ, растерявшись нѣсколько.

Но... позвольте... я отнюдь не... презираю модистокъ... модистки иногда бываютъ такія... артистки, что... конечно...

ЛЮБОЧКА, смѣясь.

Ха! ха! ха! Вы совсѣмъ растерялись!...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ну да, растерялся!.. Вы угадали!.. Совсѣмъ растерялся!.. Потому что, если бъ я могъ написать къ батюшкѣ и объяснить ему... я пари держу, что онъ не сталъ бы противиться... но вы оставляете меня въ такомъ недоумѣніи... По вашей милости, я теперь похожъ на слѣпца, который блуждаетъ въ странахъ ему неизвѣстныхъ... и согласитесь сами... (*Тономъ ласковымъ и кроткимъ.*) примѣчать за моими поступками, класть записки ко мнѣ въ шляпу... нѣтъ, вы такъ, по совѣсти признайтесь... (*Смѣясь.*) Вѣдь это не слишкомъ-то прилично дѣвицѣ благовоспитанной!...

ЛЮБОЧКА.

Ха! ха! ха! Правда! Правда!.. Но не безпокойтесь, сударь, продолжайте. (*Въ сторону.*) Непремѣнно надобно постараться, чтобъ онъ не думалъ о Софьѣ. (*Въ слухъ, и значи-*

тельно.) Моя фамилія, сударь, стоитъ вашей, и наше имѣніе приноситъ доходу ужъ никакъ не меньше, чѣмъ ваши Харьковскіе винные заводы.

ЧЕЧЕТКИНЪ, вскрикнувъ.

Съ ума сойти надо!

ЛЮБОЧКА.

Что съ вами?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ничего. . . ничего. . . И въ самомъ дѣлѣ, чему жъ я такъ удивляюсь?... Сударыня! Я вѣрю, что ваша фамилія стоитъ нашей. . . *(Съ жаромъ.)* И если вы мнѣ ее скажете, предлагаю вамъ мое сердце, состояніе и руку!

ЛЮБОЧКА, спокойно.

Зачѣмъ же?

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сторону.

Вотъ забавный вопросъ! *(Въ слухъ.)* Какъ зачѣмъ? Извѣстно зачѣмъ предлагаютъ сердце, состояніе... и...

ЛЮБОЧКА, перебивая его, и серьезнымъ тономъ.

Но вѣдь вы пріѣхали въ Москву не на мнѣ жениться.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Вы даже и это знаете?

ЛЮБОЧКА.

У васъ ужъ есть другая невѣста, Софья Григорьевна Огурчикова.

ЧЕЧЕТКИНЪ, остолбенѣвъ.

О! . . .

ЛЮБОЧКА.

У папеньки ея Григорія Сидорыча домъ на Мясницкой.

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сторону съ убѣжденіемъ.

Это должна быть Кіевская вѣдьма съ Лысой Горы.

ЛЮБОЧКА.

Однако жъ вы, Аполлинарій Ильичъ, досихъ поръ еще не видали своей невѣсты и ни разу не были у ея папеньки.

ЧЕЧЕТКИНЪ, внѣ себя отъ удивленія, въ сторону.

Вѣдьма, вѣдьма!... Или ужъ по крайней мѣрѣ волшебница изъ Арабскихъ сказокъ! *(Въ слухъ.)*

Вашъ разговоръ мнѣ доказалъ,
Что вы не смертная... такъ точно:
Что бъ я ни сдѣлалъ, ни сказалъ,
Про все вы знаете заочно!..
Рѣшите жъ: кто вы? Сатана,
Иль духъ страны Гиперборейской?...

(Въ сторону.)

Я, право, думаю — она
Переодѣтый полицейской! . . .

Не мучьте жъ меня, ради Бога! Скажите: кто вы? Вѣдь эдакъ я не шутя съ ума сойду!.. Какъ ваше имя и фамилія?.. Сжальтесь, скажите!...

ЛЮБОЧКА.

Къ чему-же это? Вѣдь вы ужъ почти помолвлены.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

А если бъ я отказался отъ своей невѣсты?. .

ЛЮБОЧКА, живо.

О! Тогда совсѣмъ другое дѣло!...

ЧЕЧЕТКИНЪ, съ жаромъ.

Отказываюсь!

ЛЮБОЧКА.

Но вы должны отказаться формально, рѣшительно... тогда только вы узнаете мою фамилію.

ЧЕЧЕТКИНЪ, радостно.

О Боже мой! Да хоть сейчасъ, сію минуту!

ЛЮБОЧКА, въ сторону.

Какое счастіе! Мой планъ удался!

ЧЕЧЕТКИНЪ, съ жаромъ.

Гдѣ у васъ Мясницкая? Куда пройти на Мясницкую? Далеко ли домъ Огурчиковыхъ?

ЛЮБОЧКА.

Тамъ вы спросите.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Бѣгу! скачу! лечу!... Но на прощаніе!... сдѣлайте одолженіе!... хоть въ знакъ памяти!.. *(Нѣжно.)* Я отъ васъ безъ памяти!..

ЛЮБОЧКА, удивясь.

Что такое?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Вы мое составить счастье
Обѣщались, такъ сказать...
Такъ позвольте за участье
Пальчикъ вашъ поцѣловать!

ЛЮБОЧКА.

Какъ!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Лишь пальчикъ!

ЛЮБОЧКА, въ сторону.

Я позволю,
Чтобы братцу не мѣшать...

(Протягиваетъ руку Чечеткину, и въ то время, какъ онъ осыпаетъ ее поцѣлуями, допѣваетъ куплетъ.)

Долгъ сестры велитъ мнѣ Поло
Руку помощи подать!

(*Въ слухъ.*) Довольно... Ступайте же!

ЧЕЧЕТКИНЪ, страстно.

До свиданья! Я скоро буду назадъ. (*Съ жаромъ.*) Огурчикова!.. Никогда! Что за огурчики послѣ ананаса!... (*Хочетъ итти и толкаетъ Аксинью... Аксинья вскрикиваетъ*). Ахъ! Извини, бабушка!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛЮБОЧКА, АКСИНЬЯ, ЧЕЧЕТКИНЪ.

АКСИНЬЯ, вышедъ изъ своей комнаты.

Барышня сударыня! Баринъ нашъ воротился и идетъ изъ Криваго переулка! Значитъ, я сейчасъ его милость въ окошницу распознала.

ЛЮБОЧКА.

Ахъ, Боже мой!

(Чеченкинъ замѣчаетъ ихъ тревогу и расхаживаетъ по комнатѣ съ безпокойнымъ видомъ).

АКСИНЬЯ, тихо Любочкѣ.

Не проводить ли гостя-то чрезъ другія сѣни-съ?

ЛЮБОЧКА, тихо.

Нѣтъ, нѣтъ! Не надобно, чтобъ онъ зналъ, что есть крыльцо на другую улицу!

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Экой грѣхъ, прости Господи! Сквозь землю бы отъ стыда провалилась! (*Идетъ къ двери съ правой стороны и вполовину отворяетъ.*)

ЧЕЧЕТКИНЪ, Любочкѣ (*).

Я угадываю, отчего вы встревожились... и мнѣ было бы очень больно...

(*) Любочка, Чеченкинъ, Аксинья.

АКСИНЬЯ.

Баринъ всходитъ по лѣстницѣ... топаетъ сапогами!...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Какъ быть? Куда дѣваться?.. Нѣтъ ли у васъ какого сундука или шкафа?

ЛЮБОЧКА, указывая на дверь, что на заднемъ занавѣсѣ съ правой стороны.

Сюда, сюда, поскорѣе!

АКСИНЬЯ.

Но тутъ, значитъ, моя постель!

ЧЕЧЕТКИНЪ, входя въ комнату и смѣясь.

Романъ!.. Я теперь настоящій Ловеласъ! (*Въ комнатѣ Аксиньи должно быть темно*).

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Шестерыхъ своихъ выходила и пятерыхъ чужихъ выкормила... Ахъ, Создатель Ты мой небесный!

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СОФЬЯ, ЛЮБОЧКА, АКСИНЬЯ, и потомъ ОГУРЧИКОВЪ. Начинаетъ смеркаться.

СОФЬЯ, выходя изъ дверей на заднемъ занавѣсѣ съ лѣвой стороны, — Любочкѣ.

Онъ ушелъ?

ЛЮБОЧКА, перебивая ее.

Папахенъ идетъ! Замолчи!.. А онъ тамъ сидитъ! (*Указываетъ на комнату Аксиньи*).

СОФЬЯ, испугавшись.

Боже мой! Ахъ, Любочка! Вотъ видишь!...

ЛЮБОЧКА, весело.

Дѣло ладится, какъ нельзя лучше... я тебѣ все разскажу.

ОГУРЧИКОВЪ, входя съ правой стороны сердито.

Аксинья! Почему бы это, спрѣчь, дверь изъ Криваго переулка у васъ отворена настежь? Кто хочетъ, войди себѣ смѣло и все повышеси! Вамъ съ Ѳомкой да съ Тришкой, спрѣчь, только бы спать съ утра до вечера, а не за домомъ смотрѣть!

АКСИНЬЯ.

Мы, баринъ, сударь, этому случаю не причины... вы знаете, батюшка Григорій Сидорычъ, я всегда вамъ докладываю резонъ сущій... значитъ, вотъ какъ дѣло было...

ЛЮБОЧКА, перебивая ее.

Это вина моя, Григорій Сидорычъ. (*Переходитъ въ середину между Аксиньей и Огурчиковымъ.*)

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Пускай же сама изъ воды суха выйдетъ!.. Охъ, грѣхи тяжкіе!.. (*Уходитъ въ дверь налѣво.*)

ОГУРЧИКОВЪ.

Извините, Любовь Дмитревна... темно, сирѣчь, становится, такъ я, сирѣчь, васъ и не замѣтилъ... Наше вамъ нижайшее!

ЛЮБОЧКА, дѣлая знаки Софьѣ.

Я была въ гостяхъ здѣсь по сосѣдству...

ОГУРЧИКОВЪ.

Вѣрно у своей двоюродной бабушки, Пульхеріи Ивановны Стучаловой?

ЛЮБОЧКА.

Точно такъ.

ОГУРЧИКОВЪ.

Это насупротивъ насъ, въ Кривомъ переулкѣ, сирѣчь. Я не имѣю чести быть съ нею знакомымъ, но иногда, сирѣчь, видаю, какъ она изъ своихъ рукъ курамъ овса задаетъ.

ЛЮБОЧКА.

Софья увидала меня въ окно, стала манить къ себѣ на минутку, и чтобъ избавить меня отъ труда обходить кругомъ на Мясницкую, велѣла мнѣ отпереть дверь изъ переулка; а я по вѣтрености забыла ее затворить за собою. Извините!

ОГУРЧИКОВЪ.

О, ничего, Любовь Дмитревна! Помилуйте!.. Вы меня простите, что я, сирѣчь, при васъ покричалъ немножко!... Но съ этими наролами по неволѣ иногда горло надсадишь... (*Кличетъ съ гнѣвомъ.*) Ломка! Аксинья! Что жъ вы, сирѣчь, свѣчей не подаете?

АКСИНЬЯ, входя съ лѣвой стороны съ двумя шандалами, ставитъ ихъ на столъ противъ дивана (*).

Готовы-съ. — Любовь Дмитревна! Пульхерія Ивановна прислала за вами своего козачка.

ЛЮБОЧКА, тихо Софьѣ.

Я не могу оставить тебя въ этомъ положеніи.

ОГУРЧИКОВЪ, Любочкѣ.

Позвольте, сирѣчь, мнѣ самому проводить васъ до бабушки.

ЛЮБОЧКА.

Зачѣмъ же вамъ безпокоиться!

Софья, Любочкѣ, скоро и въ полголоса.

Пусть его: въ это время я выпровожу Аполинарія.

ЛЮБОЧКА, Огурчикову.

Впрочемъ, Григорій Сидорычъ, если вамъ не въ тягость, я буду очень благодарна... (*Огурчиковъ подаетъ руку Любочкѣ, которая этого не замѣчаетъ, и беретъ ее не прежде, какъ по окончаніи слѣдующаго нумера. Во все это время Огурчиковъ принужденъ былъ нѣсколько разъ потирать руку отъ усталости.*)

ОГУРЧИКОВЪ.

Я такъ, сирѣчь, и думалъ, что, сирѣчь, вечеромъ... дамѣ одной, съ маленькимъ козачкомъ...

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Господи Боже Ты мой! Что это нынче за хитрая молодежь такая! Куда, значитъ, намъ старухамъ! За поясъ заткнутъ!

ЛЮБОЧКА, тихо Софьѣ.

Отъ бабушки я опять къ тебѣ заѣду, — узнать, чѣмъ кончилось.

(*) Аксинья, Софья, Любочка, Огурчиковъ.

ВИДЕТЬ

ЛЮБОЧКА, тихо Софьѣ.

Съ папашей мы уйдемъ покуда,
А ты не бойся ничего,
И прикажи сейчасъ оттуда
Аксиньѣ выпустить его.

СОФЬЯ, тихо Любочкѣ.

Ахъ, Любочка! Мнѣ будетъ худо
Отъ безразсудства твоего!...
Я всѣмъ рискую, а покуда
Сама не знаю для чего!..

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Ахъ, батюшки! Ахъ! худо, худо!...
Вотъ дожили мы до чего!
Дѣвицы—барышни на-чудо
Теперь обманутъ хоть кого!

ОГУРЧИКОВЪ, въ сторону.

Когда жъ мы съ ней уйдемъ отсюда?

(Потирая руки.)

Терпѣнья нѣтъ ужъ моего:
Я, сирѣчь, точно какъ два пуда
Держу, не знаю для чего!

(Огурчиковъ съ Любочкой уходитъ въ дверь налѣво; Софья ихъ провожаетъ и дожидается, покуда они совсѣмъ сойдутъ съ лѣстницы.)

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

СОФЬЯ и АКСИНЬЯ.

АКСИНЬЯ, про себя.

Вотъ такъ ужъ штучки, значитъ! Славныя продѣлки, нечя сказать? А я на все смотри — и не смѣй слова пикнуть!.. Эхъ, барышни, барышни! Надо бы васъ хорошенько!..

СОФЬЯ, отходя отъ двери.

Аксиньюшка! Душечка!

АКСИНЬЯ, указывая на свою комнату.

Но вѣдь онъ покалича все еще здѣсь, Софья Григорьевна! А вамъ, кажись, что онъ ужъ ушелъ? Нѣтъ, онъ окаянный пріютился тамъ, значитъ, у меня въ комнатѣ!... Эдакой грѣховодникъ!

СОФЬЯ.

Знаю... но, чтобъ его выпустить, надобно сперва папенькѣ дать уйти подальше отъ дому... если его увидятъ, никто и вѣрить не захочетъ, что я съ нимъ не знакома; а я даже и понятія объ немъ не имѣю!...

АКСИНЬЯ, удивясь.

Взаправду?

СОФЬЯ.

И попадись я ему теперь на глаза вмѣсто Любочки, онъ подумаетъ, что его обманули!

АКСИНЬЯ.

Чудеса въ рѣшетѣ, да и только!.. Полите жъ, сударыня барышня, въ свою спаленку; а я, значитъ, межъ тѣмъ вытурю вонъ этого сорванца... (*Съ оскорбленнымъ цѣломудріемъ.*) Ахъ, Ты Господи! Что жъ изъ меня-то теперь сдѣлали? Шестерыхъ своихъ выходила и пятерыхъ чужихъ выкормила... Экой тяжкой грѣхъ! Экой грѣхъ!.. (*Идетъ къ своей комнатѣ.*)

СОФЬЯ, испугавшись и указывая на дверь слѣва.)

Идутъ!

АКСИНЬЯ, поспѣшно подойдя туда и отворя дверь.

Павелъ Дмитричъ входитъ по лѣстницу.

СОФЬЯ.

Я пропала!

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Не во время гость хуже Татарина! Ахти! Значитъ, тотъ остался, головорѣзъ!...

(Появляется Флоровъ, Аксинья уходитъ въ дверь, что на заднемъ занавѣсѣ, съ лѣвой стороны.)

=

ЯВЛЕНІЕ X,

ФЛОРОВЪ, СОФЬЯ.

СОФЬЯ, въ замѣшательствѣ.

Вы ли это, Павелъ Дмитричъ!

ФЛОРОВЪ, холодно.

Да, сударыня! Для меня теперь время дорого.

СОФЬЯ.

Ну, если папенька васъ здѣсь увидитъ?..

ФЛОРОВЪ.

Васъ отдаютъ замужъ, и я не могъ удержаться, чтобъ не узнать отъ васъ лично о вашихъ ко мнѣ чувствахъ.

СОФЬЯ, дрожа.

О моихъ къ вамъ чувствахъ?.. Но я увѣряю васъ...

ФЛОРОВЪ, съ жаромъ.

Не притворяйтесь!.. Несправедливал ваша ревность и ссора были нечто иное, какъ предлогъ отъ меня избавиться.

СОФЬЯ.

Выслушайте...

ФЛОРОВЪ.

Вы обратили вниманіе на другаго.

СОФЬЯ, съ жаромъ.

Я?

ФЛОРОВЪ, тоже.

Вы! Не оправдывайтесь: я все знаю.

СОФЬЯ, въ сторону.

Ахъ, Любочка, Любочка! Богъ съ тобою!... (*Въ слухъ.*) Вы ничего не знаете, сударь, и я не могу васъ разувѣрить... особливо въ эту минуту... того гляди, папенька воротится...

ФЛОРОВЪ.

Не бойтесь: я стоялъ на улицѣ, ожидая удобнаго случая къ вамъ войти, и видѣлъ, что вашъ папенька отправился отсюда съ моей сестрою.

СОФЬЯ, живо.

Да, точно, она была у меня... она пріѣзжала рекомендовать мнѣ свою модистку, которую давича поутру ко мнѣ присылала.

ФЛОРОВЪ, обрадовавшись.

Модистку!... Возможно ли?... Ахъ Софья! Софья, не обманывайте меня! (*Съ безпокойствомъ.*) Однако жъ въ прошедшій вторникъ вѣдь вы были въ Петровскомъ?

СОФЬЯ.

Папенька былъ, а я дома оставалась; у меня грудь болѣла.

ФЛОРОВЪ.

Какъ, вы не танцовали тогда съ однимъ молодымъкавалеромъ? Вы не брали отъ него кольца!

СОФЬЯ.

Говорятъ вамъ, что я изъ дому не выѣзжала!

ФЛОРОВЪ, въ восторгѣ.

О! Я вамъ вѣрю, вѣрю!... Ахъ, я сумасшедшій! безумецъ!.. Софья! Милая Софья! Въ припадкѣ глупой ревности я спѣшилъ къ вамъ съ упреками; полагалъ, что имѣю противъ васъ самыя вѣрныя доказательства; а выходитъ, что виноватъ лишь я одинъ!... Софья! Простите ли вы меня!...

СОФЬЯ, съ безпокойствомъ.

Да... да... только уйдите, ради Бога, поскорѣе!... Право, я боюсь!... (*Въ сторону.*) А тотъ все еще тамъ!...

ФЛОРОВЪ.

Но ваша свадьба? Намъ надобно посовѣтоваться, какъ бы ее разстроить.

СОФЬЯ.

Послѣ... ужо... позднѣе... не уходите далеко... когда папенька уйдетъ спать, я выйду къ вамъ Аксинью, и потомъ мы всѣ трое поговоримъ объ этомъ... а теперь, пожалуста, уйдите, чтобъ папенька васъ не засталъ: онъ ужъ и безъ того догадывается, что мы любимъ другъ друга.

ФЛОРОВЪ.

Да, сегодня утромъ онъ очень ясно далъ мнѣ это замѣтить.

СОФЬЯ, живо.

Вотъ видите!

ФЛОРОВЪ.

Но вѣдь у васъ два крыльца; если онъ придетъ отсюда, (*Указываетъ на дверь съ лѣвой стороны.*) можно здѣсь выйти. (*Указываетъ на дверь съ правой стороны.*)

СОФЬЯ.

Никакъ нельзя: онъ взялъ къ себѣ ключъ отъ дверей изъ Криваго переулка!

ФЛОРОВЪ.

Да папенька вашъ настоящій Бартоло!

СОФЬЯ, въ сторону.

Пришлось солгать, чтобъ другаго-то какъ нибудь спровадить!

ФЛОРОВЪ.

Извольте... чтобъ васъ успокоить, Софья, я уйду и буду ждать на улицѣ... (*Идетъ къ дверямъ съ лѣвой стороны.*)

ОГУРЧИКОВЪ, за дверями съ лѣвой стороны.

Ѳомка! Аксинья! Сюрчь, посвѣтите мнѣ!

СОФЬЯ, испугавшись.

Папенька!... Я вамъ говорила!... (*Нисколько отходитъ въ глубину театра, и поблѣднѣвъ отъ страха, смотритъ на*

дверь, откуда долженъ выйти Огурчиковъ.

ФЛОРОВЪ, смотря на дверь справа.

Тутъ заперто, и ключъ у него... (*Указывая налѣво.*) А тутъ непремѣнно на встрѣчу попадешься... Какъ быть?... А, спрячусь въ этой комнатѣ!... (*Поспѣшно идетъ къ комнатѣ Аксиньи, гдѣ спрятанъ Чечеткинъ, и отворяетъ дверь.*)

СОФЬЯ, удерживая его за руку.

Постойте!... Не входите туда!

ФЛОРОВЪ, въ остолбенѣніи и быстро захлопнувъ дверь, держится за ключъ.

Мужчина!!! (*Софьѣ съ угрозою.*) Мужчина здѣсь въ комнатѣ!...

СОФЬЯ.

Вы ошибаетесь!...

ФЛОРОВЪ, съ жаромъ.

Я въ потьмахъ его замѣтилъ! Кто онъ?

СОФЬЯ.

Но я вамъ клянусь...

ФЛОРОВЪ.

Ну, такъ я войду и докажу...

СОФЬЯ, удерживая его.

Замолчите!... Папенька!

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Какое положеніе! Говорить, — ее погубить!... а молчать...

(Вся эта сцена требуетъ большаго жара и точнаго исполненія.)

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

АКСИНЬЯ, ОГУРЧИКОВЪ, СОФЬЯ, ФЛОРОВЪ.

(Огурчиковъ входитъ съ лѣвой стороны; Аксинья ему свѣтитъ.)

ОГУРЧИКОВЪ, входя.

Я, спрѣчь, скорехонько сходилъ, какъ видишь... (*Увидавъ Флорова, съ неудовольствіемъ.* Павелъ Дмитричъ! И въ такую пору! Что это, спрѣчь, значитъ? (*Флорову съ досадою.*) Наше вамъ нижайшее!

ФЛОРОВЪ, въ замѣшательствѣ.

Вы не ожидали меня здѣсь найти, Григорій Сидорычъ?

СОФЬЯ, тихо Флорову.

Поль!... Поль!... Прошу васъ!...

ФЛОРОВЪ.

Мнѣ сказали... что у васъ. . моя сестра... и я пріѣхалъ было за нею.

АКСИНЬЯ, въ сторону.

И этотъ то-же! Да они, значитъ: лгать-то всѣ собаку съѣли!

ОГУРЧИКОВЪ.

А! Такъ вы, спрѣчь, по случаю сестрицы къ намъ пожаловали? Очень радъ, спрѣчь! Но ужъ и имѣлъ честь самъ проводить ее къ бабушкѣ.

ФЛОРОВЪ.

Покорно васъ благодарю, и прошу извиненія, что я васъ обезпокоилъ!

ОГУРЧИКОВЪ.

Ничего, спрѣчь... помилуйте.

ФЛОРОВЪ.

Такъ я теперь отправлюсь къ бабушкѣ .. (*Огурчиковъ говоритъ тихо Софьѣ; Аксинья снимаетъ со свѣчей.*) Что дѣлать!... Ждать этого человѣка на улицѣ, невозможно: два выхода, а я одинъ. Ахъ, зачѣмъ не взялъ я съ собою моего истиннаго друга Чечеткина!... Ну, да у меня есть еще оруліе все развѣдать... (*Въ слухъ.*) Прощайте, Григорій Сидорычъ!

Уходитъ

ОГУРЧИКОВЪ, кланяясь и проводя его.

Наше вамъ, спрѣчь...

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Я такъ съ нимъ не разстанусь!... (*Быстро уходитъ въ дверь налѣво, холодно поклонившись Софьѣ.*)

ОГУРЧИКОВЪ, вслѣдъ ему.

Позвольте, спрѣчь, вамъ посвѣтить!... Аксинья! Посвѣти Павлу Дмитричу!

АКСИНЬЯ.

Да ужъ его слѣдъ простылъ, сударь!

ОГУРЧИКОВЪ, съ гнѣвомъ.

Ты, спрѣчь, точно колода неповоротливая.

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

АКСИНЬЯ, СОФЬЯ, ОГУРЧИКОВЪ.

ОГУРЧИКОКЪ, таинственно,

Сонечка! Мнѣ нужно поговорить съ тобою!

СОФЬЯ, испугавшись.

О чемъ, папенька-съ!

ОГУРЧИКОВЪ.

О важномъ дѣлѣ, сирѣчь. Пойдемъ-ка сюда! (*Идетъ къ комнатѣ, гдѣ Чечеткинъ.*)

СОФЬЯ, испугавшись и останавливая его.

Куда, куда вы, папенька!...

ОГУРЧИКОВЪ, поворотясь.

Вотъ, сирѣчь, хорошо! Мнѣ кажется, я совсѣмъ рехнулся! (*Смѣясь.*) Чуть, чуть не ввалился въ спальню къ Аксиньѣ! Эдакая, сирѣчь, разсѣянность! (*Идутъ къ себѣ въ комнаты, въ дверь на заднемъ занавѣсѣ съ лѣвой стороны.*)

СОФЬЯ, тихо Аксиньѣ.

Ради Бога, выпусти его!... (*Въ сторону.*) На силу бѣды избавилась!

АКСИНЬЯ, съ досадою.

Хорошо-съ.... вытолкну.

ОГУРЧИКОВЪ, уходя въ дверяхъ.

Ступай-же скорѣй, Сонечка! Вѣдь вещь-то, сирѣчь, не шуточная! (*Оба уходятъ въ свои комнаты въ дверь на заднемъ занавѣсѣ съ лѣвой стороны.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

АКСИНЬЯ И ПОТОМЪ ЧЕЧЕТКИНЪ.

АКСИНЬЯ.

Ну, вечерокъ!... Значитъ, долго его не позабуду!... (*Идетъ къ двери на заднемъ занавѣсѣ съ правой стороны.*) Какъ лихимъ побытомъ да еще меня подозрятъ, что я отъ себя изъ спальни молодаго парня выпущаю!... Вѣдь, значитъ, подумаютъ, что онъ ко мнѣ приходилъ!... (*Отворяетъ дверь и кличетъ.*) Господинъ честной?... Господинъ честной!...

ЧЕЧЕТКИНЪ, весело.

Здѣсь, бабушка!... Видно у васъ тутъ было порядочная каша заварилась: ужъ я слушалъ... слушалъ, да ничего не разслушалъ.

АКСИНЬЯ, сухо.

Вотъ вамъ Богъ, а вотъ двери! Я, значитъ, не то, что вы думаете!

ЧЕЧЕТКИНЪ, ветрено.

Одно слово почтенная старушка!... Я влюбленъ въ твою барышню... Скажи ей, что я сейчасъ же иду отказаться отъ прежней невѣсты и не заставлю ее ждать отвѣта. Далеко ли отсюда Мясницкая?

АКСИНЬЯ, съ комическою важностію.

Убирайся-ка, батюшка! Я, значитъ, совсѣмъ не то, что вы думаете!

ЧЕЧЕТКИНЪ, удивясь и со смѣхомъ.

Къ чему это, матушка-бабушка? Не бойся, тебя никто не тронетъ: я до грибовъ не охотникъ. (*Идетъ въ глубину театра, какъ будто для того, чтобъ уйти, и видитъ гравированные портреты Щепкина и Сосницкаго, останавливается и смотритъ.*)

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Что онъ тамъ еще ротъ-то разинулъ?

ЧЕЧЕТКИНЪ, указывая на портреты.

Я тоже получаю Репертуаръ Песоцкаго, Золотое изданіе, и стоитъ только пять рублей серебромъ. Сосницкаго, къ сожалѣнію, я еще не видалъ... Говорятъ, единственный актеръ; а Щепкинъ, по мнѣ, удивительно похожъ!... Точь въ точь его взглядъ и хитрая, умная улыбка!... Вотъ какъ сейчасъ гляжу на него въ Ревизорѣ, когда онъ говоритъ: «Казеннаго «жалованья на чай и на сахаръ не достаетъ.» Прелесть, совершенство!

АКСИНЬЯ, съ досадою, и взявъ свѣчу.

Что жъ это, милостивецъ, скоро ли вы уйдете? Вѣдь эдакъ, значитъ, по во гнѣвъ вашей чести, я и насильно выведу!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Иду... иду... не сердись, моя старушка-калушка! (*Уходя, напѣваетъ.*) «На то-ль, чтобы въ печали....»

Аксинья, провожая его со свѣчей, въ сторону.

Еще мурлычитъ окаянный, прости Господи!...

(Уходитъ въ дверь направо.)

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Флоровъ, входя осторожно въ дверь съ лѣвой стороны.

Ничего больше не слышно... (*Приближаясь къ авансцент.*) Она думаетъ, что я ушелъ, а я притаился на лѣстницѣ... Надобно, чтобъ все это объяснилось... пріятелю никоимъ образомъ нельзя было выбраться оттуда... (*Указывая на дверь справа.*) Ключъ отъ этой двери у Григорья Содиры-ча... Гость вѣрно все еще въ засадѣ... Притворюсь, что будто я одинъ изъ ломашнихъ, выведу его на улицу — и тамъ съ нимъ раздѣлаюсь... (*Идетъ въ двери, что на заднемъ занавѣсѣ съ правой стороны, и отворяетъ ее въ половину.*) Государь мой!... послушайте!... пожалуйте сюда!... не опасайтесь... (*Въ сторону.*) Онъ не отвѣчаетъ!... (*Громче.*) Государь мой! Если вы не подлецъ, выдьте и не шумите!... О! чортъ возьми, онъ спрятался, но я его отыщу. (*Входитъ и затворяетъ за собою дверь.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

Софья, выходя изъ дверей на заднемъ занавѣсѣ съ лѣвой стороны.

Какъ было я испугалась!... Папенька съ таинственнымъ видомъ ведетъ меня въ свой кабинетъ и говоритъ, что получилъ письмо изъ Харькова, гдѣ пишутъ, что Чечеткинъ давно ужъ въ Москвѣ. . Мнѣ вообразилось, что ужъ онъ все знаетъ... (*Осматривая кругомъ.*) Но куда же дѣвалась Аксинья! Неужели она не исполнила того, о чемъ я ее просила? .. (*Въ комнатѣ Аксиньи слышно, что уронили стулъ.*) Ахъ, Боже мой! Она все еще его не выпустила!... И я теперь здѣсь одна!... Нечего дѣлать! Поль на улицѣ... папенька съ каждой минутой можетъ войти... Надо самой рѣшиться. (*Отворяя дверь въ половину.*) Извольте, сударь, идти поскорѣе! (*Тѣмъ временемъ, какъ Софья ждетъ съ безпокойствомъ выхода Чечеткина, входитъ Любочка въ дверь съ лѣвой стороны.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Любочка, Софья, и потомъ Флоровъ.

Любочка, вбѣгая.

Вотъ я и воротилась... У меня все сердце изныло... Ушелъ ли онъ?

Софья.

То-то нѣтъ еще!... (*Кличетъ опять.*) Выходите же, сударь!

Флоровъ, показываясь изъ комнаты и останавливаясь у двери.

Я здѣсь, сударыня!

Софья, испугавшись.

Павелъ Дмитричъ!

Любочка, тоже.

Братецъ!

Флоровъ, Софьѣ, ироническ.

Онъ самый! Вы меня ожидали, не правда ли?

Софья.

Но... (*Въ сторону.*) О Боже!

Флоровъ, съ упрекомъ и приближаясь нѣсколько къ авансценѣ.

И вы не постыдились сестру мою сдѣлать участницею въ вашей интригѣ!...

Софья, оскорбившись.

Это ужъ слишкомъ, г. Флоровъ!...

Любочка, въ сторону съ улыбкою.

Ай, ай!... Дѣло худо!...

Софья, Флорову.

Я одно лишь могу вамъ сказать, что, если и точно здѣсь былъ спрятанъ мужчина, то я его въ глаза не знаю!

Любочка, въ сторону.

Оно-таки и правда.

ФЛОРОВЪ, обрадовавшись нѣсколько.

Неужели?.. *(Отходитъ немного въ сторону.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ЛЮБОЧКА, СОФЬЯ, АКСИНЬЯ и ФЛОРОВЪ.

АКСИНЬЯ, выходя изъ дверей съ правой стороны и не видя Флорова.

Слава Богу, сударыня барышня! Какъ гора съ плечъ свалилась! Значитъ, спровадили добраго молодца!

ФЛОРОВЪ, съ жаромъ Софьѣ.

А! слышите!..

АКСИНЬЯ, съ досадою въ сторону.

Другаго принесла нелегкая! *(Ставитъ свѣчу на столъ и отходитъ въ глубину сцены съ правой стороны.)*

ФЛОРОВЪ, Софьѣ.

Про кого она говоритъ?.. И такъ вы въ четвертый разъ хотѣли меня обмануть?

СОФЬЯ, съ жаромъ.

Поль! Поль! По наружности я кругомъ виновата; но я вамъ повторяю, что я съ нимъ вовсе не знакома, и даже не знаю, кто онъ.

ЛЮБОЧКА, въ сторону.

Такъ и быть! Видно, мнѣ надобно это уладить.

ФЛОРОВЪ.

Однако жъ этотъ мужчина приходилъ же къ кому-нибудь... *(Обращаясь къ Аксиньѣ.)* Развѣ къ ней?

АКСИНЬЯ.

Ахъ, Творецъ Милосердый! Я шестерыхъ своихъ выходила и пятерыхъ чужихъ выкормила!... Павелъ Дмитричъ! Онъ, значитъ, дѣйствительно сидѣлъ у меня въ спальнѣ, но...

ЛЮБОЧКА, перебивая ее.

Софья! Я думаю, лучше во всемъ признаться...

СОФЬЯ, удивясь.

Какъ?

ЛЮБОЧКА.

Да, это гораздо проще.

ФЛОРОВЪ.

Говори, Любочка.

АКСИНЬЯ.

Скажите всю подноготную, сударыня барышня; а то я, значитъ, по вашей милости, мыкаюсь, мыкаюсь, — и ничего въ толкъ не возьму!

ФЛОРОВЪ, Любочкѣ, подозвавши ее къ себѣ (*).

Разскажи все, какъ было.

ЛЮБОЧКА, Флорову.

Слушайте жъ!... Точно, сюда приходилъ молодой человѣкъ...

ФЛОРОВЪ, съ торжествующимъ видомъ.

А!

АКСИНЬЯ.

Вотъ она, значитъ, правда-то, вотъ она!

СОФЬЯ, въ сторону.

Что она дѣлаетъ?

ЛЮБОЧКА.

Но этотъ молодой человѣкъ былъ... женихъ Софьи. *(Дѣлаетъ знаки Софьѣ, которая одна только ихъ видитъ, но не понимаетъ.)*

ФЛОРОВЪ, живо и съ досадою.

Ея женихъ!

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Эка оказія! А я, дура, его вытурила!

СОФЬЯ, Любочкѣ.

Что ты говоришь?

ЛЮБОЧКА, Флорову.

Григорья Сидорыча дома не было; Софья его приняла, и онъ скоро замѣтилъ, что ей не можетъ понравиться, безъ церемоніи сказалъ это Софьѣ и предложилъ съ своей стороны сдѣлать отказъ Григорію Сидорычу. «Ахъ, сударь!» — отвѣчала ему Софья, потупивъ прелестные глазки — *(Копируетъ Софью.)* «Вы прочли въ моемъ сердцѣ: оно принадлежитъ другому, брату моей лучшей пріятельницы!...» Не такъ-ли, Софья?...

ФЛОРОВЪ, съ живостію.

Возможно ли!..

СОФЬЯ, въ замѣшательствѣ.

Я не знаю... что отвѣчать...

(*) Софья, Любочка, Флоровъ, Аксинья.

ФЛОРОВЪ, въ восхищеніи.

О Софья! Софья! Не бойтесь, говорите!..

АКСИНЬЯ, Любочкѣ.

Только, позвольте слово молвить, сударыня барышня Любовь Дмитревна.—Я, значитъ, все не пойму, къ чему жъ было прятать-то голубчика?

ФРОЛОВЪ.

Да, и въ самомъ дѣлѣ! Я этого не понимаю.

СОФЬЯ, въ сторону.

И я тоже не понимаю.

ЛЮБОЧКА, Флорову.

Въ эту минуту послышался голосъ Григорья Сидорыча: чтобъ не показать, что она за-одно сговорилась съ своимъ женихомъ, Софья его спрятала до тѣхъ поръ, пока можно будетъ ему уйти; а отъ тебя скрывала это за тѣмъ, чтобъ ты не сталъ ревновать... Нѣтъ ничего простѣе и натуральнѣе... Теперь поняли, братецъ?

АКСИНЬЯ, въ сторону, уходя.

Путаница, тарабарщина, прости Господи!

(Уходитъ въ дверь налѣво.)

=

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

СОФЬЯ, ФЛОРОВЪ, ЛЮБОЧКА.

ФЛОРОВЪ, Софьѣ, умоляя.

А! Я пристыженъ, я уничтоженъ!.. Софья! Простите ли вы меня?.. Вы не отвѣчаете...

ЛЮБОЧКА, Флорову.

Вамъ говоритъ ея молчанье...
Къ чему слова? Довольно глазъ!

(Подводитъ Софью къ Флорову.)

ФЛОРОВЪ, съ жаромъ, цѣлуя руку Софьи,

Чистосердечное признанье
Всегда вознаграждаетъ насъ!..
И сами видите вы ясно,
Что лжи должны мы избѣгать.

ЛЮБОЧКА, въ сторону, улыбаясь.

Ну нѣтъ, я съ этимъ не согласна,
И никогда не грѣхъ солгать!.

ФЛОРОВЪ.

И такъ, все забыто, Софья? Вы меня простили?

СОФЬЯ, опустивъ глаза, въ замѣшательствѣ.

Всѣ мы имѣемъ нужду въ снисхожденіи.

ФЛОРОВЪ.

Съ этихъ поръ ужъ никогда я не буду васъ подозрѣвать! Никогда и ни въ чемъ!.. *(Самъ съ собою, смѣясь и отходя, въ сторону.)* Странно! Вѣдь придетъ же эдакая глупость!..

СОФЬЯ, тихо Любочкѣ.

А если онъ послѣ узнаетъ?..

ЛЮБОЧКА, тихо Софьѣ.

Не безпокойся.

=

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ЛЮБОЧКА, АКСИНЬЯ, СОФЬЯ, ФРОЛОВЪ.

АКСИНЬЯ, выходя изъ дверей съ лѣвой стороны. Софьѣ, по секрету.

Софья Григорьевна! Давишній-то опять пожаловалъ... Хочетъ говорить съ самимъ Григорьемъ Сидорычемъ.

СОФЬЯ.

О Боже!

ЛЮБОЧКА, въ сторону.

Умникъ! Сдержалъ свое слово.

(Аксинья съ таинственнымъ видомъ отходитъ въ глубину сцены.)

ФЛОРОВЪ, съ безпокойствомъ.

Что тамъ еще такое?

ЛЮБОЧКА, Софьѣ тихо.

Уйдемъ скорѣе!

СОФЬЯ, Флорову въ сильномъ страхѣ.

Поль! Поль! Если вы точно меня любите, то, что бы вы ни услышали, что бы ни увидѣли, не обвиняйте меня прежде времени, и повѣрьте, что я всегда была васъ достойна!

ЛЮБОЧКА, таща ее за руку.

Да идите же!

(Обѣ поспѣшно уходятъ въ дверь на заднемъ занавѣсѣ, съ лѣвой стороны.)

ФЛОРОВЪ, пораженный.

Какъ, еще новости!

АКСИНЬЯ, Флорову.

Павелъ Дмитричъ! Я шестерыхъ своихъ выходила и пятерыхъ чужихъ выкормила; вы, батюшка, не обижайте меня: я, значитъ не то, что вы думаете! — *(Подходитъ къ дверямъ съ лѣвой стороны и отворяетъ.)* Пожалуйте-съ! *(Уходитъ въ дверь на заднемъ занавѣсѣ съ лѣвой стороны.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XX.

ФЛОРОВЪ, ЧЕЧЕТКИНЪ.

ФЛОРОВЪ, одинъ на авансценѣ.

Что это? Отчего онѣ вдругъ убѣжали?.. Вѣрно опять какая нибудь хитрость... О нѣтъ! Ужъ это несносно!.. Уйду! *(Идетъ и встрѣчается лицомъ къ лицу съ Чечеткинымъ.)*

ЧЕЧЕТКИНЪ, войдя, не замѣтилъ Флорова, и безпечно говоритъ.

Григорій Сидорычъ! Имѣю честь...

ФЛОРОВЪ.

Чечеткинъ!!!

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ изумленіи.

Павелъ!!! Кой чортъ! Какъ ты здѣсь очутился?..

ФЛОРОВЪ.

А ты какъ сюда зашелъ? Стало, ты знакомъ съ Огурчиковымъ?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Точно также, какъ съ Китайскимъ императоромъ!.. А ты?

ФЛОРОВЪ.

Я? Разумѣется, коротко знакомъ.

ЧЕЧЕТКИНЪ, весело.

Ты мнѣ этого не говорилъ!.. А вѣдь его-то дочь за меня и сватаютъ!..

ФЛОРОВЪ, съ радостію.

Неужели!.. Ты на ней долженъ былъ жениться?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ну да, братецъ!

ФЛОРОВЪ.

Такъ вотъ что! Теперь понимаю! И ты пріѣхалъ къ Григорью Сидорычу съ отказомъ?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Именно! А почему ты это знаешь?

ФЛОРОВЪ, въ восторгѣ.

Аполинарій! Другъ! Обними меня! Я счастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ! Софья, дочь Огурчикова, отъ которой ты отказываешься, — та самая, въ которую я влюбленъ!

ЧЕЧЕТКИНЪ, смѣясь.

Браво! Фора!.. Да это умора!.. Соперники!.. Какъ! Я пріѣзжаю въ матушку—Москву жениться на батюшкиной дочкѣ, и надобно же, чтобъ изъ числа трехъ-сотъ тысячъ жителей... Ха! ха! ха! Да я цѣлый вѣкъ буду этому хохотать!

ФЛОРОВЪ.

Вотъ сюжетъ для водевиля-то! Непремѣнно сообщу его водевильнымъ фабрикантамъ!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Но ты не знаешь причины, почему я отказываюсь отъ невѣсты... Вѣдь и сейчасъ лишь отъ моей красавицы... Да! Я, братецъ, былъ у нея въ домѣ, видѣлъ ее, говорилъ съ нею!.. Сердце у меня теперь точно гора огнедышущая! Этна и Везувій передъ нимъ,— просто, ночникъ съ постнымъ масломъ!.. Я прямо скажу Огурчикову. «Вы, Григорій Сидорычъ, хотите отдать за меня вашу дочь?.. Покорно васъ благодарю; но я вамъ говорю, что я уже къ другой горю.»... Да и пошелъ ріемовать на *рю!*.. Онъ, разумѣется, обидится, какъ и слѣдуетъ отцу; а я межъ тѣмъ къ крыльцу да и къ вѣнцу! *(Осматривая комнату.)* Я счастливъ, и ты счастливъ! Я женюсь, и ты женишься!.. *(Осматриваетъ еще пристальнѣй.)* Тьфу! Чортъ возьми! Да что жъ это такое?

ФЛОРОВЪ.

Что?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Да я ужъ, кажется, былъ въ этой комнатѣ, и сегодня же ввечеру!.. Только это было въ Кривомъ переулкѣ и въ третьемъ этажѣ, а теперь мы на Мясницкой, и во второмъ; тамъ подъѣздъ съ улицы, а здѣсь со двора... Неужели съ тѣхъ поръ землетрясеніе случилось?

ФЛОРОВЪ, смѣясь.

Да, мой другъ, ты не обманулся!

ЧЕЧЕТКИНЪ, удивясь.

Такъ въ самомъ дѣлѣ было землетрясеніе?

ФЛОРОВЪ, смѣясь.

Здѣшній домъ выходитъ на двѣ улицы.... Давича тебя спрятали въ этой комнатѣ?... *(Указываетъ на дверь, что на заднемъ занавѣсѣ съ правой стороны.)*

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Да.

ФЛОРОВЪ.

Послѣ твоего свиданія съ Софьей Григорьевной, когда ты ей сказалъ, что не хочешь на ней жениться?...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ни чуть не бывало, братецъ, совсѣмъ не то! Ты ахинею городишь! Я и въ глаза не видалъ Софьи Григорьевны!

ФЛОРОВЪ.

Какъ не видалъ? Да она съ тобой говорила!

ЧЕЧЕТКИНЪ, остолбенѣвъ.

Какъ говорила?... Здѣсь?... Она?... Быть не можетъ: ты шутишь!

ФЛОРОВЪ.

Памятна ли тебѣ эта комната? *(Отворяетъ дверь на заднемъ занавѣсѣ съ правой стороны.)*

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Да, да!... Такъ точно!... Да вотъ и портреты *Щепкина* и *Сосницкаго*, изъ Репертуара Несоцкаго!... Я ихъ видѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ и въ этихъ же рамкахъ!... Что за дьявольщина! Да это, просто, небылицы въ лицахъ! Я, стало быть, волочился за своею невѣстою и самъ себя надулъ; а она сама себѣ была соперницей!... *(Смѣясь.)* Ну! ужъ если судьба захочетъ подшутить, такъ зло подшутитъ!

ФЛОРОВЪ.

И она тебѣ сказала, что она тебя любитъ?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Какъ нельзя лучше!

ФЛОРОВЪ, съ досадою.

Поэтому меня еще разъ обманули?...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Ужъ не знаю.

ФЛОРОВЪ, съ жаромъ.

Да, та, съ которою ты танцовалъ въ Петровскомъ воксалѣ, за которою ты бѣжалъ рысакомъ до Калужскихъ воротъ—была Софья!..

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Софья?... Прекрасное имя!... Я сдѣлаю ее счастливою!

ФЛОРОВЪ.

А еще сію минуту она мнѣ клялась... Какое вѣроломство!... *(Перемѣняя тонъ.)* Однако жъ... вѣдь она просила тебя, чтобъ ты отъ нее отказался?

ЧЕЧЕТКИНЪ, съ жаромъ.

Ахъ, чортъ возьми! Точно, братецъ, — не только просила, даже требовала!... Какая запалия!...

ФЛОРОВЪ, съ радостію.

Если бъ это было въ самомъ дѣлѣ!...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Но зачѣмъ же она въ такомъ случаѣ обѣщала за меня выйти, если я съ ней разойдусь?... Вѣдь это нелѣпо, братецъ! Нельзя же мнѣ на самомъ себѣ жениться!... Гдѣ это видано!... *(Съ жаромъ.)* Я одураченъ, какъ дважды два!...

ФЛОРОВЪ, въ сильномъ волненіи.

Нѣтъ, Аполинарій, не то!... Она нарочно скрыла отъ тебя свое имя, изъ опасенія, чтобъ я не узналъ всю истину... Я въ дуракахъ!

ЧЕЧЕТКИНЪ, съ жаромъ.

Неправда, я!...

ФЛОРОВЪ.

Нѣтъ, я!

ЧЕЧЕТКИНЪ, еще горячѣй.

Анъ нѣтъ — я! я! я!... Ну, разсуди хорошенько: мы оба подъ дождемъ; только ты подъ зонтикомъ, а на меня течетъ съ крыши!

ФЛОРОВЪ.

Полно вздоръ-то говорить! Я лучше тебя понимаю!

ЧЕЧЕТКИНЪ, разсердясь и еще громче.

Да что жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, одинъ что ли хочешь быть съ носомъ!... Видишь, какой эгоистъ!.. *(Смѣясь.)* Подай мнѣ сюда Огурчикова!... Только у него мы найдемъ ключъ

отъ этой безконечной интриги!... Лишь онъ растолкуетъ намъ эту ермалаѣю!... У меня ужъ голова трещитъ!... Отца, отца сюда на сцену! Отца, отца для конца!

=

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ЧЕЧЕТКИНЪ, ОГУРЧИКОВЪ, ФЛОРОВЪ.

ОГУРЧИКОВЪ, выходя изъ дверей на заднемъ занавѣсѣ съ лѣвой стороны.

Что за шумъ, спрѣчь?

ФЛОРОВЪ.

Григорій Сидорычъ!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Вы очень кстати, Григорій Сидорычъ! Помирите двухъ соперниковъ, которые оба боготворятъ вашу дочь!

ОГУРЧИКОВЪ.

Какъ, Павелъ Дмитричъ! Я, спрѣчь, былъ увѣренъ, что... спрѣчь... (*Смотритъ пристально на Чечеткина и очень удивляется, что съ нимъ говоритъ человѣкъ вовсе ему незнакомый.*)

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Да, Григорій Сидорычъ! Передъ вами теперь два соперника, которыхъ она любитъ... или нѣтъ, не любитъ... а лучше сказать, смѣется надъ ними... Потому что я также видѣлъ и знаю прелестную Софью Григорьевну... Она на васъ ни крошечки не похожитъ!... Мнѣ подала она сладкую надежду изъ Криваго переулка, а ему (*указываетъ на Флорова*) съ Мясницкой... Судите о нашемъ положеніи, о нашей двухсторонней страсти!... (*Огурчиковъ въ изумленіи не знаетъ, что ему отвѣчать.*) Я Аполлинарій Чечеткинъ, изъ Харькова!

ОГУРЧИКОВЪ, вскрикивая.

Аполлинарій Ильичъ! Спрѣчь, сынъ Ильи Герасимовича, моего друга и сотоварища?... Спрѣчь, будущій зять мой?... (*Обнимаетъ его.*) Наше вамъ пренизкое!...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Здоровы ли вы?

ОГУРЧИКОВЪ.

Слава Богу!... Какъ! Вы знаете мою Сонечку?... И она, спрѣчь, васъ любитъ?.. Да это, спрѣчь, кладъ небесный!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Я самъ то же думаю.

ФЛОРОВЪ, Огурчикову.

Однако жъ, Григорій Сидорычъ...

ОГУРЧИКОВЪ.

Очень сожалѣю, Павелъ Дмитричъ; но какъ быть, спрѣчь? Это дѣло ужъ рѣшенное... спрѣчь, покончennое. (*Чечеткину.*) Гдѣ же вы ее, Аполлинарій Ильичъ, видѣли?

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Да здѣсь, у васъ, нынче же вечеромъ... Но вотъ и мой хорошій пріятель также имѣетъ достаточныя причины думать, что и онъ тоже... короче... и онъ, и я, оба здѣсь были и говорили, каждый въ свою очередь... такъ, что мы оба теперь не знаемъ, кто изъ насъ... Мы хотимъ съ вами объясниться... и попросить васъ рѣшить эту задачу.

ОГУРЧИКОВЪ.

Меня?... Да я, спрѣчь, тутъ ровнехонько ничего не понимаю.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Прекрасно! Такъ насъ трое ничего не понимаютъ! Тріумвиратъ: Августъ, Антоній и Лепидъ!

ОГУРЧИКОВЪ, въ сторону.

Что онъ такое, спрѣчь, тутъ лепитъ? (*Въ слухъ.*) Но вѣдь вамъ Сонечка сказала, что она васъ любитъ, такъ, спрѣчь, чего жъ еще?

ЧЕЧЕТКИНЪ, переходя направо.

И конечно; я съ вами согласенъ.

ОГУРЧИКОВЪ, идя къ дверямъ на заднемъ занавѣсѣ, слѣва.

Сонечка! Сонечка! (*Отворяетъ дверь.*) Сонечка! Спрѣчь, поди-ка сюда, дружочикъ!

(Софья показывается въ дверяхъ; Огурчиковъ беретъ ее за руку. Аксинья идетъ за Софьей.)

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

Она идетъ... удержусь, сколько можно!

=

ЯВЛЕНІЕ XXII.

АКСИНЬЯ, СОФЬЯ, ОГУРЧИКОВЪ, ЧЕЧЕТКИНЪ, ФЛОРОВЪ.

ОГУРЧИКОВЪ.

Поди сюда, мой ангелъ!... Какъ я радъ, сирѣчь, дитя мое! Ты его любишь!... *(Указываетъ на Чечеткина.)*

ЧЕЧЕТКИНЪ, вскрикнувъ отъ удивленія.

Что это!...

СОФЬЯ, робко.

Папенька!...

ФЛОРОВЪ, Софьѣ съ досадою.

Да, сударыня! Вы сами ему признались.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

О судьба!.. *(Съ жаромъ и самымъ сильнымъ убѣжденіемъ.)* Григорій Сидорычъ! Это не ваша дочь!

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Ахъ, батюшки свѣты! Сбылась моя догадка!

ОГУРЧИКОВЪ, съ важностію.

Вотъ, сирѣчь, новенькое!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Я не имѣю чести ихъ знать.

ФЛОРОВЪ, съ радостію.

Возможно ли!

СОФЬЯ.

И я тоже никогда ихъ не видала.

ВМѢСТѢ, и очень скоро.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Я васъ увѣрить смѣю
И просто вамъ скажу:
Я чести не имѣю
Знать эту госпожу!

ФЛОРОВЪ, въ сторону.

И такъ любимъ я ею?
Ахъ! я съ ума схожу!
Я съ Софьею моею
Вновь счастье нахожу!

ОГУРЧИКОВЪ.

Да, сирѣчь, я имѣю
И словъ не нахожу:
Предъ дочерью моею —
На что жъ я похожу?

СОФЬЯ, въ сторону.

Я говорить не смѣю...
И что я имъ скажу?
Ахъ, Любочка! Я съ нею
Бѣды лишь нахожу!

АКСИНЬЯ, въ сторону.

Со скромностью моею
На что я похожу?
(Указывая на Чечеткина.)
Ужъ этому злодѣю
Себя я докажу!

ЧЕЧЕТКИНЪ, сильно разгорячась.

Но гдѣ же этотъ духъ, эта колдунья, эта волшебница? И зачѣмъ она оставляетъ меня въ этомъ загадочномъ, непонятномъ, десятисмысленномъ положеніи, когда сама же обѣщала явиться предо мной, какъ скоро лишь я откажусь отъ моихъ претензій на Софью Григорьевну?..

СОФЬЯ, робко.

Можетъ быть, отъ того то она и не является, что вы забыли это сдѣлать... Вы еще не отказались.

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сильномъ волненіи, осматривается кругомъ.

Прости, прости меня, моя перпеземанъ! Я забылъ нашъ договоръ!.. Я отказываюсь отъ Софьи Григорьевны Огурчиковой! Двадцать разъ, формально и торжественно отказываюсь! *(Декламируя.)*

Явися Перн!
Хоть въ тѣ, хоть въ эти двери!...

ФЛОРОВЪ, взявъ его за руку.

Мой другъ!

ЧЕЧЕТКИНЪ, все съ тѣмъ же волненіемъ, вырывая отъ него свою руку.

Послѣ, послѣ меня отблагодаришь!.. А теперь мнѣ не до тебя!.. Я призываю мою Сильфиду... Кто она? Гдѣ она?

=

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

АКСИНЬЯ, СОФЬЯ, ОГУРЧИКОВЪ, ЛЮБОЧКА, ЧЕЧЕТКИНЪ, ФЛОРОВЪ.

(Любочка при послѣднихъ словахъ Чечеткина выходитъ изъ дверей на заднемъ занавѣсѣ съ лѣвой стороны и становится посреди сцены въ глубинѣ театра.)

ЛЮБОЧКА, улыбаясь.

Я здѣсь!

ЧЕЧЕТКИНЪ, живо.

Вотъ, вотъ она! Заприте двери поскорѣе! Улетитъ! (*Бѣжитъ къ дверямъ, въ которыя вошла Любочка, оставивъ ихъ не затворенными, и запираетъ ихъ.*)

ОГУРЧИКОВЪ.

Какъ, сирѣчь!..

ФЛОРОВЪ.

Сестра моя!!!

ЧЕЧЕТКИНЪ, становится между Огурчиковымъ и Любочкою.

Твоя сестра!.. Такъ ты ей братъ, человѣкъ скрытный и безсовѣстный!

ФЛОРОВЪ.

Да! Показывай ему молодепькихъ барышенъ, когда ужъ онъ даже и въ спрятанныхъ то влюбляется!

ЧЕЧЕТКИНЪ, Любочкѣ, страстно.

О, какъ вы прелестны!..

ОГУРЧИКОВЪ.

Но я, сирѣчь, все еще толку не добьюся!

АКСИНЬЯ.

Значитъ, и я тоже!

ФЛОРОВЪ.

И я!

ЧЕЧЕТКИНЪ.

И я!.. Число прибавилось: насъ четверо!

ЛЮБОЧКА.

Что съ вами?

ФЛОРОВЪ, Любочкѣ.

Гдѣ ты познакомилась съ Аполлинаріемъ?

ЛЮБОЧКА.

Они сдѣлали мнѣ честь, танцовали со мною въ Петровскомъ воксалѣ.

ФЛОРОВЪ, понимая.

Вотъ что!.. А!..

(Восклицаніе «А!...» должно быть протяжное.)

ЛЮБОЧКА, Софьѣ.

Давича утромъ ты сказала мнѣ ихъ имя, я сейчасъ-же и догадалась.

СОФЬЯ, тоже какъ и Флоровъ.

А!...

ЧЕЧЕТКИНЪ.

А записка?...

ЛЮБОЧКА.

Была изъ павильона.

ЧЕЧЕТКИНЪ, тоже, какъ Флоровъ и Софья.

А!..

ФЛОРОВЪ.

А модистка?

ЛЮБОЧКА.

Была Софья.

ОГУРЧИКОВЪ, ФЛОРОВЪ, ЧЕЧЕТКИНЪ.

А!...

АКСИНЬЯ.

А, значитъ, свиданіе здѣсь съ ихъ милостію?

СОФЬЯ.

Это ужъ я сама знаю... Аполлинарій Ильичъ меня никогда не видалъ... Любочкѣ было извѣстно, что мы не можемъ другъ въ друга влюбиться, такъ она и старалась насъ отдалять отъ знакомства.

ЛЮБОЧКА, робко и съ хитростію.

Я всѣмъ добра желала.

ВСѢ, кромѣ Любочки и Софьи.

А!...

ЛЮБОЧКА, съ радостію.

Я лишь къ одной стремилась цѣли,
Чтобъ сдѣлать счастіе двоихъ...

(Указывая на Флорова и Софью и обращаясь къ Огурчикову.)

Успѣла ль въ этомъ я?...

ОГУРЧИКОВЪ, взявъ Софью за руку и взглянувъ на Флорова.)

Успѣли.

ФЛОРОВЪ, Любочкѣ, указывая на Чечеткина.

Пять, ты счастливишь четверыхъ!...
Будь откровенна... видишь ясно,
Ко лжи не должно прибѣгать!..

ЛЮБОЧКА, подводя потихоньку Флорова на край сцены.

Ну нѣтъ, я съ этимъ не согласна,
И никогда не грѣхъ солгать!..

ЧЕЧЕТКИНЪ, съ восторгомъ.

Я слышалъ... А, браво! (*Въ восхищеніи идетъ ко всѣмъ поочередно и беретъ за руку.—(Флорову)* Любовь Дмитревна! (*Любочкѣ.*) Другъ мой Павелъ! (*Софьѣ.*) Григорій Силорычъ! (*Аксиньѣ.*) Софья Григорьевна! (*Огурчикову.*) Бабушка!.. Вы всѣ сви-

дѣтели моего приключенія!.. Этого ни въ сказкахъ разсказать, ни перомъ написать!

ФЛОРОВЪ, улыбаясь.

Я отдаю за тебя Любочку.

ЧЕЧЕТКИНЪ.

Прекрасное имя! Я сдѣлаю ее счастливою!

ОГУРЧИКОВЪ, взявъ за руку Софью, къ Флорову, манитъ его къ себѣ.

Павелъ Дмитричъ!.. Пожалуйте-ко, сюда поближе!... (*Флоровъ къ нему подходитъ, Огурчиковъ передастъ ему руку Софьи.*) Наше вамъ пангалубочайшее!..

ФЛОРОВЪ И СОФЬЯ, вмѣстѣ.

Добрый Григорій Сидорычъ! Какое счастіе!

ФЛОРОВЪ, Любочкѣ съ лаской.

А ты подшутила надо мной, плутовка!

ЛЮБОЧКА.

Плата тою же монетою, братецъ!. Вы мнѣ часто уроки давали... теперь моя очередь.

ФЛОРОВЪ.

Но развѣ я малолѣтный?

ЛЮБОЧКА.

И я ужъ не ребенокъ, какъ видите!

ЧЕЧЕТКИНЪ, съ восторгомъ глядя на Любочку.

Мила, какъ любовь! Умна, какъ... ординарный профессоръ!

АКСИНЬЯ, подойдя къ Чечеткину.

Честь имѣю васъ поздравить, батюшка... Дай Богъ вамъ всякаго благополучія! Я значитъ, отмѣнно рада вашему законному браку... Теперь ужъ не скажутъ, что будто ваша милость ко мнѣ на свиданіе приходили... Я шестерыхъ своихъ выходила и пятерыхъ...

ЧЕЧЕТКИНЪ, въ сторону со смѣхомъ.

Старая карга! Видишь еще, что выдумала!

(Къ зрителямъ, рекомендуя Любочку.)

Формально объявить вамъ смѣю,
Что я жену себѣ избралъ,
И въ то же время честь имѣю
Васъ пригласить къ себѣ на балъ.
Чтобъ только счастьемъ насладиться
На нашей свадьбѣ видѣть васъ,
Я въ этой пьесѣ радъ жениться
Хоть каждый мѣсяцъ тридцать разъ!

ОГУРЧИКОВЪ, къ зрителямъ.

Наше вамъ пангалубочайшее!

КАТЕРИНА,

ИЛИ

ЗОЛОТОЙ КРЕСТИКЪ.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ, ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ,

переведенная съ Французскаго

П. С. ѲЕДОРОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Морицъ Пилуа.....	*Г. Самойловъ 2.* / *Г. Максимовъ 1.*
Катерина, его сестра.....	*Г-жа Аксенова.* / *Г-жа Самойлова 2.*
Луиза, сирота, его невѣста..	*Г-жа Шелихова 1.*
Карлъ Буде, гвардейскій поручикъ.....	*Г. Куликовъ.* / *Г. Леонидовъ.*
Маренго, сержантъ.....	*Г. Григорьевъ 1.*
Убертъ, крестьянинъ.....	*Г. Сосновскій.*
Рекруты, крестьяне и крестьянки.	

Дѣйствіе происходитъ въ Бретаньской деревнѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КЛЯТВА.

Театръ представляетъ деревенскую комнату. Чрезъ двери и широкія окна, въ глубинѣ, видна большая дорога. Налѣво, дверь, ведущая въ другія комнаты и въ кухню; направо, маленькая дверь изъ чулана. Мебель простая. На столѣ зажженная свѣча.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАТЕРИНА, одна.

КАТЕРИНА, стоя у дверей чулана.

Отдохни, добрый человѣкъ... тутъ тебѣ будетъ покойно... ложись на солому... Я тебя позову ужинать... ты будешь доволенъ... у насъ гостиница хорошая... *(Запираетъ дверь.)* Онъ весь измокъ! Я изъ жалости его впустила... даже хотѣла затопить каминъ, отвести ему порядочную комнату; но онъ самъ напросился въ этотъ чуланъ!.. И прекрасно сдѣлалъ: по крайней мѣрѣ не испортитъ здѣсь мебели!.. Да кажется, онъ и заплатитъ-то намъ ничего не можетъ... На немъ разодранная шинель и изломанная старая шляпа... Къ счастію еще,

что я не видала его лица! А то онъ и безъ того показался мнѣ такимъ страшнымъ!.. Что, если это какой нибудь бродяга?.. какой нибудь.. О, нѣтъ, не можетъ быть!..

=

ЯВЛЕНІЕ II.

КАТЕРИНА И ЛУИЗА.

ЛУИЗА, отворяя заднюю дверь.

Катерина!

КАТЕРИНА.

А, это ты, Луиза? Что жъ ты пейдешь сюда?..

ЛУИЗА, робко.

Что, онъ возвратился?

КАТЕРИНА.

Кто?

ЛУИЗА.

Морицъ.

КАТЕРИНА.

Братъ? Нѣтъ еще!.. Вѣдь сегодня бросаютъ рекрутскій жеребій... это предлинная церемонія... сперва будутъ всѣхъ мѣрить, осматривать: нѣтъ ли слѣпыхъ, кривоногихъ; потомъ подпрефектъ будетъ говорить рѣчь... мало того, что выберутъ въ рекруты, нѣтъ—изволь выслушать рѣчь подпрефекта... вытерпи разомъ всѣ непріятности!..

ЛУИЗА, вздыхая.

Я всю ночь проплакала!

КАТЕРИНА.

Ты боишься, чтобъ онъ не вынулъ дурнаго номера?

ЛУИЗА.

Конечно боюсь... вѣдь ему не дадутъ выбирать.

КАТЕРИНА.

Полно, полно... Я на этотъ счетъ покойна... Морицъ не можетъ пожаловаться на неудачи; онъ таки во всѣмъ счастливъ.

ЛУИЗА.

Счастливъ?.. Удивительно! А недавно еще былъ боленъ...

КАТЕРИНА.

За то теперь онъ сталъ здоровѣе прежняго...

ЛУИЗА.

А ваша бѣдность...

КАТЕРИНА.

Что жъ за бѣда!.. Онъ бѣденъ — а вѣрно счастливѣе многихъ... Счастія, мой другъ, богатствомъ не купишь.

Хоть бѣденъ онъ — но не сравняетъ
Съ богатствомъ счастья своего;
Его богатство не прельщаетъ —
Не счастье ль это для него?..

Онъ бѣденъ, но обидъ не помнитъ
И не обидитъ никого,
Онъ бѣдняка всегда накормитъ —
Не счастье ль это для него?..

Онъ бѣденъ, но ему долгъ чести
Всегда дороже былъ всего;
Въ немъ нѣтъ ни хитрости, ни лести —
Не счастье ль это для него?..

Хоть бѣденъ онъ, но добръ душею;
Умретъ за друга своего;
Онъ твой женихъ, любимъ тобою —
Не счастье ль это для него?..

ЛУИЗА.

А все таки онъ бѣденъ, и не во всемъ ему удача... Вотъ, хоть ваша гостинница... въ ней почти никогда никого не бываетъ...

КАТЕРИНА.

Ошибаешься!.. Даже и теперь есть какой то путешественникъ! Правда, она приноситъ намъ небольшой доходъ... но братецъ отдастъ назадъ этотъ домъ хозяину, а вмѣсто того беретъ на откупъ премиленькую ферму; отъ нея намъ будетъ побольше выгодъ... мы туда тотчасъ же переѣдемъ, какъ вы обвѣнчаетесь...

ЛУИЗА.

Ну, а если его выберутъ?

КАТЕРИНА.

Да перестань... этого не можетъ быть!.. Неужели нѣтъ справедливости ни на землѣ, ни на небесахъ! Отнять у насъ Морица... единственное наше богатство, единственную нашу подпору!.. Боже! Что будетъ со мною безъ него!.. Я счастлива только съ нимъ... ему я всѣмъ обязана... и никогда этого не забуду!..

ЛУИЗА.

А я... развѣ я меньше ему обязана? Онъ имѣлъ попеченіе о моей матушкѣ, какъ о своей родной; а когда она умерла, предложилъ мнѣ свою руку... и только сказалъ мнѣ ласково, скромно: «Я работалъ за двухъ, Луиза... теперь я буду работать за трехъ!..»

КАТЕРИНА.

О, это такое сердце, какого не найдешь въ цѣломъ мірѣ.

Онъ жизнь моя и счастье и отрада,
Онъ дни мои блаженствомъ надѣлилъ;
Я для него на все рѣшиться рада,
Лишь только бъ онъ всегда меня любилъ!

Онъ меня воспиталъ,
Съ юныхъ лѣтъ охранялъ...
Лишь одинъ смертный часъ
Разлучить можетъ насъ!

ЛУИЗА.

Онъ мой, онъ мой! Его люблю я страстно,
Клянусь ему до гроба вѣрной быть!
И чувствую, была бъ вполнѣ несчастна,
Когда бъ судьба могла насъ разлучить!

Я теперь весела,
Я душей ожила!..
Лишь одинъ смертный часъ
Разлучить можетъ насъ!

КАТЕРИНА.

О, я увѣрена, что на него не падетъ жеребій!.. Предчувствіе никогда меня не обманывало!.. Завтра вы обвѣнчаетесь, мы переберемся въ нашу ферму, и заживемъ тамъ припѣваючи всѣ трое...

ЛУИЗА.

Всѣ четверо, потому что и ты выйдешь замужъ...

КАТЕРИНА.

Я?.. Нѣтъ!

ЛУИЗА.

Отъ чего это?..

КАТЕРИНА.

Я никого не люблю.

ЛУИЗА.

Никого?

КАТЕРИНА.

Да, никого... кромѣ тебя и братца... да буду еще любить вашихъ дѣтей... у васъ вѣрно будутъ дѣти... Я буду ихъ воспитывать... вѣдь я имѣю на это право... я сдѣлаюсь предоброю старою теткой; надѣну очки, примусь учить ихъ читать, стану давать лакомства, игрушки... они будутъ меня любить... Какъ это весело!..

ЛУИЗА.

Какая ты смѣшная!.. Ахъ! Вотъ и Морицъ!..

КАТЕРИНА, съ радостью.

Ну, слава Богу!..

=

ЯВЛЕНІЕ III.

МОРИЦЪ, КАТЕРИНА, ЛУИЗА.

МОРИЦЪ, про себя.

Все кончено! Хоть прошиби стѣну лбомъ... *(Увидя Луизу.)* Луиза здѣсь!..

ЛУИЗА.

Мы тебя ждали съ нетерпѣніемъ, Морицъ... Развѣ тебѣ это не нравится.

МОРИЦЪ, притворяясь довольнымъ.

Напротивъ, я такъ радъ...

КАТЕРИНА.

Ну, что, братецъ, что вашъ знаменитый наборъ?.. Вынималъ ли ты билетъ изъ шляпы подпрефекта?.. все ли у васъ кончено?..

МОРИЦЪ, съ маленькимъ вздохомъ.

Все кончено!..

ЛУИЗА.

И тебѣ выпулся хорошій номеръ?

МОРИЦЪ.

Самый лучшій!

ЛУИЗА, съ радостью.

Неужели?

КАТЕРИНА, Луизѣ.

Не говорила ли я тебѣ?..

МОРИЦЪ.

Номеръ первый!

ЛУИЗА.

Какъ!

КАТЕРИНА.

Первый номеръ!.. Ты вынулъ первый номеръ!..

МОРИЦЪ.

Да вѣдь надобно же было кому нибудь его выпуть... Не могъ же онъ остаться у подпрефекта!..

КАТЕРИНА.

Конечно... Но ты, братецъ...

ЛУИЗА, плачетъ.

Ты отъ насъ уйдешь!.. Насъ оставишь!..

КАТЕРИНА, такъ же.

Тебя убьютъ!..

МОРИЦЪ.

О чемъ же вы плачете?.. Вѣдь я еще не умеръ!...

КАТЕРИНА, рыдая.

Да ты, вѣрно, самъ этого хочешь!.. Ступай же, оставь насъ!..

МОРИЦЪ.

Фу, чортъ возьми! Да неужели въ самомъ дѣлѣ меня вотъ такъ и убьютъ...

КАТЕРИНА, такъ же.

Конечно, того и гляди... (*Утираетъ глаза.*) Да нѣтъ, ты не уйдешь!..

ЛУИЗА.

Да, не уйдешь!..

МОРИЦЪ.

Тсъ!.. Кто-то идетъ!.. Вытрите ваши слезы...

ЯВЛЕНІЕ IV.

МОРИЦЪ, МАРЕНГО, КАТЕРИНА И ЛУИЗА.

МАРЕНГО.

Здравія желаю!.. Прекрасныя дѣвицы или дамы, позвольте вамъ поклониться! Солдатъ долженъ гнуться предъ прекраснымъ поломъ, какъ сказалъ одинъ древній воинъ...

МОРИЦЪ.

А! Это сержантъ Маренго!

КАТЕРИНА.

Что вамъ угодно?.. Зачѣмъ вы сюда пришли?..

МАРЕНГО.

Поздравить вашего братца...

ЛУИЗА, печально.

Есть съ чѣмъ!..

МАРЕНГО.

Да, есть съ чѣмъ!.. Онъ такъ ловко вынулъ первый номеръ, что рѣшительно покорилъ мое сердце!.. Знаете ли, какая у него счастливая рука!.. Номеръ первый! Вѣдь двухъ такихъ номеровъ не кладутъ въ шляпу!.. Я въ свое время вынулъ пятый номеръ, да и то считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ!..

МОРИЦЪ.

Да и я не жалуюсь!..

КАТЕРИНА, перебивая его.

Конечно, ему все равно... Но ужъ онъ отсюда не уйдетъ.

МАРЕНГО, крутя усы и поглядывая на Морица.

Гм!..

МОРИЦЪ, толкая его и показывая на женщинъ.

Помолчи хоть при нихъ!

МАРЕНГО, понявъ его.

Понимаю!.. Красавицы — то видно очень чувствительны!

КАТЕРИНА.

Онъ еще такъ молодъ...

МАРЕНГО.

Ничего... служба его постаритъ...

КАТЕРИНА.

Онъ малъ ростомъ.

МАРЕНГО.

И это пустяки... малъ золотникъ, да дорогъ, какъ сказалъ одинъ древній воинъ. Не будетъ годенъ въ гренадеры, помѣстятъ въ кавалерію...

Да что и въ ростѣ, въ самомъ дѣлѣ?
Какую пользу принесетъ?
И въ маленькомъ нерѣдко тѣлѣ
Душа великая живетъ!..
Цѣнить плодовъ нельзя по кожѣ...
По философіи моей,
Душа высокая дороже
Высокихъ званій и людей!..

ЛУИЗА, робко.

Это правда... Но Морицъ такъ слабъ...

КАТЕРИНА.

Онъ вовсе не любитъ военной службы.

МАРЕНГО.

Ну, конечно, о вкусахъ нельзя спорить... По нашему, все равно: любитъ ли кто или не

любитъ военную службу...Солдатъ воленъ въ своихъ поступкахъ, лишь бы слушался приказаній и зналъ свое дѣло.

КАТЕРИНА.

Удивительно, какъ весело.

МОРИЦЪ.

Катерина!

КАТЕРИНА, сержанту.

Теперь нѣкогда заниматься Морицу вашими сраженіями... Онъ беретъ на откупъ ферму ... Онъ женится...вотъ его невѣста ...да подойди, Луиза! Что ты молчишь...

ЛУИЗА, подходя къ сержанту.

Да, г. сержантъ, я его невѣста...

МАРЕНГО, улыбаясь.

Уважительная причина!... Но вотъ видите ли, что, мои голубушки...Я вѣдь съ вами говорю, какъ другъ...Вамъ стыдно отговаривать Морица... вѣдь ему предстоитъ превосходное поприще! Вотъ ужъ двадцать два года какъ я прохожу его вдоль и поперегъ, и могу сказать прохожу съ удовольствіемъ...13 ть лѣтъ былъ солдатомъ, 5 лѣтъ капраломъ и 4-й годъ сержантомъ. Могу сказать, уважаемъ командирами, любимъ подчиненными... вы изволите видѣть, что съ мужествомъ и терпѣніемъ чины приходятъ нечувствительно! Конечно, нѣкоторые выслуживаются гораздо скорѣе...у насъ въ арміи много выскочекъ, какъ сказалъ одинъ древній воинъ...но однако жъ, и мы на производство пожаловаться не можемъ.

МОРИЦЪ.

О, Боже мой, да я самъ не хуже другаго буду служить.

КАТЕРИНА, тихо Морицу.

Замолчи, пожалуй-ста!

МАРЕНГО.

Что касается до твоей службы, молодой человѣкъ, то я увѣренъ, что ты пойдешь лихо... такъ лихо, какъ я!... Я себя показалъ при Маренго и разомъ выскочилъ въ капралы...на самомъ полѣ сраженія... Всѣ товарищи хотѣли меня обнять... но какъ насъ было тамъ пятьдесятъ три тысячи... такъ на это потребовалось бы много времени!

День этотъ вѣкъ я не забуду!
Объ немъ разсказывать я буду
По смертный часъ!
День страшный былъ для пораженья,
И солнцемъ и огнемъ сраженья
Палило насъ!
Зато и мы всѣ храбростью пылали,
И на враговъ, какъ тигры, нападали,
За вѣру, честь и край родимой свой,
Солдатъ готовъ итти на смертный бой!

Я радъ всегда съ людьми дружиться —
И въ мірѣ могутъ всѣ ужиться
Легко со мной!
Съ друзьями я пою, рѣзвлюся,
И даже иногда напьюся
Я какъ шальной!
Зато на зовъ я родины священный
Готовъ летѣть всегда на бой смертельный!
За вѣру, честь и край родимой свой,
Солдатъ готовъ летѣть въ кровавый бой!

КАТЕРИНА.

Все это прекрасно; вамъ солдатская жизнь нравится... но если кто не хочетъ быть солдатомъ...

МАРЕНГО.

Не хочетъ, такъ можетъ избавиться...на это есть тысяча средствъ.

КАТЕРИНА.

Неужели?

ЛУИЗА, сержанту.

Но какія же средства?

МАРЕНГО.

Ну, напримѣръ, если бы въ наружности былъ какой нибудь недостатокъ...или въ характерѣ... напримѣръ, если бъ былъ близорукъ, или безъ рукъ...

МОРИЦЪ, Луизѣ.

Да, есть много средствъ...мы объ этомъ потолкуемъ съ сержантомъ...это не женское дѣло... Ступайте-ка лучше, займитесь дѣломъ!...Я думаю, у васъ не приготовленъ еще и ужинъ?...

КАТЕРИНА.

Идемъ, идемъ!... (*Луизѣ тихо.*) Не печалься, Луиза, все можетъ перемѣниться.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРЕНГО и МОРИЦЪ.

МАРЕНГО, глядя на дѣвушекъ.

Бѣдняжки!...Ну вотъ, теперь мы одни. Кажется, я передъ ними не проболтался...вѣдь я тебя попялъ...однако жъ ты вѣрно не откажешься!... Ты такой молодецъ!

МОРИЦЪ.

И, полно, вѣдь я не дитя!

МАРЕНГО.

Тѣмъ лучше...ты изъ всего нынѣшняго набора болѣе всѣхъ мнѣ понравился...Я непремѣнно самъ поведу тебя въ огонь и познакомлю съ товарищами!...Намъ таки, братецъ, надо поспѣшить походомъ... Командиръ нашъ нуждается въ людяхъ...Кажется, имъ пришло очень жарко...

МОРИЦЪ.

Говорятъ, что такъ!

МАРЕНГО.

По этому мы не должны заставлять себя дожидаться...Сумку на плеча, направо кругомъ—да и маршъ!

МОРИЦЪ.

И мы пойдемъ прямо въ огонь?...

МАРЕНГО.

Да...нашъ отрядъ соединится съ дѣйствующимъ войскомъ...Мы выступимъ въ походъ на зарѣ...

МОРИЦЪ.

Какъ, въ эту ночь?

МАРЕНГО.

Да, въ это время итти и прохладнѣе и здоровѣе...И такъ, мой другъ, лишь только аврора розовыми своими перстами откроетъ двери востока, мы потянемся въ страну сѣвера, какъ сказалъ одинъ древній воинъ...

МОРИЦЪ.

Я буду готовъ, сержантъ!...Я пойду съ вами, не смотря на то, что оставляю здѣсь сестру, которой я былъ единственной подпорой... что разстаюсь съ бѣдной моей невѣстой, которая не имѣетъ никого въ свѣтѣ кромѣ меня...Ваша поспѣшность, по крайней мѣрѣ, избавитъ меня отъ тягостнаго прощанья...

МАРЕНГО.

Браво! Вотъ такихъ солдатъ я люблю!... Рѣшителенъ и на все готовъ!...Вѣдь я, мой дружекъ, очень понимаю, каково разлучиться съ своей любезной!... Мнѣ вотъ, напримѣръ, никогда не случалось обращаться въ такихъ нѣжныхъ дѣлахъ; я никогда не носилъ цвѣточныхъ цѣпей, какъ сказалъ одинъ древній воинъ!

Мнѣ привелось въ бояхъ кровавыхъ
Такъ ретивое закалить,
Что сила прелестей лукавыхъ
Его не можетъ побѣдить!

Я для женщинъ неприступный врагъ, да и самъ, признаться, боюсь ихъ...надъ ними и побѣда-то опасна, да и плохо награждаютъ!

Какія хочешь давай штуки,
А женщина свое возьметъ,
И ужъ кого захватитъ въ руки,
Такъ въ мигъ въ мужья произведетъ!

МОРИЦЪ.

Ахъ, г. сержантъ... хорошо вамъ... а вѣдь я люблю... да и меня любятъ, и ужъ какъ любятъ! Да нѣтъ нужды, я заплачу долгъ моему отечеству!

МАРЕНГО.

О, я увѣренъ, ты заплатишь все по возможности... Я о тебѣ не безпокоюсь, какъ сказалъ одинъ древній воинъ!.. Кстати, послушай-ка... вѣдь ты знаешь куда мы идемъ... слѣдовательно, не мѣшаетъ тебѣ запастись теплымъ, напримѣръ, фланелевой фуфайкой, шерстянымъ колпакомъ, чѣмъ нибудь для ушей... Тамъ, говорятъ, жестокіе морозы... падаетъ иней, бываютъ холодные дожди...

МОРИЦЪ.

Что жъ такое... мы будемъ отогрѣваться походами.

МАРЕНГО.

Ладно!.. *(Давая ему руку.)* И такъ на зарѣ...

МОРИЦЪ.

Тише, чтобъ кто нибудь здѣсь не узналъ!..

МАРЕНГО.

Не безпокойся! Я постучу въ это окно два раза... ты кашляпешь два раза, выйдешь

тихонько ко мнѣ, и мы отправимся... Прощай, до свиданья, кланяйся своимъ... Только смотри самъ не проболтайся... чтобъ не было и виду о нашемъ условіи, какъ сказалъ одинъ древній воинъ!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

МОРИЦЪ, одинъ.

Все кончено! Нѣтъ средства перемѣнить моей участи!.. Бѣдная сестра! Бѣдная Луиза!.. Что съ ними будетъ?.. Если я не возвращусь... если меня убьютъ!.. Это ужасно!... Но я долженъ итти!.. Отечество того требуетъ — и я заплачу ему свой долгъ...

Война отчасти мнѣ извѣстна,
Рубить и рѣзать я готовъ,
А ужъ стрѣлять могу чудесно,
Я даже стрѣливалъ волковъ!
Я вѣрно отъ враговъ не спрячусь...
Я разставанья лишь боюсь!..
По хоть съ родными и расплачусь...
А съ родиною расплачусь!..

Если бъ я могъ отправиться, не видавши ихъ... Немного времени остается... Ночь наступаетъ... Ахъ, вотъ онѣ!..

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛУИЗА, КАТЕРИНА, МОРИЦЪ.

ЛУИЗА, Катеринѣ.

Да, я сама слышала!

КАТЕРИНА.

Нѣтъ! Я не вѣрю!.. Какъ, братецъ, ты насъ хочешь обмануть?..

МОРИЦЪ, смѣшавшись.

Кто, я?

КАТЕРИНА.

Мнѣ Луиза все разсказала.

ЛУИЗА, съ трепетомъ.

Да, сударь! Стыдно вамъ... Я была подлѣ маленькаго окна на улицу, когда вашъ несносный сержантъ остановился съ какимъ то солдатомъ и сказалъ ему: «Ну, братъ, теперь все улажено... Морицъ рѣшился, идетъ съ нами...»

МОРИЦЪ, въ сторону.

Экой дуракъ!

ОНѢ.

Ну, что жъ вы молчите?..

МОРИЦЪ, запинаясь.

Я?... Нѣтъ... нѣтъ... то есть... онъ меня уговаривалъ... но я... я... нѣтъ...

КАТЕРИНА.

Ты лжешь!... Ты рѣшился уйти отъ насъ!..

МОРИЦЪ, вспыльчиво.

Ну, что жъ... ну, что жъ такое... рѣшился!.. да! рѣшился!..

(Дѣвушки бросаются другъ къ другу въ объятія и плачутъ.)

ЛУИЗА И КАТЕРИНА.

О, Боже мой, Боже мой!.. Такъ это правда!..

МОРИЦЪ.

Ну, такъ... Я это предчувствовалъ! Вотъ и крики и слезы...

КАТЕРИНА, съ принужденною твердостью.

Слезы!.. О, нѣтъ, нѣтъ... Къ чему онѣ?.. что въ нихъ пользы?.. Онъ хочетъ насъ бросить, покинуть .. пускай его!.. Онъ хочетъ драться, хочетъ, чтобъ его убили... пусть его!.. Это ему нравится... нельзя же спорить о вкусахъ!...

МОРИЦЪ.

Ты дура! Я не хочу говорить съ тобою.

КАТЕРИНА.

Благодарствуйте!.. Братцы всегда очень милы!

МОРИЦЪ.

Они должны имѣть за васъ голову.

КАТЕРИНА.

Да, да... совѣтую вамъ похвастаться головою...

МОРИЦЪ.

Сударыня!

КАТЕРИНА.

Что такое?

ЛУИЗА.

Перестаньте ссориться!..

КАТЕРИНА.

Это меня выводитъ изъ терпѣнія! *(Топая ногою.)* О! ненавистные люди! Я не знаю, за что ихъ любятъ... да нѣтъ ни одного мужчины въ свѣтѣ, который бы стоилъ нашей любви!...

ЛУИЗА, съ упрекомъ.

Катерина!

КАТЕРИНА.

Да, да, да! Нѣтъ ни одного мужчины... Можетъ быть, и есть какой нибудь выродокъ... гдѣ нибудь скрывается, но ужъ его ни за что не отыщешь!.. Да и тебѣ, Луиза, къ чему дожидаться своего жениха?.. Вѣдь онъ еще, пожалуй, возвратится не раньше какъ къ Пасхѣ или къ Троицѣ. Вотъ мылъ я и пришелъ... я опять вашъ!.. Удивительное счастье!.. Ты прекрасно сдѣлаешь, если выйдешь замужъ... найдешь другаго жениха... да я, на твоемъ мѣстѣ... я ни за что бы не стала его дожидаться... я десять разъ скорѣе бы вышла замужъ, чѣмъ одинъ!..

МОРИЦЪ, про себя, ходя по театру.

Какое надобно имѣть терпѣніе...

КАТЕРИНА.

Ступай... умори насъ отъ горести...

МОРИЦЪ, ставъ между ними.

Вы, кажется, рѣшились измучить меня... въ особенности ты, Катерина... вмѣсто того, чтобъ утѣшать... Развѣ я не самый несчастнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ?.. Я долженъ покориться закону... и покоряюсь... Я долженъ буду драться — а вы хотите умереть!.. Ну, а если я получу эполеты, если получу орденъ... возвращусь домой и не найду здѣсь никого?.. Если я буду раненъ... если я лишусь ноги или руки... Кто будетъ имѣть обо мнѣ попеченіе, кто будетъ моею поддержкою?.. Я долженъ буду также умереть здѣсь, у этихъ дверей, отъ скорби и отчаянія!

КАТЕРИНА, бросаясь въ его объятія.

О, братецъ! братецъ!..

ЛУИЗА, такъ же.

Морицъ!

КАТЕРИНА.

Я виновата... Я не знаю, что говорю... Прости меня... прости!.. Но нѣтъ, ты не уйдешь, отъ насъ... ты не оставишь насъ... не правда ли, ты не уйдешь?..

ЛУИЗА, плачетъ.

Но какъ это сдѣлать?..

КАТЕРИНА.

Какъ сдѣлать?.. Какъ сдѣлать?.. Я ничего не знаю... Вмѣсто того, чѣмъ плакать-то... *(Плачетъ сама.)* Послушай Луиза, будь разсудительнѣе... Знаешь ли, пойдемъ, бросимся къ ногамъ префекта, генерала, мера... побѣжимъ просить всѣхъ... *(Морицу.)* Ты имъ скажи: «Ваше превосходительство! Извольте видѣть, я не хочу итти... Я нехочу, чтобъ меня убили... Я человѣкъ храбрый, но у меня есть жена, сестра... Онѣ бросятся въ воду, если я уйду... Бейте меня, засадите меня въ тюрьму, только незаставляйте меня итти»... Вотъ какъ говорятъ, когда есть голова и сердце!..

МОРИЦЪ.

А что скажетъ полковникъ?..

КАТЕРИНА.

Онъ тотчасъ же тебя уволитъ,
Домой тебѣ велитъ итти...

МОРИЦЪ, иронически.

О, да тебя, дружокъ мой, стоитъ
Въ полковники произвести!

КАТЕРИНА.

Когда бъ полкомъ я управляла
Я поступала бъ молодцомъ!..

МОРИЦЪ, такъ же.

И ужъ враговъ бы побѣждала
Безъ войска — собственнымъ лицомъ!..

Нѣтъ, сестра, полковникъ этого не сдѣлаетъ... А если и уволитъ меня, такъ съ тѣмъ, чтобъ я представилъ вмѣсто себя кого нибудь другаго!..

КАТЕРИНА.

Другаго?

ЛУИЗА.

О, какъ бы я благословляла того человѣка, который бы заступилъ твое мѣсто!..

КАТЕРИНА.

А я, какъ бы я его любила! О, если бъ нашелся такой человѣкъ... такой добрый другъ... я отдала бы ему все, что имѣю... мои чепчики... мои ленты... мои серьги... и даже этотъ золотой крестикъ, въ которомъ хранятся волосы моего бѣднаго отца!..

МОРИЦЪ.

Ты настоящее дитя!.. Эти пожертвованія ничего не значатъ...

КАТЕРИНА, съ восторгомъ.

Можетъ быть, я и найду кого нибудь... я надѣюсь... И тогда я даже соглашусь... Я ему скажу: Посмотрите, вѣдь я очень не дурна, немножко глупа... немножко вѣтрена... но у меня доброе сердце.. оно принадлежать будетъ вамъ, если вы спасете мнѣ брата!.. Да, я клянусь предъ этимъ крестикомъ, предъ волосами моего отца... если вы замѣните Морица... тогда, повозвращеніи вашемъ, я буду вашей женою... буду васъ любить... буду любить однихъ только васъ!..

МОРИЦЪ, съ умиленіемъ.

Бѣдная сестра!.. Ты думаешь... *(Подходя къ двери направо, гдѣ слышится шумъ.)* Что это значитъ?

ЛУИЗА.

Что такое?..

МОРИЦЪ.

Мнѣ послышалось... Развѣ есть кто нибудь въ чуланѣ?..

КАТЕРИНА.

Ахъ! я и забыла!.. Тамъ какой-то бѣднякъ... онъ вѣрно соскучился безъ ужина... Я обѣщала его позвать!..

МОРИЦЪ.

Пора бы объ этомъ и подумать!.. Вѣдь ужъ два часа почи...

КАТЕРИНА.

До того ли мнѣ было?.. *(Вытирая глаза.)* Я думаю, мои кролики совсѣмъ сгорѣли... *(Отворяетъ дверь направо.)* Войди сюда, добрый человѣкъ!.. Что это?..

МОРИЦЪ.

Что, онъ спитъ?..

КАТЕРИНА.

Да тамъ его нѣтъ!..

ЛУИЗА.

Какъ?..

КАТЕРИНА.

Окно на улицу отворено...

МОРИЦЪ.

Стало быть, онъ ушелъ!

КАТЕРИНА.

И не расплатился съ нами!..

ЛУИЗА.

Ну, если это былъ воръ?..

МОРИЦЪ, смѣясь.

Такъ онъ очень обманулся; тамъ ничего нѣтъ кромѣ соломы и сѣна... Вѣрно онъ соскучился дожидаться и отправился искать ужина въ другомъ мѣстѣ!.. Время и намъ... давайте-ка поскорѣе ужинать, а тамъ и на покой... *(Въ сторону.)* Боюсь, чтобъ сержантъ... *(Съ безпокойствомъ посматриваетъ на окно.)*

КАТЕРИНА.

Но мы еще не рѣшили, что намъ предпринять...

МОРИЦЪ.

О, у насъ есть еще много времени объ этомъ поговорить... Я раньше не уйду, какъ дней черезъ восемь.

ЛУИЗА.

Черезъ восемь дней!..

КАТЕРИНА, съ радостью.

Черезъ восемь дней!.. О, да мы въ это время придумаемъ тысячу средствъ.

МОРИЦЪ.

Конечно, придумаемъ!.. Но давай ужинать-то!

КАТЕРИНА.

Сейчасъ, сейчасъ, милый братецъ!.. *(Обнимая его.)* Добрый Морицъ!.. Такъ еще восемь дней!.. *(Хлопая его по щекѣ.)* Ахъ! какой ты миленькій!.. Какъ я тебя люблю!.. Посмотри на него, Луиза! — *(Бросается ему на шею.)*

ЛУИЗА.

Ахъ, Катерина!

КАТЕРИНА.

Не дуры-ли мы?.. Горюемъ, плачемъ... а онъ еще пробудетъ здѣсь восемь дней!..

МОРИЦЪ, топая ногою.

Да что жъ ужинать-то?..

КАТЕРИНА.

Иду, иду... сейчасъ принесу вамъ жаренаго зайца!..

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

ЛУИЗА.

Ахъ, какъ я счастлива! Какъ я довольна!... Восемь дней!..

МОРИЦЪ, въ сторону.

Она раздираетъ мое сердце... *(Луизѣ.)* Послушай, милая Луиза...

ЛУИЗА, замѣтя его смущеніе.

Что съ тобой сдѣлалось?

МОРИЦЪ.

Катерина совершенный ребенокъ... Въ тебѣ болѣе твердости, болѣе мужества...

ЛУИЗА, со страхомъ.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Ты ошибаешься, увѣряю тебя...

МОРИЦЪ.

На тебя гляжу уже я, какъ на жену, и тебѣ только одной могу повѣрить мою тайну...

ЛУИЗА, съ трепетомъ.

Боже мой!.. Ты меня пугаешь!

МОРИЦЪ, понизивъ голосъ.

Я васъ обманулъ...я отправляюсь въ эту ночь.

ЛУИЗА.

Въ эту ночь!..

МОРИЦЪ.

Тише!.. Я боюсь, чтобъ Катерина не услышала? Ее должно обманывать... а не то, она надѣлаетъ какихъ нибудь глупостей... Но ты... ты, моя добрая Луиза... развѣ я могу разстаться съ тобою, не прижавъ тебя къ моему сердцу... не сказавъ тебѣ, какъ я тебя люблю?

ЛУИЗА, кинулась къ нему.

О, Боже мой! Боже мой!..

МОРИЦЪ, поддерживая ее.

Успокойся, будь тверда,.. несчастіе это неизбѣжно... когда меня здѣсь не будетъ, утѣшай Катерину...

ЛУИЗА.

А меня... кто меня будетъ утѣшать?

МОРИЦЪ.

Переѣзжайте вмѣстѣ жить въ новую мою ферму... Вы отъ нее будете имѣть порядочный доходъ... Жерве, мой работникъ, будетъ за всѣмъ у васъ наблюдать... Онъ малый честный... Вы можете на него положиться; а тамъ... тамъ и я возвращусь... Я возвращусь скоро, увѣряю тебя, скоро... Тсъ!.. Катерина!...

ЛУИЗА, въ сторону.

Ахъ! Я едва дышу...

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, КАТЕРИНА, съ блюдомъ, которое ставитъ на столъ.

КАТЕРИНА.

Ну, садитесь, садитесь!.. Луиза помоги мнѣ!..

МОРИЦЪ, беретъ столъ и подвигаетъ его.

Постой, я помогу...

КАТЕРИНА.

А стулья?

МОРИЦЪ.

Вотъ и стулья!..

КАТЕРИНА.

Ты садись между нами... вотъ сюда... Луиза, да ступай, садись...

ЛУИЗА, горестно, садясь за столъ.

Я вовсе не хочу ужинать!

КАТЕРИНА, весело, сѣвъ за столъ.

Что это значитъ?... И ужинать не хочешь? Да полно хмуриться... пора улыбнуться... Покуда я ходила за кроликами, мнѣ пришла въ голову удивительная мысль!

МОРИЦЪ, стараясь принять веселый видъ.

Что жъ это за удивительная мысль?..

КАТЕРИНА, съ торжествующимъ видомъ.

Это мой секретъ!.. Я надѣюсь отъ него большаго успѣха... Вотъ вы увидите... мнѣ только нужно на это три дня...

ЛУИЗА, вздыхая.

Три дня...

КАТЕРИНА, наливая ей пить.

Пей, Луиза!

ЛУИЗА.

Я не хочу пить.

КАТЕРИНА, передразнивая ее.

Я не хочу ужинать... Я не хочу пить!.. Ты ужъ слишкомъ что-то жеманна... ты такъ теперь довольна, что ничего даже не хочешь... *(Слышенъ стукъ въ окошко; Катерина оборачивается)* Что это?.. Кто тамъ стучится?..

ЛУИЗА, въ сторону.

Боже мой!.. Неужели?

МОРИЦЪ, въ сторону.

Это вѣрно сержантъ!.. *(Въ слухъ, вставая)* Не безпокойтесь... я пойду посмотрю... *(Про себя)* Если бъ я могъ уйти тихонько...

ЛУИЗА.

О, Боже мой!...

КАТЕРИНА.

Что съ тобой, Луиза? Ты блѣднѣешь...

ЛУИЗА, съ крикомъ.

Не пускай его, не пускай!...

КАТЕРИНА.

Что это значитъ?

ЛУИЗА.

Опъ насъ обманулъ... за нимъ пришли... опъ сію минуту уйдетъ!..

КАТЕРИНА, съ крикомъ.

Уйдетъ!

МОРИЦЪ, идя къ дверямъ.

Успокойтесь!

КАТЕРИНА, съ бѣшенствомъ.

Нѣтъ! Этого не будетъ... нѣтъ!... никогда!.. Пускай за нимъ приходятъ — пускай его ищутъ!.. Я смѣюсь надъ сержантомъ, надъ префектомъ... и надъ цѣлымъ свѣтомъ.

(Онѣ схватываютъ объ Морица, который старается отъ нихъ освободиться; дверь отворяется.)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

МАРЕНГО, КАТЕРИНА, МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

МАРЕНГО, въ сумкѣ и съ ружьемъ.

Здравія желаю честной компаніи! *(Морицу.)* Ну, что товарищъ... вѣдь разсвѣтаетъ...

КАТЕРИНА.

Что вамъ угодно?.. Вы намъ здѣсь вовсе не нужны!.. Извольте-ка, направо кругомъ... да скорымъ шагомъ...

МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

Катерина!

МАРЕНГО, Катеринѣ, улыбаясь.

Слушаю, господинъ офицеръ... но прежде чѣмъ мы отправимся въ путь, позвольте мнѣ вручить Морицу... этотъ приказъ.

(Хочетъ отдать ему бумагу.)

КАТЕРИНА, хочетъ вырвать.

Я его раздеру.

МАРЕНГО, останавливая ея, отдаетъ бумагу Морицу.

Смирно!.. Не шалите, сударыня!.. Не разсердитесь опять... вѣдь это его увольненіе.

ВСѢ.

Увольненіе!..

КАТЕРИНА.

Можетъ ли это быть?

ЛУИЗА.

Неужели?

МОРИЦЪ, пробѣжавъ бумагу.

Такъ точно... мое увольненіе!.. Я свободенъ!.. Что это значитъ?

МАРЕНГО.

Это значитъ, что ты остаешься въ своемъ родимомъ гнѣздышкѣ.

КАТЕРИНА, внѣ себя.

Братецъ!

ЛУИЗА, такъ же.

Морицъ!

КАТЕРИНА.

Я съ ума сойду отъ радости!.. Какъ, г. сержантъ, эта бумага!.. *(Цѣлуя ее.)* О, какъ вы добры! Какъ вы милы!...

МАРЕНГО, улыбаясь.

Ага! Теперь, небось, и добръ и милъ!

КАТЕРИНА, бросаясь ему на шею.

Я хочу васъ непремѣнно обнять...

МАРЕНГО.

Не безпокойтесь...

ЛУИЗА, бросаясь ему на шею съ другой стороны.

И я такъ же хочу...

МАРЕНГО.

Смотрите-ка... да опѣ меня штурмуютъ!...

МОРИЦЪ.

Скорѣй, Катерина... бутылку вина... Сержантъ выпьетъ съ нами...

МАРЕНГО.

Не худо, товарищъ... при случаѣ не отказываемся...

КАТЕРИНА.

Сейчасъ!... сейчасъ!...

Я рада вамъ теперь отдать
Всѣ вина ..

МОРИЦЪ.

Ну, ступай скорѣе!
Да лучшаго изволь подать!

МАРЕНГО.

То есть, покрѣпче, посильнѣе.

(Катерина уходитъ.)

Я чару осушу до дна
Охотно за твою свободу —
А силой крѣпкаго вина
И силу подкрѣплю къ походу! —

(Садится съ Морицомъ за столъ и ѣстъ почти въ продолженіе всей сцены.)

Давай пить! Теперь, когда ты счастливъ, я съ удовольствіемъ раздѣлю твою радость... (*Улыбаясь.*) Это впрочемъ не моя мысль... это сказалъ одинъ древній воинъ!

МОРИЦЪ, Луизѣ.

Я еще не смѣю вѣрить... какъ будто вижу все во снѣ... О, Луиза! Теперь я тебя не оставлю.

МАРЕНГО.

Я думаю, любезный другъ, ты не будешь за то сердиться, не смотря на свой воинской духъ... Да тебѣ и не кстати разставаться съ такой хорошенькой невѣстой. (*Луиза опускаетъ глаза.*) Не стыдитесь, моя прелесть... У солдата что на умѣ, то и на языкѣ. —

(Катерина возвращается съ двумя бутылками и ставитъ ихъ на столъ.)

МОРИЦЪ, наливая.

Но разскажите намъ, пожалуй-ста, какимъ образомъ это случилось, что я получилъ увольненіе?... Я, право, ничего еще не понимаю.

МАРЕНГО.

Изволь, да только я позабылъ ужъ половину.

МОРИЦЪ, чокаясь стаканами.

За ваше здоровье!

МАРЕНГО.

И за твое! И за счастіе пащихъ дамъ! (*Вынимая бумагу изъ кармана.*) Тебѣ конечно извѣстно, что у тебя есть сестра, дѣвица Катерина Пилуа?

КАТЕРИНА, кланяясь по военному.

Имѣю честь представиться!

МАРЕНГО.

Браво! Вытянись прямѣе, правую руку къ чепцу!.. Такъ, хорошо... люблю проказницъ! Ну, г. капралъ... на, вотъ, возьми-ка этотъ приказъ!... (*Отдаетъ Катеринѣ письмо.*)

КАТЕРИНА, взявъ письмо и распечатывая его.

Письмо! Ко мнѣ?

МАРЕНГО.

Персонально!..

КАТЕРИНА.

Я еще ни отъ кого не получала писемъ.

МОРИЦЪ, между тѣмъ какъ она читаетъ.

Кто бы это къ ней писалъ? — Кто намъ далъ это письмо, г. сержантъ?

МАРЕНГО.

Человѣкъ, котораго однако жъ я вовсе не знаю

МОРИЦЪ.

И пишетъ къ сестрѣ? (*Видя ея движеніе.*) Ну, Катерина?.. Катерина!... Что съ тобою?

КАТЕРИНА, послѣ краткаго молчанія.

Ничего!.. Ничего!.. Это странно!.. Послѣ того, что я говорила... онъ правъ... мнѣ все равно!..

МОРИЦЪ, скоро.

Но мнѣ не все равно... я хочу знать...

(Вырываетъ у нея письмо.)

МАРЕНГО, шепчетъ.

Справедливо! Братъ долженъ быть другомъ... какъ сказалъ одинъ древній... только не воинъ, а какой-то извѣстный писака!...

ЛУИЗА, подходя къ Морицу.

Что это за письмо?

МОРИЦЪ, читаетъ.

«Сударыня!»

«Вы меня не знаете, но я васъ видѣлъ сегодня въ то время, какъ вы съ тоскою говорили о разлукѣ съ вашимъ братомъ!.. Я былъ у васъ, близь васъ!. .»

ЛУИЗА, показывая направо на дверь.

Какъ, неужели этотъ путешественникъ...

КАТЕРИНА.

Онъ насъ подслушалъ!

МОРИЦЪ.

Вѣрно что такъ! (*Продолжаетъ читать.*)

«Я отправляюсь безъ всякихъ условій... Я заступаю мѣсто вашего брата!. Онъ вамъ нуженъ, но я не нуженъ никому; у меня нѣтъ ни семейства, ни друзей...я полюбилъ васъ съ той минуты, когда увидѣлъ ваши слезы;— отдайте сержанту, для доставленія мнѣ, вашъ золотой крестикъ, въ которомъ, какъ вы говорили, хранятся волосы вашего отца, и надъ которыми вы дали клятву...ожидайте меня два года, и если меня не убьютъ, тогда я самъ возвращу вамъ его.»

МАРЕНГО.

Да, если не убьютъ... этого нельзя требовать.

МОРИЦЪ, оканчивая.

«Прощайте!...помните вашу клятву!» (*про себя*) Имени нѣтъ и безъ подписи!...

ЛУИЗА

Вотъ честной-то человѣкъ.

МОРИЦЪ, сержанту.

И вы не знаете кто онъ такой?

МАРЕНГО.

Вовсе не знаю!...

МОРИЦЪ, Катринѣ.

И ты его не видала.

КАТЕРИНА.

Не видала!

МОРИЦЪ.

Это непонятно!... Незнакомый человѣкъ употребляетъ во зло сказанное невзначай слово...и осмѣливается требовать...

КАТЕРИНА.

Что жъ, я не отпираюсь!... Честнымъ людямъ довольно одного слова... не правда ли, г. сержантъ? —

МАРЕНГО.

Да, слову честному, бывало,
Безспорно вѣрилъ бѣлый свѣтъ,
Но ужъ оно пообвѣтшало
И честнаго почти въ немъ нѣтъ.
Оно такъ сдѣлалось извѣстнымъ,
И сдешевѣло до того,
Что ужъ никто и людямъ честнымъ
Не дастъ копѣйки за него!...

Это не моя мысль, это одного древняго воина.

МОРИЦЪ, твердо.

Нѣтъ! нѣтъ! Я не могу согласиться на такія условія...Я не хочу увольненія; я иду съ вами, сержантъ.

КАТЕРИНА.

Какъ?

ЛУИЗА, со страхомъ.

Что съ нимъ сдѣлалось?...

МОРИЦЪ.

Бѣдная сестра... обязать тебя на такое пожертвованіе... купить мою свободу, мое счастіе—цѣною, которая покроетъ меня стыдомъ и отчаяніемъ... нѣтъ!... Я иду...

КАТЕРИНА, удерживая его, скоро.

А если я хочу...если онъ мнѣ нравится...

МОРИЦЪ.

Но ты его не знаешь?...

КАТЕРИНА.

Нужды нѣтъ!... Я можетъ быть, потому и рѣшаюсь!... Это такъ необыкновенно...а женщины все любятъ необыкновенное...Да! И послѣ того что онъ сдѣлалъ...О, это такая рѣдкость...онъ долженъ быть непремѣнно честнымъ человѣкомъ.

ЛУИЗА.

Да, пречестнѣйшій человѣкъ!

КАТЕРИНА.

Онъ въ свѣтѣ одинокъ... несчастливъ... Кто знаетъ?... Можетъ быть, во мнѣ есть желаніе его любить...Можетъ быть, ужъ я его люблю..

МОРИЦЪ.

Да... можетъ быть...

КАТЕРИНА.

Если ты еще хоть слово скажешь, я сойду съ ума... *(Послѣ молчанія и смотря на сержанта со стороны)* Однако, мнѣ хотѣлось бы знать,.конечно, это глупость... пусть онъ будетъ даже безобразенъ...только бы имѣлъ добрую душу... *(Въ сторону)* Но все таки съ одной доброй душой не очень-то пріятно *(Приближаясь къ сержанту и подольщаясь къ нему)*. Скажите, пожалуйста, сержантъ...

МАРЕНГО.

Гм!..

КАТЕРИНА.

Вы его видѣли...

МАРЕНГО.

Какъ же, видѣлъ!

КАТЕРИНА.

Онъ молодъ?

МАРЕНГО.

Я думаю... вѣдь онъ рекрутъ...

КАТЕРИНА.

Да, правда!.. хорошъ собою?..

МАРЕНГО.

А?..

КАТЕРИНА.

Бѣлокурый, или черноволосый?...

МАРЕНГО.

Не знаю!...

КАТЕРИНА.

Впрочемъ все равно...

МАРЕНГО.

Да вѣдь я видѣлъ его ночью... а ночью всѣ одинаковы, какъ сказалъ одинъ древній воинъ!

КАТЕРИНА, скоро.

Я думаю, онъ не горбатъ и нехромоногъ...

МАРЕНГО.

Хромоногъ!... Что вы это?... развѣ армія наша набираетъ рекрутъ на такой ногъ?...

КАТЕРИНА, снимая крестикъ.

Такъ снесите же ему мой крестикъ съ моею клятвой...скажите ему, что съ этой минуты я принадлежу ему...я его жена...и никогда никому другому принадлежать не буду! Что всякой день я буду молить Бога, чтобъ Онъ сохранилъ мнѣ его!..Не оставляйте его, сержантъ...возвратитесь съ нимъ вмѣстѣ сюда и скажите тогда мнѣ: «вотъ онъ!... онъ тебя достоинъ...онъ началъ свое дѣло какъ честный человѣкъ и кончилъ его, какъ храбрый солдатъ!»

МАРЕНГО.

Фу, чортъ возьми!..

МОРИЦЪ.

Нѣтъ, я не позволю...

КАТЕРИНА, съ гордостію.

Я теперь невѣста, и обручальный залогъ мой въ рукахъ гвардейскаго солдата!

ЛУИЗА И МОРИЦЪ.

Катерина!

КАТЕРИНА, утопая въ слезахъ, бросается въ ихъ объятія.

Братецъ!

МАРЕНГО, утирая слезы.

Чортъ возьми!... Такихъ чудесъ давно со мною не случалось.. Это чортъ, а не женщина!...За нее, право, не грѣхъ убить себя...для того только, чтобъ послѣ на ней жениться.

(Слышенъ въ отдаленіи барабанный бой.)

ВСѢ.

Что это?

МАРЕНГО.

Сигналъ къ походу!.. Сейчасъ мы отправляемся въ дорогу.

КАТЕРИНА.

О, Боже, онъ уйдетъ...

МОРИЦЪ, хочетъ итти.

Уйдетъ! а я...

ЛУИЗА, удерживая его.

Морицъ, останься!..

КАТЕРИНА.

И я его не увижу, я его не узнаю... *(Сержанту въ полголоса и улыбаясь)*. Мнѣ бы только хотѣлось знать...

МАРЕНГО.

Хорошъ-ли онъ?

КАТЕРИНА.

Нѣтъ... но... вѣдь онъ почти мой мужъ.

МАРЕНГО.

Понимаю!... Ну, да еще можно устроить вамъ свиданіе, чтобъ, знаете, вдакъ послѣ могли вы его узнать. *(Понижая голосъ.)* Послушайте, теперь нельзя будетъ оставить ряды... но они будутъ проходить мимо васъ... *(Показываетъ въ глубину театра.)* Будьте у окна, не трогайтесь съ мѣста, и смотрите хорошенько...я устрою такъ, чтобъ онъ былъ четвертымъ.

КАТЕРИНА.

Я его увижу!...

(Барабанный бой слышится снова и акомпанируетъ слѣдующему финалу.)

МАРЕНГО.

Чу! насъ къ походу призываетъ
Сигнальный барабана бой!

ВСѢ.

Судьба $\frac{\text{насъ}}{\text{васъ}}$ съ другомъ разлучаетъ
Онъ жертвуетъ для $\frac{\text{насъ}}{\text{васъ}}$ собой!

МОРИЦЪ, съ усиліемъ.

Нѣтъ, я исполню долгъ священный,
Не онъ пойдетъ, не онъ—а я!..

ЛУИЗА, его удерживая.

О, Морицъ! о, мой другъ безцѣнный!
Останься, пожалѣй меня!

ВСѢ.

Судьба $\frac{\text{насъ}}{\text{васъ}}$ съ другомъ разлучаетъ,
$\frac{\text{Они}}{\text{Но мы}}$ здѣсь $\frac{\text{будутъ}}{\text{будемъ}}$ проходить —
И сердце въ мигъ того узнаетъ
Кто могъ $\frac{\text{насъ}}{\text{васъ}}$ счастьемъ надѣлить!

(Барабанный бой слышенъ ближе, Маренго пожимаетъ имъ руки и удаляется, дѣлая знаки Катеринѣ. Двери и окна въ глубинѣ театра остаются отворенными.)

МОРИЦЪ, КАТЕРИНА, ЛУИЗА, прислушиваясь.

Они сюда ужъ подступаютъ,
Они къ побѣдамъ поспѣшаютъ!...
Ихъ тамъ друзья и слава ждетъ!

ХОРЪ, приближаясь.

Идемъ, идемъ! насъ слава ждетъ!
Впередъ, товарищи, впередъ!
Насъ ждутъ друзья, насъ слава ждетъ!...

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, МАРЕНГО, позади окопъ, впереди рекрутскаго отряда. Молодые крестьяне предшествуютъ барабанщику и нѣкоторые всходятъ на горы. Музыка оканчивается тихо въ продолженіе слѣдующаго разговора,

МОРИЦЪ.

Они подходятъ.

КАТЕРИНА.

Вотъ они!

МОРИЦЪ.

А я не могу ему подать и руки.

ЛУИЗА.

И благословить его!

КАТЕРИНА, радостно.

Тсъ!... Мы его увидимъ... онъ четвертый!...

МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

Четвертый?

КАТЕРИНА.

Постойте!... *(Считаетъ рекрутъ, покуда они проходятъ.)* Разъ! два! три! четыре!... Вотъ онъ!... Ахъ, Боже мой! шапка закрываетъ его лицо; невозможно разсмотрѣть... Онъ останавливается... мой крестикъ у него въ рукахъ... онъ показываетъ мнѣ его... отворачивается... Ахъ, Боже мой!... Я не могу разсмотрѣть его! *(Хочетъ къ нему броситься, силы ея оставляютъ; она падаетъ на окно, поддерживаемая братомъ и Луизою.)*

МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

Катерина!

КАТЕРИНА, почти на колѣняхъ, простирая руки къ незнакомцу.

Прощай!... Прощай!..

ХОРЪ, повторяетъ, удаляясь.

Впередъ, товарищи, впередъ!
Насъ ждутъ друзья, насъ слава ждетъ! и проч.

(Рекруты скрываются.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОСТОЯЛСТВО.

Театръ представляетъ внутренность двора красивой фермы; главное строеніе ея на правой сторонѣ. Въ глубинѣ театра рѣка и мельница; направо павильонъ, принадлежащій къ фермѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛУИЗА, УБЕРТЪ, КРЕСТЬЯНЕ, ДѢВУШКИ И МАЛЬЧИКИ Фермскіе.

(При поднятіи занавѣса, Луиза сидитъ за маленькимъ столикомъ и записываетъ въ реестръ получаемыя деньги.)

ХОРЪ.

Мы всѣ изъ города сейчасъ,
Продать успѣли весь запасъ...
Извольте же насъ расчитать
И деньги въ книгу записать!

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА, отдавая деньги Лунзѣ.

Я яблоки у васъ брала:
Полсотни мигомъ продала...

МОЛОДОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ, такъ же.

Два воза сѣна продалъ я..

УБЕРТЪ.

Вотъ за солому вамъ съ меня...
Я двадцать су вамъ задолжалъ:
Съ кумой на завтракъ издержалъ...

ХОРЪ.

Мы всѣ изъ города сейчасъ, и проч.

(Луиза, вставая, отдаетъ реестръ дѣвушкѣ, которая его уноситъ.)

ЛУИЗА.

Друзья мои, я съ вами разочтусь послѣ.

УБЕРТЪ.

Хорошо, сударыня, хорошо!..

ЛУИЗА, крестьянамъ.

Что слышно новаго?.. Что армія подѣлываетъ?

УБЕРТЪ.

Поговариваютъ, сударыня, что ей плохо приходитъ... Бѣда, если это правда, вѣдь тамъ нашъ хозяинъ, г. Морицъ...

ЛУИЗА, вздыхая.

Къ несчастію!.. Мы не могли его удержать... онъ оставилъ насъ...

УБЕРТЪ.

И въ какое время еще оставилъ, когда жена готова была подарить его наслѣдникомъ.

ЛУИЗА, смотря на сторону дома.

Бѣдняжка! Онъ не видалъ еще своего отца.

УБЕРТЪ.

Чудесный мальчикъ! Какъ грибъ ростетъ... Да не имѣете ли вы, сударыня, извѣстія отъ г. Морица?

ЛУИЗА.

Никакого, вотъ уже третій мѣсяцъ. Увѣряютъ, однако жъ, что сообщенія теперь возстановились.

КАТЕРИНА, за кулисами.

Луиза!.. Луиза!..

ЛУИЗА.

А! вотъ и Катерина! Она всякое утро ходитъ на почту и все попапрасну...

УБЕРТЪ

У нея въ рукахъ какая-то бумага...

КАТЕРИНА, за кулисами

Письмо! письмо!...

ЛУИЗА.

Письмо!...

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛУИЗА, КАТЕРИНА, запыхавшись, УБЕРТЪ и прочіе.

КАТЕРИНА.

Письмо!... Письмо!...

ЛУИЗА, подбѣгая къ ней.

Отъ Морица?

КАТЕРИНА.

Да, отъ Морица! Я узнала по почерку!

ЛУИЗА.

Дай же поскорѣе...

КАТЕРИНА, удерживая ее.

Постой!.. Я сама прочту!..

ЛУИЗА.

Такъ читай же.

КАТЕРИНА, вздыхая.

Ахъ, минуточку!.. Я такъ долго бѣжала... Уфъ!.. Устала! (*Крестьянамъ и крестьянкамъ.*)—Слушайте всѣ.

УБЕРТЪ.

Тише, дѣвицы!..

(Всѣ окружаютъ Катерину и Лунзу.)

КАТЕРИНА, читаетъ.

»Фонтенебло! 11-го апрѣля!..« (*Останавливаясь.*) Вотъ ужъ три недѣли, какъ послано это письмо!.. Какъ долго шло!.. (*Читаетъ.*) «Безцѣнная Луиза и безцѣнная сестра! Все кончено! Мы отправляемся по домамъ...»

ЛУИЗА, съ радостію.

Онъ возвратится!..

КАТЕРИНА, читаетъ.

«Я пущусь въ дорогу пыпѣшнимъ вечеромъ...»

ЛУИЗА.

Ужъ двадцать дней, какъ онъ въ дорогѣ!.. Онъ бы долженъ быть ужъ здѣсь?..

КАТЕРИНА.

Постой!... (*Оканчиваетъ чтеніе.*) «Мы пойдемъ довольно тихо, потому что нашъ поручикъ еще слабъ послѣ послѣдней раны... онъ отправляется нѣсколькими милями дальше меня... Храбрый и достойный человѣкъ. Въ продолженіе нашей короткой кампаніи, онъ очень со мною подружился и оказалъ мнѣ не одну услугу... Мнѣ бы очень хотѣлось удержать его у насъ на нѣсколько времени; но онъ такой чудакъ... такой дикарь... чуждается свѣта, ни съ кѣмъ почти не говоритъ... но за то лихо работаетъ саблею...» (*Останавливаясь, съ пропѣю*) Преинтересная особа!... (*Читаетъ*). «У него должна быть какая нибудь печаль на сердцѣ!... Я надѣюсь, что Катерина его развеселитъ...» (*Прерывая чтеніе.*) О это не трудно!... (*Читаетъ.*) «Въ Кимперѣ мы сядемъ въ дилижансъ... и остановимся у Зеленаго Креста... Пришлите кого нибудь взять нашу поклажу... Я надѣюсь непремѣнно обнять васъ черезъ три недѣли въ среду утромъ!»

ЛУИЗА.

Въ среду... Это сегодня!...

КАТЕРИНА, читая скоро.

«Прощай!... прижимаю васъ обѣихъ къ моему сердцу!... Поцѣлуйте за меня моего крошку!

Морицъ, егерь старой гвардіи.»

ЛУИЗА.

Можетъ быть, онъ ужъ пріѣхалъ!...

КАТЕРИНА, отдавая письмо Луизѣ.

Надобно поскорѣе кого нибудь послать.

ЛУИЗА.

Да вотъ Убертъ!...

УБЕРТЪ.

Бѣгу, суларыня, бѣгу!... Добрый Морицъ!.. (*Убѣгаетъ.*)

ЛУИЗА, крестьянамъ и крестьянамъ.

А вы, мои друзья... приготовьте комнаты, постелите постели... перемѣните бѣлье... Ступайте же скорѣе!...

(Крестьяне и крестьянки уходятъ, одни въ ферму, другіе въ павильонъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

КАТЕРИНА, ЛУИЗА.

ЛУИЗА, перечитывая письмо.

Я не могу и встрѣтить его! Мнѣ должно остаться съ ребенкомъ.

КАТЕРИНА.

Ему надобно дать каши да обмыть рожицу... вѣдь папа будетъ его цѣловать... (*Съ неудовольствіемъ.*) Зачѣмъ братъ тащитъ къ намъ своего поручика!... Онъ, право, только помѣшаетъ намъ... какой нибудь старый воркунъ, съ сѣлыми усами.

Луиза, пробѣжавъ письмо.

Какая же ты вѣтренница! Развѣ такъ читаютъ... Вѣдь тутъ еще кое что есть.

Катерина.

Неужели?

Луиза.

Да, и для тебя весьма интересное... (*Читаетъ.*) «Я вездѣ освѣдомлялся объ этомъ бѣднякѣ, который пошелъ за меня въ рекруты и о сержантѣ Маренго, который одинъ только могъ бы дать мнѣ о немъ извѣстіе... но наконецъ потерялъ надежду... должно полагать, что ихъ отрядъ весь истребленъ..

Катерина.

Неужели онъ умеръ?...

Луиза.

А мы почти никогда о немъ не говорили, тогда какъ многимъ ему обязаны.

Катерина.

Да, тебѣ конечно было нѣкогда... ты была такъ счастлива... а я... да не проходило ни одного дня, чтобъ я его не вспоминала...

Повѣрь, я долга своего
И клятвъ своихъ не забываю;
Я искренно люблю его,
Хотя совсѣмъ его не знаю.
Желала бъ только одного,
Чтобъ насъ судьба соединила —
И что бъ вполнѣ узнавъ его
Я чувствъ своихъ не измѣнила!

Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ онъ умеръ.

Луиза.

А я такъ сомнѣваюсь... вѣдь ужъ прошло два года, а мы не получали отъ него никакого извѣстія.

Катерина, горестно.

Неужели не суждено мнѣ его видѣть?.. Я даже не имѣю понятія о его наружности...

Луиза.

И прекрасно!... Если бъ ты еще видѣла, что онъ хорошъ собой... такъ не такъ бы теперь горевала...

Катерина.

Я и безъ этого сожалѣю о немъ... мнѣ все равно... наружность бы меня не прельстила... да ужъ вѣрно онъ не былъ хорошъ...

Луиза.

Почему это?

Катерина.

Потому что онъ не скрывался бы такъ отъ насъ въ день своего отъѣзда... съ хорошей наружностью люди не прячутся!.. Но все таки я ему останусь вѣрною!

Луиза.

Погоди! Явится какой нибудь молодчикъ съ быстрыми глазами...

Катерина.

Нѣтъ! нѣтъ!... Я не могу вообразить себѣ, чтобъ онъ умеръ!.. Теперь очень много плѣнныхъ... вотъ ты увидишь... онъ возвратится, я предчувствую...

Луиза, съ ироніею.

Ужъ твои предчувствія! Ты предсказывала тоже, что братъ твой вынетъ счастливый номеръ...

Катерина.

Да вѣдь онъ тогда съ нами остался... онъ не убитъ.... и въ доказательство... (*Прислушиваясь.*) въ доказательство... Что я слышу?.. Это онъ! Это онъ!..

Луиза.

Морицъ!

Катерина.

Какъ онъ скоро бѣжитъ!..

Морицъ, вбѣгая.

Луиза! Катерина!

Обѣ.

Морицъ! Другъ мой!..

(Бросаются къ нему въ объятія.)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Морицъ и Карлъ буде.

Оба въ дорожныхъ платьяхъ, въ которыхъ видны только нѣкоторые военныя принадлежности. Убертъ, крестьяне и крестьянки несутъ чемоданы, сабли и другія вооруженія, которыя тотчасъ же уносятъ въ павильонъ.

Вмѣстѣ.

Морицъ.

О, какое наслажденье,
Послѣ битвы роковой, —
Послѣ тяжкаго сомнѣнья,
Возвратиться въ край родной.

Катерина и Луиза.

О, какое наслажденье,
Послѣ битвы роковой,
Послѣ тяжкаго сомнѣнья,
Быть опять, мой другъ, съ тобой!

Карлъ, крестьянки и крестьяне.

О, какое наслажденье,
Послѣ битвы роковой,
Послѣ тяжкаго сомнѣнья,
Быть опять въ семьѣ родной!...

ЛУИЗА, Морицу.

Намъ безъ тебя, другъ мой,
Не жизнь была, мученье!...

КАТЕРИНА.

Но ты принесъ съ собой
Намъ радость и покой!

МОРИЦЪ, представляя имъ Карла.

Вотъ мой поручикъ вамъ, мой другъ, мой храбрый воинъ!

КАРЛЪ.

Нѣтъ, я такихъ похвалъ, повѣрьте, недостоинъ!

МОРИЦЪ. Луизѣ.

Примите жъ у меня ласковѣй его...

ЛУИЗА

Мы рады сдѣлать все для друга твоего!

МОРИЦЪ.

Я счастью своему еще не довѣряю...
Я вижу васъ опять, опять васъ обнимаю!...

ВСѢ.

Томительные дни
Промчались,
Миновались...
Насъ ждутъ теперь одни
Счастливѣйшіе дни!...

МОРИЦЪ

Сестра!... Луиза!.. А мой крошка! Гдѣ мой крошка?...

ЛУИЗА.

Онъ спитъ.

МОРИЦЪ, смѣясь.

Такъ вотъ какъ онъ изволитъ принимать батюшку!... Но я пойду, разбужу его... расцѣлую...

КАТЕРИНА.

Погоди! Онъ еще не нарядился!...

МОРИЦЪ.

Нужды нѣтъ... я не взыщу... (*Карлу*) Извините, г. поручикъ... я сейчасъ возвращусь...

(Уводитъ Луизу и вскорѣ съ ней возвращается.)

КАТЕРИНА, проводивъ ихъ, разсматриваетъ Карла.

Такъ вотъ его поручикъ!... Онъ очень молодъ....-а я считала его за старика...

УБЕРТЪ, тихо прочимъ крестьянамъ, которые съ почтеніемъ глядятъ на Карла.

Поглядите, вѣдь это гвардейскій поручикъ... долженъ быть знаменитый человѣкъ... (*Карлу.*) Просимъ покорно садиться, ваше превосходительство.

КАРЛЪ, холодно.

Благодарствуй!..

КАТЕРИНА, подойдя къ нему.

Вы вѣрно устали, г. поручикъ?..

КАРЛЪ, смотритъ на нее со вниманіемъ, и послѣ краткаго молчанія, со вздохомъ отвѣчаетъ.

Немножко!...

КАТЕРИНА.

Мы надѣемся, что вы погостите у насъ!...

КАРЛЪ.

Нѣтъ...

КАТЕРИНА.

Неужели вы хотите отъ насъ уѣхать?..

КАРЛЪ.

Да!...

КАТЕРИНА, разсматривая его, послѣ молчанія.

Ну, онъ не слишкомъ-то разговорчивъ!..

МОРИЦЪ, возвратясь въ Луизѣ

Настоящій мой портретъ! (*Крестьянамъ и крестьянкамъ.*) Благодарю, друзья мои, за вашу преданность!... До вечера!.. Мы откупоримъ боченокъ и опорожнимъ его за здоровье моего поручика.

ВСѢ.

Да здравствуетъ поручикъ!...

УБЕРТЪ, въ сторону.

Выпьемъ боченокъ! (*Съ чувствомъ.*) Еще не прошли счастливые дни для Франціи!... Пойдемте, друзья, пойдемте!.

(Крестьяне и крестьянки уходятъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

КАРЛЪ, ЛУИЗА, КАТЕРИНА, МОРИЦЪ.

МОРИЦЪ.

Какъ пріятно возвратиться въ родное семейство!... Ну, вотъ мой поручикъ... вотъ мой добрый Карлъ!... Катерина!.. Луиза!... Смотрите!... Безъ него не было бы у васъ ни мужа, ни брата!

КАРЛЪ, съ смущеніемъ и неудовольствіемъ.

Морицъ!... Ты опять за старое...

МОРИЦЪ.

Да ужъ извините... Посмотрите на этотъ рубецъ посредѝнѣ его лба... Это сабельный ударъ, который былъ назначенъ мнѣ!

ЛУИЗА И КАТЕРИНА.

Неужли?

(Морицъ ставитъ Карла между Луизой и Катериной.)

ЛУИЗА.

Я вамъ обязана спасеніемъ моего мужа!

КАТЕРИНА.

Чѣмъ мы за это заплатимъ?...

МОРИЦЪ, весело.

Скорѣе обнимите его.

ЛУИЗА И КАТЕРИНА, хотятъ его обнять.

О, отъ чистаго сердца!...

КАРЛЪ, тихо, защищаясь.

Нѣтъ, нѣтъ!... не безпокойтесь...

МОРИЦЪ, смѣясь.

Ну, испугался!... Удивительный человѣкъ!... Благодарности не принимаетъ... о наградахъ не думаетъ... тихъ, скроменъ!... Вообразите, былъ недавно въ двадцати сраженіяхъ, получилъ тму ранъ, и никогда не подумалъ объ орденѣ...

КАРЛЪ.

Да не я одинъ, и многіе о немъ не думали.

МОРИЦЪ.

Многіе!... Какъ бы не такъ!...

Нѣтъ, въ наши бойкіе года,
Такіе люди въ рѣдкость стали,
Которые бы никогда
О награжденьи не мечтали.
Теперь нашъ свѣтъ ужъ не таковъ!
Служить мы всѣ, конечно, рады,
Но не для дѣлъ, не для трудовъ —
А только для награды!...

Хорошо еще, что государь узналъ о вашихъ заслугахъ!... Онъ самъ налѣлъ вамъ этотъ орденъ.

ЛУИЗА.

Самъ государь!

КАТЕРИНА.

О, вы должны гордиться такою наградою.

КАРЛЪ, съ маленькимъ смущеніемъ.

Да...

КАТЕРИНА.

Мы не можемъ васъ ничѣмъ наградить... Вы столько сдѣлали для брата... Но наша дружба...

ЛУИЗА.

Наша любовь...

КАРЛЪ, съ замѣшательствомъ.

Боже мой! Вы меня приводите въ замѣшательство... Если я и былъ такъ счастливъ, что спасъ жизнь Морицу, такъ это такая услуга, которая всякій день случается въ арміи... Она ничего не стоитъ...

МОРИЦЪ.

Ужъ, извините! Позвольте мнѣ думать по своему... Вотъ, если бъ вы, какъ добрый человѣкъ, остались жить съ нами...

КАРЛЪ.

Жить съ вами?...

МОРИЦЪ.

Я ужъ давно обдумываю этотъ планъ... Прежде я вамъ объ этомъ не говорилъ, потому что вы такъ нерѣшительны... Но теперь... (*Луизѣ.*) Скорѣе бутылку вина... Мы поговоримъ, да разопьемъ ее въ ожиданіи обѣда.

ЛУИЗА.

Сію минуту! (*Уходитъ и тотчасъ же возвращается.*)

МОРИЦЪ, садясь съ Карломъ за столъ.

Теперь кампанія наша кончилась... всякій спѣшитъ укрыться въ своемъ маленькомъ уголкѣ... и почему бы вамъ, поручикъ, не поселиться съ нами въ нашей фермѣ... Мы составимъ маленькое счастливое поселеніе... Въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ я женился на Луизѣ, небольшіе мои доходы поумножились... у насъ добрая жатва, добрые сосѣди, добрые друзья! У васъ будетъ особая комната здѣсь въ маленькомъ павильонѣ... (*Показывая направо.*) Вы будете пользоваться совершенною свободою... утромъ закурите трубку, картузъ на ухо, да и любуйтеся природою .. за столомъ разопьемъ бутылку (*Наливаетъ ему стаканъ вина.*) Вечеромъ будемъ учить ребятъ военнымъ эволюціямъ, будемъ смотрѣть на пляски молодыхъ дѣвушекъ... а ста-

рикамъ разсказывать про свои походы... ну, рѣшайтесь!...

КАТЕРИНА.

О, это было бы превесело!

ЛУИЗА.

Согласитесь! Останьтесь!...

КАРЛЪ, помолчавъ.

Добрый Морицъ!... Чувствую все... (*Со вздохомъ.*) Но я не могу рѣшиться... я долженъ ѣхать.

МОРИЦЪ.

Ѣхать для того, чтобъ жить одному въ своемъ скучномъ городишкѣ.

КАТЕРИНА.

Одному!... Какая скука!...

МОРИЦЪ.

У васъ никого нѣтъ, кромѣ дальнихъ родственниковъ.

ЛУИЗА.

А друзья лучше всякой родни.

КАТЕРИНА.

Да, конечно лучше...

КАРЛЪ.

Много благодаренъ вамъ... но я долженъ ѣхать...

МОРИЦЪ.

Да развѣ наша ферма не хороша?...

КАРЛЪ.

О, нѣтъ!...

МОРИЦЪ.

Развѣ вамъ не нравится моя жена?

КАРЛЪ.

Какой вздоръ!...

МОРИЦЪ.

Или, можетъ быть, сестра моя дурна?

КАРЛЪ.

Напротивъ... очень мила...

КАТЕРИНА, въ сторону.

Ну, ужъ это слишкомъ!...

МОРИЦЪ.

Да что жъ вамъ мѣшаетъ?...

КАРЛЪ.

Я долженъ ѣхать! .. Я хотѣлъ у тебя побывать... я у тебя былъ, видѣлъ твое счастіе, и уѣзжаю... (*Встаетъ.*)

МОРИЦЪ, удерживая его и переходя на правую сторону,

Упрямый бѣсъ!... Десять пушечныхъ ядеръ не сдвинутъ его съ мѣста!... А крещеніе то моего молодца... вы обѣщали его крестить съ сестрой Катериной...

КАРЛЪ, нерѣшительно.

Конечно... готовъ бы съ удовольствіемъ... но я долженъ...

МОРИЦЪ.

Знаю, знаю... ужъ не говорите, пожалуйста!...

КАТЕРИНА, съ досадой.

Удивительно учтивъ!... А еще служитъ въ гвардіи...

ЛУИЗА.

Какъ это досадно!... Ужъ мы перенесли всѣ вещи ваши въ павильонъ.

КАРЛЪ.

Благодарствуйте... но мнѣ надо поторопиться... и если Морицъ не одолжитъ мнѣ, по обѣщанію, одноколки...

МОРИЦЪ, съ неудовольствіемъ.

Такъ вы пойдете пѣшкомъ... (*Вставая.*) Погодите хоть минуту, позвольте заложить лошадь-то... (*Тихо Луизѣ.*) Нѣтъ никакого средства... а я надѣялся...

ЛУИЗА, тихо.

Что такое?

МОРИЦЪ, тихо.

Славный бы былъ мужъ Катеринѣ...

ЛУИЗА, тихо.

Я и сама думала... Да ты развѣ забылъ ся обѣщаніе...

МОРИЦЪ,

О, Боже мой, да этого человѣка ужъ вѣрно нѣтъ на свѣтѣ... (*Дѣлая знаки Катеринѣ.*) Послушай...Катерина...постарайся-ка, чтобъ онъ остался.

КАТЕРИНА, тихо показывая на Карла, который сидитъ въ задумчивости.

Чтобъ онъ остался?... Пожалуй!

МОРИЦЪ, тихо.

Да, постарайся!... Я на это имѣю причины... (*Громко.*) Я велю запрягать... (*Тихо.*)

Луиза... полика со мной... оставимъ ихъ одних...

(Уходитъ съ Луизой.)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

КАТЕРИНА и КАРЛЪ. Карлъ сидитъ на одной сторонѣ, и думая, что онъ одинъ, вынимаетъ трубку и закуриваетъ; Катерина сидитъ на другой сторонѣ и пьетъ дѣтскій чепчикъ,)

КАТЕРИНА, въ сторону,

Какъ призадумался!... Люди задумчивые очень интересны!

КАРЛЪ, послѣ молчанія, вздыхаетъ,

Ахъ!...

КАТЕРИНА, въ сторону.

Фу! Какой вздохъ!... О комъ это?

КАРЛЪ, думая, что одинъ.

Не стану болѣе думать о ней!...

КАТЕРИНА, въ сторону.

Не стану думать о ней!... Вотъ такъ то всегда они говорятъ, а между тѣмъ безпрестанно думаютъ!... Что у него за тайна такая? Любопытно бы было узнать... *(Разсматривая его тайкомъ.)* Вѣдь онъ очень не дуренъ... *(Тихо кашляетъ.)* Гм! гм!...

КАРЛЪ, вздрогнувъ.

Что это? Они насъ оставили!...

КАТЕРИНА.

Онъ увидѣлъ меня!...

КАРЛЪ, закуривъ трубку.

Какой чудакъ этотъ Морицъ!... Ушелъ... я вовсе не привыкъ быть наединѣ...

КАТЕРИНА, въ сторону.

Ну, смутился! Это премило! Военный человѣкъ боится дѣвушки!

КАРЛЪ, тихо.

Однако надобно ей что нибудь сказать *(Перестаетъ курить, послѣ нерпительности.)* Можетъ быть, сударыня, вы не любите табачнаго дыма?..

КАТЕРИНА.

О нѣтъ съ!... Вѣдь нынче почти весь свѣтъ куритъ!

КАРЛЪ.

Да, почти... *(Сжавъ кулакъ.)* Фу, чортъ возьми!... Ахъ, извините!...

КАТЕРИНА.

О, не церемоньтесь, пожалуйста!... Скажите, зачѣмъ вы хотите уѣхать отъ насъ? Что за удовольствіе жить одному?

КАРЛЪ, смягчась, въ сторону.

Какой нѣжный голосокъ...

КАТЕРИНА,

Почему вы, напримѣръ, не хотите быть моимъ кумомъ?... *(Нахмурясь.)* Знаете ли, вѣдь это неучтиво.

КАРЛЪ, разсматривая ее.

Почему?... Можетъ, это для меня слишкомъ опасно!

КАТЕРИНА, какъ будто его не понимая.

Опасно?...

КАРЛЪ, улыбаясь.

Да-съ! Если бъ я рѣшился... кто знаетъ... если бъ я рѣшился...

КАТЕРИНА, тоже.

Ну что жъ?...

КАРЛЪ, запинаясь.

Еслибы я рѣшился... и полюбилъ бы васъ?

КАТЕРИНА, въ сторону.

Не дурно!...

КАРЛЪ.

Конечно, это одна шутка...

КАТЕРИНА.

Я вѣдь знаю...

КАРЛЪ, запинаясь.

Вы такъ молоды... такъ хороши... окружены молодыми людьми... и невѣроятно, чтобъ кого нибудь не выбрали...

КАТЕРИНА.

Нѣтъ! Я никого еще не выбрала.

КАРЛЪ, съ удовольствіемъ.

Никого!... *(Придвигаетъ немного къ ней стулъ.)*

КАТЕРИНА, скоса смотря на него.

Немножко придвинулся...

КАРЛЪ.

Вашъ братецъ хочетъ, однако жъ, чтобъ вы вышли замужъ... онъ всегда мнѣ объ этомъ говорилъ...

КАТЕРИНА.

Это пустяки!...

КАРЛЪ, кладетъ трубку въ карманъ и подвигается къ ней ближе.

Такъ вы не хотите выйти замужъ?...

КАТЕРИНА.

Нѣтъ, не хочу!...

КАРЛЪ, ближе и ближе къ ней придвигаясь.

Это другое дѣло! Теперь... *(Разсматривая ея работу и помолчавъ.)* Что это вы дѣлаете?

КАТЕРИНА, улыбаясь.

Шапочку для нашего крестника!...

КАРЛЪ.

Для нашего крестника?

КАТЕРИНА.

Ну, да, вы будете моимъ кумомъ... я увѣрена...

КАРЛЪ.

Если вы этого непремѣнно хотите... такъ я могу возвратиться.

КАТЕРИНА, въ сторону.

Наконецъ разговорился... *(Въ слухъ.)* Конечно, вы должны возвратиться, но вамъ надобно быть повеселѣй!... Постойте, я исправлю вашъ характеръ!... Отъ чего вы такъ печальны?... Мнѣ нѣтъ нужды до вашихъ секретовъ... но все таки любопытно было бы знать: отъ чего вы все вздыхаете, отъ чего вы такъ насмурны?...

КАРЛЪ.

Отъ того, что я несчастливъ, очень несчастливъ!

КАТЕРИНА, съ участіемъ.

Вы несчастны?...

КАРЛЪ.

Отъ того, что я никогда не былъ любимъ, никогда, никѣмъ!

КАТЕРИНА, придвигаясь къ нему.

Бѣдняжка!... А ваша матушка?

КАРЛЪ, поднявъ къ небу глаза.

Я ее не зналъ!... Я зналъ только отца и старшаго брата, который былъ во всемъ счастливѣе меня!... Все, что онъ ни дѣлалъ, все было хорошо; все, что я ни дѣлалъ, все было дурно... Меня едва терпѣли въ домѣ... Его обременяли ласками, меня жестокостями.. я былъ непроворенъ, неловокъ; иначе не называли меня какъ несносимъ мальчишкой; меня никто не любилъ... даже старая моя тетка возненавидѣла меня за то, что я какъ то наступилъ на ея собачку.

КАТЕРИНА.

О, эти старушки вѣчно сердятся за своихъ собакъ, да за своихъ кошекъ.

КАРЛЪ.

Наконецъ, измученный, отринутый, тягостный всему моему семейству, я опредѣленъ былъ въ училище; но не сдѣлался счастливѣе!... Въ душѣ моей глубоко врѣзались воспоминанія о жестокихъ дняхъ моей юности... я даже понесъ съ собою въ армію этотъ характеръ дикій, мрачный, недовѣрчивый... я бѣгалъ общества, товарищей, и если кто протягивалъ мнѣ руку, предлагалъ мнѣ дружбу, — я думалъ: онъ меня хочетъ обмануть... И однако жъ, въ душѣ я былъ добръ, чувствителенъ... сердце мое требовало только участія, сожалѣнія... Но сокрушенный, забытый людьми... я ихъ всѣхъ возненавидѣлъ.

КАТЕРИНА.

И женщинъ?...

КАРЛЪ.

Женщинъ?... Я ихъ всегда чуждался *(Медленно.)* Однако жъ одинъ разъ... я встрѣтилъ дѣвушку, которую долженъ бы былъ любить во всю мою жизнь... Какъ я былъ счастливъ! *(Со вздохомъ.)* Но это также была одна мечта, шалость... я увѣренъ, что меня тотчасъ же забыли!... *(Вставая.)* И вотъ, почему я убѣгаю свѣта, вотъ почему я тысячу разъ желалъ смерти, но и она меня чуждалась!... Когда я шелъ на встрѣчу бомбѣ, на меня упали эполеты... Когда я хотѣлъ чтобъ мушкетонъ раздробилъ мнѣ грудь, — мнѣ повѣсили этотъ крестъ!... Во всемъ несчастіе...

КАТЕРИНА, также встав, въ сторону.

Бѣдняжка! Какъ онъ несчастливъ!... Съ такою благородною душою... *(Въ слухъ.)* Полно-те, Г. Карлъ. . не должно отчаиваться: у васъ есть друзья... вотъ мой, братъ и я...

КАРЛЪ.

Вы, Катерина?

КАТЕРИНА.

Не знаю, чѣмъ бы я не пожертвовала, чтобъ только видѣть васъ счастливымъ!... Нѣтъ, вамъ не должно житьодинмъ... вы сдѣлаетесь угрюмымъ, сердитымъ, а это нехорошо.... Погодите, придетъ время, и вы будете счастливы... только не бѣгайте отъ людей... я увѣрена, что вы найдете себѣ хорошенькую, добрую жену, которая будетъ васъ любить, которая будетъ гордиться тѣмъ, что вамъ принадлежитъ, что носитъ ваше имя...

КАРЛЪ,

Нѣтъ, мнѣ о счастіи такомъ
Мечтать, я знаю, невозможно!

КАТЕРИНА,

Какая жъ невозможность въ томъ?...
Намъ всѣмъ любить другъ друга должно!...

КАРЛЪ.

Нѣтъ, мнѣ любимымъ ужь не быть!
Мнѣ счастья не видать земнаго!...

КАТЕРИНА.

Да отъ чего васъ не любить?...
Я первая любить готова!...

КАРЛЪ.

Что я слышу?

КАТЕРИНА, въ волненіи.

Я, г. Карлъ... я ничего не сказала.

КАРЛЪ.

Такъ, это смущеніе, этотъ голосъ... Катерина! Неужели это правда?... О, скажитесь, не обманывайте меня!... Если теперь я обманусь въ своей надеждѣ — я умру... я убью себя.

КАТЕРИНА, испугавшись.

Ну, вотъ, опять за прежнее.

КАРЛЪ, внѣ себя.

О, если бъ я былъ любимъ!... Если бъ кто, хоть изъ сожалѣнія, наградилъ меня этимъ счастіемъ... я не знаю, что-то бы со мною было... Я не перенесъ бы... я сошелъ бы съ ума.

КАТЕРИНА.

Ну, вотъ, теперь ужъ хочетъ сойти съ ума.

КАРЛЪ, взявъ ея руку.

Нѣтъ, нѣтъ! Но если бъ это были вы, вы!

КАТЕРИНА, улыбнувшись.

И вы были бы увѣрены, что я васъ не обманываю?

КАРЛЪ.

Нѣтъ, Катерина!... Нѣтъ... вы не способны къ этому... Катерина!... Будь моею! Скажи мнѣ: Карлъ, я люблю тебя! Я твоя! Я принадлежу тебѣ!... Дайте мнѣ клятву.

КАТЕРИНА, пораженная послѣдними словами.

Клятву!... О Боже! А клятва другому!...

КАРЛЪ, замѣтивъ ея замѣшательство.

Что съ вами?

КАТЕРИНА, съ смущеніемъ.

Оставьте меня!...

КАРЛЪ.

Катерина!

КАТЕРИНА.

Оставьте меня, говорю вамъ!... *(Закрывая лицо руками и прерывающимся голосомъ.)* О, несчастная!...

(Убѣгаетъ въ домъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

КАРЛЪ, одинъ.

Это замѣшательство, это волненіе! Такъ, я не обманываюсь... она меня любитъ... Счастливый Карлъ!... И я могъ отчаиваться, проклиналъ свою судьбу!...

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МОРИЦЪ, выходитъ съ другой стороны, КАРЛЪ.

МОРИЦЪ, печально.

Я пришелъ вамъ сказать, поручикъ, что одноколка готова.

КАРЛЪ, едва его слушая.

Какая одноколка?

МОРИЦЪ.

Обыкновенно какая... которую вы требовали у меня.

КАРЛЪ.

Я требовалъ?... Для чего?...

МОРИЦЪ.

Какъ для чего? Чтобъ вамъ ѣхать!

КАРЛЪ.

Мнѣ ѣхать?... Мнѣ?... Вотъ прекрасно! Нѣтъ, я остаюсь, мой другъ... я остаюсь!

МОРИЦЪ.

Остаетесь?

КАРЛЪ, съ волненіемъ.

Если бъ ты зналъ, что со мной случилось!

МОРИЦЪ, съ безпокойствомъ.

Боже мой! Ужъ не открылась ли ваша послѣдняя рана?

КАРЛЪ, внѣ себя.

О, нѣтъ! Я съ ума схожу отъ радости, отъ счастія!

МОРИЦЪ.

Да у васъ престрашное счастіе!

КАРЛЪ, подходя къ нему, — твердымъ голосомъ.

Другъ мой, милый Морицъ! Ты меня спасешь... половинное жалованье, доброе сердце и этотъ орденъ, вотъ все, что у меня есть... Я часто слыхалъ отъ тебя, что ты меня любишь...

МОРИЦЪ, скоро.

Какъ брата!

КАРЛЪ.

Какъ брата? Такъ, этого я и желаю... Хочешь ли ты сдѣлать меня счастливѣйшимъ человѣкомъ?

МОРИЦЪ.

Хочу ли я? И вы еще спрашиваете?...

КАРЛЪ.

Отдай мнѣ руку твоей сестры.

МОРИЦЪ, внѣ себя.

Какъ, сестры Катерины?

КАРЛЪ.

Если ты мнѣ откажешь... я не знаю, что со мною будетъ.

МОРИЦЪ.

Руку моей сестры!... Боже мой!... Да я самъ хотѣлъ васъ объ этомъ просить!... Согласишь ли я?... *(Кидаясь ему на шею.)* Ахъ, мой добрый поручикъ.

КАРЛЪ.

О, мой другъ!...

(Бросаются другъ къ другу въ объятія.)

МОРИЦЪ, утирая глаза.

Я плачу!... Да скажите, неужли вы ее любите?...

КАРЛЪ.

Болѣе моей жизни!

МОРИЦЪ.

А она?

КАРЛЪ.

Да, я думаю...

МОРИЦЪ.

Прошу покорно!.. Видишь, какая плутовка! Вотъ, всѣ женщины таковы?

Ихъ понимать премудрено,
У нихъ семь пятницъ на недѣлѣ!
На языкѣ у нихъ одно,
Другое же совсѣмъ на дѣлѣ!
Такими скромными глядятъ,
А честины въ нихъ нѣтъ нисколько,
И какъ чего ужъ захотятъ, —
Такъ подавай имъ да и только!

А этотъ... затвердилъ себѣ: поѣду, да поѣду... а самъ *(Толкая его въ плечо.)* Пошелъ! Видишь какой! Да гдѣ же Катерина?... *(Кличетъ.)* Катерина!

КАРЛЪ.

Погоди немного...

МОРИЦЪ.

Не мѣшайте мнѣ... все пойдетъ какъ по маслу!.. *(Подавая ему руку.)* Слава Богу!.. мы болѣе не разстанемся. *(Кличетъ.)* Катерина!

КАРЛЪ.

Идутъ!.. Я буду тамъ. *(Прячется позади павильона.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

МОРИЦЪ, безпрестанно зоветъ.

Катерина!...

ЛУИЗА прибѣжавъ.

Что ты? Что тебѣ надобно?...

МОРИЦЪ, переведя ее на лѣвую сторону.

Я не тебя зову... Гдѣ сестра?...

ЛУИЗА.

Въ своей комнатѣ!.. Она вошла туда вся въ слезахъ.

МОРИЦЪ.

Бѣдняжка! Ну, вѣль первая любовь! Постой, я мигомъ ее утѣшу!.. (*Кличетъ.*) Катерина!

ЛУИЗА.

Что съ тобою сдѣлалось? Ты кричишь, какъ сумасшедшій...

МОРИЦЪ.

Если бъ ты знала, что случилось!.. Все, чего я желалъ. (*Усидя сестру.*) А вотъ она!..

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И КАТЕРИНА, блѣдная и вытирая глаза.

КАТЕРИНА.

Ты меня звалъ, братецъ?

МОРИЦЪ.

Поди сюда, глупенькая, поди сюда, моя добрая Катерина!.. (*Смотря на нее.*) Что это такое? Мы никакъ плакали?...

КАТЕРИНА.

О, это ничего!..

МОРИЦЪ, шутливо.

Да... женскія причуды... тучка пашла... погоди, скоро покажется ясное солнышко... (*Дѣлаетъ знаки Карлу, который показывается сзади павильона.*) Послушай-ка, Катерина... мнѣ говорилъ поручикъ...

КАТЕРИНА, съ смущеніемъ.

Поручикъ?..

МОРИЦЪ.

Прекрасный человѣкъ...: не правдали? Такой молодецъ!.. А ужъ какое сердце—чудо!.. Вообрази себѣ, говоритъ вдругъ мнѣ, будто бы любитъ тебя безъ памяти.

КАТЕРИНА.

О, я ему вѣрю ..

МОРИЦЪ.

Ну, а ты?..

КАТЕРИНА.

Я?..

ЛУИЗА, скоро.

О! она вѣрно такъ же его любитъ... мнѣ не трудно узнать... Она теперь точно въ такомъ положеніи, какъ я была два года тому назадъ...

КАТЕРИНА, печально.

Да, это правда!..

КАРЛЪ, въ сторону.

Что я слышу?..

КАТЕРИНА.

Я люблю его всею душою... Я буду любить его вѣчно...

МОРИЦЪ.

Ура!

КАТЕРИНА.

Но я никогда не выйду за него замужъ.

КАРЛЪ, въ сторону.

О, Боже!..

ЛУИЗА.

Что такое?

МОРИЦЪ.

А позвольте спросить, почему это такъ?

КАТЕРИНА.

Я принадлежу другому! Ему я дала клятву, и безъ воли его я не могу располагать собою.

МОРИЦЪ, боясь, чтобъ не услышалъ Карлъ.

Тсъ!—Не говори такъ громко! Конечно, этотъ бѣднякъ... онъ былъ добрый, достойный малый!.. я ему многимъ обязанъ... и готовъ бы былъ отдать ему половину моего имущества... Но надобно быть разсудительною, Катерина!.. Ты видишь, что онъ не можетъ существовать... вѣдь ужъ два года...

КАТЕРИНА.

Нѣтъ нужды: я его невѣста!..

МОРИЦЪ.

Невѣста! Невѣста!..

КАТЕРИНА.

Да, я его невѣста!.. Я поклялась въ томъ надъ моимъ крестикомъ, который отдала ему въ залогъ моей вѣрности... и если онъ возвратится, если вдругъ явится ко мнѣ въ то время, какъ я буду принадлежать другому... если онъ скажетъ мнѣ: «я вамъ сохранилъ вашего брата!.. вы мнѣ обязаны тѣмъ счастіемъ, которымъ теперь наслаждаетесь... Для васъ я все перенесъ... всѣмъ пренебрегъ... возвратился къ вамъ съ надеждой въ сердцѣ... и что же? Вмѣсто награды—

вы меня обманули, измѣнили своей клятвѣ!».. О! братецъ!.. что тогда будетъ со мною?.. Я умру отъ стыда!

МОРИЦЪ.

Но онъ не возвратится!..

ЛУИЗА.

Да, онъ не можетъ возвратиться.

МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

Катерина!..

КАТЕРИНА, съ твердостью.

Нѣтъ! Нѣтъ!.. Я сдержу свое обѣщаніе, и если бъ даже должна была умереть— я и тогда его не забуду...

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, КАРЛЪ, бросаясь между ними.

КАРЛЪ, съ восторгомъ.

Такъ... Я не обманулся въ своей надеждѣ...

МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

Поручикъ!

КАТЕРИНА.

Онъ былъ здѣсь!

КАРЛЪ.

Я слышалъ все!.. Катерина! Друзья мои... Я счастливѣйшій человѣкъ!.. Катерина! Вы меня любите, и, не измѣнивъ вашей клятвы... вы будете моей!

КАТЕРИНА.

О, нѣтъ... нѣтъ...

КАРЛЪ, скоро.

Катерина! Это я... я владѣю твоей клятвой!

ВСѢ.

Вы?

КАРЛЪ, съ жаромъ.

Я получилъ вашъ крестикъ! Я заступилъ мѣсто вашего брата!

МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

Возможно ли?..

КАТЕРИНА, съ радостью.

О, Боже!

КАРЛЪ.

Я боялся связать судьбу вашу съ человѣкомъ, котораго вы вовсе не знали... и, можетъ быть, любили уже другаго... Я пришелъ сюда, чтобъ возвратить вамъ ваше слово... и между тѣмъ — вы меня любите, Катерина! Вы моя! Ничто теперь не можетъ насъ разлучить!

КАТЕРИНА.

Я едва понимаю...

ЛУИЗА.

Вотъ неожиданность!..

МОРИЦЪ.

Ахъ, мой добрый поручикъ!.. Это были вы... и ничего мнѣ не говорили...

КАТЕРИНА, въ волненіи.

Ахъ, какъ-же вы меня было опечалили Но хорошо же. (*Взявъ его за руку.*) Я вамъ отплачу... (*Съ улыбкою.*) Извольте-ка отдать мнѣ мой крестикъ!..

КАРЛЪ, съ замѣшательствомъ.

Вашъ крестикъ?..

КАТЕРИНА.

Ну, да... возвратите мнѣ мой залогъ.

ЛУИЗА

Отдайте ей поскорѣе..

КАРЛЪ, пораженный.

О, Боже!

КАТЕРИНА.

Что съ вами?.. Вы въ такомъ замѣшательствѣ... Неужели вы его потеряли?

КАРЛЪ.

О, нѣтъ...

МОРИЦЪ, тихо.

Не подарили ли вы его какой нибудь...

КАРЛЪ.

О, нѣтъ!.. но.. я очень несчастливъ... этотъ крестикъ... у меня его нѣтъ болѣе!..

КАТЕРИНА.

Какъ!.. У васъ нѣтъ моего крестика?

КАРЛЪ.

Я... поручилъ... въ ту минуту... когда не надѣялся болѣе... я не зналъ...

КАТЕРИНА, недовѣрчиво.

Мой крестикъ... мой крестикъ... отдайте мнѣ крестикъ!..

КАРЛЪ.

У меня его нѣтъ, Катерина!.. Но что вамъ въ немъ?.. Если вы меня любите... если вы кромѣ меня никого не любите!..

КАТЕРИНА.

Нѣтъ... я теперь вижу ясно... вы меня обманываете... Это не вы!..

МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

Какъ?

КАРЛЪ, съ изумленіемъ.

И вы можете думать?

КАТЕРИНА.

Вы меня обманули... вы условились съ братомъ...

МОРИЦЪ.

Со мною?..

КАТЕРИНА.

Онъ вамъ все разсказалъ...

МОРИЦЪ.

Конечно, я ему разсказывалъ кое-что... Но...

КАТЕРИНА.

Ну, вотъ видите ли?..

КАРЛЪ.

Катерина!..

КАТЕРИНА.

Не говорите мнѣ ничего... я не хочу васъ болѣе видѣть... не хочу ничего слышать. Я васъ ненавижу!

КАРЛЪ, съ отчаяніемъ.

О, ужасная судьба!... Будьте же спокойны... я иду... вы меня болѣе никогда не увидите... *(Убѣгаетъ въ павильонъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

КАТЕРИНА, МОРИЦЪ И ЛУИЗА.

МОРИЦЪ, сердито.

Самъ чортъ запутался въ наше дѣло.

ЛУИЗА.

Все-было такъ хорошо устроилось...

МОРИЦЪ, Катеринѣ, которая сидитъ на стулѣ и рыдаетъ.

Ужъ эти женщины!.. У нихъ ничего не пройдетъ безъ суматохи!.. Я не понимаю, кто меня удерживаетъ... вотъ уѣду вмѣстѣ съ нимъ да и только *(Увидя сестру.)* А! небось, расплакалась!..

ЛУИЗА.

Прекрасно! Безподобно!..

МОРИЦЪ.

Она просто рѣшилась его уморить! Такой отличный человѣкъ... лучшій мой другъ...

КАТЕРИНА.

Я бы ему все простила... Но обмануть меня... назваться чужимъ именемъ!..

МОРИЦЪ.

Почему ты это знаешь?

КАТЕРИНА.

А отъ чего же у него нѣтъ моего крестика?

МОРИЦЪ.

Да какъ же ты хочешь, что бъ ваши крестики сберегались въ походѣ, когда тамъ и сердца легко теряются!.. Но если бы и въ самомъ дѣлѣ случилось, что онъ тебя обманулъ... такъ и то не бѣда! Это военная хитрость... а военныя хитрости позволительны!.. особенно когда они не дѣлаютъ никому вреда!.. Вотъ, если бъ ты не была такъ глупа... такъ упряма... ты бы разсудила, что этотъ другой не можетъ никакъ на тебя сердиться... онъ ужъ не вернется...

КАТЕРИНА.

Развѣ ты такъ увѣренъ?..

МОРИЦЪ.

Честное слово!.. Вотъ если бы мы слышали о немъ...

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И УБЕРТЪ.

УБЕРТЪ.

Хозяинъ!

МОРИЦЪ, сердито.

Что тебѣ надобно?..

УБЕРТЪ.

Тамъ пришелъ какой то бѣдный солдатъ... Онъ спрашиваетъ госпожу Катерину.

МОРИЦЪ, съ удивленіемъ.

Солдатъ?

КАТЕРИНА.

Спрашиваетъ — меня?

ЛУИЗА.

Ахъ, Боже мой! Неужели...

МОРИЦЪ, съ безпокойствомъ.

Вотъ не кстати-то... Каковъ онъ собой?..

УБЕРТЪ.

Не слишкомъ то хорошъ! Такой жалкой... Онъ говоритъ... будто былъ здѣсь два года тому назадъ... и долженъ отдать что то вашей сестрицѣ!..

КАТЕРИНА И ЛУИЗА.

Это онъ!..

МОРИЦЪ.

Да... подозрительно...

КАТЕРИНА.

Ну, не правду ли я вамъ говорила? Я знала на вѣрное, что онъ возвратится... и я принуждена теперь выйти за него замужъ... я увѣрена, что онъ престрашный!..

МОРИЦЪ.

Полно... полно!.. Мы это увидимъ... пусти его...

КАТЕРИНА, отворачиваясь.

Я не смѣю на него взглянуть!

УБЕРТЪ.

Войди!.. Не бойся!..

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ И МАРЕНГО, одѣтъ гораздо бѣднѣе чѣмъ въ первомъ дѣйствіи; небритая борода, палка въ рукѣ и проч.

МАРЕНГО.

Не бойся!.. Я не боюсь никого!... (*Уберти уходитъ.*) Здравія желаю, любезная семья! Ужъ довольно прошло времени, какъ я не имѣлъ чести...

МОРИЦЪ, припоминая его черты.

Извините! Васъ заставили дожидаться...

МАРЕНГО.

Не стоитъ извиненія!.. Солдатъ не любитъ извиненій, какъ сказалъ одинъ древній воинъ.

МОРИЦЪ, съ удивленіемъ.

Что это?.. Эта поговорка...

МАРЕНГО.

Вы не припомните меня?... По видимому, пребываніе мое у этихъ холодныхъ людей немножко меня поизмѣнило... Посмотрите-ка попристальнѣе.

МОРИЦЪ, всматривался.

Боже мой... Это загорѣлое лице!..

МАРЕНГО.

Да, ужъ въ этой сторонѣ если и загоришь, такъ вѣрно не отъ солнца.

МОРИЦЪ.

Я не обманываюсь... Это Маренго!..

КАТЕРИНА И ЛУИЗА.

Сержантъ Маренго!..

МАРЕНГО.

Онъ самый! Все тотъ же сержантъ... прежде сраженія, во время сраженія и послѣ сраженія...

МОРИЦЪ.

А откуда вы идете, мой герой?..

МАРЕНГО.

Изъ Россіи... прогуливаюсь себѣ съ палочкой...

ЛУИЗА И КАТЕРИНА

Изъ Россіи?...

МОРИЦЪ.

Вы, и чай, порядочно тамъ померзли?

МАРЕНГО.

Да... тридцать восемь градусовъ морозу... и по колѣно снѣгъ!... Когда я возвратился изъ этой страны... мнѣ сдѣлалось жарко, какъ сказалъ одинъ древній воинъ!...

МОРИЦЪ.

Но скажите, пожалуйста, куда дѣлся вашъ товарищъ, который съ вами отправился въ походъ?...

МАРЕНГО, потирая лобъ.

Товарищъ?...

ЛУИЗА.

Да этотъ молодой человѣкъ...

КАТЕРИНА.

Который замѣнилъ брата...

МАРЕНГО, съ смущеніемъ.

Я вѣдь отъ него и пришелъ къ вамъ... онъ мнѣ сдѣлалъ порученіе...

ВСѢ.

Порученіе?..

МАРЕНГО, безпрерывно потирая лобъ.

Чортъ возьми... я, было, для этого приготовилъ вамъ маленькую рѣчь... Но теперь, право, не могу ничего припомнить... У меня память заячья!... Да что долго толковать... (*Со вздохомъ.*) Бѣдняжка!...

ВСѢ.

Боже мой, неужели...

МАРЕНГО.

Умеръ.... отправился на покой въ вѣчную казарму...

МОРИЦЪ.

Умеръ!...

МАРЕНГО, вытирая слезы.

На моихъ рукахъ!...

КАТЕРИНА, браду, показывая на павильонъ.

Теперь видишь, правду ли говорилъ твой поручикъ.

МОРИЦЪ, показывая ей знаками, чтобъ замолчала.

Тс!... (*Маренго*) Вы были полкѣ него?...

МАРЕНГО.

Мы дѣлали походъ вмѣстѣ, и, можно сказать, онъ шелъ по службѣ скорымъ шагомъ!.. (*Въ размышленіи*). Ахъ, что за отличный рекрутъ!... Что за превосходный характеръ!.. Вѣчно готовъ драться!... Да вѣдь какъ дрался!... Я говаривалъ иногда ему: смотри, товарищъ, не истрать себя... ты ужъ слишкомъ... Я не обманулся... онъ палъ, палъ, какъ герой, проколотый штыками, пораженный пулями!... Я былъ при немъ въ послѣднюю минуту его жизни, выслушалъ послѣднее его завѣщаніе!... «Товарищъ», сказалъ онъ мнѣ... «ты мнѣ вручилъ этотъ золотой крестикъ... единственное мое богатство... мою жизнь!... отнеси его Катеринѣ, скажи ей, что я никогда ее не забывалъ, что я не разлучался съ ея крестикомъ до своей смерти!...» Вотъ онъ!... (*Отдаетъ ей крестикъ.*)

КАТЕРИНА, взявъ его, плачетъ.

Да, это точно онъ!..

МАРЕНГО.

Ручьями кровь его лилася...
Мы обнялись въ послѣдній разъ...
Тоскою грудь моя рвалася,
И слезы брызнули изъ глазъ!
Я въ немъ терялъ роднаго сына...
Онъ грустно на меня глядѣлъ...
Сказалъ со вздохомъ: Катерина!
И духомъ въ вѣчность отлетѣлъ?

(Катерина плачетъ.)

МОРИЦЪ, уныло.

Умеръ!... И умеръ за меня!

ЛУИЗА.

Бѣдняжка!...

МАРЕНГО, вытирая глаза и усы.

Я хотѣлъ за него отмстить, но былъ взятъ въ плѣнъ... вскорѣ, однако жъ, я освободился; былъ снова въ сраженіи, но въ этотъ разъ оно обошлось мнѣ дорого... я пролежалъ одиннадцать мѣсяцевъ въ госпиталѣ, и вотъ что мнѣ помѣшало ранѣе выполнить послѣднюю волю моего храбраго товарища...

КАТЕРИНА.

Ну что, братецъ?... Онъ умеръ! А этотъ осмѣливается называться его именемъ... оспаривать его права!..

МАРЕНГО.

Что?.. Осмѣливается называться его именемъ?..

ЛУИЗА.

Да, и хотѣлъ еще на ней жениться!

МАРЕНГО сердито.

Чортъ возьми! Гдѣ это видано!.. Какъ онъ смѣетъ обманывать честныхъ людей!.. Принять чужое имя и требовать отъ молодой дѣвушки... Да гдѣ онъ?..

МОРИЦЪ, показывая на павильонъ.

Здѣсь въ павильонѣ!.. Но я не думаю...

МАРЕНГО, хладнокровно, положивъ руку на саблю.

Постой! я пойду скажу ему два слова на ушко.

МОРИЦЪ.

Нѣтъ!.. нѣтъ!.. Я не пущу!..

ЛУИЗА.

Берегитесь!...

КАТЕРИНА.

Вѣдь онъ офицеръ!..

МАРЕНГО.

Что мнѣ за нужда!..

МОРИЦЪ.

Онъ человѣкъ храбрый!..

МАРЕНГО.

Тѣмъ лучше. (*Дѣлаетъ шагъ къ дверямъ.*)

МОРИЦЪ, за нимъ.

Я не потерплю этого...

ЛУИЗА, въ страхѣ.

О Боже мой!..

КАТЕРИНА.

Они перерѣжутся!

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ И КАРЛЪ, готовой въ путь, выходитъ изъ павильона.

МАРЕНГО, вынувъ саблю.

Чортъ возьми!... Такъ это вы... (*Взглянувъ на него.*) Что я вижу?...

КАРЛЪ.

Маренго!

МАРЕНГО.

Это онъ!.. (*Бросаетъ саблю и кидается ему на шею.*)

ВСѢ, въ удивленіи.

Они обнимаются!..

МАРЕНГО, въ безуміи отъ радости.

Онъ живъ!.. Мой добрый Карлъ живъ!..

МОРИЦЪ.

Боже мой! Какое счастіе!...

МАРЕНГО, Карлу.

Но какимъ чортомъ вы спаслись? Я видѣлъ самъ, какъ вы умирали!..

КАРЛЪ, улыбаясь.

Я былъ только въ обморокѣ!.. Меня подпялъ искусный докторъ и спасъ меня отъ смерти... Черезъ три мѣсяца, я снова могъ начать свою службу...

МАРЕНГО.

Вотъ это по нашему!

КАТЕРИНА, въ волненіи, смотритъ на Карла.

Такъ это вы... а я думала. (*Подавая ему руку.*) Прости, прости меня!.. Я тебя не узнала... но я вдвое болѣе буду тебя любить!..

КАРЛЪ, цѣлуя ея руку.

Катерина!

МОРИЦЪ, передразнивая ее.

Мой крестикъ! Мой крестикъ!.. Покажите мнѣ мой крестикъ.

КАТЕРИНА.

Я виновата только въ томъ, что слишкомъ была ему вѣрна!..

МАРЕНГО.

Тѣмъ лучше... такое постоянство нынче рѣдко!.. Это сказалъ не древній воинъ, а я!..

КАТЕРИНА.

Теперь мой крестикъ будетъ крестикъ вѣрности... Я съ нимъ никогда не разстанусь... ему я обязана моимъ счастіемъ!..

МОРИЦЪ,

Ну, сержантъ, оставайтесь и вы также съ нами.

МАРЕНГО.

Нельзя товарищъ, я долженъ еще выполнить одно вѣрное дѣло.

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ, УБЕРТЪ, КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ, съ кружками и стаканами.

УБЕРТЪ.

Хозяинъ! Бочекъ откупоренъ!

МОРИЦЪ.

Ну что жъ, надобно его выпить за здоровье жениха и невѣсты!..

ОБЩІЙ ХОРЪ.

О какое наслажденье,
Послѣ битвы роковой,
Послѣ тяжкаго сомнѣнья,
Возвратиться въ край родной!
Томительные дни
Промчались,
Миновались...
Насъ ждутъ теперь одни
Счастливѣйшіе дни!

ОЧЕРКЪ
ПОЭЗІИ ДРАМАТИЧЕСКОЙ.

Если поэзія лирическая, какъ изъявленіе собственныхъ чувствъ поэта народнаго или вдохновеннаго своимъ предметомъ, заслуживаетъ вниманіе любителя словесности, слѣдящаго за развитіемъ народнаго генія въ поэтахъ, его представителяхъ, поэзія драматическая еще въ большей степени проявляетъ предъ нами свойства ума, степень образованія и особенный вкусъ народа вообще, служитъ зеркаломъ его жизни общей и частной. Лирическіе поэты почти всѣ сходны между собою: и Грекъ, и Римлянинъ, и Англичанинъ, и Италіянецъ, всѣ люди, всѣ одинаковымъ образомъ выражаютъ свои мысли и чувствованія, различаясь только степенью и своего генія и образованія, и особенностями языка. Драматеческая же поэзія представляетъ собою столько различныхъ отдѣловъ, сколько есть просвѣщенныхъ народовъ, ею занимающихся; *просвѣщенныхъ*, говорю потому, что лирическая поэзія можетъ быть у всякаго народа, драматическая же существуетъ только у народовъ образованныхъ. Лирическая поэзія возникаетъ у всякаго народа по природному влеченію человѣка къ поэтическому излію своихъ мыслей и ощущеній. Драматическая же есть непрерывная цѣпь, передаваемая отъ одного народа другому, и измѣняющаяся по характеру и требованіямъ каждаго изъ нихъ. Дѣйствіе той и другой равномѣрно не одинаково: лирическая, назначенная для чтенія, и въ немногихъ случаяхъ для пѣнія, производитъ вліяніе на умъ и сердце слушателей и читателей въ отдѣльности, тихо, незамѣтно. Драматическая, отверзая предъ глазами и душею зрителей новый міръ существенности и поэзіи, дѣйствуетъ вдругъ, громко, рѣшительно и сильно на всю массу публики; лучи генія драматическаго пробѣгаютъ мгновенно по сердцамъ всѣхъ присутствующихъ, какъ искра электрическая. Драматическая поэзія, пребующая поэтовъ и для творенія своихъ поэмъ и для исполненія ихъ на позорищѣ, имѣетъ сильное вліяніе на ходъ ума и образованія публики, и въ свое время сама отражаетъ образъ мыслей и степень просвѣщенія народа. Мнѣ могутъ возразить, что драматическая поэзія является и у народовъ дикихъ, необразованныхъ. Такъ: является и остается зародышемъ; надлежащій видъ можетъ дать ей только образованность, и эта образованность переходитъ съ древности отъ одного народа къ другому.

Что есть искусство драматическое? Представленіе на театрѣ дѣйствія вымышленнаго или заимствованнаго изъ исторіи, съ его причинами и послѣдствіями; изображеніе на сценѣ страстей, влекущихъ къ сему дѣйствію, или препятствующихъ ему, искусство двигать сердцами зрителей, возбуждая въ нихъ состраданіе или ужасъ, смѣхъ или веселость. Въ поэзіи драматической видимъ борьбу человѣка со страстями чужими или своими собственными, борьбу со свѣтомъ, его уставами, обычаями, съ судьбою или другими препятствіями, борьбу, которой успѣхъ или конецъ неизвѣстностью своею возбуждаетъ и поддерживаетъ вниманіе и участіе зрителей.

Не стану утомлять васъ скучнымъ и безплоднымъ толкованіемъ разныхъ родовъ драматическихъ дѣйствій: коснусь этого въ послѣдствіи, когда буду исчислять произведенія въ семъ родѣ. Считаю лучшимъ изложить предъ вами, въ бѣглыхъ очеркахъ, исторію драмы и драматическаго искусства

съ древнѣйшихъ до нынѣшнихъ временъ, и потомъ уже, указавъ на свойства и требованія произведеній сего рода, исчислить и отличить лучшія изъ нихъ.

Когда и гдѣ началось искусство драматическое? Въ точности это не извѣстно. До насъ не дошло свѣдѣній, были ль игрища и произведенія драматическія у народовъ Востока, съ которыхъ начинаютъ исторію слова и поэзіи. Врядъ ли. Скрытные, патріархальные нравы обитателей Востока, созерцательная жизнь ихъ, повиновеніе жрецамъ, особенныя понятія и оправахъ своихъ, и униженіе женщинъ, не могли благопріятствовать представленіямъ сценическимъ. И климатъ имѣлъ важное на то вліяніе: подъ палящимъ небомъ Индіи, напримѣръ, люди не охотно стали бы сбираться въ амфитеатры, тѣсниться въ душныхъ театральныхъ зданіяхъ. Индійцы имѣли зрѣлища другаго рода. Обряды странной, причудливой ихъ миѳологіи замѣняли для нихъ представленія театральныя, раздирали душу и воображеніе, и не давали мѣста игрищамъ и страданіямъ вымышленнымъ. Знаменитая Индѣйская драма, Саконтала, есть произведеніе временъ позднѣйшихъ. — То же должно сказать и о Египтянахъ, Персахъ и Халдеяхъ. Удивительно ли, что Китайцы, въ древнія времена, равномѣрно не представляютъ намъ слѣдовъ истиннаго драматическаго искусства? Неподвижные въ своихъ обычаяхъ, сохраняя неприкосновенными древнѣйшія свои преданія, не измѣняя ни одежды, ни пищи, ни церемоній и учтивостей, не зная, что есть мода и ея прихоти, наблюдая строжайшій порядокъ и постепенность въ гражданскихъ своихъ учрежденіяхъ и начинаніи, они не знали тѣхъ движеній и перемѣнъ душевныхъ, которыя раждаютъ драму, которыя сами отъ представленій драматическихъ заимствуютъ волненіе и разнообразіе страсти. Они имѣютъ свои странныя и уродливыя игрища, въ которыхъ представляются дѣйствія развратныя, безчеловѣчныя и гнусныя; но образованіе же театра въ другихъ странахъ не имѣли представленія ни малѣйшаго вліянія.

Началомъ театра всѣ народы Европы обязаны Грекамъ. Этотъ единственный въ мірѣ народъ представляетъ собою, съ временъ глубочайшей древности, любопытное и назидательное зрѣлище! Многіе философы историки не безъ основанія утверждаютъ, что существованіе Средиземнаго Моря, посреди трехъ различныхъ частей Свѣта, сомногими заливами, проливами, островами, полуостровами, сблизивъ различные народы водянымъ сообщеніемъ, способствовало къ развитію и просвѣщенію человѣчества въ древности, и что если бъ вмѣсто этого благодатнаго моря, отъ Гибралтарскаго Пролива до береговъ Сиріи простиралась равнина, подобная Средней Азіи или внутренней Африкѣ, наша страна Свѣта еще долго не вышла бы изъ варварства, и не пріобрѣла бы первенства и владычества на всемъ Земномъ Шарѣ. Но не всѣ жители береговъ Средиземнаго Моря шли однимъ и тѣмъ же путемъ къ образованію. Финикіяне и Карѳагеняне занимались исключительно торговлею. Римляне воевали съ сосѣдями. Египтяне вращались въ кругу своихъ преданій и суевѣрій. Отъ чего же именно Греки имѣли это первенство между всѣми прибрежными жителями сего моря? Греки, одаренные свѣтлымъ умомъ, пламеннымъ воображеніемъ и тѣмъ легкомысліемъ, которое, не устрашаясь затрудненій, приводитъ въ исполненіе великія дѣла безъ напряженія силъ своихъ, какъ бы забавляясь игрушками, произошли отъ счастливаго слѣянія Оракійскихъ племенъ съ коренными жителями Пелопонеза и острововъ, Пеласгами. Это чудесное, непостижимое произведеніе великихъ дѣлъ изъ соединенія противуположныхъ стихій: эта полярность, раждающая и безсмертныхъ людей и безсмертные народы, есть еще неразгаданная тайна Всемірной Исторіи; это тѣ таинственные слѣды непостижимаго Промысла, которые пытливый умъ нашъ находитъ на пути образованія и усовершенія рода человѣческаго.

И драматическое искусство, какъ многія другія проявленія творческаго духа человѣческаго, возникло у Грековъ. Дѣятельные, умные, безпокойные, храбрые обитатели гористаго уголка суровой тогда Евро-

пы, сражаясь съ дикими звѣрями и съ свирѣпыми непріятелями, сообщаясь съ народами Востока и съ обитателями Запада, заимствовали у однихъ блескъ и богатство воображенія, у другихъ силу и твердость духа. Превосходство, въ этомъ отношеніи, между Греками принадлежитъ исключительно Аѳинянамъ: они имѣли и величайшихъ ораторовъ, и превосходныхъ поэтовъ драматическихъ. Одинъ изъ новѣйшихъ нашихъ критиковъ смѣется надъ Мерзляковымъ, который производилъ трагедію отъ козла. Это было дѣйствительно такъ. Въ глубокой древности одинъ поселянинъ, упитанный дарами Вакха, нашелъ въ своемъ виноградникѣ длиннобородаго козла, который съ безсмыслiемъ варварства пожиралъ драгоцѣнныя грозы. Раздраженный хозяинъ принесъ его въ жертву своему божеству. Веселые сосѣди собрались вокругъ убитаго козла, который жарился на углiяхъ, и въ хороводѣ воспѣли хвалу богу вина. Это случайное пиршество сдѣлалось праздникомъ ежегоднымъ. На сихъ праздникахъ пѣли сначала хвалебные гимны Вакху: эти гимны назывались трагедіями, то есть козлопѣніемъ. Потомъ, дѣйствующіе въ хороводахъ, вымазавъ лице дрождями, стали разъѣзжать по городамъ и селенiямъ. Они одѣвались сатирами и силенами, кривлялись и прыгали, дразнили проходящихъ, насмѣхались надъ зрителями. Вскорѣ эти пѣсни и монологи превратились въ разговоры, и мало по малу родилась драма, сначала трагедія, получившая образъ и правильность въ рукахъ Эсхила, потомъ усовершенная Софокломъ и Эврипидомъ.—Комедія, получившая названіе отъ игрищъ или пѣснопѣній сельскихъ, появилась позже. Это была личная сатира въ формѣ дѣйствій и разговоровъ: въ ней смѣялись надъ правительствомъ, надъ полководцами, надъ мудрецами, даже надъ богами. Тридцать тирановъ Аѳинскихъ прекратили это злоупотребленіе.

Римляне нѣсколько вѣковъ не знали зрѣлищъ, и это не удивительно: могли ли существовать у нихъ роскошныя увеселенія ума и воображенія въ то время, когда Цинцинатъ ходилъ за своею сохою, а Фабрицій питался бобами? Наконецъ поселились въ Римѣ богатство, роскошь и словесность. Римляне свозили отсюду произведенія искусствъ, искали новыхъ, сильныхъ впечатлѣній, забавъ и наслажденій. Въ правленіе консула Лицинія въ первый разъ дозволено было гистріонамъ, или скоморохамъ, играть пантомимы, прерываемыя плясками и чтеніемъ стиховъ. Затѣмъ послѣдовали сатиры, или насмѣшки надъ дѣйствующими и надъ зрителями. Наконецъ, при консулѣ Клавдіи, Грекъ Андроникъ завелъ правильныя сценическія представленія. Такъ родилась трагедія у Римлянъ, которые сами разыгрывали самую ужасную трагедію въ трехъ частяхъ Свѣта. Еще были у Римлянъ особыя сценическія игрища, Ателланы, родъ трагикомедіи. Къ сожалѣнію, не осталось въ потомствѣ ни одной изъ піесъ сего разряда. Изъ комиковъ Латинскихъ отличились Плавтъ и Теренцій. Они ввели въ Римѣ правильную комедію, съ завязкою, занимательную по содержанію, вѣрную живопись нравовъ тогдашняго Рима или Греціи. Вообще зрѣлища составляли важную часть забавъ и даже занятій въ сихъ двухъ странахъ. Въ правленіе Перикла представленіе трехъ трагедій Софокла стоило болѣе, нежели издержки всей Пелопонезской Войны. Августъ расточалъ несмѣтныя суммы для забавы народа. Въ правленіе его преемниковъ, вкусъ Римлянъ развратился до того, что они хотѣли видѣть на театрахъ только тигровъ, львовъ, медвѣдей и гиппопотамовъ. Не притворныя слезы, а дѣйствительная кровь несчастныхъ жертвъ орошала ихъ сцену. Шедшіе на смерть привѣтствовали Цесаря, и испускали дыханіе при радостныхъ вопляхъ и громкихъ рукоплесканіяхъ изступленной толпы.

Варвары нахлынули на Римъ, развратный и дряхлый. Погасъ свѣтильникъ наукъ, скрылись веселыя и печальныя музы. Послѣ долговременнаго усыпленія, въ XV вѣкѣ возродились вновь искусство и поэзія драматическія. Нунцій папскій Триссино сочинилъ первую изъ новѣйшихъ трагедій, Софонисбу, а кардиналъ Бабіена первую комедію, Кассандра. Италіянскій Театръ, прославленный въ послѣдствіи Аріостомъ и Аностоломъ Зено, возникъ прежде всѣхъ Европейскихъ.

Потомъ родился Театръ Испанскій въ началѣ XVI вѣка, и трудами Сервантa и Лопеса Севильскаго, пріобрѣлъ блистательную славу. Лопе де Вега написалъ пятьсотъ театральныхъ піесъ. Послѣ него обогащали Театръ Испанскій Кальдеронъ, Гильемъ де Кастро, Діаманте, Солисъ, Морето, Самора. Инквизиція подавила Испанскую сцену.

Вслѣдъ за Испанскимъ Театромъ возникъ Театръ Французскій, и такъ какъ онъ болѣе всѣхъ иныхъ имѣлъ вліяніе на драматическое и сценическое искусство въ Европѣ, то мы и будемъ говорить о немъ подробнѣе. Французы заимствовали начало своего театра у Испанскаго, потому только, что этотъ послѣдній уже существовалъ: если же бы не было въ то время ни Испанскаго Театра, ни остатковъ древности, то Французы конечно сами, изъ своего воображенія и дарованій, составили бы театръ, при возрожденіи искусствъ на Западѣ. То, что въ древности было у Аѳинянъ, расцвѣло вновь на берегахъ Сены. Пламенное воображеніе, быстрый и ясный умъ, основательное изученіе наукъ, и въ то же время самое неограниченное легкомысліе, забывчивость на все, на хорошее и на дурное, и страсть блистать наружностью, хвастать и пародировать: все это составляло характеръ двухъ народовъ, древняго и новаго, равно отличавшихся и на сценѣ Свѣта и на позорищѣ театральномъ, въ трагедіи вымышленной, и въ трагедіи дѣйствительной жизни. У другихъ народовъ сценическія представленія суть занятіе праздности и любви къ развлеченіямъ, отдыхъ отъ упражненій важныхъ и дѣлъ тяжелыхъ. Во Франціи театръ есть существенная часть народнаго и политическаго быта, и вся Франція сама раздѣляется на сцену и на залу спектакля: одни играютъ, другіе смотрятъ. За входъ поплачиваются обыкновенно иностранцы. Отъ этого серіознаго упражненія въ искусствѣ драматическомъ, отъ этого вниманія, которое оно обращаетъ на себя во всей публикѣ, театръ достигъ во Франціи большаго совершенства, нежели во всѣхъ другихъ странахъ. Въ Англіи, Германіи, Испаніи на театрѣ *играютъ*, во Франціи *дѣйствуютъ*.

Театръ во Франціи начался представленіемъ такъ называемыхъ мистерій, или духовныхъ игрищъ, которыя представлялись были въ училищахъ студентами, и заимствовали содержаніе изъ Священной и Церковной Исторіи. Потомъ занялись театральными представленіями приказные, или, по нашему, подъячіе, les clercs de la basoche. Но дѣйствительный Театръ Французскій возникъ въ царствованіе Лудовика XIII, при кардиналѣ Ришельё, который ему покровительствовалъ. Первые Французскіе драматическіе писатели, Ротру, Скюдери, Мере, были люди безъ дарованія: они-то утвердили мнимые законы Аристотеля, которыми долгое время стѣснялась сцена Французская, и отягощался полетъ генія. Они заставили писателей новыхъ принять правила, выведенныя изъ свойствъ театра древняго, который былъ совершенно иной, и по цѣли, и по содержанію піесъ. Великіе поэты, возникшіе вслѣдъ за тѣмъ, Корнель и Расинъ, принуждены были дѣйствовать и творить на этомъ стѣсненномъ поприщѣ. Я назвалъ ихъ великими поэтами не безъ размышленія и основанія: геніемъ своимъ они принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Знаю, что въ нынѣшнее время вошло въ моду унижать и бранить ихъ, противопоставляя имъ Шекспира, Шиллера, Гете и даже Бейрона, который былъ самой плохой драматическій писатель. Это неуваженіе къ памяти сихъ писателей дошло до того, что ихъ просто называютъ поэтическими уродами. Позвольте не слѣдовать этому обычаю; позвольте отдавать всякому дарованію, всякой заслугѣ свое. Величіе романтическихъ поэтовъ не препятствуетъ Французскимъ писателямъ XVII и XVIII вѣка быть образцовыми и безсмертными. И Гете и Шиллеръ признавали превосходство своихъ предшественниковъ: Шиллеръ перевелъ стихами Расинову Федру; Гете, Вольтеровыхъ Танкреда и Магомета. Я увѣренъ, что и новые критики прельстились бы красотами Французской трагедіи, если бъ умѣли читать по Французски. Впрочемъ у насъ все это не собствен-

ныя сужденія критиковъ, а безсмысленное повтореніе чужаго, послѣдствіе желанія отличиться чѣмъ либо новымъ и необыкновеннымъ. Правда, что Французскіе писатели вѣка Лудовика XIV были стѣснены и правилами тогдашней пінтики, и единообразнымъ стихомъ Французскимъ, и тогдашнимъ устройствомъ Французской сцены. Зрители высшаго круга сидѣли на самомъ театрѣ, подлѣ дѣйствующихъ лицъ, глядѣли на нихъ вблизи, прислушивались къ каждому слову, громко порицали малѣйшую ошибку. Не было ни декорацій, ни костюмовъ приличныхъ; не было ни одного сценическаго эфекта, ни малѣйшаго поэтическаго обмана. И въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ авторъ не смѣлъ нарушать законовъ правдоподобія: долженъ былъ, въ порывахъ самой пламенной страсти, хранить и наблюдать правила холоднаго разсудка. Педанты и бездарные умники очертили этотъ магическій кругъ, изъ котораго не смѣлъ выступить ни какой писатель. И въ этихъ условіяхъ, при этихъ стѣсненіяхъ ума, чувства и воображенія, Корпель, Расинъ, Вольтеръ умѣли стяжать удивленіе современниковъ и безсмертіе въ потомствѣ! Нынѣ этого нѣтъ: всѣ искусства соединяются для очарованія ума, фантазіи и чувствъ зрителя; міръ безпредѣльный предоставленъ на выборъ авторамъ: не голодная жизнь на чердакѣ, а приволье и роскошь ожидаютъ даровитаго писателя драматическаго, — и что мы видимъ во Франціи? Уродливыя творенія развращеннаго воображенія, и слабыя копіи жалкой дѣйствительности, смѣняющіяся ежедневно, какъ въ волшебномъ фонарѣ, и не оставляющія на бѣлой стѣнѣ ни какого слѣда. За то и тамъ твердятъ о Шекспирѣ и Шиллерѣ, не понимая ихъ. — Если трагедія Французовъ не принята повсюду за образцовую и достойную подражанія, то комедія ихъ пріобрѣла вездѣ первенство, и неподражаемый, единственный Моліеръ вездѣ имѣетъ первое мѣсто между комиками и своими и иностранными. Его характеры, его страсти, его причуды и слабости людскія живутъ всегда и вездѣ. Его Скупой, Мизантропъ, повторяются безпрестанно и на сценѣ и въ свѣтѣ. И нынѣ ювелиръ Жоссъ совѣтуетъ утѣшить печальную дочь покупкою бриллиантовъ, и нынѣ полицейскій, входя въ честную компанію, начинаетъ роль свою словами: не бойтесь, господа! Иногда кажется, что его характеры вышли изъ моды: пройдетъ лѣтъ пять, десять, Тартюфъ снова всплыветъ на поверхности общества, и снова іезуиты возопіютъ противъ нечестивца, комедіанта Моліера.

Театръ Англійскій начался подражаніемъ Французскимъ мистеріямъ, и долго влачился въ младенчествѣ. Вдругъ, посреди тумановъ ученія классическаго, возникъ въ Англіи геній самородный, оригинальный, единственный, Шекспиръ, въ душѣ котораго, какъ въ чистомъ зеркалѣ свѣтлаго ручья, отразилось все небо поэзіи. Въ музеѣ Дерптскаго Университета видѣлъ я достойную вниманія аллегорическую картину, о которой говоритъ Гете въ своей автобіографіи. Представленъ храмъ поэзіи драматической. Въ святилищѣ его возсѣдятъ геніи древности и новѣйшихъ вѣковъ, важные, глубокомысленные, въ классической одеждѣ Грековъ и Римлянъ; другіе занимаютъ мѣста въ преддверіи храма; третьи внѣ его, на ступеняхъ. Одинъ человѣкъ, въ камзолѣ, брюкахъ и фуражкѣ Англійскаго матроса, закинувъ руки на спину, глядя вверхъ, входитъ въ самую средину святилища, какъ видно и самъ того не зная, куда зашелъ: это Шекспиръ. Ему обязана рожденіемъ новая драма, до невѣроятности употребляемая во зло бездарностью, шарлатанствомъ и мнимою геніальностію.

Нѣмецкій Театръ долгое время коснѣлъ въ тенетахъ безвкусія и педантства, жилъ мертвыми, холодными подражаніями Французской сценѣ. Лессингъ оживилъ его примѣрами и уроками. Гете и Шиллеръ создали Нѣмецкую трагедію. По ихъ слѣдамъ пошли многіе подражатели, въ числѣ ихъ и люди съ талантомъ, но большею частію подражатели однимъ слабостямъ. Раздробленіе Германіи на множество отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ, на множество нарѣчій, преимущество большинства на сторонѣ провинціяловъ, стѣсненныхъ въ своихъ взглядахъ, и почерпающихъ свѣдѣнія не

изъ жизни, а изъ книгъ, препятствуютъ въ ней явиться чему нибудь оригинальному.

Мы представили главные очерки исторіи и характера сихъ театровъ, потому что они имѣли болѣе или менѣе значительное вліяніе на образованіе и ходъ театра въ нашемъ отечествѣ. У насъ первые начатки сценическихъ представленій являются въ западныхъ провинціяхъ, нѣсколько сотъ лѣтъ бывшихъ подъ владычествомъ Литвы и Польши. И у насъ, какъ въ западной Европѣ, начались они игрищами духовными. Въ половинѣ XVII вѣка студенты Кіевской Академіи представляли священныя драмы, или лучше сказать, разговоры, на Польскомъ языкѣ, въ коридорахъ академическаго зданія, въ Братскомъ монастырѣ. Нѣкоторые пастыри Церкви, желая обратить это увеселеніе въ пользу нравовъ и словесности, начали сочинять духовныя и правоучительныя драмы на Славянскомъ языкѣ. До насъ дошли драматическія творенія въ семъ родѣ Св. Димитрія Ростовскаго и Ѳеофана Прокоповича. Вскорѣ представленія распространились и вышли изъ стѣнъ монастырскихъ: бурсаки странствовали по Украйцѣ, и тѣшили народъ своими игрищами. Мало по малу представленія сіи пробрались и въ Москву: тамъ студенты новой Славено-Греко-Латинской Академіи играли драмы іеромонаха Симеона Полоцкаго, перваго піиты того времени. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ пріѣзжали въ Москву и Нѣмецкіе актеры. Они играли въ Селѣ Преображенскомъ, въ присутствіи Царя, разныя піесы, съ музыкою и танцами. Дворовые люди Боярина Матвѣева переняли Нѣмецкую хитрость и участвовали въ представленіяхъ. Первая недуховная піеса играна была въ комнатахъ Царевны Софіи Алексѣевны придворными особами обоего пола: піеса эта была Моліеровъ Врачъ противу воли. Есть преданіе, что сама Царевна сочинила драму, но мы не знаемъ ни содержанія, ни достоинства ея.

Петръ Великій, во время пребыванія своего во Франціи, съ удовольствіемъ посѣщалъ тамошніе театры, и подарилъ, въ знакъ благодарности своей, шпагу знаменитому актеру Барону, но у себя, въ Россіи, не могъ думать объ учрежденіи театра: во-первыхъ, это роскошь просвѣщенія, а онъ преимущественно обращалъ вниманіе на полезное и необходимое; во-вторыхъ, театры Голландіи и Германіи, откуда онъ наиболѣе заимствовалъ средства къ просвѣщенію своего народа, не могли удовлетворить его вкусу: тамъ играли одни грубые и непристойные фарсы. Онъ предпочиталъ театральнымъ представленіямъ большіе и великолѣпные маскарады, которые дав болѣе пищи его уму и воображенію, представленіемъ различныхъ народовъ, ихъ нравовъ, обычаевъ, одежды и п

Опыты театральныхъ представленій, въ то время даванныхъ, не были удачны. Изъ Данцига и Лейпцига пріѣзжали въ Москву комедіянты, и кромѣ Нѣмецкихъ піесъ давали представленія на странномъ вавилонскомъ нарѣчіи того времени, составленномъ изъ словъ Русскихъ, Польскихъ и Нѣмецкихъ. Одному изъ этихъ содержателей театра, какъ Нѣмецкому мастеру, отданы были въ ученье мальчики изъ дѣтей подьячихъ. Забавны заглавія тогдашнихъ комедій, напримѣръ: *О Франталпеѣ, Царѣ Эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его, о прочихъ; О честномъ измѣнникѣ, ней же первая персона арцухъ* (ге *Фридрихъ фонъ Поплей, Донъ Педро, почитанный шляхта, Амариллисъ, дочь Порода Геркулесова, въ ней же перв персона Юпитеръ; Тюремный заключникъ, или Принцъ Пикельгерингъ.* Послѣдняя піеса видимо заимствована у Голландцевъ. Нѣкоторыя изъ этихъ драмъ состояли изъ осьми, десяти и двѣнадцати дѣйствій, и продолжались нѣсколько вечер сряду. Во всѣхъ антрактахъ дѣй шутъ, и иногда трагедіи оканчивались дракою между всѣми дѣйствующими Комедіянты, обученные Нѣмецкими мастерами, у насъ долго не изводились. До самаго учрежденія публичныхъ театровъ представляемы были въ Петербургѣ, нынѣшней Площади Большаго Театра, амфитеатрѣ, который до того служилъ каруселей, разныя комедіи, переплетчиками, типографскими наборщиками и подья-

чими, точно такъ какъ во Франціи писарями Базошя. Актеры получали за каждое представленіе по полтинѣ на человѣка отъ полиціи. Публику впускали даромъ, но такъ какъ представленія происходили на открытомъ амфитеатрѣ, то нерѣдко случилось, что дождь разгонялъ и зрителей и актеровъ. Піесы сочиняемы были самими актерами наканунѣ, и импровизированы безъ приготовленія, по внушенію минутнаго восторга. Однажды, говорятъ, вздумали они разыграть какую-то печатную комедію, выучили наизустъ роли, но, не зная, что дѣлать съ словами, напечатанными въ скобкахъ, напримѣръ: *входитъ*, *въ сторону*, *закалается*, *умираетъ*, рѣшились ихъ пѣть.

Дѣйствительныя театральныя представленія при Дворѣ начались, со вступленіемъ на престолъ Императрицы Анны Іоанновны, въ 1730 году. Вызваны были труппы Нѣмецкая, Италіянская и Французская. Театръ устроенъ былъ во дворцѣ; мѣста раздавались безденежно, по чинамъ и званію зрителей. Русскій Театръ возникъ въ Сухопутномъ Корпусѣ, который, какъ единственное въ то время высшее учебное заведеніе въ Россіи, замѣнялъ и университеты и лицеи. Кадетъ Сумароковъ началъ писать Русскія трагедіи, правильными шестистопными александрійскими стихами, въ подражаніе трагикамъ Французскимъ, и восхитилъ своихъ современниковъ. По восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, Нѣмецкій языкъ при Дворѣ и въ высшемъ обществѣ замѣненъ былъ Французскимъ, и это имѣло благопріятное вліяніе на образованіе нашего театра, потому что Французская драматическая литература была въ то время гораздо богаче и изящнѣе Нѣмецкой. Съ этого времени начинается у насъ вліяніе Французскаго языка, которое способствовало начальнымъ успѣхамъ нашего образованія вообще, но впослѣдствіи сдѣлалось вредно и тягостно для Русскаго Языка и Литературы. — Трагедіи Сумарокова долгое время находили только читателей и слушателей, а не зрителей. Въ 1750 году, кадеты Свистуновъ, Бекетовъ, Мелиссино съ товарищами вздумали въ Корпусѣ сыграть Хорева, въ присутствіи автора, выпущеннаго уже въ офицеры. Государыня, узнавъ о томъ отъ Графа Разумовскаго, приказала кадетамъ повторить это представленіе во дворцѣ. Имъ выданы были богатые костюмы изъ царской кладовой. Зрители приведены были въ восторгъ симъ новымъ, благороднымъ увеселеніемъ. Эти представленія продолжались при Дворѣ и въ Корпусѣ. Сумароковъ, осыпанный наградами и похвалами, написалъ еще нѣсколько трагедій, и тѣмъ упрочилъ свою славу. Вотъ причина, по которой онъ, не равняясь талантомъ съ Ломоносовымъ, сталъ съ нимъ на ряду: писатель эпическій и лирическій дѣйствуетъ только на читателей отдѣльныхъ, и довольствуется заочною, безмолвною хвалою, которая достается ему иногда очень поздно, случается, и послѣ смерти. Писатель драматическій приводитъ въ движеніе современную публику, и пожинаетъ лавры въ минуту творчества. Первый находитъ цѣнителей въ тѣсномъ кругу избранныхъ; послѣдняго славитъ и хвалитъ громогласная толпа. Достойно замѣчанія, что и по прекращеніи представленій въ Корпусѣ, по учрежденіи всенароднаго театра, геній драматической поэзіи не оставлялъ перваго своего пріюта въ Россіи: многіе наши драматическіе писатели (Хераскова, Озерова, Крюковской, Ефимьева, Глинка) вышли изъ Сухопутнаго Корпуса. Княжнинъ былъ тамъ учителемъ.

Въ то самое время, когда въ Петербургѣ благородные любители сценическихъ представленій испытывали свои дарованія, собственный Русскій Театръ составился въ удаленной отъ столицы провинціи. Въ Ярославлѣ купеческій сынъ Ѳедоръ Волковъ, бывшій въ Петербургѣ, гдѣ удалось ему видѣть представленія Нѣмецкихъ актеровъ, завелъ, при помощи другихъ молодыхъ людей, театръ въ кожевенномъ амбарѣ своего вотчима, а потомъ построилъ и особое деревянное для того зданіе. При пособіи любителя театра, г. Майкова, Волковъ имѣлъ успѣхъ необыкновенный. Государыня желала тогда устроить Русскій Театръ, и услышавъ объ этихъ представ-

леніяхъ, въ 1752 году послала въ Ярославль за Волковымъ съ товарищами. Изъ Ярославля они были привезены прямо въ Царское Село, и на другой день представили предъ Императрицею трагедію, къ большому ея удовольствію. Лучшіе изъ труппы, Ѳедоръ Волковъ, Дмитревскій, Шумскій и Поповъ, были отданы въ Кадетскій Корпусъ, для обученія наукамъ и иностраннымъ языкамъ, а прочіе отпущены, съ награжденіемъ, домой. Любопытно, какъ иногда политическія обстоятельства неприметнымъ образомъ способствуютъ успѣхамъ литературы. Въ Ярославлѣ жилъ тогда въ заточеніи, могучій въ свое время, Герцогъ Биронъ, и у его пастора молодые любители изящнаго получили первое образованіе въ наукахъ, первое понятіе о благородныхъ занятіяхъ изящными искусствами. Богомъ благословенная, плодоносная, обильная талантами Русская Земля! гдѣ только случайно канетъ на тебя живительная капля росы просвѣщенія, тамъ возникнетъ свѣжая травка, и превратится въ зеленый оазисъ посреди пустыни!—Въ 1756 году учрежденъ былъ Русскій Придворный Театръ. Директоромъ назначенъ былъ Сумароковъ, первымъ актеромъ Волковъ. Приняты были на театръ и актрисы. Представленія происходили на театрѣ Лѣтняго Дворца, у Полицейскаго Моста, гдѣ нынѣ домъ Косиковскаго. Государыня приходила въ свою ложу прямо изъ своихъ апартаментовъ почти на каждое представленіе. Что играли тогда? Трагедіи и комедіи Сумарокова, переводы Моліера, Корнелева Поліевкта, Расинову Андромаху. Первая Русская опера была Цефалъ и Прокрисъ. Слова сочинилъ Сумароковъ, музыку капельмейстеръ Араія.

Вступленіе на престолъ Екатерины II было для Русскаго Театра, какъ и во всемъ, эрою новой жизни и славы. Къ прискорбію любителей изящныхъ искусствъ, въ томъ же году скончался учредитель его, Волковъ. Дмитревскій заступилъ его мѣсто. Государыня отправила его въ чужіе краи, для усовершенствованія себя въ сценическомъ искусствѣ. Онъ пользовался примѣрами и уроками Гаррика, Лекена и другихъ знаменитыхъ актеровъ того времени, которые уважали въ немъ талантъ необыкновенный, и по возвращеніи своемъ, преобразовалъ Русскій Театръ. Дворъ Екатерины II отличался не только пышностію, богатствомъ и великолѣпіемъ: при немъ цвѣли всѣ изящныя искусства, красовались всякія дарованія, блистала слава всякаго рода. Большія каруселя, представляя изображеніе рыцарскихъ игръ, питали умъ и фантазію юныхъ благородныхъ воиновъ, которые къ успѣхамъ, пріобрѣтеннымъ на потѣшныхъ болхъ, вскорѣ присоединили дѣйствительные нетлѣнные лавры при Бендерахъ, Кагулѣ и Чесмѣ. Знатнѣйшіе кавалеры и дамы играли на Придворномъ Театрѣ, предъ избранною публикою комедіи Французскія и Русскія, танцовали въ балетахъ. По преобразованіи Придворнаго Театра въ народный, представленія любителей ограничились Эрмитажемъ. Тамъ великая Государыня, окруженная своими блистательными царедворцами и достойными представителями иныхъ Европейскихъ Монарховъ, которые старались отправлять къ ней *самыхъ академическихъ* министровъ, отдыхала въ занятіяхъ словесностію и искусствами отъ дѣлъ и обязанностей государственныхъ. При ней были въ Петербургѣ превосходные Театры Французскій, Италіянскій и Нѣмецкій. Есть люди, которые утверждаютъ, будто иностранные театры вредятъ успѣхамъ Русскаго. Это неосновательно и опровергается событіями. Лучшіе наши актеры и актрисы образовались во время существованія здѣсь театровъ иностранныхъ. Монополія нигдѣ не годится. Благородное соревнованіе оживляетъ дарованія. Что сказали бы въ публикѣ, если бъ мы, Русскіе писатели, стали утверждать, что привозъ книгъ Французскихъ и Нѣмецкихъ вредитъ успѣхамъ Русскихъ, если бъ мы стали желать совершеннаго воспрещенія иностранныхъ творепій для того, чтобъ мы одни пользовались и славою и прибылью съ своихъ доморощенныхъ произведеній! Мы отнюдь не стыдимся признаваться, что учимся писать по книгамъ иностраннымъ, что читаемъ ихъ съ удовольствіемъ, поль-

зою и благодарностью. Я увѣренъ, что актеры безпристрастные и даровитые говорятъ то же о своихъ пріѣзжихъ совмѣстникахъ. Въ наукахъ и искусствахъ исчезаетъ различіе націй: всѣ хорошіе писатели и артисты на Земномъ Шарѣ родные братья. – Русскій Театръ былъ предметомъ особенныхъ попеченій Императрицы Екатерины II: по возвращеніи Дмитревскаго, какъ мы сказали, эта часть была совершенно преобразована, и въ 1783 году открытъ Большой Каменный Театръ, въ который вся публика получила входъ за умѣренную плату. Репертуаръ обогатился трагедіями и комедіями Княжнина и Фонъ-Визина. Русскій водевиль появился въ Мельникѣ. Сама Государыня сочинила великолѣпныя представленія изъ Русской Исторіи и сказокъ: Рюрикъ, Начальное Правленіе Олега, Иванъ Царевичъ, Фсвей, возобновляли въ воображеніи зрителей событія Русской Исторіи и вымыслы Русской старины. Изъ актеровъ отличались самъ Дмитревскій, Крутицкій въ роляхъ стариковъ, Плавильщиковъ въ роляхъ героевъ, Черниковъ и Сандуновъ, въ роляхъ слугъ. Изъ актрисъ превосходнѣйшею была Троепольская, которую Дмитревскій ставилъ наряду съ первыми артистками тогдашняго Парижскаго Театра. Образовавшійся тогда же Московскій Театръ славился талантами Каллиграфа, Померанцева и Шушерина. Дмитревскій уволенъ былъ отъ должности, послѣ тридцати-осьми-лѣтней службы, въ 1787 году, и съ тѣхъ поръ Русскій Театръ началъ видимо упадать. Онъ возникъ съ большимъ блескомъ и славою съ начала царствованія Императора Александра Павловича. Въ это время взошла новая заря для нашей литературы, а съ нею и для театра. Возобновленъ былъ Большой Театръ, выстроенъ Малый, пополнены труппы Французская и Нѣмецкая, выписана прекраснѣйшая Италіянская опера. Русская сцена оживилась драмами Ильина, имѣвшими успѣхъ, по тогдашнему, необыкновенный, и преимущественно трагедіями Озерова. Эдипъ въ Аѳинахъ, Фингалъ, Димитрій Донской представили намъ зрѣлища, достойныя просвѣщенной публики по содержанію, по составу и по слогу. Крыловъ написалъ двѣ прекрасныя комедіи, которыя останутся въ потомствѣ памятниками современныхъ нравовъ. Тапкредъ, Гоѳолія, Эсѳирь, Ифигенія, Мизантропъ явились на Русскомъ Театрѣ въ хорошихъ переводахъ. Князь Шаховской, не столько сочиненіями своими, которыя, къ сожалѣнію, писалъ онъ наскоро въ слишкомъ большомъ числѣ, сколько личными своими стараніями и трудами, споспѣшествовалъ успѣхамъ сценическаго искусства. Въ Русской трагедіи и драмѣ красовались: Яковлевъ, переведенный изъ Москвы Шушеринъ, Каратыгина, и наконецъ несравненная у насъ донынѣ Семенова; къ комедіи Пономаревъ, Рыкаловъ и Рахманова; въ операхъ восхищали публику Воробьевъ, Самойловъ, а потомъ Семенова младшая, Зловъ и Климовскій.

Такимъ образомъ возросталъ, цвѣлъ и образовался Русскій Театръ до нынѣшняго времени, въ которое онъ сталъ на высокую степень, какъ достоинствомъ и числомъ представляемыхъ на немъ піесъ, такъ и дарованіемъ дѣйствующихъ, отчетливостью и великолѣпіемъ сценическаго исполненія. Въ Каратыгиныхъ, Брянскомъ, Сосницкомъ имѣемъ мы артистовъ, которыхъ смѣло можемъ поставить на ряду первыхъ талантовъ Европы. Московскій Театръ красуется необыкновеннымъ, оригинальнымъ дарованіемъ Щепкина. Многіе юные питомцы и питомицы нашего драматическаго разсадника обѣщаютъ сдѣлаться достойными преемниками знаменитыхъ корифеевъ Русской сцены. Недавно оплакали мы геніяльнаго артиста Дюра. Станемъ надѣяться, что, при поощреніи свыше, при ободреніи со стороны публики, нашъ Русскій Театръ станетъ на ряду съ прочими театрами Европы, что и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, мы будемъ преемниками и хранителями преданій и искусствъ тѣхъ странъ, которыя опередили насъ въ просвѣщеніи, и указали намъ дорогу. Наступитъ время, что и къ намъ станутъ ѣздить артисты изъ другихъ странъ за примѣрами и уроками.

Н. ГРЕЧЪ.

ВОДЕВИЛЬНЫЕ КУПЛЕТЫ.

СПЛЕТНИ.

(Изъ новаго, еще непрашнаго, водевиля.)

Охъ, ужъ эти злыя души
Болтуны-вѣстовщики!
Цѣлый вѣкъ свой бьютъ баклуши
Да болтаютъ пустяки.
И куда злы эти трутни:
Ихъ языкъ остеръ, какъ ножъ;
На душѣ у нихъ все плутни,
На устахъ у нихъ все ложь.
Ты обѣдомъ ихъ накормишь —
Сытный столъ твой разбранятъ;
Если ты долгъ чести помнишь —
Какъ злодѣя очернятъ.
Если старшихъ уважаешь —
Человѣкъ ты низкій, плутъ;
А нахаловъ презираешь —
Гордецомъ тебя сочтутъ.
Побранишь кого за дѣло —
Ты воркунъ несносный, злой;
Говоришь всѣмъ правду смѣло, —
Ты невѣжа запѣсной.
Если модамъ подражаешь —
Ты бездушный франтъ, дуракъ;
Если глупыхъ модъ не знаешь —
Ты и олухъ и степнякъ.
Если ты не входишь въ споры —
Ты ученъ на мѣдный грошъ;
Если ты бѣжишь отъ ссоры —
Мигомъ въ трусы попадешь.
Если денегъ не мотаешь —
Скряга ты и эгоистъ;
Честно деньги наживаешь —
Ты и плутъ и аферистъ.
Если въ бракъ вступить намѣренъ —
Просто, глупостью сочтутъ;
Если ты супругъ вѣренъ —
Анемѣрствомъ назовутъ.
Ты съ женою побранился —
Разведутъ тебя съ женой;
Ты съ женою помирился —
Простофиля ты прямой.
Если женщина въ печали —
Говорятъ, что влюблена;
А любезна чуть на балѣ, —
И кокетка ужъ она.
Будь ты съ доброю душею,
Будь ты честенъ, будь съ умомъ —
Сплетни гнусною молвою
Обернутъ все къ перху дномъ.

Сплетни по свѣту гуляютъ,
Сѣютъ зло, добру вредятъ,
Что высоко — унижаютъ,
Все что было — то чернятъ!

П. Ѳедоровъ.

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЬЕ.

(Изъ оперы-водевиля: Учитель и ученикъ, А. И. Писарева.)

Извѣстный журналистъ Графонъ
Задѣлъ Мишурскаго разборомъ;
Мишурскій, не терявъ словъ,
На критику отвѣтилъ вздоромъ.
Пошли писатели шумѣть,
Кричать, браниться отъ бездѣлья;
А публикѣ за что жъ терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье?

Дамонъ жениться пожелалъ;
Аристъ Дамону сдѣлалъ дружбу:
Ему невѣсту отыскалъ
И обѣщалъ дѣтей взять въ службу.
За нихъ благодаритъ Дамонъ,
Себя не помнитъ отъ веселья —
И что жъ? — напрасно терпитъ онъ
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

На свѣтѣ часто видимъ мы,
Что люди водятся такіе,
Которымъ страсть для кутерьмы
Въ дѣла припутаться чужія.
Женить, развесть, одѣть, раздѣть —
Они готовы отъ бездѣлья,
И рады цѣлый вѣкъ терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Поспѣетъ Лакомкинъ вездѣ,
Гдѣ есть столовая бесѣда,
И не пропуститъ онъ нигдѣ
Попойки, завтрака, обѣда,
По пальцамъ можетъ перечесть,
Гдѣ свадьба, ужинъ, балъ, веселье,
И вѣчно хочетъ перенесть —
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

СМѢСЬ, НОВОСТИ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Третій концертъ фортепіаниста г. Дрейшока, данный на Святой недѣлѣ, 16 апрѣля, въ залѣ г-жи Энгельгардтъ, утвердилъ еще болѣе знатоковъ и любителей музыки въ мнѣніи о геніальности его таланта. Онъ игралъ десять нумеровъ изъ сочиненій Бетговена, Листа, Тальберга и своихъ собственныхъ. Всѣ піесы исполнены были имъ съ непостижимымъ совершенствомъ. Публика съ единодушнымъ восторгомъ принимала знаменитаго концертиста и долго не забудетъ того наслажденія, которое онъ доставилъ ей въ три свои концерта.

— 19 Апрѣля, въ великолѣпной залѣ Дворянскаго Собранія, исполненъ любителями второй концертъ, съ котораго сборъ назначенъ въ пользу Дѣтской Больницы. Независимо отъ благотворительной цѣли, собравшей въ этотъ концертъ всѣ таланты изъ лучшаго общества нашей столицы и привлекшей значительное число публики, самый концертъ составленъ былъ изъ замѣчательнѣйшихъ піесъ лучшихъ композиторовъ. Въ немъ исполнены были: увертюры и интродукція изъ оперы *Вилгельмъ Телль*, соч. Россини; финалъ изъ оперы *La Sonnambula*, соч. Беллини; фантазія на Русскія пѣсни, написанная для віолончели Рамбергомъ; кавантина изъ оперы Робертъ, соч. Мейербера; увертюра, сцена и арія изъ оперы *Волшебный Стрѣлокъ*, соч. Вебера; Русская пѣсня *Соловей*; Хоръ изъ оперы *Графъ Ори*, соч. Россини, и прологъ изъ оперы *Lucrezia Borgia*, соч. Доницети. Отчетливость и вѣрность слышны были въ каждомъ нумерѣ. Огромный оркестръ, составленный изъ лучшихъ артистовъ столицы, исполнялъ свое дѣло превосходно. Хоры шли чрезвычайно согласно, а отдѣльныя партіи показали вполнѣ искусство и знаніе музыки любителей и любительницъ, рѣшившихся выступить предъ публикою, для прекраснаго, благотворнаго дѣла. — Графиня Росси пѣла три піесы: кавантину изъ *Роберта*, сцену и арію изъ *Волшебнаго Стрѣлка* и романсъ *Соловей*. Не возможно описать того восторга, въ какой приведена была публика ея очаровательнымъ, небеснымъ пѣніемъ. Надобно слышать ее, чтобъ имѣть понятіе о голосѣ, заключающемъ въ себѣ всѣ совершенства пѣнія: силу, душу, граціозность, чистоту и непостижимое искусство.—Сожалѣемъ о тѣхъ, которые не были въ этомъ концертѣ...

— Несравненная пата Тальони ангажирована на все лѣто въ Вѣну. Вѣнскіе любители театра въ восторгѣ, а журналы наперерѣ уже предсказываютъ имъ неземное наслажденіе, неслыханныя чудеса. Кромѣ *Сильфиды*, Тальони будетъ танцовать въ одномъ изъ балетовъ, поставленныхъ отцемъ ея на здѣшней Петербургской сценѣ; но какой именно балетъ будетъ выбранъ для Вѣнской сцены, до сихъ поръ еще не рѣшено.

—17-го апрѣля, на Большомъ Театрѣ, обществомъ благотворителей былъ данъ маскарадъ—*томбола*, т. е. маскарадъ съ *лотереею*. Выигрышей было десять, цѣною въ 5000 рублей; билетовъ роздано на 25,000 рублей. Въ часъ ночи, началось разыгрываніе, при многочисленномъ стеченіи зрителей, а маскарадъ продолжался до трехъ часовъ. Примѣръ благоразумнаго соединенія веселости съ благотворительностію поданъ: остается только слѣдовать ему и брать почаще подать, съ любящихъ веселиться, въ пользу бѣдныхъ и неимущихъ.

— Лучшіе артисты Французской труппы, служащіе ей украшеніемъ, г-жа Бурбье, г. и г-жа Алланъ уѣзжаютъ на лѣто изъ Петербурга. Съ открытія театра спектакли на Михайловской сценѣ были чрезвычайно занимательны: тамъ давали всѣ лучшія піесы Французскаго репертуара, которыя не могутъ итти безъ Бурбье и Алланов.

—Страсть къ театральнымъ зрѣлищамъ до того распространяется въ Петербургскомъ

народѣ, что лучшіе банкиры, отличавшіеся на Адмиралтейской площади въ Свѣтлую недѣлю, почли за нужное присоединять драматическія представленія къ пляскѣ на канатахъ, къ волтижированію на лошадяхъ, къ показыванію великановъ и куколъ, и пр. Не говоря уже о Легатѣ, который всегда отличался драматическими арлекинадами, укажемъ на нѣкоторыхъ другихъ. *Робба* давалъ страшную драму, въ новомъ ролѣ, съ сраженіями, похищеніемъ, угнетенною невинностію, и пр. *Капеллини* представлялъ цѣлую трагедію. *Бомбовъ* показывалъ *похожденія* на Волгѣ, сочиненныя, по видимому, имъ самимъ изъ народныхъ разсказовъ и преданій. Куклы *Клейншнека* играли трагедіи и комедіи. Если бъ страсть къ театральнымъ зрѣлищамъ не развивалась въ народѣ, банкиры не имѣли бы нужды прибѣгать въ помощи такихъ представленій, стоющихъ дорого, но необходимыхъ для привлеченія зрителей.

—На здѣшней Нѣмецкой сценѣ, 16-го апрѣля, дана была *Параша Сибирячка*, П. А. Полеваго (*Parascha*, das Mädchen aus Sibirien.) Надъ переводомъ трудился Нѣмецкій актеръ, г-нъ Моръ. Пьеса П. А. Полеваго, отличающаяся неподдѣльнымъ чувствомъ, простотою завязки и жаромъ изложенія, не могла не имѣть успѣха и въ переводѣ. Прелестныя Нѣмочки, наполнявшія Михайловскій Театръ въ первое представленіе *Параши*, непритворно плакали и вынесли изъ театра самыя сладкія впечатлѣнія. Сборъ былъ полный; ложи, кресла, всѣ мѣста были заняты. Переводчикъ вызванъ нѣсколько разъ. Г-жа Лангенгаунъ, въ роли Параши, показала себя превосходною артисткою: вѣрно, отчетливо, умомъ поняла роль и передала ее душою, искусно, увлекательно. Въ сценѣ *прощанія*, она была проста, но трогательна въ высшей степени. Только посмотрѣвъ игру г-жи Лангенгаунъ, можно понять все значеніе роли *Параши*, для которой мало одного искусства: нужно души, увлеченія, слезъ! Переводъ г-на Моpa очень хорошъ, и вѣренъ. Зрители хлопали безпрерывно, и самой пѣснѣ, и артистамъ. Такого замѣчательнаго спектакля давно уже не видали посѣтители Нѣмецкаго Театра.

— Русскіе спектакли начались съ 21 апрѣля (съ воскресенья на Свѣтлой недѣлѣ.) Въ Большомъ Театрѣ давали *Жизнь за Царя*, оперу М. И. Глинки, которую Петербургская публика слушаетъ всегда съ новымъ наслажденіемъ; а на Александрійскомъ Театрѣ появились старые любимые знакомцы: *Артистъ*, олицетворенный талантливымъ В. В. Самойловымъ, *Дѣвица-опытельница* и шутка-водевиль: *Покойная ночь*. Новый театральный годъ обѣщаетъ много: мы знаемъ нѣсколько новостей, чрезвычайно отрадныхъ, но не смѣемъ, прежде времени, сообщить ихъ любителямъ театра. Всѣ онѣ будутъ богатою жатвою для *Репертуара*, который рѣшился пользоваться всякимъ замѣчательнымъ сценическимъ явленіемъ.

—Въ послѣднее время, разнеслись слухи, что скоро будетъ напечатана оригинальная комедія, похожая, какъ двѣ капли воды, на *Ревизора* и писанная въ 1827 году. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали объявленнаго чуда; да и любопытно было разрѣшить вопросъ: есть ли у насъ другой комическій писатель, могущій стать на ряду съ Гоголемъ? Комедія напечатана, прочтена; всѣ убѣдились, что въ ней нѣтъ ничего общаго съ *Ревизоромъ*, кромѣ сюжета; но этотъ сюжетъ повторялся въ десяти другихъ комедіяхъ, а никто не скажетъ, что Ревизоръ похожъ на *Petite ville*, *falsche Catalani*, и пр. Фальшивая тревога кончилась очень забавно: изъ одного сюжета, мы имѣемъ двѣ комедіи, совершенно различныя, по содержанію, по характеру, по слогу и по достоинству.

—Въ среду, 24 Апрѣля, на Александрійскомъ Театрѣ разыгранъ былъ водевиль: *Новички въ любви*, воспитанниками и воспитанницами Театральнаго Училища. Въ этотъ разъ занимали роли: Давидова г. Толченовъ 2-й, Полиньки г-жа Ширяева, Вариньки г-жа Гриневa, Незабудкина г. Яблочкинъ и Даши г. Новикова. Водевиль шелъ вообще согласно. Участвовавшіе въ немъ питомцы Дирекціи показали замѣчательныя дарованія, подающія пріятныя надежды въ будущемъ. Публика принимала ихъ весьма благосклонно и по окончаніи всѣхъ удостоила вызовомъ. Особенно милы и наивны были въ своихъ роляхъ г-жи Гриневa и Ширяева.

ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ВОЛКОВЪ,

ИЛИ

ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ РУССКАГО ТЕАТРА.

АНЕКДОТИЧЕСКАЯ КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочиненіе князя А. А. Шаховскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ. *Мочаловъ.*

Гаврило } братья его: ..... *Хотяинцевъ.*

Григорій } ..... *Териховъ.*

Иванъ Трофимовичъ Полушкинъ, кожевенный фабрикантъ, вотчимъ Волковыхъ..... *Толченовъ.*

Марѳа Романовна, жена его, мать Волковыхъ..... *Ежова.*

Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, очень молодой семинаристъ..... *Марсель.*

Алексѣй Поповъ, родственникъ Волковыхъ, потомъ извѣстный актеръ..... *Григорьевъ 1.*

Михайло Поповъ, семинаристъ, потомъ актеръ и сочинитель.. *Дюръ.*

Михайло Чулковъ, то же..... *Сосновскій.*

Ваня Соколовъ, мальчикъ, родственникъ Дмитревскаго, потомъ актеръ и сочинитель.... *Петрлисовъ.*

Ѳаддей Михѣевичъ Михѣевъ, съ приписью подьячій, стряпчій и кумъ Волковой..... *Величкинъ.*

Груша, питомица и крестница Михѣева..... *Шелихова 2.*

Корнило Борисовичъ, Ярославскій голова, двоюродный братъ Волковой..... *Байковъ.*

Іоганнъ Крафъ, Нѣмецкій мастеръ на фабрикѣ Полушкина. *Рославскій.*

Сосѣди Полушкина.

Нѣвчіе, музыканты, гребцы, мѣщане, нищая братія.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПАСТОРАЛИ:

Евмонъ (Дмитревскій)..... *Марсель.*

Берѳа (Груша)..... *Шелихова 2.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ задній дворъ Полушкина на берегу Волги; на правой сторонѣ, въ третьей кулисѣ, кожевенный сарай: половина его на сценѣ, другая въ кулисахъ; широкія ворота прямо на сцену; у сарая стоитъ пустая телѣга; скамейки, маленькіе стулья деревянные и болванъ, на которомъ направляютъ парики; на лѣвой сторонѣ заборъ; подлѣ забора отдѣльно кустъ и чанъ или обрѣзъ, довольно-большой. На берегу лодка; впереди сцены гусли; на лѣвой сторонѣ, въ глубинѣ театра, анбаръ между кулисъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ѳедоръ Волковъ, сидитъ на правой сторонѣ за гуслями; Григорій стоитъ подлѣ него со скрипкой; Ваня Дмитревскій подлѣ Волкова держитъ въ рукахъ ноты; Ал. Поповъ на крышѣ сарая привязываетъ веревки; М. Поповъ сидитъ подлѣ маленькаго верстака и пишетъ; М. Чулковъ исправляетъ свой парикъ и расчесываетъ бороды; Гав. Волковъ дописываетъ посреди сцены кулису; нѣсколько мальчиковъ помогаютъ Гаврилѣ Волкову и Алексѣю Попову на крышѣ; мужики выносятъ изъ сарая кожи и нагружаютъ въ лодку, которая стоитъ у берега.

ХОРЪ КОЖЕВНИХЪ ТОВАРЪ.

Товаръ послѣдній подавайте,
Грузите въ лодку поскорѣй.

А. ПОПОВЪ И МАЛЬЧИКИ, НА КРЫШѢ.

Живѣй веревки придавайте!

ВСѢ.

Ну, братцы, разомъ всѣ, дружнѣй!

ЧУЛКОВЪ.

Сѣдая борода поспѣла.

ГАВРИЛО.

Эй, краску подавай живѣй.

ВСѢ.

Осталося немного дѣла;
Ну, братцы, разомъ всѣ, дружнѣй!

ѲЕДОРЪ ВОЛКОВЪ.

Да перестаньте кричать, не мѣшайте Ванѣ допѣть послѣдній куплетъ именинпику.

ВСѢ.

Тише, тише!

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Ну, Ваня, пой; а ты братъ, Гриша, аккомпанируй вѣрнѣй.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Постараюсь, братецъ.

ВАНЯ ДМИТР.

Извольте, Ѳедоръ Григорьевичъ; я начинаю.

О нашъ отецъ, и благодѣтель
Несчастнымъ съ дѣтства сиротамъ!
Тебѣ возласт всѣхъ благъ Содѣтель
Достойно, по благимъ дѣламъ.
Мы жъ дѣлъ великихъ представленья
Словами, дѣйствіемъ, лицомъ,
Тебѣ за всѣ благотворенья
Въ дань благодарности даемъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Ну, другъ Ваня, кажется, что мой вотчимъ будетъ доволенъ этими куплетами.

ДМИТРЕВСКІЙ.

А вы довольны ли мною?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Очень! Повѣрь мнѣ, что ты будешь славнымъ актеромъ.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Нѣтъ, вы шутите.

С. ВОЛКОВЪ.

Ни мало: и не будь я Ѳедоръ Волковъ, если Иванъ Дмитревскій не заставитъ о себѣ кричать не только нашъ Ярославль, но и всю Россію.

ГАВ. ВОЛКОВЪ.

А мнѣ, братецъ, что ты предсказываешь?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Что въ тебѣ будетъ большой толкъ на стариковъ.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Да, братъ Гаврило такой степенный и про него всѣ говорятъ, что онъ, не бывши молодъ, состарѣлся; а вотъ мы съ Алексѣемъ Поповымъ и Мишей Чулковымъ не таковы.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да, васъ никто степенностью не клепалъ; только и вы не ударите лицомъ себя въ грязь на русскомъ театрѣ, который сегодня же родится въ этомъ кожевенномъ сараѣ. Да скоро ли все будетъ готово?

А. ПОПОВЪ.

Я пролѣваю послѣднюю веревку для нашихъ бумажныхъ облаковъ.

ГАВ. ВОЛКОВЪ.

Вотъ, братецъ, послѣдняя кулиса готова; несите ее въ сарай. *(Уносятъ.)*

ЧУЛКОВЪ.

Я славно расчесалъ всѣ бороды и парики.

ГР. ВОЛКОВЪ.

А я ужъ сбѣгалъ къ помѣщику Майкову въ подгородную, и мнѣ велѣно явиться послѣ обѣда за музыкой и пѣвчими.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

А ты, Миша Поповъ, переписалъ ли мои стихи?

М. ПОПОВЪ.

Въ мигъ кончу; только, Ѳеодоръ Григорьевичъ, боюсь, что на меня разсердитесь.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

За что?

М. ПОПОВЪ.

Что я, не смѣя вамъ помѣшать, когда вы оканчивали вашу рѣзьбу для нашего прихода, самъ собою переставилъ стихи и перемѣнилъ риѳмы: мнѣ показалось, что этакъ лучше будетъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Посмотримъ. *(Беретъ бумагу и смотритъ.)*

ЧУЛКОВЪ.

Ну что, Ваня, какова тебѣ показалась моя сказочка?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Ей, ей, очень забавна!

ЧУЛКОВЪ.

Каково я въ ней пересмѣялъ всю приказную братью, здѣшняго сосѣда, съ приписью подъячаго Михѣича?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Ты ужъ настоящій пересмѣшникъ; но я боюсь, чтобъ проклятый Михѣичъ не подсмѣялся надъ нами.

ЧУЛКОВЪ.

Какъ?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Да какъ не пуститъ къ намъ крестницы своей Груши, кто тогда будетъ играть въ пасторали Берву?

ЧУЛКОВЪ.

А какъ онъ не пуститъ? Она также крестница и Маѳы Романовны, матери Волковыхъ, и сегодня еще именины ихъ вотчима.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Оно и такъ; да онъ терпѣть не можетъ Ѳедора Григорьевича, и боится, чтобъ питомица его не переняла у насъ...

ЧУЛКОВЪ.

Чертовщины, какъ онъ называетъ театръ?

Ѳ. ВОЛКОВЪ, перечтя нѣсколько разъ стихи.

Такъ, Михайло Ивановичъ, нечего дѣлать, а должно признаться, что ты славно поправилъ мои стихи. Ну, братъ, у тебя тутъ ума палата. *(Цалуетъ его въ лобъ.)*

М. ПОПОВЪ.

Благодарствуй-те, Ѳедоръ Григорьевичъ; но если моя голова не совсѣмъ пуста, то по вашей же милости.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Нѣтъ, по милости моего вотчима! Если я могъ обучить тебя и ихъ кой-чему, то все ему спасибо. — Послѣ покойнаго батюшки, я съ братьями остался безъ всякаго призора; но Иванъ Трофимовичъ, женясь на матушкѣ, отдалъ меня одного — затѣмъ, что я одинъ былъ тогда на возрастѣ — къ сосѣду Михѣичу учитъся грамотѣ, а потомъ отправилъ въ Петербургъ на контору къ Нѣмецкому купцу, съ которымъ онъ велъ торгъ. Тамъ-то я обучился по-нѣмецки, и не много по-французски, — и хозяинъ мой, который любилъ меня, какъ сына, взялъ однажды въ нѣмецкій охотничій театръ. Ахъ, Миша! ты не можешь себѣ представить, что со мной сдѣлалось, какъ я въ первый разъ увидѣлъ театральное представленіе!.. Музыка, актеры, театръ, трагедія — все свело меня съ ума!.. Я не могъ цѣлую ночь сомкнуть глазъ, вставалъ съ постели, и воображая себя героемъ трагедіи, ходилъ важно, да вдругъ такъ закричалъ, что хозяйская кухарка, подумавъ, что кричатъ: «пожаръ!» подняла тревогу, разбудила весь домъ: хозяйка меня разбранила, а хозяинъ на другой день досталъ мнѣ билетъ въ придворный италіянскій театръ.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Вотъ тутъ-то вы, я думаю, увидѣли чудеса? Ахъ, какъ мнѣ досадно, что я еще ничего не видалъ!..

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Подрости только, а то и ты увидишь и тебя увидятъ.

ЧУЛКОВЪ.

Да что жъ вы-то видѣли въ италіянскомъ театрѣ?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Я самъ не зналъ — на землѣ ли я былъ, или на небесахъ. Какая музыка! Какое пѣніе! Какія декораціи, машины, платье!.. Только мнѣ было страхъ досадно, что я не понималъ словъ; — но человѣкъ, и особливо русскій, когда чего захочетъ хорошенько, вѣрно до того добьется, и я добился до знакомства съ италіянскимъ суфлёромъ. За деньги, которыя давалъ мнѣ мой хозяинъ и присылалъ вотчимъ, онъ меня выучилъ по-италіянски, свелъ со всѣми своими товарищами, — и я перенялъ все, что можно было: узналъ музыку, ноты; понаторѣлъ въ рѣзьбѣ и живописи, которыя уже я зналъ еще дома; приноровился къ театральной постройкѣ и машинамъ; снялъ съ нихъ рисунки; перевелъ нѣсколько піесъ; а совсѣмъ тѣмъ не упускалъ изъ рукъ своего дѣла, и хозяинъ мой ни разу не бранилъ меня за нерадѣніе.

(Цоетъ или читаетъ.)

Кто сильно чувствуетъ и жаждетъ
Упиться нектаромъ искусствъ;
Отъ лишняго труда не страждетъ
И силенъ напряженьемъ чувствъ.

На все себѣ находитъ время,
Двойною жизнію живетъ:
И, прочимъ тягостное бремя,
Какъ легкое перо несетъ.

ДМИТРЕВСКІЙ, поетъ.

Вотъ отъ чего, теперь я знаю,
Коротнимъ время нахожу,
Какъ Ломоносова читаю,
Иль Сумарокова твержу.

ХОРЪ.

Кто сильно чувствуетъ и жаждетъ
Упиться нектаромъ искусствъ,
Отъ лишняго труда не страждетъ
И силенъ напряженьемъ чувствъ!

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Знаешь ли, Ваня, что Сумароковъ-то чуть меня не отправилъ въ сумасшедшій домъ?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Какъ это?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Онъ въ Кадетскомъ Корпусѣ обучилъ играть свои трагедіи. Я забрался туда за кулисы, — увидѣлъ Семиру, — слезы брызгали изъ глазъ моихъ, сердце кипѣло, грудь вздымалась, я задыхался отъ бѣшенства, когда Аскольдъ говорилъ: «Коль мечъ мнѣ въ грудь вонзишь, паду передъ тобой, а прежде никогда»... И вдругъ, оттого, что кадетъ Бекетовъ, а не я, игралъ Аскольда, что у насъ въ Россіи нѣтъ еще русскаго театра, что мы еще равнодушны къ своему и восхищаемся только иностраннымъ, — мнѣ сдѣлалось такъ горько, такъ зло, что я ходилъ долго, какъ полуумный, — и рѣшился, хотя бы мнѣ это жизни стоило, въ стыдъ обѣимъ столицамъ, завесть у насъ въ Ярославлѣ первый русскій театръ: и вотъ онъ!.. Да, въ этомъ кожевенномъ сараѣ и нынче же родится русскій театръ; я положилъ ужъ первый камень огромнаго зданія. Отправленный вотчимомъ въ другой разъ въ Петербургъ, я привезъ оттуда все, что на первый случай необходимо нужно для нашего дѣла, собралъ, обучилъ васъ, чему могъ, и если вы, друзья, родились актерами, если я успѣлъ заронить въ сердца ваши хотя искру того священнаго огня, которымъ воспламеняются души художниковъ, то нашъ успѣхъ вѣренъ, — и то искусство, которое я перенялъ у Нѣмцевъ и Италіанцевъ, также, какъ и все, чему мы научаемся отъ другихъ, удивитъ нашихъ учителей. Вотъ что я хотѣлъ выразить этими стихами. *(Беретъ у М. Попова стихи и читаетъ)*

Народъ Россійскій переимчивъ;
Онъ смѣтливъ, силенъ и смышленъ,
И все чужое увеличивъ,
Въ свое преобращаетъ онъ.
Потѣшная Петрова рота
Родила войска — страхъ враговъ,
И ботикъ маленькій Петровъ —
Отецъ безчисленнаго флота.

Сокровища всѣхъ царствъ природы,
Искусства, странъ великихъ честь,
Пришли чрезъ горы и чрезъ воды
Чтобъ въ мразахъ Сѣвера процвѣсть.
И то искусство, въ чемъ забаву
Вы видите теперь одну,
Съ собой въ великую страну
Приноситъ пользу, честь и славу.

Оно въ пособьяхъ не обильно;
Но имъ, безъ красокъ и кистей,
Актеръ живописуетъ сильно
Портреты вѣрные людей.
Поэта вдохновенъ стихами,
Актеръ искусною игрой,
А больше пламенной душой,
Владѣетъ зрителей душами.

Чувствуете ли, постигаете ли вы это?

ХОРЪ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ.

Все чувствуемъ и постигаемъ,
Художествъ пламенемъ горимъ, —
И нашей жизнью отвѣчаемъ,
Что мы тебя не посрамимъ.
И то искусство, въ чемъ забаву
Мы только видѣли одну,
Введя въ роскошную страну,
Получимъ пользу, честь и славу.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Славно, друзья, славно! Такъ, я теперь навѣрно думаю, что стихи мои, и ваши дарованія, подѣйствуютъ на зрителей.

ЧУЛКОВЪ.

И я тоже думаю, да не на-вѣрно!

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Отъ чего?

ЧУЛКОВЪ.

Мои я сказки всѣмъ читалъ,
Наслушался сужденій всякихъ;
Однако жъ точно не слыхалъ
И трехъ сужденій одинакихъ.
Однихъ смѣшитъ, что не смѣшно,
Другихъ же не смѣшитъ смѣшное;
Такъ можемъ думать мы одно,
А наши зрители другое.

Хоть многіе, я самъ видалъ,
Съ однимъ и согласятся мигомъ;
Но онъ ужъ вѣрно всѣмъ сказалъ,
Что говоритъ по старымъ книгамъ.
Всѣмъ новое, какъ дикій звѣрь,
У всѣхъ о старомъ только слово:
А то, что старое теперь,
Когда нибудь да было жъ ново.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да, большая часть людей говорятъ, дѣйствуютъ и даже думаютъ по одной привычкѣ.

ЧУЛКОВЪ.

А къ театру-то у насъ не привыкли.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Пусть такъ; но нашъ добрый воевода Мусинъ-Пушкинъ и важный здѣсь помѣщикъ Майковъ, очень одобряютъ наше предпріятіе и помогаютъ намъ своими совѣтами и разглашеніями; мой дядя, ярославскій голова, по просьбѣ моей и матушки, также намъ съ руки, да и самъ вотчимъ мой грамотѣй и не прочь отъ новаго: онъ завелъ здѣсь небывалую фабрику, выписалъ мастеровъ Нѣмцевъ, а когда я ему читалъ старинную піэсу Эсѳирь, которая была играна въ теремахъ Царевны Софіи Алексѣевны, онъ восхищался, и потому-то я выбралъ ее для нашего перваго представленія, а послѣ мы дадимъ мой маленькій пастораль, Эвмопъ и Бероа.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Ахъ, вотъ опа!..

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Кто?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Сама Бероа. Слава Богу; вотчимъ ее отпустилъ.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ГРУША.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

А, моя милая крестная сестрица, па-силу мы тебя дождались!

ГРУША.

Ахъ, братецъ, и сама я рада,
Что къ вамъ сегодня урвалась,
И въ жизни мнѣ одна отрада
Чтобъ съ вами быть и слушать васъ!
Такая страстная охота
Къ театру родилась во мнѣ,
Что мнѣ, какъ смерть моя работа, —
За ней горю, какъ на огнѣ.

Какъ буду славно я одѣта
Въ пастушьемъ розовомъ вѣнкѣ,
Въ корсетѣ розоваго цвѣта,
Съ корзинкой розановъ въ рукѣ.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Ахъ, Грушенька, вы роза сами,
Царица милая цвѣтовъ.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Но бойся розъ: онѣ съ шипами.

ГРУША.

Ахъ, нѣтъ, я, право, безъ шиповъ.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Такъ ее бояться нечего.

ГРУША.

Конечно нечего; только я сама боюсь...

ДМИТРЕВСКІЙ.

Чего, душа?

ГРУША.

Моего крестнаго отца и опекуна.

ЧУЛКОВЪ.

А развѣ у тебя есть какая тяжба?

ГРУША.

Нѣтъ, онъ кончилъ всѣ тяжбы моей покойной матушки, а послѣ смерти ея взялъ меня какъ-то безъ тяжбы въ опеку и запрещаетъ мнѣ къ вамъ ходить.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Однако жъ ты пришла?

ГРУША.

Онъ только отпустилъ меня поздравить Ивана Трофимовича съ именинами и велѣлъ, не оглядываясь, тотчасъ бѣжать домой. Пожалу-

ста, не задерживайте меня, начните пробу; а если онъ зайдетъ сюда, то все пропало: я и Берва.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И МАРѲА.

МАРѲА.

Что это, дѣти, вы тутъ проказите? мужъ давно вернулся отъ заутрени, а вы еще его и не поздравили: вѣдь онъ хоть и вотчимъ вамъ, а, право, стоитъ роднаго отца.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

И мы, матушка, его любимъ, какъ роднаго отца, и для его же удовольствія приготовляли нашъ театръ.

МАРѲА.

Ахъ вы затѣйники, затѣйники! Только я хоть и потакаю вашимъ затѣямъ, а у самой сердце вымерло.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Не бойтесь, матушка: я увѣренъ, что театръ ему понравится, — онъ человѣкъ умный.

МАРѲА.

Эхъ, другъ мой! на всякаго мудреца много простоты: онъ слишкомъ слушаетъ разсказы кума Михѣича, а этотъ... Ну да Богъ съ нимъ!... тебя очень не жалуетъ и называетъ умникомъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да развѣ это бранное слово?

МАРѲА.

По нашему нѣтъ, а по его — да; у всякаго свой толкъ, Ѳединька: вотъ попробуй-ка кто тебя назвать воромъ, или плутомъ, такъ ты вѣрно осердишься; а какъ ему скажешь: ой, ты воръ, ой ты плутъ, такъ у него ушки на полкѣ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Отъ того, что эти Михѣичи, судя по себѣ, не знаютъ и не хотятъ знать другаго ума, кромѣ воровства и плутней, — имъ и въ голову не приходитъ, что ничего нѣтъ глупѣе плутней.

МАРѲА.

А вотъ у моего Ивана Трофимовича всегдашняя поговорка: плутовать — глуповать, честно жить — хлѣбъ нажить. И по уму-то кумъ Михѣичъ хоть гораздо глупѣе моего мужа, да по плутнямъ-то ему голову кружитъ: такъ мнѣ куда зло, что онъ ему напѣваетъ, будто ты въ Петербургѣ свихнулся съ православія, пошелъ въ какіе то фармазоны, или фокусники, что-ли?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Неужли этому батюшка вѣритъ?

МАРѲА.

Боже упаси! Да вѣдь одно да одно все въ уши жужжатъ, да жужжатъ, то не диво, что и самъ не знаешь какъ, а въ головѣ что-то завинтится.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Такъ я докажу жъ при немъ этому съ приписью подъячему, что человѣкъ просвѣщенный и лучше, и честнѣе, и благочестивѣе всякаго невѣжды.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Нѣтъ, доказать ему не скоро можно:
Онъ такъ въ свое невѣжество влюбленъ,
Что говоритъ — и знать того не должно,
Чего не знаетъ онъ.

А знаетъ онъ всего одну науку:
По каверзамъ давать законамъ толкъ;
Онъ и къ письму когда приложитъ руку
И тутъ ввернетъ крючокъ.

МАРѲА.

Правда твоя, Гриша: онъ большой охотникъ до крючковъ.

ГРУША.

Вотъ отчего онъ и меня грозится запереть на крючокъ.

МАРѲА.

А, Грушюшка, ты здѣсь? А я думала, что ты домой ушла.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Нѣтъ, Марѳа Романовна: ваша крестница для именинъ Ивана Трофимовича играетъ со мною въ пасторали.

МАРѲА.

Эхъ, это не ладно вы затѣяли: опекунъ ея хоть и закаялся входить въ театръ; ну, да если какъ провѣдаетъ, то меня съ вами потащитъ къ суду. Нельзя ли безъ нея обойтись?

А. ПОПОВЪ, съ крыши.

Берегитесь, берегитесь! крестный звѣрь...

МАРѲА.

Какой крестный звѣрь?

А. ПОПОВЪ.

Ѳаддей Михѣичъ; онъ сводитъ съ задняго крыльца Ивана Трофимовича.

ГРУША.

Ай, бѣда!

МАРѲА.

Бѣги же скорѣй!

ГРУША.

Ноги подкосило...

А. ПОПОВЪ.

Идутъ сюда; убирайте все, а я здѣсь спрячусь.

МАРѲА.

Ну, какъ намъ быть?

ГРУША.

Я спрячусь.

МАРѲА.

Вамъ нечего прятаться, — вы свои; а вотъ ихъ, да всѣ эти припасы куда бы спрятать?...

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Эй! убирайте все въ сарай.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Грушенька, спрячься въ кустъ, а я вскочу въ этотъ обрѣзъ; мы все таки близко будемъ.

(Груша прячется въ кустъ, а Ваня въ обрѣзъ.)

ЧУЛКОВЪ.

Эй вы, положите бороды въ театръ. — *(Исполняютъ.)* А я спрячусь въ эту телѣгу.

ГР. ВОЛКОВЪ М. Попову.

Миша, полно писать! Идутъ!

М. ПОПОВЪ, продолжая все писать.

Хорошо.

ЧУЛКОВЪ.

Ба! Вотъ еще парикъ остался... Куда его дѣть?... Да чего лучше!... *(Надѣваетъ на М. Попова.)*

М. ПОПОВЪ.

Благодарствуй. *(Все пишетъ.)*

МАРѲА, бѣгая по театру суетится, чтобъ все было прибрано.

Ну, все ли прибрали?

ГАВ. ВОЛКОВЪ.

Все, кажется... *(На берегъ лодкѣ.)* Отчаливай! *(Лодка уѣзжаетъ.)*

МАРѲА.

Ба! Да кромѣ дѣтей ужъ никого нѣтъ: куда жъ всѣ попрятались?

(Груша, Ваня, А. Поповъ и еще нѣсколько мальчиковъ, спрятавшихся по разнымъ мѣстамъ, и двое изъ нихъ за обрѣзъ, въ которомъ Ваня, отвѣчаютъ изъ своихъ мѣстъ:)

Я здѣсь! Я здѣсь!

Ѳ. ВОЛКОВЪ, заперши ворота въ сарай и взявъ ключъ.

Крѣпость заперта, ключъ въ карманѣ, и я смѣло ожидаю подъяческаго нападенія.

МАРѲА.

Пожалуйста, Ѳединька, не бранись съ нимъ; повѣрь мнѣ старухѣ: тишь да гладь, Божья благодать; тише ѣдешь, дальше будешь.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, МИХѢИЧЪ И ПОЛУШКИНЪ.

ПОЛУШКИНЪ.

Изволь, Ѳаддей Михѣичъ, самъ посмотрѣть мой товаръ и скажи своему милостивцу, хорошъ ли онъ.

МИХѢИЧЪ.

Я только, куманекъ, д. литроформы обревизирую.

МАРѲА.

Они идутъ въ сарай, вотъ бѣда!... Дѣти, поздравьте жъ вотчима.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Извините, батюшка, что мы не успѣли еще васъ поздравить.

МАРѲА.

Я во всемъ виновата; хотѣла имъ дать знать, да въ хлопотахъ къ нашему пиру и забыла; не прогнѣвайся на меня, батюшка Иванъ Трофимовичъ.

ПОЛУШКИНЪ.

Да развѣ, матушка, и на тебя когда гнѣваюсь? Здравствуйте, дѣти! — (*обнимаетъ Волковыхъ.*) Да что вы здѣсь подѣлывали?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Я окончилъ рѣзьбу, которую къ вашимъ именинамъ обѣщался сдѣлать въ нашъ приходъ.

МИХѢИЧЪ.

А въ какой? смѣю спросить вашу премудрость.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Моя премудрость скажетъ вашему... любопытству, что въ нашъ, стало быть и въ вашъ.

МИХѢИЧЪ.

Извините, не стало быть: я знаю, гдѣ мой, гдѣ ихъ, чему мы поклоняемся; а гдѣ вашъ, и чему вы поклоняетесь, это извѣстно, можетъ быть, только одному...

МАРѲА.

Кому?

МИХѢИЧЪ.

Спросите у сынка вашего, а у меня языкъ не поворотится выговорить.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Всѣ знаютъ, что у васъ рука поворотливѣе языка.

(Показываетъ какъ подъячіе берутъ.)

Ѳ. ВОЛКОВЪ, дѣлаетъ знакъ Гришѣ, чтобъ онъ молчалъ.

МИХѢИЧЪ.

Ахъ, ты бѣ... Да нечего дивить, братцево обученье.

ПОЛУШКИНЪ.

Да, спасибо Ѳедору Григорьевичу, онъ таки ихъ обучастъ.

МИХѢИЧЪ.

А чему бы такому? смѣю спросить.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Быть честными людьми и не связываться съ плутами.

МИХѢИЧЪ.

А кто бы таковъ былъ, по вашему, плутъ?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Ужъ конечно не вы.

МИХѢИЧЪ.

Не я?...

ГР. ВОЛКОВЪ, въ сторону.

Задѣлъ за живое!

МИХѢИЧЪ.

Ну, положимъ, что не я; да кто же бы такой, напримѣръ?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

А напримѣръ, тотъ, кто такъ умно плутуетъ, что его не только не поймаешь, но и не замѣтишь.

МИХѢИЧЪ.

А развѣ я находился въ понятіи, или оставленъ подъ замѣчаніемъ?

ПОЛУШКИНЪ.

Да что ты, кумъ, все придѣпляешься? онъ тебя не трогаетъ?

МИХѢИЧЪ.

Нѣтъ, онъ трогаетъ такихъ людей, которые и не намъ чета: да здѣшній помѣщикъ Гуръ Любимовичъ Чупчиковъ имѣлъ за собою по ревизіи до семисотъ душъ, человѣкъ классной, красивой провинціи; а мнѣ пересказывали, что онъ его отбоярилъ виршами.

ПОЛУШКИНЪ.

Кто это?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Въ знасте, батюшка, Чупчикова: онъ третьяго дня выѣхалъ на славномъ Турецкомъ жеребцѣ; Ваня Дмитревскій сталъ хвалить и ѣздока и лошадь, и я ему сказалъ эпиграмму.

МИХѢИЧЪ.

Слышишь ли, что онъ сказалъ, а!... А что значитъ это слово?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Названіе рода стиховъ.

МАРѲА,

А! такъ ты сказалъ стихами. Да что жъ такое?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Всадника хвалятъ: хорошъ молодецъ;
Хвалятъ другіе: хорошъ жеребецъ;
А я такъ примолвлю: и конь и дѣтина
Оба пригожи, — и оба скотина!

МИХѢИЧЪ.

А, что? каково?... Да вѣдь это не въ бровь, а прямо въ глазъ!

ПОЛУШКИНЪ, смѣясь.

Не въ глазъ, а въ голову.

МИХѢИЧЪ,

Смѣйся, смѣйся, да чтобъ послѣ не плакать.

Эхъ, сватушка, повѣрь,
Что плакать горько станешь,
И если не теперь,
То впредь меня вспомянешь:
Твой умница большой
Завлъ у многихъ душу,
И я къ вамъ ни ногой
Пускать не стану Грушу.

ПОЛУШКИНЪ.

Полно-те о старомъ толковать; скоро время къ обѣдѣ, — пора намъ посмотрѣть товаръ. *(Ведетъ Михѣича къ сараю.)*

МАРѲА, Ѳ. Волкову.

Не робѣй, Ѳедя, говори все на меня.

ПОЛУШКИНЪ.

Ба! Да сарай запертъ... А гдѣ сторожъ?

МИХѢИЧЪ.

Вотъ никакъ онъ... Ба! Да онъ пишетъ... Охъ, охъ! Ужъ и сторожа стали грамотѣи... *(Подходитъ къ М. Попову и толкаетъ его.)* Эй, ты!

М. ПОПОВЪ.

Что?

МИХѢИЧЪ.

Вставай... Ба! Да что это за чучело?

М. ПОПОВЪ.

Кто чучело?

МИХѢИЧЪ.

Ты... Полюбуйся-ка, кумапекъ, на эту обезьяну.

ПОЛУШКИНЪ.

Ба! Миша Поповъ! Да что это у тебя на головѣ?

М. ПОПОВЪ.

Извините, Иванъ Трофимовичъ, я васъ не примѣтилъ, и не снялъ шляпы.

МИХѢИЧЪ.

Какой шляпы!.. *(Вырывалъ парикъ.)* Что это?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Парикъ.

МИХѢИЧЪ.

Знаю, что парикъ; мы таки, благодаря Бога, хоть и не бывали въ Петербургѣ, а парики видали... Да кто его на тебя надѣлъ?

М. ПОПОВЪ.

Я, право, и самъ не знаю, какъ онъ на мнѣ очутился.

МИХѢИЧЪ.

Очутился... Прошу прислушать, кумапекъ, очутился!... А кто, не здѣсь будь сказано, очучается? — Апъ и выходитъ моя же правда: повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить.

МАРѲА.

И, кумапекъ! Тутъ нѣтъ ни кувшина, ни воды; этотъ парикъ привезъ Ѳедя изъ Петербурга.

МИХѢИЧЪ.

Да и я объ этомъ же говорю, кумушка, что твой Ѳедя много кой-чего прочаго привезъ изъ Петербурга, и куда онъ повадился ходить, тамъ ему и голову сломить.

Мнѣ вашъ же сказывалъ прикащикъ,
Что вашъ разумникъ, въ часъ почной,
На плечи вскинувъ красный плащикъ
И свитокъ черный взявъ съ собой,
Сойдетъ за Волгу, да русалокъ
Умильно такъ молить начнетъ;
А тамъ на скликъ проклятыхъ галокъ
Какъ будто лѣшій заревѣтъ.
Тутъ галки вдругъ подымутъ грохотъ,
Взовьются тучей вкругъ его;
А тамъ въ водѣ раздастся хохотъ, —
И я слыхалъ, что оттого
Онъ прослылъ въ городѣ удачей,
Что къ чорту ходитъ на погостъ.

МАРѲА.

А я слыхала, что подъячій
И чорта проведетъ за хвостъ.

ПОЛУШКИНЪ.

Эхъ, матушка, Марѳа Романовна!

МАРѲА.

Виновата, батюшка Иванъ Трофимовичъ: сорвалось съ языка, — материнское сердце не вытерпѣло, и хотя Ѳалдей Михѣичъ мнѣ и кумъ, а не промѣняю на него моего роднаго сына; не прогнѣвайся на меня, а я скажу ему, что онъ лжетъ.

ГАВ. ВОЛКОВЪ.

Не лжетъ, а вретъ.

ПОЛУШКИНЪ.

Да это не онъ лжетъ, а прикащикъ нашъ.

МИХѢИЧЪ.

Ну, пусть прикащикъ лжетъ, да парикъ-то что говоритъ, и откуда онъ очутился?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Онъ молчитъ, а я говорю, что я его привезъ изъ Петербурга.

МИХѢИЧЪ.

А на какую потребу?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

На то, чтобы въ немъ представлять комедію.

МИХѢИЧЪ.

Слышишь ли, кумъ? Слышишь ли, кумъ? Слышишь ли, кумъ?

ПОЛУШКИНЪ.

Слышу, пока ты меня не оглушилъ.

МИХѢИЧЪ.

Ахъ, для чего я самъ не оглохъ до сей оказіи!... Что, не говорилъ я тебѣ, что этотъ заморскій мастеръ мастеритъ перевернуть твой домъ въ дьявольское гнѣздо... что онъ затѣваетъ комедію...

МАРѲА.

Да что жъ тутъ за бѣда? Я слышала отъ Ивана жъ Трофимовича, что при отцѣ нашемъ, первомъ Императорѣ, представляли комедіи не только въ Кремлѣ, но и въ царевниныхъ теремахъ и въ Ростовской семинаріи.

ПОЛУШКИНЪ.

Да, точно, дяля покойный самъ ихъ видалъ.

МИХѢИЧЪ.

А заводилъ ли твой покойный дядя у себя комедіи?

ПОЛУШКИНЪ.

Нѣтъ.

МИХѢИЧЪ.

Вотъ оно-то и есть: знай, сверчокъ, свой шестокъ; большому кораблю большое и плаваніе, а наши лодочки держись берега; оно и не такъ опасно... Да и что толку въ вашихъ комедіяхъ?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

А то, что онѣ изобличаютъ тѣхъ бездѣльниковъ, которые увертываются отъ правосудія.

МИХѢИЧЪ.

А какихъ бы, напримѣръ?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да, напримѣръ, такихъ, которые цѣлый вѣкъ, кривя душою, бездѣльничая, разоряя честныхъ людей ябедничествомъ и заводя безконечныя тяжбы, ушмыгнули отъ строгости законовъ.

МИХѢИЧЪ.

Все это умницъ судъ приватный
Стрень-брень, безъ формы приговоръ;
У насъ же толкъ простой, да внятный:
Кто не пойманъ, тотъ не воръ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

А если кто пойманъ, да вырвался.

МИХѢИЧЪ.

Все-таки не воръ, а проворъ; а кто осмѣлится опубликовать его воромъ, того самого такъ зацѣпятъ, что и не отцѣпишься. Нѣтъ, голубчикъ, не замай нашихъ, и если твои комедіи, да Боже васъ избави, захотятъ эдакъ марать честныхъ людей, то и ты, и потчимъ твой, да и тѣ, кто у васъ въ домѣ бываютъ, наживутъ себѣ такихъ супостатовъ, отъ которыхъ ничѣмъ не отдѣлаешься; чего добраго, и твоя фабрика поплатится за его комедіи, — и я ужъ тогда пера въ чернила не обмокну.

ПОЛУШКИНЪ.

Послушай, Ѳедоръ Григорьевичъ: если твой театръ въ самомъ дѣлѣ можетъ нажить мнѣ враговъ, то и покорный слуга.

МИХѢИЧЪ.

Вотъ то-то же: старикъ себѣ на умѣ, знаетъ, гдѣ раки зимуютъ — и да будетъ проклятъ твой театръ! Не такъ ли, кумъ?

ПОЛУШКИНЪ.

Я никого и ничего не проклинаю; но и не благословляю тебя, Ѳедоръ Григорьевичъ, на такое дѣло, отъ котораго ты можешь себѣ нажить враговъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Хотя я и не боюсь враговъ, а могу вамъ отвѣчать, что театръ вамъ доставитъ важныхъ друзей. Всякій Русскій съ сердечною радостію увидитъ на своемъ языкѣ и своими актерами представленныхъ во всей красѣ людей, содѣлавшихъ славу его отечества; всякій благомыслящій человѣкъ съ удовольствіемъ будетъ видѣть осмѣяніе порока, — и я

увѣренъ, что самъ Ѳаддей Михѣичъ радъ будетъ, когда ему представятъ въ лицахъ какого-нибудь воеводскаго товарища, котораго онъ же за носъ водилъ... Не такъ ли?

МИХѢИЧЪ.

Оно и такъ, да не такъ: и что ты ни пой, а я свое говорю: твой театръ чертовщина и бѣсовщина, и заводить его куму не для чего; выставлять себя выскочкой неприличпо; тратить деньги на пустое не годится.

Ѳ. ПОЛКОПЪ.

А если я вамъ докажу...

МИХѢИЧЪ.

Ты мнѣ докажешь?... Ты?

Ѳ. ПОЛКОВЪ.

Да, я.

МИХѢИЧЪ.

Нѣтъ, голубчикъ, молоденекъ: не забывай, что я тебя и грамотѣ Русской обучилъ, такъ тебѣ меня учить не удастся. А ты, куманекъ, слушай, или не слушай меня, только я тебѣ на-отрѣзъ скажу, что если у тебя да заведется хоть пол-комедіи, то ты ищи себѣ другаго стряпчаго, и пусть тебя волочатъ по судамъ, какъ хотятъ, а на меня не надѣйся, — и я въ твой домъ ни ногой, чтобъ не видѣть того разврата, который, по милости твоего умника, въ немъ заводишь.

МАРѲА.

Какого разврата? Прошу не обижать нашего дома! И что въ немъ заводится?...

МИХѢИЧЪ.

Если мы не увидимъ, то услышимъ.

МАРѲА.

Нѣтъ, я прошу...

ПОЛУШКИНЪ.

Эхъ! Да мы опять заговорились, а товаръ-то все еще не осмотрѣнъ... Да у кого ключъ?

МАРѲА.

Мой грѣхъ во всемъ: нынче я для радостнаго дня, приготовляя все, чтобы не стыдно было дорогому именинпику, услала всѣхъ сторожей и запрятала ключъ, не знаю куда; — но если прикажешь, побѣгу...

ПОЛУШКИНЪ.

Не безпокойся, матушка... Да отъ амбара съ отборной юфтью не найдется ли поближе ключа?

Ѳ. ВОЛКОПЪ.

Вотъ онъ у меня; прикажете, я отопру.

ПОЛУШКИНЪ.

Потрудись, Ѳедоръ Григорьевичъ... Ну, любезный куманекъ, полюбуйся-ка нашей отдѣлкой... Пойдемте, дѣти, покажемъ ему товаръ лицемъ. *(Входитъ со всѣми въ амбаръ, который на лѣвой сторонѣ.)*

ЧУЛКОВЪ, выглядывая изъ телѣги.

Они ушли?... Эй, Миша!

М. ПОПОВЪ, который опять принялся писать.

Что?

ЧУЛКОВЪ.

Что съ тобою попадѣлалось?

М. ПОПОВЪ.

Я, право, и самъ не знаю: ты знаешь, когда я примусь за сочиненіе, то ничего вкругъ себя не вижу, не слышу.

А. ПОПОВЪ, выглядывая съ кровли.

Ваня!

ДМИТРЕВСКІЙ, показываясь изъ обрѣза.

Что?

А. ПОПОВЪ.

Вставай, они ушли въ амбаръ, да скоро выйдутъ.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Уфъ!... Грушенька, они ушли.

ГРУША.

Ахъ, я отъ страха вся дрожала,
Не чувствуя ни рукъ, ни ногъ.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Ты близко отъ меня стояла,
А говорить съ тобой не могъ.

ЧУЛКОВЪ, садясь въ телѣгѣ.

Я скорчилъ такъ себѣ всю спину,
Что врядъ ли скоро распрямлюсь.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Дай, я къ тебѣ обрѣзъ подвину.

ГРУША.

Не двигай, нѣтъ, я страхъ боюсь.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Да никого изъ нихъ не видно,
Подвинуть въ мигъ его могу.

(Вылѣзаетъ изъ обрѣза и цалуетъ руку Груши.)

Вмѣстѣ.

А. ПОПОВЪ.

Да никого изъ нихъ не видно,
Такъ я на крышу взлѣсть могу.
(Взлѣзаетъ на крышу.)

ЧУЛКОВЪ.

Да никого изъ нихъ не видно,
И я поправиться могу.
(Становится въ телѣгѣ.)

ГРУША, вырывая руку.

Ахъ, Ваня, какъ тебѣ не стыдно!
Влѣзай опять: я помогу.

ДМИТРЕВСКІЙ, не пуская руки.

Нѣтъ, прежде надобно подвинуть.

ГРУША.

Ну, такъ скорѣе подвигай.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Да грустно мнѣ тебя покинуть.

ГРУША.

Ахъ, полно, ну, скорѣй влѣзай!

ДМИТРЕВСКІЙ, влѣзая на чанъ.

Я въ мигъ впрыгну, ты будь въ покоѣ!
(Держась за Грушу, влѣзаетъ на край чана.)
Вотъ, прыгаю...

И. ПОПОВЪ.

Идутъ!

ДМИТРЕВСКІЙ, желая прыгнуть, опрокидываетъ обрѣзъ.

Ахъ!

ГРУША.

Ахъ!

ЧУЛКОВЪ, ПОПОВЪ, ПОЛУШКИНЪ, МИХѢИЧЪ и прочіе, выходящіе изъ анбара.

Что тамъ за крикъ, что тутъ такое?

МИХѢЙЧЪ.

Обрѣзъ стоитъ, какъ на ногахъ.
Ну, видишь, кумъ, и это чудо
Ей, ей, не хуже парика.

ГРУША.

Ахъ, худо, Ваня.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Очень худо.

МАРѲА, ВОЛКОВЪ И ПОПОВЫ.

Ну, это взбѣситъ старика!

МИХѢИЧЪ, подходитъ къ обрѣзу. Груша падаетъ на колѣни.

Эй, кумъ, сюда! вотъ тутъ находка! (Ванѣ.)
Что здѣсь ты дѣлаешь, востракъ?

ДМИТРЕВСКІЙ, оробѣвъ.

Кто? я-съ? — Сижу.

МИХѢИЧЪ, увидя Грушу, которая отъ страха сидитъ на своихъ колѣняхъ.

Ахъ, ты, красотка,
Зачѣмъ здѣсь спряталась?

ГРУША, дрожа отъ страха.

Да такъ.

ПОЛУШКИНЪ, увидя Чулкова.

А ты что дѣлаешь въ телѣгѣ.

ЧУЛКОВЪ, какъ бы погоняя лошадей.

Скачу въ Москву на почтовыхъ.

А. ПОПОВЪ, ложась на крышку.

А я ночую на ночлегѣ.

ПОЛУШКИНЪ И МИХѢИЧЪ.

Да сколько здѣсь явилось ихъ!

МИХѢИЧЪ, Ванѣ и Грушѣ.

Вы вѣкъ сидѣть хотите?

ДМИТРЕВСКІЙ И ГРУША.

Нѣтъ, право, не хотимъ.

МИХѢИЧЪ.

Однако жъ вы сидите.

ДМИТРЕВСКІЙ И ГРУША, вставая.

Нѣтъ, мы ужъ не сидимъ.

МИХѢИЧЪ, Марѳѣ.

Ну, вотъ мои павѣтки.
Ты видишь ли теперь? (Полушкину.)
Вотъ матушкины дѣтки,
Такъ и впередъ мнѣ вѣрь. (Грушѣ.)
Я отъ тебя добьюся,
Ты скажешь все...

ГРУША.

Скажу.

МИХѢИЧЪ.

Скажи жъ!

ГРУША.

Я васъ боюся,
И вся какъ листъ дрожу.

МИХѢИЧЪ.

Чтобы меня безславить,
Пришла сюда ты въ домъ.

ГРУША.

Нѣтъ, я пришла поздравить.

МИХѢИЧЪ.

Поздравить, — за кустомъ!
Нѣтъ, ты пришла у брата
Заморскому уму
Учиться.

ГРУША.

Виновата!

МИХѢИЧЪ.

Да не бывать тому,
Домой, домой, сударка! (Марѳѣ.)
Ну что? Каковъ твой сынъ? (Полушкину.)
А ты не ждалъ подарка
Себѣ для именинъ. (Грушѣ, которая отъ страха перебираетъ пальцами.)
Ну, что ты щиплешь пальцы,
Иди сейчасъ домой;
Тотчасъ садись за пяльцы
И къ братцамъ ни ногой.

МАРѲА.

Ахъ, батюшка, Иванъ Трофимовичъ!

ПОЛУШКИНЪ.

Что, матушка, Марѳа Романовна!

МАРѲА.

Да ты ужъ не гнѣваешься ли на дѣтей моихъ?

ПОЛУШКИНЪ.

А вѣдь было бы за что прогнѣваться. *(Ѳ. Волкову.)* Что это было!

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Послушайте, батюшка, вы мнѣ до сей поры во всемъ вѣрили.

ПОЛУШКИНЪ.

И ты ни въ чемъ меня не обманывалъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Такъ не спрашивайте меня ни о чемъ до вечера, или я вамъ напередъ говорю, что вы принудите меня въ первый разъ въ жизни солгать.

ПОЛУШКИНЪ.

Избави, Боже, тебя къ этому принуждать; но, Ѳедоръ Григорьевичъ, я тебѣ скажу одно: чтобы ты мнѣ въ вечеру ни сказалъ, а то, что я видѣлъ и слышалъ, у меня крѣпко здѣсь засѣло.

МАРѲА.

Ахъ, батюшка, Иванъ Трофимычъ, на всякое чиханье не поздравствуешься, и мой любезный кумашекъ, много тебя смущаетъ.

ПОЛУШКИНЪ.

Гдѣ ему меня смущать! Да дѣло-то что-то затѣяно не по нашему... Ба! Да ты, братъ Ѳеодоръ, и голову повѣсилъ... Полно, гдѣ видано, чтобы у именинника лучшій его гость, первый его другъ и товарищъ, унывалъ!... Брось все, обними сердечнаго отца, — да и за весельс:

Сегодня мы сберемъ пирушку
Для важныхъ городскихъ гостей,
Ратафіи поставимъ кружку
И въ круговую всякой пей.

Ни чьей досады не попомнимъ,
Ты всѣхъ на хлѣбъ и соль проси;
И братью нищую накормимъ,
Какъ встарь водилось на Руси.

Ты ренскаго изъ бочки новой,
Жена, цѣди и пищихъ пой,
За здравье Дочери Петровой
И счастье родины святой.

(Всѣ уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ декорацію перваго дѣйствія со всѣмъ, что на ней было при окончаніи акта.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ѳ. Волковъ, сидитъ подлѣ закрытыхъ гуслей своихъ; у него въ рукахъ перо и передъ нимъ счеты, которые онъ повѣряетъ. Дмитревскій, въ плащѣ, подъ которымъ на немъ надѣто платье Эсѳири, румянитъ дѣвушекъ, одѣтыхъ Іудейскими дѣвами; А. Поповъ, полуодѣтый, репетуетъ роль и ему суфлируетъ. М. Поповъ, Гаврило Волковъ тоже въ плащѣ, подъ которымъ платье Мардохея, разбираетъ вѣнки и раздаетъ женщинамъ.

А. ПОПОВЪ.

Ну, братъ, я, кажется, роль твердо знаю.

М. ПОПОВЪ.

Не очень, ты во многихъ мѣстахъ ошибался.

А. ПОПОВЪ.

Ты вѣчно о пустомъ хлопочешь:
Тебѣ все знай и перезнай.
Нѣтъ, братъ суфлеръ, ужъ какъ ты хочешь,
А только съ нами не зѣвай.
Ну, какъ упомнить всѣ тѣ вздоры,
Что авторъ пишетъ иногда?
И настоящіе актеры
Ихъ роли знаютъ не всегда.

М. ПОПОВЪ.

Такъ, стало быть, они не настоящіе актеры; человѣкъ, который не знаетъ своего дѣла, ни въ чемъ не будетъ настоящимъ и не заслужитъ уваженія. Не такъ ли, Ѳеодоръ Григорьевичъ?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Такъ, да ты меня сбилъ съ счета... 13,128 съ завода, 24,248 на заводѣ.

М. ПОПОВЪ.

Да что вы дѣлаете?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Вотчимъ далъ мнѣ повѣрить счеты... А, Миша, перепиши же скорѣе послѣдніе мои стихи.

М. ПОПОВЪ.

Я ужъ ихъ переписалъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Хорошо... И такъ остается 11,114... такъ... Эй, братъ Ваня, закрась Артаксерксовы кресла. Обивая ихъ, краску стерли.

ГАВ. ВОЛКОВЪ.

Закрашу тотчасъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Вотъ еще невѣрно... Ваня, показалъ ли ты дѣвушкамъ, какъ имъ стоять на театрѣ?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Сейчасъ показываю. *(Становитъ дѣвушекъ въ полукругъ.)*

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да, точно пропущена цѣна; да я мигомъ поправлю.

А. ПОПОВЪ.

Каковъ молодецъ!

М. ПОПОВЪ.

Русскій человѣкъ смѣтливъ, досуженъ и сноровливъ.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ЧУЛКОВЪ.

А. ПОПОВЪ.

А, братъ Миша, что тамъ дѣлается?

ЧУЛКОВЪ.

Да теперь ужъ почти всѣ гости...

А. ПОПОВЪ.

Разошлись?

ЧУЛКОВЪ.

Да иные разошлись, иные развелись, а иные и разнеслись.

У насъ въ питьѣ считаются три класса:
Одинъ, когда зовется пить въ красу,
Когда огонь зардѣется вкругъ глаза
И расцвѣтутъ піоны на носу.
Другой зовутъ: напиться съ воздержаньемъ,
То есть, когда, воспомня старину,
Купецъ, простясь съ пріятельскимъ собраньемъ,
Идетъ, держась за стѣну, иль жену.
А третій классъ: питье съ расположеньемъ,
Тутъ успѣвай хозяйка наливать;
И гости пьютъ, какъ будто съ принужденьемъ,
Покуда ихъ положатъ на кровать.

А стряпчій нашъ, краса всѣхъ пьяницъ штатскихъ,
Изображалъ второй потѣшный классъ,
И шелъ, держась за членовъ магистратскихъ,
А члены шли, за стряпчаго держась.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Уфъ! Кончилъ... Ну что ты разсказываешь?

ЧУЛКОВЪ.

Я разсказываю, какъ нашъ благодѣтель Михѣичъ отправился домой.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Давно?

ЧУЛКОВЪ.

Да ужъ часа съ два, больше.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Боюсь, скоро проспится.

ЧУЛКОВЪ.

О, нѣтъ: Марѳа Романовна его порядочно употчивала и приказала вамъ сказать, что она непремѣнно сюда приведетъ Ивана Трофимовича, только не отвѣчаетъ, что̀ изъ этого выйдетъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

А я отвѣчаю, что онъ придетъ въ восхищеніе.

ДМИТРЕВСКІЙ.

А какъ Груша не будетъ съ нами играть, то и все прощай. Я ужъ провѣдалъ, что опекунъ заперъ ее въ комнату и не велѣлъ даже подходить къ окошку, и если ея не будетъ, то я не играю Эсѳири.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Что̀ такое?

ЧУЛКОВЪ.

Онъ не хочетъ играть Эсѳири.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Какъ, Ваня! Похоже ли это на тебя? Ты такой малой добрый, услужливый, доброхотный...

ДМИТРЕВСКІЙ.

Воля ваша, вы можете на меня сердиться, бранить, прибить меня, если хотите, а я играть не въ силахъ: я такъ разстроенъ, такъ у меня голова болитъ, что не могу показаться на театръ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ

Да отъ чего?

ЧУЛКОВЪ.

Оттого, что Груши не будетъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Эхъ, Ваня, какой стылъ: за дѣвочку измѣнять друзьямъ, чести, своему искусству...

ДМИТРЕВСКІЙ.

Да что̀ жъ дѣлать, если я не могу, если я расплачусь...

А. ПОПОВЪ.

Лодка съ музыкой причаливаетъ; пойдемте на встрѣчу.

Ѳ. ВОЛКОВЪ, Ванѣ.

Пойдемъ.

ДМИТРЕВСКІЙ, садясь на стулъ.

Не могу!

Ѳ. ВОЛКОВЪ, Чулкову.

Уговори его. *(Идетъ къ лодкѣ, которая подплыла.)*

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ГГ. ВОЛКОВЪ, ГРУША, дѣвчіе и музыканты.

ГГ. ВОЛКОВЪ, выходя изъ лодки.

Ну, братцы, рядомъ становись,
На плеча весла вы кладите.
(Груше.)
Ты крѣпче за меня держись,
Порядкомъ всѣ за мной идите.

(Гребцы дѣлаютъ изъ веселъ родъ носилокъ, сажаютъ на нихъ Грушу, которая въ покрывалѣ.)

ХОРЪ, идя впередъ и неся Грушу.

Вмѣстѣ.
Съ большою радостью идемъ
Играть, и пѣть, и потѣшаться,
Добычу славную несемъ:
Кто хочетъ ею любоваться?

ВОЛКОВЫ, ПОПОВЫ и проч.

Такъ скоро мы, друзья, начнемъ
Играть, и пѣть, и забавляться.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Что̀ это тамъ?

ЧУЛКОВЪ.

Ну, подойдемъ, (ведетъ его.)
Вотъ Груша.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Нѣтъ, не можетъ статься.
(Узнавъ Грушу.)
Она! Какъ ты сюда пришла?

ГР. ВОЛКОВЪ.

Ты видѣлъ: вашими руками.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Да за замкомъ она была.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Такъ что жъ? Замки вездѣ съ ключами.

ДМИТРЕВСКІЙ, Грушѣ.

Какъ это сдѣлалось, что вы здѣсь?

ГР. ВОЛКОВЪ.

Я, возвращаясь изъ подгородной на лодкѣ съ музыкой, остановилъ лодку противъ Михѣичева сада, сбѣжалъ на улицу; увидя Грушу въ окошко, догадался, что̀ дѣлать: вбѣжалъ, шепнулъ Михѣичу, что встрѣтилъ стряпчаго, который долженъ говорить противъ него въ судѣ по вотчимовому дѣлу, что этотъ стряпчій юркнулъ въ воеводскую канцелярію. Онъ съ полпьяна вскочилъ и побѣжалъ, сломя голову, а я выручилъ Грушу, — вотъ и все!

ДМИТРЕВСКІЙ, обнимая Грушу.

Чего жъ еще больше?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Теперь всѣ собрались, — и я кончилъ вотчимово порученіе, такъ надо заняться костюмами.

ДМИТРЕВСКІЙ, развертывая плащъ.

Я ужъ въ половину одѣтъ.

А. ПОПОВЪ.

И я почти совсѣмъ *объ-Аманился*.

ГАВ. ВОЛКОВЪ.

И я почти готовъ.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Я мигомъ парижусь, и привезъ Грушино платье, которое въ Майковой подгородной шила сѣдая дѣвушка, а покрывало ужъ на ней.

М. ПОПОВЪ.

Я сначала суффлирую, а къ концу буду готовъ.

ЧУЛКОВЪ.

А я къ началу.

Ѳ. ВОЛКОВЪ,

Мнѣ еще надо будетъ встрѣтить батюшку, а во время увертюры успѣю одѣться.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И МАРѲА.

МАРѲА.

Когда я услышала музыку, сердце у меня забилось: я не утерпѣла, чтобъ не прибѣжать къ вамъ. Ну, что̀, все ли у васъ готово?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Все тотчасъ поспѣетъ.

МАРѲА.

Да что̀жъ вы тутъ стоите, сложа руки? Ну, всѣ скорѣй въ сарай... эй-бишь — въ театръ, одѣвайтесь, приготовляйтесь, — идите, идите, отворите двери... нѣтъ, нѣтъ, не эти: у нихъ свои сзади, а это для гостей, — такъ, что̀ ли?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Такъ, матушка, да не безпокойтесь, — всѣ поспѣютъ.

МАРѲА.

Ну, хорошо, коли поспѣютъ; да меня безпокоитъ кумъ Михѣичъ: боюсь, чтобъ онъ не скоро проспался.

ГРУША.

Ахъ, матушка крестная, да онъ ужъ проспался.

МАРѲА.

Ахъ, онъ злодѣй! Каковъ же! Я ему все въ двойную череду подносила: да этимъ подъячимъ и хмѣль трынъ-трава, ни чуть не крѣпче звѣробоя.

ЧУЛКОВЪ.

Да если звѣробой, въ самомъ дѣлѣ звѣробой, то долженъ его убить.

МАРѲА.

И, батюшка, что онъ за звѣрь? Такъ, ни рыба, ни птица. Да чтобы онъ не прикатилъ съ пьяна сюда.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Не бойтесь, матушка, я его турнулъ за стряпчимъ Випантьичемъ въ воеводскую канцелярію, версты за три отсюда, — и онъ теперь еще бѣжитъ, сломя голову.

МАРѲА.

Ништо ему, пусть его пробѣжится... А стряпчаго тамъ нѣтъ?

ГР. ВОЛКОВЪ.

И не бывало!

МАРѲА.

Славный ему променажъ... Ха, ха, ха! Я какъ будто вижу, какъ онъ улепетываетъ, какъ брюшко его колыхается, какъ онъ пыхтитъ... *(Хохочетъ.)* Бѣги, бѣги, надсѣдайся! — Найдешь тамъ Вифантыча. *(Хохочетъ.)* Охъ, да что я расхохоталась, ужъ полно, къ добру ли?... Мой Иванъ Трофимовичъ, хоть человѣкъ и тихій, да и тихіе люди подчасъ такъ разбушуются, что Боже упаси!.. все перевернутъ вверхъ дномъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Ахъ, матушка, не пугайте меня; я и безъ того, признаюсь вамъ, не знаю, что со мною дѣлается.

МАРѲА.

Не робѣй, не робѣй... авось... Да что жъ вы опять стали? Идите, идите... *(Толкаетъ всѣхъ, кромѣ Ѳ. Волкова; всѣ уходятъ и Марѳа туда же гонитъ М. Попова.)*

=

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРѲА, Ѳ. ВОЛКОВЪ И М. ПОПОВЪ.

М. ПОПОВЪ.

Я, Марѳа Романовна, только пока суфлёръ.

МАРѲА.

А! — Ѳединька, что онъ такое?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Ему не надо одѣваться: онъ только будетъ намъ подсказывать, когда мы что забудемъ.

МАРѲА.

Вотъ что! Какъ это умно вздумано; человѣкъ то есть: ну, какъ не забыть ему... Ахъ, вотъ и я забыла шепнуть двоюродному дядѣ твоему, здѣшнему головѣ, чтобъ онъ, знаешь, побольше поджогъ великатность Ивана Трофимовича: всѣ мы люди, всѣ подъ Богомъ ходимъ. У кого пѣтъ своего копька, который его везетъ, куда хочетъ? Надо только умѣть за всякаго взяться, а братецъ-голова — человѣкъ дальновидный.

Скажу, что этотъ голова,
Не даромъ головой зовется:
На немъ такая голова,
Какихъ головъ не вдругъ найдется!
А отъ иного головы
Жди поголовнаго изъяна, —
И голова безъ головы
Не лучше этого чурбана!

(Показываетъ на болванъ, на которомъ направляли парики.)

А если братца-голову смѣнятъ, то развѣ только одинъ мой Иванъ Трофимовичъ можетъ быть здѣсь головою, и то съ помощію Божіей.

М. ПОПОВЪ.

И вашей?

МАРѲА.

И, батька, наше бабье дѣло: молчи и слушай разумныхъ людей, да дѣлай, что мужу угодно... А, кажется, Ѳединька, Михѣичъ-то заронилъ искру въ нашъ чердакъ. Боюсь, чтобъ не было пожара, а ужъ давича крѣпко дымокъ показывался... Увѣренъ ли ты, что твой театръ его разгонитъ?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Совершенно увѣренъ: можно ли видѣть театръ безъ восхищенія?

МАРѲА.

Ну, ты много видалъ, много слыхалъ, много читалъ: такъ все долженъ лучше знать насъ глупыхъ бабъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

И все мое знаніе безъ вашей помощи никуда не годится.

МАРѲА.

Что ты думаешь... а взаправду, и бабья глупость иногда пригодится... Ну, да утро вечера мудренѣй... поутру-то мы съ тобой больно поплошали, а въ вечеру-то, авось... Ну, да прощай; чему быть, того не миновать; я пойду къ гостямъ: а тамъ, какъ у тебя все готово будетъ, мы съ братцемъ-головой и выведемъ сюда, кого намъ надобно... Прощай!... *(Возвращаясь.)* Только я что-то сегодня не путемъ весела... Правда, день-то такой радостный... Ну, да что бояться, то хуже... побѣжать стряпать вмѣсто Михѣича.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ѳ. ВОЛКОВЪ, М. ПОПОВЪ И ПОТОМЪ ДРУГІЕ АКТЕРЫ, ОДИНЪ ПОСЛѢ ДРУГАГО, ВЫБѢГАЮТЪ ИЗЪ САРАЯ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Дай руку, Миша, — пощупай, какъ сердце выскочить хочетъ.

М. ПОПОВЪ.

Да! Очень бьется: неужли отъ страха!

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Я самъ не знаю отъ чего... А кстати: я вчера, воображая живо ту минуту, когда явлюсь въ первый разъ на сцену, почувствовалъ такое же біеніе, схватилъ перо и написалъ:

Скажи мнѣ, сердце, отчего
Въ тебѣ столь сильное біенье!
Отъ страха ль только одного,
Или болѣе отъ восхищенья?
Жизнь новую мнѣ дастъ успѣхъ,
Убьетъ партера судъ ужасный:
Ахъ, мнѣ извѣстно, какъ для всѣхъ
Сѣтшонъ актеръ несчастный!

Нѣтъ жалости къ нему ни въ комъ:
Но легче ль быть дурнымъ поэтомъ,
И не успѣвъ ни въ томъ, ни въ семъ,
Придется мнѣ проститься съ свѣтомъ.
За то, какая ѫ слава ждетъ
Актера и творца большаго:
Одинъ въ сей жизни лавры жнетъ,
Безсмертье ждетъ другаго.

Но полной благостью Небесъ
Они не наслядятся оба:
Актеръ какъ умеръ, такъ исчезъ,
Поэтъ неоцѣненъ до гроба.
Ахъ, часто зависти навѣтъ
Грызетъ обоихъ клеветою;
Но все актеръ, или поэтъ —
Великъ самимъ собою!

Такъ, самимъ собою: мой даръ — мое богатство; мой даръ—моя почести; мой даръ—моя слава; никто не въ-силахъ ни дать, ни отнять этой собственности: она не зависитъ ни отъ кого,—она моя; я ее получилъ съ жизнію, но и съ самой жизнію не вовсе ее утрачу... Такъ, чувствую, что я рожденъ быть актеромъ;—и какая бы блестящая судьба ни представлялась мнѣ въ будущемъ, я все останусь и умру актеромъ.

А. ПОПОВЪ, ОДѢТЫЙ АМАНОМЪ, ВЫЛѢЗАЯ ИЗЪ КРЫШИ, КРИЧИТЪ:

Подавай скорѣй!

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Что тамъ сдѣлалось?

А. ПОПОВЪ.

Всѣ облачныя веревки перепутались. Ни одно облачко отъ земли не отходитъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Какъ же быть?

А. ПОПОВЪ.

Авось, поправлю!

Ѳ. ВОЛКОВЪ,

Авось! Этимъ словомъ много важныхъ дѣлъ надѣлали, и я надѣюсь на него.

А. ПОПОВЪ.

Надѣйтесь на него и на меня.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да, я увѣренъ, что ты поправишь: и эта бѣда куда нейдетъ, мы и безъ облаковъ обойдемся, — нечего дѣлать.

ГР. ВОЛКОВЪ, ВБѢГАЯ.

Ахъ, братецъ!

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Что сдѣлалось?

ГР. ВОЛКОВЪ.

У Вани Эсфирины башмаки лопнули поперекъ. Нельзя никакъ въ нихъ показаться.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да не можно ли починить?

ГР. ВОЛКОВЪ.

Никакъ невозможно.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Однако жъ изъ за-башмаковъ нельзя же не давать піесы.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Я знаю, — да чѣмъ же помочь?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Эхъ! Сдѣлайте какъ нибудь!.. Куда же ты бѣжишь?

ГР. ВОЛКОВЪ.

Да ты ужъ сказалъ, чего жъ еще ждать?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

А что я сказалъ?

ГР. ВОЛКОВЪ.

Какъ нибудь: а этимъ словомъ, какъ мнѣ разсказывалъ вахмистръ Бушуевъ, они города брали. А башмаки, хотя и Эсфи-

рины, все таки не такъ важны, какъ крѣпость, — и какъ нибудь возьмемъ свое. (*Уходитъ.*)

М. ПОПОВЪ.

Вотъ ужъ начались, ничего не видя, театральныя хлопоты.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

А развѣ на театрѣ свѣта ихъ меньше?

ЧУЛКОВЪ, вбѣгая.

Ну, вотъ бѣда, хоть небольшая:
Весь день я нынче занятъ былъ,
Всѣмъ бороды приготовляя,
А о себѣ и позабылъ.
И такъ моей умильной рожѣ
Ни крошечной бородки нѣтъ;
Позвольте быть мнѣ помоложе,
Вѣдь всѣ ваперсники безъ лѣтъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Будь молодъ или старъ, только знай свою роль.

ЧУЛКОВЪ.

Постараюсь — (*Уходя.*) если могу.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Кажется, это дѣло обойдется.

ГРУША, выбѣгая со слезами.

Ахъ, эти дѣвушки спѣсивы!
Хотя живи въ дому большомъ,
А сшили мнѣ бочка кривые
И спинку сдѣлали съ горбомъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Чтожъ дѣлать, милая Грушюшка, теперь перешивать некогда и некому, — такъ и хлопотать нечего о пустомъ, и это бездѣлица.

ГРУША.

Бездѣлица для васъ, конечно,
Но я о дѣлѣ хлопочу;
Въ кривыхъ бочкахъ не выйду вѣчно,
И быть горбатой не хочу.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да кто тебя проситъ выходить съ кривыми бочками: и гораздо лучше ихъ совсѣмъ не надѣвать; ты, право, и безъ нихъ очень хороша.

ГРУША.

Ну, пусть безъ бочковъ можно обойдтись: но ужъ горбатой-то быть я никакъ не согласуюсь.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да можно, кажется, какъ нибудь ушить.

ГРУША.

Да, если бы я была портниха; а то я никогда платья такого не шивала.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да вѣдь ты сама на себя шила что-нибудь?

ГРУША.

Шить-то я шила, да кроить не умѣю.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Ну, да какъ нибудь.

ГРУША.

А, какъ-нибудь-то я еще и больше испорчу... Боже мой! (*Плачетъ.*)

А. ПОПОВЪ.

Надъ ней не дѣйствуетъ какъ нибудь; такъ постой же... (*Кричитъ.*) Идутъ! идутъ!

ГРУША.

Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ужъ я сама полумаю. (*Уходитъ.*)

А. ПОПОВЪ.

Думай: бѣда умъ родитъ!

Ѳ. ВОЛКОВЪ, А. Попову.

Въ самомъ дѣлѣ идутъ?

А. ПОПОВЪ.

Нѣтъ: я хотѣлъ только васъ избавить отъ женскихъ докукъ.

М. ПОПОВЪ.

Эхъ, зачѣмъ ты обманываешь? Говорятъ, что это дурная примѣта.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ чего ты вздумалъ обманывать?

М. ПОПОВЪ.

Развѣ вы вѣрите?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Обыкновенно, нѣтъ; но я теперь такъ разстроенъ, что все можетъ меня встревожить, и всему готовъ вѣрить.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, ВАНЯ СОКОЛОВЪ, И ПОТОМЪ ПОЛУШКИНЪ, МАРѲА, ГОЛОВА, ГОСТИ, ИОГАНЪ КРАФЪ И ПРОЧ., МАСТЕРА ФАБРИКИ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

А! Ваня Соколовъ, кого ты ищешь?

соколовъ.

Васъ, Ѳедоръ Григорьевичъ. Марѳа Романовна послала меня вамъ сказать, что гости отпили чай и ужъ идутъ сюда, то все ли у васъ готово?

ѳ. волковъ, А. Попову.

Готово ли у тебя?

а. поповъ.

Готово.

ѳ. волковъ.

А тамъ?

а. поповъ, сквозь крышку кричитъ.

Эй! Все ли у васъ готово?

гг. волковъ, отвѣчаетъ изъ сарая.

Почти все.

ѳ. волковъ.

Почти!... Съ этимъ почти, тотчасъ въ дураки попадешь. Бѣги, Миша, туда, поторопи ихъ: тамъ не зачѣмъ останавливаться, я самъ все разставилъ, все приготовилъ къ началу... Ну, да если что-нибудь остановитъ, то ты хоть и услышишь, что я хлопну въ ладоши, не отпирай, покуда все не будетъ въ порядкѣ, а какъ все устроишь, то стукни раза три въ двери. Бѣги же, да ради Бога, осмотри хорошенько.

м. поповъ.

Осмотрю. *(Уходитъ въ сарай.)*

ѳ. волковъ.

А кто изъ гостей идетъ сюда?

соколовъ.

Нашъ голова, его жена и братья, матушка Ивана Афанасьевича, то есть моя тетушка, два нѣмецкіе мастера съ фабрики, да еще человѣкъ нѣсколько изъ самой ближней родни.

ѳ. волковъ.

Тѣмъ лучше; я всѣмъ нашимъ мастеровымъ велѣлъ придти въ театръ, чтобъ не такъ пусто было.

соколовъ.

Ѳедоръ Григорьевичъ!

ѳ. волковъ.

Что?

соколовъ.

Позвольте и мнѣ быть въ театрѣ!

ѳ. волковъ.

Кто тебѣ запрещаетъ?

соколовъ.

Да мнѣ не хочется тутъ быть, гдѣ глядятъ, а тамъ, гдѣ представляютъ.

ѳ. волковъ.

Какъ! И ты хочешь въ актеры?

соколовъ.

Смертная охота! Я давича забѣжалъ туда къ дядюшкѣ Ивану Афанасьевичу, и онъ мнѣ показалъ маленькое платье; позвольте мнѣ его надѣть, да за дядюшкой хотя хвостикъ понести; оно, знаете, для меня куражнѣй, какъ пойду съ большими.

ѳ. волковъ.

Хорошо. *(Цалуетъ его въ лобъ.)* Въ тебѣ, малютка, путь будетъ.

соколовъ.

И бабушка мнѣ то же говоритъ... Ахъ! Да вотъ уже идутъ... Такъ позволите?

ѳ. волковъ.

Изволь. *(Соколовъ уходитъ.)* Боже мой! Какая слабость. Я не въ силахъ собраться съ духомъ!.. Не стыдно ли, Ѳедоръ Волковъ! Ты хочешь быть большимъ актеромъ, а не можешь... Нѣтъ, могу... *(Принимаетъ веселый видъ и идетъ на встрѣчу Полушкину.)* Я исполнилъ вашу волю, счеты повѣрилъ и привелъ въ порядокъ.

полушкинъ.

И, братъ, зачѣмъ такъ торопился? Вѣдь выпче у насъ хлопотъ и безъ счетовъ много было.

ѳ. волковъ.

Я не люблю откладывать дѣла.

полушкинъ.

И умно: жена мнѣ сказала, что отдала тебѣ ключъ отъ сарая...

ѳ. волковъ.

Вотъ онъ. *(Показываетъ ключъ.)* И я все устроилъ, чтобъ показать лицомъ нашъ товаръ.

полушкинъ.

Спасибо. Вотъ, сватушка, каковъ мой пасынокъ, а твой племянничекъ: я еще никогда не находилъ его не въ исправности.

голова.

За то все наше общество его уважаетъ: да точно ли все у васъ приготовлено, чтобъ какъ надо показать вашъ товаръ нашимъ купцамъ?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Кажется, все... *(Стучатъ въ сарай три раза.)* Все, точно все; — прошу пожаловать. *(Подходитъ къ сараю и хлопаетъ въ ладоши.)*

МАРѲА, ГОЛОВѢ.

Сердце такъ и хочетъ выскочить.

ПОЛУШКИНЪ.

Пойдемте, Корнило Борисовичъ, полюбуйтеся...

ГОЛОВА.

Надѣюсь, что полюбуюсь.

(Двери въ сарай отворяются: тамъ видно большое освѣщеніе. Ѳ. Волковъ входитъ въ дверь и ожидаетъ вотчима.)

ПОЛУШКИНЪ, быстро отступая назадъ.

Что̀ это такое?

ГОЛОВА.

Не знаю что̀; только что̀-то очень свѣтло и заманчиво.

ПОЛУШКИНЪ.

Жена!

МАРѲА.

Что̀, батюшка?

ПОЛУШКИНЪ.

Ты мнѣ этого не сказывала.

МАРѲА.

Виновата, батюшка Иванъ Трофимовичъ: утаила отъ тебя, что дѣти готовили эту потѣху для моего сердечнаго друга, для моего благодѣтеля.

ПОЛУШКИНЪ.

Эхъ, Марѳа Романовна!

Эхъ, плохо, если передъ мужемъ
Жена начнетъ лисой лисить.

ГОЛОВА.

А мы, такъ, сватъ, объ этомъ тужимъ,
Чтобъ битымъ отъ жены не быть.

МАРѲА, плача.

Охъ, сынъ, ты ввелъ старуху въ слово,
Да и еще же въ день какой?

ГОЛОВА.

Да что̀ жъ тутъ, сватушка, дурнаго?
Въ чемъ недоволенъ ты женой?
У знатныхъ баръ, гдѣ я бываю,
Мужьямъ, любви супружней въ знакъ,
Готовятъ... какъ бишь... забываю...

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Сюрпризы?

ГОЛОВА.

Да, сюрпризы... такъ...

ПОЛУШКИНЪ.

Да это, сватъ, и намъ извѣстно;
Я съ барами хлѣбъ-соль вожу.
Да то, что ихъ боярству вмѣстно,
Я намъ невмѣстнымъ нахожу.

ГОЛОВА.

Ты фабрикантъ первостатейный,
Твой славенъ за-моремъ товаръ:
За что̀ жъ потѣхою затѣйной
Тебѣ не удивить бояръ?
Какъ свой театръ ты имъ покажешь,
То всѣхъ съ ума сведешь какъ разъ.
Войди жъ.

ПОЛУШКИНЪ.

Войду, когда прикажешь,
Но въ первый и послѣдній разъ.

ХОРЪ.

И мы войдемъ, когда прикажешь,
Но вѣрно не въ послѣдній разъ.

(Всѣ входятъ. Музыка раздается въ сараѣ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ внутренность сарая; внутри сдѣлана сцена, какъ бываетъ въ комнатахъ; передъ нею оркестръ и два ряда стульевъ, на которыхъ сидятъ почетные гости; по обѣимъ сторонамъ скамейки, на которыхъ сидятъ мастеровые, посадскіе, нищіе, ихъ жены и дѣти. До поднятія занавѣса слышна на сценѣ музыка и окончаніе хора изъ Эсѳири, послѣ которыхъ раздается аплодисментъ и крики: «Славно, браво, ура!» и занавѣсъ подымается.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЛУШКИНЪ, МАРѲА, ГОЛОВА, гости, мастеровые, мастера и прочіе вошедшіе въ театръ; нѣсколько времени по открытіи сцены все еще сидятъ и аплодируютъ.

ГОЛОВА, встаетъ и всѣ за нимъ.

Ну, Иванъ Трофимовичъ, спасибо, спасибо до земли. *(Кланяется обѣ ручку и всѣ кланяются.)*

ХОРЪ.

Благодаримъ тебя сердечно:
У насъ объ этихъ чудесахъ
Никто не слыхивалъ, конечно;
Мы точно были въ небесахъ.

ПОЛУШКИНЪ, кланяясь.

Благодарствуй, Ѳедоръ Григорьевичъ, *(Бросается обнимать его.)* Благодарствуй, голубчикъ нашъ!

МАРѲА.

Благодарствуй, сынъ, что ты старуху, мать свою, не оставилъ въ словѣ; — мнѣ было первый разъ въ жизни чуть не досталось.

ПОЛУШКИНЪ.

И, полно! Кто старое помянетъ, тому...

ГОЛОВА.

Да, Иванъ Трофимовичъ: кто вспомянетъ намъ хоть черезъ шестьдесятъ лѣтъ нынѣшній нашъ праздникъ, тому, кажется, можно сказать спасибо; не такъ ли?.. Благодарствуй, Ѳедоръ Григорьевичъ: ты, что называется, упоилъ и напѣшилъ душеньку. Какъ обрадуется нашъ добрый воевода, когда я ему скажу, что ужъ у насъ въ Ярославлѣ есть театръ, какъ въ Нѣмечинѣ.

ІОГАНЪ КРАФЪ.

Позволитъ сказать, мой сударь, Иванъ Трофимычъ, и вы г. бургомейстеръ, я самъ родился въ Нѣмецкой землѣ, былъ въ Гамбургѣ, въ Любскѣ, а лучше не видалъ театръ, какъ піесъ Русской игралъ.

ПОЛУШКИНЪ.

А облака-то ходили точно заправскія.

ІОГАНЪ КРАФЪ.

О! настоящіе запраски... Ахъ, менинъ герръ Ѳедоръ Григорьевичъ, вы велика актеръ.

ВСѢ.

Великій актеръ!

МАРѲА.

Какъ, неужли и въ Нѣмеціи не лучше этого представляютъ?

КРАФЪ.

О! сей Богъ, не лучше: и эта такъ вѣрно, какъ и Іоганъ Крестьянъ Крафъ, первъ мастеръ на ваша фабрикъ.

МАРѲА.

Слышишь ли, батюшка Иванъ Трофимовичъ?

ПОЛУШКИНЪ.

Слышу, матушка Марѳа Романовна и всѣмъ сердцемъ радуюсь.

МАРѲА.

А на радости не худо бы поднести гостямъ по чаркѣ раманеечки... Эй! подносите!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и всѣ актеры, кромѣ ДМИТРІЕВСКАГО и ГРУШИ.

ГОЛОВА.

А вотъ и всѣ наши актеры... *(Аплодируетъ.)* Славно, ребята!

МАРѲА, обнимая дѣтей.

Хорошо, дѣтушки, хорошо... *(Передаетъ ихъ Полушкину, который также обни-*

маетъ.) Только, Гриша, я чуть не расхохоталась, увидя тебя въ бородѣ.

ЧУЛКОВЪ.

А я каковъ показался вамъ въ турецкой чалмѣ, которая чуть не вдвое выше самого меня.

МАРѲА.

Я чуть удержалась отъ смѣха... Ты былъ точь-въ-точь деревянный мужичокъ, чѣмъ давятъ орѣхи... *(Показывая, какъ давятъ орѣхи.)* Кракъ, кракъ... *(Смѣется и вся за ней.)*

ПОЛУШКИНЪ.

Да чему ты такъ расхохоталась?

МАРѲА.

Право, не знаю хорошенько и сама; только мнѣ такъ весело, что не могу удержаться отъ смѣха... Да что жъ ты, Ѳеля, молчишь?

Ѳ. ВОЛКОВЪ, сквозь радостныя слезы.

Ахъ, матушка! я такъ радъ, такъ счастливъ, что не въ силахъ слова вымолвить... Такъ, я надѣюсь, что съ этой минуты русскій театръ началъ существовать, — и что батюшка благословитъ меня предаться совершенно врожденной моей склонности и сдѣлаться настоящимъ актеромъ.

ПОЛУШКИНЪ.

Послушай, Ѳедоръ Григорьевичъ: я не мѣшаю тебѣ забавляться по твоей склонности и радъ самъ помогать тебѣ: но оставить торгъ и сдѣлаться, какъ говоритъ кумъ Михѣичъ, какимъ то фигляромъ, — это другое дѣло.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Ахъ! Въ состояніи ли понимать и чувствовать Михѣичъ и всѣ Михѣичи въ свѣтѣ благородство этого славнаго искусства? Не достоинъ ли тотъ общаго уваженія и любви, кто своимъ лицомъ, своимъ голосомъ, своею душою, представляетъ живо очамъ зрителей величайшихъ людей въ свѣтѣ, и одушевленный геніемъ поэта, проникаетъ въ сердца, воспламеняетъ души, просвѣщаетъ разсудокъ и увлекаетъ воображеніе въ чудесное царство поэзіи? Чтобъ быть истиннымъ актеромъ, надобно имѣть душу, способную возвышаться до тѣхъ героевъ, которыхъ онъ собой оживляетъ; сердце, могущее ощущать всѣ сильнѣйшія идеи великихъ стихотворцевъ... И какой нибудь съ приписью подьячій осмѣливается называть фигляромъ — кого? — Актера! Вы, батюшка, читали Римскую и Древнюю Ролленеву Исторію: я вамъ могу показать въ ней примѣры...

ПОЛУШКИНЪ.

Очень можешь.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Въ древности Эсхилъ и Софоклъ, восначальники Аѳинскіе, не поставляли себѣ въ безчестіе представлять на театрѣ собственныя свои комедіи. Вы знаете, кто были Силла и Цицеронъ....

ПОЛУШКИНЪ.

Какъ же не знать!

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Такъ, Росціусъ, Римскій актеръ, былъ другомъ диктатора Силлы, говорилъ ему истины, которыя никто не смѣлъ сказать — и Цицеронъ назвалъ его честнѣйшимъ человѣкомъ въ Римѣ. Вы слыхали отъ меня о Шекспирѣ и Мольерѣ?...

ПОЛУШКИНЪ.

Да, слыхалъ, и знаю изъ словъ твоихъ, что они почитаются умнѣйшими людьми и великими стихотворцами, — и что Англичане и Французы ими хвалятся.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Такъ знайте же, что они оба были актеры, и что Королева Елисавета и Людовикъ XIV, величайшіе государи своего времени, восхищались ихъ творсніями и наслаждались ихъ бесѣдою; и что Французская Академія, думавшая во время Мольерово, какъ вашъ Михѣичъ, устыдилась своего постыднаго предубѣжденія, и выставила въ своей залѣ портретъ великаго Мольера, съ надписью: «Ничего не доставало для его славы; но его не достаетъ для нашей!» Гаррикъ и Лекень, еще существуютъ. Англія и Франція гордятся ихъ славой; почему же Волковъ, Дмитревскій, Поповъ и всѣ мы, чувствуя сильно все достоинство нашего искусства, не можемъ восхитить нашихъ соотчичей, не можемъ заставить ихъ произнесть съ удовольствіемъ имена наши?

ПОЛУШКИНЪ.

Да кто же говоритъ, что вы не можете?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Вы, батюшка.

ПОЛУШКИНЪ.

Какъ? Когда?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Сейчасъ, повторяя слова ничтожнаго подъячаго; вы уничтожили наше искусство, вы оскорбили наши души и, не позволяя мнѣ предаться моему пламенному желанію, вы превращаете меня самого въ ничто.

ПОЛУШКИНЪ.

Какъ въ ничто?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Такъ, батюшка. Вы мнѣ замѣнили отца, вы были моимъ благодѣтелемъ, вы не жалѣли ничего для моего просвѣщенія; я вамъ обязанъ всѣмъ, — и никогда не выступлю изъ воли вашей: но если вы мнѣ не позволите быть тѣмъ, для чего я чувствую себя рожденнымъ, къ чему давно устремлены всѣ мои мысли, къ чему прилѣпилась душа моя, — то я ужъ ничѣмъ не могу быть. Рѣшите мою судьбу: слово ваше мнѣ законъ.

МАРѲА, сквозь слезы, Полушкину.

Что, батюшка?

ПОЛУШКИНЪ, растроганъ.

Ѳедоръ!... Ѳедоръ!... Я не лишу тебя твоего счастія. Будь актеромъ, если это тебѣ на роду написано. *(Обнимаетъ его.)*

ГОЛОВА.

И тѣмъ ты прославишь свою родину.

Мы всѣ помочь тебѣ готовы,
Театръ ты русскій возноси;
И славить пусть успѣхи новы
Нашъ Ярославль по всей Руси.

Пока въ Россіи люди будутъ
И будетъ край нашъ просвѣщенъ,
Того, конечно, не забудутъ,
Что Русскій здѣсь театръ рожденъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Я не знаю, какъ васъ благодарить; но смѣю надѣяться, что вся Россія будетъ вамъ благодарна за свой театръ.

МАРѲА, въ восторгѣ.

Да, Ѳедя, да, Ѳедя, да, Ѳедя!... И онъ мой сынъ!

ГОЛОВА, обнимая Ѳ. Волкова.

Ты позволишь завтра привести сюда нашего добраго воеводу Мусина-Пушкина и его высокороліе Майкова?

ПОЛУШКИНЪ.

Позволимъ, позволимъ!... Да куда же спрятался Ваня Дмитревскій?... Ну, Ѳедоръ Григорьевичъ: врядъ ли онъ чѣмъ тебѣ уступитъ. Я его сперва не узналъ въ женскомъ платьѣ. Что за сокровище! Каждое его слово отдавалось въ сердцѣ!

И этотъ малой, я ручаюсь,
Ужъ вѣрно далеко пойдетъ.

ЧУЛКОВЪ.

А я такъ объ закладъ ударюсь,
Что насъ онъ за поясъ заткнетъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да, въ немъ вспоила наша Волга
Актера съ прочими не въ счетъ.

ВСѢ АКТЕРЫ.

Дмитревскій славою на долго
Себя и насъ переживетъ.

МАРѲА

Кромѣ, однако жъ, моего Ѳедора Григорьевича.

ВСѢ.

Кромѣ!

МАРѲА.

Да что жъ Вани, моего голубчика, не видать?

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Вы его тотчасъ увидите; онъ будетъ играть въ пасторали, которую я перевелъ съ нѣмецкаго.

КРАФТЪ.

Съ нѣмецкаго!... Благодарствуй, менинъ герръ Ѳедоръ Григорьевичъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Право не за что... Угодно ли сѣсть послушать, какъ они съ Грушенькой будутъ пѣть?

МАРѲА.

Сядемте поскорѣй, пока не возвратился изъ дальняго похода кумъ Михѣичъ; а то онъ, пожалуй, все испортитъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да, онъ человѣкъ неугомонный. — Играй увертюру. — Прошу садиться!

(Всѣ усаживаются, во время увертюры, самой короткой, послѣ которой занавѣсъ поднимается.)

=

ПАСТОРАЛЬ.

Театръ представляетъ рощу, наполненную цвѣтами; скамейка на правой сторонѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

БЕРѲА, сидитъ съ подругами и вяжетъ вѣнокъ.

БЕРѲА.

Не слышу я свирѣли боле.
Ахъ, милая свирѣль, играй!
Тебя мнѣ слушать такъ пріятно,
Ты говоришь душѣ моей.
И отъ чего же, не понятно,
Евмонъ всѣхъ въ свѣтѣ мнѣ милѣй?

(Въ это время входитъ Евмонъ и слушаетъ, а по окончаніи аплодируетъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ЕВМОНЪ и БЕРѲА.

ЕВМОНЪ.

Что слышу? Нѣтъ, не можетъ статься!...

БЕРѲА.

Ахъ! Это ты?

ЕВМОНЪ.

Да, это я.

БЕРѲА.

Какъ тихо ты умѣлъ подкрасться.

ЕВМОНЪ.

Ахъ, не сердися на меня!

БЕРѲА.

Да я нимало не сержуся.

ЕВМОНЪ.

Ни мало?

БЕРѲА.

Да.

ЕВМОНЪ.

Но я всего
Съ утра вчерашняго боюся.

БЕРѲА.

Боишься?

ЕВМОНЪ.

Да.

БЕРѲА.

Но отчего?
Вчера я точно убѣжала,
Сама не знаю отчего.

ЕВМОНЪ.

И вѣрно ты совсѣмъ не знала,
Что я страдаю оттого.

БЕРѲА.

Страдаешь ты?... Ахъ!

(Закрываетъ лицо покрываломъ и бросается на скамейку).

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и МИХѢИЧЪ, въ полпьяна.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Что ты дѣлаешь? Этого нѣтъ въ піесѣ.

ЧУЛКОВЪ, показывая Михѣича, который входитъ.

Да вотъ что въ партерѣ.

Б. ВОЛКОВЪ.

Ахъ!

МИХѢИЧЪ.

Куда это я ввалился?

МАРѲА.

Что тамъ сдѣлалось?

ЧУЛКОВЪ.

Ѳаддей Михѣичъ.

ВСѢ, вставая.

Ѳаддей Михѣичъ!

МИХѢИЧЪ.

Именно я!

ЧУЛКОВЪ, подбѣжавъ къ сценѣ.

Ваня! Не робѣй, продолжай, какъ знаешь... Вотъ я вбѣгу... (*Вбѣгаетъ на сцену.*)

МИХѢИЧЪ.

Э! ге, ге! Или мнѣ чудится, или это театръ?

ГОЛОВА.

Да, театръ.

МИХѢИЧЪ.

Какъ, Корнило Борисовичъ, и вы здѣсь изволите засѣдать?

ГОЛОВА.

Засѣдаю, и прошу тебя садиться и не мѣшать.

МИХѢИЧЪ.

Да вѣдь это театръ?

ГОЛОВА.

Ну, театръ; такъ что жъ?

МИХѢИЧЪ.

А только то, что театръ; а вы въ немъ велите мнѣ садиться!

ГОЛОВА.

Да гдѣ мы сидимъ, тамъ и не тебѣ сидѣть можно.

МИХѢИЧЪ.

Но не должно.

ГОЛОВА.

Должно, когда просятъ такіе почтенные хозяева.

МИХѢИЧЪ.

Да они не просятъ.

МАРѲА.

Просимъ.—(*Въ сторону.*) Нечего дѣлать!

ГОЛОВА.

Слышишь, проситъ; такъ садись и не мѣшай, или я самъ помѣшаю...

МИХѢИЧЪ.

Не мѣшаю, не мѣшаю... и сажусь... Извольте продолжать вашу чер... вашу забаву... вотъ стулъ... (*Беретъ стулъ и ставитъ его задомъ къ театру и сидитъ лицомъ къ зрителямъ.*)

ПОЛУШКИНЪ.

Что это? Какъ ты сѣлъ?

МИХѢИЧЪ.

Какъ бы я ни сѣлъ, но исполнилъ вашу волю, и сижу, да только не гляжу.—(*Подвигается къ самому суфлёру и зажимаетъ уши.*)

ГОЛОВА.

Не гляди, — тѣмъ лучше.

МАРѲА, Ванъ и Грушѣ.

Вотъ какъ, онъ сидитъ и не глядитъ... Прошу опять садиться; а вы продолжайте, какъ будто его здѣсь нѣтъ.

(Всѣ усаживаются.)

ЧУЛКОВЪ, выглядывая изъ кулисы, Грушѣ.

Онъ зажалъ уши, отворотилъ лице — такъ тебя не увидитъ и не услышитъ.

ГРУША.

У меня отъ страха голосъ пропалъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да продолжайте.

ЧУЛКОВЪ, Ванѣ.

Пой хоть ты.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Да не мнѣ.

ЧУЛКОВЪ.

Все равно, — пой, что хочешь.

ГОЛОВА.

Ну, вотъ мы всѣ усѣлись и готовы слушать.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Оркестръ, играй!

(Оркестръ играетъ.)

ДМИТРЕВСКІЙ, поетъ отъ себя.

Ахъ! встань и больше не страшися,
Спокойна будь, мой милый другъ!

ГРУША.

Да если онъ меня узнаетъ?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Нѣтъ, не узнаетъ, я клянусь.

ЧУЛКОВЪ, за кулисы.

Ну, голосъ нашелся, — продолжай!

МИХѢИЧЪ.

Не вижу и не слышу ничего.

ГРУША.

Да гдѣ я кончила, не помню,
И въ тонъ никакъ не попаду.

ДМИТРЕВСКІЙ,

Такъ мы начнемъ не много выше.
Прошу сначала мой куплетъ.

(Называетъ музыканта.)

МИХѢИЧЪ.

Они такъ жужжатъ, какъ комары... замолчали... семь взгляну... Да нѣтъ, боюсь грѣха.

ЕВМОНЪ.

Я въ сердцѣ чувствую томленье,
Совсѣмъ лишаюся ума...
Въ душѣ всегдашнее волненье...

БЕРѲА.

Я то же чувствую сама.

МИХѢИЧЪ.

Ей, ей, кажется, тамъ поютъ... Не даромъ меня дремота забираетъ.

ЕВМОНЪ.

Какая радость, восхищенье!
Какой восторгъ въ душѣ моей!
Въ сіе блаженное мгновенье
Я всѣхъ счастливѣе людей.

(Упадаетъ на колѣни.)

(Голова и прочіе хлопаютъ, — большой аплодисментъ.)

БЕРѲА.

Ахъ, встань, Евмонъ! Ахъ, какъ я рада!
И такъ тобой любима я.
Вотъ за любовь твою награда
И сердце и рука моя...

ЕВМОНЪ.

Ахъ, счастливы мы будемъ вѣчно:
Родные насъ соединятъ.

МИХѢИЧЪ.

Нѣтъ, не соединятъ!... Взоръ... Пустое... Чтобъ я согласился?... Нѣтъ! Лучше умру... Я не согласенъ, не согласенъ, не согласенъ — и не выдаю моей питомицы за этого нарумяненнаго сорванца. Прошу всѣхъ прислушать: я ея опекунъ; я надъ нею одинъ властенъ.

ГОЛОВА, вставая.

Прошу не мѣшать имъ.

МИХѢИЧЪ.

Какъ не мѣшать имъ? — Да въ умѣ ли вы, Корнило Борисовичъ!

ГОЛОВА.

Ты самъ выпился изъ ума, когда не понимаешь...

МИХѢИЧЪ.

Я понимаю, что понимаю... *(Грушѣ, которая на театръ стоитъ, какъ въ остолбенѣніи.)* А ты, моя красавица, пожалуй-ка сюда... Ейдетъ!... Такъ самъ войду... *(Хочетъ лѣзть на театръ.)*

МАРѲА и прочіе, удерживая его.

Постой! Постой!

МИХѢИЧЪ.

Пустите!

МАРѲА.

Куда?

МИХѢИЧЪ.

Туда.

ГОЛОВА.

Нѣтъ, не пускаемъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

А я прошу пустить на сцену Ѳалдея Михѣича; онъ на ней будетъ безцѣненъ.

МИХѢИЧЪ.

Что ты тутъ городишь? — На какую цѣну? Гдѣ я буду безцѣненъ?... Или ты пьянъ, или съ ума сошелъ.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Совсѣмъ напротивъ: не пьянъ, и говорю съ умомъ, что вы должны быть безподобны на театрѣ: войдите только на него, то ужъ мы васъ съ него не спустимъ, и сдѣлаемъ славнымъ актеромъ.

МИХѢИЧЪ.

Какъ? Что такое? Да онъ никакъ меня вербуетъ въ актеры.

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Да.

МИХѢИЧЪ.

Въ какую силу и по какому резону?

ЧУЛКОВЪ.

На то въ сей свѣтъ явились вы,
Чтобъ воскресить у насъ Мольера;
Все въ васъ отъ ногъ до головы
Комическаго характера.
Что за глаза, что за огонь!
Ахъ, какъ лицо у васъ играетъ!
И вашу душу искрой тронь,
То въ мигъ какъ Этна запылаетъ.

МИХѢИЧЪ.

Какого чорта напѣваетъ мнѣ этотъ баляндрасъ?...

Ѳ. ВОЛКОВЪ.

Правду: что вы точно родились большимъ актеромъ,—въ этомъ всѣ съ нимъ согласятся.

МИХѢИЧЪ.

Нѣтъ, я не актеръ, не актеръ, не актеръ! Пустите меня, или подайте мнѣ эту актрису, что тамъ изволитъ стоять, — я съ нею переведаюсь.

МАРѲА.

Нѣтъ, этому не бывать; она моя крестная дочь.

МИХѢИЧЪ.

Какъ не бывать? Нѣтъ, будетъ; я ей крестный отецъ!

МАРѲА.

Не будетъ!

МИХѢИЧЪ.

Анъ будетъ!

МАРѲА.

Не будетъ!

МИХѢИЧЪ.

Анъ будетъ!

ПОЛУШКИНЪ.

А что̀ будетъ?

МИХѢИЧЪ.

Какъ, что̀ будетъ? Ну, будетъ... то, что̀ вы увидите.

ПОЛУШКИНЪ.

А мы увидимъ, что она будетъ красою нашего театра. Подите сюда, Ваня, Груша! Не бойтесь, кумъ человѣкъ добрый.

(Дмитревскій и Груша сходятъ.)

ГОЛОВА.

И сговорчивый: онъ не захочетъ лишить удовольствія насъ и добраго нашего воеводу, который будетъ завтра сюда любоваться театромъ нашего почтеннѣйшаго сватушки Ивана Трофимовича.

ПОЛУШКИНЪ.

Милости просимъ: нашъ театръ къ услугамъ его высокоролія.

МИХѢИЧЪ.

Вашъ театръ!... Э! ге! ге!... Какъ, кумъ! Ты ли это говоришь, я ли это слышу?... Вотъ что и оно: такъ ты самъ пустился въ эту чертовщину?

ПОЛУШКИНЪ.

Не въ чертовщину, а въ хорошее дѣло; и прошу тебя, чтобъ ты отпустилъ Грушу въ домъ къ ея крестной матери и позволилъ ей представлять для воеводы и всѣхъ честныхъ людей на нашемъ театрѣ.

МИХѢИЧЪ.

Чтобъ я пустилъ, чтобъ я согласился загубить ни за-что ни про-что дѣвку!

ГРУША.

Нѣтъ, батюшка крестный, я, право, не загибну.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Я вамъ за то ручаюсь, и прошу отпустить ее.

ГОЛОВА.

Мы всѣ тебя, Ѳаддей Михѣичъ, упижеппо просимъ, и самъ воевода будетъ просить.

ВСѢ.

Мы всѣ покорно просимъ.

МИХѢИЧЪ.

Да знаете ли вы, что она мнѣ поручена покойной сволчиной? Да знаете ли вы, чего мнѣ стоило ее вскормить, воспитать?

МАРѲА.

Я знаю, что она тебѣ въ опеку досталась взрослой дѣвушкой, что мать ее оставила кое-что̀...

МИХѢИЧЪ.

Оставила стрепь-брепь да хлопоты: а я потратилъ на нее притоманныхъ своихъ аксидепцій, что и счету нѣсть.

ПОЛУШКИНЪ.

Ну, кумъ, пойдемъ же мы па сдѣлки:
Тебѣ я твой расходъ плачу.

МИХѢИЧЪ.

Да развѣ о такой бездѣлкѣ
Я, кумъ любезный, хлопочу?
Конечно, много было траты
На все; ужъ я не говорю,
Что грамотѣ училъ безъ платы...

ГРУША.

Я васъ за то благодарю.

МИХѢИЧЪ.

Да, прибыль въ этомъ мнѣ большая!
Что благодарность принесетъ?
Она матерія сухая:
Сухая жъ ложка ротъ деретъ.

ПОЛУШКИНЪ.

Ну, кумъ, безъ дальней проволочки,
Оставь ты Грушу у кумы.

МИХѢИЧЪ.

До завтра я прошу отсрочки.

ВСѢ.

Нѣтъ, ваши завтра знаемъ мы!

ГОЛОВА.

За свата всѣмъ я отвѣчаю.
Ну, что̀ же: бейте по рукамъ!

МИХѢИЧЪ, взявъ за руку Грушу.

Какъ быть: я Грушу уступаю,
Но кумушкѣ моей, не вамъ.

МАРѲА, принимая Грушу.

Ну, кумъ любезный, благодарствуй!

ГРУША.

Ахъ, какъ я рада всей душой!

(Обнимаетъ Марѳу и Михѣича.)

ГР. ВОЛКОВЪ.

Ну, милая актриса, здравствуй,
И всѣхъ заворожай игрой!

МИХѢИЧЪ.

Изволите ли видѣть, что хотя я и съ приписью подьячій, однако жъ, какъ сказали благотворители, человѣкъ добрый и сговорчивый. *(Полушкину.)* Завтра поутру я доставлю вамъ счетецъ. *(Головѣ.)* Я надѣюсь, что вы доложите его высокородію, какъ я благородно поступилъ?

ГОЛОВА.

Не премину.

МАРѲА.

Ну, слава Богу, это дѣло кончено.

ДМИТРЕВСКІЙ, вздыхая.

А когда-то кончится другое?

МАРѲА.

А! понимаю: когда вы будете людьми, а не дѣтьми.

ДМИТРЕВСКІЙ, поглядывая на Грушу.

Такъ стало, мы можемъ надѣяться?...

ГРУША.

Кажется, можемъ.

ЧУЛКОВЪ.

Надѣйтеся: оно все-таки лучше — и кто живетъ безъ надежды?...

Надежда, сущая русалка,
Отвсюду всѣхъ къ себѣ манитъ;
На мигъ ее оставить жалко;
Она людскихъ сердецъ магнитъ.
У всякаго свои надежды:
У автора безсмертнымъ быть;
Въ свой рядъ надѣются невѣжды
Таланты всѣ передушить.

А. ПОПОВЪ, къ публикѣ.

Надѣемся на берегъ Невскій
И мы театръ нашъ перенесть:
Что Ѳедоръ Волковъ и Дмитревскій
Прославятся — надежда есть.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Когда же насъ въ живыхъ не станетъ,
Надѣемся, что, можетъ быть,
Того, кто вамъ объ насъ вспомянетъ,
Не захотите вы бранить.

КАПРИЗЫ ВЛЮБЛЕННЫХЪ,

ИЛИ

НЕ СУЙСЯ ВЪ ВОДУ, НЕ УЗНАВШИ БРОДУ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Соч. П. С. Федорова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Андреевичъ Свищовъ.. *Мартыновъ.*
Надежда Павловна, его дочь... *Асенкова.*
Иванъ Михайловичъ Балыковъ. *Сосницкій.*
Сергѣй Петровичъ Пологовъ... *Максимовъ 1.*
Даша, горничная..... *Григорьева.*
Андрей, слуга..... *Пономаревъ.*

Дѣйствіе въ С. Петербургѣ.

Комната, довольно-хорошо меблированная. Три двери: одна въ глубинѣ театра, двѣ по бокамъ. На лѣво, въ первомъ планѣ, окно.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАДЕЖДА, одна сидитъ у окна и по временамъ смотритъ въ него.

Скоро семь часовъ, а его еще нѣтъ!... Прекрасно, Сергѣй Петровичъ! Прекрасно! Вы заставляете ждать себя... вы хотите отомстить мнѣ за вчерашній вечеръ... вы хотите испугать меня... дѣлайте же, что вамъ угодно, меня вы ничѣмъ не испугаете... Рано ли, поздно ли, а вы явитесь ко мнѣ съ повинной головой!... Ужъ не воображаете ли вы, что я виновата передъ вами? Посмотримъ, кто будетъ просить прощенія. Смѣетъ сердиться!... Ужъ это ни на что не похоже!

Ну, если бы еще причины точно были,
А то изволилъ онъ взбѣситься оттого,
Что танцовать пришлось со мною всѣ кадрили,
Какъ будто бы на смѣхъ, соперникамъ его.
Неужли же за то вину я заслужила,
Что танцовать хотятъ мужчины все со мной?
Не я причина въ томъ: вольно природѣ было
Создать меня на свѣтъ хорошенькой такой!
Ужъ ежели его я сердце побѣдила,
Такъ сердце и въ другомъ не камень же какой!

Чудакъ ужасный! Кажется, ужъ какъ не увѣриться въ моей любви... я позволяю ему сидѣть со мною наединѣ, вздыхаю, а не зѣваю, когда онъ говоритъ нѣжности, смотрю на него по цѣлымъ часамъ... гуляю съ нимъ подъ руку по нашему саду, восхищаюсь съ нимъ природою... даже переписываюсь съ нимъ. Словомъ, дѣлаю все, что должно дѣлать влюбленнымъ... а онъ безпрестанно капризничаетъ, ревнуетъ меня къ каждому мужчинѣ... и если бъ имѣлъ еще право, а то никакого... до сихъ поръ еще ни слова не говорилъ папенькѣ!... Нѣтъ, это наконецъ можетъ наскучить!... *(Садится къ столу и беретъ кни-*

гу. Пологовъ входитъ въ среднюю дверь.) А! явился!.. Я же ему отплачу. *(Какъ будто не замѣчая Пологова, начинаетъ читать книгу.)*

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОЛОГОВЪ, НАДЕЖДА.

ПОЛОГОВЪ, послѣ краткаго молчанія.

Надежда Павловна!... Она не слышитъ!... О, я поступлю съ ней ужасно!... *(Помолчавъ, и подойдя ближе.)* Надежда Павловна!...

НАДЕЖДА, какъ будто испугавшись.

Что?... Ахъ, Боже мой, какъ вы меня испугали!

ПОЛОГОВЪ.

Испугалъ?

НАДЕЖДА.

Да!.. Я такъ углубилась въ книгу...

ПОЛОГОВЪ.

Я вамъ помѣшалъ?

НАДЕЖДА.

Да...

ПОЛОГОВЪ.

Извините!... Что же вы читаете?

НАДЕЖДА.

Можете посмотрѣть. *(Отдаетъ ему книгу.)*

ПОЛОГОВЪ.

Мѣсяцословъ!

НАДЕЖДА.

Да... любимую книгу папеньки...

ПОЛОГОВЪ.

И онъ такъ васъ заинтересовалъ?

НАДЕЖДА.

Да...

ПОЛОГОВЪ.

Вы шутите?

НАДЕЖДА.

Нисколько... Я просматривала хронологическое показаніе достопримѣчательнѣйшихъ естественныхъ событій!... Прелюбопытно... вотъ послушайте.

ПОЛОГОВЪ.

Нѣтъ увольте...

НАДЕЖДА.

Ну, такъ я ставу читать одна. *(Просматриваетъ книгу.)*

ПОЛОГОВЪ.

Вамъ не угодно со мной говорить?

НАДЕЖДА.

Не угодно.

ПОЛОГОВЪ.

Что это значитъ?

НАДЕЖДА.

Плачу тою же монетой!

ПОЛОГОВЪ.

А! вы на меня сердитесь!

НАДЕЖДА.

Плачу тою же монетой! Вамъ угодно было молчать и сердиться вчера... а я хочу молчать и сердиться сегодня.

ПОЛОГОВЪ.

Такъ прикажете мнѣ уйдти?

НАДЕЖДА.

Какъ хотите!

ПОЛОГОВЪ, про себя.

Это ужасно! Это нестерпимо! Она же виновата и она же капризничаетъ!.. *(Ходитъ по комнатѣ, потомъ остановясь противъ нея.)* Такъ вамъ не угодно говорить со мной?

НАДЕЖДА.

Я ужъ вамъ отвѣчала на этотъ вопросъ!.. Да и о чемъ же мы станемъ говорить? Мы, кажется, ужъ все переговорили.

ПОЛОГОВЪ.

Почему вы такъ думаете?

НАДЕЖДА.

Вы доказали это вчера!

ПОЛОГОВЪ.

Вчера!... Когда ужъ мнѣ было говорить съ вами вчера... вы окружены были такими интереснымі особами!...

НАДЕЖДА.

Да, мнѣ было превесело!...

ПОЛОГОВЪ.

Я это видѣлъ!... Вчера только замѣтилъ я свое ничтожество.

НАДЕЖДА.

Это что значитъ?

ПОЛОГОВЪ.

Вы со всѣми говорили, со всѣми были любезны... со мной ни слова...

НАДЕЖДА.

Еще бы вы сидѣли въ углу... Не должна ли ужъ я была подойти къ вамъ?...

ПОЛОГОВЪ.

Я не смѣю этого требовать отъ васъ.

НАДЕЖДА.

И за что вы надулись? Что я вамъ сдѣлала?

ПОЛОГОВЪ.

Я пришелъ... вы меня замѣтили, но едва обратили на меня вниманіе...

НАДЕЖДА.

Не правда, я вамъ кивнула головой... болѣе я и не могла сдѣлать... я должна была начать вторую фигуру.

ПОЛОГОВЪ,

Потомъ я просилъ васъ на кадриль — вы мнѣ отказали.

НАДЕЖДА.

Сами виноваты... зачѣмъ явились такъ поздно... Я ужъ была ангажирована на три... четвертаго вы не хотѣли танцовать со мною.

ПОЛОГОВЪ.

Я не хотѣлъ лишить васъ удовольствія танцовать съ другими.

НАДЕЖДА.

Такъ въ чемъ же я виновата по вашему?

ПОЛОГОВЪ.

Не цѣлый же вечеръ заняты вы были танцами... въ промежуткахъ вы могли бы говорить со мной.

НАДЕЖДА.

Я и говорила бы съ вами, если бы вы подошли ко мнѣ...

ПОЛОГОВЪ.

Я хотѣлъ говорить съ вами безъ свидѣтелей, а вы какъ нарочно прогуливались по залу съ цѣлой стаей дѣвицъ...

НАДЕЖДА.

Куда какъ хорошо бы было, если бъ я стала ходить съ вами вдвоемъ...

ПОЛОГОВЪ.

Въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго.

НАДЕЖДА.

Для васъ, конечно... а для меня... Ужъ на насъ и то насплетничала Анна Архиповна!...

ПОЛОГОВЪ.

Анна Архиповна! О, это извѣстная сплетница!... Что жъ она сказала?

НАДЕЖДА.

Конечно, недоброе!...

ПОЛОГОВЪ.

Охъ ужъ эти злыя души
Болтуны — вѣстовщики!
Цѣлый вѣкъ свой бьютъ баклуши
Да болтаютъ пустяки.
Сплетни имъ нужнѣе хлѣба!
Какъ подцѣпятъ на зубки,
Такъ хватай хоть звѣзды съ неба —
Попадешь ты въ дураки!
Ты обѣдомъ ихъ накормишь,
Сытный столъ твой разбранятъ;
Если ты долгъ чести помнишь,
Какъ злодѣя очернятъ.
Если старшихъ уважаешь,
Человѣкъ ты низкій, плутъ;
А нахаловъ презираешь,
Гордецомъ тебя сочтутъ.
Побранишь кого за дѣло,
Ты ворчунъ несносный, злой;
Говоришь всѣмъ правду смѣло,
Ты невѣжа записной!
Если модамъ подражаешь,
Ты бездушный франтъ, дуракъ;
Если глупыхъ модъ не знаешь,
Ты и олухъ и степнякъ.
Если ты не входишь въ споры,
Ты ученъ на мѣдный грошъ;
Если ты бѣжишь отъ ссоры,
Мигомъ въ трусы попадешь.
Если денегъ не мотаешь,
Скряга ты и эгоистъ;
Честно деньги наживаешь,
Ты и франтъ и аферистъ.
Ты съ женою побранился,
Разведутъ тебя съ женой;
Ты съ женою помирился,
Простофиля ты прямой!
Если женщина въ печали,
Говорятъ, что влюблена;
А любезна чуть на балѣ,
И кокетка ужъ она.
Будь ты съ доброю душою,
Будь ты честенъ, будь съ умомъ,
Сплетни гнусною молвою
Обернутъ все кверху дномъ.

Сплетни по свѣту гуляютъ,
Свютъ зло, добру вредятъ,
Что высоко — унижаютъ,
Все, что бѣло — то чернятъ!

НАДЕЖДА.

Ну, вотъ видите, что значутъ сплетни!... А вы еще капризничаете!... Богъ знаетъ чего отъ меня требуете!...

ПОЛОГОВЪ.

О, если бояться сплетень, такъ мнѣ надобно запереться въ четырехъ стѣнахъ и никогда не видать васъ... Но я презираю сплетницъ... я дѣйствую чисто! Моя любовь...

НАДЕЖДА.

Любовь?...

Мужчины на одинъ покрой!
Вы клятвы пишете водою;
Сегодня заняты одной
А завтра заняты другою.

ПОЛОГОВЪ.

Но какъ сравнить и насъ и васъ,
Такъ вы насъ за-поясъ заткнете:
Вы любите троихъ за-разъ,
И всѣхъ ихъ разомъ проведете!

НАДЕЖДА.

Если бъ и точно такъ было, такъ виноваты вы же сами... Вы, мужчины, не умѣете сохранять нашего расположенія...

ПОЛОГОВЪ.

Неужели вы и меня разлюбите?

НАДЕЖДА.

Не знаю, можетъ быть...

ПОЛОГОВЪ.

О, какъ же я ошибся въ васъ. Я теперь вижу, что вы меня вовсе не любите...

НАДЕЖДА.

Не знаю, можетъ быть!..

ПОЛОГОВЪ.

О, это ужасно!... Такъ жестоко обмануться!...

НАДЕЖДА.

Ахъ, знаете ли новость... къ намъ пріѣхалъ Иванъ Михайловичъ?

ПОЛОГОВЪ.

Мнѣ что за нужда... я его не знаю...

НАДЕЖДА.

Не знаете? Что вы? Иванъ Михайловичъ Балыковъ... нашъ сосѣдъ по деревнѣ... вы его должны знать... онъ, кажется, такъ друженъ былъ съ вашимъ батюшкой...

ПОЛОГОВЪ.

Да... знаю!.. Такъ вы рѣшительно...

НАДЕЖДА.

Прекрасный человѣкъ!...

ПОЛОГОВЪ

Признаюсь, я никакъ не думалъ, чтобъ вы...

НАДЕЖДА.

У насъ есть съ нимъ черезполосныя земли, такъ онъ пріѣхалъ переговорить съ папенькой...

ПОЛОГОВЪ.

Послѣ этого вѣрь женщинамъ.

НАДЕЖДА.

Я думаю, мы уладимъ все безъ посредниковъ...

ПОЛОГОВЪ.

Такъ рѣшительно вы меня не любите?... *(Надежда смѣется.)* Вы смѣетесь?...

НАДЕЖДА.

Какіе вы смѣшные?... Я говорю вамъ о размежеваніи, а вы о любви... *(Смѣется.)*

ПОЛОГОВЪ.

Нѣтъ, это выше силъ моихъ... *(поспѣшно уходитъ.)*

НАДЕЖДА.

Ушелъ!... Погодите, милостивый государь; я еще не такъ вамъ отплачу за ваши капризы!

ЯВЛЕНІЕ III.

БАЛЫКОВЪ, СВИЩОВЪ, НАДЕЖДА.

БАЛЫКОВЪ, выходя съ лѣвой стороны съ Свищовымъ.

Такъ рѣшено, любезнѣйшій?

СВИЩОВЪ.

Рѣшено, Иванъ Михайловичъ!

БАЛЫКОВЪ.

Вѣтреная мельница остается за мной?

СВИЩОВЪ.

Вѣтреная мельница?... Да, да, за тобой!

БАЛЫКОВЪ.

А водяная твоя!

СВИЩОВЪ.

Водяная? Моя!

НАДЕЖДА.

Ну, все ли вы кончили?

БАЛЫКОВЪ.

А! Надежда Павловна!... Что бы вамъ съ нами посидѣть!... Вы бы могли намъ кой въ чемъ помочь!

НАДЕЖДА.

О, я не смыслю ничего въ сельскомъ хозяйствѣ...

СВИЩОВЪ.

Головоломное дѣло!

БАЛЫКОВЪ.

Жаль, право, жаль!... А вотъ мы никакъ не можемъ размежевать полей.

СВИЩОВЪ.

Никакъ не можемъ размежевать полей!... Трудно, трудно!

БАЛЫКОВЪ.

Придется взять землемѣра!

СВИЩОВЪ.

Придется взять землемѣра!

НАДЕЖДА.

Ну, что жъ, возьмите...

СВИЩОВЪ.

Да, ужъ надо взять!...

БАЛЫКОВЪ.

Если бъ тебѣ, Павелъ Андреевичъ, взять Ивановское поле?...

СВИЩОВЪ.

Ивановское?... Пожалуй...

БАЛЫКОВЪ.

Тогда бы я взялъ Антоновское... оно ближе и къ моему дому.

СВИЩОВЪ.

Антоновское?... Да, конечно, ближе...

НАДЕЖДА.

А мнѣ кажется, лучше бы было, если бъ вы оставили все такъ, какъ теперь...

БАЛЫКОВЪ.

Этого невозможно!

СВИЩОВЪ.

Этого невозможно.

НАДЕЖДА.

Почему?... Кто нибудь одинъ, или вы, Иванъ Михайловичъ, или вы, папенька, владѣли бы всѣмъ имѣніемъ, а доходы дѣлили бы по поламъ...

БАЛЫКОВЪ.

Не дурно придумано, только врядъ ли кто изъ насъ согласится... Вѣдь для этого нужна купчая крѣпость, а ни онъ, ни я вѣрно не продадимъ другъ другу своихъ частей... онѣ родовыя...

СВИЩОВЪ.

Вѣрно не продадимъ... Онѣ родовыя...

НАДЕЖДА.

Ну, такъ размежевывайтесь, какъ хотите... Я другого средства не знаю... Прощайте...

БАЛЫКОВЪ.

Куда же вы?

НАДЕЖДА.

Пойду дочитывать книгу.

БАЛЫКОВЪ.

Вѣрно романъ?

НАДЕЖДА.

Да!..

БАЛЫКОВЪ.

А что бы съ нами остаться?

НАДЕЖДА.

А вотъ, какъ вы кончите свое совѣщаніе, такъ я приду къ вамъ.

(Уходитъ направо.)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

БАЛЫКОВЪ, СВИЩОВЪ.

БАЛЫКОВЪ.

Прекрасная дѣвица у тебя дочь, Павелъ Андреевичъ!

СВИЩОВЪ.

Надя?... Да, могу похвастаться!..

БАЛЫКОВЪ.

Знаешь ли, любезнѣйшій, вѣдь она прекрасную дала мысль?

СВИЩОВЪ.

Какую это мысль, Иванъ Михайловичъ?

БАЛЫКОВЪ.

Да соединить имѣнія наши...

СВИЩОВЪ.

Соединить имѣнія наши?

БАЛЫКОВЪ.

Да... Сегодня устромъ, какъ я проснулся, такъ и самъ объ этомъ думалъ.

СВИЩОВЪ.

Самъ объ этомъ думалъ?

БАЛЫКОВЪ.

Хлопотъ предстоитъ намъ много: ни ты не захочешь себя обидѣть, ни я не захочу обмѣрить себя... Тутъ пріѣдетъ землемѣръ, пойдутъ расчеты, начнутъ мѣрить каждый аршинъ... голова пойдетъ кругомъ!

СВИЩОВЪ.

Ужъ правда, голова пойдетъ кругомъ!

БАЛЫКОВЪ.

Того гляди, мы съ тобой разбранимся!

СВИЩОВЪ.

Разбранимся? Что ты, Иванъ Михайловичъ!

БАЛЫКОВЪ.

Не мудрено, любезнѣйшій!

Съ тобой покуда мы друзья,
А споръ затѣйся между нами, —
Ты, вспѣнившись, вспѣнюся я
И будемъ вѣкъ потомъ врагами!
Друзья всѣ на одинъ покрой,
Всѣ какъ-то на собакъ похожи:
Брось имъ кусокъ — глядишь и бой,
Готовы вылѣзти изъ кожи!
Друзья возьмутъ кусокъ чужой,
А свой отдать — избави Боже!

СВИЩОВЪ.

Оно, конечно... если... принять въ разсужденіе...

БАЛЫКОВЪ.

И потому, лучше бы кончить наше дѣло безъ хлопотъ...

СВИЩОВЪ.

Конечно, лучше бы... Но я и не придумаю...

БАЛЫКОВЪ.

Нѣтъ, есть средство...

СВИЩОВЪ.

Есть средство?

БАЛЫКОВЪ.

Оно, конечно, странно немножко... Мои лѣта...

СВИЩОВЪ.

Твои лѣта?.. Что? что?

БАЛЫКОВЪ.

Да что предъ тобой таиться... Знаешь ли, любезнѣйшій, какъ мнѣ понравилась Надежда Павловна!

СВИЩОВЪ.

Понравилась Надя?

БАЛЫКОВЪ.

Да... Просто, я бредилъ ею всю ночь... проснулся утромъ, думаю: человѣкъ я одинокій, умру, имѣніе мое пойдетъ въ чужія руки... не лучше ли оставить его женѣ, которая бы утѣшала меня на старости... закрыла бы мнѣ глаза...

СВИЩОВЪ.

Мысль превосходная!..

БАЛЫКОВЪ.

Думаю, кого же лучше, какъ не Надежду Павловну?.. Дѣвица прекрасная, воспитанная, умная, скромная... съ тобой мы пріятели... и главное, имѣніе въ одномъ мѣстѣ; размежевываться не надо...

СВИЩОВЪ.

Отличная мысль!

БАЛЫКОВЪ.

Ну, если бъ я посватался, что бы ты сказалъ, любезнѣйшій, а?

СВИЩОВЪ.

Что бы сказалъ?.. Да съ руками и ногами!... Помилуй! старинный мой другъ, знаешь дочь мою со дня рожденія...

БАЛЫКОВЪ, почесывая голову.

Вотъ это-то, любезнѣйшій, и бѣда, вотъ и камень преткновенія... Что скажетъ она?.. Вѣдь я ей гожусь чуть ли не въ дѣдушки!

СВИЩОВЪ.

Годишься въ дѣдушки?.. Что ты!.. Помилуй! Ты моложе меня двумя годами.

БАЛЫКОВЪ.

Не слишкомъ же молодъ.

СВИЩОВЪ.

Да и не старъ...

БАЛЫКОВЪ.

Ахъ, теперь по невольѣ вспомнишь прежнее время!

Куда я былъ хорошъ собою,
Куда какъ былъ румянъ и бѣлъ;
Дѣвицы бѣгали за мною,
А я на нихъ и не глядѣлъ!
Вотъ постарѣешь—спесь забудешь;
Тутъ все на изворотъ пойдетъ:
О чемъ не думалъ, думать будешь;
Но видитъ глазъ, да зубъ неймѣтъ!

Впрочемъ, попытка не шутка, спросъ не бѣда!.. Какъ ты думаешь, любезнѣйшій, согласится ли выйти за меня Надежда Павловна?

СВИЩОВЪ.

Согласится ли выйти за тебя Надя?.. О, вѣрно согласится!

БАЛЫКОВЪ.

Ну, если ужъ ты хочешь устроить мое счастіе, такъ поговори ей, посовѣтуй!

СВИЩОВЪ.

Поговорить ей? посовѣтовать?.. Не лучше ли тебѣ самому?

БАЛЫКОВЪ.

Почему жъ ты не хочешь?

СВИЩОВЪ.

Почему не хочу?.. Да... оно, конечно, можно... но лучше бы ты этакъ... обиняками...

БАЛЫКОВЪ.

Да, обиняками... То есть... узнать сперва ея мысли...

СВИЩОВЪ.

Да, да, узнать ея мысли...

БАЛЫКОВЪ.

Пожалуй, любезнѣйшій, я на это готовъ, за нами дѣло не станетъ... мы люди воспитые...

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, НАДЕЖДА.

НАДЕЖДА, ВХОДЯ.

Ну, что, кончили ли вы ваши совѣщанія?

БАЛЫКОВЪ.

Кончили!

СВИЩОВЪ.

Кончили!

НАДЕЖДА.

Слава Богу! Чѣмъ же вы рѣшили?

БАЛЫКОВЪ.

Рѣшили все прекрасно.

СВИЩОВЪ.

Все прекрасно рѣшили!

БАЛЫКОВЪ.

Теперь отъ васъ, Надежда Павловна, зависитъ утвердить наше мнѣніе.

НАДЕЖДА.

Отъ меня?

СВИЩОВЪ, тихо Балыкову.

Я тебѣ не нуженъ... Я пойду: надо кой чѣмъ заняться...

НАДЕЖДА.

Неужели вы меня хотите впутать въ ваши раздѣлы?

СВИЩОВЪ.

Въ наши раздѣлы?... Нѣтъ, нѣтъ...

БАЛЫКОВЪ.

Тутъ, напротивъ, дѣло идетъ о соединеніи...

СВИЩОВЪ, Балыкову.

Я уйду отъ васъ... *(Въ слухъ.)* Займика, Надинька, Ивана Михайловича... Мнѣ нужно заняться расчетами...

(Уходитъ налѣво.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

БАЛЫКОВЪ, НАДЕЖДА.

БАЛЫКОВЪ.

Такъ-то-съ, любезнѣйшая Надежда Павловна!.. *(Садятся.)* Такъ-то-съ... *(Немного помолчавъ.)* Вы, кажется, не любите вовсе деревни?

НАДЕЖДА.

Нѣтъ, не скажу... Я готова бы была жить все лѣто въ деревнѣ; я люблю природу, не люблю только вашихъ судовъ да расправъ.

БАЛЫКОВЪ.

Ну, да это и не ваше дѣло!.. Вамъ надо жить въ свое удовольствіе... За васъ долженъ хлопотать отецъ, или... Если бъ вотъ вы вышли замужъ.

НАДЕЖДА.

А скажите, какія бы удовольствія я могла имѣть въ деревнѣ?

БАЛЫКОВЪ.

О, у насъ тма удовольствій! Вольно же вамъ не заглянуть въ наше Болотово...

НАДЕЖДА.

Я тамъ была.

БАЛЫКОВЪ.

Да когда были?.. Лѣтъ семь тому назадъ... Я думаю, вы ничего не помните?

НАДЕЖДА.

О, нѣтъ... Я очень хорошо помню дубовую рощу, гдѣ мы собирали грибы... и еще...

БАЛЫКОВЪ.

А помните ли вы мой домъ?

НАДЕЖДА.

Помню! Прекрасный домъ.

БАЛЫКОВЪ.

О, какъ я нынче его устроилъ, чудо!.. Позвольте: двѣ переднія, двѣ гостиныхъ, зало, столовая, кабинетъ, спальня... и еще комнаты четыре...

НАДЕЖДА.

Зачѣмъ же такъ много комнатъ?

БАЛЫКОВЪ.

Такъ... на случай... не равно вздумается...

НАДЕЖДА.

Да не хотите ли ужъ вы жениться?..

БАЛЫКОВЪ.

Почему жъ и нѣтъ... Вамъ это смѣшно?

НАДЕЖДА.

Ни сколько! Вы еще не такъ стары...

БАЛЫКОВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?.. А ужъ если бъ я женился, такъ у меня бы жена какъ сыръ въ маслѣ каталась!..

НАДЕЖДА

Вы бы ее избаловали.

БАЛЫКОВЪ.

Да ужъ признаюсь, избаловавъ бы... Я человѣкъ смирный, миролюбивый, ни въ чемъ бы ей не противорѣчилъ... Зимой бы жилъ въ Петербургѣ, возилъ бы ее по театрамъ, по балamъ... Лѣтомъ въ деревню... у меня славный садъ... чудесныя аранжереи... фрукты превосходные!.. Малина и клубника съ грѣцкій орѣхъ!.. Сливки точно сметана!.. А какія затѣи въ саду!.. Качели, колочки, трескухи... все, что душѣ угодно!... Передъ домомъ рѣка: рыба отличная... лови удочкой, сколько хочешь...

НАДЕЖДА.

Я ужасно люблю ловить рыбу!

БАЛЫКОВЪ.

Ну, вотъ видите!... И ялики есть и подъемный мостикъ... Словомъ, всякія удовольствія...

НАДЕЖДА.

Да, я воображаю, какъ весело жить при такихъ затѣяхъ...

БАЛЫКОВЪ.

А какія у меня лошади — чудо!

НАДЕЖДА.

И верховыя?

БАЛЫКОВЪ.

И верховыя и всякія!... Что бы вамъ пожить у меня?

НАДЕЖДА.

Мы, можетъ быть, съ папенькой поѣдемъ въ іюнѣ...

БАЛЫКОВЪ.

И прекрасно сдѣлаете... Только ужъ остановитесь въ моемъ домѣ...

НАДЕЖДА.

Почему жъ не въ нашемъ? Онъ вѣдь недалеко отъ васъ...

БАЛЫКОВЪ.

Вашъ домъ ужъ слишкомъ поустарѣлъ... все обвалилось, все такъ запущено.

НАДЕЖДА.

Какъ это жаль!

БАЛЫКОВЪ.

Стоитъ вамъ захотѣть, такъ всѣ мои затѣи будутъ въ вашемъ распоряженіи...

НАДЕЖДА.

Конечно, я знаю, вы такъ добры... вы готовы намъ дать пріютъ...

БАЛЫКОВЪ.

Нѣтъ-съ, не въ томъ дѣло... а вотъ видите... какъ бы вамъ сказать...

НАДЕЖДА.

Что?

БАЛЫКОВЪ.

Скажите пожалуй-ста, вы расположены выйти замужъ?

НАДЕЖДА.

Что за странный вопросъ?

БАЛЫКОВЪ.

Нѣтъ, вотъ видите,.. Если бъ человѣкъ благородный... съ состояніемъ, сталъ просить вашей руки...

НАДЕЖДА.

Къ чему вы меня спрашиваете?

БАЛЫКОВЪ.

Такъ... къ слову пришлось... вы молодая дѣвица... неужли же вѣкъ вамъ быть безъ мужа.

НАДЕЖДА.

О, я не говорю этого...

БАЛЫКОВЪ.

И вы не разсердились бы... если бъ благородный человѣкъ...

НАДЕЖДА.

Отъ чего жъ сердиться?... Напротивъ, онъ сдѣлалъ бы мнѣ честь...

БАЛЫКОВЪ.

И вы пошли бы за него?

НАДЕЖДА.

Не знаю, смотря по человѣку... по моимъ чувствамъ...

БАЛЫКОВЪ.

Но если бъ онъ былъ человѣкъ пожилой?...

НАДЕЖДА.

Это еще не порокъ... *(Въ сторону.)* Боже мой, ужъ не намекаетъ ли онъ на себя?

БАЛЫКОВЪ,

Превосходное сужденіе!... Вотъ видите... Я... взять въ примѣръ хоть меня...

НАДЕЖДА, въ сторону.

Такъ и есть!...

БАЛЫКОВЪ.

Я человѣкъ холостой... но мнѣ ужъ слишкомъ пятьдесятъ... если бъ вдругъ я...

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, ПОЛОГОВЪ.

НАДЕЖДА, увидя Пологова въ сторону.

А! онъ возвратился!...

БАЛЫКОВЪ, въ сторону.

Фу, какъ не кстати!...

ПОЛОГОВЪ.

Надежда Павловна!... А Павелъ Андреевичъ дома!...

БАЛЫКОВЪ.

Ба, ба, ба!... Да это вы, Сергѣй Петровичъ!... Здравствуйте, любезнѣйшій! Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы съ вами не видались!

ПОЛОГОВЪ.

Боже мой! Иванъ Михайловичъ!... *(Цѣлуется съ Балыковымъ.)*

БАЛЫКОВЪ.

Какъ не стало Михайла Петровича, такъ совсѣмъ васъ не видать... я таки бываю въ Петербургѣ, а вы и глазъ не покажете... Прежде и въ деревню ко мнѣ съ батюшкой ѣзжали... а теперь зазнезнились...

ПОЛОГОВЪ.

Извините, я теперь служу... такъ занятъ...

БАЛЫКОВЪ.

Обыкновенная отговорка... Ну, счастливо ли послуживаете?

ПОЛОГОВЪ.

Не могу пожаловаться... Я столоначальникъ, имѣю хорошее жалованье, получаю награды... и при своихъ небольшихъ доходахъ съ имѣнія, живу, даже съ избыткомъ...

БАЛЫКОВЪ.

Слава Богу! Слава Богу!... Ну, теперь бы пора и жениться...

ПОЛОГОВЪ,

Жениться?... Страшно ошибиться ~~въ выборѣ~~...

НАДЕЖДА, въ сторону.

Сергѣй Петровичъ, кажется, такъ во всемъ нерѣшителенъ...

ПОЛОГОВЪ.

Трудно на то и рѣшиться, Надежда Павловна, въ чемъ не предвидишь счастія...

БАЛЫКОВЪ.

Помилуйте, кому жъ и думать о счастіи, какъ не вамъ, любезнѣйшій!... Хорошъ собой, молодъ, богатъ... развѣ сами начнете искать богатства?

ПОЛОГОВЪ,

О, оно мнѣ не нужно... Я желаю одной чистой любви...

БАЛЫКОВЪ.

И безподобно!

ПОЛОГОВЪ,

Но этого еще труднѣй найти, чѣмъ богатства!... На слова женскія полагаться трудно...

НАДЕЖДА.

А мнѣ кажется, что мужчинамъ нельзя ни въ чемъ вѣрить!...

БАЛЫКОВЪ.

Ну, нѣтъ, Надежда Павловна, вотъ я вамъ примѣръ...

НАДЕЖДА.

О, вамъ, Иванъ Михайловичъ, я во всемъ вѣрю...

БАЛЫКОВЪ.

Покорнѣйше васъ благодарю.

ПОЛОГОВЪ.

Конечно, въ свѣтѣ не безъ добрыхъ душъ... и если откровенно признаться... я нашелъ дѣвушку, которая, надѣюсь, составитъ мое счастіе...

БАЛЫКОВЪ.

Вотъ-съ!... Поздравляю... Кто жъ эта особа?

ПОЛОГОВЪ.

Покуда секретъ!

НАДЕЖДА.

Зачѣмъ же секретничать?...

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ, входя съ лѣвой стороны.

Иванъ Михайловичъ!... Васъ, сударь, проситъ баринъ къ себѣ въ кабинетъ...

БАЛЫКОВЪ.

Что ему нужно?

АНДРЕЙ.

Не знаю-съ, какое то важное дѣло...

БАЛЫКОВЪ.

Сейчасъ!... Извините, я сейчасъ вернусь!

Уходитъ налѣво съ Андреемъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПОЛОГОВЪ И НАДЕЖДА.

ПОЛОГОВЪ, вынимаетъ изъ кармана свертокъ писемъ.

Я принесъ ваши письма... Угодно вамъ ихъ взять отъ меня?...

НАДЕЖДА.

Очень угодно!... Вѣдь вы женитесь?

ПОЛОГОВЪ.

Если бъ точно я женился, для васъ бы это ничего?

НАДЕЖДА.

Да о чемъ же мнѣ горевать... я порадовалась бы еще за васъ...

ПОЛОГОВЪ.

Извольте же взять ваши письма... прошу васъ возвратить мои...

НАДЕЖДА, взявъ письма.

Съ большимъ удовольствіемъ...

ПОЛОГОВЪ.

Прощайте, навсегда!

НАДЕЖДА.

Почему жъ навсегда?... Познакомьте меня, пожалуй-ста, съ вашей супругой... а я познакомлю васъ съ моимъ мужемъ... впрочемъ вы его знаете...

ПОЛОГОВЪ.

Это что значитъ?

НАДЕЖДА.

Я также выхожу замужъ.

ПОЛОГОВЪ.

Замужъ? За кого?

НАДЕЖДА.

Покуда секретъ!

ПОЛОГОВЪ.

И вы серьезно говорите?

НАДЕЖДА.

Къ чему жъ мнѣ васъ обманывать... Впрочемъ я даже за тайну скажу вамъ имя моего жениха... Я выхожу за Ивана Михайловича!

ПОЛОГОВЪ,

За Ивана Михайловича!... И вы не шутите?...

НАДЕЖДА.

Ни сколько... Я вамъ сейчасъ пришлю письма... Милости просимъ ко мнѣ на свадьбу... Желаю вамъ счастія...

ПОЛОГОВЪ.

О, вѣрно, буду я съ другой счастливѣе, чѣмъ съ вами...

(Надежда уходитъ направо.)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ПОЛОГОВЪ, одинъ.

Боже мой!... Неужели?... Нѣтъ, она шутитъ!... Но если это правда!... О, я тогда погибъ!... Боже мой! За что я ее такъ люблю!...

Она играетъ мною,
А я, я все терплю
И всей моей душою
Жестокую люблю!
Какъ женщины лукавятъ!...
Мы часто ихъ бранимъ,
Но сѣти чуть разставятъ,
Такъ сами въ нихъ летимъ.
Ужъ сколько ими въ свѣтѣ
Погублено сердецъ,
Къ нимъ попадались въ сѣти,
И ментеръ и мудрецъ!
Что противъ не кричали
Великіе умы,
А тѣмъ же всѣ кончали,
Чѣмъ грѣшные и мы.

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПОЛОГОВЪ, БАЛЫКОВЪ И ДАША.

БАЛЫКОВЪ, выходя съ лѣвой стороны.

Важное дѣло — звать меня затѣмъ, чтобъ спросить, чѣмъ я кончилъ съ Надеждой Павловной?... А я только что еще успѣлъ начать... (*Увидя Пологова.*) А! Сергѣй Петровичъ! Вы еще здѣсь, любезнѣйшій?

ДАША, входя съ правой стороны, подаетъ пучекъ писемъ Пологову.

Вамъ прислала барышня... приказала сказать, что тутъ всѣ до одного.

ПОЛОГОВЪ, взявъ письма, въ сторону.

Такъ все кончено!... И неужели онѣ... О, какъ я несчастливъ!...

Поспѣшно уходитъ въ среднюю дверь.

БАЛЫКОВЪ.

Сергѣй Петровичъ!... Постойте, любезнѣйшій!... Убѣжалъ какъ угорѣлый.... Что съ нимъ сдѣлалось?... (*Дашѣ.*) Что ты ему отдала?

ДАША,

Незнаю-съ... барышня прислала какія-то бумаги...

(Уходитъ направо.)

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

БАЛЫКОВЪ, СВИЩОВЪ, ПОТОМЪ НАДЕЖДА.

БАЛЫКОВЪ.

Бумаги!... Странно! Какія у нихъ могутъ быть дѣла?...

СВИЩОВЪ, входя съ лѣвой стороны.

Ну, что Иванъ Михайловичъ?

БАЛЫКОВЪ.

Да все еще ничего!

СВИЩОВЪ.

Все еще ничего?...

БАЛЫКОВЪ.

Помоги мнѣ, любезнѣйшій...

СВИЩОВЪ.

Помочь тебѣ?...

БАЛЫКОВЪ.

Вѣдь ты отецъ... тебѣ лучше спросить свою дочь!

СВИЩОВЪ.

Мнѣ спросить дочь?...

БАЛЫКОВЪ.

Тс... вотъ она! Начинай...

НАДЕЖДА, входя съ правой стороны.

Онъ ушелъ!... О, я ему ужасно отплачу!..

БАЛЫКОВЪ, Свищову.

Что жъ, Павелъ Андреевичъ?...

СВИЩОВЪ.

Что?... Да, да... сію минуту... (*Надеждѣ.*) Вотъ, Надя, Иванъ Михайловичъ...

НАДЕЖДА.

Что-съ?

СВИЩОВЪ.

Что Иванъ Михайловичъ?... Да то... что онъ дѣлаетъ намъ... какъ бы сказать... удовольствіе...

НАДЕЖДА.

Какое удовольствіе?

СВИЩОВЪ.

Какое удовольствіе?... Такое... онъ дѣлаетъ тебѣ честь... проситъ твоей руки...

НАДЕЖДА.

Моей руки?...

БАЛЫКОВЪ.

Точно такъ, Надежда Павловна... Я человѣкъ рѣшительный и откровенный... увидалъ васъ... вы мнѣ пришли по сердцу — и я прошу вашей руки... Будьте же и вы со мной откровенны: скажите прямо, хотите ли вы быть моей женою, или нѣтъ...

СВИЩОВЪ.

Да, скажи прямо, хочешь ли ты быть женою Ивана Михайловича, или нѣтъ?..

НАДЕЖДА, въ сторону.

О, теперь я могу ему отплатить... (*Вслухъ.*) Я не знаю, какъ папенькѣ будетъ угодно...

СВИЩОВЪ.

Какъ мнѣ будетъ угодно?...

БАЛЫКОВЪ.

На счетъ папеньки не безпокойтесь, мы ужъ съ нимъ поладимъ... а вотъ съ вашей стороны, любезнѣйшая Надежда Павловна...

НАДЕЖДА, въ сторону.

Нѣтъ нужды, что онъ не молодъ... я отомщу этимъ... (*Балыкову.*) Если папенька согласенъ, такъ и я...

БАЛЫКОВЪ.

Неужели?...

НАДЕЖДА.

Вотъ вамъ моя рука!

СВИЩОВЪ.

Браво!... Вотъ истинная дочь! Вся въ меня!

БАЛЫКОВЪ, съ чувствомъ.

Благодарю васъ, Надежда Павловна! Вы вполнѣ теперь осчастливили меня!... Поцѣлуй, любезнѣйшій Павелъ Андреевичъ, будущаго твоего сына!...

СВИЩОВЪ, съ слезами.

Будущаго моего сына?... Будь надъ вами мое благословеніе...

НАДЕЖДА, бросаясь со слезами въ объятія Свищова.

Ахъ, папенька!...

СВИЩОВЪ.

Надя! Надя!... Фу, отъ радости такъ и льются слезы!... Возьми ее, Иванъ Михайловичъ!... а съ ней вмѣстѣ и все Болотово!...

БАЛЫКОВЪ.

Теперь намъ не надо съ тобой, любезнѣйшій, и размежевываться...

СВИЩОВЪ.

Да, не надо размежевываться... Фу, какая радость... Пойду сію же минуту напишу къ сестрѣ въ Калугу!...

(Уходитъ налѣво.)

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

БАЛЫКОВЪ, НАДЕЖДА.

БАЛЫКОВЪ.

Скажите, Надежда Павловна... отъ сердца ли вы дали согласіе.. на вашихъ глазахъ слезы...

НАДЕЖДА.

Нѣтъ, это такъ...

БАЛЫКОВЪ.

Вы безъ горести жертвуете собою для меня?...

НАДЕЖДА.

О, безъ малѣйшей!...

БАЛЫКОВЪ.

Будьте откровенны со мною, пока еще есть время... узнаютъ другіе, тогда поздно...

НАДЕЖДА.

Я уже вамъ сказала...

БАЛЫКОВЪ.

А скажите, любезнѣйшая Надежда Павловна... вы давно знаете Пологова?...

НАДЕЖДА, съ смущеніемъ.

Къ чему вы меня спрашиваете?...

БАЛЫКОВЪ.

Такъ!... Скажите, онъ не былъ ли занятъ вами... и вы...

НАДЕЖДА.

Развѣ вы не слышали... онъ женится!...

БАЛЫКОВЪ.

Да!... А какія бумаги вы ему прислали?...

НАДЕЖДА.

Бумаги?... А!... Это... повѣсть... онъ мнѣ давалъ читать въ рукописи...

БАЛЫКОВЪ.

Повѣсть!...

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ, АНДРЕЙ СЪ ПИСЬМОМЪ.

БАЛЫКОВЪ.

Что тебѣ?

АНДРЕЙ.

Письмо отъ Сергѣя Петровича?...

БАЛЫКОВЪ.

Письмо?... Не къ Надеждѣ ли Павловнѣ?...

АНДРЕЙ.

Никакъ нѣтъ-съ, къ вамъ!...

БАЛЫКОВЪ.

Ко мнѣ?... Подай!....

(Андрей отдастъ письмо и уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

БАЛЫКОВЪ, НАДЕЖДА.

НАДЕЖДА, въ сторону.

Боже мой!.. Не пишетъ-ли уже онъ....

БАЛЫКОВЪ.

Письмо Пологова ко мнѣ... странно... Позвольте прочесть при васъ... Мнѣ нечего отъ васъ секретничать.

НАДЕЖДА.

Какъ хотите...

БАЛЫКОВЪ, развернувъ письмо.

Посмотримъ, что такое... *(читаетъ.)* «Милостивый Государь, Иванъ Михайловичъ!... Вы, кажется, человѣкъ разсудительный... и я никакъ не предполагалъ, чтобъ вы могли когда нибудь сдѣлаться моимъ соперникомъ...» *(Говоритъ.)* Скажите, пожалуйста, ужъ онъ знаетъ... скоро же узнаются тайны!... Кто это ему сказалъ?... И какой же онъ мнѣ соперникъ?... Вѣдь вы говорили, что онъ женится...

НАДЕЖДА.

Да... Но, видите... я не хотѣла вамъ сказать... онъ прислалъ мою руку, но я рѣшительно ему отказала...

БАЛЫКОВЪ.

А! понимаю!... *(Читаетъ.)* «Какъ друга покойнаго батюшки, я считаю долгомъ предупредить васъ, что Надежда Павловна любитъ меня...

НАДЕЖДА, въ сторону.

Боже мой!...

БАЛЫКОВЪ, читаетъ.

«Между нами произошла маленькая размолвка; но я увѣренъ, что она все еще меня любитъ...» *(Говоритъ.)* Скажите, какая самонадѣянность...

НАДЕЖДА.

Вздоръ! Чистая ложь!...

БАЛЫКОВЪ, читаетъ.

«Я увѣренъ, что она меня также любитъ, какъ и я, къ несчастію, ее люблю!...»

НАДЕЖДА.

Къ несчастію?... Какъ дерзко еще смѣетъ писать!...

БАЛЫКОВЪ.

Да, немножко... но что дальше, посмотримъ.. *(Читаетъ.)* «Прошу васъ только не говорить ей объ этомъ...» *(Говоритъ.)* Пожалуй-ста, не выдайте меня... я вамъ впрочемъ и не говорилъ...

НАДЕЖДА.

Не безпокойтесь... врядъ-ли я когда его увижу!...

БАЛЫКОВЪ.

Такъ у васъ рѣшительная ссора... *(Читаетъ.)* «Она прекрасна, имѣетъ много достоинствъ, но много и пороковъ... Ея капризы, ея кокетство, ея вѣтренность хоть кого выведутъ изъ терпѣнія...»

НАДЕЖДА.

Какая прекрасная рекомендація! Неужели вы ему повѣрите?...

БАЛЫКОВЪ.

О, помилуйте... *(Читаетъ.)* «Берегитесь, почтеннѣйшій другъ, этой дѣвушки... предупредите опасность,.. откажитесь скорѣе

отъ брака, который составитъ навсегда и ваше и мое несчастіе!... Съ совершеннымъ почтеніемъ... Сергѣй Пологовъ!...» *(Говоритъ.)* Слышите, и его несчастіе!... Стало быть, онъ еще надѣется...

НАДЕЖДА.

Никогда!... Прежде я думала, что онъ только капризенъ, но теперь я вижу, онъ, просто, злой человѣкъ!...

БАЛЫКОВЪ.

Ну, не то, что злой!...

НАДЕЖДА.

По какому праву смѣетъ онъ разстроивать мое счастіе... съ такимъ человѣкомъ, котораго я уважаю...

БАЛЫКОВЪ.

Да, по какому праву?...

НАДЕЖДА.

Который такъ любимъ...

БАЛЫКОВЪ.

Что-съ?...

НАДЕЖДА.

Который такъ любимъ папенькой!...

БАЛЫКОВЪ.

Да, — правда, мы большіе друзья!...

НАДЕЖДА.

Который своей душею можетъ пріобрѣсть любовь...

БАЛЫКОВЪ.

Любовь?

НАДЕЖДА.

Можетъ пріобрѣсть любовь всякой разсудительной женщины!...

БАЛЫКОВЪ.

Да... разсудительной!... И вы, вѣрно, любезнѣйшая Надежда Павловна, принадлежите къ числу разсудительныхъ особъ... по этому я смѣло могу надѣяться на ваше слово...

Вы, навѣрное, ужъ слово
Не рѣшитесь взять назадъ?

НАДЕЖДА.

Я подписку дать готова.

БАЛЫКОВЪ.

Я и слову вѣрить радъ!
Вѣдь подписки тѣ жъ загадки,
Тотъ же въ нихъ обманъ кладётъ!
И съ подписки взятки гладки:
Если честь ихъ не скрѣпитъ!
Вотъ въ словахъ ужъ мало вѣса,
Если деньги кто даетъ;
Подвернется какъ повѣса —
Такъ навѣрно оплететъ!
Слово честное притожно
У плутовъ и шалуновъ:
Безъ заклада невозможно
И копѣйки взять со словъ.

Такъ дѣло наше кончено!... Я теперь вамъ женихъ — вы моя невѣста!... До свиданія!... *(Уходитъ налѣво.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

НАДЕЖДА, одна.

Я не могу еще притти въ себя... Написать письмо... осмѣлиться называть меня капризной, кокеткой, вѣтреницей.... говорить, что я сдѣлаю несчастнымъ того, кто будетъ моимъ мужемъ!... О, это ужасно! Это такая дерзость!... Хорошо же, милостивый государь, хорошо... посмотримъ, будете ли вы счастливы безъ меня!...

Я васъ еще въ душѣ моей любила,
И можетъ быть, теперь еще люблю,
Но чтобъ я вамъ за все не отплатила,
Да этого никакъ я не стерплю!...
Пусть буду я на цѣлый вѣкъ несчастной,
За то и онъ вѣкъ счастья не найдетъ....
Я безъ него умру съ точки ужасной!...
Но безъ меня и онъ съ тоски умретъ.

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

НАДЕЖДА, ПОЛОГОВЪ.

ПОЛОГОВЪ, въ сторону.

Она здѣсь!... *(Въ слухъ)*. Васъ, конечно, должно удивить мое посѣщеніе... Извините, это случилось противъ моей воли... необходимость... мнѣ нужно видѣть Ивана Михайловича...

НАДЕЖДА.

Какъ же это вы оставили свою невѣсту?... Это не хорошо: она будетъ сердиться...

ПОЛОГОВЪ.

Мнѣ нужно получить отвѣтъ отъ Ивана Михайловича... я къ нему писалъ о важномъ для меня дѣлѣ...

НАДЕЖДА.

А! Вы къ нему писали?

ПОЛОГОВЪ.

Не думайте, однако жъ, чтобъ я писалъ что нибудь о васъ...

НАДЕЖДА, въ сторону.

Слышите! Каково лжетъ!... Послѣ этого можно ли ему вѣрить?... (*Въ слухъ.*) Такъ вы обо мнѣ ни слова не писали?...

ПОЛОГОВЪ.

Ни слова!... И что же мнѣ писать... между нами все кончено.

НАДЕЖДА.

Конечно, все кончено... Но это, кажется, не помѣшало бы вамъ написать... напримѣръ, что я еще васъ *люблю*... что и вы, къ несчастію, любите еще меня... хоть впрочемъ этого и быть не можетъ... мало ли что вы могли написать...

ПОЛОГОВЪ.

Какъ, неужели Иванъ Михайловичъ вамъ пересказалъ...

НАДЕЖДА.

Онъ мнѣ ничего не говорилъ... но только...

ПОЛОГОВЪ.

Далъ вамъ прочитать мое письмо?

НАДЕЖДА.

Нѣтъ, онъ прочелъ его при мнѣ самъ. —

ПОЛОГОВЪ.

Самъ!... (*Помолчавъ.*) Скажите, ужъ онъ, я думаю, не можетъ читать безъ очковъ?

НАДЕЖДА, посмотрѣвъ на него.

Нѣтъ, онъ получше васъ еще видитъ...

ПОЛОГОВЪ.

Я не думаю, чтобъ у него были такъ хороши глаза; въ такія лѣта...

НАДЕЖДА.

Глаза его очень хорошо разсмотрѣли меня... и, кажется, не нашли во мнѣ пороковъ, которые приписываютъ мнѣ нѣкоторые люди!...

ПОЛОГОВЪ.

Вы прекраснаго мужа себѣ выбрали...

НАДЕЖДА.

О, такого, какихъ мало на свѣтѣ...

ПОЛОГОВЪ.

Да, чудо, что такое!

ПОЛОГОВЪ.

Хорошъ супругъ! Вся голова сѣдая!

НАДЕЖДА.

За то она не вѣтрена, умна!

ПОЛОГОВЪ.

Подумаютъ, вы дочь ему родная...

НАДЕЖДА.

И скажутъ всѣ: какъ счастлива она!

ПОЛОГОВЪ.

Съ женой вдвоемъ въ деревнѣ поселится.

НАДЕЖДА.

И будетъ рай въ деревнѣ съ нимъ у насъ!..

ПОЛОГОВЪ.

Вы станете зѣвать — а онъ браниться...

НАДЕЖДА.

Помилуйте, онъ не похожъ на васъ!...

ПОЛОГОВЪ.

Какихъ вы прекрасныхъ мнѣній обо мнѣ!..

НАДЕЖДА.

Вы этого заслуживаете... я откровенна!

ПОЛОГОВЪ.

Но чѣмъ же я это заслужилъ... не тѣмъ ли, что любилъ васъ истинно... пламенно... нѣжно... любилъ такъ, какъ, быть можетъ, и никто васъ любить не будетъ!

НАДЕЖДА.

Хороша любовь!... Дѣлать мнѣ безпрестанныя непріятности...

ПОЛОГОВЪ.

Но всѣ эти непріятности доказываютъ мою любовь... Вы, вы не хотѣли меня понимать... И неужели теперь... нѣтъ, Надежда Павловна, вы не такъ жестоки... Называйте меня, какъ хотите... я сумасшедшій... я ревнивецъ... я виноватъ предъ вами... не отвергайте только меня... я не въ состояніи болѣе молчать: безъ васъ я не могу жить! О, Надежда Павловна... сжальтесь надо мною!...

(Становится на колѣна.)

НАДЕЖДА.

Ага!... Теперь вы сознались...

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ БАЛЫКОВЪ, ПОТОМЪ СВИЩОВЪ.

ПОЛОГОВЪ, увидя Балыкова.

Боже мой!... Иванъ Михайловичъ!... (*Хочетъ встать.*)

БАЛЫКОВЪ, удерживая его.

Не безпокойтесь... стойте пожалуй-ста... Позвольте только, любезнѣйшій, спросить... на чемъ вамъ угодно: на шпагахъ или на пистолетахъ?

СВИЩОВЪ, входя при послѣднихъ словахъ.

На шпагахъ, или на пистолетахъ?... (*Увидя Пологова.*) Это что?...

БАЛЫКОВЪ.

Ничего, Павелъ Андреевичъ, ничего, любезнѣйшій... такъ... онъ прощается съ Надеждой Павловной!...

СВИЩОВЪ.

Прощается съ Надей?

БАЛЫКОВЪ.

Онъ ѣдетъ...

СВИЩОВЪ.

Ѣдетъ?

ПОЛОГОВЪ, Балыкову.

Иванъ Михайловичъ... вы были другомъ покойнаго батюшки, будьте же моимъ благодѣтелемъ... помогите мнѣ... участь моя въ вашихъ рукахъ...

БАЛЫКОВЪ.

Въ чемъ я могу вамъ помочь?

ПОЛОГОВЪ.

Составьте мое счастіе... уступите мнѣ руку Надежды Павловны...

БАЛЫКОВЪ.

Помилуйте, любезнѣйшій!... Да это не въ моей власти! . . . Во-первыхъ, у нея есть отецъ...

СВИЩОВЪ.

Да-съ, у нея есть отецъ... Вотъ какія новости затѣялъ!

БАЛЫКОВЪ.

Во-вторыхъ, если бы любила васъ... Надежда Павловна...

НАДЕЖДА.

Нѣтъ, нѣтъ... я его не люблю!... Я люблю и уважаю васъ однихъ, Иванъ Михайловичъ!

БАЛЫКОВЪ.

Ну, слышите?

СВИЩОВЪ.

Слышите?

БАЛЫКОВЪ.

И такъ, любезнѣйшій Павелъ Андреевичъ, ты отдаешь мнѣ руку твоей дочери?

СВИЩОВЪ.

Отдаю ли я тебѣ руку моей дочери?... Да ужъ я сказалъ, и съ руками и съ ногами...

БАЛЫКОВЪ.

А вы, Надежда Павловна, согласны ли быть моей женой?... Спрашиваю васъ въ послѣдній разъ...

НАДЕЖДА, съ смущеніемъ.

Да!

ПОЛОГОВЪ.

Боже мой!... Я умру...

БАЛЫКОВЪ.

Еще одинъ вопросъ... Точно ли любите вы Сергѣя Петровича?... Будьте откровенны...

ПОЛОГОВЪ, Надеждѣ.

Надежда Павловна... простите меня...

НАДЕЖДА, въ затрудненіи.

Я... его любила прежде... но я увидѣла, онъ не стоитъ моей любви... пусть же онъ будетъ наказанъ...

СВИЩОВЪ.

Пусть будетъ наказанъ!... Что же это значитъ?... Ничего не понимаю...

БАЛЫКОВЪ.

Но, наказывая его, не наказываете ли вы вмѣстѣ сами себя?. .

НАДЕЖДА.

Что бы ни было... я ужъ вамъ дала слово..

СВИЩОВЪ.

Она ужъ дала слово...

БАЛЫКОВЪ.

Такъ пусть же онъ страдаетъ!... (*Пологову.*) И такъ, любезнѣйшій Сергѣй Петровичъ, послѣ того, что вы видѣли и слышали, вамъ, кажется, не остается болѣе ничего, какъ удалиться отсюда... Извините... я хоть человѣкъ не ревнивый... а все таки мое положеніе... вы понимаете... (*Свищову.*) Все ли у насъ готово къ обрученію?...

СВИЩОВЪ.

Все ли готово къ обрученію?... Все, все!...

БАЛЫКОВЪ.

Пожалуйте же мнѣ вашу ручку, любезнѣйшая Надежда Павловна!... Пойдемте...

НАДЕЖДА, съ усиліемъ.

Пойдемте!...

БАЛЫКОВЪ.

Пусть онъ будетъ наказанъ...

НАДЕЖДА, сдав дыша.

Пусть...

ПОЛОГОВЪ, съ сильной горестью.

Прощайте, прощайте, Надежда Павловна... Прощайте теперь навсегда!... Забудьте прошлое... забудьте меня... а я...

(Хочетъ итти.)

НАДЕЖДА, падая въ кресла въ слезахъ.

О!...

БАЛЫКОВЪ, Надеждѣ.

Вы плачете? *(Свищову.)* И ты плачешь?..

СВИЩОВЪ.

Плачу—самъ не знаю отъ чего...

БАЛЫКОВЪ.

Что съ ними станешь дѣлать... видно приходится кончить комедію... Сергѣй Петровичъ... постойте... пожалуйте сюда... замѣните меня... ведите ее... Ты позволишь, Павелъ Андреевичъ?...

СВИЩОВЪ.

Позволю ли я... Да отъ чего жъ не позволить...

ПОЛОГОВЪ.

Боже мой, что это значитъ ?..

СВИЩОВЪ.

Да, что жъ это значитъ?..

БАЛЫКОВЪ.

А то, любезнѣйшій, что я не узнавши броду, кинулся было въ воду... Вотъ ея женихъ, а не я!...

СВИЩОВЪ.

Онъ ее женихъ, а не ты ?...

БАЛЫКОВЪ.

Надежда Павловна любитъ его, а не меня...

СВИЩОВЪ.

Надя любитъ его, а не тебя?

БАЛЫКОВЪ.

Такъ ли, любезнѣйшая Надежда Павловна?.. *(Надежда опускаетъ глаза.)* Кажется, я не ошибся... вы оба немножко вспыльчивы... оба немножко капризны... а это все происходитъ отъ того, что вы не невѣста, а онъ не женихъ... Ступайте же, обручайтесь... Согласенъ ли ты, любезнѣйшій Павелъ Андреевичъ?...

СВИЩОВЪ.

Согласенъ ли я?... Конечно, Сергѣй Петровичъ человѣкъ прекрасный...

БАЛЫКОВЪ

Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало...

СВИЩОВЪ.

Зачѣмъ же дѣло стало?...

ПОЛОГОВЪ.

Павелъ Андреевичъ, составьте мое счастіе...

СВИЩОВЪ.

Составить ваше счастіе?... Но что, вотъ, скажетъ Надя... я далъ ей волю...

БАЛЫКОВЪ.

Ну, Надежда Павловна, говорите... поступите, какъ великодушный врагъ...

НАДЕЖДА, давая руку Пологову.

Вотъ моя рука... Но я вамъ еще отплачу...

БАЛЫКОВЪ, шутя.

Конечно, конечно, отплатите ему, какъ будете женою... Павелъ Андреевичъ ! А ты что ?...

СВИЩОВЪ, въ слезахъ.

Что я?.. Вспомнилъ покойницу Анну Ивановну !... Боже мой ; зачѣмъ она умерла !... Какъ бы она порадовалась ! . . . Дѣти мои ! Благословляю васъ !...

БАЛЫКОВЪ.

Ну, вотъ и прекрасно !

СВИЩОВЪ.

Иванъ Михайловичъ ! А наши поля-то ?... Вѣдь намъ надо будетъ межеваться ?

БАЛЫКОВЪ, указывая на Пологова.

Онъ за тебя размежуется..

СВИЩОВЪ.

Онъ за меня размежуется ?... Ну, все таки легче...

БАЛЫКОВЪ.

А при размежевкѣ и мнѣ будетъ кой-какое занятіе въ деревнѣ !

НАДЕЖДА.

Вы, навѣрно, назовете
Своенравною меня,

Но взглянувъ на свѣтъ, найдете
Тму такихъ дѣвицъ, какъ я.
Мы отъ зла весьма далеки
И капризы въ насъ ничто;
На словахъ подчасъ жестоки,
А въ душѣ совсѣмъ не то.
Если посмъ мы личины
И капризны иногда,
Такъ затѣмъ, что насъ мужчины
Безъ причинъ бранятъ всегда.
Имъ извольте приглянуться,
Прочь тогда не отойдутъ;
Въ женихахъ въ любви клянутся,
А въ мужьяхъ зѣвать начнутъ.
Мы въ дѣвицахъ лишь на волѣ
И прекрасны двадцать лѣтъ,
А потомъ ужъ наши роли
Измѣнятъ бѣлый свѣтъ.
Если замужъ выйдемъ — скука,
Попадемъ къ мужьямъ подъ власть!
Не выходимъ замужъ—мука!
Отцвѣтемъ — тогда напасть!
Надъ мужчиной неприлично
Намъ тайкомъ похохотать,
А мужчины въ насъ публично
Все готовы осмѣять!

Мы молчимъ, молчимъ предъ ними,
Да возможность какъ найдемъ,
Такъ капризами своими
Имъ за все платить начнемъ!

ПОЛОГОВЪ.

Нѣтъ, вы судите безбожно!
Если жъ васъ поразобрать,
Осудить не такъ бы можно...
Да ужъ лучше помолчать!
Не мѣшало бъ для причины
Помолчать подчасъ и вамъ:
Наши судьи здѣсь мужчины,
Ихъ сердить опасно намъ!

НАДЕЖДА

Противъ этого ни слова!
Здѣсь по праву судятъ насъ...

Къ публикѣ:

Я просить всегда готова
Снисхожденья здѣсь у васъ!
Здѣсь сужденья ваши чисты...
Просимъ только извинить,
Если авторъ и артисты
Не могли вамъ угодить!

(*Всѣ повторяютъ послѣдніе два стиха.*)

НѢСКОЛЬКО СЦЕНЪ

ИЗЪ

НОВОЙ ОРИГИНАЛЬНОЙ КОМЕДІИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Свирскаго. Посередѝнѣ и по бокамъ двери. Письменный столъ, заваленный журналами и бумагами. Свирскій читаетъ журналъ, въ зеленой оберткѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СВИРСКІЙ.

Какая чепуха! — Ну это съ чѣмъ согласно? —
Какія все статьи! — А въ Критикѣ — лишь брань.
И кто ему позволилъ самовластно
Такъ управляться? — Право, дрянь!...

=

ЯВЛЕНІЕ II.

СВИРСКІЙ и ЛЕНСКІЙ.

СВИРСКІЙ.

А, здравствуй, cher ami! — Здоровъ ли?

ЛЕНСКІЙ.

Слава Богу!

СВИРСКІЙ.

Да гдѣ ты пропадалъ, что не былъ столько лѣтъ?

ЛЕНСКІЙ.

Я занятъ по-уши! Съ дороги да въ дорогу...
Повѣришь ли, что мнѣ на мигъ покоя нѣтъ!

СВИРСКІЙ.

Ну, что̀ твои дѣла?

ЛЕНСКІЙ.

Теперь идутъ какъ надо.

СВИРСКІЙ.

Играешь каково?

ЛЕНСКІЙ.

Картъ въ рукѣ не беру.

СВИРСКІЙ.

Да, кстати, ты женатъ?

ЛЕНСКІЙ.

Вотъ вздоръ какой! Не правда!
Съ чего ты это взялъ?

СВИРСКІЙ.

На балѣ у Сору
Мнѣ кто-то сказывалъ, забылъ я, по секрету.
Взялъ горы золота и ѣдешь жить въ Карлсбадъ;
Что будто заказалъ дорожную карету...

ЛЕНСКІЙ.

Болтушки по-пусту ударили въ набатъ!
Знать дѣлать нечего! Одно занятье — бредни.
Съ утра до полночи развозятъ пустяки...
Вѣдь это все плесть, любезный, для передней...

СВИРСКІЙ.

А развѣ у господъ не тѣ же языки?
Да что̀ жъ и дѣлать имъ? Безъ сплетней, право, скука.
Испанскія дѣла — для нихъ плохой запасъ,
А книги пытка имъ и мука
И порча сущая для глазъ...
Скажи жъ, на долго ли изволилъ къ намъ явиться?

ЛЕНСКІЙ.

Да зиму провести, а тамъ и весновать.

СВИРСКІЙ.

Коль не женатъ, такъ надобно жениться.

ЛЕНСКІЙ.

Чтобъ сказку дѣломъ оправдать?...
Что̀ новаго въ Москвѣ?

СВИРСКІЙ.

Да все, что̀ прежде было:
Балы да рауты, то свадьба, то обѣдъ...

Какъ это все меня, любезный, утомило!
Однообразіемъ мнѣ сталъ противенъ свѣтъ!

ленскій.

Спектакли какъ идутъ?

свирскій.

Спектакли? — Очень вяло.
Даютъ піесы кое-какъ...
У насъ талантовъ очень мало.

ленскій.

Ну, а балеты?

свирскій.

Такъ и сякъ! —

ленскій.

Ну, что Лачугины?

свирскій.

Живутъ весьма-открыто.
У нихъ то балъ, то маскерадъ,
И каждый разъ биткомъ набито.

ленскій.

Что жъ тутъ мудренаго — богатъ.
Скажи-ка, что твои княжны Адель, Полина?
Все также милы, хороши?
Прекрасна также все Алина?...
Я отъ Алины безъ души! —
Ну, что Осьмушкины? Ихъ много ли на свѣтѣ?

свирскій.

Да въ нихъ и счетъ я потерялъ...

ленскій.

И ѣздятъ также все въ раскинутой каретѣ?
И въ домѣ вѣчный карнавалъ?
А этотъ господинъ?

свирскій.

Какой же? Я не знаю.

ленскій.

Съ Мальтійскимъ крестикомъ...

свирскій.

Ей Богу, я забылъ.

ленскій.

Бывало, я его всегда вездѣ встрѣчаю...
Фамиліи его мнѣ вспомнить нету силъ.
Онъ всюду съ дочерьми, и точно будто съ ротой:
Онъ всѣ рыжія и вылиты въ отца...

свирскій.

Не Тальманъ ли?

ленскій.

Да, въ этомъ родѣ что-то...
Да! Тальманъ. Точно онъ!

свирскій.

Все корчитъ молодца.
Всѣ дочери при немъ, и пляшутъ до упада
И гдѣ бъ то ни было: собранье, маскерадъ
Въ Сокольникахъ, въ Петровскомъ—для парада
Вездѣ таскать себя велятъ!..

ленскій.

Да, кстати! Dame du Lac... у ней все та же свита?
И въ ложѣ вѣчно съ ней все тотъ же селадонъ?

свирскій.

Да; прежняя любовь годами не убита.
По моему, коль вѣренъ—такъ влюбленъ.

ленскій.

Ну, что Павлушкины?

свирскій.

Теперь въ глубокомъ горѣ.
У нихъ скончалась мать.

ленскій.

Неужто?

свирскій.

Право такъ.

ленскій.

А только вѣдь она держала ихъ на спорѣ.
Четыре брата ихъ, и каждый братъ дуракъ.

свирскій.

Теперь у нихъ пойдутъ война и драка
Съ сестрой-весталкою.

ленскій.

А жалко! Домъ упалъ.
А этотъ молодецъ? . . . онъ какъ-то слылъ рубакой...

свирскій.

А! все съ пѣвицею въ театрѣ воевалъ.
Она разинетъ ротъ—онъ пикать, что есть силы,
И—правду ужъ сказать, со славой одолѣлъ.

ленскій.

Да я бъ его, божусь тебѣ, мой милый,
Изъ города по шеѣ гнать велѣлъ!

свирскій.

А есть еще у насъ въ Москвѣ сѣдой повѣса,
Временъ новѣйшихъ блудный сынъ.

ленскій.

А, вѣрно графъ Темповъ? Да онъ давно безъ вѣса!

свирскій.

Онъ вторплъ витязю, какъ чистый Славянинъ.

ленскій.

А лѣтомъ, нечего и спрашивать, я знаю:
По праздникамъ бывалъ въ Петровскомъ паркѣ съѣздъ,
Въ воксалѣ музыка, Цыгане... понимаю!
Огромный снопъ ракетъ и въ плошкахъ весь подъѣздъ!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

тѣ же, и жена свирскаго.

свирская.

А, Ленскій! Вотъ сюрпризъ! Мы васъ совсѣмъ не ждали!
Я даже думала, что васъ ужъ нѣтъ въ живыхъ.
Скажите же, гдѣ такъ далеко кочевали,
Что даже самый слухъ объ васъ совсѣмъ затихъ?

ленскій.

Дѣлами занятъ былъ.

свирская.

Дѣлами? Вѣрно шутки!

ленскій.

Пустился въ откупа, казенный взялъ подрядъ.

свирская.

На это не лѣта, а нужно только сутки.
Я бъ все устроила, хоть биться объ закладъ!
Теперь въ Москву совсѣмъ? Не прада ли?

свирскій.

На-время.

ленскій.

Да, только на зиму.

свирская.

Вы шутите.

ленскій

Никакъ!

свирская.

Охота жъ на себя вамъ брать такое бремя?

свирскій.

И жить въ берлогѣ, какъ Остякъ?

свирская.

Забыть Москву! Да это, право, стыдно!
Нигдѣ не видано, и истинно-грѣшно!
Забыть Москву! Жестоко и обидно!

свирскій.

А мнѣ такъ кажется, что даже и смѣшно.

ленскій.

Смѣяться можете и сколько вамъ угодно.
Улаживать дѣла, давать имъ стройный ходъ —
Я къ этому привыкъ.

свирскій.

Все это безподобно.

свирская.

Какъ будто у другихъ ужъ вовсе нѣтъ хлопотъ?

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

тѣ же и слуга, подаетъ письмо Свирскому.

свирскій.

Ба! Отъ Лачугиныхъ.

свирская.

Вотъ это интересно.

свирскій, читаетъ.

«Петръ Ивановичъ и Варвара Степановна Лачугины покорнѣйше просятъ сдѣлать имъ честь пожаловать сегодня, октября 16 дня, въ 8 часовъ, на балъ и ужинъ.»

Вотъ этого ужъ я никакъ не ожидалъ

(Слугѣ.)

Скажи, что хорошо.

(Слуга уходитъ.)

свирская.

Прекрасно! Вотъ чудесно!

свирскій.

Ты, Ленскій, кажется, къ Лачугину ѣзжалъ?
Пожалуста, скорѣй, съ визитомъ, ради Бога,
Сейчасъ къ Лачугину! Онъ вѣрно пригласитъ.
Онъ будетъ безъ души! У нихъ всегда такъ много.
Лачугинъ славно угоститъ.

ленскій.

Ахъ, дайтежъ отдохнуть! День подышать свободно!
Я мочи нѣтъ усталъ...

свирскій.

Все это пустяки!

свирская.

Пожалуй-ста!

ленскій.

Готовъ на что угодно!

свирскій.

Вотъ записался въ старики!
Ступай къ Лачугинымъ!

ленскій.

Сейчасъ, въ одно мгновенье.
И прямо отъ него опять сюда вернусь!

свирская.

Пожалуй-ста скорѣй! Я жду васъ съ нетерпѣньемъ.

свирскій.

Скорѣе, cher ami, скорѣй!

ленскій.

Не заснжусь!

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

свирскій и жена его.

свирскій.

Да онъ совсѣмъ не тотъ!

свирская.

Какая перемѣна!
А прежде отъ баловъ сходилъ совсѣмъ съ ума.

свирскій.

Подумаешь — всему на свѣтѣ смѣна!
Сегодня веселы, а завтра вдругъ чума!
Ужъ подлинно, что жизнь....

свирская.

Къ чему такія бредни.
Что философствовать! Ты ѣдешь или нѣтъ?
А то, пожалуй, какъ немедни,
Ты въ клубѣ проспишь, да явишься чѣмъ свѣтъ.
А я теперь отправлюсь за беретомъ
Къ мадамъ Лебуръ, заѣду въ косметикъ,
Въ аранжерею за букетомъ,
Велю ушить корсетъ, а то онъ страхъ великъ..
Ты дома посидишь?

свирскій.

Да, я займуся чтеньемъ.

свирская.

Прощай, mon Ange? Я буду черезъ часъ.

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

свирскій, перебирая журналы.

Вѣдь вздумали жъ играть они терпѣньемъ
И, по просту, морочутъ насъ...
Пришло же въ голову давать уроки свѣту
И драться съ *опыми* и съ *сими*... Тьма хлопотъ!
Пиши же въ добрый часъ! Пруди статьями Лету:
Твою плотину не прорветъ!...
А Лепскаго все нѣтъ! Да я ужъ полстолицы
Давно объѣхалъ бы, а это — вонъ изъ рукъ!...

(Беретъ книгу журнала.)

Осталось мнѣ прочесть одна, двѣ, три страницы:
«О состояніи Наукъ.»
Вотъ это такъ языкъ! Какія выраженья!
Прошу покорно! Словъ наборъ!
Вѣдь, право, надобно умѣнье
Чтобъ написать подобный вздоръ!..

(Бросаетъ книгу.)

***

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ТЕАТРА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Свободныя или изящныя искусства, высочайшій даръ человѣку Всеблагаго Провидѣнія, вдохновеніе Неба, искони, всегда и во всѣхъ странахъ, обращались къ прославленію Божества. Поэзія, музыка, живопись, ваяніе, зодчество и соединяющій ихъ всѣхъ въ народномъ зрѣлищѣ древній театръ, посвящались въ язычествѣ богамъ. И новые театры возникли духомъ христіанской набожности. Въ западной Европѣ, задолго до возобновленія древняго просвѣщенія, театральное искусство началось представленіемъ въ лицахъ происшествій, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія; на святой же Руси, съ давнихъ временъ, воспитанники духовныхъ училищъ, основанныхъ еще при Св. Владимірѣ, показывал мірянамъ въ праздники Рождества Господня вертепъ поклоненія волхвовъ и пастуховъ новорожденному Христу, пѣли и говорили рацеи, за изображенныя въ немъ лица; а въ сѣверной Россіи, издавна, на святочныхъ игрищахъ, дворовые люди, наряженные во что̀ ни попало, представляли, въ разговорахъ *судъ царя Соломона*, *бѣса въ кубышкѣ*, и другія искаженія Библіи и житія Св. отецъ (*); но первыми драматическими поэмами нашими почитаются священныя трагедіи Св. Димитрія, Митрополита Ростовскаго(*). Онѣ сперва представлялись студентами Кіево Печерской Лавры, потомъ учениками Заиконоспасской Академіи и Ростовскими семинаристами, а наконецъ придворными Ца-

(*) Я еще помню, что въ домѣ бабки моей слуги представляли «комедью»: выходили на средину комнаты; одинъ, будто господиномъ въ самомъ нарядномъ платьѣ, какое могъ достать; другой его слугой въ лахмотьяхъ, и разговоръ начинался: *Господинъ* – Малой! Подай водки злой! – *Слуга*. Да гдѣ, сударь, она стоитъ! – *Господинъ*. Въ поставцѣ. – *Слуга*. Да не чертъ ли ее поставилъ! – Я забылъ прочее, но помню, что этотъ разговоръ, и въ такихъ же виршахъ, съ появленіемъ мальчика, одѣтаго горничной дѣвушкой, продолжался, по крайней мѣрѣ, съ полчаса, въ насмѣшку надъ промотавшимися помѣщиками. *Соч.*

(*) Семь изъ сихъ трагедій были списаны въ Ярославлѣ учредителемъ Русскаго театра Ѳ. Г. Волковымъ, и поднесены Императрицѣ Екатеринѣ II. Я, узнавъ о томъ, выпросилъ позволеніе покойнаго Государя Императора отыскать сію рукопись въ библіотекѣ Эрмитажа; но искавіе мое было безполезно. Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, участвовавшій въ переписке трагедій Св. Димитрія, сказалъ мнѣ, что Государыня пожаловала ихъ ревнителю всего Россійскаго, князю Г. Г. Орлову; тогда я обратился въ библіотеку Мраморнаго Дворца, нѣкогда ему принадлежавшаго и купленнаго въ казну со всѣмъ въ немъ находящимся; но и въ ней не нашлось желаемаго. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя трагедіи Св. Димитрія хранятся въ Ярославлѣ у богатыхъ тамошнихъ купцовъ, которые отличаются любовью своей къ русской словесности, что̀ доказано рожденіемъ русскаго народнаго театра не въ столицахъ, а въ Ярославлѣ и въ купеческомъ домѣ. *Соч.*

ревны Софіи Алексѣевны въ ея теремахъ. Одна изъ сихъ драмъ, *Кающійся грѣшникъ*, была возобновлена самымъ великолѣпнымъ образомъ, по волѣ Императрицы Елизаветы Петровны, на придворномъ Русскомъ театрѣ, который не существовалъ еще, когда уже давно играпись въ Москвѣ и Петербургѣ на иностранныхъ языкахъ театральныя сочиненія и представлялись при Дворѣ святочныя зрѣлища.

Въ теремахъ просвѣщенной Европейскимъ ученіемъ Царевны Софіи Алексѣевны, представляли, кромѣ духовныхъ трагедій, ея собственныя сочиненія и переводы (*). Царь Алексѣй Михайловичъ, желая сблизить своихъ подданныхъ съ просвѣщеніемъ западной Европы, повелѣлъ выписать изъ Нѣмецкой земли комедіянтовъ и скомороховъ (танцовщиковъ), которые, подъ начальствомъ боярина Ар. Сер. Матвѣева, играли сперва въ Кремлевскомъ Дворцѣ, а потомъ въ Преображенскомъ на Потѣшномъ Дворѣ. Въ разрядныхъ книгахъ 1676 года написано: *Сегодня была комедія, какъ Олоферна отрубила голову Юдиѳи;* потомъ, *какъ Артаксеркса приказалъ повѣсить Амана.* Въ запискахъ русскаго театра упоминается, что «*люди боярина Матвѣева, обучась отъ Нѣмцевъ, играли съ ними же, вѣроятно, по-нѣмецки.*» Очень вѣроятно, судя по досужеству и свѣтлівой переимчивости русскихъ людей; но стрѣлецкіе бунты, возбужденные властолюбіемъ той же Царевны, которая отличалась любовью къ просвѣщенію, прервали ходъ его, и Потѣшный Домъ опустѣлъ.

(*) Мнѣ извѣстно, по семейнымъ преданіямъ, что прабабка моя, Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня Царевны Софіи Алексѣевны, представляла лице Екатерины-мученицы, въ трагедіи, сочиненной самой Царевной (какъ она сказывала своей дочери, а моей бабкѣ), и что Петръ Великій, бывая всегда при театральныхъ зрѣлищахъ, въ теремахъ своей сестры, прозвалъ Т. И. и Екатерину-мученицей — большіе глаза. » Иванъ Ивановичъ Дмитревскій, сохраняя начало перевода съ Французскаго на полуцерковный нашъ языкъ Мольеровой комедіи, *Врачъ по невол*ѣ (Le Médecin malgré lui), полагалъ, что если онъ не точно самой Царевны Софіи Алексѣевны, то вѣрно представлялся въ ея теремахъ; ибо слогъ перевода принадлежитъ времени, предшествовавшему царствованію Петра Великаго; Мольеръ умеръ въ 1672 году, а представленія въ теремахъ запелись въ 1690 году; и такъ его сочиненія могли тогда быть извѣстными Царевнѣ, которая знала иностранные языки, какъ и братъ ея Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ.

Въ 1701 году, Петръ Великій, возстановитель и учредитель всего полезнаго и истребитель всего вреднаго, повелѣлъ выписать изъ Гданска нѣмецкую труппу; по пріѣздѣ оной, Государь приказалъ строить на Красной Площади деревянный театръ, длиною въ 20, шириною въ 12 и вышиною, до потолка, въ 6 сажень. Во-время построенія сего зданія, актеры, подъ начальствомъ актера же и автора Іоганна Кунста, играли въ домѣ генерала Лефорта, въ Нѣмецкой слободѣ, и Кунстъ взялся обучать тридцать русскихъ мальчиковъ театральному дѣлу. Когда театръ былъ готовъ, тогда обнародовано въ Москвѣ царское повелѣніе, что «по понедѣльникамъ и четвергамъ быть театральнымъ представленіямъ, и въ тѣ дни ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ не запирать до 9 часовъ вечера, и съ пріѣзжающихъ всякаго рода русскихъ и иностранныхъ людей проѣздной пошлины не брать, дабы смотрѣть того зрѣлища ѣхали охотно.» Къ торжественному вшествію побѣдоноснаго надъ Шведами Государя приказано было изготовить театральное представленіе, въ которомъ, въ аллегорическомъ видѣ, были изображены побѣды его и побѣжденные имъ генералы. Въ анекдотахъ Петра Великаго помѣщено, что Іоганнъ Кунстъ, желая въ 1-е апрѣля позабавить Государя, выдумалъ, вмѣсто возвѣщеннаго спектакля, представить только занавѣсъ съ написаніемъ того числа, въ которое обманъ позволяется обычаемъ; но Государь нашелъ эту нѣмецкую шутку не позволительною, и прогнѣвался.

Въ 1705-мъ году, комедіянтъ Фирстъ съ труппой своею замѣнилъ Кунста, и уже тогда русскіе люди, обученные Кунстомъ, занимали значительныя роли въ нѣмецкихъ піесахъ, и сверхъ-того играли съ нихъ переводы и оригинальны сочиненія, безъ сомнѣнія взятыя изъ народныхъ сказокъ, какъ то: Ягу-бабу, и пр.; ибо въ послѣд-

ствіи ихъ же, для потѣхи, представляли предъ Императрицею Анной Ивановной придворныя особы, и никакихъ театральныхъ сочиненій того времени не осталось; даже самый русскій театръ, появившійся при Петрѣ Великомъ, скрылся до счастливаго царствованія его народолюбивой Дщери.

Въ 1736-мъ году, выписана была ко Двору Италіянская Опера, въ которой участвовали придворные пѣвчіе, набранные въ Малороссіи; изъ нихъ отличалась прекраснымъ голосомъ и искуснымъ пѣніемъ *Виноградская;* она, какъ увѣряютъ слышавшіе ея пѣніе, *удивляла самихъ Италіянцевъ*. Въ то же время появились при Дворѣ балеты, составленные изъ италіянскихъ танцоровъ, и даже русское драматическое стихотворство предупредило основаніе русскаго театра. Первый опытъ нашей трагедіи, по формѣ французской, не удался ученому и трудолюбивому, но не-даровитому Тредьяковскому: «Дейдамія», также какъ и «Тилемахида» его, впали въ посмѣяніе; однако въ «Тилемахидѣ» можно отыскать нѣсколько десятковъ прекрасныхъ дактило-хореическихъ гекзаметровъ, а въ «Дейдаміи» нѣтъ ни стиховъ, ни разговора, ни дѣйствія сценическаго, по которымъ можно узнать достоинство трагедіи; самый языкъ ея, смѣшанный изъ высокопарныхъ и слишкомъ-простонародныхъ словъ, безобразенъ; но мы обязаны благодарностью творцу «Дейдаміи» за введеніе въ русское стихотворство свойственнаго ему греческаго стоположенія, взамѣнъ силлабическихъ стиховъ Кантемира и Ѳеофана Прокоповича, совсѣмъ уничтоженныхъ въ-послѣдствіи великимъ Ломоносовымъ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ былъ гораздо даровитѣе, а потому и счастливѣе своего предшественника; онъ перенесъ въ Россію современную ему французскую трагедію, писалъ комедіи, и, по-справедливости названъ *творцомъ русскаго театра*. Воспитанникъ, а потомъ офицеръ, Кадетскаго Корпуса, учрежденнаго фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, онъ понялъ свойство ново-классической трагедіи, замѣнилъ французскіе двѣнадцатисложные стихи русскими шестистопными ямбами, но сохранилъ безъ всякаго измѣненія всѣ правила, условія и форму парижскаго театра. Сумароковъ сочинилъ нѣсколько трагедій для существовавшей только въ его воображеніи сцены; но истерпѣливость автора видѣть дѣйствіе своего творенія, вскорѣ удовлетворилась его совоспитанниками, въ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ на распространявшемся во всей Европѣ и вошедшемъ въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны и у насъ въ моду, французскомъ языкѣ, игрался нѣкоторыя трагедіи Расина, и нашъ тогдашній Расинъ выпросилъ позволеніе представлять свои сочиненія. Онъ самъ прочитывалъ роли съ кадетами, ставилъ «Хорева, Синава и Трувора.» Императрица, Дворъ, всѣ важныя особы, восхищались сочиненіемъ и актерами, изъ коихъ, какъ я слышалъ отъ самовидцевъ, отличались большимъ дарованіемъ тогдашніе кадеты Н. А. Бекетовъ, П. С. Свистуновъ, графъ Бутурлинъ, князь А. И. Щербатовъ и князь Мещерскій. И такъ русскій театръ зачался священнымъ вдохновеніемъ пастыря Церкви, проявился въ училищѣ, воспитавшемъ великихъ военачальниковъ и мудрыхъ вельможъ, но сдѣлался народнымъ зрѣлищемъ на берегу русской кормилицы, матушки Волги, творческимъ даромъ купеческаго сироты.

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, истинный создатель Русской сцены, родился въ Костромѣ 1729 года февраля 9-го дня; по смерти отца Волкова, мать его вышла за Ярославскаго купца Полушкина, который велъ съ Петербургомъ большой торгъ кожевеннымъ товаромъ; онъ, не имѣя собственныхъ дѣтей, любилъ пасынковъ, какъ родной отецъ: ихъ было трое; замѣтивъ въ старшемъ (Ѳедорѣ) необыкновенный умъ и дѣятельность, онъ отправилъ его въ Москву, въ Заиконоспасскую Академію, гдѣ образовался и Ломоносовъ. Молодой Волковъ, въ ученіи закону божію, русской грамматикѣ, нѣмецкому языку, математикѣ, рисованью и нотному пѣнію, обгонялъ своихъ товарищей, и отличался на-святкахъ въ представленіи духовныхъ драмъ и переводныхъ комедій, которыми издавна славились Заиконоспасскіе студен-

ты, сохранившіе преданія заводимаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и построеннаго Петромъ Великимъ театра.

Въ 1746 году, Полушкинъ отправилъ семнадцатилѣтняго пасынка своего въ Петербургъ на контору нѣмецкаго купца, для обученія торговому дѣлу, и поручилъ ему свои товарные отпуски. Тамъ Волковъ, котораго его хозяинъ провелъ въ придворный театръ, увидѣлъ, въ первый разъ, италіянскую оперу, и здѣсь-то взыграла въ немъ страсть, создательница русскаго театра; но судьба его совершенно рѣшилась въ Кадетскомъ Корпусѣ. Волковъ, какъ онъ разсказывалъ И. А. Дмитревскому, *увидя Н. А. Бекетова въ роли Синава, пришелъ въ такое восхищеніе, что самъ не зналъ, гдѣ былъ: на землѣ или на небесахъ* (*); тутъ въ немъ зародилась мысль завести, во что бы ни стало, свой театръ въ Ярославлѣ, и съ этой минуты онъ предался стремленію своего генія; молодой конторщикъ умудрился вспыхнувшею въ сердцѣ его любовію къ врожденному въ немъ искусству: онъ забрался за кулисы придворнаго театра, свелъ знакомство съ италіянскими актерами и артистами, обучился ихъ языку, узналъ всѣ принадлежности театра, и запасся всѣмъ необходимымъ для его предпріятія; а между тѣмъ, русской толкъ и досужество не проронили ничего по торговымъ дѣламъ его вотчима, который не могъ довольно нарадоваться его способностями, дѣятельностью и усердіемъ.

Возвратясь въ Ярославль, Ѳедоръ Григорьевичъ, обожаемый своимъ семействомъ, любимый всѣмъ городомъ и принятый въ дворянскихъ домахъ, стремился всею силой воли къ своей цѣли; началъ обучать музыкѣ, живописи и актерству своихъ меньшихъ братьевъ, Григорія и Гавріилу, и нѣкоторыхъ сосѣдскихъ дѣтей, одушевлялъ ихъ способности пламенной душею вдохновеннаго артиста и составилъ первую русскую театральную общину; въ ней отличались: Василій и Алексѣй Поповы (**), Иванъ Чулковъ (***), Иванъ Нарыкинъ (****) и родственникъ его Иванъ Соколовъ (*****). Должно замѣтить, что изъ небольшаго числа Ярославскихъ мальчиковъ-актеровъ, вышло четыре извѣстныхъ писателя, къ чему конечно способствовало воспитаніе ихъ въ Кадетскомъ Корпусѣ.

Волковъ, пообучивъ своихъ товарищей, и переведя нѣсколько нѣмецкихъ и италіянскихъ піесъ, захотѣлъ увеселить небывалой потѣхой радушнаго вотчима своего, въ день его именинъ (******). Онъ опорожнилъ большой кожевенный сарай, занялъ половину его покатымъ поломъ, поставилъ на немъ стойки для кулисъ, приналовилъ машины, написалъ декораціи и превратилъ внутренность сарая въ небольшую сцену и въ умѣстительный партеръ; набралъ изъ домашнихъ музыкантовъ помѣщика Майкова и другихъ оркестръ, изъ семинаристовъ хоръ, и представилъ предъ изумленнымъ именинникомъ и его почтенными гостями «Эсѳирь», вѣроятно, переводъ той нѣмецкой драмы, о которой упоминается въ разрядныхъ книгахъ 1676 года, и заключилъ спектакль переведеннымъ съ Нѣмецкаго жъ самимъ Ѳ. Г. пастораломъ «Евмонъ и Берѳа» (*******).

(*) Для нашихъ современниковъ это можетъ показаться преувеличеніемъ; но я помню, что лѣтъ одиннадцати, привезенный въ первый разъ въ Медоксовъ театръ, я разрыдался отъ разлуки Трувора съ Именой. Отъ чего нынче сдавали кто вздохнетъ? *Соч.*

(**) Михайла Поповъ издалъ свои сочиненія и переводы подъ названіемъ «Досуговъ», написалъ десять томовъ русскихъ сказокъ и «Старинныя Диковины», которыя бы и въ нашъ журнальный вѣкъ могли бы украсить и поддержать нѣкоторыя періодическія изданія. *Соч.*

(***) Сочинитель «Пересмѣшника» и другихъ очень забавныхъ разсказовъ. *Соч.*

(****) Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, славный актеръ, просвѣщенный писатель и членъ Россійской Академіи. Императрица Елизавета Петровна переименовала его, по сходству съ Дмитревскимъ, кавалеромъ Польскаго посольства. *Соч.*

(*****) Очень хорошій комическій актеръ, сочинитель Сибирскаго Шамана и другихъ играныхъ съ успѣхомъ комедій. *Соч.*

(******) Водевиль «Ѳ. Г. Волковъ, или День рожденія русскаго театра», написанный со словъ Дмитревскаго, представляетъ, сколько можно ближе къ истинѣ, это происшествіе. *Соч.*

(*******) Представляли роли: Артаксеркса Ѳ. Волковъ, Амана В. Поповъ, Мардохея Гр. Волковъ,

Полушкинъ былъ въ восхищеніи отъ невиданнаго еще имъ и никѣмъ въ Ярославлѣ, зрѣлища, а особливо *отъ облаковъ, которыя ходили вверхъ и внизъ, какъ настоящія* (*). Приглашенные на именины, усердные и просвѣщенные любители словесности, — Ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ (дѣдъ Гр. Ал. Иван.), помѣщикъ Майковъ (отецъ стихотворца Василія Ивановича) и всѣ почетные гости изъ дворянъ и купечества, такъ были восхищены театральнымъ представленіемъ, что тотчасъ, съ соучастіемъ богатыхъ Ярославцевъ, собрали значительную сумму для построенія на берегу Волги небольшаго прародителя нынѣшнихъ огромныхъ русскихъ театровъ: Ѳ. Гр. Волковъ былъ его архитекторомъ, механикомъ, декораторомъ, первымъ актеромъ, капельмейстеромъ, переводчикомъ и директоромъ (**).

Страсть Волкова, подкрѣпляемая досужествомъ, толкомъ и смѣтливостію волжскихъ промышленниковъ и ремесленниковъ, спроворила въ нѣсколько мѣсяцовъ театръ, который торжественно открыть въ 1755-мъ году, переведенною его основателемъ, италіянской оперой *Титово милосердіе*.

Ярославль не долго гордился своимъ единственнымъ театромъ: слава о немъ дошлась до Двора: Императрица Елизавета Петровна пожелала видѣть Ярославскихъ актеровъ на своей комнатной сценѣ, и воля ея была ими исполнена по-русски: въ самой скорости, и съ восхищеннымъ усердіемъ, получа приказаніе, они чрезъ мѣсяцъ уже играли въ первый разъ предъ Государынней, трагедію «Синавъ и Труворъ» (*) къ восхищенію ея сочинителя, всего Двора и самой Императрицы, которая очень милостиво приняла Ѳед. Гр., приказала помѣстить его молодыхъ товарищей въ Кадетскій Корпусъ, для необходимаго театральнымъ артистамъ обученія словесности, иностраннымъ языкамъ и гимнастикѣ, что̀ однако же не препятствовало имъ продолжать представленіе во дворцѣ. Потомъ оказавшіе очень бытрые успѣхи въ наукахъ и большія дарованія на сценѣ, Дмитревскій и Василій Поповъ были посланы въ чужіе краи для усовершенствованія своихъ отличныхъ способностей. Вотъ какъ составился въ Ярославлѣ русскій, еще только предварительный театръ.

Въ 1756 году Ѳ. Гр., по Высочайшей воволѣ отправленъ въ Москву, для заведенія и тамъ русскаго театра. Исполнивъ это, съ невѣроятною скоростію и успѣхомъ, онъ оправдалъ старую русскую пословицу: охота пуще неволи (***). Пламенное желаніе того же, что ему было поручено, учредило, выстроило и пустило въ ходъ русскій московскій театръ, въ нѣсколько мѣсяцевъ. Волковъ, оставя его во всей красѣ, въ 1757 году возвратился въ Петербургъ (****), гдѣ за 8-мъ лѣтъ предъ тѣмъ ему пришла только первая и почти-дѣтская мысль—о возможности русскаго театра, и онъ уже нашелъ его въ са-

---

Эсперь Иванъ Нарыкинъ; онъ же игралъ роль Береы, а воспѣ. Поповъ Евмона: музыка была набрана и приноровлена къ стихамъ самимъ Ѳ. Г. Волковымъ. *Соч.*

(*) Слова Полушкина, пересказанныя И. А. Дмитревскимъ. *Соч.*

(**) Волковъ перевелъ нѣсколько піесъ съ Нѣмецкаго и Итальянскаго, но не сочинилъ ни одной. Изъ стихотвореній его дошла до насъ одна только эпиграмма:

«Всадника хвалятъ — хорошъ молодецъ.
Хвалятъ другіе — хорошъ жеребецъ.
А я такъ примолвлю: и конь и дѣтина
Оба пригожи и оба скотина.

Соч.

(*) *Роли*: *Синавъ* Ѳ. Волковъ, *Труворъ* В. Поповъ, *Гостомыслъ* Гр. Волковъ, *Вѣстникъ* Гавр. Волковъ, *Пажъ* Ив. Соколовъ, *Ильмена* Ив. Нарыкинъ, котораго тогда же Императрица переименовала Дмитревскимъ. По не имѣнію актрисъ въ Ярославской труппѣ онъ представлялъ женскія роли, и сама Государыня, нерѣдко благоволила убирать его въ свои брилліанты. *Соч.*

(**) Екатерина II (какъ я слышалъ отъ достовѣрныхъ людей) спросила Суворова, въ чемъ состоитъ главное искусство побѣждать; побѣдитель отвѣчалъ ей: «Нужно только умѣть, *такъ, такъ*, и *когда хочешь*, подраться съ непріятелемъ, то навѣрно его побѣдишь.» — Это также, примолвила Императрица, какъ въ нашемъ Царскомъ дѣлѣ надобно заставить человѣка *хорошаго — пожелать исполнить то, что̀ ему поручаемъ*, то вѣрно это будетъ исполнено съ успѣхомъ. *Соч.*

(***) Лѣтопись Московскаго театра будетъ помѣщена послѣ Петербургскаго. *Соч.*

момъ блестящемъ видѣ: подъ главнымъ начальствомъ А. П. Сумарокова, который, съ помощію страстнаго любителя сценическаго искусства и самого прекраснаго актера, Василія Ильича Бибикова, отыскалъ на роли трагическихъ любовницъ Татьяну Михайловну Троепольскую, жену мелкаго гражданскаго чиновника. Она первая играла Семиру, къ восхищенію всѣхъ зрителей. Вскорѣ потомъ вступили на Придворный Театръ (*) Агрипина Михайловна, вышедшая замужъ за Дмитревскаго, и Авдотья Михайловна Михайловы,—обѣ превосходныя актриссы въ роляхъ, сперва служанокъ, а потомъ комическихъ старухъ; для ролей слугъ явился Украинецъ Шумскій: онъ долго забавлялъ зрителей умной, высокой и отчетистой игрой, и эта первая русская труппа, едва ли не была первою по одному только лѣтосчисленію. Репертуаръ русскій составился тогда изъ трагедій и маленькихъ комедій Сумарокова, и переводовъ, очень-хорошихъ по тогдашнему разговорному языку, всѣхъ сочиненій Мольера, Реньера, Дестуша и другихъ лучшихъ французскихъ драматурговъ; лучшіе театральные переводчики были тогда: И. П. Елагинъ, А. В. Олсуфьевъ, Темиревъ и Дмитревскій. В. И. Майковъ переложилъ въ стихи Вольтерову «Меропу». И. А. Дмитревскій утверждалъ, и съ убѣдительными доказательствами, что Императрица Екатерина II, при восшествіи на престолъ, жаловала, за услуги, оказанныя Ѳ. Г. Волковымъ, дворянское достоинство съ небольшею отчиной; но творецъ русскаго театра осмѣлился просить Ея Величество обратить сіе жалованье женатому и имѣвшему уже дѣтей брату его Герасиму; а ему позволить остаться въ избранномъ имъ состояніи, которому онъ обязанъ своей извѣстностью и самою монаршею благостью. Просьба его была Всемилостивѣйше уважена. По пріѣздѣ въ Москву для коронаціи, Государыня благоволила поручить Ѳ. Г. Волкову устройство народныхъ праздниковъ: усердствуя исполнить ея священную волю, онъ простудился, и воспалительная горячка вскорѣ похитила творца русскаго театра, перваго, и по словамъ самовидцевъ его великаго дара, лучшаго нашего трагическаго актера. Роли его занялъ Дмитревскій; Василій Поповъ перешелъ на роли благородныхъ отцовъ; Лапинъ, воспитанникъ Академіи, замѣнилъ его въ молодыхъ любовникахъ; по безвременной смерти Троепольской, вызвана изъ Москвы первая актриса Е. Ѳ. Иванова, и поступила для молодыхъ любовницъ, прелестная лицомъ и талантомъ, К. Ѳ. Баранова.

Сумароковъ былъ уволенъ отъ управленія театромъ, который оставался въ вѣдѣніи оберъ-гоффмаршала до назначенія главнымъ директоромъ Ивана Нарфентьича Елагина, извѣстнаго своими драматическими переводами и сочиненіемъ «Русской Исторіи». Управленіе же русской труппой, подъ его начальствомъ, поручено В. И. Бибикову, который оправдалъ выборъ самой Императрицы пользою, принесенною имъ вообще драматическому искусству, и особенно учрежденіемъ, въ 1779 году, по его настоянію и плану, театральнаго училища, которое сдѣлалось разсадникомъ русскихъ актеровъ.

Чиновникъ воспитательнаго дома, Книперъ, видя, что Придворный Театръ, открытый только нѣкоторому числу зрителей, не удовлетворяетъ, уже сдѣлавшейся народною, охоты къ драматическимъ зрѣлищамъ, просилъ позволенія — составить молодую театральную труппу изъ способныхъ для сцены воспитанниковъ Московскаго Воспитательнаго Дома, и открыть русское народное зрѣлище, съ платою за входъ: позволеніе даровано и разсчетъ Книпера удался. Онъ поручилъ Московскому первому актеру, И. И. Калиграфу, ученику Волкова, выбрать воспитанниковъ для актерства и танцевъ. Выборъ былъ очень счастливъ. Калиграфъ, воспитанный въ Московскомъ Университетѣ, и одаренный большимъ талантомъ и умомъ, воспользовался русской способностью ко всему: скоро удосужился

(*) Придворный театръ былъ обширно и великолѣпно устроенъ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ зданіи его противъ Адмиралтейства; хозяйственною частью заѣдывала придворная контора; билеты безъ платы, раздавались на мѣста, распредѣленныя по чинамъ и званіямъ зрителей. *Соч.*

приготовить для сцены выбранныхъ имъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ отправилъ въ Петербургъ; тамъ танцовщикъ Розети составилъ изъ способныхъ для танцевъ комическій балетъ. Киперъ нанялъ театръ, построенный на Царицыномъ лугу обанкрутившимся содержателемъ итальянской труппы, Локателіемъ, и въ немъ открылъ уже народное русское зрѣлище.

Труппа Киперa составилась очень удачно; въ ней отличались необыкновенными дарованіями: Гамбуровъ, игравшій въ началѣ первыя роли, а потомъ съ большимъ успѣхомъ благородныхъ отцовъ; его видъ, ростъ, голосъ и чувствительность соотвѣтствовали лицамъ, которыя онъ представлялъ очень естественно; Крутицкій — былъ превосходнымъ комическимъ актеромъ. Зная многіе европейскіе театры, я никого и нигдѣ не видалъ лучше его въ Мольеровыхъ комедіяхъ: *Скупомъ*, *Сганарелѣ* и *Мѣщанинѣ во дворянствѣ*; въ русскихъ же роляхъ, какъ напримѣръ, *Мельника*, *Старосты*, въ «*Лизѣ*» *Ильина*, *Цыфиркина* въ «*Недорослѣ*», *Предсѣдателя* въ «*Ябедѣ*», онъ дошелъ до возможнаго совершенства. В. Волковъ былъ очень хорошъ всѣмъ и уменъ въ роляхъ слугъ. Рахмановъ представляя настоящимъ *Бригадиромъ Фонъ-Визина* и его же *Скотининымъ*, а Волковъ казался самимъ *Ѳаддеемъ*, въ «Сѣтенщицѣ» Я. Б. Княжнина. Актрисы Киперова театра не ровнялись дарованіемъ съ актерами, кромѣ одной Х. Ѳ. Рахмановой, сдѣлавшейся изъ очень-посредственной театральной любовницы превосходной комической старухой, а особливо въ русскомъ провинціальномъ и крестьянскомъ бытѣ. Комическіе балеты, поставляемые Розетіемъ, очень забавляли зрителей, а ученики его, Бакимовъ и Лаврентій, были очень хорошими гротесками и удивляли легкостью и высотой своихъ прыжковъ. Башиловъ прославилъ себя русскою пляскою (*).

Въ 1783 году іюня 23, Именнымъ указомъ Императрицы Екатерины Второй, назначены пенсіоны актерамъ, танцовщикамъ и музыкантамъ придворныхъ театровъ, выслуживавшимъ 20 лѣтъ.

Успѣхи Киперова предпріятія ясно доказали потребность зимняго увеселенія для петербургскихъ жителей, во время ихъ досуговъ: генералъ-квартермейстеръ Бауръ получилъ Высочайшее повелѣніе выстроить на Никольской площади большой каменный театръ, который былъ готовъ въ 1784 году; Императрицѣ угодно было учредить для его открытія и управленія, по хозяйственной и художественной части, комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Адама Васильевича Олсуфьева; членами его назначены: П. И. Мелиссино, Князь Н. А. Голицынъ, А. И. Даваль, П. Н. Мятлевъ и Н. А. Соймоновъ, и въ томъ же году, открытъ уже народный русскій театръ, и хотя съ назначеніемъ платы за входъ и мѣсто, но съ сохраненіемъ названія придворнаго (**).

(*) Итальянецъ танцовщикъ Дероси вывелъ на сцену русскую пляску, и ею восхитилъ русскихъ зрителей; съ нимъ плясала русская актриса К. ●. Баранова, одаренная необыкновенною прелестью. *Соч.*

(**) Съ уничтоженіемъ дворцоваго театра и открытіемъ народнаго, начинается эпоха существованія русскаго театра. *Соч.*

КН. А. ШАХОВСКОЙ (*).

(*) Редакція «Репертуара Русскаго Театра» считаетъ величайшимъ для себя удовольствіемъ то, что она могла наконецъ представить начало объщанной «Исторіи Русскаго Театра», Кн. А. А. Шаховскаго, такъ-нетерпѣливо всѣми ожидаемой. Изъ современныхъ русскихъ литераторовъ едва ли кто другой можетъ сообщить фактовъ и матеріаловъ для исторіи русскаго театра болѣе, нежели почтенный авторъ этой статьи. Начатое надѣется продолжать безостановочно.

СМѢСЬ.

КУПЛЕТЫ.

КОЛОДА КАРТЪ.

Мой умъ колода картъ. — «Вотъ вздоръ!
«Но, знать, не первато разбора!»
Прибавитъ, въ видѣ приговора,
Журнальной партіи *Матадоръ*;
Вамъ, господа, и книги въ руки!
Но съ вашей легкой мнѣ руки,
Спасибо вамъ, — могу отъ скукн
Играть въ *носки* и въ *дураки*.

Въ моей колодѣ по мастямъ
Разсортированы всѣ люди:
Сдаю я *желуди* иль *жолуди*
По вислоухимъ игрокамъ;
Есть *бубны* славнымъ за горами;
Вскрываю *пики* для друзей;
Живо-усопшими творцами
Я вдоволь лакомлю *червей*.

На выдержку-ль играть начну,
Трещитъ *банкъ* глупостей союзныхъ,
И банкометъ, изъ самыхъ грузныхъ,
Не усидитъ, когда начну;
Смѣшлются, берутъ съ испуга
Вновь дольщиковъ въ игру свою...
Богъ помощь имъ топить другъ друга,
А я ихъ гуртомъ всѣхъ топлю.

Что мысли? Выдержки ума! —
А у кого задержки въ этомъ?
Тотъ засдается, вѣкъ съ лабетомъ
Въ игрѣ и рѣчи и письма;
Какой ни сдѣлаетъ попытки,
А глупость срѣжетъ на просакъ.
Онъ проиграется до питки,
И выйдетъ на-чисто дуракъ.

Вотъ партіи дамской игрочки,
Друзья — два бѣдные Макара:
На нихъ отъ каждаго удара
Валятся шишки и щелчки:
Одинъ, съ поблекшими цвѣтами,
Съ *послѣдней жертвой*, на мель сталъ;
Тотъ мѣломъ — бѣлыми стихами —
Записалъ свой проигрышъ въ журналъ.

Игра честей въ большомъ ходу;
Въ нее играть не всѣмъ здорово:
Играя на честное слово,
Какъ разъ наскочишь на бѣду.
Тотъ ставитъ свѣчку злому духу,
Въ-прокъ не пойдетъ того казна,
Кто легкоумье ловитъ въ *муху*,
Чтобъ дѣлать изъ нея слона.

Не суйтеся къ большимъ тузамъ,
Вы мнѣ подъ пару недоростки:
Игрушки кошкѣ, мышкѣ слезки,
Давно твердитъ разсудокъ намъ;
Поищемъ по себѣ игорку,
Да игроковъ подъ нашу масть:
Кто не по силамъ лѣзетъ въ *горку*,
Тотъ можетъ и въ-просакъ попасть.

А какъ играть тому съ плеча,
Кто заручился у фортуны;
Онъ лука натянн всѣ струны
И бей всѣ взятки съ горяча.
Другой ведетъ разсчетъ, и строгій,
Но за безсчетныхъ счастье Богъ,
И тамъ, гдѣ умный *выйгралъ ноги*,
Тамъ дурачокъ всѣхъ срѣзалъ съ ногъ.

Бѣднякъ, дуракъ и намъ съ руки,
Заброшенный въ народной давкѣ,
У счастья и у всѣхъ въ оставкѣ,
Кнмъ развѣ могъ играть въ *плевки*;
Теперь онъ стеръ успѣховъ губкой
Все, чѣмъ обчелся въ старшу,
Въ игрѣ коммерческой съ прикупкой
Онъ вскрылъ удачно на жену.

Друзья! Кто хочетъ быть уменъ,
Тотъ по пословицѣ поступитъ:
Продастъ онъ книги, карты купитъ;
Такъ древле нажилъ умъ Семенъ.
Умъ въ картахъ — соглашусь охотно!
Въ ученомъ мірѣ видимъ сплошь,
Домъ книгами набитъ, и плотно,
Да картъ не сыщешь ни на грошъ.

Памфилъ пустая голова!
Ты игрокомъ себя не числи:
Не вскросишь ты на козырь мысли,
Какъ ни тасуй себѣ слова.

Не такова твоя порода,
Игрой ты не убьешь бобра:
Твой умъ и полная колода,
Я знаю, но не картъ игра.

Кн. Вяземскій.

ИМЯ.

(*Изъ комедіи-водевиль: Старое и молодое.*)

ОЛИВЬЕРЪ.

Тотъ имя заслужилъ ногами,
Тотъ всѣмъ обязанъ головѣ;
Тотъ вышелъ въ люди подъ шатрами,
А тотъ женитьбой на вдовѣ.
Тотъ имя замаралъ доносомъ;
Иной бумагу сталъ марать,
И сталъ не съ именемъ, а съ носомъ,
За то, что имя далъ въ печать.

ВИКТОРЪ.

Забавенъ свѣтъ, хоть очень топокъ:
Иная матушка твердитъ,
Что дочь ея еще ребенокъ,
Но не ребенкомъ дочь глядитъ;
Вотъ по какой ошибкѣ страшной
Намъ нѣжность къ имени смѣшна:
Иную звать пора бы *Анной*,
А все *Анеточка* она.

Г-ЖА ЛИНСБУРГЪ.

Иной, кого совсѣмъ не знали,
Старушкамъ угождалъ весь вѣкъ;
За то онѣ всѣдѣ кричали,
Что онъ предобрый человѣкъ.
За то угодникъ ихъ невинной
Невѣсту взялъ, и взялъ свое,
Хоть имя доброе въ гостиной —
Вы знаете, бываетъ чье?...

АЛЬФОНСЪ.

Иныя имена, какъ часто,
Меня забавили подчасъ!
Игралъ въ вистъ по полтораста,
Иной сталъ съ именемъ у насъ.
И люди знатные всѣ дружно
Его зовутъ по вечерамъ;
Тому быть съ именемъ не нужно,
Чье имя славно по душамъ.

БРЮКСЕЛЬ.

Кто съ именемъ, тотъ къ счастью близокъ;
Оно дастъ и ходъ и вѣсъ;
Иной былъ съ именемъ такъ низокъ,
А онъ въ большіе люди влѣзъ! —
Мы цѣнимъ только блескъ наружный,
И къ нему лишь ходимъ на поклонъ.

МИХЕЛЬ, слуга.

Какая пестрота на свѣтѣ!
Какое множество именъ!
Иной пѣшкомъ, иной въ каретѣ,
Тотъ князь, тотъ графъ, а тотъ баронъ...
Лишь я одинъ, — ну, право, чудо! —
Живу безъ имени весь вѣкъ,
Хоть называюсь я не худо:
Мое вѣдь имя — «*человѣкъ!*»

МАТИЛЬДА, къ публикѣ.

Здѣсь имя лишь того прекрасно,
Кто можетъ васъ привлечь сюда,
Кому вы здѣсь единогласно
Крикните *браво* иногда!
Здѣсь дарованью нѣтъ замѣны,
Здѣсь безъ него конецъ худой —
И имя доброе со сцены
Какъ трудно принести домой.

П. Павловъ.

ТРИ НАСЛАЖДЕНІЯ (*).

(*Пѣсня изъ комедіи: Лукавецъ.*)

Три наслажденья въ жизни нашей, —
Они равно извѣстны мнѣ:
Играть, любить, и съ полной чашей
Искать премудрости въ винѣ.
Одно другимъ я замѣнялъ,
И, разорясь отъ игроковъ,
Я карты на любовь мѣнялъ, —
Мнѣ *дамы* платятъ за *тузовъ*.

Влюблялась я, но безъ усилья
Могу любить и перестать:
На что жъ у купидона крылья,
Какъ не на то, чтобы летать?
Хоть постоянство входитъ въ моду,
Но вѣтреность милѣе мнѣ:
Иныхъ любовь бросаетъ *въ воду*,
А *я* — любовь топлю *въ винѣ*.

Иному горъ алмазныхъ мало,
Бутылкою доволенъ я...
Другихъ не трогаю, такъ, стало,
Никто не тронетъ и меня...
Живу спокойно, сытно, смѣло, —
Мной *день вчерашній* позабытъ;
Да *завтра* мнѣ какое дѣло?
А *нынче* — мнѣ принадлежитъ!

А. Писаревъ.

(*) На дняхъ комедія «Лукавецъ», хотя и неновая, будетъ разъиграна на петербургской сценѣ. Для читателей «Репертуара», безъ сомнѣнія, будетъ очень пріятно вспомнить эту прекрасную пѣсню, которую, во время оно, въ Москвѣ, такъ хорошо пѣвалъ незабвенный Булаховъ. *Ред.*

ОБѢДЪ.

(*Изъ не-играннаго водевиля: Литературный Обѣдъ.*)

СУРМИЛОВЪ.

Въ нашъ вѣкъ, повѣрьте, господа,
Обѣдъ есть дѣло не пустое,
И чрезъ обѣды завсегда
Во всемъ успѣть мы можемъ вдвое.
Хотите ли имѣть секретъ,
Какъ предпріятіе упрочить?
Не надобно людей морочить —
Давайте чаще имъ обѣдъ.

БАБОЧКИНЪ.

Обѣдъ васъ выведетъ и въ знать,
Обѣдъ и крестъ, и чинъ достанетъ:
Не всякій станетъ взятки брать,
А ужъ обѣдать всякій станетъ.
Чуть лишь въ судѣ успѣха нѣтъ —
Судью къ себѣ вы позовите,
Да хорошенько угостите —
Во всемъ успѣетъ вашъ обѣдъ.

ШУМСКІЙ.

У насъ, въ Москвѣ, былъ знатный плутъ,
Игрокъ, отъявленный картежникъ:
Въ словахъ своихъ смѣшенъ, какъ шутъ,
А въ обращеньи — какъ сапожникъ.
Извѣстно всѣмъ — въ немъ чести нѣтъ,
Да нѣтъ ему о тотъ заботы:
Онъ знаетъ, что въ его *субботы*
Сходиться будутъ на обѣдъ.

ИВОЛГИНЪ.

Въ журнальномъ мірѣ, господа,
Обѣдъ играетъ роль большую:
Какъ средство вѣрное всегда,
Я взялъ его рекомендую:
Хотите выдать книгу въ свѣтъ,
Успѣхомъ мирно наслаждаться —
Вамъ стоитъ только догадаться
И журналистамъ дать обѣдъ.

ШПИЦИГЕРЪ, глазами указывая на Иволгина.

Да, точно: видишь — авторъ пустъ,
Ума на грошъ въ немъ не найдется,
А похвалы съ журнальныхъ устъ,
Ему, какъ медъ, вотъ такъ и льются.
Злодѣй отлично понялъ свѣтъ,
И всю эпитейскую науку:
Онъ выкинулъ простую штуку,
Да — журналистамъ далъ обѣдъ.

АНЕТА, къ публикѣ.

Мы здѣсь на скромный нашъ обѣдъ
Созвали васъ безъ церемоній:
Послѣ вина живой куплетъ,
Какъ дымъ восточныхъ благовоній...
Въ обѣдѣ нашемъ *соли* нѣтъ —
Какъ быть? Вы насъ простите въ этомъ...
Но впрочемъ вы *своимъ куплетомъ*
И нашъ прикрасите обѣдъ!

Межевичъ.

НЫНѢШНІЕ ГЕНІИ.

(*Изъ водевиля: Родственники.*)

Ахъ, въ нашемъ свѣтѣ геніемъ
Кого не назовутъ,
И дураки съ имѣніемъ
За геніевъ слывутъ.

Иной студентъ на лекціи
Ни разу не ходилъ,
А все черезъ протекцію
Онъ геніемъ прослылъ.

Когда актеръ трагическій
Удавленнымъ ревѣтъ,
Онъ въ труппѣ драматической
За генія слыветъ.

Кто съ стойческимъ терпѣніемъ
У знатныхъ былъ въ слугахъ,
Тотъ, вѣрно, будетъ геніемъ
Въ чинахъ и орденахъ.

Тотъ на полѣ сраженія
И мухи не убилъ,
А въ свѣтѣ имя генія
Женою заслужилъ.

Григорьевъ 2-й.

НАСЛѢДНИКИ.

(*Изъ того же водевиля.*)

Когда наслѣдникъ пожилой
Себѣ имѣнье получаетъ,
Бѣжитъ въ ломбардъ съ своей казной,
И тамъ всѣ деньги оставляетъ, —
Потомъ покойника ругаетъ.

Но если баринъ молодой
Въ числѣ наслѣдниковъ бываетъ,
Довольно ночи тутъ одной:
Наслѣдство въ карты проиграетъ, —
Потомъ покойника ругаетъ.

Иной чудакъ, когда умретъ,
Женѣ имѣнье оставляетъ,
А та любовника возьметъ
И все, что было, прожываетъ, —
Потомъ покойника ругаетъ.

ВСѢ БАЛУЮТЪ.

(*Изъ водевиля: Матушкина Дочка.*)

Сколько насъ ни критикуютъ,
Какъ ни учатъ, ни бранятъ,
Но однако жъ, всѣ балуютъ,
Всѣ по своему шалятъ:
Баринъ, на балахъ танцуетъ,
И балуется въ гостяхъ,
А слуга, — въ дому балуетъ,
И воруетъ, такъ что страхъ!

Сыновей отецъ балуетъ,
А захочетъ въ руки взять,
То всегда одно толкуетъ:
Стыдно, дѣти, баловать!
Но, про матушекъ толкуютъ,
Что онѣ — смѣшно сказать! —
Для того и существуютъ,
Чтобы дочекъ баловать:

Наряжаютъ, учатъ, мучатъ,
И танцуютъ и шалятъ,
Падать въ обмороки учатъ,
Всѣ искусства имъ внушатъ;
Послѣ матушкина дочка
Какъ балуетъ? что творитъ?
Подлѣ баловня-сыночка
Преплѣнительно шалитъ!

Мужъ жену свою цалуетъ, —
И жена счастлива съ нимъ,
Мужъ ушелъ — она балуетъ
И амурится съ другимъ;
Игроки на все рискуютъ,
И на выигрышъ кутятъ,
А какъ все ужъ пробалуютъ —
Отыграться лишь хотятъ.

Всѣ балуютъ — и толкуютъ,
Что не должно баловать!
Но ужъ судьи — такъ балуютъ,
Что нельзя ничѣмъ унять;
Такъ какъ насъ ни критикуютъ,
Какъ ни учатъ, ни бранятъ,
Но, однако жъ всѣ балуютъ,
Всѣ по своему шалятъ.

Григорьевъ 1-й.

АНЕКДОТЫ.

ДВА БРАТА.

Были два брата — одинъ актеръ, другой юристъ и судья. Разъ они заспорили между собою такъ, что разговоръ завязался довольно крупный.

— Да что ты, братецъ, за человѣкъ! сказалъ одинъ изъ нихъ: за рубль всякой можетъ тебя видѣть.

— Это правда, отвѣчалъ артистъ: я очень дешевъ, а къ вамъ, такъ съ *рублемъ* и не показывайся.

ГЛУХОЙ ТЕАТРЪ.

При одной заѣзжей провинціялкѣ разсказывали въ обществѣ о большомъ Петровскомъ Театрѣ, въ Москвѣ, и между прочимъ замѣтили, что онъ очень глухъ. Случилось на другой день барынѣ этой быть въ театрѣ; она сидѣла въ одной изъ самыхъ ближайшихъ ложъ къ сценѣ. Давали какой-то балетъ. Барыня сидѣла, сидѣла, наконецъ, потерявъ терпѣніе, воскликнула громогласно: «Ахъ, какъ это несносно! Можно ли строить такой *глухой* театръ! Вѣдь сижу, кажется, близко, а ни слова не слышу!..»

ПРОСТОДУШНЫЙ ОТВѢТЪ.

Одинъ провинціяльный актеръ, который любилъ иногда, для большаго одушевленія во время игры, выпить лишнюю рюмку вина, явился разъ въ театръ въ веселомъ расположеніи духа, передъ самымъ спектаклемъ, въ которомъ онъ долженъ былъ играть.

— Любезный другъ, замѣтилъ ему содержатель театра: у тебя кажется есть *тутъ* порядочно.— Онъ указалъ на голову.

— Да, отвѣчалъ актеръ простодушно: дай Богъ, чтобъ у васъ было столько же.

ОСТРОУМНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ.

Водевильный актеръ Л., занимавшій роли молодыхъ повѣсъ и шалуновъ, очень любилъ шампанское, и если когда въ піесѣ представлялся случай — пить на сценѣ шампанское, онъ не хотѣлъ упускать этого случая и требовалъ отъ содержателя театра, чтобы шампанское было настоящее.

— Да для чего же это настоящее шампанское, мой милый? спрашивалъ его содержатель театра.

— Для того, чтобъ было натуральнѣе: если въ піесѣ говорится про шампанское, такъ и должно быть шампанское.

Э, мой милый! отвѣчалъ содержатель: въ трагедіи *Коварство и Любовь* говорится, что Фердинандъ выпиваетъ ядъ, а между тѣмъ онъ пьетъ не болѣе, какъ простую воду, а это кажется очень патуральнымъ.

НАХОДЧИВОСТЬ АКТЕРА.

Находчивость въ критическую минуту, когда актеръ забудетъ, напримѣръ, роль, или черезъ другаго долженъ впасть въ какую нибудь несообразность, есть важное качество для актера, драгоцѣнное пособіе и для него самого и для его товарищей.

Г. Лепскій, московскій актеръ, занимая роль мужа въ водевилѣ, *Мужъ, какихъ мало, жена, какихъ много*, въ той сценѣ, когда онъ пріѣзжаетъ изъ сената домой, долженъ принесть съ собою письмо, безъ котораго сцена эта никакъ не можетъ обойдтись; разъ, играя эту роль, онъ, по несчастію, забылъ захватить съ собою письмо, и вспомнилъ объ немъ уже въ то время, когда сказалъ про письмо, и полѣзъ за нимъ въ карманъ. Письма нѣтъ, но эта неудача его нисколько не смѣшала.

— Виноватъ, говоритъ онъ, обращаясь къ *Вѣрѣ Александровнѣ* (г-жа Орлова): забылъ письмо въ каретѣ и тотчасъ велю его принести.

Съ этимъ словомъ онъ выбѣгаетъ и велитъ подать себѣ письмо.

— Ахъ, какой разсѣянный! замѣчаетъ *Вѣра Александровна*, оставшись одна на сценѣ: и это съ нимъ всегда такъ случается...

Изъ зрителей никто почти не замѣтилъ ошибки актера.

Вотъ еще случай: на Московскомъ театрѣ давали пьесу *Ложная Мелодія;* водевильэтотъ, по какимъ-то обстоятельствамъ, былъ поставленъ наскоро, дня въ два, такъ что артисты рѣшительно не успѣли выучить ролей своихъ. Г. Живокини, занимавшій, не помнимъ какую роль, умѣлъ превосходно скрыть отъ публики, что піеса разучена негораздо: въ его роли есть слово «*amoroso*», которое онъ подслушалъ у пѣвицъ и затвердилъ хорошо. Какъ скоро выйдетъ остановка или замѣшательство, Живокини тотчасъ съ комическими видомъ запоетъ «*amoroso*»: публика захохочетъ, а актеры между тѣмъ поправятся.

Недавно, во время представленія на Александрійскомъ театрѣ *Сидичкина*, актеръ, занимавшій роль лакея или кого-то въ этомъ родѣ, въ второмъ актѣ, передъ началомъ репетиціи на сценѣ, хотѣлъ поставить на самой авансценѣ стулъ, для содержателя театра и для автора, но, по неосторожности, задѣлъ и разбилъ стуломъ лампу.

Г. Григорьевъ 2-й, занимавшій роль содержателя театра, очень-ловко вывелъ и его изъ замѣшательства, и самъ нашелся очень-хорошо и кстати для своей роли: онъ ударилъ нѣсколько разъ по затылку этого неловкаго малаго и сказалъ: — Экой болванъ! вѣчно напакоститъ! Я тебѣ намылю шею, негодяй!

Публика приняла этотъ забавный фарсъ съ громкими рукоплесканіями.

НЕКРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Горестную утрату понесла московская опера въ лицѣ своего лучшаго артиста *И. В. Лаврова*, скончавшагося 25-го мая. Это потеря незамѣнимая!... Примѣрный семьянинъ, превосходный талантъ, въ полномъ цвѣтѣ жизни... ужасно и подумать. За девять дней до смерти своей игралъ онъ въ *Робертѣ* и былъ здоровъ; вдругъ занемогъ первическою горячкою и воспаленіемъ въ мозгу, и въ нѣсколько дней его не стало. — Московская опера осиротѣла совершенно: Лавровъ умеръ, Бантышевъ оставилъ театръ — нѣтъ двухъ первыхъ талантовъ, и послѣ нихъ никого — рѣшительно никого!...

Въ слѣдующей книжкѣ «Репертуара» надѣемся сообщить его біографію.

9721 9829

СОДЕРЖАНІЕ 1-го ТОМА.

1. ДРАМЫ И ТРАГЕДІИ.

1. Дѣдушка и внучекъ, драм.-вод. въ 2 д. Н. А. Коровкина. (Кн. — 1.)
2. Параша Сибирячка, драма въ 2 д., съ Эпилогомъ, соч. Н. А. Полеваго. . . . . (Кн. — 2.)
3. Гамлетъ, Принцъ Датскій, соч. Шекспира, пер. Н. А. Полеваго. . . . . (Кн. — 2.)

2. КОМЕДІИ И ВОДЕВИЛИ.

1. Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком.-вод. въ 5 д., Д. Т. Ленскаго. . . . . (Кн. — 1.)
2. Ножка, вод. въ 1 д., перев. П. А. Каратыгина. . . . . (Кн. — 2.)
3. Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д., перев. Григорьева 1. (Кн. — 4.)
4. Харьковскій Жених, или Домъ на двѣ улицы, вод. въ 2 д., Д. Т. Ленскаго. . . . (Кн. — 5.)
5. Катерина, или Золотой Крестикъ, ком.-вод. въ 2 д., пер. П. С. Ѳедорова. . . . . (Кн. — 5.)
6. Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, или день рожденія Русскаго Театра, анекдотическая ком.-вод. въ 3 д.; соч. Князя А. А. Шаховскаго. . . . . (Кн. — 6.)
7. Капризы влюбленныхъ, или не суйся въ воду, не узнавши броду, вод. въ 1 д., соч. П. С. Ѳедорова. . . . . (Кн. — 6.)

3. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

1. *Біографія* В. И. Рязанцова соч. Н. П. Мунда. . . . . (Кн. — 1.)
2. *Воспоминаніе о Русскомъ театрѣ*, соч. Н. А. Полеваго. (Кн. — 2.)
3. *Панорамической взглядъ* на современные театры въ С. Петербургѣ, или критическіе очерки театральной публики, драматическихъ актеровъ и писателей, соч. Ѳ. В. Булгарина. . . . . (Кн. — 3.)
4. *Біографія* Балетмейстера К. А. Дидло, соч. Н. П. Мунда. (Кн. — 3).
5. И мои воспоминанія отеатрѣ, соч. Р. М. Зотова. ст. 1-я . (Кн. — 4.)
6. *Некрологія* Сабурова, соч. А. Р—ъ. . . . . (Кн. — 4.)
7. Очеркъ Поэзіи драматической, соч. Н. И. Греча. . . . . (Кн. — 5.)

4. ИСТОРІЯ РУССКАГО ТЕАТРА.

1. Лѣтопись Русскаго Театра. (Вступленіе) соч. Князя А. А. Шаховскаго. . . . . (Кн. — 6.)

5. ХРОНИКА ТЕАТРОВЪ.

1. Хроника Петер. и Московскаго Театра. . . . . (Кн. — 1.)
2. Хроника Петербур. театра. (Кн. — 2.)
3. Хроника Петербургскаго и Московскаго Театра. . . . . (Кн. — 3.)

6. МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

1. Обозрѣніе концертовъ, данныхъ въ продолженіе великаго поста. . . . . (Кн. — 1.)

7. ТЕАТРАЛЬНЫЕ АНЕКДОТЫ.

1. Масляница. 2) Студентъ въ 50 лѣтъ. 3) Жалкій отецъ. 4) Свои семьи. 5) Дебютантка. 6) Авторъ на Репетиціи. 7) Паденіе піесы. 8) Роль въ карманѣ. 9) Трагикъ и комикъ. 10) Закулисная Лампа. 11) Платокъ. 12) Актеръ съ неумышленной жалобой къ публикѣ на содержателя театра. 13) Театральный Народъ. 14) Лета и Лѣто. 15) Меломанъ. 16) Любитель Театра изъ мучнаго магазина съ Охты. . . (Кн. — 1)
17. Неудобство большаго театра. 18) Любитель и знатокъ музыки. 19) Медикъ и Критикъ. 20) Первые Актеры. 21) Неровный полъ. 22) Синичкинъ. (Кн. — 2.)
23. Актеръ безъ дупли. 24) Актеръ и Критикъ. 25) Хамелеонъ.

26) Удивительные зубы. 27) Александрийские Стихи. 28) Трагедія Шекспира. 29) Актеръ, вѣрный своей роли. 30) Актеръ и Режиссеръ. 31) Великолушное мщеніе. 32) Литераторъ и Актеръ. . . . . (Кн. — 3.)

33. Комедія и Трагедія. 34) Кто старѣе? 35) Утѣшительный совѣтъ. 36) Остроумная насмѣшка. 37) Безденежное представленіе. 39) Театръ безъ шикальщиковъ. . . . . (Кн. — 4.)

40. Два брата. 41) Глухой театръ. 42) Простодушный отвѣтъ. 43) Остроумное замѣчаніе. 44) Находчивость Актера. . (Кн. — 6.)

9. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОДЕВИЛЬНЫЕ КУПЛЕТЫ, РОМАНСЫ, ПѢСНИ И ПР.

1. Мнѣніе стараго слуги о нынѣшнихъ людяхъ. 2) Оправданіе старика, котораго укоряютъ въ пасмѣшливости. 3) Женская любовь. 4) Мнѣніе провинціала о танцахъ. 5) Достоинство образованости уѣзднаго города. . . . . (Кн. — 1.)

6. Выгода и невыгода отъ женитьбы. 7) Удобная квартира. 8) Все пойдетъ на оборотъ. 9) Фракъ. (Пѣснь Беранже). 10) Вѣкъ изобрѣтеній. 11) Храбрый на словахъ. 12) Тюрьма. 13) Опытный человѣкъ. 14) Выгода большихъ городовъ для мужей. . . . (Кн. — 2.)

15. Лакейское житье. 16) Портретъ жены, нарисованный на табакеркѣ. 18) Талантъ свое возьметъ. 19) Красота и деньги. 20) Помощникъ Прокурора. 21) Судейская справедливость. 22. Богъ съ вами! (Романсъ.) 23. Философскій взглядъ на свѣтъ, (Малороссійская пѣсня Сковороды.) 24) Дѣло Мастера боится. 25) Надгробіе А. С. Яковлеву. (Кн. — 3.)

26. Хлопоты танцовальнаго учителя. 27 Невыгода быть близорукимъ. 28 Столичныя жены 29. Модный Дамскій докторъ. 30. Бѣда отъ баловъ. 31 Повивальная бабушка. 32. Къ.... 33. Невѣрь, Романсъ. (Кн. — 4.)

34. Сплетни. 35. Въ чужомъ пиру похмѣлье. . . . . (Кн. — 5.)

36. Колода Картъ. 37. Имя. 38. Три наслажденія. 39. Литературный обѣдъ. 40. Нынѣшніе геніи. 41. Наслѣдники. 42. Всѣ балуютъ. . . . . (Кн. — 6.)

9. МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПІЭСЫ.

1. Угадай! Попурри - Вальсъ, составленный изъ лучшихъ вальсовъ Штрауса, Ланнера, Лабицкаго Г-мъ Боле. . (Кн. — 1.)
2. Романсъ; Прости меня! Слова соч. А. И. Булгакова, музыка, П. С. Ѳедорова. . .
3. Французская кадриль, изъ балета Морской Разбойникъ. Кн- — 3.)
4. Экспромтъ, соч. Тальберга.

10. КАРТИНКИ.

(Сцены изъ піэсъ.)

1. Сцена изъ 2-го дѣйс. оперы Бронзовый конь. Гравированная на мѣди Г. Намо, рисованная Штернберхомъ. . (Кн. — 1.)
2. Сцена изъ драмы: Дѣдушка Русскаго Флота, гравированная Эльвалемъ, рисованная Г. Самойловымъ.
3. Сцена изъ комедіи Ревизоръ.

11. СМѢСЬ.

Театральныя извѣстія, слухи, отрывки изъ комедій, извѣстія о пріѣзжающихъ артистахъ, и проч.

12. ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАРЪ.

Всѣхъ игранныхъ піэсъ, какъ на С. Петербургскомъ, такъ и на Московскомъ театрахъ, съ 1-го декабря 1839 по 25 Февраля 1840 года.